

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Эдмонд Гамильтон

ДЕТИ СОЛНЦА

**Сборник фантастики,
дополненный иллюстрациями,
из первых журнальных публикаций**

выпуск 1

**серия
«НИГДЕ НЕ КУПИШЬ»
2020 год
2**

Публикации и иллюстрации:

Weird Tales, August 1926Life—Line •
The Monster-God of Mamurth •
interior artwork by G. O. Olinick

Weird Tales, December 1926
The Metal Giants •
Cover, interior artwork by Joseph Doolin

Weird Tales, March 1927
Evolution Island •
interior artwork by G. O. Olinick

Weird Tales, February 1927
The Atomic Conquerors •
interior artwork by G. O. Olinick

Wonder Stories, April 1931
The Man Who Evolved •
Cover, interior artwork by Frank R. Paul

Wonder Stories, February 1932
A Conquest of Two Worlds •
interior artwork by Frank R. Paul
Startling Stories, January 1948
interior artwork by uncredited

Wonder Stories, May 1933
The Island of Unreason •
interior artwork by Frank R. Paul
Startling Stories, Spring 1945
interior artwork by uncredited

Weird Tales, March 1934
Thundering Worlds •
interior artwork by H. R. Hammond

Weird Tales, February 1934
The Man Who Returned •
interior artwork by Jayem Wilcox

Astounding Stories, July 1935
The Accursed Galaxy •
interior artwork by Elliott Dold, Jr.

Weird Tales, May 1936
Child of the Winds •
interior artwork by Virgil Finlay

Weird Tales, March 1936
In the World's Dusk •
interior artwork by Virgil Finlay

Amazing Stories, December
Devolution •
interior artwork by Leo Morey

Weird Tales, April 1937
Fessenden's Worlds •
interior artwork by Virgil Finlay

Weird Tales, March 1937
The Seeds from Outside •
short story by Edmond Hamilton

Weird Tales, July 1938
He That Hath Wings •
novelette by Edmond Hamilton
Fantastic Stories of Imagination, July 1963
interior artwork by Virgil Finlay

Thrilling Wonder Stories, April 1938
Easy Money •
interior artwork by H. W. Wesso

Weird Tales, May 1938
The Isle of the Sleeper •
interior artwork by Virgil Finlay
Weird Tales, May 1951
interior artwork by M. J. Baylor

Thrilling Wonder Stories, September 1940
The Night the World Ended •
interior artwork by uncredited

Super Science Stories, May 1943
Exile •
interior artwork by Leo Morey

Weird Tales, July 1945
The Inn Outside the World •
interior artwork by Boris Dolgov

Startling Stories, Spring 1946
The Dead Planet •
interior artwork by Leo Morey

Weird Tales, September 1946
Day of Judgment •
interior artwork by Boris Dolgov
Cover by Pete Kuhlhoff

Thrilling Wonder Stories, April 1949
Alien Earth •
interior artwork by Vincent Napoli

Thrilling Wonder Stories, December 1952
What's It Like Out There? •
interior artwork by Paul Orban

Startling Stories, May 1950
Children of the Sun •
interior artwork by Paul Orban

Amazing Stories, April 1962
Requiem •
interior artwork by Leo Summers

Fantastic Stories of Imagination, December 1963
After a Judgement Day •
interior artwork by Virgil Finlay
Cover by Paul E. Wenzel

The Magazine of Science Fiction, October 1964
The Pro •
short story by Edmond Hamilton

Thrilling Wonder Stories, October 1940
Murder Asteroid •
short story by Edmond Hamilton
interior artwork by uncredited

Startling Stories, July 1950
The City at World's End •
interior artwork by Virgil Finlay
Cover by Earle Bergey

Startling Stories, July 1948
The Valley of Creation •
interior artwork by Virgil Finlay

Ознакомительный тираж: 1 экземпляр.

Работа с текстом: by Petr

Идея и работа с иллюстрациями: by formally.

Увидеть человека, одиноко бредущего в пустынях Северной Африки, явление крайне редкое и необычное. Вот почему я и Митчелл подскочили, словно ужаленные, издав возглас изумления, когда он, появившись в неверном отблеске пламени нашего костра, зашатался и рухнул на песок.

В первые минуты, пока мы приводили путника в чувство, я был уверен, что он вот-вот отдаст концы, не приходя в себя. Однако постепенно нам удалось вернуть его в сознание. В то время, как Митчелл подносил к его пересохшим губам флягу с водой, я осмотрел беднягу и понял, что долго он не протянет. Его одежда превратилась в лохмотья, руки и колени были страшно изодраны, будто ему пришлось проползти по пустыне не один километр. Когда он слабым жестом попросил ещё воды, я, не раздумывая, выполнил его просьбу — все равно конец бедняги близок, а хуже от этого не будет. Вскоре он еле слышно заговорил, бесцветным и хриплым голосом:

— Я один, — ответил он на наш первый вопрос. — Никого больше искать не нужно. Кто вы? Торговцы? Да, конечно... А я археолог...Копаюсь в прошлом... Не всегда хорошо рыться в давно погребенных тайнах. Есть вещи, которые прошлому должно иметь право свято оберегать от огласки.

Он заметил, как мы с Митчеллом переглянулись.

— Нет, не считайте меня сумасшедшим. Вы все сейчас узнаете, я ничего от вас не утаю. «Лучше хорошенько выслушайте меня», — сказал он вдруг окрепшим голосом, рывком приподнимаясь на руках. — Никогда, слышите, никогда не ходите в пустыню Ижиди. Меня тоже предупреждали об этом, но я пренебрег предостережением... И познал ад, побывал в сущей преисподней! Но теперь... Расскажу—ка вам обо всем с самого начала.

— Меня зовут... впрочем, это не суть важно. Я покинул Могадор более года назад, прошел горами Атлас в надежде открыть некоторые, еще неизвестные науке развалины Карфагена, возможно, ещё уцелевшие в Сахаре.

— На эти поиски у меня ушло много месяцев. Где только не побывал я за это время — жил в грязных арабских лачугах, рядом с каким-нибудь оазисом, забирался в совершенно неизведанные дыры. Чем дальше я углублялся в эти дикие края, тем больше обнаруживал развалин, остатков рухнувших храмов и замков, едва сохранившихся реликвий тех времен ,когда Карфаген был империей, городом, окруженным высоченными стенами, властвовавшим над всей Северной Африкой. И однажды нашел то, что подтолкнуло меня отправиться в пустыню Ижиди. А именно: обнаружил огромный каменный блок, на одной из граней которого была выгравирована загадочная надпись.

— Она была исполнена на дурном финикийском наречии торговцев из Карфагена и достаточно коротка, чтобы запомниться. Так что я в состоянии повторить её слово в слово. Вот что там было высечено:

"Братья торговцы! Да не ступит нога ваша в проклятый город Мамурт, покоящийся за перевалом. Я, Сан-Драбар из Карфагена, вместе с четырьмя товарищами, вошел в него в месяц Эшмуна для ведения торговых дел. На третью ночь нашего там пребывания меня и спутников внезапно схватили местные жрецы. К счастью, я ускользнул от них, удачно спрятавшись. Но мои друзья были принесены в жертву чудовищному божеству, в честь которого мудрецы Мамурта возвели огромный храм, равного которому нет во всем мире. В нем жители города совершают культовые обряды. Я смог кое—как выбраться из этого проклятого места и выбиваю на камне сие строки, дабы никто не вздумал более отважиться посетить Мамурт, ибо там его поджидает верная смерть."

Можете себе представить, какое впечатление произвела на меня эта надпись. То был конечный след незнакомого

города, важнейший осколок таинственной цивилизации, погребенной в песках. Существование подобного города казалось мне вполне вероятным. Что, в сущности, мы знаем о самом Карфагене, кроме нескольких названий и имен? Ни один город, ни одна цивилизация не были так безжалостно стерты с лица Земли, как Карфаген, когда Сципион Эмилиен уничтожил его храмы и дворцы, посыпав само это место солью, когда орлы победоносного Рима возвысились над голой пустыней, где некогда процветала могущественнейшая метрополия империи.

— Надо заметить, что упомянутый камень с древней надписью я обнаружил вблизи одной из убогих арабских деревушек. Именно там я попытался найти проводника из местных жителей. Однако натолкнулся на решительный отказ со стороны всех, к кому обращался с подобным предложением. С этого места прекрасно просматривался весь перевал, проход к вершине горы — простая расщелина между двумя величественными хребтами, отливавшими голубоватым цветом. На самом деле гора находилась далеко, но в обманчивом освещении пустыни казалась достаточно близкой! Впрочем, я отыскал её на моих картах, где она была помечена как часть отрогов Нижнего Атласа. Дальше же простиралась равнина, обозначенная как "Пустыня Ижиди". И все. Мне представлялось, что стоит лишь запастись необходимым количеством воды и провизии и одолеть столь обыкновенную на вид пустыню не составит особого труда.

— Но местные арабы явно знали о ней нечто большее! Тщетно я предлагал этим бедолагам суммы, которые для них должны были выглядеть как целое состояние. Отказ следовал сразу же, как только они узнавали о цели экспедиции. Никто никогда там не бывал, но все были уверены в том, что местность за перевалом — пристанище демонов, где водятся приносящие несчастье джинны.

— Зная, насколько у этих племен сильны суеверия, я в конечном счете отказался от мысли уговорить их и отправился в путь в одиночку. Два тощих дромадера везли мою

провизию и бурдюки с водой. Три дня я провел в пустыне под палящим солнцем и на утро четвертого достиг перевала.

Он оказался всего лишь узким проходом, настолько заваленным обвалившимися камнями, что продвигаться по нему было мучительно трудно. Лучи солнца не могли проникнуть туда из-за высившихся по обе стороны скал, так что я оказался в безмолвном мире теней. И все же после полудня я достиг конца ущелья и замер, потрясенный представшей передо мной картиной: другая сторона перевала плавно переходила в бескрайнюю песчаную равнину. А посредине её, где-то в трех километрах, сверкали, отражая солнечный свет, белые руины Мамурта.

Помню, что был совершенно спокоен, покрывая шаг за шагом расстояние до развалин. Я ни минуты не сомневался в существовании этого города и, пожалуй, куда бы более удивился, не обнаружив его. С перевала были видны всего лишь нагромождения побелевших от времени обломков камней, но по мере приближения они, как мне казалось, начали приобретать форму отдельных частей стен и колонн. Местами их почти полностью засыпало песком, однако, отдельные участки ещё можно было различить.

И тут, остановившись, чтобы поближе рассмотреть одну из находок, я сделал интересное открытие. Камни оказались гладкими, хорошо состыкованными друг с другом, напоминали искусственный мрамор или хороший бетон. Вглядевшись, я заметил, что почти на каждом стволе колонн, на всех фрагментах карниза и обломках стен был изображен один и тот же символ. Но было ли это символом? Рисунок чем-то смутно напоминал спрута с круглым, но, по сути, почти бесформенным телом, от которого отходили не то щупальца, не то отростки. Причем, последние не выглядели мягкими и извилистыми, что типично для осьминога, а были твердыми и прямыми, с сочленениями, как у лап паука. Возможно, именно его и хотели изобразить неведомые мне творцы, но некоторые детали явно не отвечали этому

замыслу. Какое-то время я пытался разобраться, кому и зачем понадобилось изобилие столь своеобразного орнамента, но вскоре осознал тщетность своих попыток проникнуть в эту тайну.

— Такой же неразрешимой казалась мне и загадка самого города. Ну что, спрашивается, можно было извлечь для познания прошлого из этого нагромождения полузасыпанных камней? Я бы не смог даже поверхностно осмотреть это место: для сколь — нибудь длительного пребывания здесь у меня не хватило бы ни провизии, ни воды. Работы археологу тут было невпроворот. Несколько обескураженный, я вернулся к своим дромадерам и отвел их на открытую площадку среди развалин. Поставил там палатку. Вскоре наступила ночь. Сидя у скудного костра, я вдруг почувствовал, как на меня непомерным грузом навалилась абсолютная тишина этого места, пропитанного запахом смерти. Не слышалось ни смеха, ни человеческих голосов, ни криков животных; даже насекомые не жужжали. Ничего, кроме темноты и безмолвия, грозно давивших на меня и, мнилось, забивавших хилое пламя моего очажка.

— Погруженный в мрачные мысли, я не сразу обратил внимание на легкие шорохи, раздавшиеся за моей спиной. Но затем повернулся, намереваясь выяснить, в чем дело, и вздрогнул, покрывшись холодной испариной. Как я уже отмечал, моя палатка стояла на открытой площадке, где песок был гладко утрамбован ветром. И вот на этой естественной арене вдруг появилась маленькая воронка диаметром сантиметров двенадцать. И хотя это произошло достаточно далеко от меня — на расстоянии в несколько метров — но в отблесках костра место просматривалось вполне отчетливо.

— До этого в поле моего зрения не попадало ничего примечательного, даже малейшей тени. Тем более странным казалось неожиданное возникновение этой впадины, да ещё в акустическом сопровождении в виде легкого царапания. Пока я, остолбенев, смотрел на нее, звук повторился, и

примерно в двух метрах от этого углубления, уже ближе ко мне, на песке появилась новая метка.

— Скованный ужасом, повинуясь какому-то безумному порыву, я выхватил из костра горящую головешку и изо всех сил запустил ею, словно истекающей огнем ракетой, в сторону образовавшихся лунок. Вновь послышалось поскрипывание, и у меня возникло ощущение, что "это" — уж не знаю, что, но оставившее свои следы, — обратилось в бегство, если, разумеется, речь шла о каком-то живом существе. Я не мог вообразить себе, чтобы это могло быть, поскольку вокруг меня ровным счетом ничего не просматривалось, не считая проступивших, словно по волшебству, следов.

— Случившееся меня потрясло. Не смог я забыться даже во сне — меня все время преследовали какие-то смутные видения, кошмары, навеянные этим мертвым городом. Было такое впечатление, будто все запылившиеся грехи минувших веков, совершенные в этом Богом забытом месте, ворвались в мои сновидения, безмерно отягощая их. Возникали причудливые формы, мрачные и сверхъестественные, как если бы они были порождениями иного мира. Едва появившись, они, помельтешив, пропадали.

— Ту ночь я спал крайне плохо. Но первые же золотистые лучи солнца развеяли мои страхи, сняв угнетенность духа. Неудивительно, что примитивные народы так боготворили солнце!

— Едва обретя силы и мужество, я тотчас же отметил внезапно мелькнувшую мысль. В той надписи на каменном блоке, о которой я вам говорил ранее, торговец давно канувших в Лету времен упоминал об огромном храме в этом городе, причем, настаивал на его грандиозных размерах. В таком случае, где же его развалины? И я решил потратить на их поиски те немногие часы, что ещё оставались у меня. Если этот древний карфагенянин не обманывал, то обнаружить их, судя по всему, большого труда не составит. Так, во всяком случае, я полагал.

— Забравшись на соседний бархан, я принялся осматривать окрестности, вертя во все стороны головой. Если при этом и не заметил никаких крупных нагромождений и обломков, которые могли бы являться руинами громадного храма, зато вдалеке узрел двух каменных исполинов, рельефно вырисовывавшихся черными силуэтами на ярком фоне восходящего солнца. Увидеть их вчера вечером я никак не мог. Это открытие окрылило меня и, быстро собрав палатку, я направился в сторону великанов.

— Они находились на другом конце города, куда я добрался лишь к полудню. Теперь смог рассмотреть их более тщательно. То были две сидячие фигуры, высеченные из черного камня, высотой более пятнадцати метров и разделенные друг от друга таким же расстоянием. Лицом они были обращены к городу, следовательно, ко мне. Чем-то напоминавшие по форме людей, идолы, казалось, были покрыты странными доспехами из чешуек. У меня не достает воображения, чтобы описать их облик, так как ничего естественного в нем не проступало. И, тем не менее, черты были явно человеческими и довольно правильными. Но выражение лиц казалось настолько необычным, что его трудно было сравнить с чем—либо известным. Я даже засомневался, с натуры ли они сделаны. А если да, тогда здесь некогда проживал весьма странный народ, воздвигнувший такого рода сооружения.

— С трудом оторвав от них взгляд, я осмотрелся. По обе стороны от исполинов виднелись развалины некогда солидной стены. Но между ними пространство пустовало — не было даже мелкой щебенки. Значит, на этом месте должны были когда-то стоять ворота. Странно, однако, почему эти два колосса, на первый взгляд, прекрасно сохранились, в то время как покинутый мною город и стена превратились в руины. Эта пара великанов явно была высечена из другого материала. Но тогда, что это был за камень?

— Тут я заметил широкую, длиной около километра, дорогу, которая начиналась сразу же за двумя монументами.

Я решительно ступил на нее. Вдоль дороги тянулась целая галерея таких же статуй только меньших размеров. Проходя между двумя застывшими стражами ворот, я неожиданно обнаружил надпись, выгравированную на их цоколях.

— Точнее говоря, на их пьедесталах приблизительно на высоте полутора метров виднелись плиты из того же камня. Каждая была покрыта диковинными знаками, скорее всего знаками давно забытого алфавита, недоступными для меня в смысле дешифровки. И все же один из них я узнал. Это была все та же картинка с изображением не то спрута, не то паука, которую я уже видел выбитой на развалинах города. Она повторялась несколько раз по всей длине надписи на цоколе. На табличке, прикрепленной к другой фигуре, было начертано то же самое, так что ничего нового мне узнать не довелось. Я неспешно продвигался вперед по обнаруженной мною дороге, пытаясь на ходу разгадать значение этого вездесущего символа. Однако вскоре перестал ломать над этим голову, сосредоточившись на осмотре того, что, меня окружало.

— Эта достаточно длинная дорога напоминала мне Аллею Сфинксов в Карнаке, по которой некогда следовал в свой храм фараон, лежа на носилках, покоившихся в свою очередь на плечах многочисленных рабов. Но эти изваяния отнюдь не воспроизводили сфинксов. Их форма была мне совершенно неведома, казалась странной, отображавшей животных из какого—то другого мира. Описать их я вам не в силах, как невозможно дать слепому от рождения представление о драконе. От них веяло чем-то зловещим, приносящим несчастье, и от этого у меня по всему телу поползли мурашки.

— Несмотря ни на что, я все же продолжал свой путь между двумя рядами творений из камня и дошел до конца. Остановившись между двумя последними статуями, вглядeлся в простиравшуюся передо мной до самого горизонта желтую пустыню. Не скрою, чувствовал я себя озадаченным и был заинтригован. Зачем, интересно, было потрачено

столько усилий для возведения этой стены, двух стражей — гигантов и целой галереи статуй вдоль дороги, если в конечном счете все они вели к обыкновенной пустыни?

— Обыкновенной? Нет, я ошибался. Вскоре я заметил в ней нечто поразительное. То был не просто уголок обычного для таких мест ландшафта. Песок лежал на удивление ровно, будто придавленный чудовищной силой, не оставившей на нем ни малейшей морщинки. Это выглядело как арена, хорошо отглаженная круглая площадка площадью чуть более гектара. Повсюду, кроме этого участка, в пустыне виднелись небольшие дюны, там и сям её пересекали лощины; ветер закручивал миниатюрные смерчи. Но на этой округлой формы территории все как бы застыло. При мне ни одна песчинка даже не шелохнулась.

— Я чувствовал, что это необычайное явление начинает все более и более заинтриговывать меня. Стал приближаться к краю круга, находившемуся всего в нескольких метрах. Уже почти достиг цели, когда невидимая рука резким ударом по лицу, а затем и в грудь опрокинула меня навзничь.

— Некоторое время я лежал оглушенный. Затем встал и снова двинулся навстречу неведомому врагу, поскольку мое любопытство возрастало с каждой секундой. Вынув пистолет, я медленно, шаг за шагом, пробирался вперед.

— Едва пистолет коснулся границы загадочной площадки, как тут же натолкнулся на твердую поверхность, и я не смог просунуть руку далее ни на один сантиметр. Создавалось впечатление, что она уперлась в стенку, хотя ничего подобного реально не наблюдалось. Протянув вторую руку, я встретил точно такой же невидимый барьер. И тут я воспрянул духом.

И облегченно вздохнул. Теперь не оставалось и тени сомнения в том, что меня остановила не какая-то неведомая сила, а обыкновенная материальная преграда. Раскинув руки, я провел ими вокруг этого места — повсюду прощупывалась такая же глухая и гладкая, абсолютно невидимая,

хотя и вполне осязаемая стена. Это никак не укладывалось в голове. Наверняка ученые далекого прошлого, жившие в этом превратившемся ныне в развалины городе, или "мудрецы", как о них говорилось в надписи на камне, открыли секрет и способ делать невидимыми материальные объекты. Свои знания они применили при сооружении того, что я сейчас исследовал. В сущности, ничего невозможного в этом не было. Наловчились же ученые нашей эпохи с помощью рентгеновских лучей просвечивать недоступные простому глазу предметы. Было очевидно, что этот древний народ разработал некую технологию невидимости, которую затем поглотила пучина времени. Ведь упоминается же в старинных колдовских манускриптах о создания ковкого стекла, говорится о превращении одних металлов в другие. И все-таки я недоумевал: как они добились того, что после стольких веков и даже тысячелетий, в течение которых сами зодчие превратились в прах и тлен, их сооружения оставались неизменно недоступными взору?

Отойдя на несколько шагов, я подобрал горстку камушек и начал кидать их в сторону возникшего на моем пути препятствия. Вскоре выяснилось, что стена передо мной неизмеримо высока: с какой бы силой я не подбрасывал вверх свои импровизированные метательные снаряды, те неизменно отскакивали от неё с глухим стуком и падали к моим ногам. Я буквально умирал от желания оказаться по ту сторону преграды, дабы выяснить, что скрывается за ней. Но как это сделать? Ведь наверняка туда должен был быть вход, но где она, эта дверь? И тут я вспомнил о двух стражах—великанах с табличками на незнакомом языке, стерегущих проход в эту долину с её галереей статуй. Любопытно, какое отношение они имеют к этому таинственному месту?

Внезапно, словно получив пощечину, я встряхнулся, поразившись необычности приключения, в которое оказался вовлеченным. Огромная стена—невидимка передо мной, круглая усеянная ровным пластом песка площадка, явно защищенная чем-то от ветра, я сам, наконец, растерянный и

озадаченный... Мне вдруг показалось, что в тайник души проник исходящий из этого лишенного жизни и оставшегося позади города голос. Он умолял меня развернуться и, не теряя ни минуты, поскорее умчаться прочь. Вспомнилось предупреждение в рукописи карфагенянина: "НЕ ХОДИТЕ В МАМУРТ". Поразмыслив, пришел к выводу, что передо мной высится тот самый великий храм, что описал Сан-Драбат. Он не ошибся: ничего равного ему в мире не существовало.

Но я не хотел уйти просто так, ни с чем, не мог обратиться в бегство, не исследовав то, что скрывалось за стеной. Спокойно обдумав положение, я пришел к выводу, что по логике искомая дверь должна находиться где-то в конце аллеи, с тем чтобы жители города, могли через неё беспрепятственно входить прямо в храм. И не ошибся. Вскоре обнаружился портал, своего рода проход в стене шириной в несколько метров. Моих вытянутых вверх рук не хватало, чтобы определить его высоту.

Я наощупь проник в это отверстие и вскоре ступил на твердую, вымощенную плиткой поверхность, менее гладкую, чем стена, но столь же недосягаемую глазу. Потянулся коридор такой же ширины, что и вход. Он вел в центр этого круга. Я поплелся вперед, все время помогая себе руками.

Забавная картина представилась бы тому, кто смог бы увидеть меня сейчас со стороны. Я-то ведь знал, что полностью окружен высоченными стенами, да и бог его знает, чем еще. Но перед глазами—то простиралось только однообразное, покрытое ровным слоем песка пространство, отсвечивавшее золотом под лучами послеобеденного солнца. И я не касался его ногами, а шел над ним, как по воздуху, на высоте около тридцати сантиметров. Должно быть, таковой была толщина невидимых плит, которые и придавливали песок, делая его безукоризненно гладким.

Я медленно брел по коридору, вытянув перед собой руки. Но шел я так совсем недолго, вскоре наткнувшись на новую без единого выступа стену, перегородившую путь. Похоже, я оказался в тупике. Но на сей раз духом не пал, так как уже

понимал, что где-то здесь должна находиться дверь, которую тут же и принялся отыскивать, ощупывая препятствие сантиметр за сантиметром.

Вскоре по ходу движения обнаружил ручку — она на ощупь воспринималась как толстый отполированный набалдашник. Стоило мне прикоснуться к нему, как приоткрылся вход. Потянул легкий сквозняк, и мешавшая моему продвижению стена исчезла, в чем я убедился, ткнув пальцем. Можно было двигаться дальше, но я оробел. Снова ухватив толстенный шар ручки, стал поворачивать её, нажимать, пытался вдавить — все впустую: дверь не закрывалась. Сделать это я оказался не в силах. Видимо, механизм, скрытый в набалдашнике, действовал так, что достаточно было до него дотронуться, как огромный блок коридора, вероятно, заскользил по рельсам в сторону, либо начал подниматься вверх по пазам, как решетка. Сказать точнее об этом я был просто не в состоянии.

И все-таки факт был на лицо: дверь открылась, и я решительно шагнул вперед. Передвигаясь, как слепой в незнакомом месте, в конце концов сообразил, что нахожусь в обширном внутреннем дворе, стены которого образовывали ротонду. Ибо, перемещаясь вдоль них, я опять вернулся к выходу в коридор. Тогда я осмелился углубиться во двор. Пройдя всего-то чуть, споткнулся о ступени. Если судить по первой из них — широкой и высокой, то лестница должна была быть просто гигантских размеров. Я начал подниматься по ней — медленно, осторожно, прощупывая ногой каждый следующий марш. Лишь это ощущение твердой поверхности под собой придавало мне уверенность в реальности происходящего: ведь я по-прежнему ровным счетом ничего вокруг не видел. Создавалось впечатление, что я куда-то восхожу ввысь прямо по воздуху. Это было невероятно, нечто фантастическое.

Я продолжал взбираться наверх до тех пор, пока на высоте более тридцати метров лестница не сузилась — стены явно начали сходиться. Еще несколько шагов — и я уже

вновь стоял на горизонтальной плоскости. Ощупал окрестное пространство, быстро разобравшись, что это — просторная площадка, обнесенная балюстрадой. Встав на четвереньки, я упорно последовал далее и уткнулся, в конце концов, в стену с ещё одной дверью. Едва я переполз через порог, по-прежнему опираясь руками и коленями о невидимый пол, как понял, что на сей раз очутился в огромном закрытом зале, а не на свежем воздухе.

И тут меня неожиданно обуял невыразимый страх. Я ощутил присутствие чего—то, несущего в себе гибель, нечто, представлявшее очевидную угрозу, хотя по-прежнему ничего перед собой не видел и не слышал никаких настораживающих звуков. И, тем не менее, я был убежден, что где-то здесь притаилось невообразимо древнее существо, безмерное средоточение зла, являвшееся частью этого зловещего окружения. Не знаю, но, возможно, именно в этот момент я вдруг осознал, что в неподвластные памяти времена здесь разыгрывались жуткие сцены. Как бы то ни было, но независимо от причины возникшего внутри ледяного ужаса меня взяла такая оторопь, что я окаменел, не в силах двигаться далее. Сумел лишь попятиться назад, к площадке; там приподнялся и, облокотившись о невидимую глазу балюстраду, стал обозревать пейзаж у своих ног.

На западе, почти касаясь горизонта, зависло в виде огромного, докрасна раскаленного шара солнце. В его лучах отчетливо просматривались оба черных колосса—истукана, отбрасывавших на золотистый песок, казалось, не знавшие конца тени. Там же виднелась заметно начавшая нервничать пара моих стреноженных дромадеров. Внешне все это выглядело так, что я парил в воздухе на высоте более тридцати метров от земли. Но сам-то я живо представлял себе контуры пролегавших внизу коридоров и двора, по которым совсем недавно вышагивал.

Так я простоял какое-то время, купаясь в малиновом сиянии заходящего светила и дав волю своему воображению. Был уверен, что открыл тот самый громадный храм, о

котором речь шла выше. Какой впечатляющий спектакль, должно быть, представлял он собой во времена, когда процветал сам город! Мне казалось, что я зримо вижу длинные ручейки процессий жрецов и верующих, тянувшихся от него к священному для них месту. При этом они проходили между двумя каменными исполинами и втягивались в аллею, вполне возможно, волоча с собой какого-нибудь несчастного пленника, судьба которого была предопределена — стать жертвой, принесенной на алтаре божеству этого храма.

Солнышко начало постепенно закатываться. Я повернулся, намереваясь спуститься по ступеням. И в тот же миг обмер от испуга, а сердце, екнув, похоже, разом остановилось. За пределами этой гладкой, как стол, песчаной арены под храмом появилась воронка, во всем схожая с той, что я видел накануне вечером, сидя у костра. Широко распахнув глаза, я уставился на нее, словно загипнотизированный змеей. И тут же рядом возникла вторая дырка, за ней — третья, четвертая, причем, тянулись они не по прямой линии, а зигзагообразно. Лунки образовывались по две друг против друга — по сторонам, и одна — в центре. Получилась цепочка следов, разделенных расстоянием примерно в два метра. И вели они прямо к храму, то есть ко мне! А я по — прежнему ничего материального не видел!

Нежданно-негаданно в голову пришло сравнение: такие отпечатки оставило бы после себя на песке шестиногое насекомое, увеличенное до неслыханных размеров. Эта мысль сразу же напомнила о пауке, изображение которого было высечено на камнях руин и на статуях. Теперь-то я начал догадываться, что они означали для жителей этого города. Я стал лихорадочно рыться в памяти, стараясь поточнее восстановить надпись карфагенянина... "Чудовищное божество города, обитающее там с начала времен". Видя, как эти следы потянулись в мою сторону, я воочию убедился, что древне гнусное божество все ещё живо, и что я имел

неосторожность забраться в посвященный ему храм — притом в одиночку и безоружный!

Следовательно, каких только диковинных созданий, не существовало на заре времен! В том числе и вот такое — гигантский монстр в виде паука... Не исключено, что основатели города, прибыв сюда, уже застали его на месте и, охваченные необъятным ужасом, вполне могли возвести чудище в ранг своего божества, соорудив в его честь сей грандиозный храм, куда я отважился забрести. Вероятно и то, что мудрецы былых лет, обладатели знаний, позволивших им сделать невидимым человеческому глазу святилище, решились наделить этим свойством и сам культ поклонения, превратив идола в подлинного бога — недоступного взору простого мирянина, всемогущего и бессмертного. К тому же не ведающего, что такое угасание и небытие! Да, так оно и должно было произойти на самом деле, поскольку он уцелел, пройдя сквозь тысячелетия. Было же мне известно, что некоторые виды попугаев способны жить веками, так что, спрашивается, мог ли я знать об этом реликте канувших в вечность эпох? А когда исчез с лица земли сам город, превратившись в развалины, и божеству перестали приносить человеческие жертвы, почему бы ему не выжить, научившись питаться за счет пустыни? В эти мгновения я понял, почему арабы так настойчиво отказывались сопровождать меня! Тому, кто отважился бы оказаться в пределах досягаемости этой омерзительной уродины, грозила верная гибель — ведь эта тварь была способна схватить вас или преследовать, оставаясь невидимкой. Так значит ли это, что и мой час пробил?

Именно такого рода мысли обуревали меня, когда я вглядывался в приближавшуюся смерть, следя, как все ближе подступают ко мне её следы на песке. Нет! Я очнулся от парализовавшего меня страха и стремительно скатился по громадной лестнице во внутренний двор. Я не представлял себе, где и как можно было бы спрятаться, — попробуйте—ка проделать это в невидимом вам месте! Но я обязан

был попытаться удрать. А посему рванул к подножию величественной лестницы, проскочил на одном дыхании до стены, что находилась под той площадкой, откуда я стартовал. Распластался по стене в надежде, что в наступивших сумерках сумею скрыться от хищного ока существа, чье логовище я потревожил.

Кстати, я сразу же учуял чудище, едва оно проникло вовнутрь через ту же дверь, которой воспользовался перед этим я. Пуф-пуф-пуф... Так слышалось мне его приглушенное мягкое продвижение по поверхности. Я уловил, как заскользили его лапы, а сам он на миг задержался у открытой двери в коридор. Возможно, это "нечто" удивилось, что она распахнута, но откуда мне было знать, какого уровня развития достиг мозг этого создания? А затем снова: пуф—пуф... Шаги возобновились, и я понял, что мой враг уже пересекал двор, — его мягкая поступь слышалась уже на ступеньках. Если бы я не боялся даже дышать, то в этот момент наверняка бы испустил вздох облегчения.

Я все ещё находился во власти цепкого страха. Ноги вдруг подкосились, но я упорно, стараясь не слишком двигаться, продолжал цепляться за спасительную стену, в то время как монстр поднимался вверх. Попробуйте на секунду представить себе эту сцену, если вам достанет воображения! Вокруг ни единого видимого глазом предмета. Только приличных размеров круг из уплотненного песка внизу в тридцати сантиметрах подо мной. И все же, несмотря ни на что, я считал, что достаточно хорошо представляю себе весь храм, полагал, что мне известно, где и как расположены его стены и ближайшие помещения, думал, что все же как-то различаю эту поднявшуюся теперь над мной тварь, вынудившую меня присесть на корточки. В наступившей ночи я чувствовал, как у меня трясутся поджилки.

— Где-то над моей головой шаги замерли. Я предположил, что чудовище вошло в тот обширный зал, куда я так и не рискнул пройти. Наступил момент, который мог и не повториться более: сейчас или никогда! Мне следовало

сделать попытку убраться отсюда, воспользовавшись все более густевшей темнотой. И я — с бесконечными предосторожностями — привстал на ноги и на цыпочках проследовал к двери, ведущей в коридор. Но не сумел пересечь и половины пути, как на полном ходу весьма болезненно, столкнулся с какой-то другой невидимой стеной. От удара я упал навзничь, а металлическая рукоятка моего охотничьего ножа при этом звонко стукнулась о незримые плиты пола. Я оказался полностью дезориентирован, плохо рассчитал, где находилась дверь, и вдобавок ко всему теперь даже не представлял, в каком я очутился месте!

Так, не шевелясь, я пролежал несколько минут, физически ощущая, как стынет в жилах кровь от охватившей меня паники. А затем — пуф-пуф... Вновь послышались мягкие шаги этого чудовища ... Внезапно наступила мертвая тишина. Я с тревогой вопрошал себя, могло ли оно видеть меня? Поскольку пауза затягивалась, в сердце на какое-то время затеплилась надежда. Но достаточно скоро я понял, что смерть просто поджидала меня, была где-то тут, совсем рядом, поскольку — пуф-пуф... — тварь стала спускаться по лестнице!

Заслышав эти звуки, я окончательно растерял последние крохи мужества. Вскочив рывком, сломя голову бросился наутек, надеясь, что лечу к двери. Бах! Я вновь врезался в ещё одну стену и упал, но тут же, дрожа, как осиновый лист, поднялся на ноги. Никаких шагов я больше не слышал. А посему осмелел и так тихо, как только мог, двинулся по двору в правильном направлении. По меньшей мере, я так полагал, так как должен честно признаться, что уже напрочь потерял всякое чувство ориентации. Боже мой, что за причудливые игры затеяли мы на этой покрытой мраком песчаной арене!

Но, как ни странно, преследовавший меня монстр не издавал ни малейшего звука, и у меня забрезжила надежда. Однако именно в этот момент по безумной иронии судьбы я и врезался в него. Моя протянутая рука коснулась, а затем и

ухватила то, что, видимо, являлось одной из его лап — плотных, студеных и мохнатых. Чудовище тут же отдернуло её, одновременно вцепившись в меня двумя другими. Оказалось, что оно просто затаилось и ждало, пока я сам не брошусь к нему в объятья... в качестве праздничного блюда!

Однако удержать меня пауку удалось всего лишь на какое-то мгновение, поскольку омерзение и ужас, охватившие меня, когда я до него дотронулся, вызвали такой всплеск энергии отчаяния, что я, рванувшись, освободился и пустился наутек. И — надо же! — почти сразу споткнулся о ступень монументальной лестницы. Не раздумывая, я на карачках стремительно пополз вверх, затылком чувствуя нагонявшего меня противника.

Мигом добравшись до площадки, я вцепился в бортик балюстрады, намереваясь перемахнуть его. Лучше уж размазать себя на невидимых плитах, чем снова оказаться в лапах этого исчадия ада! И тут я почувствовал, что под моими руками зашатался камень, и в ту же секунду один из громадных блоков барьера, отделившись от него, качнулся в мою сторону. Я судорожно обхватил его руками и, шатаясь от непомерной тяжести, попятился назад, к верхней части лестницы. Думаю, что в нормальных условиях поднять, а тем более нести такой груз не смогли бы и два человека. Но терзавшая меня угроза попасть на зуб этой скверны, скользившей вверх по ступеням, удесятерила мои силы, и я совершил нечто невероятное: подняв невидимый блок над головой, запустил им вниз, целясь в то место, где, по моим подсчетам, находилась сейчас это "нечто".

На какое-то время сразу же после грохота от покатившегося камня воцарилась тишина. Затем раздался глухой гул, все более перераставший в свист. Одновременно, где-то посередине лестницы, куда, должно быть, угодил мой грозный снаряд, появилась тонкая струйка жидкости фиолетового цвета. Она возникла как бы из небытия, выделяя отдельные части незримых ступеней. Превратившись затем в бурный ручей, она очертила форму самого камня, как, впрочем, и

разожжённую, громадную и волосатую лапу страшилища, из которой била фонтаном кровь. Я не убил монстра, но брошенным блоком придавил его к ступеням.

Послышался неразборчивый шум, как если бы эта тварь пыталась высвободиться из плена. Но это привело лишь к ещё более мощному выбросу фиолетовой жидкости, забрызгавшей чудовищное божество, столь почитаемое в глубокой древности в Мамурте. Она четко выявила его — громадину — паука с лапами длиной в несколько метров, и с отталкивающего вида туловищем. Помню, как меня поразил тот факт, что невидимость монстра исчезла, стоило ему пролить собственную кровь. Объяснить этот феномен я не в силах. Признаюсь, что у меня не было охоты долго созерцать это пугало, и я ограничился беглым взглядом на полуразличимое и вымазанное фиолетовым существо. А затем, бочком—бочком, стараясь держаться от него как можно дальше, пустился бегом вниз. Когда я проскакивал мимо уродины, то чуть не задохнулся от невыносимо тошнотворного запаха раздавленного насекомого. Кстати, в этот момент монстр начал исступленно дергаться в попытке высвободиться и дотянуться до меня. Ему не удалось этого сделать, и я на подкашивавшихся ногах и с дыбом торчавшими волосами все же благополучно спустился вниз.

Прошагав напрямую через широкий двор, я совершенно случайно обнаружил дверь, после чего устремился в коридор, а затем и в длиннющую аллею идолов. Когда я проходил мимо двух каменных стражей—идолов, то в окутавшем их лунном свете четко различил на цоколях надписи на

табличках с их странными символами и выгравированными изображениями пауков. Уж Теперь-то я точно знал, что несет в себе это таинственное послание!

К счастью, оба моих дромадера отвязались и забрели в развалины. Иначе из-за сохранявшегося нервного напряжения, порожденного страхом, мне, наверное, никогда бы и в голову не пришло вернуться, чтобы выяснить, стоят ли они ещё около невидимой стены. Всю ночь я двигался к северу и продолжал путь даже тогда, когда рассвело. Но в горах, на перевале, один из моих дромадеров, оступившись, рухнул. При этом все мои запасы пищи разлетелись в разные стороны, а бурдюки с водой лопнули.

У меня совсем не осталось влаги, но я упорно держал курс на север, постоянно погоняя своего последнего дромадера, который в конце концов, не выдержав, пал замертво. Так что далее мне пришлось добираться на своих двоих. Помню, как я неоднократно падал, поднимался и снова через какое-то время валился, но упрямо полз вперед на коленях, помогая себе руками, — все время на север, подальше от этого проклятого храма и его свирепого божества. И только сегодня вечером, преодолев уж и не знаю сколько километров, я заметил огонь вашего костра... Вот и все.

* * *

Он откинулся на спину, совсем выбившись из сил. Мы с Митчеллом обменялись взглядами в неверном отблеске пламени. Затем, поднявшись на ноги, Митчелл отошел несколько в сторону и долго-долго всматривался в южную сторону залитой лунным светом пустыни. Не знаю, какие мысли обуревали его в эти минуты. Сам я, то и дело поглядывая на лежащего у самого костра незнакомца, погрузился в раздумья.

Путник умер на рассвете, бессвязно бормоча что-то о высоких стенах, окружавших его. Мы завернули тело в брезент и, прихватив с собой, отправились дальше по маршруту.

Из Алжира мы отправили телеграмму в адрес друзей этого человека, найденный нами в поясе с карманами, и сделали все необходимое, чтобы отправить на родину тело — то была его единственная просьба перед кончиной. Позднее его друзья написали нам, что погребли путника на маленьком кладбище в одной из деревушек Новой Англии, где он провел детство. Не думаю, что там вечный сон незнакомца будут тревожить кошмарные видения окаянного места, из которого ему пришлось так панически бежать. Молю бога, чтобы он покоился в мире.

Митчелл и я, мы частенько вспоминали эту историю, сидя где-нибудь у одинокого костерка или же в портовых тавернах. Интересно все же, прибил он тогда монстра—невидимку, о котором рассказывал, и лежит ли все ещё там, посередине лестницы, труп чудовища, высушенный солнцем и придавленный громадным каменным блоком? Или же оно все-таки смогло выбраться из-под него и снова бродит по пустыне? Живет ли по-прежнему в своем логове колоссальном Храме, столь же невидимом миру, как и оно само?

А, может, этот путник просто помешался под воздействием палящих лучей солнца и от жуткой жажды, и его повествование было всего лишь плодом воспаленного воображения? Лично я так не считаю. Полагаю, что он нам изложил правду, но сказать это наверняка не решаюсь. Скорее всего, истина так никогда и не прояснится. Митчелл и я, мы твердо решили ни за что не забредать в ту местность, где обустроился на земле ад и где, возможно, все ещё обитает это древнее божество зла — в незримом лабиринте ходов и помещений, за стеной, которую не в состоянии рассмотреть ни один человеческий глаз.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ГИГАНТЫ

1

О начале этой истории известно многое. Порывшись в пыльных подшивках старых газет, можно откопать целый ворох статей о курьезном происшествии, ставшем в свое время небольшой сенсацией. Что же касается ужасной развязки, то вряд ли сыщется человек, не слыхавший о чудовищных машинах, что обрушились на недоверчивый мир. А как же быть с теми четырьмя годами, на протяжении которых кошмарная угроза человечеству зарождалась, росла и созревала, сокрытая в холмах Западной Вирджинии?? Узнаем ли мы однажды что-нибудь еще о том отрезке времени, кроме сведений, которые удалось почерпнуть из нескольких исписанных неразборчивым почерком страниц маленького дневника? Восстановим ли весь ход событий: от триумфальной завязки и до катастрофической пылающей кульминации? Что ж, вернемся к самому началу.

А началось все с Детмольда, одного весьма эксцентричного профессора электрохимии, который неустанно выдвигал поразительные, радикальные теории почти во всех областях научного знания. Некоторые из своих идей он доказал, но большинство так и остались в области предположений — дикие порождения необузданной мысли. Сегодня гипотезы Детмольда вызывают неподдельный интерес и вдохновение, однако в то время эксперименты и тезисы профессора выглядели один фантастичнее другого, и волна негодования со стороны разгневанного научного сообщества вздымалась все выше.? В университете Джастон, где преподавал Детмольд, подобное положение дел нисколько не одобряли. Будучи третьим из старейших колледжей страны, Джастон весьма трепетно относился к своей давней научной традиции.?

В общем, когда возмущение начали выказывать потенциальные спонсоры строительства, кое—кто их успешных выпускников и прочие глубокоуважаемые люди, у пожилых джентльменов, руководивших политикой учебного заведения, лопнуло терпение. Собравшись за столом красного дерева, они решили, что Детмольда при первом же удобном случае необходимо без лишней шумихи удалить из университета. На следующее утро, словно подтверждая мудрость их намерений, профессор возвестил о частичном успехе своих последних опытов по созданию искусственного мозга.

Заявление ученого оказалось лакомым кусочком для падких на сенсации воскресных приложений и для ехидных журналистов—сплетников — в новость немедля вцепились со всех сторон. Мозг Детмольда (так обозвали новое изобретение) высмеивали в театрах, рисовали на него карикатуры в газетах, а коллеги—ученые откровенно глумились над очередным открытием профессора.? И все же, перечитывая теперь заметки того великого человека, сложно выявить в них откровенную несуразицу.

Без сомнения, предложение изготовить искусственный мозг, обладающий самосознанием, памятью и способностью к мышлению, поражало воображение.? Волокнистая масса внутри черепа, благодаря которой мы воспринимаем окружающую действительность, на первый взгляд казалась неразрешимой загадкой.? Тем не менее, Детмольд — человек, широко известный своими достижениями и умом, — заслуживал, чтобы ему дали хотя бы высказаться.

Собственно, исследователи уже пробовали воспроизвести строение головного мозга. Продолжая работу Лёба и Кендлера, стремившихся получить протоплазму химическим путем, несколько ученых в свое время пытались создать живой клеточный материал, из которого можно было бы вырастить сердце или мозг.? Каждый из них потерпел неудачу, и в итоге возобладало мнение, что подобное, судя по всему, невозможно.

Однако Детмольд взглянул на задачу совершенно под другим углом.? Его теория сводилась к тому, что чувствительность нервной системы есть не что иное, как вспыхивающие в мозгу разряды электрического тока, а говоря иначе — колебания. Именно вибрационные потоки, воздействуя на мозговую ткань, порождают сознание и мысли. Таким образом, вместо того, чтобы возиться с простыми клетками и культивировать из них сложную структуру головного мозга, профессор изготовил мозг из металла. Полностью неорганический и безжизненный, тот, однако, по словам Детмольда, обладал таким же атомным строением, что и живой орган мышления человека.? Затем ученый долго пропускал через металлический мозг всевозможные электрические колебания, и наконец сообщил, что под воздействием вибраций определенной частоты орган проявил слабые признаки сознания.?

Обществу того времени такого рода утверждение, должно быть, показалось совершенно безумным. Наиболее часто звучало высказывание, что если подобная гипотеза — это образчик содержимого головы Детмольда, то первые искусственные мозги тому следует придержать для себя самого. И профессор собственным своим поведением лишь усугублял ситуацию. Будучи человеком непримиримым и вспыльчивым, он считал ослом и невеждой каждого, кто осмеливался хоть самую малость усомниться в его исследованиях.?

Трое выдающихся ученых приняли приглашение электрохимика поприсутствовать при демонстрации его эксперимента. Чуть позже последовали их едкие высказывания. Судя по всему, произошло следующее: когда три достославных джентльмена в назначенный час явились с визитом в лабораторию Детмольда, тот грубо сообщил им, что страшно занят — работает над внезапно осенившей его новой идеей, которая напрямую связана с проблемой искусственного мозга, и попросил ученых мужей зайти через

несколько дней (к тому времени он рассчитывал добиться полного успеха).?

Безусловно, сей фортель означал конец карьеры профессора в университете. Все уверились: человек этот — дешевый обманщик, в последний момент уклонившийся от расследования и разоблачения. Зазвучали крики, требовавшие убрать позорившего учебное заведение типа.? Назавтра, во второй половине дня, во время крупнейшего в году футбольного матча (Джастон играл против колледжа Баннистер), десять предприимчивых студентов выскочили на поле в перерыве между таймами и раскатали большой матерчатый транспарант, на котором было выведено: 'Долой Детмольда!' При виде полотнища стадион взорвался смехом и аплодисментами.

После игры футболисты, сделавшиеся, благодаря победе над Баннистером, героями дня, полным составом отправились домой к ректору и вручили ему петицию с требованием незамедлительно уволить профессора, чье шарлатанство порочит имя Джастона.? Ректор с радостью принял документ.

Следующим утром руководитель университета целый час беспокойно ерзал в кресле и нервно хрустел пальцами, прежде чем вызвал к себе Детмольда и осторожно сообщил ему, что принято решение о его отставке.

***

В кабинете разразилась настоящая буря, когда профессор узнал, что его выгоняют с работы. Высокий, сильный мужчина с энергичным, волевым лицом пылал гневом. Он едва не поколотил ректора и высказал начистоту все, что думает о трусливости и скудоумии отдельных людишек и о мире в целом. Детмольд выскочил из офиса, грубо растолкав кучку любопытных зевак у дверей, и поспешил к себе в лабораторию, чтобы начать упаковывать повлекший увольнение эксперимент.?

Именно там спустя час его и застал Гилберт Ланье, единственный преподаватель в Джастоне, который понимал электрохимика и сочувствовал ему. Кроме того, молодой, неуверенный в себе учитель английского был, пожалуй, единственным другом Детмольда. Близкие родственники, судя по всему, отсутствовали у профессора, а его необузданный, вспыльчивый нрав отнюдь не привлекал окружающих. Сидя на рабочем столе, исследователь угрюмо созерцал каморку, многие годы служившую ему личной лабораторией. Он поделился с Ланье новостью о своем сокращении и некоторое время изливал ярость на ректора, осуждавшего 'невероятные теории'.

— Невероятные теории! — передразнил он. — Боже мой, а я-то привык думать, что величайшие научные открытия встречают с распростертыми объятиями! Дурачье! Они считают, я сумасшедший, раз вообще взялся за нечто подобное! Взгляни—ка сюда, Ланье, с прошлого раза я внес улучшения. — И он повернулся к столу, на котором покоился искусственный мозг.

Внешне тот не представлял собой ничего особенного: черное металлическое яйцо длиной примерно десять дюймов. В верхнюю поверхность была встроена маленькая стеклянная линза, а к обоим концам устройства крепились по три провода, которые уводили в заставленный сложнейшим электрооборудованием угол комнаты.

На глазах у друга Детмольд быстро что-то подрегулировал и щелкнул несколькими тумблерами. Комнату заполнил низкий рокот мотора—генератора. Профессор нетерпеливо обернулся — на минуту тлевшая внутри него обида вылетела из головы — и сказал:

— Тот же основной принцип. Т-волны, или вибрационный поток, вырабатываются вон там, поступают в мозговой кожух и воздействуют на сокрытый внутри атомный организм. Прямо сейчас это существо пребывает в сознании. — Ученый не сводил с яйца исполненный любви и гордости взгляд.

Ланье не смог удержаться и недоверчиво пожал плечами — что не ускользнуло от внимания Детмольда.

— В сознании, повторюсь еще раз, — доказывал профессор. — Сознание это примитивное, тусклое, но все же — сознание. Оно воспринимает окружающую действительность. Мыслит.? И теперь у меня есть доказательства. После твоего последнего визита, я дал созданию зрение. Видишь ту линзу? Что ж, подобного объектива тебе не доводилось встречать: на самом деле это рукотворный глаз, разработанный мной лично.? Внутри находится искусственная сетчатка, напрямую соединенная с мозговым веществом. Она преобразует зрительную информацию в электрические токи.?

— Искусственная сетчатка? — переспросил Ланье. — Не слишком ли смелое утверждение? Разве неорганический материал способен реагировать на свет?

— Приходилось ли тебе слышать о веществе под названием «селен»? — спросил Детмольд с тонким сарказмом.

Ланье встрепенулся, и ученый добавил:

— О, до тебя начинает доходить! Как ты помнишь, электрическое сопротивление селена существенно различается в темноте и на свету. Из чего можно сделать вывод: свет, падая на искусственную сетчатку, преобразуется в электричество и мгновенно поступает в мозг.? Все проще простого. По крайней мере, теперь. Но вернемся к глазу. Объектив снабжен затвором — весьма похожие стоят на высокоскоростных камерах, однако этот способен открываться или закрываться от непостижимо легкого воздействия.? Я не собираюсь рассказывать об этом подробно — ни тебе, ни кому бы то ни было еще. Однако же взгляни—ка сюда. — Он достал из кармана фонарик и направил яркий луч света прямо в линзу.

Ланье внимательно наблюдал. Несколько секунд ничего не происходило, а затем, легонько щелкнув, затвор прикрыл окуляр. Молодой человек глубоко вздохнул и выпрямился.

— Видал? — спросил Детмольд, выключая оборудование. — Существо видит своим глазом достаточно четко, чтобы отличить свет ото тьмы. И яркий свет ему не по нутру. Поэтому оно закрыло диафрагму, оградив себя от сияния. Разве это не признак интеллекта? Ума? Сознания? Пока что незрелого и слабого, согласен, однако оно вырастет. Я буду развивать его. Добьюсь большего, — голос профессора сорвался, а на лицо его вновь наползло задумчиво—мрачное выражение.? — И все же, эти глупцы твердят: 'Невозможно! Невозможно!' Черт бы их побрал! Сей металлический мозг намного умнее, чем они все вместе взятые. Ну, или станет таким. Обязательно станет.

Молодой человек хранил молчание, и ученый спросил:

— Думаешь, я мошенник, Ланье?

— Нет, — последовал неспешный ответ. — Но мне кажется, ты вплотную подобрался к пределам дозволенного. Ты считаешь срабатывание затвора признаком интеллекта, Детмольд. Однако каким будет интеллект, лишенный сдерживающей и направляющей силы? Возможен ли вообще мозг без души?

— Теология и мистицизм! — вскричал профессор. — Нет уж, Ланье, я не отступлюсь: те идиоты должны осознать всю глубину своего невежества.? У меня, слава Богу, есть местечко, где можно спокойно работать и где меня не станут донимать треклятые газетчики. Я не скажу, куда направляюсь, ни одной живой душе. И даже тебе, — добавил он, ласково похлопывая друга по плечу. —Ты можешь проболтаться во сне. Но когда я закончу, ты услышишь обо мне. Весь мир услышит.

Ланье не ответил, и они молча стали собирать вещи. На следующий день, за несколько минут до отправления поезда, они стояли на железнодорожной платформе и почти не разговаривали.? Свисток паровоза, последнее рукопожатие и грубоватое 'прощай' — а затем поезд умчался по рельсам вдаль, унося профессора в неизвестность.

Многие люди задавались вопросом: куда же исчез Детмольд? И в тот вечер имя эксцентричного ученого не сходило со страниц газет; его обсуждали и дома, и в клубах, сдабривая разговор глумливыми насмешками.?? Следующим вечером профессора вспоминали уже не столь часто; через месяц — совсем редко; а через год о нем помнил в лучшем случае один человек из десяти тысяч.? Никто так и не выяснил, куда он уехал. Его имя, личность, странные идеи — все кануло в тишину и небытие. А веселящийся, суетливый, полный хлопот мир знай себе мчался дальше.

2

Минуло ровно четыре года после исчезновения Детмольда, когда начали привлекать к себе внимание странные явления, происходившие в Стоктоне — небольшом сталелитейном городке, приткнувшемся на севере Западной Вирджинии в длинной лощине меж темных, покрытых лесом холмов. С этих самых холмов и пришли вести о таинственных событиях.

Первой ласточкой стала небольшая заметка, появившаяся в печати в начале июля. В ней рассказывалось о неких весьма любопытных углублениях, обнаруженных в нескольких милях к западу от Стоктона. Отметины представляли собой круги примерно десяти футов в поперечнике, внутри которых деревья, кусты и почва были, по-видимому, утрамбованы какой-то страшной силой, в результате чего образовались цилиндрические ямы около трех футов глубиной. Ряд этих чудных впадин обнаружили фермеры, но ни один из них не мог даже предположить, откуда те взялись.

Статья разлетелась по всей стране, но поскольку новых сведений не последовало, через неделю о ней забыли. Так же, как и о непонятных происшествиях.

Десять дней спустя из Стоктона поступило второе сообщение, вызвавшее немало улыбок. В публикации рассказывалось о жившем в холмах к северу от города — в дикой

уединенной местности — фермере по фамилии Морган, который вместе с домочадцами неожиданно приколесил в Стоктон на своем полуразвалившемся 'форде'. Машина была загружена скудным имуществом: семейство спешило покинуть окрестности как можно скорее. Когда Моргана спросили, с чего это ему вздумалось столь внезапно переезжать, он поведал весьма странную историю.

По словам фермера, две ночи назад, сразу после полуночи, его разбудили треск и грохот, доносившиеся снаружи. Небольшой домик Моргана примостился на обрывистом краю узкого извилистого распадка. Судя по всему, со дна заросшей лесом лощины и доносился шум. Снедаемый любопытством, фермер сошел с крылечка и различил в зыбком лунном свете циклопический силуэт, пересекавший долину.

Морган описал увиденное крайне туманно: монструозная пародия на человека высотой в сто футов, вышагивала на двух гигантских то ли ногах, то ли подпорках, отходивших от огромного цилиндрического тела. Фермер сказал, что существо блестело в сиянии луны, как будто сделано было из металла. Великан неуклюже двигался по лощине, и его чудовищная поступь отдаленно напоминала людскую. На глазах Моргана, колоссальные конечности (или подпорки) сгибались и разгибались посередине, подобно человеческим коленям, и валили деревья на своем пути, словно хворост.

Фермер успел лишь мельком рассмотреть создание, а оно уже скрылось за поворотом распадка. Следующим утром он спустился вниз и отыскал следы гиганта: неглубокие круглые ямы, внешне сходные со странными углублениями, обнаруженными ранее.

Эта байка развеселила весь Стоктон, хоть Морган и твердил угрюмо, что каждое слово — правда. История расползлась по газетам страны; как правило, ее сопровождал какой-нибудь остроумный комментарий о силе виргинского самогона или о том, как же далеко шагнул прогресс, если теперь

вместо освященных традицией змеев пьяницам являются загадочные механизмы.

Назавтра Морганы отбыли из Стоктона на своем кособоком дребезжащем автомобиле. Тем же днем одному пытливому газетчику пришло в голову съездить в распадок и разведать обстановку. Не то чтобы репортер хоть самую малость верил безумным россказням, однако ему хотелось выслушать мнение бывших соседей Моргана — фермеров той округи.?

Журналист возвратился под вечер с новостями, которые взбудоражили весь городок, породив уйму домыслов и споров. Газетчик не только разыскал описанные Морганом отметины, но и окончательно уверился: до упомянутой ночи подобные углубления не встречались в маленькой лощине. Несколько обитавших в тех краях семей не смеялись над услышанным и казались изрядно встревоженными. Все они свидетельствовали, что Морган являл собой пример рассудительности и честности, а одно семейство даже дополнило историю: их восьмилетний сын, вернувшись с прогулки по холмам, путано и по—детски несерьезно рассказал об увиденном вдалеке 'большом железном человеке'.?

Вот какие сведения привез репортер — и весь городок только об этом и говорил. Разве подобное возможно? Мог ли рассказ Моргана оказаться правдой? И если да, то что же тогда на самом деле видели среди холмов? Механизм, транспортное средство? Что? Нет, это не могло быть правдой. Скорее всего, имело место некое заблуждение, преувеличение. И все же...

Ведущие из Стоктона провода гудели всю ночь, и на следующее утро жители Бостона, Дулута и Форт-Уэрта читали новости и поражались. Это стало новой сенсацией, и люди с нетерпением ожидали развития событий. Что бы там ни случилось, репортеры жаждали заполучить подробности для своих ежедневных газет: фотографии, сделанные на месте, и рисунки должны были пролить свет на загадку.

Народ толкался на главных улицах городка до поздней ночи, множа домыслы и слухи. Впервые Стоктон оказался в центре национального внимания, и его жители очень гордились неожиданной славой.

Однажды, за час до полуночи, яркий свет вспыхнул над северными холмами — столб ослепительного фиолетового свечения прорезал небеса, словно гигантский огненный палец, а затем растворился во тьме. Народ на улицах смотрел и дивился. Какое-то время люди не сводили глаз с небосклона, но явление не повторялось. Казалось, ночь опустила на город свою черную длань.

Сталелитейные заводы выстреливали длинными языками алого пламени, чья теплая красота вселяла уверенность перед лицом необъятной гнетущей темноты. На фоне сияния, исходившего от расплавленной стали, чернели строгие силуэты громадных печей и башен. В себе они заключали спокойствие и безмолвное ободрение, словно бы провозглашая величие и силу того, кто возвел их — человека. Однако подсвеченное заревом небо позади построек цветом своим напоминало кровь...

3

Ланье прибыл в Стоктон ранним утром следующего дня. Лицо учителя похудело и осунулось: с той поры, как он впервые прочитал в газете одно из упомянутых юмористических сообщений, его не покидало чувство глубокой растерянности и смутного, вызывающего озноб страха.

До самого вечера Ланье устало бродил по городу и задавал повсюду один и тот же вопрос: 'Вы знаете кого-нибудь по фамилии Детмольд, кто живет в Стоктоне или в окрестностях? Высокий, крепкий мужчина...' Но сколько бы молодой человек ни расспрашивал, никто ему не сказал ничего путного. А затем он заглянул в контору небольшой автотранспортной компании.

Там слыхом не слыхивали о Детмольде, однако они выполнили кое—какую работенку для некоего Фостера, который в точности подходил под описание, данное учителем. Человек этот жил в нескольких милях к северу от города. Он нанимал грузовик, чтобы перевести пару—тройку ящиков от железной дроги до своего жилища — старого фермерского дома. Более того, дорога оказалось просто ужасной, и Фостер донельзя беспокоился о своем имуществе. Да, они могут объяснить, как туда добраться. Нужно двигаться по такому—то бетонному шоссе, а потом свернуть на изрезанный колеями проселок, весьма круто взбиравшийся в гору...

Солнце уже висело над западным горизонтом, когда Ланье поднимался по извилистой дороге. Не раз он оглядывался на город внизу, залитый золотистым вечерним светом.? Улицы сейчас были полны рабочих, возвращавшихся домой с заводов. Уставшие и грязные, они окликали друзей и делились последними новостями о 'той твари Моргана' — так ее теперь называли.

Тихая безмятежность и сонное умиротворение пронизывали Стоктон, противопоставляя себя напряженным треволнениям предыдущей ночи. На западе солнце опускалось все ниже и ниже; в тысяче домов готовился ужин и смаковались услышанные за день сплетни. А из-за окрестных холмов огромными грохочущими шагами к городу со всех сторон подступала смерть.

4

Солнце соскользнуло к самому краю небосклона, и тогда над Стоктоном вдруг разнесся торопливый и сбивчивый колокольный звон. Отчаянно завизжали заводские гудки — затем внезапно смолкли, непонятно почему. Пронзительные крики и вопли расползались по городу со скорость лесного пожара. Повсюду дома извергали из себя жильцов; люди встревоженно озирались, ища причину беспорядков. А затем, взглянув на холмы, они узрели свою погибель.

На окружавших Стоктон возвышенностях безмолвно замерли, взяв город в широкое кольцо, исполинские силуэты. Было их примерно два десятка. Внешне они выглядели совершенно одинаково: высоченные металлические гиганты, отдаленно походившие на людей. У каждого две колоссальные ноги — гладкие металлические столбы десяти футов диаметром и все сто ярдов высотой. Могучие подпорки удерживали туловище — вертикальный цилиндр шириной пятьдесят футов, сделанный из такого же блестящего металла; на совершенно гладкой поверхности не было видно никаких стыков. Цилиндр венчало нечто, ярко искрившееся в свете солнца, — небольшая трехгранная пирамида, на каждой стороне которой сверкала стеклянная линза. Также от каждого цилиндра отходила пара блестящих гибких рук, сужавшихся к концу. Извивистые эти конечности свешивались почти до самой земли.

Колокола прекратили трезвонить. В плотной тишине народ на улицах ошеломленно таращился на металлических гигантов, которые столь же неподвижно и безмолвно изучали людей внизу. В следующий миг один из великанов издал странный клич — режущий слух вопль, переросший в пронзительный визг. И это послужило сигналом: все монстры одновременно устремились к городу, двигаясь вниз по склонам невероятно широкой поступью. Огромные ноги вылетали вперед и с грохотом опускались; сгибались, распрямлялись и неслись дальше, делая следующий шаг. Быстро и неумолимо приближались гиганты, сжимая кольцо вокруг Стоктона.

Первый оглушительный миг полнейшего изумления миновал, и раздался невообразимый хрипящий рев — безумный крик тысяч объятых паникой людей. По улицам, виляя из стороны в сторону, носились автомобили. Они врезались в толпы несчастных пешеходов и сбивались в покореженные груды, которые через несколько минут забили все перекрестки. Вопя, толкаясь, пинаясь, потоки людских масс перли по улицам, неустанно стремясь убраться из центра

Weird Tales
The Unique Magazine
The METAL GIANTS
by
EDMOND HAMILTON
December
1926
25¢

города и найти спасение в его окрестностях. А все это время металлические фигуры надвигались на город — земля содрогалась под их громоподобными шагами.

Все ближе и ближе подходили они, и вот уже достигли дальних предместий; нависли над домами, словно исполины в игрушечной деревне. Длинные гибкие руки хлестнули с ужасающей силой. 'Хрясь!' — рухнул маленький кирпичный домик. 'Бах!' — громадная конечность проломила бунгало. 'Хрясь! Бах! Тресь!' — снова и снова. С неспешной методичностью город превращался в руины.

Великаны особо не старались убивать человечков, с криком носившихся внизу, однако лишь немногим удалось вырваться из окружения. Жителей упорно сгоняли в центр города, где они оказались в западне.

Примерно через час кольцо гигантов сжалось до диаметра одной мили. Улицы внутри круга были до предела запружены людьми, а здания просто ломились от человеческих тел. В подвалы — якобы более безопасные — набилось столько народу, что стало трудно дышать.

Кошмарную давку опоясывала вереница металлических гигантов. Минуту они, казалось, рассматривали оголтелую толпу крошечных созданий. Затем снова прозвучал сигнал—вопль, и все монстры потянулись рукой себе за спину, словно что-то нашаривая. Гибкие конечности вынырнули обратно; в каждой был зажат небольшой черный шар. Исполины выставили сферы перед собой, и тотчас из них вырвались клубы желтого газа и облаком опустились вниз, обволакивая толпу. Темно—оранжевый поток заползал в дома и затапливал переполненные подвалы.

Повсюду люди падали замертво от его прикосновения; внезапно обмякнув и одряхлев, оседали, точно мешки с песком. Лица жертв были ужасны на вид: съеженные, ввалившиеся, точно морщинистые кожаные маски.

Газ быстро развеялся и впитался в почву, обнажив тихие и неподвижные горы трупов — жуткая противоположность царившим недавно крикам и беготне. А затем: 'Бац! Хрясь!'

— огромные конечности выдергивали и крушили постройки, пинали их ногами, распихивали в стороны. Месиво из битого кирпича и покореженной стали погребло под собой лежавших вповалку мертвецов.

Металлические гиганты двинулись прочь, тут и там разрушая дом или срывая дорогу. Они шагали к восточной оконечности долины. Обитатели тех мест, увидав монстров, бежали в страхе. Однако один человек, наблюдавший за происходящим, не убегал. На лице мужчины лежала печать ужаса. То был Ланье, и с отдаленной вершины холма оглядывал он нагромождения раздробленных руин, на месте которых час назад стоял суетливый город.

Он смотрел, как на развалины опускается вуаль темноты, скрывавшая под собой расколотые останки. Издалека, из той части долины, куда ушли металлические великаны, донеслись громкие, пронзительные крики. Также ему, вроде бы, послышалось какое-то жужжание, будто прилетел и улетел аэроплан: покружил некоторое время над разрушенным городом, а затем умчался на север. Сидя на корточках, Ланье продолжал всматриваться в сгущавшийся мрак. Через несколько минут он с трудом поднялся и, двигаясь как в тумане, поплелся в лес. В мозгу молодого человека пульсировала лишь одна мысль, а с губ срывалось единственное слово: 'Детмольд!'

5

И охватил страну ужас. В Нью-Йорке первые обрывочные сообщения об уничтожении Стоктона встретили добродушным смехом. Но поступали все новые и новые сведения, и вскоре на улицы градом посыпались экстренные выпуски газет, а кричащие заголовками новостные стенды начали собирать вокруг себя толпы народу. В тревожном молчании люди читали историю гибели Стоктона, записанную со слов тех немногих, кто уцелел в багровый час. Также позднее появились краткие отчеты о дальнейшем продвижении

металлических гигантов: по-видимому, те неторопливо шагали на север, убивая, разрушая и выкорчевывая на своем пути все и вся.

Промчавшись по сети проводов, пролетев на радиоволнах сквозь ночь, из Вашингтона прибывали короткие зловещие оповещения — оповещения, знаменовавшие крушение относительно безопасной и мирной эпохи.? Это были доклады о бурной деятельности, о срочных собраниях и поспешных переговорах. Наконец рано утром всех уголков государства достигла прокламация федерального правительства.?

'Представляется очевидным, — говорилось в том обращении, — что некие люди напали на страну изнутри. В их распоряжении имеются новые виды боевых машин, в которых заключена огромная, небывалая мощь. Люди эти, вероятно, являются либо анархистами, либо агентами некой иностранной державы. В качестве оружия неизвестные используют новый, чрезвычайно смертоносный отравляющий газ. Проникая в организм сквозь кожу и плоть, при этом, не повреждая их, вещество разрушает в теле все кости наподобие того, как вода растворяет сахар. У каждого человека, кого коснется газ, в один миг исчезают скелет и череп, в результате чего жертва мгновенно словно бы схлопывается и умирает.?? Поэтому всем обитателям местности, прилегающей к Стоктону в радиусе трехсот миль, рекомендуется спасаться бегством. Пехота и артиллерия уже направляются навстречу новому противнику, готовые вступить в бой, а ученые сообща изыскивают наилучший способ одолеть угрозу'. Также власти рассчитывали на полное содействие и просили население в точности следовать их распоряжениям, воздержаться от распространения паникерских слухов и постараться, как и прежде, выполнять все свои насущные обязанности.?

Таким образом, деловитый тон заявления позволил людям на некоторое время вздохнуть свободно. И прежде случалось множество чрезвычайных ситуаций, которые

удалось преодолеть. Войны, восстания, наводнения, пожары — после всего этого, какие-то новые боевые машины выглядели не такими уж и грозными, пусть даже они опустошили целый город. Скорее всего, рассказы об их размерах (сотни футов и тому подобная чушь) были преувеличены. Что же касается смертельного газа... Ну, отравляющие вещества применялись и раньше. Неважно, кто там напал — анархисты или иностранные захватчики — в любом случае войска их остановят. Несколько осколочно-фугасных снарядов решат проблему.

Так рядовой гражданин успокаивал своих домочадцев, когда кто-нибудь из них выказывал тревогу или страх. Первый всплеск паники миновал, и в стране вновь установилось привычная безмятежность — в открытую о неизвестном противнике волновались весьма немногие. Если бы не газеты, неосведомленный человек даже не подозревал бы о существовании монстров.

Было точно известно, что четыре металлических гиганта остались в Стоктоне, а другие восемнадцать продвигались на север, в сторону Уилинга и Питсбурга. Пилоты самолетов и разведчики докладывали о разрушениях, отмечавших путь великанов. Жители разоренных городов и сел бежали при первой же тревоге. Военное ведомство решило сосредоточить войска в нескольких милях к югу от Уилинга. В том месте врагу преградили дорогу десять тысяч солдат, часть которых составляли поспешно созванные ополченцы; пехоту поддерживали силы тяжелой артиллерии. Ходили туманные слухи о засадах, подготовленных неприятелю, о ямах—ловушках, мощных минах и тому подобном.

Вечером третьего после уничтожения Стоктона дня боевые машины, согласно сообщениям, находились менее чем в двадцати милях к югу от армии, и несколько тяжелых орудий, установленных на рельсовые платформы, уже обстреливали гигантов. В каждом городе все напряженно ждали сведений о первой схватке. Время ползло мучительно

медленно, обеспокоенные толпы клубились на улицах, а новостей все не было.

Ночь уже давно перевалила за два часа, когда судьбоносное известие наконец-то пришло. И это небольшое сообщение повергло весь мир в ужас. Оно исходило от трещавшего по швам правительства, которое спешно перебралось из Вашингтона в Филадельфию.

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, 24 июля. — Военное ведомство выступило здесь с заявлением, что защищавшие Уилинг войска потерпели жестокое поражение от вражеских боевых машин, которые, применив некое неизвестное устройство, застлали несколько миль страны впереди себя покровом смертоносного газа. Девять десятых личного состава погибло, даже не увидев противника. Остатки войск отступили к Питсбургу, и считается, что боевые машины уже вошли в Уилинг. Как предполагается, еще в самом начале сражения артиллерийским огнем был уничтожен один из гигантов. Однако, помимо этого те оказались совершенно неуязвимыми. До сих пор не ясна судьба небольшого отряда солдат, отправленного в Стоктон атаковать, оставшиеся там четыре машины. Но даже если подобная атака и была предпринята, вряд ли она увенчалась успехом. Людей, что управляют боевыми машинами или обслуживают их, никто не видел — похоже, они безвылазно сидят внутри гигантов. Действия неизвестных, впрочем, свидетельствуют об их крайней беспощадности, и поэтому население страны получило предупреждение: куда бы враг ни вторгся на своих машинах, в настоящее время единственный способ спастись — это немедленно бежать. Несколько европейских держав предложили нашему правительству военную помощь, однако, пока не будет разработано новое действенное оружие, не стоит и пытаться вступать в бой с неведомым противником, ведь вероятность победы ничтожно мала.

6

Когда на рассвете второго после стоктонской бойни дня Ланье набрел на ферму Детмольда, то лишь наполовину понял, что объект его многочасовых поисков наконец найден. Исступленно проблуждав по лесу, кажется, целую вечность, он от усталости теперь едва не валился с ног. Даже более—менее придя в себя и осознав, что именно это место ему и описывали, молодой человек не проявил особого интереса. Войдя в дом, он обшарил кухню и, отыскав консервированные продукты, с жадностью проглотил их, а после рухнул на диван и проспал как убитый весь день и всю ночь.

Пробудился он незадолго до полудня третьего дня; был свежим, собранным и ужасно голодным. Снова перекусив консервами, Ланье приступил к обыску. И с тревогой обнаружил, что Детмольд, судя по всему, не объявлялся здесь по крайней мере несколько недель.

В помещениях стояла весьма скромная мебель, внешний вид которой просто кричал, что хозяин — неряшливый холостяк. Единственная просторная комната была переделана в лабораторию, но даже в ней царил грандиозный беспорядок, а бóльшая часть оборудования, по-видимому, куда-то пропала. Все безошибочно указывало: Детмольд жил здесь. Но выяснить, насколько давно он покинул дом, не представлялось возможным.

В лаборатории молодому человеку посчастливилось найти дневник профессора: толстая книга в холщовой обложке валялась сбоку от стола. Ланье лениво пробежался взглядом по первой странице, а затем, загоревшись интересом, углубился в чтение. Прошел час, а поразительные записки все не отпускали его.

Книга ответила на многие вопросы, а также поведала о невообразимом ужасе. Тогда-то Ланье впервые и осознал, что именно вырвалось на волю, узрел чудовищный кошмар в его самом пугающем проявлении.

Дневник начинался с событий, непосредственно предшествующих увольнению Детмольда из университета, и, похоже, содержал отчеты о разнообразных экспериментах, в многочисленных ссылках на которые Ланье не смог разобраться. В день своего изгнания из Джастона профессор оставил в книге несколько крайне едких комментариев об университетских чиновниках и о всеобщей их глупости. Также он упомянул место, где намеревался продолжить эксперименты, — полузабытую старую ферму, что досталась ему по наследству. По прибытии, он переоборудовал дом под нужды лаборатории. Чтобы оградить себя от нежелательного внимания назойливых журналистов, ученый скрывался под фамилией Фостер.

Записи изобиловали пропусками, но в целом история излагалась вполне последовательно. Детмольд обрел уголок, где мог спокойно трудиться, и теперь, не жалея времени и сил, корпел над металлическим мозгом, неустанно стремясь усовершенствовать его. Шли месяцы, и профессор добился невиданных успехов. Оставив базовый принцип без изменений, он сделал свое творение гораздо бóльшим в размерах и в значительной степени усложнил структуру атомного организма, что привело к увеличению умственных способностей существа. Взамен одной грубой линзы, Детмольд вмонтировал по бокам овального корпуса два больших всевидящих ока. Он приделал ухо, чтобы создание воспринимало звуки: сверхчувствительный микрофон улавливал малейший шум, преобразовывал его в электрические импульсы и мигом посылал их в центральный мыслящий отдел. Несколько месяцев утомительных испытаний — и ученому удалось снабдить мозг парой рук—манипуляторов. Короткие пустотелые конечности, изготовленные из гибкого металла, крепились к обоим концам устройства и приводились в действие скрытыми внутри них электромагнитами, пропуская через которые соответствующий ток, создание могло двигать руками, как ему заблагорассудится.

Одну страницу дневника густо покрывали кляксы, и разобрать написанное было непросто: рука, сжимавшая ручку, тряслась от охватившего в тот момент душу Детмольда ликования. Постепенно Ланье догадался, что профессор довел до совершенства технологию, делавшую ненужным внешний источник электрических колебаний, возбуждавших мозговую активность. Вместо этого, он нашел способ, посредством которого нужные вибрации автоматически и непрерывно вырабатывались внутри самого мозга, внутри его атомной структуры. Детмольд добился подобного перетасовкой электронов, то есть он покусился на самые сокровенные тайны вещества. Как именно удалось совершить столь грандиозный подвиг, не уточнялось: лишь немногие технические секреты профессор доверил дневнику. Однако, благодаря удивительному открытию, металлический мозг впервые перестал зависеть от каких—либо внешних условий, сделавшись совершенно самостоятельным и, можно даже сказать, живым.

С этого момента, страницы маленькой книги превратились в хронику чудес. Детмольд без устали писал о растущей способности мозга различать воспринимаемые ощущения, о скачках его интеллекта и о том, как ловко мозг управляется с инструментами и различными предметами. Позже, ученый поведал, как научил свое творение читать. Начали они с детских книжек с картинками и продолжали работу с моделями и печатными словами. Наконец оно освоило чтение книг и, несомненно, понимало прочитанное (хотя бы отчасти). 'Примечательно то, — писал профессор, — что существо с жадностью поглощает научные труды и в то же время решительно отвергает любую беллетристику, поэзию и прочую художественную литературу, отдавая предпочтение фактам. Это наводит на мысль о его ограниченности. Да, интеллект у мозга есть, но интеллект сей не такой, как у людей, хоть и создан он человеком'. Именно по этой причине Детмольд оставил попытки наладить общение. Мозг, очевидно, не воспринимал устную речь: профессор писал

бессчетные сообщения и держал их перед искусственными глазами, но никакого ответа не добился. До него начало доходить, что у них попросту нет точек соприкосновения и что лишь в сфере науки они отыщут общий язык.

Поэтому он избрал иной путь и научил существо проводить опыты, повторять вслед за собой несложные эксперименты — с чем оно без труда справилось. Судя по всему, мозг проявил в этом направлении недюжинные способности: мог с нечеловеческой точностью воспроизводить сложнейшие опыты в области химии и физики, не допуская ни единой ошибки.

Наконец наступил день полного триумфа, ведь мозг успешно провел опыт, заводивший в тупик самого Детмольда; провел столь же отменно, как и все предыдущие эксперименты. Создание превзошло своего создателя.

Профессор писал: 'Наблюдая за проворными, отточенными движениями гибких, похожих на змей металлических рук; за тем, как они молниеносно орудуют мензуркой, колбой и горелкой, я вдруг осознал, что породил интеллект, далеко превосходящий людской. Он более совершенен: холодное, беспощадное мышление, идеально точная память и полная невосприимчивость к бессчетным эмоциям, что засоряют разум человека. Любовь, ненависть, страх, радость, горе — ничто его не трогает'.

Ликование Детмольда было безгранично. Теперь он мог возвратиться в мир, насмехавшийся над ним, привезя с собой, как и намеревался, металлический мозг. Однако три года одиночества, проведенные в напряжении и тяжких трудах, да и внезапное исполнение всех мечтаний пагубно сказались на здоровье профессора: в одно из редких посещений Стоктона его неожиданно скрутила болезнь. Совсем недолго пролежал он под наблюдением в местной больнице, а затем для необходимой операции его перевезли в Питтсбург. Процедура прошла без сучка и задоринки, но из-за нее Детмольд застрял в питтсбургской клинике более чем на месяц. А все это время в доме, затерянном среди холмов,

металлический мозг пребывал в сознании, размышлял, планировал...

***

О болезни профессора Ланье узнал из более поздних заметок. А самая первая запись, сделанная в дневнике после многонедельного перерыва, поражала своей тревогой. Детмольд вернулся, горя желанием возобновить милый сердцу эксперимент, и, войдя в дом, обнаружил, что лаборатория перевернута вверх дном, а металлический мозг — исчез. Повсюду виднелись следы бурной деятельности: разбитые колбы и обрезки стали, но никаких намеков, где искать пропажу.

Судя по бессвязным предложениям, злость и беспокойство чуть не свели профессора с ума, ведь у него украли самое дорогое. Лишь он один знал, сколько лет потребуется, чтобы восстановить утраченное изобретение. Поэтому Детмольд целыми днями рыскал по лесу в поисках, и однажды утром, в начале июня, нашел что искал, сокрытым в глубине холмов.

В круге шириной несколько сотен футов, расчищенном от деревьев, кустарника и травы, почва была плотно утрамбована — получилась ровная, просторная площадка, окруженная высоким валом земли. А внутри этого кольца кипела поразительная работа. Сперва, стоя наверху насыпи, он заметил прямо под собой небольшую, внушительного вида машину, сделанную из незнакомого блестящего металла. Она сильно походила на старомодный насос, разве что рукоятка отсутствовала. Из трубки в верхней части агрегата сочился расплавленный металл и тонкой светящейся струйкой падал в черные литейные формы, где сразу же застывал. Нельзя было с точностью сказать, на какую глубину под землю уходила маленькая, напоминавшая насос конструкция, и для терявшегося в догадках Детмольда источник жидкого металла оставался тайной, как и цели этой добычи.

Но когда ученый осмотрелся, последний вопрос более—менее разрешился. На дальней стороне круглой площадки возилось с полдюжины машин: они крепили друг к другу широкие листы блестящего металла — такого же как в формах для литья. На минуту суетящиеся механизмы еще сильнее озадачили Детмольда.

Из себя они представляли обычные блестящие сферы примерно пяти футов диаметром, выполненные из все того же вездесущего металла и снабженные шестью руками—щупальцами непомерной длины. Профессор видел, как гибкие, извивающиеся конечности хватают, прижимают и скручивают, выполняя огромнейший объем работ. Машины смахивали на крупных осьминогов из металла, и были совершенно лишены всяческих особенностей, за исключением рук, отходивших от шарообразных тел. Эти верткие, сужающиеся к концу щупальца и привлекли внимание Детмольда. Они напоминали... напоминали конечности, которыми был наделен металлический мозг! Когда ученому пришло это в голову, он внимательно осмотрелся — и справа, на краю площадки, увидел мозг собственной персоной.

Да, это был мозг — и все же не совсем. Создание двигалось. Раньше оно лишь смирно лежало на столе — таким уж Детмольд его создал, — однако теперь обрело способность перемещаться в любом направлении. Пока профессор таращился на мозг, тот, видимо, заметил его и плавно заскользил через площадку в сторону человека: какая-то неведомая, необъяснимая сила удерживала крупное металлическое тело примерно в шести дюймах от земли.

Мозг подплыл и неподвижно замер рядом с тем участком насыпи, где стоял Детмольд. Черный овальный кожух более одного ярда в длину зловеще парил над землей, рассматривая своего создателя темными линзами.

Детмольд уставился в ответ. А потом его вдруг осенило, и он громко вскрикнул. Ученый понял: никто и никогда не похищал металлический мозг. В отсутствие профессора его изобретение открыло метод, позволявший перемещаться

таким вот сверхъестественным манером. Используя новую способность, украденные инструменты и свой безграничный интеллект, создание добралось до этого места и построило другие машины, работавшие теперь под его началом. Но... что же оно делает? Что сооружает? Здоровенные куски металла, над которыми трудятся машины—осьминоги; устройство, что выкачивает жидкий расплав прямо из земли — для чего все это?

Согласно прерывистым записям в дневнике, Детмольд, вероятно, несколько минут просто глазел на существо, осознав наконец, какого монстра создал и выпустил на свободу. Затем одна из гибких рук мозга нырнула куда-то назад, и на профессора внезапно повеяло предчувствием смертельной опасности. Недолго думая, он спрыгнул с насыпи на другую сторону. Краем глаза Детмольд успел заметить, как металлическая конечность взметнулась вверх, сжимая небольшую сферу, из которой вырвалось желтое облако и потянулось по направлению к нему. Детмольд скрылся за земляным отвалом, однако газ все же слегка зацепил левую руку, и это причинило жуткую боль. Отбежав на милю, он остановился, чтобы осмотреть кисть, и с изумлением обнаружил, что в том месте, где вещество коснулось руки (не причинив никакого вреда коже), кости полностью растворились: два пальца частично съежились и невыносимо болели.

Оступаясь, профессор побрел обратно домой, и пока шел, в его потрясенном разуме, подобно звону могучего колокола, гудело одно единственное слово — слово, чьи огненные буквы, казалось, висели прямо перед глазами: 'Франкенштейн'.

7

С этого момента Ланье с трудом разбирал написанное: на порванных, замызганных страницах дневника то и дело попадались совсем уж невнятные каракули. По-видимому, там говорилось, что Детмольд, узнав о действиях

металлического мозга, несколько дней не выходил из дому, размышляя над тем, чему стал свидетелем. Он выдвигал дичайшие предположения и беспрестанно винил себя за выпущенный на волю ужас. Воображение рисовало ему Землю, захваченную ордой железных разрушителей, чье неудержимое нашествие, может перекинуться и на другие планеты — словно металлическая чума космических масштабов. И все из-за него!

Далее в записях случился двухдневный перерыв. Однако из последующих заметок выяснилось: Детмольд провел эти два дня, затаившись неподалеку от укреплений металлического мозга, — следил за развернувшейся там деятельностью. Он писал о машинах—осьминогах, утверждая, что те — обычные безмозглые автоматы без малейших проблесков интеллекта; всего-навсего сложные механизмы, оснащенные независимым источником питания и получающие приказы от металлического мозга через какую—то мудреную систему радиоуправления. Также ученый поведал о том, чего не заметил, когда осматривал площадку впервые — о неких цилиндрах (так он решил их называть). По сути, это и были сделанные из блестящего металла цилиндры диаметром примерно пятьдесят футов, а высотой — в полтора раза больше, снабженные двумя гибкими руками той же разновидности, что и конечности металлического мозга и щупальца строительных машин. Однако руки цилиндров были гораздо толще и длиннее. Детмольд полагал, что внутри новых созданий заключен искусственный мозг, схожий с его изобретением, хоть, как ему казалось, и не такой продвинутый. Подумать только! В дополнение к безвольным рабам—осьминогам, металлический мозг сотворил себе слуг, мыслящих, как и он сам.

С ноткой горечи профессор писал, что, хоть цилиндры, вне сомнений, и были наделены зачатками интеллекта, их повелитель, металлический мозг, соблюдая осторожность и не желая, очевидно, повторять ошибку Детмольда, не сделал свои детища достаточно самостоятельными для

восстания против создателя. По мнению ученого, цилиндры почти целиком зависели от приказов металлического мозга. Впрочем, у них также были три зорких глаза, крепившиеся к маленькому корпусу, установленному на их верхней плоскости.

Теперь Детмольд начал смутно догадываться о целях и намерениях мозга. Машины—осьминоги закончили работу, и всю площадку загромождало множество громадных металлических столбов — гладких и круглых. Профессор не понимал, для чего они предназначены, пока не увидел, как один из цилиндров при помощи строительных машин и под руководством металлического мозга закрепляет концы двух гигантских столбов на своей нижней плоскости, а затем возносится на чудовищную высоту, выпрямляется, встает, поражая своей мощью! Первый великан помог остальным цилиндрам принять нужное положение, и вскоре поляну битком забили примерно двадцать высоченных металлических гигантов. Выполняя приказы крошечного по сравнению с ними мозга, находившегося далеко внизу, они вышагивали по округе человекоподобной поступью.

Детмольда не мог даже предположить, почему металлический мозг избрал для своих исполинских слуг именно такую форму, почему изготовил их столь похожими на людей. Бессознательное подражание? Мимикрия?

Несколько дней к ряду Детмольд возвращался к расчищенному участку и наблюдал, как металлические гиганты топчутся по окрестностям, пробуя силы и упражняясь. Однажды он лишь чудом спасся, едва не угодив под огромную ногу, и впредь старался вести себя осторожнее. Профессор ума не мог приложить, какая же энергия двигает машины, однако приписывал ее некоему, открытому мозгом способу применения атомной силы. Почти две недели спустя после обнаружения укреплений металлического мозга, Детмольд снова пришел к поляне и увидел, что та заброшена: машины—осьминоги и разливщик металла валялись в стороне, сваленные в груду. Пробираясь через холмы по следам

колоссальных боевых машин, профессор через некоторое время отыскал новый лагерь мозга — травянистую котловину меж холмов, расположенную всего в нескольких милях от Стоктона. Охраняемый металлическими гигантами мозг засел во впадине, точно паук в огромной паутине.

Тут—то Детмольд и догадался о ближайших планах мозга; понял, что Стоктон приговорен к уничтожению. С этого момента в каждой строчке дневника стали ощущаться мучительные терзания. Что он мог сделать? Профессор даже не думал о том, чтобы привести из Стоктона подмогу и разобраться с тварью: он лучше кого бы то ни было понимал всю тщетность подобной затеи. К тому же в его историю попросту никто не поверил бы. Однако чудовище необходимо было уничтожить, и как можно скорее.

Вероятно, будет лучше привести здесь две последние записи целиком. В первой говорится:

По пути домой я заглянул в бывшее становище мозга и ненадолго задержался там, изучая машины—осьминоги. Как я и думал, эти сложные механизмы принимают извне приказы и откликаются на них действием — ничего более. Я также осмотрел агрегат для производства жидкого металла и разобрался в принципах его работы. Всасывая в себя обычную землю, он отделяет атомы металлов от прочих атомов и подает наружу непрерывный поток расплавленного металла — главным образом, это алюминий, но до странного прочный и твердый; вероятно, из-за добавления посторонних примесей. Принцип действия достаточно прост, и теперь я начинаю понимать, какая именно энергия питает металлических гигантов. Думаю, можно найти ей другое применение, более действенное'.

Чуть дальше Ланье прочел самую последняя запись, пугавшую своим подтекстом; она была сделана две недели назад:

'Просто подумал: а что если бы у меня получилось управлять машинами—осьминогами — чего бы я тогда добился? Да, собственно, почему бы и нет? Без сомнения, те строительные механизмы, подобно цилиндрам, получали приказы металлического мозга по радиоволнам определенного типа. Если бы мне таким же образом удалось взять «осьминогов» под контроль, то я получил бы возможность... ударить в самый центр...

На этом записи резко обрывались. Пролистав маленькую книжицу дальше, Ланье больше не нашел никаких заметок. У молодого человека шла кругом голова, а внутри вспыхнула безумная надежда; при этом одна его часть сомневалась, а другая — верила.

Возможно ли подобное?..

Ланье внимательно перечитал кое—какие отрывки, пытаясь вычислить расположение упомянутых в дневнике мест. Часом позже он уже был в нескольких милях от дома, направляясь в ту область, где, по его мнению, находился новый лагерь металлического мозга. Вечер присыпал мир серой пудрой, а вскоре наступила густая, непроглядная темнота.

Той ночью он спал в сосновой рощице на собранных в кучу ветках, и проснулся лишь на рассвете. Потянулся, зевнул — и вдруг насторожился: по лесу легким шепотом разнесся далекий вопль.

Долетал он как раз с той стороны, куда и нужно было идти Ланье, и, по мере того как молодой человек со всей возможной скоростью продвигался вперед, становился все громче и громче. Когда Ланье покинул маленькую полянку там было абсолютно тихо, если не считать криков вдали. Смолки щебет птиц и трескотня белок: смутный страх заставил животных оборвать веселый гвалт. Все обитатели леса хранили испуганное молчание и слушали...

8

Навстречу продолжавшему двигаться вперед Ланье прилетел треск падающих деревьев, а потом — значительно громче и ближе — прозвучал настойчивый свистящий визг, уже слышанный им ранее. Сгорая от волнения, молодой человек поднажал, продрался сквозь беспощадные заросли шиповника, скатился по лесистому склону и внезапно, к своему удивлению, очутился в поросшей травой впадине более полумили шириной — плоской и без единого деревца. Посреди равнины, ослепительно сверкая в лучах солнца, покоился огромный величественный круг. А в нескольких дюймах над поверхностью блестящей платформы парил темный яйцеобразный объект с двумя тонкими, сужающимися к концам руками. Металлический мозг!

От увиденного Ланье точно током ударило. Вот он, сверхинтеллект, что разрушает цивилизацию людей и отнимает у них власть над миром! Металлический король на троне из металла! Впервые Ланье узрел бездушную сущность ужасного монстра — холодный, расчетливый, жестокий, упорный.

Рядом с помостом возвышался металлический гигант, исторгавший из себя те самые визгливые сигналы, которые довелось слышать молодому человеку. Вдалеке маячила еще одна могучая боевая машина, неподвижно застывшая в том краю котловины, где холмы образовывали длинный, укрытый лесами спуск.

Ланье понял: мозг и его приспешники чего—то напряженно выжидают. Из-за лесистого склона снова послышался шум падающих деревьев, и Ланье предположил, что это возвращается очередной металлический гигант, совершавший вылазку на север. Грохот и треск сминаемого леса делались все громче и громче, и вот на вершине длинного склона возник громадный силуэт и начал стремительно спускаться во впадину.

При появлении штуковины — когда она, балансируя на гряде, полностью предстала перед глазами — Ланье вздрогнул от изумления. Ведь это оказалось здоровенное колесо. Колесо, которое, скорее всего, было выше даже огромных боевых машин — как минимум на пятьдесят футов. Блестящие, невероятных размеров спицы и широкий, истыканный шипами обод были сделаны из гладкого металла; у ступицы висела квадратная, похожая на ящик конструкция из того же материала.

Ближайшая боевая машина снова разорвала тишину свистящим сигналом. И теперь издалека пришел ответ. Ланье посмотрел на восток и с удивлением заметил у самого горизонта еще четырех металлических гигантов, которые широченными шагами неслись по холмам, стремительно приближаясь ко впадине — те четверо, что оставались в Стоктоне, спешили на зов хозяина. Но зачем? Помочь в сражении с тем огромным колесом, что угрожает металлическому мозгу?.. Тогда, кто же?..

— Детмольд! — громогласно вскричал Ланье, и в том возгласе смешались понимание, радость и вера. — Детмольд!

Он-то и сконструировал колесо, чтобы сокрушить металлический мозг и его воинов; построил, используя в качестве инструментов машины—осьминоги, управление которыми смог освоить. Он сражался с чудовищем его же собственными изделиями.

И теперь колесо медленно катилось по склону, надвигаясь на стоявшего внизу гиганта. Грандиозный обод не издавал никаких звуков, позволяющих определить источник толкавшей его вперед силы, однако Ланье ни разу не сомневался: Детмольд позаимствовал и приспособил тот самый секрет атомной энергии, применяемый мозгом в своих творениях. Неспешно, почти неуклюже колесо с грохотом спускалось в котловину, пока не очутилось в нескольких сотнях футов от боевой машины. Внезапно пассивность гиганта исчезла без следа: длинная рука выстрелила вперед, сжимая сферу, из которой в сторону ступицы колеса брызнул смертоносный газ. С быстротой молнии огромное колесо вильнуло в сторону, а затем, бешено вращаясь, рвануло к стоявшему столбом великану и обрушилось на него с ужасающей силой. Боевая машина упала, и могучий обод проехался по ней. Раздался скрежет металла, и монстр остался лежать, переломанный и неопасный.

На востоке четыре наступающие боевые машины на всех парах двигались к впадине, обмениваясь пронзительными сигналами с единственным оставшимся в котловине металлическим гигантом, что стоял рядом с мозгом и его помостом. К этому—то врагу и направлялось колесо: медленно, осторожно, словно змея, способная напасть в мгновение ока. Оно катилось по дуге вдоль границ впадины, и когда оказалось рядом с Ланье, он увидел в кабинке у ступицы крошечную фигурку, в которой узнал Детмольда. Тот сосредоточенно управлял гигантским механизмом. Колесо проехало мимо и неторопливо двинулось к металлической платформе и к исполину рядом с ней.

Приблизившись почти вплотную к чудовищной машине, оно остановилось, пошатываясь, прокручиваясь и вздрагивая. 'Ффух!' — ударило колесо настороженного гиганта. Ударило и промазало: монстр в последний момент увернулся, избежав столкновения. Колесо тотчас развернулось и атаковало снова. Ланье вскрикнул, увидав, что обод угодил точно в боевую машину. Но та не опрокинулась: монстр поднапрягся и устоял на ногах. Мощные руки обвились вокруг спиц, изо всех сил удерживая колесо подальше от платформы и мозга. Мчавшиеся с востока металлические гиганты были совсем близко, считай уже выбрались в котловину. Сломя голову неслись они к сошедшимся в битве титанам. А на металлическом круге покоился мозг, следя за схваткой своими глазами—объективами. Он управлял сражавшимся гигантом и подгонял остальных спешивших на помощь слуг.

Длинные конечности все еще оплетали спицы колеса, которому никак не удавалось подобраться к платформе. Внезапно одна из рук отпустила спицу, метнулась к ступице, схватила крошечного человечка и швырнула прочь. Ланье увидел, как фигурка, пролетев по воздуху, ударилась о дерево на краю впадины. От этого зрелища молодой человек закричал и бросился вперед. Сжав кулаки, он исторгал из себя безумные, детские угрозы — просто муравей на фоне двух бьющихся исполинов. Однако, лишившись правящих рук своего создателя, колесо закружилось, накренилось и с грохотом обрушилось на круглую платформу, сокрушив чудовищной массой и боевую машину, и металлический мозг, превратив обоих в груду металлолома.

'Хрясь!' — и Ланье окружила абсолютная тишина. На восточной оконечности котловины четыре металлических гиганта неожиданно грохнулись наземь и неподвижно замерли, осели кучами холодного, безжизненного металла. И то же самое, скорее всего, случилось со всеми остальными гигантами, сеявшими ужас в Уиллинге, — подобное и должно было произойти с каждым творением

уничтоженного мозга, как только к ним перестали поступать его приказы. Воистину, Детмольд уничтожил центр, искоренил кошмарную угрозу в лице собственного детища. С изумлением и трепетом, с внезапно нахлынувшими благодарностью и признательностью Ланье смотрел по сторонам. Безмолвие царило повсюду.

9

Ланье нашел Детмольда распростертым у подножия большого дерева. Лицо профессора выражало абсолютный покой — словно перед самой смертью ученый понял, что победил и осознал: победа эта искупит зло, причиненное его творением. Металлическим обломком Ланье вырыл под деревом глубокую могилу и опустил в нее тело своего друга. Засыпав яму, он водрузил сверху тяжелый камень.

— Прощай, Детмольд, — прошептал он. — Думаю... надеюсь... ты теперь обрел немного покоя. Прощай!

Хладный курган земли хранил безмолвие — коричневый шрам на ковре яркой зелени. Но, казалось, ответ пришел вместе с ветром, чье дыхание пролетело меж деревьев, подобно освободившемуся духу; вместе с соснами, которые, точно величественные темно—зеленые копья указывали вверх, в бездонные синие дали, — туда, где лежала бесконечная свобода и непреходящая мирная тишина.

Ланье утомленно зашагал прочь, в сердце у него угнездилась боль, а горло сдавливала грусть. Совсем скоро молодой человек уже вновь стоял на холме неподалеку от Стоктона и созерцал лежавшие в долине развалины. Ярко сверкало утреннее солнце, а разрушенный город покоился в тишине, словно под защитным покровом. Не было заметно ни дыма, ни каких—либо признаков жизни.

Но Ланье думал, что люди вернуться. Известие о падении металлических гигантов должно было распространиться очень быстро, и настороженные солдаты, хоть и с опаской, тут же перейдут в неспешное наступление. А чуть позже

вслед за ними двинуться одинокие искатели приключений, небольшие группки людей и целые толпы народу. Они возвратятся, и поверженный город огласит пыхтение паровых экскаваторов, звон клепальных машин, визг пил, стук молотков и прочие звуки строительных работ. Они должны вернуться... Вдалеке, на востоке долины, запели сигнальные трубы.

ОСТРОВ ЭВОЛЮЦИИ

1

Теперь представляется возможным восстановить ход событий с самого начала. С того памятного апрельского вечера, когда в аудитории Бостонского научного института доктор Уолтон прочел свою эпохальную лекцию.

На той лекции присутствовали тогда довольно немногие, и в этом не было ничего странного: на улице стояла теплая манящая погода — первое дыхание весны в притомившемся от холодов мире; внутри же аудитории был всего-навсего биолог со своим докладом. В общем, не стоит удивляться, что слушателей в тот вечер собралось мало.

Однако Уолтон, взошедший вслед за ректором института на возвышение, казалось, не замечал пустых рядов. Был это невысокий, подвижный, нервного вида мужчина средних лет. Правой рукой он постоянно взъерошивал свои тонкие темные волосы и обеспокоенно стрелял черными глазами по сторонам. Пока улыбчивый пухлый ректор, сдабривая речь незатейливыми шутками, представлял доктора слушателям, тот взволнованно ерзал на стуле. Стоило только руководителю института, произнеся заключительную хвалебную фразу, отступить в сторону, как маленький ученый тут же выскочил вперед. Его приветствовали жидкими аплодисментами, и биолог немедля начал выступление, вещая отрывисто и торопливо:

— Название моей лекции — 'Эволюция и Будущее' — несколько неоднозначно, а потому хочу сразу вас предупредить: старые теории я освещать не намерен. Но зато представлю одну свеженькую гипотезу. Впрочем, для целей доклада необходимо сначала обратить ваше внимание на — как она ныне известна — общую теорию эволюции.

Как вы знаете, до опубликования этой теории бытовало мнение, что все виды, все расы живых существ издревле

обладают одними и теми же обликом и внутренним строением, и считалось, что так во веки веков и будет. Не допускалось даже мысли, что с течением времени существо или раса существ способны полностью измениться как внешне, так и внутренне — обрести, иными словами, более совершенную форму бытия.

Затем вышли знаменитые труды Дарвина, Уоллеса, Хаксли, и стало очевидным: неизменны в нашем мире только перемены. Вместо того чтобы извечно пребывать в одном и том же состоянии, жизнь без устали меняется и принимает новые обличия. От протоплазменной слизи, этой основы всего живого на земле, жизнь по тысяче расходящихся тропок прошла через множество различных стадий: морская слизь, медузы, беспозвоночные, рептилии, млекопитающие и, наконец, человек. Верх, вверх, все время вверх — карабкаться, несмотря ни на что. Каждое новое поколение чуть-чуть опережает предыдущее, проходит немного дальше по пути совершенствования. Неведомо нам, куда сей путь ведет, поскольку эту нашу эволюционную тропу, которой мы, подобно всему живому, вынуждены следовать, проложили, как мне представляется, Силы, находящиеся далеко за пределами нашего понимания. Итак, хоть мы и не знаем, во что в итоге превратимся, или во что превратятся все прочие живые существа, кое в чем нам можно даже не сомневаться: перемены происходят — бесконечно медленные, но непрестанные. Насколько же сегодня человеческий род стоит выше диких неандертальцев, живших пятьдесят тысяч лет назад! И еще через пятьдесят тысяч лет от дня сегодняшнего люди будущего будут в такой же мере превосходить и нас. То же касается и всего живого — всех проявлений жизни. Все стремится вверх, вверх — меняется, чтобы снова меняться.

Не в нашей власти сойти с пути изменений, по которому мы движемся. Но что, если бы нам удалось ускорить свое развитие — ускорить свое странствие по эволюционной тропе? Допустим, нашлось бы средство, позволяющее

существенно подхлестнуть эволюцию, и тогда тысяча лет преобразований уместилась бы в один единственный день?

Подобная идея звучит почти безумно. Эволюция — это невероятно медленный естественный процесс. Каким же образом можно его подхлестнуть? Чтобы отыскать подобный способ, необходимо выяснить причину эволюции как таковой, нужно понять, почему мы меняемся, почему меняется вообще все живое.

Вопрос о причинах эволюции есть величайшая загадка биологии. Было выдвинуто бесчисленное множество объяснительных теорий: адаптация, сегрегация, мутация, менделизм — я могу привести еще с десяток подобных трактовок, — однако ни одна из них ничего не объясняла, и причина эволюционных изменений до сих пор оставалась тайной. Тайной, которую я в конце концов раскрыл. И ответ —— излучение Гарнера. Вот она, та сила, что подталкивает жизнь по бесчисленным дорожкам перемен; вот она, первопричина эволюции.

Полагаю, большинству из вас это название незнакомо. Излучение Гарнера известно лишь последние несколько лет; обнаружил его один физик, чье имя оно теперь и носит. И несмотря на это, природа новых лучей и по сей день во многом остается загадкой. Между тем, мы знаем, что наша планета, как и все мироздание в целом, представляет собой одно грандиознейшее скопление колебаний — видимых и невидимых. Из этого клубка вибрационных сил можно выделить несколько известных науке излучений: световое, электромагнитное (то есть радиоволны), химическое и тепловое — все это, я повторюсь, наиогромнейшее скопление вибрационных сил.

И лучи Гарнера происходят оттуда же. Считается, что они — это новая разновидность химического излучения, которое испускают из недр Земли колоссальные залежи радиоактивных веществ. Также известно, что лучи неким образом искажаются под воздействием магнитных потоков, устремляющихся от одного полюса нашей планеты к

другому. Однако, каким бы ни было происхождение излучения Гарнера, удалось выяснить, что кое—где на Земле оно кажется чрезвычайно интенсивным, тогда как в иных районах его воздействие заметно слабее. Данное обстоятельство указывает на неравномерность распределения внутри нашей планеты тех радиоактивных материалов, что служат источником лучей Гарнера.

Вам, конечно, не терпится узнать, какое отношение упомянутое излучение имеет к проблеме эволюции. Что ж, такая связь есть, и я первым ее обнаружил. Как мы знаем, прочие вибрационные силы оказывают на жизнь воистину безмерное влияние. Вот, например, световое излучение — до чего изменилась бы без него жизнь! Лучи Гарнера не менее важны: непрерывно воздействуя неким, непостижимым для меня образом на нервные узлы, они изменяют каждого из нас умственно и физически, изменяют все живое — то есть непосредственно и вызывают эволюционные изменения. Стоило на Земле зародится жизни, как излучение начало подстегивать ее, поднимать до современного уровня — и продолжает медленно, но неустанно делать это по сей день.

Все мной сказанное я могу доказать. Физики обнаружили, что в Австралии излучение Гарнера слабее всего. Без сомнения, этот факт свидетельствует о скудных залежах радиоактивных элементов под тем материком. Интенсивность излучения там меньше, чем где бы то ни было еще, — и такой она оставалась всегда. Что же в итоге? Любой зоолог скажет вам: Австралия просто кишит поразительным зверьем — подобного не встретишь больше нигде. Складывается впечатление, будто эволюция в Австралии отстала и едва движется. И то же самое касается населяющих континент людей: коренные австралийцы, бушмены, однозначно, самые примитивные человеческие существа на Земле; среди всех прочих рас они наименее развиты.

Вот я и добрался до сути моего интереса. Я доказал, что излучение Гарнера оказывает влияние на все живое на Земле и является истинной причиной всех эволюционных

изменений прошлого. Доказал, что в тех местах, где излучение сильнее всего, эволюция протекает наиболее стремительно, — и наоборот. А теперь предположим, что нам удастся искусственным путем сгенерировать данные лучи (точно так же, как мы получаем свет, тепло и радиоволны). Допустим, мы произведем в лаборатории излучение Гарнера, сгустим его, уплотним, сфокусируем и направим на человека. Что же с ним тогда случится?

Уолтон прервался и поднял худой палец, подчеркивая значимость сказанного.

— Когда это произойдет, когда искусственные лучи Гарнера пронзят человеческое тело, обладателя этого тела зашвырнет на тысячи лет вперед в умственном и физическом развитии; перебросит сквозь столетия в точку, в которой эволюция достигла своего предела.

И если подобным образом поступить с любым из нас, то это окажет на всех точно такое же воздействие — в зависимости от мощности искусственного излучения, мы перенесемся в своем развитии через тысячи или миллионы лет. Только подумайте о тех бесчисленных веках, которые потребовались жизни, чтобы доползти до дня сегодняшнего и предстать в образе современного человека. И вот теперь, после бесконечных эпох мучительного прогресса, нас ждет огромный скачок, потрясающее сокращение пути — сапоги-скороходы для человечества на тропе эволюции!

Мои слова — не пустые мечты. Подобное свершится. Не стану говорить, что именно я добьюсь успеха. Однако это произойдет — если и не в наше время, то уж точно в обозримом будущем. И тогда всех ждет великое перерождение. Я так и вижу, как человечество в один миг встает в полный рост, обретая могущество и непобедимость. Вижу, как род наш стремительно мчится от одного свершения к другому. Вижу людей, что уподобились богам...

2

Шумиха, поднятая поразительным выступлением Уолтона, не забылась и по сей день. Прокатившаяся по научному миру и страницам газет волна ажиотажа прославила на весь мир безвестного бостонского ученого, мимоходом превратив его в одного из самых порицаемых людей планеты.

Идеи доктора не нашли и тени признания. Девять ученых из десяти, когда спросили их мнение, ответили, что Уолтон или глубоко заблуждается, или попросту дурачит народ. Эволюция, подчеркивали они, — это, как—никак, всего лишь теория. Потрясающая теория, принципиально важная, но все же — теория. Она по большей части лежит в области философии, а не науки. Поэтому, когда Уолтон, считавший эволюцию предметом лабораторных исследований, спокойно предложил ускорить процесс, научные умы, естественно, решили, что биолог был либо искусным охотником за славой, либо слегка чокнутым.

Таким образом, Уолтон вдруг угодил в центр всеобщего осуждения. Но, как это ни странно, казалось, будто ему нет совершенно никакого дела до мнения окружающих. К счастью, доктору досталось богатое наследство, и поэтому существование его не зависело всецело от академической должности. Так что, совершенно незатронутый бурей, которую он сам и поднял, Уолтон невозмутимо продолжил свои изыскания, проводя уйму времени в небольшой лаборатории, располагавшейся на заднем дворе его дома.

Свое жилище — огромный, старомодный, беспорядочно выстроенный особняк — Уолтон получил по наследству. Некогда этот дом возвышался посреди поместья, однако теперь стоял в современном пригороде в окружении аккуратненьких бунгало. Позади особняка находилось маленькое кирпичное строение, внутри которого и была оборудована лаборатория. По общему мнению, (хотя доктор не сделал после своего доклада ни одного заявления), в той лаборатории

он сейчас и трудился, проверяя на практике свою теорию. Наверняка, впрочем, утверждать не мог никто: из всех немногочисленных друзей Уолтона в лабораторию допускался лишь один человек.

Почетной привилегией обладал молодой врач по имени Стюарт Оуэн, который только что вернулся в город после целого месяца отсутствия и горел желанием поподробнее разузнать о заваренной Уолтоном каше. Поэтому сразу по приезде он поспешил в гости к другу, чтобы выяснить детали скандала.

Когда двое друзей вошли в главную комнату лабораторного здания, трудившийся там мужчина поднялся из-за стола и подошел к ним поздороваться. Это был Бриллинг, помощник Уолтона, — тихий молодой человек с крючковатым носом и тонкими губами. Буркнув несколько приветственных слов, он поспешил вернуться к работе. Оуэн же воспользовался случаем утолить свое любопытство.

— Та затея с эволюцией, — начал он, — ты ведь все это не всерьез, Уолтон? Я читал отчеты о твоей лекции в газетах. На самом деле ты ни над чем подобным не работаешь, правда?

— Нет, тут я вполне серьезен, — заверил Уолтон друга. — Бриллинг и я уже около двух лет бьемся над решением данной проблемы.

На лице Оуэна отразилось удивление.

— Но, старина, — возмутился он, — это же смешно. Ускорить эволюцию... Тебе в этом не преуспеть. Никогда!

Уолтон мягко улыбнулся, многозначительно переглянулся с помощником, и негромко произнес:

— И все-таки, у меня получилось.

Оуэн с изумлением воззрился на доктора, а тот продолжил:

— Полагаю, тебе можно доверять? Я хочу на время сохранить все в тайне.

Молодой человек быстро кивнул, и Уолтон подвел его к длинному верстаку.

— Что ж, взгляни—ка сюда, — сказал ученый.

Стол был плотно заставлен электрическим оборудованием, а сбоку, на свободном пятачке, примостился небольшой цилиндрический футляр из черного диэлектрического материала. Верх коробки усеивало множество маленьких никелированных переключателей; дюжина проводов соединяла устройство с электроприборами на верстаке. Положив руку на коробку, Уолтон заметил:

— Плод целого года трудов. Сей небольшой аппарат, Оуэн, способен вырабатывать искусственные лучи Гарнера, во много раз более интенсивные, чем естественное излучение. Он достаточно мощный, чтобы воздействовать на все внутри комнаты, и может перебросить любое присутствующее здесь живое существо на многие века вперед в эволюционном развитии. Внутри корпуса находится сочетание радиоактивных элементов, испускающих особое химическое излучение, которое, ко всему прочему, изменяется и подстраивается, минуя череду компактных, но мощных электромагнитов.

Оуэн с сомнением разглядывал черный цилиндр, а потому Уолтон сказал:

— Видимо, придется убеждать тебя по—другому.

Он подал знак Бриллингу, и тот, выйдя из комнаты, через несколько минут вернулся с живой курицей.

Опустив птицу на пол под верстаком, Уолтон достал из выдвижного ящика три узкие подушки из серой ткани: одну он вручил Оуэну, вторую — Бриллингу, а третью оставил себе. Врач крутил в руках подушечку, озадаченный ее неожиданным весом, и Уолтон пояснил:

— Это твоя защита, Оуэн, — она оградит от излучения. Повяжи ее вокруг тела так, чтобы прикрыть позвоночник, и лучи никоим образом не повлияют на тебя. Они не могут пробиться через прослойку металлической фольги внутри накладок, и таким образом жизненно важные нервные узлы находятся вне опасности.

Оуэн неловко напялил защиту, и удовлетворенный Уолтон воскликнул:

— А теперь смотри!

Биолог потянулся к черной коробке, щелкнул крошечным выключателем и, отступив, показал на курицу.

Оуэн взглянул — и ахнул от изумления. Курица менялась — менялась прямо на глазах... Крылья становились все меньше и меньше — усохли и пропали; перья поредели и тоже исчезли без следа. Птица потеряла в размерах, уменьшилась, сжалась и вряд ли была теперь крупнее малиновки. Затем она упала замертво — сморщенный комочек кожи и костей. Оуэн поднял глаза и наткнулся на веселый взгляд Уолтона.

— Понял? — спросил доктор, щелкнув тумблером. — Только что перед тобой промелькнуло все будущее этого биологического вида; за несколько минут ты узрел изменения, на которые уйдет несколько последующих столетий.

Ученый повернулся к Бриллингу, и тот снова покинул комнату, чтобы вскоре возвратиться с очередной курицей.

— Теперь я собираюсь запустить процесс в обратном направлении, — сказал Уолтон, — отброшу хохлатку назад в развитии. Говоря иначе, ты наблюдал будущее вида, а сейчас я покажу его прошлое.

— Но как?.. — начал было Оуэн, однако биолог перебил его, бросившись объяснять.

— Ничего сложного в этом нет. Как только я научился генерировать излучение Гарнера — эту эманацию, что подстегивает эволюцию, — я немедля приступил к поискам излучения, способного на прямо противоположное, то есть на обращение эволюции вспять. И, как выяснилось, все, что необходимо для получения реверсивного излучения, — это изменить направление тока в преобразующих электромагнитах. Таким образом, реверсивное излучение есть не что иное, как полная противоположность ускоряющих эволюцию лучей Гарнера, в следствие чего оно оказывает ровно обратное действие. В общем, если не хочешь откатиться назад в

развитии на миллион лет, проверь, надежно ли защита прикрывает твой позвоночник. — И доктор усмехнулся, глядя, как Оуэн судорожно поправляет накладку.

Уолтон поместил вторую птицу туда же, куда и первую, не преминув перед этим застегнуть на ее лапах пару массивных стальных оков, крепившихся к полу крепкими цепями. Недоумевающий взгляд Оуэна вызвал у биолога улыбку.

— Необходимая предосторожность, — сказал он, а затем потянулся к прибору и, передвинув другой выключатель, быстро попятился.

Оуэн зачарованно следил за изменениями, которые претерпевало создание на полу. Протекали они столь же быстро, как и в предыдущий раз, — правда теперь курица не уменьшалась в размерах, а, напротив, увеличивалась. Сменив с молниеносной скоростью сотни различных обликов, она превратилась в крупную, свирепого вида птицу с грубым тяжелым оперением и длинным хвостом. Вместо клюва у нее была усаженная острыми зубами пасть.

— Археоптерикс, — представил Уолтон монстра.

Оуэн вздрогнул: археоптерикс — первая известная науке птица; существо из эпохи рептилий! Пока молодой врач таращился на создание, оно снова перевоплотилось, обернувшись истинным пресмыкающимся — кожистой тварью, что рвалась из державших ее оков. Затем стремительно промелькнуло бессчетное множество едва различимых рептильных образов, а за ними — череда осклизлых морских обитателей. И вдруг изменения прекратились — лишь кучка мерзкой тягучей субстанции покоилась на полу.

— Протоплазменная морская слизь, — объяснил Уолтон, — изначальная и наипростейшая основа жизни.

Оуэн обнаружил, что у него дрожат руки. Доктор щелкнул выключателем на ящике, и молодой человек спросил:

— Боже правый, Уолтон, и ты можешь сотворить подобное с любым существом? — Трясущийся палец Оуэна указал на слизкую груду.

— С легкостью, — ответил биолог. — И как только испытаю ускоряющее излучение в крупных масштабах, сразу же опробую его на человеке — на добровольце, разумеется... Попытаюсь забросить подопытного как можно дальше в будущее, чтобы его умственные и физические возможности существенно возросли, — но не стану переносить его слишком уж далеко.

— В крупных масштабах... — повторил Оуэн, — И как ты это провернешь? Если ты распространишь ускоряющее излучение на большой территории, то какие-нибудь люди могут угодить под его воздействие и перемениться. Кто знает, что тогда произойдет?

Уолтон отмахнулся от возражений.

— Я уже думал об этом, Оуэн. И поэтому мы намерены работать в совершенно безопасном месте — на острове. На маленьком островке в Вест—Индии, расположенном в нескольких сотнях миль от Кубы, который я заполучил по смехотворно низкой цене; сейчас на нем нет ни души. Итак, вот какой у меня план. Я сооружу более мощный излучатель, способный захватить в поле своего действия весь остров, а затем раздобуду множество различных животных и выпущу их там на волю. Улавливаешь мысль? Всякая живая тварь на острове попадет под воздействие ускорительного излучения и, следовательно, совершит скачек в развитии. Мы увидим сотни, тысячи лет эволюции, сжатые до нескольких недель или месяцев. Я и Бриллинг, естественно, обезопасим себя, надев защитные накладки; остальные же существа подвергнутся изменениям. И тогда можно будет вести учет превращений, которые станет претерпевать каждый вид, — фотографировать, записывать и так далее. Все давным-давно распланировано, Оуэн. Некоторое время назад мы с Бриллингом отправили наше оборудование в кубинский порт, а через неделю отчаливаем и сами.

— Не нравится мне это, — произнес Оуэн. — От всего этого замысла веет чем-то жутким. Ты знаешь: я не суеверен, но подобный план... Ты ведь нарушаешь фундаментальные

законы природы, Уолтон, а всякий, кто когда-либо покушался на подобное, терпел крах.

Лицо Уолтона хранило мечтательное, рассеянное выражение.

— Нет, Оуэн. Во все времена любое научное свершение объявляли вмешательством в естественный порядок вещей. И наше открытие — если удастся довести задуманное до конца — может стать величайшим даром человечеству за всю его историю. Если эксперименты на острове увенчаются успехом, мы перейдем к испытаниям на людях. Только представь, Оуэн: тысячи, миллионы лет развития пролетят в мгновение ока. Если только у нас получиться...

Оуэн не ответил, и на трех мужчин опустилась тишина. Покидая лабораторию, молодой человек оглянулся и бросил взгляд на холмик слизи, блестевший на полу. Врача терзали смутные опасения и не отпускало гнетущее предчувствие беды.

Спустя неделю мучительный страх снова выпустил когти, когда Оуэн наблюдал за ржавым пароходом, который, вспарывая гудками утреннюю тишину, выходил из нью-йоркской гавани, увозя на своем борту Бриллинга и Уолтона, — по договору, двух ученых должны были доставить в кубинский порт, где их уже дожидалось оборудование. Оуэн взглядом проводил растворявшееся в туманной дымке судно, а затем не спеша побрел прочь от пристани.

И лишь тогда молодому человеку вдруг пришло в голову, что у него нет никакой возможности поддерживать с Уолтоном связь — разве что отправиться на сам остров. Исход опасной затеи не будет давать Оуэну покоя вплоть до возвращения Уолтона. До возвращения Уолтона! Однако вернется ли он когда-нибудь?

Вернется ли?

3

Уолтон вернулся. Он объявился через год, одной бурной майской ночью, когда ветер и дождь бичевали пустынные улицы потоками холодной воды. Оуэн, коротавший в своих апартаментах время за скучным романом, внезапно услышал стук. Когда он распахнул дверь, внутрь ввалилась растрепанная личность, в которой врач тут же признал своего друга. Целый год от Уолтона не было никаких известий, и теперь, пододвигая кресло к насквозь мокрому, еле стоявшему на ногах человеку, Оуэн с трудом сдерживал рвавшееся наружу любопытство.

Плюхнувшись в кресло, ученый слепо уставился в стену и, казалось, не слышит градом посыпавшихся на него вопросов. Оуэн заметил, что доктор сильно постарел; лицо его похудело и осунулось, а в глазах засело глубочайшее потрясение. Вдруг Уолтон оживился, уловив какое-то слово, проскочившее в речи хозяина квартиры.

— Остров, — повторил биолог услышанное. — Да, я прибыл оттуда, Оуэн.

— А Бриллинг? — спросил молодой человек.

— Он... жив, — последовал неуверенный ответ.

Пораженный теми разительными переменами, что произошли с его другом, Оуэн погрузился в молчание. Несколько минут доктор безучастно смотрел прямо перед собой, а затем вроде бы взял себя в руки и начал сознавать, где находиться. Повернувшись к Оуэну, он медленно, словно отвечая урок, произнес:

— Я должен вернуться.

— Имеешь ввиду, назад на остров? — спросил молодой человек, и Уолтон кивнул.

— Я должен вернуться, — снова сказал ученый, — и как можно скорее. Я пришел к тебе... ты должен узнать... — Он снова умолк, и Оуэн не тревожил друга, терпеливо ожидая продолжения.

Превозмогая себя, биолог стал рассказывать дальше:

— Остров... Мы отправились туда — Бриллинг и я. Всего год назад, Оуэн. Всего лишь год назад! — Казалось, эта мысль не дает Уолтону покоя. — Вот, значит, отплыли мы с Бриллингом на остров. Ну, ты помнишь. Сначала прибыли в Ллуэгос, кубинский порт, и организовали доставку оборудования на остров. Наняв рабочих среди местных жителей, мы все подготовили: построили жилой дом и небольшую лабораторию, смонтировали оборудование, договорились насчет доставки припасов. Кроме того, мы привезли на остров животных и выпустили их там на волю.

Большинство зверей мы приобрели в Ллуэгосе: владелец местной гостиницы получил их в счет погашения долга от терпящего убытки бродячего цирка и с радостью расстался с ними почти за бесценок. Итак, мы переправили животных на остров и освободили. Там были: старый облезлый лев, парочка великолепных молодых леопардов, волки и прочие. Чтобы держать их на расстоянии, мы, естественно, огородили домик и лабораторию частоколом.

Когда с приготовлениями было покончено, Бриллинг и я остались единственными людьми на острове: наемных рабочих мы отослали сразу же, как только те выполнили свою работу. В нашем распоряжении имелась лодка (небольшой ялик), чтобы плавать туда и обратно, и к тому времени мы уже перевезли и установили все оборудование. Главным гвоздем нашей программы служил большой излучатель, который походил на тот, что ты видел, только был гораздо крупнее и мощнее; он мог распространить свое излучение на всю территорию острова. И конечно же, мы с Бриллингом из соображений собственной безопасности не снимали защитные накладки ни днем ни ночью.

Итак, все было готово, и мы приступили к испытаниям, включив ускорительное излучение, но не приближаясь при этом к пределу имевшейся в нашем распоряжении мощности. Нам, понимаешь ли, хотелось, чтобы изменения протекали не очень быстро — что позволило бы с легкостью фиксировать их. Два дня ничего не происходило, а на третьи

сутки мы заметили перемены в леопардах и льве: три большие кошки теряли в размерах — казалось, с каждым часом они становятся все меньше и меньше. Через пять дней они уже были не крупнее домашних котов и такими же ручными. На седьмой день мы нашли их трупы.

Понимаешь, что это значит? За семь дней мы увидели все грядущие перемены, через которые пройдут те два вида семейства кошачьих; стали свидетелями судьбы, что постигнет их род в будущем. И как раз чего—то подобного мы и ожидали. Еще со времен саблезубого тигра самые большие кошки планеты постепенно мельчают и становятся менее свирепыми. Так что мы увидели конечную цель эволюции тех видов — им предстояло выродиться в обыкновенных котов.

После первых превращений изменения хлынули сплошным потоком. И следующими преобразились волки, переменившись в самой своей сути, — они сделались такими же послушными и дружелюбными как собаки. По сути дела, они и превратились в собак. Затем они начали расти и в итоге достигли внушительных размеров — стали никак не меньше лошади. Но при всех своих выдающихся габаритах они тем не менее сохраняли прежнюю покорность. В конце концов волки тоже выродились и прекратили свое существование. Это был конец их вида. Изменения же продолжались.

Мы угодили в рай для биолога, Оуэн. Мы видели путь, каким пойдет эволюция в будущем; наблюдали грядущее развитие бессчетного числа различных видов. Вооружившись для защиты винтовками, мы без устали рыскали по острову, фотографируя и записывая увиденные преобразования. Мы внимательно наблюдали за зверьми и за их развитием; наблюдали и следили, прерываясь только на еду и сон.

Излучатель мы не выключали никогда, и тот непрерывно испускал ускорительные лучи, благодаря чему твари на острове все время менялись. Там обитали не только привезенные нами животные, но и другие создания. Взять хотя

бы змей, во множестве водившихся на островке, — под воздействием излучения, они развились в ужасающих монстров: одни вымахали до размеров питона и даже крупнее; у других отросли короткие перепончатые лапки, на которых они ходили и бегали; а некоторые переселились в воду, поскольку их организм перестроился. Однако со временем все они вымерли, исчезли.

После гибели змей начали меняться населявшие остров птицы. Большинство из них вскоре издохли, за исключением одной породы, которая продолжала развиваться на протяжении нескольких недель, — здоровенного, похожего на кондора существа с ярким оперением. Огромная птица была самым свирепым хищником на острове. Стоило только нам появиться под открытым небом, как она тут же нападала. Так что мы только обрадовались, когда и ее не стало.

А изменения все не прекращались. Излучение продолжало подхлестывать жизнь на острове, гнало ее все дальше и дальше по пути развития. Вслед за птицами пришел черед переродиться местным насекомым — и остров захлестнула волна диковинных страшилищ. По воздуху летали гигантские паукообразные монстры, отдаленно похожие на ос, только размером с аэроплан и с агрессивностью как раз под стать таким габаритам. Казалось, все насекомые обрели новые чудовищные формы, из-за чего остров превратился в сущий ад. Некоторых тварей нам удалось увидеть лишь мельком. Например, громадного белого червя длиной в сто футов, который вяло барахтался в болоте и оглашал округу хриплым ревом; иногда по ночам мы слышали его... Попадались и другие, еще более мерзкие твари. Но со временем все монстры—насекомые вымерли, как и другие существа до них.

И на смену им из океана явились здоровенные рептилии — странные морские чудовища грядущих эпох. Понимаешь ли, излучение зацепило также и прибрежные воды, оказывая ускорительное воздействие на все живое в них. Поэтому в море вокруг острова начали мелькать чудные создания —

огромные, клыкастые, покрытые чешуей. Они с неимоверной жестокостью рвали один одного на куски. То были звери какой-то будущей эры — но из-за своих размеров и неистовства нам они виделись ужасными динозаврами прошлого. Некоторые монстры оказались амфибиями, и это лишь прибавило опасности нашей жизни на острове: выйдя на сушу, они громыхали по окрестностям, с треском продираясь через лес, и сражались, повстречав себе подобных.

***

В те дни остров являл собой странное местечко, Оуэн. И даже после исчезновения морских чудовищ он таким и остался — странное царство тишины и смерти. Излучение полностью уничтожило животный мир островка. Вся жизнь ушла в развитии настолько далеко, что в итоге достигла точки вымирания. Изменения прекратились — так мы думали. И ошибались, Оуэн. Жестоко ошибались.

Ибо свершилась еще одна метаморфоза — последнее грандиозное преобразование. Кошмарное превращение оказалось полной неожиданностью и для меня, и для Брилллинга. Перемены коснулись растительного мира. Вся фауна переродилась и сгинула — и теперь настал черед флоры.

Однако же мы вполне могли предвидеть подобную трансформацию. Ведь эволюция управляет всей растительной жизнью так же, как и миром животных. Каждое из ныне известных живых существ ведет свой род от зверья мезозойской эры. Точно так же обстоят дела и со всеми современными растениями — их предками были гигантские папоротники и хвойные деревья той давней эпохи. Земная флора медленно развивается подобно миру животных. Так что после исчезновения на острове всех животных неспешная эволюция растительности начала набирать темп, подгоняемая ускорительным излучением.

Растения изменились, Оуэн. Деревья, кусты и трава обрели новую, удивительную наружность. Они редели,

увядали и воскресали в другом обличии. Наконец, после нескольких недель подобных перевоплощений, одна разновидность стала преобладать на острове, вытеснив все остальные виды. Внешне это растение было во многом похоже на кактус, но благодаря своим подвижности и уму сильно напоминало животное. Оно размахивало по сторонам мощными щупальцами и демонстрировало многочисленные признаки всевозрастающего интеллекта. Корни растения постепенно начали отсыхать, и мало—помалу оно, не привязанное более к одному месту, обрело возможность передвигаться по собственной воле.

Мы понимали: что происходит у нас на глазах. Очевидно, когда-нибудь, возможно, в очень далеком будущем, животная жизнь сгинет без следа, и тогда на земле воцарятся растения. Подобно человеку, что вышел из мира зверей и ныне господствует на планете, растительному племени тоже предстоит развиться в высшую форму жизни. Полагаю, спустя много веков после вымирания человечества Землю унаследуют разумные и подвижные представители флоры.

И я испугался, Оуэн: кто мог сказать, какого могущества могли достичь растительные твари на острове, если бы получили возможность беспрепятственно развиваться? Позволяя им и дальше совершенствоваться под воздействием ускорительного излучения, мы рисковали выпустить в мир отвратительный множащийся ужас — тварей, которым не должно существовать в наше время.

Я чувствовал, как медленно схожу с ума от всего увиденного. Чувствовал, что, если хочу сохранить здравый рассудок, я должен вернуться в мир людей и хоть немного пообщаться с собратьями. Поэтому я предложил Бриллингу запустить реверсивное излучение и, превратив растительных существ обратно в безобидную флору, покинуть остров и провести месяцок в одном из городов Вест—Индии.

Бриллинг отказался. В отличие от меня, мой помощник не испытывал никаких страхов и с головой ушел в работу. Мне он, впрочем, настоятельно рекомендовал уезжать. И в

конце концов я так и поступил, — сел в ялик и отправился на Ямайку. Бриллинг сказал, что хочет еще немного понаблюдать за развитием растительных существ, однако пообещал включить реверсивное излучение через несколько дней. И заверения его полностью удовлетворили меня. В общем, я отбыл с острова и оставил Бриллинга в полном одиночестве, — если, конечно, не считать растительных тварей.

Месяц я отдыхал в Кингстоне, а потом мои мысли вновь обратились к острову — я обдумывал следующий этап нашего плана. Нужно было раздобыть очередную партию животных, выпустить их, как и предыдущих, на острове и, подав реверсивное излучение, наблюдать за тем, как они меняются, спускаясь в прошлое по эволюционной лестнице. Мне не терпелось побыстрее приступить к работе, и поэтому в конце месяца я покинул Кингстон и направился к острову. И по прибытии туда обнаружил...

Как же описать то, что я обнаружил? Выяснилось, что все мои прежние страхи воплотились в жизнь. Кроме того, открылось еще одно ужасное обстоятельство — Теперь-то я понял, почему Бриллинг хотел остаться на острове один.

Он подверг себя воздействию ускорительных лучей, Оуэн. Сняв защиту с позвоночника, Бриллинг перенесся в развитии на века вперед. И я видел его; видел обличие, какое он принял, — обличие, которое спустя века примут все люди.

Голова его полностью облысела и невероятно увеличилась, Оуэн, — стала почти вдвое крупнее первоначальных размеров, — черты лица при этом сохранились прежними. А тело! Тела как такового не было, Оуэн! Голова сидела не на человеческом торсе, а торчала прямо из приземистого округлого мешка плоти, который был примерно в два раза меньше обычного туловища. К этой бесформенной куче крепились четыре гибкие, мускулистые, лишенные костей руки. Четыре весьма длинные руки. Могучие щупальца. Он мог передвигаться на этих конечностях (или на некоторых из них), а мог хватать ими и держать — четыре длинных

извивающихся щупальца одновременно служили и руками, и ногами. В Бриллинге я узрел перемены, которые претерпит человеческое тело в грядущие эпохи. Как ты знаешь, Оуэн, организм человека неуклонно стремится стать проще, сделаться менее сложным в строении. Пальцы на ногах уменьшаются, усыхают и теряют свою цепкость, волосы исчезают, а отдельные органы (такие как аппендикс) оказываются совершенно бесполезными и атрофируются. Все наши хитроумные органы пищеварительной и дыхательной систем постоянно упрощаются. И в Бриллинге я увидел совокупный итог подобных изменений, которые потребуют многих веков.

Также Бриллинг преобразился и умственно. Он узнал меня, ведь его мозг сохранил все прежние воспоминания и сведения. Но, помимо этого, в этом изменившемся мозгу зародились новые мысли, новые устремления, новые желания. Объятый ужасом от произошедших с моим помощником перемен, я предложил ему облучиться реверсивными лучами и вернуться в нормальное человеческое тело. Однако мое предложение привело его в ярость. Он заявил, что старое тело вызывает у него отвращение, — в точности, как если бы я уговаривал обычного человека согласиться на превращение в низколобого неандертальца. Бриллингу претила сама мысль об этом. И тут я понял: тварь передо мной уже не тот молодой человек, которого я знал, а скорее пришелец из далекого — миллион лет или даже больше — будущего. И я лишь утвердился в этом своем мнении, когда узнал о планах безумца и увидел то, что он сотворил в мое отсутствие.

Как выяснилось вместо того, чтобы запустить после моего отъезда реверсивное излучение, Бриллинг продолжил распространять ускорительные лучи. Таким образом растительные создания не возвратились в состояние безвредной флоры, а наоборот — получили возможность и дальше эволюционировать в подвижных разумных существ.

Ликуя, Бриллинг поведал о своих свершениях, но я не поверил ему. И тогда он отвел меня на другой конец острова и там представил доказательство. Впервые я увидел их... растительных людей.

Такое название — 'растительные люди' — я дал им, поскольку внешним своим видом они в чем-то походили на нас. Собственно, в них оказалось даже больше человеческого, чем в Бриллинге. Были они прямоходящими и передвигались на двух конечностях; кроме того, была у них и парочка рук-щупалец. На, скажем так, плечах красовался луковицеобразный нарост, где размещались глаза — два пустых мертвенно-белых круга, через которые люди-растения и смотрели на мир. Однако на этом, Оуэн, всякая сходство с человеком заканчивалось. Кроме глаз, на их лицах не было ничего. Темно-зеленые тела или, скорее, туши, тварей, казались, состоящими из грубых, тягучих на вид волокон. И, как рассказал мне Бриллинг, существа эти оставались истинными растениями: при всем своем интеллекте и подвижности, они употребляли в пищу неорганические вещества, которые усваивали посредством хлорофилла внутри своих тел, — а на это, Оуэн, способны лишь настоящие растения. Пускай подвижные, пускай видящие и думающие, но все же — растения. Твари узнавали Бриллинга, вели себя с ним дружелюбно. Сгрудившись вокруг, монстры слушались всех его приказаний. Он позволил растительным людям множится целыми полчищами, и теперь хвастался, что они станут его слугами, его представителями, его армией.

Армией! В этом и состоял план, которым безумец поделился со мной, в этом заключался его грандиозный замысел. Бриллинг намеревался создать несметное количество растительных тварей — собрав тем самым на острове колоссальную силу, — а затем выпустить их в свет, снабдив построенными заранее мощными излучателями, которые планировалось разместить во внешнем мире и которые должны были пронзить Землю ускорительными лучами. Ты вообще представляешь себе последствия всего этого? Смертоносное

излучение распространится по всей планете. Царство животных изменится и полностью вымрет — как это произошло на острове. Затем преобразится и растительный мир Земли — эволюционирует в орды людей-растений. Но на этом захватчики не остановятся. Новые и новые полчища станут вздыматься из почвы. И в конце концов, когда зеленая волна поглотит земной шар, она, по словам Бриллинга, устремится в другие миры — неудержимым потоком хлынет с одной планеты на другую.

***

Лишь в голове у маньяка мог зародиться подобный план, Оуэн. Безумный замысел приводил меня в ужас, поскольку я понимал: Бриллинг способен добиться своего — способен натравить на человечество армию людей-растений и облучить Землю ускорительными лучами. Я ничуть не сомневался, что как только задуманное свершится, и растительные люди получат мировое господство, они тут же смахнут безумца со своего пути. Впрочем, к тому времени непоправимое зло уже свершится. Бриллинг предложил мне присоединиться к нему в его начинаниях. Он хотел, чтобы я подвергся воздействию ускорительного излучения и, превратившись в такое же, как он существо, поддержал его кошмарный проект.

Я понимал: лучше не отказываться сразу. Сделав вид, будто принимаю предложение, я заверил Бриллинга, что облучу себя на следующий день, и той же ночью сбежал с острова.

Я намеревался проникнуть в лабораторию, добраться до излучателя и включить реверсивное излучение — что снова превратило бы растительных людей в обычные растения. Но подкравшись глубокой ночью к лабораторному корпусу, я увидел множество стоявших там дозором тварей и догадался: Бриллинг решил подстраховаться. Я сознавал, что прорваться через зеленых стражей не удастся. У меня, в

общем-то, был пистолет... Но попробуй-ка застрелить растение! А ведь у охранников тоже имелось оружие — странное, похожее на кинжал устройство, плевавшее ярким всепожирающим пламенем. Вместе с огненной струей агрегат выбрасывал и поток кислорода, и поэтому, чтобы ни происходило, заряд пламени вспыхивал мгновенно. Это, вне всяких сомнений, чудовищное оружие изобрел для растительных людей Бриллинг.

И что же мне было делать? Оставаясь на острове, я бы ничего не добился, поскольку назавтра Бриллинг подверг бы меня воздействию ускорительного излучения и превратил бы в такое же чудовище, как и он сам; а если бы я отказался — однозначно убил бы. Поэтому я спустился на берег, сел в ялик и отплыл с острова, взяв курс на север — в сторону Кубы. Я опасался преследования, сознавая, что на это у Бриллинга вполне хватит могущества. Однако погони не было, и я благополучно добрался до Ллуэгоса. И там я задумался: как же мне поступить дальше? Я не мог поднять тревогу и отправить на остров войска для уничтожения угрозы. Ведь я понимал: армии нечего противопоставить новому оружию Бриллинга. Да и кто бы поверил мне, вздумай я поднять шум? Но вот если бы я тайно вернулся на остров, и если бы нашелся хоть кто-то, согласный помочь, хотя бы один единственный друг, — тогда бы удалось достичь многого. Итак, я сел на пароход до Нью-Йорка и отплыл на север, к единственному человеку, на которого, как мне кажется, я могу положиться — к тебе.

И вот я здесь. Но должен немедля возвращаться. Я пришел просить тебя отправится со мной. И даже сейчас уже может оказаться, что мы опоздали. Теперь ты знаешь все, Оуэн. Ты вернешься со мной на остров?

Лицо юноши выражало недоверие.

— Ты ведь знаешь: я нисколько не сомневаюсь в твоей истории, Уолтон. Но звучит она крайне странно. Не верится, что подобное происходит на самом деле и таит в себе какую—то угрозу...

Доктор торжественно произнес:

— Угроза есть, Оуэн. Угроза, невиданная доселе, — разрушительная погибель, которая уничтожит наш мир, если не удастся ее сдержать. Думаешь, мне самому все это не кажется диким? Когда я плыл в ялике на север и обдумывал случившемся, то чувствовал, как схожу с ума. Там, на острове, Бриллинг (или монстр, который раньше был Бриллингом) трудится, планирует и готовится. Он науськивает все новые и новые орды людей-растений — и превращение его задумки в жизнь приближается с каждой секундой.

Вскоре полчища растительных людей хлынут с острова, убивая и сея страх. Они установят повсюду излучатели, и мир пронзят смертоносные ускорительные лучи. И тогда на всей Земле воцарятся ужас, смерть и невообразимый хаос. Хорошо знакомые животные превратятся в жутких чудовищ — начнется бедственное нашествие странных зверей и огромных страшилищ—насекомых; и гигантские морские твари будут утаскивать корабли на дно. Ну и самое ужасное: мужчины и женщины примут воистину кошмарный облик, превратятся в таких же отвратительных созданий, что и Бриллинг. То будет мир чудовищных перевоплощений. Мир, где все живое меняется и вымирает. И в конце концов животная жизнь сгинет навсегда. Ну а после произойдет последнее великое превращение: царство растений перейдет в новое, жуткое состояние — поднимется полчищем людей-растений. И в итоге, от полюса до полюса станет безраздельно властвовать лишь одна сила — растительные люди!

Уолтон замолчал, лицо его побледнело, глаза горели. Оуэн поднялся из кресла. Молодого человека мутило от обрисованной другом картины. Затем, резко повернувшись, он спросил:

— Когда отправляемся, Уолтон?

Губы доктора тронула слабая улыбка — первая улыбка, увиденная Оуэном за весь вечер.

— Я знал, что могу рассчитывать на тебя, дружище, — сказал ученый. — Во вторник в Гавану отходит судно. Мы можем сесть на него.

***

Сорок восемь часов спустя двое мужчин стояли у поручней покидавшего бухту парохода, что принадлежал фруктовой компании, и смотрели, как очертания Нью-Йорка постепенно растворяются вдалеке. Оба хранили молчание.

Из Гаваны, они отплыли в Ллуэгос, колоритный маленький порт на южном побережье Кубы. Там друзья, не тратя время попусту, сразу же переправили багаж на ялик, который дожидался Уолтона у причала. И всего через несколько часов после прибытия, они уже покидали гавань, покачиваясь на волнах в своем небольшом двухмачтовом судне, снабженном вспомогательным двигателем. Впереди пролегали почти триста миль Карибского моря, отделявшие Уолтона и Оуэна от острова, который и был целью их путешествия.

Мимо проплывали рыбацкие суда, корабли ловцов губок и белоснежные прогулочные яхты, а прямо по курсу раскинулась синяя гладь открытого моря. Маленькая лодка, подгоняемая пляшущим бризом, упорно продвигалась вперед. Прислонившись к мачте, Оуэн смотрел на далекий горизонт, и на душе у него было неспокойно. На встречу с каким безумным кошмаром они так спешат? Что за губительный ужас поджидает их за морскими просторами? Стремительно опустилась ночь и принесла с собой ярко блестевшие звезды тропиков, а чуть позже — и великолепное сияние полной луны. Оуэн по-прежнему всматривался вдаль через посеребренную лунным светом морскую ширь; перед ним у штурвала стоял Уолтон и с мрачным, застывшим лицом держал курс на юг.

Незадолго до полуночи они прошли мимо огромного круизного лайнера, что полз на север, в Гаванну. Надводная часть судна ослепительно сверкала, а на верхних палубах

толпились пассажиры, веселившиеся под музыку корабельного оркестра. Живая мелодия летела над водой и отчетливо доносилась до двух мужчин. Но они, не обращая внимания, продолжали свой путь.

Некоторые пассажиры, стоявшие у перил лайнера, заметили стремительную парусную лодку, и теперь лениво гадали, откуда она и куда спешит. Однако они не могли даже вообразить себе правду. Никто из них не догадывался сколь необычная и великая миссия влекла ялик на север; заставляла нестись к островку, на котором суждено было решится судьбе всего мира.

4

Когда ялик достиг острова, уже стояла глубокая ночь — густая непроглядная ночь, пока еще не разбавленная лунным светом. Много часов Оуэн и Уолтон напряженно изучали море раскинувшееся впереди, и теперь, когда они различили вдалеке темную массу, смутно выделявшуюся на фоне звездного неба, их и без того напряженные нервы натянулись до самого предела. Оуэн безмолвно взирал на место их назначения, а доктор тем временем умело вел суденышко через лабиринт скал и отмелей.

Путники молча неслись в сторону острова, к длинному песчаному пляжу, тускло мерцавшему в слабом свете звезд. Уолтон направил ялик в небольшую протоку, которая прорезала береговую линию. Киль заскрипел, заскрежетал о песок — и лодка замерла на месте. Перешептываясь, друзья канатами привязали судно к близлежащему валуну, а затем обсудили план дальнейших действий.

Биолог настоял, чтобы Оуэн проверил, надежно ли пристегнута накладка, защищавшая спинномозговые нервные узлы от губительных лучей. Сам доктор поступил точно так же. Затем они попытались решить, что же им предпринять дальше.

— Излучатель — наш единственный шанс, — сказал Уолтон другу. — Если доберемся до прибора и запустим реверсивное излучение на полную мощность, то это уничтожит здесь все живое, кроме нас. По своей форме остров — длинный и узкий. На всем протяжении его делит пополам высокий горный кряж. Коттедж и лаборатория находятся на южной оконечности. А основной лагерь растительных людей, как мне кажется, расположен на восточном берегу, то есть на противоположном краю острова. Так что лучше всего нам сразу же отправиться на южную сторону и попытаться проникнуть в лабораторию.

Оуэн согласился, и двое друзей крадучись зашагали вдоль пляжа. Пройдя совсем немного, Уолтон резко свернул в сторону и по отлогому склону стал взбираться к центральной гряде, которая была своеобразным позвоночником острова. Оуэн не отставал от ученого ни на шаг. По пути молодой человек отмечал скудость местности — сплошь камни да песок. На склонах не росло ни одной травинки, куста или дерева. Неужели вся — до последнего клочка — растительная жизнь острова подверглась трансформации под воздействием ускорительных лучей и превратилась в армию людей-растений? Оуэн вздрогнул от этой мысли.

На полпути к вершине хребта Уолтон внезапно остановился и предостерегающе поднял руку. Откуда-то спереди, из темноты, прилетел тонкий воющий звук. Снова и снова достигал ушей этот пронзительный гул, который то стихал, то вновь разрывал тишину. Пока они вслушивались, вой вроде бы сделался громче и приблизился; по склону впереди с грохотом скатилось несколько булыжников. Теперь путники отчетливо различали звук шагов — множество ног шаркало вниз по пустынному склону, направляясь в их сторону.

Друзья немедля бросились к ближайшему скоплению огромных скал и притаились в тени за ними. Припав к земле, высматривали они тех, кто приближался, и слушали, как шарканье и топот становятся все громче. А потом в поле

их зрения возникла орава темных силуэтов, которые размеренно шагали вниз по косогору в сторону пляжа. 'Очень похоже на толпу людей', — подумал Оуэн, наблюдая за двигавшейся в зыбком свете звезд процессией. Когда колонна приблизилась, стенающий шепот зазвучал отчетливее — то было шипящее бормотание их голосов.

Не успела и половина силуэтов пройти мимо укрытия, как сверху, из-за вершины хребта хлынул призрачный белый свет. Полная луна, всплывавшая в небеса, подобно светящемуся мыльному пузырю, омыла гору расплавленным серебром своего сияния. Обличительный свет пролился на марширующие фигуры — и Оуэн, резко втянув в себя воздух, крепко сжал плечо своего спутника.

— Люди-растения! — прошептал он, и Уолтон молча кивнул.

Объятые ужасом, следили они за бредущими вниз по склону тварями. Казалось, в созданиях, освещенных ярким светом луны, не было ничего людского. Крапчато—зеленая пародия на человеческий облик, небрежно вылепленная из куска жилистой волокнистой массы, — вот, на что они смахивали. Оуэн не мог оторвать взгляд от пустых, гладких, зеленых лиц, с которых не мигая таращились жуткие глаза — два мертвенно—белых круга.

Едва молодой человек успел заметить, что растительные люди, судя по всему, несут с собой уйму каких—то металлических то ли инструментов, то ли приборов, как хвост процессии уже скрылся из виду. Двое скорчившихся в укрытии мужчин прислушивались к шарканью, удалявшемуся вниз по склону и вдоль берега. Несколько минут они выжидали, напрягая слух, но больше не раздавалось ни звука. Так что приятели встали и, соблюдая после неожиданной встречи с людьми—растениями двойную осторожность, продолжили восхождение.

Теперь, при лунном свете, идти стало значительно легче, и через несколько минут они добрались до вершины хребта, откуда открывался вид почти на весь остров.

Тотчас внимание обоих приковало к себе восточное побережье: там, вдалеке, виднелось множество огней. Крошечные мерцающие искорки непрестанно гасли и вспыхивали, кружили и трепетали — точно мотыльки; некоторые из них сбивались тут и там в тесные кучки.

Огоньки растянулись вдоль далекого берега примерно на две мили. А, быть может, и еще дальше — но в том направлении обзор был частично заслонен бугристым изгибом косогора. Пока путники наблюдали, ушей их достиг металлический лязг — слабый и отдаленный. Мощный гул металла, ударившегося о металл, прилетел со стороны огоньков на крыльях легкого ветерка и тут же стих. Двое мужчин замерли, прислушиваясь, а звон раздавался снова, и снова, и снова.

— Главный лагерь растительных людей, — прошептал биолог. — Судя по огням, их там, скорее всего, тысячи.

— Чем они заняты? — спросил Оуэн. — Слышишь этот лязг? Там происходит что-то серьезное.

Уолтон кивнул, не сводя глаз с далеких огоньков.

— Один бог знает, что они задумали. Но, как бы то ни было, можешь не сомневаться: заправляет всем Бриллинг. Впрочем, там нам нечего делать.

Отвернувшись от восточной стороны, он огляделся. Затем, дернув Оуэна за рукав, молча указал на северную оконечность острова.

В той стороне тоже виднелся свет — неподвижный, немигающий лучик, даже рядом не стоявший с бурлившей на востоке иллюминацией.

— Этот свет идет из коттеджа, — прошептал Уолтон. — Туда-то нам и нужно. — И он двинулся вдоль кряжа на север.

Снова Оуэн шагал следом за ученым. Оба они безмолвно пробирались по хребту в сторону далекого свечения, которое, по мере их приближения, принимало квадратные очертания освещенного окна. Чем ближе спутники подходили к северной оконечности острова, тем ниже становился гребень. Через несколько минут они уже были в пределах

полумили от частокола, что огораживал стоявшие ниже по склону домик и лабораторию.

Уолтон и Оуэн крадучись продвигались вперед, и вскоре смогли отчётливо разглядеть озаренный лунным светом коттедж — небольшой одноэтажный домик, — позади которого виднелось длинное приземистое сооружение. 'Лаборатория', — догадался Оуэн.

Уолтон ткнул пальцем в сторону длинного здания.

— Излучатель там, — прошептал он, — и, если тебе удастся проникнуть внутрь, запомни: реверсивные лучи включаются крайним слева тумблером. Главное для нас — попасть в лабораторию! Ворота ограды открыты, и рядом вроде бы никого нет. Бриллинг теперь совсем не пользуется излучателем: как только люди-растения полностью развились, он отключил ускорительные лучи. Но если у нас получится подать реверсивные...

Сердце бешено колотилось в груди, когда Оуэн вслед за другом крался к распахнутым воротам. В освещенном коттедже и в его окрестностях не раздавалось ни звука и не было заметно никакого движения. И чем меньше шагов оставалось до поляны с двумя постройками, тем сильнее в молодом человеке разгоралась надежда.

Все ближе и ближе подбирались они, держась, насколько это было возможно, густых теней. И вот, пройдя через ворота, они стали тихонько пересекать двор, направляясь к зданию лаборатории, чья открытая дверь манила к себе словно магнит.

Когда до дверного проема оставалось футов сто, Оуэн вдруг услышал топот бегущих ног. Быстро оглянувшись, он заметил кучку темных силуэтов, прущую от ворот в их с доктором сторону. Растительные люди!

— Уолтон! — крикнул он, и биолог резко повернулся.

Внезапно один из стремительно приближавшихся людей-растений выпустил в сторону мужчин язык зеленого пламени, который чуть было не зацепил их. Прежде чем смертоносный огонь снова обрушился на них, из коттеджа

донесся высокий пронзительный визг, — вопль этот словно бы отдавал растительным людям некий приказ. Оуэн успел лишь мельком увидеть странную коренастую фигуру, возникшую в дверях освещенного дома, а затем на него и доктора набросилась толпа чудовищ.

Молодой человек выхватил пистолет и выстрелил: раз, другой... Однако наступавшие монстры даже не притормозили: пули прошили их насквозь, не причинив никакого вреда. Послышались полный отчаяния крик Уолтона и чей-то торжествующий вой, раздавшийся в коттедже, а затем плотная стена растительных людей врезалась в Оуэна и сбила с ног. Что-то твердое с оглушающей силой опустилось врачу на голову, и пока он оседал на землю, в голове у него раскручивалось огромное полотнище оранжевого пламени. А после было ощущение падения — головокружительного полета сквозь бездонные глубины тишины и мрака к полному забытью.

5

Оуэн очнулся и обнаружил, что крепко связан по рукам и ногам. Он лежал на земле возле стены домика, а рядом, тоже оплетенный веревками, распластался Уолтон. Молодой человек понял, что с момента пленения прошло не так уж много времени, ведь было еще темно. На востоке, правда, тусклый серый свет уже пригасил сверкание звезд.

С того места, где лежал Оуэн, просматривалась бóльшая часть поляны, и он обратил внимание на царившую там суматоху. Пространство внутри частокола просто кишело людьми-растениями, спешащими туда-сюда по своим загадочным делам. Высокий тонкий голос руководил их перемещениями от дверей коттеджа. Извиваясь, врач сменил положение, чтобы увидеть обладателя визгливого голоска. Он взглянул и, узрев стоявшую на крыльце тварь, содрогнулся от глубочайшего отвращения.

Это был Бриллинг — такой, каким его и описывал Уолтон; такой, каким его сделало ускорительное излучение: непомерно большая лысая голова, матово-бледная кожа и четыре извилистых щупальца, два из которых поддерживали туловище, походившее на бесформенную кучу плоти. Пока Оуэн таращился на монстра, тот поймал взгляд молодого человека и спустился к пленникам. Остановившись напротив, Бриллинг с глумливым любопытством уставился на связанную парочку.

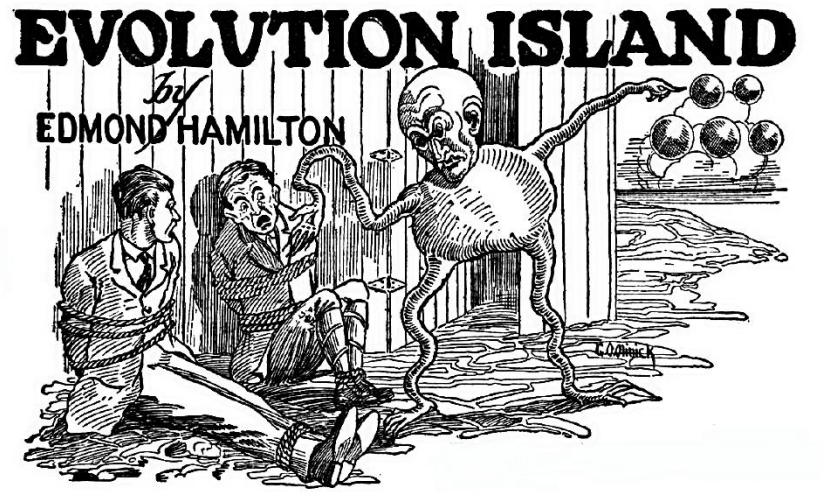
— Итак, ты вернулся, Уолтон? — провизжал он. — И притащил с собой Оуэна. Зачем — ума не приложу! — Бриллинг разразился ужасным смехом.

Ни Оуэн, ни Уолтон не снизошли до ответа, и это, похоже, привело в ярость стоявшего перед ними монстра.

— Вы прибыли как раз вовремя, чтобы засвидетельствовать мой триумф, — бесновался он, — и увидеть начало моего царствования. — Он пристально вгляделся в восточный горизонт, а затем ликующе выбросил вверх мускулистое щупальце. — Узрите же, глупцы, — крикнул он, указывая на восток.

Оба пленника посмотрели в ту сторону, где медленно разгоралась заря. И там их внимание привлекло нечто — нечто черное и круглое, медленно взлетавшее с отдаленного восточного берега. Оно поднималось все выше и выше, и теперь стало различимо далекое жужжание — урчащий вой, переросший в громкий гул. На глазах у двух связанных людей первые лучи солнца коснулись таинственной штуковины и дали отчетливо ее рассмотреть. То был колоссальный металлический шар — гигантская, ослепительно блестевшая в солнечном свете сфера. Огромный глобус диаметром все сто футов всплывал к небу, точно невесомый мыльный пузырек.

Гул усилился, стал насыщеннее. На востоке вслед за первым черным силуэтом вспучился еще один. И еще один, и еще... Затем показалось сразу целое скопление... И вскоре над восточной оконечностью острова уже парили пятьдесят



громадных шаров Собираясь вместе, они с жужжанием кружили на высоте мили.

Бриллинг повернулся к пленникам. Лицо монстра светилось злобным торжеством, а взгляд пылал безумием.

— Моя армия! — горделиво вскричал он. — Мои растительные люди! Они отправляются сеять смерть в вашем мире! Идут полосовать Землю ускорительными лучами!

Пока он говорил, Оуэн и Уолтон наблюдали за тем, как высоко наверху сферы, образовав плотный строй, неспешно плывут над островом.

Подставив лицо под лучи утреннего солнца, Бриллинг следил за движением своего воинства. Оуэн повернулся к другу — и сердце его тут же вспыхнуло надеждой. Оказалось, что Уолтон исподтишка перетирал оплетавшие руки веревки об острый край булыжника, который выступал из почвы у него за спиной.

Оуэн осмотрелся и увидел, что на поляне нет ни одного растительного человека — все они поспешили на восточный берег, чтобы присутствовать при запуске летающих сфер. А еще он увидел, что Бриллинг по-прежнему не сводит глаз со скопления шаров наверху, которое, проплыв над островом, летело теперь над поверхностью моря. Не поворачивая

головы, молодой человек видел боковым зрением, что доктор, уже освободил руки и возится теперь с веревками на ногах.

Вдруг Бриллинг переключил свое внимание на пленников.

— А вы, двое, — провозгласил он, — умрете!

Отвернувшись, безумец издал визгливый клич — клич, что не остался без ответа: издалека ему ответил отряд возвращавшихся к коттеджу растительных людей. Но стоило только прозвучать этому зову, как Уолтон вскочил на ноги и бросился на Бриллинга. Вместе они полетели на землю, где стали кататься туда-сюда, вцепившись друг в друга изо всех сил.

Четыре длинных щупальца молниеносно обвили биолога, сжав его в стальном захвате. Затем Бриллинг снова завопил, поторапливая растительных людей. Отклик на этот визгливый приказ не заставил себя ждать — Оуэн увидел вдалеке зеленых тварей, спешащих на помощь хозяину. А всего в сотне футов зияла отворенная дверь лаборатории!

Судорожно дергаясь, Оуэн торопливо откатился от стены и, миновав дерущихся, пополз через двор. Он корчился, извивался и крутился, продвигаясь по участку к маячившему впереди дверному проему, что олицетворял собой жизнь или гибель мира. Хор стенающих воплей раздавался все ближе, однако молодой человек упорно продолжал тащиться вперед. Все его естество сосредоточилось на огромном черном цилиндре по ту сторону двери, и на выключателях, блестевших на передней панели устройства. На одном единственном выключателе — на крайнем слева.

Крайний слева выключатель!

И вот Оуэн добрался до двери и, перевалившись через порог, подполз к цилиндру. Корчась словно, припадочный, он попытался принять вертикальное положение. Неужто веревки не позволят даже этого? С величайшим усилием он рывком поднялся на ноги и увидел, как люди-растения ворвались во двор. Бриллинг отдал им приказ, и монстры, не

обратив внимания на дерущихся, бросились прямо к лаборатории. Они были все ближе… ближе…

Изогнувшись немыслимым образом, Оуэн вцепился зубами в левый тумблер. Стоило ему сделать это, как в помещение вломился первый из монстров и направил на человека свой напоминавший кинжал огнемет. Но в тот самый момент, когда смертоносное оружие нацелилось на него, Оуэн резко дернул головой, и зажатый меж зубов переключатель со щелчком переместился в крайнее нижнее положение. На долю секунды повисла гробовая тишина.

Затем снаружи внезапно донесся плачущий вой — слабый и постепенно затихающий. Перепуганный Оуэн увидел, что растительные люди перед ним затряслись и зашатались; увидел, как очертания их тел расплываются, становятся нечеткими, меняются. Казалось, твари со скоростью света промчались через тысячу обличий, а потом растаяли, превратившись в холмики слизи — в зеленую липкую дрянь, измазавшую пол и землю в тех местах, где только что стояли люди-растения.

Сквозь распахнутую дверь, Оуэн увидел доктора, который, еле держась на ногах, с величайшим изумлением таращился на изобилие слизи вокруг. Затем, пошатываясь, Уолтон нетвердой походкой направился к лаборатории и освободил Оуэна от пут. После этого они оба вышли наружу и огляделись, словно бы не до конца веря в сотворенное ими чудо.

Слизь! Слизь лежала там, где минуту назад двигались зеленые монстры и Бриллинг; блестела там, где недавно толпились люди-растения. Под воздействием запущенного на полную мощность реверсивного излучения все живое на острове (за исключением двух защищенных накладками мужчин) мгновенно превратилось в первооснову жизни — в слизь, которая много эпох назад покрывала полосы приливов.

И тут Уолтон вскрикнул и указал в сторону моря. Там виднелось скопление мчавшихся прочь от острова шаров.

Оно дрожало, замедлялось и беспорядочно клубилось. Гудение, сопровождавшее работу сфер, становилось все тише и тише по мере того, как они — одна за другой — обрушивались в море, вздымая огромные фонтаны брызг. Потеряв управление, аппараты неслись к воде: мощное излучение дотянулось до сидевших внутри растительных людей и уничтожило их. Уничтожило, превратив их в слизь!

Последний из летающих шаров рухнул в пучину и пропал. Уолтон с Оуэном переглянулись. В их глазах стояли слезы. Плотное, тяжелое одеяло тишины накрыло остров.

6

Уолтон и Оуэн стояли на корме бегущего по волнам суденышка и провожали взглядом остававшийся позади остров. На западе, у самой воды, висело заходящее солнце — словно огромная, пылающая дверь, внутрь которой устремлялось море. Вспоминая то беспросветное отчаяние, с каким они совсем недавно ступили на остров, Оуэн ощущал безмерную благодарность и бесконечное смирение.

Мысли Уолтона занимало кое-что другое.

— Бриллинга больше нет, — произнес он, — Люди-растения исчезли. Излучатель уничтожен, и лишь я один знаю, как построить новый.

— Навряд ли ты решишься собрать еще один, так ведь? — с улыбкой спросил Оуэн.

Однако лицо доктора оставалось серьезным, когда он ответил:

— Нет, со всем этим покончено. Но мы были близко… так близко…

Два человека наблюдали, как остров исчезает вдали, и на них обоих опустилась тишина — тишина полного взаимопонимания. Солнце провалилось за край мира, и теперь, в наступившем полумраке, им лишь с трудом удавалось различить островок. Еще минуту они видели его — темную

массу, маячившую на фоне далекого горизонта, — а затем он исчез, растворился в сгустившихся сумерках.

Вздохнув, Оуэн отвернулся, и, хоть и не сразу, Уолтон последовал его примеру. Став плечом к плечу, они обратили свои взоры вперед. А рассекавший водные просторы маленький ялик продолжал уверенно двигаться на север — летел сквозь стремительно наступавшую ночь.

ВТОРЖЕНИЕ ИЗ АТОМОВ

1

Оглядываясь назад, диву даешься, сколь многое смогли мы понять в этой истории и сколь глубоко удалось нам постичь природу роковой напасти, обрушившейся на человечество с одинокого холма в южной Шотландии. Если бы не одна мелочь — случайное любопытство молодого студента, — то и по сей день то кошмарное вторжение оставалось бы совершенно необъяснимым. Безусловно, мимолетный интерес вполне заурядного юноши — пустяк, однако именно благодаря этому интересу у нас и получилось разобраться в грандиозной драме, разыгравшейся над нами и вокруг нас.

Как будто наше незнание или осведомленность могли хоть как-то повлиять на исход этой трагедии! Рядом с непостижимыми силами, что восстали, сражались и потерпели крах, человечество выглядело всего-навсего скоплением ничтожных перепуганных пигмеев, суетящихся под ногами дерущихся великанов. Однако не стоит забывать, что среди этих самых пигмеев нашелся один озлобленный безумец, наславший на нас древний ужас и разжегший вековую космическую войну — вселенная схлестнулась со вселенной в титанической битве, колоссальной и невообразимой...

Началось все, насколько нам известно, в тот знойный августовский вечер, когда юноша по имени Эрнест Хантер прибыл в деревню Лиденфут и слез с побитого жизнью велосипеда. Целый день он крутил педали, колеся по холмам Шотландии, и уже успел отчасти пожалеть о решении посетить Глазго во время путешествия на каникулах. Будучи одним из бесчисленной прорвы студентов, которые каждое лето пешком или на велосипедах шныряют по автострадам Англии, он начал думать, что поездка за границу все же была ошибкой.

Но стоило Эрнесту оказаться в прохладном сумраке маленькой гостиницы с кружкой пенящегося сидра в руке, как сомнения тут же испарились, а мир снова стал весьма симпатичным местом. Высокий и сутулый, со смешливым худым лицом, этот Хантер был общительным типом, и теперь он поглядывал вокруг в поисках подходящей компании. Кроме него в длинном и низком помещении никого не было, разве что, у распахнутой двери беседовали двое: один — коренастый трактирщик в фартуке, а второй — морщинистый старик с седыми бакенбардами. Сидр закончился, и Хантер, поднявшись, ленивой походкой направился к ним, уловив по пути несколько слов из их разговора.

— Гром? Нет! — воскликнул трактирщик. — Кто ж это слыхивал подобный гром?

Старик согласно кивнул, и тут в их беседу вклинился веселый голос Хантера.

— Недавно гроза была? — спросил юноша. — В среду, проезжая через Карлайл, я угодил в одну весьма скверную грозу. Неприятное явление. Молния подожгла в городе дом.

Прежде чем ответить, хозяин заведения подозрительно оглядел студента.

— То, о чем мы говорили, не было грозой, — сказал он. — Чудная штука... Прям даже не знаю... Вот МакЭндрюс слыхал, да и я тоже...

Он умолк, однако Хантер, заинтригованный, стал расспрашивать дальше, и узнал, что предметом разговора являлась серия странных взрывов, которые прошлой ночью слышали все в деревне, — череда глубоких рокочущих звуков, доносившихся, судя по всему, от группы холмов к западу от Лиденфута. Большинство жителей считало, что это гремел отдаленный гром. Трактирщик же был в корне с этим не согласен.

— Такого грома вам не доводилось слышать, — убеждал он. — Бум... бум... бум... бум! Периодичность, словно из большой пушки палят. В свое время, я достаточно грома

наслушался, и тот шум на него не походил, совсем не походил. Да, МакЭндрюс?

Морщинистый старик с умным видом кивнул.

— Может, вы слышали звуки подрывных работ? — предположил Хантер. — Возможно, какой-нибудь фермер наверху занимается чем-то в этом роде?

Мгновение трактирщик разглядывал юношу с тем великолепным презрением, с каким сельские жители относятся к несведущим в местной географии чужакам.

— Фермер наверху! — повторил он таким тоном, который сам по себе вполне мог отвергнуть недостойное заявление. — Да на всех холмах нет ни одного дома! Слишком уж те места крутоярые да дикие. Сомневаюсь, что за последние десять лет там селилась хоть одна живая душа.

Старик МакЭндрюс вынул изо рта трубку, чтобы выразить несогласие.

— А как же ученые парни? — спросил он.

— Ну, разве что они, — спохватился хозяин, несколько смутившись, а старик, возвратив трубку на место, с суровой торжественностью воззрился на приятеля.

Вероятно, чтобы сгладить свой промах, трактирщик поспешил объяснить Хантеру:

— Два ученых профессора — у них домик на одном из холмов. Живут там уже примерно с год. По слухам, изучают стеклянные форты. Сам я их не видал, они ведь всем необходимым в Дайкирке разживаются.

У Хантера вызвал интерес прозвучавший термин.

— Стеклянные форты? — переспросил он.

— Груды каких—то старых каменюк на вершинах нескольких окрестных холмов, — пояснил трактирщик. — Некоторые из обломков полностью в стекло переплавились — молния, сдается, постаралась. В округе все кличут те развалины стеклянными фортами. Над ними ученые ребята и трудятся: раскапывают и все такое.

— Ах, вот оно что, — сказал Хантер, а затем продолжил гораздо медленнее: — Знаете, я бы взглянул на какой-

нибудь из этих фортов, если это не отнимет много времени. Как думаете, за день управлюсь?

— Ну, коли вы хороший скалолаз, то поспеете, — сообщил хозяин. — Лоудер—Хилл ближе всего, и на его вершине, говорят, имеются такие развалины. К тому же, он не шибко—то и крутой. Рядом с Лоудером есть и другой холм, Керачан—Хилл, но тот слишком высокий и кряжистый — за день взобраться и спуститься не сдюжите. Это вряд ли. Кажись, на Керачане те ученые и обосновались. Впрочем, лучше бы вам попытать счастья с Лоудером.

— Останусь—ка я здесь до завтра, — сказал Хантер, — и схожу в поход. Адски устал крутить педали. Так что, день бродяжничества станет для меня отдыхом.

Задумка увлекла молодого студента, и, прежде чем отправиться спать, он раздобыл достаточно сведений, которые должны были направлять его во время завтрашней экскурсии. Также его вдоволь попотчевали таинственными байками о тех самых стеклянных фортах, служивших, очевидно, предметом местных суеверий.

Следующим утром, когда солнце уже час как показалось на небе, Хантер сунул в карман небольшой сверток с обедом и покинул гостиницу. Он быстро пересек деревню и уверенно зашагал по каменистым дорогам и неровной, заросшей вереском местности в сторону темневшей на западе громады холмов, чьи склоны почти полностью скрывались под густыми пихтовыми лесами.

Хантеру посоветовали взбираться на Лоудер—Хилл по дальней стороне, и чтобы добраться до нее, он сделал большой круг, обходя подножие холма по узкой лесистой лощине, отделявшей Лоудер от Керачан—Хилла. Пробираясь через лощину, он поразился царившим в ней тишине и спокойствию. Мелких лесных созданий спугнул звук его шагов, но один раз юноша мельком увидел вдали смутный силуэт буланого оленя, скользивший меж деревьев, и время от времени из зарослей при его приближении вырывались стайки потревоженных птиц, которые налету шумно обсуждали

Хантера в уничижительных выражениях. В этом безмятежном месте суетливый, кричащий, ревущий мир казался немыслимо далеким.

Все выше и выше карабкалось солнце, пока он прокладывал свой путь вперед. А в мире, что представлялся теперь таким нереальным — в Лиденфуте, в Лондоне, в Нью-Йорке и в Пекине — прочие люди прокладывали свой собственный путь, свою личную стезю жизни; плели интриги ради металлических кругляшей и бумажных листков, ради восхищения окружающих, ради богатства, славы или знаний. Огромная толпа мелких заговорщиков — каждый вынашивает собственный замысел, каждый незыблемо уверен в значимости своей особой деятельности и в ценности ее результатов.

А в безмолвных холмах, между которыми шагал в ту минуту Хантер, скрывалось нечто, способное смести все эти мелочные заговоры, словно карточные домики, — дверь, через которую мог явиться неведомый людям зловещий ужас, принеся в наш мир и в миры, расположенные над нами и вокруг нас, смерть, и хаос, и древний страх...

2

Солнце сияло почти в зените, когда Хантер достиг дальней стороны Лоудер—Хилла, вверх по которой вилась обрывистая тропа. Он с сомнением рассматривал склон: тот выглядел весьма отвесным, а день уже собрался перевалить за середину. Пожав плечами, юноша уже было вознамерился ступить на тропу, когда раздавшиеся позади шаги заставили его испуганно обернуться.

К нему приближался странный субъект — невысокий средних лет человек в грязной изорванной колючками одежде. Был он без шляпы и в очках, а на круглом розовом лице застыло выражение ошеломленного изумления. Незнакомец ковылял вперед, пока не очутился в нескольких ярдах от потрясенного Хантера, затем он остановился и кротко взглянул на юношу.

— Не Пауэлл, — прошептал мужчина мягко и доверительно. — Нет...

Он вдруг умолк, с явным удивлением огляделся по сторонам и осел на землю в глубоком обмороке.

Хантер в одну секунду подскочил к мужчине и стал применять к нему свои смутные познания о первой помощи. Он просунул горлышко карманной фляги между зубов потерявшего сознание человека и влил ему в горло немного бренди, которое почти сразу привело незнакомца в чувство. Тот вгляделся в лицо Хантера и спросил:

— Который час?

Узнав, что уже почти полдень, бедолага принял сидячее положение.

— Теперь я в порядке, — заверил он студента, жестом предлагая тому присесть на землю рядом с собой.

Взгляд его, поблуждав по окрестным видам, возвратился к Хантеру. Прежде чем начать разговор, мужчина внимательно рассмотрел юношу.

— Не знаю, кто вы, — начал он и, когда Хантер собрался было объяснить, добавил, — да это и не важно. У вас ведь есть хоть какое-то образование, не так ли? А-а, студент-медик! Это все облегчает, значительно облегчает.

Хантер начал думать, что мужчина еще не совсем пришел в себя и бредит.

— Может, я лучше помогу вам добраться до Лиденфута? — спросил молодой человек.

— На это нет времени, — последовал странный ответ. — Я и сам направлялся в Лиденфут, чтобы... Ах да, вы ведь не в курсе. Впрочем, у нас еще есть время на обратную дорогу. Но для начала вам следует меня выслушать...

Мужчина уловил на лице юноши выражение сомнения и опаски.

— Нет, я не сумасшедший, — заверил он почти ласково. — Но мне крайне нужна помощь. Ваша помощь.

— Но помощь в чем? — спросил Хантер. — Если бы вы просто пошли со мной в деревню, то думаю...

— Нет! — отрезал незнакомец.

Последовала пауза, во время которой он невидящим взором оглядывал зеленое безмолвие вокруг. Внезапно мужчина повернулся к озадаченно выжидавшему студенту.

— Зайдем, с другой стороны, — начал он. — Допустим, некто решил убить обитателей той деревушки — вознамерился стереть ее с лица земли. Попытались бы вы помешать этому?

Хантер недоуменно кивнул, и незнакомец продолжил:

— Конечно, попытались бы. Идем дальше. Допустим, некто или нечто, жаждет истребить всех людей на Земле и уничтожить привычный нам мир. Вы ведь и это попытаетесь предотвратить, верно?

Молодой человек непонимающе воззрился на него.

— Попытаетесь? — настаивал мужчина.

— Ну… да, естественно, — ответил студент.

Пожилой человек выдохнул и негромко произнес:

— Вот, чтобы не дать произойти подобному, мне и нужна ваша помощь.

Не успел Хантер прокомментировать столь поразительное заявление, как мужчина бросился рассказывать:

— Я намерен изложить достаточно сведений, которые помогут вам осознать грядущую опасность. Выслушав их, вы перестанете считать меня психом! Немного времени у нас есть — где-то час, — а потом нужно отправляться назад. Но рассказать я успею…

Вам следует знать, кто я. Моя фамилия Марлоу. До прошлого года я занимал должность в штате лондонского музея Трент, и там около трех лет назад, судьба и свела меня с Пауэллом.

С доктором Генри Пауэллом — недавно вышедшим на пенсию пожилым профессором физики из Кембриджа. И это все, что он когда-либо рассказывал о своем прошлом. Даже когда мы познакомились поближе, он не особо распространялся о предыдущем месте работы. Случайно, я узнал причину подобной скрытности. Один друг поделился со мной,

что Пауэлл покинул Кебридж под подозрением. По всему выходило, что он, в сотрудничестве со своим коллегой (профессором по фамилии Вудинг), много месяцев экспериментировал с трансмутацией элементов. Ну вы знаете: превращение урана в радий или радия в свинец. Современная алхимия — вот, чем они занимались. После года совместной работы эти двое по некой причине разошлись во взглядах, и каждый продолжил эксперименты в одиночку. Вудинг первым опубликовал результаты своих исследований, и Пауэлл тут же заявил, что бывший напарник украл его наработки.

Дело обернулось довольно громким скандалом, однако следственная комиссия постановила, что все обвинения беспочвенны, и Пауэлла выгнали из университета. Я никогда не говорил с ним о тех событиях, а потому не знаю, правдивы ли они. Но было заметно: что-то сильно озлобило Пауэлла. Так сильно, что у него появилась привычка жестоко огрызаться с каждым ученым. Собственно, профессор вообще с людьми не ладил. Временами он меня крайне раздражал. Словно ожившая бутылка кислоты — тонкогубая, насмешливая, ехидная. Но кое-что нас все же сближало — общий интерес к археологии. По сути дела, эта отрасль науки являлась моей работой в музее. Пауэлл же, полагаю, воспринимал ее как своеобразное хобби, развлекавшее его беспокойный ум. Мы познакомились, благодаря визитам Пауэлла в музей, и впоследствии много общались.

Профессора чрезвычайно интересовали так называемые витрифицированные форты — груды развалин, расположенные на кое—каких холмах и в нескольких долинах Шотландии; некоторые камни тех руин переплавились в стекло. Слышали о них? Что ж, Пауэлл выдвинул смелую теорию, будто бы стеклянные потеки образовались не из-за разрядов молнии, как принято считать, а из-за воздействия некоего ударившего сверху мощного оружия или излучения. Представьте себе, какую революцию в традиционных представлениях об археологии произвела бы данная идея, найди он ей доказательства. Пауэлл был просто одержим этой темой,

и проводил уйму времени, странствуя по Шотландии, выискивая такие руины и устраивая на них раскопки.

***

Пауэлл пропадал в одной из подобных экспедиций уже несколько недель, когда я получил от него срочную телеграмму, отправленную из шотландской деревушки под названием Дайкирк. Он сообщал, что совершил потрясающее открытие и что ему нужна моя помощь; за содействие профессор сулил щедрую награду. Телеграмма разожгла мое любопытство, и поэтому, выхлопотав в музее необходимый отпуск, я тут же сел на поезд и отправился в путь. Пауэлл встретил меня на перроне.

Как оказалось, свое открытие он совершил на холме Керачан, в нескольких милях от Дайкирка. В распоряжении Пауэлла имелся небольшой коттедж, возведенный на вершине того самого холма. В этой хижине он обитал уже несколько недель. Мы добирались до скромного жилища профессора большую часть дня, а потому, разобрав мой багаж, решили отложить осмотр находки до утра.

И та действительно оказалась поразительной. На плоской вершине холма тут и там лежало несколько крошащихся каменных блоков. В центре ровного пространства зияла неглубокая свежевырытая круглая яма примерно двадцати футов шириной и около одного фута глубиной. На дне ямы покоился гладкий округлый камень, поверхность которого почти вся была изрезана множеством странных символов.

Чтобы расшифровать эти письмена, Пауэллу и понадобилась моя помощь, ведь я считаюсь экспертом в иероглифах, клинописи и тому подобном. Профессор рассказал, что обнаружил надпись под защитным слоем некоего цемента, и всей своей пылкой натурой желал он теперь выяснить, о чем в ней говорилось.

Так что в тот же день я засел в хижине и приступил к работе. К своему удивлению, я понял, что текст не составит труда перевести (сами же символы при этом оставались совершенно незнакомыми и чуждыми). Тот, кто вырезал письмена, разместил тут и там, маленькие картинки и значки, намеренно оставив ключ к расшифровке. За месяц я закончил и упорядочил перевод. И как оказалось, на камне была высечена изумительная, просто невероятная история.

Согласно письменам, форты, чьи руины разбросаны по всей Шотландии, много веков назад возвела вторгшаяся на Землю таинственная раса. И чужаки эти явились не с другой планеты, как можно было предположить, а из одного единственного атома Земли.

Вам это, бесспорно, покажется невероятным, как показалось поначалу и мне, но подумайте вот о чем. Нам известно, что каждый атом на Земле состоит из нескольких электронов, вращающихся вокруг ядра. Что же это, если не солнечная система в миниатюре? Точно так же наше Солнце и кружащие вокруг него планеты могут оказаться атомом гораздо большей системы — и так, возможно, до бесконечности. Идея сия не нова — ее выдвинули несколько лет назад. И вот в таком отдельно взятом атоме Земли, на его крохотных планетах—электронах, обитала раса соразмерно маленьких атомных людей (будем называть их так). Они заселили каждую из своих планет и постепенно задыхались от постоянно растущего числа себе подобных.

У них была наука — странная разновидность науки, — и в час величайшей нужды, один ученый объявил о поразительном открытии. Он нашел способ, с помощью которого размер любого объекта можно было по желанию либо увеличить, либо уменьшить до какой угодно степени. И секрет таких превращений оказался сногсшибательно прост.

Общеизвестно, что вселенная — этот всепроникающий эфир — есть основа всего сущего. Вибрации сего эфира в одной октаве порождают свет; в другой — радиоволны; еще в одной — химическое излучение. Но ученые атомных людей

выяснили то, что нам пока неведомо: вся материя, сама по себе — не более чем очередная вибрация эфира в особой, более низкой, октаве. Этот камень, вон то дерево, вы и я — все это не что иное, как различные колебания. Атомные ученые установили, что если камень является просто-напросто эфирной вибрацией, то при увеличении частоты этой вибрации камень будет становиться больше, а при снижении частоты — уменьшаться.

Метод изменения частоты излагался в письменах: следовало определить частоту вибрации объекта, затем сконцентрировать на нем другие, во многом похожие на радиоволны, искусственные электрические колебания, способные изменять частоту вибрации объекта так же, как незначительное усилие, приложенное в нужный момент, может ускорить раскачивание маятника. Таким образом атомные люди были способны сделать любой объект (включая и самих себя) настолько большим, что тому стало бы тесно в их мире, или уменьшить вплоть до полного исчезновения.

Появилась возможность снизить плотность населения, и они тут же за нее ухватились. Воспользовавшись открытием, чтобы увеличиться, они вырвались из своего атома и проникли в наш мир, на Землю. Здесь пришельцы обнаружили, что атом, являвшийся для них целой вселенной, был всего лишь крошечной частичкой обычной земной песчинки. Тем не менее, в песчинке этой содержался их мир, и поэтому, чтобы та всегда находилась на месте и послужила убежищем в случае необходимости скрыться, они возвели вокруг нее, в том месте, что ныне зовется Шотландией, огромную постройку. Все это сопровождалось хлынувшими в наш мир бесчисленными толпами обитателей атома.

Земля тогда была диким и малопривлекательным местом, но атомные люди, ничуть не испуганные, расселялись по ее поверхности и строили каменные сооружения, приспосабливая планету под себя. Должно быть, им казалось, что они всегда будут в безопасности в этом большем универсуме.

А потом случилась катастрофа. Некоторые горячие головы не удовлетворила остановка в новой вселенной. Они увидели солнце с планетами и сообразили, что на самом деле наша солнечная система — всего-навсего атом еще более огромной вселенной. Поэтому кое—кто из них, применив все тот же метод изменения размеров, снова увеличился и проник в мир над этим миром, во вселенную, в которой наша — всего лишь атом.

Оказалось, в той большей вселенной, в том сверхмире (назову его так), существовала цивилизация — цивилизация существ, далеко превосходивших примитивный, полуварварский народ атома. Так что, когда в их мир вторглись захватчики, сверхлюди поняли: чужаки явились снизу, из атома, — сами они уже давно открыли способ изменения размеров, только—только освоенный жителями атома. Хоть сверхлюди и отразили немедля первую атаку завоевателей, за последующие годы воинственный народ атома упорно, раз за разом, продолжал попытки вторгнуться в сверхмир, который был в разы благоприятнее, чем их планета или наша.

Нападения не прекращались долгое время, и в конце концов у сверхлюдей иссякло терпение. Они собрали все свои силы и ринулись из большей вселенной на Землю, чтобы навсегда разделаться с атомными захватчиками. Разразилась невиданная доселе битва: люди сверхмира и народ атома схлестнулись в смертельном поединке; грандиозная война бушевала над планетой, содрогавшейся от залпов невероятных орудий.

Атомные захватчики не выстояли под мощным огнем сверхлюдей, и вскоре уцелевшие пришельцы в ужасе бежали в родной мир, в песчинку, заключавшую в себе их вселенную. Они стремительно отступали к песчинке и внутрь нее, уменьшались и исчезали. Вскоре на Земле не осталось никого из них — только мертвые.

И тогда сверхлюди решили навсегда заточить чужаков в атоме песчинки, чтобы те никогда больше не вырвались и

не принесли снова в сверхмир войну и смерть. Для этого сверхлюди поместили песчинку в беспрерывное поле странной электрической силы, внутри которого невозможно увеличиваться или уменьшаться тем способом, каким это делали атомные люди, — изменением частоты эфирной вибрации. Так народ атома оказался навеки заперт в своей микроскопической вселенной. Затем сверхлюди спрятали окруженную силовым полем крупинку, водрузив сверху большую глыбу, на которой выбили историю произошедших событий, а также — предостережение каждому, кто в будущем может отыскать камень: никогда не нарушайте и не изменяйте сделанного, чтобы снова не впустить атомных захватчиков на Землю и в сверхмир. Покончив с этим, сверхлюди покинули Землю, предоставив нашу планету собственной судьбе, и вернулись к себе наверх, в бóльшую вселенную.

Шло время. По Земле прокатилась волна мучительных изменений: возникавшие виды сменяли друг друга — долгая дорога от антропоида к троглодиту, а затем и к современному человеку. Постройки пришельцев из атома вскоре разрушились — лишь немногие свидетельства сохранились. И так по всему миру. Словно никакого вторжения никогда и не было. И никто из людей даже не догадывается, что раньше на Земле властвовал такой народ. А на вершине одного холма в Шотландии, под большим камнем, за века занесенном землей, покоилась таящая в себе войну, смерть и ужас частичка песка, в одном из атомов которой на вечные времена были заточены атомные захватчики.

3

Вот такую грандиозную эпопею поведали нам письмена. И была она до того убедительной, что ни у меня, ни у Пауэлла не возникло даже тени сомнений в ее правдивости. Однако между нами разгорелся спор. Я считал, нам следует прислушаться к предупреждению и не соваться дальше, чтобы не впустить в наш мир настоящий кошмар. Но

Пауэлл, изнемогая от любопытства, не хотел ничего слышать, а потому, найдя помощников, мы сняли булыжник и положили его в стороне. И под ним, как и говорилось в письменах, мы обнаружили содержавшую в себе атомный мир песчинку.

Под круглым камнем обнаружился куб со сторонами примерно шесть квадратных футов, изготовленный из той же гладкой скальной породы. На верхней плоскости куба помещалась небольшая пластина из полированного металла, в центр которой была вкраплена искомая песчинка. Вокруг металлической пластины располагалось кольцо из семи врезанных в поверхность куба маленьких брусков, постоянно испускавших слабое фиолетовое свечение. При свете дня брусочки выглядели просто фиолетовыми, и лишь в темноте сияние становилось заметным. Безо всяких сомнений, кольцо тлеющих брусков вырабатывало силу, упомянутую в надписи, — силу, делавшую невозможным изменение размеров внутри поля. Это и удерживало атомных людей в песчинке—тюрьме.

С того дня Пауэлл все меньше и меньше доверял мне. Он оборудовал рядом с хижиной небольшую лабораторию и приступил к работе над какой-то проблемой, связанной с находкой. Раз или два он консультировался со мной относительно значения некоторых технических моментов в надписи, но помимо этого ничего о своих делах не рассказывал. Я решил, что, оставаясь там, попусту трачу время. Однако в тот самый день, когда я вознамерился сказать об этом Пауэллу и уехать домой, он взволнованный прибежал ко мне с известием, что эксперимент удался.

И я был поражен, когда мне открылась природа того эксперимента. Пауэлл пытался, следуя приведенным в письменах скудным намекам, заново открыть метод изменения размеров. И у него получилось! Он продемонстрировал сконструированный им аппарат — компактный черный ящичек, крепившийся ремнями к груди, — способный увеличивать или уменьшать все, что попадает в поле его

действия. Стоя на вершине холма, Пауэлл увеличил себя в размерах, превратившись в стофутового гиганта, а затем уменьшился, обернувшись крошечным человечком в один дюйм ростом.

Профессор ликовал, и я надеялся, что теперь он снова спрячет песчинку, и мы наконец покинем холм. Я обратил его внимание на то, сколько всего хорошего можно совершить в мире, обладая столь огромной мощью. Однако в ответ Пауэлл лишь огрызнулся и впервые посвятил меня в свой замысел. Он собирался уменьшаться до тех пор, пока не удастся проникнуть в атомный мир; намеревался отправиться вглубь песчинки, в атомную вселенную.

Я изо всех сил — разве что, не применяя силу, — старался отговорить его: подобный план приводил меня в ужас. Однако Пауэлл, не слушая, продолжал готовиться к путешествию. Выдернув и убрав маленькие бруски, кольцом окружавшие песчинку, он начал постепенно уменьшаться, и превратился в итоге в малюсенькую фигурку в несколько дюймов ростом, стоявшую на металлическом круге рядом крупицей песка. Он становился все меньше и меньше, пока окончательно не скрылся из виду — и я понял: профессор проник в песчинку.

Трое суток нес я дозор рядом с каменным кубом, дожидаясь возвращения Пауэлла. И на исходе третьего дня он наконец явился: на металлической пластине возникла крошечная фигурка, которая быстро выросла в знакомого мне человека. Он вернулся.

Но вернулся изменившимся. Казалось, профессора переполняет грандиозный восторг, и толкают вперед некие тайные намерения. Я засыпал его вопросами, но получал лишь скупые ответы. Пауэлл обнаружил атомный мир, отыскав по 'определенным признакам' внутри песчинки тот самый атом — по каким именно признакам, он не разъяснил. Об атомных людях, он сказал лишь то, что их там много и что они 'другие'. Больше он ничем со мной не желал делиться, отчего мои опасения и страхи лишь возросли.

***

Беда грянула через неделю после его возвращения. Стояла ночь — я спал в хижине, а Пауэлл, как мне казалось, трудился в лаборатории. Вскоре после полуночи я пробудился и понял: Пауэлла нет в доме. Быстро одевшись, я обнаружил, что в лаборатории тоже пусто, и сразу догадался, где его искать. Я поспешил к яме, скрывавшей каменный куб и песчинку.

Пауэлл стоял у края дыры и пристально вглядывался в ее недра, однако звуки моего приближения заставили его резко обернуться. В руке он держал небольшой каменный конус, вершина которого вдруг засияла тусклым зеленым светом.

В ту же секунду я, точно куль, повалился наземь и замер совершенно обездвиженный — словно парализованный, я не мог пошевелить ни одним мускулом. А Пауэлл разразился хохотом. Насмехаясь и глумясь, он впервые раскрыл мне свои тайные планы. Он вознамерился снова впустить атомных захватчиков в наш мир. Спустившись в их вселенную, профессор вступил в сговор с тамошними властителями и пообещал им освобождение из мира, узниками которого те стали; согласился открыть им путь на Землю и в сверхмир.

В начале, хвастался он, атомные захватчики ударят по миру за пределами нашего, по сверхмиру; внезапно обрушатся на своих древних врагов в той большей вселенной и сокрушат их внезапной атакой. А потом, освободившись от любых возможных помех, орды захватчиков хлынут на Землю. Дико смеясь, профессор обрисовал картины уничтожения людских рас и всего ими созданного и особо остановился на страхе и ужасе его, Пауэлла, врагов. Впервые в жизни видел я совершенно безумного человека — озлобленного маньяка, питавшего ненависть ко всему человечеству. Из-за нанесенной ему обиды (реальной или воображаемой).

Тем временем, пока профессор говорил, из ямы начало доноситься едва уловимое жужжание, быстро перешедшее в

громкий гул. Затем из дыры выплыл черный диск примерно трех футов в поперечнике, стремительно расширявшийся во все стороны. Паря в нескольких футах над землей, диск продолжал увеличиваться, и гул превратился в оглушительный рев, в чудовищный грохот. Я лежал, как бревно, таращился на неведомую штуковину и вопреки всему пытался отыскать причину громовых раскатов. Вскоре до меня дошло: мощные звуковые волны были вызваны быстрым увеличением диска. Достигнув в диаметре тридцати футов, диск перестал разрастаться. Он плавно скользнул в нашу сторону и снизился, почти коснувшись земли. Я увидел, что диск битком набит темными силуэтами, которые толклись возле перил и глазели на нас.

Затем с края летательного аппарата спустилась складная металлическая лестница, и вниз по ней сползли три кошмарных, нелепых создания — три атомных человека.

Ранее они представлялись мне своеобразными людьми, возможно с иными чертами лица или цветом кожи, но все же, по сути своей, — людьми. Однако те существа... оказались рептилиями! Вылитыми ящерами! Ростом они были чуть ниже человеческого стандарта, а фигурой и очертаниями лишь самую малость походили на людей: голову держали прямо и обладали мощным коренастым телом с двумя толстыми нижними конечностями и парой коротких рук, украшенных жуткого вида изогнутыми когтями. Этой грубой пародией на человеческий облик все сходство и ограничивалось. Начать хотя бы с того, что пришельцы, подобно крокодилам, были полностью покрыты толстой жесткой чешуей. На заостренной, а не круглой голове зияла клыкастая пасть и блестели маленькие, черные, лишенные век глаза — как у змеи. Уши, нос и брови отсутствовали. Из предметов одежды на существах был надет только чудного вида металлический панцирь, который, казалось, предназначался в основном для ношения оружия, а не для прикрытия наготы.

Я лежал обездвиженный, разглядывал их, и меня мутило от ужаса. Троица приблизилась к Пауэллу, и тот

приветствовал их странным жестом. Один из монстров принес небольшую дощечку, похожую на грифельную. Написав, что-то на ней, он передал ее Пауэллу, который изучив начертанное, нацарапал какой-то ответ и вернул табличку обратно. Очевидно, профессор мог общаться с этими тварями только таким образом. Несколько минут пришельцы совещались с Пауэллом в подобной манере, а затем возвратились на диск, который тотчас сорвался с того места над вершиной холма, где до этого парил.

Чем выше поднимался диск, тем больше становился. Стремительно разрастаясь во все стороны, он через несколько секунд заслонил собой сияние звезд, а затем словно бы распался на множество небольших лоскутов и рассеялся подобно туче. Диск увеличился настолько, что стал невидимым, — перешел из этой вселенной в бóльшую. На мгновение мне подумалось, что кратковременное звездное затмение могло озадачить какого-нибудь взиравшего на звезды человека. Но почти сразу я понял: кто бы случайно ни взглянул в ту минуту на небо, он увидел бы всего навсего облако, плывущее в вышине, либо же вообще ничего не заметил.

Из ямы снова донеслось жужжание — на сей раз гораздо более громкое. Вскоре оно переросло в оглушительный гром, когда новая партия атомных войск хлынула из ямы огромным роем крошечных черных кружков — миниатюрных копий предыдущего аппарата. Выныривая, они тут же взмывали ввысь и, увеличившись, растворялись в воздухе, не задерживаясь, подобно самому первому диску, для беседы с Пауэллом. Стоило только этому полчищу вознестись над вершиной, как снова послышался и начал нарастать знакомый гул, возвещавший о приближении очередной волны.

Не могу даже предположить, сколько дисков вырвалось из атома, пока я лежал неподалеку от ямы, — казалось, им не было числа. Впрочем, воспоминания мои обрывочны и бессвязны. Должно быть, я отключился по поменьше мере на несколько минут: помню, как посреди громовых раскатов

взлетающих дисков я смотрел на Пауэлла, с триумфом наблюдавшего за пришествием захватчиков, — а потом на мой разум словно бы опустилась головокружительная тьма. Когда же сознание возвратилось ко мне, из ямы изливался последний поток черных дисков и вслед за другими исчезал в небесах.

***

Все это время Пауэлл удерживал меня в плену с помощью светящегося конуса, который он перед разговором с атомными людьми положил на землю. Так что я оставался пленником и без внимания со стороны профессора. Теперь он поднял оружие и, позволив мне возвратиться в хижину, заставил лечь на койку. Конус, направленный в мою сторону, профессор разместил на столе, и я снова превратился неспособного пошевелиться пленника.

Не знаю, зачем Пауэлл сохранил мне жизнь. Думаю, он нуждался хоть в ком—то — пусть даже в поверженном противнике, — перед кем можно хвастаться творимыми делами; ему хотелось, чтобы кто-то знал о том грозном могуществе, каким он обладал на самом деле. Скорее всего, так оно на самом деле и было, ведь на следующий день Пауэлл часами сидел рядом со мной, похваляясь своими свершениями. Он говорил об увиденной мной огромной армии захватчиков; сказал, что к этому моменту те своей численностью и мощным оружием, должно быть, уже покорили народ сверхмира.

Также безумец рассказал о парализующем конусе, державшем меня в оцепенении, — об этом оружии, прихваченном из атомного мира, — и поделился, что у него при себе имеется еще одно такое же устройство. 'Излучение конуса, — поведал профессор, — нейтрализует в нервной системе электрические сигналы, тем самым блокируя подаваемые мозгом команды и не затрагивая при этом рефлекторные действия, такие как работа легких и стук сердца;

осознанные же приказы мозга мускулам сводятся на нет, и наступает мышечный паралич'.

Весь день и всю ночь я неподвижно отлежал на кровати, за исключением лишь одного часа, когда Пауэлл разрешил мне поесть. Рано утром я услышал, как он покинул хижину. Начинался второй после прихода захватчиков день — сегодняшний. Я лежал и с тупым отчаянием слушал стук двери на ветру; конус находился в поле моего зрения. Внезапно во мне вспыхнула надежда: после особенно сильного хлопка двери конус немного откатился к краю столешницы. Я затаил дыхание. И позже, как раз, когда надежда начала уже угасать, ветер захлопнул дверь со всей силы, — конус свалился со стола на пол и лопнул, вспыхнув при этом ярким зеленым светом.

Вновь обретя подвижность, я первым делом обшарил хижину в поисках оружия, но ничего не нашел. Из окна домика, стоявшего на краю голой, лишенной деревьев вершины, я мог видеть голову Пауэлла — профессор расхаживал по дну ямы, готовясь к прибытию очередного войска захватчиков. Я понимал: его нужно немедля захватить в плен или убить, но также я помнил, что у него имеется еще один парализующий конус, и поэтому не решился броситься к маньяку через открытое пространство. Не мог я оставаться и в хижине. Так что единственное, что мне оставалось — это отправиться в близлежащую деревню за помощью или, на худой конец, за оружием.

В общем, выскользнув через заднее окно, я благополучно скрылся, не попавшись на глаза Пауэллу. Я потратил на спуск с холма все сегодняшнее утро и, когда повстречал вас, то понял, что не успею добраться до деревни, как планировал. Тем не менее, я должен вернуться и сделать все от меня зависящее. Теперь вы знаете правду. Там, наверху, на этом самом холме, Пауэлл ожидает второго нашествия монстров из атома — нашествия, которое уничтожит наш мир. Если нам удастся одолеть безумца и снова разместить светящиеся

бруски вокруг песчинки, то этим мы предотвратим катастрофу. Если же нет... Так вы верите мне? Поможете ли?

Хантер не спешил с ответом, от услышанной истории у него ум за разум зашел.

— Просто невероятно, — начал он. — Однако упомянутый вами грохот слышали и в Лиденфуте. Тем не менее, все это кажется таким странным...

В следующий миг, юноша и протянул Марлоу ладонь.

— Я верю вам, — произнес он. — И хочу помочь.

Мужчина молча пожал Хантеру руку, а затем взглянул на солнце.

— Пожалуй, в запасе у нас часа четыре, — сказал он, поднимаясь.

Хантер тоже вскочил на ноги. Минуту они вместе смотрели на мрачные склоны Керачан—Хилла.

Вскоре двое мужчин медленно, но неуклонно взбирались вверх по косогору. Они почти не разговаривали, а лица их застыли и осунулись. Солнце стремительно клонилось к западу, и глаза путников постоянно оценивали расстоянием между горизонтом и сползавшим к нему светилом.

К тому времени, когда Марлоу и Хантер преодолели первые обрывистые высоты и начали продвигаться через редколесье верхней половины холма, серое покрывало сумерек уже затемнило окружающий ландшафт. Над возвышенностями и долинами, над лесами и лугами разливалась странная, зловещая, сулившая беду тишина. Двое людей с трудом карабкались наверх через сгущавшийся сумрак, и Хантеру чудилось, будто весь мир умолк, затаил дыхание и ждет...

4

Уже окончательно стемнело, когда Марлоу обернулся и предостерегающе поднял руку.

— До вершины осталось совсем немного, — шепотом сообщил он. — Ради Бога, ступайте потише.

Они крались наверх, продираясь сквозь густой подлесок и перелезая через зазубренные скалы. Достигнув края плоского, поросшего травой пространства, они затаились. Вот и вершина. Она не была идеально ровной: под небольшим углом сбегала вниз от их засады. В ее центре Хантер приметил чернеющий зев упомянутой ямы.

Марлоу потянул юношу за рукав.

— Пауэлл на другой стороне, — взволнованно прошептал он.

Глянув вниз по склону, на дальний край вершины, Хантер увидел тонкую, худощавую фигуру, смутно выделявшуюся на фоне звезд — фигуру человека, молча взиравшего на огни далекого городка. Справа, на самом краю пустынной вершины, темнели неровные очертания чего—то массивного, и Хантер понял, что это, должно быть, хижина. Марлоу снова подергал юношу за рукав.

— Обойдем его с двух сторон, — сказал он. — Я возьму на себя левый край, а вы заходите справа. Когда подберетесь достаточно близко — атакуйте. И не дайте ему возможности достать конус.

Прошептав: 'Удачи', Марлоу пожал Хантеру руку и тихонько пополз налево.

Сердце молодого человека бешено колотилось в груди, когда он ползком пробирался вдоль правого края вершины, приближаясь к мужчине, который все так же неподвижно стоял над обрывом и взирал на отдаленные огни. Хантер гадал, где сейчас в этой темноте Марлоу? Сам юноша в эту минуту полз мимо отворенной двери хижины, и его скрывала отбрасываемая маленькой постройкой тень.

Отсюда можно было рассмотреть освещенный звездным светом волевой профиль мужчины, на которого они собирались напасть. Пауэлл обратил взор к югу, и словно зачарованный следил за далекими огоньками; глаза под копной блестящих серо—стальных волос пылали безумием.

Вдруг Пауэлл засмеялся, и Хантер от неожиданности так и замер на четвереньках. Яростный издевательский хохот

вызывал дрожь у застывшего студента. Умолкнув, человек у края холма поднял кулак и погрозил далеким огням. Тишину, словно набат, прорезал голос:

— О люди, берегитесь!

Как только Пауэлл выкрикнул слова злобы и ненависти, Хантер снова двинулся вперед. И тут же наступил коленом на небольшую веточку, переломившуюся со звуком пистолетного выстрела.

Пауэлл резко обернулся, с быстротой молнии сунул руку в карман и вынул оттуда небольшой предмет. Не успел Хантер собраться с духом для быстрого отчаянного рывка, как штуковина засияла, словно крошечная зеленая сфера, — и молодой студент упал навзничь, лишенный всякой возможности пошевелится. Пауэлл направился к нему, удерживая в вытянутой руке конус.

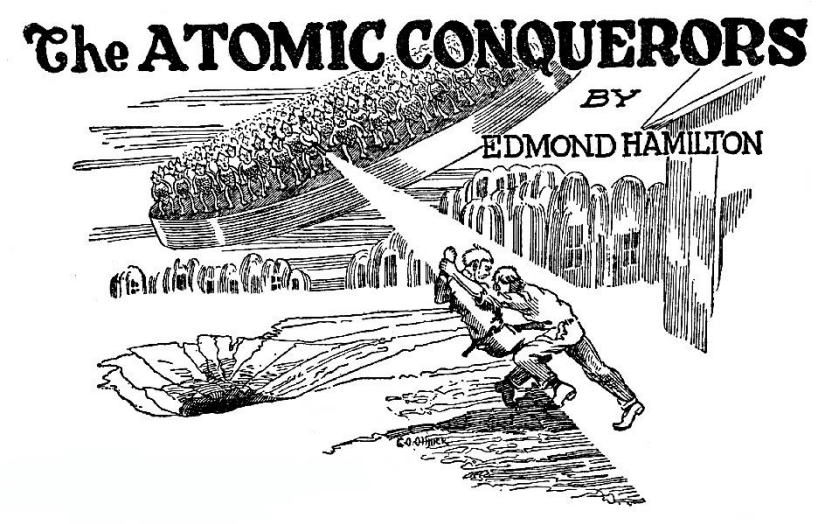
— Итак, ты сбежал, Марлоу, — сказал он, и Хантер понял, что в темноте безумец принял его за бывшего своего пленника.

Пауэлл продолжал говорить:

— Пожалуй, мне стоит раз и навсегда избавить себя от чинимых тобой помех. Не то что бы я держал на тебя какое-то зло, ты уж поверь... Однако позволить вмешиваться в мои планы я тоже не могу.

Закончив издевательскую речь, Пауэлл осторожно положил конус на небольшой холмик — таким образом, чтобы излучение по-прежнему удерживало Хантера парализованным. Затем профессор выпрямился и потянулся к поясу за револьвером. И тут сзади на него набросилась темная фигура и повергла на землю. Марлоу!

Судорожно соображая, Хантер лежал, неспособный пошевелить даже мизинцем, и следил за дракой двух силуэтов, которые, колотя друг друга руками и ногами, кружили неподалеку. Но что это?.. Что? Слуха вдруг достигло едва уловимое жужжание. Оно переросло в гул, а затем — в



раскатистый грохот. Из дыры выплыл темный контур — черный диск, который становился все больше, больше и больше.

Бум! Бум! Бум! Он вырос, достигнув тридцати футов в диаметре, и завис над ямой неподалеку от дерущихся. Заметив диск, Марлоу вскрикнул от отчаяния, а Пауэлл безумно захохотал. У края парящего диска возникла внезапная суматоха, какая-то беспокойная суета. Хантер различал неясные силуэты, столпившиеся у перил и наблюдавшие за потасовкой двух людей. Может они не узнали Пауэлла и теперь воспринимали обоих как угрозу? В тот самый момент, когда кружившие в драке мужчины приблизились к диску, с его края ударила колонна слепящего голубого света и поразила обоих противников. Хантер увидел, как в этом излучении лица мужчин претерпели ужасные изменения: окаменели, ссохлись и пошли трещинами. На студента повеяло абсолютным холодом. Легкое дуновение ледяного ветра, казалось, заморозило кровь в жилах.

В тот же миг на глазах у юноши Пауэлл и Марлоу задрожали, пошатнулись и бесформенной грудой осели наземь. А голубой луч скользнул дальше и задел лежавший на

холмике светящийся конус. Ярко вспыхнув, тот взорвался, и Хантер освободился от невидимых оков.

Теперь голубой луч кругами обшаривал вершину. Объятый безумным ужасом Хантер, заполз в домик через отворенную дверь и в страхе забился в темный угол. Неожиданно луч рванул к хижине, и под его прикосновением оконные стекла тотчас треснули. Скользнув в помещение, луч ненадолго задержался внутри, — на скорчившегося в закутке Хантера вновь повеяло арктической стужей.

Поток синего света озарил стоявшую напротив двери небольшую металлическую печь, и та в один миг покрылась морозным инеем и льдом. Минуту луч не двигался с места, будто сомневаясь, а затем внезапно исчез — словно его отрезало. Хантер сипло выдохнул.

Снаружи снова послышалось жужжание, и любопытство пересилило страх — юноша подобрался к расколотому окну. Яма извергала из себя черный рой крошечных дисков, которые возносились наверх, увеличиваясь по мере подъема. Они почти мгновенно расширялись до размеров первого диска, дозором парившего в стороне, и присоединялись к нему.

Минуту Хантер следил за кружившими в вышине дисками — за бурлящей тучей, в которую те собрались. Вскоре от общей массы отделились три аппарата. Снизившись, они зависли у самой вершины холма и стали шарить по ней смертоносными голубыми лучами, и, пока молодой человек наблюдал, световые потоки раз за разом пробегались по хижине. Остальные же диски — числом более двух десятков — образовали плотный строй и ринулась на юг.

Передовой отряд атомных захватчиков наконец дорвался до мира людей!

5

Вряд ли мы когда-нибудь узнаем истинную цель того первого налета завоевателей из атома. На вопрос этот

можно было бы ответить, если бы удалось выяснить, сколь многое Пауэлл рассказал захватчикам о Земле. На самом же деле, в том первом вторжении мы видим попытку не столько уничтожить нас, сколько дезорганизовать и посеять страх. Без сомнения, пришельцы планировали серией стремительных и смертоносных атак, сделать невозможным в Англии любое организованное сопротивление, а после, опустошив остров, превратить его в плацдарм для будущих операций.

Какими бы ни были их намерения, захватчики пролетели, не останавливаясь, над всей северной Англией и впервые дали знать миру о своем существовании, ударив с ужасающей силой сначала по Манчестеру, а потом и по Ливерпулю.

Не существует ясного, последовательного отчета о налете на Манчестер. Выжившие видели тот грозный час сквозь призму страха, и понадобилось еще много времени, чтобы сложить все свидетельства вместе и составить достаточно цельную картину произошедшего. Исполненные ужаса истории дают возможность представить, как из темноты на ничего не подозревающий город без предупреждения опускается кошмар. На улицах, конечно же, толпился народ, а здания театров и витрины ярко сверкали — повсюду царила оживленная суета раннего вечера. Затем наверху вдруг стремительно собираются темные силуэты, и смертоносное синее излучение бьет по улицам, прожигая в городе ледяные тропы смерти.

Должно быть, это было совершенно немыслимое истребление находившихся внизу людей. Даже сейчас природа синего излучения — или Холодного луча, как его теперь называют — ясна не до конца. Мы знаем, что всякий объект, угодивший под удар излучения, словно бы подвергался воздействию экстремального, неслыханного холода, близкого к абсолютному нулю. Выглядело это так, как если бы завоеватели, сосредоточив абсолютный холод, метали его в нужном направлении одним пронизывающим потоком. Собственно

говоря, нет такого явления, как абсолютный холод, — есть лишь полное отсутствие тепла, и сегодня общепризнанная теория гласит: каким-то непостижимым образом луч отнимал тепло у всего, чего касался.

Можно с уверенностью утверждать: излучение это — страшное оружие. Под его прикосновением, плоть и кровь немедленно замерзали, превращаясь в твердые почерневшие комья; металл трескался; деревья и прочие растения мгновенно усыхали. Любопытно отметить, что воздействие луча носило строго ограниченный характер: он мог убить одного человека, тогда как кто-нибудь другой, находившийся в футах десяти жертвы, ощущал лишь внезапное дуновение морозного воздуха.

Когда Холодные лучи методично пропахивали улицы Манчестера, настигая бегущие в панике толпы и превращая их в бесформенные кучи, людям внизу, наверное, казалось, что наступил Конец света. Судя по рассказам очевидцев, завоеватели парили над городом несколько часов. На самом же деле диски оставались над Манчестером чуть меньше двадцати минут. Невозможно сосчитать всех, кто погиб в ту ночь. Город объяла дикая паника (и это еще мягко сказано) — что, без сомнения, и являлось целью захватчиков. Добившись своего, они собрались воедино и умчались на запад, к Ливерпулю.

Манчестерская бойня повторилась почти один в один и в Ливерпуле. Там диски тоже обрушили на город ледяную смерть, однако ливерпульский отчет отличает одна любопытная особенность. По всей видимости, когда Холодные лучи хлестали по городу, они раз за разом вспарывали городскую гавань и море за ней, и поэтому на протяжении еще многих дней после атаки огромные, невиданных размеров айсберги дрейфовали вдоль английского побережья.

На Манчестер и Ливерпуль, и даже на расположенный южнее Бирмингем, захватчики налетали без предупреждения: внезапно атаковали, сеяли смерть и ужас, а затем быстро скрывались вдали. Однако незадолго до появления

дисков над Лондоном, весть о нападениях на северные города достигла столицы, и люди ждали захватчиков, готовые дать им бой. Так что именно над Лондоном народ атома и силы человечества впервые сошлись в битве.

Военное министерство в Лондоне полагало, что Манчестер и Ливерпуль без официального объявления войны были атакованы аэропланами некой континентальной державы. Разумеется, министры не могли даже вообразить истинную природу мчавшейся на них угрозы.

Вскоре со всех окрестных аэродромов один за другим начали взлетать самолеты, а мощные, окружавшие Лондон гигантским кольцом прожекторы обшаривали ночное небо в поисках агрессоров. Утробно ворчал гром, предвещая беду, и вспышки молний раскалывали небосвод — именно в этот час самолеты по спирали поднялись в воздух и тонкой линией кружили высоко над городом.

С этой—то нарождающейся грозой к городу и примчались диски, не удостоившие внимания строй аэропланов наверху. Несколько минут пришельцы недвижимо парили на месте, обозревая блиставший во всем своем великолепии мегаполис. Улицы, временно опустевшие из-за приближавшейся бури, походили на искрящиеся реки света, соединявшие друг с другом сияющие озера городских площадей. Можно представить, как захватчики изумленно — если их рептильное естество вообще было способно на подобное чувство — взирают из дисков на раскинувшуюся внизу панораму. Пока они висели там, один из шарящих по небу лучей наткнулся на них и замер. Тут же кинжальные лучи остальных прожекторов сместились к дискам, залив их потоками белого света. Затем на захватчиков сверху ринулись аэропланы, и начался бой.

Наиболее четкое представление о той схватке можно получить, взглянув на нее глазами одного человека — некоего юноши по фамилии Броунелл, который был пилотом одноместного боевого самолета. Получив первые приказы, он чуть ли не с радостью несся по воздуху. У парня захватывало

дух от одной мысли, что после всех тренировок ему наконец-то представилась возможность испытать себя в настоящем бою. С восторгом он, как и прочие пилоты, направил свой самолет в сторону противника.

Все ближе подлетал он к одному из дисков — висевшему чуть в стороне от основной массы своих собратьев. Пилот схватился за рычаги управления авиационным пулеметом, и даже сквозь рев двигателя услышал стрекот орудия, посылавшего пули во врага. Снизившись, он на высоте нескольких ярдов по большой дуге пролетел над диском. И когда Броунелл мчался мимо вражеского аппарата, сверху ослепительно блеснула молния и на мгновение высветила существ, сгрудившихся на поверхности диска. От увиденного зрелища задрожали сжимавшие штурвал руки. Пилот успел различить множество запрокинутых чешуйчатых островерхих голов, на которых зияли клыкастые пасти. Впервые Броунелл увидел порождений кошмара, против которых сражался. Когда он взмыл над полем боя и накренил самолет, разворачиваясь для очередной атаки, его руки продолжали трястись.

Снизу донеслись хлопки рвущихся бомб, но лишь немногие снаряды угодили в диски — большинство, промазав, упало на город. Гул их детонации выглядел жалко по сравнению с раскатами грома, грохотавшими теперь почти без умолку. Слева, чуть поодаль от арены боевых действий, два самолета врезались друг в друга и устремились вниз, волоча за собой длинные полотнища алого пламени — машины пылающими кометами неслись к земле сквозь кромешный мрак.

И теперь, когда первое потрясение от внезапной атаки миновало, захватчики ударили в ответ. Замелькали синие лучи, выискивая и настигая самолеты, чьи крылья съеживались и распадались от соприкосновения с ледяным потоком. Два диска удалось сбить, благодаря метко сброшенным бомбам, однако прочие оставались почти невредимыми, и все

больше и больше самолетов падало под ударами Холодного луча.

Вдруг сверху в самую гущу дисков рванулся в головокружительном пике одинокий самолет. Навстречу ему сразу с десятка кругов метнулись синие лучи, но смельчак таки успел проскочить и врезался в один из аппаратов пришельцев — самолет и диск, переворачиваясь, устремились к земле. Множество гротескных фигурок высыпалось из диска и сопровождало его в падении.

Увидав это, Броунелл хрипло вскрикнул. Со всех сторон самолеты ныряли вниз, врезались прямо в диски и падали вместе с ними — пилоты сознательно шли на героическое самоубийство. Броунеллом овладела безмерная эйфория — огромное, неистовое восхищение тем героизмом, что способен вознести человека до космических высот. Юноша вновь развернул самолет и, нацелив острый нос аэроплана на один из дисков, рванул вниз, точно свинцовая гиря.

В самый последний момент он сдавил гашетку пулемета: 'та—та—та...' Мимо проносится мощный порыв ветра... вспышка света... рев в ушах... диск все ближе — стремительно мчится навстречу... ближе... ближе... удар!

Потом самолет и диск, кувыркаясь, падали на землю — мчались навстречу вниз, к сверкающим улицам, чтобы рухнуть рядом с доками. И там, в поверженном диске что-то с чудовищной силой взорвалось.

Битва в небесах почти закончилась. Уцелело лишь несколько самолетов, но синие лучи вылавливали их одного за другим. И вскоре захватчики остались в воздухе одни — из двадцати или чуть больше дисков, атаковавших Лондон, выстояло девять. Раскинувшийся внизу город оказался во власти пришельцев, однако те не обращали на него внимания. Покружив, они снова образовали плотный строй и удалились на север, словно испугавшись свирепого и неожиданного сопротивления, которое им оказали. Атомные люди одержали победу, но ценой, на время отбившей у них охоту продолжать сражение.

Люди в городе напряженно выжидали, но сверху больше не падали обломки летательных аппаратов. Непрерывно обыскивающие небеса лучи прожекторов не обнаружили над городом ни самолетов, ни дисков. Во всем Лондоне воцарилась гробовая тишина — тот первый миг изумленного молчания, которое вскоре должен был разорвать прокатившийся по городу хриплый рев страха и ярости. Но сейчас только густые раскаты грома нарушали безмолвие.

Небо снова прочертила молния — раз, другой. А потом на город обрушился хлесткий проливной дождь.

6

Чтобы понять, куда захватчики отправились после первого рейда, вернемся к истории Хантера. Скорчившись у окна, молодой человек видел, как пришельцы возвращаются с битвы: прибыло девять покрытых рубцами дисков — большинство же куда-то пропало.

Впервые юношу посетила поразительная мысль: возможно, силы людей смогли сдержать первый натиск пришельцев. Он без конца гадал, так ли это.

За все те часы, на протяжении которых диски сражались, убивали и терроризировали Англию, Хантер так и не отважился покинуть хижину: три диска—стража все еще парили у самой вершины, а синие лучи непрестанно обшаривали окрестности, прокладывая ледяные полосы смерти. Дозорные не оставляли ни единой возможности как—либо навредить песчинке, а стало быть, — и их родному миру, лежавшему внутри нее.

И теперь, после появления девяти поврежденных дисков, Хантер понял: его шансы на спасение стали еще меньше. Ведь вернувшиеся аппараты — за исключением одного, который, уменьшаясь и пропадая, нырнул в яму, — заняли места рядом со стражами, низко зависнув над холмом. Иногда какой-нибудь диск взмывал в небеса и, покружив

там некоторое время, возвращался на свой пост над вершиной Керачана.

Хантера мучил вопрос: какая миссия была у отбывшего в песчинку диска? Отправился за помощью? За подкреплением? Выжидательное поведение остальных захватчиков, по всей видимости, указывало именно на это. Наступило утро, и в его сером свете юноша осторожно передвигался по хижине. Разыскав в итоге уйму еды и торопливо проглотив ее неприготовленной, он вернулся к своему месту у окна, чтобы продолжить наблюдение.

В тот день весь мир лихорадило. Новости о битве над Лондоном и о напасти, что обрушилась на северные города, мгновенно облетели весь земной шар — удивление, недоверие и страх разносились по далеким городам. Волна ужаса захлестнула Британские острова — и вот уже Канал заполнился судами, увозившими первые огромные толпы из грядущего массового бегства.

Теория об иностранном вторжении лопнула, когда люди осмотрели раздавленные, изуродованные тела, найденные в Лондоне среди обломков дисков. Пришло осознание, что на Землю вторглись существа, совершенно не похожие на человека, но превосходившие его по могуществу. Само собой, захватчиков приняли за пришельцев с другой планеты — такой версии все в дальнейшем и придерживались.

В голове у каждого засела одна мысль: завоеватели, отступившие лишь на время, скоро вернуться, чтобы снова сеять ужас и смерть. Диски удалось обнаружить — они дозором кружили над вершиной Керачан—Хилла, — и тогда со всей прилегавшей к холму округи хлынул, забив дороги, отчаянно спешащий убраться подальше люд. К вечеру того дня, менее чем через двадцать четыре часа после первого налета дисков, в радиусе десяти миль от Керачана, скорее всего, не осталось ни одной живой души, кроме Хантера.

Кажется странным, что захватчики на протяжении целых суток не предпринимали никаких попыток разрушать или убивать в той области. Они просто парили над холмом,

замерев на месте или беспокойно кружа. Словно бы выжидали — так показалось Хантеру. 'Ждут возвращения посланца, отправившегося в атомный мир', — думал он.

Они нанесли удар лишь один раз — под вечер. Из Глазго выступили силы полевой артиллерии, получившие приказ обстрелять холм, являвшийся, судя по всему, базой пришельцев. Под жарким послеполуденным солнцем люди, пушки и лошади с шумом двигались на юг по ухабистой дороге. Внезапно в синеве над ними возникло черное пятнышко — силуэт дозорного диска, устремившегося вниз для разведки. Когда аппарат снизился, прозвучало несколько не возымевших эффекта винтовочных выстрелов. Потом были объятые безумной паникой лошади и бегущие по близлежащим полям и сквозь живые изгороди люди — и над всем этим маячил темный силуэт. Затем из диска вырвался Холодный луч. Оставляя следы ледяной смерти, он шустро прыгал по дороге, преследовал и уничтожал убегавших по равнине людей. Минуту диск повисел, поворачиваясь вокруг оси, а затем унесся обратно в голубое небо.

Ни один солдат из той батареи не возвратился в Глазго, чтобы поведать о постигшей ее участи; так же сгинули без следа и три самолета, отправленные на юг для разведки, и поэтому было решено, больше не предпринимать тщетных попыток.

Той ночью во всей Англии царила кромешная тьма, поскольку были отданы и приведены в исполнение строжайшие приказы, что ни одна искорка света не должна выдать противнику местоположение городов. И хоть повсюду в Англии, Европе и Америке люди ночь напролет с тревогой ожидали вестей об очередной атаке, диски пришельцев все так же парили над Керачан—Хиллом. По-прежнему выжидали.

В южную Англию стянули несметное количество самолетов — объединенные военно-воздушные силы Англии и Франции готовились к возвращению завоевателей. А по английским дорогам, навстречу рвущимся к морю потокам

беженцев, ехали танки и пушки, маршировали бесконечные бурые шеренги солдат. Человечество объединялось для борьбы с захватчиками, однако во всех тех людских массах сквозила одна невысказанная мысль, одно не произносимое вслух опасение. Какой толк от винтовок и бомб, от самолетов с дирижаблями, если у врага — смертоносное излучение и мощные стремительные диски?

В нескольких милях от Керачана, на вершине другого холма, в засаде залегли солдаты, вооруженные мощными телескопами и радиопередатчиками и готовые мгновенно сообщить миру о передвижениях захватчиков. И Земля напряженно ожидала вестей, гадая, надеясь, страшась.

Миновало ясное утро второго после ночного налета пришельцев дня, а от тайных наблюдателей до сих пор не было ни слова. Наконец, после двух часов пополудни пришло сообщение — короткое и лаконичное. В нем говорилось лишь следующее: 'Огромная армия дисков собирается над Керачан—Хиллом и, очевидно, готовится к наступлению'.

Этого небольшого сообщения оказалось вполне достаточно, чтобы в Англии рухнули и улетучились последние признаки стабильной жизни. И тогда те толпы народа, которые в надежде на чудо еще не трогались с места, рванули к побережью, ища спасения. Вслед обезумевшей орде летел окрик, угроза, предупреждение: 'Они идут!' Весть эту передавали из уст в уста, выкрикивали из проезжавших через деревушки автомобилей, со страхом произносили в толчее на дороге, а солдаты, отдыхавшие на обочинах, задумчиво повторяли ее, глядя на север. Над Англией, над Европой, надо всем миром, неслись ужасающие слова:

'Они идут! Они идут!'

7

И теперь по мере того, как пришельцы скапливались над холмами Шотландии, великий, решающий час, должный определить судьбу Земли, стремительно приближался.

Присев возле окна, Хантер следил за изливавшимся из ямы — из атомного мира — потоком крошечных дисков. С невиданной скоростью увеличивались они до полного размера и отлетали в сторону, уступая место следующему диску. Огромная туча все ширилась, ширилась и ширилась. Диски несли на себе несметные полчища монстров — необъятную армию захватчиков, против которой, ясное дело, человечеству было не выстоять.

После ночи первой атаки пришельцев на Землю — той ночи, когда он стал пленником хижины, — Хантер целые сутки наблюдал за пришельцами. Да и сегодня он прервался всего на несколько часов — лишь для того, чтобы поспать. Он смотрел, ждал, остерегался вездесущих дозорных дисков, ждал и... опять ждал. Как и они. И вот теперь — эта черная лавина, это бьющее фонтаном громадное воинство. Юноша смотрел на прущую из ямы неисчислимую ораву, и чудилось ему, будто рядом хохочет злобный дух Пауэлла.

Бум! Бум! Бум! Раскатистый грохот, вызванный расширением дисков, походил на звон могучего колокола, возвещавшего конец царствования человека. Бум! Бум! Бум!

Хантер взглянул наверх и увидал, что сотни дисков выстроились в двойную линию, образовав тем самым непробиваемый порядок, и теперь дожидаются остальных, которые все еще продолжали вылетать из ямы. Однако, пока он наблюдал за их кружением и построением, небо вдруг потемнело; сияние солнца померкло и исчезло. Вдоль строя захватчиков пробежала быстрая дрожь — внезапное нервное потрясение.

Становилось все темнее и темнее, и вскоре начало казаться, что небосвод затягивает множество небольших туч, которые сливались воедино, объединялись, уплотнялись. Скопление мрака продолжало сжиматься, вот уже солнечный свет начинает пробиваться по его краям. И теперь тьма опускалась, стремительно падала на скопление дисков. Хантер увидел, что казавшаяся на первый взгляд однородной масса распалась на несколько объектов — на пять черных

дисков, мчавшихся к рядам захватчиков. Поначалу юноша удивился, но почти сразу догадался, в чем дело. Диски эти, без сомнения, возвратились из сверхмира — уменьшились и вошли в нашу вселенную. Но как объяснить, что вернулось только пятеро? Пятеро из многотысячной армады, которая на глазах у Хантера пошла войной на сверхмир! Может, это посланцы?

Он увидел, как пятеро дисков быстро подлетели к собравшейся наверху армии и на несколько минут повисли рядом. А в следующий миг словно безумие охватило черный рой: диски начали резко пикировать обратно к вершине холма. Когда пришельцы устремились вниз, то затмевали своим количеством небо. Но тут, ничего не понимая, Хантер заметил, что их, вроде бы, становиться меньше — диски сжимались и десятками исчезали внутри ямы. Они возвращались в свой мир! И тогда до Хантера, наконец дошло.

Те пятеро были... уцелевшими!

Атака атомного народа на сверхмир провалилась... они отступали... отступали из... но гляньте-ка! Посмотрите!

Небо над головой снова потемнело — еще быстрее, чем раньше. Пока диски захватчиков в безумной спешке уменьшались и проваливались в яму, сгустившаяся наверху тьма распалась на мириады темных продолговатых объектов, тут же устремившихся к беспорядочно суетящимся дискам. Вытянутые, черные, похожие на рыб челноки ничем не напоминали диски людей из атома. Фиолетовые разряды ударили из 'рыб', когда те приблизились к дискам. Молнии поражали один диск за другим, отправляли их вниз шарами ревущего пламени.

Хантер понял: это явились сверхлюди. Могучий флот пришельцев из атома потерпел крах, и теперь хозяева большего мира преследовали агрессоров.

Несколько дисков, выстоявших под сокрушительной атакой сверхлюдей, огрызнулись синим Лучом холода. Однако стоило лучу только появиться, как кружащие и пикирующие челноки исчезли без следа. А затем прямо из воздуха в

диски со всех сторон впились разряды молний — войска сверхлюдей обрели невидимость.

В панической спешке несколько отставших дисков метнулись к яме, и вспышки молний тут же прекратились — словно единственным желанием идущих в атаку сверхлюдей было вынудить пришельцев из атома спуститься назад в их вселенную. Последние диски уменьшились, сжались, и, нырнув в яму, скрылись в песчинке; жужжание наконец стихло. Захватчиков выставили с Земли. Выбежав из хижины, Хантер увидел, что в яме никого нет, и громко закричал.

И тут в небе снова проявились длинные узкие силуэты, стремительно пикировавшие к вершине холма. Внезапно почувствовав приближение опасности, Хантер рванул вниз по косогору и рухнул на землю лишь тогда, когда одеревеневшие конечности уже не могли нести его дальше. Наверху черные суда плотно облепили холм, и оттуда доносился гул какого—то механизма. Потом вдруг раздался отрывистый металлический лязг.

Через несколько минут челноки резко снялись с места. Но почти сразу же прекратили подъем и стали выписывать круги над вершиной. Одно из судов парило ниже остальных, под ним раскачивался блестящий металлический шар около трех футов диаметром. И в тот самый момент, когда перепуганный Хантер сообразил, что в эту сверкающую сферу сверхлюди запечатали песчинку, из всех собравшихся наверху корпусов в вершину холма — вспышка за вспышкой — вонзились чудовищные разряды молний. Громыхнуло так, что склон под Хантером вздыбился и покачнулся. Пошатываясь, молодой человек поднялся на ноги и, заметив мельком край узкой глубокой расщелины, которую прорезала в вершине холма разрушительная сила сверхлюдей, увидел, как в эту бездну стремительно падает металлический шар, навеки скрывший в своем нутре атомный мир. Снова засверкали молнии, и раздались кошмарные рев,

скрежет и грохот — это сомкнулась пропасть, заточив шар в своих бездонных недрах.

Хантер вновь опустился на землю, голова у него шла кругом. Он смутно видел темные челноки, взлетавшие к зениту, и едва заметил, как один из них снизился и на минуту, будто бы в любопытстве, завис прямо над ним. Сквозь борт аппарата на юношу взирало множество нечеловеческих лиц — нечеловеческих не только по своей наружности, но и по лежавшей на них печати безмятежного спокойствия. Казалось, существа взирают на Хантера с неизбывной добротой — веселясь и в то же время сочувствуя.

Затем, когда последнее судно тоже взмыло к зениту и присоединилось к остальным челнокам, все они начали расширяться, увеличиваться, пока снова не затмили собой небо. Наступили сумерки, которые быстро сгустились до темноты — темноты, что, повисев минуту, растаяла, потускнела, исчезла. Стоя на склоне холма, Хантер воздел дрожащие руки к залитым солнечным светом небесам, словно благодаря, словно вознося молитву.

8

Когда Хантер добрался до деревни Лиденфут, закат уже окрасил ее во все оттенки алого и оранжевого. Неспешно прошагав вниз по пустынной, безмолвной улице, он устало опустился на скамейку перед гостиницей. С легкой улыбкой юноша припомнил разговор с трактирщиком, гадая, где сейчас тот человек.

Так же, со вспышкой внезапной жалости, ему вспомнился Марлоу и их изматывающее восхождение на холм. Марлоу производил впечатление доброго и честного человека. Скорее всего, он жил, довольствуясь безмятежной тишиной своего музея, пока судьба не затянула его в водоворот космической войны. Войны, которую он, несмотря на свое полное бессилие, пытался предотвратить. А еще, хотя и более мрачно, Хантер думал о другом человеке — о

Пауэлле… Впрочем, все уже кончено, да и что возьмешь с мертвецов?

По прикидкам Хантера, выходило, что после гибели тех двух ученых он теперь был единственным человеком на Земле, кому известно, что на самом деле произошло. Все остальные — все те миллионы людей во внешнем мире — должно быть, гадали, сомневались, ломали голову и, несмотря на это, испытывали облегчение. Что ж, он собирался вскоре вернуться в большой мир и рассказать человечеству правду.

Однако сейчас — после двух дней и двух ночей кошмарного страха и ужаса — ему хотелось просто сидеть в тихой безлюдной деревушке и дышать ее покоем. Просто сидеть и слушать негромкие обыденные звуки: стрекот кузнечиков в высокой траве и ласковый шепот ветра…

В ту ужасную ночь, которую я всеми силами пытаюсь забыть, нас в доме доктора Полларда было трое: сам доктор Джон Поллард, Хью Даттон и я, Артур Райт. В ту ночь доктор Поллард встретился со своей судьбой, столь страшной и трагической, что даже трудно себе представить. Теперь только я могу рассказать об этом, так как самого Полларда уже нет, а Даттон с тех пор доживает свой век в сумасшедшем доме.

По приглашению Полларда я и Даттон приехали в его уединенный коттедж. Мы все трое долгое время были друзьями и соседями по комнате в техническом университете Нью-Йорка. Наша дружба, возможно, казалась немного необычной, так как Поллард был на несколько лет старше нас и обладал более спокойным характером. Мы с Даттоном готовились стать инженерами в то время, как Поллард учился на биолога.

Направляясь на север от Гудзона, мы с Даттоном пытались припомнить, что нам известно о карьере Полларда. Мы знали, что, получив научную степень магистра, а затем доктора, он долгое время работал в Вене с биологом Брауном, чьи смелые идеи внесли немалый переполох в умы всего цивилизованного мира. Мы также знали, что, вернувшись на родину, он полностью посвятил себя частным исследованиям, поселившись в отдаленном коттедже близ Гудзона, доставшемся ему по наследству, и сделавшись настоящим затворником. С тех пор мы ничего не слышали о нем, поэтому были сильно удивлены, получив телеграмму с приглашением провести вместе с ним уик-энд.

Ранним летним вечером мы подъехали к прибрежной деревушке, где местные жители любезно объяснили нам, как добраться до коттеджа Полларда. Мы легко нашли его деревянный дом, построенный около сотни лет назад на небольшом холме над рекой.

Поллард вышел нам навстречу.

— Ого, мальчики, да вы выросли, — радостно воскликнул он. — Я-то помню вас как Хью и Арта, университетских заводил, а теперь вы выглядите так, словно регулярно посещаете бизнес—клуб и ведете разговоры только о купле—продаже.

— Такова участь тех, кто занимается коммерцией, — пояснил Даттон. — Что о тебе не скажешь, старая ученая устрица. Ты выглядишь так же, как и пять лет назад.

И это было действительно так. Его долговязая фигура, спокойная улыбка и задумчиво—любопытный взгляд не изменились. Однако вид Полларда наводил меня на некоторые размышления. В его поведении сквозило какое-то необычное возбуждение. Словно почувствовав, что я думаю, он произнес:

— Если я и выгляжу немного взволнованным, то это только потому, что сегодня у меня великий день.

— Да, тебе действительно повезло, если удалось затащить таких славных парней, как мы с Даттоном, в твое убежище отшельника, — начал было я, но он покачал головой.

— Я не это имел в виду, Арт, хотя и очень рад, что вы приехали. Что же касается моего убежища, то ничего не говорите об этом. Я добился в этом доме таких результатов, каких никогда бы не получил в городских лабораториях.

Его глаза горели.

— Если бы вы только знали... Ну да ладно. Скоро вы все увидите. А сейчас давайте пройдем в дом. Думаю, вы голодны.

— Голодны, но только не я, — уверил я его, — мне вполне будет достаточно такой малости, как полбычка.

— Я тоже, — сказал Даттон. — Я недавно обедал. Дай мне пару дюжин сандвичей и цистерну кофе, и этого мне вполне хватит.

— Посмотрим, что мы сможем сделать, чтобы удовлетворить ваш изысканный вкус, — сказал Поллард, проводя нас вовнутрь.

Его большой дом оказался вполне удобным — с большими комнатами и широкими окнами, глядящими на реку. Мы сложили вещи в спальне, и Поллард повел нас осматривать его коттедж. В это время экономка и кухарка готовили обед. Нас больше всего интересовала его лаборатория.

Она находилась в маленькой пристройке, которая вполне гармонировала с коттеджем. Внутри была комната с белыми, покрытыми плиткой стенами, в которой стояло множество отполированных до блеска приборов. В центре комнаты находилась кубическая конструкция из сверкающего металла, заключенная в металлическую цилиндрическую оболочку, похожую на вакуумную трубу. В прилегающей комнате с каменным полом находились динамомашина, генераторы и движки его собственной электростанции.

Когда мы покончили с ужином, во время которого долго предавались воспоминаниям, уже наступила ночь. Экономка и кухарка ушли домой. Поллард объяснил, что прислуга у него не ночует. С сигарами мы удобно устроились в гостиной. Даттон бросил по сторонам оценивающий взгляд.

— Твое убежище совсем неплохо, — сказал он, — я бы и сам не отказался при возможности пожить здесь такой беззаботной жизнью.

— Беззаботной жизнью? — переспросил доктор. — Ты не прав, Хью. Дело в том., что за всю свою предыдущую жизнь я еще никогда не работал так неистово, как два последних года.

— Так над чем же ты, Бог мой, трудишься, — спросил я. — Ты занимаешься чем-то таким непристойным, что нужно прятаться здесь, в глуши? Поллард захихикал:

— Именно так и думают в деревне. Они знают, что я биолог и что здесь у меня лаборатория. Эти бедняги суеверно полагают, что я занимаюсь здесь вивисекцией, причем в самой ужасной форме. Вот почему прислуга не остается здесь на ночь. Но, откровенно говоря, если бы они знали, чем на

самом деле я здесь занимаюсь, то давно бы уже умерли от страха.

— Ты пытаешься разыграть перед нами загадочного великого ученого? — спросил Даттон. — Если это так, то ты напрасно теряешь время. Маска, маска, я тебя знаю.

— Да, — подтвердил я. — Если ты хочешь заставить нас умирать от любопытства, то мы можем задать тебе хорошую трепку, как пять лет назад.

— Ага, только эта трепка обычно заканчивалась синяками и шишками на ваших лбах, — парировал он. — Но я не собираюсь мучить вас. Собственно говоря, я пригласил вас сюда именно для того, чтобы показать то, над чем я работаю, и чтобы вы помогли мне завершить мой труд.

— Помочь тебе? — переспросил Даттон. — Чем мы можем помочь тебе? Подержать червяка, пока ты будешь его препарировать? Вот тебе и выходные.

— Дело намного сложнее, чем вскрытие червяка, — сказал Поллард. Он откинулся на спинку кресла и некоторое время задумчиво курил, не произнося ни слова. Затем Джон неожиданно спросил: — Вы двое без сомнения знаете, что такое эволюция.

— Я знаю, что в некоторых штатах это слово принимают за ругательство, поэтому, произнося его, надо улыбаться, чтобы дать понять, что не имеешь в виду ничего обидного, — ответил я.

Поллард улыбнулся:

— Я думаю, вы знакомы с тем фактом, что вся жизнь на Земле началась с простейшей одноклеточной амебы и в результате последовательных эволюционных мутаций и изменений развилась до своих нынешних форм. Но эволюция все еще продолжается.

— Мы все это знаем, — подтвердил Даттон. — Если мы не биологи, то это еще не значит, что мы абсолютно невежественны в этой области.

— Замолчи, Даттон, — вмешался я. — Какое отношение имеет эволюция к тому, чем ты здесь занимаешься?

— Самое прямое, — ответил Поллард. Он наклонился вперед.

— Я попытаюсь объяснить все с самого начала. Вы знаете или говорите, что знаете, основные шаги эволюционного развития. Жизнь зародилась на этой планете в форме простейшей протоплазмы, желеобразной массы, из которой развились маленькие протоплазменные организмы. Из них, в свою очередь, в результате последовательных мутаций развились водоплавающие, ящерицы, млекопитающие. Венцом эволюции стал человек. Но процесс эволюции все еще хоть и медленно, но продолжается.

Все это известно биологам. Но есть два важнейших вопроса, которые все еще остаются без ответа. Первый: какова причина этих эволюционных изменений, этих медленных, но постоянных мутаций от низшего к высшему? Второй: как в результате дальнейшей эволюции будет выглядеть человек в будущем? В какие формы он эволюционирует и когда эта эволюция остановится? На эти два вопроса биологи пока не в состоянии ответить.

На мгновение Поллард замолчал, затем внезапно произнес:

— Я нашел ответ на первый вопрос, а сегодня собираюсь найти ответ на второй.

Мы в удивлении уставились на него.

— Ты нас разыгрываешь? — спросил я наконец.

— Нет, Арт, я абсолютно серьезен. Я действительно установил причину эволюции.

— И в чем же она заключается? — воскликнул Даттон.

— В том, в чем и предполагали некоторые биологи. В космических лучах.

— В космических лучах, — повторил я. — Вибрации из космоса, открытые Миллиганом?

— Да, космические лучи, ультракоротковолновое излучение, обладающее самой мощной пронизывающей вибрационной силой. Известно, что лучи приходят к Земле из далекого космоса. Давно предполагалось, что они оказывают

огромное влияние на все формы жизни на Земле. И я доказал, что они действительно имеют значение, оказывая прямое воздействие на то, что мы с вами называем эволюцией. Эти лучи, пронизывая все живое, вызывают изменения в структуре организма, которые мы именуем мутацией. Эти изменения происходят очень медленно, но именно благодаря им за миллионы лет жизнь на Земле развилась от протоплазмы до человека и продолжает развиваться.

— Бог мой, ты это серьезно, Поллард? — воскликнул Даттон.

— Я настолько серьезен, что сегодня вечером готов рискнуть своей жизнью, чтобы подтвердить правоту своего открытия, — спокойно ответил Поллард.

Мы были ошарашены.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что в космических лучах я нашел причину эволюции, то есть ответ на первый вопрос. А сегодня ночью с их помощью я собираюсь ответить на второй и выяснить, что будет представлять из себя эволюция человека в будущем.

— Но как это возможно...

Поллард перебил:

— Вполне возможно. За последние несколько месяцев мне удалось сделать то, что не снилось ни одному физику в мире. Я сконцентрировал космические лучи, при этом снизив до нуля их смертоносный эффект. Вы же видели цилиндр в моей лаборатории. Этот цилиндр собирает космические лучи, попадающие на землю, и рефлектором направляет их в центр кубической камеры.

Теперь предположим, что поток лучей в миллион раз сильнее, чем в естественных условиях, пронзает тело человека, стоящего внутри куба. Что станет с человеком, который попадет под этот интенсивный поток? Он будет эволюционировать в миллион раз быстрее, чем в обычных условиях. За несколько часов или минут он пройдет через мутации, на которые человечеству понадобятся миллионы лет.

— И ты предполагаешь провести этот эксперимент? — воскликнул я.

— Да, предполагаю провести его на себе, — гордо произнес Поллард. — И узнать на собственной шкуре, какие эволюционные изменения ожидают человека в будущем.

— Но это безумие, — воскликнул Даттон. Поллард усмехнулся.

— Это вызов. Никогда еще не было предпринято попытки вступить в борьбу с силами природы. Но теперь этот вызов брошен.

— Но Даттон прав, — воскликнул я. — Поллард, ты работал здесь один так долго, что, возможно, это повлияло на твой рассудок.

— Вы пытаетесь сказать мне, что я немножко сошел с ума? — спросил Поллард. — Нет, я здоров и вполне осознаю то, что собираюсь сделать.

Выражение его лица изменилось, глаза горели.

— Неужели вы двое не понимаете, что это может значить для всего человечества? Возможно, люди будущего будут относиться к нам так, как мы сейчас относимся к обезьянам. Если мы используем мой метод и проведем человечество через миллионы лет эволюции одним прыжком, это ли не прекрасно?

Мои мысли путались.

— Боже правый, вся эта идея безумна от начала до конца, — протестовал я. — Ускорить эволюцию человеческой расы? Это что-то из области запретного.

— Это из области великого, — ответил он. — И я знаю, что это можно сделать. Но кто-то должен быть первым, должен пройти шаг за шагом по пути развития человека, чтобы узнать, какая стадия эволюции самая выгодная для него. Я знаю, такая стадия есть.

— И ты нас просишь принять в этом участие?

— Да, я войду в сконструированную мной кубическую камеру и позволю концентрированным лучам провести меня

по дороге эволюции. Но мне нужен кто-то, кто бы включал и отключал лучи в нужные моменты.

— Это невероятно, — воскликнул Даттон. — Если все это шутка, то она слишком далеко зашла.

Вместо ответа Поллард поднялся.

— Сейчас мы пойдем в лабораторию, — спокойно сказал он. — Я горю желанием поскорее начать эксперимент.

Я не помню, как мы добрались до лаборатории. В голове у меня все перепуталось. Только когда мы оказались у огромного куба, я начал осознавать реальность происходящего.

Поллард вошел в комнату с электростанцией. Пока мы с Даттоном в замешательстве смотрели на куб и цилиндр, на колбы и реторты с кислотами и все это странное оборудование вокруг нас, мы услышали жужжание генераторов. Поллард подошел к панели возле цилиндра и повернул один из выключателей. Раздался треск, и цилиндр засиял ослепительно белым светом.

Поллард указал на белый кварцевый диск в потолке куба, из которого исходил мощный поток ярких лучей.

— Сейчас цилиндр собирает космические лучи, — сказал он, — и эти лучи проходят через диск внутрь куба. Чтобы прервать пучок лучей, нужно всего лишь разомкнуть цепь.

Он показал нам, как это сделать.

Пока мы наблюдали за установкой, он быстро переоделся в спортивный костюм для бега.

— Это для того, чтобы было удобнее наблюдать за изменениями своего тела, — объяснил он. — Теперь я встану в куб, а вы на пятнадцать минут включите лучи. В грубом приближении это составит период в пятьдесят миллионов лет эволюции. Через пятнадцать минут вы разомкнете цепь и увидите, какие изменения произошли со мной. Затем мы возобновим процесс и будем продолжать такими же отрезками по пятьдесят миллионов лет.

— И когда же все это прекратится? — спросил Даттон.

Поллард пожал плечами.

— Когда прекратится сама эволюция, то есть, когда лучи прекратят действовать на меня. Вы ведь знаете, как биологов всего мира интересует, какой будет последняя мутация человека. Сегодня мы это увидим.

Он было направился к кубу. Затем остановился. Вернулся к столу и достал из него запечатанный конверт, который передал мне.

— Это на случай, — сказал он, — если со мной произойдет нечто непредвиденное. В нем подписанное мной свидетельство, что вы не несете никакой ответственности за этот эксперимент.

— Поллард, оставь эту затею, — закричал я, цепляясь за его руку. — Еще не поздно. Все, что ты задумал, просто отвратительно.

— Боюсь, уже слишком поздно, — с усмешкой произнес он. — Если я отступлю сейчас, то уже никогда не смогу встретить свой собственный взгляд в зеркале. Мне будет стыдно. Ни один исследователь до меня никогда не был так одержим идеей пройти по дороге будущей человеческой эволюции.

Поллард вошел в кубическую камеру и встал прямо под диском. Он махнул нам, и я автоматически закрыл дверь и поднял рычаг в положение «включено».

Цилиндр наполнился ослепительно белым светом. И когда лучи из диска начали падать на Полларда, мы увидели, что все его тело начали сотрясать судороги, словно от ударов невиданной по мощности силы. Мы с трудом различали контуры его фигуры, окутанной белым светом. Я знал, что сами — космические лучи были невидимыми, но Полларду удалось каким-то образом трансформировать их.

С замиранием сердца мы с Даттоном смотрели внутрь кубической камеры, едва различая очертания тела Полларда. В одной руке я держал часы, другая лежала на рычаге. Пятнадцать минут тянулись, словно пятнадцать столетий. В комнате зависла гробовая тишина, которую нарушало лишь

жужжание генераторов и цилиндра, собирающего космические лучи.

Наконец-то минутная стрелка показала четверть часа, и я разомкнул цепь. Свет внутри цилиндра погас. У нас обоих вырвался крик.

Внутри цилиндра стоял Поллард, все еще дрожа. Но это был уже не тот самый Поллард, который вошел в цилиндр пятнадцать минут назад. Он превратился в божество. Его тело излучало великолепную физическую силу и красоту. Он стал на несколько дюймов выше и шире в плечах. Его кожа приобрела нежно-розовый цвет. Под тканью спортивного костюма выделялся каждый мускул, словно вылепленный великим скульптором.

Его лицо также изменилось. Исчезло выражение беспечного добродушия, которое заменило выражение безграничного интеллекта и энергии, светившееся в его ясных карих глазах. Я, помню, подумал, что перед нами не Поллард, а существо, настолько превосходящее нас, насколько мы превосходим троглодитов.

Он вышел из куба. До наших ушей донесся голос ясный и чистый, как звук колокола. Это звучал голос триумфатора.

— Вы видите! — воскликнул он. — Все получилось, как я и ожидал. Я обогнал все человечество на пятьдесят миллионов лет.

— Поллард, — я мог с трудом произносить слова. — Это ужасно, это...

Его глаза ослепительно сверкнули.

— Ужасно? Это прекрасно. Вы что, не понимаете, кто я теперь? Вот такое тело будет у всех людей через пятьдесят миллионов лет.

Он показал рукой вокруг.

— Вся эта лаборатория и вся моя предыдущая работа теперь кажутся мне детскими играми. Проблемы, над которыми я трудился годами, я теперь способен решать за несколько минут. Сейчас я могу сделать для человечества больше, чем все живущие на Земле люди, вместе взятые.

— Значит, ты остановишься на этой стадии? — радостно воскликнул Даттон. — Ты не пойдешь дальше?

— Конечно же, пойду. Если за пятьдесят миллионов лет эволюции человек так сильно изменился, что же будет с ним через сто, двести миллионов лет? Я собираюсь это выяснить.

Я изо всех сил вцепился в его руку.

— Поллард, послушай меня. Твой эксперимент удался. Стали реальностью твои самые несбыточные мечты. Теперь остановись. Подумай, что может произойти. О Боже. Я знаю твои амбиции. Ты хочешь стать величайшим благодетелем человечества. Но ты и так им станешь, остановившись сейчас. Ты можешь быть живым доказательством того, что станет с человечеством через пятьдесят миллионов лет. И с таким примером перед глазами все захотят стать такими же, как и ты.

Он с легкостью освободился от моего захвата.

— Нет, Артур. Я прошел лишь часть пути. И я пойду дальше.

Он вновь вошел в куб, а мы с Даттоном, разинув рты, беспомощно смотрели друг на друга. Происходящее вокруг казалось каким-то кошмарным сном; лаборатория, кубическая камера, цилиндр, богоподобная фигура в нем, которая принадлежала Полларду или уже не Полларду.

— Включите излучение еще на пятнадцать минут, — скомандовал он. — Увидим, что будет через сто миллионов лет.

Его голос и взгляд были повелительными. Я взглянул на часы и поднял рычаг. Вновь цилиндр озарился ярким светом, вновь словно разряд тока прошел по телу Полларда.

Со все нарастающим нетерпением мы с Даттоном ожидали, когда истекут эти минуты. Поллард стоял в лучах света, который скрывал его от наших глаз. Что же он скрывал? Будет ли он изменяться дальше? Может быть, он превратится в какого—то гиганта? Или останется прежним, так как уже достиг наивысшей стадии человеческого развития?

Когда время истекло, я резким движением разомкнул цепь. И в этот момент мы с Даттоном пережили шок.

THE MAGAZINE OF PROPHETIC FICTION
WONDER
Stories
April
A GERNSBACK PUBLICATION
HUGO GERNSBACK
Other Science Fiction Stories
In This Issue:
"AN ADVENTURE IN FUTURITY"
by Clark Ashton Smith
"THE EMPEROR OF THE STARS"
by Nathan Schachner and Arthur L. Zagat
"THE RETURN FROM JUPITER"
by Gawain Edwards
"THE MAN WHO EVOLVED"
by Edmond Hamilton
25¢

Поллард изменился вновь. Но теперь произошедшая с ним метаморфоза не была похожа на первое чудесное перевоплощение. Исчезли совершенная фигура и прекрасное лицо. Вместо этого его тело стало худым и сморщенным, через серого цвета кожу выпирали кости. Оно потеряло не только вес, но и рост, что компенсировалось за счет размеров головы.

Эта голова, которую поддерживала слабая тонкая шейка, казалась похожей на громадный восемнадцатифутовый шар, практически лишенный растительности. Но она торжественно возвышалась над хилыми плечами. Его лицо также сильно изменилось. Глаза стали больше, а рот и уши — меньше. Теперь казалось, что лицо состояло из одного лба.

Неужели это был Поллард? До наших ушей донесся его слабый тоненький голосок:

— Вы удивлены? Вы видите, перед собой человека, опередившего вас в развитии на сто миллионов лет. На меня вы сейчас производите такое же впечатление, как на вас дикие волосатые пещерные люди.

— Но, Поллард, это чудовищно, — воскликнул Даттон. — Это перевоплощение ужаснее предыдущего. Если бы ты только остановился на первой стадии.

Глаза сморщенной головастой фигуры в кубе загорелись гневом.

— Остановиться на первой стадии? Теперь я рад, что не остановился. Человек, которым я был пятнадцать минут назад, вернее пятьдесят миллионов лет назад... теперь, мне кажется, полуживотным. Что представляло из себя его огромное звероподобное тело по сравнению с моим нынешним мозгом!

— Ты так говоришь, потому что на этой стадии теряешь все человеческие чувства и эмоции, — взорвался Даттон. — Ты понимаешь, что ты делаешь? Ты теряешь все человеческое.

— Я прекрасно понимаю это, — фыркнуло существо, которое было когда-то Поллардом. — И не вижу в этом ничего

ужасного. Это означает лишь то, что через сто миллионов лет у человека будет доминировать интеллект, и его совершенно не будет интересовать физическая оболочка, в которую заключен мозг. Вам, двум отсталым существам, это кажется чудовищным, но для меня это естественно. Включайте опять лучи.

— Не делай этого, Арт, — крикнул Даттон. — Это безумие зашло слишком далеко.

Холодные глаза Полларда наблюдали за нами с презрением.

— Вы включите лучи, — приказал его писклявый голос. — Если нет, то я в течение секунды уничтожу вас и буду продолжать сам.

— Ты убьешь нас, — не веря своим ушам, промолвил я, — нас, твоих лучших друзей?

Его узкий рот, казалось, изогнулся в кривой усмешке.

— Друзей? Я на миллион лет перерос такую нелепую эмоцию, как дружба. Единственная эмоция, которую вы у меня вызываете, это презрение. Включайте лучи.

Его глаза вспыхнули каким-то странным огнем и, словно поддавшись непреодолимой внутренней силе, я поднял рычаг. Вновь поток ярких лучей спрятал его от наших глаз.

Я не могу ничего сказать, какими были наши мысли в последующие пятнадцать минут, так как нас обоих переполнял ужас, не дававший мыслить спокойно. Однако я никогда не забуду того момента, когда установленное время истекло и я разомкнул цепь.

Эволюция продолжалась. Поллард, я не могу уже называть его этим именем, стоял в цилиндре. Его вид поразил нас.

Он превратился в громадную голову. Огромную лысую голову в ярд в диаметре, которую поддерживали хрупкие ножки, а над головой торчали маленькие отростки—ручки. Глаза стали еще огромнее, как блюдца, а вместо ушей, носа и рта остались маленькие дырочки.

Когда он выбрался из куба на своих смешных ножках—палочках, мы с Даттоном в ужасе отшатнулись. Существо заговорило. В его еле слышном голосе звучала гордость.

— Вы хотели удержать меня. Теперь-то вы видите, чем я стал? Для подобных вам, без сомнения, я кажусь ужасным. Но мне вы кажетесь червями.

— Бог мой, Поллард, ты превратился в чудовище, — эти слова невольно вырвались у меня.

Его огромная голова повернулась в мою сторону.

— Ты называешь меня Поллардом? Но я уже больше не тот Поллард, которого вы знали, который когда-то вошел в этот цилиндр. Все человечество, подобное вам, узнает силу того, кто превосходит его в развитии на сто пятьдесят миллионов лет.

— Что ты хочешь этим сказать? — воскликнул Даттон.

— Я хочу сказать, что с таким колоссальным мозгом я покорю без труда эту населенную жалкими людишками планету и превращу ее в свою лабораторию, в которой буду проводить эксперименты над людьми, как над кроликами.

— Но, Поллард, вспомни, зачем ты все это затеял! — крикнул я. — Пойти вперед и проложить дорогу будущей эволюции человека, чтобы принести пользу всему человечеству, а не порабощать его.

Огромные глаза на безобразной голове не изменились.

— Да, я помню, что у существа по имени Поллард, которым я был до сегодняшней ночи, имелись такие глупые амбиции. Сейчас я бы просто рассмеялся, если бы был способен на подобные эмоции. Благо человечества. А вы, люди, думаете о благе животных, которых покорили? Вот и я больше не думаю о благе людей.

Неужели вы, двое, не понимаете, как далеко я ушел от вас? Так же далеко, как вы от мамонтов. Посмотрите на это...

Он вскарабкался на кресло перед одним из лабораторных столов и начал возиться с ретортами и пробирками. Затем быстро смешал несколько компонентов.

Раздался взрыв, и в воздух взлетело зеленое облако дыма. Затем огромная голова, я не могу называть его иначе, перевернула колбу. На стол упал кусок сияющего металла. У нас просто перехватило дыхание. Это был слиток чистого золота, созданный за минуту путем смешивания компонентов.

— Вы видите, — спросила гротескная фигура, — что означает трансформация элементов для мозга, подобного моему. Вы, двое, уже не в состоянии понять уровень моего интеллекта. Если бы я захотел, я мог бы уничтожить всю жизнь на этой планете одним усилием мысли. Я мог бы создать телескоп, позволяющий мне заглянуть на планеты самых далеких галактик. Я способен при помощи мысли вступить в контакт с другими цивилизациями, даже не выходя из этой комнаты. И вы все еще считаете, что такой правитель не нужен вашему миру? Но я не буду править вами, я буду владеть вами, как владеют зверинцем.

— Ты не можешь, — воскликнул я. — Поллард, если в тебе осталось хоть что-то от Полларда, оставь эту мысль. Мы убьем тебя собственными руками, прежде чем позволим осуществиться твоим чудовищным планам.

— Да, Боже, да! — кричал Даттон. Его лицо нервно подергивалось.

В отчаянии мы рванулись к этой огромной голове, но внезапно замерли на месте, встретившись с ней взглядом. Я почувствовал, что мы с Даттоном, словно два автомата, начали отступать назад.

— Вы хотите убить меня? — спросила голова, которая когда-то была Поллардом. — Я мог бы без слов заставить вас убить друг друга. И вы бы сделали это не задумываясь. Что может ваш примитивный мозг против моего? Что могут все силы людей сделать мне, если лишь один мой взгляд превращает вас в марионеток, послушных моей воле?

Внезапно в моем мозгу пронеслась отчаянная мысль, вселившая в меня надежду.

— Поллард, подожди, — воскликнул я, — ты же собирался продолжить эксперимент. Если ты остановишься сейчас, то

так никогда и не узнаешь, какие перевоплощения ждут тебя впереди.

Казалось, он размышлял.

— Это так, — наконец согласился он, — и, хотя мне кажется, что я вряд ли смогу достичь более высокого уровня, я все же хочу убедиться в этом.

— Тогда тебе вновь придется встать под лучи еще на пятнадцать минут? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Но сразу хочу предупредить вас, что даже изнутри цилиндра я смогу читать ваши мысли и убью вас обоих прежде, чем вы сумеете навредить мне.

Он вновь вошел в кубическую камеру. Мы с Даттоном подошли к выключателям. Несколько секунд мы смотрели на огромную голову перед нами, прежде чем белые лучи спрятали ее от нас.

В этот раз казалось, что минуты тянулись еще медленнее. Словно прошло несколько часов, прежде чем я разомкнул цепь.

В первый момент нам показалось, что огромная голова внутри цилиндра не изменилась. Но затем мы увидели, что это было не так. Вместо покрытой кожей головы с рудиментами рук и ног нашему взору предстала головообразная форма еще более огромных размеров, которую поддерживали два серых мускулистых щупальца. Она была вся сморщена и скукожена. Единственными чертами лица, если то, что предстало нашим глазам, можно назвать лицом, оставались два глаза, такие же маленькие, как и у нас.

— Боже мой, — простонал Даттон. — Из головы он трансформируется в мозг. Он полностью теряет человеческую внешность.

В наших головах раздалась мысль, которую послало это головообразное существо.

— Вы правильно догадались. Даже мое бывшее тело с огромной головой исчезло. Все атрофируется, кроме мозга. Я становлюсь ходячим, зрячим мозгом. Так, как я выгляжу

сейчас, будет выглядеть все человечество через двести миллионов лет.

Казалось, он читал наши мысли.

— Вы не должны бояться. Того существа, каким я был на предыдущей стадии и которое угрожало вам, больше нет. Мой мозг значительно вырос. Я больше не хочу править людьми и вашей маленькой планетой.

Мой мозг ушел от вас в своем развитии еще на пятьдесят миллионов лет и обладает теперь такой силой и знаниями, которых я не мог и представить на той, предыдущей, стадии и которую не можете представить вы.

— Боже правый, Поллард, — воскликнул я. — Во что ты превратился?

— Поллард? — Даттон истерически захихикал. — Ты называешь это существо Поллардом? С Поллардом мы обедали три часа назад. Тогда он был человеком, а не этим монстром.

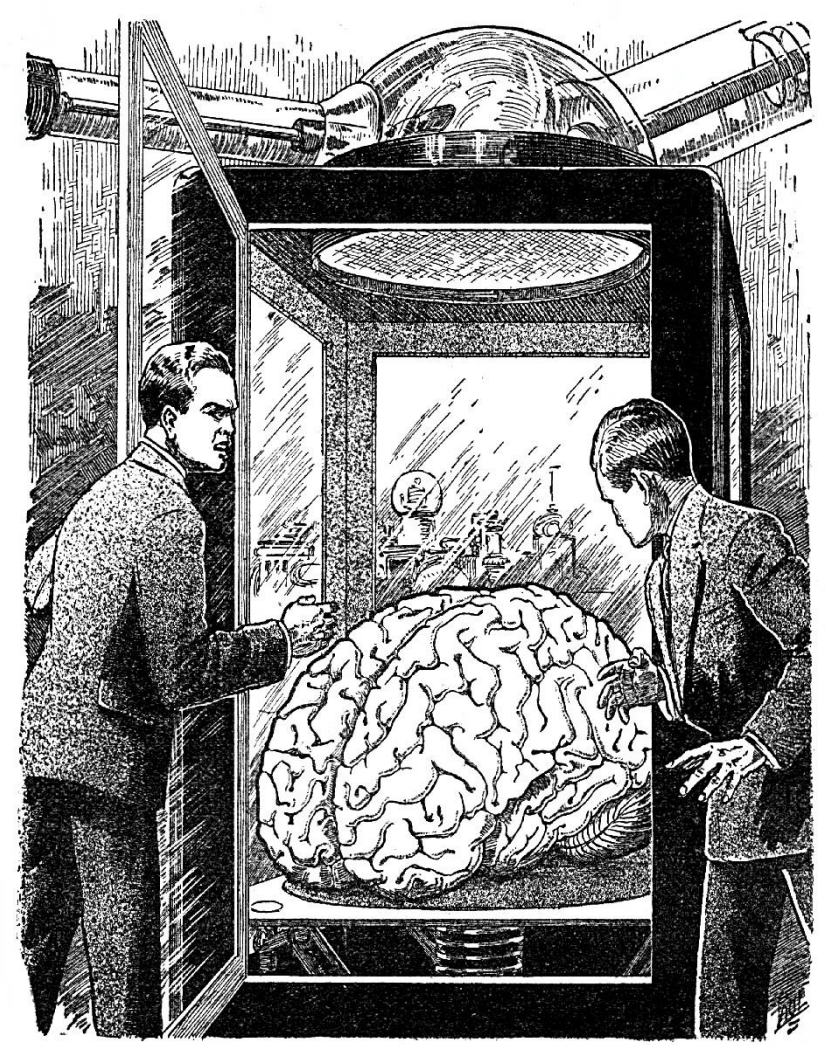
— Я стал тем, чем со временем станет все человечество, — раздался у меня в мозгу ответ существа. — Я уже и так далеко зашел по дороге человеческой эволюции и собираюсь пойти еще дальше до конца. Я хочу познать последнюю мутацию. Включайте лучи, я чувствую, что приближаюсь к последней стадии.

Я вновь дернул вверх переключатель, и вновь сильный поток ярких белых лучей скрыл от нас существо, бывшее когда-то Поллардом. Я чувствовал, что схожу с ума от напряжения и ужаса последнего часа. Даттон все еще бился в истерике.

В проходящих минутах жужжание и треск этой адской машины отдавались в моих ушах подобно грому. Уже на грани нервного срыва я опустил рычаг. Лучи погасли, вновь открыв нашему взору существо внутри цилиндра.

Даттон начал истерически смеяться. Внезапно его смех перерос в рыдание. Не знаю, может быть, и я издавал подобные звуки, так как в тот момент я с трудом осознавал происходящее.

В кубической камере находился огромный мозг. Но на что он походил? На полу лежала серая мягкая масса размером в четыре фута. Она то и дело вздрагивала от прорезавших ее бесчисленных конвульсий. У этой серой массы — мозга не оказалось никаких конечностей. Это был просто гигантский сгусток, который мой разум должен был бы все же называть мозгом.



Его мысль раздалась в наших обезумевших от страха головах.

— Теперь вы видите, что я стал только великим мозгом, каким в будущем станут все люди. Да, вы могли предположить, и я тоже мог, когда был подобным вам, что именно таким и будет путь человеческой эволюции, что будет развиваться только мозг, а тело, которое станет ненужной ношей, атрофируется. Человек превратится в один гигантский мозг.

У меня не осталось никаких других органов, никаких других чувств, и все же я лучше вас осознаю Вселенную. Я знаю о существовании таких вещей, о которых вы даже не подозреваете. Я могу питаться чистой энергией, не прибегая к помощи неуклюжего тела, могу трансформировать ее. Я способен двигаться и действовать, несмотря на отсутствие конечностей посредством сил, не подвластных вашему пониманию.

Если вы все еще боитесь моих угроз, то забудьте о них. Теперь я превратился в чистый мозг и поэтому не испытываю никаких эмоций: ни любви, ни дружбы, ни амбиций, ни гордыни. Единственная эмоция, сохранившаяся у меня, если ее можно так назвать, это научное любопытство, стремление к познанию, горящее в каждом человеке, как только он взял в руки палку. Это будет единственным желанием, которое останется у человека.

— Мозг, гигантский мозг, — бормотал Даттон в замешательстве. — Здесь, в лаборатории Полларда. Но где же сам Поллард? Он же был здесь.

— Значит, со временем все люди станут такими? — воскликнул я.

— Да, — прозвучал ответ у меня в голове. — Через двести пятьдесят миллионов лет человечество, каким вы его знаете сегодня, прекратит свое существование. Пройдя через все стадии, через которые прошел я сегодня вечером, человеческая раса разовьется в гигантский мозг, который заселит не только Солнечную систему, но и другие миры.

— Так вот каков конец дороги человеческой эволюции?

— Нет, я думаю, что из этого гигантского мозга он разовьется еще в более высокую форму, — ответил мозг. Мозг, который еще три часа назад был Поллардом. — Сейчас я собираюсь выяснить, какой будет эта высшая форма. Я думаю, что это будет самая последняя мутация, вместе с которой я достигну конца человеческой эволюции, последняя и высшая форма, в которую мы все разовьемся. Включайте опять лучи, — скомандовал мозг, — и через пятнадцать минут мы узнаем, какова будет она.

Моя рука легла на переключатель, но Даттон, вцепившись в меня железной хваткой, пытался оторвать меня от пульта управления.

— Нет, Арт, — громко кричал он. — Мы уже достаточно настрадались. Давай не будем смотреть на ужасный конец. Бежим отсюда.

— Я не могу, — воскликнул я. — Я хочу увидеть результат, я должен его увидеть!

— Включайте лучи, — приказал мозг.

— Конец пути, последняя мутация, — бормотал я. — Мы должны увидеть, должны.

Я повернул выключатель. Из рефлектора вновь хлынули лучи, спрятав от нас огромный мозг. Глаза Даттона безумно застыли в одной точке. Он просто повис на моей руке.

Минуты шли. Каждый удар часов отдавался колоколом в моей голове. Я не мог пошевелиться. Стрелка приближалась к роковой отметке. Когда она достигла ее, я внезапно вырвался из оцепенения и в порыве нахлынувшей на меня силы дернул рычаг и рванулся к цилиндру.

Огромный серый мозг исчез. Вместо него на полу лежала бесформенная масса прозрачного желеобразного вещества. Она не шевелилась. Я протянул трясущуюся руку и, открыв дверцу кубической камеры, дотронулся до нее. Из моего горла вырвался душераздирающий крик. Это был крик мученика ада, который не способен издать ни один человек.

Масса внутри цилиндра оказалась простейшей протоплазмой. Так вот каков конец эволюции, высшая форма человеческого развития, последняя мутация! Дорога человеческой эволюции оказалась спиралеобразной, вернувшись к своим первоистокам. На поверхности Земли появились первые простейшие организмы, затем морские, земноводные, млекопитающие и человек. И человек, пройдя в будущем через все формы, которые мы видели сегодня ночью: сверхсущество, бестелесная голова, гигантский мозг, — вновь превратится в протоплазму, из которой возник.

Теперь я точно не могу сказать, что потом произошло. Я помню, что рванулся к этой гротескной массе, отчаянно отчаянно выкрикивая имя Полларда и еще что-то, чего сейчас не могу вспомнить. Я помню только то, что Даттон тоже что-то кричал, перемежая крики припадками безумного смеха. Словно умалишенный, он носился в приступе ярости по лаборатории. И тут я услышал звук разбивающегося стекла и шипение вырвавшихся на свободу газов. Затем вспыхнуло яркое пламя, охватившее своими языками все вокруг.

Наверное, я тоже лишился бы рассудка, не начнись пожар. Придя в себя, я потащил безумно хохочущего Даттона к двери и выволок его на улицу. Я помню, как мы упали на прохладную и мокрую от утренней росы траву. Помню, как взвились в небо языки пламени, охватившие дом Полларда. В тот момент я взглянул в лицо Даттона, извивающегося в безумном хохоте, и понял, что теперь ему суждено смеяться так всю оставшуюся жизнь.

Так заканчивается мое повествование об ужасной судьбе доктора Полларда. Как я сказал в самом начале, теперь только я остаюсь единственным свидетелем происшедшего, так как из Даттона с тех пор нельзя вытянуть ни одного разумного слова. В больнице, где он сейчас находится, считают, что его состояние — это результат шока, полученного во время пожара, в котором погиб Поллард.

Я рассказал эту историю с единственной целью, чтобы разделить с людьми переполняющий мою душу ужас и

избавиться от глубокой депрессии. Я снова и снова вспоминаю события, произошедшие в ту ночь в доме Полларда. Своими собственными глазами я наблюдал за процессом человеческой эволюции, за этим бессмысленным прыжком от простейшей протоплазмы через мириады форм бесконечной боли и борьбы, результатом которого стало возвращение к самому началу.

Будет ли этот цикл эволюции повторяться снова и снова в нашем и других мирах бесконечно и так бессмысленно? Является ли этот колоссальный цикл неизбежным и необходимым так же, как и цикл развития Вселенной, создающей из туманностей мириады солнц, из солнц — черные дыры, а из них вновь туманности?

Или же это еще не конец? Возможно, есть еще какаЯ-то форма, которую мы не способны воспринять? Не знаю, что из этого правда. Но если правда то, что я видел своими глазами в ту ночь в доме Полларда, то она будет преследовать меня как кошмарный сон до конца жизни. И если мир поверит в мою историю, то, думаю, уже никто не сможет после этого спокойно уснуть. Но я буду молить Бога, чтобы в нее никто не поверил.

Глава 1 ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Джимми Крейн, Март Хэлкетт и Холл Барнхэм учились в технологическом колледже Нью-Йорка той весной, когда полет Гиллена изменил мир и вывел жителей Земли в космос. Крейн, Хэлкетт и Барнхэм дружили с самого детства. Про таких обычно говорят — не разлей вода. Вместе они сражались со своими детскими врагами, вместе делали уроки, а теперь вместе читали, словно зачарованные, о грандиозном открытии Росса Гиллена.

Гиллен, невзрачный, застенчивый очкарик — ученый из Аризоны — буквально взорвал мир своим достижением. Шестнадцать лет он работал над проблемой атомной энергии, когда Наконец-то решил ее и сумел выделить практически безграничное количество энергии из маленького кусочка радиоактивной породы, расщепив его атомы с помощью электронного прожектора чрезвычайно высокой мощности. В помощники Гиллен взял себе Энсона Дрейка. Вместе с Дрейком он соорудил механизм для расщепления атомов, который разрывал внутриатомные связи, вырабатывая таким образом энергию.

Для Гиллена это открытие означало завоевание космоса. В ту знаменательную зиму, когда у Крейна, Хэлкетта и Барнхэма не было никаких проблем, кроме уроков и спорта, Гиллен и Дрейк сооружали ракету, которая, используя атомный двигатель, могла нести на борту одного человека и необходимый запас воздуха, еды и воды. В корабль был вставлен

радиопередатчик, который с помощью направленного луча мог посылать радиоимпульсы через слой Хевисайда из открытого космоса. Когда все было готово, Росс Гиллен спокойно сел в свою ракету и отправился к вечной славе.

Как и все на Земле, Крейн, Хэлкетт и Барнхэм с восторгом читали сообщения, посылаемые передатчиком Гиллена. Сначала он полетел к Солнцу и прислал оттуда сообщение, что Венера — это шар, весь покрытый водой, а Меркурий — масса жидкого камня. Опуститься было невозможно ни там, ни там. Затем, сделав широкий круг, Гиллен отправился к Марсу. В тот знаменательный день пришло сообщение о его высадке на эту планету.

Атмосфера Марса оказалась недостаточно плотной, но все же пригодной для дыхания. Это был безводный мир красных пустынь с оазисами серой растительности там, где находились подземные источники. На планете существовала и разумная жизнь: марсиане—кочевники, путешествующие от оазиса к оазису. Отдаленно они напоминали людей, только ноги и руки у них были значительно длиннее, большая выпуклая грудь, а голова походила на луковицу. Их тела были покрыты светлым пушком. Как сообщил Гиллен, племена марсианских кочевников воевали между собой, используя копья и иное подобное оружие. Но его они приняли как друга. Прежде чем покинуть Марс, Гиллен также сообщил о наличии минералов и других полезных ископаемых.

Чем дальше удалялась ракета Гиллена от Земли, тем слабее становились его радиосигналы. Ему удалось удачно опуститься на Юпитер, который оказался теплым, покрытым от полюса до полюса папоротниковыми лесами. Не только странная фауна, но и странные формы жизни населяли эту планету. Йовиане, как назвал их Гиллен, оказались прямоходящими, разумными, с большими мягкими безволосыми телами, с толстыми руками и ногами, с плавниками вместо ладоней и ступней. Их головы, на которых выделялись огромные темные глаза, были маленькими и круглыми. Они мирно жили крупными общинами в папоротниковых лесах,

питаясь фруктами и корнями. Йовиане имели примитивное оружие и были по-детски дружелюбны. Гиллен пробыл с ними несколько дней, а затем покинул Юпитер.

Он сообщил, что огромная гравитация Юпитера и его влажная атмосфера отрицательно сказались на его здоровье и что он возвращается на Землю. Сатурн, Уран, Нептун и Плутон оказались безнадежно холодными и необитаемыми.

Крейн, Хэлкетт и Барнхэм были частью мира, который сходил с ума от возбуждения, ожидая возвращения Гиллена. И вот этот день настал. Ракета первопроходца космоса, с шумом пробив атмосферу, опустилась на Землю. Гиллена нашли внутри. Он был мертв, но на его губах застыла странная улыбка.

Как и для всей Земли, для Хэлкетта, Крейна и Барнхэма, Гиллен стал величайшим героем. За одну ночь его полет изменил все. Новые планеты, открытые для землян, принесли с собой новые грандиозные проблемы. Даже когда Дрейк, ассистент Гиллена, возглавил сооружение десяти новых ракет для второй экспедиции, правительства разных стран постоянно совещались и наконец пришли к решению, что территориальных войн за природные богатства Марса и Юпитера можно будет избежать, создав единое правительство. Так появился Межпланетный Совет. Одним из его первых актов стало придание официального статуса экспедиции Дрейка как посланника Земли.

Экспедиция Дрейка стала заветной мечтой всех грезящих о приключениях молодых людей Земли. Джимми Крейн, Март Хэлкетт и Холл Барнхэм оказались среди них. Но у них было то, чего не оказалось у остальных кандидатов: техническое образование и мастерство. Поэтому Дрейк и взял их троих. И когда десять ракет Дрейка с санкции Межпланетного Совета отправились исследовать ресурсы других планет, основывать базы на Марсе и, если удастся, на Юпитере, Крейн, Хэлкетт и Барнхэм были на борту восьмой ракеты.

Экспедиция Дрейка стала классическим примером неудачи. Две из десяти ракет погибли в метеоритном потоке. Многие из людей на других ракетах стали жертвами болезни, вызванной злокачественной комбинацией невесомости, вредоносного действия космических лучей и иных неприятностей, которые подстерегают человека в ближнем космосе. Эта космическая болезнь вывела из строя половину экипажа, среди них Хэлкетта и Барнхэма, когда восемь ракет все же достигли цели и опустились на поверхность Марса возле экватора.

Одна из восьми оставшихся ракет взорвалась при посадке, другие получили менее серьезные повреждения. Они приземлились возле одного из растительных оазисов, и Дрейк приказал разбить лагерь.

Холодный марсианский воздух привел в чувство больных, но в то же время здоровых свалила с ног другая неведомая болезнь, которая позже получила название «марсианской лихорадки». От нее пострадал среди прочих и Холл Барнхэм. Хэлкетту и Крейну повезло больше, болезнь обошла их стороной.

Люди Дрейка попали в мир, где ничего нельзя было измерить человеческими стандартами. Пониженная гравитация приводила каждое движение к гротескному результату. Недостаток кислорода делал даже малейшие усилия утомительными. Днем еще было сравнительно тепло, но ночами космонавты умирали от холода. Хэлкетт, Крейн и Барнхэм любовались красотой этих безжалостных ночей, великолепным блеском звезд, двумя марсианскими лунами, отбрасывающими постоянно меняющиеся тени.

Но были еще и марсиане. Первый контакт оказался довольно удачным. Большие, покрытые пушком человекообразные существа с выпуклой грудью и ногами—ходулями представляли странное зрелище для землян. Они гурьбой вышли из оазиса, чтобы приветствовать пришельцев как друзей. Новость о визите Гиллена распространилась по

всему Марсу, по крайней мере эти местные жители слышали о нем.

Дрейк был рад встрече с марсианами. Он приказал своим людям подружиться с ними, чтобы побольше узнать о ресурсах планеты. Дрейк понимал, что его экспедиция была слишком мала даже для поверхностных исследований. Земляне и марсиане смешались в маленьком лагере Дрейка на краю оазиса. Некоторые люди стали понимать отрывки марсианской речи, среди них и Март Хэлкетт. Им удалось получить некоторую информацию о местах залегания ценных руд. Хотя на эти сведения и нельзя было полностью положиться, Дрейк все же считал, что многое узнал.

Все изменилось в тот момент, когда один из людей Дрейка по глупости сказал, что их экспедиция всего лишь первая ласточка и за ней последуют другие. Что Межпланетный Совет будет определять судьбы всех других миров. Наверное, это прозвучало дико даже для марсиан. Хотя и примитивные, но они не хотели становиться подданными этого нового правительства. В тот же момент они покинули лагерь. Дрейк сообщил на Землю, что марсиане ведут себя странно и он боится нападения.

И все же, когда тремя днями позже последовало нападение, виноваты в нем оказались сами земляне. Один из людей без всякой причины ударил марсианина, в ответ те напали на лагерь. Дрейк едва успел привести в боевую готовность атомные излучатели, и марсиане были практически сметены невидимым, но смертоносным огнем. Прячась за построенными наспех заградительными барьерами, земляне, даже те, кто страдал от лихорадки, направляли свои грохочущие излучатели на толпы разъяренных аборигенов. В этой неравной битве сражались Хэлкетг, Крейн и Барнхэм.

Марсиане выучили этот урок и больше не нападали на лагерь. Их тактика изменилась. Теперь они нападали неожиданно, выслеживая и убивая любого, покидавшего лагерь. А между тем люди Дрейка продолжали умирать от марсианской лихорадки. Продолжать исследования было

невозможно. Положение экспедиции стало критическим. Обо всем этом Дрейк сообщил на Землю, и Межпланетный Совет приказал возвращаться.

Дрейк, не раздумывая, отослал четыре ракеты на Землю, на борту которых оказались и трое друзей. Другие три ракеты вместе с экипажами и самим Дрейком решили задержаться, чтобы исправить неполадки, вызванные неудачной посадкой. Марсиане напали в ту же ночь. Дрейк и его люди пали в ужасной битве.

Хэлкетт, Крейн и Барнхэм и другие, уцелевшие на четырех ракетах, вернулись на Землю через некоторое время после того, как пришло последнее прерванное радиосообщение от Дрейка, поведавшее о его судьбе. Земля, которая встречала своих посланников как героев, была переполнена гневом, узнав об убийстве Дрейка и его людей. Но информация, которую послал Дрейк о богатых залежах полезных ископаемых на Марсе, добавила жадности к их гневу.

Межпланетный Совет немедленно сделал заявление о том, что на Марс будут посланы новые силы, лучше оснащенные и подготовленные к марсианским условиям, способные противостоять любым нападениям марсиан.

Не вызывало сомнения, что марсиане будут сопротивляться. Прежде чем приступать к систематическому исследованию планеты, необходимо подчинить их. Когда марсиане будут покорены, их планета станет базой для исследования Юпитера.

Учитывая все печальные уроки предыдущей экспедиции, сотня новых ракет была запущена в производство. Они оборудовались системами, предупреждающими о метеоритных потоках с помощью установленных на корпусах датчиков гравитационно-магнитных полей. Корпуса и иллюминаторы делались из материала, способного уменьшить воздействие ужасного космического излучения. Были созданы специальные кресла, сводящие до минимума чудовищные перегрузки при взлете и посадке. Все это позволило сократить потери в экипажах кораблей при перелете. А с марсианской

лихорадкой планировали бороться при помощи комплексного профилактического лечения кислородом, которое периодически должны были проходить все участники этого рискованного предприятия.

Про оружие тоже не забыли. Были созданы новые атомные излучатели большой мощности и дальности, а также появились атомные бомбы, которые планировалось сбросить на непокорный Марс. В то время, как формировались и проходили подготовку новые экипажи, создавалась и армия Межпланетного Совета. Большинство оставшихся в живых от первой экспедиции Дрейка вступили в ее ряды. Крейн, Хэлкетт и Барнхэм оказались среди них. Так как предыдущий марсианский опыт делал их ценными кадрами, им были присвоены звания лейтенантов новой армии.

Хэлкетт высказался на это так:

— Я не знаю, почему мы должны возвращаться и убивать этих бедных пушистых дикарей. В конце концов, они сражаются за свой мир.

— Мы не сделаем им ничего плохого, если они поступят разумно и не станут нападать на нас, — возразил ему Крейн. — Мы только пытаемся превратить эту бесполезную планету—пустыню во что-то лучшее.

— Но марсиан, кажется, устраивает их пустынная планета, — настаивал Хэлкетт. — Какое на самом деле мы имеем право разрабатывать ее ресурсы без их желания?

— Хэлк, если ты будешь так говорить, люди подумают, что ты промарсианин, — заявил обеспокоенно Крейн. — Неужели ты не понимаешь, что марсиане никогда не будут использовать свои ресурсы, а землянам они очень нужны.

— Я уже не говорю о том факте, что мы дадим марсианам самое лучшее правительство, которое когда-либо у них было, — добавил Барнхэм. — Они всегда воевали друг с другом, а армия Совета положит этому конец.

— Надеюсь, что так, — наконец согласился Хэлкетт. — Но все равно, меня не очень радует идея, что нам придется

приводить их к покорности с помощью атомных излучателей, как это делал Дрейк.

— Этого и не будет, — сказал ему Крейн. — Марсиане увидят, как мы сильны, и не станут нападать.

Крейн оказался плохим пророком. Когда эта экспедиция под командованием Ричарда Везеринга, который был первым помощником Дрейка, достигла Марса, начались неприятности. У землян не появилось ни единого шанса использовать мирные средства. Война вспыхнула практически немедленно.

Стало очевидно, что после экспедиции Дрейка марсиане сплотились и провели некоторые приготовления. Они объединили свои племена в несколько крупных подразделений, оснастив их химическим оружием, похожим на огненное оружие древних греков. С ним они обрушились на ракеты землян, когда те опустились на экваториальное плато. Но Везеринг быстро сумел оправиться от неудачной посадки.

В первую очередь после посадки он заставил пилотов путем сложных последующих маневров собрать ракеты в одном месте, а своих людей — построить заградительные барьеры. Обе эти задачи не представляли трудности, учитывая значительно меньшую гравитацию планеты. Затем Везеринг установил атомные излучатели на стратегически важных позициях за заградительными барьерами, одним из которых командовал Джимми Крейн, а другим — Хэлкетт. Массы пушистых марсиан, не способные применить свое неэффектиное оружие, были вынуждены отступить, неся многочисленные потери. Тогда они попытались охотиться за землянами так же, как делали это с людьми Дрейка.

Но Везеринг этого им не позволил. Он знал, что единственным источником питания марсиан была серая растительность оазисов. В большинстве своем она представляла из себя кустарники, напоминающие земной шалфей, которые плодоносили стручкообразными плодами. Везеринг разослал несколько групп, одну из которых возглавлял

Джимми Крейн, чтобы уничтожить оазисы на сто миль вокруг форта землян.

Они выполнили задание, хотя марсиане оказывали яростное сопротивление. Ожесточенные бои между одетыми в коричневую военную форму землянами и пушистыми марсианами не затихали и в бриллиантовом свете дней, и в темноте морозных ночей.

Но Крейн и другие упорно продвигались вперед, сжигая растительность атомными излучателями. И в конце концов, когда был уничтожен весь запас пищи на сотни миль вокруг, марсиане были вынуждены отступить через красную пустыню к другим оазисам.

Затем Везеринг разбил свои силы на три дивизиона и использовал ракеты для переброски двух дивизионов в другие экваториальные районы. Там были построены форты, подобные форту Везеринга, с заградительными барьерами по периметру, оснащенные атомными излучателями. Джимми Крейн, который хорошо проявил себя в этом походе, был назначен командиром одного из этих фортов, а лейтенант Лэнсон — командиром другого. Хэлкетт и Барнхэм остались с Везерингом.

Восемьдесят из девяноста семи удачно приземлившихся на Марсе ракет Везеринг послал на Землю за новыми людьми и дополнительными запасами продовольствия. С Земли пришло сообщение, что уже построены пятьдесят новых ракет, которые направляются на Марс с рекрутами и оборудованием на борту. Когда они прибыли, Везеринг поровну разделил людей и продовольствие между тремя фортами и послал ракеты обратно за новым пополнением. По его приказу Крейн и Лэнсон уничтожили оазисы вокруг своих фортов, чтобы отогнать марсиан подальше.

Глава 2 ПОКОРЕНИЕ МАРСА

Люди Везеринга потихоньку стали привыкать к марсианским условиям. Курс лечения кислородом помог в борьбе

с лихорадкой, а мускулатура землян приспособилась к пониженной гравитации, и движения стали более уверенными. Стоит отметить, что некоторые из тех первых путешественников, которые вернулись домой после годичного пребывания на этой красной планете, заболели чем-то вроде земной лихорадки, причиной которой стали теперь климатические условия Земли.

Когда прибывали подкрепления, Везеринг продолжал распределять их между тремя фортами. Он хотел основательно укрепить эти форпосты, прежде чем несметные орды марсиан смогут уничтожить их. От них этого можно было ожидать.

Нападения аборигенов становились все более яростными. Марсиане вполне понимали, какую политику ведет Везеринг, — каждую неделю на Марс с Земли прибывает все больше ракет с людьми, продуктами, атомными излучателями и бомбами. Прежде чем нападать на форты землян, марсиане решили подождать и собраться с силами.

Атакованы были три форта одновременно. Но марсиане не застали Везеринга, Крейна и Лэнсона врасплох. Их излучатели были всегда готовы к действию. Из самой глубины красной пустыни на форты землян понеслись орды пушистых марсиан, не обращая внимания на огонь, который уничтожал их десятками тысяч.

Форты Везеринга и Крейна выдержали нападение только благодаря огромным усилиям оборонявшихся. Хэлкетт командовал батареей излучателей в форте Везеринга с той стороны, где марсиане нападали особенно яростно. Именно его батарея уничтожила больше всего марсиан.

Форт Лэнсона пал. Марсианам удалось со своим химическим оружием пробиться внутрь. Лэнсон и все его люди были убиты. Только одной из трех ракет, находившихся в форте, удалось вырваться и сообщить о случившемся Везерингу.

Везеринг отреагировал мгновенно, несмотря на свое печальное положение. Шестнадцать ракет его форта,

оснащенные людьми и оружием под командованием Марта Хэлкетта, отправились на помощь третьему форту. Они его не только отбили, но и сумели удержать, несмотря на атаки марсиан, которые последовали незамедлительно.

Все рано или поздно заканчивается. Закончились и бои. Наступила временная передышка. Везеринг, Крейн и Хэлкетт твердо держались в своих фортах. Марсиане, понеся огромные потери, так и не сумели прогнать землян. Они больше не стремились нападать, но и не отступали, кружа вокруг фортов.

Ракеты с Земли прибывали, и силы землян все росли. Везеринг был награжден медалью за храбрость. Смертельная борьба одиноких земных фортов с марсианскими ордами оказала большое влияние на общественное мнение Земли. К Межпланетному Совету постоянно обращались с требованиями о необходимости новых подкреплений.

Так и было сделано. Межпланетный Совет послал Везерингу сообщение, в котором говорилось о присвоении ему генеральского звания. Джимми Крейн был повышен до полковника, а Хэлкетт и Барнхэм — до капитанов. Рекрутские службы Совета на Земле едва справлялись с наплывом добровольцев. Производство ракет было поставлено на поток и все увеличивалось. Атомное оружие также производилось в огромных количествах, и каждые несколько дней на Марс отправлялись все новые и новые ракеты с людьми, продовольствием и оборудованием. Многие из них погибали в космосе, но куда большее число благополучно достигло пункта назначения.

Когда форты оказались настолько укреплены, что стали неприступными для марсианских атак, Везеринг начал создавать новые. Он продолжил свою политику последовательного строительства маленьких, но сильно укрепленных фортов на поверхности Марса. Барнхэм стал командиром одного из их, Крейн и Хэлкетт сохранили командование своими.

За год Везерингу удалось создать прочную сеть из пятидесяти фортов, раскинутых по всей поверхности планеты, от северного до южного полюса. В них находились гарнизоны загорелых землян, полностью приспособившихся к гравитации и атмосфере Марса, натренированные в борьбе с аборигенами. К этому времени Хэлкетт и Барнхэм командовали двумя из пятидесяти фортов, тогда как Джимми Крейн стал первым помощником Везеринга.

К очередному сезону таяния снежных шапок на полюсах Везеринг был готов начать тотальное покорение Марса. Из шести своих фортов, расположенных на поверхности Марса гигантским кольцом, он выслал большие силы для того, чтобы согнать марсиан в одно место. План Везеринга и Крейна был таков: сконцентрировать силы в одном районе планеты, используя форты вокруг него в качестве опорных баз, и полностью уничтожить марсиан внутри этого участка, а затем двигаться дальше.

Крейн командовал первой операцией. План сработал великолепно. Межпланетный Совет приказал Везерингу обратиться к марсианам с мирным предложением. Если они согласятся признать Совет в качестве правительства, то кровопролитие будет остановлено. Но у людей даже не было возможности обратиться с этим предложением, таким отчаянным оставалось сопротивление марсиан.

Марсиане никак не ожидали того, что произойдет. За некоторое время до этого они прекратили атаки на форты землян, ограничиваясь отдельными набегами, отступили в отдаленные оазисы. Там они стали жить, как привыкли веками, кочуя от оазиса к оазису, собирая фрукты для пропитания, выискивая подземные источники, искусство нахождения которых было выработано много поколений назад. Теперь земляне первые напали на них. И марсиане вновь поднялись на борьбу.

Но силы Крейна были хорошо оснащены, примитивно вооруженные марсиане не имели никаких шансов. Большинство из них погибли в первых боях. Немногие,

оставшиеся в живых, попали в концентрационные лагеря. По приказу Везеринга, Крейн перешел в другой район и повторил маневр. Форт Хэлкетта находился здесь, но Крейн и Хэлкетт не имели возможности увидеться друг с другом, так как были заняты важным делом — покорением марсиан. После удачного выполнения операции силы Крейна двинулись дальше.

Еще через год Везеринг послал сообщение на Землю, что план успешно выполнен и что, не считая нескольких точек возле полюсов, Марс полностью покорен. В этот год было уничтожено семьдесят пять процентов населения планеты, но почти в каждом случае их войска сражались до последнего. Те, кто остался в живых, уже не представляли опасности для землян. Совет поздравил Везеринга и назначил Крейна главой новой экспедиции, подготовка к которой шла полным ходом.

Джимми Крейн вернулся на Землю, чтобы возглавить поход на Юпитер, предварительно попрощавшись с Мартом Хэлкеттом и Холлом Барнхэмом. Два года он провел на Земле, готовя экспедицию. Так как Юпитер представлял собой более серьезную, чем Марс, проблему для землян, биологи и химики активно работали над преодолением возможных трудностей.

Самым сложным, как считал Крейн, была гравитация Юпитера, в два раза превышающая земную, и это, не считая более быстрого вращения планеты вокруг своей оси, в результате чего центробежные силы тоже давали о себе знать. Визит Гиллена на Юпитер был прерван внезапной болезнью, вызванной этой гравитацией и очень влажной юпитерской атмосферой. Люди Крейна должны были быть очень хорошо подготовлены, чтобы преодолеть все это.

Земные ученые частично решили проблему, создав скафандр — твердый металлический комбинезон, похожий на доспехи, способный поддерживать внутри условия, необходимые для нормальной жизнедеятельности человека в условиях высокой гравитации. Люди Крейна были также

оснащены специальным биохимическим изобретением, укрепляющим кости и структуру скелета, а респираторы, поглощающие водяные пары в воздухе, позволяли не замечать излишне влажной атмосферы.

Экипированная таким образом экспедиция из двухсот ракет отправилась к гигантской планете, выбрав время, когда траекторию полета флотилии можно было проложить в обход обширного пояса астероидов, находящегося между Землей и Юпитером. Даже при этом шестьдесят из двухсот ракет так и не достигли пункта назначения. Остальные благополучно опустились в папоротниковых лесах, и Крейн начал строить первые форты.

Проблем пришлось решать немало. Хотя скафандры и другие приспособления эффективно боролись с гравитацией, все равно людям было очень трудно совершать даже простейшие движения. Несколько недель ушло у солдат Крейна на то, чтобы расчистить близлежащие леса и построить укрепления на мягкой юпитерианской почве.

Начались болезни, так как респираторы работали не так хорошо, как противогравитационные костюмы. Тяжелый влажный воздух творил что-то ужасное с легкими землян, и «юпитерианский круп» вскоре стал так же известен, как марсианская лихорадка. В лесах планеты водилось множество хищников, которые доставляли людям немало хлопот. Например, среди них были дискообразные существа, которые глотали все, что движется, и сразу же переваривали. Встречались и огромные черви, обитавшие в мягкой лесной почве. Людям Крейна приходилось работать, держа атомные излучатели наготове, чтобы в любой момент отразить нападение неизвестных обитателей джунглей.

Из глухих лесов выходили поглядеть на землян большие мягкотелые существа, которых Гиллен назвал йовианами. Их фигуры восьми футов в высоту и шести в ширину очень походили на большие цилиндры из безволосой коричневой плоти, которые поддерживались тонкими конечностями с плавниками, заменявшими им руки и ноги. У них были

маленькие круглые головы с темными добрыми глазами и ртом, из которого доносился глухой низкий голос. Крейн нашел их такими же разумными, как и марсиане, но более миролюбивыми. Единственным оружием им служили копья, которыми они отражали нападения хищников в лесах.

По отношению к людям они не проявили враждебных намерений, а с детским любопытством наблюдали за их деятельностью. Крейн был твердо намерен не повторять ошибок Дрейка и не вступать в конфликт с йовианами, пока его люди строили первые форты. Он сообщил Совету, что его деятельность на данный момент ограничится южным полушарием. Пока Земля наблюдала с растущим интересом за работой на Юпитере, огромные перемены зрели на Марсе.

Март Хэлкетт, все еще командующий экваториальным фортом, стал свидетелем новой волны миграции с Земли на Марс. Если раньше ракеты, прибывающие сюда, не несли ничего, кроме подкреплений и продовольствия, то теперь толпы гражданских устремились на покоренную планету. Среди них оказались бизнесмены и спекулянты, инженеры и механики, так как теперь Совет выдавал концессии на разработку безграничных марсианских природных ресурсов.

Хэлкетт видел, как форты, в том числе и его собственный, расположенные невдалеке от перспективных месторождений, превращались в рабочие городки, заселяемые землянами всех мастей. Марсианская лихорадка была окончательно побеждена учеными, и теперь в этих новых городках проживали тысячи людей. Среди них иногда можно было увидеть длинноногих выпуклогрудых марсиан, двигавшихся словно во сне среди этой бурной деятельности. Но большинство из оставшихся в живых аборигенов проживали в оазисах, определенных для них в качестве резерваций. Были созданы добывающие и обрабатывающие предприятия, и Хэлкетт видел, что ракеты, прибывающие с Земли с людьми и оборудованием, возвращались назад под завязку набитые рудами металлов и другими полезными ископаемыми.

Хэлкетт прибыл в форт Барнхэма на северной стороне Марса с болью в сердце. Он рассказал ему, что добился перевода на Юпитер, чтобы присоединиться к деятельности Джимми по созданию все расширяющейся сети фортов.

— Я больше не могу этого выносить, Барни, — сказал он. — Я имею в виду то, что мы сделали с этим миром и с марсианами. Мы практически уничтожили их. А те, кто уцелел... К ним так относятся...

Барнхэм бросил на него пронзительный взгляд:

— Ты принимаешь все слишком близко к сердцу. У нас было тяжелое время, я согласен. Но теперь все закончено, марсиане покорены.

— Покорены или уничтожены, какая разница, — горько произнес Хэлкетт. — Иногда я вижу во сне, как толпы этих пушистых существ идут и идут навстречу смерти, а мой атомный излучатель косит их, как траву.

— Они должны были быть покорены, — возразил Барнхэм. — Разве это не стоило того? Ты же знаешь, как богат Марс. Теперь это все наше!

— Наше? На разработке руд наживаются спекулянты и финансовые воротилы, — парировал Хэлкетт. — Марсиан уничтожили, и именно мы сделали эту грязную работу. И все ради чего? Чтобы шайка мерзавцев смогла обогатиться.

— Ты недальновиден, — сказал ему Барнхэм. — В результате подобной экспансии неизбежно наносится определенный вред.

— Зачем тогда нужна экспансия? — спросил Хэлкетт. — Почему бы нам не остаться на нашей родной планете и позволить этим беднягам марсианам и йовианам жить так, как они хотят?

Барнхэм покачал головой:

— Экспансия была неизбежна. Ресурсы старушки Земли истощены, и их необходимо пополнить. В любом случае, Хэлк, война окончена. Зачем тебе лететь на Юпитер?

— Потому что я чувствую себя убийцей, которого преследует ужас его преступления. Когда я вижу этих

деградирующих марсиан, которые ошиваются возле наших городов, выпрашивают еду, которых бьют и пинают земляне, мне хочется бежать отсюда сломя голову куда угодно.

Хэлкетт отправился на Юпитер. Там он увидел, что Крейну уже удалось построить десять фортов в южном полушарии по марсианской системе Везеринга. Но юпитерианский круп доставлял людям массу неприятностей. Ужасная болезнь все чаще приводила к летальному исходу, а список скончавшихся продолжал расти, пока земные ученые отчаянно искали средство, с помощью которого удалось бы победить эту болезнь. В конце концов они синтезировали сыворотку, которая стала панацеей. По прибытии на Юпитер Хэлкетт был немедленно вакцинирован.

На Юпитере он нашел, что, несмотря на трудности, Крейн постоянно укреплял свою систему фортов. И пока ему удавалось избежать столкновений с йовианами. Но наибольшее беспокойство доставляли животные, выходящие из покрытых дымкой испарений глухих лесов, чтобы напасть на землян.

В первый же вечер по прибытии Хэлкетта Крейн высказал ему свое мнение о йовианах. Они вдвоем вышли за пределы форта, и Хэлкетт впервые увидел больших мягкотелых существ с плавниками вместо рук и ног, теснящихся вокруг них, подобно любопытным детям. Потом они сидели в кабинете Крейна, освещенном электрическим светом, окна которого выходили на огромную стену окружающего форт густого леса. Хэлкетт слышал вой и крики его странных обитателей и видел, как густой туман струится в лучах двух самых крупных юпитерианских лун — Каллисто и Европы.

— Эти йовиане, кажется, неплохие ребята, Хэлк, — говорил полковник Джимми Крейн своему другу. — Они кажутся слишком мягкими для того, чтобы доставить нам какие-нибудь неприятности. Правда, только один Бог знает, сколько миллионов их здесь.

Он был переполнен энтузиазмом, размышляя о судьбе Юпитера.

— Я говорю тебе, это планета будущего. Брось зернышко в землю, и через неделю вырастет дерево. Эта планета сможет прокормить миллионы людей, когда однажды Земля и Марс будут переполнены.

— А когда наступит этот день, куда денутся йовиане? — спросил Хэлкетт.

Крейн посмотрел на него.

— Все еще придерживаешься прежней точки зрения? Хэлк, мы должны позволять некоторым вещам идти самим собой. Будь уверен, мы не тронем йовиан до тех пор, пока они не причинят нам вреда.

— Возможно, нам и удастся сосуществовать с ними, — сказал Хэлкетт задумчиво. — Они выглядят более мирно, чем марсиане.

Глава 3 ТЕПЕРЬ ЮПИТЕР

Неприятности с йовианами начались вскоре после прибытия Хэлкетта. Крейн был занят обустройством своих поселений, разбросанных по южному полушарию. Он не пытался вести никакой деятельности в северном полушарии, понимая недостаточность своих ресурсов даже для дюжины уже существующих поселений, которые были отдалены друг от друга на значительные расстояния. Правда, используя ракеты, можно было быстро добраться от одного до другого, но Крейн предпочитал сначала как следует укрепить эти двенадцать фортов, прежде чем начать строительство новых.

Вот тогда и пришла беда. Все началось, как и на Марсе. Землянин в дурном расположении духа ударил ластоногого, и в завязавшейся драке погибли один землянин и пятеро йовиан. Каким-то образом слух об этом быстро разлетелся по глухим лесам, и йовиане покинули земные форты. Джимми Крейн проклинал все на свете, но действовал. Он жестоко наказал виновных, а Хэлкетта отправил к йовианским общинам, чтобы уладить дело.

Хэлкетт выучил йовианский язык и проявил себя как хороший дипломат. Он симпатизировал ластоногим и попытался сделать все возможное, чтобы выполнить свою миссию, но безрезультатно. Ластоногие сказали Хэлкетту, что не держат зла, но, чтобы в дальнейшем предотвратить возможные конфликты, они постараются держаться подальше от землян.

С этими словами Хэлкетт вернулся назад, и Крейн понял, что самое худшее еще впереди. Он послал сообщение Совету, и ему было приказано держать форты в боевой готовности, ожидая подкрепления с Земли и Марса. Везеринг при первой же возможности послал свои лучшие дивизии новой армии Совета.

Вскоре после прибытия первых подкреплений разразилась буря. Йовиане поняли, несмотря на попытки Хэлкетта убедить их в обратном, что со временем будет представлять из себя система Крейна. Они потребовали от Крейна обещания, что больше ни один землянин не ступит на Юпитер. Крейн категорически отказал. Даже при таких обстоятельствах, возможно, йовиане и не перешли бы к решительным действиям, если бы по чьей—то неконтролируемой жестокости атомные излучатели не ударили им в спину, когда парламентеры покидали форт. Но наказание Крейном виновных уже не смогло уладить это.

Йовиане поднялись все, как один, против землян. По всему южному полушарию бесчисленные массы аборигенов вырывались из густых лесов и неслись в направлении фортов. У них даже не было того примитивного химического оружия, которое нашлось у марсиан, — только копья и булавы. Но они подавляли количеством. На одного землянина приходилось десять тысяч йовиан. Крейн приготовился во что бы то ни стало удержать свои двенадцать фортов. Хэлкетт был назначен командующим одним из фортов на другой стороне южного полушария. Опытный командир, он использовал все возможности, чтобы удержать форт и откинуть назад бесчисленные массы аборигенов. Излучатели

косили их, как траву, атомные бомбы уничтожали их десятками тысяч, но йовиане продолжали упорно наступать.

Крейн пытался удержать южное полушарие до тех пор, пока не придут подкрепления. Он послал короткое сообщение на Землю. Совет оценил ситуацию и приказал всем действующим ракетам немедленно переправить войска и оружие на Юпитер. Но все равно, казалось, что йовиане смогут задавить людей своим количеством.

Один из двенадцати фортов Крейна им удалось взять. Тут—то и проявилась странность их натуры. Потеряв сотни тысяч при длительном штурме, взяв наконец форт, они не стали уничтожать его защитников, а взяли их в плен. Не было резни, подобной марсианской. Но с прибытием новых подкреплений Крейну удалось отбить форт.

Преимущество переходило на сторону землян. Каждый день все новые люди и оружие доставлялись на Юпитер, а ластоногие уже не могли противостоять атомным излучателям и ядерным бомбам. Когда в двенадцати фортах сосредоточились огромные военные силы, их нападения прекратились. Оставшиеся в живых вернулись в свои леса. Но теперь аборигены стали нападать на любого, покидавшего форт. Повторялась та же ситуация, что и на Марсе три года назад. Крейн справлялся с ней тем же самым способом. Хэлкетт теперь был одним из его помощников, как и Холл Барнхэм, прибывший с Марса с новым подкреплением.

Крейн не торопился действовать, пока окончательно не укрепил свои двенадцать фортов, сделав их неприступными. Затем основал еще девяносто укрепленных форпостов на различном расстоянии друг от друга вокруг южного полушария. Он собирался действовать по плану Везеринга, покоряя планету участок за участком, оставив пока северное полушарие нетронутым.

Когда его план по созданию сети укрепленных фортов вокруг южного полушария Юпитера был выполнен, началось завоевание планеты. Это потребовало титанических усилий. Не йовиане теперь представляли препятствие. Они

уже не могли оказать серьезного сопротивления. Но ужасная юпитерианская гравитация, затруднявшая каждое движение, и местные формы жизни выкашивали ряды солдат армии Крейна.

И все же, несмотря на трудности, занимая территорию за территорией, мобильные силы Крейна продвигались по планете, отгоняя йовиан, вынуждая их вступать в бой. В зеленых сумрачных лесах велись яростные битвы.

И тем не менее завоевание южного полушария Юпитера близилось к завершению по мере того, как землянами захватывались все новые территории. Крейн послал сообщение Совету, что его план осуществляется. Но в середине победоносного шествия произошел вопиющий инцидент, который сначала поверг Землю в замешательство, а затем заставил дрожать от гнева. Хэлкетт стал предателем.

Первые сообщения о предательстве Хэлкетта оказались сумбурными и противоречивыми. Позднее стало известно, что капитан Хэлкетт, находясь в одном из фортов, отказался стрелять по йовианам, вследствие чего им удалось убежать. Это все, что было известно поначалу.

Затем выяснились детали. Три дивизии под командованием Хэлкетта, Барнхэма и офицера Джеймса сражались против йовиан в этой части планеты. Хэлкетт командовал батареей атомных излучателей, а Барнхэм и Джеймс гнали йовиан в его направлении. За несколько коротких ночей и дней силам Барнхэма и Джеймса удалось направить аборигенов в желаемом направлении. Несмотря на сильную гравитацию, на то, что солдатам пришлось идти через бесконечные глухие леса, постоянно отбиваясь от хищников, Барнхэм и Джеймс выполнили свою часть задания.

А Хэлкетт нет. Он намеренно приказал своим людям не стрелять по йовианам, и ластоногие пронеслись мимо. Эта новость не стала радостной для Земли. Солдаты и гражданские упорно требовали сурового наказания Хэлкетта. Совет приказал Крейну прислать Хэлкетга на Землю.

Крейн сообщил об этом Хэлкетту, находящемуся под арестом в одном из фортов. Джимми был в ярости.

— Хэлк, как ты мог сделать это? Теперь мне придется послать тебя на Землю. И только одному Богу известно, какой приговор вынесет тебе трибунал. Люди на Земле твердо настроены против тебя.

— Не волнуйся об этом, Крейн, — спокойно сказал Хэлкетт. — Я сделал то, что хотел, и готов принять свою участь.

— Но почему ты сделал это? — спрашивал Крейн в сотый раз. — Хэлк, если бы ты только настаивал на том, что не знал, что йовиане приближаются, что это была оплошность...

Холл Барнхэм поддержал его:

— Эта оплошность лишит тебя звания, но ты избежишь заключения. Ведь в некотором смысле именно так и было?

Хэлкетт покачал головой:

— Нет. Я не могу объяснить, почему я это сделал. Но если бы вы только видели этих бедных ластоногих, бегущих через лес, измученных, напуганных, преследуемых днем и ночью, но все же не покоренных... Я не мог наставить на них излучатели.

Крейн сделал жест рукой, словно пытаясь отмахнуться:

— Хэлк, я понимаю, что ты чувствовал, но даже если ты прав, тебе все равно не стоит этого говорить. Я бы полетел с тобой вместе, но не могу сейчас покинуть Юпитер.

— Все в порядке, Джимми, — всё так же спокойно сказал Хэлкетт. — Я готов принять все, что мне предназначено.

Хэлкетт был отправлен на Землю под конвоем, в то время как Крейн, Барнхэм и другие продолжали покорять Юпитер. Во время путешествия офицеры обращались с Хэлкеттом очень корректно, но никто из них не произнес и слова без необходимости.

По прибытии Хэлкетта на Землю немедленно был созван трибунал. Слушание дела состоялось в огромном здании командования Вооруженными Силами. Суд длился три дня, и

все эти дни здание было окружено толпами народа, жаждущего расправы над Хэлкеттом.

Возмущение Земли не знало предела. Слышались призывы о немедленной казни. В глазах людей предательство Хэлкетта, как одного из верных офицеров, казалось чудовищным преступлением на фоне той титанической деятельности, которую вели Крейн и другие, покоряя Юпитер. Если бы его так хорошо не охраняли, то разъяренная толпа растерзала бы Хэлкетта на улице.

Внутри огромного здания Хэлкетт сидел на скамье подсудимых и наблюдал за слушанием дела. Суд был справедливым. Его адвокат настаивал на безупречном послужном списке, на возможности временного замешательства и тому подобном. Хэлкетт мог не давать показаний, но он настоял на том, чтобы его выслушали.

— Я вполне осознавал то, что я делал. «Я намеренно приказал батарее не открывать огонь», — спокойно сказал он.

— Вы понимали, капитан Хэлкетт, — спросил председатель суда, — что, поступая так, вы нарушали клятву?

Хэлкетт дал положительный ответ.

— Тогда как вы можете объяснить это намеренное предательство?

Хэлкетт заколебался:

— Я не могу привести ни одной причины, которую вы бы поняли, — ответил он.

Затем он внезапно словно сорвался:

— А почему я должен был делать это? Между прочим, Юпитер принадлежит йовианам, не так ли? Кто мы? Только захватчики. Как я мог приказать уничтожать этих несчастных ластоногих, если все, что они пытались сделать, — защитить свой родной мир?

Его адвокат подавал ему нервные знаки, но Хэлкетт их не замечал:

— Какое право имеем мы, земляне, на Марс и Юпитер? Какое право имели мы уничтожить всех марсиан и теперь проделывать то же самое на Юпитере? Только потому, что

на их планете есть ресурсы, которых не хватает Земле, марсиане и йовиане должны быть убиты?

Этот взрыв не оставил Хэлкетту ни одного шанса на оправдание. Председатель суда зачитал приговор: десять лет заключения в военной тюрьме.

— И это только благодаря вашему великолепному послужному списку на Марсе и Юпитере и тому факту, что вы были членом знаменитой экспедиции Дрейка, — заявил он. — Только это удержало нас от вынесения вам пожизненного заключения или даже высшей меры наказания.

Хэлкетт принял приговор спокойно и был отправлен обратно в камеру. Барнхэм, который прибыл на Землю как раз к концу суда, пришел навестить его перед отправкой в военную тюрьму. Они только молча пожали руки. Им было нечего сказать друг другу.

Народный гнев постепенно утих. Имя капитана Хэлкетта было вычеркнуто из всех документов армии Совета. Барнхэм вернулся на Юпитер. Хэлкетт проводил свои дни в мастерских военной тюрьмы, помогая собирать атомные излучатели, бомбы и другое оружие. Он спокойно переносил свое заключение.

Крейн готов был горы свернуть, чтобы добиться оправдания Хэлкетта. Но вскоре понял, что ему это не удастся. Барнхэм вернулся и рассказал, как Хэлкетт принял приговор. Еще долгое время они сидели молча, возможно, вспоминая трех переполненных надеждами молодых людей из технического колледжа, следивших за полетом Гиллена и ринувшихся в экспедицию Дрейка.

Через четыре земных года южное полушарие Юпитера перешло полностью под контроль Земли. Оно было надежно охвачено укрепленной системой фортов Крейна. Большая часть лесов оказалась выжжена атомными бомбардировками. И по мере того, как форты неспешно обрастали городами, в действие был пущен проект по разведению зерновых культур. Появились и резервации йовиан. Но взгляд Крейна уже был брошен на север.

Теперь Джимми Крейн в свои тридцать лет стал генералом Джеймсом Крейном. Его висков коснулась седина после девяти лет изнурительной борьбы на Марсе и Юпитере. Дважды он возвращался на Землю, один раз с Барнхэмом, который уже стал полковником, и оба раза пытался добиться свидания с Хэлкеттом. Но из-за строгих правил ему было отказано. Уже четыре года прошло с тех пор, как Хэлкетт, получив свои десять лет, работал в тюремной мастерской, собирая атомные излучатели, бомбы и комплектующие для ракет.

Крейн и Совет строили планы по покорению северного полушария Юпитера. При возможности это нужно было сделать мирно. Йовиан планировалось поселить в резервациях в глухих лесах, а также предоставить им некоторые льготы. Мирным путем или нет, но вся планета должна была перейти под контроль Земли.

Крейн, который хорошо знал йовиан, начал вести подготовку военных сил, даже несмотря на то, что послал Барнхэма в северное полушарие передать аборигенам предложение правительства.

Миссия Барнхэма полностью провалилась, как и предполагал Крейн. Барнхэму не удалось склонить йовиан к мирному урегулированию конфликта. Ластоногие не верили обещаниям землян и не проявляли никакого желания жить в резервациях. Крейн передал это сообщение Совету, который, в свою очередь, дал ему полномочия применять силу. На Земле и южном Юпитере начались грандиозные приготовления.

В середине этих приготовлений Крейн узнал, что Хэлкетт был выпущен на свободу. За хорошее поведение ему сократили срок в два раза. Он пытался найти Хэлкетта через агентов, но никто не знал, куда тот отправился, покинув тюрьму. Крейн работал не покладая рук, ведя приготовления к новому великому походу в северное полушарие, и не мог уделять много времени поискам своего бывшего товарища.

Глава 4 РЕНЕГАТ

Ракеты прибывали без остановки, принося на южный Юпитер с Земли и Марса людей и материалы. Офицеры рекрутских бюро на Земле работали день и ночь. Крейн принимал прибывших людей, приставлял к ним ветеранов, которые натаскивали, тренировали, учили их, как вести бой на Юпитере. В общем, Крейн делал из них дисциплинированных солдат. Он сконцентрировал людей и материалы на экваториальных постах.

В северном полушарии Юпитера Крейн хотел применить другой план. Вместо того чтобы установить сеть фортов, как на Марсе и в южном полушарии Юпитера, он хотел окружить Юпитер тонкой цепью земных войск, а затем двинуть эту цепь в направлении полюса. Как считал Крейн, по мере того как его войска будут продвигаться к полюсу, цепь станет все плотнее. Аборигены будут вынуждены отступить.

Прежде чем Крейн счел армию подготовленной, прошло два года. За это время ни он, ни Барнхэм, ни кто-либо другой ничего не слышали о Хэлкетте. Возможно, он уже умер. У двух командующих сейчас голова была занята другим. И Наконец-то Крейн отправился в свой так долго планировавшийся поход. Окружив планету цепью армейских подразделений, он начал наступление. Силы землян двинулись на север.

Сражения с ластоногими начались через несколько дней. К тому времени йовиане поняли, что надо бояться атомных излучателей и бомб. Они развернули партизанскую войну, которая оказалась эффективной в глухих юпитерианских лесах. Но по мере продвижения вперед силы Крейна просто выжигали леса, и йовианам оставалось либо отступить, либо погибнуть.

Крейн передвинул свой штаб к северу, расположив его за цепью своих наступающих подразделений. Он управлял своими частями по радио, а подкрепления посылал ракетами в те места, где продвижение замедлялось яростным

сопротивлением йовиан. Крейн предпочел двигаться медленно, избегая ненужных потерь. Йовиане отодвигались все дальше на север сужавшимся кругом. Через полгода Земля узнала, что ее войска прошли половину пути между экватором и северным полюсом.

Затем на Землю пришла удивившая всех новость. Цепь Крейна была отброшена назад, войска понесли огромные потери. Причем сразу в полдюжине мест планеты. Невероятно, но это сделали йовиане, вооруженные атомными излучателями и бомбами. По всей планете они соорудили круг грубых оборонительных укреплений, из-за которых и нанесли по силам Крейна сокрушительный удар.

Земля заволновалась. До этого момента успех Крейна воспринимался как должное. Совет даже начал предоставлять концессии на территории северного полушария. Как смогли примитивные йовиане научиться использовать атомное оружие? Ответ пришел от Крейна, пытавшегося восстановить свое преимущество. Аборигенов возглавлял землянин—ренегат, который последние два года учил их производить и использовать атомное оружие. Его имя Март Хэлкетт.

Хэлкетта узнали некоторые офицеры Крейна во время атаки на йовианские укрепления. Видели, что он руководил обороной. Хэлкетт! Человек, который семь лет назад был признан предателем, а теперь стал еще и ренегатом, ведя ластоногих на борьбу против своей собственной расы. Стало очевидно, что после своего досрочного освобождения из тюрьмы он каким-то образом пробрался на одну из ракет, летящих на Юпитер, а затем, добравшись туда, использовал все свое мастерство и опыт работы, полученный им в тюремных мастерских по производству оружия, чтобы научить йовиан делать атомное оружие и использовать его в борьбе с захватчиками.

Для землян Хэлкетт немедленно стал врагом номер один. На Земле, Марсе и южном Юпитере люди загорались от ярости при одном упоминании его имени. Ему желали

тысячи смертей, если он когда-нибудь будет пойман. Солдаты армии Совета проявляли невероятный героизм в битве с врагами, а этот ренегат посмел задеть их самые святые чувства. Яростное желание подавить йовиан и казнить Хэлкетта охватило всех землян.

— Не вступайте ни в какие переговоры с лидером аборигенов, — передал Совет Крейну. — Продолжайте поход на север согласно вашему плану.

Крейн прочитал послание. Он и Барнхэм были просто ошарашены новостью о Хэлкетте, и Крейн какое-то время даже не мог в это поверить.

— Это не может быть Хэлкетт, — повторял он снова и снова. — Я говорю тебе, он не стал бы сражаться против Совета, против нас.

— В этом нет никакого сомнения. Хэлкетта опознали люди, которые хорошо знали его. Он был там, среди этих ластоногих. Ты же помнишь, каких он всегда придерживался взглядов в отношении йовиан.

— Да, но стать предателем своей собственной расы? Я говорю тебе, Барнхэм, Хэлкетт никогда бы не сделал этого.

И все же к тому моменту, когда послание Совета достигло Крейна, даже он уже был убежден в том, что именно Хэлкетт стал лидером йовиан. Крейн созвал своих офицеров.

— Завтра мы возобновляем наступление, — сказал он твердо. — Сообщите всем штабам.

Бои начались вновь. На этот раз не так спокойно, как прежде, а в страшной спешке. Цепь землян двигалась в направлении северного полюса до тех пор, пока не достигла линии обороны йовиан. В эту атаку Крейн бросил вперед все свои лучшие силы. Битва была чудовищной. Но в этот раз земляне нападали с открытой местности, а аборигены защищались из укрытия.

Йовианские атомные излучатели и бомбы, немногочисленные по своему количеству и примитивные по своей сборке, все же нанесли ощутимый урон землянам. Фронт стабилизировался, хотя войска и атаковали как

сумасшедшие. В конце концов Крейн был вынужден отдать приказ отступить. Земля пришла в ярость, получив списки погибших. Но хотя Крейн и потерпел неудачу, он не был остановлен.

На время он оставил йовиан и Хэлкетта в покое, пока не пришло подкрепление с Земли. Тогда он возобновил наступление, но в этот раз не стройным порядком, а серией отдельных атак на определенных участках. Огромное количество людей и атомного оружия было брошено на прорыв в

дюжине мест. План Крейна был таков: расшатать линию обороны йовиан постоянно повторяющимися атаками, пока они не будут вынуждены отступить.

Хэлкетт отчаянно сражался, чтобы удержать кольцо укреплений. Но ему не хватало быстрой и оперативной связи со всеми своими участками обороны. Хотя стало известно, что он научил некоторых аборигенов пользоваться радио и направлял их действия по всей планете. Но у него не было ракет, и он не мог посылать подкрепления в места наиболее ожесточенных боев. Хэлкетт предвидел неизбежное отступление и предварительно подготовил другие укрепления, ближе к северному полюсу. Ластоногие подчинялись ему с абсолютной преданностью.

Вскоре Хэлкетт был вынужден отвести йовиан к следующей из этих наскоро подготовленных линий обороны. Крейн не стал преследовать отступающих аборигенов, но вновь перераспределил свои силы в цепь и двинулся на север, уничтожая на своем пути леса и одиночные группы йовиан. Достигнув линии фронта, Крейн не атаковал, а прибег к своей старой тактике нанесения одиночных ударов.

По всей планете линии обороны ластоногих жителей Юпитера за этот год в ходе отчаянных битв оказались отодвинуты дальше на север. Как только йовиане отступали, за ними незамедлительно следовали силы Крейна и Барнхэма. Армия Совета охватывала йовиан все сильнее сужающейся цепью своих солдат. Стало ясно, что Крейн пытается зажать их у северного полюса, и Хэлкетт боролся, чтобы предотвратить это.

В некотором смысле это была странная ситуация; три друга, неразлучные с детства, вместе вошедшие в юность и зрелость, вели войну рас на Юпитере. Один из них ренегат, примкнувший к чужакам, а двое других — его непримиримые враги. Никто не мог обвинить Крейна в том, что старая дружба вызывает в нем сентиментальные чувства, глядя на его настойчивость. Он продолжал теснить войска Хэлкетта все дальше к северу.

Жители Юпитера отступали. Бесчисленные толпы йовиан отходили все дальше на север через глухие леса, которые испокон веку принадлежали им. Они выставляли заградительные барьеры, копали траншеи по приказу Хэлкетта, использовали любые средства обороны, которые он только мог придумать, чтобы удержать землян. Лера содрогались от грохота атомных излучателей и разрывов ядерных бомб. Лесная живность выбегала и в ужасе бросалась в зеленые глубины леса в надежде избежать гибели. По всей планете йовиане боролись за свое существование.

По пятам за ними шли люди Крейна, одетые в скафандры, сражавшиеся против жары, гравитации и болезней. Несколько дней подряд они могли продираться через дебри, не встречая сопротивления, а затем внезапно наткнуться на новую линию обороны аборигенов. И тогда вновь раздавался грохот выстрелов, которыми обменивались земляне с йовианами. Но, несмотря на яростное сопротивление, аборигены отходили все дальше и дальше к северному полюсу.

Ракеты—разведчики сообщили, что Хэлкетт построил хорошо укрепленный лагерь около полюса, в котором находилось несколько миллионов йовиан. Там они собирали оружие и строили заградительные сооружения. Крейн попытался отрезать эту базу от основных сил Хэлкетта, но тот, в свою очередь, предвидя такой маневр, занял удобную позицию, отказавшись от единой линии обороны, сосредоточив войска на нескольких мелких базах.

Земля радовалась, когда Крейн сообщал об уничтожении этих баз. Он послал Барнхэма с войсками вперед, чтобы те окружили Хэлкетта в лагере беженцев, пока он со своими силами будет ликвидировать оставшиеся опорные пункты аборигенов. Базы пали в кровавой борьбе. Йовиане, которые остались в живых, были отправлены во временный лагерь для военнопленных, где их готовили к пересылке в резервации. После чего Крейн со всеми своими силами присоединился к Барнхэму, окружившему последнюю йовианскую

крепость, где находились Хэлкетт и оставшиеся в живых аборигены, солдаты и беженцы.

Крейн удивил Барнхэма и всех офицеров, заявив, что собирается предложить Хэлкетту сдаться. несмотря на то что Совет запретил идти на какие—либо переговоры.

Он послал парламентера к Хэлкетту с предложением избежать дальнейшего кровопролития, обещая, что йовиане будут посланы в резервации, и отметив при этом бесполезность дальнейшего сопротивления.

Ответ Хэлкетта оказался на удивление спокойным, но категоричным: «Мы не сдадимся до тех пор, пока йовианам не будут предоставлены права как жителям и хозяевам своей планеты. Ничего не может быть хуже того, через что они уже прошли».

Крейн зачитал ответ Барнхэму. Его бронзовое лицо осунулось.

— Хэлкетт и аборигены настроены серьезно, — сказал он. — Они будут сопротивляться до последнего. Мы должны атаковать.

Барнхэм склонился к нему.

— Крейн, скажи мне, — спросил он, — ты пытаешься спасти йовиан или Хэлкетта?

Крейн поднял глаза. На его лице была написана душевная боль.

— Барни, дело не в Хэлкетте. Для него лучше погибнуть в битве, чем быть отправленным на Землю, где его казнят. Но эти йовиане... Я устал их убивать.

Барнхэм задумчиво покачал головой:

— Но что ты собираешься делать? Прикажешь завтра наступать? Людям не терпится начать атаку.

Крейн на секунду задумался, затем произнес то, что удивило Барнхэма:

— Барни, мы с тобой пойдем к Хэлкетту и попытаемся убедить его принять наши условия. Он не может выйти, но мы сможем пройти вполне безопасно.

— Но Совет... — начал было Барнхэм.

Крейн нетерпеливо отмахнулся:

— Я руковожу этой кампанией, а не Совет. Я сказал, что мы пойдем.

Он послал сообщение Хэлкетту, и тот ответил, что будет рад обговорить с генералом Крейном и полковником Барнхэмом условия мира, но не согласится изменить свое мнение. Крейн приказал отложить все военные действия, и на закате он и Барнхэм вместе с двумя йовианами и белым флагом отправились в направлении крепости аборигенов. Туманное красное Солнце склонялось за горизонт, а когда они достигли лагеря, опустилось совсем низко.

Двое ластоногих завязали им глаза, прежде чем провести через заградительные барьеры и траншеи. Это было сделано по приказу Хэлкетта. Повязки сняли только тогда, когда они уже оказались внутри укреплений. Крейн и Барнхэм увидели перед собой огромные сооружения, внутри которых находились бесчисленные массы йовианских беженцев. Для многих из них не хватало жилья. Скудная пища распределялась по порциям среди наиболее нуждающихся. Толпы ластоногих, неуклюжие странные фигуры в угасающем солнечном свете, спокойно смотрели на Крейна и Барнхэма, когда тех проводили через ограду.

Идя за своими охранниками, Крейн видел измотанных боями аборигенов, которых он так яростно и так долго гнал на север. Некоторые из них стояли на постах вокруг внутренних заграждений, держа наготове наспех сработанные атомные излучатели. Внутри крепости было много складов, под навесами которых лежали атомные бомбы. Рядом с одним из них стояла небольшая хижина. Туда их и вели.

При приближении Крейна и Барнхэма, Хэлкетт и трое йовиан вышли им навстречу. Они ждали, пока земляне подойдут к ним. Троим друзьям предстояла странная встреча. Они не видели друг друга с тех пор, как расстались восемь лет назад.

На Хэлкетте был старый скафандр. Левая рука перевязана. Его бронзовое от загара, изрезанное морщинами лицо выражало спокойствие. Он представлял собой резкий

контраст Крейну и Барнхэму — стройным, подтянутым, одетым в хорошо сидящие облегченные скафандры со знаками отличия армии Совета, которые когда-то носил и Хэлкетт.

Хэлкетт не протянул для пожатия руку, он ждал. Наверное, это или что иное смутило Крейна, но первые слова генерала оказались какими—то несуразными и сухо формальными. Крейн упомянул об условиях мира.

— Мы не можем принять их, — спокойно ответил Хэлкетт. — Мы боролись против них с самого начала. Йовиане скорее умрут, чем пойдут в ваши резервации.

— Но что еще ты можешь сделать? — спросил Крейн. — Ты знаешь так же хорошо, как и я, что у нас достаточно сил, чтобы взять эту базу, что мы и сделаем, если вы не сдадитесь.

— Я знаю, но йовиане не сдадутся, если я им этого не прикажу. А я не прикажу. Кроме того, я нашел для них выход.

— Выход? — удивленно спросил Барнхэм. — У вас нет выхода. База окружена.

Один из аборигенов, стоящий рядом с Хэлкеттом, сказал ему что-то своим странным басистым голосом. Хэлкетт спокойно, почти мягко ответил ему.

— Будь благоразумным, — настаивал Крейн. — Ты не можешь их спасти. А если нам придется напасть, то будет еще больше жертв.

— А разве для вас имеют значение еще несколько убитых ластоногих? — спросил Хэлкетт. — После всех уничтоженных на Юпитере?

Он задумчиво посмотрел поверх них:

— Интересно, если бы Гиллен мог предвидеть то, что произойдет на Марсе и Юпитере, совершил бы он свой полет? Что бы он подумал, если бы вернулся и увидел то, чему положил начало?

Они молчали еще некоторое время. Короткий юпитерианский день закончился, Солнце село, наступили сумерки. Каллисто и Ио были в зените, а Ганимед всходил на востоке. Три луны отбрасывали бледный свет на огромное

заграждение, массы темных ластоногих вокруг Крейна, Барнхэма и Хэлкетта.

До Барнхэма и Крейна доносились звуки басистых голосов аборигенов. Но большинство из них молчали. Некоторые сидели на месте, некоторые сбивались в группы на ночь. Внутри огромного заграждения часовые все еще стояли, большие, темные, неподвижные фигуры, освещенные бледным светом луны.

С усилием Крейн произнес:

— Это твое последнее слово, Хэлкетт?

Хэлкетт кивнул:

— Это не мое слово, это слова самих йовиан.

Внезапно Крейн сорвался:

— Хэлкетт, но почему ты сделал это? Почему ты стал предателем своей расы? Почему ты заставил нас гнать тебя на север, сражаться против и быть обязанными убить тебя?

— Я не жалею, Крейн. Я полюбил этих странных ластоногих, добрых и по—детски наивных, таких доверчивых к любому, кто относится к ним по—дружески. Просто, кто-то должен был встать на их защиту и дать им по крайней мере один шанс. Мне все равно, как вы меня называете.

— Хэлк, давай прыгнем в ракету и втроем улетим отсюда куда-нибудь, — неожиданно воскликнул Джимми Крейн, тот Джимми Крейн, каким он был десять лет назад. — Улетим куда-нибудь еще, к другой планете. Мы обойдемся без этого проклятого Юпитера, и Земли, и всех остальных. Как мы только могли влезть во все это? Встать друг против друга? Пытаясь убить...

Хэлкетт улыбнулся и схватил руку Крейна.

— Джимми! Ты, Барни и я, ты помнишь экспедицию Дрейка? Троих мальчишек, ты помнишь? Но теперь мы ничего не можем изменить, и никто из нас не виноват. Возможно, вообще никто не виноват в том, что произошло.

С большим трудом Джимми Крейн вновь стал генералом Джеймсом Крейном.

— Прощай, Хэлкетт, — сказал он. — Мне очень жаль, что ты не можешь принять условия. Пойдем, Барнхэм.

Барнхэм пытался что-то сказать, губы его шевелились, но Хэлкетт только улыбнулся и покачал головой. Они повернулись и пошли в сопровождении двух йовианских охранников в направлении внутренней границы укрепления.

Они видели, что Хэлкетт так и остался стоять с двумя своими помощниками там, где они расстались с ним. Он не смотрел им вслед. Один из аборигенов что-то говорил ему, и Крейн и Барнхэм на мгновение увидели его напряженное, усталое лицо, когда он повернулся к говорящему.

Крейн и Барнхэм вернулись в лагерь, и Крейн созвал офицеров:

— Мы не будем откладывать нападение до утра. Начинаем через два часа. Они не ожидают атаки так быстро.

Но, видимо, Хэлкетт ожидал, так, как только силы землян приблизились, их встретили залпы всех атомных излучателей, которые только имелись у йовиан. К тому моменту Европа появилась на небе, и все четыре луны глядели сверху вниз на чудовищную битву. Грохотали выстрелы, взрывы атомных бомб следовали один за другим, когда толпы землян прорывались через укрепления аборигенов.

Йовиане отбили первую атаку. Крейн сконцентрировал силы на западном крыле атаки. Он послал ракеты вперед, чтобы те, сбросив бомбы, проделали брешь в стене крепости. Но Хэлкетт сумел при помощи всех йовиан быстро заделать ее, и силы Крейна откатились назад. Обе стороны при этом понесли огромные потери.

Когда после короткой ночи на горизонте забрезжил рассвет, Крейн приказал начать третье наступление. Теперь атака велась сразу с нескольких сторон. На этот раз Хэлкетт не смог сконцентрировать свои силы и заделать брешь в западной стене. Земля сотрясалась от грохота бомб и ракет, слившегося с криками землян.

Они вошли в крепость, несмотря на отчаянное сопротивление оставшихся в живых йовиан, в то время как на

восточной стене отряды землян оттягивали на себя основные силы аборигенов. Крейн и Барнхэм, наблюдающие за ходом битвы из штаба, увидели внезапный конец.

Все сооружения огромной йовианской крепости взлетели в воздух, уничтожив не только Хэлкетта и беженцев, но и большую часть землян, сражавшихся у края баррикад. В центре базы образовался огромный кратер.

— Склады атомных бомб, там внутри, — крикнул Барнхэм. — Должно быть, в них попали из излучателей.

Крейн кивнул. Выражение его лица было странным.

— Да, из оружия Хэлкетта. Он был готов скорее уничтожить этих бедных аборигенов, чем смотреть, как их отправляют в резервации.

— Бог мой, — воскликнул Барнхэм. — Так вот он, выход Хэлкетта для йовиан. Но тогда... Друг Хэлкетт...

Крейн взглянул на Барнхэма. Его лицо окаменело.

— Неужели ты не понял, что все время он именно это и собирался сделать? Прикажи собрать оставшихся в живых йовиан. И пошли сообщение на Землю: «Последняя база аборигенов взята. Ренегат, лидер йовиан Хэлкетт мертв. Юпитер под полным контролем. Примите мою отставку. Крейн».

Глава 1

Управляющий городом № 72 в североамериканском шестнадцатом секторе вопросительно посмотрел из-за своего широкого стола на Помощника.

— Следующее дело: Аллан Манн, личный номер 2473R6, — доложил Помощник. — Он обвиняется в нарушении законов логики.

— Арестованный доставлен? — спросил Управляющий, и когда его подчиненный кивнул, добавил: — Введите!

Первый Помощник вышел и сразу же вернулся в сопровождении арестованного и двух охранников. Аллан Манн оказался молодым человеком, одетым в униформу: белые шорты и белую майку без рукавов. Голубой квадрат на плече указывал на его принадлежность к отделу механики.

Он неуверенно оглядел большой офис, скользнул взглядом по пультам вычислительных и прогнозирующих машин, по телеэкранам визуального контроля, на которых можно было увидеть города половины мира, по широким окнам, за которыми раскинулись гигантские кубы зданий города № 72.

Управляющий зачитал бумагу, лежащую перед ним на столе:

— Аллан Манн, личный номер 2473R6 был задержан два дня назад по обвинению в нарушении логики.

Обвинение гласит, что Аллан Манн, в течение двух лет работавший над созданием атомного двигателя нового типа, отказался передать свою работу

Майклу Рассу, личный номер 1877R6, когда ему приказал руководитель. Он не смог дать разумного объяснения своему поступку, заявив только, что разрабатывал двигатель в течение двух лет и хотел бы завершить работу сам. Поскольку налицо нарушение логики в поступке обвиняемого, были вызваны соответствующие органы.

Управляющий взглянул на арестованного.

— Что вы можете сказать в свою защиту, Аллан Манн?

Молодой человек покраснел.

— Ничего, сэр. Я хочу сказать, что теперь понимаю, как я был не прав.

— Почему вы не подчинились приказу своего руководителя? Разве он не сказал вам, что Майкл Расе лучше подходит для окончания работы над новым двигателем?

— Конечно, сказал. Но я так долго работал над ним, что очень хотел закончить сам, хотя и понимал, что это займет больше времени... Но теперь я осознаю, что вел себя безрассудно.

Управляющий отложил документ в сторону и наклонился вперед.

— Вы правы, Аллан Манн, это было безрассудно с вашей стороны. Ваш проступок явился типичным нарушением логики или, если угодно, здравого смысла, что является подрывом всех основ нашего мира, всей нашей жизни.

Он поднял тонкий палец в выразительном жесте.

— Что, по—вашему, Аллан Манн, создало наш сегодняшний мир и объединило массу воюющих государств? В прошлые века безрассудства на этом месте находился город под названием Нью-Йорк, в котором жители боролись друг с другом со слепой яростью, не пытаясь сотрудничать, и только напрасно расходовали силы и ресурсы.

Все это изменил здравый смысл. Старые эмоции, которые переполняли человеческие умы, были преодолены, и теперь мы прислушиваемся только к точной логике здравого смысла. Здравый смысл вывел нас из состояния варварства, в котором мы пребывали до XX века. Поэтому

нарушение логики стало самым серьезным преступлением в нашем разумном мире, так как это преступление направлено против нашего порядка.

Под напором неотразимых аргументов Управляющего Аллан Манн совсем сник.

— Я понимаю это, — сказал он, — и надеюсь, что нарушение мной здравого смысла будет рассматриваться как временное помутнение сознания.

— Именно так я это и воспринимаю, — произнес Управляющий. — Я думаю, что сейчас вы уже понимаете нелогичность своего поведения. Но, — продолжил он, — осознание вами вашего неправильного поступка не оправдывает вас. Если вы совершили нарушение здравого смысла, то, согласно закону, должны будете пройти курс перевоспитания.

— А каков этот курс? — спросил Аллан Манн.

— Вы не первый, Аллан Манн, кто совершает такой проступок. В прошлом некоторых людей уже охватывали подобные порочные эмоции. Но таких становится все меньше.

Уже давно мы разработали план по перевоспитанию безрассудных, как мы их называем. Конечно же, мы их не наказываем, так как наказание само по себе является нарушением здравого смысла. Но мы стараемся излечить их. Мы посылаем их на так называемый Остров Безрассудства.

Это маленький остров в нескольких сотнях миль от побережья. Туда доставляют всех нарушителей законов логики. Там, где живут безрассудные, нет никакого государственного устройства, нет никаких удобств, к которым привыкли мы. Они живут в примитивном мире.

Если они сражаются друг с другом, мы не обращаем на это внимания. Если они крадут друг у друга, нам тоже нет до этого никакого дела. Живя таким образом в обществе, в котором отсутствуют здравый смысл и логика, они скоро понимают, к чему это может привести. Понимают и больше никогда не забывают, а когда заканчивается их срок, то, вернувшись домой, они бывают только рады провести остаток

своей жизни в разумном мире. Правда, некоторые, самые безнадежные, остаются там навсегда.

Согласно закону, все нарушители законов логики должны пройти перевоспитание на этом острове. И поэтому я отправляю вас туда.

— На Остров Безрассудства? — произнес Аллан Манн, побелев. — Но на какой срок?

— Мы никогда не сообщаем нарушителям сроки их ссылки. Мы хотим, чтобы они знали: впереди у них вся жизнь. Благодаря этому урок лучше усваивается. Когда срок вашей ссылки истечет, сторожевой флайер, что доставит вас туда, заберет вас обратно.

Управляющий встал.

— У вас есть возражение против приговора?

Аллан Манн некоторое время молчал, затем тихим голосом произнес:

— Нет, сэр, вполне разумно, что я должен буду пройти перевоспитание, согласно закону.

Управляющий улыбнулся.

— Я рад, что вы уже начинаете исправляться. Когда истечет ваш срок, я надеюсь увидеть вас абсолютно излечившимся.

Сторожевой флайер, подобно торпеде, рассекал воздух над седыми волнами. Уже давно земля исчезла из поля зрения, и теперь повсюду от горизонта до горизонта простирался только безбрежный океан.

Аллан Манн в состоянии душевного упадка постоянно смотрел в окно. Выросший в большом городе, подобно всем остальным людям цивилизованного мира, он питал врожденную неприязнь к одиночеству. Он пытался вступить в разговор с двумя охранниками — единственными, не считая его и пилота, пассажирами флайера. Однако вскоре убедился, что они с неохотой беседуют с безрассудными.

— Ты скоро увидишь остров, — сказал один из охранников в ответ на его вопрос.

— Где вы меня высадите? — спросил Аллан Манн. — Там есть какой-нибудь город?

— Город на Острове Безрассудства? — охранник отрицательно покачал головой. — Нет, конечно. Эти безрассудные не могут сотрудничать друг с другом достаточно долго, чтобы построить город.

— Но там же должно быть какое-то место, чтобы жить?

— Ничего, кроме того, что ты сам найдешь для себя. Некоторые безрассудные образовали что-то вроде поселка, а некоторые ушли в лес и живут там дикой жизнью.

— Но даже им нужно где-то спать и что-то есть, — настаивал Аллан Манн, привыкший к тому, что государство обязано обеспечивать своих граждан всем необходимым.

— Они спят там, где смогут устроиться, — сказал охранник. — Они едят фрукты и ягоды. Убивают мелких животных и тоже съедают.

— Едят животных? — это было шоком для Аллана Манна, чей род насчитывал пятьдесят поколений вегетарианцев. Идея показалась настолько возмутительной, что он умолк и молчал всю оставшуюся дорогу. Наконец пилот бросил через плечо:

— По курсу — остров.

Аллан Манн подавленно смотрел вниз, пока флайер по спирали спускался к земле.

Остров оказался совсем небольшим, всего лишь скромный кусочек суши в безбрежном океане, похожий на спящего кита. Густые зеленые леса покрывали его низкие холмы и неглубокие овраги, спускаясь к песчаным берегам.

Но Аллану Манну он казался чудовищным, диким, запретным.

Он не мог не заметить поднимающийся в небо дымок над западной оконечностью острова. Но это свидетельство присутствия человека скорее обеспокоило его, нежели приободрило. Этот дым шел от костров, возле которых люди, возможно, жарили и ели плоть еще недавно живых существ.

Флайер спустился ниже, пролетел вдоль берега и наконец сел, поднимая тучи песка.

— Выходи, — сказал охранник, открывая дверь.

Ступив на горячий песок, Аллан Манн мертвой хваткой вцепился в дверь флайера, которая в данный момент представляла для него последний зыбкий мост, связывающий с цивилизацией.

— Вы же вернетесь за мной, когда закончится мой срок? — кричал он. — Вы будете знать, где найти меня?

— Мы найдем тебя, если ты будешь на острове. Но не волнуйся об этом, может быть, у тебя пожизненное, — с усмешкой произнес охранник. — А если это не так, то мы заберем тебя, если, конечно, кто-нибудь из безрассудных не убьет тебя раньше.

— Убьет меня? — в ужасе произнес Аллан Манн. — Вы что, хотите сказать, что они убивают друг друга?

— Да, и делают это с большим удовольствием. Ты лучше побыстрее уходи с пляжа, пока тебя никто не видел. Помни, ты теперь не живешь в мире разумных людей!

Одновременно с треском захлопывающейся двери взревел мотор, и флайер взмыл в небо. Аллан Манн в замешательстве наблюдал, как тот набирает высоту, разворачивается и направляется на запад, в мир разумных людей, где идет тихая и спокойная жизнь. А на этом острове ему угрожали опасности.

Внезапно Аллан Манн понял, что, оставаясь на берегу на открытом пространстве, он повышает риск быть обнаруженным. Манн все еще не мог понять, зачем кому—то из безрассудных убивать его, но все равно боялся. Он побежал по песку в направлении леса.

Его ноги вязли в песке. Каждую секунду Манн ожидал увидеть разъяренные толпы безрассудных, внезапно появившихся на пляже. Он совсем забыл о том, что теперь и он сам был безрассудным. Манн чувствовал себя одиноким представителем цивилизации на этом диком острове.

Он добежал до леса и, обессиленный, упал возле куста, стараясь восстановить дыхание. Вокруг было очень тихо и пусто, и лишь золотистые лучи солнца пронзали полумрак густого леса. Аллан слышал пение птиц.

Он обдумал свое положение. Ему придется прожить на этом острове неизвестный период времени. Может быть, месяц, может быть, год, а может быть, несколько лет. Теперь он понял правдивость того факта, что незнание срока делает наказание более эффективным. Но, как сказал охранник, он может провести здесь всю свою оставшуюся жизнь!

Аллан пытался убедить себя в том, что его приговор не может быть суровым. Но не важно, как долго ему придется пробыть здесь, он должен выжить. И прежде всего ему нужно позаботиться об убежище и еде. Он решил, что сначала попытается найти какое-нибудь подходящее место, где будет себя чувствовать в безопасности от других безрассудных, построит шалаш, а затем постарается найти фрукты и ягоды, о которых упоминал охранник.

Аллан осторожно поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Лес казался тихим и мирным, но его воображение населяло его множеством опасностей. Из-за каждого куста за ним могли наблюдать враждебные глаза. Но, несмотря на это, ему нужно найти более безопасное место подальше от западной части острова, где он видел дым костров.

Не пройдя и нескольких шагов, он замер, услышав шум. Через кусты кто-то продирался. Его мозг еще не успел принять никакого разумного решения, когда в прогалине показалась фигура бегущей девушки, которая, увидев его, отпрянула.

Она была одета в короткую тунику. Ее волосы были коротко стрижены, а смуглая рука сжимала острое копье.

Сделай он шаг в ее направлении, она бы несомненно вонзила в него копье. Но Аллан стоял, замерев на месте. В конце концов девушка поняла, что он не представляет для нее никакой опасности, и ее взволнованный взгляд смягчился. Не сводя с него огромных глаз, девушка отступила к

кустарнику. Вероятная возможность мгновенного бегства придала ей смелости.

— Ты новичок? — спросила она. — Я видела флайер.

— Новичок? — повторил Аллан.

— Ну, новичок на острове, — быстро сказала она. — Они тебя только что оставили, да?

Аллан кивнул. Его все еще слегка трясло.

— Да, они только что оставили меня. Я нарушил законы логики...

— Конечно, — перебила она его, — мы все здесь по этой причине. Эти динозавры, подручные управляющих, каждые несколько дней доставляют сюда кого-нибудь.

Аллан Манн опешил, услышав подобную ересь.

— А почему им не доставлять вас сюда? — настаивал он. — Это благородно — пытаться исправить безрассудных.

Ее карие глаза удивленно раскрылись.

— Ты говоришь не как безрассудный.

— Надеюсь. Я нарушил здравый смысл, и я сожалею об этом.

— Понятно, — произнесла она с разочарованием. — Как тебя зовут? Меня Лита.

— А меня Аллан Манн, личный номер... — но, не окончив, замолчал.

Глава 2. ПЕРВЫЕ БИТВЫ

Где-то в ветвях вскрикнула птица, и Лита насторожилась. Ее глаза вновь наполнились страхом.

— Нам лучше уйти отсюда, — быстро сказала она. — Скоро здесь будет Хара. Он преследует меня.

— Преследует тебя? — с холодом в груди Аллан припомнил предостережение охранника. — Кто такой Хара?

— Хара — босс этого острова. Он пожизненный. Его доставили несколько недель назад, но он уже успел победить самых сильных людей острова.

— Ты хочешь сказать, что вы деретесь здесь, чтобы доказать, кто лидер? — не веря своим ушам, спросил Аллан.

Лита кивнула.

— Конечно, это не цивилизованный мир, где твое положение зависит от ума.

— Он хочет убить тебя?

— Конечно, нет. Он хочет сделать меня своей женщиной, а я не хочу и никогда не захочу. — Ее карие глаза вспыхнули.

Аллану Манну казалось, что он попал в какой-то невероятный мир.

— Своей женщиной? — спросил он, нахмурив брови.

Лита с нетерпением кивнула.

— Понимаешь, здесь, на острове, нет Евгенистического Совета, чтобы выбрать пару, поэтому мужчины просто сражаются за женщин. Хара хочет меня, а я его нет. Сегодня он разозлился и сказал, что возьмет меня силой. Тогда я убежала из деревни. А когда он и несколько других бросились за мной... Слушай!

Лита замолчала. Из глубины леса доносились топот и хриплая перекличка голосов. Сквозь шум и треск долетали отдельные слова.

— Это они, — крикнула Лита. — Побежали!

— Но они не могут... — попытался что-то сказать Аллан, но в ту же минуту понял, что уже бежит вслед за девушкой.

Ветки и шипы цеплялись, оставляя царапины на теле. Лита бежала к центру острова, и Аллан изо всех сил старался не отставать от нее.

Хотя он и был в великолепной физической форме, но быстро понял, что убегать от опасности — совсем не то же самое, что заниматься бегом в спортивных залах города.

Его грудь болела, спина покрывалась холодным потом, когда он слышал позади себя грубые голоса.

Когда Лита и Аллан бежали, девушка постоянно оглядывалась назад. Ее загорелое лицо побледнело. Аллан не мог найти ни одной разумной причины, почему ему надо было ввязываться в неприятности этой незнакомой девушки. Но

прежде, чем он попытался что-нибудь придумать, на узкой полянке перед ним внезапно появился коренастый мужчина.

Победный вопль, словно рев носорога, потряс воздух. Мужчина был просто гигантом. Огненно-рыжие волосы покрывали его голую могучую грудь, руки и голову. Лита бросилась к Аллану, но жесткие пальцы вцепились в ее руку.

— Хара! — закричала она, пытаясь освободиться.

— Убегала, да? — прохрипел Хара.

Затем его взгляд упал на Аллана.

— С этой белолицей овцой? Посмотрим, достаточно ли он хорош, чтобы отобрать девушку у Хары. У тебя нет ни копья, ни дубины. Тогда разберемся на кулаках.

Он бросил свое копье и дубину на землю и с поднятыми кулаками начал приближаться к Манну.

— Что вы имеете в виду? — удивленно произнес Аллан.

— Драку, конечно, — прогремел Хара. — Тебе нужна эта девушка, так отбери ее у меня!

Мысли быстро мелькали в голове Аллана. У него не было практически никаких шансов против этого громилы. И к тому же он не видел никакой разумной причины для применения насилия.

— Но мне она не нужна, — сказал он. — Я не хочу за нее драться.

Хара замер, ошарашенный. Аллан видел, что карие глаза девушки смотрели на него с удивлением.

— Не хочешь драться? Тогда беги!

Скривившись от презрения, Хара отвернулся и направился к девушке.

Как только он отвернулся, Аллан схватил его тяжелую дубину и ударил по могучей спине незнакомца. Хара рухнул на землю как подкошенный.

— Бежим, — крикнул он Лите. — Мы успеем далеко убежать, прежде чем он придет в себя.

Они рванулись в кусты. Когда за спиной уже не были слышны голоса, они остановились, чтобы отдышаться.

— Головой надо работать, — гордо произнес Аллан. — Хара не придет в себя раньше, чем через час.

Лита презрительно посмотрела на него.

— Это нечестная драка, — неожиданно сказала она.

Аллан Манн был ошарашен.

— Честная драка, — повторил он. — Но если ты хотела убежать от него, ты же не рассчитывала на то, что я смогу победить его голыми руками?

— Все равно это нечестно, — повторила она. — Ты ударил его в спину, как трус.

Если бы Аллан Манн не был цивилизованным человеком, он бы выругался.

— А что в этом плохого? — спросил он удивленно. — С моей стороны, вполне разумно было использовать хитрость против его силы.

— На этом острове мало кто верит в здравый смысл, тебе бы следовало это знать. Но мы верим в честный бой.

— В таком случае, в следующий раз спасайся сама, — раздраженно произнес он. — Вы безрассудные...

Вдруг ему в голову пришла неожиданная мысль.

— А ты за что попала на этот остров?

Лита улыбнулась.

— У меня пожизненное. Так же, как и у Хары, и у большинства других жителей деревни.

— Пожизненное? Что же ты такое натворила, чтобы быть сосланной на этот дикий остров?

— Ну, шесть месяцев назад Евгенистический Совет нашего города назначил мне мужа. А я от него отказалась. Совет обвинил меня в нарушении здравого смысла. Но я настаивала на своем отказе, и они сослали меня сюда.

— Не удивительно, — возмущенно произнес Аллан Манн. — Отказаться от мужа, назначенного Советом, — я никогда ничего подобного не слышал! Почему ты сделала это?

— Мне не нравилось, как он на меня смотрел, — сказала Лита таким тоном, словно эти ее слова все объясняли.

Аллан беспомощно покачал головой. Он никак не мог понять мыслительного процесса безрассудных.

— Нам лучше не задерживаться, а продолжать двигаться в глубь острова, — сказала Лита. — Скоро Хара придет в себя и очень на тебя разозлится.

При этой мысли Аллан похолодел. Видение огромного Хары, который словно тисками сжимает своими ручищами его горло, показалось ему чудовищным. Он стоял рядом с Литой и с опаской поглядывал по сторонам.

— Куда нужно идти? — шепотом спросил он.

Девушка кивнула в сторону центра острова.

— Там непроходимая чаща. Мы не должны приближаться к деревне.

Они побежали через лес. Лита впереди с копьем наготове. Через несколько минут бега Аллан присмотрел и

подобрал тяжелую палку, которая вполне могла заменить дубину. Он неловко держал свое оружие.

Они продвигались в глубь леса. Для Аллана окружающий его мир казался странным. Раньше он видел леса только из окна флайера. Теперь сам попал в один из них. Птицы и насекомые, мелкие зверюшки в кустах — все это было новым для него. Несколько раз Лита одергивала его, когда он начинал слишком громко топать. Девушка пробиралась по лесу бесшумно, словно кошка.

Наконец они взобрались на холм и прошли по его гребню. С холма Лита показала ему на запад, где виднелись кособокие хижины деревни. Аллан Манн увидел мужчин и женщин, несколько детей играли на солнцепеке. Его очень заинтересовала эта деревня. Но Лита повела его в сторону.

Теперь лес вокруг них был настолько густым, что Аллан Наконец-то почувствовал себя в безопасности. Он уже достиг некоторого искусства в ходьбе. Но затем внезапно сбился с шага. У него из-под ног к ближайшему кусту метнулся кролик, ища в нем убежище. Лита с быстротой кошки метнула копье, и зверек упал.

Девушка подбежала и подняла его. Ее лицо светилось гордостью. Она сказала Аллану, что это будет их ужин. Аллан смотрел на нее, не веря своим ушам. Он испытывал такое же отвращение к ее поступку, как и их далекие предки к убийству. Но все же попытался ничем не выразить своих эмоций.

Достигнув небольшого овражка, Лита остановилась. Солнце садилось, и тьма уже опустилась на лес. Лита сказала ему, что они проведут здесь ночь. Она начала собирать ветки для двух шалашей.

Следуя ее указаниям, Аллан отламывал от деревьев ветки и укладывал их. Девушка несколько раз поправляла его, отчего он чувствовал себя ужасно неуклюжим. Когда они закончили, перед ними стояли два маленьких шалаша. Взглянув на эти жилища, сделанные практически из ничего,

Аллан в первый раз почувствовал уважение к своей спутнице.

Он наблюдал, как она, достав из-за пояса камень и кусок стали, разводила огонь. Вскоре разгорелся костер. Он был настолько маленьким, что, можно было не опасаться, что кто-то заметит их издалека.

Затем Лита спокойно освежевала кролика. Аллан наблюдал за ней полными ужаса глазами. Когда она закончила, то нанизала куски мяса на импровизированный вертел и начала жарить его.

Девушка предложила ему самому зажарить небольшой кусочек розового мяса.

— Я не смогу это есть, — быстро сказал он.

Лита посмотрела на него с улыбкой.

— Со мной было то же самое, когда я только попала сюда. Все из нас через это проходят.

— Через поедание плоти животных? — спросил Аллан. — Я никогда не сделаю этого.

— Сделаешь, когда сильно проголодаешься, — сказала спокойно девушка, продолжая жарить свой кусок.

Аллан смотрел, как она ела подрумяненное сочное мясо, и внезапно почувствовал, как сильно он голоден. Аллан ничего не ел с самого утра. Но эта пища совсем не походила на те блюда, которые подавались в Пищевом Распределителе.

Было уже слишком темно, чтобы пытаться найти ягоды. Аллан сел, наблюдая за девушкой. Запах жареного мяса, который поначалу вызывал у него отвращение, теперь уже не казался таким неприятным.

— Ну давай. «Поешь», — сказала ему Лита, протягивая один из румяных кусочков. — Не важно, как плохо это выглядит, но вполне разумно будет поесть, чтобы восстановить силы, не так ли?

Аллан кивнул. Действительно, вполне разумно поесть, когда это необходимо.

— Не думаю, что смогу сделать это, — тем не менее сказал он, поедая глазами мясо.

Наконец Аллан решился и осторожно откусил кусочек. При мысли, что у него во рту находится плоть другого живого существа, его желудок откликнулся острым спазмом. Но с усилием он заставил себя эту плоть проглотить.

Мясо было горячим и не казалось неприятным. А вкусом не напоминало ничего из того, что он когда-либо пробовал в Пищевом Распределителе. Неуверенно Аллан потянулся за вторым куском.

Из-под полузакрытых ресниц Лита с улыбкой наблюдала за ним. А он поглощал кусок за куском. Его челюсти болели от непривычной пищи, но желудок испытывал полное удовлетворение. Аллан так и не смог остановиться, пока не доел всего кролика. И даже более того, он тщательно обсосал все косточки.

Затем он взглянул на Литу. Она загадочно улыбалась. Аллан покраснел и опустил глаза. Его пальцы покрылись слоем жира.

— Вполне разумно было доесть все до конца, раз уж мы начали, — сказал он, оправдываясь.

— Тебе понравилось? — спросила девушка.

— А какое отношение имеет вкус к питательной ценности пищи?

Лита рассмеялась. Они затушили огонь и направились в шалаши на ночлег. Лита держала свое копье, а Аллан не расставался с дубиной.

Поначалу Аллан долго лежал в темноте своего шалаша. Ему было очень неудобно.

Он не мог не сравнивать это место со своей мягкой кроватью в городе № 72. Когда теперь он вернется туда? Когда?

Аллан сел, протирая глаза. Яркий солнечный свет пробивался через ветки. Он все-таки уснул на жестких ветках. И проспал всю ночь как убитый. Он выбрался наружу, разминая затекшие конечности.

Хотя солнце ярко светило, было еще только раннее утро. Второй шалаш оказался пустым. Литы нигде не было видно.

Аллан почувствовал внезапный приступ тревоги. Вдруг с ней что-нибудь случилось?

Он уже приготовился выкрикнуть ее имя, когда кусты раздвинулись, и из них появилась Лита. В ладошках она держала пригоршню красных ягод.

— Завтрак, — с улыбкой произнесла девушка.

Они поели.

— Что мы теперь будем делать? — спросил Аллан.

Лита нахмурилась.

— Я не осмелюсь вернуться в деревню, так как там может быть Хара. И ты теперь тоже не можешь пойти туда.

— А я и не хочу туда идти, — быстро запротестовал Аллан. У него не было никакого желания вновь встречаться с безрассудными, подобными Харе.

— Мы лучше продолжим двигаться в глубь острова, — сказала девушка. — Еще какое-то время нам стоит пожить в лесу.

Они отправились в путь. Девушка держала наготове копье, а Аллан свою дубину.

Мускулы Аллана вскоре адаптировались к необычным нагрузкам, и он стал более ловким. Он даже начал получать удовольствие от бега по лесу.

Они не слышали звуков погони и расслабились. Это оказалось ошибкой. Аллан Манн почувствовал это, когда получил сильный удар по руке и оказался лицом к лицу с двумя мужчинами.

Один из них бросил свою дубину в направлении Аллана. Второй же с поднятой над головой палицей попытался довершить то, что не вышло у его товарища. Аллан услышал испуганный крик Литы, когда, обезумев от гнева и боли, он

бросился на своих противников, яростно махая кулаками. Затем он внезапно понял, что один из мужчин уже не стоял возле него, а лежал на земле. Второй бежал в направлении своей брошенной дубины.

Копье Литы полетело в сторону бегущего человека, но она промахнулась. Но как только тот нагнулся за своим оружием, Аллан нанес ему оглушительный удар палкой.

Удар пришелся по ногам, и тот, упав на колени, быстро пополз в кусты.

— Хара, — кричал он. — Хара, они здесь.

Лита подбежала к пораженному Аллану.

— Ты не ранен? — кричала она. — Ты победил их обоих. Это было великолепно.

Но тут уверенность покинула Аллана, уступив место ужасу.

— Он приведет Хару и остальных, — крикнул Аллан. — Мы должны бежать...

Девушка подхватила свое копье, и они рванули в лес. Позади они слышали громкие голоса.

— Ты не должен бояться, если ты так хорошо дерешься, — радостно кричала Лита, когда они бежали через лес. Но Аллан покачал головой.

— Я не соображал, что делал. Это ужасное место с его дикостью, хаосом и безумием. Оно заставило меня действовать, как другие безрассудные. Если я когда-нибудь выберусь отсюда...

Громкие голоса приближались. Судя по шуму, их преследовало не меньше десяти человек.

Аллану показалось, что среди них он различил громоподобный голос Хары. При мысли об этом рыжеволосом гиганте Аллан покрылся холодным потом.

Лита и Аллан перебрались через еще один овраг и оказались на открытом пространстве пляжа. За ним синело море.

— Нас загнали на восточный конец острова, — воскликнул Аллан. — Мы не можем продвигаться дальше и не сумеем скрыться от них.

Лита остановилась. Ей в голову пришло внезапное решение.

— Ты можешь попытаться проскочить мимо них, — сказала Лита. — Я останусь здесь. Когда они увидят меня, то бросятся ко мне. Это даст тебе возможность прорваться.

— Но я не могу оставить тебя одну, — растерянно произнес Аллан.

— Почему нет? Для тебя будет неразумным остаться здесь и встретиться с Харой, не так ли? Ты знаешь, что он с тобой сделает?

Аллан озадаченно покачал головой.

— Нет, это будет неразумно. Но даже если это неразумно, я не хочу уходить.

— Убегай быстрее, — кричала Лита, толкая его в лес. — Они будут здесь через минуту.

Неохотно Аллан Манн сделал шаг в направлении леса и вошел в кусты. Он остановился и посмотрел назад, туда, где стояла Лита. Теперь он слышал треск кустов, что означало близость преследователей.

Аллан стоял в нерешительности. Какой-то изъян имелся в его рассуждениях. Но какой? Он не мог найти никакого разумного объяснения своему поведению. Ведь до сегодняшнего дня он никогда не видел этой девушки. К тому же она безрассудная с пожизненным сроком, и, казалось, для него абсолютно нелогично продолжать вмешиваться в ее дела и защищать от Хары. Это было, бесспорно, но... Но он продолжал стоять.

Громадный мужчина вынырнул из кустов рядом с Алланом, и победный рык потряс воздух, когда он увидел Литу. Прежде чем девушка успела увернуться от него, он схватил ее за руку и вырвал у нее копье. В следующую минуту весь здравый смысл был забыт Алланом. Мозг захлестнула безумная волна ярости, и с диким криком он выскочил на берег.

— Отпусти ее! — крикнул он, угрожая Харе дубиной.

Гигант повернулся, выпуская девушку, и с такой силой парировал удар Аллана, что его дубинка разлетелась на кусочки, которые упали на песок.

— Так это опять ты?! — рявкнул Хара. Он бросил свою дубину и сжал в боевой готовности кулаки.

— Хорошо, давай—ка посмотрим, как ты выкрутишься на этот раз.

Аллан почувствовал, как какая-то неведомая сила подняла его на ноги и бросила на Хару. Сквозь кровавый туман он видел жестокое лицо гиганта. Внезапно оно дернулось, и боль в руке подтвердила, что его удар достиг цели. Хара взвыл и яростно размахнулся. Аллан почувствовал тошноту от сильного удара и упал на песок. Из его рта потекло что-то теплое. Но он вскочил на ноги и вновь бросился на Хару, колотя беспрерывно своими кулаками по рыжему лицу.

Он почувствовал сильную боль в груди, и почва вновь ушла у него из-под ног. Пляж, море, небо — все поплыло перед глазами.

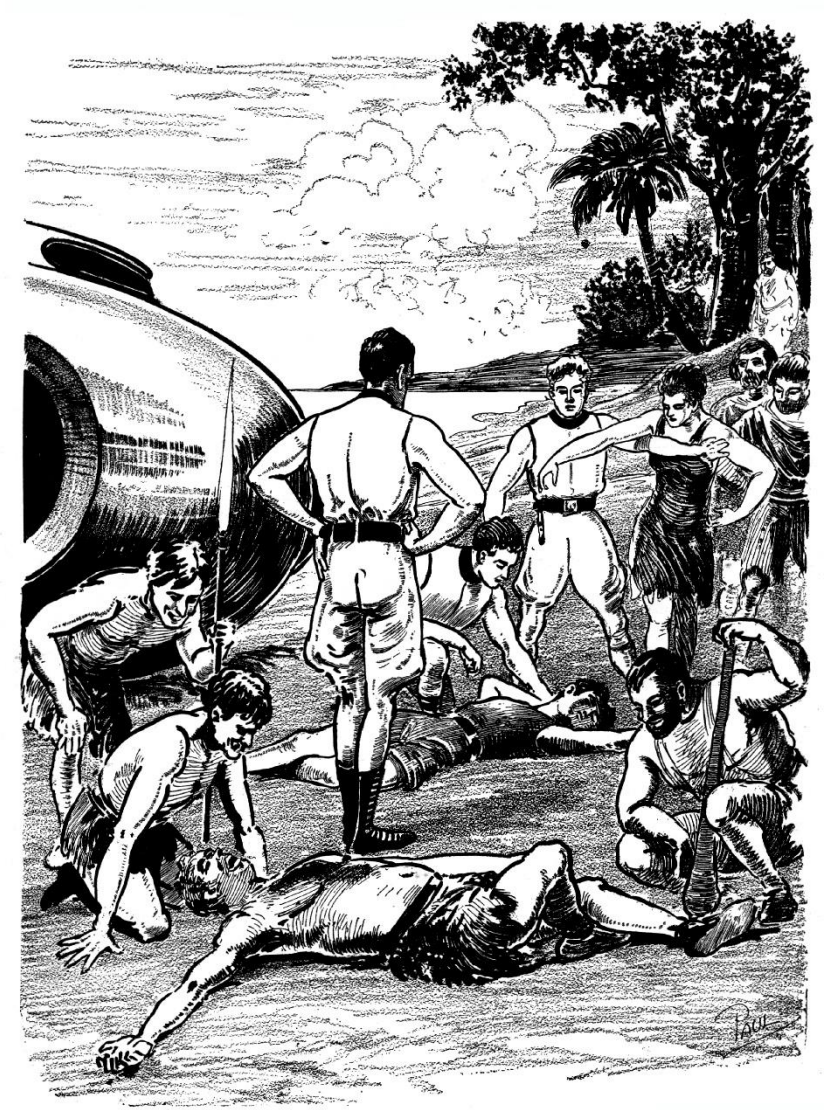
Почти сразу же, придя в себя, он увидел нависшее над собой широкое лицо Хары, который продолжал наносить ему яростные удары. В стороне улюлюкали его спутники, толпившиеся вокруг вспаханной ногами песчаной площадки. Аллан снова оказался на земле, но вновь вскочил, продолжая яростно отбиваться.

Он бил вслепую в красный туман, в котором плавало ненавистное лицо рыжеволосого громилы Он не мог четко видеть, но ему показалось, что лицо его противника тоже было в крови.

Тяжелый удар по голове бросил Аллана на колени, но он заставил себя подняться и вновь выкинул сжатые в кулаках руки вперед. Теперь глаза Хары выражали удивление, перемешанное с гневом. Он отступал под яростными ударами Аллана.

Чувствуя, что силы покидают его, он всем своим телом рванулся вперед, держа кулаки на уровне пояса. На него посыпались сокрушительные удары, но в следующую секунду

он заметил, что Хара с посеревшим лицом заваливается на бок. А спустя мгновение уже Аллан увидел, как яркий песок рванулся ему навстречу. Мужчины что-то кричали. И теряя сознание, ему показалось, что среди их криков он различил голос Литы.



Он чувствовал, как ее руки гладят его, убирают что-то с его лица. Руки Литы...

Руки внезапно стали большими и грубыми. Аллан открыл глаза, но Литы не было. Над ним нависло лицо одетого во все белое охранника.

Аллан огляделся. Не было больше ни пляжа, ни леса, только металлическая внутренняя оболочка флайера вокруг. Он видел пилота и слышал рев двигателей.

— Ну, пришел в себя? — спросил охранник. — Ты был в отключке полчаса.

— Но где? Как... — с трудом пытался выговаривать Аллан.

— Ты не помнишь? Не удивительно. Когда мы подлетели, ты как раз отключился. Срок твоего заключения был всего лишь один день. Мы прилетели за тобой, когда увидели, что у тебя неприятности с одним из безрассудных. Мы подобрали тебя и отправились назад и сейчас уже подлетаем к городу № 72.

Аллан Манн беспокойно сел.

— Но Лита? Где Лита?

Охранник удивленно посмотрел на него.

— Ты имеешь в виду ту безрассудную, которая была на пляже? Она осталась там. Она же пожизненная. Когда мы забирали тебя, она подняла ужасный скандал.

— Но я не хочу оставлять ее там! — кричал Аллан. — Я говорю вам, я не хочу оставлять ее.

— Не хочешь оставлять ее? — повторил удивленный охранник. — Слушай, ты опять ведешь себя нелогично. Если будешь продолжать в том же духе, то получишь новый срок ссылки, и на этот раз он будет больше, чем один день.

Аллан хитро посмотрел на него.

— Вы хотите сказать, что, если я буду вести себя неразумно, меня снова отправят на остров? На всю жизнь?

— Вот именно. На этот раз тебе повезло, что ты отделался одним днем.

Аллан Манн больше не проронил ни одного слова, пока не оказался перед лицом Управляющего.

Тот посмотрел на его покрытое синяками лицо и с улыбкой произнес:

— Я вижу, что даже один день, проведенный на острове безрассудных, позволил вам хорошо понять, что такое жить не по законам здравого смысла.

— Да, — ответил Аллан.

— Я рад, — продолжал Управляющий. — Теперь, надеюсь, вы понимаете, что единственной причиной, заставившей меня послать вас туда, стало мое желание излечить вас от тенденций к безрассудству.

Аллан спокойно кивнул.

— С моей стороны, было бы безрассудным препятствовать вашим попыткам помочь мне, не так ли?

Управляющий довольно улыбнулся.

— Именно так, мой мальчик, это безусловно оказалось бы пределом безрассудства.

— Да, — ответил Аллан тем же самым спокойным голосом. Затем его кулак с хрустом врезался в подбородок Управляющего.

Охрана демонстрировала полное отсутствие симпатии, когда флайер во второй раз нес Аллана Манна на остров.

— Сам виноват, что получил пожизненное, — сказал охранник. — Где это видано, чтобы человек совершил подобное безумие? Отправить в нокаут Управляющего городом?

Но Аллан молчал, с нетерпением смотря вперед.

— Вот он, остров, — наконец воскликнул он.

— Ты что, рад вернуться сюда? — с отвращением спросил охранник. — Из всех безрассудных ты самый безнадежный.

Флайер плавно опустился на песок и замер в лучах полуденного солнца. Аллан выпрыгнул и понесся по пляжу. Он не слышал, что кричали ему вслед охранники. Не видел, как флайер поднялся и улетел.

Аллан бежал через лес в направлении западной части острова.

Через несколько минут он выбежал к деревне. На ее окраине стояло множество людей, и в следующее мгновение из этой толпы выступила хрупкая фигура. Лита.

Аллан подбежал к ней, и ему показалось вполне разумным заключить ее в свои крепкие объятия.

— Они же забрали тебя этим утром? — неожиданно расплакалась девушка. — Я думала, что никогда тебя уже не увижу.

— Я вернулся навсегда, — сказал Аллан. — Теперь я пожизненный, — добавил он с гордостью.

— Ты пожизненный?

Аллан кратко поведал ей о том, что произошло.

— Теперь я здесь навсегда. Да мне здесь и больше нравится, — закончил он.

— Так, значит, ты вернулся, — раздался рядом грохочущий голос Хары. Аллан резко повернулся, издав угрожающее рычание.

Но Хара добродушно улыбнулся и протянул Аллану руку.

— Я рад, что ты вернулся. Ты первый человек, кто смог отправить меня в нокаут. Ты мне нравишься.

Аллан удивленно уставился на него.

— Но именно по этой причине я и не могу тебе нравиться. Это нелогично...

Дружный хохот собравшихся вокруг мужчин и женщин прервал его на полуслове.

— Не забывай, что ты живешь на Острове Безрассудства, приятель, — улыбнулся Хара.

— Но Лита? Ты не получишь ее...

— Успокойся, — снова улыбнулся рыжеволосый гигант. Он кивнул, из кустов вышла бойкая блондинка и направилась к нему.

— Посмотри, кого они сюда доставили, пока ты отсутствовал. Она тоже пожизненная. Когда я ее увидел, то сразу же забыл о Лите. Клянусь, дорогая.

— Тебе же лучше, если это так, — ответила она. Затем улыбнулась Аллану. — Сегодня вечером мы собираемся пожениться.

— Пожениться? — переспросил Аллан.

Хара кивнул.

— Согласно древнему обряду, которого мы здесь придерживаемся. У нас есть здесь религиозный проповедник, когда-то тоже сосланный на остров. Ведь религия — это тоже безрассудство. Он-то и совершает эти обряды.

Аллан Манн посмотрел на девушку, которую обнимал. Ему в голову пришла неожиданная мысль.

— Лита, тогда ты и я...

В этот вечер после двойной свадьбы, отмеченной шумным застольем, Аллан с Литой и Хара со своей женой сидели на берегу и любовались тем, как последние отблески заката угасают в темном небе.

— Однажды, — сказал Хара, — когда нас, безрассудных, станет больше, мы вернемся, завоюем весь мир и снова сделаем его безрассудным... и человечным.

— Однажды, — повторил Аллан.

Идущие на посадку звездолеты мы с венерианцем Хургом заметили одновременно.

— А вот и наши коллеги, — сказал я.

Хург кивнул.

— Да, Лоннат. И первый наверняка Толарг с Плутона, за ним — Мурдат Уранит и Зиннор Марсианин.

— А последний — Руннал с Земли, — добавил я. — Жители Солнечной системы скоро узнают, что решит Совет. Примет он план или нет.

— Большинство из них молятся, чтобы план был принят, — сказал Хург. — Если бы не Вальд с Юпитера и твой враг Толарг, я был бы уверен, что все пройдет гладко, но так как...

Внезапно Хург прервал свою речь и погрузился в задумчивое молчание. Я тоже помалкивал, занятый своими мыслями. Мы стояли в полной тишине и смотрели в окно. Панорама, раскинувшаяся перед нами, могла заставить призадуматься любого.

Мы смотрели на купола из стекла и металла, которые покрывали теперь весь Меркурий. Множество флайеров, оснащенных атомными двигателями, кружили над городом, поднимаясь или опускаясь на взлетно-посадочные площадки, оборудованные на крышах зданий. На заваленных снегом улицах не было видно ни одного человека. Уже давным-давно Меркурий стал слишком холодным для жизни на открытом воздухе.

Меркурий холодный? Самая близкая к звездному светилу планета, которая когда-то пылала, как раскаленная печь? Но это было несколько тысячелетий назад, когда Солнце еще было горячим и желтым и находилось в самом расцвете своего жизненного цикла. То, которое висело сейчас в серых облаках Меркурия, уже не то Солнце. Нет! Солнце над нами казалось огромным мрачным кроваво—

красным диском. Стареющая звезда, дающая так мало тепла и света.

Да, наше светило умирало. Оно больше не давало ни тепла, ни света своим девяти планетам. И на других восьми было еще холоднее, чем на Меркурии. Давным-давно люди оторвались от Земли и отправились к другим мирам. Они заселили все девять планет от Меркурия до Плутона. Их межпланетные корабли теперь с легкостью преодолевали пространство между мирами, а вся система управлялась Советом Девяти, в котором каждый член являлся главой одной из девяти планет.

Человеческая цивилизация в Солнечной системе существовала многие века, и казалось, что ничто не может нарушить размеренного хода ее жизни. Но пришла самая ужасная беда, какую только можно было себе представить. Солнце начало остывать. Оно шло по пути, который проходит каждая звезда, когда заканчивается ее жизненный цикл. И по мере того, как наше светило остывало, его планеты становились все холоднее и холоднее. Их население было вынуждено прятаться в городах с искусственно отапливаемыми зданиями и передвигаться по улицам в закрытых флайерах. Но Солнце продолжало остывать. И люди поняли, что в ближайшем будущем оно погаснет совсем, и жизнь станет невозможной в чудовищном холоде.

Совет Девяти рассмотрел это положение. Джулуд с Сатурна, старейший член Совета и его председатель, созвал ученых Солнечной системы, чтобы они попытались найти способ спасти человечество. Предлагалось много вариантов, по каждому из которых велись ожесточенные споры. Но в конце концов был выбран один проект, колоссальный по своему размаху, но единственно возможный в данной ситуации. Ученые разработали его во всех деталях. Сегодня мы, члены Совета, собрались, чтобы проголосовать «за» или «против» этого проекта. И я, Лоннат с Меркурия, предполагал отдать свой голос в его поддержку, так же, как и мой

друг Хург, и большинство членов Совета. Но один или двое сомневались.

Сейчас Хург смотрел на огромное темно—красное Солнце, зависшее над горизонтом. В сером небе вокруг него мерцали яркие точки ближайших звезд, которые теперь были видны даже днем.

— У нас есть единственный выход, — прервав молчание, заговорил я. — Если бы только все члены Совета могли понять это!

— Они должны, — воскликнул Хург. — Сейчас мы должны забыть о наших «личных» мирах и думать только о всех девяти вместе.

— Боюсь, мы не сможем этого сделать, пока среди нас такие, как Толарг и Вальд, — сказал я. — Ну хватит об этом. Вот идут остальные.

Они входили в круглую с металлическими стенами палату Совета, где мы двое ожидали их. Члены Совета были одеты подобно нам с Хургом: в туники без рукавов и шорты по колено. У каждого на плече был вышит герб его планеты.

Джулуд и Руннал первыми подошли к нам. Джулуд, наш председатель, был худым седовласым стариком с благородным лицом. Руннал казался его прямой противоположностью. Высокий, молодой, сильный. В его серых глазах блестели искорки юмора, характерного для жителей Земли.

— Итак, Хург прибыл раньше всех, — с улыбкой произнес Джулуд в ответ на наше приветствие и добавил: — Я задержался на Сатурне, обсуждая с нашими учеными детали плана.

— Они все проверили? — спросил я.

Джулуд кивнул.

— Да, наши ученые подтвердили еще раз, что этот план великолепно нам подходит.

— То же самое у нас, — сказал Руннал.

Зиннор и Вальд присоединились к нам, и огромный, массивный Вальд покачал головой.

— Наши ученые говорят то же самое, — заявил он. — Но все равно, я бы не решился рисковать моим миром ради этой всего лишь теоретической программы.

— Почему бы не рискнуть? — резко спросил его Зиннор. — Нам всем тоже придется рисковать своими мирами.

— Да, но как представитель самой крупной планеты... — говорил Вальд, растягивая слова.

В этот момент Хург толкнул меня.

— Вон идет твой друг — Толарг.

Толарг подошел к нашей группе с вызывающим видом. С ним рядом шагали Мурдат с Урана и Нолл с Нептуна. При виде меня, его лицо исказилось в насмешливой гримасе.

— Ну, Лоннат, — приветствовал он меня, — вот мы все опять собрались на твоей игрушечной планете, настолько маленькой, что она едва вмещает нас девятерых.

Я был готов сорваться, когда внезапно вмешался Руннал:

— Дело не в размерах, — сказал он. — Моя родная Земля ненамного больше Меркурия. Но я не думаю, что есть еще какая-нибудь другая планета в Солнечной системе, превосходящая ее по своей важности, — гордо добавил он.

— Я никого не хотел обидеть, — ответил Толарг, но его насмешливая улыбка говорила совсем об обратном. — Честно говоря, Меркурий мне даже нравится. Он напоминает мне спутники моей родной планеты.

Я с усилием взял себя в руки и заставил промолчать, видя, что Мурдат и Нолл смеются.

— Мне кажется, — произнес Джулуд, — раз уж мы все в сборе, то, чем раньше начнем, тем лучше.

Зиннор нетерпеливо согласился.

— Я не для того проделал долгий путь с Марса, чтобы выслушивать колкости Толарга, — сказал он. На что в ответ получил мрачный взгляд.

Мы заняли свои места.

Джулуд взглянул на всех с высоты председательского кресла. В его руках была стопка документов. Спокойным голосом он обратился к нам:

— Мне нет смысла повторять, зачем мы здесь собрались. Сегодня мы должны принять самое ответственное решение, которое когда-либо выпадало на долю человеческой расы.

Наше Солнце умирает. Нашим девяти планетам грозит гибель от ужасного холода. И если мы что-то не предпримем в ближайшее время, то все живое закончит свое существование. Мы не можем возродить наше умирающее Солнце. Его кончина уже предопределена. Но там, в космосе есть и другие солнца. Многие из них молоды, горячи и полны жизни. Если наши девять миров перенесутся к одному из этих более молодых и горячих солнц, мы сможем надеяться на долгие века существования человеческой расы.

Поступило предложение — отправиться в дальний космос к одному из таких солнц. Наши девять планет, подобно девяти кораблям, сойдут со своих орбит и устремятся на поиски нового светила. Это будет беспрецедентная миграция в истории человеческой цивилизации.

Предложенный план имеет под собой научную основу. Миры способны устремиться в космос с помощью их же собственной энергии. Наши космолеты, как вы знаете, перемещаются в пространстве с помощью энергии реактивных двигателей, которые, направляя ее поток назад, толкают корабли вперед. Этот принцип возможно применить в более широком масштабе. Если мы снабдим наши планеты огромными атомными двигателями, которые смогут выработать энергию невероятной мощности, то сможем сорвать их с орбит и повести через космос.

Наши миры таким образом смогут двигаться в пространстве в любом направлении. Они станут огромными космическими кораблями. И подобно космическим кораблям, в каждом мире будет свой центр управления, из которого станет возможным корректировать движение планеты.

Наши миры сорвутся со своих орбит и отправятся в открытый космос огромной цепью. Планеты, у которых есть спутники, возьмут их, конечно же, с собой, Все девять планет отправятся к ближайшему солнцу, которым является

желтая звезда Нугат. Всего лишь несколько месяцев уйдет на то, чтобы достигнуть Нугата, так как сегодня наше Солнце намного ближе к другим звездам, чем это было раньше.

Если Нугат подойдет нам, то наши миры встанут на орбиты вокруг него. Если нет, они полетят дальше, к следующей звезде Антолу или Митаку, Валацу или Вире. А может, и еще дальше. Они будут путешествовать в космосе до тех пор, пока не найдут подходящее солнце, а когда найдут, то остановятся и станут его планетами.

Конечно же, во время путешествия по космическому пространству наши миры не будут получать ни тепла, ни света. Но в этот период мы сможем жить в наших куполообразных городах, используя искусственное отопление и свет. И хотя в абсолютном холоде дальнего космоса атмосфера наших миров остынет, должны быть проведены приготовления, которые обеспечат население планет искусственным воздухом. Во время этого великого путешествия нас ждут большие трудности. Но мы можем с ними справиться.

Вот тот план, за который мы должны сегодня проголосовать. Каждая его деталь была несколько раз проверена и перепроверена учеными наших миров. План был признан выполнимым. Если мы примем его, то работы по оснащению наших миров реактивными атомными двигателями начнутся немедленно. Если нет, то придется искать другой вариант. Есть ли у кого вопросы?

Когда Джулуд замолчал, поднялся Мурдат с Урана. Выражение его лица было возбужденным.

— Я хотел бы представить себе всю процедуру более подробно. Каким образом наши планеты оторвутся от Солнца и отправятся в космос?

— И я тоже, — подхватил Нолл с Нептуна. — В каком порядке наши миры начнут свое движение?

Джулуд сверился с документами, которые держал в руках.

— Согласно плану, — произнес он, — Плутон, наша самая крайняя планета, отправится первой. За ней Нептун, Уран и все остальные. Замыкать цепочку будет Меркурий. Это значит, что, действуя таким образом, крайние планеты освободят путь идущим за ними, что даст нам возможность избежать столкновений.

В космическом пространстве планеты будут двигаться в том же порядке: первый — Плутон, последний — Меркурий. Когда мы найдем подходящее солнце, то займем возле него те же самые орбиты, как и здесь.

Поднялся Толарг с Плутона.

— А зачем нам брать с собой этот маленький мирок Меркурий? Мы можем взять его жителей на одну из других планет и избавиться от лишних хлопот.

— Ты не можешь оставить Меркурий. Неважно, что он мал. Он имеет такое же значение, как и Плутон или любая другая планета, — воскликнул я.

— Лоннат прав, — поддержал меня Хург с Венеры. — Когда Плутон был всего лишь горой льда, на Меркурии уже кипели жизнью города.

— Хватит, — сказал Джулуд властным тоном. — Толарг, твое предложение не подлежит обсуждению. Ни Меркурий, ни любая другая планета не будут оставлены, когда мы отправимся в путь. Если отправимся.

— А как же Юпитер? — возбужденно спросил Вальд. — Юпитер больше, чем все ваши миры. Он подвергается большему риску.

Джулуд покачал головой.

— Если расчеты наших ученых верны, то ваш мир рискует не больше, чем все остальные.

Зависла пауза, а затем Джулуд обратился ко всем нам. Он едва скрывал дрожь в голосе.

— Если больше ни у кого нет вопросов, настало время принять решение. Жители девяти миров ждут результатов нашего голосования. Так что хорошо подумайте, прежде чем отдать свой голос «за» или «против». Если вы

проголосуете «против», то мы останемся у родного умирающего Солнца, и с его смертью смерть настигнет все наши миры. Но возможно, наши ученые найдут какой-то способ продлить жизнь немного дольше.

Если вы проголосуете «за», то подвергнете наши миры огромному риску, так как, несмотря на все расчеты ученых, он все равно остается. Наши миры отправятся в грандиозное и опасное путешествие в звездную даль. Это путешествие будет означать либо скорую гибель, либо долгую жизнь возле нового солнца, которое станет согревать и освещать наши миры. У человечества вновь появится будущее. Вы знаете план. Теперь голосуйте.

С этими словами Джулуд с Сатурна поднял вверх правую руку в знак того, что голосует «за». Руки Хурга, Зиннора и моя взлетели вверх практически в тот же момент. Более медленно и задумчиво подняли свои Руннал с Земли и Нолл с Нептуна. За ними последовал и Мурдат с Урана. Остались только Толарг с Плутона и Вальд с Юпитера. Но вот и Толарг не спеша поднял руку. Остался один Вальд.

Мы напряженно ждали. Всего один голос мог погубить наш план. Затем зал разразился громом криков, когда Вальд медленно, неохотно все же поднял руку. С криком радости мы все вскочили на ноги.

Джулуд наклонился вперед и торжественно произнес:

— Мы сделали выбор. И теперь поставили на карту жизнь человечества на всех девяти планетах. Пути назад нет. Как только завершатся приготовления, наши миры отправятся в открытый космос в великое путешествие в поисках нового солнца.

В одной из секций экрана моего многоканального телемонитора показалось лицо Толарга. Он говорил из центра управления своей планетой.

— Все готово, — сообщил он. — Через пять минут стартуем.

Возбужденное лицо Джулуда появилось в другой секции экрана.

— Ты должен быть уверен, что старт произойдет в точно рассчитанный момент, чтобы наши миры начали движение в установленном порядке.

— Не бойся, — ответил Толарг уверенно. Затем он, должно быть, увидел меня на своем экране, так как кивнул мне с усмешкой.

— Прощай, Лоннат, не забудь захватить в путь вместе с нами свою маленькую планетку.

Он засмеялся, и засмеялись все вокруг него. Я хотел ответить колкостью, но сдержался.

Я стоял в круглой комнате на вершине башни, где находился центр управления. На каждой из девяти планет были построены такие. В них находилось оборудование, контролирующее и управляющее атомными двигателями. Гигантские двигатели были уже смонтированы. И теперь каждый из нас, девяти членов Совета, от Толарга на Плутоне до меня на Меркурии, был готов к старту. Ученые, разработавшие этот проект, находились с нами в центрах управления. Пришло время отправлять наши планеты в космос.

Вокруг меня располагалось огромное количество пультов, с помощью которых осуществлялось управление атомными двигателями. В комнате также находилось множество инструментов, необходимых для движения наших миров через космос: телескопы, спектроскопы и другое астрономическое оборудование. В центре расположился огромный телеэкран, разделенный на восемь секций, каждая из которых давала изображение центра управления на других планетах.

В различных секциях я мог видеть Толарга и его помощников, стоявших у пульта управления, Нолла и Мурдата в башнях на Нептуне и Уране, готовых последовать за Толаргом. Джулуд нервно ожидал старта первой планеты. Выражение лица Вальда с Юпитера было напряженным. Со сдвинутыми бровями он наблюдал за подготовкой к старту. Зиннор с Марса и Руннал с Земли тоже проявляли нетерпение.

А Хург улыбался мне со своей башни на Венере. С помощью этого экрана мы могли связываться друг с другом во время полета, не используя корабли.

На Плутоне Толларг пристально смотрел на табло отсчета времени. Через несколько минут его планета отправится вдаль от Солнца, начав великую миграцию девяти миров. Никто из нас не мог расслабиться. Нас не покидало напряжение, рожденное тяжелой напряженной работой нескольких последних месяцев.

Самым трудным делом оказалась установка атомных двигателей. Лишь благодаря общим усилиям жителей наших планет удалось сделать это в короткие сроки. Огромные ямы в несколько миль в ширину и в глубину были вырыты на каждой планете в трех местах вокруг экватора. Эти ямы были выложены металлом и представляли собой огромные трубы, погребенные в чреве планеты. На дне каждой находился аппарат, разрушающий внутриатомные связи, который разрывал атомы вещества на потоки электронов и протонов, выстреливающихся из огромной трубы с невероятной силой. Используя три подобных двигателя, можно было передвинуть планету в любом направлении.

Кроме того, за это время было сделано все, чтобы люди смогли выжить в безвоздушном пространстве. Это оказалось куда более простой задачей, потому что наши люди уже успели привыкнуть к морозам и отсутствию света. Они смогут жить в своих закрытых куполами отапливаемых городах. Каждый дом был снабжен специальной воздушной системой, так как предполагалось, что во время путешествия холод будет настолько сильным, что атмосферы наших миров сгустятся и превратятся в лед.

Теперь же приготовления были завершены. Великий момент наступил. Все ждали, когда Плутон, первая из девяти планет, отправится в это рискованное и величественное путешествие.

Я стоял и смотрел на телеэкран с табло отсчета времени, наблюдая за мелькающими цифрами, все приближавшими

и приближавшими момент, когда Плутон должен будет начать свой полет. На экране я видел Хурга и всех остальных в таком же тревожном ожидании.

Затем один из ученых в башне на Плутоне сказал, обращаясь к Толаргу, одно—единственное слово:

— Старт.

Толарг быстро вдавил на пульте управления шесть клавиш, и башня на Плутоне яростно задрожала.

— Мы двинулись! — крикнул он.

Я мгновенно подбежал к одному из телескопов и посмотрел на Плутон. Отсюда, с края Солнечной системы эта планета казалась маленьким коричневым шаром. Поначалу не происходило ничего. Сказывалось огромное расстояние и ограничительный фактор распространения световых волн с определенной скоростью. Но вот из этого шара вырвались лучи огня. Это с регулярной последовательностью атомные двигатели выплескивали в космос энергию распада ядер вещества. Маленькая планета начала потихоньку покидать свою орбиту и удаляться в глубину великого космоса, где горели мириады далеких звезд.

Меня охватило благоговение. Было что-то величественное в полете этой планеты, которая двигалась в космосе посредством своей собственной силы. Наблюдая в телескоп, я видел, как она уходит все дальше и дальше от своей привычной орбиты, вздрагивая от каждого выстрела атомного двигателя. Там, далеко в космосе светила маленькая желтая звездочка Нугат, наша первая цель. Все быстрее и быстрее двигался Плутон в ее направлении, вдаль от нашего Солнца и оставшихся восьми планет.

— Следующий Нептун, — раздался с телеэкрана голос Джулуда. — У тебя все готово, Нолл?

— Мы стартуем через две минуты, — спокойно ответил тот.

Джулуд кивнул.

— Будьте осторожны, не подходите к Плутону слишком близко, чтобы ваши спутники—луны не столкнулись с ним.

Нолл спокойно кивнул. Мы все ждали. И затем, когда прошли две минуты, я снова приник к телескопу.

Когда момент настал, я увидел стрелы огня, вырывающиеся из маленькой зеленой сферы. Нептун, быстро набирая скорость, направлялся за Плутоном. Я видел, что луна Нептуна — Тритон — двигалась вместе со своей планетой, продолжая вращаться вокруг нее, как и прежде.

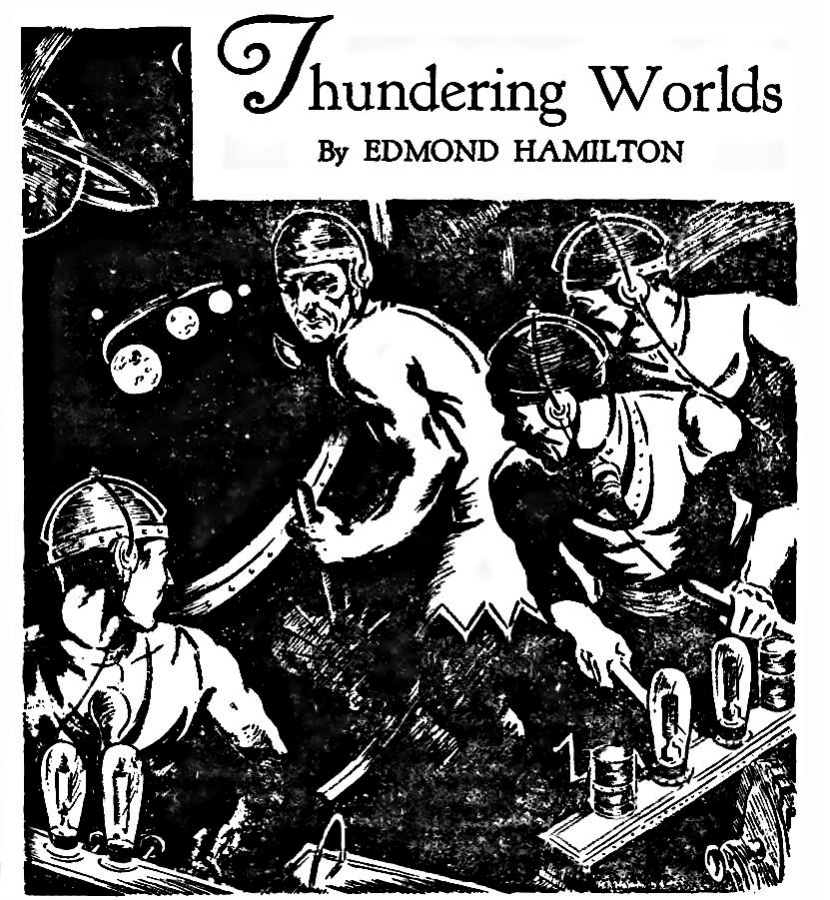
Для всех нас это стало большим облегчением. Многие, особенно те, чьи планеты имели спутники, сомневались, последуют ли они за нами. Но опасения оказались напрасными. Тритон не отставал от Нептуна. И теперь Плутон и Нептун двигались один за другим в направлении желтой звезды Нугат.

Затем настала очередь Урана. Мурдат подождал, пока Плутон и Нептун удалятся на достаточное расстояние, и последовал за ними. Старт Урана был великолепным зрелищем. Бледно-зеленая планета сорвалась с орбиты вместе с четырьмя спутниками, которые так и продолжали вращаться вокруг нее. Мурдат направил свой мир прямо за Нептуном.

Настала очередь Сатурна, планеты нашего председателя Джулуда. Из-за огромных колец на Сатурне пришлось установить несколько дополнительных двигателей. Но вот и Джулуд направил свою планету вслед за тремя другими, выравнивая ее двойными залпами. Вторая самая большая планета сдвинулась с места и вместе со своими кольцами и десятью спутниками отправилась за Плутоном, Нептуном и Ураном.

Теперь уже четыре планеты были в пути, двигаясь цепью через пространство. Наступал самый рискованный момент — старт Юпитера. Юпитер, царь Солнечной системы, был так огромен, что требовались поистине титанические усилия для того, чтобы сдвинуть его с места.

Мы напряглись, наблюдая, как Вальд отправляет в путь свой гигантский мир. Мощные столбы огня взметнулись в



высоту из тела планеты. Сначала казалось, что она не сдвинулась с места. Не так—то легко было вырвать из лап притяжения Солнца могучую массу Юпитера. Снова и снова выстреливали атомные двигатели, пока Наконец-то медленно и неторопливо огромный мир и его девять спутников не начали сходить со своей орбиты.

Двигатели продолжали работать, выплескивая невероятные потоки энергии. Наконец Юпитер достиг скорости, равной скоростям других четырех миров, и последовал за ними. Мы все вздохнули с облегчением. Четыре оставшиеся планеты были сравнительно небольшими.

Марс, мир Зиннора, был следующим. Вспыльчивый марсианин проявлял нетерпение. Наконец, когда пришло время стартовать, его планета вместе со своими двумя маленькими спутниками понеслась с огромной скоростью. Двигатели работали на полную мощность и маленький красный шарик спешил вслед за огромным полосатым Юпитером, словно его спутник, пытающийся воссоединиться со своей родной планетой. Подобное сравнение всегда вызывало у Зиннора гнев.

Плутон, Нептун, Уран, Юпитер и Марс были в пути. Настала очередь Земли. Руннал уже пустил Землю вслед за остальными. И теперь его мир с единственной луной следовал за Марсом. У всех нас словно комок к горлу подступил. Что-то странное почувствовали мы все, увидев, как Земля покидает Солнце.

Земля, родина человеческой расы, всегда занимала особое место в наших сердцах. Даже те из нас, чьи далекие предки родились на Плутоне, Сатурне или иных мирах несколько тысячелетий назад, впервые попадая на Землю, чувствовали, что возвратились домой. Седая планета с ее красавицей луной была для нас больше, чем один из девяти миров. И наблюдая сейчас за тем, как она улетает все дальше и дальше, мы испытывали сложные чувства.

Теперь остались только Венера и мой мир Меркурий.

Пришло время стартовать Венере.

— До свидания, Лоннат, — сказал Хург с телеэкрана. — Вот и мой мир отправляется в путь.

— А затем мой, — сказал я с улыбкой, — хвост процессии, так сказать.

— Да, самое подходящее место для самого маленького мира, не так ли, — усмехнулся Хург.

В телескоп я увидел огонь атомных взрывов, вырвавшийся с туманной планеты Хурга. Венера отправилась в путь. Я смотрел, как она, набирая скорость, двигалась вслед за другими, прочь от Солнца. Двигалась за великой цепью миров, плывущих ровным строем через космос.

Теперь из всех миров остался только Меркурий. Маленький Меркурий, так близко приникший к умирающему Солнцу, словно не принимающий саму мысль о том, что его надо покинуть. Последний из его детей был готов уйти. Когда я подошел к пульту управления, готовый отправить мою планету вслед за другими, чувство одиночества и подавленности охватило меня.

Я положил руки на пульт, слушая, как таймер отбивает секунды. Рядом со мной мои помощники были готовы привести в движение другие переключатели и навигационные инструменты. Чрезвычайная ответственность моей должности, власть, дающая мне право повести мой мир через космос, давила на меня. Усилием воли я заставил себя оставаться спокойным. Когда таймер остановился, я нажал на клавишу старта.

Внезапно контрольная навигационная башня, вся планета содрогнулись в конвульсиях, и затем до наших ушей донесся гул атомных двигателей, бросающих энергию нашего мира в сторону Солнца. Звездные небеса разверзлись и пропустили Меркурий. Я повернул другой переключатель, запустив еще один атомный двигатель, который и сорвал нас с орбиты. С напряжением я наблюдал, как Меркурий все быстрее и быстрее летит вслед за другими мирами.

Планету постоянно трясло и качало. Впереди меня двигалась колонна из восьми других космических странников. Восемь великих миров во главе с Плутоном неслись через космос вместе с преданными им спутниками. Когда Меркурий присоединился к ним, свет померк на его поверхности, резко понизилась температура.

Я взглянул назад на Солнце, которое мы покидали. Оно оставалось там — темно-бордовое, старое, слабеющее, умирающее, одинокое. Девять планет, которые много тысячелетий назад были рождены под ним, теперь покидали его. И когда Меркурий, последний из всех, оставил его, трогательность этого момента болью пронзила мое сердце.

Мы покидали тот мир, где человечеству было положено начало, где оно выросло и достигло своего расцвета. Я протянул руку в направлении этого все уменьшающегося светила:

— Прощай, Солнце. Прощай навсегда.

— Джулуд обратился ко мне с телеэкрана:

— Толарг сообщает, что Плутон находится в десяти миллиардах миль от звезды Нугат, Лоннат.

— Это хорошо, — воскликнул я. — Значит, скоро конец пути.

— А вдруг она покажется нам не совсем подходящей?

С другой секции телеэкрана раздался голос Хурга:

— Что касается меня, то мне все равно, когда мы ее достигнем. Я устал от этого путешествия, и для меня не имеет значения, что думают остальные.

Джулуд улыбнулся.

— Я думаю, мы все будем рады, когда это путешествие закончится. И если Нугат подойдет нам, а мы надеемся, что подойдет, наш путь закончится там. Ученые сообщают, что это солнце молодое и горячее. Они также говорят, что оно имеет две планеты и какие-то странные радиационные линии в своем спектре.

— Ты собираешься послать вперед корабли-разведчики, прежде чем мы достигнем его, не так ли? — спросил я.

Джулуд кивнул.

— Да, когда мы подойдем немного ближе, отряд кораблей—разведчиков вылетит вперед узнать, что представляет из себя это солнце.

Джулуд и Хург исчезли с телеэкрана. Я повернулся и взглянул в окно-иллюминатор навигационной башни. Возле меня находились операторы и эксперты, которые никогда не покидали своих постов, пока мы вели Меркурий через космос вслед за остальными планетами.

За башней просматривалась поверхность Меркурия. Бесчисленные купола зданий были теперь покрыты слоем

замерзшего воздуха и постоянной мглой, изредка пробиваемой светом далеких звезд.

Впереди нашего мчащегося в космосе мира я мог разглядеть слабые огоньки других восьми планет, странствующих по Вселенной. Их порядок движения оставался таким же, как и прежде. Я подумал, какие чувства испытывает самоуверенный плутонец, возглавляя восемь миров в этом походе. Далеко позади нас блекло мерцала красная точка, наше Солнце, которое мы покинули несколько месяцев назад.

А впереди нас горела, полыхала желанная звезда Нугат. По мере нашего приближения она становилась все ярче и ярче. Но теперь мы уже находились так близко, что могли разглядеть маленький желтый диск, который был для нас символом надежды. Мы все думали, что именно там и закончится наше путешествие.

Чем ближе мы подходили к Нугату, тем крепче становилась в нас уверенность. Звезда выросла в размерах и казалась подходящей нам во всех отношениях. Вокруг нее вращались две планеты, но они не помешали бы нашим мирам встать на свои орбиты. И хотя ее странный радиационный спектр продолжал смущать ученых, мы не обращали на это особого внимания.

Когда мы оказались в шести миллиардах миль от Нугата, Джулуд вновь обратился ко мне с экрана дальней связи.

— Лоннат, ты возглавишь разведывательную экспедицию и исследуешь солнце. Возьми сотню кораблей.

— А почему не я? — возмущенно спросил Толарг со своего телеэкрана. — Я нахожусь ближе к Нугату, чем Лоннат. Это сэкономит время.

— Таков мой приказ, — спокойно ответил Джулуд. — Отправляйся немедленно, Лоннат.

Обернувшись, я поймал на телеэкране тревожный взгляд Хурга.

— Не расстраивайся, — сказал я ему. — Когда я вернусь, я тебе все расскажу.

— Единственная причина, по которой они посылают именно тебя, состоит в том, что никому нет дела до твоего маленького мирка, — грубо ответил Хург.

Затем мы вместе рассмеялись.

Я приказал своим помощникам в мое отсутствие держать Меркурий на прежнем курсе. Затем сто наших кораблей стартовали с Меркурия в направлении Нугата.

Скорость космолетов была настолько велика, что мы быстро оставили позади наши девять миров. Впереди нас светящийся диск Нугата превратился в огромную золотую сферу. Мы направились к двум планетам, которые вращались близко друг от друга по одну сторону солнца. Мои глаза на мгновение были ослеплены его ярким светом.

В тот же самый момент я почувствовал странный зуд. Это ощущение становилось все сильнее и беспокойнее. Тогда я не придал этому значения, так как был поглощен своей задачей.

Мы приблизились к одной из двух планет и начали опускаться к ее поверхности, когда один из ученых на моем корабле, который обрабатывал данные своих астрономических приборов, издал ужасный крик.

— Это солнце вырабатывает какую—то странную радиацию, — воскликнул он. — Ты не чувствуешь ничего необычного?

— Я чувствую какой-то зуд, — ответил я. — А что это такое?

— Это радиоактивное излучение, которое разрушает вещество. Должно быть, это солнце — масса газообразной радиоактивной материи. Оно испускает волны, смертельно опасные для всего живого.

— Но в мирах под ним есть жизнь, — воскликнул кто-то еще. — Посмотрите.

Звездолет висел низко над планетой. Теперь нам хорошо была видна ее поверхность. Под нами оказался мир кошмара. Радиоактивная планета. Вся ее масса мрачно сияла белым холодным светом. Этот радиоактивный мир, дитя

радиоактивного солнца, постоянно поглощал эти смертоносные лучи. По представлениям наших ученых, на этой планете не могло существовать жизни.

Но на ней кипела жизнь. Вернее, форма жизни, которую трудно было себе представить, если не видеть собственными глазами. Живые существа под нами представляли собой сгустки сияющей материи, чьи тела пылали, сливались, изменялись при каждом движении. Это были радиоактивные жители этого смертоносного мира.

Мы видели множество энергетических сгустков—существ, двигающихся туда и обратно между зданиями и улицами, построенными из пылающей материи. Мы даже видели на некотором расстоянии от этого города пылающие волны огромного радиоактивного океана, который, должно быть, полностью состоял из радиоактивных элементов.

Внезапно один из моих пилотов воскликнул:

— Смотрите, наш корабль начинает светиться. И другие тоже.

Я был в полном замешательстве. Наш корабль пылал белым светом. Потом начали разрушаться отдельные мелкие конструкции, вынесенные за корпус космолета.

— Быстрее отсюда, — закричал я. — Для нас смертельно опасно оставаться здесь.

— И для наших миров тоже, — раздался еще один крик. — Они должны свернуть в сторону.

Корабли рванулись вверх. Зуд становился все сильнее, и теперь казалось, что он разрывал на части каждую клеточку организма. Я приготовился к худшему, решив, что у нас нет никаких шансов на спасение. Но чем дальше уходили мы от Нугата, тем слабее становился зуд. На максимальной скорости мы неслись обратно к нашим мирам.

Коротко я сообщил Джулуду об опасности приближения к радиоактивному солнцу. Джулуд немедленно приказал сменить курс так, чтобы планеты прошли мимо этой смертоносной звезды на безопасном расстоянии. К тому времени, когда я вернулся в башню на Меркурии, Плутон уже

уходил в сторону, а за ним и все остальные миры. Я направил свою планету за ними.

Мы прошли мимо Нугата. Теперь наш путь лежал к желтой звезде Антол.

Нугат мы миновали благополучно, так как были от него на значительном расстоянии, это и уберегло нас от воздействия его смертоносного радиоактивного излучения. Но все равно это было рискованно. Особенно сильное беспокойство выпало на долю Джулуда и Вальда. Им постоянно приходилось запускать дополнительные атомные двигатели, чтобы не позволить силам гравитации Нугата затянуть их тяжелые миры.

Наконец-то мы оставили позади это смертоносное солнце, которое могло уничтожить все живое на наших мирах. Теперь целью пути стал Антол. А это означало, что нам придется продлить путешествие еще на несколько месяцев. И если Антол, как и Нугат, не подойдет нам, то... Снова в путь. К другим звездам, Митаку или Валацу, а может, к Вире или еще дальше. Мы все очень расстроились, так как надеялись, что путешествие окончится возле Нугата.

В течение нескольких следующих месяцев наши миры летели среди звезд. Нугат остался далеко позади. Мы вновь оказались в пространстве, лишенном тепла и света. По-прежнему нашу цепь возглавлял Плутон и по-прежнему за ним одна за другой тянулись наши планеты, которые замыкал мой маленький мир.

Когда через несколько следующих месяцев путешествия перед нами выросла во всей красе желтая звезда Антол, сердца вновь наполнились надеждой. Джулуд сообщил, что согласно исследованиям ученых, Антол находится в периоде своей поздней юности и имеет вокруг себя четыре планеты. В его спектре не было той смертоносной радиации, с которой мы столкнулись у Нугата, и, хотя наши астрономы и отмечали какие-то особенности в его физической структуре, они не видели ни одной причины, почему бы этой звезде не стать нашим солнцем.

Мы приближались к Антолу. В двенадцати миллиардах миль от него наши ученые сообщили, что все четыре планеты обитаемы. Они также установили, что физическая структура Антола оказалась странного, сравнительно редкого типа, но в то же время подтвердили, что эта звезда является достаточным источником тепла и света для наших миров. На расстоянии восьми миллиардов миль Джулуд сообщил, что на следующий день собирается послать еще одну разведывательную группу для исследования Антола и его миров.

Но в эту ночь, хотя для нас понятия дня и ночи были относительными, так как мы находились в постоянных сумерках глубокого космоса, внезапно пришло тревожное сообщение от Толарга с Плутона.

— Плутон атакуют странные сферические корабли, — кричал он. — Они стараются уничтожить нас.

— На Сатурн тоже напали, — воскликнул Джулуд.

— И на Нептун, — сообщил Нолл.—.

— И на Уран, — раздался с экрана голос Мурдата. — Они появились откуда-то спереди.

— Это, должно быть, существа миров Антола, — воскликнул Джулуд. — Они напали на первые четыре планеты.

— Все корабли — в бой! — скомандовал Джулуд. — Атака должна быть отбита прежде, чем эти существа захватят нас.

— Держите Меркурий по курсу за остальными мирами, — крикнул я своим помощникам. — Я лечу вместе с кораблями.

Через несколько минут все космолеты, которые только были на Меркурии, стартовали. Я находился на флагмане. Команды подготовили оружие — атомные пушки, которые стреляли высококонцентрированными лучами энергии, обладавшей чудовищной разрушительной силой.

Пролетая мимо Венеры, мы пополнили свои ряды кораблями Хурга. Космолеты с Марса, Земли и Юпитера были уже в пути. Мы все направлялись к первым четырем мирам нашей колонны, которые подверглись жестокому нападению.

Корабли Юпитера, Марса и Земли спешили на помощь трем первым планетам, оставив нас с Хургом прикрывать Сатурн.

Почти двадцать тысяч наших кораблей направлялись к окруженной кольцами планете, чтобы принять участие в жестокой битве, разразившейся над Сатурном.

Чудовищная сцена предстала нашему взору. Космос вокруг был заполнен бесчисленным количеством мерцающих сфер, черных металлических дисков, сильно превосходящих в размерах наши корабли. Эти сферы сбрасывали шары белого пламени на куполообразные города Сатурна. Шары уничтожали все, к чему прикасались. Корабли Сатурна сражались отчаянно. Атомные пушки против черных дисков.

Флот Сатурна уступал захватчикам в численности и нес тяжелые потери. Без колебания наши корабли ринулись в бой. Казалось, космос вокруг нас просто изрезан, искромсан лучами атомных пушек и блеском смертоносных дисков.

Спокойно, насколько возможно, я отдавал приказы своим кораблям. Тысячи раз мы оказывались на волосок от смерти. Две сферы выбросили в нашем направлении огненные шары. Мы ударили боковыми атомными пушками и проскочили между ними. Венерианский корабль врезался в сферу, и оба они погибли. Сатурнианец отчаянно напал на три сферы и был уничтожен полдюжиной огненных шаров.

Битва продолжалась. На своем экране, через иллюминаторы кружившихся вокруг нас сфер, я мог время от времени видеть существа, напавшие на нас. Черные бесформенные создания, чьи тела казались жидкими.

Поле битвы постепенно удалялось от поверхности планеты. Теперь мы сражались у колец Сатурна, кружащихся поясов метеоритов, охвативших планету. Корабли и сферы неслись навстречу своей смерти, взрываясь в метеоритных потоках или врезаясь в спутники.

Эта сцена просто потрясала: девять планет, все еще несущихся в космосе в направлении сияющей звезды Антол; существа, пришедшие из его миров и напавшие на нас в

своих космолетах—сферах, используя огненные шары; и мы, представители трех планет, сражающиеся с ними здесь, среди колец и спутников Сатурна, где сверху и снизу была смерть. И лишь холодные звезды наблюдали за нашей безумной битвой.

Антолианцы отступали. Их флот нес тяжелые потери в результате нашей яростной атаки. Они начали двигаться в сторону Урана.

— К Урану, Нептуну и Плутону, — раздался приказ Джулуда. — Мы должны выбить их и оттуда.

Наши корабли устремились к Урану. Бой все еще шел вокруг его спутников, но с нашим приближением антолианцы отступили.

Теперь все корабли вместе с космолетами Урана поспешили к Нептуну и Плутону. Нептун оказался практически уничтожен нападавшими. Но когда мы приблизились к Плутону, то увидели, что его положение было еще хуже. Орды сфер уничтожали последние плутонианские корабли.

— Вот наш шанс показать Толаргу, как мы, жители внутренних планет, можем сражаться, — донесся до меня с телеэкрана крик Хурга, когда мы врывались в битву.

Если бой у Сатурна был яростным, то у Плутона — чудовищным. Антолианцы превосходили нас числом и, казалось, были твердо намерены захватить хотя бы эту планету. У нее теперь сконцентрировались все их силы.

Корабли наших девяти миров бросились в бой против антолианских сфер. Казалось, было невозможно выжить в этом аду. Искореженные сферы и космолеты падали дождем на поверхность Плутона.

Но антолианцы не смогли выдержать нашего натиска и отступили. Мы разразились дикими криками радости, увидев, как их сферы удаляются в направлении Антола. И вот девять членов Совета собрались на Плутоне.

— Это нападение практически уничтожило четыре наших мира, — воскликнул Джулуд. — И, если бы не помощь с других планет, враги добились бы своей цели. Да,

марсиане и венерианцы подоспели вовремя, — продолжил Толарг. — Но почему антолианцы напали на нас? Почему они хотели уничтожить наши четыре планеты?

— Несколько антолианских космических кораблей удалось захватить вместе с экипажами, — сказал Руннал. — Мы можем допросить их и выяснить причины.

— Давайте так и поступим. Приведите одного из антолианцев, — приказал Джулуд.

Доставленное существо выглядело чрезвычайно гротескно. Оно было похоже на остальных, которых нам удалось раньше увидеть мельком. Его тело представляло собой своеобразный бассейн, наполненный плотной вискозно—черной жидкостью, в которой плавали два глаза. Оно могло высовывать конечности, служившие ему, видимо, руками и ногами, и было не похоже абсолютно ни на что, видимое нами до этого.

— Выглядит довольно разумно, чтобы принимать и передавать мысли, — сказал Джулуд.

Он послал мысль существу:

— Ты один из жителей Антола, желтой звезды, перед нами?

— Да, — донесся мысленный ответ существа. — Наша раса многочисленна и населяет все четыре планеты.

— Почему вы напали на нас?

— Мы видели, как ваши планеты движутся через космос, и решили захватить их, чтобы на них покинуть наши миры.

— Покинуть ваши миры? — повторил Джупуд. — Зачем? Неужели Антол не дает вашим мирам достаточно тепла и света?

— Дает, но вскоре эта звезда станет сверхновой.

Мы не смогли сдержать крика. Антол должен стать сверхновой! Это означает, что солнце взорвется. Расширяясь до огромных размеров с бешеной скоростью, оно сожжет планеты и все остальное на своем пути.

— Так вот почему вы хотите покинуть его? — спросил Хург.

— Да, потому что, когда оно станет сверхновой, а это произойдет очень скоро, наши миры погибнут. Мы подумали, что если захватим ваши странствующие миры, то сможем на них перенестись к другому солнцу.

Джулуд посмотрел на нас.

— Значит, мы не можем оставаться здесь. «Нам нужно двигаться дальше», — сказал он.

Решение было принято, и мы вернулись на свои планеты. Затем, как и прежде с Плутоном во главе, мы продолжили свой путь, удаляясь от Антола. Впереди нас ждало другое солнце — оранжевая звезда Митак, находящаяся на огромном расстоянии от Антола. Больше нападений не последовало. Мы уверенно направлялись к Митаку.

Теперь нам стало ясно, что Антол, судя по активности его физического вещества, действительно находился на грани взрыва и превращения в сверхновую. И вскоре этот взрыв произошел. Из бело-желтой звезды позади нас Антол внезапно превратился в чудовищную сферу света. Звезда расширилась в сотни раз.

Я пытался разглядеть маленькие вспышки света — гибнущие в его огне миры. Но ничего подобного не заметил. Затем, приглядевшись более пристально, я увидел четыре черные точки, устремившиеся стройным порядком за нами.

— Четыре планеты Антола, — крикнул я в телеэкран. — Они идут за нами.

— Это невозможно, — удивленно произнес Джулуд. — Как они смогли сдвинуть свои миры?

— Так же, как и мы, — ответил я. — Они оснастили свои планеты копиями наших атомных двигателей и теперь следуют за нами и, возможно, будут претендовать на любое подходящее для жизни солнце.

Достигнув Митака, мы обнаружили, что это солнце окружено бесчисленным количеством поясов и метеоритных зон, потоков камней, вращающихся вокруг него. Направь мы к звезде наши миры, это сразу же означало бы смерть. Девять планет должны были быть разбиты этими

каменными космическими бомбами. Нет, Митак не стал тем солнцем, возле которого наши уставшие миры могли бы обрести покой. Мы вынуждены были принять решение продолжить поход, хотя понимали, что наши жители, измотанные бесконечным путешествием по ледяному и бессолнечному пространству, могли не выдержать дальнейшего пути.

— Как долго нам еще странствовать в космосе? — Это был голос Вальда с Юпитера, донесшийся с моего телеэкрана.

Ему ответил Мурдат с Урана:

— Нугат нам не подошел, Антол тоже, а теперь, и Митак. И мы все еще должны двигаться дальше? Неужели мы так и будем плутать в неизвестности, пока не погибнет жизнь на наших планетах? Уж лучше бы мы остались у нашего стареющего Солнца, где по крайней мере пожили бы еще хоть какое-то время.

— Откуда такой упадок духа, — запротестовал я. — Да, это правда, Митак оказался неподходящим для нас солнцем. Но есть еще Валац и Вира. Одно из них может оказаться как раз тем, что мы ищем.

— Я согласен с Лоннатом, — воскликнул Хург с Венеры.

Но тут раздался насмешливый голос Толарга с Плутона.

— Тебе—то хорошо говорить, Лоннат, потеря твоей маленькой планетки не будет иметь большого значения.

Однако, несмотря ни на что, нам нужно было двигаться дальше. Назад дороги не было. Так, по приказу Джулуда Толарг направил Плутон к Валацу. Валац — желто-красное солнце сиял в небе как звезда переменной величины, то увеличивая, то уменьшая свою яркость.

Я посмотрел назад в глубину космоса на тот путь, который мы прошли. В телескоп я увидел четыре светлые точки, четыре мира Антола, которые преследовали нас. Казалось, они движутся даже быстрее, чем наши планеты. Без сомнения, они построили больше атомных двигателей, чем мы. Я глядел на них с унынием. Если даже мы и найдем подходящее солнце, эти четыре мира—преследователя попытаются отбить его у нас. Мы достаточно насмотрелись на этих

полужидких антолианцев, чтобы понять: они станут нашими беспощадными врагами и, возможно, даже сумеют отнять у нас наши миры.

Итак, девять планет двигались в сторону Валаца. Антолианцы позади, а неизвестность впереди. В день, когда мы почти достигли Валаца, мы посмотрели назад и увидели, что антолианцы достигли Митака. Мы надеялись, что они останутся там. Но они прошли мимо. Каменные пояса Митака были для них так же смертельно опасны, как и для нас.

Валац сиял впереди. Но когда мы увидели его природу, испарилась последняя наша надежда. То, что Валац был звездой переменной величины, это мы знали. Теперь мы увидели, в чем причина. У Валаца оказался черный компаньон, мертвая звезда таких же размеров. Мертвая звезда и желто-красное солнце вращались друг вокруг друга таким образом, что темная постоянно закрывала яркую. Это означало, что Валац не подходил нам как солнце. Мы должны были лететь дальше. Джулуд вновь отдал приказ, и наши планеты, покинув Валац, направились в сторону Виры. Вира — сине-белое солнце призывно горело вдали. Она стала нашей последней надеждой. За ней на сотни световых лет больше не было звезд. Если и Вира не подойдет нам, мы обречены. Но, возможно, наши люди не переживут и этого пути до Виры, так как от постоянного холода и тьмы они слабели и умирали.

Мы направили наши миры к Вире на максимальной скорости. Были забыты антолианские планеты, преследующие нас. Забыто все, кроме сине-белого солнца, призывно сияющего впереди. Вира означала для нас смерть или жизнь.

А антолианцы с огромной скоростью упорно шли по нашему следу. Теперь они приближались к Валацу. Мы надеялись, что они остановятся там. В любом случае сейчас мы думали не о них, а о солнце впереди нас.

Какой грандиозный путь проделали мы через Вселенную. С тех пор, как наши миры покинули родное Солнце, нам довелось прикоснуться к четырем другим: к

смертоносной звезде Нугат, к сверхновой Антолу, где мы боролись с жителями ее миров, Митаку с его ужасными метеоритными поясами и Валацу с его огромным мертвым компаньоном. Теперь наши планеты стремились к пятому солнцу, где решится их судьба. А позади четыре мира, населенные странными существами, неслись через космос нам вдогонку.

Все больше и больше становилась Вира. Когда до нее оставалось десять миллиардов миль, Хург с Венеры вылетел вперед на кораблях—разведчиках.

С напряжением мы ждали его возвращения. Он должен был принести новость, которая означала бы жизнь или смерть для нас. И вот он вернулся.

— Вира, похоже, абсолютно удовлетворяет нашим требованиям, — воскликнул он. — У звезды нет смертоносной радиации, ее не окружает пояс метеоритов и вокруг нее нет планет. Это молодое солнце, которое будет согревать наши миры веками.

— Значит, мы победили, — воскликнул Зиннор с Марса.

На телеэкране я увидел, как озарилось радостью лицо Джулуда.

— Приготовьтесь установить ваши миры на орбиты вокруг этого солнца, — скомандовал он. — Толарг, когда мы подойдем ближе, ты первый установишь Плутон на орбиту на расстоянии четырех миллиардов миль, а другие последуют за тобой.

— У нас на Плутоне все готово. А как насчет этих антолианских планет?

— Когда они увидят, что мы уже обосновались у Виры, то не пойдут дальше, а остановятся у Валаца, — сказал Джулуд. — Для нас сейчас самое важное — благополучно закончить путешествие.

Напряжение не отпускало нас по мере того, как мы приближались к светилу. Огромное сине—белое солнце представляло собой великолепное зрелище; угрожающий шар огня, изливающий тепло и свет, уже озаривший наши приближающиеся миры.

Чем ближе мы подходили, тем сильнее росло напряжение. Мы знали, это был самый ответственный момент всего путешествия. Если мы сделаем хоть один неверный шаг, то подвергнемся риску слишком близко подойти к звезде и погибнуть. Наши атомные двигатели не справятся с ее мощной гравитацией. Каждый маневр наших планет должен быть рассчитан и проделан с огромной осторожностью, так, чтобы выбрать самый безопасный путь.

Колонна наших планет приближалась к Вире. Первым Плутон повернул к своей будущей орбите. Мы видели, как постоянно изрыгают энергию его атомные двигатели. Плутон уже почувствовал всю силу притяжения Виры, но ему удалось благополучно утвердиться на новом месте обитания. За ним повернул Нептун.

Наши планеты следовали одна за другой. Мурдат и Джулуд установили свои миры. Но когда к Вире повернул Юпитер, на мгновение показалось, что сейчас разразиться катастрофа. Вальд переоценил силу, необходимую для поворота его гигантской планеты, и был вынужден включить атомные двигатели на полную мощность в надежде вернуться на верный путь. Но даже при этом внешние спутники Юпитера прошли мимо Сатурна, чуть не задев его, когда гигантский мир подходил к своей орбите.

Затем последовали Марс и Земля. И вот Хург уже провел Венеру на орбиту. Наступила моя очередь. Поставить Меркурий на свою орбиту явилось для меня ювелирной задачей, так как я должен был подвинуть свой маленький мир ближе всех к пылающему солнцу. Но я манипулировал боковыми и задними двигателями и Наконец-то плавно установил Меркурий недалеко от Виры.

Крик радости вырвался у всех нас, когда мы увидели, что на Меркурии и всех остальных планетах начала разогреваться атмосфера. Растаяло покрывало льда. Холодный воздух прогревался все сильнее. А снег, который так долго покрывал наши миры, таял не только на внутренних планетах, но даже и на Плутоне. Во все стороны с Виры неслись тепло

и свет, ласкавшие наши миры, тепло и свет, которых человечество не видело много веков. Но наше ликование внезапно было прервано отчаянным криком Руннала с Земли. На телеэкране его лицо исказилось в тревоге.

— Посмотрите назад, — воскликнул он. — Четыре антолианских мира проходят мимо Валаца, они направляются к Вире.

Замерев, мы неотрывно глядели на экраны. От нашего триумфа не осталось и следа.

— Мы должны что-то сделать, — воскликнул Хург. — Если они достигнут Виры и встанут на орбиты вокруг нее, это будет означать бесконечную войну, которая закончится нашим уничтожением.

— Мы не можем их остановить, — грустно сказал Джулуд. — Я надеялся, что они обоснуются у Валаца, но они продолжают идти за нами.

— Если бы только была какаЯ-то возможность остановить их прежде, чем они подойдут сюда, — воскликнул Руннал.

В моем мозгу внезапно родилась идея.

— Есть возможность остановить их, — крикнул я. — Я могу остановить их. Все жители Меркурия могут быть переведены на другие планеты. А затем я разгоню планету навстречу антолианцам и врежусь в них.

— Я полечу с тобой, Лоннат, — крикнул Хург.

— И я тоже, — присоединился Толарг. Его глаза сияли.

Немедленно Джулуд приказал начать переброску жителей Меркурия на другие планеты. Корабли всех миров устремились к моей маленькой планетке.

Задача была настолько тяжелой, что к тому времени, когда на Меркурии не осталось никого, кроме меня, Хурга и Толарга, антолианцы почти достигли Виры.

Я быстро включил атомные двигатели и сорвал планету с ее новой орбиты. Я устремился назад по пути, который мы прошли, в направлении четырех антолианских миров.

Хург, Толарг и я упорно держали курс на них. Рядом с навигационной башней нас ожидали корабли.

Навстречу друг другу неслись кочевник—Меркурий и четыре антолианские планеты. Эти миры росли у нас перед глазами. Вдруг они стали уходить в сторону.

— Они меняют курс, они пытаются избежать столкновения, — воскликнул Хург.

— Это им не поможет, — сказал я. — Я тоже изменю курс Меркурия, и мы встретимся с ними лоб в лоб.

Но вновь колонна из четырех планет свернула в сторону, пытаясь избежать столкновения. И снова я изменил курс Меркурия. Затем внезапно их первая планета появилась перед нашей.

— Мы столкнемся, — крикнул я. — Скорее отсюда.

Наши корабли, подобно молниям, пронзили небо.

Рвущийся вперед шар Меркурия практически достиг сферы антолианского мира. И затем, когда мы были уже далеко, они встретились.

Не раздалось ни звука в пустынном вакууме космоса. Но ослепительная вспышка затмила даже великое солнце перед нами. Затем две антолианских планеты окрасились красным румянцем. Волна огромной силы пронзила космос, сотрясая наши корабли.

Все четыре планеты превратились в раскаленную массу. Они погибли одна за другой. Теперь все, что мы видели, это огромное пылающее облако, летящее в сторону дальнего космоса.

Я следил, как оно удаляется, и слезы накатывались у меня на глаза. Там были остатки и моего мира, моего Меркурия, который я провел через безбрежные пространства вселенной только для того, чтобы в конце концов уничтожить его.

Хург возбужденно сжимал мою руку.

— Мы победили, Лоннат, — воскликнул он. — Антолианцы и их миры уничтожены. И теперь Вира навсегда останется солнцем наших восьми миров.

Толарг протянул мне свою руку. Усмешка исчезла с его лица.

— То, что ты говорил, Лоннат, оказалось правдой. Дело не в размере планеты. Твой маленький мир спас всех нас.

Пожимая ему руку, я улыбнулся.

— А ты хотел оставить ее. Наконец-то наше путешествие окончено.

Хург покачал головой и махнул рукой в направлении мерцающих звезд.

— Только на время, — сказал он. — Когда Вира умрет, как и наше родное Солнце, мы отправимся снова в путь. Мы будем идти от солнца к солнцу. И не окончится дорога человечества, пока существует Вселенная.

Придя в себя, Джон Вудфорд в первые несколько секунд не мог понять, где он лежит, только ощутил, что находится в абсолютной темноте и воздух, которым он дышит, тяжелый и спертый. Он чувствовал слабость, и его поначалу мало интересовало, где он находится и как сюда попал.

Впрочем, Вудфорд сообразил, что находится не у себя дома в кровати — там никогда не было так темно и душно, как здесь. Дом! Воспоминания о нем возродили в помраченном сознании Джона Вудфорда и другие: о жене и сыне. Он также вспомнил, что был болен, очень болен. Вот и все, что Джон мог припомнить на данный момент.

Что за место, куда его принесли? Почему тьма была такой непроницаемой, а тишина такой безмолвной? И почему рядом с ним больше никого не было? Он был болен, и врачам и сиделкам следовало бы лучше заботиться о нем. В его мозгу росло раздражение.

Затем он начал ощущать, что ему стало тяжело дышать. Спертый воздух, казавшийся теплым, обжег его легкие. Почему никто не откроет окно? Его раздражение поднялось до такого уровня, что привело его мускулы в движение. Он приподнял правую руку, чтобы дотянуться до звонка или кнопки.

Рука медленно продвинулась только на несколько дюймов в сторону и затем была остановлена прочным барьером. Слабые пальцы исследовали его. Перед ними, казалось, была цельная стена из дерева или металла, покрытая гладкой материей. Рука двигалась вдоль всей правой стороны, и когда он приподнял левую руку, то нащупал такую же стену с другой стороны.

Его раздражение дало волю воображению. Почему, черт возьми, они положили его, больного человека, в такое узкое место? Почему его плечи упираются с одной и другой стороны? Но он сказал себе, что скоро узнает причину. Вудфорд

попытался подняться, чтобы позвать тех, кто должен был ухаживать за ним.

К его полному удивлению, его голова ударилась о подобную атласную стену. Он поднял руку и в замешательстве понял, что эта стена или потолок простирались над ним от головы до ног. И лежал он на такой же покрытой атласом поверхности. Почему, во имя всего святого, они положили его в эту атласную коробку?

Мысли Вудфорда находились в полном замешательстве, когда объявилась новая причина для возмущения. Воротничок рубашки сильно давил на горло. Это был высокий тугой воротник, вжимавшийся в его плоть. Это тоже стало для него загадкой. Зачем на нем тугой воротник? Зачем они одели больного человека в парадный костюм и положили в эту коробку?

Внезапно Джон Вудфорд издал крик, и эхо его крика отдалось в его ушах подобно отвратительному, демоническому смеху. Он вдруг все понял. Он, Джон Вудфорд, больше не был больным человеком. Он был мертвым! Или они решили, что он мертв, положили его в гроб и закрыли. Он был похоронен! Заживо!

Страхи, таившиеся в нем при жизни, вырвались теперь наружу. Его секрет, его мрачное предчувствие стали ужасной реальностью. С раннего детства он боялся именно этого кошмара, так как знал, что склонен к каталептическим снам, которые едва ли можно отличить от смерти. По ночам ему снились ужасы погребения заживо. Даже когда каталепсия у него прошла, страх остался.

Вудфорд никогда не говорил ни жене, ни сыну о своих страхах, но они преследовали его всю жизнь. Джон заставил своих домочадцев дать обещание, что после смерти он не будет сожжен, а будет похоронен в склепе вместо земли. Вудфорд считал, что в том случае, если он окажется мертв не по—настоящему, эти меры предосторожности смогут спасти ему жизнь. Но теперь он осознавал, что одинок перед лицом ужасной судьбы, которой так боялся. Он, Джон, лежал в

гробу в каменном склепе на тихом кладбище. Его крики никто не мог услышать за стенами склепа, возможно, даже за стенками гроба. Пока он находился в каталептическом сне, то почти не дышал, но теперь, когда он проснулся, ему требовался воздух, а воздух в гробу быстро убывал, и он был обречен умереть от удушья.

Джон Вудфорд на мгновение обезумел. Он кричал, хотя спазмы страха сдавливали его горло. Он упирался руками и ногами в твердую атласную поверхность над собой. Он стучал в крышку гроба сжатыми до боли кулаками, но крышка была прибита крепко.

Вудфорд кричал до тех пор, пока его горло не пересохло настолько, что больше не издавало ни единого звука. Он скреб изнутри по крышке гроба до тех пор, пока не поломал все ногти о металл под атласным покрытием. Он пытался стучать головой, но вскоре, обессиленный, откинулся назад.

Несколько мгновений Вудфорд лежал не в состоянии сделать ни одного движения. Его мозг рисовал живые картины ужасов. Теперь воздух казался еще более горячим, с каждым вдохом все сильнее обжигал легкие. С внезапным приливом энергии Джон закричал снова. Это не помогло.

Вудфорд оказался в ужасной ситуации. Но он должен был сделать все возможное, чтобы не поддаться панике. У него осталось не так уж и много времени, он просто обязан использовать его самым рациональным образом, чтобы найти возможность вырваться из этой тюрьмы.

С этим решением он немного успокоился и начал совершать пробные движения. Джон вновь сжал кулаки и забарабанил по потолку. Это не помогло. Руки были так близко прижаты к его телу узостью гроба, что он не мог нанести ни сильного удара, ни рвануться вперед.

А что же ноги? Лихорадочно он попытался совершить несколько движений, но вскоре понял, что удары ногами вверх еще менее эффективны. Вудфорд подумал о возможности согнуть ноги в коленях и выбить крышку, но понял, что не

может поднять колени достаточно высоко и что ступни скользят по гладкой атласной поверхности.

Теперь уже каждый вдох иссушал его легкие и носоглотку. Ему казалось, что весь его мозг в огне. Вудфорд чувствовал, что силы убывают и скоро он потеряет сознание. Все, что он еще мог сделать, он должен был делать быстро. Лишний раз ощутив под руками вокруг себя мягкий атлас, он почувствовал всю ужасную иронию случившегося. С такой любовью он оказался погребен в этой смертельной ловушке.

Вудфорд попытался повернуться на бок, так как подумал, что сможет использовать плечо, чтобы надавить на крышку. Но повернуться оказалось не так-то просто в узком гробу и требовало множества маленьких толкательных движений — медленный и мучительный процесс.

Джон Вудфорд толкался до тех пор, пока не повернулся на левый бок. Тогда он почувствовал, что его правое плечо прикоснулось к потолку. Он уперся левым плечом в пол и со всей оставшейся у него силой надавил на потолок. Никакого результата. Крышка не двинулась, как и прежде.

Он надавил вновь. Отчаяние пронзило его сердце. Он знал, что очень скоро силы покинут его и он сдастся. В его ушах уже раздавался шум. У него оставалось совсем немного времени. В порыве отчаяния он вновь надавил на крышку.

И в этот буквально последний момент раздался скрежет. Этот звук для него стал подобен райской музыке надежды. Джон давил и давил на крышку, не обращая внимания на боль в плече.

Вновь раздался скрип, затем треск ломающихся металлических зажимов. И когда он предпринял еще одну отчаянную попытку, крышка распахнулась и с тяжелым клацанием ударилась о каменный пол. Поток холодного воздуха устремился ему в лицо. Джон с трудом перевалился через край гроба и, сделав несколько шагов, упал на пол.

Прошло минут десять, прежде чем он взял себя в руки и, собравшись с силами, поднялся. Он стоял внутри

маленького склепа, где единственным гробом был его собственный. Внутри склепа царила темнота, лишь слабый свет звезд пробивался через окошко вверху.

Джон Вудфорд доковылял до тяжелых дверей склепа и нащупал замок. Это место навевало на него слепой ужас. Там, на полке позади него, гроб с откинутой крышкой возле стены, казалось, широко раскрывал рот, пытаясь его проглотить.

Он судорожно старался отпереть замок. Что, если он не сможет выбраться из склепа? Но вскоре Джон сообразил, что тяжелый замок на самом деле изнутри открыть легко. Ему удалось повернуть защелку и откинуть задвижку. Тяжелые двери распахнулись, и Джон Вудфорд вступил в ночь.

Он стоял на ступенях склепа, охваченный невыразимыми эмоциями. Перед ним в звездном свете раскинулось кладбище. Оно напоминало мистический город, наполненный призраками и тенями. Маленькие кусочки льда блестели там и тут, а воздух был холодным и острым. За низкими стенами кладбища мерцали огни города.

Вудфорд уверенно направился через кладбище, не обращая внимания на холод. Где-то среди огней города существовал и его огонек. Его дом, жена, сын, думающие, что он мертв, оплакивающие его. Как рады они будут, когда он вернется к ним живой. Его сердце рвалось наружу, когда он представлял себе картину их удивления и радости.

Джон подошел к низкой стене кладбища и быстро перелез через нее. Было уже за полночь. В этой отдаленной части города не было видно ни машин, ни пешеходов.

Вудфорд спешил вдоль по улице. Он проходил мимо людей, глядевших на него с удивлением, и только через некоторое время сообразил, насколько странно он выглядит. Мужчина средних лет, одетый в парадный костюм без шляпы и пальто, — довольно странное зрелище на окраине в зимнюю ночь...

Но Джон не обращал внимания на их взгляды. Он поднял воротник пиджака, чтобы немного согреться. Но и так из-за

переполнявших его эмоций он едва чувствовал холод. Джон хотел скорее попасть домой, вернуться к Хелен, обрадоваться ее замешательству и смущению, когда она увидит его восставшим из мертвых.

Подъехало такси, и Джон Вудфорд сделал шаг вперед, намереваясь остановить его, но тут же отступил назад. Он автоматически опустил руку в карман и обнаружил, что тот абсолютно пуст. Конечно же, этого и следовало ожидать. В карманы покойнику денег не кладут. Не важно. Он доберется и пешком.

Дойдя до той части города, где находился его дом, он мельком взглянул на витрину магазина и увидел на отрывном календаре большую черную дату, которая заставила его замереть. Это была дата на десять дней позже той, которую он помнил. Его похоронили больше недели назад.

Больше недели в гробу. Это казалось невероятным, ужасным. Но он говорил себе, что сейчас это ничего не значит. Это только сделает радость его жены и сына большей, когда они обнаружат, что он жив. Самому Вудфорду казалось, что он возвращается скорее из путешествия, чем с того света.

Он спешил по усаженной деревьями улице, где стоял его дом, и почти смеялся вслух, представляя, какое удивление вызовет его появление у некоторых друзей. Они примут его за привидение или ходячего мертвеца и, возможно, в ужасе побегут от него.

Но с этой мыслью пришла другая. Он не должен вот так внезапно появиться перед Хелен, иначе шок может убить ее. Ему необходимо что-то придумать, чтобы смягчить удар. Он должен быть уверен, что не напугает ее слишком сильно.

С этим решением, дойдя до большого дома на краю улицы, Вудфорд повернул во двор, вместо того чтобы подойти к парадному входу. Он видел, что в доме светятся окна библиотеки, и направился к ним. Джон решил посмотреть, кто там находится, и кто сможет мягко сообщить новость о его возвращении.

Вудфорд бесшумно взобрался на террасу, приблизился к створчатому переплету и посмотрел внутрь.

Через шелковые занавески он ясно видел уютную обстановку комнаты с полками книг, лампами и камином. Хелен, его жена, сидела на диване вполоборота к окну. Рядом с ней сидел мужчина, в котором Вудфорд узнал одного из своих ближайших друзей — Куртиса Доуса.

Присутствие Доуса навело на мысль. Он попытается каким-либо образом выманить его из дома и попросит рассказать Хелен о его возвращении. При виде жены сердце Вудфорда радостно забилось.

По движениям губ и жестикуляции Джон увидел, что Куртис Доус заговорил. Его слова с трудом доносились до Вудфорда. Тогда он прижался к стеклу вплотную. Слова стали слышны четче.

— Ты счастлива, Хелен? — спросил Доус.

— Да, дорогой! Я очень счастлива, — ответила она, поворачиваясь в его сторону.

Из темноты в замешательстве Вудфорд пристально вглядывался в лицо жены. Как она может быть счастлива, если знает, что ее муж мертв и похоронен?

Он вновь услышал голос Куртиса.

— Это тянулось так долго, Хелен. О Господи, сколько же лет я ждал!

Она нежно положила свою руку на его.

— Я знаю. И ты никогда не жаловался. Я всегда уважала твою преданность Джону.

Хелен задумчиво поглядела на огонь.

— Джон был хорошим мужем, Куртис. Он действительно любил меня. И я никогда не давала ему повода догадаться, что не люблю его, что в моем сердце только ты, его друг. Ты единственный, кого я любила. Но когда Джон умер, я не могла чувствовать горя. Я, конечно же, сожалела, но глубоко в сердце осознавала, что наконец-то мы свободны и можем любить друг друга.

Рука Куртиса нежно легла на ее плечо.

— Дорогая, ты не жалеешь, что я уговорил тебя выйти за меня замуж так быстро? Тебя не волнует, что люди могут говорить о нас?

— Меня не волнует ничего, кроме тебя, — ответила она. — Джон мертв. У молодого Джека свой собственный дом и жена. И нет никакой причины в мире, почему бы мы не могли пожениться. Я рада, что мы так и сделали.

В темноте на улице ошарашенный Джон Вудфорд видел ее сияющее лицо, глядящее на мужчину.

— Я горда наконец-то стать твоей женой, дорогой. Не важно, что кто-то может сказать о нас, — услышал Джон ее слова.

Вудфорд медленно отошел от окна. Он остановился в темноте под деревьями. Он был подавлен.

Так вот каким оказалось его возвращение домой из могилы! А он-то, глупец, ожидал увидеть у Хелен радость на лице.

Это не может быть правдой. Его слух обманул его. Хелен не может быть женой Куртиса Доуса. Но все же часть его разума безжалостно твердила ему — это правда, это правда, это правда.

Джон всегда подозревал, что чувства Хелен к нему были не такими сильными, как его к ней. Но он никогда и не мог предположить, что она любила Доуса. Теперь он припомнил частые визиты Куртиса, странное молчание между ними. Он припомнил тысячи мелочей, которые говорили об их любви, которую они хранили в тайне.

Что было ему, Джону Вудфорду, делать? Предстать перед ними и заявить, что они поторопились счесть его мертвым, что он вернулся, чтобы вновь заявить свои права на место в этой жизни и на свою жену?

Он не мог сделать этого. Если бы за все эти годы Хелен дала хотя бы одну причину сомневаться в ее верности, он бы в эту минуту не испытывал угрызений совести. Но после стольких лет молчаливой, смиренной жизни с ним он не мог сейчас предстать перед ней и разрушить ее долгожданное счастье, очернить ее имя.

Вудфорд горько усмехнулся. Что ему делать? Теперь Джон не мог позволить Хелен узнать, что он жив. Не мог вернуться в дом, который когда-то был его. И все же он должен пойти куда—то. Но куда?

С внезапным содроганием сердца он подумал о Джеке, его сыне. Он мог пойти к Джеку и ему сказать, что он жив. Джек—то уж будет вне себя от радости увидеть его и сохранит в тайне от матери факт его возвращения.

С этой мыслью, придавшей ему воодушевления, Джон Вудфорд направился обратно через двор к улице, по которой всего несколько минут назад радостно приближался к своему дому. Теперь он крался подобно вору, который боится, что его заметят.

Джон пошел к коттеджу своего сына. На улице никого не было. Мороз все усиливался, и время перевалило далеко за полночь. Он автоматически потер замерзшие руки и поспешил дальше.

Наконец Вудфорд подошел к маленькому коттеджу сына и почувствовал облегчение, увидев свет в окне первого этажа. А он-то боялся, что никого не окажется дома. Джон пересек замерзшую лужайку и направился к освещенным окнам. Он хотел убедиться, что Джек дома и один.

Джон заглянул внутрь. Джек сидел за маленьким столом, а его молодая жена, устроившись на ручке кресла, внимательно следила за тем, что он ей объяснял, глядя на лежащий на столе листок бумаги. Прижав лицо к холодной оконной раме, Джон Вудфорд мог слышать его слова.

— Смотри, Дороти, мы сможем сделать это, добавив наши сбережения к страховке отца, — говорил Джон.

— О да, — радостно воскликнула Дороти. — Это то, чего ты так долго хотел, — свое собственное маленькое дело.

Джек кивнул.

— Поначалу оно будет небольшим, но со временем вырастет. Это тот шанс, которого я так долго ждал, и я его не упущу. Конечно, — добавил он, его лицо погрустнело, — нехорошо так об отце. Но ведь он умер, а его страховка поможет нам открыть свое дело. Теперь возьми накладную... — он начал зачитывать ряд цифр внимательно слушающей Дороти.

Джон Вудфорд медленно отошел от окна. Он никогда не чувствовал себя таким растерянным и уничтоженным. Он совсем забыл о своей страховке. Теперь Джон узнал, что она выплачена, так как все думали, что он мертв.

Но ведь он не мертв. Он жив. Жив? Но если он даст знать об этом сыну, это положит конец его надеждам. Джеку придется вернуть страховку компании, поставив крест на долгожданном шансе начать собственное дело.

И тогда он, Джон Вудфорд, решил, что должен оставаться мертвым для жены и для сына. Вудфорд отошел от окна и растаял в темноте.

Дойдя до улицы, он остановился в нерешительности. Начал дуть холодный ветер, и Джон почувствовал, что замерзает без пальто. Он плотнее запахнул воротник на шее.

Вудфорд старался найти какой-то выход. Ни Хелен, ни Джек не должны узнать, что он жив, а значит, и никто в городе. Ему нужно покинуть город, убраться в какое-то другое место, жить под другим именем. Но ему не обойтись без помощи, без денег. Где он возьмет их? К кому он мог пойти, не боясь, что его воскрешение станет всем известно?

Говард Норс. Это имя невольно слетело с губ Вудфорда. Норс был его начальником, главой фирмы, в которой Вудфорд работал много лет. Джон был одним из старейших ее сотрудников. Говард Норс поможет ему устроиться на работу в каком-нибудь другом месте и сохранит его воскрешение в тайне.

Он знал, что дом Норса находится в нескольких милях от города. Но он не мог идти так далеко пешком. А на такси и трамвай у него не было денег. Ему придется позвонить Норсу.

Вудфорд пошел назад в направлении центра города, прорываясь сквозь ледяной ветер. Ему повезло найти круглосуточную закусочную, хозяин которой позволил ему воспользоваться телефоном. Онемевшими от мороза пальцами, он набрал номер Норса.

Вскоре на другом конце провода раздался сонный голос Говарда.

— Господин Норс, это Вудфорд, Джон Вудфорд, — повторил он несколько раз.

Говард Норс воскликнул:

— Да вы с ума сошли! Джон Вудфорд умер. Он похоронен две недели назад.

— Нет, я говорю вам, я Джон Вудфорд, — настаивал он. — Я вовсе не мертв. Я такой же живой, как и вы. Если вы приедете в город за мной, вы убедитесь собственными глазами.

— Я не собираюсь ехать в город в два часа ночи, чтобы посмотреть на маньяка, — резко ответил Норс. — Что бы вы там ни задумали, вы попусту теряете время.

— Но вы должны помочь мне, — кричал Вудфорд. — Мне нужны деньги, возможность выбраться из города так, чтобы никто не узнал. Я служил вам верой и правдой многие годы, и теперь вы обязаны мне помочь.

— Послушайте меня, кем бы вы там ни были, — рявкнул Норс с того конца провода. — Мне Джон Вудфорд сильно надоедал, когда еще был жив. Он был настолько неумелым, что нам стоило выкинуть его на улицу еще давным-давно, если бы не было его жалко. Но теперь, когда он мертв, вам больше не стоит беспокоить меня от его имени.

Раздался щелчок. Вудфорд не мог поверить услышанному, уставившись на телефон. Значит, вот что они думали о нем на самом деле? Значит, он был единственным, кто считал себя самым лучшим сотрудником.

Но должен же быть кто-то, к кому он мог бы обратиться, кого бы смог убедить, что Джон Вудфорд жив. Должен, должен быть кто-то, кто будет рад это узнать.

А как насчет Виллиса Грена? Грен был его самым близким другом после Куртиса Доуса. В прошлом он не раз одалживал В уд форду деньги, и конечно же, будет рад помочь ему сейчас.

Поспешно Вудфорд набрал номер телефона Грена. В этот раз, услышав голос на противоположном конце, он стал более осторожен.

— Виллис, я должен вам кое-что сказать, что может показаться невероятным. Но вы должны поверить мне. Вы слышите меня?

— Кто это? И что, черт возьми, такое вы говорите? — потребовал удивленный голос Грена.

— Виллис, это Джон Вудфорд, ты слышишь? Это Джон Вудфорд. Все думают, что я мертв, но это не так. Мне нужно увидеть тебя.

— Что? — закричал голос на другом конце. — Да ты, наверное, пьян, приятель. Я собственными глазами видел Вудфорда в гробу. Я знаю, что он мертв.

— Я говорю тебе, это не так. Я не мертв. — Вудфорд почти кричал. — Мне нужны деньги, чтобы выбраться отсюда, и ты должен одолжить их мне. Ты всегда раньше мне одалживал, а теперь они нужны мне, как никогда. Мне необходимо выбраться отсюда.

— Ах, так вот в чем дело! Если я и помогал Вудфорду, то ты думаешь, что можешь выманить у меня деньги, просто позвонив и назвавшись его именем. Вудфорд был самой большой занудой в мире и постоянно занимал у меня деньги. Когда он умер, я почувствовал облегчение. А теперь ты пытаешься меня заставить поверить в то, что он вернулся из могилы, чтобы снова тянуть из меня доллары?

— Но я не умер. Я действительно Вудфорд, — слабо запротестовал Джон.

— Прости, старина, — услышал Вудфорд насмешливый голос Грена. — В следующий раз для шуток выбирай живого человека.

Он отключился. Джон Вудфорд медленно повесил трубку и вышел на улицу. Порывы ветра становились все сильнее и теперь приносили с собой облака белого снега, бившего в лицо. Он ковылял мимо закрытых магазинов. Его тело замерзло. Сознание тоже.

Не было никого, к кому он мог бы обратиться за помощью. Он все еще хотел выбраться из города. Но теперь он мог положиться только на себя самого.

Ледяные порывы ветра проникали через тонкий пиджак. Его руки онемели от холода.

Краем глаза он заметил горящую вывеску ночлежки и сразу же направился туда. Там он мог по крайней мере переночевать, а утром покинуть город.

Грязные люди, дремавшие в креслах, странно посмотрели на него, когда он вошел. Так же странно на него посмотрел и молодой клерк, к которому он направился.

— Я хотел бы переночевать здесь, — сказал он, обращаясь к клерку.

Клерк удивленно произнес:

— Вы что, шутите?

Вудфорд покачал головой.

— Нет, у меня нет ни гроша, а на улице холодно. Мне нужно где-топереночевать.

Клерк недоверчиво улыбнулся.

— Убирайся, пока я не вызвал полицейского.

Вудфорд посмотрел на свою одежду, на свой официальный костюм, высокий воротник, белую рубашку, начищенные кожаные ботинки и все понял.

Он в отчаянии произнес, обращаясь к клерку:

— Но эта одежда ничего не значит. Я говорю вам, у меня нет ни гроша.

— Может, ты все-таки сам уберешься, пока я тебя не вышвырнул отсюда, — потребовал клерк.

Вудфорд попятился к двери и вновь оказался на морозе. Ветер и снег усиливались. Вскоре весь пиджак Вудфорда оказался засыпан снегом.

Ему казалось странной шуткой, что роскошь его погребального костюма не давала ему возможности получить помощь. Он даже не мог попросить милостыню. Кто подаст нищему, одетому в парадный костюм?

Вудфорд чувствовал, как дрожало его тело, а зубы стучали от лютого мороза. Если бы он только мог спрятаться от порывов ледяного ветра. Его глаза в отчаянии шарили по улице в надежде найти хоть какое-то убежище.

Наконец он увидел глубокий дверной проем и втиснулся в него, спасаясь от ветра и снега. Но не успел он сделать это, как услышал звук тяжелых шагов, которые остановились возле него. Дубинка ударила его по ногам. Не терпящий возражений голос приказал ему встать и идти домой.

Вудфорд и не пытался объяснить полицейскому, что он не пьяница, упавший по дороге. Джон с трудом поднялся и побрел, по дороге, не в состоянии видеть дальше, чем несколько футов перед собой, из-за сильного снегопада.

Снег забивался в тонкие туфли, и его ноги скоро стали холоднее, чем тело. Он волочился медленным шагом, с трудом пробиваясь через пургу.

Вудфорд с трудом осознавал, куда он движется, но неожиданно все же разглядел, что темные витрины магазинов уступили место низкой стене. Внезапно он узнал ее. Это была стена кладбища, которое он покинул несколько часов назад. Кладбища, на котором находился склеп. Его склеп. Склеп, из которого он убежал.

Склеп. Почему он не подумал об этом раньше? Склеп будет убежищем от ледяного ветра и снега. Он может остаться там на ночь, и никто его не заметит.

На мгновение Вудфорд замер, вспомнив о своих недавних кошмарах. Осмелится ли он вернуться в то место, из которого с таким трудом выбрался? Но в этот момент сильный порыв ветра ударил ему в лицо, и Джон принял решение. Склеп станет для него убежищем. А это было все, чего так хотело его замерзшее тело.

С трудом он перебрался через ограду и пошел мимо белых кладбищенских монументов к своему склепу. Падающий снег заметал его следы.

Вудфорд добрался до склепа и возбужденно дернул железную дверь. Он боялся, что захлопнул ее, когда выходил. Но, к его облегчению, дверь открылась. Джон вошел и закрыл ее за собой. Внутри было темно. Но по крайней мере здесь он оказался недосягаем для ветра и снега, и его уставшее тело наконец-то почувствовало облегчение.

Вудфорд присел на край выступающей стены. В конце концов, это крыша на ночь. Горько, что пришлось вернуться сюда. Но он был благодарен судьбе, что у него есть хотя бы такое убежище. Утром, когда пурга окончится, он сможет выйти и покинуть город. И никто его не увидит.

Джон сидел и слушал, как снаружи завывает вьюга. В склепе было холодно, очень холодно. Он почувствовал, как немеют его ноги. Тогда он встал и начал ходить туда-сюда, пытаясь согреться.

Если бы у него только было одеяло или пальто, чтобы накрыться. Он замерзнет здесь на каменном полу. Затем, сделав случайное движение в сторону, он наткнулся на гроб. Новая идея пришла ему в голову.

Гроб. Ведь он покрыт шелком и атласом. В гробу будет тепло. Лучше уж он будет спать в нем, чем на холодном каменном полу. Но осмелится ли он вновь лечь в него?

В душе вновь зашевелились прошлые ужасы. Но они ничего не значат. В этот раз гроб не будет закрыт. Его замерзшая плоть молила о тепле, которое могла дать обивка.

Медленно, осторожно он забрался в гроб и вытянулся внутри. Шелк и атлас, окружавшие его, несли долгожданное тепло. С довольным видом он положил голову на мягкую маленькую подушечку. Так было лучше, и он даже почувствовал некоторый комфорт.

Но полежав немножко, понял, что его тело все еще мерзнет. Холодный ветер пробирает до костей. Если он закроет крышку, то холод его больше не побеспокоит.

Вудфорд поднялся, дотянулся до тяжелой металлической крышки и закрыл ее над собой. Он оказался в полной темноте. Но зато стало значительно теплее, и он согрелся.

Все же намного удобнее было с закрытой крышкой. Тепло теперь охватило все его тело, а воздух внутри гроба согрелся и поплотнел. Вдыхая этот теплый воздух, Джон неожиданно почувствовал сонливость.

Становилось труднее дышать. Вудфорд понимал, что нужно бы приподнять крышку и впустить немного свежего воздуха. Но ему так не хотелось этого делать. Снаружи было так холодно, а здесь так тепло. Его все сильнее клонило в сон.

Что-то подсказывало ему, что он может задохнуться. «Ну и что?» — пронеслась в голове мысль. Ему здесь намного

приятнее, чем снаружи. Он был глупцом раньше, пытаясь убежать из этого удобного гроба, чтобы вернуться в беспокойный мир.

Нет уж, гораздо лучше здесь, в тепле и темноте. И в забытьи, которое приближалось. Никто и не узнает, что он выходил отсюда. Все будет так, как прежде. И с этой спокойной уверенностью Джон Вудфорд все глубже и глубже проваливался в небытие, из которого на этот раз возврата не было.

Тонкий шелест, похожий на звук рвущейся бумаги, мгновенно превратился в сотрясающий рев, от которого Гарри Адамс тут же вскочил на ноги.

Он метнулся к дверям своей хибары, а раскрыв их, увидел клинок белого пламени, отвесно рассекающий ночь, и услышал оглушительный грохот.

Потом вновь наступила тьма и тишина, но внизу, в долине, под слабым светом звезд, видны стали медленно поднимающиеся клубы дыма.

— Боже ты мой, метеорит! — воскликнул Гарри. — Прямо в руки идет! Его глаза загорелись. — Вот это будет репортаж! «Журналист — единственный свидетель падения метеорита»!

Он схватил с полки у дверей фонарик и кинулся вниз по колдобистой тропинке, вьющейся от хибары через лес, в долину. Пятьдесят недель в году Гарри Адамс служил репортером в одной из Нью-Йоркских газет, славящейся раскапыванием сенсаций. Но каждое лето он уединялся в хижине на северных склонах Адирондака в Аппалачах, чтобы отмыть мозги от разной чернухи, скандалов и коррупции.

— Хорошо бы, чтоб чего-нибудь от него осталось, — бормотал он, спотыкаясь в темноте о корни. — Материала будет колонки на три.

Выскочив на опушку, он оглядел темноту долины и увидел то место, откуда еще тянулись струйки дыма, и, не колеблясь, кинулся туда через лес.

Кусты шиповника драли штаны и руки, ветки хлестали по лицу. Раз он уронил фонарик, тот погас, и пришлось поползать, чтобы отыскать его. Потрескивание огня и запах дыма он услышал издали. А через несколько минут выбежал к круговому вывалу среди деревьев, футов сто в поперечнике, образовавшемуся от удара метеорита.

Валежник и трава, загоревшиеся при ударе, еще горели по краям вывала, дым щипал глаза. Когда Гарри наконец проморгался, он увидел метеорит. Это вовсе не был обычный метеорит — сразу было ясно, хоть эта штуковина и ушла на половину в воронку в мягкой земле. Это был блестящий многогранник десяти футов в поперечнике, его поверхность состояла из множества плоских граней безупречной геометрической формы. Это было искусственное сооружение, прилетевшее из открытого космоса.

Пока Гарри Адамс разглядывал диковину, в голове уже складывались черные строки заголовков: «МЕТЕОРИТ ЗАПУЩЕН ИЗ КОСМОСА!», «РЕПОРТЕР НАХОДИТ КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ, В КОТОРОМ...»

А что «в котором»?.. Гарри шагнул к нему, осторожно шагнул — от него все еще исходило свечение — казалось, что он до бела раскален. Но что поразительно — поверхность многогранника горячей совсем не была. Земля под ногами была горяча от удара, а эта штуковина — нет. Сияние, исходившее от нее, было вызвано не температурой.

Гарри стоял и смотрел, сдвинув брови домиком, под крышей которого шла кипучая деятельность мозга.

Очевидно, что эту штуку сделали разумные существа где-то во Вселенной. Вряд ли там, внутри, есть живые существа. После такого—то удара. Но могут быть книги, машины, приборы.

Тут пришло решение. Эту историю одному не поднять. Есть человек, который здесь будет полезен. Гарри повернулся и вышел через лес на тропу, но пошел по ней не назад, к хибаре, а дальше в долину, где тропа выходила на узкую грязную разбитую дорогу.

Через час он вышел на другую дорогу, где грязи было чуть поменьше, а еще через час, уже уставший, но все еще возбужденный до дрожи, он пришел в темную спящую деревушку.

Гарри колотил в дверь лавки, пока заспанный ворчащий лавочник в ночной рубахе не спустился вниз и не впустил его. Он тут же бросился к телефону.

— Соедините меня с доктором Питерсом. Доктор Фердинанд Питерс из обсерватории Манхеттенского университета, Нью-Йорк, — кричал он телефонистке, — и звоните, пока не добудитесь!

Десять минут спустя до его слуха донесся сонный раздраженный голос астронома:

— Да! Кто говорит?

— Это Гарри Адамс, доктор! — быстро проговорил Гарри. — Помните репортера, который в прошлом месяце писал о ваших исследованиях солнца?

— Помню, что в вашей статье было никак не меньше тридцати ошибок, кисло отозвался Питерс. — И какого дьявола вам нужно от меня посреди ночи?

Гарри обстоятельно втолковывал ему суть дела, минут пять, а когда закончил, в трубке так долго стояла тишина, что он заорал:

— Вы меня слышите, а? Где вы?

— Здесь, конечно. Не кричите в трубку, — послышалось в ответ. Думаю.

Он быстро заговорил:

— Адамс, я тут же еду в эту вашу деревню, если получится, то аэропланом. Вы меня дожидаетесь, и мы идем и осматриваем эту штуку вместе. Если вы говорите правду, то из всего этого выйдет такая история, что вы прославитесь на весь мир. Ну уж если вы решили поводить меня за нос я с вас шкуру спущу, даже если придется искать вас на краю света.

— Умоляю вас, в любом случае — никому ни слова, — предупредил Гарри. — Не хочу, чтобы другие газеты перехватили тему.

— Ладно—ладно, — сказал ученый. — Мне без разницы, на какой подтирке это будет напечатано.

Четыре часа спустя, Гарри Адамс увидел аэроплан, спускающийся навстречу рассветному туману к востоку от деревни. Еще через полчаса появился астроном.

Доктор Питерс увидал Гарри и зашагал прямо к нему. Проницательные черные глаза Питерса за очками на худощавом бритом лице выражали и сомнение, и плохо срытое воодушевление.

Что характерно, он не стал тратить времени на приветствия и предисловия.

— Вы уверены, что это тело представляет собой правильный многогранник? Это не природный метеорит, похожий на многогранник?

— Подождите, увидите сами, — сказал ему Гарри. — Я тут взял машину, мы сможем доехать почти до места.

— Давайте сначала к моему аэроплану, — распорядился доктор. — Я привез оборудование, которое может здесь пригодиться.

Оборудование состояло из арматуры, инструментов, ключей, ацетиленовой горелки с баллонами. Они загрузили все на заднее сидение, а потом долго тряслись по колдобинам заброшенных горных дорог, пока не добрались до тропы.

Когда доктор Питерс с репортером продрался на прогалину, где лежал отсвечивающий многогранник, он некоторое время молча смотрел на него.

— Ну? — нетерпеливо спросил Гарри.

— Безусловно, это не природный метеорит.

— А что это? — воскликнул Гарри. — Снаряд из других миров? Что в нем?

— Вскроем — узнаем, — хладнокровно ответил Питерс. — А сначала надо отгрести от него землю, иначе его не исследовать.

Несмотря на напускное спокойствие Питерса, пока они перетаскивали тяжелое оборудование из машины на прогалину, Гарри видел в его глазах азартный блеск.

А уж та энергия, с которой работал доктор Питерс, была лишь дополнительным подтверждением интереса.

Они сразу же начали откапывать снаряд. На это ушло два часа тяжелой работы. И вот уже чистый многогранник стоял перед ними, отсвечивая белым, под лучами утреннего солнца. Ученый минуту разглядывал вещество, из которого состоял блестящий снаряд. Он покачал головой.

— Это не похоже ни на какое известное мне вещество. Нет ли там следов люка?

— Никаких, — ответил Гарри, потом внезапно воскликнул: — А вот на этой грани какой-то чертеж!

Доктор Питерс быстро перебежал на другую сторону. Репортер показал на свою находку: замысловатый знак, выгравированный на одной из граней на уровне середины многогранника.

Чертеж представлял собой небольшой по размерам спиралевидный вихрь из теснящихся точек. За пределами центрального вихря располагались и другие скопления точек, большинство также спиралевидной формы. А над этим любопытным чертежом шла замысловатая вязь чудных символов.

— Боже! Это же письмена! — завопил Гарри. — Надо было вызвать фотографа.

— И девочку посадить на переднем плане, нога на ногу, чтобы кадр вышел поаппетитнее. Вы еще можете думать о своей подтирочной газетенке в присутствии вот этого?

Его глаза блестели от возбуждения.

— Надпись нам, разумеется, не прочесть, несомненно, она относится к содержимому снаряда. А вот чертеж!

— Что, по—вашему, он означает? — Гарри быстро перехватил паузу.

— Эти скопления точек, кажется, изображают галактики — звездные системы, — медленно говорил Питерс. — В центре, без сомнения, наша Галактика, у нее как раз такая спиралевидная форма. Остальные скопления представляют другие галактики. Но они очень уж близко расположены,

слишком близко к нашей. Если они на самом деле располагались вот так, когда была сделана эта штука, то, значит, она была сделана тогда, когда Вселенная еще начинала расширяться.

Тут он стряхнул с себя пыль абстрактных умствований и быстро повернулся к груде инструментов.

— А ну—ка, Адамс, попробуем вскрыть эту жестянку с задней стороны. Не поможет лом — возьмем автоген.

Спустя два часа Гарри и доктор Питерс, запыхавшиеся и обливающиеся потом, обескураженно отступили и молча уставились друг на друга. Все попытки вскрыть этот таинственный многогранник ни к чему не привели. Самые твердые долота не оставляли даже царапин на блестящей поверхности. Ацетиленовая горелка возымела такое же действие. Пламя даже не нагрело вещество корпуса. Кислоты, принесенные доктором Питерсом, не подействовали никак.

— Что бы это ни было, — выдохнул Гарри, — я бы сказал, что это самое твердое и непроницаемое вещество из всех, какие я знаю.

Астроном задумчиво кивнул.

— Если это вообще вещество, — сказал он.

Гарри широко раскрыл глаза:

— То есть как — если вещество?.. Это же видно! Оно твердое и такое же реальное, как мы с вами.

— Твердое и реальное, — согласился Питерс. — Но из этого не следует, что это — вещество. Я думаю, что это какой-то вид энергии, кристаллизованной неким сверхчеловеческим и неведомым нам способом в подобие твердого многогранника. Замороженная энергия.

— Не думаю, чтобы нам удалось вскрыть ее обычными инструментами. Они справятся с обычной материей, но не с этим объектом.

Репортер в недоумении переводил взгляд с Питерса на сверкающую штуковину.

— Замороженная энергия? И что нам теперь делать?

Питерс покачал головой.

— Это выше моего понимания. Похоже, в мире нет способа...

Вдруг он умолк. Гарри глянул на него и увидел, что на лице ученого появилось такое выражение, словно он прислушивается к чему—то.

И в то же время, это было выражение изумления, будто одна часть мозга удивлялась тому, что говорит ей другая.

Через мгновение доктор Питерс заговорил с тем же удивлением в голосе:

— Что это я говорю? Конечно, мы сможем ее открыть. Я только что понял, как. Объект изготовлен из кристаллизованной энергии. А нам надо лишь вывести ее из кристаллического состояния — расплавить, приложив другие виды энергии.

— Но ведь ваших познаний наверняка не хватит, чтобы такое сделать.

— Как раз наоборот, я легко это сделаю, но мне потребуются еще инструменты, — сказал ученый.

Он выудил из кармана обрывок бумаги, карандаш и быстро набросал список.

— Вернемся в деревню, я позвоню в Нью-Йорк, чтобы прислали оборудование.

Пока астроном диктовал список в телефон, Гарри поджидал его в лавочке. Когда, закончив дела, они вернулись на прогалину, уже стемнело.

Многогранник таинственно светился в ночи, загадочный магический кристалл. Для Гарри составило немало труда оторвать своего компаньона от исследований. Наконец, он утащил его к себе в хибару, на скорую руку они приготовили еду и поужинали.

После ужина они сели и попытались играть в карты при свете керосиновой лампы. Оба молчали, лишь изредка роняя односложные слова. Они все время путали карты, пока Гарри Адамс не отшвырнул их.

— Ерундой—то заниматься! У нас все мозги заняты этой хреновиной, ни о чем больше не думается. Мы же просто оба

помираем от любопытства — откуда взялась эта штука и что там в ней? Что означают символы на ней? А эта диаграмма, вы говорите, представляет галактики? Мне бы это и в голову не пришло.

Питерс задумчиво кивнул.

— Такие вещи не каждый день на Землю падают. Похоже, что это первый такой посетитель.

Он сидел, уставившись на огонек лампы. Его взгляд был неподвижен, а худощавое лицо выражало полную сосредоточенность и, вместе с тем, изрядное замешательство.

Гарри вдруг вспомнил:

— Когда вы глядели на эту странную диаграмму, то сказали, что, судя по ней, многогранник был сделан, когда Вселенная только начала расширяться. Что вы под этим понимали? Что, Вселенная на самом деле расширяется?

— Разумеется. Я полагал, что все это знают, — раздраженно сказал доктор Питерс. Внезапно он улыбнулся:

— С тех пор, как я общаюсь преимущественно с коллегами, я что-то стал забывать, что большинство людей совершенно не представляют себе Вселенной, в которой они живут.

— Мерси за комплимент, — сказал Гарри. — Давайте рассеем мое невежество в этом вопросе.

— Хорошо, — откликнулся его собеседник. — Вы знаете, что такое Галактика?

— Скопление звезд, таких, как наше Солнце, да? Целая куча их.

— Верно. Наше Солнце — лишь одна из миллиардов звезд гигантского скопления, которое мы называем нашей Галактикой. Известно, что это скопление имеет приблизительно спиралевидную форму, и что оно перемещается в пространстве как единое целое, вращаясь вокруг своего центра.

В пространстве, кроме нашей, есть и другие галактики, гигантские звездные скопления. Их число оценивается миллиардами, и в каждой из них, повторяю, миллиарды звезд. Но, что любопытно, наша Галактика заметно больше других.

Эти другие галактики находятся от нашей на чудовищных расстояниях. До ближайшей — больше миллиона световых лет, другие же еще дальше. И все они движутся в пространстве. Каждое звездное облако несется в пустоте.

Нам, астрономам, удалось определить скорость и направление их движения. Когда звезда либо звездное скопление удаляется вдоль линии, соединяющей ее с наблюдателем, спектральные линии сдвигаются по направлению к красной части спектра. Чем больше скорость удаления, тем больше красное смещение спектральных линий. Используя эту методику, Хаббл, Слайфер и другие астрономы измерили скорость и направление движения других галактик. Они обнаружили удивительное явление, которое вызвало настоящую сенсацию в научных кругах. Они установили, что все остальные галактики удаляются от нашей!

Не то, чтобы удалялись некоторые. Нет! Разбегаются все галактики! Со всех сторон все галактики в космосе спешат прочь от нашей. И разбегаются они со скоростью около пятнадцати тысяч миль в секунду, то есть, почти одной десятой от скорости света.

Сначала астрономы просто не поверили своим наблюдениям. Казалось невероятным, что все галактики удаляются от нашей. Некоторое время полагали, что часть ближних галактик сближается с нами. Но оказалось, что это лишь ошибка наблюдений. И теперь считается бесспорным фактом, что все галактики разбегаются от нашей.

Что это значит? Это значит, что некогда существовал момент, когда все разбегающиеся галактики вместе с нашей были собраны в единую сверхгалактику, содержащую все звезды Вселенной. Исходя из нынешних их положений и скоростей, мы смогли установить, что это было около двух миллиардов лет назад.

Затем какая-то причина разбросала сверхгалактику, и все ее внешние части разлетелись в пространстве по всем направлениям. Улетевшие части это и есть те галактики, которые до сих пор убегают от нас. Наша же, без сомнения, —

центр, сердцевина прежней сверхгалактики. Что вызвало взрыв гигантской сверхгалактики? Этого мы не знаем, хотя выдвинуто много гипотез. Сэр Артур Эддингтон считает, что взрыв был обусловлен каким-то неизвестным принципом отталкивания материи, который мы называем космологической константой. Другие полагают, что начало расширяться само пространство. Есть и еще более невероятные предположения. Каковы бы ни были причины, мы знаем, что сверхгалактика взорвалась и что все другие галактики, образованные при этом взрыве, улетают от нашей с громадными скоростями.

Гарри Адамс внимательно слушал, пока доктор Питерс как астроном излагал ему суть дела в своей быстрой нервной манере. Его худощавое лицо, покрытое свежим загаром, казалось очень серьезным в свете лампы.

— Да, все это кажется весьма странным, — прокомментировал он. Космос, в котором все галактики удирают от нашей. Но эта диаграмма на корпусе снаряда — вы сказали, что из нее следует, что эта штука была сделана, когда разбегание только началось?

— Да, — кивнул Питерс. — Видите ли, эта диаграмма выполнена разумными — или сверхразумными — существами, поскольку они знали, что наша Галактика имеет спиралевидную форму, и так ее и изобразили.

Но на изображении другие галактики почти касаются нашей. Другими словами, эта диаграмма была изготовлена, когда другие галактики только начали разбегаться. Это произошло около двух миллиардов лет, как я уже говорил. Две тысячи миллионов лет! Понимаете? Если этот многогранник действительно сделан в то время...

— Пока я понял, что от этих рассуждений у меня голова пошла кругом, сказал Гарри Адамс, поднимаясь. — Пойду прилягу. Не знаю только, смогу ли заснуть.

Доктор Питерс пожал плечами:

— Пожалуй, можно и вздремнуть. Заказанное оборудование раньше утра все равно не прибудет.

Гарри Адамс залез на верхнюю из двух коек хижины и лежал в темноте, размышляя, что же это за визитер из открытого космоса и что же там внутри?

Его раздумья перетекли в туманные грезы, от которых он пробудился внезапно, обнаружив, что хибара ярко освещена солнцем. Он разбудил ученого, и после спешного завтрака они заторопились вниз, к тому месту дороги, куда доктор Питерс распорядился доставить заказанное оборудование.

Ждать им пришлось не более получаса. По узкой дороге прикатил лощеный мощный грузовик. Увидев их, водитель остановился. Они помогли ему разгрузить привезенное оборудование. Потом он развернулся и уехал обратно.

Гарри Адамс недоуменно оглядел кучу оборудования. Оно показалось ему чересчур простецким: дюжина опечатанных контейнеров с химикатами, несколько больших контейнеров из меди и стекла куча полосовой меди и проводов и несколько тонких стержней из эбонита. Он повернулся к доктору Питерсу, который тоже разглядывал эту кучу.

— Мне это здорово напоминает свалку, — сказал репортер. — И как вы собираетесь всем этим барахлом распорядиться, чтобы разморозить кристаллизованную энергию многогранника?

Питерс растерянно взглянул на него.

— Не знаю, — медленно пробормотал он.

— Не знаете? — отозвался Гарри. — То есть как так? Вчера там, у многогранника, вам все было ясно. Вам же все было понятно, когда вы запрашивали этот хлам.

Астроном был еще больше обескуражен:

— Гарри, я помню, что я все знал, когда я писал список, а сейчас не знаю, совершенно ни малейшего понятия, что тут зачем.

У Гарри даже руки опустились. Он недоверчиво глядел на компаньона. Попытался что-то сказать, но увидев, как расстроен его напарник, решил не углублять тему.

— Ладно, перетащим все к многограннику, — спокойно сказал он, — а к тому времени вы, наверное, уже вспомните, как и что.

— Но я никогда ничего так не забывал, — потрясенно сказал Питерс, помогая собрать с земли кучу снаряжения. — Просто за пределами понимания.

Они выбрались на прогалину, где загадочный многогранник все еще сиял таинственным светом.

Они сложили поклажу возле снаряда и тут Питерс внезапно разразился хохотом.

— Ну конечно, я знаю, что со всем этим добром делать! Проще некуда!

Гарри снова уставился на него.

— Вы вспомнили?

— Разумеется, — уверенно ответил ученый, — передайте-ка мне самую большую коробку, на которой написано окись бария, и вот эти два контейнера. Скоро мы его откроем.

Репортер с отвисшей от изумления челюстью наблюдал, как Питерс решительно управлялся с инструментами и реактивами. Он быстро смешивал в сосудах растворы. Вздымалась пена.

Работал он быстро, сноровисто, и не просил у репортера никакой помощи. В движениях его была настолько совершенная точность и уверенность, так не похожая на былую нерешительность, что в мозгу Гарри Адамса вспыхнула и разгорелась невероятная идея.

Внезапно он сказал Питерсу:

— Доктор, вы полностью представляете, что и зачем вы делаете?

Питерс досадливо оглянулся.

— Ну разумеется, — отрывисто бросил он. — А что, не похоже?

— Пожалуйста, сделайте для меня одну такую вещь, — попросил Гарри, давайте вернемся к дороге, туда, где разгрузилась машина.

— Это еще зачем? — возмутился доктор. — Я хочу побыстрее все закончить.

— Не сердитесь, я прошу вас не просто так, это очень важно, — сказал Гарри. — Это очень важно.

— Глупости все это. Ну ладно, идем, — сказал ученый, отрываясь от работы. — Полчаса потеряем.

Продолжая ворчать, он потащился за Гарри к грязной дороге за полмили от многогранника.

— И что же вы хотели показать мне, — спросил он, озираясь.

— Только спросить, — сказал Гарри, — вы все еще помните, как надо открывать многогранник.

Лицо Питерса вспыхнуло гневом:

— Вы... вы... кретин малолетний! Время ему некуда девать! Конечно, я...

Он сразу умолк. На лице отразился панический, слепой ужас перед неведомым.

— Не помню! — закричал он. — Пять минут назад все помнил, а сейчас даже не знаю, что я там делал.

— Так я и думал, — сказал Гарри Адамс. Хотя его голос был ровен, но по спине вдруг пробежал холодок. — Когда вы стояли возле этого многогранника, вы превосходно знали, как вести процесс, абсолютно неизвестный современной человеческой науке. Но стоило вам отойти от многогранника подальше — и вы уже знаете об этом не больше, чем любой другой ученый на Земле. Вам понятно, что это значит?

Лицо Питерса моментально прояснилось:

— Вы считаете, что некто... нечто в многограннике или возле него вкладывает в мой мозг сведения о том, как его открыть?

Его глаза расширились.

— Невероятно, но похоже, что так оно и есть. Ни я, и никто другой на Земле не знает, как расплавить замороженную энергию. Но когда я стою возле многогранника, я знаю, как это сделать.

Их глаза встретились.

— Если кто-то хочет открыть эту штуку, — медленно проговорил Гарри, он должен сидеть внутри многогранника. Он не может вскрыть его изнутри, но может заставить вас сделать это снаружи.

Некоторое время они стояли в теплых утренних лучах солнца, глядя друг на друга. Окружающий лес испускал аромат теплой листвы, сонно гудели насекомые. Когда репортер вновь заговорил, его голос невольно стал тише.

— Вернемся — сказал он, — вернемся, и если возле него вы снова будете все знать, то это значит, что мы правы.

Они шли медленно, нерешительно. Хотя Гарри и молчал, но, когда они вышли на прогалину и стали приближаться к многограннику, волосы у него встали дыбом.

Они все приближались, пока не остановились возле самой цели. Тут Питерс повернул к репортеру побледневшее лицо:

— Вы были правы, Гарри, — сказал он. — Вот мы вернулись сюда, и мне вдруг стало ясно, как его открыть. Кто-то изнутри говорит со мной, вы правы. Кто-то, запертый внутри долгие века, и теперь стремящийся на свободу.

Внезапный страх сковал обоих, повеяло ледяным дыханием неведомого.

— Бежим отсюда, — крикнул Гарри. — Ради Бога, бежим скорей!

Они развернулись и бросились прочь, но успели пробежать лишь четыре шага, когда в мозгу у Гарри ясно и громко прозвучало:

— Подожди!

В голосе была такая мольба, так ясно он проник в сознание Гарри, как будто бы тот слышал голос своими ушами.

Они остановились, Питерс ошеломленно поглядел на Гарри.

— Я тоже слышал, — прошептал он.

— Подождите, не уходите! — проникло в их головы торопливое послание. — Выслушайте меня, наконец, дайте мне все объяснить, пока вы не убежали.

— Идем, пока еще можем, — закричал Гарри ученому. — Питерс! Кто бы там ни был внутри, кто бы ни говорил с нами, это не человек, он не с Земли. Он пришел из космоса, из далекого прошлого. Уйдем же!

Но доктор Питерс уже снова зачарованно смотрел на многогранник. На лице его отражались следы душевной бури.

— Знаете, Гарри, я останусь и выслушаю его, — вдруг сказал он. — Я должен узнать все, что только возможно. Вы не ученый — вы не поймете. А вы идите, вам незачем. Я возвращаюсь.

Гарри уставился на него, потом ухмыльнулся, хоть бледность еще не совсем сошла с его лица.

— У ученого своя страсть, у журналиста — своя. Я возьму и тоже вернусь. Но, ради Бога, не беритесь за инструменты, не пытайтесь вскрыть многогранник, пока мы не поймем, хоть немного, что же там, внутри.

Доктор Питерс молча кивнул, и они медленно направились к сияющему многограннику. Им казалось, что обычнейший солнечный полуденный мир вдруг утратил реальность. Когда они приблизились к многограннику, мысль, исходящая изнутри, ворвалась в их мозги.

— Я чувствую, что вы остались. Подойдите ближе к многограннику. Мне очень трудно пробить своей мыслью силовую оболочку капсулы.

В каком—то оцепенении они приблизились к самому боку сияющего многогранника.

— Помните, — свирепо прошептал Гарри ученому, — что бы он нам ни внушал, что бы ни обещал, не открывать!

Ученый нерешительно кивнул.

— Я и сам боюсь не меньше вашего.

Теперь мысленные послания из многогранника увереннее достигали их сознания.

— Я заключен в эту оболочку из замороженной энергии, вы поняли правильно. Я запечатан в ней столько времени, что вы даже не можете себе вообразить.

Узилище мое попало, наконец, в ваш мир. Мне нужна ваша помощь, но я вижу, что вы боитесь меня. Когда я открою вам, кто я такой и как оказался заточенным в этом сосуде, вы не будете так меня бояться. Вот почему я хочу, чтобы вы вняли моим мыслям.

Гарри Адамсу казалось, что все это происходит в каком—то странном сне, а мысли из многогранника все текли и текли в его мозг.

— Я не только буду передавать вам мысленные сообщения, чтобы рассказать вам то, что я хочу, но вы и увидите все, что я буду описывать, и поймете все гораздо лучше. Мне не известны возможности вашей мыслительной системы по приему подобных изображений, но я попытаюсь сделать так, чтобы вы четко их восприняли.

Не пытайтесь размышлять над тем, что вы увидите, просто настройте свой мозг на восприятие. Вы увидите все то, что я хочу вам показать, и хотя бы часть из показанного сможете понять, потому что мысли мои будут сопровождать те образы, что предстанут перед вами.

Гарри охватила внезапная паника — он почувствовал, что мир вокруг него исчез. Доктор Питерс, многогранник, вес залитый полуденным солнцем ландшафт — все мгновенно пропало. Теперь Гарри уже не стоял на солнечной полянке, а висел под бескрайним черным куполом космоса — бессветная, безвоздушная пустота вокруг.

Повсюду вокруг него была лишь пустая чернота. Лишь внизу, под его ногами, далеко—далеко, плыло колоссальное звездное облако, похожее на сплюснутый шар. Звезды в облаке можно было считать только на миллионы миллионов.

Гарри знал, что он смотрит на Вселенную, какой она была два миллиарда лет назад. Он знал, что под ним находится гигантская сверхгалактика, в которую собраны все звезды космоса. Следующим его видением было стремительное движение к могучему звездному вихрю со скоростью мысли, и теперь он видел, что миры солнц этого вихря обитаемы.

Их населяли эфирные создания, сложенные из сгустков энергии. Каждое из них было похоже на высокий столб из голубого сияния, увенчанный диском. Они были бессмертны; они не нуждались в пище; они пронизывали пространство и материю на своем пути одной силой воли. Они были единственными существами, обладавшими волей и разумом в сверхгалактике, а инертная материя почти всецело подчинялась их воле.

Теперь Гарри смотрел на этот мир уже из центра сверхгалактики. Там он увидел одно из эфирных существ, которое ставило новый опыт на материи. Он пробовал создавать новые ее формы, составляя и переставляя атомы в бесчисленных комбинациях.

Внезапно оно наткнулось на странную комбинацию. Материя в этой форме обретала свое собственное движение. Она оказывалась способной воспринимать воздействия, запоминать их и действовать в соответствии с ними. Она оказалась в состоянии ассимилировать другую материю в себе и, таким образом, расти.

Эфирный экспериментатор был удивлен этой странной заразой, охватившей материю. Он попытался воспроизвести опыт в большем масштабе, и зараженная материя стала распространяться, захватывая все больше и больше обычной материи. Создатель назвал эту болезнь материи именем, которое воспроизвелось в мозгу Гарри словом «жизнь».

Эта странная болезнь вырвалась за пределы лаборатории экспериментатора и начала распространяться по всей планете. И повсюду она инфицировала остальную материю. Экспериментатор попытался уничтожить ее, но было поздно — инфекция распространилась слишком широко. Наконец, он и его сородичи покинули зараженный мир.

Но болезнь перекинулась и на другие миры. Споры ее, влекомые давлением звездных лучей, достигли других солнц и планет, распространяясь по всем направлениям. Зараза жизни приспособлялась к любым условиям, принимала различные формы в разных мирах, но при этом

непреклонно распространялась, заражая все больше и больше материи.

Эфирные создания объединили свои усилия для того, чтобы стереть с материи отвратительную заразу, но им это не удалось. Пока они уничтожали ее на одной планете, она захватывала два других мира. Кроме того, всегда оставались сохранившиеся споры, избежавшие уничтожения. Вскоре почти все миры центра сверхгалактики были охвачены чумой жизни.

Гарри видел, как эфирные создания предприняли последнюю отчаянную попытку уничтожить эту патологию, заразившую их вселенную. И эта попытка потерпела неудачу. Чума продолжала свое неостановимое шествие. Существам стало ясно, что так будет продолжаться, пока зараза не охватит все миры сверхгалактики.

Они решили воспрепятствовать этому во что бы то ни стало. Они задумали разбить сверхгалактику, отделить незатронутые заразой внешние части от больной центральной области. Это была бы колоссальная задача, но она не устрашила их.

Их план состоял в том, чтобы привести сверхгалактику во вращательное движение с большой скоростью. Это они осуществили, посылая мощнейшие волны энергии через эфир, волны, направленные так, что постепенно они стали раскручивать сверхгалактику вокруг ее центра.

Шло время, и гигантский звездный вихрь все быстрее и быстрее раскручивался. Зараза жизни все еще распространялась по центральной области, но теперь у эфирных обитателей вселенной появилась надежда. Они продолжали свою работу до тех пор, пока сверхгалактика не раскрутилась столь быстро, что уже не могла более удерживаться в едином целом. Центробежные силы разметали ее как взорвавшийся маховик.

Гарри увидел этот взрыв как бы сверху. Он увидел, как распадается колоссальное звездное облако. Один звездный вихрь за другим отрывался от скопления и улетал в

пространство. Бесчисленные новые галактики меньших размеров отделялись от материнской сверхгалактики до тех пор, пока от нее не осталось только центральное ядро.

Оно все так же вращалось и из-за вращения приобрело спиральную форму. Теперь жизнь охватила почти все миры в нем. Последний островок чистых незараженных звезд оторвался от него и улетел прочь, как и остальные.

Как только отделилась последняя чистая часть, состоялся суд и был вынесен приговор. То существо, чьи опыты напустили на Вселенную заразу жизни, и из-за которого пришлось пожертвовать всей Вселенной предстало перед собратьями.

Они решили, что он навсегда должен остаться в зараженной Галактике, которую все остальные покидают. Они заточили виновника в оболочку—многогранник из замороженной энергии, изготовленную так, что ее никогда нельзя было открыть изнутри. После чего они забросили эту оболочку в зараженную Галактику, которую сами покидали.

Гарри Адамс видел, как этот сияющий многогранник бесцельно плавал по орбитам Галактики, и годы проходили миллионами. Другие галактики устремлялись все дальше и дальше от зачумленной, где зараза жизни охватила уже все возможные миры. Здесь оставалось одно единственное эфирное создание, навечно заключенное в свою сияющую тюрьму.

Гарри, словно сквозь сон, видел, как этот многогранник, кружащийся по бесконечным орбитам среди солнц, натолкнулся на одну из планет. Он видел...

Туман. Только серый туман. Видение исчезало. Внезапно Гарри осознал, что он все так же стоит на солнцепеке возле многогранника, потрясенный и завороженный увиденным.

А доктор Питерс, также потрясенный и завороженный, стоял рядом и машинально собирал какую—то треугольную установку из медных и эбонитовых стержней, направленную на многогранник.

Внезапно Гарри все понял и, ринувшись к астроному, завопил:

— Питерс! Не надо!

Питерс, еще не вполне пришедший в себя, завороженно глядел на прибор, который его руки заканчивали как бы сами по себе.

— Разбейте его! — орал Гарри. Этот, из многогранника, околдовал нас своими видениями, и теперь вы работаете механически, не осознавая, что делаете все, чтобы он мог освободиться. Нет, нет! О, Господи!

Пока Гарри кричал, руки ученого со щелчком сомкнули последние детали медно-эбонитового треугольника. Из его вершины вырвался желтый луч, ударивший в сияющий многогранник.

Желтая вспышка внезапно распространилась по всей поверхности снаряда. Гарри и разгибающийся Питерс, не отрываясь, окаменев, смотрели, как многогранник исчезает в шафранном сиянии.

Ячейки замороженной энергии мгновенно таяли и исчезали. Из заточения восставало Существо, что прежде было заперто в своей клетке.

Сорокафутовой башней из голубого, торжествующего света, увенчанной сияющим диском, оно выросло, божественно прекрасное, во вдруг наступившей тьме, ибо яркий солнечный полдень мгновенно угас, как будто выключили лампочку. Оно кружилось в ужасающем, неземном торжестве. Питерс и Гарри кричали, заслоняясь руками от слепящего света.

Из сияющего столпа в их мозги ворвалась колоссальная волна экзальтации, триумфа триумфов, радости, с которой не сравнима была никакая человеческая радость. Это было могучая песнь Существа, звучащая не в звуке, но в мысли.

Оно было заточено, отрезано от бескрайней Вселенной на протяжении веков, ползущих один за другим, но теперь Оно обрело свободу и — ликовало. Необоримый экстаз космического блаженства исходил от Него в полуденной тьме.

Затем Оно устремилось в небеса гигантской голубой молнией. Сознание Гарри померкло, и он упал без чувств.

Когда он открыл глаза, то увидел полуденные лучи, бьющие через окно. Он лежал в хижине, день за дверью был вновь светел. Откуда-то доносился металлический голос.

Он понял, что этот голос, доносился из его батарейного приемника. Гарри лежал не двигаясь, и ничего не понимая в происходящем, а голос все вещал:

— ...как нам удалось установить, охваченная зона простирается от Монреаля до Скрэнтона на юге, и от Буффало на

западе до акватории Атлантики в нескольких милях от Бостона на востоке.

Это продолжалось менее двух минут, в течение которых вся указанная зона была полностью лишена солнечного света и тепла. Отказали все электрические приборы, не функционировали телефонная и телеграфная связь.

Жители Адирондака и северо-западного Вермонта наблюдали необычные физиологические явления. Они выражались в приступе бурной радости, совпавшем по времени с затемнением, после чего следовала кратковременная потеря сознания.

До сих пор никто не знает причин столь необычного феномена.

Предполагается что это может оказаться каким—либо проявлением солнечной активности. В настоящее время ученые проводят исследования, и как только они...

Гарри тем временем, цепляясь за койку, силился сесть.

— Питерс, — перекрикивал он жестяной звук радио, — Питерс!

— Я здесь, — сказал астроном, подходя к нему.

Лицо ученого было бледно, движения слегка неуверенны, но он также серьезно не пострадал.

— Я пришел в себя немного раньше и перетащил вас сюда, — сказал он.

— Это... Это Существо — это из-за него вся темнота, и остальное, о чем по радио? — крикнул Гарри.

Доктор Питерс кивнул:

— Это было Существо из энергии, силы столь могучей, что, когда оно вырвалось, то вобрало в себя все тепловое и световое излучение Солнца, электрический ток из всех машин в округе и даже электрические импульсы нашего мозга.

— Оно ушло? Оно, правда, ушло? — восклицал репортер.

— Оно устремилось вслед за своими собратьями, в бездну межгалактического пространства, вслед за улетающими от нас галактиками, торжественно произнес доктор Питерс. — Теперь мы знаем, почему все галактики во Вселенной

улетают от нашей. Теперь мы знаем, что на нашей Галактике лежит проклятие — она заражена чумой, заражена проказой жизни. Но мы никогда не поведаем об этом миру.

Гарри Адамс слабо кивнул:

— Нет. Никогда. И лучше бы нам самим поскорее забыть об этом. Лучше забыть.

Брента неумолимо влекли легендарные сокровища плоскогорья, находящегося в самом центре Турции, известного под названием Плато Ветров. Легенда гласила, что там, в этом мало кому известном месте, спрятаны несметные богатства.

Брент знал, что это место должно находиться примерно в ста милях к западу от маленькой деревушки Юрган. Он приехал в Юрган и попытался найти проводника и верблюдов для перехода через пустыню. Там он узнал, что добраться до плато будет совсем непросто.

Ему удалось нанять молодого турка по имени Дасан Ан, который раньше много путешествовал в качестве слуги с другим белым человеком. Дасан носил одежду белых людей и сносно говорил по-английски. Он обращался к Бренту так, словно только они двое были цивилизованными людьми в этом месте.

Доверительно он сообщил Бренту:

— Боюсь, что никто из этих аборигенов не пойдет с нами в качестве погонщиков. Они очень боятся Плато Ветров.

— А что там такого страшного? — спросил Брент.

Дасан Ан надменно улыбнулся.

— Они очень невежественные люди, сэр. Они боятся ветров. Они говорят, что Плато — это священное место. И ветры убивают любого, кто пытается нарушить их покой. Видите, они думают, что ветры — живые существа, а не просто движение воздуха. Они говорят, что в любом другом месте ветры не трогают человека, но там, на священном плато, все по—другому. Вот поэтому местные и боятся идти туда.

— Предложи им больше денег, — раздраженно сказал ему Брент. — Скажи, что я заплачу вдвойне.

Дасан Ан недолго посовещался со своими смуглыми односельчанами, затем повернулся к Бренту. Выражение презрения на его лице стало еще более явным.

— Они не пойдут, сэр. Они говорят, что двойная плата не нужна человеку, которого убьют ветры.

Брент тихо выругался. Какое-то время он размышлял, затем принял решение.

— Хорошо, мы обойдемся без них. Каждый из нас справится с двумя верблюдами, а четырех верблюдов будет достаточно для перевозки необходимых нам воды и пищи.

— Вы хотите сказать, что мы пойдем одни, без погонщиков? — спросил турок. Его уверенность ослабла.

— Именно так, — сказал Брент и добавил: — А почему бы и нет? Ты ведь не боишься ветров, не так ли?

Турок шумно рассмеялся.

— Вам нравится шутить. Дасан Ан — не невежда—деревенщина, как они. Я служил у белого человека и даже бывал в Тиране.

— Хорошо. Проследи, чтобы подготовили верблюдов, — сказал ему Брент. — Мы отправимся в путь, как только все будет готово.

Все оказалось готово к походу через два дня.

Они покинули Юрган в лучах восходящего солнца в сопровождении четырех верблюдов и направились на запад в белые пески пустыни.

Через четыре дня на горизонте появились очертания Плато Ветров, но только к ночи они подошли к огромной стене в тысячи футов в высоту, раскинувшейся с севера на юг на многие мили. В ту ночь они слышали, как на плато воют ветры.

Прислушиваясь к отдаленному шуму, они вглядывались в ночную тьму.

— Сегодня очень ветрено, — сказал Дасан Ан, и Брент кивнул.

— Без сомнения, это плато является центром пересечения воздушных течений. Что и объясняет, почему ваши люди считают его священным местом ветров, — сказал Брент. — Послушай шум ветра там наверху, — добавил он. — Я рад, что сегодня ночью мы решили остаться внизу.

Завывание ветров на плато продолжалось. Их шум и крики доносились из глубины ночи подобно неровному хору голосов, перебивающих друг друга веселыми раскатистыми криками.

Слышались различные голоса. Это были и пронзительные крики, и вой, и глухой трубный звук. Раскатистый рокот сильных ветров и тихий шепот слабых. Казалось, что всевозможные ветры собрались там и теперь кружились, резвились и носились наперегонки друг с другом на этом плато. Прислушавшись к голосам резвящихся ветров, Брент и Дасан Ан уловили другой звук. Это был высокий свист, пронзительный и радостный. Он походил на свист плачущего ветра, но все же в нем звучало какое-то отличие. Он то повышался, то понижался. А когда оборвался, неровный хор ветров завопил с новой силой.

Все это продолжалось до тех пор, пока рев ветров не переместился к северу и не стих.

— Да, там должно быть очень ветрено, — повторил Брент, нарушая молчание. — Я думаю, завтра утром будет спокойнее.

— Может быть, лучше подождать, пока ветры окончательно не стихнут, прежде чем подниматься на плато, — осторожно предложил Дасан Ан.

— Чепуха. Мы не позволим каким-то ветрам стать преградой на нашем пути. Чем быстрее мы поднимемся, тем лучше.

— Правильно, правильно, — поспешил согласиться турок. — Мы не какие-нибудь невежественные дикари, чтобы бояться ветров.

На следующее утро меньше чем в миле от лагеря они нашли тропинку, ведущую на плато. Когда они взбирались по ней вверх, таща за собой верблюдов, Дасан Ан постоянно беспокойно оглядывался назад.

Время перевалило уже далеко за полдень, когда они наконец-то добрались до гребня. Перед ними лежало Плато Ветров — коричневая голая равнина. В нескольких милях

впереди вздымались две огромные скалы, а вся остальная поверхность была ровной и пыльной.

На том месте, где они стояли, царила тишина. Но в нескольких тысячах футов от них двигалась группа слабых ветерков, поднимающих в воздух то там, то здесь небольшие струйки песка.

— В тех скалах должна быть вода, — сказал Брент, глядя против солнца. — Мы можем воспользоваться ей.

Но Дасан Ан тревожно смотрел на струйки песка.

— Смотрите, это слабые ветры. Будем надеяться, что они не переместятся к нам.

Брент повернулся и посмотрел в том направлении.

— Эти маленькие ветерки? Что они могут сделать нам?

— Я надеюсь, они не приблизятся, — повторил турок.

— Пойдем, мы должны добраться до скал до заката.

Они пошли. Дасан Ан все еще встревоженно продолжал наблюдать за слабыми струйками песка. Верблюды неохотно плелись за ними.

Брент смотрел на скалы перед ним и думал, есть ли у них шанс найти легендарные сокровища, когда услышал внезапный крик Дасан Ана.

Он обернулся и увидел, что поднятые малыми ветрами струйки песка приближались к ним. Они напоминали маленьких песочных джиннов, которые двигались группой, что было удивительно. Он насупился и повернулся к своему спутнику.

— Пойдем, — сказал он со злобой. — Эти ветры не такие сильные, чтобы причинить нам какой-то вред.

— Они приближаются, они приближаются, — повторял турок, ничего не слыша от страха.

Бормоча проклятия, Брент вернулся назад, чтобы привести его в чувства. Как раз в этот момент слабые ветры достигли их. Его глаза забил песок, и ему пришлось остановиться. Протирая глаза, он слышал повсюду вокруг себя завывание слабых ветров, словно исследующих пришельцев.

Затем внезапно направление ветров переменилось. Тихий шепот перерос в громкий и злой крик. Они стали подталкивать людей и верблюдов к краю плато.

Брент крикнул, чтобы Дасан Ан держал верблюдов. Песок забивался ему в рот.

Миниатюрный шторм прекратился так же внезапно, как и начался. Слабые ветры повернулись и понеслись через плато к скалам, поднимая на своем пути струйки песка.

Из горла Дасан Ана вырвался отчаянный, срывающийся крик:

— Они видели нас. Они видели, что мы поднялись на плато, и пошли за сильными ветрами, чтобы те убили нас.

— Сильные ветры? Чушь. Это всего лишь атмосферное явление. Оно прошло. Ты что, хочешь сказать мне, что ты такой же суеверный, как твои односельчане?

На этот раз призыв к тщеславию Дасан Ана оказался бесполезным. Весь его надменный скептицизм прошел. Он был охвачен паникой.

— Это не суеверие. Ветры живые, хотя я это и отрицал, — рыдал он. — Они видели нас и знают, что мы здесь. Если мы не повернем назад, мы погибли.

— Забудь эту чушь и закрепи поклажу на своих верблюдах, — приказал Брент тоном, не терпящим возражений. — Потом мы отправимся дальше и...

Внезапно он замолчал. Он увидел, как исказилось от ужаса лицо Дасан Ана. Оно превратилось в маску животного, первобытного страха, а его глаза расширились от ужаса.

Брент повернулся и почувствовал, как волосы у него встали дыбом. Вся западная часть неба внезапно потемнела. В воздух были подняты огромные тучи песка. Это с громким стоном приближались сильные ветры.

Брент бросил поводья верблюдов и рванулся в сторону ближайшей расщелины в скалах, крича Дасан Ану:

— Беги за мной. Мы не сможем удержать верблюдов. Брось их.

— Ветры, — услышал он слабый крик турка. — Идут сильные ветры.

После того как Брент протиснулся в маленькую расщелину, он больше не слышал ужасного рева ветров. Он видел, как бешено метались верблюды, охваченные страхом. Он видел, как застыл на месте Дасан Ан, словно завороженный приближающейся песчаной бурей, ожидая неизбежной смерти.

Он видел, как ветры подхватили турка, подняли в воздух, а затем бросили обратно на каменную поверхность. Они бросали его вверх и вниз до тех пор, пока его тело не превратилось в большой кровавый кусок мяса.

Он видел, как, подхваченные могучими ветрами, были сброшены с обрыва его верблюды. Затем он почувствовал, что ветры начали терзать его собственное тело. Он слышал их громкое завывание. Это был рев гнева, нечеловеческой ярости. Безумное стремление вырвать его из расщелины и забить до смерти.

Спасаясь от чудовищных ветров, Брент все сильнее вжимался в землю, крепко цепляясь пальцами за камни. Он чувствовал, что несмотря на все усилия, его все равно оттаскивает назад. Завывание ветров становилось все громче. Наконец они добились своей цели и, подхватив его, подбросили в воздух. Внезапно среди их рева он уловил тонкий, серебряный, взволнованный свист. Ветры бросили его на землю.

В полубессознательном состоянии Брент поднял голову и увидел, что могучие ветры отступили от него. Через песчаные струйки, поднятые ветрами, навстречу ему бежала девушка. Девушка, которая и издавала этот серебряный свист. Стройная, одетая в легкое белое платье без рукавов, из которого были видны бронзового цвета голые руки и ноги. Ее золотистые волосы развевались за спиной подобно пламени.

Она бежала к нему с такой легкостью, что, казалось, была сделана из воздуха. Он видел прекрасное лицо, серо—зеленые глаза, широко раскрытые от переполнявших ее эмоций.

Брент вновь услышал серебряный свист, сорвавшийся с ее губ, и понял, что рев ветров немного отдалился. Затем Брент больше ничего не видел и не слышал. Он потерял сознание.

Когда Брент очнулся, сначала он не мог ничего понять. Он знал только то, что лежал в темноте на чем-то мягком. Что же с ним произошло? И тут он вспомнил. Он вспомнил свой подъем на плато, вспомнил, что ветры забили до смерти Дасан Ана и чуть было не убили его самого. Но внезапно отступили. А когда они отступили, то появилась девушка с серо-зелеными глазами, которая издавала тонкий свист. Была ли она на самом деле? И если была, то где она сейчас?

Брент сел и огляделся по сторонам. Он обнаружил под собой мягкие шкуры. Вскоре он выяснил, что находится в

пещере огромных размеров. Вокруг него лежали различные фрукты и цветы. А в углу била тонкая струйка воды. В противоположном конце пещеры квадратное отверстие выходило в небо, покрытое звездами.

Пораженный, он поднялся на ноги и пошел к отверстию. Там Брент понял, что оказался в пещере, которая находилась в одной из двух скал—близнецов.

Перед ним в свете звезд распростерлась равнина, Плато Ветров. Менее чем в ста ярдах от него двигалась стройная фигура в белом коротком платье. Это была та самая девушка, которую он видел, прежде чем потерять сознание. Она кружилась и танцевала под светом холодных звезд.

В тот момент девушка не знала, что он наблюдает за ней. Она бежала и пританцовывала с невероятной легкостью, а полдюжины слабых ветров танцевали вокруг нее, поднимая в воздух маленькие струйки песка. Звук танцующих ветров был похож на задорный шепот. А с губ девушки срывался веселый свист.

Внезапно она увидела Брента и замерла. Затем медленно пошла к нему. Он вновь увидел в полумраке звездного света ее красивое лицо и пристальный взгляд, всматривающийся в него. Брент поразился, какие большие у нее глаза, да что там большие, просто огромные. Глаза ясные, как безветренное небо в погожий день, в которых бился бешеный пульс свободы.

Теперь слабые ветры кружились вокруг него и девушки. Брент чувствовал, что они дергали его за плащ, проникали под одежду, подобно шаловливым детям, дурачащимся вокруг двух взрослых.

Он долго молча глядел на девушку. Затем его любопытство заставило его заговорить.

— Бог мой, вы белая. Что бы вы здесь ни делали и как бы сюда ни попали, но вы белая.

Девушка зачарованно слушала его голос, и на ее лице возникло выражение любопытства, как будто она старалась

с трудом что-то припомнить. Когда она заговорила, в ее высоком голосе слышался тот же серебристый тон.

— Девушка, — повторила она неуверенно. Затем указала пальцем на себя и произнесла:

— Девушка — Лора.

— Тебя зовут Лора! — воскликнул Брент. — Тогда ты должна быть англичанкой. Я — Брент. Дик Брент.

— Брент, — повторила она. Между ее бровями пролегла задумчивая морщинка. Ее горящие глаза выражали озабоченность.

— Англичанка? — повторила она.

Он поймал ее руку. От возбуждения он забыл все на свете. Как он мог встретить здесь, на этом затерянном плато, белую девушку? Как она попала сюда и как долго здесь живет?

На многочисленные вопросы Брента она поначалу отвечала лишь озадаченным выражением лица. Внезапно речь, как ручеек, полилась из ее рта. Она говорила сладким, высоким голосом.

— Я уже почти забыла, как говорить. Я уже почти забыла, как выглядят люди.

— Забыла? Как же давно ты здесь живешь?

— С тех пор... — казалось, она с трудом подыскивала слова.

Затем, подняв руку на уровень талии, добавила:

— С тех пор, как была вот такой.

— Ты хочешь сказать, что находишься здесь с тех пор, как была маленькой девочкой? — недоверчиво спросил Брент.

Она кивнула. Казалось, что речь причиняла ей невыносимую боль.

— Давно—давно мой отец и другие мужчины пришли сюда. Я была с ними. Они искали что-то. Может, золото? Теперь я уже не помню.

— Но что с ними случилось?

Ее ответ был простым.

— Ветры убили их. Ветры сказали мне, что убили многих людей, приходивших сюда.

Брент ошарашенно смотрел на нее. Хоть это и казалось странным, он поймал себя на мысли, что в глубине души ожидал подобных слов. В самой этой девушке был что-то такое необычное, поэтому ее слова звучали вполне естественно и не могли быть неправдой. И все же ее рассказ был невероятен, фантастичен.

— Ветры сказали тебе? Ты говоришь так, словно ветры — живые существа.

Глаза Лоры расширились от удивления.

— Конечно.

Опровержение Брента прозвучало резко.

— Чушь. Ветры не живые. Это просто воздух.

— Конечно, воздух, но живой воздух, — возразила Лора. — Они движутся по небу подобно нам, людям, ходящим по земле. Подобно нам, кто-то из них сильный, кто-то слабый, кто-то маленький, кто-то большой. Они другая, не наша форма жизни. Но они живые и очень много знают. Ты думаешь, если бы они не были живыми, они бы ответили на мой призыв?

Лора внезапно вытянула губы, и с них сорвалась серебряная трель. Затем сверху из глубины ночи налетели яростные, дико ревущие ветры. Они кружились, извивались вокруг девушки. Слегка подталкивали ее и ревели, но совсем не злобно. Своим криком они заполнили тишину, которая царствовала здесь еще минуту назад. Лора засмеялась, словно отзываясь на плач ветров. Затем засвистела вновь. И могучие ветры исчезли так же быстро, как и появились.

— Теперь ты веришь, что ветры живые? — крикнула она, заливаясь серебряным смехом.

— Конечно, нет, — ответил Брент. — Это был всего лишь небольшой ураган, типичный для этого места в это время года. Это доказывает только то, что ветры — просто ветры.

Лора раздраженно топнула ножкой.

— Это не так. Я докажу тебе. Я позову их снова.

Брент схватил ее за руку.

— Нет, не надо. Я поверю, что они живые, если ты так этого хочешь. Меня интересуют не ветры, а ты. Как ты прожила столько лет на этом пустынном плато? Как ты смогла выжить, если твой отец и все остальные погибли?

Гнев девушки исчез в один момент. Она взяла Брента за руку и повела за собой в темную пещеру. Она показала на мягкие шкуры, фрукты и бьющую в углу струйку воды.

— Все очень просто. На этом я сплю. А это ем и пью.

— Но откуда ты берешь свежие фрукты?

— Ветры приносят мне все, что нужно, — просто ответила она.

Брент уставился на нее с недоверием. И ее ноздри вновь начали раздуваться от приступа внезапного гнева.

— Ты не веришь?

— Конечно, я верю тебе, — поспешно ответил Брент. — Я знаю точно, что ветры способны поднимать в воздух различные предметы и переносить их на большие расстояния. Но как получилось, что ты осталась жива, когда твой отец и его товарищи были убиты?

Прежде чем ответить, Лора взяла его руку в свои маленькие мягкие ладошки и посадила рядом с собой на шкуру. В бледном свете звезд, пробивающемся через отверстие в скале, ее лицо казалось напряженным. Брови немного нахмурились. Брент зачарованно наблюдал за ней. Единственным звуком, нарушавшим тишину, было отдаленное бормотание ветров.

Девушка говорила медленно. Ей все еще было трудно подбирать слова.

— Об этом я помню немного. Я помню моего отца, еще одного белого человека и нескольких смуглых мужчин, управлявших большими животными, на одном из которых я ехала. Я также помню тяжелый подъем на это плато. Затем сильные ветры понеслись к нам в порыве ярости и злости. Я помню, что мой отец и остальные люди были

сброшены ветрами с обрыва. Я помню крики падающих в пропасть людей и рев ветров.

Затем ветры подхватили и меня и подняли в воздух. Но они не стали сразу же убивать меня. Может потому, что я была слишком маленькой. Они играли мной. Перебрасывали меня по воздуху от одного ветра к другому. Они смеялись, забыв о гневе. Затем один из них отобрал меня у других. Этот ветер был не такой, как все остальные. Он был сильным, но мягким и нежным. Ветер принес меня сюда, в эти скалы, и отпустил. Сначала я долго плакала, затем уснула. А когда проснулась, ветер был снова со мной.

Он гладил, ласкал меня, пытаясь заставить забыть мое горе. Затем он улетел, но вскоре вернулся назад и опустил передо мной фрукты, шкуры и другие вещи. Я научилась отличать его от всех других ветров и стала думать о нем, как о Матери ветров, потому что он заботился обо мне.

Я разговаривала с Матерью ветров и думала, что она меня слышит. Я больше ничего не боялась. Я знала, что ветры не причинят мне вреда. Другие сильные ветры прилетали и подхватывали меня, чтобы опять поиграть со мной, но Мать ветров им этого не разрешала. Она забирала меня от них.

Через какое-то время уже все ветры знали меня. Они привыкли ко мне. Они приносили мне пищу и другие вещи, которые подбирали в местах, где жили люди. Я научилась отличать одни ветры от других, большие от маленьких, сильные от слабых.

Я слушала звуки, которые они издавали. Чтобы общаться с ними, я научилась издавать подобные звуки. И хотя они не могут слышать так, как люди, я знаю, что каким-то образом они понимают мой свист и отвечают на него. Вот так я общаюсь с ними.

Со мной разговаривают ветры со всей земли. Это плато как раз и является местом встречи всех ветров. Они прилетают сюда и улетают отсюда, проносясь высоко над землей.

Здесь они встречаются, общаются и играют. И здесь я говорю с ветрами со всего мира.

Но многие сильные ветры остаются здесь почти все время и среди них Мать ветров. Ни разу с тех пор, как я попала сюда, Мать ветров не покидала меня надолго. И хотя я люблю их всех, именно Мать ветров я люблю больше других ветров.

Брент слушал, охваченный непонятным восторгом. Но теперь, когда Лора замолчала, он высказал свое недоверие.

— Но то, что ты говоришь, это фантазии. Ветры не живые существа. Ты так долго жила одна среди ветров, что стала так думать. Как могут ветры говорить или слышать? Как они могут обращаться к тебе и понимать тебя?

Лора покачала головой.

— Этого я не знаю. Но они говорят и слышат. Они приносят мне все, что я прошу. Я ведь смогла убедить их не убивать тебя, когда они уже собирались сделать то же самое, что и с твоим спутником и вашими животными.

Брент уставился на нее в замешательстве.

— Ты хочешь сказать, что буря прекратилась только потому, что это ты приказала ветрам остановиться?

Лора кивнула.

— Конечно. Когда я увидела тебя, я начала свистеть им, чтобы они тебя отпустили, хотя они этого не хотели. Они были в ярости. Они помогли мне принести тебя сюда к скалам, хотя и этого не хотели делать.

Брент отрицательно покачал головой.

— Я могу понять, что ты веришь в это, — произнес он, скорее убеждая самого себя. — Я не сомневаюсь, что на этом плато всегда ветрено. Без сомнения, ты осталась жива только по чистой случайности. Вполне разумно, что ты наделяешь ветры человеческими качествами, так как они твои единственные спутники в этом одиноком месте. Ты воображаешь, что можешь говорить с ними, а они с тобой. Но когда ты начинаешь утверждать, что...

Внезапно голос Брента оборвался от приступа неожиданной слабости. Он покачнулся, и Лора быстро вскочила на ноги.

— Ты еще совсем слаб. Я забыла об этом.

Она взяла несколько шкур и сделала из них небольшую кровать в другом конце пещеры.

— Поспи теперь, — просто сказала она.

Брент лег, а она легла на свою кровать из шкур.

Ослабевшего и обессиленного после битвы с ветрами Брента мгновенно потянуло в сон. Снаружи он слышал отдаленные голоса ветров.

Проснувшись следующим утром, он увидел, что пещера наполнена ярким золотым солнечным светом, проникающим через отверстие. В первую секунду он не мог понять, где находится. Затем он услышал снаружи задорный серебряный свист. Брент вскочил на ноги и выбежал из пещеры. Там стояла Лора и свистела. Увидев его, она закричала:

— Брент, она пришла ко мне сегодня утром, Мать ветров.

— Что? — недоверчиво переспросил Брент.

— Смотри, вот она, — воскликнула Лора. Ее лицо сияло от счастья. — Я рассказала ей о тебе.

Брент видел, что вокруг девушки вьется ветер, нежно играя в ее волосах, издавая мягкий, мурлыкающий звук.

С губ Лоры слетали короткие, высокие звуки. Затем ветер направился к Бренту.

Когда ветер коснулся его, Брент почувствовал беспричинную панику. Ему хотелось бежать, но он сказал себе, что это всего лишь ветер, движущаяся масса воздуха. Так он стоял неподвижно, пока ветер осторожно исследовал его.

Затем его прикосновения изменились. Он больше не исследовал, а ласкал. К его лицу прикоснулись воздушные пальцы. А в своих волосах он почувствовал тепло, словно дыхание любящей матери. Высокий мурлыкающий звук успокаивал его. По всему телу разлилось странное блаженство.

Еще какое-то время нежный сильный ветер кружил вокруг него и Лоры, затем, в последний раз взлохматив волосы девушки, понесся прочь. Брент видел, как он движется на запад через равнину, поднимая на своем пути небольшие клубы пыли. Он испытывал странный покой, подобно ребенку, которого только что приласкали.

— Ты ей понравился, — сказала Лора. — Я думаю, что ты понравился Матери ветров.

Брент сказал себе, что ему придется подыграть странным фантазиям девушки. Это не причинит никакого вреда.

— Я рад, что понравился ей.

И он действительно был этому рад, хотя продолжал говорить, что для этого нет никакой причины.

Когда они шли через равнину, Лора доверительно сообщила:

— Мать ветров всегда недалеко от плато, недалеко от меня. Многие другие ветры тоже живут здесь, но большинство прилетает из других мест. Даже такие маленькие, как эти.

Она показала в сторону маленькой хаотичной группки песчаных струек, танцующих неподалеку. Когда она показала на них, маленькие струйки изменили направление, внезапно рванувшись к девушке и юноше. Брешу пришла мысль, что они похожи на детей, увидевших любимых родителей.

Девушка рассмеялась, раскинув руки в стороны, словно приветствуя их. Они радостно кружились и танцевали вокруг нее.

Брент пытался убедить себя, что во всем происходящем нет никакого смысла. Он не мог позволить себе поддаться фантазиям Лоры. Но все же обнаружил, что, несмотря на свои убеждения, он начинал думать о ветрах, словно о живых существах.

Ветры убежали так же быстро, как и примчались, спеша друг за другом через равнину. Лора рассмеялась.

— Это самые маленькие ветры, но я люблю их больше других.

Внезапно Брент спросил:

— Лора, а ты никогда не хотела покинуть это плато? Жить вместе с другими людьми?

Она подняла на него ясные серо—зеленые глаза.

— Зачем мне нужны люди, если у меня есть ветры?

— Но ведь ты не хочешь прожить здесь всю жизнь?

Она отрицательно покачала головой, словно пытаясь объяснить что-то очевидное.

— Но я не могу оставить их.

Ее мягкая бронзовая рука внезапно обвила шею Брента, и их взгляды встретились. Она смотрела на него с выражением обиженного ребенка.

— Я хочу быть здесь. И теперь, когда ты пришел сюда, я хочу, чтобы ты остался со мной. Ведь ты останешься?

Руки Брента невольно обхватили ее. Он глубоко вздохнул и ответил:

— Да, по крайней мере, какое-то время.

Брент остался. Он убеждал себя, что это ненадолго, что через несколько дней ему удастся излечить девушку от ее фантазий, и она уйдет вместе с ним. Но он не смог. И Брент против своей воли, против всех законов разума начал осознавать, что уже и сам разделяет ее точку зрения.

Он начал отличать один ветер от другого, словно людей. Большие сильные ветры, которые ревели громко и торжественно, более маленькие буйные ветры, которые налетали и убегали, совсем маленькие ветры, которые кружили и гонялись друг за другом по плато. Он думал о них, как о людях.

А этот сильный, нежный ветер, которого Лора называла Матерью ветров, каждое утро приветствовал их и приносил им еду.

Здравый смысл говорил Бренту, что это место — пункт пересечения воздушных течений, что ветры постоянно переносят различные предметы на дальние расстояния. Но он

не мог справиться со странным влиянием на Брента фантазий девушки.

С раннего утра до позднего вечера вокруг Лоры всегда резвились ветры. Вокруг нее их всегда было больше, чем в любом другом месте. Живые они или нет, но они постоянно сопровождали девушку.

И вскоре ему начало казаться, что ни один друг на свете не может быть более нежным, более верным, чем эти ветры, гуляющие по свету и пьющие с дикой радостью восторг свободы. Это были товарищи, которые никогда не предадут, не покинут, не забудут. Лора и Брент радостно бежали по плато под серебряный свист девушки.

Ветры могли быть игривыми, кружа шаловливо вокруг Лоры и Брента. Но только Мать ветров среди них всех одаривала их такой нежностью, которую Брент чувствовал каждый раз, когда она к нему прикасалась.

Для Брента мир, который он покинул, стал казаться нереальным. И он уже почти забыл причину, которая когда-то привела его сюда. Реальными для него сейчас были Лора, плато и ветры. И так продолжалось до тех пор, пока однажды к Бренту не пришло внезапное пробуждение.

В ту ночь, когда они вернулись с Лорой в пещеру, он, поддавшись какому—то внезапному импульсу, обнял и поцеловал ее. Сначала она сопротивлялась, а затем ответила на его поцелуй. Когда Брент отпустил девушку, его лицо выражало решимость.

— Лора, давай уйдем отсюда. Я люблю тебя. Давай вернемся в мир людей. В наш мир.

Глаза девушки сияли, но были полны печали.

— Но как же ветры?

— Ты оставишь их ради меня, — настаивал Брент.

Она молчала. Брент услышал нарастающий рев ветров снаружи и затаил дыхание. Затем Лора сильнее прижалась к нему и произнесла:

— Брент, я пойду с тобой, куда ты захочешь.

Но через несколько мгновений печаль вновь озарила ее прекрасное лицо.

— Но как же ветры? — повторила она. — Я боюсь, что они не отпустят меня.

Брент рассмеялся. Он полностью сбросил с себя влияние этого плато.

— Это же просто ветры, — сказал он. Затем добавил, чтобы убедить ее: — Почему они должны останавливать тебя, если они тебя любят?

Медленно она произнесла:

— Вот поэтому я и боюсь, что они не захотят отпустить меня.

Брент занялся приготовлениями кожаных мешков для воды и фруктов.

Через два дня они с Лорой отправились в путь.

Когда они вышли из скал, ветер, который девушка называла Матерью ветров, кружил вокруг нее, а она свистела.

Когда Лора повернулась к Бренту, он увидел, что ее ясные глаза были полны слез.

— Я прощалась с Матерью ветров.

— Попрощайся с ней и от моего имени, — насмешливо произнес Брент.

Но Лора действительно начала издавать быстрые, отрывистые звуки.

Сильный, мягкий ветер коснулся Брента, обвился вокруг него, и при этом воздушном, любящем прикосновении он почувствовал стыд за свою дерзость.

Они отправились на восток через плато. Маленькие ветры резвились и играли вокруг них. И время от времени сильные ветры спускались с высоты, чтобы пообщаться с ними.

Но когда они приблизились к краю плато, ветры изменились. Как показалось напряженным нервам Брента, теперь в их голосах слышалась озабоченная, возбужденная нотка. Брент был рад, что они покидают это место, которое так легко навевает подобные фантазии.

Ветры начали отгонять их от края плато все сильнее и сильнее. Лора повернула к Бренту бледное лицо.

— Они не хотят, чтобы мы шли дальше.

Он взял ее руку.

— Ветры нас не остановят. Пойдем.

Но казалось, что ветров стало еще больше. Их крик перерос в смятение. Хотя Брент и Лора, наклонив головы, прорывались через них со всей силы, ветры отталкивали их назад, не яростно, но настойчиво. Их крик становился все громче.

— Брент, они не отпустят меня! Если мы пойдем дальше, они убьют тебя за то, что ты меня уводишь.

— Это всего лишь порыв воздуха. На такой высоте это обычное явление, — крикнул он в ответ.

— Мы должны вернуться, пока они не убили тебя, — повторила она, цепляясь за него.

Брент наконец-то сдался.

— Хорошо, на этот раз мы вернемся назад.

Они повернулись в направлении скал. Вскоре гнев ветров ослаб. Они снова стали игриво резвиться вокруг них. Когда они вернулись к скалам, лицо Лоры все еще было бледным.

— Они бы убили тебя за то, что ты уводишь меня. Мы не должны предпринимать новой попытки.

— Мы попытаемся еще раз, — сказал Брент через крепко сжатые зубы. — Ветер не может остановить нас.

Но увидев лицо Лоры, он быстро добавил:

— Мы попытаемся еще раз, когда будет не так ветрено на краю.

Ее лицо стало задумчивым.

— Если мы выйдем ночью, когда ветры играют где-то-вдали, они не увидят нас.

Брент сразу же отреагировал на ее слова:

— Конечно, ночью будет не так ветрено. Затем он добавил: — Мы попытаемся сегодня ночью.

В эту ночь они не спали, а ждали в пещере. Тьма уже опустилась, но они не выходили, слыша, как ветры ревут и бушуют возле скал. Наконец рев стих. Ветры покинули плато.

Тогда они вышли. Снаружи все было тихо. Брент и Лора еще раз отправились в путь.

По дороге они не встретили ни единого ветерка. Только где-то вдали раздавался шум ветров. Они начали спускаться с плато. Продвигаясь на восток, они слышали, как затихают голоса ветров.

Утро застало их в нескольких милях от плато. Вокруг них простирались белые пески плоской и безжизненной пустыни.

— Никакие ветры больше нас не побеспокоят, — сказал Брент. — Я знал, что как только мы покинем плато, с нами будет все в порядке.

Лора оглянулась назад.

— Боюсь, что как только они обнаружат наше отсутствие, они погонятся за нами, — сказала она. — А мчаться они могут быстро.

Брент покачал головой.

— Они всего лишь ветры. Теперь, когда мы покинули плато, ты поймешь это.

Девушка ничего не ответила. Но он заметил, что Лора то и дело оглядывается, по ее лицу пробегают тревожные тени.

В полдень она издала слабый крик и показала в направлении облака песка на западе.

— Они мчатся за нами, Брент. Они ищут нас.

Брент посмотрел туда и почувствовал холод в груди. Но ровным голосом он смог произнести:

— Это всего лишь песчаная буря, и та не сильная. Мы должны идти дальше.

Они пошли. Но теперь уже и Брент каждую минуту оглядывался назад на эти чудовищные облака песка, движущиеся по пустыне позади них.

Они догоняли убегающую пару. Бессчетное количество песчаных гигантов, несущихся через пустыню. Вскоре они

уже могли слышать отдаленный рев. Тогда Лора остановилась.

— Брент, мы должны спрятаться. Это наш единственный шанс, пока ветры не добрались до нас.

— Но это бессмысленно. Они не смогут причинить нам вред. Это только твои фантазии.

— Я знаю, что они ищут нас. И как только найдут, они убьют тебя. Мы должны...

Внезапно она издала отчаянный крик и, протянув руку вперед, произнесла:

— Уже поздно. Они нашли нас.

Она показывала на небольшие струйки песка, двигавшиеся через пустыню в их направлении. Маленькие ветры остановились возле них, закружившись, словно в безумной радости, и внезапно рванули назад к песчаному урагану.

— Они нашли нас, — повторила Лора. — Брент, если они тебя убьют, я тоже умру.

— Никто из нас не умрет, — сказал Брент, — пойдем.

Но теперь они уже бежали. Рев ветров позади них становился все громче. Они не оборачивались и продолжали бежать. Их ноги вязли в песке. Пустыня вокруг быстро начала темнеть. Лора упала. Брент остановился, чтобы помочь ей.

— Это бесполезно, — воскликнула она, пытаясь перекричать приближающийся рев бури. — Мы не сможем убежать от них. Они идут. Брент, если ты умрешь, я тоже умру.

Подхватив девушку одной рукой, Брент глядел на запад. Он чувствовал себя пигмеем, которого преследуют великаны. Через пустыню в их направлении несся ураган, огромное облако песка, из которого доносился яростный, гневный, оглушительный рев. Их было великое множество, сильных и слабых, маленьких и больших, преследующих двух беззащитных людей.

Внезапно Лора вырвалась из рук Брента и побежала навстречу песчаному урагану, пронзительно свистя. Ветры подняли ее и закружили, как игрушку. Затем опустили на

землю. Брент знал, что Лора теперь была в безопасности. Тогда разгневанные ветры добрались до него.

Он почувствовал, словно его подняли в воздух гигантские руки. В ушах Брента раздавался непрекращающийся рев безумной ярости, через который он слышал отдаленный крик Лоры.

Его подняли высоко в небо, а затем с огромной силой бросили вниз. Он закрыл глаза, ожидая удара о землю.

Удара не последовало. Из объятий яростных ветров, которые крепко держали его, он внезапно был вырван другим ветром, сильным и теплым, который нежно опустил Брента рядом с Лорой. Затем он поднял в воздух крепко прижавшихся друг к другу мужчину и женщину. Брент узнал этот ветер, который Лора называла Матерью ветров.

Другие ветры издали яростный крик, разрывающий сердце вопль безумной ярости. Они неистово рванулись вперед, пытаясь вырвать Лору и Брента у Матери ветров.

Это было похоже на ад. Ветры яростно атаковали, но теплый ветер продолжал крепко держать их. Вскоре безумный конфликт сражающихся ветров прекратился. Силы ветров ослабли, их гнев умолк. Они начали отступать на запад.

Улетая, они издавали громкие крики, но это не были больше крики ярости. Казалось, что они выражали сожаление, великую печаль и прощание.

Вокруг Лоры и Брента все еще вился одинокий ветер сильный, мягкий и теплый. Он ласкал их, крепко обнявших друг друга. Они чувствовали это мягкое прикосновение воздушных пальцев к их лицам, любящее дыхание в волосах, нежное пение в ушах. Затем он опустил их на землю и тоже улетел. Воцарилась тишина.

Лора сильно прижалась к Бренту, обхватив его руками за шею.

— Это была Мать ветров, Брент. Она спасла тебя ради меня, заставив других отступить.

Мысли Брента путались. Огромным усилием воли он взял себя в руки и начал осознавать происходящее.

— Это был самый безумный ураган, который я когда-либо видел. Пойдем. Я думаю, что теперь мы дойдем до Юргана.

Они благополучно добрались до деревни. А затем до цивилизованного мира. Теперь Бренту казалось сном время, проведенное на Плато Ветров. И уж совсем невероятным представлялось, что когда-то, пусть на мгновение, он мог позволить себе поверить в странную фантазию, что ветры могут быть живыми существами.

Но и теперь, спустя годы, Брент не совсем уверен в своем рассудке. Да и Лора все еще считает, что ветры живые, и никакие его разумные объяснения не могут поколебать этой веры. Сам Брент, вспоминая некоторые вещи, продолжает удивляться.

В одном он уверен точно. Куда бы они с женой ни пошли, там всегда намного ветренее. И ему это не нравится. Ему не нравится, что ветры собираются вокруг нее. И хотя Лора, чтобы сделать ему приятное, больше не свистит им, Брент все равно говорит себе, что это только ее фантазии.

Ему так же не нравится просыпаться по ночам и видеть рядом с собой неспящую Лору, прислушивающуюся к голосам ветров, стучащихся в окна, шуршащих в деревьях, просящих, молящих снаружи, призывающих ее вернуться. Они соблазняют ее обещаниями бесконечной прошлой свободы. Хотя Брент и говорит себе, что ветры — просто движение воздуха, он все еще боится, что однажды ночью Лора ответит на этот призыв.

Мрачные башни и минареты из черного мрамора отбрасывали зловещие тени в багровых лучах заходящего солнца Вздымающиеся в небо шпили города Зора были окружены высокой стеной из латуни, двенадцать ворот которой открывали вход в город. За стеной раскинулась пустыня, покрывавшая теперь всю Землю. Ужасная, от горизонта до горизонта ослепительно белая равнина, чей монотонный пейзаж не нарушали ни холм, ни долина, ни река. Давным-давно высохло и исчезло последнее море. В результате веков геологических изменений сравнялись с землей горы и долины.

Заходящее солнце окрашивало кровью центральное здание города Зора. Тусклые лучи пробивались через окошко внутрь башни, где в вечерних сумерках понуро сидел Галос Ганн.

Он бросил взгляд через пустыню на умирающее солнце и сказал:

— Вот и еще один день. Скоро придет конец.

Он подпер подбородок рукой.

Солнце опускалось все ниже и ниже, и тени вокруг него в огромном зале становились все гуще.

На темнеющем небе появились первые звезды. Они смотрели на человека сверху вниз холодными белыми глазами. Ему казалось, что он слышит их тонкие серебряные голоса, перекликающиеся между собой. «Скоро, скоро придет конец расе Галоса Ганна», — твердили звезды.

Он оставался последним человеком на Земле. Сидя один на вершине башни в сумерках приходящей ночи, он знал, что нигде на покрытой пустыней планете больше не шевельнется ни одно человеческое существо, не прозвучит ни один голос. Он был тем, кого не коснулась разрушительная сила времени, последний, оставшийся в живых. Он познал одиночество, не ведомое никому другому. Миллионы людей мелькнули перед ним и ушли навсегда. Он мысленно

переносился в то время, когда Земля была еще совсем молода, когда в ее морях только зародилась жизнь, которая затем менялась под сильным влиянием космической радиации. Венцом эволюции стал человек. Ганн видел, как люди прошли путь от первобытного племени до мировой цивилизации, которая в конце концов дала ему могущество и силы и на века продлила его существование. Он стал свидетелем, как не знающий пощады механизм сил природы обрушился злым роком на светлые города того Золотого века.

Не спеша тянулись тысячелетия. Пересыхали моря, а знойные пустыни покрывали мир. Увидев приближение конца своего мира, люди отказались рожать детей.

Они были истощены бесконечной, бесплодной борьбой и не прислушивались к мольбам Галоса Ганна. Лишь ученые пытались еще что-то сделать. Но в небытие ушло последнее поколение, и в мире не осталось ни одного живого существа, кроме него — Галоса Ганна.

В темном зале башни Галос Ганн сидел, укутавшись в свои одежды, и размышлял. Его покрытое морщинами лицо застыло, черные глаза смотрели в одну точку. Затем он внезапно поднялся и пошел через зал к балкону. Его длинные одежды потянулись за ним. Сквозь тьму он взглянул в смеющиеся глаза белых звезд и сказал им:

— Вы думаете, что смотрите на последнего человека? Что все великие люди моей расы стали историей, когда-то рассказанной и забытой? Но вы ошибаетесь. Я Галос Ганн, величайший человек из всех когда-либо живших на Земле. И мое желание — чтобы люди не умерли, а продолжали жить для новой славы.

Белые звезды молчали, глядя с усмешкой на пустыню, охватившую погруженный в ночь Зор.

Галос Ганн протянул руку в направлении Ригеля, Канопуса и Ахернара. В его жесте чувствовались вызов и угроза.

— Как-нибудь, когда-нибудь я найду возможность сохранить жизнь человеческой расы, — кричал он. — Да! И придет

время, когда наши потомки освоят ваши миры и подчинят их.

Галос Ганн принял решение. Он отправился в лабораторию и взял там необходимые инструменты и механизмы. Затем спустился с башни и двинулся по темным улицам Зора.

Проходя под блеклым звездным светом, мимо зловещих теней по улицам когда-то великого города, Ганн казался очень маленьким и одиноким. Но все же он был горд. В его сердце горело непреодолимое желание бросить вызов судьбе, и это желание наполняло его решимостью. Он подошел к низкому квадратному строению. С его приближением дверь распахнулась с поющим звуком. Галос Ганн пересек маленькую темную комнату и начал спускаться по ступеням. Винтовая лестница вела в огромный подземный зал из черного мрамора, освещаемый слабым голубым светом, не имеющим видимого источника.

Когда Галос Ганн Наконец-то вступил на выложенный мозаикой пол, он надолго остановился, оглядывая прямоугольный зал. Его высокие стены украшали сотни панелей, на которых была изображена история человечества. Первая из этих картин показывала примитивную протоплазменную жизнь, из которой со временем вышел человек. А на последней был изображен этот зал. В склепах под полом лежали мертвые жители города Зора, последнее поколение человечества. Остался один пустой склеп, ожидавший Галоса Ганна. Это была завершающая глава истории человечества, изображенная на последней картине.

Но Галос Ганн прошел через зал мимо картин, открывая склеп за склепом до тех пор, пока перед ним не оказалось огромное количество мертвых мужчин и женщин. Их тела великолепно сохранились, и они казались скорее спящими, нежели мертвыми.

Галос Ганн сказал им:

— Я думаю, что даже вы, которые мертвы, поможете мне сохранить человечество. Грешно нарушать ваш вечный покой. Но кроме вас никого не осталось.

Затем Галос Ганн начал работать над мертвыми телами, применяя все накопленные за тысячелетия знания. Им двигала непоколебимая решимость.

С помощью химии он синтезировал новую кровь, которой наполнил пустые вены. Сильными электрическими стимуляторами и инъекциями он заставил сначала конвульсивно, а затем ровно биться сердца. Когда кровь начала омывать мозг, мертвые стали приходить в себя, медленно поднимаясь из могил, с удивлением глядя друг на друга и на Галоса Ганна.

Галос Ганн испытывал великую гордость, глядя на этих сильных мужчин и стройных женщин. Он сказал им:

— Я возвратил вас к жизни, потому что решил, что наша раса не должна погибнуть. Благодаря вам человечество продолжит свое существование. Таково мое намерение.

Один из мужчин прервал Ганна. Его голос был хриплым, первые слова дались с большим трудом.

— Что это за безумие, Галос Ганн? Ты дал нам подобие жизни, но мы все равно мертвы. А как можем мы, мертвые, продлить жизнь человечества?

— Вы двигаетесь и говорите, следовательно, вы живы, — настаивал Галос Ганн. — Вы должны объединиться в пары и рожать детей, которые станут основателями новой расы людей.

Мертвый мужчина хрипло произнес:

— Ты борешься против неизбежного подобно ребенку, стучащемуся в заколоченную наглухо дверь. Таков закон Вселенной. Все, что живет, должно непременно прийти к своему концу. Планеты рождаются и умирают, и падают на свои солнца, а солнца взрываются и превращаются в туманности, а туманности превращаются снова в солнца и миры, которые в свою очередь тоже умирают.

Как ты можешь надеяться обойти этот вселенский закон и сохранить человеческую жизнь? Мы прошли достойный путь. Мы боролись, побеждали и терпели поражения, смеялись под солнечным светом и мечтали под звездами. Мы сыграли свою роль в великой драме вечности. И теперь мы пришли к назначенному концу.

Когда мужчина закончил говорить, глухой, низкий шепот донесся из уст других мертвецов.

— Да, пришло время уставшим детям Земли отдохнуть в благословенном сне.

Но лицо Галоса Ганна было преисполнено решимости. Его глаза горели, а желание возродить человеческую расу было непоколебимым.

— Отговорки бесполезны, — сказал он мертвым. — Несмотря на ваше холодное смирение перед смертью, я решил, что человечеству нужно жить, чтобы бросить вызов слепым законам Вселенной. Вы должны подчиниться мне. Вы знаете, что с моими силами и знаниями я могу подчинить вас своей воле. Сейчас вы не мертвые, а живые. Вы должны вновь населить город Зор.

С этими словами Галос Ганн пошел к лестнице и стал подниматься наверх. В угрюмом молчании покорные мертвецы поплелись за ним, с трудом переставляя ноги.

Это было странное зрелище, когда Галос Ганн вывел молчаливую толпу на ночные улицы города. Город Зор заполнили те же люди, которые жили в нем до своей смерти. Галос Ганн приказал им, чтобы они поселились в тех же домах, где жили раньше, а те, кто был раньше женат, должны снова стать супругами, чтобы вести тот же самый образ жизни, как и до смерти.

Так день за днем под палящим солнцем мертвецы ходили по улицам Зора, делая вид, что они по—настоящему живы. Они приветствовали друг друга глухими скрипучими голосами. Те, что когда-то были ремесленниками, вновь занялись своим ремеслом, и живые звуки работы наполнили город.

По вечерам они собирались в огромном театре и сидели неподвижно, пока те, что когда-то были актерами, танцорами и певцами, неуклюже передвигались по сцене. Мертвая аудитория аплодировала и смеялась. И их смех странным эхом отдавался в ночи.

А по ночам, когда звезды с любопытством взирали на Зор, те, что были юношами и девушками, выходили на улицы и грубыми, неуклюжими жестами разыгрывали пантомиму любви. Они вступали в брак, так как это был приказ Галоса Ганна.

Из своей высокой башни Галос Ганн наблюдал за ними день за днем, ночь за ночью. Месяцы проходили за месяцами. И он сказал себе:

— Они живы не по—настоящему. Что-то все-таки я не смог вернуть к жизни. Но даже такие, какие они есть, послужат человечеству, став новым началом во Вселенной.

Медленно тянулись месяцы. И вот наконец у одной из пар родился ребенок. Услышав эту новость, Галос Ганн преисполнился надежд. Охваченный радостью, он несся через город, чтобы увидеть младенца. Но увидев его, почувствовал, как холод сковал его сердце. Этот младенец оказался подобием своих родителей. Он двигался, смотрел, издавал звуки, но они были неуклюжими и странными, а в глазах его застыл отпечаток смерти.

Но Галос Ганн не сдался. Он еще не оставил надежду воплотить в жизнь свой великий план. Он ждал, когда родится другой ребенок. Но тот оказался таким же.

Вот тогда действительно его вера и надежда стали ослабевать. Он созвал мертвых жителей Зора и обратился к ним:

— Почему вы не рождаете живых детей, зная, что вы сами сейчас живы? Вы делаете это назло мне?

Из мрачной толпы раздался голос мертвого мужчины:

— Смерть не может породить жизнь, так же как тьма не может породить света. Несмотря на твои слова, мы знаем, что мы мертвы и можем рожать только мертвецов. Теперь, когда ты убедился в бессмысленности своего плана, позволь

нам вернуться к покою смерти и дай человеческой расе с миром прийти к своему концу.

Галос Ганн мрачно сказал им:

— Вернитесь к забвению, которого вы так жаждете, если вы не способны служить моей цели. Но знайте, что ни сейчас, ни потом, никогда я не отступлюсь от своего решения возродить человеческую расу.

Мертвецы ничего не ответили, а повернулись к нему спиной и молча двинулись через город к низкому приземистому зданию, которое так хорошо знали.

Не издав ни звука, они спустились по винтовой лестнице в освещенный синим светом зал склепов, где каждый занял свое место. Две женщины, родившие детей, положили младенцев себе на грудь. Каждый захлопнул над собой крышку. И вновь воцарилось священное безмолвие в погребальной палате города Зора.

Со своей башни Галос Ганн наблюдал за тем, как они уходят. Еще два дня и две ночи он пребывал в раздумьях. Наконец сказал себе:

— Моя надежда оказалась призрачной. Правда в том, что человечество закончит свое существование вместе со мной, так как те, что были мертвыми, не могут продолжить жизнь. Но нигде в мире не осталось живых мужчин и женщин, способных послужить моей цели.

После этих слов его внезапно поразила мысль. Она была подобна блестящей огненной вспышке света, пронзившей тьму его мрачного сознания. Его мозг мгновенно начал обдумывать эту дерзкую идею. Настолько сильно было его отчаяние, что он ухватился даже за этот невероятный план.

Он пробормотал себе под нос:

— Сегодня в мире не осталось живых мужчин и женщин. Но они существовали в прошлом. Они отделены от меня бездной времени. Если я смогу как-то преодолеть эту бездну, я перенесу много живых людей из прошлого в настоящее.

Мозгу Галоса Ганна не давала покоя эта головокружительная мысль. И он, величайший ученый, когда-либо

живший на Земле, предпринял попытку перебросить через океан веков живых мужчин и женщин, которые станут прародителями новой расы.

День за днем, когда солнце озаряло безмолвный Зор, ночь за ночью, когда величественные звезды кружились над городом, ученый пропадал в своей лаборатории. В конце концов он создал механизм, способный пробить толщу времен.

Когда машина была закончена, Галос Ганн предпринял первую попытку. Несмотря на твердость своего решения, его сердце содрогнулось, когда он положил руку на пульт управления. Он понимал, что его грандиозный план мог нарушить целостность материи, а это, в свою очередь, могло привести к чудовищному катаклизму во Вселенной. Но все же Галос Ганн нажал клавишу дрожащей рукой.

Невероятный гул, раскаты космического грома и сияние ослепительно белой энергии наполнили лабораторию. Весь мертвый город Зор взлетел над своим основанием, словно унесенный порывом могучего ветра.

Галос Ганн знал, что титаническая сила, выпущенная им, прорывалась сквозь время и пространство, разрывая никем не тронутые измерения Вселенной. Белая энергия пылала, гром гремел, а город висел в воздухе до тех пор, пока он наконец-то вновь не надавил клавишу на пульте управления. Сияние и гул исчезли. Галос Ганн взглянул на машину и разразился триумфальным криком:

— Мне удалось. Мозг Галоса Ганна победил время и судьбу.

В лаборатории стояли мужчина и женщина, одетые в странные одежды прошлых времен. Галос Ганн торжественно произнес:

— Я пронес вас через время, чтобы вы стали основателями новой расы. Не бойтесь. Вы только первые из многих, кого я перенесу сюда таким же образом из прошлого.

Мужчина и женщина посмотрели на Галоса Ганна и внезапно разразились смехом. Их смех был похож на маниакальный хрип. Дико и долго смеялись мужчина и женщина. И Галос Ганн понял, что они абсолютно безумны.

Используя сверхчеловеческую науку, ему удалось пронести через океан времени их невредимые тела, но не разум. Их интеллект был уничтожен. Ни одна наука не смогла бы перенести через время разум, не повредив его. Разум — это не материя, и он не подчиняется ее законам. Но Галос Ганн не желал отступать.

— Я перенесу других через время, — сказал он себе, — может быть, хоть кто-то из них сохранит здравый рассудок.

С помощью своего великого механизма он перенес много мужчин и женщин через океаны времени в город Зор. Но

каждый раз, хотя их тела и оставались невредимы, он не мог сохранить их разум. Из машины выходили только безумные обитатели всех времен и стран.

Вскоре несчастные безумцы заселили Зор. Они бродили по его улицам, издавая безумные вопли. Они забирались на величественные башни и с них ревели что-то мертвому городу и пустыне за стеной. Весь город превратился в кошмар. Город сумасшедших был хуже города мертвых.

В конце концов Галос Ганн перестал переправлять мужчин и женщин из прошлого, поняв, что попытка не удалась.

В этом ревущем городе Галос Ганн стал бояться, что сам сойдет с ума. У него возникло желание заорать вместе с другими и понестись по улице.

С отвращением он уничтожил безумцев всех до одного. И Зор вновь окунулся в безмолвие, в котором проходила одинокая жизнь последнего человека. Наконец настал тот день, когда Ганн снова вышел на балкон, пристально посмотрел на белую пустыню и сказал:

— Я пытался вернуть людей из мира мертвых, затем я пытался перенести их через время, но ни те, ни другие не смогли положить начало новой расе. Как могу я надеяться создать человечество в ничтожный момент времени, когда силам природы потребовалось на это миллионы миллионов лет? Значит, новая раса должна пройти такой же путь. Я изменю лицо Земли так, как это было когда-то, когда зародилась жизнь. И со временем она разовьется в человека.

Охваченный новой идеей, Галос Ганн, последний величайший ученый Земли, начал воплощать в жизнь грандиозную задачу, о которой не помышлял ни один человек.

Он начал пробивать скважину в твердой земной коре. Все дальше и дальше через песчаник, гранит и гнейс, пока не достиг сердца планеты.

В железном ядре он соорудил огромную кабину, которую оснастил необходимым для выполнения его задачи оборудованием. И когда все было готово, он спустился вниз в этой своей кабине и взорвал шахту, ведущую на поверхность.

Затем Галос Ганн начал сотрясать Землю. Из своей кабины в глубине ядра он посылал на поверхность маленькие интенсивные импульсы энергии с определенными интервалами. Период ритмов был абсолютно точно равен периоду ритмов движения Земли.

Сначала это не имело никакого эффекта. Но мало—помалу их влияние стало расти, пока наконец вся земная кора не начала неистово содрогаться. Эти толчки создавали огромное давление и поднимали температуру мантии, превращая ее в лаву. Эта лава, вырвавшись огненной массой, залила всю планету. Так же, как это случилось много миллионов лет назад.

С помощью оптических инструментов Галос Ганн наблюдал из своей подземной кабины, как огненные массы лавы выпускали газы, которые, сочетаясь между собой, создавали новую атмосферу над поверхностью планеты.

Земля проходила по тому пути эволюции, по которому уже проходила много веков назад. Ее поверхность начала остывать. Из облаков стал капать дождь, который собирался на поверхности в моря.

Галос Ганн с напряжением наблюдал через свои совершенные инструменты, как в водах этих морей из простых элементов углерода, водорода и кислорода под действием солнечных лучей зародилась примитивная протоплазменная жизнь.

Тогда Галос Ганн сказал:

— Начался новый цикл. Солнечная радиация порождает жизнь из неорганических элементов, как это было многие века назад. Жизнь должна развиться при тех же условиях и таким же образом. И когда пройдет время, на Земле вновь появятся люди и заселят эту планету.

Он просчитал, сколько потребуется времени для появления на поверхности Земли человеческой расы. Затем Галос Ганн взял точно отмеренное количество прозрачной жидкости, приготовленной им самим. Это было вещество, способное отключать все функции человеческого организма, но

оставлять его живым в глубоком сне. Он лег на кушетку в своей кабине, погребенной в центре Земли.

— Теперь я буду спать до тех пор, пока не появится новая раса людей, — сказал Галос Ганн. — Когда я проснусь, планета вновь будет населена победоносной и бессмертной расой людей. Я смогу выйти и увидеть их, а после умереть с миром, зная, что человек жив.

Сказав так, он сложил руки на груди. Вскоре вещество начало действовать, и он уснул.

В первый момент после пробуждения Галос Ганн не мог поверить, что действительно проспал так долго. Но его хронометры, которые измеряли время, используя принцип распада радиоактивного урана, подтвердили, что он действительно проспал много миллионов лет.

Тогда он понял, что момент его триумфа настал. За эти века должна была появиться новая раса людей, которая к этому времени уже заселила всю поверхность Земли. Его руки дрожали, когда он готовился пробить новую скважину на поверхность.

— Смерть моя уже недалеко. Но сначала эти глаза увидят новую расу, которую я создал вместо старой.

Пробив туннель через литосферу, Галос Ганн поднялся на поверхность и вышел на солнечный свет.

Он стоял и смотрел по сторонам. Он находился в центре белой пустыни, которая монотонно простиралась от горизонта до горизонта. Нигде не было видно ни холма, ни долины, ничто не нарушало ее гладкую поверхность.

Жуткий холод пронзил сердце Галоса Ганна, хотя он стоял под палящим солнцем.

— Но как это могло произойти? — спрашивал он себя. — Силы природы вновь иссушили Землю так же, как и много веков назад. Но даже если и так, то где-то должны остаться люди.

Он посмотрел в одном направлении, затем в другом и наконец увидел на горизонте высокие шпили города. Его сердце радостно забилось. Переполненный надеждами, он

отправился к городу. Но приблизившись, он вновь был озадачен. Перед ним возвышались черные мраморные стены и минареты, обнесенные тяжелой латунной стеной. Город так был похож на город Зор, исчезнувший с поверхности Земли миллионы лет назад.

Галос Ганн прошел через одни из открытых ворот. Словно во сне он бродил по улицам, озираясь по сторонам. Как и древний Зор, этот город был лишен жизни. Ни в домах, ни на улицах не было видно человеческой тени, не было слышно ни единого голоса. В этот момент на Галоса Ганна снизошло ужасное откровение, которое привело его в мрачный темный зал наверху высокой башни.

Там, в глубине зала, закутанный в длинные одежды сидел старик. Казалось, жизнь еле держалась в его теле.

Голосом, показавшимся самому себе странным, Галос Ганн спросил:

— Кто ты? И где остальные люди Земли?

Старик приподнял трясущуюся голову и, пристально посмотрев на Галоса Ганна, ответил:

— Нет больше никого. Я последний из всей расы людей, оставшийся в живых. Миллионы миллионов лет назад наша жизнь зародилась из простейшей протоплазмы в теплых морях и, пройдя через различные формы, увенчалась человеком. Цивилизация и сила людей достигли высочайшего уровня.

Но моря и суша высохли. И пришел конец человеческой расе. Я остался один в мертвом городе. Вот идет и моя смерть.

С этими словами дряблый, трясущийся старик упал на пол и, испустив тяжелый вздох, скончался.

А Галос Ганн, последний человек на Земле, стоял и смотрел поверх его тела на заходящее солнце.

Вообще-то у Росса характер был — ровнее некуда, но четыре дня путешествия на каноэ по тайге Северного Квебека начали его портить. На этом, четвертом, привале на берегу реки, когда они выгрузились на ночевку, он потерял самообладание и наговорил своим спутникам много чего лишнего.

Когда он говорил, его черные глаза моргали, а привлекательное молодое лицо, уже изрядно заросшее щетиной, мимикой дополняло речь. Оба биолога поначалу слушали его в полном молчании. На лице Грея, молодого блондина, выражалось отчетливое негодование, но Вудин, старший из биологов, слушал хладнокровно, глядя своими серыми глазами прямо в обозленное лицо Росса.

Когда Росс остановился, чтобы перевести дух, послышался тихий голос Вудина: "Вы закончили?"

Росс сглотнул, как бы собираясь подвести окончательный итог своей тираде, но сумел сдержаться. "Да, я закончил", — мрачно сказал он.

— Тогда слушайте меня, — сказал Вудин, словно взрослый папаша своему надувшемуся отпрыску.

— Вы хлопочете напрасно. Ни Грей, ни я еще не произнесли ни слова жалобы. К тому же, никто ни разу не сказал, что вам не верит.

— Правильно, не сказали ни разу, — снова вспыхнул Росс. — А вам не кажется, что я давно знаю, о чем вы думаете?

— Вы думаете, что я вам все насочинял, какие тут штуки я видел с самолета, а? Вы думаете, что я затащил вас в эту глухомань потому, что мне привиделись какие-то невероятные существа, которых попросту не бывает. Так вы думаете, ну?

— Черт бы побрал этих комаров, — сказал Грей, шлепая себя по шее и глядя на авиатора без особого дружелюбия.

Вудин взял инициативу в свои руки.

— Разберемся, когда разобьем лагерь. Джим, вытаскивай рюкзаки. Росс, вас не затруднит прогуляться за дровишками?

Оба уставились на него, потом друг на друга, потом нехотя подчинились. Пока все уладилось.

К тому времени на прибрежную полянку спустилась темнота. Каноэ вытащили на берег. Разбили палатку из парашютного шелка, и затрещал перед ней костер. Грей подбрасывал в огонь толстые сосновые сучья, Вудин варил кофе, жарил лепешки и неизменную грудинку.

Отсветы пламени робко ластились к гигантским стеблям дудника, стеной обступивших полянку с трех сторон. Они освещали три фигуры в зеленых пятнистых комбинезонах и белую палатку. Блики играли на бурунах стремнины Макнортона, который с негромким урчанием переливался через пороги и скользил к реке Малого Кита.

Они молча поужинали, также без единого слова протерли сковородки пучками травы. Вудин задымил трубочкой, остальные достали мятые сигареты и растянулись возле огня, слушая урчание речных струй, вздохи ветерка в зарослях дудника и унылый писк комарья.

Наконец Вудин выбил трубку о каблук и сел.

— Ладно. Давайте будем разбираться.

Росс выглядел пристыженным.

— Я маленько погорячился, — сказал он смущенно. Потом добавил:

— Да один же черт, вы и наполовину мне не верите!

Вудин покачал головой.

— Почему же? Когда вы сказали нам, что видели существ, непохожих ни на что известное, когда пролетали над этой глухоманью, то и Росс, и я вам поверили.

— Если бы мы не поверили вам, думаете, удалось бы оторвать от дел двух заваленных работой биологов, чтобы мотаться по лесам за какой-то диковиной.

— Знаю, знаю, — пробурчал авиатор. — Вы подумали, что я увидал какую—то занятную штуку, и вам имеет смысл немного погодя слазить сюда и поглядеть, в чем дело.

Но вы и настолько вот не поверили тому, что я рассказал про вид этих штук.

На этот раз Вудин помедлил с ответом.

— Послушайте, Росс, человеческое зрение проделывает иногда интересные фокусы, особенно если вы видите объект с самолета на расстоянии мили и только краем глаза.

— Краем глаза? — взвился Росс. — Говорю же, что видел их вот как вас теперь. Ну, конечно, миля была, но у меня был мой старый бинокль. В него я и смотрел.

Это было где-то тут, недалеко. К востоку от места слияния Макнортона и Малого Кита. Я торопился на юг, потому что уже недели на три вылетал из срока со съемками территории Гудзонова залива. Я собирался привязаться к карте по месту впадения, для этого пришлось снизиться и смотреть в бинокль.

И вот, на прогалине у реки, смотрю — блестит. Какие-то непонятные штуки. Ну, не бывает ничего такого! А я их видел! У меня все устья — из головы вон, пока я их разглядывал.

Понимаешь, такие большие, блестящие, как кучи сияющего студня. Прозрачные — насквозь видно. Их там было не меньше дюжины, и когда я их видел, они скользили через эту прогалину, плыли — как пузыри!

— Таких существ, как вы описали: прозрачных, студенистых, передвигающихся по субстрату подобным образом, не бывало на земле со времен первых живых существ на земле — сгустков протоплазмы, скользящих по нашему юному миру многие века назад.

— Если тогда жили такие существа, почему бы им не оставить похожих потомков? — спросил Росс.

Вудин покачал головой.

— Они давно исчезли. Превратились в другие, более разнообразные и совершенные, формы, дав начало великому

пути развития форм жизни, пришедшему к вершине — появлению человека.

Эти давно исчезнувшие одноклеточные протоплазматические организмы были началом, примитивной первичной формой жизни. Они прошли свой путь — и их потомки не похожи на них. Их потомки — люди.

Росс хмуро глядел на него.

— А откуда они сами взялись, эти первые организмы?

Вудин вновь покачал головой.

— Этого мы не знаем. О происхождении первичных форм жизни биологи могут только спорить.

Я полагаю, что они самопроизвольно образовались из химических веществ, которые были тогда на земле. Правда, эта гипотеза опровергается тем, что сейчас такие существа из инертной материи не зарождаются. Так что их происхождение — все еще сплошная тайна. Но как бы они не появились на Земле, это была первая жизнь, наши далекие предки.

Вудин глядел на огонь из-под опущенных век, словно бы забыв о спутниках, и просто повествуя о своих видениях.

— Это должна быть славная сага о пути восхождения жизни от живой протоплазмы к человеку! Чудесная цепь превращений, приведших от первых низших форм к величию венца творения.

И случилось это не где-нибудь, а на Земле. Наука уже почти доказала, что причиной эволюционных мутаций стало излучение радиоактивных минералов земной коры, влияющее на гены всей живой материи.

Он перехватил недопонимающий взгляд Росса, и даже собственная восторженность не помешала ему улыбнуться.

— Я вижу, для вас это не особенно важно. Попробую объяснить. Зародышевая клетка каждого живого существа содержит определенное количество стержневидных телец, называемых хромосомами.

Эти хромосомы состоят из цепочек маленьких частиц — генов. Каждый из этих генов оказывает свое собственное

воздействие на развитие того организма, который вырастает из зародышевой клетки.

Часть генов управляют окраской существа, другие отвечают за его размеры, форму частей его тела и так далее. Каждая деталь строения организма определяется каким—нибудь геном исходной зародышевой клетки.

Но время от времени набор генов зародышевой клетки резко отклоняется от нормального для данного вида, и когда так происходит, существо, выросшее из этой клетки, значительно отличается от других особей того же вида. Фактически, оно образует новый вид. Вот таким путем на земле возникают новые виды животных и растений, путем эволюционных изменений.

Биологи установили это, и стали искать причины таких резких изменений, или мутаций. Они попытались установить, какие же факторы так радикально перестраивают гены.

Экспериментально было установлено, что Х—лучи, будучи направлены на гены зародышевой клетки, значительно их меняют. А организм, выросший из такой клетки, оказывается очень сильно измененным по сравнению со своим видом — мутантом.

Именно по этой причине многие биологи теперь полагают, что радиоактивное излучение минералов земной коры, воздействуя на гены каждого живущего на Земле существа, являются причиной постоянной изменчивости видов, процессов мутации, которые провели жизнь по эволюционному пути к ее теперешним высотам.

Вот почему я утверждаю, что ни на какой иной планете, кроме Земли, эволюционный процесс просто не мог происходить. Потому что ни одна другая планета не содержит в себе такого набора радиоактивных элементов, вызывающих генные мутации. На любой другой планете первые протоплазматические существа, однажды возникнув, должны были бы оставаться такими же всегда, на протяжении бесчисленных поколений.

Как благодарны мы должны быть тому, что на Земле это не так! Что происходили мутации за мутациями, жизненные формы безостановочно менялись и прогрессировали по направлению ко все более развитым формам, пока бесформенная грубая протоплазма, пройдя цепь неисчислимых превращений, не достигла высшей цели развития — человека.

Энтузиазм Вудина увлекал его мысль все вперед и вперед, но наконец он остановился и стал раскуривать трубку, посмеиваясь над своим пылом.

— Вы уж простите меня, Росс, что я прочел вам лекцию как первокурснику. Просто это мой конек, моя идея фикс, исследование этого дивного восхождения жизненных форм из глубины веков.

Росс задумчиво глядел на огонь:

— То, что вы рассказали, просто удивительно. Один вид сменяет другой, все время стремясь ввысь...

Грей встал и потянулся:

— Вы, конечно, можете и дальше предаваться восхищению, а пошлый материалист намеревается эмулировать своих отдаленных беспозвоночных предшественников и вернуться к горизонтальному положению тела. Короче, я пошел спать.

Он глянул на Росса, на его молодом лице промелькнула усмешка.

— Есть еще проблемы, приятель?

— Ладно, замнем, — улыбнулся в ответ авиатор. — Грести сегодня было чертовски трудно, а по вам не видать было, что вы в мои россказни здорово поверили.

Вот увидите. Завтра мы дойдем до развилки Малого Кита, и бьюсь об заклад, что и часа не пройдет, как мы увидим эти живые порции студня.

— Надеюсь, — сказал Вудин, зевая, — Тогда завтра и посмотрим, настолько ли остер ваш глаз, чтобы разглядеть объект за милю, и не водите ли вы за нос двух серьезных ученых просто из развлечения.

Лежа в маленькой палатке и кутаясь в одеяла, слушая сопение Грея и Росса, глядя сонно на янтарные огоньки костра, Вудин все размышлял.

Что же все-таки увидел Росс, пролетая на своем аэроплане. Что-то необычное. Тут Вудин был уверен. Уверен настолько, что в это отправился в это путешествие. Но что конкретно?

Те существа из протоплазмы, о которых шла речь, исключались. Этого просто не могло быть. Или могло? Если такие существа существовали раньше, то почему бы… почему бы…

Вудин не понял, спал ли он, когда его поднял крик Грея. И не просто крик, а дикий вопль человека, которого до самых костей пронизал ужас.

От крика он открыл глаза и увидел Невероятное, застившее звезды у выхода палатки. Темная бесформенная масса громоздилась в проеме, сверкая в блеске звезд, и переливаясь в палатку. За ней стояли такие же.

Все произошло очень быстро. Вудину казалось, что события происходили не непрерывно, а в последовательности быстрых мгновенных сцен, как кадры кинофильма.

Пистолет Грея с грохотом изверг красное пламя в первое из студенистых чудовищ, вваливающихся в палатку, и вспышка выхватила из темноты неверные очертания блестящей студенистой массы, и застывшее от ужаса лицо Грея, и Росса, шарящего пистолет под одеялом.

Тут эта сцена кончилась и за ней сразу же — другая. Грей и Росс замерли внезапно, как бы окаменев, и тяжело рухнули. Вудин знал, что они мертвы, но не понял, откуда он это он узнал. Блистающие монстры входили в палатку.

Он распорол стенку палатки и вывалился наружу, под холодный свет звезд. Он успел пробежать три шага, не зная куда, и вдруг остановился. Он не понял, почему, но остановился.

Он стоял, мозг посылал ногам отчаянные призывы к бегству, но конечности не подчинялись. Он не мог даже

повернуться, не мог шевельнуть ни единым мускулом своего тела. Он стоял, обратившись лицом к отсвечивающей глади реки, охваченный странным внезапным параличом.

Вудин слышал шуршащие скользящие движения в палатке позади себя. Из-за его спины в поле зрения вышли несколько блистающих чудищ. Они окружили его, кажется, их было около дюжины. Теперь он хорошо мог видеть их.

Это был не кошмар, нет. Они были абсолютно реальны, эти столпившиеся вокруг него, громоздящиеся, бесформенные массы вязкого прозрачного студня. Каждый имел фута четыре в высоту и около трех в диаметре, хотя их форма постоянно менялась, затрудняя определение размеров.

В центре каждой просвечивающей массы виднелось темное дисковидное уплотнение или ядро. Больше у этих существ ничего не было, ни конечностей, ни органов чувств. Он видел, что они могут вытягивать псевдоподии, по крайней мере, те двое, что, держа тела Грея и Росса, вытаскивали их из палатки и укладывали возле Вудина.

Вудин, все еще неспособный шевельнуть ни единым мускулом, мог теперь видеть застывшие искаженные лица обоих товарищей, и пистолеты, все еще судорожно зажатые в их мертвых руках. И, глядя на лицо Росса, он вспомнил.

Создания, которые видел авиатор со своего аэроплана, студневидные существа, которых они втроем оправились искать на севере, — это и были те чудища, что окружили его. Но как они убили Росса и Грея? Как им удалось сковать его самого? Кто они?

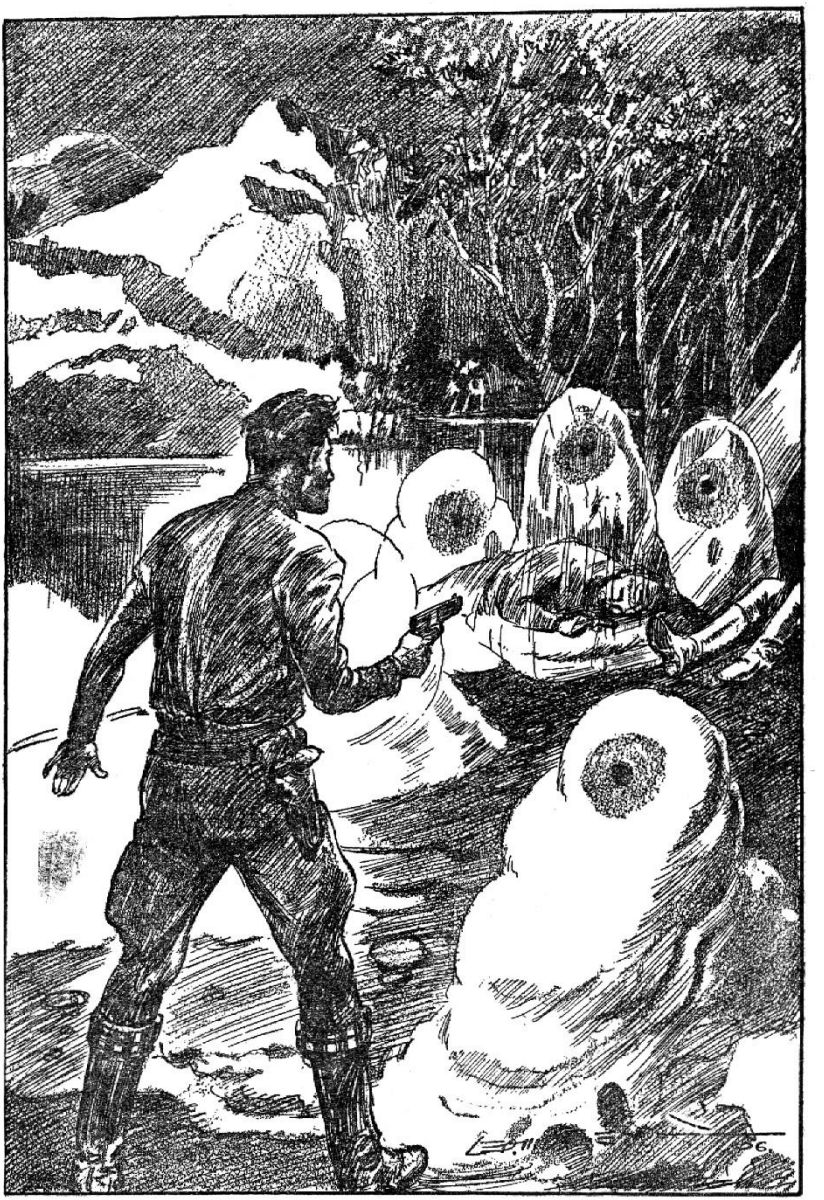
— Мы позволим тебе двигаться, но ты не должен пытаться убежать.

Ошеломленное сознание Вудина было потрясено еще более. Кто сказал ему эти слова? Он не слышал их, но подумал, что слышал.

— Мы позволим тебе двигаться, но ты не должен пытаться убежать или причинить нам вред.

Он слышал эти слова в своем мозгу, хотя уши его не уловили ни звука. Слышал сам мозг.

— Мы говорим с тобой, посылая мысленные импульсы. Обладаешь ли ты достаточным разумом, чтобы воспринимать наши сообщения?



Разум! Разум у этих существ? Вудина потрясла эта мысль при взгляде на чудищ.

Очевидно, его мысли достигли существ.

— Конечно, у нас есть разум, — пришел мысленный ответ. — Мы намерены позволить тебе двигаться, но не пытайся сбежать.

— Я... я не буду, — произнес про себя Вудин.

Тут же паралич, охватывавший Вудина, сразу пропал. Дрожа, он стоял в кругу блистающих чудищ.

Как он видел теперь, их было десятеро. Десять чудовищных громоздящихся масс сияющего прозрачного студня, собравшихся вокруг него как безлицые духи, прибывшие из неведомого мира. Один из стоял ближе, очевидно, их предводитель и собеседник Вудина.

Вудин медленно оглядел их круг, потом посмотрел вниз на своих мертвых товарищей. Даже сквозь леденящий душу неведомый ужас он ощутил острую жалость при взгляде на них.

Мозг Вудина принял еще одно мысленное послание от ближайшего существа.

— Мы не хотели убивать их. Мы просто хотели взять вас и переговорить с вами.

Но когда мы почувствовали, что они пытаются убить нас, мы тут же поразили их. Тебя мы не тронули, ты пытался не убить нас, а убежать.

— Что вы хотите от нас, от меня? — спросил Вудин. Он прошептал это пересохшими губами, как будто подумал.

На этот раз мысленного ответа не было. Существа стояли недвижно. Вудин почувствовал, что его разум не выдерживает напряжения тишины, и снова выкрикнул свой вопрос.

Теперь ответ пришел;

— Я не отвечал, потому что проверял, насколько твой мозг способен воспринять наши мысли.

Хотя разум твой стоит на весьма низком уровне развития, вероятно, ты способен воспринять то, что мы собираемся тебе сообщить.

Прежде, чем начать, я вновь хочу предупредить тебя, что бежать тебе абсолютно невозможно, так же, как и причинить вред любому из нас, и что подобные попытки печально окончатся для тебя. Естественно, что ты ничего не знаешь о мысленной энергии, поэтому я сообщу тебе, что оба твоих спутника убиты одной лишь силой нашей воли, и мышцы твои перестали слушаться приказов твоего мозга по этой же причине. Наша мысленная энергия может даже уничтожить твое тело, если это потребуется.

Потом последовала пауза, и в этот краткий период молчания потрясенный разум Вудина отчаянно цеплялся за здравомыслие, за устойчивость мысли.

Вновь возник тот мысленный голос, так похожий на реальный, звучавший в его мозгу.

— Мы дети галактики, имя которой можно выразить на вашем языке как Арктар. Галактика Арктар лежит от этой за столько миллионов световых лет, что находится далеко за пределами вашего трехмерного космоса.

Мы установили свою власть в той галактике много веков назад. Это произошло потому, что мы можем пользоваться своей мысленной энергией для перемещения в пространстве, выработки физической энергии, для производства любого требуемого эффекта. Благодаря этому, нам удалось быстро завоевать и колонизовать свою галактику, перемещаясь от солнца к солнцу без всяких аппаратов.

Подчинив своему контролю всю материю галактики Арктар, мы направили свои взоры за ее пределы. В трехмерном космосе приблизительно тысяча миллионов галактик, и было признано, что следует колонизовать их все, так, чтобы вся материя в космосе оказалась под нашим контролем.

Первым шагом в решении этой задачи стало увеличение нашей численности до количества, соответствующего грандиозности поставленной задачи колонизации космоса. Это не составило труда, поскольку для нас воспроизводство сводится к простому делению. Когда требуемая численность была достигнута, наши силы разделились на четыре армии.

Тогда вся сфера трехмерного космоса была поделена на четыре сектора по числу армий. Каждая должна была колонизовать свой участок космоса. И вот громадные воинства отправились с Арктара в четырех различных направлениях.

Подразделение этих сил достигло вашей Галактики многие эры назад и спокойно рассредоточились для колонизации всех пригодных миров. Вся эта работа занимала очень много времени, но продолжительность нашей жизни не сравнима с вашей, к тому же мы понимаем, что достижение расы — это все, а достижение индивидуума — ничто. При колонизации вашей Галактики несколько миллионов арктарианцев достигли вот этого самого солнца, и, установив, что из девяти планет только одна пригодна для заселения, обосновались здесь.

Было непреложным правилом для колонистов всех миров постоянно поддерживать связь с метрополией — галактикой Арктар. При этом наш народ, удерживавший к тому времени уже весь космос, имел возможность при необходимости сконцентрировать в одной точке все свои знания и энергию с целью воплощения грандиозных проектов развития космоса.

Но спустя короткое время после того, как сюда пришли арктарианцы, сигналы от армии колонистов перестали поступать. Когда впервые обратили на это внимание, было решено пока никаких мер не предпринимать. Считали, что пройдет еще несколько миллионов лет и все наладится, отсюда также пойдут сигналы. Но так и не поступило ни слова, пока, наконец, через тысячу миллионов лет такого молчания Совет Управления на Арктаре не решил, что следует направить экспедицию в эту систему для расследования причин молчания со стороны колонистов.

Мы вдесятером сформировали экспедицию, и стартовали с одной из планет солнца, которое вы называете Сириус, неподалеку от вашего солнца. Там также находится наша колония. Нам было приказано с максимальной скоростью прибыть на вашу планету и установить, почему утрачена

связь с колонистами на этой планете. Итак, переносясь через пространство с помощью мысленной энергии от солнца к солнцу, несколько дней назад мы прибыли, на вашу планету.

Представь нашу растерянность, когда мы прибыли в ваш мир. Вместо планеты, каждая квадратная миля которой населена такими же, как и мы арктарианцами, потомками первых колонистов, держащих под своим мысленным контролем полностью всю планету, мы обнаруживаем планету, большая часть которой заселена упадочными формами жизни.

Мы оставались в течение некоторого времени на этом месте, где и высадились, посылая во все стороны мысленные сообщения и сканируя своим разумом всю планету. Наше недоумение все более возрастало, ибо никогда не встречались нам столь гротескные и упадочные формы жизни, какие мы встретили здесь. И ни одного арктарианца на всей планете.

Это опечалило и поразило нас, потому что для нас было неведомо, что могло произойти с арктарианцами, колонизовавшими этот мир. Никто не смог бы одолеть ни наших могучих колонистов, ни их потомков. Невозможно было их победить и уничтожить с помощью той ничтожно слабой мысленной энергии, которой обладают нынешние обитатели планеты. Но тогда, где же они? Когда исчезли?

Вот почему мы решили исследовать тебя и твоих спутников. Как ни низок ваш мысленный уровень, но казалось очевидным, что вы просто обязательно должны были знать, что же случилось с нашими колонистами, населившими однажды ваш мир.

В потоке мысли наступила краткая пауза, затем в мозгу Вудина прозвучал ясный вопрос:

— Располагаешь ли ты какими—либо сведениями о том, что произошло с нашими колонистами. Как случилось, что они пропали?

Оцепеневший биолог слабо покачал головой.

— Я никогда раньше не слышал о существах подобных вам, о таком типе разума. Их не было на Земле в те времена, о которых нам хоть что-либо известно, а мы теперь знаем почти всю историю планеты.

— Это невозможно! — мысленно воскликнул предводитель арктарианцев. Вы обязательно должны были иметь сведения о нашем могучем народе, коль скоро вы знаете всю историю своей планеты.

От другого арктарианца пришла мысль, адресованная предводителю, но косвенно достигшая и сознания Вудина.

— Почему бы не исследовать прошлое планеты, считав информацию с мозга этого существа?

— Прекрасная мысль! — откликнулся предводитель. — Его мозг исследовать нетрудно.

— Что вы хотите сделать? — в ужасе завопил Вудин срывающимся от страха голосом.

Ответные сообщения успокоили и ободрили его.

— Ничего, что могло бы повредить тебе. Мы хотим исследовать прошлое твоей расы, разблокировав наследственную память твоего мозга.

В неиспользуемых клетках твоего мозга хранится информация наследственной памяти вашей расы, восходящая к далеким предкам. Мысленная энергия наших действий временно сделает эту память доминантной и оживит ее содержимое в твоем мозгу.

Ты переживешь те же ощущения, увидишь те же сцены, что и твои далекие предки видели и переживали миллионы лет назад. А мы, собравшись здесь вокруг тебя, будем считывать мысли твоего мозга так же, как делаем это сейчас, и заглянем в прошлое твоей планеты.

Опасности нет. Физически ты останешься здесь стоять, как стоял, но мысленно ты перенесешься через века. Сначала мы перенесем твою мысль в те времена, когда наши колонисты прибыли на эту планету, и посмотрим, что же произошло с ними.

Не успела эта мысль достигнуть сознания Вудина, как звездная ночь вокруг него, обступившие его громоздящиеся тела арктарианцев внезапно пропали, и его мысль устремилась сквозь серый туман.

Он сознавал, что тело его не движется, но мысль его воспринимала непостижимую скорость перемещения. Как будто бы ум его был увлекаем в немыслимую бездну, а мозг все расширялся.

Внезапно серый туман рассеялся. Незнакомая картина стала неуверенно складываться в мозгу Вудина. Эту сцену он не видел, но чувствовал. Ум его воспринимал окружающее не зрением, а каким-то иным чувством, но от этого восприятие было не менее живым и реальным.

Этим странным чувством он воспринимал странную Землю, мир серых морей и пустынных континентов без всяких признаков жизни на них. Небо покрывали тяжелые облака, беспрерывно шел дождь.

Вудин видел, как он прибыл в этот мир вместе с воинством таинственных спутников. Все они были бесформенны, имели блестящую оболочку, защищавшую одноклеточные организмы с темным ядром в центре. Это были арктарианцы, и Вудин знал, что он тоже арктарианец, и что он проделал долгий путь через космос, чтобы достичь этой планеты.

Они высаживались целыми армиями на этой дикой и безжизненной планете. Усилиями коллективной мысли они вызывали телекинетические перемещения и изменения и стали переделывать окружающий их мир, приспосабливая его для своего удобства. Они воздвигали гигантские сооружения и города, города не из материи, но из мысли. Фантастические города, воздвигнутые из кристаллизованной мысленной энергии.

Вудин не мог охватить и миллионной доли той деятельности, которая протекала в этих арктарианских городах из мысли. Он ощущал громадные объемы исследований, разработок, опытов и сообщений, но смысл и цели всего этого

были недоступны его теперешнему человеческому уму. Вдруг он вновь очутился в густом сером тумане.

Туман, впрочем, сразу же рассеялся, и теперь Вудин наблюдал уже иную сцену. Она была более поздней по времени. Стали видны странные перемены, которые время произвело над воинством арктарианцев, одним из которых он по-прежнему был.

Из одноклеточных существ они превратились в многоклеточные. И теперь они уже не были все одинаковы. Некоторые были неподвижны, прикреплены к субстрату, другие могли перемещаться. Одни стремились к воде, другие — к суше. Что-то менялось в телесных формах арктарианцев, разделяя из на непохожие ветви.

Эта странная дегенерация их тел сопровождалась упадком их мышления, и Вудин это чувствовал. В мысленных городах упорядоченные процессы добывания знаний и энергии становились все более беспорядочными. И сами города ветшали, у арктарианцев уже не хватало энергии мысли, чтобы поддерживать их.

Арктарианцы пытались выяснить, что происходит, что вызывает столь странные изменения в их телах и приводит к умственной дегенерации. Они полагали, что какая-то причина воздействует на их гены, но саму причину установить они не могли. Ни на какой другой планете они не испытывали такого упадка!

Эта сцена сменилась другой, еще более поздней. Теперь Вудин уже видел происходящее, ибо его предок, мозгом которого Вудин воспринимал окружающее, имел развитые глаза. Теперь он видел, как далеко зашла дегенерация, как поражены оказались тела арктарианцев недугами усложнения и специализации.

Теперь уже исчез последний из мысленных городов. Некогда то могучие арктарианцы превратились в отвратительно сложные организмы, идущие дальше и дальше по пути упадка. Часть из них пресмыкались или плавали в воде, часть — закрепились на суше.

Они все еще сохраняли долю мысленной энергии своих предков. Чудовищные монстры суши и моря, живущие вовремя, которое Вудин определил как поздний палеозой, все еще делали отчаянные попытки остановить ужасающее течение их деградации.

Мысль Вудина перескочила в еще более поздний век — мезозой.

Продолжающаяся дегенерация превращала потомков колонистов во все более кошмарные виды чудовищ. Теперь они превратились в гигантских, покрытых голой кожей, или чешуей, или роговыми пластинами рептилий, живущих в море и на суше.

И даже эти, невероятно изменившиеся, существа еще сохраняли слабые остатки мысленной энергии их предков. Они предпринимали бесплодные попытки установить связь с арктарианцами на других планетах и отдаленных солнцах, чтобы те поспешили на выручку. Но теперь мысли их были уже слишком слабы для этого.

Последовала сцена жизни в кайнозое. Рептилии сменились млекопитающими. Регресс арктарианцев продолжался. Теперь их деградировавшие потомки обладали лишь ничтожной частью исходной арктарианской ментальности.

Далее это жалкое потомство породило еще более глупые и бездумные виды, уже почти совсем утратившие мысленную энергию — обезьян, бродивших по холодным равнинам сварливыми толпами. Последние отблески арктарианского наследия, древние инстинкты стремления к достоинству, чистоте и терпимости, у этих тварей полностью исчезли.

В мозгу Вудина появилась последняя картина. Это был современный мир, мир, который он видел своими собственными глазами. Но теперь он видел и понимал его, как никогда не понимал раньше — мир, дошедший в своем упадке до предела.

Обезьяны превратились в еще более слабых двуногих существ, утративших последнюю кроху из наследства древней

арктарианской мысли. Эти существа утратили также и многие из тех чувств, которыми еще обладали даже обезьяны.

И вот эти твари, эти люди деградировали со все возрастающей быстротой. Там, где раньше они убивали только как животные — для пропитания, теперь они убивали без всякого смысла. И научились убивать друг друга группами, племенами, народами и полушариями. В своем безумии эти дегенераты уничтожали друг друга до тех пор, пока земля не начала сочиться их кровью.

Они были более жестокими, чем их предки обезьяны, жестоки до безмозглости. В растущем сумасшествии своем они дошли до голода посреди изобилия, до убийства ближнего своего в собственных городах, от холода они стали укрываться шкурами убитых других животных, чего не делало до них ни одно существо.

Это были последние уродливые потомки, продукт полной дегенерации, древних арктарианских колонистов, тех, что были некогда царями разума. Другие животные уже почти полностью исчезли. Эти же, последние выродки, неизбежно вскоре приведут свою историю к полному самоуничтожению в порыве безумия.

Внезапно Вудин пришел в себя. Он стоял под звездами в центре поляны на берегу реки. Вокруг него по-прежнему стояли десять арктарианцев, молчаливое кольцо.

Ему тошно было от прошедших перед ним с неправдоподобной живостью ужасных видений. Он медленно поворачивался от одного арктарианца к другому. Их мысли прорывались в его сознание, и Вудин понимал, как сильно они удручены, подавлены, потрясены страхом и отвращением.

Болезненная мысль арктарианского предводителя вошла в мозг Вудина:

— Это и есть то, что осталось от арктарианских колонистов, пришедших на эту планету. Они деградировали, превращались во все более низшие формы жизни, пока из них не вышли вот эти жалкие твари, расплодившиеся по всей планете, их последние потомки.

Эта планета — мир смертельного ужаса. Мир, который воздействует гены нашей расы и повреждает их, изменяя нас физически и душевно, вызывая упадок в каждом последующем поколении. Вот перед нами плачевный результат.

Другой арктарианец потрясенно спросил:

— Что же нам теперь делать?

— Здесь мы ничего не сможем сделать, — печально откликнулся предводитель. Эта деградация, эти ужасные изменения зашли слишком далеко, чтобы их можно было исправить.

Наши собратья по разуму превратились в монстров в этом отравленном мире. Мы не в состоянии повернуть часы вспять и восстановить их исходные формы из той дряни, в которую они превратились.

Тут Вудин, наконец, обрел голос и визгливо завопил:

— Неправда! Эти картинки — вранье! Мы, человечество, не продукт нисходящей деволюции, а напротив, мы — продукт эволюционного восхождения! Говорю вам, что это так и есть! Как же так? Тогда не стоит и жить! Я не хочу жить, если это правда. Это неправда.

Мысль предводителя, обращенная к товарищам, достигла и мозгов Вудина. В мысли этой была и жалость, но было и сверхчеловеческое отвращение.

— Пойдемте, братья, — воззвал арктарианец к спутникам. Нам нечего делать в этом душевнобольном мире.

— Уходим, пока и мы не отравились, и не начали меняться. Надо послать предупреждение на Арктар, что этот мир отравлен, что он дегенерирует, и чтобы никогда более из нашей расы не появлялся здесь, а иначе его ждал бы тот же скорбный путь, которым уже прошли первые.

— Идем, отправляемся к нашему солнцу.

Мешковатое тело арктарианца уплощилось, приняло форму диска и скользнуло вверх.

Остальные также изменили свой облик и последовали за ним плотной группой. Вудин отупело смотрел, как сияющие точки быстро уходили навстречу свету звезд.

Он сделал несколько неверных шагов, бессильно грозя кулаком еще поблескивающим исчезающим точкам.

— Вернитесь, проклятые! — орал он. — Вернитесь и скажите, что все это неправда.

— Это ложь! Это должна быть ложь!

Теперь уже в звездном небе не осталось и следа от исчезнувших арктарианцев. Глухая тишина окружила Вудина.

Он снова закричал в ночь, но откликнулось лишь шепчущее эхо. Его блуждающий, одичавший взгляд упал на пистолет в руке Росса. С яростным воплем Вудин схватил его.

Резкий звук внезапно разорвал лесной покой, отозвался вдали и стих. И опять опустилась тишина, и только было слышно, как бормочут речные струи.

Сейчас я хотел бы никогда не видеть этот ужасный эксперимент Фессендена! Я хотел бы, чтобы мое отвратительное любопытство не подтолкнуло меня зайти в ту ночь в его лабораторию. Тогда я не стал бы свидетелем того, что навсегда разрушило мое спокойствие духа. Но все по порядку.

Арнольд Фессенден слыл самым великим ученым, из когда-либо рождавшихся на этой планете, и самым таинственным человеком, а вернее, даже зловещим. Кому-кому, а уж мне—то это точно известно! Мне бы следовало рассказать о случившемся раньше, но я не решался, потому что предполагал, и не без оснований, что мне не поверят. Сардонически ухмыляясь, Фессенден убедил меня в этом, когда демонстрировал то, что мне так хотелось бы теперь позабыть.

Все произошло темной, прохладной, ветреной ночью в конце октября. Я поднялся на крыльцо большого каменного дома Фессендена, расположенных) недалеко от общежития университета, и позвонил в дверь. Я знал, что сейчас он живет здесь совсем один. Даже его горничная в конце концов заявила, что больше не может выдерживать его странный образ жизни.

Он сам подошел к двери. На фоне плохо освещенного холла его фигура казалась большой и мощной, он пристально посмотрел на меня и сказал:

— А! Это вы, Брэдли. Что вам надо?

Я ответил ему:

— Не стоит так встречать гостей! Я просто зашел поболтать, поскольку давно не видел вас в университете.

Он некоторое время колебался, но затем все же сказал:

— Извините, Брэдли, просто последнее время у меня не так уж и много гостей. Проходите.

Я вошел и расположился в неряшливой гостиной. Сказывалось отсутствие женской руки. Фессенден сел на стул и насмешливо взглянул на меня своими проницательными

черными глазами, и на его плоском, решительном лице появилась усмешка.

Испытывая легкое замешательство — внутри себя я понимал, что меня раздражает эта его манера улыбаться, — я спросил:

— Фессенден, почему вы давно не появляетесь на собраниях факультета? Мне говорили, что вы даже поручили своему заместителю читать лекции на всех ваших курсах.

Фессенден смотрел на меня и по-прежнему насмешливо улыбался:

— Что мне в вас нравится, Брэдли, это то, что вы видны насквозь. Уверен, что знаю причину, которая привела вас ко мне в университете все поговаривают, что я немного сошел с ума, и вы зашли, чтобы убедиться в этом лично.

Я запротестовал:

— Нет! Нет! Это не так! Это правда, что очень многие посмеиваются над теми радикальными астрофизическими теориями, которые вы предлагаете на обсуждение, и что некоторые с кафедры считают вас не просто чудаком. Но для меня это все ничего не значит. Я очень хорошо знаю, что во все времена человека, который предлагал, что-либо новое, всегда сначала считали немного сумасшедшим. — Я убедительно добавил: — Вы же знаете, Фессенден, я простой рядовой солдат науки, бедняга—преподаватель. В то время как в вас я всегда видел первооткрывателя. Меня очень интересует то, над чем вы так интенсивно здесь работаете, и я искренне надеюсь, что вы мне что-нибудь поведаете об этом. Но расскажете вы мне или нет, я всегда буду восхищаться вами и мои симпатии будут на вашей стороне.

Мое лицо, должно быть, немного вытянулось, когда Фессенден рассмеялся.

Но, тут же оборвав свой смех, заговорил.

— Я рад, что это так, — заметил он. — Но сейчас разрешите мне объявить вам о своем решении. Я действительно удовлетворю ваше любопытство и покажу вам то, над чем я

сейчас работаю. Я покажу вам величайший эксперимент, который когда-либо ставили ученые Земли.

Я поинтересовался, немало удивившись:

— Если вы не чувствуете симпатии ко мне, то я не понимаю, зачем вы мне хотите рассказать о своей работе?

Фессенден насмешливо передернул плечами:

— Потому что, к сожалению, Брэдли, по сути своей я человек из крови и плоти. Как и у всех людей, во мне есть определенная, неискоренимая склонность к самолюбованию, которая — и я считаю это предосудительным упорно толкает меня похвастаться своими достижениями перед кем бы то ни было. — Фессенден засмеялся. — Я похож на маленького мальчика, который склеил своего первого воздушного змея и очень хочет показать его кому-нибудь. Я понимаю, что это глупо, но меня это забавляет, и я не могу полностью отказаться от этой идеи. Вы, конечно, недостаточно умны, чтобы постичь мое открытие. Но все же вы будете беспристрастным свидетелем, зрителем, а я удовлетворю свое желание. И, заметьте, вы будете первым зрителем.

Я быстро выпалил:

— Обещаю, что все, что вы мне расскажете, останется, между нами.

Фессенден захохотал во все горло:

— А вам и не нужно мне это обещать. Меньше всего меня это волнует. Вы можете выйти отсюда и поведать всему миру о том, что здесь увидели. Только, если вы так сделаете, наши, а вернее, ваши коллеги объявят вас сумасшедшим и, вероятно, запрут в соответствующее заведение. Пожалуйста, вперед!

Он все посмеивался, когда поднимался со стула.

— Это в задней комнате, моей лаборатории, Брэдли, — сказал он.

— Но все же что это? — спросил я, полный сомнений. — Что вы изобрели?

— Я создал Вселенную! — гордо ответил Фессенден.

Я раздраженно заметил:

— Это грандиозная метафора, но что же в действительности за ней кроется?

— Это совсем не метафора, — неожиданно мягко сказал Фессенден. Я без преувеличений повторяю, что в своей лаборатории я создал Вселенную, Вселенную с миллионами солнц и с десятками миллионов миров.

Я молчал. Я избегал его взгляда и пытался скрыть от него свое разочарование.

Фессенден фыркнул от смеха:

— А всего минуту назад вы осуждали тех, кто считает меня безумным. А сейчас вы согласны с ними, не так ли? И даже подумываете, как бы вам поприличнее улизнуть из дома этого сумасшедшего Фессендена?

Он добавил, ухмыляясь:

— Пойдемте со мной в лабораторию, Брэдли. Уж там—то вы сами убедитесь во всем.

Я шел по коридору за его высокой, мощной фигурой. Я действительно думал, что его самоизоляция и нелепость исповедуемых им радикальных теорий отразились на его разуме. Но все же у него должно быть что-то, что он хотел мне показать. И мне было любопытно увидеть, что же это.

Под лабораторию оказалась задействована длинная комната, стены которой были завешаны полками с приборами, между ними стоял большой, сложной конструкции электрический аппарат.

Большая часть оборудования, которое я увидел, была мне не знакома. Затем мой взгляд приковало к себе нечто в центре лаборатории. Это нечто состояло из двух двенадцатифутовых металлических дисков с решетчатыми поверхностями, один из них располагался на полу, а другой на потолке прямо друг над другом. Они были присоединены кабелем к электрическому аппарату, и их решетчатые поверхности светились бледно—голубым.

Между двумя дисками, которые сами по себе плавали в воздухе, висело облако из крошечных искорок огня. Это очень напоминало бесчисленный рой мельчайших

золотистых пчел. Рядом с этим непонятным сооружением располагалось несколько приборов, напоминающих микроскопы, хотя по виду и они мне были не знакомы. Создавалось впечатление, что эти микроскопы как бы наблюдали за этим плотным облаком светящихся искорок.

Фессенден подошел к сооружению и, умиротворенно показав на ярко-синие диски на полу и потолке, произнес:

— Эти диски, Брэдли, в пространстве между ними, нейтрализуют все обычные законы гравитации.

— Что? — воскликнул я от изумления. Я подошел поближе, хотел было проверить это утверждение, протянув руку между дисками, но Фессенден удержал меня.

— Не вздумайте этого делать! — предостерегающе произнес он. Человеческое тело привыкло к гравитации Земли, и оно внутренне неразрывно связано с ней. Если бы вы встали между двумя дисками, то есть оказались бы вне силы притяжения Земли, ваше тело разорвалось бы от своего собственного внутреннего давления, подобно тому, как разорвало бы глубоководную рыбу, которую вдруг резко подняли бы на поверхность с обычной для нее глубины, где потрясающе высокое давление. — И Фессенден добавил, указывая на парящий рой искорок между дисками: — Вся эта конструкция необходима, чтобы моя Вселенная не зависела от земной гравитации.

Я недоуменно смотрел то на Фессендена, то на светящийся рой, то опять на его смуглое, улыбающееся лицо.

— Вы хотите сказать, что эти небольшие блики света — Вселенная?

— Как раз они и есть, — уверил меня он. — Посмотрите поближе, Брэдли.

Я присмотрелся и почувствовал, как мурашки пробежали по моему телу. Эти светящиеся точки казались настолько малы, что я едва мог отличить их друг от друга, но все же понимал, что в том рое искр их должны быть миллионы. И все же в них было что-то страшно знакомое. По цвету одни из этих крошечных искорок были пламенно—белыми,

другие — раскаленными докрасна, третьи — золотисто—желтыми. Таких же цветов и различные солнца в нашей собственной Вселенной! Некоторые из них разбивались на группы по две или три искры. И здесь, и там, в подлинной, живой Вселенной, число скоплений этих солнц превышало несколько тысяч. И здесь, и там существовали маленькие ярко светящиеся пятнышки, напоминающие крошечную туманность, а также медленно двигающиеся искры с тянущимися за ними хвостами света, как кометы—лилипуты. И те искры действительно казались солнцами! Я был уверен в этом на сто процентов даже тогда, когда мой разум боролся с этой мыслью и я твердил про себя, что сие невозможно.

Внутренне я понимал, что видел перед собой миниатюрную Вселенную, размеры которой были несопоставимо малы по сравнению с нашей собственной, и в то же время она существовала и казалась такой же реальной, как и наша. Здесь, в лаборатории Фессендена, родился микрокосмос.

Фессенден внимательно следил за моей реакцией. Наконец он ласково произнес:

— Да, Брэдли, это правда. Это крошечная, самостоятельная Вселенная со своими собственными солнцами, туманностями и мирами, хотя она и состоит, сравнительно конечно, из бесконечно малого количества атомов. Но это настоящая Вселенная, такая же, как и наша.

— И вы утверждаете, что вы ее создали? — задыхаясь от изумления, спросил я. Фессенден кивнул головой.

— Да, я ее создал несколько недель назад. После ряда ошибок мне удалось добиться ее существования, стабилизировать ее природу. И я до сих пор экспериментирую над ней.

Его черные глаза заблестели.

— Разве я не говорил вам, что это самый величайший эксперимент за всю историю науки? Представьте себе, какие возможности мне открываются: я могу проводить астрофизические и другие наблюдения в условиях космоса, не выходя из лаборатории. По желанию, с помощью изобретенных мною инструментов я могу изменять или уничтожать

солнца и туманности, а благодаря моим микроскопам, я могу наблюдать за мельчайшими подробностями жизни этой крошечной Вселенной. Я могу проводить опыты над этой Вселенной, как над субъектом.

В изумлении я спросил:

— И как же вы достигли этого? С чего вы начали?

Фессенден передернул плечами.

— А как зародилась наша Вселенная, Брэдли? Из огромного облака горящего газа, которого предостаточно в пространстве. Из-за взаимного притяжения частицы этого облака сближались друг с другом так, что в конце концов облако сжалось в гигантскую туманность. А затем туманность конденсировалась и после дальнейшего сжатия превратилась в солнца, которые из-за случайных столкновений и постоянных притяжений и отталкиваний выбрасывали материю, в итоге и сформировавшую двигающиеся по орбитам планеты. Вот так и я начал экспериментировать со своей крошечной Вселенной. Я заполнил не подверженное гравитации пространство между этими дисками облаком раскаленного газа, чьи атомы бесконечно малы по сравнению с нашими атомами, так как я сократил их электронные орбиты. Затем все, что мне оставалось, — это наблюдать, как законы природы, подобные тем, которые несколько миллиардов лет назад создали нашу Вселенную, сформировали и этот малый микрокосмос. Я наблюдал за тем, как газ конденсировался в крошечную туманность. Я видел, как затем эта крошечная туманность родила миниатюрные солнца точно так же, как давным-давно это происходило в нашем космосе. И я видел, как эти солнца, случайно отклоняясь и приближаясь друг к другу, выбрасывали сгустки материи и рождали планеты.

Миллионы, миллиарды крошечных миров! Здесь, в этом микрокосмосе, Брэдли! Миры, которые я могу изменять, в судьбу которых я могу вмешиваться, жизнь на которых я могу развить или уничтожить, как и когда угодно.

Это и есть мой эксперимент, Брэдли!

— Вы сказали — жизнь? — шепотом повторил я. — На этих крошечных планетах есть жизнь?

— Конечно! — ответил Фессенден. — Жизнь всегда зарождается на планетах с благоприятными условиями, и обычно она принимает те же формы. — Он дотронулся до одного из огромных микроскопов. — Подождите, я найду для вас такой мир, Брэдли. Я разрешу вам самому понаблюдать за развитием жизни.

Он приложил глаз к окуляру этого огромного микроскопа, сфокусировал его на сверкающее облако искр; стал поворачивать и крутить колесики до тех пор, пока не настроил. Наконец он выпрямился.

— Ну, теперь смотрите, Брэдли

Я посмотрел в линзу и словно попал в иной мир. Я оказался внутри облака парящих искр. В поле моего зрения попало ослепительное и гигантское белое солнце, которое величественно сияло в темноте пространства. Солнце, одно из этих крошечных искр, увиденных благодаря суперувеличению микроскопа! Фессенден стоял рядом со мной, пристально глядя в другую линзу аппарата. Его пальцы коснулись ручки фокуса, и он мягко произнес:

— Продолжайте наблюдать. И за несколько минут нашего времени вы увидите несколько их лет. Естественно, что время микрокосмоса бежит намного быстрее нашего.

Фессенден изменил фокус, и я увидел огромное солнце прямо передо мной. Я различил две вращающиеся с потрясающей скоростью планеты. Год их жизни длился не больше мгновения. Одна из этих планет до сих пор была частично расплавлена, но другая уже остыла, ее атмосфера сгущалась.

Это была дикая молодая планета. С затянутого тучами неба лил проливной дождь, и вода с невероятной скоростью собиралась в моря. Еще секунда, и в этом мире появилась зеленая жизнь, сначала по берегам теплых, мелких морей, затем она поползла и стала продвигаться по земле. Скоро растительность покрыла весь шарик планеты. Прошли еще годы, — ее годы, а вернее, миллионы лет, — и на свет Божий

стали появляться и представители животного мира. Животный мир начал развиваться. Перемены происходили так быстро, что я с трудом успевал за ними следить. Канули в Лету времена воюющих видов нечеловеческих монстров. И здесь, и там на планетке появились маленькие кучки человекообразных животных, с каждым мигом увеличиваясь в своем количестве. Я видел появление первых деревень. Мелькали столетия в этом микрокосмосе, и очень быстро деревни сменили города, а человекообразных животных — разумные люди. С каждым моментом города становились все больше, стальные корабли бороздили моря, и за несколько секунд перед моими глазами прошли года прогресса и развития. Меня колотил озноб, когда я отпрянул от телескопа. Я закричал:

— Это невозможно! Это не может быть реальностью!

Фессенден улыбался.

— Ваше выражение изумления, Брэдли, удовлетворяет мое эгоистичное желание признания. Но я уверяю вас, что этот крошечный человеческий род и их мир действительно реальны.

Он довольно усмехнулся.

— Несомненно, этот маленький народ думает, что уже достиг таких вершин знаний и силы, что ничто не может им угрожать. А сейчас мы посмотрим, действительно ли они в состоянии столкнуться с реальной угрозой.

Он взял странный иглообразный инструмент и осторожно поместил его в ту часть микрокосмоса, удерживающую мельчайшую искру, которая была великим солнцем того мира, за которым я наблюдал. На небольшом расстоянии от этого белого солнца через "пчелиный рой" очень медленно двигалась комета. Фессенден дотронулся до ручки — и из иглообразного инструмента в микрокосмический рой искр поползла тонкая, невидимая нить энергии и прикоснулась к медленно двигающейся комете. Казалось, что крошечная частица изменила направление движения.

— А теперь глядите, — произнес Фессенден, полный азарта, — что смогут противопоставить этому маленькие люди.

Я ничего не понял, но вместе с ним прильнул к телескопу и снова оказался рядом с крошечным миром. Сейчас, с точки зрения нашего времени, их развитие казалось молниеносным, их города резко выросли в размерах, а крыши домов покрылись защитными стеклообразными щитами. Гигантские самолеты проносились над ними. За время наших коротких наблюдений поколения сменялись поколениями. На первый взгляд на этой планете царили мир и прогресс. Но вот я увидел, как маленький народец засуетился, забегал и в темпе их жизни наступила резкая перемена. Теперь на эту планету падал бледно-зеленый свет. Это был гибельный для крошечного мира отблеск кометы—монстра, стремительно приближавшейся к ним.

Потом я понял, что это была та самая микрокосмическая комета, чей курс немного изменил Фессенден. Но в телескопе она казалась колоссальной, и по мере приближения к этому миру зеленый свет огромного космического тела просачивался сквозь небеса. Ледяное чудовище безжалостно надвигалось.

Еще через несколько наших мгновений планета и комета столкнулись, и я увидел гибель этого крошечного народа. Частицы кометы разбили вдребезги города с застекленными крышами. К тому же комета состояла еще и из отравляющих газов, которые обволокли этот мир тонким облаком. Пока мы наблюдали, комета ушла, но смертоносные газы сделали свое дело: на этой планете больше не было жизни!

Она стала безмолвной, мрачной и мертвой. Теперь вокруг солнца кружился безжизненный мир.

Разрушенные города очень быстро распались и пропали.

У меня в ушах звенел смех Фессендена, и я с ужасом уставился на него.

— Вы видели? У них оказалось недостаточно знаний для того, чтобы спасти себя от кометы, которая слегка изменила свой курс.

— Вы убили их! Убили все живое в этом мире! — Мой голос трепетал от того ужаса, который я испытывал.

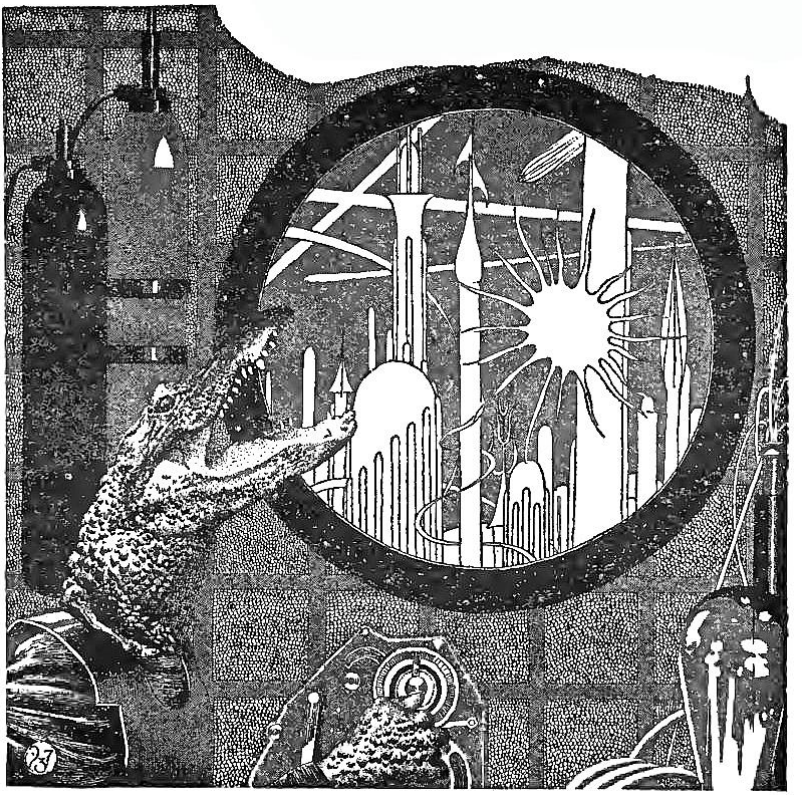
— Чушь! Нонсенс! Это всего лишь эксперимент! — ответил Фессенден. — В таком случае убийством можно назвать и то, когда бактериолог случайно во время эксперимента уничтожает эмбрион.

Этот народ в миллионы раз меньше по массе физического тела, чем любой эмбрион. Но и они, и им подобные в бесчисленных мирах этого микрокосмоса стали материалом для моего эксперимента, которого не было ни у одного ученого до меня. А теперь обратим внимание на другие миры — вот эти два меня тоже интересуют

Фессенден изменил фокус, и передо мной в телескопе предстало другое солнце. Оно излучало желтый свет, и вокруг него вращались четыре планеты. На двух планетах не существовало атмосферы, но две другие породили различные формы жизни: одни напоминали людей, другие более походили на рептилий, но в своем собственном мире каждый из них был царем природы. У обоих видов был свой собственный опыт цивилизации, это доказывали построенные на их планетах странные города не существовало никакого сообщения между мирами, так как две планеты находились довольно далеко друг от друга.

— Сейчас меня интересует, что с ними будет, когда эти два вида вступят в контакт друг с другом. Ну хорошо. «Скоро мы это узнаем», — увлеченно произнес Фессенден и вновь прибегнул к своему иглообразному инструменту.

И снова маленькая призрачная нить энергии пронзила микрокосмос. Я увидел последствия этого. Под воздействием внешней силы одна из планет стала менять свою орбиту. Она подходила все ближе и ближе к другому населенному миру. Очень скоро планеты настолько сблизились, что стали вращаться вокруг общего центра гравитации и вокруг



солнца, напоминая наши Землю и Луну. Прошло еще мгновение — и из одного мира в другой, преодолевая бездну, разделяющую эти планеты, полетели космические корабли. Еще секунда — и полеты стали стабильными, и между планетами возникло постоянное сообщение. Но вдруг развязалась война между людьми и рептилиями. В этой войне огонь уничтожил города, а невероятная жестокость битв повлекла за собой невероятное количество смертей. Перевес оказался на стороне рептилий. Они захватили и уничтожили последних представителей человекообразного народа. На этом все и закончилось. Рептилии стали хозяевами двух миров.

— Я немного удивлен. Я был уверен, что победит человеческий род, заинтересованно произнес Фессенден. —

Вероятно, они оказались менее приспособлены для жизни, чем рептилии.

Я не выдержал и закричал:

— Эти крошечные люди жили бы из поколения в поколение в мире и согласии, если бы вы не устроили этот контакт с другим миром. Почему вы их обрекли на гибель?

Фессенден взглянул на меня и раздраженно буркнул:

— Не будьте дураком, Брэдли! Это просто научный эксперимент. И те эфемерные малые виды, и их крошечные миры, нравится вам это или нет, объекты изучения. — И, помолчав, добавил: — Вы спрашиваете, почему? Уже несколько дней я наблюдаю, меняю условия, вмешиваюсь в развитие миров микрокосмоса только для того, чтобы выявить реакцию этих людей на различные раздражители и опасности. И я многому у них научился. Вам и не снилось. Глядите — я покажу вам других.

Как завороженный я следил за тем, как Фессенден подгонял события, изменял их, наблюдал распад империй и крушение планет с радостной, удовлетворенной жестокостью. Я видел миры необычной красоты и миры невероятного ужаса — планету за планетой, вид за видом, и все они были всего лишь игрушками стоящего рядом со мной ученого—экспериментатора.

Фессенден указал мне на еще одну планету этого микрокосмоса. Она была покрыта дикими лесами, и на ней обитали общины охотников, преследовавшие хищников. Поколения сменяли поколения, но в их примитивном обществе не намечалось никаких перемен — они довольствовались тем, что могли охотиться, есть, пить, любить и были смертны. Они не стремились к развитию, им не нужна была иная, более высокая форма цивилизации.

Тогда Фессенден пролил на этот маленький мир крошечный дождь, который нарушил его равновесие. Под влиянием химических веществ цветы и деревья планеты начали таинственным образом изменяться, стали подвижными и превратились в огромные растения—хищники без корней,

которые очень скоро напали на животных и убили их. Несколько поколений охотников храбро боролись против этого нашествия, но в конце концов уступили и на этой планете остались только растения.

Фессенден представил моему вниманию другой мир. Он располагался на самом краю микрокосмоса. Это оказался водный мир, поверхность которого представляла собой сплошной океан. И в этом планетном море зародилась и развилась жизнь. Это были люди—мореходы. Жили они в огромных подводных лодках, выступающие наблюдательные башенки которых тут и там торчали над водой.

Нить энергии Фессендена поиграла и над этим миром. Моря стали высыхать, молекулы воды — испаряться. Планета постепенно превращалась в пустыню и люди—мореходы стали покидать свои лодки—города и отступать вместе с водой. Очень скоро, пока мы наблюдали за ними, на этой маленькой планете осталось единственное мелкое море. Здесь собрались последние из оставшихся в живых мореходов, и здесь они приложили максимум усилий и научных знаний для того, чтобы выработать план своего спасения и спасения последнего моря от испарения. Но тот безжалостный эксперимент, который заварил Фессенден, невозможно было остановить; последнее море высохло и пропало.

Все, что осталось от водного мира, — это пустынная планета с руинами и останками мертвых городов мореходов, которые и здесь, и там служили мемориальными памятниками исчезнувшей цивилизации.

Изумленно я следил, как гибнет мир за миром. Теперь я смотрел на ледяную планету, которая плыла в космическом пространстве на большом расстоянии от своего солнца. Но даже на ней, в диком холоде, зародилась жизнь, правда, довольно странная. На планете обитал совершенно иной биологический вид — бескровные.

Великолепно приспособленные к холоду существа достигли уровня довольно могущественной цивилизации.

Их причудливые дворцы и города выросли среди вечных льдов, и, несомненно, жители далеко продвинулись в научном познании. Фессенден дотронулся и задел их солнце своей незаметной нитью энергии, и звезда засияла в сто крат сильнее, поднялась температура. Жара привела к тому, что ледяная кора этой далекой планеты стала таять и ее люди погибали от непривычного тепла. Следующее поколение этого народа посвятило себя великому делу: они проводили многочисленные опыты на одном из материков. Постепенно мы поняли смысл этих опытов: их ученые спроектировали излучатель энергии, с помощью которого они резко отвели свою планету в сторону. Они уводили ее все дальше и дальше от солнца, чтобы избежать возрастающей температуры. Удалившись на подходящее расстояние, где стало так же холодно, как и прежде, обитатели планеты придали ей новую орбиту. Фессенден смеялся и аплодировал их изобретательности.

Следующий мир, на который мы наткнулись, оказался тоже заселен людьми. Но на этой планете правила нечеловеческая олигархия. Существа, представлявшие собой сплошной живой мозг, захватили власть. Каждый раз, когда порабощенные люди поднимались против тирании, их усмиряло оружие этих нечеловеческих хозяев.

Фессенден снова прибегнул к своему иглообразному инструменту и на этот раз проник глубоко в недра этой маленькой планеты. За этим последовало страшное землетрясение. Ужасающая по своим масштабам масса радиоактивных веществ вырвалась наружу.

Людей поразила невиданная чума, они начали гнить и умирать. Очень скоро все люди погибли, но их бывшие хозяева ухитрились найти противоядие от этой смертельной лучевой инфекции, поэтому многие из них выжили. Еще несколько поколений существ—мозгов смогло прожить, обходясь услугами ими же изобретенных роботов. Но, должно быть, они создали своих механических слуг слишком

умными, так как пришло время и машины восстали и уничтожили их.

Но и роботы недолго прообитали на этой планете. Все же им не хватило механического интеллекта для того, чтобы самостоятельно существовать и управлять миром. В конце концов они превратились в металлолом и исчезли с лица земли.

С ужасом в глазах я продолжал наблюдать, как Фессенден экспериментировал и разрушал мир за миром в этом микрокосмосе. Но тут я увидел мир такой идеальной красоты, что у меня невольно навернулись слезы умиления. Это был зеленый, цветущий мир. Жители этой планеты очень походили на людей. Но и они, и природа их мира были в сто крат изящнее, великолепнее нашей действительности.

На этой планете я не обнаружил ни возвышающихся городов, ни огромных машин, ни кораблей. Их цивилизация шла по иному пути, отвергнув грубый машинный прогресс, и планета напоминала очаровательный парк Среди цветущих деревьев проглядывали изысканные постройки, а по лесам и полям гуляли облаченные в белые одеяния благородные мужчины и красивые женщины. Их знания всегда одерживали верх над смертью, и последующие поколения походили на своих предков. Мое сердце учащенно билось, когда я смотрел на этих людей в микроскоп.

Мне показалось, что я мельком увидел то, к чему должно стремиться человечество. И оно в необозримом будущем станет таким же очаровательным и мирным, как эта планета и ее люди.

Вдруг я как будто очнулся от сна; Фессенден снова задумал поэкспериментировать и уже потянулся за своим смертоносным инструментом.

В ужасе я закричал:

— Нет! Фессенден, вы не можете ставить свои опыты на этой планете!

Он сардонически улыбнулся.

— Отчего же? Конечно, могу! Я как раз собирался убедиться в том, что этих людей еще не окончательно развратили мир и изобилие и они достигли таких высот в науке, что смогут спасти себя от настоящей опасности. — Не без удовольствия он посмотрел на свой иглообразный инструмент и продолжил: — Простое, легкое прикосновение тонкой энергетической нити — но это прикосновение заставит их маленькое солнце вращаться с такой скоростью, что оно просто взорвется. Хватит ли у этих людей сил и знаний улететь к другому солнцу и тем самым спасти себя? Очень скоро мы это узнаем.

Вне себя от гнева я оттолкнул Фессендена от смертоносного инструмента, и от моего сильного толчка он потерял равновесие, зашатался и отступил в угол лаборатории.

Я закричал:

— Нет! Эти миры и эти люди, на которых вы ставите опыты, подвергая их опасностям и уничтожая их, — они ведь живые! Пусть они ничтожно малы, но они ведь живые, как и мы с вами! И я не допущу того, чтобы вы, из-за вашего чертова научного любопытства, продолжали хладнокровно экспериментировать над живыми существами и мучить их!

Фессенден гневно сдвинул свои черные брови и скрипучим голосом произнес:

— Каким же я оказался идиотом! Я показал мой эксперимент сентиментальному слюнтяю! Но вы забываете, что созданный микрокосмос — мой эксперимент, моя собственность! И если мне захочется, я буду ставить опыты над ним и разрушать мир за миром в нем! Отойдите от установки!

— И не подумаю! — закричал я. — Вы, достаточно горя принесли этим крошечным мирам своими негуманными экспериментами, обрекая живые существа на каторжный труд, муки и смерть лишь для того, чтобы удовлетворить свое порочное любопытство и потешить свое тщеславие! И я больше не позволю вам причинять страдания обитателям этой Вселенной, а в особенности этому маленькому идеальному миру!

Фессенден пошел на меня, сверля своими черными глазами Его мощный кулак заставил меня выронить из рук злосчастный инструмент, а сам я отлетел в сторону. И в этот момент я услышал хриплый крик. Бросившись на меня, Фессенден зацепился за кабель и попал в пространство между двумя дисками. Его падающее тело наскочило на микрокосмос, и фонтан искорок—миров рассыпался рядом с ним. Вселенная была разрушена за несколько секунд. Погиб и ее создатель. Тело Фессендена разорвалось на мелкие кусочки, как он и предупреждал меня.

Собственно, такое должно было произойти с любым материальным телом, попавшим в пространство между двумя дисками, в пространство, где не существовало сил гравитации. Разрушение микрокосмоса вызвало и другие последствия. Подводящий электрический кабель, который задело рухнувшее тело, вздрагивал от перегрузки. Энергию надо бы отключить, но сделать это было некому. На нижнем диске вспыхнул огонь. Мгновенно уничтожающее голубое электрическое пламя накрыло диски и Фессендена и заплясало вокруг иного оборудования, издавая шипящий рев.

Я развернулся и, спотыкаясь на каждом шагу, вырвался из этой лаборатории, из этого дома в прохладную ветреную ночь. Я слышал треск пламени за своей спиной, по земле бегали тени от охваченного огнем дома, а затем раздался взрыв. Но я, шатаясь, уходил прочь от этого места и не оборачивался.

Так погиб Фессенден и закончился его эксперимент. Никто не сомневался в том, что эксцентричный ученый во время проводимых опытов как-то поджег свой дом и сам погиб в огне. Я не пытался никого в этом разубеждать. И очень скоро о нем и его кончине все позабыли. Все, кроме меня.

Я бы тоже хотел забыть! Но не могу! Не могу не вспоминать Фессендена и его микроскопические миры, населенные живыми существами. Живыми людьми. Живыми! И именно поэтому моя душа болит и до конца моих дней меня будет мучить и пугать один—единственный мрачный вопрос,

ответа на который я никогда не получу. И этот вопрос будет возникать у меня всегда, когда я буду смотреть на ночное небо, полное звезд.

Вы вправе спросить меня: что это за вопрос? Но, думаю, каждый умный человек дойдет до него и сам: "Может быть, для кого-то наша собственная огромная Вселенная не больше микрокосмоса? И какой-нибудь суперученый рассматривает нас лишь как объект интересного эксперимента? Может быть, именно он для своего собственного удовольствия насылает на нас все беды, чтобы удовлетворить свою любознательность и посмотреть на нашу реакцию? Есть ли там, наверху, подобный Фессенден?"

Стендифер нашел семена на следующий день после того, как метеорит упал на холм за его коттеджем. В ту ночь он сидел во тьме своего душистого сада и увидел вспышку света, услышал свист и треск, производимый падающим гостем из дальнего космоса. Всю ночь он провел без сна, с нетерпением ожидая рассвета и возможности найти и исследовать метеорит. Стендифер знал немного об этих падающих «звездах», хотя и не был ученым. Он был художником, чьи картины висели во многих знаменитых галереях больших городов. Ими восхищались те, кто любит подобные вещи. Стендифер устал от этих людей и их восторгов. Он приехал в этот одинокий коттедж на холмах, чтобы отдаться живописи и мечтам.

Не людей и города хотел рисовать Стендифер, а зеленую жизнь земли, природу, которую он так сильно любил. Не было ни одного растения в лесу или в поле, которое бы он не знал: стройные зеленые клены, шепчущиеся друг с другом на ветру своими листьями, крепкие маленькие кусты сумаха, похожие на крошечных игривых гномов, и невинные белые розы, которые рождались, расцветали и быстро умирали. И Стендифер работал не покладая рук, чтобы перенести и сохранить навсегда их утонченную красоту на полотне.

Пришедшая весна принесла с собой новые мечты в одинокое убежище Стендифера. И вот теперь внезапно спокойствие его цветущего мира было грубо нарушено этим пришельцем из далеких миров. Он странно волновал воображение Стендифера, так что всю ночь художник пролежал без сна, мечтая и глядя через окно на белые звезды.

Утренняя роса, склоняя под тяжестью своих капель листья тополя, еще лишь коснулась травы, посеребрив ее, а рассвет едва окрасил небо, как Стендифер уже взбирался на холм в поисках метеорита. Найти его оказалось нетрудно.

Космический скиталец яростно врезался в полосу зеленого весеннего леса и, пробив в земле углубление, раскололся на куски.

Зубчатые черные металлические обломки валялись повсюду вокруг проделанной им ямы. Они все еще были теплыми. Стендифер переходил от одного к другому, поднимая, переворачивая, исследуя их со все возрастающим любопытством.

Он уже собирался уходить, когда заметил среди останков метеорита маленькую квадратную рыжевато—коричневую коробочку. Предмет не больше двух дюймов был сделан из какого—то прочного волокна, не пропускающего жар. Без сомнения, коробочка, находившаяся внутри метеорита, представляла собой продукт производства разумных существ.

Стендифер был очень сильно возбужден. Он поднял маленькую коробочку и попытался открыть. Но его пальцы не смогли справиться с твердым волокном. Зажав коробочку в руке, он побежал обратно в коттедж. Стендифер уже представлял себе, что найдет внутри послание из других миров.

Но в коттедже он с удивлением понял, что ни стальные ножи, ни сверло, ни зубило не оставляют ни малейшего следа на неземном материале. Он был твердым, как алмаз, гибким и упругим, как сталь.

Прошло несколько часов, прежде чем Стендифер решил капнуть воды на загадочную коробочку. Как только он это сделал, волокно сразу же размякло. Этот материал, способный противостоять чрезвычайно высоким температурам и излучениям космоса, при попадании во влажный теплый мир размягчался и раскрывался.

Стендифер осторожно открыл мягкую коробочку. Затем в замешательстве долго глядел на ее содержимое. Тень озабоченности пробежала по его лицу. Внутри не было ничего, кроме двух, по-видимому, сухих коричневых семян, каждое — дюйм в ширину.

Сначала он был разочарован. Он ожидал увидеть надписи или даже миниатюрную модель или механизм. Но

через некоторое время его интерес вновь возрос, так как ему пришло в голову, что это могут быть не обычные семена, которые жители какой-то отдаленной планеты пытались переправить в другие миры.

Он посадил их в специально выбранный для этого уголок сада на расстояние десяти футов друг от друга. В последующие дни он скрупулезно поливал их, ожидая с нетерпением, что за странные растения появятся на свет.

Его интерес был настолько велик, что он совсем забыл о своих неоконченных картинах, о той работе, которая и привела его в этот одинокий коттедж. Про свою странную находку Стендифер никому не сказал. Он понимал, что тогда набегут ученые и отберут семена для исследований. Этого он не хотел.

Через две недели его охватила безграничная радость. Первые маленькие побеги темно—зеленого цвета пробили почву. Они были похожи на твердые палочки и ничем необычным пока не отличались. Стендифер продолжал регулярно поливать их, с нетерпением ожидая, что же будет дальше.

После этого оба побега пошли в рост еще быстрее. Через месяц они превратились в зеленые шестифутовые столбы, каждый из которых был плотно укутан в чешуйчатую оболочку. В середине они имели большую толщину, чем вверху или у основания, а один из них казался немного тоньше другого. Теперь они не были похожи ни на одно растение, известное на земле.

Стендифер видел, что оболочка начала потихоньку раскрываться, раскручиваясь от верхушки растений.

Затаив дыхание, он ожидал, что же будет дальше. И каждую ночь, прежде чем пойти спать, Стендифер бросал на них последний взгляд. И каждое утро, едва успев проснуться, первые его мысли были о них.

Однажды июньским ранним утром он обнаружил, что оболочка раскрылась достаточно для того, чтобы предоставить ему возможность заглянуть внутрь. Стендифер замер,

широко раскрыв глаза, глядя на представшее перед ним зрелище.

Он увидел верхушки, странным образом напоминающие человеческие головы. Казалось, что в этих зеленых оболочках были спрятаны двое людей. У них даже уже начали расти волосы. Они представляли собой густые массы зеленых нитей.

Одна верхушка казалась похожей на головку девушки с мягкими пушистыми волосами. Другая головка была покрыта более грубой и темной растительностью, словно это была голова мужчины.

Весь день Стендифер ходил словно зачарованный. Он был уже готов сам раскрыть оболочки — так велико было его любопытство. Но он взял себя в руки. Через несколько дней его невероятные подозрения получили подтверждение.

К тому времени оболочки обоих растений раскрылись почти полностью. Внутри одного оказался мужчина, а в другом — женщина. Их тела странным образом напоминали человеческие. Живые, дышавшие тела из растительной зеленой плоти, с руками и ногами, которые уходили глубоко в ствол растения. Их лица тоже напоминали человеческие, особенно зелеными глазами, которые могли видеть.

Стендифер смотрел и смотрел на девушку-растение, так как ее красота превосходила все самые сокровенные мечты художника. Ее стройное зеленое тело гордо возвышалось, выходя прямо из чашечки растения. Ее горящие зеленые глаза смотрели на него. Вот она подняла гибкую руку—лиану и мягко прикоснулась к нему. Ее губы затрепетали, издавая мягкий шорох, словно это был голос.

Затем Стендифер услышал глухое, злобное шипение позади и обернулся. Звук издавало растение-мужчина. Длинные руки-лианы яростно пытались дотянуться до художника, чтобы схватить его, а в глазах горели ревность и гнев. Стендифер поспешно отошел в сторону.

В последующие дни он жил словно во сне. Он влюбился в зеленую стройную девушку-растение и практически

целый день от рассвета до заката проводил в саду, глядя в ее глаза и слушая странный шорох, который был ее речью.

Душе художника казалось, что красоту ни одной земной женщины невозможно сравнить со стройной грацией этого растительного создания. Он стоял возле нее и страстно желал понять ее шуршащий шепот, когда ее руки-лианы нежно ласкали его.

Стендифер чувствовал, что мужчина-растение ненавидел его и пытался бороться с ним. А через какое-то время он возненавидел и девушку. Он протягивал свои лианы, пытаясь схватить ее, но был слишком далеко.

Стендифер видел, что эти два создания продолжают расти, и догадывался, что вскоре их ноги освободятся. Он понимал, что они были представителями жизни, совершенно не похожей на земную. Они начали свой жизненный цикл как семена, а со временем превратятся в свободных и двигающихся людей-растений, неведомых этому миру.

Стендифер также понимал, что как бы далеко ни находился их дом, существа, подобные им, должны были достичь очень высокого уровня развития науки и цивилизации, чтобы послать через глубины космоса семена, которые положат начало их расе на другой планете. Но он мало думал об их происхождении, с нетерпением ожидая того дня, когда его сияющая девушка-растение освободится от своих корней, и понимал, что этот день уже близок. Теперь даже на минуту ему не хотелось покидать сад. Но однажды утром Стендиферу пришлось пойти в деревню за продуктами. Последняя еда закончилась два дня назад, и он чувствовал слабость от голода.

Ему было больно расставаться с девушкой-растением даже не несколько часов. Стендифер долго ласкал ее пушистые зеленые волосы и слушал ее радостный шепот. Наконец он заставил себя уйти.

Стендифер скоро вернулся. Но лишь войдя в сад, он услышал звук, который заставил кровь заледенеть в жилах. Это был голос девушки-растения, шепот агонии,

произносящий ужасные вещи. Обезумев от предчувствия непоправимого, он рванулся в сад и на мгновение замер, пораженный представшей перед ним картиной.

В его отсутствие завершилась последняя стадия развития. Оба существа освободились от своих корней, и мужчина-растение в порыве своей ревности и гнева разорвал сияющее зеленое тело девушки. Она лежала на земле, и ее руки-лианы едва шевелились, в то время как мужчина взирал на нее сверху вниз с удовлетворенной ненавистью.

Обезумев от ярости, Стендифер схватил косу и побежал через сад. Ему хватило двух ударов. Мужчина-растение упал на землю, истекая темно-зеленой кровью. Тогда Стендифер бросил свое оружие и упал на колени перед умирающей девушкой.

Она посмотрела на него своими широкими, полными боли глазами. Ее жизнь уходила. Зеленая рука медленно поднялась и коснулась лица художника, и Стендифер услышал последний шуршащий шепот существа, которое он любил и которое любило его, невзирая на непреодолимую пропасть между двумя чужеродными мирами. Вскоре он понял, что девушка умерла.

Все это было давно. И сад возле маленького коттеджа сейчас весь в цвету и уже не помнит о тех двух странных созданиях, которые родились, выросли и умерли здесь. Стендифер больше никогда так и не вернулся сюда. Теперь он живет в жаркой, бесплодной пустыне в Аризоне и больше не может выносить даже вида зеленых растений.

Доктор Хэрримэн остановился в коридоре у родильного отделения и спросил:

— Ну, как там эта женщина из 27-й?

Глаза пухленькой курчавой медсестры погрустнели.

— Она умерла через час после родов, — ответила она. — У нее было слабое сердце.

Врач кивнул, и его худощавое, гладко выбритое лицо отразило внутреннюю сосредоточенность.

— Да, я припоминаю, она и ее муж пострадали при электрическом разряде в метро год назад. Муж умер недавно. А как ребенок?

Медсестра замялась:

— Прелестный здоровый малыш, только...

— Что — только?

— Только у него горб на спинке, доктор.

Доктор Хэрримэн в сердцах выругался.

— Чертовски не повезло парню! Родился сиротой, да еще и калека. — И с неожиданной решимостью он добавил: — Я осмотрю новорожденного. Возможно, еще не все потеряно.

Но когда они вместе с медсестрой склонились над кроваткой, где, проголодавшись, орал весь красный, сморщенный Дэвид Рэнд, он покачал головой.

— Нет! Эту спину уже не выпрямишь. Обидно!

Все красное тельце Дэвида Рэнда было таким же ровным и правильным, как у любого новорожденного младенца, кроме его спины. Лопатки на ней торчали с обеих сторон в виде двух выступов, закругляющихся к нижним ребрам.

Эти два горба-близнеца имели в своем изгибе такую удлиненную и обтекаемую форму, что даже не выглядели уродством. Опытные руки доктора Хэрримэна осторожно прощупали их. Выражение озадаченности промелькнуло на его лице.

— Что-то не похоже на обыкновенную деформацию, — задумчиво произнес он. — Посмотрим, что покажет рентген. Скажите доктору Моррису, чтобы приготовил аппарат.

Доктор Моррис, коренастый рыжеволосый молодой мужчина, с жалостью посмотрел на орущего младенца, лежавшего перед рентген-аппаратом.

— Бедняжка! Такая спина — не подарок, — пробормотал он. — Готовы, доктор?

Хэрримэн кивнул:

— Давай.

В аппарате что-то щелкнуло и затрещало. Хэрримэн приложил глаза к флюороскопу и оцепенел. Прошла долгая, напряженная минута, пока он, наконец, не оторвался от своих наблюдений. Его худощавое лицо было смертельно бледным, и медсестра недоумевала, что могло так взволновать его.

Заплетающимся языком Хэрримэн сказал:

— Моррис! Посмотри сюда. Или я сошел с ума, или произошло что-то невозможное.

Моррис, озадаченно наблюдавший за своим начальником, посмотрел в аппарат и отшатнулся.

— О, Боже! — воскликнул он.

— Ты тоже это видишь? — сказал доктор Хэрримэн. — Значит, я в своем уме. Но это... О, такого в истории человечества еще не было!

— И кости тоже... полые... и строение скелета все другое... — бессвязно бормотал он. — И весит он...

Нетерпеливым движением он переложил младенца на весы. Стрелка покачнулась.

— Посмотрите! — воскликнул Хэрримэн. — Его вес в три раза меньше, чем должен быть при его росте.

Рыжеволосый доктор Моррис не сводил зачарованного взгляда с округлых выступов на спине младенца.

— Но этого просто не может быть... — хрипло сказал он.

— Но это есть! — оборвал его Хэрримэн. Его глаза сверкали от возбуждения. — Изменения в генетической

программе! — воскликнул он. — Только в этом может быть дело. Воздействие на плод...

Он хлопнул кулаком по ладони.

— Я понял! Электрический разряд, от которого пострадала мать ребенка за год до его рождения. Вот что случилось: выброс жесткой радиации, который задел и изменил его гены. Ты помнишь опыты Мюллера...

Любопытство медсестры взяло вверх над субординацией. Она спросила:

— Что-то случилось, доктор? Что-нибудь с его спинкой? Или что-нибудь еще хуже?

— Еще хуже? — переспросил доктор Хэрримэн. Переведя дыхание, он сказал медсестре:

— Этот ребенок, этот Дэвид Рэнд — уникальный случай в истории медицины. Таких, как он, никогда — насколько известно — не было, и то, что с ним произойдет, не происходило еще ни с одним человеком. И все благодаря электрическому разряду.

— А что с ним произойдет? — испуганно спросила медсестра.

— У этого ребенка будут крылья! — закричал Хэрримэн. — Эти торчащие выступы на спине — не обыкновенная аномалия. Это зачатки крыльев, которые очень скоро прорежутся и вырастут так же, как прорезаются и растут у птенца.

Старшая медсестра смотрела на него не мигая.

— Вы шутите, — наконец сказала она в тупом недоумении.

— Господи, неужели вы думаете, я стал бы шутить по такому поводу? — не унимался Хэрримэн. — Я, знаете ли, не меньше вас поражен, хотя у меня и есть научное объяснение. Строение этого ребенка абсолютно отличается от строения человека. Кости у него полые, как у птицы. Кровь, вероятно, тоже другая, и весит он лишь одну треть от веса нормального младенца. А его торчащие лопатки — это проекция костей, к которым крепятся несущие мышцы. Рентген ясно показывает рудиментарные перья и кости самих крыльев.

— Крылья! — как во сне, повторил Моррис. Через секунду его озарило:

— Хэрримэн, этот ребенок сможет...

— Да, этот ребенок сможет летать! — заявил Хэрримэн. — Я в этом уверен. По всему видно, что крылья будут большими, а его тело настолько легче нормального, что они без труда поднимут его в воздух.

— Господи, Боже мой! — запричитал Моррис.

Он диковато посмотрел на младенца. Тот перестал орать и слабо шевелил пухлыми ручками и ножками.

— Быть этого не может, — сказала медсестра, прибегая к здравому смыслу. — Как могут у ребенка, у человека быть крылья?

Недолго думая, доктор Хэрримэн ответил:

— Причина в глубоких изменениях генетической структуры. Гены, как вам известно, это мельчайшие элементы, отвечающие за строение любого существа. При изменении генной структуры изменяется строение организма у потомства, чем обусловлены различия в цвете, форме и всем остальном у детей. Эти различия зависят от сравнительно небольших изменений в генах.

Но генетическая структура родителей этого ребенка в корне изменилась год назад. Электрический разряд должен был сильно повлиять на их генные структуры. Мюллер из Техасского университета доказал, что эти структуры могут быть значительно изменены радиацией и что по строению тела потомство будет сильно отличаться от родителей. Происшествие в метро породило совершенно новую структуру в родителях ребенка, что и привело к превращению его в крылатого человека. Он является тем, что биологи обычно называют мутантами.

Моррис встрепенулся:

— Боже правый, что будет твориться в газетах, когда они доберутся до этой истории!

— Они не должны до нее добраться, — заявил доктор Хэрримэн. — Рождение этого ребенка — одно из величайших

событий в истории биологии, и оно не должно стать дешевой сенсацией. Мы должны хранить его в абсолютной тайне.

Продержаться им удалось три месяца. За это время маленький Дэвид Рэнд получил в больнице отдельную комнату, и заботились о нем только старшая медсестра и два доктора.

В течение трех месяцев предсказание доктора Хэрримэна полностью подтвердилось. Округлые выступы на спине ребенка росли с невероятной быстротой, и в итоге нежная кожа прорвалась под напором двух маленьких костистых отростков, в которых безошибочно угадывались крылья.

Маленький Дэвид дико кричал в эти дни, когда у него резались крылья. Эта боль была намного сильней той, от которой страдают младенцы при появлении зубов. Но два врача все смотрели и смотрели на его крылышки, даже теперь с трудом веря собственным глазам.

Они видели, что ребенок так же хорошо управляет этими крыльями, как своими руками и ногами, — при помощи сильных мускулов у их основания, которых нет ни у одного человека. И еще они видели, что хотя Дэвид растет, его вес все также составляет одну треть от нормы младенца его возраста, и что у него чрезвычайно быстрый сердечный ритм, а кровь намного горячее, чем у любого человека.

И, наконец, это произошло. Старшая медсестра, не в силах больше скрывать разрывавшую ее душу страшную новость, рассказала о ней родственнице под строжайшим секретом. Эта родственница рассказала другой родственнице, тоже под строжайшим секретом. И через два дня история появилась в Нью-Йоркских газетах.

У дверей больницы выставили охрану для отпора ухмыляющихся репортеров, которые явились для сбора фактов. Все они были настроены откровенно скептически, и заметки были написаны в ироническом тоне. Публика потешалась. Ребенок с крыльями! Какую утку они подсадят в следующий раз?

Но через несколько дней тон заметок изменился. Кое—кто из больничного персонала, заинтригованный газетной шумихой, заглянул в комнату, где, пуская пузыри, лежал Дэвид Рэнд со своими ручками, ножками и крылышками. Они печатно пролепетали о том, что вся история была чистой правдой. Одному из них, энтузиасту фотографии, даже удалось сделать снимок младенца. Какой бы нечеткой фотография ни была, она явно изображала ребенка с какими—то крыльями, растущими из его спины.

Больница превратилась в осажденную крепость. Репортеры и фотографы колотили в двери и скандалили со специальным нарядом полиции, выставленным для охраны. Крупнейшие информационные агентства предлагали доктору Хэрримэну большие суммы за рассказы и фотографии крылатого ребенка, предназначенные только для них. Публика принялась с жадностью поглощать любые сведения.

В итоге доктору Хэрримэну пришлось сдаться. Он разрешил группе из двенадцати репортеров, фотографов и видных физиологов посетить ребенка.

Дэвид Рэнд лежал, осмысленно глядя на них голубыми глазками, ухватившись за большой палец на ножке, а у видных физиологов и журналистов глаза лезли на лоб.

Физиологи сказали:

— Это невероятно, но это факт. Никакого подлога — у ребенка действительно есть крылья.

Репортеры набросились на Хэрримэна с вопросом:

— Когда он подрастет, он сможет летать?

Хэрримэн ответил кратко:

— Пока мы не можем сказать, как будет он развиваться в дальнейшем. Но если развитие продолжится так, как оно идет сейчас, он сможет летать.

— Боже, пустите меня к телефону! — застонала одна из газетных ищеек. У телефонов мгновенно образовалась куча—мала.

Доктор Хэрримэн позволил сделать несколько фотографий, а затем, не церемонясь, выставил визитеров за двери.

Но газеты, конечно, на этом не успокоились. Имя Дэвида Рэнда на следующее утро стало самым известным в мире. Фотографии убедили даже отъявленных скептиков.

Знаменитые биологи выступали с обширными статьями по теории генетики, объяснявшими появление ребенка. Антропологи размышляли о возможности существования крылатых людей, подобных этому, ссылаясь на легенды о гарпиях, вампирах и летающих людях. Сумасшедшие сектанты видели в рождении ребенка знамение близкого конца света.

Театральные агенты предлагали фантастические суммы за привилегию показа Дэвида в стерильном стеклянном кубе Газетчики передрались друг с другом за право первой публикации новостей от доктора Хэрримэна. Тысячи фирм умоляли продать имя ребенка для названий игрушек, детского питания и всякой дребедени.

А виновник всего этого бума гукал, пускал пузыри и время от времени разражался криком в своей кроватке, не забывая энергично хлопать растущими крыльями, от которых ум за разум зашел у целого мира. Доктор Хэрримэн смотрел на него в глубокой задумчивости.

— Я заберу его отсюда, — сказал он. — Управляющий жалуется, что скопище людей и постоянная суматоха наносят ущерб больнице.

— А куда вы его денете? — поинтересовался Моррис. — У него нет ни родителей, ни родственников, а такого ребенка и в приют не отдашь.

Доктор Хэрримэн принял решение:

— Я оставлю практику и полностью посвящу себя наблюдению за развитием Дэвида. Я оформлю юридическое опекунство над ним и буду воспитывать его, где-нибудь подальше от этого сумасшествия — на острове или вроде того, если найду, конечно.

Хэрримэн нашел такое место — остров на реке Майн, полоску бесплодных песков с захудалыми деревцами. Он арендовал его, построил бунгало и привез сюда Дэвида Рэнда, а также пожилую няньку—экономку. Еще он взял с собой

внушительного вида сторожа—норвежца, который был незаменим в борьбе с репортерами, пытавшимися высадиться на остров. Им приходилось довольствоваться перепечаткой фотографий и статей о развитии Дэвида, которые доктор Хэрримэн предоставлял для научных изданий.

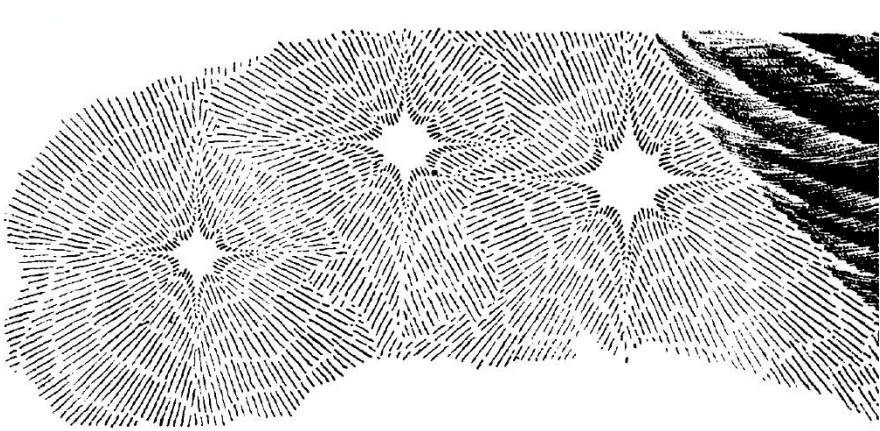
Дэвид рос быстро. В пять лет он был маленьким крепышом с золотистыми волосами, и крылья его подросли и покрылись короткими бронзовыми перьями. Весело размахивая ими, он бегал, смеялся и играл, как все дети.

В десять лет он полетел. К этому времени он вытянулся, его сияющие бронзовые крылья доходили ему до пяток. Когда он ходил, сидел или спал, крылья были плотно сложены на его спине, наподобие бронзового панциря. Но когда он расправлял их, с обеих сторон они оказывались длиннее раскинутых рук.

Доктор Хэрримэн намеревался со временем разрешить Дэвиду попытки полета, фотографируя и наблюдая все стадии процесса. Но произошло иначе. Впервые Дэвид полетел так же естественно, как вылетает из гнезда птенец.

Сам он никогда особенно не думал о своих крыльях. Он знал, что у доктора Джона, как называл он врача, нет таких крыльев, и что у Флоры, тощей старой няньки, ни у Хольфа, улыбчивого сторожа, их тоже нет. Других он не видел и поэтому представлял, что весь остальной мир делится на людей, у которых есть крылья, и людей, у которых их нет. Но он не знал, для чего они нужны, хотя, бегая, любил хлопать и махать ими, к тому же они заменяли ему рубашку.

И вот в одно апрельское утро, Дэвид обнаружил, для чего у него крылья. Он взобрался на высокий засохший дуб, чтобы заглянуть в птичье гнездо. Смутное чувство родства с крылатым народом маленького острова заставляло его чрезвычайно интересоваться птицами. Он пытливо присматривался к их жизни, скакал и хлопал в ладоши, гладя, как они носятся и кружатся над его головой, наблюдая, как каждой осенью они устремляются на юг, а каждой весной — на север.



He That Hath Wings

By EDMOND HAMILTON

В то утро он забрался почти на самую верхушку старого дуба, поближе к гнезду, которое выследил. Его крылья были плотно сложены, чтобы не мешать. И вот, когда до дели оставался один шаг, его нога опустилась на гнилую кору мертвой ветки. Несмотря на свою поразительную легкость, он был достаточно тяжел для того, чтобы ветка хрустнула, и он полетел прямиком на землю. Взрыв инстинкта произошел в мозгу Дэвида, когда он, как камень, летел вниз. Помимо его воли, крылья с шумом и свистом раскрылись. Он почувствовал, как его подбросило так, что чуть не вывихнуло плечи. И вдруг — о чудо! — он больше не падает, а плавно скользит вниз в размахе упруго натянутых крыльев.

Его скрытое естество вырвалось наружу высоким, звенящим и ликующим криком. Вниз, вниз, скользя, как парящая птица, с чистым воздухом, бьющим в лицо и струящимся вдоль крыльев и тела. Жуткий и сладкий трепет, которого он не знал раньше, сумасшедшая радость жизни.

Он закричал снова и, поддавшись внезапному импульсу, взмахнул крыльями, ударил ими по бокам и выпрямил сомкнутые ноги.

Теперь он взлетал, а земля под ним быстро уходила вниз, солнце било в глаза, а ветер пел. Он снова открыл рот, чтобы закричать, и холодный воздух ворвался в его грудь. С первобытным восторгом он взмыл в синеву, со свистом рассекая ее крыльями.

И вот так, случайно выйдя из бунгало, доктор Хэрримэн увидел его. Он услышал пронзительный, победный крик откуда-то с неба, поднял голову и увидел стройную крылатую фигуру, летящую к нему в солнечной лазури.

У доктора захватило дух от красоты зрелища, когда Дэвид кружился и парил над ним в безумном восторге от своих крыльев. Он неосознанно чувствовал, как нужно поворачивать, снижаться и взлетать, хотя в его движениях еще была неловкость, и иногда он валился на бок.

Когда Дэвид Рэнд, наконец, снизился и опустился перед доктором, легко сложил крылья, его глаза сияли электрической радостью.

— Я умею летать!

Доктор Хэрримэн кивнул:

— Ты умеешь летать. Я знаю, что не могу запретить тебе этого, но прошу тебя не покидать остров и быть осторожным.

К тому времени, когда Дэвиду исполнилось семнадцать, ему больше не нужно было напоминать об осторожности. В воздухе он чувствовал себя, как настоящая птица.

Теперь он стал высоким, стройным, золотоволосым юношей. На его прямой, как стрела, фигуре были только шорты — вся одежда, в которой нуждалось его тело с горячей кровью; дикая, неистощимая энергия отражалась в тонких чертах его лица и лихорадочно горящих голубых глазах.

Его крылья стали великолепными сверкающими бронзовыми крылами, которые в размахе достигали десяти футов, а, сложенные на спине, своими нижними перьями касались пяток.

Постоянные полеты над островом и ближними водами развили в мышцах Дэвида огромную силу и выносливость. Он мог проводить целый день, летая над островом, высоко взмывая на шумящих крыльях, а затем неподвижно кружа, планируя, медленно снижаясь.

Он мог догнать и обойти в воздухе почти любую птицу. Он врывался в стаю фазанов, и его звонкий смех взлетал высоко в небо, когда он стремительно вращался и кружил среди перепуганных птиц. Он выдергивал перья из хвостов разъяренных ястребов, не успевавших ускользнуть, и быстрее любого ястреба мог упасть на кролика или белку, бегущих по земле.

Временами, когда туман заволакивал остров, доктор Хэрримэн слышал звенящий крик в сизых клубах тумана над головой, и знал, что Дэвид где-то рядом. Или вот он — над блистающими водами, стремительно падает в них, но в последний момент расправляет крылья, скользит над пеной волн, и чайки заходятся криком, когда он снова взмывает ввысь.

Еще ни разу Дэвид не улетал далеко от острова, но доктор знал по своим редким визитам на большую землю, что интерес к летающему юноше был еще высок во всем мире. Фотографии, которые доктор давал научным журналам, больше не удовлетворяли любопытство публики, и люди на катерах и аэропланах с новинкой техники — киноаппаратами — все чаше стали появляться у острова, надеясь заснять Дэвида в полете.

С одним из этих аэропланов произошло такое, о чем долго потом говорили его владельцы. Это были пилот и оператор, которые, несмотря на запреты доктора Хэрримэна, появились в полдень над островом и принялись нагло кружить в поисках летающего юноши.

Догадайся они взглянуть вверх, они увидели бы высоко над собой Дэвида, следящего за ними. Он рассматривал аэроплан с пристальным интересом, к которому примешивалось презрение. Он уже не раз видел эти летающие лодки,

и ему было досадно за их мертвые, неуклюжие крылья, с помощью которых бескрылые люди пытались летать. Но этот аэроплан, летевший прямо под ним, возбудил его любопытство настолько, что он ринулся вниз, преодолев воздушный поток от пропеллера.

Пилота в его открытой кабине чуть не хватил удар, когда сзади кто-то похлопал его по плечу. Он испуганно оглянулся и, увидев улыбающегося Дэвида Рэнда, кое—как примостившегося на фюзеляже за его спиной, потерял на мгновение контроль так, что машина накренилась и начала падать.

Оглушительно захохотав, Дэвид Рэнд соскочил с фюзеляжа, развернул крылья, и поток воздуха унес его вверх. К пилоту вернулось присутствие духа, он выровнял аэроплан, и вскоре Дэвид увидел, как тот, покачиваясь, направляется за пределы острова. Его хозяева достаточно потрудились в этот день.

Однако растущее число любопытных посетителей возбуждало в Дэвиде ответное любопытство к внешнему миру. Его все больше и больше интересовало, что находится за голубыми водами, за низкими туманными очертаниями земли. Он не мог понять, почему доктор Джон запретил ему летать туда, отлично зная, что его крылья преодолеют сто таких расстояний.

Доктор Хэрримэн сказал ему:

— Скоро я возьму тебя с собой, Дэвид. Но ты должен подождать, пока не поймешь одну вещь. Ты будешь чужим в этом мире.

— Почему же? — озадаченно спросил Дэвид.

Доктор объяснил:

— У тебя есть крылья, которых нет больше ни у кого в мире. И поэтому тебе будет трудно.

— Но почему?

Хэрримэн поскреб свой тощий подбородок и задумчиво ответил:

— Ты будешь сенсацией, Дэвид, своего рода потехой. Они будут смотреть на тебя, потому что ты не такой, как они, но

смотреть они будут сверху вниз. Чтобы избежать этого, я и привез тебя сюда. Ты должен еще немного подождать, пока не разберешься в этой жизни.

Сердито вскинув руку, Дэвид Рэнд показал на длинную стаю пронзительно кричащих птиц, устремленных на юг, черную на фоне осеннего заката.

— А вот они не ждут! Каждую осень я вижу, как все умеющие летать, улетают. Каждую весну я вижу, как они возвращаются и летят дальше. А я должен оставаться на этом крохотном острове!

Неукротимый инстинкт свободы сверкал в его голубых глазах.

— Я хочу летать вместе с ними, хочу увидеть эту землю и другие земли тоже.

— Скоро ты будешь там, — пообещал доктор Хэрримэн. — Я поеду с тобой и постараюсь тебе помочь.

Но в этот вечер Дэвид долго сидел в сумерках, подперев руками голову, сложив крылья и печально глядя на стаи улетающих к югу птиц. И потом ему все меньше и меньше нравилось кружить бесцельно над островом и все чаще засматривался он с тоской на бесконечные крикливые стаи диких гусей, летучие полчища уток и певчих птиц.

Доктор Хэрримэн видел, понимал тоску в глазах Дэвида и вздыхал.

— Он уже вырос, — думал он, — и ему хочется улететь.

Но случилось так, что неожиданно для всех первым ушел сам Хэрримэн. Уже давно сердце стало беспокоить его, и однажды он не проснулся, и изумленный, недоумевающий Дэвид долго всматривался в бледное, застывшее лицо своего опекуна.

Весь этот день, пока старая экономка тихо плакала в доме, а норвежец отправился на берег позаботиться о похоронах, Дэвид Рэнд сидел со сложенными крыльями, подперев голову, и смотрел на синее пространство реки.

Ночью, в полной темноте и покое, Дэвид пробрался в комнату, где безмолвно и неподвижно лежал доктор. Дэвид

прикоснулся к его сухой холодной руке. Горячие слезы навернулись на его глаза, и комок подкатил от этого бесполезного прощального жеста.

Крадучись, он вышел из дома. Луна, как красный щит, висела над восточным берегом, дул холодный и порывистый осенний ветер. Знобящий ветер доносил к нему радостные крики, клекот и курлыканье перелетных стай, похожие на призывное пение охотничьего рога.

Дэвид приподнялся на носки, согнул колени, взмахнул крыльями и полетел — выше и выше, пьянея от морозного воздуха, омывающего его тело и грохочущего в его ушах. И тяжелая печаль в его сердце уступила место безумной радости полета и свободы. Он ворвался в кричащую стаю, и жгучий ветер сорвал смех с его губ, когда птицы бросились от него врассыпную.

Но когда они увидели, что странное крылатое существо, приставшее к ним, не пытается причинить им зла, они вернулись и успокоились. А над туманными вздымающимися водами тускло мерцала багровая луна и беспорядочно мигали огни города, маленькие огоньки прикованных к земле людей. Пронзительно кричали птицы, и Дэвид пел и смеялся вместе с их радостным хором, и свист его крыльев попадал в такт, и высоко летел он в ночном небе на юг, навстречу приключениям и свободе.

Всю эту ночь и весь следующий день, с короткими передышками, летел Дэвид на юг — то над бескрайними водами, то над зелеными пышными полями. Он утолял голод, опускаясь на гнущиеся под тяжестью спелых плодов деревья. Следующую ночь он провел в развилке высокого лесного дуба, тепло укутавшись своими крыльями.

Вскоре во всем мире узнали о путешествиях удивительного крылатого юноши. Фермеры, крестьяне и жители городов провожали недоверчивыми взглядами его высоко летящую стройную фигуру. Люди, далекие от цивилизации и никогда не слышавшие о Дэвиде, падали ниц, увидев его в небе.

Всю зиму из южных стран поступали сведения о Дэвиде, и становилось очевидным, что он уже почти не человек. Но какое же это было счастье — парить в залитом лучами небе над синими тропическими морями, падать на волны, собирать чудесные плоды, ночевать на высоких деревьях у самых звезд и просыпаться с рассветом нового дня бесконечной свободы!

Никем не замечаемый, по ночам он любил кружить над каким-нибудь городом, плавно паря в темноте и с любопытством вглядываясь в мерцающие огни и сверкающие улицы, запруженные толпами и людей, и машин. Но он никогда не опустится в этот город и не увидит, как могут выносить такую жизнь люди, скопом ползающие по поверхности земли, задевая друг друга, — люди, которым даже на мгновение не дано почувствовать чистую радость полета в лазурной беспредельности неба. Чем держит такая жизнь этих бескрылых созданий, похожих на муравьев?

Когда весеннее солнце стало выше и жарче и птицы начали собираться в шумные стаи, Дэвид тоже почувствовал, как что-то тянет его на север. И он полетел над зеленеющей землей, и его огромные бронзовые крылья неустанно били по воздуху, безошибочно направляя стройную загорелую фигуру на север.

Наконец, он достиг своей цели — острова, на котором он провел большую часть своей жизни. Одиноко и заброшено лежал он в пустынных водах, пыль собралась на предметах в бунгало, и сад зарос сорняками. На какое-то время Дэвид задержался здесь. Он ночевал на крыльце, а иногда, ради развлечения, улетал далеко на запад — над деревнями и дымными городами, на восток — над голубым морем, на север — над суровыми скалами, пока, наконец, цветы не начали вянуть, воздух — становиться морозным, и прежняя тяга заставила Дэвида снова примкнуть к стаям, улетающим на юг.

Север и юг, юг и север — три года наслаждался он первобытной, никому неведомой свободой. За эти три года он

увидел горы и долины, узнал все, чему учит дикая жизнь. И за эти годы мир привык к Дэвиду, почти забыл его. Он был просто крылатым человеком, капризом природы; такого никогда больше не будет.

На третью весну крылатой свободе Дэвида пришел конец. Как обычно, весной он летел на север. В сумерках он проголодался. Повернув на туманный свет пригородного особняка, утопавшего в роскошном саду, он стал снижаться, рассчитывая на ранние ягоды. Он был уже совсем близко к деревьям, когда прогремел ружейный выстрел. Дэвид почувствовал острую боль, пронзившую голову, и потерял сознание.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит на кровати в просторной солнечной комнате. Рядом с ним он увидел пожилого мужчину с добродушным лицом, девушку и еще одного мужчину, похожего на врача. На голове Дэвида была повязка. А люди, как он заметил, смотрели на него с нескрываемым интересом.

Пожилой, добродушного вида мужчина сказал:

— Ты — Дэвид Рэнд, парень с крыльями? Тебе страшно повезло — ты остался в живых. Дело в том, что мой садовник выслеживал ястреба, который таскает наших цыплят. Вчера вечером, когда в темноте ты подлетел, он выстрелил, потому что не узнал тебя. Одна пуля царапнула тебе голову.

Девушка заботливо спросила:

— Тебе уже лучше? Доктор говорит, что скоро ты совсем поправишься. А это мой отец, — добавила она, — Уилсон Холл. А я — Рут Холл.

Дэвид присмотрелся к ней. Он подумал, что еще не видел никого красивее этой милой девушки с черными курчавыми волосами и ласковым взглядом карих глаз.

Вдруг он понял причину всегда поражавшей его настойчивости, с которой птицы каждой весной искали себе пару. То же самое он почувствовал сейчас в своей груди, и его

потянуло к девушке. Не думая об этом, как о любви, он полюбил ее.

Шепотом он сказал:

— Мне уже хорошо.

Но она сказала:

— Ты должен остаться у нас, пока совсем не выздоровеешь. Это самое меньшее, что мы можем для тебя сделать, — ведь это наш садовник чуть не убил тебя.

Дэвид остался, и рана постепенно заживала. Ему не нравился дом, в котором комнаты были такими темными и до удушья тесными для него, и поэтому весь день он проводил на воздухе, а спал на крыльце.

Еще не нравились ему журналисты и операторы, приходившие в дом Уилсона Холла собирать сведения о происшествии с крылатым человеком; но вскоре они перестали приходить — Дэвид Рэнд уже много лет не был сенсацией. И так как посетители рассматривали Дэвида и его крылья довольно ненавязчиво, то он привык к ним.

Он смирился со всем, только бы быть поближе к Рут Холл. Его любовь к ней была чистым пламенем, горевшим в его груди, и ничего в жизни он не желал так, как ответного чувства. Но воспитала его дикая природа, и поэтому ему трудно было найти слова, чтобы объяснить, что с ним происходит.

И все-таки однажды, сидя рядом с ней в солнечном саду, он высказался. Когда он закончил, Рут встревоженно посмотрела на него своими теплыми карими глазами.

— Ты хочешь жениться на мне, Дэвйд?

— Ну, да, — сказал он слегка озадаченно. — Так говорят люди, когда находят себе пару, правда? И я хочу, чтобы ты была моей парой.

Она сказала растерянно:

— Но, Дэвид, твои крылья...

Он засмеялся:

— С моими крыльями все в порядке! Пуля в них не попала. Смотри!

Он вскочил на ноги и с шумом развернул свои огромные бронзовые крылья, сверкающие на солнце; его стройная загорелая фигура, одетая в шорты, — единственную одежду, которую он признавал, напоминала мифического героя, готового взмыть в синеву.

Тревога не ушла из взгляда Рут. Она объяснила:

— Дело не в этом, Дэвид. Дело в том, что твои крылья делают тебя таким непохожим на остальных. Конечно, это чудесно, что ты умеешь летать, но с ними ты так от всех отличаешься, что люди смотрят на тебя, как на забаву.

Дэвид поразился.

— Неужели и ты смотришь на меня так, Рут?

— Нет, конечно, — сказала Рут. — Но твои крылья — это действительно ненормально, даже чудовищно.

— Чудовищно? — повторил он. — Но ведь это не так. Ведь это прекрасно — летать. Смотри!

Он со свистом рассек воздух крыльями и, как ласточка, принялся кружить и вращаться, стремительно падать и взлетать... Беззвучно скользя, он подлетел и легко опустился рядом с девушкой.

— Что же в этом чудовищного? — весело спросил он. — Я хочу, Рут, чтобы ты летала со мной, в моих руках, чтобы ты тоже знала, как это прекрасно.

Девушка вздрогнула.

— Я не могу, Дэвид. Я знаю, что это глупо, но, когда я вижу тебя в воздухе — так, как сейчас, ты кажешься мне птицей, а не человеком, летающим животным, чем-то совсем не человеческим.

Дэвид Рэнд растерянно смотрел на нее.

— Значит, ты не станешь моей женой из-за крыльев?

Он схватил ее своими сильными загорелыми руками, его губы искали ее нежный рот.

— Рут с тех пор, как я увидел тебя, я не могу без тебя жить. Не могу!

Прошло время, и однажды вечером, волнуясь, Рут кое-что ему предложила. Луна заливала сад ровным серебром и отражалась на сложенных крыльях Дэвида Рэнда, который страстно склонил свое тонкое молодое лицо к девушке.

Она сказала:

— У тебя есть возможность сделать так, чтобы мы поженились и были счастливы, если ты меня на самом деле любишь.

— Я все сделаю! — воскликнул он. — Ты же знаешь.

Она колебалась.

— Твои крылья — вот, что мешает нам. Я не могу иметь мужа, который скорее дикое животное, чем человек, мужа, которого все будут считать ненормальным и смеяться над ним. Но если бы ты согласился избавиться от крыльев...

— Избавиться от крыльев? — переспросил он.

Торопливо и страстно она объяснила ему:

— Это вполне реально, Дэвид. Доктор Уайт, который лечил твою рану и наблюдал за тобою, сказал мне, что можно просто отрезать твои крылья у основания. Это совершенно безопасно, а на спине у тебя останутся только маленькие выступы от остатков. И тогда ты будешь нормальным человеком, а не чудищем, — добавила она с умоляющим выражением на нежном лице. — Отец пристроит тебя к своему делу, и вместо бродяги и получеловека ты станешь таким же... таким же, как все. И мы будем счастливы.

Дэвид Рэнд был потрясен.

— Отрезать мне крылья? — повторял он, недоумевая. — Без этого ты не выйдешь за меня замуж?

— Я не могу, — с болью сказала Рут. — Я люблю тебя, Дэвид, правда, но... я хочу, чтобы мой муж был таким же, как у всех женщин.

— Никогда больше не летать, — задумчиво прошептал Дэвид бледными от лунного света губами. — Быть прикованным к земле, как все остальные! Нет! — воскликнул он, вскочив на ноги в порыве возмущения. — Я не сделаю этого! Я не отдам свои крылья! Я не буду таким же...

Внезапно он умолк. Рут рыдала, закрыв лицо руками. Весь его гнев прошел, он склонился над ней, отвел руки и с жалостью заглянул в ее милое, залитое слезами лицо.

— Не плачь, Рут, — взмолился он, — это не значит, что я не люблю тебя. Я люблю тебя больше всего на свете. Но я никогда не думал о том, чтобы расстаться с крыльями, и меня это поразило. Иди в дом. Я должен немного подумать.

Дрожащими губами она поцеловала его, и вся в лунном свете пошла к дому. А Дэвид, чувствуя, что сходит с ума, принялся нервно расшагивать по серебряным дорожкам.

Расстаться с крыльями? Никогда больше не рассекать ими воздух, не кружиться и не парить в небе, никогда больше не знать безумного восторга, неукротимой свободы стремительного полета?

Но... отказаться от Рут, заглушить это слепое, непреодолимое влечение к ней, которое пульсировало в каждой его клетке, и всю жизнь потом тосковать о ней в горьком одиночестве — как быть с этим? Он не сможет этого сделать. И не желает.

Торопливо Дэвид подошел к дому, где девушка ждала его на освещенной лунной террасе.

— Дэвид?

— Да, Рут, я согласен. Я на все согласен ради тебя.

Она разрыдалась от счастья на его груди:

— Я знала, что ты по-настоящему любишь меня, Дэвид. Я знала это.

Через два дня Дэвид очнулся от наркоза в больничной палате, чувствуя себя странно, с двумя ноющими ранами на спине. Доктор Уайт и Рут склонились над его кроватью.

— Ну, все прошло как нельзя лучше, молодой человек, — сказал врач. — Через несколько дней я вас выпущу.

Глаза Рут сияли.

— В тот же день, когда ты выйдешь, мы обвенчаемся, Дэвид.

Когда они вышли, Дэвид осторожно потрогал спину. Он обнаружил лишь перевязанные обрубки, оставшиеся от его

крыльев. Он мог двигать своими мускулами, но в ответ уже не слышал шума крыл. Он изумленно ощущал что-то необычное, как будто в нем исчезло самое важное. Но все заслоняла мысль о Рут — Рут, которая ждала его...

А она ждала его, и они обвенчались в тот же день, когда он вышел из больницы. И, опьяненный ее любовью, Дэвид избавился от странного, гнетущего чувства и почти забыл, что когда-то у него были крылья и что скиталось в небесах дикое крылатое существо.

Уилсон Холл подарил дочери с зятем славный белый коттедж на лесистом холме у города, дал Дэвиду работу при себе и с терпением относился к его невежеству в делах коммерции. Ежедневно Дэвид уезжал на своей машине в город, работал день напролет в своей конторе, в сумерках возвращался домой, присаживался к Рут у камина, и ее голова ложилась на его плечо.

— Дэвид, ты не жалеешь, что сделал это? — с тревогой спрашивала она поначалу.

А он смеялся и отвечал.

— Ну, конечно, нет, Рут. Ты для меня все на свете.

И он говорил себе, что это правда, что он не жалеет о потере крыльев. Все то время, когда он скитался в небе на своих певучих крыльях, казалось ему причудливым сном, от которого он только теперь очнулся для настоящего счастья. Так убеждал он себя.

Уилсон Холл говорил дочери:

— У Дэвида хорошо пошла работа. Я боялся, что он всегда будет немного диким, но он быстро освоился.

Рут радостно кивала:

— Я знала, что так будет. Его уже все полюбили.

И действительно, люди, которые раньше косо посматривали на замужество Рут, признавали теперь, что все обернулось даже очень хорошо.

Так пролетали месяцы. В маленьком коттедже на лесистом холме царило полнейшее счастье до самой осени,

которая разбросала серебряный иней на полянах и выкрасила клены в буйные цвета.

В одну ночь Дэвид внезапно проснулся, не понимая, что могло разбудить его. Он видел мирно спящую Рут и слышал ее легкое дыхание. В доме было тихо.

И вдруг он услышал. Далекий, призрачный крик доносился из морозного неба, призывный клич, дрожавший от смутного и страстного биения свободы.

Он понял мгновенно, что это было. Распахнув окно, с колотящимся сердцем он всмотрелся в темноту. И вот они: длинные стремительные шеренги диких птиц, летящих на юг возле самых звезд. В эту минуту сумасшедшее желание выпрыгнуть из окна, взвиться в небо вслед за ними в чистую, холодную ночь слепо закричало в сердце Дэвида.

Безотчетно мускулы на его спине напряглись. Но шевельнулись под пижамой только обрубки крыльев. Внезапная слабость овладела им, он был разбит и испуган. Да, в какой-то момент он хотел улететь — улететь от Рут. Эта мысль ужаснула его, — как будто он сам себя предал. Он снова забрался в кровать и лег, старательно закрыв уши, чтобы не слышать этого далекого радостного крика, летящего на юг сквозь темноту.

На следующий день он заставил себя погрузиться в работу. Но весь этот день он замечал, как взгляд его останавливается на голубом клочке неба за окном. И потом, неделю за неделей, в долгие месяцы зимы и весны, старая неистовая тоска все чаще становилась неотвязной болью в его сердце, разгораясь с новой силой, когда весной птичьи стаи потянулись на север.

В ярости он говорил себе: "Ты дурак. Ты любишь Рут больше всего на свете, и она твоя. Тебе больше ничего не нужно".

И снова бессонными ночами он убеждал себя: "Я человек, и я счастлив в своей нормальной человеческой жизни, я люблю Рут".

Но память вкрадчиво шептала ему: "Ты помнишь, как полетел в первый раз, помнишь безумный восторг парения, помнишь, как неистово ты взлетал, падал и кружил?"

И ночной ветер за окном подхватывал: "Помнишь, как играл со мной вперегонки над спящим миром у самых звезд, как смеялся и пел, когда твои крылья побеждали меня?"

Дэвид Рэнд прятал лицо в подушку и бормотал: "Я не жалею, что сделал это. Нет!"

Рут просыпалась и сонно спрашивала:

— Что-нибудь случилось, Дэвид?

— Нет, дорогая, — говорил он ей, и когда она снова засыпала, он чувствовал, как жгучие слезы жалят его глаза, и безрассудно шептал: "Я лгу себе. Я снова хочу летать".

Но от Рут, которая хлопотала по дому, радовалась его успехам, приглашала гостей, он скрывал свое слепое, тяжелое томление. Он пытался пересилить его, уничтожить, но не мог.

Когда никого не было рядом, с замирающим сердцем он следил за ласточками, кружащими на фоне заката, или за ястребом, парящим высоко в небе, или любовался головокружительными пируэтами зимородка. И тут же он начинал горько укорять себя в предательстве собственной любви к Рут.

Этой весной, смущаясь, Рут сообщила ему новость: — Дэвид, осенью... у нас будет ребенок.

Он вздрогнул.

— Рут, дорогая!

И спросил:

— А ты не боишься, что у него могут быть...

Она с уверенностью покачала головой.

— Нет. Доктор Уайт говорит, что у него не может быть нарушений, которые были у тебя. Он говорит, что изменения в генной структуре, из-за которых ты родился с крыльями, рецессивного характера, а не доминантного, и поэтому они не могут наследоваться. Ты рад?

— Конечно, — сказал он, нежно обняв ее. — Это просто замечательно.

Уилсон Холл просиял от новости.

— Внук — это здорово! — воскликнул он. — Дэвид, ты знаешь, что я собираюсь сделать после его рождения? Я уйду на покой и оставлю тебя главой фирмы.

— Папочка! — воскликнула Рут и расцеловала отца.

Дэвид, запинаясь, поблагодарил его. И для себя он решил, что все идет к лучшему и что смутная, беспричинная тоска прекратится. Теперь, кроме Рут, у него появится новая забота, ответственность мужчины за свою семью.

Он принялся за работу с удвоенным рвением. За несколько недель он полностью забыл свою слепую тоску, готовясь к новым событиям. "Теперь с этим покончено", — говорил он себе.

И вдруг во всем его существе произошел чудесный переворот. С некоторых пор Дэвид стал замечать, что обрубки крыльев на его плечах начинают зудеть и побаливать. К тому же они как будто подросли. Он выбрал удобный момент и осмотрел их в зеркале. Каково же было его удивление, когда он обнаружил их вдвое большими, похожими на два горба, закругляющихся вдоль спины.

Дэвил Рэнд не мог оторваться от зеркала, и странная догадка промелькнула в его мозгу. Может ли быть, что...

На следующий день он заехал к доктору Уайту под благовидным предлогом. Но перед уходом он как бы невзначай спросил:

— Доктор, я все думаю, не может ли так случиться, что у меня снова начнут расти крылья?

Доктор Уайт подумал и сказал:

— Что ж, я думаю, что это, в принципе, возможно. Тритоны, например, восстанавливают утерянные конечности, и у множества животных есть способность к регенерации. Конечно, у обычного человека не может вырасти новая рука или нога, но ваш организм необычен и, возможно, способен на частичную регенерацию, по крайней мере, однократную.

Однако вас не должно это беспокоить, Дэвид. Если крылья вдруг начнут отрастать, приходите, и я удалю их без всяких хлопот.

Дэвид Рэнд поблагодарил и ушел. Но каждый день он пристально наблюдал за собой, и скоро сомнений не осталось: причудливые изменения в генах, подарившие ему первые крылья, наградили его способностью к регенерации, хотя бы частичной.

Да, крылья росли снова, день за днем. Выступы на его плечах стали намного больше, и только специального покроя одежда делала их незаметными. В конце лета два крыла, настоящих крыла, пусть и маленьких, — прорвались наружу. Сложенные под одеждой, они не вызывали подозрения.

Дэвид знал, что должен пойти к врачу и отрезать их, пока они не стали больше. Он говорил, что ему не нужны никакие крылья; Рут, ребенок и их будущее — вот что для него теперь важнее всего.

И все же он не говорил об этом никому, пряча растущие крылья плотно сложенными под одеждой. По сравнению с первыми они были жалкими и слабыми, будто обессиленными операцией. "Вряд ли я смогу летать с ними, — думал он, — даже если захочу. А я не хочу".

Еще он говорил себе, что крылья будет проще удалить, когда они достигнут своего полного размера. Кроме того, он не хотел волновать Рут в ее положении подобными новостями. Вот так он успокаивал себя, а время шло, и в начале октября его вторые крылья выросли окончательно, хотя и выглядели чахлыми и убогими по сравнению с прежними великолепными крылами.

В первую неделю октября у Рут и Дэвида родился сын. Чудный здоровый малыш без малейших странностей. У него был нормальный вес, прямая и гладкая спинка, не обещавшая никаких крыльев. Через несколько дней все собрались в их маленьком коттедже, и восхищению не было предела.

— Ну, разве он не красавец? — спрашивала Рут с гордостью, сиявшей во взгляде.

Дэвид молча кивал, и его сердце переполнялось радостью, когда он смотрел на спящую крошку. Его сын!

— Он просто чудо, — умиленно бормотал он. — Рут, любимая, я всю жизнь буду работать для тебя и него.

Уилсон Холл сиял и улыбался.

— У тебя будет возможность доказать это, Дэвид. Случилось то, о чем я тебе говорил весною. Сегодня я, как глава фирмы, ушел в отставку и позаботился о том, чтобы ты занял мое место.

Дэвид не находил слов для благодарности. Его сердце таяло от полноты счастья, от любви к Рут и их ребенку. Он чувствовал себя на вершине счастья, какое только может быть.

После того, как Уилсон Холл ушел, а Рут уснула, он, оставшись в одиночестве, неожиданно понял, что должен выполнить свой долг.

Он сурово сказал себе: "Все это время ты врал себе, выискивал предлоги и позволил крыльям вырасти. А в глубине души ты все это время надеялся, что снова будешь летать".

Он засмеялся. "Все, теперь с этим покончено. До этого я только уверял себя, что не хочу летать. Тогда это не было правдой, а теперь — правда. Я больше не буду тосковать по крыльям и полёту — теперь, когда у меня есть двое, Рут и сын".

Нет, никогда больше. Покончено. Сегодня же вечером он поедет в город к доктору Уайту и избавится от этих новоявленных крыльев. А Рут он даже никогда не скажет об этом.

Горя решимостью, он выбежал из коттеджа в ветреную темень осенней ночи. Багровая луна висела над верхушками деревьев с восточной стороны, и в ее тусклом свете он поспешил к гаражу. Деревья вокруг него гнулись и скрипели под тяжелыми ударами свирепого северного ветра.

Вдруг Дэвид остановился. Сверху, сквозь морозную ночь, донесся слабый отдаленный звук, от которого он вздрогнул и вскинул голову. Далекий, призрачный крик, доносимый

порывами ветра, то усиливаясь, то ослабевая, становился все ближе и ближе — дикие стаи, летящие на юг, тревожили эту ночь криками вызова и победы над ветром, который пытался сломать их крылья. Неукротимое биение свободы, с которым, казалось, было покончено навсегда, ворвалось в сердце Дэвида.

Он вглядывался в темноту сверкающими глазами, и ветер развевал его волосы. Быть там, высоко, с ними, хотя бы еще один раз... лететь с ними.

Почему бы и нет? Почему бы не полететь в последний раз, чтобы укротить эту надсадную тоску, — прежде чем лишиться своих последних крыльев? Он не залетит далеко, а так, немного полетает, а потом вернется, отрежет крылья и посвятит свою жизнь Рут и сыну. Никто и знать об этом не будет.

В темноте он быстро сбросил одежду, выпрямился и развернул крылья, которые так долго скрывал. Тревожное сомнение охватило его. Сможет ли он вообще взлететь? Смогут ли эти жалкие, чахлые крылья хотя бы пять минут продержать его в воздухе? Нет, не смогут. Он был уверен в этом.

Бешеный ветер грохотал, деревья стонали, а серебряные крики в вышине становились громче. Дэвид приподнялся на носки, согнул колени, расправил крылья, готовясь взлететь, и его лицо побелело от страха. Он не сможет. Он знал, что не сможет оторваться от земли.

Но ветер кричал ему в лицо: "Ты сможешь сделать это, ты снова будешь летать! Посмотри, я за твоей спиной, я помогу тебе взлететь, добраться до самых звезд!"

И ликующие звуки в вышине вторили ветру: "Вверх! Лети к нам! Ты из нашей породы, ты наш! Вверх! Лети!"

И он взлетел! Чахлые крылья неистово били по воздуху, и он взмыл ввысь! Темные деревья, освещенное окно коттеджа уходили назад и вниз, а крылья несли его вдаль на ревущем ветру.

Выше, выше — снова удар холодного чистого воздуха в лицо, сумасшедший рев ветра вокруг, хлесткие взмахи крыльев, уносящих его все дальше и дальше.

В грохот ветра ворвался высокий, звонкий смех Дэвида Рэнда, который летел между звездами и спящей землей. Выше и выше, вместе с кричащими птицами, окружившими его со всех сторон. Дальше и дальше улетал он с ними.

Внезапно он понял, что только это было жизнью, только это было пробуждением. Это другая его жизнь там, внизу, была сном, а сейчас он проснулся. Это не он работал в конторе и не он любил женщину и ребенка там, внизу. Он видел такого Дэвида Рэнда во сне, но этот сон прошел.

На юг, на юг он стремился сквозь ночь, и ветер гремел, и луна поднималась выше, пока, наконец, земля не пропала из вида. Он вместе со стаей летел над лунной равниной океана. Он знал, что это безумие, — лететь с такими жалкими крыльями, которые уже устали и ослабели, но мысль о возвращении даже не промелькнула. Только лететь, лететь в последний раз — и больше ничего!

И поэтому, когда его уставшие крылья начали тяжелеть и все ниже и ниже стал он опускаться к серебристым волнам, ни страха, ни сожаления не было в его сердце. Это было то, чего он всегда ждал и хотел, и он был безмятежно счастлив — счастлив упасть, как, в конце концов, падают все, имеющие крылья, после краткого мгновения безумного, упоительного полета обретающие покой.

Никому не нравится бессонница – это подтверждает рекордная продажа снотворных таблеток… но существуют места, где сон может стать опасным. Вам может присниться…

Гаррисон лежал лицом вниз на спасательном плотике и чувствовал, как солнце медленно пожирает его мозги. После четырех дней на плоту единственное, что он чувствовал, это жару и жажду – в бредовом состоянии голода уже не ощущалось. Маленький плот мерно поднимался и опускался на длинных, ленивых волнах Тихого океана, и каждый раз, когда он шел вниз, голубая вода ласково омывала лицо Гаррисона.

Он смутно сознавал, что долго не продержится. Сейчас это было уже делом нескольких часов, когда он, наконец, сдастся и хлебнет голубой воды, которая так призывно плескалась у его лица, а затем умрет в страшных мучениях. Конечно, здравомыслящий человек не станет пить морскую воду, но несчастный, который находился среди Тихого океана в течение четырех дней без пищи и воды, вряд ли останется в здравом уме.

Он вновь с горечью подумал о том, что другие оказались счастливчиками, те, кто обрел быструю смерть, когда взрыв пустил ко дну их судно «Мери Д.». Теперь другие члены команды обрели покой, плавно покачиваясь и погружаясь в прохладный темный донный ил. И лишь он, находившийся в момент взрыва на грузовой палубе, успел выпрыгнуть за борт, чтобы иметь несчастье остаться в живых.

Гаррисон вновь подумал о воде. Он знал, что это только ускорит приближение смерти, но не мог заставить свой слабеющий рассудок отказаться от сладких грез. Перед его мысленным взором проплывали видения серебристых ручейков, бегущих по темным камням, пузырящихся минеральных источников, спокойных рек и голубых озер. Ему виделись хрустальные бокалы, наполненные ледяной водой,

запотевшие от холода. Он всхлипнул, прижав лицо к горячему, пропитанному солью брезенту. Часы превратились в вечность. Он не осознавал, что солнце уже село, пока обжигающее раскаленное дыхание ветра немного не утихло. Гаррисон поднял голову, приоткрыл воспаленные, покрасневшие глаза. Была ночь, плот покачивался на темной, убаюкивающей воде, а небо было густо усыпано звездами. Он снова уронил голову на брезент… Где-то рядом послышались монотонный скрежет и шуршание. Сколько прошло времени, прежде чем эти, совершенно незнакомые звуки потревожили его помутившееся сознание? Они звучали в довольно регулярном ритме. Скрежет, шуршание – затем тишина. И снова скрежет, шуршание…

Словно оживающий труп, он медленно и неуклюже приподнялся на локтях и оцепенело уставился вперед. В двух футах от его лица была твердая земля.

Спасательный плот прибило к песчаному пляжу темного острова и сейчас он одним краем терся о песок, издавая шуршащие звуки. Кроме засасывающего шума прибоя больше ничего не было слышно. Крутящиеся скопления звезд торжественно смотрели вниз. Остров простирался перед Гаррисоном темной, загадочной глыбой.

– Это земля, – услышал он проскрипевший сухой голос. – Гаррисон не сразу понял, что голос был его собственным. Он почувствовал, что каким-то образом поднялся на ноги.

– Земля, – вновь прошептали его покрытые солью губы.

Гаррисон сошел с плота и опустился на колени на песок. Каким-то чудом он рывком поднялся, шатаясь, как пьяный, и неуверенно, не видя направления, попытался бежать вперед. Он бежал неуклюже, согнувшись, со свесившейся вперед головой и безвольно повисшими руками. Его затуманенный взор ничего не мог различить в темноте. Он напоминал ослепленное, безумное животное, двигающееся скорее благодаря инстинкту, чем разуму. Он поскользнулся на песке, запнулся о камень, но, удержавшись, продолжал, шатаясь, двигаться вперед. Затем снова споткнулся и упал. На этот

раз он уже не встал. Измученное тело бессильно расслабилось, а сознание погрузилось в темный полумрак. Он чувствовал, как священное сумрачное спокойствие овладевает его мозгом. Значит, это и есть смерть? И со вздохом усталого ребенка он опустился в темноту.

Некоторое время спустя Гаррисон снова пришел в сознание. «Странная вещь», – думал он, – «восстать из мертвых». И внезапно понял, что не умер, – жестокая жажда по-прежнему сжигала горло, ведь не может же мертвец испытывать жажду? С трудом он разомкнул слипшиеся; распухшие веки и увидел ослепительный всплеск солнечного света.

Изогнувшись в конвульсии, он сел. Затем тупым диким взглядом осмотрелся вокруг. Его психика была слишком ошеломлена, чтобы полностью оценить то удивительное, что открылись перед ним.

Вокруг Гаррисона поднимался густой лес неземной красоты. Громадные черноствольные деревья возвышались, закрывая небо огромными кронами серебристой листвы. Их переплетенные ветви были опутаны темными, вьющимися лозами, а на них росли огромные, похожие на орхидеи, нежнейших оттенков, удивительные цветы, льющиеся великолепными каскадами на зеленый дерн. Меж цветов, пронзительно крича, носились яркие попугаи, и прозрачные звуки птичьего пения доносились нежным звоном колокольчиков. В наступающей убаюкивающей тишине легкий ветерок, наполненный острыми запахами пряностей и легким ароматом изысканных духов, проносился, шепча, меж деревьев.

Гаррисон ошеломленно озирался вокруг. Среди деревьев он заметил сверкающую ниточку воды, крохотный, окаймленный папоротником журчащий ручеек. Безумная жажда четырех дней вызвала у него яростную вспышку борьбы за жизнь. Хрипло вскрикнув, на подкашивающихся ногах он устремился вперед. Минутой позже он лежал на животе, подминая папоротник, с лицом, опущенным в источник холодной, кристально—чистой воды. Вся сила воли ушла на то,

чтобы на время прекратить пить. Он дрожал, отрывая лицо от воды, и его иссушенные губы, и сморщенный язык, казалось, медленно наливались соками. Слезы задрожали у него на ресницах.

– Я спасен, – простонал он хрипло. – Спасен!

Гаррисон заставил себя подняться и, спотыкаясь, побрел прочь от ручья. Он пока еще не почувствовал голода, но знал, что нуждается в пище.

Неподалеку он нашел высокое дерево, ветви которого склонились от тяжести круглых красных плодов, которые внешне и по вкусу напоминали яблоко, но имели твердую, похожую на круглый камешек, сердцевину. Поев, он почувствовал себя немного бодрее. Теперь ему не грозила опасность умереть с голоду – вокруг росло вдоволь таких фруктовых деревьев.

В этом, полном приглушенных звуков сказочном лесу кипела своя жизнь. Серые зайцы носились между папоротниками, летающие белки резво прыгали с ветки на ветку, а в отдалении о чем-то шумно тараторили обезьянки.

– Мне повезло, что я натолкнулся на этот остров, – пробормотал Гаррисон. – Возможно он и не очень велик, да и выглядит совершенно необитаемым, но ведь большинство островов в этой части Тихого океана – просто голые скалы.

Нетвердой походкой он направился к слышавшемуся в отдалении шуму прибоя. Его все больше удивляло разнообразие живности, попадавшейся ему на глаза: два пятнистых леопарда, хрюканье диких свиней, роющих коренья в зарослях кустарника, вой гиены в чаше неподалеку и множество быстрых и прекрасных оленей. Казалось совершенно невероятным такое разнообразие жизни на маленьком тихоокеанском островке.

Вскоре он вышел из густых зарослей на узкий песчаный пляж. Спасательный плот белым пятном лежал на песке, там, куда его вынесла волна прилива. Окинув взглядом береговой изгиб, Гаррисон прикинул, что остров имеет около пяти миль в длину и примерно две в ширину. Весь покрыт

густым лесом, зеленый оазис, словно заснул на широкой груди моря. Не было заметно никаких признаков того, что здесь когда-либо ступала нога человека. Гаррисон побрел вдоль берега, идти по песку было гораздо легче, чем пробираться сквозь чащу леса. Не пройдя и полмили, он внезапно столкнулся с девушкой, появившейся из ближних зарослей так неожиданно, что Гаррисон застыл на месте, уставившись на все.

– Бог мой! – воскликнул он. – Откуда ты взялась?

– Меня зовут Мирра, – улыбнулась она. Девушка была белой – он сразу это заметил. К тому же была молода и привлекательна. Вряд ли ей было больше семнадцати лет. Ее одежда была довольно странной – короткая туника из мягкой белой материи, перетянутая в талии широким поясом, расшитым драгоценными камнями. Ее матовые плечи были обнажены, а туника не доходила даже до округлых колен. Она смотрела прямо ему в лицо. В ее задумчивых, мягких, темных глазах читалось какое-то сомнение, смешанное с радостным ожиданием. Красиво очерченные губы были слегка приоткрыты, темные блестящие волосы, зачесанные мягкой волной назад, открывали лоб.

– Мирра? – ошеломленно повторил Гаррисон.

– Я увидела тебя из леса, – сказал она, делая быстрый жест тонкими пальцами. В ее глазах светилось радостное возбуждение, и она добавила: Я так рада, что наконец-то появился еще кто-то.

– Ты хочешь сказать, что мы с тобой единственные люди на острове? – вскричал Гаррисон. — И что ты была здесь одна?

Мирра кивнула:

– Да, кроме Спящего, конечно.

– Спящего? – Гаррисон не понимал ее. Он воскликнул: – А как давно ты находишься на острове?

– С того момента, как я помню себя, конечно, – сказала она, глядя на него с удивлением.

– Но как ты сюда попала? – воскликнул Гаррисон.

– Я не понимаю тебя, – сказала озадаченно Мирра. – Я нахожусь здесь с самого начала. Я часть сновидения, так же, как и ты, и все, что вокруг нас.

– Часть сновидения? – эхом отозвался Гаррисон. — Ради всех святых, что ты имеешь в виду?

Замешательство Мирры усиливалось. Она взглянула «а него с нескрываемым изумлением в ясных глазах.

– Ты хочешь сказать, что не понимаешь этого? – спросила она, – Это странно – ведь я поняла все сразу. Хотя я и не знаю, как мне удалось.

– Перестанешь ты наконец говорить загадками и объяснишь все как следует? – потребовал Гаррисон. Заметив недоумение и обиду в ее по—детски чистых глазах, он неуклюже попытался смягчить разговор. – Прости меня. Я слишком возбужден и нетерпелив. Что ты имела в виду, говоря, что являешься частью сновидения?

Ее ответ ошеломил его.

– Все здесь вокруг – только сон, – сказала Мирра, с живостью ребенка, старающегося что-то объяснить. – Этот остров – просто голая скала, а лес, животные и мы с тобой – только сновидение. Все это, конечно, кажется реальным для нас, потому что мы тоже – часть этого сна.

– Послушай, ты с ума сошла! – взорвался Гарри сон. – Этот лес, животные, ты – сновидение? И я тоже?

– Конечно, – убежденно сказала Мирра. – Ты – часть сновидения, так же, как и я.

Гаррисон с трудом подавил в себе желание чертыхнуться, почувствовав жалость к девушке. Он видел, что она верила в то, что говорила. Должно быть, подумал Гаррисон, она выросла здесь одна, и сама придумала эту фантастическую теорию.

– А частью чьего сновидения мы являемся, Мирра? – спросил он, посмеиваясь над ней. – Кому мы снимся?

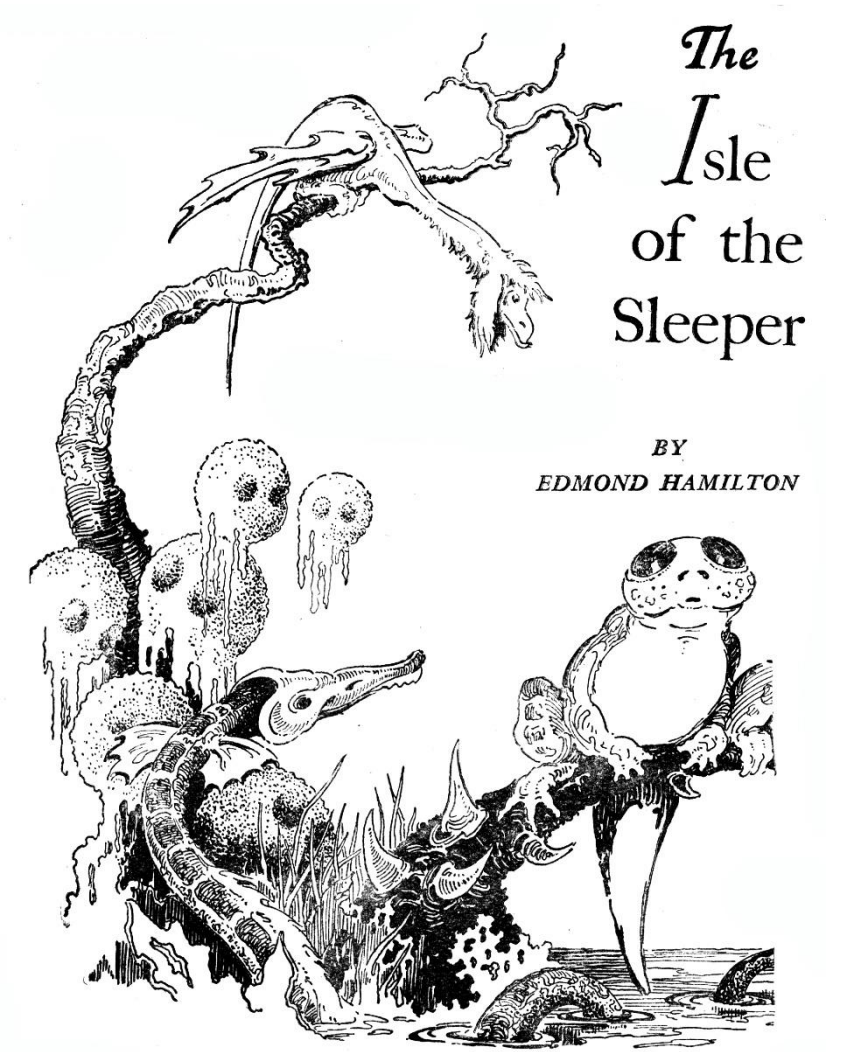
– Спящему, конечно, – тотчас сказала она. У Гаррисона возникло сильное желание расхохотаться. Это, вне всякого

сомнения, являлось самым безумным приключением, которое когда-либо у него было.

– А кто этот Спящий? – спросил он.

На нежном лице Мирры появилось выражение благоговения.

– Он просто – Спящий. Он лежит в глубине леса, никогда не просыпаясь. И то, что он видит во сне, является



реальностью для этого острова. Спящий увидел во сне лес и ручьи, которые ты видишь вокруг. Ему приснились животные и птицы. Он увидел во сне меня – и внезапно я оказалась здесь. С того времени, как я появилась здесь, ему приснилось много других животных, но до тебя ему больше не снились люди. Я рада, что он увидел во сне тебя. Мне было так одиноко!

И в темных глазах Мирры мелькнул довольный пляшущий огонек. Уверенно и нежно она взяла Гаррисона под руку мягкой обнаженной рукой.

– Так значит Спящий увидел меня во сне, не так ли? – сказал, забавляясь, Гаррисон. – Мне бы хотелось увидеть этого Спящего.

На лице Мирры вновь появилось выражение благоговейного страха, и она медленно ответила:

– Я могу отвести тебя к нему. Но ты должен пообещать мне близко не подходить к нему.

И с какой-то естественной простотой она повела Гаррисона за собой в лес, идя по какому-то только ей известному невидимому следу, который вел окружным путем к центру поросшего лесом острова.

Попугаи и обезьяны бранили их на своих языках, пока они пробирались по зеленому дерну между гигантскими, украшенными цветами деревьями. Легкий ветерок веял дыханием, полным пряных, благоухающих запахов. Воздух полнился жужжанием и гудением мириадов ярко расцвеченных насекомых.

Мирра шла рядом с ним, словно маленькая, веселая лесная нимфа, смеясь над бранящимися птицами. Сорвав с лианы большой голубой цветок, она вплела его в свои прекрасные черные волосы. Но однажды она внезапно остановила Гаррисона, и он увидел, как опасно—прекрасный силуэт леопарда растаял впереди в листве деревьев.

– Мне бы хотелось, чтобы Спящему не снились леопарды, – сухо сказал Гаррисон.

– Они приходят из его плохих снов, – серьезно сказала Мирра. – Ему приснилось много прекрасных вещей, которые мы видим здесь, но иногда ему снятся и дурные, злые вещи.

– Достаточно логично, – рассмеялся Гаррисон. – Как ты все это вычислила?

Мирра улыбнулась ему и покачала головой.

– Я не знаю. Все это как-то само собой прояснилось мне, когда я приснилась Спящему.

Они прошли уже больше мили по сказочному лесу и вышли на поляну, на которой росли высокие, могучие деревья, образующие как бы естественный собор, наполненный зеленоватым мраком и приглушенной тишиной. Мирра робко прижималась к Гаррисону, когда они подошли ближе.

– Мы возле Спящего, — прошептала она. – Не произноси громких звуков. Все живое на острове боится подойти к нему и даже я – я тоже боюсь.

Гаррисона охватило любопытство, которое вскоре сменилось нескрываемым удивлением, когда они на мгновение остановились.

Они оказались на краю идеально круглой, чистой площадки, покрытой изумрудным ковром травы, окруженной молчаливой стеной зарослей. В центре круга, освещенный солнцем, виднелся низкий квадратный постамент из сверкающего хрусталя.

На прозрачном помосте возвышалось ложе из красного дерева, украшенное причудливым орнаментом по бокам. А на нем, завернутое в плащаницу из золотой ткани, расписанной черными фигурами, лежало неподвижное тело мужчины.

Он лежал совершенно неподвижно на боку, рукой прикрывая повернутую вниз голову. Когда Гаррисон подошел ближе (а Мирра боязливо пыталась удержать его), он рассмотрел лишь, что у лежащего человека были темные волосы и белая кожа. Больше ничего не было видно.

– Это Спящий, – прошептала Мирра, дрожащими пальцами остановив Гаррисона в дюжине футов от хрустального

возвышения. Ее темные глаза широко раскрылись в благоговейном страхе, когда она смотрела на лежащую фигуру.

– Боже праведный, это, должно быть, труп, захороненный какой-то неизвестной расой в давние времена, — вскричал Гаррисон. – Но как ему удалось так хорошо сохраниться на открытом месте столь долгое время!

– Нет, он не мертв, он только спит, – тихо промолвила Мирра. – Не говори так громко, а то разбудишь его.

– Я хочу осмотреть тело, явно заинтересовавшись, пробормотал Гаррисон и двинулся вперед.

С побелевшим как мел от ужаса лицом Мирра удерживала его, прильнув к нему.

– Нет, ты не должен этого делать! Если ты разбудишь Спящего, его сновидение окончится – мы и все остальное из его грез, что возникло на острове, исчезнет!

– Чепуха, – сказал он, но Мирра продолжала удерживать его.

– Помнишь, ты пообещал мне не подходить к нему! – ее голос дрожал от неподдельного ужаса.

Гаррисон смягчился, увидев, как потрясло девушку его намерение.

– Хорошо, – сказал он ей. – Я оставлю его в покое.

Мирра тотчас боязливо увела его с залитой солнечным светом поляны назад в тенистый лес. Тревожно оглядываясь назад, она торопливо шла обратно тем же путем.

– Если бы ты разбудил его, ты бы погубил нас всех, – прошептала она ему дрожащими губами. – Вот почему даже звери не подходят к Спящему – они знают об этом.

Гаррисон решил, что все более—менее становится понятно: когда-то на этом неизвестном острове существовали цивилизованные люди, которые так искусно забальзамировали мертвеца, что он мог лежать, не изменяясь, на этом ложе из красного дерева сколько угодно времени. Звери же, пугаясь мертвеца, будут избегать его.

И было совершенно очевидным предположить, что Мирра, выросшая в одиночестве на этом острове, примет

труп за спящего человека и разовьет свою безумную идею о том, что все сущее на острове возникло из сновидений Спящего. У Гаррисона теперь не оставалось сомнений, что Мирра, как и он сам, была такой же несчастной, потерпевшей кораблекрушение, оказавшейся на острове много лет назад.

'Она была по—детски счастлива и вздохнула с облегчением, когда они оставили лужайку со Спящим далеко позади.

– Теперь я поведу тебя к себе, Гаир-сон, – сказала она, пытаясь повторить имя так, как он назвал его ей.

Гаррисон задумчиво посмотрел назад и сказал:

– Мне бы хотелось когда-нибудь вернуться сюда и взглянуть на него поближе.

Тотчас же паническое выражение вновь появилось на лице Мирры. Она беззащитно прижалась к нему, и ее глаза выражали отчаянную мольбу.

– Гаир-сон, ты никогда не должен прикасаться к Спящему! Случится так, как я сказала, если он когда-либо проснется, мы – его сновидение, найдем тогда свой конец. Обещай мне, что ты никогда не прикоснешься к нему!

Он не мог не чувствовать, как ее сердце обрывается от ужаса.

– Хорошо, Мирра, – сказал он успокаивающе. – Я обещаю никогда не прикасаться к нему.

Вскоре они подошли к жилищу Мирры. Оно стояло на поросшем лесом склоне в северной части острова, среди больших деревьев. Рядом резво сбегал вниз небольшой пенящийся ручеек, к которому уютно прижалась изящная беседка из сплетенных зеленых веток ивы.

Мирра показала ему, как она сделала из веток дверь, которую можно закрывать по ночам, чтобы не могли пробраться звери, показала фрукты и орехи, собранные ею на обед, и мягкое ложе, которое она соорудила из душистых стеблей папоротника.

– С тобой здесь не будет одиноко, Гаир-сон, – сказала она нежно.

– Но я не могу жить здесь вместе с тобой, – возразил он. — А почему нет? – спросила Мирра с озадаченным выражением в чистых глазах. – Хижина достаточно просторна для нас обоих.

Гаррисон неуклюже попытался объяснить. Ее глаза наполнились слезами, и мягкие губы задрожали:

– Я тебе не нравлюсь, Гаир-сон.

Торопливо он попытался успокоить ее. Обнимая ее, он внезапно ощутил всю нежную призывную красоту грациозного тела, которое едва покрывала короткая туника, чистого лба и широко открытых обиженных темных глаз под шелковистыми черными волосами.

– Мирра, – прошептал Гаррисон, крепче сжимая девушку в объятиях, его рука гладила шелковистые, пахнущие благовониями волосы. – Мирра... Мирра...

Так началась жизнь Гаррисона с Миррой на острове. Это была фантастическая жизнь, и тем не менее в последующие несколько дней она стала для него более реальной, чем вся его предыдущая жизнь в деловом, суетливом мире.

Именно Мирра своей теплотой сделала этот мир реальным для него. Ему казалось, что он никогда ранее не знал, что такое любовь, пока не встретил эту девушку, так похожую на ребенка в своей простоте, удивительно женственную в своем нежном очаровании и преданности ему.

Он много размышлял о том, как Мирра оказалась на острове, как она выжила и выросла здесь. А она могла рассказать ему очень мало. Ее представления о времени были очень смутными. Она говорила, что жила на острове так же, как сейчас, с тех пор как Спящий увидел ее в сновидении.

И когда Мирра говорила так серьезно о Спящем, Гаррисон обычно улыбался и нежно привлекал ее к себе. Он больше не делал попыток разуверить ее в этой иллюзии, поскольку видел, что ничто не может поколебать ее странную

веру. Но Гаррисон часто задумывался о том безжизненном теле, что лежало на ложе из красного дерева.

На третье утро Гаррисон и Мирра спустились из хижины по лесистому склону и остановились в удивлении. У подножия холма появилось небольшое озеро – голубое, сверкающее маленькое озерцо, которого не было там еще предыдущей ночью.

Мирра радостно хлопнула в ладоши: — Смотри, Гаир-сон! Спящему приснилось озеро!

– Ты думаешь Спящий это озеро тоже увидел в сновидении? – спросил Гаррисон, хотя Он и сам был удивлен.

– Конечно, – сказала она с уверенностью. Он рассмеялся.

– Просто ночью что-то запрудило этот ручеек, – вот откуда взялось озеро.

– Это не так, – заявила Мирра – Это – сновидение Спящего.

– Мы таковы, какими нас делают сны, – процитировал, улыбаясь, Гаррисон – Не важно, откуда оно взялось, мне оно кажется подходящим местам для того, чтобы поплавать. Пойдем искупаемся!

Но в последующие несколько дней произошли события, которые Гаррисону оказалось объяснить труднее, чем озеро.

Так, например, появились слоны. Однажды в полдень Гаррисон увидел их – двух огромных горбатых серых исполинов, тяжеловесно шагающих в отдалении по лесу. От удивления он прирос к земле.

– Почему ты не сказала мне, что на острове есть слоны? – воскликнул Гаррисон, обращаясь к девушке. Мирра покачала головой.

– Их не было до сих пор, Гаир-сон. Должно быть они приснились Спящему.

– Чепуха, – сказал он нетерпеливо. – Они были на острове – просто ты с ними раньше не встречалась.

И тем не менее он засомневался. За последние несколько дней они с Миррой обошли весь остров и не видели ни слонов, ни их следов, а сейчас они вдруг появились. Точно так

же обстояло дело с гигантскими, размером в три фута, голубыми бабочками, которых он увидел на следующий день, и тюленями, появившимися в озере днем позже. Раньше их там не было – сейчас они там были. И Мирра с обезоруживающей простотой объяснила, что они тоже приснились Спящему.

– Спящему, как бы не так! – сказал нетерпеливо Гаррисон. – Я пойду посмотрю на него снова, – сказал он Мирре.

– Ты не будешь подходить слишком близко к Спящему – не станешь дотрагиваться до него? – взволнованно умоляла Мирра. – Помни, ты обещал мне.

– Я сдержу свое обещание, – успокоил он ее. — Я пойду с тобой, – объявила Мирра.

– Ты не доверяешь мне, не так ли? – улыбнулся он.

– Не в этом дело, Гаир-сон, – сказала она серьезно. – Но мы были так счастливы – я боюсь, как бы ты не сделал чего-нибудь такого, что может разбудить Спящего и покончить с нами и со всем, что здесь есть.

Всю дорогу, пока они шли по лесу, Гаррисон нежно обнимал Мирру. Вскоре перед ними открылась та самая молчаливая и торжественная поляна, окутанная зеленым полумраком, куда, казалось, не рискнет выйти ничто живое. Гаррисон чувствовал, как колотится сердце девушки, когда они подходили к залитому солнцем кругу в центре поляны.

Как и в прошлый раз ослепительно сверкал хрустальный помост, и на нем по-прежнему стояло ложе из красного дерева, на котором покоилось тело Спящего. Он лежал как прежде, завернутый в золотистую мантию, прикрыв рукой повернутую вниз голову.

– Это необъяснимое чудо сохранности, – пробормотал, уставившись на Спящего, Гаррисон. – Археологи сошли бы с ума, если б смогли осмотреть...

Он замолчал, заметив, что Мирра, стоящая рядом с ним, задрожала. Девушка произнесла, задыхаясь:

– Посмотри – Спящий зашевелился и вздохнул!

На мгновение Гаррисону показалось, что он действительно увидел едва уловимое движение под золотистым саваном, и будто почудился низкий, протяжный стон. Но он тут же отмел эту фантастическую иллюзию.

– Это всего лишь подул ветерок и пошевелил накидку, Мирра, – сказал он. Но ее лицо было искажено в ужасе.

– Гаир-сон, давай уйдем отсюда, скорее! У Спящего плохие сны, а это значит, что на острове появится зло!

В страхе она торопливо уводила его назад через поляну.

– Я боюсь, Гаир-сон! Спящий стонал – ему снятся дурные сны.

Он крепко обнял ее трепещущее тело:

– Не пугайся, Мирра... Ночью страх добрался и до самого Гаррисона. Мирра безмятежно спала в его объятиях в маленькой хижине, когда он, внезапно проснувшись, услышал странные тяжелые шаги снаружи, гнусавое ворчание, неуклюжее царапание двери. В следующий миг примитивная дверь была сорвана и на фоне звездного неба он увидел темные силуэты стоящих снаружи существ. Громадные, сгорбленные, покрытые шерстью человеческие существа, больше похожие на зверей, чем на людей, с кривыми, как у горилл, конечностями и звериными рылами, со сверкающими в темноте зелеными глазами. Вскрикнула, проснувшись, Мирра:

– Это они – порождения зла, те самые, что приснились Спящему!

Услышав голос девушки, звероподобные фигуры, выкрикивая и хрюкая, попытались войти. Покрытые шерстью руки потянулись в темноте к ней... Гаррисон наконец вышел из внезапно охватившего его транса, ужаса и отвращения, и совершенно взбесился.

Он вслепую наносил удары по волосатым монстрам, издавая дикие звуки. Люди—звери проворно выскочили из темной хижины и, быстро работая кривыми ногами, побежали назад в лес.

– Мирра, нам нужно выбираться отсюда, пока они не вернулись! – закричал срывающимся голосом Гаррисон. – Бежим скорее!

Подхватив девушку на руки, он выскочил из хижины, и помчался что есть духу. Спустя несколько мгновений они услышали яростный рев чудовищ, ломающих хижину. Поспешное бегство привело их с Миррой в темные заросли высоких кустов.

– Гаир-сон, эти звери – то, что приснилось Спящему сегодня, когда мы наблюдали за ним! – вскрикнула Мирра, содрогаясь от рыданий. – Я знала, что у него был дурной сон.

– Тихо! Слышишь? – внезапно прервал ее Гаррисон. Они услышали приближающиеся сердитые бормочущие выкрики.

– Боже, они идут по нашему следу! – вскричал ошеломленный Гаррисон.

Он отломил большой сук и, сжав в руке эту примитивную дубинку, они побежали в глубь леса, спотыкаясь в темноте. А следом за ними неслась погоня.

Целую вечность они бежали по ночному лесу, пытаясь оторваться от погони уклоняясь в стороны, но гомонящая грязная орда все время неотступно следовала за ними. Бледная заря застала их у южной оконечности острова. Мирра совершенно выбилась из сил. — Мы не можем все время бежать, – хрипло произнес Гаррисон, – Рано или поздно они нас настигнут. И вдруг его изможденное лицо засияло надеждой.

– Может быть они не пойдут за нами на ту поляну, где лежит Спящий! Ни одно живое на острове никогда не появляется там.

– Нет, давай не пойдем туда! – вскричала Мирра, Но Гаррисон не стал слушать ее протестов и отчаянно потащил ее через лес к молчаливой, полной торжественности поляне, что лежала в такой же как прежде тишине, встречая лучи восходящего солнца.

Он положил теряющую сознание девушку в дюжине футов от хрустального возвышения. Темная фигура Спящего была по-прежнему неподвижна.

– Я боюсь, – прошептала Мирра, боязливо поглядывая на ложе.

– Я думаю, здесь мы в безопасности, – тяжело дыша, проговорил Гаррисон. – Они не посмеют...

– Гаир-сон!

Из леса на поляну выбежала грязная, покрытая шерстью орда – люди-звери!

Крик Мирры подбросил Гаррисона. Оказавшись на ногах, он резко бросился им навстречу. Короткими, яростными ударами тяжелой дубинки он раскроил черепа двух зловещих созданий как яичную скорлупу.

В стремительном натиске, сопровождавшемся пронзительными криками звериной ярости, с обезображенными рылами, исходящими слюной от неистовства, остальные монстры тянулись к нему невероятно мощными лапами. Он исступленно бил дубинкой, сокрушая кости и плоть страшилищ. Мирра снова закричала.

Повернувшись на долю секунды, Гаррисон хрипло закричал. Трое чудовищ в пылу схватки оставили его, обошли вокруг и схватили девушку. Беззащитное тело, бьющееся в волосатых руках, при виде этого зрелища у Гаррисона кровь застыла в жилах. И прежде чем он успел повернуться назад, его тоже крепко схватили мохнатые лапы.

– Мирра! – безумно выкрикнул он, борясь с нападающими, пытаясь пробиться к ней на помощь.

Он заметил мертвенную бледность лица, увидел ее широко раскрытые от ужаса глаза. Услышал ее отчаянный крик.

– Гаир-сон! Разбуди Спящего! Пусть лучше все мы, все, что вокруг лас, исчезнет, чем умереть вот так...

Он не мог пробиться к ней. Царапающие волосатые руки, которые вот-вот свалят его на землю, мешали ему.

– Разбуди Спящего, Гаир-сон! Покончи со всем...

Люди-звери наконец повалили Гаррисона на колени. Он сознавал, что не было никакой надежды спасти Мирру – никакой – кроме той безумной, подсказанной ею самой Он разбудит Спящего, даже если это погубит ее и все вокруг исчезнет, что ж, лучше ей встретить такой конец.

Гаррисон сделал последнюю попытку освободиться от хватающих, рвущих когтей. Ему удалось, замахнувшись, бросить дубину прямо в неподвижное тело на медно-красном ложе. Дубинка ударила по обнаженному плечу Спящего, и он увидел, как потекла кровь из нанесенной раны. Спящий беспокойно зашевелился, приподнимаясь на ложе...

Туманная дымка покрыла внезапно все вокруг. Деревья, трава, помост и ложе, белое тело Мирры и волосатые люди—

звери – все внезапно начало тускнеть, исчезать. И Гаррисон почувствовал, что его собственное тело тоже исчезает, растворяется.

Тускнеющим взором он наблюдал, как Спящий садится и открывает глаза. И в последний момент, прежде чем его телу и всему вокруг исчезнуть полностью, Гаррисон увидел и узнал лицо Спящего.

Это было его собственное лицо! Он, Гаррисон, исчезал, как, и все вокруг, но Спящий тоже был Гаррисоном, и сейчас он проснулся!

Он успел осмыслить это невероятное происшествие прежде, чем сознание окончательно покинуло его с тем, чтобы в следующий момент внезапно снова прийти в себя. Гаррисон обнаружил себя сидящим на солнцепеке, с затекшими конечностями и совершенно одиноким. Мирра, люди—звери и все прочее исчезло. Он, Спящий, пробудился.

Гаррисон осмотрелся вокруг. Он лежал на голой скале, а вокруг него простирался безжизненный, бесплодный, скалистый остров, без единой частицы живого, без единого пятнышка зелени. И Гаррисон зарыдал, осознав это.

Он, который, спотыкаясь, выбрался на берег и измученный погрузился здесь в тяжелый сон, и был тем самым Спящим. И его сновидения создали и лес, и зверей, и Мирру и даже создали Гаррисона – из сна, похожего на него самого, который жил и любил в этом царстве грез. Он проснулся, и сновидение растаяло, и его творения исчезли.

Что-то заставило его повернуть опущенную голову к морю. Там, вдали, виднелось темное пятнышко судна, направлявшегося к острову...

Капитан танкера посочувствовал потерпевшему кораблекрушение, который лежал сейчас на койке в его освещенной лампой каюте, испытывая удовлетворение от того, что его поиски спасшихся с «Мэри Д.», которые он начал сразу же по получении сигнала бедствия с обреченного сухогруза, наконец, увенчались спасением по крайней мере одного

человека. Но сейчас добродушное лицо седовласого моряка выглядело обеспокоенным, и он заговорил неохотно:

– Я не сомневаюсь, что тебе приснился какой-то дикий сон. Лежать в бреду на этом каменистом острове – с кем не случится подобное?

– Это был не просто бред – это сновидение было реальностью! – вскричал Гаррисон. – Все эти вещи, которые мне снились – и лес, и звери, и девушка, и другой я – все они существовали в действительности, так или иначе, пока я лежал и видел их в своих снах.

– О послушай, – сказал ему капитан. – Ты слишком умен, чтобы поверить в это.

– И тем не менее я верю в это, – упорствовал Гаррисон. В его глазах блестели слезы. – Я верю, что встретил единственную девушку, которую смог полюбить, в сновидении, которое было реальным и цельным, пока оно продолжалось. Как сновидение превратилось в реальность? Я не знаю... не знаю. Возможно какое-то странное силовое поле окутывало этот остров и настроилось на психо—излучения находящегося в бессознательном состоянии мозга. Что бы ни послужило причиной этого, я уверен, что это было реальностью. Уверен, благодаря вот этому.

И он закатал рукав, обнажив плечо. На плече была свежая, кровоточащая рана.

– Это ссадина, которую тот, другой Гаррисон, Гаррисон из сновидения, нанес Спящему, бросив дубинку. У меня ее не было, когда я заснул на острове.

Роско Восс гладил себя по пухлому животу, и смотрел с наигранной невинностью широко раскрытыми глазами на двух посетителей.

— Атомная энергия? — повторил пухлый маленький меценат. — Я не знаю, о чем Вы говорите, господа.

Один из этих двух мужчин — высокий, изможденный белокурый молодой ученый, которого звали Чад Валтерс — сделал нетерпеливый жест.

— Восс, Вы лжете, — парировал он обвиняюще. — В Вашем владении теперь тайна атомной энергии. Клайд Финчли обнаружил тайну и усовершенствовал реальную турбину циклотрона. Но он умер неделю назад. Модель циклотрона отсутствовала в его лаборатории после его смерти. Вы всегда хотели эту тайну, и, таким образом, Вы украли модель, Восс!

Роско Восс выглядел возмущенным.

— Посмотрите сюда, Вы, двое. Вы можете быть большими учеными в Готэмском Университете, но Вы не имеете права приходить сюда и оскорблять меня такими обвинениями. Я едва знал Клайда Финчли. Я обращался к нему несколько раз только потому, что он хотел, чтобы я финансировал его проект. Я не знаю, что он когда-либо усовершенствовал атомную энергию. Это все — видения курильщика опиума.

Молодой Чад Вальтерс и старый седеющий человек — доктор Таддеус Ли — смотрели мгновение в тишине на жирного мецената. Затем Вальтерс произнес с горечью:

— Вы не одурачите нас, Восс. Мы знаем, что Вы взяли тот циклотрон. И мы знаем, что Вы планируете продать его враждующим народам за границу. Для обогащения, Вы хотите выпустить атомную энергию, чтобы опустошить мир. Но Вы не должны делать этого!

Доктор Ли, пожилой астроном, заговорил впервые. Он имел тяжелый, задумчивый голос.

— Нет, Восс. Вы должны отдать нам этот циклотрон. Это — последний шанс спасти небольшое количество людей от прибывающей катастрофы.

— Прибывающей катастрофы? — повторил Восс. Он изумился. — О чем разговор?

— Земля и все живущие на ней люди погибнут в течение нескольких дней, возможно в течение нескольких часов, — ответил Таддеус Ли. Астроном говорил мягко, как если бы объясняя ребенку. — Большая масса мчится к Земле из внешнего космоса — астероид сошел со своей орбиты и летит к Земле. Когда он ударит в планету, все на Земле будет разрушено.

— Что Вы хотите этим сказать? — фыркнул Восс. — Да ведь если бы так действительно было, то все заголовки газет кричали бы об этом.

Ли покачал печально седой головой.

— Нет, Восс. Астрономы обнаружили подлет астероида. Они согласовали между собой, чтобы молчать об этом до самого конца. В муках нет никакой цели. Люди Земли ударились бы в бесполезную панику в последние часы. Только когда астероид войдет в нашу атмосферу и начнет гореть, тогда он станет видимым. Он пройдет быстро по спирали вокруг Земли и затем — удар!

Скептицизм явно сквозил в каждой линии полного розового лица Роска Восса. Но молодой Чад Вальтерс искренне продолжил обращение.

— Именно поэтому Вы должны дать нам циклотрон Финчли, Восс! Я — физик, Вы знаете. Когда доктор Ли рассказал мне о прибывающем бедствии, я построил ракету, которая позволит горстке людей убежать. Мы могли бы заполучить шанс сохранить нашу расу живой в другом мире. Но эта ракета не может оставить Землю без атомной энергии. Циклотрон Финчли должен был сделать это. Только циклотрон может сделать эту работу...

Восс захихикал. Его хихиканье перешло в смех, и его все жирное тело затряслось от радости.

— Я должен Вам двоим поаплодировать, Вы, конечно, изобретательны, — объявил он. — Ведь требуются умственные способности, чтобы выдумать косоглазую история, которая испугает меня, в чем я, собственно, уверен.

— Вы дурак. Все, что мы говорим Вам — правда! — вскричал Чад Вальтерс. Его измученное лицо пошло мертвенно бледной эмоцией. Он выхватил пистолет и направил его в грудь мецената. — Где украденный циклотрон, Восс? Где Вы его прячете? Быстро говорите или я выстрелю.

Восс следил за ним спокойно.

— Я не скажу Вам ничего. И Вы не будет стрелять. Если Вы это сделаете, то никогда не узнаете ничего от меня.

Чад Вальтерс стоял, его палец дрожал на спусковом крючке, его синие глаза — сверкали.

— Не стреляйте. «Чад!» — сказал быстро доктор Ли. — Если Вы убьете его, у нас не останется даже надежды на обнаружение циклотрона.

Вальтерс резко опустил свой пистолет. Роско Восс фыркнул в отвращении.

— Ваш небольшой дикий блеф не сработал, а? Теперь, господа, я предлагаю Вам уйти отсюда. Я — занятой человек.

Той ночью, Роско Восс прогуливался через Центральный Парк после его законного ужина. Он очень не хотел идти, но его врач предупредил, что тот должен гулять. Он ненавидел прогулку, но выполнял ее неукоснительно.

Когда он шел по темной гравийной дорожке, жирный маленький меценат посмотрел в звездное небо. Оно сверкало сиянием всех летних созвездий. Он захихикал снова, когда вспомнил о сделанной попытке блефа Ли и Вальтерса.

— Плохо они требовали тот циклотрон, — пробормотал он в удовлетворении. — Но они никогда не получат его. И они никогда не найдут, где я спрятал его. Враждующие народы предложат миллиарды за такое оружие, как это. Миллиарды мне!

Внезапно Восс услышал быстрый шаг позади него. Он начал оборачиваться вокруг, но что-то обрушилось на его голову, и он упал без сознания.

Когда сознание возвратилось, он лежал на спине. Гравий, который он Он почувствовал под собой гравий, и понял, все еще находиться на дорожке в парке. Высоко над ним протягивалось небо великолепных блестящих звезд.

Он попробовал встать, но обнаружил, что не может перемещаются, так как был связан по рукам и ногам, и закреплен надежно. Он не мог пошевелить мускулом или даже повернуть голову, когда лежал на спине. Двое мужчин склонились над ним.

— Это что — ограбление? — прорычал он. — Вы?

Это был Чад Вальтерс и доктор Ли. На двух мужских лицах был странный, фаталистический взгляд. Это, так или иначе, охладило Роско Восса.

— Вы собираетесь умереть, Восс, — сказал Чад Вальтерс. — Каждый когда-нибудь умирает. Немногие, кто, возможно, убежит в моей ракете погибнет также, потому что Вы не дали циклотрон.

Голос Вальтерса пронзительно возвысился.

— Вы проклятый денежный хапуга! Вы обрекаете наш единственный шанс для расового выживания. И когда наступит конец, Вы поймете это. Я последовал за Вами и оглушил Вас, чтобы смог наблюдать, как Вы корчитесь и визжите перед наступлением конца!

Голос доктора Ли был тяжелый, укоризненный.

— Чад, мой мальчик, этот даст отрицательный результат. Позволь человеку уйти. Он скоро будет мертв, во всяком случае, как все мы.

— Нет! — бушевал Вальтерс. — Когда наступит конец, я хочу слышать его визги о милосердии. Я хочу понять, из чего он сделан!

Роско Восс, связанный, слушал снизу в изумлении. Эти двое мужчин стоявшие над ним, мрачно выделялись напротив сверкающего звездного неба.

— О чем Вы говорите? — вскричал меценат. — Вы хотите уверить меня, что ваша история о падающем астероиде правда?

— Да, — ответил доктору Ли устало. — Мой последняя проверка два часа назад показала, что астероид — быстро приближается к атмосфере Земли. В любой момент...

— Смотрите! — закричал молодой Вальтерс.

Его голос был дрожащим, ужасным криком, когда он указал трясущимся пальцем на небо.

Двое мужчин смотрели пораженные и ошеломленные. И Роско Восс, связанный и лежащий на дорожке, мог видеть лучше, чем другие мужчины.

Холод ужаса запульсировал через вены мецената, пульсируя ледяной, отвратительной опасностью.

Среди звезд появилась яркая красная точка. Это была темно—красная искра, наклоненная поперек звезд по скользящему курсу. Растя стремительно в размере, она быстро расцветала в бриллиант, сверкающую луну.

— Мой Бог! — выдохнул Восс. — Это есть...

— Астероид! — сказал покорно доктор Ли. — Он уже наклоняется вниз через атмосферу Земли, сверкая от высокой температуры трения. Он летит по спирали вокруг Земли и затем рухнет. Когда это случится...

— С человечеством будет покончено! — зарыдал Чад Вальтерс. — Если только я, возможно, спас бы немногих!

Роско Восс был потрясен ужасным опасением. Он видел сверкающий Огонь Луны, сокращающийся поперек небес к горизонту. Это было ужасное зрелище. Долгие следы огня текли позади него в бледнеющих звездах.

Жестокий ветер начал повышаться и кричать вокруг него. Он услышал отдаленные вопли испуганных мужчин и женщин, над поднимающейся бурей. Звезды в зените изменились с бледного на зеленоватый оттенок.

— Воздушные потоки, вызванные мимолетным астероидом, — завопил Таддеус Ли. — Они будут хуже, когда он помчится назад, когда будет около поверхности.

— Разве мы не можем убежать? — закричал испуганный голос. — Еще есть время, чтобы установить циклотрон на вашу ракету?

— Нет, нет! — закричал Чад Вальтерс. — Вы не поверили нам, когда мы сказали, что произойдет. Вы разрушали единственный шанс того, чтобы остаток человечества мог бы выжить.

— Подождите, Чад — может быть бы все еще есть время! — прокричал доктор Ли, с измученной надеждой на его красновато—освещенном лице. — Ваша ракета прямо в Джерси. Она будет готова по крайней мере за час до падения астероида. Возможно, Вы могли бы получить циклотрон и

установить его за это время. Мы могли бы быть в состоянии улететь с несколькими людьми с Земли...

— Я скажу Вам, где спрятан циклотрон, если вы возьмете меня на ракету! — проболтался Роско Восс. — Туда я поместил его, когда украл из лаборатории Финчли, после того как он умер. Я прячу его в квартире, тайно арендованной мною. Я скажу Вам, где...

Он назвал адрес. Чад Вальтерс напрягся.

— Пошлите, доктор, — закричал молодой ученый.

— Но что относительно Восса? — возразил старый ученый.

— Оставим его здесь, — завопил Вальтерс. — Мы должны заполучить тот циклотрон.

Двое мужчин умчались. Восс, неспособный поворачиваться или перемещаться, закричал вслед. Его слова были отнесены далеко кричащим ветром.

— Подождите! — вскричал он дико. — Возьмите меня в свою ракету! Вы не можете оставить меня здесь умирать!

Не было никакого ответа, кроме ярости бури и тусклого шума из отдаленных, испуганных криков.

Горло Восса стало сухим от ужаса. Он был обречен как остальные на Земле. Он выбросил свой шанс выжить. Он должен умереть, когда астероид столкнется...

Он хрипло закричал снова. Но никто не ответил, никто не подошел. Он зарыдал, поскольку в панике понял, что никого нет в парке.

Затем его крики застряли в горле. Он напрягся, когда ярко светящийся в пылающем небе дикий астероид проносился на западе. Его быстрый, спиральный порыв вокруг Земли был закончен.

Теперь это была гигантская белая сверкающая сфера, которая покрывала одну треть неба. Она быстро становилась большой, в каждый быстрый, зловещий момент.

Восс знал, что он рухнет на поверхность Земли, с ужасно увеличенной скоростью. Огромное столкновение скоро произойдет.

— Я собираюсь умереть! — завыл он сквозь ветер и шум. — Я умру!

Сверкающий сложный лик астероида теперь колоссально вырисовывался, заполняя небеса сверху. Когда Восс лежал беспомощный, смотря на это расширенными глазами, он увидел, что пылающий астрономический монстр медленно вращался.

Он издал длительный, визжащий крик ужаса. Целое небо над ним ревело в пламени. Он услышал возвышающий, кричащий рев. И затем он соскользнул в милосердное бессознательное состояние...

Роско Восс почувствовал, что кто-то растирает его запястья. Он открыл глаза. Он лежал в странной, освещенной комнате огромного размера. Большой круглый зал, имел куполообразный белый потолок, который выгибался в вышине.

Вокруг него находились круглые ряды мест, а возле возвышался обширный, странный механизм, сформированный как гигантские гири.

Полицейские, одетые в синюю форму, собрались вокруг него. Восс встал на ноги. Он обнаружил, что лежал на массе из гравия, которая была распространена на полу комнаты.

— Я жив! — Восса душили слезы, текущие вниз его жирному лицу. — Конец мира не настал, в конце концов!

— Скажите, Вы пьяный или сумасшедший, мистер? — спросил хрипло полицейский.

Другой полицейский сообщал озадаченному капитану.

— Я не могу понять этого, сэр! — говорил полицейский. — Сторож здесь был насильно связан. Гравий был весь распространен вокруг на полу, и этот человеке был связан и брошен вниз на гравий. Большая машина ветра работала

полным ходом. И планетарий "Ночь конца света" только что закончил показ.

Ужасное подозрение зародилось в Роско Воссе.

— Планетарий? — закричал он. — Вы уверены в этом...

— Несомненно, это — планетарий, — сказал решительно капитан. — Теперь Вы нам, возможно, скажете, что это за дела.

Встревоженная реальность нахлынула на Роско Восса. Его обманули, аккуратно обманули Чад Вальтерс и доктор Ли!

Эти двое ученых, он знал, хотели завладеть циклотроном Финчли, чтобы удержать тайну атомной силы от того, чтобы ее использовали для войны. И они осуществили этот план, испугали его, и он предоставил им тайну!

Они подготовили его, предупреждая о приближении астероида к Земле. Затем они оглушили его, в то время как он совершал ночную прогулку в Центральном Парке. Они затянули его, когда он был без сознания в планетарий и связали его. Он не мог видеть, что-либо, кроме искусственного неба сверху. Они организовали спектакль в планетарии "Ночь конца света", со всеми реалистическими звуковыми эффектами.

И они испугали его так, что он сообщил им, где находится циклотрон. К настоящему времени Восс знал, что эти двое ученых обладают механизмом — и это было только модель!

— Я жду, чтобы услышать, что все это значит, мистер, — объявил полицейский капитан снова.

Восс застонал внутри. Он не мог пожаловаться полиции про циклотрон, украденный у него. Но он непосредственно первым украл его из лаборатории Финчли. И он ничего не мог сделать. Потеряны миллиарды!

— Это был всего лишь розыгрыш, я предполагаю, — сказал он капитану с замешательством.

И, горько, сказал он себе, это было правдой. Это была шутка, в этом дело — и шутка была над ним...

Как я теперь жалею, что в тот вечер мы заговорили о фантастике! Тогда меня не терзала бы сейчас эта странная, невозможная история, которую нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Но мы четверо — профессиональные писатели—фантасты, и, как мне кажется, подобный разговор был неизбежен. Все же мы не говорили на эту тему ни во время обеда, ни позднее, когда подали напитки. Сперва Мэдисон с восторгом описывал свою охотничью экспедицию, потом Брэзелл заговорил о спорте. А затем я заговорил о фантастике.

Вообще—то я не собирался начинать этот разговор, но успел выпить лишнюю порцию виски, а третья порция всегда настраивает меня на размышления. В тот раз меня поразило, насколько мы, писатели—фантасты, похожи на самых обычных граждан.

— Защитная окраска, вот что это такое! — объявил я. — Мы просто из кожи лезем, лишь бы не выделяться на фоне добропорядочных обывателей.

Брэзелл взглянул на меня, немного раздраженный таким заявлением:

— О чем ты говоришь?

— О нас. Как замечательно мы имитируем здравомыслящих и довольных людей. Но мы, все четверо, не удовлетворены повседневностью — и вы это прекрасно знаете. Нас просто тошнит от Земли и всех ее порядков, вот почему мы всю жизнь выдумываем один воображаемый мир за другим.

— Полагаю, такой пустячок, что нам за это платят, имеет к нашим фантазиям некоторое отношение? — скептически спросил Брэзелл.

— Разумеется, имеет, — признал я. — Но ведь мы выдумывали всякие невероятные миры и их обитателей задолго до того, как написали хотя бы строчку на продажу, разве не

так? Еще с самого раннего детства, верно? И источник наших фантазий в том, что мы не чувствуем себя здесь дома.

— Мы гораздо меньше чувствуем себя дома на большинстве из выдуманных миров, — фыркнул Мэдисон.

После его слов в разговор вступил Кэррик, четвертый из нашей компании, до сих пор с привычной молчаливостью сидевший со стаканом в руке и почти не обращавший на нас внимания.

Он вообще во многом странноватый. Мы не очень хорошо его знаем, но любим его и восхищаемся его рассказами. Он написал несколько замечательных повествований о воображаемой планете, тщательно проработав в них все детали и подробности.

— Как раз такое со мной и случилось, — сказал он Мэдисону.

— Что именно? — уточнил Мэдисон.

— То, на что ты намекал — я однажды описал вымышленный мир, а потом мне пришлось в нем жить.

Мэдисон рассмеялся.

— Надеюсь, местечко оказалось приятнее той дыры, где происходит действие моих баек.

Кэррик даже не улыбнулся.

— Я придумал бы эту планету совсем другой — если бы знал заранее, что мне предстоит на ней жить, — пробормотал он.

Брэзелл многозначительно взглянул на пустой стакан Кэррика, подмигнул нам и вкрадчиво произнес:

— Может, расскажешь нам о той планете, Кэррик?

* * *

Рассказывая, Кэррик медленно вертел в пальцах пустой стакан. Он ни разу не поднял на нас глаз и делал паузы после каждых нескольких слов.

— Все произошло после того, как я переехал и стал жить неподалеку от большой электростанции. На первый взгляд казалось, что я поселился в шумном месте, но на самом деле

здесь, на окраине города, было очень тихо. А мне была нужна тишина, чтобы писать рассказы.

Я сразу начал работать над новой серией рассказов, действие в которых происходит на неком вымышленном мире. Начал я с детальной разработки внешнего облика той планеты, а заодно и вселенной, в которой она находилась. Я сосредоточенно и упорно работал над этим целый день. А когда закончил, то услышал, как у меня в голове что-то щелкнуло.

Это странное и краткое мысленное ощущение каким-то причудливым образом ассоциировалось у меня с внезапной кристаллизацией. Я стоял и гадал, не сошел ли я с ума, потому что внезапно четко осознал значение этого щелчка — вселенная и планета, над которыми я размышлял целый день, где-то неожиданно выкристаллизовались в физическое существование.

Естественно, я отмахнулся от этой странной мысли и вскоре позабыл о ней. Но на следующий день все повторилось. Почти весь тот день я работал над жителями воображаемой планеты. Я сделал их людьми, но решил не делать их слишком цивилизованными, потому что тогда пропали бы конфликты и насилие, а вместе с ними и интрига в задуманных рассказах.

Поэтому я создал такой воображаемый мир, где люди лишь наполовину цивилизованы, придумал все их жестокости и предрассудки, мысленно создал их пышные варварские города. И едва я закончил… в голове у меня снова щелкнуло.

Во второй раз я испугался всерьез, потому что сильнее прежнего испытал то странную убежденность, что мои фантазии воплотились в ощутимую реальность. Я знал, что думать так безумие, и все же эта мысль отложилась в моем сознании с поразительной определенностью. Я не смог от нее избавиться.

Тогда я попытался воздействовать на нее логическими доводами. Если мое воображение действительно сотворило

целую вселенную и планету в ней, то, где они находятся? Конечно же, не в моем космосе. Он не может включать в себя две совершенно различные вселенные одновременно.

Но, может быть, эта планета и вселенная выкристаллизовались в реальность в другом, пустом космосе? В космосе, находящемся в другом измерении? В таком, где до сих пор имелись лишь свободные атомы, бесформенная материя, не принимавшая формы до того момента, когда моя сосредоточенная мысль каким-то способом не придала ей облик родившихся в моей голове образов?

Я долго размышлял, перебирая причудливые и странные мысли, возникающие всякий раз, когда вы пытаетесь применить законы логики к невозможному. Почему же мои фантазии не обращались в реальность прежде, а только сейчас? Что ж, у меня нашлось подходящее объяснение — соседство с крупной электростанцией. Не исключено, что она излучает какой-то непонятный поток энергии, фокусирующий мое сосредоточенное воображение и с огромной мощностью посылает его в пустой космос, где этот поток перемешивает бесформенную материю и придает ей тот облик, что родился у меня в голове.

Поверил ли я в это? Нет, но я знал, что все обстоит именно так. Существует значительная разница между знанием и верой. Кто-то даже отметил, что все люди знают, что умрут, но никто в свою смерть не верит. То же относилось и ко мне. Я знал: то, что мой вымышленный мир обрел физическое существование в космосе другого измерения, невозможно, и одновременно испытывал странную убежденность в том, что он реально существует.

А потом ко мне пришла новая мысль, интересная и забавная. Что случится, если я воображу в том мире с_е_б_я? Неужели и я стану в нем физически реальным? И я решил попробовать. Сел за стол, представил себя одним из миллионов обитателей воображаемого мира, выдумал строго реалистичный окружающий меня мир, историю моей семьи, собственную биографию. И услышал в голове щелчок!

Кэррик смолк, все еще глядя на пустой стакан, который он вертел между пальцев.

— И, разумеется, оказался там, — подсказал Мэдисон, — и над тобой склонилась прекрасная девушка, а ты спросили у нее "Где я?"

— Все оказалось не так, — хмуро ответил Кэррик. — Совсем не так. Я проснулся в другом мире, верно. Но это не имело ничего общего с обычным пробуждением. Я внезапно в нем оказался.

Да, я был самим собой — но таким, каким я вообразил себя в том мире. Тот, другой "я", всегда жил там, и все его предки тоже. Ведь я все это придумал, сами понимаете.

И в этом вымышленном мире я оказался столь же реальным для себя, каким был в мире родном. Вот что оказалось хуже всего — все в этом полуцивилизованном мире было полностью и несомненно реальным.

— Сперва он показался мне странным, — продолжил Кэррик, помолчав. — Я бродил по улицам этих варварских городов, вглядывался в лица прохожих, и у меня возникало желание крикнуть: "Я придумал вас всех! Вы не существовали, пока я вас не выдумал!"

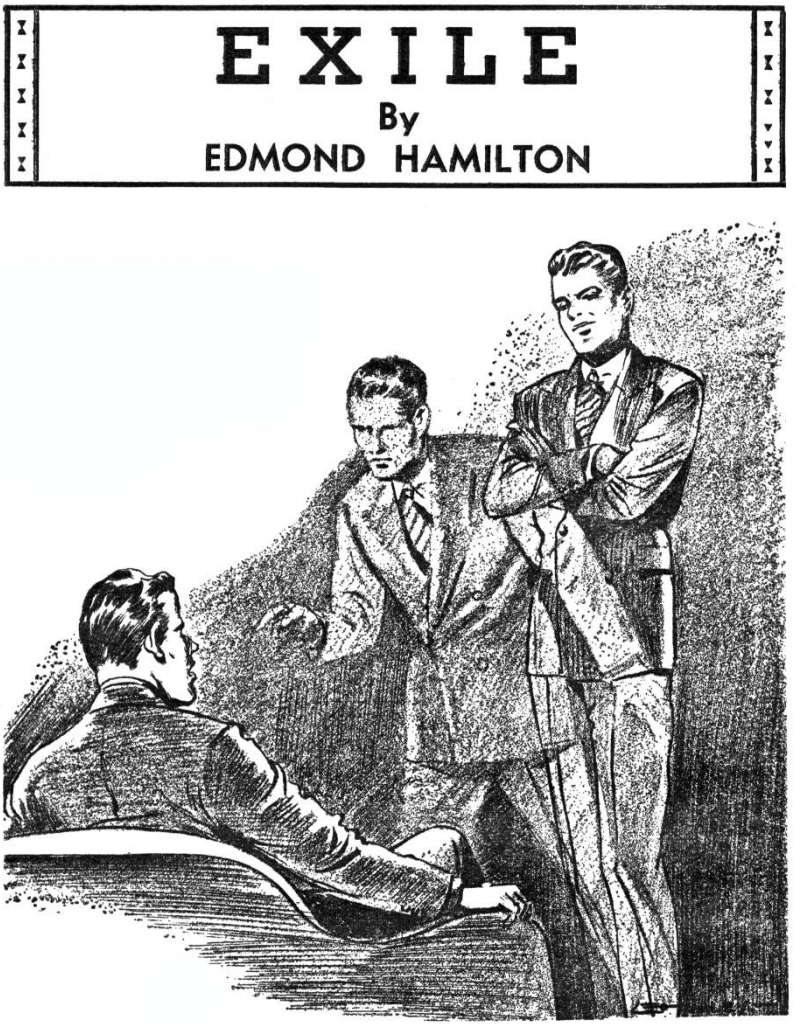
Но я не стал кричать. Мне все равно никто бы не поверил. Для них я был лишь обычным, ничем не примечательным членом их расы. Ну как могли они предположить, что они сами, все их традиции и многовековая история, их мир и вселенная внезапно возникли в моем воображении?

Когда первое возбуждение прошло, новый мир мне не понравился. Я сделал его слишком варварским. Дикарское насилие и жестокость, казавшиеся столь привлекательными в качестве материала для рассказов, в реальности оказались уродливыми и отвратительными. Мне хотелось только одного — вернуться в родной мир.

Но я не смог вернуться! Не было такого способа. Сперва я слабо надеялся, что сумею вернуться, вообразив себя в родном мире, но надежда не оправдалась. Таинственная

сила, сотворившая чудо, действовала лишь в одном направлении.

Мне стало весьма скверно, когда я понял, что навсегда останусь в этом уродливом и жестоком варварском мире. Поначалу мне даже хотелось покончить с собой. Но я этого не сделал. Человек может приспособиться к чему угодно. И я приспособился, насколько смог, к миру, который сам же и сотворил.



— И что ты там делал? — спросил Брэзелл. — То есть, чем занимался?

Кэррик пожал плечами.

— Я не знал никаких ремесел и ничего не умел делать в том мире. Кроме одного — сочинять истории.

Я невольно улыбнулся.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что начал писать там фантастические рассказы?

Кэррик кивнул.

— Пришлось. Ничего другого я не умел. Я писал рассказы о моем родном мире. Жителей другого мира воспринимали эти рассказы как плоды моего разыгравшегося воображения, и они им нравились.

Мы рассмеялись, но Кэррик остался совершенно серьезен. Мэдисон решил подыграть его шутке до конца.

— И как же ты в конец концов сумел вернуться домой из вымышленного мира? — спросил он.

— А я так и не вернулся, — ответил Кэррик, тяжело вздохнув.

— Да брось притворяться, — возразил Мэдисон. — Совершенно очевидно, что ты уже давно вернулся.

Кэррик поднялся, собираясь уходить, и печально покачал головой.

— Нет, я не вернулся домой, — спокойно произнес он. — Я все еще здесь.

В тот вечер Мерилл совсем пал духом. Он тревожился не за себя, но за старика в соседнем номере убогой гостиницы: этот худощавый седой человек в очках был одним из четверых крупнейших государственных деятелей послевоенной Европы.

После долгих лет изгнания Карлос Гвинард возвратился на родину, на Балканы, чтобы помочь своей несчастной стране выйти из хаоса, — только он один и мог бы тут помочь. Но в тот вечер даже Гвинард, измучась неудачами, в отчаянии признался, что не в силах удержать свой народ на краю пропасти.

— Слишком сильна нетерпимость, слишком много старых счетов и обид, слишком много честолюбцев, — печально сказал он Мериллу, когда закончилось последнее в тот день совещание. — Боюсь, надеяться не на что.

Мерилл был всего лишь скромный американский лейтенант, которому начальство поручило охранять старого государственного мужа, но за последние недели они с Гвинардом стали друзьями.

— Вы просто устали, сэр, — попытался он подбодрить старика. — Утро вечера мудренее, завтра вы увидите все не в таком мрачном свете.

— Боюсь, что для этой части Европы настанет долгая, долгая ночь, — пробормотал Гвинард.

Худые плечи его опустились, глаза, всегда живые, приветливые, потускнели и смотрели затравленно.

— Может быть, они мне помогут, — вдруг прошептал он. — Это против наших законов, но... — Он умолк на полуслове, ощутив на себе изумленный взгляд Мерилла. — Спокойной ночи, лейтенант.

Вот с этой минуты Мерилл и не находил себе места. Такой славный старик, и такой почтенный, его уважают во всем мире; тяжело видеть его угнетенным и отчаявшимся.

И ведь он взвалил на себя огромный, поистине геркулесов труд...

Мерилл подошел к открытому окну. Над темным, изуродованным бомбежками городом завывал леденящий ветер. На севере поблескивала под звездами река. Хоть война и кончилась, на этой земле еще почти всюду было темно. Быть может, если Гвинард потерпит неудачу, здесь и вовсе не засветятся огни?

Что это бормотал старик, какие такие «они» ему помогут? И что там против законов? Может, он затевает какое-нибудь тайное совещание? Уж не хочет ли он ускользнуть на это совещание без своего телохранителя?

Мерилл вдруг струхнул. Если он недоглядит и с Гвинардом что-нибудь стрясется, его, конечно, разжалуют, но дело не в этом. Просто он привязался к старику, а здесь, в темном городе, немало таких, что рады бы его прикончить, дай только случай. Нет, Гвинарду никак нельзя выходить одному...

Лейтенант подошел к соседней двери и прислушался. В спальне тихие шаги. Подозрительно! Уже час, как Гвинард ушел к себе. Видно, он и впрямь собирается украдкой выйти из дому?

Мерилл тихо приотворил дверь. И замер от неожиданности.

Гвинард стоял посреди комнаты спиной к нему. Над головой он держал карманные часы, пальцами другой руки перебирал по массивной крышке, усыпанной драгоценными камнями.

Уж не сошел ли он с ума? Ему так достается, мог и не выдержать... и, однако, в нелепом занятии старика Мериллу почудилась некая трезвая сосредоточенность.

Он не впервые видел часы Гвинарда. Любопытная штука: золотые, очень большие и тяжелые, и на крышке — сложный узор из крупных самоцветов.

Сейчас Гвинард, подняв часы над головой, нажимал поочередно на камни. В этом было что-то очень странное, зловещее, и Мерилл невольно шагнул ближе.

Вот он уже рядом со стариком, тот вздрогнул, обернулся.

— Назад, лейтенант! Не смейте!..

Все произошло мгновенно: Мерилл подошел вплотную к старику, тот в ужасе закричал, и от часов на них обоих упал тонкий, трепетный, слепящий луч.

Мерилла ослепило и словно бы ударило. Казалось, пол ушел из-под ног, и он падает, падает...

Сознания он не потерял. Но весь мир исчез, и он провалился в ревущую черную бездну. А потом его тряхнуло, и вот он, шатаясь, опять стоит на твердой земле.

Но не в номере гостиницы. Стены, пол, лампы — все исчезло, как по волшебству. Остался один только Карлос Гвинард — Мерилл все еще сжимает его худое плечо.

— Что... — только и вымолвил Мерилл, язык не повиновался ему.

Под ногами — трава, крутом какая-то туманная мгла. Они стоят под открытым небом, но ничего не разглядеть. Только вьется, завивается туман, а сквозь него пробивается слабый зеленоватый свет.

В этом зеленом отблеске он совсем близко увидел худое лицо и расширенные от ужаса глаза Гвинарда.

— Вы прошли со мной! — растерянно воскликнул старик. — Но... но такого никогда не бывало. Это запрещено! Вам здесь не место!

— Что случилось? — хрипло спросил Мерилл. Он ошеломленно озирался, но всюду клубился тот же безмолвный зеленоватый туман.

Мрачная, дикая мысль поразила его:

— Это был взрыв? Мы... мы убиты?

— Нет—нет! — поспешно успокоил Гвинард. Лицо его выражало безмерную растерянность и тревогу. Поглощенный Мериллом, он, видно, не замечал ничего вокруг. — Но вы, лейтенант... напрасно вы сюда попали. Знай я, что вы стоите

у меня за спиной... — Тут он взял себя в руки. — Придется отвести вас к остальным, — огорченно сказал он. — Другого выхода нет. А уж они решат, как быть. Если они не поймут...

Его тонкое, изможденное лицо омрачила какаЯ-то невысказанная забота.

Американец ничего не понимал. Хотел заговорить — и не мог. Уж слишком все это внезапно и непостижимо...

Он стоял и бессмысленно озирался по сторонам. Вокруг ни звука. И никакого движения. Только вьется зеленый туман, холодными влажными щупальцами неслышно гладит по лицу.

— Поймите, лейтенант, — настойчиво заговорил Гвинард. — Это ужасная, непростительная ошибка, вы нечаянно оказались в таком месте, где вам быть никак нельзя, нарушили величайшую, строго хранимую тайну.

— А что это за место? — глухо спросил ошеломленный Мерилл. — И как мы сюда попали?

— Послушайте, — медленно сказал Гвинард. — Раз уж вы тут, придется вам объяснить. Это не наша Земля. Это иной мир.

— Иной мир? — Мерилл силился понять. — То есть мы попали на другую планету?

Гвинард покачал головой.

— Нет, это не планета, известная науке. Это совсем другой мир, в ином пространстве и в ином времени. — Он растерянно запнулся. — Как вам объяснить? Я же не физик. Я и сам знаю только то, что мне говорили Родемос, Зискин и остальные. Ну, слушайте. Этот мир лежит в рамках иного пространства и времени, но он всегда рядом с Землею, они смежные. Их удерживает вместе — как это говорил Зискин? — взаимное притяжение между разными измерениями. Этот мир нераздельно связан с Землей, и, однако, земляне не могут ни увидеть его, ни прикоснуться к нему.

У Мерилла пересохло в горле, сердце забилось чаще. Он начал что-то понимать.

— Я читал, что есть такие смежные миры, — медленно проговорил он. — Но как мы сюда попали?

Гвинард показал на свои часы с причудливым узором из крупных камней на крышке.

— Вот что нас сюда привело. Это не часы, только похоже. Инструмент невелик, но он дает довольно энергии, чтобы перебросить нас сюда с Земли. Этот мир известен уже тысячи лет. Дорогу сюда открыл один ученый еще в древней Атлантиде. Секрет передается из поколения в поколение, его знают лишь немногие избранные.

— Значит... — Мерилл пытался понять. — Значит, во все времена какие-то люди об этом знали? — Он порывисто указал на клубившиеся вокруг зеленые туманы.

Гвинард наклонил седую голову.

— Да. В каждую историческую эпоху крупнейших людей посвящали в тайну и вверяли им драгоценный Знак, который открывает доступ сюда. Не хочу сказать, что и я достоин быть среди великих, но так решили другие и ввели меня в свой круг. И все члены этого тайного земного братства, сыны всех былых и грядущих веков, часто встречаются здесь, в этом мире.

Мерилл был поражен.

— Как, здесь сходятся люди из прошлого, настоящего и будущего?! Но ведь...

— Я же вам говорил, что этот мир находится вне нашего земного пространства и времени. На Земле проходит тысяча лет, а здесь — несколько дней. Время здесь иное. — Он поискал понятный пример. — Вот вы представьте: земные столетия — будто комнаты вдоль одного коридора. Из одной комнаты в другую, из века в век попасть нельзя. Но если иметь ключ, обитатели всех комнат, всех веков могут выйти в коридор — он для всех общий, и здесь они встречаются.

Измученное лицо его снова потемнело.

— Сегодня я пришел просить у братьев помощи. Пусть помогут спасти мою страну от анархии. Это моя последняя

надежда. Законы нашего братства запрещают нам помогать друг другу в таких делах. Но теперь...

Он схватил Мерилла за руку.

— Медлить больше нельзя. Придется вам пойти со мной, хоть вы и непосвященный.

И, не выпуская руки Мерилла, чуть не волоча его за собою, старик поспешно зашагал сквозь зеленую мглу. Они шли по густой траве, по волнистой равнине, изредка пересекая небольшие ручейки. Вокруг по-прежнему ничего не было видно, кроме тумана, и нигде — ни звука, ни признака жизни.

Лейтенанту Мериллу казалось, будто он видит дурной сон. То, что он услышал от Гвинарда, не укладывалось в голове. Тайное братство величайших людей всех времен, ключ

к неведомому миру, передаваемый посвященным, чтобы они могли сойтись все вместе из глуби разных веков... Невероятно, непостижимо!

— Est Guinard? Salve![1]— окликнул звучный голос.

Гвинард остановился, обернулся, вглядываясь в туман.

— Salve, frater! Quis est?[2]

И торопливо шепнул Мериллу:

— Мы ведь не можем обойтись без общего языка. Вот и говорим по-латыни. Кто не знал ее прежде, тем пришлось выучиться. А вы латынь знаете?

— До войны я учился на медицинском, — пробормотал Мерилл. — А кто это?..

И тут из тумана возник человек, подошел к ним и весело поздоровался.

— Так и думал, что увижу тебя сегодня, Гвинард, — оживленно сказал он. — Как дела в твоем странном веке?

— Нехорошо, Эхнатон, — отвечал старик. — Потому я и пришел. Мне нужна помощь.

— Помощь? От нас? — переспросил человек по имени Эхнатон. — Но ты же знаешь, мы не можем...

Он оборвал себя на полуслове и уставился на Мерилла. А Мерилл в свою очередь с удивлением разглядывал его.

Человек этот был совсем молод; худощавое, смуглое, одухотворенное лицо, сияющие глаза. И очень странная одежда: полотняный плащ поверх короткой туники, темные волосы перевиты змейкой кованого золота, с шеи на цепочке свисает сверкающий диск, и на нем выложен из драгоценных камней причудливый узор таинственного Знака.

— Эхнатон царствовал в Египте в четырнадцатом веке до нашей эры, — поспешно объяснил Гвинард. — Вы, наверно, слышали о нем, даже если и не сильны в истории.

Эхнатон! Мерилл не верил глазам. Да, он слышал о правителе древнего Египта, о первом великом государственном

---

[1] Это ты, Гвинард? Приветствую тебя! (Лат.)

[2] Приветствую тебя, брат! Кто это? (Лат.)

муже в истории человечества, который на заре времен мечтал о всеобщем братстве.

— Этот человек — чужой, — с недоумением сказал египтянин. — Зачем ты его привел?

— Я не хотел, это вышло нечаянно, — быстро ответил Гвинард. — Я все объясню, когда придем в гостиницу.

— Вот она, — кивком показал Эхнатон. — Судя по шуму, сегодня собралось много народу. Надеюсь, что так: в прошлый раз я застал только Дарвина да этого упрямца Лютера, и мы спорили до хрипоты.

Впереди в тумане зарделся теплый, приветливый свет, он падал из окон низкого, приземистого строения, которое спутники Мерилла называли гостиницей.

Странный это был дом. Одноэтажный, сложенный из бревен и темного камня, в этой тишине и в тумане он казался призрачным, неправдоподобным. Вокруг раскинулся сад и парк.

Гвинард распахнул дверь, и их обдало светом, теплом, разноголосым гулом спора. Раздались приветственные оклики по—латыни:

— А, Гвинард! Иди-ка, послушай! Зискин и старик Сократ опять взялись за свое!

Мерилл стоял и смотрел во все глаза. Перед ним было просторное помещение — общая зала, как на обыкновенном постоялом дворе, бревенчатые стены, выложенный каменными плитами пол. Сбоку — огромный очаг, в котором пылает огонь, его-то пляшущие отблески, да еще красноватое пламя светильников по стенам, и освещают комнату.

Посередине расставлены длинные столы. И вокруг самого большого, на котором, всеми сейчас забытые, стоят чаши с вином, собралась престранная разноликая компания.

Рядом с человеком в сверхсовременном костюме со множеством молний сидит рослый римлянин в бронзовых латах; подле старого—престарого китайца с лицом как печеное яблочко — исполненный достоинства бородатый мужчина в

брыжах елизаветинских времен и коротких панталонах в обтяжку; веселый малый, разряженный пышно и крикливо по французской моде шестнадцатого века, развалился по соседству с плотным суровым человеком в тусклой пуританской одежде американца времен Войны за независимость. А в дальнем конце стола застыл в раздумье кто-то молчаливый, закутанный в подобие темного плаща с капюшоном, лицо у него очень бледное и какое-то странное, нельзя понять, стар он или молод.

И вся эта удивительно пестрая компания, кроме задумчивого молчальника в плаще с капюшоном, горячо и шумно о чем-то спорит. Два главных спорщика — красивый молодой человек в странном блестящем одеянии, словно сплетенном из металлических нитей, и коренастый грек со сломанным носом и умными зоркими глазами. Значит, это они и есть — Зискин и... и Сократ? — в изумлении подумал Мерилл.

К вновь прибывшим вперевалку подошел толстяк с круглым добродушным лицом, одетый как житель древнего Вавилона. В руках у него были полные чаши вина, и Мерилл понял, что это — хозяин гостиницы.

— Добро пожаловать, друг Гвинард! — прогудел он. — Здравствуй и ты, Эхнатон, только смотри, больше не заводи богословских споров.

И тут он заметил стоящего чуть позади Мерилла. Улыбка сбежала с его лица.

— А это кто такой?!

Слова эти прогремели на всю залу — спорщики разом умолкли, все взгляды обратились к вошедшим.

Высокий лысый римлянин с мрачным взором отставил кубок, подошел и остановился перед Мериллом.

— Как ты сюда попал? — резко спросил он. — Есть у тебя Знак?

— Подожди, Цезарь, — мягко, но настойчиво сказал Гвинард. — Знака у него нет. Но попал он сюда не по своей вине.

Цезарь? Юлий Цезарь? Не в силах вымолвить ни слова, Мерилл смотрел на римлянина.

Вмешался еще один из застольцев — спокойный, серьезный, в костюме времен королевы Елизаветы:

— Ты меня помнишь, Гвинард? Я Фрэнсис Бэкон. Позволь узнать, где вы с Эхнатоном нашли этого человека?

Правитель Египта отстраняюще поднял руку:

— Я его не знаю, мы только что встретились.

— Его зовут Мерилл, он пришел со мной, — заторопился Карлос Гвинард. Голос его зазвенел от волнения. — Это моя вина. По оплошности я не заперся, в последнюю минуту он вошел ко мне, и сила Знака перенесла его сюда вместе со мною. Всему виной моя неосторожность. Но я сегодня совсем обезумел от горя. Там, в моем веке, страна моя на краю гибели. Я должен ее спасти. Я пришел к вам просить о помощи!

Красивый юноша в гибком одеянии из металлических нитей посмотрел на него, будто не веря.

— О помощи? Но ты же знаешь, Гвинард, мы не можем помочь тебе сделать что-либо в твоем времени!

— Зискин прав, — кивнул Фрэнсис Бэкон. — Ты и сам это знаешь, Гвинард.

— Но мне необходима помощь! — вне себя крикнул Гвинард. — Среди вас есть люди из грядущего, ваши знания, ваша мудрость могут спасти миллионы моих соотечественников. Выслушайте меня!

Поднялся шум, но его оборвал холодный голос Цезаря:

— Всему свой черед. То, о чем ты просишь, Гвинард, очень серьезно. О человеке, которого ты нечаянно привел с собою, поговорим после. Тогда и решим его судьбу. Садитесь, вы все, и выслушаем, что скажет Гвинард.

Мерилл понял, просьба Гвинарда для всех — точно взрыв бомбы. Вновь усаживаясь по местам, все говорили горячо и взволнованно, один лишь задумчивый человек в плаще с капюшоном не пошевелился и не произнес ни слова.

Эхнатон усадил Мерилла за стол рядом с собою, и Мерилл встретил его дружелюбный взгляд.

— Должно быть, тебе все это странно? — сказал египтянин под общий оживленный говор. — Мне тоже было странно, когда я попал сюда впервые. Я едва осмелился воспользоваться Знаком.

— А кто передал тебе Знак? Как тебе все это открылось?

— Первым нашел путь в этот мир Родемос, атлант, сегодня его здесь нет, — объяснил Эхнатон. — Он передал секрет другим, его доверяют лишь двоим—троим в каждом поколении. Я думаю, ты слышал почти обо всех, кто собрался здесь сегодня. Но, конечно, есть и такие, что пришли из твоего будущего.

И Мерилл услышал, что красавец Зискин — великий ученый из Антарктиды тридцать первого века. Старик китаец с лицом, изрезанным морщинами, — это Лао Цзы из шестого века до Рождества Христова, а его смуглый стройный сосед — голландский философ Спиноза. Рядом с великим буддийским императором Ашокой сидит плотный насмешливый Вениамин Франклин, дальше — Джон Лоринг, прославленный космонавт двадцать пятого века, а напротив них — весельчак Франсуа Рабле.

— Просто не верится, — сказал Мерилл. — Я читал и слышал почти про всех, кто тут есть, — и про Цезаря, и про тебя... Знаю, сколько лет вы жили и как умерли...

— Молчи! — гневно перебил Эхнатон. — Здесь не принято говорить человеку о его будущем, даже если знаешь это из истории. Не так—то приятно услышать, что тебя ждет.

Мерилл снова невольно взглянул в дальний конец стола, туда, где за шумными, взволнованными спорщиками, странно молчаливый и неподвижный, сидел человек в плаще с капюшоном. Какое необыкновенное лицо совсем молодое, без единой морщинки, а темные пристальные глаза смотрят, словно сама старость.

— Кто это? — спросил он египтянина.

Эхнатон пожал плечами.

— Это Su Suum, он никогда не говорит о себе. Мы знаем только, что он из очень далекого будущего, дальше даже, чем век Зискина. Он приходит часто, но всегда только молчит и слушает.

И опять над шумным спором, разгоревшимся из-за просьбы Гвинарда, раздался резкий голос Цезаря:

— Умолкните наконец! Выслушаем, что скажет Гвинард!

Все притихли, выпрямились, все взоры обратились на Гвинарда. Франклин шелковым платком протер очки в стальной оправе, Рабле залпом осушил чашу вина и со вздохом отставил ее.

Мерилл опять и опять обводил всех взглядом — от своего соседа Эхнатона, владыки древнего Египта, и до безмолвного Su Suum'а, пришельца из далекого будущего.

— Так же, как и вы, я знаю законы нашего братства, — горячо заговорил Гвинард. — Первый закон: хранить в тайне существование здешнего мира и наши встречи. Второй: передавать Знак, символ нашего содружества, лишь тем, кто чужд своекорыстия. И третий закон: ни один земной век не должен через нас менять что-либо в другом. И все же сегодня я прошу вас сделать исключение и преступить третий закон. Я пришел к вам от имени моих соотечественников, я прошу: помогите нам, спасите народ и страну, которым в двадцатом веке грозит страшное несчастие и гибель!

И он стал рассказывать о своей стране: после всех бедствий войны ей грозят анархия и террор, погибнут миллионы людей. И он бессилен остановить надвигающуюся беду.

Лоринг, космонавт двадцать пятого века, перебил его:

— Но ведь, судя по тому, что я читал из истории вашего века, эти бури в конце концов утихнут.

— Да, утихнут, но прежде миллионы людей будут влачить голодное, тяжкое и безрадостное существование! — возразил Гвинард. — Для того я и прошу вас о помощи, чтобы этому помешать.

— Скажи яснее, — пытливо глядя на него, спросил Сократ. — Какой помощи ты ждешь от нас?

Гвинард посмотрел на Зискина, на Джона Лоринга и Su Suum'a.

— Вы трое принадлежите далекому будущему, в ваше время наука открыла много такого, о чем мы и не подозреваем. Быть может, кто-нибудь из вас подскажет средство успокоить мой народ, внушить ему дух доброй воли и согласия?

Su Suum по-прежнему хранил молчание и невозмутимо слушал. Но юный Зискин медленно произнес:

— Да, у нас в Антарктиде психомеханики давно уже решили эту задачу. У нас есть аппарат, испускающий особые лучи, они воздействуют на психику отсталых народов и склоняют их к миру и согласию.

— Открой мне секрет этого аппарата, и я спасу миллионы моих современников от страшных бедствий! — взмолился Гвинард.

Мерилл видел, что все смутились. Молча, с тревогой смотрели они друг на друга. Потом медленно, с трудом выговаривая латинские слова, заговорил старик Лао Цзы:

— Не советую так поступать. Это значило бы нарушить законы времени, законы бесконечности, отделяющей на Земле один век от другого. Века перепутаются, настанет смятение, и оно может повлечь за собою великие бедствия для всей Вселенной.

— Как это может повредить Вселенной? — пылко возразил Эхнатон. — Гвинард никому не раскроет секрет аппарата. И сохранит множество жизней. Так преступим на этот раз закон и поможем ему!

Лоринг, космонавт, озабоченно посмотрел на лысого грека, своего соседа:

— Ты один из мудрейших среди нас, Сократ. Что скажешь ты?

Грек задумчиво потер нос.

— По моему мнению, все предметы вне нас — лишь тени и отражения идеала, и я полагаю, что пойти наперекор

идеальным законам Вселенной и нарушить пределы земного времени весьма опасно.

— А я другого мнения, — спокойно, отчетливо произнес Фрэнсис Бэкон. — Некогда я писал, что наша цель — распространить владычество Человека во всей Вселенной. Отчего бы нам не покорить и время, как мы покорили пространство?

Спиноза и Франклин глядели с сомнением. И опять нетерпеливо заговорил Цезарь:

— Болтовня, болтовня... слишком много слов. Гвинарду нужны дела, нужна помощь. Так что же, поможем мы ему?

— Опять скажу: надо помочь! — вскричал Эхнатон. — Почему будущее не может помочь прошлому? Ведь прошлое всегда помогает будущему!

Рабле печально покачал головой:

— Люди глупы. Пусть бы соплеменники Гвинарда позабыли ненависть и надежды и пили вино, тогда им не о чем будет горевать.

— Гвинард, — озабоченно сказал Зискин, — наши, видно, полагают, что то, о чем ты просишь, слишком опасно.

Старик ссутулился, словно на плечи ему легла непомерная тяжесть.

— Так, значит, я не смогу помочь моему несчастному народу...

И опять все громко заспорили. Мерилл больше не слушал.

Он посмотрел на лицо Гвинарда, искаженное горьким отчаянием, и в нем вспыхнула сумасбродная решимость.

— Есть только один способ добиться своего, Гвинард, — прошептал он. — Вот так!

Он выхватил из внутреннего кармана плоский револьвер и прицелился в Зискина.

— Я предпочел бы обойтись без этого, — сказал он удивленным людям. — Но я своими глазами видел, что творится в этой несчастной стране. Вы должны помочь Гвинарду. Дайте ему этот аппарат — или...

— Что «или», человек из прошлого? — с легкой улыбкой спросил Зискин.

Чуть заметное движение руки — и с браслета, который охватывал его запястье, метнулся зеленый огонек. Рука Мерилла повисла, как парализованная. Револьвер выпал из онемевших пальцев.

В тишине громко рассмеялся Цезарь:

— А мне нравится этот дурень! Он, по крайней мере, не только болтает, он пытается действовать.

— Он на деле доказал, что люди его века еще варвары и им нельзя доверить знания Зискина, — резко возразил Лоринг.

Гвинард, потрясенный, смотрел на Мерилла.

— Что вы наделали, лейтенант!

И вдруг над шумом спора, который после выходки Мерилла и его бесславного поражения разгорелся с новой силой, прозвучал медленный, холодный голос:

— Хотите меня выслушать, братья?

Это говорил тот, кто сидел в дальнем конце стола, человек в плаще с капюшоном — Su Suum, тот, кто всегда безмолвствовал.

Зискин, Цезарь, Франклин — все, кто здесь был, разом замолчали, пораженные. Все взгляды обратились к Su Suum'у.

— Вы часто пытались понять, кто я, — негромко заговорил он. — Я сказал вам, что пришел из далекого будущего Земли — и только. Я предпочитал слушать. Но сейчас, пожалуй, мне следует сказать свое слово.

Да, я пришел из далекого грядущего Земли. По вашему счету из 14—тысячного века.

— Так далеко! — прошептал пораженный Зискин. — Но ведь...

Странно юное и вместе безмерно старое лицо осталось бесстрастным.

— Кто я? — продолжал Su Suum спокойно. — Я — последний.

Мерилл похолодел.

— Это значит... — пробормотал изумленный Сократ.

— Да, — подтвердил Su Suum. — Это значит, что я последний из людей. Последний сын племени, к которому принадлежали вы все.

Невеселый взгляд его устремился куда-то в непостижимые дали пространства и времени.

— Мне знакома вся история человечества. Я мог бы вам рассказать ее до конца — о том, как в тридцать четвертом веке с Земли улетели первые звездные колонисты, а в сто восьмом, когда она совсем остыла, ее покинули последние люди; о том, как за тысячи тысяч лет человечество заселило иные галактики и создало во Вселенной империю, чью мощь и великолепие вы бессильны вообразить.

И еще я мог бы вам рассказать, как за долгие, долгие века гасли и умирали галактики и с ними под конец обессилела и погибла вселенская держава. Настали эпохи, когда все меньше становилось обитаемых миров, могущественная межзвездная империя многомиллионного человечества пережила неизбежный упадок, и наконец осталась лишь горсточка людей на умирающей планете, далеко отсюда, на другом краю нашей галактики.

Я — последний из этих последних. Последний из тех, кто уцелел в померкшей, умирающей Вселенной. Со мною завершается славная история человечества — ибо где-то когда-то она неминуемо должна была завершиться, и все мы это знали.

Мне было одиноко в безрадостной, умирающей Вселенной. И перед смертью я решил вернуться на маленькую планету, где впервые возникло человечество, на Землю. В мой век она — мертвая, оледенелая, пустынная, и я на ней один. Вот почему при помощи Знака, что дошел до меня через долгие века, я приходил к вам. Много раз сидел я здесь с вами, люди прошлого, и слушал речи разных веков. И как бы заново переживал славную сагу нашего племени.

Все, кто здесь был, — разные люди разных эпох — не сводили с говорившего изумленных глаз, словно перед ними

был призрак, побывавший по ту сторону смерти. Наконец Лао Цзы промолвил:

— Так скажи нам, последний из людей, что ответить нам на просьбу Гвинарда?

И медленно отвечал Su Suum:

— Скажу вам: даже если б возможно было преступить границы земных веков и не вызвать этим катастрофы, даже если б вы могли таким образом избавить свои народы от смятения и от борьбы — многого ли вы этим достигнете? Какое бы могущество вы ни завоевали, каких бы вершин ни достигли, в самом последнем счете все кончится мною. Человечество погибнет, история его завершится, и все великие цели, к которым вы стремитесь, обратятся в прах, в ничто. И потому не так уж важно, если вы и не достигнете цели. Важно иное: каковы вы в своей повседневной борьбе, важны ваше мужество и доброта. Пусть вы воплотили в жизнь самую лучезарную утопию ваших грез — рано или поздно она погибнет. Но ваша ежечасная борьба, ваше мужество, запечатленное на страницах прошлого, не погибнут вовеки.

Он умолк. Поднялся Гвинард, и в глубокой тишине Мерилл услышал его дрожащий от волнения голос:

— Я получил ответ из-за грани времен. Ты дал мне мужество, о котором говоришь.

Остальные молчали, он обвел их взглядом.

— А теперь мне пора. Вы позволите моему молодому другу возвратиться со мною? Обещаю вам, он будет молчать.

Минуту все медлили в сомнении, потом Цезарь махнул рукой:

— Отпустим его, друзья. На Гвинарда можно положиться.

Гвинард поднял золотой Знак над собою и Мериллом, тронул самоцветы на крышке. Слепящий луч упал на лейтенанта, и он потерял сознание.

Мерилл очнулся, в глаза ему било солнце. Недоумевая, он сел, огляделся — оказалось, он сидит на диване в убогом номере гостиницы.

Над ним наклонился Гвинард.

— Я вижу, вчера вечером вы тут уснули, лейтенант.

Мерилл вскочил на ноги.

— Гвинард! Значит, мы вернулись на Землю! Они отпустили меня!

Старик озадаченно поднял брови.

— Как так — вернулись на Землю? О чем это вы? Вам что-то приснилось?

Мерилл схватил его за руку.

— Это был не сон! Мы с вами были там, и Цезарь, и Сократ — все! И этот Su Suum, боже милостивый!.. Последний из людей...

Гвинард ласково потрепал его по плечу:

— Ну-ну, лейтенант, вас, видно, кошмары мучили.

Мерилл широко раскрыл глаза. Потом сказал медленно:

— Кажется, я понимаю. Вы обещали, что я буду молчать. Конечно, если вы станете притворяться, что ничего такого не было, мне придется молчать — все равно никто не поверит.

Старик покачал головой:

— Прошу извинить, но я никак не пойму, о чем это вы.

У Мерилла голова пошла кругом. Неужели ему и впрямь просто приснилось это братство веков? Но если так...

— Ну, хватит, — сказал Гвинард. — Пора и за дело. Может быть, мы все-таки сумеем вызволить мой народ из беды, а может быть, и нет. Но надо попытаться.

— А вчера вечером вы уже ни на что не надеялись... — задумчиво сказал Мерилл.

— Вчера мною овладела слабость, — спокойно ответил Гвинард. — Я забыл, что главное не в том, выиграли мы битву или проиграли, главное — как мы держимся в трудный час. Больше я не поддамся слабости.

Слова Su Suum'а эхом отдались в мозгу Мерилла. Так, значит, то был не сон, хоть Гвинард никогда в этом не признается и ему, Мериллу, никогда никого в этом не убедить.

И Гвинард знает, что он все понял: взгляды их встретились, минуту они молча смотрели прямо в глаза друг другу. Потом старик повернулся к двери.

— Идемте, лейтенант. Нас ждет работа.

Вначале этот мир не выглядел опасным. Темный, покрытый льдом, безжизненный. Не было никакого намека на то, что скрывалось на этой планете. Единственное, что занимало нас: погибнем ли мы, когда искалеченный корабль ударится о поверхность?

Кораблем управлял Тарн. Все надели скафандры в надежде, что они спасут нас, если корабль разобьется при посадке. В массивных скафандрах мы напоминали трех странных, толстых роботов.

– Нам везет, как покойникам! — раздался в динамике мрачный голос Дрила. – Угодить в такую переделку в самой заброшенной дыре во всей галактике!

– Радуйся, что достиг хоть какой-то звезды с такими-то двигателями, – пробормотал я.

– Радоваться, Орок? – с горечью повторил Дрил. – Радоваться из-за того, что агония продлится еще несколько дней? Ведь спастись нам не удастся.

Раскинувшаяся перед нами звездная система выглядела не самым лучшим местом для аварийной посадки. В этом районе на самом краю галактики большинство звезд были древними, умирающими красными карликами. Шесть миров вращалось вокруг звезды, возле которой мы оказались. Мы направились в глубь звездной системы в поисках пригодной для жизни планеты. Но сейчас мы уж совершенно ясно видели, что ничего похожего в этой звездной системе нет. Перед нами оказался лишенный воздуха шар, закованный в панцирь снега и льда.

Другие пять планет выглядели еще менее привлекательно. К тому же в любом случае мы не могли изменить курс. Мы даже сомневались, сможет ли наше судно, не разбившись, приземлиться на двух стандартных генераторах. Смерть была рядом, и мы знали об этом. Однако не дрогнули. Нет, мы не были героями. Но мы принадлежали

Звездной Службе и привыкли к риску; смерть всегда маячила у нас за спиной.

Много астронавтов из Звездной Службы погибли в бескрайних просторах, нанося на карты отдаленные уголки галактики. Маленькие корабли, вроде нашего, добирались до самых далеких звезд, но только две трети из них возвращались назад. С остальными произошли различные несчастные случаи – вроде того, что случился с нашими генераторами при проходе через облако межзвездной пыли...

– Сейчас мы сядем, – опечалил нас голос Тарна. – Я попытаюсь скользнуть вдоль поверхности, но шансы малы. Пристегнитесь получше.

Используя, неуклюжие манипуляторы костюмов, мы вцепились в поручни кресел, надеясь на чудо. Дрил внимательно смотрел на большой белый шар внизу, который увеличивался в размерах.

– Тут повсюду глубокий снег. Быть может, это смягчит наше падение. – Да, – ответил Тарн. – Но корабль похоронит под снегом. На льду. даже если мы разобьемся, нас увидят. Спасатели станут искать обломки, но, если не увидят их сразу, долго искать не будут.

На мгновение меня охватила радость от осознания того, что я —один из астронавтов Звездной Службы, и я с презрением взглянул на подстерегающую опасность.

– Сейчас, сейчас... – пробормотал Дрил, внимательно глядя на экраны.

Ледяная поверхность приближалась с кошмарной скоростью. Я " напряженно ждал, что же предпримет Тарн. Он выжидал до последнего момента. Потом переключил силовые установки, и два оставшихся генератора энергии взревели на пределе мощности.

Им удалось проработать всего несколько секунд, но этого оказалось достаточно. Тарн умело вывел наш корабль из пике и попытался погасить скорость. Скользнув по поверхности, мы приземлились более или менее удачно. Невозможно представить ту бесконечно малую грань, что

отделяла нас от аварии. Включи отражатели чуть раньше – и пронесешься мимо цели. Чуть позже – и тебя размажет по земле... В этот раз Тарну повезло. Или, скорее, дело тут не в удаче, а в инстинкте пилота. В любом случае несколько мгновений наши жизни висели на волоске. Но вот генераторы взвыли, мы с грохотом ударились о поверхность, и наступила тишина.

Корабль лежал на ледяной поверхности планеты. Корма смялась, и обшивка в одном месте разошлась. В один миг воздух вихрем вырвался наружу, но скафандры спасли нас.

– Мы сели! – радостно взревел Дрил. – Я уже не верил в спасение. Тарн, ты настоящий ас.

Но Тарн не радовался вместе с нами. В отличие от нас он не при—стегивался и теперь стоял, разглядывая высветившуюся на экране панораму. В своем скафандре он выглядел немного смешным.

– Мы спаслись, но смерть по-прежнему стоит у нас за спиной, – пробормотал он. – Мы попали в ловушку.

Он говорил правду. Маленькая планета на краю галактики принадлежала одной из самых отдаленных звездных систем. Тут не было ничего, только лед и холод. Ледяные поля простирались во все стороны – ровная белая равнина. На планете отсутствовала атмосфера. Без сомнения, глубокие снежные сугробы были замороженным воздухом. Над ледяной равниной распростерлось темное небо. И только на одной трети небосвода горели звезды – ведь планета была форпостом нашей галактики.

– Генераторы корабля вышли из строя, – продолжал Тарн. – Связи с базой нет. Обшивка пробита, и мы потеряли много кислорода... Наш единственный шанс на спасение, – продолжал он, сделав многозначительную паузу, чтобы мы осознали всю бедственность положения,

– обнаружить на этой планете тантал и другие необходимые металлы. Тогда мы попытаемся залатать обшивку и починить генераторы... Дрил, включи геосенсор.

Этот прибор использовался для поиска залежей металлов на неисследованных планетах. Он посылал особые лучи, которые прощупывали кору планет, по отраженному сигналу определял состав почвы.

Дрил приготовил геосенсор к работе, настроив его на поиск редких металлов, в которых мы нуждались. Оставалось ждать, когда прибор выдаст необходимую информацию.

– Невероятная удача! – наконец воскликнул Дрил. – Залежи тантала и других необходимых нам металлов совсем рядом. Правда, они скрыты подо льдом!

– Слишком уж все удачно получается, – удивленно проговорил я. —Месторождения этих металлов никогда не бывают вместе.

Тарн стал быстро производить какие-то расчеты.

– Мы снимем оборудование с корабля и с легкостью растопим лед.

Подготовка отняла у нас очень мало времени. Вскоре мы собрались в дорогу. Замороженный мир под небом, больше напоминающим черную пустоту межгалактического пространства... До аварии мы нанесли на карты дюжину миров, но этот был самым мрачным из всех. Вот планета повернулась в сторону межгалактической бездны, и стало еще темнее. Наши криптонные лампы, с трудом разгоняя тьму вечной ночи, прочертили по льду узкие тропинки. Металлические подошвы скафандров скользили по льду. Немедля мы отправились в путь, корректируя движения. Наконец, после нескольких часов изматывающей пешеходной прогулки, Дрил жестом приказал нам остановиться.

– Мы почти у цели, – объявил Дрил.

– Она в какой-нибудь сотне метров под нами.

Мы стояли на вершине ледяного холма, и вокруг не было никаких ориентиров, которые могли бы показать, где искать эти металлы. Но мы не сомневались в показаниях приборов, которые определили, что максимальное скопление металлов находится на склоне. Сняв с хвостовой части корабля генератор тепловых лучей, мы перенесли его к холму.

Тарн нацелил излучатель и включил его. Он управлял излучателем с огромным искусством. В один миг он вырезал десятифутовую яму в толще льда. А потом за несколько минут прорезал наклонный туннель в сотню футов длиной. Тепловой луч резал лед, словно нож головку сыра. А потом из туннеля полетели искры. Тарн быстро отключил генератор.

– Должно быть, мы добрались до породы, содержащей металл, – объяснил он.

– Но металлы находятся футов на семьдесят—восемьдесят ниже.

В голосе Дрила слышалось недоумение.

– Спустимся и посмотрим, – предложил Тарн. – Помогите—ка установить лебедку.

Мы принесли тяжелые балки и установили массивный треножник над шахтой. Толстые кабели пролегли через шкивы, и мы подвесили на них крепкую металлическую корзину. Корзина была рассчитана на двоих. Но никто не хотел в одиночестве ждать наверху посреди темной ледяной равнины. Точно так же никто не хотел в одиночку спускаться в ледяную яму. Так что в конце концов мы забились в корзину втроем.

– Ведем себя, словно дети, а не ветераны звездных путешествий, —усмехнулся Тарн. – Интересно, как влияет расстояние от центра галактики на психику? Нужно заняться исследованиями...

– Кстати, вы захватили лучевые пистолеты? – неожиданно спросил Дрил.

Конечно, мы захватили их. Однако никто не мог объяснить почему. Неясные предчувствия обуревали нас, но мы не стали это обсуждать.

– Поехали, – сказал Тарн. – Отпусти кабель и помоги мне разобраться с подъемником, Орок.

Я повозился с механизмом на полу корзины, и мы медленно начали спускаться в ледяную яму. Единственным источником света для нас стала криптоновая лампа Дрила,

которую он развернул прямо вниз. Мы спустились на сотню футов и только тогда увидели препятствие, с которым столкнулись лучи света. Оказывается, под толщей льда лежала толстая плита прозрачного металла, но тепловой луч прожег его насквозь. А дальше была темнота – пустота. Видимо, там, под металлом располагалась огромная полость

Когда Тарн заговорил, голос его задрожал от волнения.

– Я с самого начала подозревал что-то подобное. Посмотрите—ка туда!

Луч криптонового фонаря, падающий под углом вниз, открыл сцену, потрясшую нас. Подо льдом скрывался город. И не просто город. Огромный мегаполис, чьи строения вырисовывались в тусклом свете нашего фонаря. Весь этот город был защищен куполом прозрачного металла, который пробил наш тепловой излучатель. И этот металл выдерживал многотонный вес льда.

– Так, значит, наш излучатель прорезал дыру не только во льду, но и в крыше купола, – возбужденно сказал Тарн. – Мертвый город простоял подо льдами многие века.

Мертвый город? Да, он был мертвым. Спускаясь все ниже и ниже, мы не видели никакого движения на его сумрачных улицах. Белые проспекты, широкие фасады и галереи, шпили зданий хранили молчание. Никого не было видно, да и воздуха тут не было. Никто тут не жил. Наша корзина опустилась посреди улицы. Мы остановили лебедку и выбрались из корзины.

И тут случилась вещь просто невероятная. Не знаю, как остальные, а я едва сумел сдержать крик удивления. Вокруг нас стало светлеть. Вначале это напоминало слабые всплески зари, а потом переросло в мягкое мерцание, залившее улицы таинственного города.

– Город вовсе не мертв! – воскликнул Дрил. – Этот свет...

– Свет мог зажечь и какой-нибудь компьютер. – сказал Тарн. – Видимо, эта цивилизация достигла довольно высокой ступени развития.

– Мне здесь не нравится. – Тут кто-то есть.

У меня тоже возникло такое чувство, хотя обычно я особой восприимчивостью не отличался. Впрочем, иначе бы я не работал в Звездной Службе. Полутьма, царящая здесь, подавляла. Глубоко в сердце зародился страх перед этим безмолвным городом, затаившимся в толще льдов.

– Нужно собрать металл и убираться отсюда. – решительно сказал Тарн. – Да и света нам нужно побольше...

Дрил снова взялся за переносной геосенсор и попытался определить нужное направление. Индикаторы прибора высветили, что скопление необходимых нам металлов расположено на противоположном конце города. Там возвышалось огромное здание. Его невероятно высокие шпили почти касались вершины купола. Мы решительно направились в его сторону. Металлические подошвы скафандров зазвенели по полированной каменной мостовой. Должно быть, мы являли собой странную картину, когда маршировали по безмолвным улицам, высвеченным таинственным светом.

– Город и в самом деле стар, – тихо сказал Тарн. – Вы заметили, что здания имеют крыши? значит, они были:

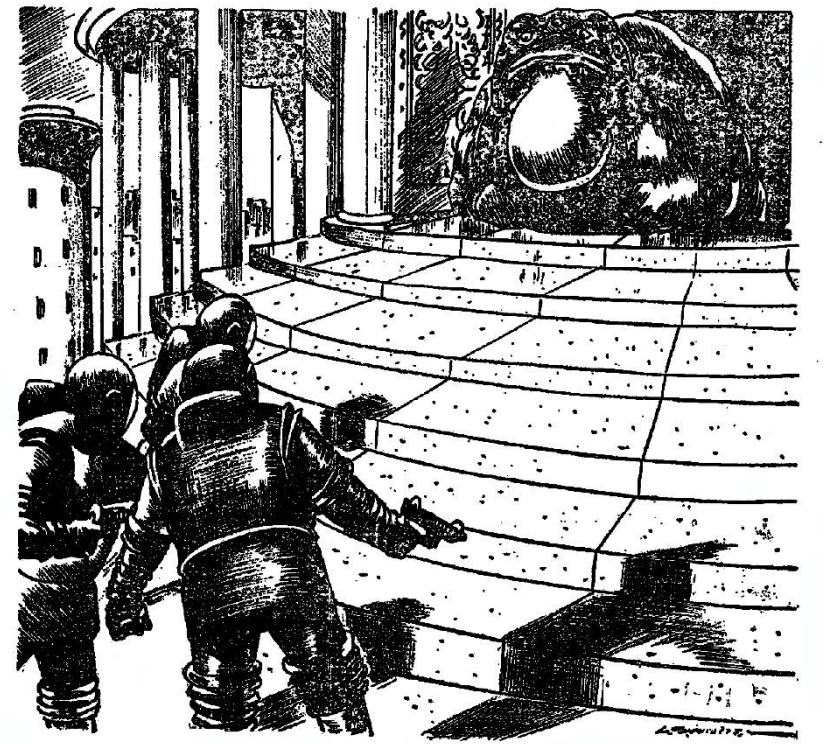
– Тарн! Орок! – неожиданно завопил Дрил. Он резко обернулся и схватился за лучевой пистолет.

Но мы тоже увидели опасность. Она обрушилась на нас из боковой улочки. Я не смогу описать это создание. Тварь не походила ни на одну из известных мне форм жизни. Черное чудовище, принимая то одну ужасную форму, то другую, быстро наплывало на нас...

Нас охватил ужас. Не сговариваясь, мы открыли огонь из лучевых пистолетов. Существо с невероятной скоростью метнулось назад и в один миг исчезло между двумя зданиями.

– Настоящий космический дьявол! – выругался Дрил, его голос слегка дрожал. – Что это было?

Тарн был поражен не меньше нас.



– Не знаю. Оно живое, вы сами видели. И оно быстро сбежало, когда мы выстрелили, что говорит об определенной разумности и чувствительности.

– Живая плоть не может существовать в ледяном вакууме... – начал было я.

– Существуют различные формы жизни, о которых мы ничего незнаем, – пробормотал Тарн.

– Однако сомневаюсь, чтобы такая вот тварь построила город вроде этого...

– Вон еще одна! – воскликнул я, показывая на приближающееся чудовище.

По форме тварь больше всего напоминала огромного червя. Но стоило нам поднять оружие, она метнулась прочь.

– Видимо, нам стоит поспешить, – заметил Тарн, хотя голос его прозвучал неуверенно. – Необходимые нам металлы

или возле той большой башни, или где-то внутри нее. Если мы не достанем их, то просто сдохнем на льду наверху.

– Быть может, нам уготована худшая участь, чем смерть от холода, – хрипло сказал Дрил. Но он без колебаний отправился вместе с нами.

Мы быстро прошли по улицам, постепенно попадая под магическую власть прекрасного города, который тем не менее вселял такой ужас. Казалось, гигантский мегаполис наводнен ужасными чудовищами. Нам пришлось открывать огонь раз десять. Мы останавливали их своими выстрелами, но, похоже, так и не причинили вреда ни одному из них. Они же, в свою очередь, не подходили к нам ближе, чем на несколько кварталов. Казалось, они следуют за нами, наблюдают. Чем ближе мы подходили к башне, тем более угрожающими становились их число и движения.

Но гораздо хуже этих существ были волны ужаса, которые всякий раз обрушивались на утесы наших душ. Словно с того момента, как мы вошли в город, кто-то невидимый хотел остановить нас. И с каждой минутой это чувство становилось все сильнее.

– Без сомнения происходит какая-то психологическая атака, – пробормотал Тарн. – И, видимо, все из-за того, что мы направились к этой башне.

– Это звездная система лежит на краю галактики, – заметил я. – Какие-нибудь существа, которые и присниться нам не могли, явились сюда из черной межгалактической бездны и устроили свое логово в этом мертвом мире.

Я полагал, что мы все же повернем назад, но Тарн был непреклонен.

– Твари боятся нас, поэтому и держатся на почтительном расстоянии!

Мы добрались до широкой лестницы, которая вела к полукруглой арке входа в огромную башню. И тут мы почувствовали новую волну страха. Она подействовала поистине сокрушительно и одним махом смела нашу храбрость, уже подточенную психической атакой. Это была кульминация.

При нашем приближении высокие двери башни медленно открылись. Из башни, шатаясь и прихрамывая, выбралось существо, один вид которого заставили нас застыть на месте.

– Такая тварь не могла родиться в нашей галактике! – наконец громко воскликнул Дрил. Чем-то она походила на чудовищную жабу. Ее тело напоминало комок тошнотворной черной грязи, из которого торчали толстые черные отростки – то ли щупальца, то ли руки.

Три глаза, расположенные треугольником, напоминали щелочки, за которыми горел холодный зеленый огонь. Тварь уставилась на нас, словно стараясь загипнотизировать. Чуть ниже морды вздымались и опадали дыхательные мешочки... Шатаясь и спотыкаясь, тварь стала спускаться к нам по лестнице. Мы выстрелили в это ужасное существо. Но тварь словно и не заметила наших лучей. Она продолжала сползать по лестнице. А самым ужасным было то, что она, видимо, каким-то образом повелевала меньшими тварями, которые начали собираться у нас за спиной. Дрил закричал и повернулся, собираясь бежать. Я готов был последовать его примеру. Но Тарн остановил нас:

– Подождите! Посмотрите на это создание! Ведь оно дышит!

На мгновение мы замерли, ничего не понимая. И тут я неожиданно все понял. Совершенно очевидно: тварь дышала. Но ведь здесь не было воздуха! Тарн быстро шагнул вперед. Это был отважный поступок настоящего разведчика Звездной Службы. Большими шагами он направился прямо к существу.

И как только он достиг чудовища, оно исчезло. Больше всего это напоминало изображение галопроектора. Щелк! Проектор выключили, и изображение исчезло. В тот же миг исчезли и более мелкие твари у нас за спиной,

– Значит, оно было нематериально? – воскликнул Дрил.

– Всего лишь иллюзия, – ответил ему Тарн. – Точно так же, как и остальные твари. То, что они дышали там, где нет воздуха, подсказало мне правильный ответ.

– Но тогда выходит, что те, кто направил на нас атаку призраков, находятся внутри этого здания?

– Да, точно так же, как металлы, которые нам необходимы, – мрачно проговорил Тарн. – И нам ничего не остается, как войти туда.

Новые волны ужаса обрушились на нас. Они становились сильнее с каждым шагом. Когда мы добрались до огромных дверей, мне показалось, что еще чуть-чуть, и я сойду с ума. Мы вошли в огромный, сверкающий белый зал... И все страхи как рукой сняло. В первый раз с тех пор, как мы попали в этот мертвый город, мы перестали бояться. Казалось, ужасная межгалактическая бездна теперь далеко-далеко.

– Прислушайтесь! – прошептал Тарн. – Я слышу...

Я тоже услышал... Конечно, слышали мы не по—настоящему. Это был не звук, а какие-то ментальные волны, превращающиеся в звуки у нас в мозгу. Мы услышали музыку. Вначале слабая и отдаленная, она становилась все громче. Голоса сливались со звуками музыкальных инструментов. Музыка была незнакомой. Ничего похожего мы раньше не слышали. Мне показалось, что музыка эта рассказывает о титанической борьбе и надеждах давно вымершей расы. Она показалась нам суровой и заставила затаить дыхание. Замерев, слушали мы симфонию победы и поражения.

– Они идут к нам, – неожиданно проговорил Тарн, вглядываясь в дальний конец сверкающего зала.

И тут я тоже увидел их. В тот миг в сердце моем не было страха, хотя существа, приближающиеся к нам. выглядели фантастически. От дальней стены неба в нашу сторону двигалась длинная процессия – обитатели давно погибшего мира. Они ничуть не напоминали нас, хотя имели две руки и две ноги. Наверное, я бы не смог описать их: слишком чужеродными выглядели они вблизи.

Музыка дошла до финального крещендо и смолкла. Инопланетя—не остановились неподалеку и стали внимательно разглядывать нас. Потом один из них – видимо, предводитель – заговорил, и голос его зазвучал в мозгу каждого из нас.

– Вы – отважные люди, победившие страх, – так начал он свою речь. – Но город этот мертв. Все существа, которых вы видели, все те ужасные твари, что напали на вас, даже мы сами – те, кто стоит перед вами, – призраки. Вычислительное устройство проецирует наше изображение. Оно включилось автоматически, как только вы вошли в город.

– Я так и подумал, – прошептал Тарн. – Иначе и быть не могло.

А предводитель инопланетян продолжал:

– Мы – народ, вымерший давным-давно. Мы – уроженцы этой планеты, – тут он произнес какое-то слово, но в нашем языке не нашлось ему аналога. – Теперь наша история – далекое прошлое. Мы достигли высот могущества, знания и славы. Наши ученые показали нам пути к иным мирам, к иным звездам, и мы завоевали и колонизировали большую часть галактики... А потом произошло несчастье. Из межгалактической бездны явились захватчики, столь чужеродные нам, что никогда не смогли бы жить с нами в мире. Между нами, неизбежно произошло бы столкновение. Мы защищали свою галактику, а они хотели завоевать ее... Они не были вполне материальными существами и состояли из фотонов... Дрейфующие облака, способные собираться вместе, образуя единый разум. Они плыли от звезды к звезде, уничтожая тысячи миров... Мы потеряли все колонии и оказались запертыми здесь, на этой планете, в последней своей цитадели. Смогли бы эти странные существа стать высшим порождением природы и когда-нибудь создать цивилизацию наподобие нашей – не знаю. Все возможно... Мы же потерпели поражение в битве с ними. Обладая невероятной мощью, они не терпели соседства ни одной расы, пытающейся достичь их уровня развития... Однако перед тем, как

погибнуть, мы нашли способ уничтожить своих врагов. Их можно было уничтожить только при помощи силы. Мы превратили нашу звезду в реактор, сбросив на нее несколько планет и лун. Произошел огромный выброс энергии, который смел наших противников, нарушив внутреннюю структуру их тел—облаков... Но он также уничтожил последних из нас... Мы заранее приготовились к гибели и собрали все знания, всю мудрость нашего народа в надежде на будущее... Когда-нибудь в нашей галактике иные формы жизни достигнут высот космической цивилизации... Когда-нибудь сюда придут исследователи с иных звезд... Если они недостаточно разумны, наша телепатическая атака должна была бы разогнать их. Но если они смогут понять, что их противники всего лишь иллюзии, то войдут в эту башню в поисках секретов нашего народа... Вы – те, кто стоит передо мной, – побороли свой страх. Вам, кем бы вы ни были, мы преподносим нашу мудрость и нашу силу. В этом и остальных зданиях все наши знания. Используйте их мудро на благо галактики и других разумных рас. А сейчас мы прощаемся с вами... Всего вам хорошего...

И фигуры исчезли. Только мы втроем остались стоять посреди зала. Мы молчали очень долго.

– Боже мой, каким великим был этот народ! – наконец выдохнул Тарн. – Умереть, избавив галактику от ужасной угрозы, и оставить все свои достижения тем, кто придет за ними!

– Давайте посмотрим... быть может, мы обнаружим металл. – предложил Дрил, голос его дрожал. – Хочется побыстрее выбраться отсюда и хлебнуть санкилы.

Мы нашли нечто большее, чем металл. Мы попали в удивительное хранилище инопланетных механизмов, где обнаружили генераторы энергии, подходящие для наших целей. Без особых трудностей мы установили их на нашем разбитом корабле. Не имеет смысла рассказывать обо всем, что мы обнаружили. Звездная Служба всегда бережно относится

к сокровищам древней науки. О том, что мы обнаружили, скоро станет известно всей галактике...

Труднее всего было перетащить инопланетные генераторы на наш корабль, но, когда это было сделано, все пошло как по маслу. Вскоре мы кое—как залатали поврежденный корпус и приготовились к старту. Корабль стрелой взвился с ледяной планеты и, облетев потухшее солнце, взял курс на базу. Только тогда Дрил выставил бутылку санкилы.

– Давайте, наконец-то, снимем эти чёртовы скафандры и выпьем! – предложил он.

Мы с превеликим удовольствием вылезли из тяжелых звездных доспехов. Было так приятно освободиться от них, после многодневного заключения, расправить затекшие крылья и пригладить перышки. Мы переглянулись и подняли бокалы с розовой санкилой. Выражение лица Тарна, украшенного мощным клювом, подсказало, что мы думаем об одном и том же. Он поднял бокал. – Ныне мы самая великая раса в галактике, – сказал он. – Так давайте же выпьем за этот странный ледяной мир. Как там его называли аборигены?.. Земля?

Услышав впереди в кустах шум, Харл, подобно статуе, замер на месте в залитом лунным светом лесу.

Затем он поднял в боевой готовности короткое острое копье и прислушался. Ветер играл листьями деревьев. Он вновь услышал шум, на этот раз намного ближе.

"Кто-то из клана Когтя, — подумал Харл и удивился: — Как он мог оказаться так далеко на востоке?"

Харл был похож на человека, хотя человеком не был. На Земле больше не осталось людей. У него была коренастая прямая фигура, покрытая длинной коричневой шерстью, но он не походил и на человекообразную обезьяну, потому что его голова имела продолговатую форму. На темном лице горели настороженные глаза.

Когда он сделал короткий вздох, обнажились белые зубы и показался ярко—красный язык. Несмотря на его прямую осанку, копье и пояс, в нем было что-то от огромной собаки.

И это не казалось странным, ведь существа, подобные Харлу, — клан Шерсти, — еще не так давно были настоящими четвероногими существами.

Внезапно из кустов впереди донесся шипящий голос:

— Кто идет? Привет и мир вам от С'Сана из клана Когтя!

Харл ответил:

— Харл из клана Шерсти! Привет и мир вам! Убедившись в безопасности, из кустов появился обладатель шипящего, мурлыкающего голоса.

С'Сан из клана Когтя был тоже человекоподобным существом и обладал столь же прямой осанкой. Но его предки явно происходили из семейства кошачьих, в отличие от собачьих предков Харла. Его тело было покрыто рыжеватой шерстью, а острые кончики ушей, светящиеся зеленые глаза, руки и ноги с острыми когтями выдавали в нем потомка кошачьей расы.

Эти двое говорили друг с другом на скудном языке, который использовали для общения остальные кланы леса. Отличия были только в акценте: С'Сан растягивал слова своим шипящим голосом, а Харл выдавал короткие, лающие фразы.

— Ты зашел далеко на восток, брат! — с удивлением произнес Харл. — Я не ожидал никого встретить так близко к большой воде.

— Действительно далеко! — воскликнул С'Сан. — Я принес удивительную новость из края Плачущих Камней!

Харл был поражен. Если и существовала какаЯ-то зона во всех лесах, к которой кланы никогда не приближались, так это были Плачущие Камни.

Это странное место у моря было проклято. Проклято памятью древних ужасов и страхов. Даже Харл осмеливался смотреть на него только с большого расстояния.

— Ты был у Плачущих Камней? — переспросил он, удивленно глядя на С'Сана.

Зеленые глаза человека—кошки блеснули.

— Только у северных скал. Но оттуда я мог хорошо видеть. Наступила ночь. Камни еще не плакали, поэтому я осмелился приблизиться.

Я смотрел и увидел ужасную вещь. С неба упала звезда на Плачущие Камни. Она падала медленно, ярко сияя, пока не упала на Камни. И, лежа на Камнях, она все еще продолжала сиять. Я поспешил, чтобы сообщить эту новость всем кланам.

Карие глаза Харла расширились от удивления.

— Звезда упала с неба? И что это значит? Неужели мир снова сгорит?

— Я не знаю, — пробормотал С'Сан. — Но, может, другие знают. Трондор из клана Копыта — самый мудрый из всех. Давай ему сообщим эту новость.

— Сначала я должен сам увидеть эту звезду! — заявил Харл.

Человек—кошка не согласился с ним:

— До Плачущих Камней далеко! Нам придется потратить несколько часов, но Харл возразил:

— Если никто, кроме тебя, не увидит ее, кланы могут не поверить тебе

Этот аргумент убедил С'Сана.

— Хорошо! Я пойду вместе с тобой туда. Мы можем пойти по моим следам.

Тихо, словно тени, две непохожие друг на друга фигуры бежали через залитый лунным светом лес.

Легкие прыжки человека—кошки и короткие скачкообразные шаги Харла давали им возможность развить приличную скорость.

Внезапно налетевший ветер шумел в листьях, тени лунного света плясали и кружились вокруг них. Далеко с запада ветер принес им слабые отголоски охотничьих криков.

Тонкий слух Харла улавливал каждый звук, но мысли его были заняты другим. Он всегда испытывал граничащий со страхом интерес к Плачущим Камням. И вот теперь это чудо — звезда упала на них с неба!

С'Сан и Харл изменили направление. Теперь две фигуры двигались через лес на юг. Наконец они добрались до открытого хребта, с которого открывалась хорошая видимость.

С'Сан остановился, указывая вперед когтистой рукой:

— Смотри! Звезда все еще сияет! Замерев на месте, Харл какое-то время вглядывался. Наконец он утвердительно сказал:

— Это правда! Звезда сияет на земле!

Два существа смотрели на юг, на узкий остров, залитый лунным светом. На острове росли редкие деревья и кусты. Но большая его часть была покрыта странными массами черных разрушенных Камней правильной геометрической формы.

Открытое пространство среди неровных масс черных Камней простиралось далеко на юг, и оттуда лился бриллиантовый свет, который излучала яркая звезда, упавшая с небес.

Пока Харл и С'Сан смотрели, западный ветер усилился. А когда он пронесся через эти массы исковерканных черных Камней, в лунном свете раздался плачущий, стонущий звук, благодаря которому это место и получило свое название.

Шерсть С'Сана встала дыбом, а Харл сильнее сжал свое копье, когда этот звук дошел до их ушей.

— Камни снова плачут! — прошептал человек—кошка. — Давай вернемся!

Но Харл не сдвинулся с места.

— Я пойду вниз! Я должен ближе посмотреть на эту звезду.

Ему понадобилось все его мужество, чтобы сообщить об этом решении. Только безграничное любопытство помогло ему преодолеть инстинктивный ужас перед этим местом.

— Пойти к Плачущим Камням? Ты что, рехнулся? — удивился С'Сан. — Это место все еще проклято злым духом Странных Людей!

По телу Харла пробежала легкая дрожь, и он чуть не передумал. Но он призвал свое мужество.

— Странные Люди давно уже умерли! И не могут причинить нам вреда. Ты можешь подождать здесь, пока я не вернусь.

Зеленые глаза С'Сана внезапно загорелись гордостью:

— Было ли когда-нибудь такое, чтобы люди клана Когтя не осмеливались пойти туда, куда осмеливались пойти люди клана Шерсти? Я вместе с тобой отправлюсь в это безумие

Для Харла эта затея действительно казалась безумием, когда он и человек—кошка начали спускаться к священному месту.

Древний ужас перед Странными Людьми сковал его Этот страх издавна жил среди лесных кланов. Даже несмотря на то, что Странные Люди давным-давно исчезли с лица Земли в катастрофе, страх перед ними все еще преследовал лесные народы.

И это загадочное место — черные Плачущие Камни, которые стонали под ветром, было домом Странных Людей до того, как они и старый век закончили свое существование

Но все же Харл продолжал идти, ведомый своим любопытством, а рядом с ним крался человек—кошка, которого подталкивала гордость. Они подошли к узкой реке — границе северного конца острова Харл прыгнул в воду и уверенно поплыл. С'Сан, как и все жители его клана, относившийся к водным преградам с отвращением, неохотно последовал за ним

Вскоре они преодолели водный поток и выбрались на побережье прямо среди Плачущих Камней. В величественном лунном свете вздымались перед ними черные разбросанные массы, которые так душераздирающе стонали под ветром.

— Эта тропинка ведет точно на юг, к тому месту, где упала звезда, пробормотал Харл. — Мы можем подойти ближе.

Тропинка казалась прямее, чем любая другая в лесу. И в Камнях ее пересекали другие, такие же ровные тропинки.

Громче и громче раздавался плач ветра в Камнях, глубокий и торжественный, как реквием. При этом звуке Харл почувствовал, как волосы на его спине встают дыбом.

Наконец они вышли на ровное пространство, где не было Камней. Сквозь деревья они могли видеть, как ярко сияла упавшая звезда. В конце концов они подошли на расстояние броска копья.

— Это не звезда! — прошептал С'Сан зачарованно. — Но что же это?

— Я не знаю, — пробормотал Харл. — Я не видел ничего подобного.

Объект, на который они смотрели, был хорошо виден в ярком лунном свете. Он блестел металлическим светом, большой, похожий на вытянутое яйцо, с поцарапанными, помятыми боками. И он был таким огромным, что доставал до уровня невысоких деревьев.

Харл понял, что бриллиантовый, звездный свет исходит из открытой части металлического объекта. Затем его чуткие уши уловили слабый звук.

— Внутри кто-то есть! — сказал он шепотом С'Сану.

— Там не может быть никого! — запротестовал человек—кошка. — Никто из кланов не посмеет приблизиться к подобной...

— Слушай! — прошептал Харл. — Кто бы там ни был, но он выходит!

Они замерли, наблюдая. Из отверстия не спеша вышла фигура.

Это прямостоящее существо не походило ни на одного из обитателей лесов. Формой тела он напоминал Харла и С'Сана, но на этом сходство заканчивалось. Его тело оказалось заключено в плотно прилегающую одежду, а голова была совсем другой: плоская, с розовым лицом, лишенная волос.

— Во имя Солнца! — прошептал в испуге С'Сан. — Это один из Странных Людей прошлого. Харл застыл на месте от ужаса:

— Странные Люди? Которые сожгли мир? Они вернулись!

И оба обитателя лесов остолбенели. Из поколения в поколение в кланах рассказывали легенды о Странных Людях прошлого, которые практически уничтожили весь мир перед тем, как уничтожить самих себя.

Это был ужас давнего прошлого, мрачная сказка о древнем Зле. И тут внезапно этот ужас стал реальностью.

Харл смотрел, дрожа от страха. Странный Человек там, в лунном свете, вел себя необычно: он стоял, глядя на зловещие массы черных Камней, раскинувшихся в лунном свете, слушая плач ветра.

Затем Странный Человек прикрыл лицо руками и издал низкий звук.

— Он плачет, — прошептал Харл, не веря своим ушам.

— Там есть еще один — она! — прошипел С'Сан.

Второй Странный Человек с хрупкой женской фигурой вышел из металлического объекта. Одной рукой она обняла плачущего мужчину.

— Быстрее! Мы должны бежать отсюда! «И предупредить кланы»! — прошептал С'Сан.

Они понеслись назад, но охваченный ужасом Харл забыл об осторожности. Хрустнула ветка. Человек повернул свою голову и быстро выхватил металлическую трубку из-за пояса.

— Бежим! Скорее! — крикнул С'Сан.

И огромными прыжками они понеслись дальше. При виде их мужчина и женщина издали крик ужаса, и мужчина направил на них свою трубку. Яркая вспышка света пронзила ночную тьму и ударила в жителей лесов. Харл почувствовал сильный удар. Затем все вокруг потемнело.

Харл очнулся под лучами необычного солнечного света. Он пошевелился и сел, издав крик удивления и растерянности.

Он находился в маленькой комнате с металлическими стенами. Дверь была закрыта тяжелой решеткой. С'Сан приходил в себя рядом с ним.

— Мы в большом "яйце" Странных Людей! — воскликнул Харл. — Они оглушили нас и взяли в плен!

Весь кошачий ужас С'Сана вырвался наружу. Человек—кошка рванулся к решетке, начал отчаянно скрести по ней. К нему присоединился Харл.

В них проснулся дикий протест свободных лесных людей, которые впервые в жизни оказались в ловушке.

— Я знал, когда мы увидели Странных Людей, что они вернулись, чтобы принести в наш мир еще больше зла! — яростно воскликнул С'Сан.

Внезапно они с Харлом прекратили свою атаку на решетку и отступили назад. По ту сторону барьера появились два Странных Человека.

Мужчина и женщина были молоды. Они стояли, с удивлением глядя на двух непохожих друг на друга пленников, на волосатого человека—собаку и его товарища со сверкающими глазами из клана Когтя.

— Теперь они нас убьют! — прошипел С'Сан. — Они везде приносят смерть, куда приходят.

— Они не выглядят такими жестокими, — сказал неуверенно Харл.

Несмотря на свой страх, Харл почему-то не испытывал вражды и ненависти к этим двум похитителям, которые чувствовал по отношению к ним человек—кошка. Что-то

непонятное происходило в душе Харла, когда он смотрел на этих двух Странных Людей.

Человек за решеткой что-то сказал женщине. Харл не мог понять, но звук его голоса каким-то образом успокоил его. Они принесли пищу и просунули через дырку в решетке. Сначала в порыве ярости С'Сан отказался от нее, но затем, через некоторое время, он тоже поел.

Затем Странные Люди начали разговор с двумя пленниками. Они показывали изображения странных объектов и задавали вопросы. Харл медленно начал понимать их слова. И наконец до него дошло: они пытаются выучить его язык, чтобы разговаривать с ним.

— Не нужно помогать им, — предупредил С'Сан. — Они задумали что-то злое.

— Мы не причиним себе никакого вреда, если научим их нашему языку, настаивал Харл. — Может быть, тогда они нас отпустят.

Он начал отвечать на вопросы Странных Людей, произнося на языке местных кланов названия простых предметов и действий

Прошло несколько дней их заключения Харл терпеливо повторял слова для Странных Людей. К этому времени он узнал, что мужчину звали Блейн, а женщину Мира.

С'Сан продолжал упорно молчать, наблюдая за пришельцами с ненавистью. Затем наступил вечер, когда Странные Люди достаточно хорошо выучили язык местных кланов для того, чтобы говорить. Блейн обратился к Харлу на его родном языке.

— Кто вы? спросил он человека—собаку. — Что случилось с Землей?

— Мы из кланов, — неуверенно ответил Харл. — А вы откуда? Давным-давно все Странные Люди исчезли с лица Земли.

— Странные Люди? «Ты имеешь в виду мужчин и женщин?» — спросил Блейн. Затем его лицо побледнело. — Ты хочешь сказать, что все человечество погибло?

— Это случилось в дни моих предков, много—много лет назад, — ответил Харл. — Тогда, как говорит легенда, мир был другим В нем было много Странных Людей, которые жили в величественных городах, владели силами грома и молнии и управляли миром.

Наши предки, предки наших кланов, были тогда не такими, как мы. Они ходили на четырех ногах и не умели ни говорить, ни делать то, что можем мы. Странные Люди убивали их, порабощали и уничтожали в огромных количествах. Но наконец пришел тот день, когда мир заполыхал. Легенда гласит, что Странные Люди направили друг против друга свои силы. Ужасный гром потряс мир. Когда мир загорелся, в этом огне погибли все Странные Люди. Наши собственные предки, четырехногие, тоже практически вымерли. Но глубоко в лесах и горах некоторым удалось выжить, и огонь каким-то образом изменил оставшихся в живых. Когда у них рождалось потомство, их дети были другой, новой расы. Они были подобны нам. Больше не ходили на четырех ногах, а могли прямо стоять, говорить и заниматься ремеслом. И вот такими мы остались в поколениях, люди лесных кланов.

— Боже правый! — прошептал Блейн. — Атомная война! Значит, она в конце концов случилась и уничтожила все человечество и все города.

Его лицо стало белым как полотно, когда он взглянул на девушку:

— Мира, ты слышишь? Мы двое, оставшиеся в живых.

Она сжала его руку:

— По крайней мере, наша раса еще не мертва. Ты и я начнем новую расу.

С'Сан подполз к Харлу, поднял голову, и его зеленые глаза блеснули.

Мира недоверчиво взглянула на Харла и С'Сана:

— Но как могла эта чудовищная катастрофа превратить четырехногих животных в человекоподобных разумных существ?

— Мы не знаем, — ответил Харл. — Все дело в ужасной магии огненного грома.

— Неожиданная мутация, — пробормотал Блейн. — Атомные всеразрушающие взрывы такого масштаба заразили все выжившие существа сильной радиацией и изменили генетический код, что привело к резкому эволюционному скачку.

Харл с удивлением смотрел на мужчину и девушку:

— Но откуда вы пришли? Мы думали, что все Странные Люди мертвы.

Блейн тяжело поднял руку и показал вверх:

— Мы пришли из другого мира, из мира высоко в небе, который называется Венерой. Много поколений назад некоторые представители человеческой расы отправились туда, чтобы основать колонию.

Но через некоторое время с Земли перестали приходить корабли. Без продовольствия колония начала вымирать. Штормы и другие катаклизмы вывели из строя несколько космических кораблей колонии. Со слабой надеждой мы ожидали вестей с Земли, которые так никогда больше и не пришли.

В конце концов Мира и я оказались последними колонистами, рожденными на Венере. Мы росли, зная, что обречены, если нам не удастся починить один из старых кораблей, чтобы добраться до Земли. И наконец нам это удалось. Мы вернулись. Вернулись, чтобы обнаружить — Это.

Его голос дрожал и дрожала также его рука, когда он показывал в направлении отдаленных масс черных Камней, сияющих в свете заката.

— Так вот почему Земля больше не присылала кораблей своей вымирающей колонии. Человечество погибло, уничтожив себя в атомной войне!

Харл с трудом понимал то, что говорил ему Блейн. Но каким-то образом эмоции мужчины и девушки тронули его.

Мира смотрела на Блейна.

— С нас все может начаться снова. И должно! Так как мы остались последними. Харл спросил их:

— Вы убьете С'Сана и меня?

— Убьем вас? — Блейн показался озадаченным. — Нет! Когда мы впервые увидели вас и оглушили энергетическим лучом, мы думали, что вы дикие звери, готовые на нас напасть. Но когда мы посмотрели на вас и поняли, что вы разумные существа, мы решили задержать вас и задать несколько вопросов.

Он достал из кармана ключ.

— Вы, двое, свободны!

Сердце Харла забилось от радости, когда он увидел, как открылась тяжелая дверь. Он вышел, следуя за мужчиной и девушкой по узкому коридору к двери, ведущей наружу.

Глаза С'Сана горели зеленым светом. Когда они шли рядом по коридору, он быстро шепнул Харлу:

— Вот наш шанс, Харл! Мы можем убить прежде, чем он вытащит свое оружие! Прыгай вместе со мной, когда они дойдут до двери!

Харл почувствовал дикое отвращение:

— Мы не можем сделать этого! Мы не можем убить их!

— Но они Странные Люди! — прошипел С'Сан. — Они положат начало расе Зла, которая вновь принесет ужас в этот мир. Мы можем спасти кланы от этого, убив их. Прыгай сейчас!

И с этими словами человек—кошка бросился в яростном прыжке на мужчину, который уже подошел вслед за девушкой к двери.

Инстинкты, дремавшие до этой минуты в сознании Харла, вырвались наружу. Он не знал почему, но он не мог позволить, чтобы Странные Люди были убиты. Каким-то образом они были его Странными Людьми!

Харл издал яростный крик, когда прыгнул через десятую долю секунды за человеком—кошкой. Ошарашенный Блейн смотрел, как мохнатое тело Харла сбило с ног С'Сана и выкинуло наружу.

— Мира, назад! — закричал Блейн. — Существа...

Он выхватил свое металлическое оружие и замер в замешательстве. Харл стоял перед мужчиной и девушкой, и его шерсть стояла дыбом, когда он глядел на разъяренного человека—кошку, который быстро вскочил на ноги в нескольких ярдах от него.

— Ты нарушишь перемирие кланов, если убьешь этих Странных Людей! крикнул Харл. — Сначала тебе придется убить меня!

— Ты предал кланы! — прошипел С'Сан. — Но кланы сами быстро уничтожат этих злых людей.

Легким движением человек—кошка рванулся вперед к северу, через черные массы Плачущих Камней.

Мужчина и девушка смотрели на Харла с удивлением.

— Харл, ты спас нас! «Почему ты сделал это?» — спросил Блейн. Харл замялся.

— Я не знаю. Я не мог позволить ему причинить вам вред.

Лицо Блейна стало добрым, и он положил свою руку на волосатое плечо человека—собаки.

— Харл, только одна—единственная раса среди всех существ старого мира была верной человеку, — хриплым голосом произнес он. Раса, из которой произошел ты.

Сердце Харла замерло от прикосновения Блейна, и он почувствовал странную, неведомую ему радость. Из далеких ночных сумерек донеслись отголоски криков.

— Пошлите призыв всем кланам! — раздался отдаленный голос С'Сана. Странные Люди вернулись! Собирайте кланы.

Харл посмотрел на мужчину и девушку:

— Кланы быстро соберутся! Они придут сюда. Вы должны бежать, или они убьют вас, боясь, что вы сожжете мир, как давным-давно уже сделали другие Странные Люди.

Блейн беспомощно покачал головой:

— Мы не можем бежать! Энергия нашего корабля иссякла. А у моего оружия недостаточно мощности, чтобы противостоять толпе.

Девушка посмотрела на него, и ее лицо стало печальным.

— Тогда это наш конец? Конец нашей расы?

Прозвучавший в ночи призыв С'Сана повторялся кланами во всех лесах севера, юга, запада.

Мысли Харла в замешательстве расползались в разные стороны. Он недоуменно смотрел, как двое Странных Людей беспомощно чего—то ждали. Теперь мужчина и девушка стояли близко друг к другу и переговаривались шепотом. И они были его! Его Странными Людьми! И он должен каким-то образом спасти их! Но как?

Взошла луна. Полный диск отбрасывал серебряный свет на зловещий, мертвый город. И когда ночной ветер громко застонал среди Плачущих Камней, тонкий слух Харла уловил и другие звуки. Его глаза увидели темные формы, пробирающиеся на юг через руины.

— Они идут! Все кланы леса идут, чтобы убить вас! — предупредил он в мучительной борьбе с самим собой.

Блейн стоял в лунном свете, крепко прижав к себе девушку и тревожно глядя на север:

— Ты больше ничего не можешь сделать для нас, Харл. Уходи отсюда! Спасайся сам!

Харл чувствовал, что кланы приближаются. Он знал, что только чрезвычайная ситуация могла заставить их прийти к проклятым Плачущим Камням.

Клан Когтя С'Сана был здесь. В темноте сверкали зеленые глаза людей—кошек. А вот и его собственный клан Шерсти. Стаи людей—собак смотрели на него с удивлением. Клан Шкуры — медведеподобные толпы, лисиный народ смотрели на него из темноты. Собрались все местные кланы. Наконец пришел клан Копыта, тяжеловесные человекоподобные существа с копытами вместо ног, с твердыми мозолистыми руками, с массивными, покрытыми гривой головами, все это в них выдавало их предков.

Шипящий голос С'Сана прорезал тишину, когда человек—кошка закричал:

— Разве я соврал вам, братья по клану? Разве они не такие же Странные Люди, которые породили Зло давным-давно?

Из темноты ответил низкий грохочущий голос Трондора — главы клана Копыта:

— Ты сказал правду, С'Сан. Эти двое действительно из той расы, которую мы считали мертвой.

— Тогда убейте их! — раздался в темноте яростный крик человека—кошки. — Убейте их прежде, чем они снова сожгут мир!

Среди толпы началось движение в направлении того места, где стоял Блейн, крепко прижимая к себе Миру.

Неожиданно Харл издал яростный крик и бросился перед мужчиной и девушкой, защищая их. Его глаза налились кровью, острые зубы обнажились, и он крикнул приближающейся толпе:

— Лесные народы! Неужели это правосудие кланов? Приговаривать этих двоих, даже не выслушав их?

— Они Странные Люди! — прошипел С'Сан. — Много веков назад они принесли тьму в этот мир и в конце концов почти уничтожили его! Пусть они умрут!

— Если вы убьете их, не выслушав, вам придется сначала убить меня

Со стороны лесного народа, из масс клана Шерсти, донесся возглас одобрения:

— Может, нам и не стоит убивать этих Странных Людей, когда их всего только двое? — произнес один из людей—собак.

Большой Трондор снова заговорил своим глубоким голосом:

— Ты говоришь так потому, что в клане Шерсти все еще жива старая верность к Странным Людям.

Затем он добавил

— Но Харл прав, когда говорит, что кланы никого не приговаривают, не выслушав. Позволим Странным Людям

защитить себя и свою расу от смертного приговора, если они смогут это сделать.

Прислушивавшийся к голосам обитателей лесов Блейн все понял. Он заслонил собой девушку и сделал шаг вперед, встав рядом с Харлом.

В лунном свете белолицый мужчина смотрел на орды лесных существ с гордо поднятой головой. Голос его был ровным:

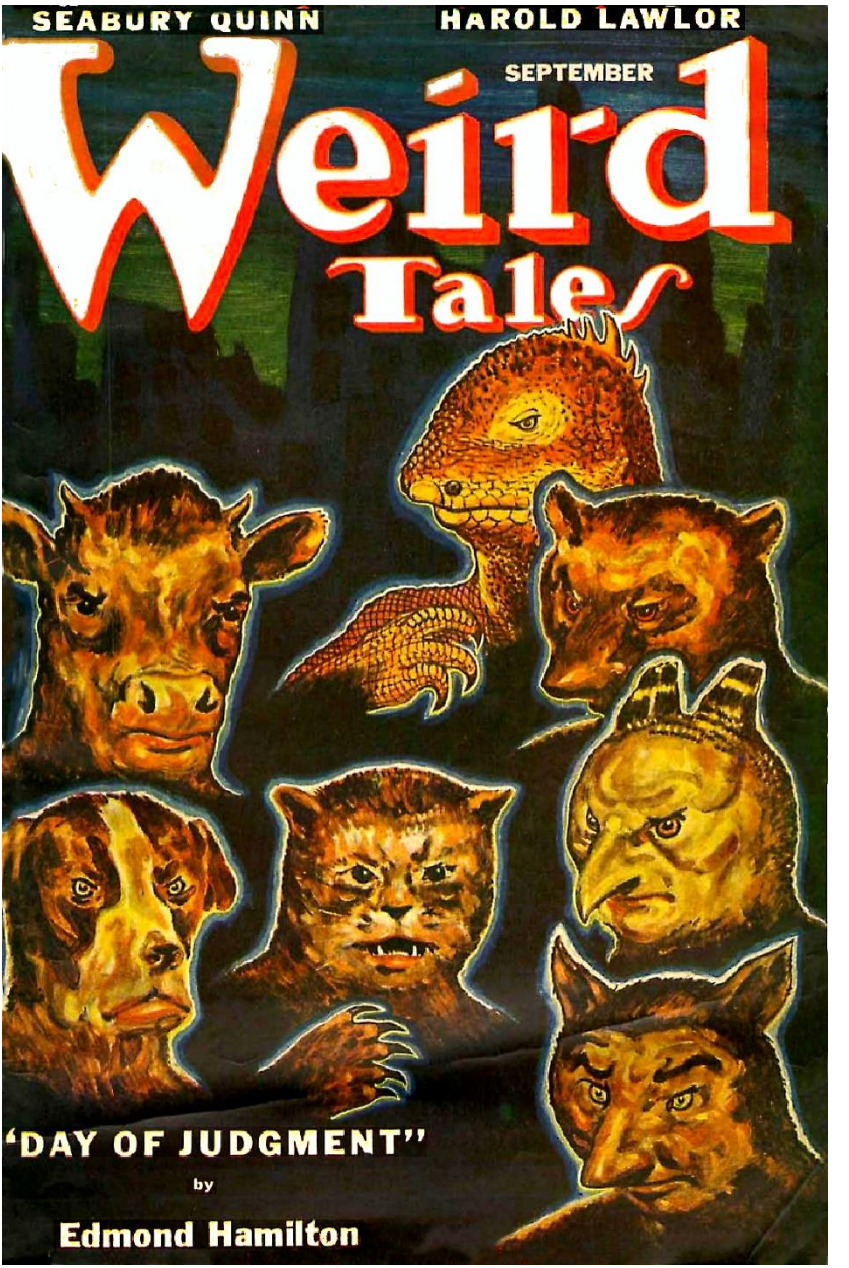
— Кланы леса! Так как на нас заканчивается наша раса, я буду говорить от имени всех людей, которые жили до нас. Много веков назад, мы, люди, вышли из лесных народов так же, как и вы. Хотя наша гордыня позволила забыть нам этот факт. И все же давным-давно из слабых, покрытых шкурой, неловких существ лесного мира мы превратились в существа, у которых не было ни когтей, ни силы, ни ловкости. Но у этих существ было любопытство. И любопытство стало ключом, который открыл для них потаенные силы природы. Они стали сильнее. И стали сильнее настолько, что посчитали себя высшими существами, которые имеют право покорять и уничтожать других обитателей Земли.

И все же, несмотря на те силы, которые добыло нам наше любопытство, где-то глубоко в сердце мы по-прежнему оставались близкими родственниками тех простых лесных существ, от которых когда-то произошли. Мы не смогли разумно распорядиться этими силами. Когда мы наконец-то обрели власть над силами огня, мы неправильно использовали ее и уничтожили мир.

А вы, лесные жители, уверены, что смогли бы более разумно распорядиться такими силами?

Блейн сделал паузу, затем продолжил:

— Я знаю, что это слабое оправдание тому злу, которое мы причинили. Вы вправе нас судить. Если ваш суд будет против нас, то пусть сегодня ночью звезды увидят конец нашей расы. Пусть будет вписано последнее слово в ужасную и прекрасную историю обезьян, которые осмелились наложить свои руки на солнце, которые взлетели ввысь и


SEABURY QUINN
HAROLD LAWLOR
SEPTEMBER
Weird Tales
"DAY OF JUDGMENT"
by
Edmond Hamilton

упали. И пусть вы, новые лесные расы, извлечете урок из нашего поражения и постараетесь жить лучше, чем мы.

Когда Блейн остановился, то воцарилось гробовое молчание среди кланов.

Затем Харл услышал низкий голос Трондора, грохочущий из тени:

— Братья кланы! Вы все слышали, что сказал Странный Человек. Каков ваш приговор ему и его расе?

Мгновение все молчали. Затем из темноты появилась фигура медведеподобного представителя клана Шкуры.

— Трондор — ты будь их судьей! Ты самый мудрый из всех кланов!

Девушка, Харл и мужчина с напряжением ожидали ответа. Раздался неторопливый раскатистый голос Трондора:

— То, что сказал Странный Человек, правда. Его раса давным-давно вышла из лесных людей, подобных нам. Мы забыли об этом так же, как и они. Возможно, что, обладая их силами, мы тоже не смогли бы распорядиться ими более разумно.

Теперь мир изменился. И кажется, что Странные Люди тоже изменились и многое поняли. Если это так, то для них всегда найдется место в этом мире, и наши новые расы смогут жить в дружбе.

Блейн заговорил глухим голосом.

— Я могу пообещать за нас. Как ты уже сказал, мир изменился. И какие бы силы ни были открыты в будущем, они должны использоваться для общего блага всех рас. Я думаю, что мир больше не сгорит.

Большой Трондор вскинул свою массивную голову и громко произнес:

— Вот мое решение: мы принимаем Странных Людей в братство кланов! В новой дружбе и согласии старый мир будет забыт.

Из клана Шерсти раздались радостные крики:

— Клан Странных Людей! Привет вам и мир!

Приветствия неслись из клана Шкуры, от народа Лис, от клана Копыта и отдавались эхом в лунном свете. Самым последним заговорил С'Сан. Его зеленые глаза горели, но уже не ненавистью:

— Привет вам и мир от клана Когтя, Странные Люди!

— Луна садится, давайте разойдемся, — прогрохотал Трондор. — Но мы вернемся, Странные Люди! Это место больше не проклято.

Блейн и Мира смотрели, как уходили толпы, но Харл задержался.

— Я хотел бы остаться с вами, — медленно произнес он. А затем добавил с надеждой. — Я буду вашим слугой.

Блейн схватил его волосатую руку.

— Нет, Харл! Нет! Нет больше хозяев и слуг! А есть друзья! В этом новом мире наша связь самая древняя и самая крепкая.

Из глубины ночной тьмы эхом отозвался последний крик уходящих кланов. И вместе с этим криком стон ветра в Плачущих Камнях, казалось, замер, уступив место покою и миру.

1. ЗАМЕДЛЕННАЯ ЖИЗНЬ

Мертвец стоял в слабом лунном свете, рассеянном в джунглях, когда Феррис наткнулся на него.

Это был маленький смуглый человек в хлопчатобумажной одежде, типичный лаосец из внутреннего Индо—Китая. Он стоял без поддержки, с открытыми глазами, незряче уставившимися вперед, слегка приподняв одну ногу. Он не дышал.

– Но он же не может быть мертвым! – воскликнул Феррис. – Мертвецы не стоят в джунглях.

Его прервал проводник Пиэнг. Этот маленький туземец утратил свою наглую самоуверенность с тех пор, как они сбились с тропы, а неподвижно стоящий мертвец совершенно деморализовал его.

С тех пор, как они наткнулись в этих зарослях, можно сказать, налетели на мертвеца, Пиэнг испуганно таращился на неподвижную фигуру, а теперь многоречиво забормотал:

– Этот человек хунети! Не прикасайтесь к нему! Мы должны уйти отсюда... Мы забрели в плохие джунгли!

Феррис не пошевелился. Он слишком много лет был охотником за тиком, чтобы скептически относиться к суевериям Южной Азии. Но, с другой стороны, он чувствовал на себе определенную ответственность.

– Если этот человек не мертв на самом деле, тогда он болен и нуждается в помощи, – заявил он.

– Нет, нет, – настаивал Пиэнг. – Он хунети! Нужно быстрее уходить отсюда.

Побледнев от страха, он оглядывал залитые луной заросли. Они находились на низком плато, где джунгли были, скорее, муссонным лесом, нежели лесом дождливым. Большие силк-коттоны и фикусы были здесь менее задушены кустарником и ползучими растениями, в отдалении

виднелись гигантские баньяны, вздымающиеся, как мрачные властелины серебристого безмолвия. Безмолвие. Тишина. Здесь она была какой-то неестественно глубокой. Они неясно слышали привычную болтовню птиц и обезьян, доносившуюся из чащ долины, и кашель тигров у подножия холмов Лаоса, но здесь, на плато, царила полная тишина.

Феррис подошел к неподвижному туземцу и осторожно прикоснулся к его тонкому, коричневому запястью. Несколько секунд он не чувствовал пульса, затем уловил его – неописуемо медленные удары.

– Один удар в две минуты, – пробормотал Феррис. – Как, к черту, он может жить?

Он осмотрел голую грудь человека. Она вздымалась… но так медленно, что его глаза с трудом могли заметить это движение. Грудь оставалась неподвижной несколько минут, затем медленно опускалась.

Феррис достал карманный фонарик и направил его свет в глаза туземца. Сначала не было никакой реакции, затем, очень медленно, веки поползли вниз и закрылись, какое-то время оставались закрытыми, наконец, открылись опять.

– Моргает… но в сто раз медленнее нормального! – воскликнул Феррис.

– Пульс, дыхание, реакция – все в сто раз медленнее. Этот человек либо в шоке, либо одурманен.

Затем он заметил кое-что, от чего его бросило в озноб.

Глаза туземца, казалось, с бесконечной медлительностью поворачивались в его сторону, а нога его была теперь поднята чуть выше. Он словно бы шел – но шел в сто раз медленнее нормального темпа.

Это было жутко. Затем произошло еще более жуткое. Раздался звук треснувшего сучка.

Пиэнг вскрикнул от ужаса и показал на заросли. И в лунном свете Феррис увидел…

В сотне футов поодаль стоял еще один туземец. Тело его наклонилось вперед, словно он застыл на бегу. Под его ногой и треснул сучок.

– Они поклоняются Великому Изменению! – хриплым голосом сказал проводник. – Мы не должны вмешиваться!

То же решил и Феррис. Очевидно, они наткнулись на какой-то жуткий обряд джунглей, а он слишком хорошо знал азиатов, чтобы захотеть вмешиваться в их религиозные таинства.

Его занятием здесь, в восточном Индо-Китае, была охота за тиком. В этих диких краях достаточно трудно бродить и без враждебных племен. Эти странные мертво—живые люди, одурманенные либо что там еще, не могли представлять собой опасность, если поблизости не было других.

– Идем, – коротко сказал Феррис.

Пиэнг поспешно двинулся вниз по склону лесного плато. Он ломился через кустарник, как напуганный олень, пока они не наткнулись на тропу.

– Это она... тропа к Правительственной станции, – произнес он с огромным облегчением. – Та самая, которую мы потеряли в ущелье. Я давно не забирался так далеко в Лаос.

– Пиэнг, что такое хунети? – спросил Феррис. – И о каком Изменении ты говорил?

Проводник внезапно сделался не таким многоречивым.

– Это такой ритуал. – И добавил с несколько вернувшейся самоуверенностью.

– Эти туземцы очень невежественны. Они не посещали школу миссии, как я.

– Что за ритуал? Ты говорил про Великое Изменение. Что это такое?

Пиэнг пожал плечами и с готовностью солгал:

– Не знаю. Во всем огромном лесу ему поклоняются люди, которые могут становиться хунети. Я не знаю, как.

Феррис размышлял, продолжая идти дальше. В туземцах было что-то жуткое... Почти полная остановка жизни, но не совсем – только неописуемое замедление ее.

Что могло быть причиной этого? И что, возможно, может быть целью этого?

– Мне кажется, тигр или змея могут быстро расправиться с человеком в таком состоянии.

Пиэнг энергично помотал головой.

– Нет. Человек, который хунети, в безопасности… по крайней мере, от животных. Ни один зверь не тронет его.

Феррис удивился. Может, из-за крайней неподвижности животные просто не обращают на них внимания?

Он должен в этом разобраться! Вот уже два дня он блуждает в джунглях Лаоса, с тех пор как покинул верхний Меконг, ожидая, что вот-вот выйдет к Французской Правительственной ботанической исследовательской станции, которая была его целью.

Он стряхнул с потной шеи кусачих крылатых муравьев и ему захотелось сделать привал, но, судя по карте, до станции оставалось всего несколько миль.

Стофутовые фикусы, красные деревья и солк-коттоны застилали лунный свет. Тропа все время извивалась, то огибая непроходимые бамбуковые заросли, то сворачивая к бродам через мелкие потоки, а переплетения лиан с дьявольским проворством подставляли в темноте ножку.

Феррис подумал, не потеряли ли они опять дорогу, и уже не в первый раз удивился, зачем он вообще уехал из Америки за этим проклятым тиком.

– Станция, – внезапно сказал Пиэнг с видимым облегчением. И тут же впереди них, на покрытом джунглями склоне, показался плоский выступ. Оттуда, из окон переносного бамбукового бунгало, лился свет. Проходя последние несколько ярдов, Феррис почувствовал всю накопившуюся усталость. Он подумал, получит ли здесь приличную постель и каким парнем окажется этот Беррью, похоронивший себя в таком богом забытом месте, как эта ботаническая станция.

Бамбуковый домик был окружен высокими, стройными красными деревьями, лунный свет заливал садик за низкой саппановой оградкой.

С темной веранды до Ферриса донесся голос, поразивший его, потому что это был девичий голос, говоривший по-французски:

– Пожалуйста, Андре! Не ходи туда!! Это безумие!

– Прекрати, Лиз! – резко ответил мужской голос. – Это уже надоело...

Феррис дипломатично кашлянул и сказал в темноту веранды:

– Месье Беррью?

Наступила мертвая тишина, затем дверь домика распахнулась, на Ферриса и его проводника хлынул поток света.

В этом свете Феррис увидел человека лет тридцати, с непокрытой головой, одетого во все белое – в его стройной фигуре чувствовалась какая-то жестокость. Девушка казалась лишь белым пятном в темноте.

Феррис поднялся по ступенькам.

– Я полагаю, у вас бывает не много гостей. Меня зовут Хью Феррис. У меня для вас письмо из Сайгонской конторы.

Наступило молчание, затем раздался голос:

– Может быть, вы зайдете, месье Феррис...

В освещенной лампами, с бамбуковыми стенами комнате Феррис быстро оглядел хозяев.

Для его опытного взгляда Беррью выглядел человеком, который слишком долго жил в тропиках – его белокурая красота потускнела в тропическом климате, глаза были лихорадочно беспокойны.

– Моя сестра Лиз, – представил он девушку, беря письмо из рук Ферриса. Удивление Ферриса возросло. Он до сих пор полагал, что это его жена. Зачем девушке лет под тридцать хоронить себя в такой глуши?

Он не удивился, заметив, что она выглядит несчастной. Она была бы вполне хорошенькой, если бы не имела такой мрачный, встревоженный вид.

– Хотите выпить? – спросила его Лиз, затем бросила тревожный взгляд на брата. – Теперь ты не пойдешь, Андре?

Беррью взглянул на залитые луной джунгли, и голодное напряжение его скул не понравилось Феррису.

– Нет, Лиз. Приготовь, пожалуйста, выпить и вели Ахра позаботиться о проводнике гостя.

Он быстро прочитал письмо. Феррис со вздохом сел на раскладной стул. Беррью окинул его тревожным взглядом.

– Значит, вы пришли за тиком?

Феррис кивнул.

– Мне предстоит только пометить деревья и снять с них кольца коры. Они должны простоять несколько лет, прежде чем их срубят.

– Уполномоченный пишет, что я должен оказывать вам всяческую помощь. Необходимо открытие новых тиковых вырубок.

Беррью медленно сложил письмо. Ясно, подумал Феррис, ему это не нравится, но все, что приказано, он сделает.

– Я сделаю все возможное, чтобы помочь вам, – пообещал Беррью. – Полагаю, вам понадобятся местные рабочие. Постараюсь раздобыть их для вас. – Затем в его глазах появилось странное выражение. – Но ту есть леса, неподходящие для вырубок. Позже я расскажу вам об этом поподробнее.

Феррис, с каждой секундой чувствуя все большую усталость после долгого пути, был благодарен за ром с содовой, который принесла ему Лиз.

– У нас есть маленькая свободная комната... Думаю, там вам будет удобно, – сказала она. Феррис поблагодарил.

– Я так устал, что усну хоть на бревне. Мои мускулы застыли, как будто я сам стал хунети.

Стакан Беррью вдребезги разбился об пол.

2. КОЛДОВСТВО НАУКИ

Не обратив внимания на разбившийся стакан, француз подошел к Феррису.

– Что вы знаете о хунети? – резко спросил он.

Феррис с изумлением заметил, что руки Беррью дрожат.

– Ничего, кроме того, что мы увидели в лесу. Мы наткнулись на стоящего в лунном свете человека, который выглядел мертвым, но таковым не был. Он лишь казался невероятно замедленным. Пиэнг сказал, что он хунети.

Что-то мелькнуло в глазах Беррью.

– Я так и знал, что Ритуал вызовет к себе!

Он оборвал себя. Это выглядело так, словно что-то заставило его на секунду забыть о присутствии Ферриса.

Лиз понурила белокурую головку и отвела от Ферриса взгляд.

– О чем вы говорите? – быстро спросил американец.

Но Беррью уже пришел в себя. Теперь он тщательно выбирал слова.

– Племена Лаоса имеют странные верования, месье Феррис. Их не всегда легко понять.

– В свое время я видел разную магию, – пожал плечами Феррис. – Но это что-то невероятное!

– Это наука, а не магия, – поправил его Беррью. – Древняя наука, рожденная много веков назад и передающаяся по наследству. Человек, которого вы видели в лесу, был под воздействием химического вещества, не найденного нашей фармацевтикой, но тем не менее, могущественного.

– Вы хотите сказать, что у этих туземцев есть препарат, который замедляет жизненные процессы до такого невероятно медленного темпа? – скептически спросил Феррис. – И современная науки ничего не знает о нем?

– Что в этом странного? Вспомните, месье Феррис, что столетие назад старые крестьянки в Англии лечили сердечные заболевания наперстянкой раньше, чем медики изучили ее целебные свойства и открыли дигиталис.

– Но почему туземцы в Лаосе хотят жить настолько медленнее?

– Потому что они верят, что в таком состоянии могут связываться с чем-то гораздо более великим, чем они сами.

– Месье Феррис, должно быть, очень устал, – прервала его Лиз. – Его постель готова.

Феррис заметил нервный страх на ее лице и понял, что она хочет положить конец этому разговору.

Он думал о Беррью, прежде чем погрузиться в сон. В этом парне было что-то странное. Его слишком волновали хунети.

Да, это было достаточно жутким, чтобы нарушить душевное равновесие любого, это невероятное и невозможное замедление жизненного темпа человеческих существ. «Связываться с чем-то гораздо более великим, чем они сами», – сказал Беррью.

Что это за боги, настолько чуждые, что человек должен жить в сто раз медленнее, чтобы связаться с ними?

На следующее утро он завтракал с Лиз на широкой веранде. Девушка сказала ему, что брат уже ушел.

– Немного попозже он возьмет вас с собой в туземную деревню, расположенную ниже в долине, чтобы найти для вас рабочих.

Феррис заметил признаки печали на ее лице. В основном, она безмолвно глядела на зеленый океан леса, расстилавшийся у подножия плато, на склоне которого они находились.

– Вы не любите лес? – осмелился спросить Феррис.

– Я ненавижу его. Здесь он подавляет.

– Почему же вы не уезжаете?

Девушка пожала плечами.

– Скоро уеду. Бесполезно оставаться здесь. Андре все равно не вернется со мной. – Немного погодя она пояснила: – Он пробыл здесь на пять лет больше договоренного. Когда я поняла, что он не собирается возвращаться во Францию, то приехала за ним. Но он не хочет уезжать. Он привязан здесь. Она резко замолчала. Феррис осмотрительно воздержался от вопроса, что она имела в виду под словом «привязан». Это могла быть туземная женщина, хотя Беррью не походил на людей такого типа.

Медленно тянулись жаркие утренние часы. Феррис, развалившись в кресле и наслаждаясь заслуженным отдыхом,

ожидал возвращения Беррью. Но тот не вернулся. И после того, как миновал полдень, Лиз выглядела все более и более встревоженной.

За час до заката она вышла на веранду в брюках и куртке.

– Я пройдусь до деревни... Скоро вернусь, – сказала она Феррису.

Она не умела врать. Феррис вскочил на ноги.

– Вы идете за своим братом. Где он?

Тревога и сомнение боролись на ее лице.

– Верьте мне, я хочу быть вашим другом. Ваш брат в чем-то замешан, не так ли?

Она кивнула, побледнев.

– Поэтому он не вернется со мной во Францию. Он не может заставить себя уехать. Это как ужасный, засасывающий порок.

– Что э т о?

Она покачала головой.

– Я не могу вам сказать. Пожалуйста, ждите меня здесь.

Он смотрел, как она уходит, и внезапно понял, что идет она не вниз по склону, а вверх, к вершине заросшего лесом плато.

Феррис быстро догнал ее.

– Вам не следует идти в лес одной на слепые поиски.

– Это не слепые поиски. Мне кажется, я знаю, где он, – прошептала

Лиз.

– Но вам туда ходить не нужно. Туземцам это не понравится.

Феррис внезапно понял.

– Это большая роща на вершине плато, где мы нашли туземцев хунети?

Ее несчастное молчание было достаточным ответом.

– Возвращайтесь в бунгало. Я найду его.

Она не шелохнулась. Феррис пожал плечами и двинулся вперед.

– Тогда мы пойдем вместе.

Она заколебалась, затем пошла за ним. Они поднимались по склону плато, пробираясь через лес.

Клонившееся к западу солнце посылало копья и стрелы горящего золота через щели в огромном балдахине листвы. Сплошная зелень леса дышала прогорклыми, горячими испарениями. Даже птицы и обезьяны совершенно молчали, задыхаясь в эти вечерние часы.

– Беррью замешан в этом странном обряде хунети?

Лиз взглянула на него, словно отрицая это, но затем опустила глаза.

– Да. Увлечение ботаникой заставило его заинтересоваться. Теперь он вовлечен.

Феррис был в недоумении.

– Как могут ботанические интересы затянуть человека в этот безумный, наркотический ритуал?

Лиз не ответила. Они шли молча, пока не добрались до вершины лесистого плато.

– Теперь мы должны идти тихо, – прошептала она. – Будет плохо, если нас здесь увидят.

Роща, покрывавшая плато, была пронизана горизонтальными лучами красного заходящего солнца. Огромные силкоттоны и фикусы казались колоннами, поддерживающими огромный соборный неф темнеющей зелени.

Чуть дальше вырисовывались чудовищные баньяны, которые он видел вчера в лунном свете. Все остальное казалось карликовым по сравнению с их массой, бесконечно древней и бесконечно величественной.

Феррис внезапно увидел туземца, маленькую коричневую фигурку в кустарнике в десятке ярдов впереди, потом еще двоих немного дальше. Они стояли совершенно неподвижно, отвернувшись от него.

Они хунети, понял Феррис, они погружены в странное состояние замедленной жизни, в это поразительное замедление всех жизненных процессов. Феррис ощутил бегущий по спине холодок.

– Вам лучше вернуться обратно и ждать, – пробормотал он через плечо.

– Нет, – прошептала она. – Вон Андре.

Феррис повернулся, всматриваясь в указанном направлении, затем тоже увидел Беррью. Его белокурая голова была обнажена, лицо, неподвижное, белое, походило на заставшую маску. Он стоял, как изваяние, под большой дикой фигой в ста футах правее их.

Х У Н Е Т И!

Феррис ожидал подобного, но от этого потрясение было не меньшим. Одно дело туземцы, мало значащие для него, как человеческие существа, но всего лишь несколько часов назад он разговаривал с нормальным Беррью, а теперь увидел его таким!

Беррью стоял в нелепой позе, напоминавшей старомодные «живые статуи». Одна нога слегка приподнята, тело чуть-чуть подалось вперед, а руки воздеты кверху.

Как и застывшие туземцы, Беррью был обращен лицом вглубь рощи, туда, где смутно виднелись гигантские баньяны.

Феррис коснулся его руки.

– Беррью, придите в себя.

– Бесполезно с ним говорить. Он не слышит.

Да, он не слышал. Он жил в таком замедленном темпе, что обычные звуки не достигали его ушей. Его лицо было жесткой маской, губы чуть-чуть приоткрыты для дыхания, глаза устремлены вперед. Медленно, очень медленно веки поползли вниз и прикрыли эти застывшие глаза, затем снова поднялись в бесконечно медленном моргании. Так же медленно его приподнятая нога двигалась вниз, к земле.

Движения, пульс, дыхание – все в сто раз медленнее нормального. Живой, но не человеческим образом – совершенно не человеческим.

Лиз была не так ошеломлена, как Феррис. Позднее он понял, что она уже видела брата в таком состоянии.

– Мы должны как-то отнести его в бунгало. Я не могу снова позволить ему остаться здесь на много дней и ночей!

Феррис с радостью взялся за маленькую практическую задачу, которая ненадолго отвлекла его мысли от этого застывшего ужаса.

– Мы можем соорудить носилки из курток. Я срежу пару шестов. Два бамбуковых ствола, продернутые в рукава курток, образовали временные носилки, которые они положили на землю.

Феррис поднял Беррью. Тело его было негнущимся, мускулы твердыми, как камень, из-за медленного темпа их движения.

Феррис положил молодого француза на носилки, затем взглянул на девушку.

– Поможете мне нести его или лучше сбегаете за слугой? Она покачала головой.

– Туземцы не должны знать об этом. Андре не тяжелый. Действительно, он не был тяжелым. Он был легкий, словно изнуренный длительной лихорадкой, хотя, как понимал Феррис, никакая лихорадка не могла быть причиной этого.

Зачем молодому ботанику уходить в лес и принимать какой-то мерзкий первобытный наркотик, замедляющий его почти до состояния ступора? Во всем этом не было смысла.

Лиз несла свою долю их живой ноши через сгущающиеся сумерки, в стойком молчании. Даже когда они время от времени клали Беррью, чтобы отдохнуть, она ничего не говорила.

Она молчала, пока они не добрались до темного бунгало и не положили Беррью на кровать. Тогда девушка упала в кресло и спрятала лицо в ладонях.

Феррис заговорил с грубоватой бодростью, которой не чувствовал сам:

– Не расстраивайтесь, теперь с ним все будет в порядке. Я быстро приведу его в чувство.

Она покачала головой.

– Нет, ничего не предпринимайте! Он должен прийти в себя сам, а это займет много дней.

Вот черт, подумал Феррис. Ему предстояло искать тик, а для этого нужна помощь Беррью в найме рабочих.

Затем маленькая, унылая фигурка девушки тронула его. Он похлопал ее по плечу.

– Хорошо, я буду помогать вам заботиться о нем. Потом мы вдвоем вколотим в него здравый смысл и заставим уехать домой. А пока позаботьтесь об ужине. Она зажгла газолиновую лампу и вышла. Он услышал, как она зовет слуг. Он взглянул на Беррью и снова почувствовал легкую тошноту. Француз лежал, уставившись в потолок. Он был жив, дышал, однако, замедленность жизненного темпа отрезала его от Ферриса так же надежно, как и смерть.

Нет, не совсем. Медленно, так медленно, что Феррис едва мог заметить движение, глаза Беррью повернулись к нему.

В комнату вошла Лиз. Она казалась спокойной, но он уже немного узнал ее и по лицу понял, что она испугана.

– Слуги ушли! Ахра и девушки... и ваш проводник. Должно быть, они увидели, как мы принесли Андре.

– Они ушли, потому что мы принесли человека, который хунети? – спросил Феррис.

– Да. Все племена боятся этого ритуала.

Феррис потратил несколько секунд, чтобы тихонько выругать исчезнувшего проводника.

– Пиэнг трясся, как испуганный кролик, при виде хунети.

Хорошенькое у меня здесь начало работы!

– Может, вам тоже лучше уйти, – неуверенно сказала Лиз, затем, противореча самой себе, добавила: – Нет, я не могу быть такой героиней! Пожалуйста, останьтесь!

– Не сомневайтесь. Я не могу уплыть по реке и доложить, что увильнул от работы из-за...

Он замолчал, так как она не слушала его. Она смотрела мимо него на кровать.

Феррис повернулся. Пока они разговаривали, Беррью двигался. Ужасно медленно, но двигался.

Его ноги были уже на полу. Он вставал. Тело было напряжено в усилии и медленно, несколько минут, поднималось.

Затем его правая нога начала почти незаметно отрываться от пола. Он пошел, только в сто раз медленнее нормального.

Он пошел к двери.

В глазах Лиз стояла тоскливая жалость.

– Он пытается вернуться в лес. И будет пытаться, пока он хунети!

Феррис осторожно перенес Беррью на кровать, чувствуя на лбу испарину. Что же завлекает поклоняющихся в странный транс замедленной жизни?

3. УЖАСНАЯ ПРИМАНКА

Феррис повернулся к девушке.

– И сколько ваш брат пробудет в таком состоянии? – спросил он.

– Долго, – с трудом ответила она. – Потребуется много недель для того, чтобы хунети прошло.

Феррису не понравилась такая перспектива, но он ничего не мог с этим поделать.

– Ладно, будем ухаживать за ним вместе.

– Одному все время придется стеречь его, – сказала Лиз. – Он будет продолжать попытки уйти в лес.

– С вас пока достаточно. Этой ночью я присмотрю за ним.

Феррис стерег его и эту ночь, и еще много ночей. Дни складывались в недели, а туземцы все еще избегали этого дома, и он не видел никого, кроме бедной девушки и мужчины, живущего в ином состоянии, недели все остальные люди.

Беррью не менялся. Он, казалось, не спал, не хотел ни пить, ни есть. Глаза его не закрывались, не считая бесконечно медленных морганий. Он не спал и не переставал

двигаться. Он был все время в движении, только это происходило в таком жутком, замедленном темпе, что его можно было едва уловить.

Лиз оказалась права. Беррью хотел вернуться в лес. Он жил в сто раз медленнее нормального и явно мыслил каким-то жутким образом, все время пытаясь вернуться в объятый тишиной, угрожающий лес, где они его нашли.

Феррис устал переносить неподвижную фигуру обратно в кровать и, с разрешения девушки, связал Беррью лодыжки. Но легче от этого не стало. В некотором отношении, стало еще более страшно сидеть в освещенной лампой спальне и наблюдать за медлительными попытками Беррью освободиться. Замедленная протяженность каждого крошечного движения действовала Феррису на нервы. Ему хотелось дать Беррью какого-нибудь успокоительного, чтобы усыпить его, но он не осмеливался на это.

Он обнаружил на предплечье Беррью крошечный надрез, запачканный какой-то липкой зеленью. Возле него были рубцы от других, более старых надрезов. Неизвестно, какое сумасшедшее снадобье вводилось таким образом в человека, чтобы сделать его хунети. Феррис не осмеливался попытаться нейтрализовать его действие.

Наконец, однажды ночью Феррис поднял глаза от надоевшего ему старого иллюстрированного журнала и вскочил на ноги.

Беррью лежал на кровати, но только что моргнул, моргнул с нормальной скоростью, а не замедленным, почти невидимым движением.

– Беррью, – быстро сказал Феррис, – вы меня слышите?

Беррью окинул его долгим недружелюбным взглядом.

– Я вас слышу. Могу я спросить, зачем вы вмешались?

Это застало Ферриса врасплох. Он так долго исполнял роль сиделки, что невольно стал думать о Беррью, как о больном, который будет ему благодарен.

Теперь он понял, что Беррью испытывает холодный гнев, а вовсе не благодарность.

Француз развязывал лодыжки. Движения его были неуверенными, руки дрожали, но встал он нормально.

– Ну? – спросил он.

Феррис пожал плечами.

– Ваша сестра отправилась за вами. Я помог ей принести вас в дом, только и всего.

На лице Беррью промелькнул легкий испуг.

– Это сделала Лиз? Но это же нарушение Ритуала! Это может навлечь на нее беду!

Негодование и нервное напряжение внезапно придали Феррису жестокости.

– Почему вы беспокоитесь о Лиз сейчас, когда долгие месяцы делали ее несчастной, принимая участие в туземном колдовстве?

Беррью не вспылил, как он ожидал. Молодой француз с трудом ответил:

– Верно, я причинил Лиз горе.

– Беррью, зачем вы это делаете? К чему это ужасное занятие – становиться хунети, жить в сотню раз медленнее? Что вы имеете от этого?

Тот измученными глазами посмотрел на Ферриса.

– Делая это, я вхожу в лучший мир, мир, который существует вокруг нас всю нашу жизнь, но которого мы вовсе не понимаем.

– Что это за мир?

– Мир зеленой листвы, корней и ветвей. Мир растительной жизни, который мы никогда не сможем понять Из-за разницы между его жизненным темпом и нашим. Феррис начал смутно понимать.

– Вы хотите сказать, что, будучи хунети, живете в том же самом темпе, что и растения?

– Да, – кивнул Беррью, – и простое изменение жизненного темпа открывает двери в неизвестный, невероятный мир.

– Но каким образом?

Француз показал на полузаживший надрез на голой руке.

– Туземное снадобье, замедляющее метаболизм, сердцебиение, нервные сигналы – все. Оно основано на хлорофилле, зеленой крови растительной жизни, комплексе химических веществ, дающем растениям возможность получать энергию непосредственно из солнечного света. Туземцы готовят его прямо из трав по своему методу.

– Я не думаю, – скептически возразил Феррис, – что хлорофилл может оказать какое-то воздействие на животный организм.

– Говоря это, – парировал Беррью, – вы показываете, что ваши биохимические сведения устарели. Девятнадцатого марта сорок восьмого года двое чикагских химиков предложили массовое производство экстракта хлорофилла, заявив, что введение его собакам и крысам способствует огромному продлению жизни, изменяя способности клеток к окислению. Да-да, продлевает жизнь, замедляя ее! Растения живут дольше людей, потому что живут не так быстро. Можно сделать так, что человек будет жить столь же долго – И СТОЛЬ ЖЕ МЕДЛЕННО, – что и дерево, введя хлорофилловое соединение в его кровь.

– Так вот что вы имели в виду, – сказал Феррис, – говоря, что иногда примитивные народы опережают современные научные открытия?

– Раствор хлорофиллового хунети может быть древним секретом, – кивнул Беррью. – Я уверен, что он всегда был известен отдельным избранным среди примитивных народов мира... – Он мрачно глядел мимо американца. – Культ деревьев столь же древен, как и человеческая раса. Священное дерево шумеров, рощи Додоны, дубы друидов, ясень Игдразиль скандинавов, даже наша собственная Рождественская Елка – все они исходят от первобытного поклонения этой иной, чужой жизни, с которой мы разделяем Землю. Я уверен, что немногочисленные посвященные всегда знали, как изготовить хлорофилловое снадобье, дающее

возможность добиться связи с этим видом жизни, живя в таком же медленное ритме времени.

Феррис пристально посмотрел на него.

– Но как вы проникли в эту странную тайну?

– Посвященные были мне благодарны, – пожал плечами Беррью, – потому что я спас здешние леса от возможной гибели. – Он прошел в угол комнаты, оборудованной под ботаническую лабораторию, и достал пробирку. Пробирка была заполнена мельчайшими серо-зелеными спорами. – Это Бирманская болезнь, от которой высохли огромные леса южного Меконга. Смертоносная штука для тропических деревьев. Она начала распространяться в этой области Лаоса, но я показал племенам, как остановить ее. Тайная секта хунети сделала меня своим членом в качестве вознаграждения.

– Но я все еще не могу понять, зачем такому образованному человеку, как вы, принимать участие в безумных действиях местных мумбо-юмбо?

– Мой бог, да я битый час пытаюсь дать вам ключ к пониманию, показать, что мое любопытство, как ботаника, заставило меня принять участие в Ритуале и пользоваться этим снадобьем! – Беррью забегал по комнате. – Но вы не можете понять... не больше, чем поняла Лиз! Вам не понять чудо, необычность и красоту впечатлений живущего этой другой жизнью!

Что-то в бледном, увлеченном лице Беррью, в его беспокойных глазах внушало Феррису жуткое чувство, от которого по коже забегали мурашки. Его слова, казалось, на секунду подняли завесу, сделали привычное неясно чужим и опасным.

– Послушайте, Беррью! Вы должны покончить с этим и немедленно уехать отсюда.

– Знаю, – невесело усмехнулся француз. – Я много раз говорил себе это, но уехать не смог. Разве я могу бросить такие ботанические открытия?

В комнату вошла Лиз, измученно глядя на брата.

– Андре, разве ты не уедешь со мной домой? – умоляюще спросила она.

– Или вас настолько засосала эта безумная привычка, что уже не трогает разбитое сердце родной сестры? – сурово добавил Феррис.

– Вы ограниченная парочка! – вспыхнул Беррью. – Вы обращаетесь со мной, как с наркоманом, понятия не имея о тех удивительных ощущениях, которые я испытал. Я ухожу в иной мир, вокруг чужая Земля, какую вы никогда не видели. И мне хочется возвращаться туда снова и снова.

– С помощью хлорофиллового снадобья превращаясь в хунети? – мрачно спросил Феррис.

Беррью вызывающе кивнул.

– Нет, – сказал Феррис, – не выйдет. Если вы сделаете это, мы снова пойдем и принесем вас сюда. Вы совершенно беспомощны перед нами, когда становитесь хунети.

Беррью пришел в ярость.

– Я никак не могу остановить вас! Ваши угрозы опасны!

– Совершенно, верно – спокойно согласился Феррис. – Входя в замедленный темп жизни, вы беспомощны перед нормальными людьми. И я вовсе не угрожаю, я пытаюсь спасти ваш разум!

Вместо ответа Беррью выскочил из комнаты. Лиз взглянула на американца, в ее глазах блестели слезы.

– Не бойтесь, – успокоил ее Феррис. – Со временем он справится с этим.

– Я не боюсь, но мне кажется, что он постепенно сходит с ума.

В душе Феррис согласился. Каков бы ни был соблазн неизвестного мира, в который вступал Беррью, замедляя свой жизненный ритм, этот соблазн захватил его бес всякой надежды на освобождение.

В этот день в бунгало царило подавленное молчание. Слуг не было, Беррью дулся в своей лаборатории, Лиз слонялась вокруг с несчастным видом. Но Беррью не пытался уйти, хотя Феррис ждал этого и был готов к конфликту.

С наступлением темноты Беррью, казалось, преодолел свою обиду. Он помог приготовить ужин.

За едой он был почти весел, но его лихорадочные шуточки не совсем нравились Феррису. По безмолвному соглашению, никто из троих не заговаривал о том, что занимало их мысли.

– Идите спать, – сказал Феррис Лиз, когда Беррью удалился. – За последнее время вы столько недосыпали, что ходите теперь полусонной. Я покараулю его.

Пройдя к себе в комнату, Феррис обнаружил, что дремота напала и на него. Он опустился в кресло, борясь со сном, от которого тяжелели веки. Затем он внезапно понял.

– Снотворное! – воскликнул он и обнаружил, что голос его прозвучал чуть громче шепота. – Что-то было подмешано в ужин!

– Да, – раздалось в ответ. – Да, Феррис.

В комнату вошел Беррью. В слипающихся глазах Ферриса он расплывался до гигантских размеров. Он подошел вплотную, и Феррис увидел в его руках шприц, конец иглы которого был замазан клейкой зеленью.

– Простите, Феррис. – Беррью стал заворачивать Феррису рукав, а у того не было сил сопротивляться. – Мне очень жаль, что приходится делать это с вами и с Лиз, но вы были препятствием. Это единственный способ, которым я могу помешать вам притаскивать меня сюда.

Феррис ощутил укол иглы. Больше он ничего не чувствовал.

4. НЕВЕРОЯТНЫЙ МИР

Феррис проснулся и несколько секунд думал о том, что его так изумляет, затем все понял.

Это был дневной свет. Он загорался и гас каждые несколько минут. В спальне повисала ночная тьма, потом внезапно вспыхивал рассвет, очень недолго сиял день и снова наступала ночь.

День приходил и уходил, пока он оцепенело наблюдал, как медленно, неизменно бьется гигантская пульсация – систола и диастола света и тьмы.

Дни укоротились до минут? Как это может быть? И затем, окончательно проснувшись, он вспомнил.

– ХУНЕТИ! Он ввел хлорофилловую вытяжку мне в кровь!

Да, теперь он был хунети, живущий в сто раз медленнее нормального темпе. Он прожил уже несколько суток!

Феррис поднялся на ноги, вставая, он столкнул с подлокотника свою трубку. Она не упала. Она внезапно исчезла и в следующее мгновение уже лежала на полу.

– Она упала, но так быстро, что я не заметил падения.

Феррис почувствовал головокружение от столкновения со сверхъестественным, и обнаружил, что весь трясется.

Он попытался взять себя в руки. Это не колдовство. Это тайная и дьявольская наука, но не нечто необъяснимое.

Сам он чувствовал себя, как обычно, лишь окружающее, особенно быстрая смена дня и ночи, говорило ему, что он изменился.

Он услышал вскрик и заковылял в гостиную. Лиз бежала ему навстречу. Она была в куртке и штанах, явно решив, что брат ее снова ушел. На ее лице был написан страх.

– Что происходит? – закричала она. – Свет...

Феррис взял ее за плечи.

– Не стоит нервничать, Лиз. Случилось то, что мы стали хунети.

Это сделал ваш брат – подсыпал в ужин снотворного, а затем ввел нам соединение хлорофилла.

– Но зачем?

– Разве вы не понимаете? Он сам стал хунети, уйдя в лес. Мы могли бы легко вернуть его обратно, если бы оставались нормальными. Тогда, чтобы предотвратить это, он изменил также и нас.

Феррис прошел в комнату Беррью. Как он и ожидал, француза там не было.

– Я пойду за ним. Надо вернуть его назад, может, у него есть противоядие от этой гадости. Подождите меня здесь. Лиз ухватила его за руку.

– Нет! Я сойду с ума, если останусь одна!

Она была на грани истерики. Феррис не удивился. Одна только быстрая смена дней и ночей могла выбить из колеи любого.

– Хорошо, но подождите, я кое-что возьму.

Он вернулся в комнату Беррью и взял большое мачете, которое заметил раньше в углу, затем увидел кое-что еще, блестевшее в пульсирующем свете на лабораторном столе ботаника.

Феррис сунул находку в карман. Если нельзя будет вернуть Беррью силой, то, угрожая этой штукой, можно будет подействовать на него. Они с Лиз торопливо вышли на веранду, спустились по ступенькам и остановились в испуге.

Огромный лес перед ними теперь стал кошмарным видением. Он волновался и кипел неземной жизнью – огромные ветви царапали и хлестали друг друга, словно сражались за свет, лианы с невероятной быстротой вползали на них под шелестящие голоса растительной жизни.

Лиз отпрянула назад.

– Лес живой!

– Точно такой же, как и всегда, – успокоил ее Феррис. – Это мы изменились – живем теперь так медленно, что растения кажутся нам живущими быстрее.

– И Андре ушел туда! – Лиз содрогнулась, затем решимость вернулась на ее бледное лицо. – Но я не боюсь.

Они пошли к плато гигантских деревьев. Их окружала ужасная нереальность этого невероятного мира.

Феррис не чувствовал в себе никаких изменений, не было никакого ощущения замедленности. Его движения и восприятие были нормальными, просто окружающая растительность приобрела дикую подвижность, не уступающую по быстроте животной жизни.

Трава вырастала прямо под ногами, пуская к свету крошечные зеленые стрелы. Бутоны набухали, взрывались, распуская в воздухе яркие лепестки, выдыхали свой аромат – и умирали.

Новые листья выскакивали на каждой веточке, проживали свой короткий век и падали, увядая. Лес постоянно менялся калейдоскопом красок от бледно-зеленой до желто-коричневой, так что рябило в глазах.

Но она не была ни мирной, ни безмятежной, эта жизнь леса. Раньше Феррису казалось, что растения существуют в спокойной инертности, в отличие от животных, которые вынуждены постоянно охотиться или быть дичью. Сейчас же он понял, как ошибался.

Вот рядом с гигантским папоротником выросла тропическая крапива. Спрутоподобная, она разбросала свои щупальца через растение. Папоротник корчился, листы его бешено метались, стебли старались освободиться, но жалящая смерть победила.

Лианы, словно гигантские змеи, ползли по деревьям, обвивали стволы, переплетались среди ветвей, втыкали свои голодные паразитические корни в живую кору.

А деревья сражались с ними. Феррис видел, как ветви били и хлестали по убийцам—лианам. Это напоминало борьбу человека с давящими кольцами питона, очень напоминало, потому что деревья и другие растения различали друг друга. На свой странный, чужой лад они были такими же чувствующими, как и их более быстрые братья—животные.

Охотники и дичь. Душащие лианы, смертельно прекрасные орхидеи, точно рак, разъедающим здоровую кору лепрозы, древесные грибки – они были волками и шакалами в своем лиственном мире.

Даже среди деревьев шла мрачная и непрерывная борьба. Силк-коттоны, бамбук и фикусы – они так же знали боль, ужас и страх смерти.

И Феррис услышал их. Теперь, с замедленными до невероятной восприимчивости нервами, он услышал голос леса, истинный голос, вовсе не похожий на знакомые звуки ветра в ветвях. Древнейший голос рождения и смерти, что звучал задолго до появления на Земле человека и будет звучать после его исчезновения. Сначала он уловил только огромный, шелестящий гул, затем смог различать отдельные звуки – тонкие крики травы и побегов бамбука, проклевывающихся и вырастающих из земли, свист и стон опутанных и умирающих ветвей, смех молодых листочков высоко в небе, вкрадчивое шипение свернувшихся кольцами лиан. А также он услышал мысли, словно рождавшиеся в голове, древние мысли деревьев.

Феррис почувствовал ледяной страх. Он не ожидал услышать мысли деревьев. А быстрая, неизменная смена тьмы и света все продолжалась. Дни и ночи пролетали с ужасной скоростью над хунети.

Лиз, идущая по тропинке возле него, испустила легкий вскрик ужаса. Черная змея лианы выскочила на нее из кустов с быстротой кобры и мгновенно образовала кольцо, чтобы обвить ее тело. Феррис, взмахнув мачете, перерубил лиану, но она ринулась снова, вырастая с ужасающей быстротой, нащупывая его своим безголовым концом.

Он снова рубанул, чувствуя тошнотворный страх, и потащил девушку вперед, на вершину плато.

– Я боюсь! – вскрикнула она. – Я слышу мысли... мысли леса.

– Это всего лишь вам кажется. Не прислушивайтесь к ним! Но он тоже слышал их! Очень смутно, на пределе слышимости, но ему казалось, что с каждой минутой – или с каждым днем длиной в минуту – он получает все более ясные телепатические импульсы от этих организмов, что живут своей бессонной жизнью бок о бок с людьми, но однако навсегда отделены от них, не считая тех, кто становится хунети.

Ему показалось, что характер леса изменился, что лес узнал, как он убил лиану. Массы деревьев разгневались, беспокойное метание и стоны вокруг усилились.

Ветви били Ферриса и Лиз, лианы со слепыми головами и змееподобными телами старались нащупать их. Кусты и ежевика злобно царапали их своими колючими руками. Тонкие молодые деревца хлестали их ветками, словно покрытыми листьями кнутами. Быстро растущие бамбуковые побеги пытались оплести им ноги, тростник стучал друг о друга, словно в гневе.

– Это всего лишь нам кажется! – сказал Феррис девушке. – Сейчас лес живет в одном темпе с нами, и мы воображаем, будто ему известно о нас.

Он знал, что должен верить в это, должен верить, иначе сойдет с ума.

– Нет! – закричала Лиз. – Нет! Лес знает, что мы здесь.

Панический страх уже угрожал самоконтролю Ферриса, когда и без того безумный рев леса усилился. Он ринулся бежать, таща за собой девушку, стараясь прикрыть ее своим телом от ярости леса.

Они забежали далеко в глубину рощи на вершине плато под пульсирующей сменой дня и ночи и теперь вокруг них шумели древесные гиганты – силк-коттоны и фикусы, хлещущие друг друга ветвями, борясь за открытое небо, – гиганты-соперники, рядом с которыми двое людей казались пигмеями.

Но подлесок все еще шумел и яростно волновался, все еще щипал и колол бегущих людей. И по-прежнему, но яснее, сильнее, мозг Ферриса ловил смутное влияние загадочных импульсов.

Потом, затопив все эти смутные и бурлящие мысли, пришли огромные, подавляющие, величественные импульсы, мысли—голоса, глубокие, сильные и чужие, как голоса первобытной Земли.

– Остановите их! – словно эхом отозвалось в голове Ферриса. – Остановите их! Убейте их! Они наши враги!

– Андре! – дрожащим голосом вскрикнула Лиз.

И тут Феррис увидел его, стоящего в тени чудовищных баньянов. Его руки были воздеты к этим колоссам, словно Беррью молился им. Гиганты вздымались над ним и над всем лесом.

– Остановите их! Убейте их!

Теперь они так гремели, эти величественные мысли—голоса, что Феррис с трудом мог разбирать слова. Он приближался к ним, приближался... Теперь он понял, хотя рассудок отказывался принимать это, понял, откуда идут эти величественные голоса и почему Беррью поклоняется баньянам. Конечно, они были подобны богам, эти зеленые колоссы, которые жили много веков, чьи воздушные корни падали вниз, шевелились и старались нашарить что-то, как сотни щупалец!

Феррис свирепо отбросил прочь эти мысли. Он человек, он принадлежит миру людей и не обязан поклоняться этим чужим владыкам. Беррью повернулся к ним. Его глаза пылали гневом, и Феррис понял, прежде чем Беррью открыл рот, что он не в своем уме.

– Идите сюда, вы оба! – приказал он. – Вы глупцы, раз пришли сюда за мной! Вы убивали, идя через лес, и лес знает об этом!

– Послушайте, Беррью, – обратился к нему Феррис, – вы должны вернуться с нами. Лес – это безумие!

Беррью хрипло рассмеялся.

– Безумие, что теперь Владыки обратили свои гневные голоса против вас? Вы слышите их в своем сознании, но боитесь признать это! Бойтесь, Феррис! Для этого есть причина! Вы много лет убивали деревья, как недавно убили лиану, и лес знает, что вы – враг!

– Андре! – всхлипнула Лиз, полускрыв лицо в ладонях. Феррис почувствовал, что голова трещит от этой безумной сцены. Быстрая, непрекращающаяся смена света и тьмы, шелестящий рев кипящего вокруг них леса, ползущие, как

змеи, лианы, и ветви, хлеставшие их, и гигантские баньяны, гневно качающиеся высоко над головой...

– Это мир, в котором человек живет всю свою жизнь, которого не видит и не ощущает, – кричал Беррью. – Я прихожу в него снова и снова, и каждый раз более ясно слышу голоса Великого Единства! Старейшие и мудрейшие существа на нашей планете! Давным-давно люди знали это и поклонялись им, чтобы перенимать от них мудрость. Да, поклонялись им, как Игдразилю и Дубу друидов, и Священному Дереву! Но современные люди забыли эту Землю, все, кроме меня, Феррис, – кроме меня! Я обрету в этом мире мудрость, о какой вы даже и не мечтали. И вам, глупый слепец, не удастся увести меня от нее!

Феррис понял, что уже поздно уговаривать Беррью. Он слишком часто переходил на эту иную Землю, которая была настолько чужой человечеству, словно лежала на другом конце вселенной.

Но в кармане куртки у него была вещица, с помощью которой он может заставить Беррью повиноваться.

Феррис достал ее из кармана и поднял так, чтобы тот смог увидеть ее.

– Вы знаете, что это такое, Беррью! И вы знаете, что я могу с ней сделать, если вы вынудите меня!

Бешеный страх заметался в глазах Беррью, когда он узнал маленькую блестящую пробирку из своей лаборатории.

– Бирманская болезнь! Вы не сделаете этого, Феррис! Вы не выпустите ее ЗДЕСЬ!

– Сделаю, – хрипло сказал Феррис. – Сделаю, если вы сейчас же не пойдете с нами.

Страх и бешеная ненависть горели в глазах Беррью, когда он смотрел на безвредную, заткнутую пробкой пробирку с серо—зеленой пылью.

– Я убью вас за это! – твердо сказал он.

Закричала Лиз. Черные лианы подкрались к ней, пока она стояла, закрыв лицо руками, и, обвившись вокруг ее ног,

куда-то потащили. Лес, казалось, торжествующе взревел. Лианы, ветви, ежевика и стелющиеся растения ринулись к ним. Невнятно гремели странные телепатические голоса.

– Убейте их!

Феррис прыгнул в свернувшуюся кольцами массу лиан и взмахнул мачете. Он резал кольца, державшие девушку, рубил ветки, бешено хлеставшие их.

Сильным ударом по локтю Беррью выбил мачете из его рук.

– Я говорил вам не убивать, Феррис! Я предупреждал вас!

– Убейте их! – пульсировали чужие мысли.

Беррью снова заговорил, не отрывая глаз от Ферриса:

– Беги, Лиз. Уходи из леса. А этот... убийца должен умереть.

Он бросился на Ферриса, в его белом лице и стиснутых кулаках ясно читалась смерть.

Они упали, сжимая друг друга в объятиях, и уже скользили вокруг них лианы, делая петли и опутывая их, и стягивая их все туже!

А затем лес закричал.

Акустические и телепатические крики раздались одновременно, полные ужаса. Крики были полны нечеловеческой агонии.

Хватка Беррью разжалась. Француз, спутанный вместе с Феррисом кольцами лиан, поднял в ужасе глаза.

Затем и Феррис увидел, что случилось. Маленькая пробирка разбилась, ударившись о ствол баньяна, когда Беррью напал на Ферриса.

И щепотка серо—зеленой плесени разнеслась по лесу быстрее, чем пламя! Вырвавшись на свободу, серо—зеленый убийца распространялся, размножаясь с ужасной быстротой!

– Боже! – завопил Беррью. – Нет... Нет!..

Даже в нормальном темпе болезнь распространяется мгновенно, а для Ферриса и остальных, живших в замедленном темпе, она бушевала холодным пламенем смерти.

Она охватила стволы, ветви и воздушные корни величественных баньянов, съедая листья, споры и почки. Она торжествующе понеслась по земле, по лианам, траве и кустам, ворвалась на другие деревья по воздушным мостам лиан.

И она прыгала среди лиан, опутавших двух человек! В безумной, смертельной агонии лианы корчились и стягивались.

Феррис почувствовал затхлую плесень во рту и ноздрях, ощутил, как лианы, словно стальные кабели, выдавливают из него жизнь. Мир потемнел...

Затем сверкнуло и просвистело стальное лезвие, и давление ослабло. Голос Лиз достиг его ушей, руки Лиз пытались вытащить его из умирающих, сжимающихся лиан, которые она частично перерубила. Он выкарабкался на свободу.

– Мой брат! – задыхаясь, воскликнула Лиз.

Феррис неуклюже рубил мачете массу умирающих, корчащихся змей—лиан, все еще опутывающих Беррью.

Когда Феррис разрезал лианы, показалось его лицо. Оно было темно-багровым, застывшим, с остановившимися, мертвыми глазами. Петля лианы обвилась вокруг его шеи.

Лиз опустилась возле него на колени, горько рыдая, но Феррис поставил ее на ноги.

– Нужно убираться отсюда! Он мертв... но я позабочусь о его теле.

– Нет, оставь его здесь, – всхлипнула она. – Оставь его здесь, в лесу.

Мертвые глаза, видящие смерть чужого мира, с которым он теперь слился навеки... Да, это было правильно.

Сердце Ферриса дрогнуло, когда он пошел с Лиз назад через лес, колыхавшийся и бушевавший в смертных муках.

Далеко во все стороны летела серо-зеленая смерть. И все слабее, слабее доносились странные телепатические крики. Он так и не был уверен, что слышал их на самом деле.

– Мы умираем, братья! Мы умираем!

А затем, когда Феррису уже казалось, что его здравый ум вот-вот погибнет под весом чужой агонии, произошла внезапная перемена.

Пульсация смены дня и ночи стала растягиваться, каждый период света и тьмы становился все длиннее и длиннее...

Период головокружительного беспамятства вменился полным сознанием. Они неподвижно стояли в большом лесу, в ярком солнечном свете.

Они больше не были хунети.

Хлорофилловый экстракт в их телах исчерпал свою силу, и они вернулись к обычному темпу человеческой жизни.

Лиз ошеломленно подняла глаза на лес, который теперь казался застывшим, мирным, безмятежным – и в котором серо—зеленая болезнь ползла так медленно, что они не видели ее движения.

– Тот же лес, и он по-прежнему корчится в агонии, – хрипло сказал Феррис. – Но теперь мы снова живем с нормальной скоростью и не можем этого видеть.

– Пожалуйста, уедем! – Девушка содрогнулась. – Прочь отсюда, сейчас же!

У них заняло около часа вернуться в бунгало и упаковать вещи, которые можно было унести с собой.

Они вышли на тропу, спускавшуюся к Меконгу.

В свете заходящего солнца была хорошо видна область больного леса, значительно продвинувшаяся вдоль их пути к реке.

– Эта болезнь убьет весь лес? – спросила девушка.

– Нет, лес будет бороться и со временем победит. Но для него это будет очень нескоро. По нашему счету – через годы, десятилетия. Хотя он это воспримет быстрее, свирепая борьба бушует уже сейчас.

Когда они тронулись в путь, Феррису показалось, что в его голове все еще пульсирует слабый, отдаленный, чужой крик:

– Мы умираем, братья!

Он не оглянулся, но знал, что никогда больше не вернется ни в этот, ни в какой другой лес, что с его профессией покончено и больше он никогда не убьет ни одно дерево.

Я не хотел надевать форму астронавта, когда выписался из госпиталя. Но другой одежды с собой не было, и я слишком торопился унести оттуда ноги.

Погрузившись в лайнер на Лос-Анджелес, я пожалел об этом. Пассажиры глазели на меня, словно на диковинку, и оживленно перешептывались. Стюардесса одарила особо пленительной улыбкой и, должно быть, насплетничала пилоту, потому что тот вышел в салон, с чувством пожал мне руку и произнес: "Я полагаю, мистер, этот перелет для вас не больше, чем детская забава".

Чуть позже рядом остановился невысокий мужчина, озираясь в поисках места. Найдя его прямо перед своим носом, он уселся со вздохом облегчения. Это был суетливый очкарик лет под шестьдесят. Ему потребовалось несколько минут, чтобы справиться с ремнем безопасности. Только затем он заметил мою форму и медные буквы на груди, означавшие "Вторая экспедиция".

— Погодите... — пробормотал он, моргая подслеповатыми глазками. — Да вы же один из тех парней, что недавно вернулись. Выходит, были на Марсе!

— Был, — мрачно подтвердил я. Очкарик поглядел на меня с восхищением.

— Скажите, ну и как там, в небесах?

Самолет уже поднялся в воздух, и я видел в иллюминатор, как аризонская пустыня быстро уходит вниз.

— По—разному. Там все иначе.

Ответ, казалось, полностью его удовлетворил.

— Ясное дело, иначе, — кивнул он. — Вы, наверное, теперь возвращаетесь домой, мистер...

— Хаддон. Сержант Фрэнк Хаддон.

— Так вы домой, сержант?

— Нет, я живу в Огайо, а этот самолет летит в Лос-Анджелес, объяснил я. — Надо встретиться кое с кем, прежде чем вернусь в свой городок.

— Замечательно! Надеюсь, вы славно проведете время, сержант! Просиял очкарик и подмигнул, словно желая мне обойти все калифорнийские бордели и выпустить пар после долгого марсианского воздержания. — Вы отлично потрудились и заслужили нашу любовь и уважение. Я читал, что, когда ООН пошлет на Марс еще пару экспедиций, мы построим там города, наладим регулярные пассажирские рейсы и тому подобное. Я усмехнулся.

— Вам вешают лапшу на уши, мистер. Мы можем с таким же успехом превратить в цветущий сад пустыню Мохаве, это куда ближе, да и обойдется дешевле. Есть только одна причина, по которой нам все-таки стоит осваивать Марс, — это уран.

Похоже, очкарик не совсем поверил мне, но спорить не стал:

— О да, конечно, — сказал он с напускным энтузиазмом. — Я слышал, что уран очень нужен для наших атомных станций, но... но это не все, верно?

— Это все, — сухо отрезал я. — Во всяком случае, на долгое, долгое время.

— Но, сержант, в газетах писали...

Я закрыл глаза и слегка вздремнул, пока мой неугомонный сосед пересказывал газетные бредни. А когда проснулся, лайнер уже заходил на посадку.

Мы спустились по трапу, и очкарик прочувственно потряс мне руку на прощанье.

— Рад был познакомиться с вами, сержант! Вам здорово досталось там, на Марсе. Я слышал, что многие парни из Второй экспедиции не вернулись на Землю.

— Да, — сказал я. — Я тоже слышал об этом.

На меня вновь нахлынул холод ледяных марсианских пустынь. Я поспешил в ближайший бар, опрокинул двойной бурбон и только после этого почувствовал себя лучше.

Выйдя на улицу, я поймал такси и назвал водителю Сан—Габриэль. За рулем сидел толстяк с широким красным лицом.

— Будь спок, — сказал он. — Ты небось один из тех парней, что летали на Марс?

— Точно. — Я уселся рядом с ним.

— Здорово! — воскликнул он, с радостным изумлением глядя на меня. Ну и как там, в небесах?

— Не поверите, но в полете мы просто дохли от скуки, — усмехнулся я.

— Понятное дело. — Он вырулил на переполненную машинами улицу. — Когда мне было двадцать лет, я воевал в Европе с немцами, во вторую мировую войну. Нас встречали в сорок пятом как героев, но, честно говоря, девять десятых времени мы валяли дурака, ни черта не делали. Похоже, в армии мало что изменилось с тех времен.

— Вообще—то экспедиция на Марс не была армейской, — объяснил я. Организовала ее ООН, но нами командовали офицеры, и дисциплина строилась по военному образцу.

— Конечно, там ни черта не изменилось, — упрямо повторил водитель. Не надо объяснять мне, приятель, что это такое. Вспоминаю, как мы с ребятами в сорок втором...

Я откинулся на спинку сиденья и из-под прикрытых век лениво смотрел, как мимо мелькают дома, утопающие в зелени. Солнце било в переднее стекло и казалось раскаленным, а дышать в салоне было почти нечем. Не так, конечно, как в Аризоне, но все-таки.

Таксист спросил, куда мне надо в Сан-Габриэле. Я достал из кармана пакет, выбрал письмо с надписью "Джо Валинез" и прочел водителю обратный адрес. И вновь спрятал письма в карман. Хотел бы я никогда не получать их!

Но что делать, если родители Джо Валинеза написали мне прямо в госпиталь? И девушка Джима, и семья Уолтера. Пришлось пообещать повидаться с ними. Я всю жизнь считал бы себя последним мерзавцем, если бы плюнул на все и махнул домой в Огайо.

Теперь, в машине, я предпочел бы оказаться мерзавцем, но ехать домой, в Хармонвилл.

Валинезы жили в южной части Сан-Габриэля, в квартале, носившем заметный отпечаток мексиканского стиля. Здесь располагалось множество лавок и одно—двухэтажных домишек с огороженными двориками. Все выглядело очень мило и аккуратно, особенно после намозоливших мне глаза калифорнийских коробок.

Я попросил таксиста подождать, а сам вошел в магазинчик. За прилавком стоял высокий смуглый человек со спокойными, немного печальными глазами. Увидев меня, он на мгновение замер, потом басистым голосом позвал жену. Обойдя прилавок, он с трогательной улыбкой пожал мне руку.

— Вы, конечно, сержант Хаддон, — сказал он. — Мы так вас ждали.

Из подсобки появилась его жена, на первый взгляд слишком старая, чтобы быть матерью такого безусого мальчишки. Приглядевшись, я понял — она постарела от горя.

— Принеси стул, — сказала она мужу. — Что стоишь — видишь, гость устал с дороги? Он же прямо из госпиталя...

Я сел и тупо уставился на ящик с консервированным перцем. Валинезы стали расспрашивать меня обо всем: и как я себя чувствую, и рад ли вернуться на Землю, и что там с моей семьей, и прочее.

Они были воспитанными людьми и даже не заикнулись о своем Джо, но по глазам чувствовалось — они жаждали моих воспоминаний о своем погибшем сыне, как манны небесной. Мне было чертовски неловко, поскольку я мало знал Джо. Его ввели в состав экспедиции только за пару недель до отлета. А погиб он первым — откуда мне было его знать?

Я не нашел ничего лучше, чем спросить:

— Командование написало вам об обстоятельствах его смерти? Валинез печально кивнул.

— Да — что он умер от перегрузок, спустя сутки после взлета. Очень трогательное письмо, сержант.

Его жена вздохнула:

— Да, сочувственное и, нам кажется, искреннее.

Она пытливо взглянула на меня и добавила:

— Но вы можете рассказать нам остальное, мистер Хаддон. Все подробности. Не бойтесь причинить нам боль.

Да, я мог — если бы захотел, конечно. Все происшедшее сразу после старта настолько сильно впечаталось в память, что я мог бы хоть ежедневно прокручивать это, словно кинокадры.

Я мог бы рассказать этой милой чете все о взлете, который убил их сына. Длинной колонной мы подошли к ракете-4, печатая шаг, и без спешки поднялись по пандусу внутрь. То же самое происходило и у 19 остальных ракет, входивших в состав Второй экспедиции.

Я чуть "перемотал" пленку моей памяти вперед и увидел себя в отсеке 14, вместе с десятью другими парнями. Мы лежали, спеленутые, в гамаках, окруженные со всех сторон металлическими стенами, в которых не было даже крошечного иллюминатора. Каждый раз, когда на плато рядом с нами стартовала очередная ракета, нас подбрасывало, словно на спине необъезженного мустанга. Наконец очередь дошла и до нас. Раздался оглушительный грохот, и чья-то невидимая рука вдавила нас в гамаки так, что мы не могли вздохнуть. Кровь гудела в ушах, в желудке плясали таблетки, которыми нас напичкали перед стартом, а из-за металлических стен доносился чейто громоподобный вой: "Б-р-роом! Б-р-роом! Б-р-р-роом!.."

Удар за ударом сотрясали наши внутренности, не давая передохнуть. Кто-то стонал от боли, кто-то всхлипывал, но все эти звуки заглушало ужасное: "Б-р-роом! Б-р-р-роом!" Наконец дьявольский хохот гиганта стал утихать, вибрация уменьшилась, и мы вновь почувствовали наши бедные, вывернутые наизнанку тела, удивляясь, что остались живы.

Мой сосед справа Уолтер Миллис разразился отборной руганью. Брейк Джерден со стоном выкарабкался из своего кокона, чтобы поглядеть, что осталось от его отряда, и тогда мы услышали чей—то тонкий, срывающийся голос:

— Брейк, я, похоже, ранен...

Это был Джо. На его губах запеклась кровь, дыхание было натужным, хриплым, но главное было в другом — с первого взгляда мы поняли, что он не жилец. Лицо его приобрело восковой оттенок. Сложив руки на груди, Джо поглядел на нас тоскливым взглядом. Он все понимал, как и мы. Первая экспедиция показала, что определенный процент экипажа при старте непременно получит повреждения внутренних органов, и с этим ничего нельзя было поделать. В нашем отсеке несчастливый билет вытащил Джо.

Всем, и ему в том числе, было бы куда легче, если бы он умер во время взлета. Увы, ему не повезло. Пришли врачи, заковали его грудь в гипсовый жилет, накачали наркотиками и продлили агонию на многие часы. А у нас, остальных, все так болело и ныло, что сочувствия на беднягу Джо попросту не хватало.

Наконец парень совсем дошел до ручки. Он стал громко стонать, умоляя снять с него гипс. Уолтер Миллис был единственным, кто отозвался на эту просьбу, но Брейк не согласился. Они начали спорить, не стесняясь в выражениях, а мы лежали в своих гамаках и слушали. Все это тянулось довольно долго, пока один из соседей Валинеза не заметил, что парень подозрительно затих. Ему уже ничего не было нужно.

Мы позвали врачей, и они унесли беднягу на носилках. Да, я мог рассказать Валинезам, как умер их единственный сын, — почему бы и нет?

— Пожалуйста, мистер Хаддон, расскажите нам все, как было... прошептала миссис Валинез, со слезами глядя на меня. Ее муж нахмурился и коротко кивнул. Тогда я наконец решился.

— Вы знаете, что Джо умер в космосе, — начал я. — Он получил во время старта серьезные повреждения внутренних органов и сразу же потерял сознание. К счастью, ему не пришлось страдать — очнувшись, он почти сразу же скончался. И боли, похоже, не ощущал. Он лежал и глядел в иллюминатор на звезды. Они были прекрасны, эти далекие солнца, словно ангелы, Джо смотрел на них спокойным взглядом, а затем что-то прошептал, повернулся на бок и заснул навеки. Миссис Валинез, обливаясь слезами, тихо запричитала:

— Боже, спасибо за твою милость. Мой сын умер, глядя на звезды, что летели в космосе, словно ангелы...

Я не мог смотреть на это. Поднявшись, я пошел к выходу, а Валинезы даже не взглянули мне вслед. Они сидели, держась за руки, как дети, и плакали.

Выйдя из лавки, я достал сигареты. Но не успел закурить, как на пороге позник Валинез. Он растроганно потряс мне руку:

— Спасибо, сержант Хаддон. Мы вам очень благодарны.

— Я просто выполнил свой долг, — сказал я и поспешил к такси.

Захлопнув дверцу, достал конверт с надписью "Джо Валинез" и разорвал его в мелкие клочья. Я возблагодарил бы Господа, если бы никогда не получал этого письма — и других, что лежали у меня в кармане, тяжелые, словно могильные плиты.

Я сел на утренний самолет, направляющийся в Омаху. Сразу же после взлета заснул, и ко мне вернулись кошмары...

Чей-то голос прокричал:

— Идем на посадку!

И ракета начала опускаться. Мы вновь лежали в гамаках, спеленутые ремнями безопасности, и мечтали, чтобы в стенах были иллюминаторы, и мы бы видели, что происходит снаружи. Но еще больше хотели, чтобы при посадке ни одна ракета не разбилась — или хотя бы не НАША ракета...

— Спуск продолжается...

Двигатель гремел под нами словно молот, но не постоянно, как при старте, а взрывными сериями: "Бом-бом-бом-бом", затем пауза и снова: "Бом-бом-бом-бом". Сержант Брейк кричал что-то, но слова терялись в реве, доносящемся из-за стенок — ракета уже вошла в атмосферу.

Грохот двигателя стал иным — теперь откуда-то снизу доносилось непрерывное: "Краш-краш-краш!" Нам оставалось только молиться: "Господи, спаси, спаси, спаси!.."

Последовал последний, самый сильный удар, и отсек погрузился во тьму. Лампы, даже аварийные, разом погасли. Все заорали одновременно. Потом кто-то склонился надо мной в темноте и голосом Брейка Джердена приказал:

— Фрэнк, снимай ремни и вылезай! И все остальные — вылезайте немедленно!

Мы сели на Марс и остались живы. Но мы были полумертвы от усталости, а начальству не терпелось начать действовать.

Загорелся тусклый аварийный свет. Брейк орал, не переставая:

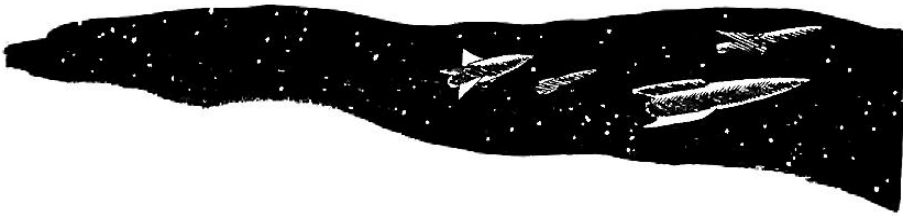
— Надеть дыхательные маски! Немедленно! Надо срочно выходить наружу!

— Мой Бог, мы только что сели, разобраны на части, так что и пальцем не пошевелить... мы просто не в силах!

— А я говорю, надо выходить! Несколько ракет разбилось при посадке! Мы должны помочь раненым! Надеть маски! Быстро, сукины дети!

Пришлось оставить свои гамаки. Месяцы муштры в Центре подготовки не прошли даром. Джим Клаймер был уже на ногах, Уолтер пытался распутать ремни в гамаке подо мной. Кто-то отчаянно ругался в полутьме, и ему вторили несколько других голосов.

Когда я наконец спрыгнул на пол, мои колени подогнулись. Рядом приземлился юный Лассен и тут же завалился на бок. Джим было склонился над ним, но Брейк, стоя у распахнутого люка, орал без передышки:



— Выходите, парни! Выходите, черт бы вас побрал! Мы побежали вниз по трапу. Зажим маски так давил мне на нос, что я не мог толком вздохнуть. Внизу, у спущенного пандуса, стоял офицер и кричал, чтобы мы выходили наружу и присоединялись к пятому отряду.

Холод. Ледяной холод, и бледное сияние маленького сморщенного Солнца в медном небе, и волнистая, охряно-красная песчаная равнина до самого горизонта... Песок скрипел под башмаками, когда наш отряд проследовал за капитаном Веллом к далекой металлической глыбе, которая лежала, непривычно наклоненная носом вниз, на склоне высокой дюны.

— Торопитесь, парни! Быстрее!

У груды металла, что когда-то была ракетой-7, нас ожидало кошмарное зрелище. Корпус был смят в гармошку, словно бумажный. Через трещины выползали окровавленные люди, взывая о помощи. Из лопнувших топливных баков доносилось громкое бульканье...

Но нет, все это случилось позже. Сейчас я был еще на борту ракеты-4, и мы еще не сели на Марс, а только подлетали к загадочной красной планете...

— Внимание, заходим на посадку...

Нет, я не хотел вновь пережить этот проклятый сон! Я орал что было мочи и отчаянно боролся с ремнями безопасности — и наконец очнулся. Оказалось, я сижу в кресле самолета, и перепуганная стюардесса стоит рядом. Увидев, что я пришел в себя, она пролепетала:

— Это Омаха, сержант! Мы идем на посадку.

Глаза пассажиров были устремлены на меня, и я понял, что опять кричал во сне. Спина была мокрой, как каждую

ночь в госпитале, когда я просыпался от собственных воплей.

Я дрожащими руками застегнул ремень. Пассажиры уже смотрели в иллюминаторы.

Был полдень, и горячее солнце Небраски грело мне спину, когда я достиг здания аэропорта. Мне повезло — оказалось, что автобус в Куффингтон отправляется с минуты на минуту.

Рядом со мной сел фермер — крупный парень с короткой стрижкой и мясистым лицом. Он сразу же предложил

сигарету и поведал, что до Куффингтона всего несколько часов езды.

— Вы живете там? — поинтересовался он, с любопытством разглядывая мою форму.

— Нет, в Огайо, — ответил я. — Мой друг Клаймер из этих мест.

Фермер не знал его, но вспомнил, что будто бы один из городских ребят на самом деле был включен в состав Второй экспедиции.

— Да, — кивнул я. — Это и был Джим.

Он ухмыльнулся и задал мне все тот же дурацкий вопрос:

— Ну и как там, в небесах, мистер?

— Сухо, — ответил я. — Чертовски сухо. Ни капли воды.

— Я так и думал, — сказал он. — По правде говоря, у нас тоже нынче засуха будь здоров. А вот в прошлом году было отлично. В прошлом году...

Куффингтон оказался небольшим городком, окруженным золотистыми полями пшеницы, тянувшимися до самого горизонта. Центральная улица была заставлена по обеим сторонам магазинами и лавками, остальные густо заросли кустарником и больше напоминали аллеи старого парка.

Было жарко, и я не спешил покидать автостанцию. Пролистав тонкий телефонный справочник, я обнаружил три фамилии Грэхем. Первая же из них принадлежала мисс Илле Грэхем — той, которую я искал. Узнав, что с ней разговаривает по телефону друг Джима, она взволнованно воскликнула, что немедленно приедет и просит подождать.

Я стоял под навесом, смотрел на тенистую улочку, по которой запросто разгуливали индюки, и думал — вот почему Джим Клаймер был тихим и спокойным. Точно таким же, как это место.

Подъехал двухместный автомобиль, и мисс Грэхем приглашающе открыла дверцу. Она оказалась миловидной шатенкой, выглядевшей так, словно перенесла длительную болезнь.

Видимо, я тоже был не в форме, поскольку она сочувственно взглянула на меня и сказала:

— Наверное, вы очень устали с дороги, мистер Хаддон. Я чувствую угрызения совести, что не предложила остановиться у меня на день-два.

— Я в полном порядке, мисс Грэхем, — заверил я. — И очень тороплюсь домой, в Огайо, а мне надо перед этим еще побывать в паре мест...

Когда мы неспешно ехали по улицам города, я спросил, нет ли у Джима здесь других родственников.

— Увы, нет, — ответила мисс Грэхем. — Его родители погибли в автомобильной катастрофе несколько лет назад. Джим некоторое время жил с дядей на ферме в окрестностях Грандвейта, но они не поладили. Тогда Джим переехал к нам и стал работать на местной электростанции.

Свернув на соседнюю улочку, она добавила:

— Моя мама сдавала Джиму квартиру. Об этом все знают.

— Понимаю, — сказал я.

Грэхемы жили в большом квадратном доме с просторной верандой. Во дворе росли старые липы. Мы вошли в дом, и девушка предложила мне сесть в плетеное кресло около окна. Чуть позже она привела свою мать — маленькую, сгорбленную старушку. Мы немного поговорили, и старая миссис Грэхем поведала мне, что Джим был для нее словно родной сын. Она настолько разволновалась, увидев меня, что дочь вскоре увела ее обратно в соседнюю комнату.

Вернувшись, она уселась в кресле рядом со мной и показала небольшую связку голубых конвертов.

— Это письма, которые я получила от Джима, — сказала она грустно. Их немного, и они такие короткие...

— Нам разрешали посылать только тридцать слов каждые две недели, объяснил я. — На Марсе нас было около двух тысяч, и передатчик не мог работать на нас все время.

— Удивительно, как много вкладывал Джим в эти несколько слов, сказала она и протянула мне несколько писем.

Я прочитал парочку. Одно гласило: "Порой я пытаюсь ущипнуть себя, не веря, что я один из первых землян, ступивших на чужую планету. По ночам я часто выхожу наружу, смотрю на зеленую звезду Земли и говорю себе — а ведь я помог осуществить вековую мечту человечества!"

В другом послании Джим писал: "Этот мир угрюмый, пустынный и таинственный. Мы мало знаем о нем. До сих пор никто не видел здесь ничего живого, за исключением лишайников, открытых Первой экспедицией, но на Марсе наверняка есть и другие формы жизни". Мисс Грэхем спросила:

— Вы нашли что-нибудь, кроме лишайников, мистер Хаддон?

— Да, два или три вида растений, напоминающих земные кактусы, сказал я. — И еще много, очень много песка и скал. Это все.

Когда я читал эти маленькие письма, я стал лучше понимать Джима. В них открылось кое-что, о чем я раньше не подозревал. Оказалось, в душе он был романтиком — этот тихий, медлительный парень, сторонившийся шумных компаний. Он относился к Марсу и к нашей экспедиции далеко не так прагматично, как многие другие.

Марс обманул нас. После того, как мы насытились планетой по горло, иначе, как Дыра, ее никто и не называл. А вот Джима наше поспешное разочарование огорчило, и он замкнулся в себе, словно улитка, дабы не дай Бог не проговориться, что он до сих пор без ума от марсианских закатов.

— А вот последнее письмо, которое я получила от Джима, — мисс Грэхем натянуто улыбнулась и протянула еще один конверт.

Текст гласил: "Я отправляюсь завтра в пустыню с картографической экспедицией. Мы будем путешествовать по местам, где не ступала нога человека".

— Я тоже был там, — сказал я. — Мы с ним ехали в одном краулере.

— Джим, наверное, был счастлив до глубины души?

Я задумался. Этот поход оказался сущим адом. Нам предстояло сделать не так много — провести предварительную топографическую разведку, а также сделать замеры радиоактивности с целью определения возможных залежей урана.

Все это было чертовски трудно, но вполне терпимо. Но нам не повезло вскоре после нашего отъезда из лагеря началась песчаная буря.

Марсианский песок, чтоб ему было неладно, непохож на земной. За миллиарды лет он превратился в тончайшую пыль, которую ветер гонял взад—вперед над мертвой, сухой пустыней. Песок с легкостью проникал везде — под дыхательные маски, защитные очки, в двигатели краулеров, в пищу, в воду и даже в практически герметичные комбинезоны. В течение трех дней пути вокруг нас не было ничего, кроме лютого холода, ветра и песка.

Был ли Джим счастлив при виде этой красной преисподней? Еще недавно я только посмеялся бы над столь нелепым предположением, но сейчас уже не был так уверен. Кто его знает. Джим был очень вынослив и терпелив, даже больше, чем я. Может быть, он и на самом деле воспринимал этот кошмар как самое восхитительное и увлекательное приключение.

— Да, конечно же, он был счастлив, — сказал я, честными глазами глядя на мисс Грэхем. — Все мы были в восторге. Да и любой на нашем месте испытывал бы те же самые чувства. Мисс Грэхем слегка улыбнулась и забрала письма Джима.

— Вы тоже переболели марсианской лихорадкой, мистер Хаддон? спросила она.

Я сказал, что да, но в более легкой форме, чем Джим. И продолжил:

— Врачи так и не разобрались, вызывают ли ее какие-то вирусы, или это просто реакция на непривычные условия. Сорок процентов наших ребят переболело этой лихорадкой. Обычно она протекала не так уж и тяжело, неприятны были только жар и дурнота.

— Надеюсь, за Джимом ухаживали как следует? — спросила девушка. Ее губы немного дрожали.

— Конечно, за ним хорошо ухаживали, — заверил я. — Для него сделали все, что только было в наших силах.

Все, что было в наших силах? Это звучало смешно. Первая помощь, может, и была оказана. Никто не ожидал, что так много людей заболеет. Мест в нашем госпитале не хватало, и большинство больных оставалось на своих койках. Все наши врачи, кроме одного, тоже заболели, а двое даже скончались.

Эпидемия обрушилась на нас месяцев через шесть после прибытия. От тоски мы начинали уже потихоньку сходить с ума. Все ракеты, кроме четырех, уже вернулись на Землю. В нашем лагере, окруженном скалами и песчаным морем, под осточертевшим медным тазом неба оставалось всего несколько сот человек...

Первый энтузиазм давно исчез. Мы устали и тосковали по дому, по зеленой траве, восходу Солнца — настоящего Солнца, а не того бледного пятна, от которого просто тошнило. Мы жаждали вновь увидеть лица женщин, услышать плеск волн — но все это было недоступно, пока нам на смену не прилетит Третья экспедиция. Все насытились Марсом по горло. И тогда нагрянула лихорадка.

— Уверяю вас, мисс Грэхем, мы сделали для Джима все возможное, повторил я.

Конечно, так оно и было. Я вспомнил, как мы с Уолтером топали через ледяную ночь к госпиталю, чтобы позвать на помощь врача. Брейк остался дежурить рядом с Джимом. Но мы не нашли никого.

Когда мы плелись обратно, Уолтер поднял голову к небу и погрозил кулаком зеленой звезде Земли.

— Ты только подумай, Фрэнк, пока мы здесь помираем, там парни танцуют с девчонками, пьют пиво с друзьями и ржут, как мустанги!

Почему мы должны здесь дохнуть, как мухи? Чтобы найти уран для их драгоценных атомных станций?

— Брось, — устало возразил я. — Джим не умрет. И другие тоже. "Сделали все возможное"? Да. Все, что мы могли, — это вымыть Джиму лицо, дать ему успокоительные таблетки и беспомощно наблюдать, как он умирает.

— Никто не смог бы сделать больше на нашем месте, — уверил я мисс Грэхем, на этот раз вполне искренне.

— Рада слышать это... — прошептала девушка. Ее губы дрожали. Казалось, она вот-вот разрыдается.

Когда я собрался уходить, мисс Грэхем неожиданно спросила, не хочу ли я взглянуть на комнату Джима. Она с матерью сохранили ее такой, как до его отъезда в Центр подготовки. '

Я не хотел задерживаться, но как признаешься? Изобразив на лице горячий интерес, поплелся за девушкой. Комната была тесной и скудно обставленной, впрочем, иного я и не ожидал. Мисс Грэхем открыла шкаф, до половины заставленный аккуратными рядами старых журналов.

— Здесь собраны все научно—фантастические журналы, которые Джим читал еще мальчишкой, — с трогательной улыбкой сказала девушка. — Он хранил их, словно сокровища.

Я взял один в руки. На яркой обложке был изображен космический корабль, совершенно непохожий на наши угловатые сигары, а за ним — сияющие кольца Сатурна. Рядом не хватало только зеленокожей, едва одетой красавицы с бластером в руке. Но все равно это выглядело очень романтично.

Полистав пожелтевшие страницы, я поставил журнал на место. Мисс Грэхем немедленно поправила его так, чтобы он не выбивался из общего ряда. Казалось, она опасалась, что Джим может вот-вот прийти, и ему не понравится такой вопиющий беспорядок.

Она настояла на том, чтобы подвезти меня до аэропорта. Казалось, она очень огорчена моим отъездом. И все потому, что я последний видел ее Джима живым.

Когда мы расстались, я вздохнул с облегчением. По пути к кассам я размышлял, скоро ли пройдет ее горе. Видимо, да. Люди умеют забывать, и это правильно, иначе жизнь превратилась бы в сущий ад. Со временем она выйдет замуж за какого-нибудь симпатичного молодого человека и думать забудет о Джиме.

И тогда скорее всего она просто выбросит старые журналы, которые так много значили для паренька, заснувшего вечным сном на планете своей мечты.

Будь моя воля, я бы ни за что не полетел в Чикаго. Но отец Уолтера Миллиса позвонил мне в госпиталь дважды, и в последний раз сообщил, что пригласил родителей Брейка приехать из Висконсина, дабы они также имели счастье лицезреть "героя космоса и друга их сыновей". Как я мог возразить?

Мистер Миллис встретил меня в аэропорту. Энергично пожав мне руку, он сказал, что очень благодарен и весьма ценит мой порыв — ведь я, судя по всему, тороплюсь домой, к родителям.

— Верно, — сказал я.—Но они навещали меня в госпитале, так что могу немного и потерпеть.

Это был крупный, приятного вида мужчина, одетый в тщательно выглаженные брюки и рубашку с короткими рукавами, аккуратно заправленную за пояс. От него веяло солидностью преуспевающего бизнесмена. Он казался очень дружелюбно настроенным, но порой я ловил его косые взгляды, в которых светилось удивление, словно он не мог понять, почему это я вернулся на Землю, а его Уолтер — нет. И я не мог обвинять его.

Нас ждал лимузин с водителем. Мы поехали через город, направляясь в северные кварталы. По пути мистер Миллис с гордостью продемонстрировал местные достопримечательности, в том числе атомную электростанцию.

— Это одна из многих тысяч подобных станций, рассеянных по всему миру, — с видом знатока объяснил он. — Они дают огромную экономию природных энергоносителей:

нефти, газа и угля. Марсианский уран — великая вещь, сержант.

— Да, — сказал я, — само собой разумеется.

Меня прошибал пот при мысли, что он вот-вот начнет расспрашивать о сыне. Я понятия не имел, что ему рассказать. Слишком широко разевать пасть не следовало, ибо кое-что из происшедшего было отнесено к строжайшим секретам. Всех нас заставили дать подписку о неразглашении, а это не шутка.

Но мистер Миллис не давал мне собраться с мыслями. Он болтал без умолку. Я узнал, что его жене нездоровится, что Уолтер был их единственным ребенком, а сам он — крупной шишкой в строительном бизнесе и прочее, и прочее.

Мне он не понравился. Уолтер был отличным парнем, но папаша выглядел надутым индюком, только и знающим, что распространяться об акциях, биржевых сделках, ценах на недвижимость и тому подобное.

Он желал знать, как скоро, по моему мнению, добыча марсианского урана станет рентабельной. Я честно признался, что очень нескоро.

— Видите ли, Первая экспедиция провела лишь рекогносцировку, объяснил я. — Вторая занималась картографическими работами и подыскивала место для будущей базы. Конечно, дело будет продолжено. Я слышал, что в Третьей стартует добрая сотня ракет. Но Марс — это далеко не подарок.

Мистер Миллис, конечно же, не согласился. Земля испытывает энергетический голод, и потому дела пойдут куда быстрее, чем я думаю.

Внезапно он спросил:

— Кто был лучшим другом Уолтера в вашей экспедиции, мистер Хаддон? Ведь у него были там друзья?

Он спросил это извиняющимся, почти жалобным голосом, и, хотя он и был надутым индюком, моя неприязнь к нему мгновенно улетучилась.

— Брейк Джерден, — сказал я. — Брейк был сержантом в нашем отряде, и они с Уолтером с самого начала держались вместе.

Мистер Миллис кивнул и больше не возвращался к этой теме. Он указал в сторону далекого озера и сообщил, что мы почти приехали.

Это оказался не просто дом, а большой особняк. В гостиной нас ожидала миссис Миллис. Она была бледной, молодящейся особой из числа тех, кто вечно занят только собой. Она изобразила на лице вселенскую скорбь и простонала, что очень рада видеть друга ее бедного Уолта. И хотя ее супруг был индюком, мне показалось, что он переживает потерю сына куда больше, чем эта дамочка.

Он проводил меня в одну из спален и предложил немного передохнуть перед обедом, тем более что родители Брейка еще не приехали.

Я сидел на диване, оглядывая комнату. Она была куда шикарнее всех, что мне доводилось видеть. Теперь, когда я познакомился с обитателями этого роскошного особняка, мне стало понятно, почему Уолтер свихнулся.

Он был хорошим парнем, но слишком темпераментным и, как я понимаю теперь, немного избалованным. Дисциплина тренировочной базы оказалась для него черсчур жесткой, и пережитый надлом должен был рано или поздно сказаться. Так и произошло.

Я глядел из окна на бассейн и теннисный корт и задавался вопросом: кому это нужно теперь, когда Уолтера нет. Даже странно — имея все это, он кончил фактически самоубийством.

Я прилег на кровать, отогнув покрывало, чтобы не испачкать его ботинками — снимать их было неохота. От мысли о предстоящем обеде "в тесном семейном кругу" было тошно. Что хуже всего, я понятия не имел, какова официальная версия случившегося.

"Командование Второй экспедиции с глубоким прискорбием сообщает, что Ваш сын умер героем, — его пристрелили как бешеную собаку..."

Чушь, конечно, они придумали что-то другое. Но что? Дьявол, рассердился вдруг я, почему эти совершенно посторонние люди не хотят оставить меня в покое? Почему я должен отдуваться один? Врач—психолог в госпитале посоветовал мне поскорее забыть обо всем, а они заставляют меня вновь и вновь переживать случившееся. Черт бы их всех побрал, почему бы не поехать спокойно домой и послать всех подальше?.. Но я не мог.

Не исключено, что лучше всего рассказать правду. Ведь Уолтер был далеко не единственным, кто свихнулся в марсианской пустыне. В последние два особенно жутких месяца у многих поехала крыша. И было с чего!

"Третья экспедиция не прилетит!"

"Мы завязли в этом дерьме по уши, а эти сволочи не хотят послать нам помощь!"

Только об этом и говорили в те дни на нашей базе. И тому были веские причины. Четверо из нас загнулись от лихорадки, припасы кончались, медикаменты тоже. Все чаще по вечерам мы поднимались на соседние холмы и глядели в небо, ожидая ракет, которые все не прилетали.

На Земле произошла небольшая заминка. Чисто техническая — не уставал объяснять нам полковник Николс (он стал нашим командующим после смерти генерала Райена). Все проблемы уже решены, толковал он, и ракеты, вероятно, в пути. Надо еще чуть-чуть продержаться...

Держаться? Этим мы только и занимались, поскольку работники из нас были уже никакие. По ночам мы лежали на койках в одном из металлических бараков и слушали, как заходится кашлем бедняга Лассен. А там, за стенами, выл и хохотал ветер, несясь через ледяную пустыню.

Однажды вечером Уолтер сказал, с тоской глядя в окно:

— А если Третья не прилетит, а? Неужто мы будем здесь сидеть и гнить? У нас есть четыре ракеты — места хватит для всех. Лицо Брейка помрачнело.

— Уолт, сколько можно болтать? Лучше поспи.

— А ты мне рот не затыкай! Мы тебе не герои из вшивого боевика. Если о нас забыли на Земле, почему мы должны сидеть сложа руки?

— Мы должны ждать, — терпеливо ответил Брейк. — По нашим сведениям, три ракеты вот-вот прибудут.

Мне кажется, всего этого кошмара не случилось бы, если б однажды ночью один из парней не ворвался в барак с воплем: "Они здесь! Они сели на запад от гряды скал!"

Когда мы сломя голову прибежали туда, ракетами там и не пахло. Вместо них мы обнаружили лишь воронки от небольших метеоритов.

Думаю, наших ребят это потрясло. Сам я в это время лежал без сознания с острым приступом лихорадки. И только спустя пару часов узнал, что на базе вспыхнул бунт.

Когда надо мной склонился Брейк, я увидел, что на его плече висит винтовка, а на рукаве красуется повязка "Военная полиция". Я спросил, что случилось. Он объяснил: речь идет о захвате ракет.

— Уолтер? — догадался я, и Брейк с мрачным видом кивнул.

— Да, возглавляет бунтовщиков. Чертов идиот!

— Даже не верится, — пробормотал я. — Для таких дел у него вроде бы кишка тонка.

— С дисциплиной этот парень был всегда не в ладах, — процедил Брейк. — Нам повезло, что у заговорщиков такой дерьмовый лидер... Пока, Фрэнк, увидимся позже.

Мы увиделись позже, но не совсем так, как я ожидал. До этого целый день я слышал выстрелы за стенами барака, а затем прозвучал вой сирены, по коридору пронесся топот, и краулеры куда-то укатили.

Собравшись с силами, я оделся и с трудом дотащился до выхода из барака. Машины направлялись в сторону ракет. Рядом остановился джип, и капрал втащил меня внутрь.

— Эти чертовы глупцы украли ружья! — заорал он. — И теперь пытаются захватить ракеты, чтобы улететь на Землю!

Я смутно помню бешеную тряску по дороге к месту боя. Когда мы подоспели, все, к счастью, было кончено. Несколько парней суетились рядом с опорами ракеты, копая в земле яму. Стоящий неподалеку майор Вейлер хрипло выкрикивал приказ за приказом. Но никто его не слушал.

На краю ямы лежали восемь человек, и большинство из них были мертвы. Уолтер был застрелен прямо в сердце. Как вождь бунтовщиков, он первым бросился в атаку и был почти сразу же убит. Один из наших полицейских также скончался от ран, а на кителе другого расплывалось красное пятно. Это был Брейк.

Он умер этой же ночью, не приходя в сознание, и чуть позже отдал концы бедолага Лассен. Я сам едва дотянул до утра, уже почти не надеясь выкарабкаться.

Когда рассвело, выяснилось, что от нашего отряда в четырнадцать человек осталось всего пятеро...

Ну как могло руководство NASA обнародовать такие факты? Впрочем, и нам самим не очень—то хотелось вспоминать о марсианском бунте. Но сейчас я попал в нелепое положение. Придется беседовать одновременно с родителями и Брейка, и Уолтера. Конечно же, они захотят узнать, как погибли их сыновья. А правда в том, что они попросту убили друг друга.

Так что же им сказать? Я знал только, что командование официально сообщило о некоем "несчастном случае". Но как он расшифровывался в извещениях, направленных родственникам, я и понятия не имел.

К двум часам я неохотно спустился в гостиную. Здесь меня уже ждали родители Брейка. Мистер Джерден оказался высоким костлявым мужчиной со спокойными

голубыми глазами — такими же, как у его сына. Он не сказал и двух слов, но его миниатюрная, склонная к полноте супруга говорила за обоих.

Она сообщила, что я выгляжу точно так же, как на фотографиях, которые Брейк присылал из Центра подготовки, и что у нее, слава Богу, остались три дочери, две из них вышли замуж, одна живет в Милуоки, другая — на побережье, а Брейка она назвала в честь героя одной из книг Стивенсона.

Чтобы остановить этот словесный поток, я соврал, что читал эту книгу, и высказал мнение, что Брейк— прекрасное имя.

Миссис Джерден посмотрела на меня сияющими глазами и согласилась:

— Да, чудесное имя.

Обед прошел замечательно. Хозяева уставили стол всеми возможными яствами, о которых на Марсе я и думать забыл. Затем мы уселись на веранде, мужчины достали сигары — и все дружно посмотрели на меня.

Вздохнув поглубже, я спросил, известно ли им, что случилось с их сыновьями. Мистер Миллис ответил — нет, им сообщили только о несчастном случае.

Это облегчило мою задачу. Я уселся поудобнее, буквально пронзаемый взволнованными взглядами.

— Это была та самая случайность, что происходит раз в сто лет. Вы знаете, что на Марс метеориты падают куда чаще, чем на Землю. Его атмосфера очень разрежена, и камни из космоса не успевают сгореть до подлета к поверхности. Так случилось, что один из метеоров попал в цистерну с горючим, и она взорвалась. Я был в это время болен, сам ничего не видел, но мне рассказали товарищи.

Бедняги—родители слушали затаив дыхание, и я продолжил свою небылицу:

— Двое наших парней потеряли сознание и могли сгореть, если бы не подоспели остальные и не залили их пеной из огнетушителей. Пострадавших быстро оттащили от цистерн, но внезапно рядом взорвался еще один бак. Двое

спасателей погибли на месте. Это и были Брейк и Уолтер. Они умерли мгновенно и без мучений.

История звучала настолько нелепо, что я опасался, что мне не поверят. Но никто не сказал ни слова, пока мистер Миллис не выдавил:

— Так вот что произошло... Выходит, Господь был милостив к нашим мальчикам и подарил им безболезненную смерть?

— Да, — сказал я. — Они умерли очень быстро.

— Но тогда я не понимаю, почему командование не рассказало нам правду. Странно...

У меня был готов ответ и на это:

— Все засекречено, потому что руководство NASA не хочет, чтобы люди знали о метеоритной опасности на Марсе.

Миссис Миллис поднялась и сказала, что она дурно чувствует себя и просит извинить — ей надо отдохнуть. Она надеется еще раз увидеться со мной завтра утром.

Вопросов ко мне больше не было, и после обмена ничего не значащими фразами я с огромным облегчением поднялся и, попрощавшись с четой Джерденов, вернулся в свою комнату.

Внезапно в дверь постучали. Это был отец Брейка. Он пытливо посмотрел на меня.

— Вы все это придумали, мистер Хаддон?

От этих глаз некуда было скрыться, и я признался.

— Да, — сказал я. — Все придумал, от первого слова до последнего.

— Я понимаю, у вас наверняка есть серьезные поводы для этого, — глухо сказал он. — Скажите мне только одну вещь. Как бы там ни происходило на самом деле, Брейк вел себя правильно?

— Он вел себя как мужчина, — искренне ответил я. — Он был лучшим из нас, с самого начала и до самого конца.

Мистер Джерден долго испытывающе смотрел на меня, а потом слегка кивнул. Я понял, что он поверил. На прощанье он еще раз пожал мне руку.

— Все правильно, сынок. Так и должно было быть. Брейк прожил хорошую жизнь.

Закрыв за ним дверь, я едва не взвыл от отчаяния. Все, я сыт этим по горло!

Я написал записку — благодарил хозяев и просил простить, — а затем торопливо спустился вниз и тихонько выскользнул наружу. К счастью, меня никто не заметил.

Было уже довольно поздно, и на шоссе было мало машин, но один из грузовиков остановился на мою поднятую руку. Водитель сказал, что едет в сторону аэропорта. Он спросил меня, на что он похож, этот Марс, и я ответил, что там чертовски одиноко.

Ночь я провел в кресле в зале ожидания, и впервые за долгое время кошмары не посетили меня. А днем я уже был дома, в Огайо, и полагал, что мучения мои кончились.

Дело шло к вечеру, когда я въехал в Хармонвилл. Мои родители не знали, что я прилечу в Кливленд ранним рейсом, и потому мне пришлось их долго ждать в аэропорту.

При въезде в поселок я увидел большой транспарант над Маркетстрит:

"Хармонвилл приветствует героев космоса!"

Герой космоса — это был, по-видимому, я. Все газеты пестрели подобными заголовками. Забавно. Мы сидели, втиснутые в тюремную клетку нашего отсека, и ни черта не делали, а вот теперь стали "героями".

Под транспарантом стояли молодые люди в красивой униформе — оркестр местного колледжа. Я не сказал ничего, но отец, похоже, заметил ненависть в моих глазах.

— Фрэнк, понимаю, что ты устал, но эти ребята — твои друзья, и они горят желанием выказать тебе гостеприимство!

А мне только что было так хорошо! Я ехал в машине по своей стране с милым мне названием Огайо, с ее аккуратными деревеньками, пшеничными полями и многочисленными фермами. При виде этой патриархальной глубинки слезы навернулись мне на глаза, и я почти успокоился. Но

теперь с ужасом понял, что мне вновь придется говорить о Марсе, чтобы ему гореть в адском огне!

Отец остановил автомобиль, и оркестр грянул марш. Мистер Робинсон, наш мэр, а по совместительству дилер фирмы "Шевроле", пошел нам навстречу. Он прочувственно потряс мне руку:

— Приветствую тебя дома, Фрэнк! Ну и как там было, в небесах?

— Там было чертовски холодно, — сказал я. — Ужасно холодно. Мистер Робинсон понимающе кивнул. Он разбирался в таких вещах — ведь у него дома был отличный холодильник.

— В последний раз ты был здесь в феврале, — сказал он. — Восемнадцать месяцев прошло, а это не шутка!

Он благословляюще махнул рукой, и мы неспешно поехали дальше, а оркестр шествовал впереди и играл марш за маршем. Мимо проплывали раскидистые клены, церкви и старые дома, многие из которых были построены еще в прошлом веке. Вскоре мы подъехали к самому крупному зданию в поселке — местному кинотеатру.

У входа нас ждала небольшая толпа, которая сразу же разразилась аплодисментами — не очень громкими, как бывает только тогда, когда люди искренне счастливы. Я вышел из машины и стал пожимать десятки рук, толком не успевая разглядеть в толкучке лица моих земляков. Здесь бы я завяз надолго, но мистер Робинсон взял меня за локоть и повел в здание, призывая толпу расступиться.

В зале было того хуже. Все места заняты, проходы тоже. На маленькой сцене стоял стол, а стену за ним украшала впечатляющая картина, созданная из живых цветов. Под шаром из красных роз виднелась надпись "Марс", а под таким же шаром из белых роз — "Земля". Между ними, опять же из цветов, очень искусно была изображена ракета.

— Наш клуб цветоводов сделал это панно в твою честь, — гордо сказал мэр. — Почти все жители Хармонвилла принесли цветы из своих садов.

— Очень тронут, — искренне сказал я.

Мы с мэром поднялись на сцену, и тогда все встали и зааплодировали. Я увидел множество знакомых лиц— учителей колледжа, домохозяек, фермеров из округи, местную ребятню.

Я сел за стол, растроганный и смущенный, а мэр вышел вперед и произнес небольшую речь. Он напомнил, что большинство наших парней, повзрослев, как правило, покидали эти места и уходили в большой мир. Так было во время войны 1812 года, и в гражданскую войну, и во время обеих мировых войн. А вот теперь один из нас побывал на самом Марсе! Он сказал:

— Люди всегда размышляли, на что он похож, этот таинственный Марс, и теперь один из наших хармонвиллских парней вернулся, чтобы рассказать человечеству об этом!

И он жестом пригласил меня занять его место. Весь зал бурно зааплодировал. Я встал из-за стола и на негнущихся ногах подошел к краю сцены, лихорадочно размышляя, что же сказать своим землякам.

Внезапно я понял, почему участники Первой экспедиции не предупредили, что ожидает нас на этой проклятой планете. Они не хотели выглядеть нытиками, убоявшимися трудностей. И теперь я был точно в таком же положении.

Я взглянул на сияющие лица людей, на горящие глаза ребятни и подумал — нет, я не имею права обмануть их ожидания. Они начитались газетных историй о "таинственной красной планете" и "героических астронавтах" и не приняли бы правду о том, как это было на самом деле. Они ждали от меня совсем другого...

И я, запинаясь, начал:

— Наш путь был долгий, друзья. Долгий и утомительный. Но это удивительное, ни с чем не сравнимое чувство — сидеть около иллюминатора и провожать взглядом Землю, следить за проплывающими мимо звездами, видеть, как с каждым днем красная искорка растет и становится все ближе и ближе.

Но еще более удивительное ощущение вы испытываете, когда выходите из ракеты и ступаете в иной мир, видите в медном небе незнакомое маленькое Солнце... А вокруг — нескончаемая, полная загадок пустыня, среди которой, быть может, затеряны древние марсианские города.

Да, мы перенесли немало лишений, но мы знали, на что идем. Нам предстояло начать освоение нового мира, открыть новые горизонты для человечества. Это была трудная, по—настоящему мужская работа, но нам помогало то, что мы работали плечом к плечу, деля с товарищами все радости и печали.

Мы только начали великое дело освоения Марса, но эта работа будет продолжена. Сейчас, когда я стою перед вами, парни из Третьей экспедиции уже строят первый марсианский городок. Надеюсь, что он будет таким же уютным, как наш Хармонвилл. Четвертая экспедиция готовится к отлету. За ней, не сомневаюсь, последуют Пятая, Шестая, Седьмая... И тогда мы получим много урана, много дешевой энергии для Земли!

Сказав все это, я остановился, чтобы передохнуть. Мне чертовски хотелось разбавить эту бочку меда ложечкой дегтя, сказать землякам, что вся эта радужная перспектива не стоит и цента и, уж во всяком случае, не стоит того ада, через который нам пришлось пройти, и жизней тех, кого мы потеряли и еще потеряем. Ради чего умерли Джим, Брайен, Уолтер и многие другие? Чтобы мистер Робинсон мог поджарить лишнюю пару тостов или купить еще один холодильник?..

Но как сказать такое людям, которых знаешь с детства, которые любят тебя и гордятся тобой? Да и кто я такой, чтобы судить, что такое хорошо, а что такое плохо? Я мог и ошибаться. Ни одно большое дело не обходится без коктейля из пота, крови и дерьма, только об этом не принято особенно распространяться.

Так или иначе, я больше ничего не сказал, а только вернулся на свое место. Зал вновь захлестнула волна

аплодисментов. И тогда я понял, что сделал все правильно. Я сказал именно то, что люди ХОТЕЛИ УСЛЫШАТЬ, и они остались довольны.

Затем мои земляки ринулись на сцену, и началась кутерьма с пожиманием рук, поцелуями, похлопыванием по плечу, бесконечными вопросами, радостными восклицаниями...

Когда я наконец выбрался наружу, оказалось, что уже наступила мягкая летняя ночь. О такой я мечтал с первого же дня полета, но сейчас у меня не было сил, чтобы наслаждаться этим обволакивающим, возбуждающим теплом.

Отец хотел отвезти меня домой на автомобиле, но я сказал:

— Нет, папа, поезжай один, я пройдусь пешком.

Наша ферма располагалась в паре миль от поселка, но в детстве я всегда ходил в школу более коротким путем, через ферму старика Хеллера. И сейчас мне захотелось вновь вернуться этой дорогой. Отец не стал возражать — он, как всегда, понял меня.

Я неспешно шел по Маркет-стрит, и по обеим сторонам мимо проплывали старые вязы и клены. Пахло цветами, растущими на газонах вдоль дороги.

Когда я проходил мимо дома ветеранов, то встретил Хода Эванса, механика из гаража мэрии. Как всегда в субботнюю ночь, он здорово наклюкался и выписывал широкие зигзаги, что-то напевая себе под нос. На одном из его виражей мы едва не столкнулись. Ход, казалось, ничуть не удивился.

— Привет, Фрэнк, — заплетающимся языком сказал он. — Слыхал, что ты вернулся.

Я опасался, что он задаст мне все тот же вопрос — как там было, в небесах? Но вместо этого он протянул початую бутылку.

— Парень, ты выглядишь паршиво, — сказал он сочувственно. — Не хочешь выпить?

Я сделал хороший глоток, а затем Ход разом выдул чуть не полбутылки и заявил, что заметил меня еще издалека, но

ноги его почему-то шли не в ту сторону. Он был в прекрасном расположении духа, и ему в голову не пришло спросить, где же я пропадал столько времени.

Распрощавшись с Ходом, я свернул налево и пошел в темноте знакомой дорогой через выгон Хеллера. Дойдя до неширокого ручья, заросшего старыми ивами, я остановился на знакомом месте, куда ребенком часто приходил по ночам. Здесь все было по-прежнему — дружное кваканье лягушек, звон цикад в траве, густой запах водорослей.

Тогда я сделал одну вещь — впервые после возвращения на Землю. Я взглянул на звездное небо и нашел на нем маленькую красную искорку. В детстве я часто вглядывался в нее, начитавшись историй о жукообразных марсианах, хрустальных храмах и синекожих красавицах. Много позже, в Центре подготовки, мы с Брейком, Джимом и Уолтером тоже порой выходили в степь по ночам и негромко разговаривали на одну и ту же тему: неужели мы когда-нибудь окажемся там?

Да, мы оказались там, и мои друзья остались там навеки. Им не будет одиноко — ведь с каждой новой экспедицией рядом с их могильными холмиками появятся другие. Их будет все больше и больше...

Мне показалось, что ребята смотрят на меня оттуда, с расстояния сорока миллионов миль. Захотелось объяснить им, почему я не рассказал правду всем этим людям — во всяком случае, не всю правду.

— Парни, я не собирался никого обманывать, — сказал я. — Но мне казалось, что так будет лучше...

И замолчал. Это было безумие — разговаривать с теми, кто спит сейчас в марсианских песках вечным сном.

Еще долго я смотрел на красную искорку в небе, потом пошел к дому.

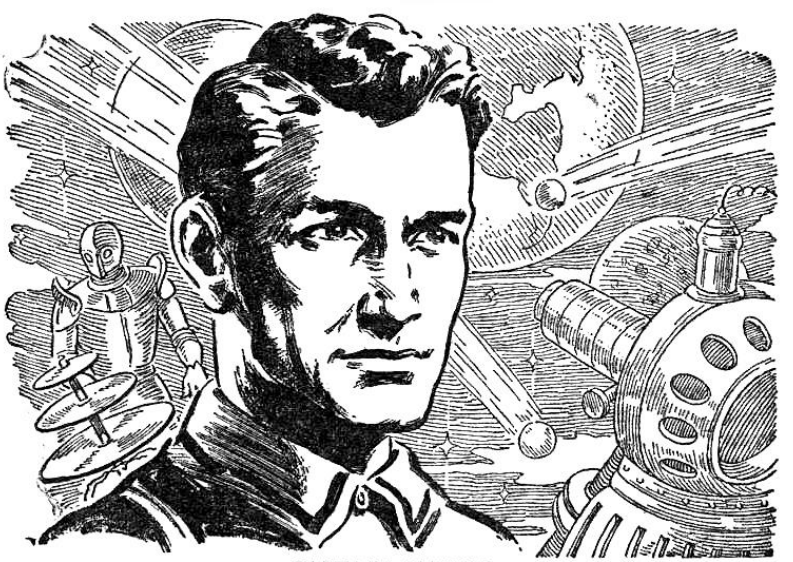
Глава 1 ПОИСК КАПИТАНА ФЬЮЧЕРА

Маленький темный невзрачный корабль ускорялся через Солнечную систему. Он имел изношенный и разбитый вид, его корпус огрубел от странной радиации, был вдавлен крошечными метеорами и запятнан чужими атмосферами.

Судно побывало в очень далеких местах. В свое время оно путешествовало к самым дальним берегам бесконечности, забрасывая небольшую команду в различные одиссеи, непревзойденные в человеческой истории. Корабль носил их к опасностям даже за пределы

Вселенной, а затем снова назад.

И человек, который непосредственно сидел за его средствами управления, не мог даже подумать, что здесь, в знакомой Системе, он будет иметь отношение к самому странному из всех событию...



Курт Ньютон угнетался самоосуждающим сожалением. Глубокое беспокойство, которое он чувствовал, отражалось в чертах его лица.

Его рыжая голова подалась вперед, серые глаза с тревогой наблюдали за границами космоса, обожженными Солнцем.

Небольшое судно находилось на орбите Меркурия. Все небо впереди находилось во власти огромного Солнца—чудовища. Оно светило ярко, как вселенское пламя, освещая все вокруг ужасным сиянием его короны, протягивая могущественные слепые щупальца огня.

Ньютон заметил в области около протуберанца большой шар.

Нетерпение заставило мгновенно пересечь его половину Системы, и теперь выросло в невыносимую напряженность.

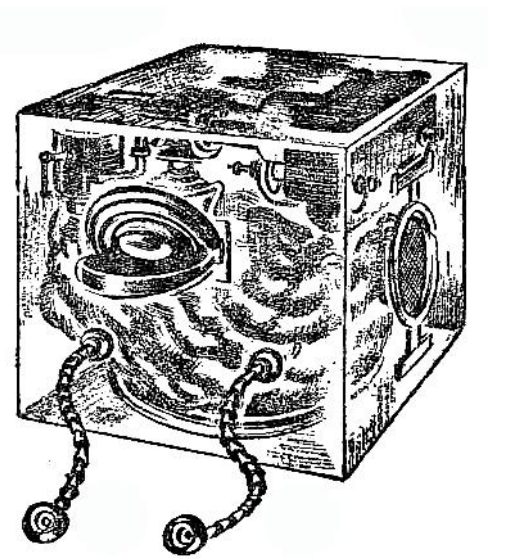
Он почти сердито произнес:

— Почему Карлин отправился один? Почему он полетел на Вулкан?

— По той же самой причине, — ответил металлический голос из-за его плеча, — по которой ты полетел к Андромеде. Его вела жажда знаний.

— Он не полетел бы, если бы я не рассказал ему все о Вулкане. И это моя ошибка, Саймон.

Курт Ньютон посмотрел на своего компаньона. Он не видел ничего странного в маленьком квадратном ящике, парящем на тракционных лучах. Невероятный ящик, в котором



THE BRAIN

размещался в сыворотке живой человеческий мозг Саймона Райта. Именно этот искусственный голос учил его первым словам, похожие на линзы искусственные глаза наблюдали в самом детстве за его нескладными попытками ходить, а микрозвуковые уши слышали его первые младенческие вопли.

— Саймон, Вы действительно думаете, что Карлин мертв?

— Что-либо предполагать пока бесполезно, Кэртис. Мы можем только попробовать найти его.

— Мы должны его найти, — с мрачной решимостью сказал Ньютон. — Он помог нам, когда мы нуждались в помощи. И он наш друг.

Друг. Этот человек, которого Система называла Капитаном Фьючером, имел не так много близких человеческих друзей. Он всегда стоял в тени одиночества, и это являлось неизбежным наследием его странного детства.

Осиротевший почти при рождении, он мужественно вырос на одинокой Луне, которая не знала никаких живых существ, кроме трех нечеловеческих людей Фьючера. Они были его приятелями, учителями, компаньонами. Вследствие этого воспитания, он навсегда отделился от собственного человеческого рода.

Немногие люди когда-либо проникали через этот барьер сдержанности.

Филипп Карлин как раз и был одним из таких. А теперь Карлин отправился за тайной.

— Если бы я находился здесь, — размышлял вслух Ньютон, — то я никогда бы не позволил ему туда лететь.

*****

Блестящий ученый Карлин намеревался изучить тайны того странного мира — Вулкана, который обнаружили люди Фьючера. Он нанял судно с тяжелой защитой от высокой

температуры и оборудованием для работы на Вулкане, приняв меры для возврата оттуда через шесть месяцев.

Но когда корабль вернулся, то выяснилось, что Карлин исчез без следа в разрушенном городе, который служил базой для его операций.

После бесполезного поиска ученого, судно возвратилось с новостями о его исчезновении.

Это все случилось перед возвращением людей Фьючера из их эпохального рейса к Андромеде. И теперь Курт Ньютон двигался в направлении Солнца, к Вулкану, чтобы узнать тайну судьбы Карлина.

Из-за двери, ведущей на мостик, резко донеслись два голоса — один глубокий и быстро развивающийся, другой легкий и тронутый диссонансом, возражающий аргументами. Ньютон резко обернулся:

— Хватит пререкаться! Вы должны обеспечить работу антинагревателей, или мы все тут поджаримся.

Скользнула в сторону открывшаяся дверь, и вошли остальные члены уникального квартета. Один из них, на первый взгляд, выглядел совершенно по-человечески: гибкая эластичная фигура и точечно-сокращающиеся мышцы. И все же в его контрастном белом лице и ярких нелепых глазах скрывались тревожная странность.

Похожий на человека, но никак не сын Адама, андроид являлся прекрасным созданием науки и человеческой мудрости, которые вознесли его на вершину, и все же он не являлся человеком. Он не нуждался в воздухе, но Курт Ньютон знал, что Ото обременен одиночеством намного более остро, чем кто-либо еще.

Андроид спокойно сказал:

— Уже функционируют, Курт.

Он поглядел через экран на панораму космоса и задрожал.

— Я точно стану остряком, когда найду свой конец возле Солнца.

Ньютон кивнул, Ото был прав. Одна вещь, когда летаешь между планетами или звездами и совершенно другая — посметь приблизиться к Солнцу.

Орбита Меркурия являлась границей, пределом. Любое судно, которое выходило за его орбиту, бросало вызов ужасной власти большого солнечного шара. Только корабли, оснащенные анти-температурным оборудованием, смели входить в зону той ужасной силы, да и то находились в большой опасности.

Только четвертый из людей Фьючера, казалось, не волновался.

Высокая металлическая фигура прошлась вдоль обзорного экрана. Тот же самый научный гений, который создал андроида, сформировал также и этого человекоподобного металлического гиганта, наполнив его знаниями, равными человеческим и силой, лежащей далеко за пределами людской.

Фотоэлектрические глаза Грэга пристально смотрели со странного металлического лица на дикий подрагивающий яркий свет.

— Я не знаю, почему вы все такие нервные, — проговорил он. — Солнце абсолютно не беспокоит меня. — Он пожал своими большими мерцающими руками. — Я чувствую себя просто превосходно.

— Прекрати хвастаться, — неприятно заметил Ото. — Ты сожжешь свои шарниры, и мы получим замечательную вещь, каркасом которой укрепим наши бреши.

Андроид повернулся к Капитану Фьючеру.

— Мы еще не подлетели к Вулкану?

Ньютон покачал головой:

— Еще нет.

Слабая аура туманной силы окружила небольшое судно, когда анти-нагреватель заработал на полную мощь. Ужасная высокая температура Солнца могла проникать через космос только в виде сияющих колебаний. Аура, произведенная анти-нагревателями, действовала как щит, чтобы

преломить и отклонить большое количество этой сияющей высокой температуры.

Ньютон коснулся кнопки. Самый тяжелый из всех фильтров задвинулся поперек обзорного экрана. Но даже теперь через все экраны лилось великолепное сияние Солнца.

Температура на корабле устойчиво повышалась. Анти—нагреватели не могли отклонить всё сияние Солнца. Мелкие частицы проникали в корабль, но и этого количества хватало достаточно, чтобы превратить мостик в духовку.

Испуганная тишина установилась среди людей Фьючера, когда они смотрели на могущественную звезду, заполнившую впереди почти весь небосвод. Они и раньше бывали очень близко у Солнца, но никакой прежний опыт не мог уменьшить их благоговейный трепет перед светилом.

"Вы никогда не видели Солнца, если не добирались до его края, — подумал Курт Ньютон. — Обычно обитатели планет думали о нем, лишь как о благотворном золотистом предмете в небе, который давал им тепло, свет и жизнь. Но здесь вы видите Солнце таким, каким оно действительно есть — пульсирующим кипящим ядром космической силы, совершенно безразличным к частицам праха, которыми являются его планеты, и к пятнышкам жизни на том прахе".

На этом расстоянии они ясно видели гигантские циклоны яростного пламени по всей поверхности могущественного шара. В тех вихрях огня могла сгореть вся Земля, а взорвавшиеся горящие гейзеры, возможно, иссушили бы все миры.

Сейчас пот орошал лицо Курта Ньютона, и он немного задыхался от каждого вдоха.

— Какая температура, Ото? — поинтересовался он, не поворачивая головы.

— Пока пятьдесят градусов температуры безопасного лимита. При этом анти-нагреватели работают на полную мощность. Если мы неверно оценили курс...

— Все в порядке, — успокоил его Капитан Фьючер. — Впереди Вулкан.

Странный одинокий небольшой солнечный спутник вошел в зону видимости — темная точка на небосводе около Солнца.

Теперь Ньютон неумолимо вел "Комету" вперед. Каждый момент возле Солнца грозил опасностью. Если анти-нагреватели остановятся хоть на одну минуту, то металл мгновенно расплавится и соединится с плотью, которая обуглится и погибнет.

Внезапно, Ото поднял руку и выкрикнул:

— Смотрите! Дети солнца!

Они слышали о легендарных "детях солнца" от коренных вулканийцев.

Ньютон, напрягая глаза против солнечного яркого света, смог разглядеть только два кружащихся небольших пучка пламени, быстро перемещающихся через ослепительное сияние короны.

Затем два диких клочка огня исчезли в обширном ярком свете. Глаза напрасно разыскивали их.

— Я все еще думаю, — высказался Саймон, — что это только гейзеры водорода, выброшенные Солнцем, и затем снова опавшие.

— Но вулканийцы рассказывали про них внутри Вулкана, — возразил Ото. — Как частицы пылающего газа могли совершить такое?

Курт Ньютон едва их слушал. Он уже направлял корабль вокруг Вулкана в рискованной спирали — немногие космонавты рискнули бы так.

Громоподобные ракетные двигатели низко несли "Комету" над небольшим миром. Вся поверхность Вулкана была расплавленной скальной породой. Высокая температура громадного соседа держала полурастаявшим всё внешнее покрытие планетоида. Лава сворачивалась в большие сгустки, адские лагуны, создавала дымящиеся холмы, скалы. Огненные взрывы вызывались соседним Солнцем.

Грэг первым увидел то, что они высматривали — зияющую, круглую яму на солнечной стороне планетоида. Когда

Капитан Фьючер подвел "Комету" к зеву шахты, он ослабил педаль газа, и небольшое судно на реактивных килевых двигателях стало снижаться прямо вниз, в яму.

Эта шахта являлась единственным путем в полый спутник Солнца.

Когда-то в древние времена в планетоиде родились газы, оказавшиеся пойманными в ловушку его поверхностью. Они и сформировали полую оболочку. От увеличенного давления в один из моментов эти газы вспыхнули, прорвавшись наружу, открыв тем самым путь к внешней поверхности.

Судно устойчиво спускалось вниз шахты. Свет вокруг них проникал внутрь большим лучом только с той стороны, где Вулкан был повернут к Солнцу.

Наконец, шахта вывела их на открытое широкое место, неопределенно освещая лучом внутреннее строение полого мира.

— Я рад здесь находиться, вне пределов солнечного сияния, — пробормотал Ото. — Куда теперь?

Ньютон уточнил:

— К руинам около Желтого Озера, не так ли?

— Да, — согласился металлическим голосом Мозг. — Именно там судно оставило Карлина, и должно было его подобрать.

Фьючер со своими людьми уже посещал один раз нутро Вулкана. И все же они снова чувствовали удивление от этого самого странного мира в Системе, когда "Комета" заново снизилась над его внутренней поверхностью.

Внизу под судном протянулся сверхъестественный пейзаж папоротниковых джунглей. Они простирались в туман, закрывая впереди горизонт и исчезая в восходящей кривой. Над их головами теперь лежало туманное "небо" центральной пустоты планетоида, поперек которого лежал огромный блестящий меч гигантского солнечного луча, который давал свет этому миру.

Когда их судно опустилось вниз в папоротниковые джунгли, то чувство напрасных усилий нахлынуло на Курта

Ньютон. Прошли месяцы с исчезновения Филиппа Карлина. Мог ли ученый так долго выжить один в этом диком мире?

Уничтоженный временем город лежал под ними, почти поглощенный гигантскими папоротниками. Только рассеянные покрошившиеся камни массивных блоков выжили от невероятно разрушительных действий веков. Они походили на разбросанные обломки потерянного корабля, плывущего из прошлого.

"Комета" приземлилась, чтобы отдохнуть на разбитых мостовых, которые окружали возвышающиеся полуразрушенные монолиты. Фьючер вышел на испарения воздуха.

— Именно здесь Карлин должен был встретить судно, — произнес Капитан Фьючер. — И его здесь не оказалось, — продолжил он притихшим голосом. Задумчивая тишина этого мемориала потерянного величия отложила холодный отпечаток на всех их.

От могущественного города Старой Империи, который давно покинула галактическая человеческая цивилизация, остались только эти разломанные камни. На мирах каждой звезды возвышались города и памятники тех лет, но затем все было предано забвению, и все люди забыли об этом. Все, кроме Фьючера, который исследовал прошлое космической истории.

В старые времена могучие звездные корабли—завоеватели Империи прилетели в эту область, чтобы колонизировать даже пустотелый Вулкан. Мужчины и женщины с большими возможностями науки и с гордыми легендами о победной космической экспансии жили, любили и умирали здесь. Но Империя пала, и ее города умерли, а потомки того народа стали теперь варварами.

— Первым делом, — решил Ньютон, — надо войти в контакт с вулканийцами и узнать, что им известно о Карлине.

Стоящий рядом Грэг завращал металлической головой, когда осматривал руины.

— Тут нет никаких признаков их присутствия, но эти приматы всегда застенчивы.

— Давайте сначала здесь осмотримся в поисках каких-нибудь следов Карлина, — распорядился Ньютон.

Четверка начала движение — человек, могущественно звенящий робот, гибкий андроид и скользящий Мозг.

Ньютон более сильно ощущал депрессивную мрачность этого места — исчезнувшую славу, скрывающуюся в надписях на старом языке, вырезанных глубоко на больших валунах. Когда он прочитал эти древние письмена, свидетельствующие о гордых легендах и триумфах, давно преданных забвению, то почувствовал сокрушительную печаль от самой большой из галактических трагедий — падения Старой Империи.

Острый, металлический голос Саймона отвлек его от озабоченности.

— Кэртис! Посмотри здесь!

Капитан Фьючер немедленно зашагал к одному из монолитов, где парил Мозг.

— Вы нашли какой-то след, Саймон?

— Посмотри на эту надпись! Она написана на старом языке, но вырезана совсем недавно!

Глаза Ньютона расширились. Это соответствовало действительности.

На монолите, в нескольких футах от земли, была высечена запись на языке, которым не пользовались в течении многих эпох. И все же буквы выглядели свежими, новыми, и слабо обветренными.

— Это вырезали менее года назад! — сказал он. Его пульс внезапно застучал. — Саймон, а ведь Карлин знал древний язык! И он сделал так, как я учил его!

— Вы подразумеваете, что это вырезал Карлин? — спросил Ото.

— Прочитайте нам это! — воскликнул Грэг.

Курт Ньютон зачитал вслух:

— Для Фьючера и его людей, если они когда-либо прилетят. Я обнаружил невероятную тайну — самую странную форму жизни, о которой когда-либо мечтали. Значение этой

тайны настолько велико, что я собираюсь исследовать ее первым. Если я не вернусь, то предупреждаю, что старая цитадель за Поясом содержит ключ от головокружительной силы.

Глава 2 ТАИНСТВЕННАЯ ЦИТАДЕЛЬ

Когда эхо голоса Курта Ньютона замерло, все четверо посмотрели друг на друга в обеспокоенном удивлении. Стебли папоротников склонялись в сверхъестественной полутьме над разрушенными арками и осевшими колоннадами. Где-то в джунглях какое-то животное резко издало крик, похожий на смех.

Наконец, Ото нарушил тишину:

— И что же нашел Карлин?

— Что-то грандиозное, — медленно предположил Капитан Фьючер. — Настолько значимое, что он побоялся, что кто-нибудь еще обнаружит это. Именно поэтому Карлин написал предупреждение на языке Старой Империи, чтобы никто, кроме Саймона и меня, не смог прочитать.

Саймон сказал прагматично:

— Поясом местные называют выжженную Лучом полосу, не так ли? Скоро мы сможем все узнать. Мы возьмем корабль?

Ньютон покачал головой.

— Тут слишком трудно для навигации, а Пояс недалеко отсюда.

Грэг стал разминать свои могучие металлические члены.

— И чего же мы ждем?

Сразу же четверка стала перемещаться через джунгли гигантских папоротников. Вокруг них в тяжелом сумраке воцарилась тишина.

Проворачиваясь вдалеке, яркий клинок Луча исчез, поскольку отверстие в коре повернулось обратной стороной к Солнцу.

Ньютон знал направление к Поясу — почерневшей полосе, выжженной от ужасной высокой температуры Солнца. Он откорректировал их курс, чтобы тот огибал край Пояса.

Издалека снова донесся крик животного. Из папоротниковых джунглей больше не доносилось никаких других звуков. В этот момент Мозг тихо произнес:

— Нас сопровождают.

Курт Ньютон кивнул. Микрозвуковые уши Саймона, намного более чувствительные, чем любая человеческая слуховая система, услышали слабый шелест движений среди папоротников. Теперь, когда и он прислушивался, Ньютон тоже услышал скрытое шебуршание многочисленных голых ног, перемещающихся с бесконечным предостережением.

— Я не понимаю, — пробормотал он. — Раньше вулканийцы были дружественными, а теперь скрываются...

— Остановимся и нападем на них? — спросил Ото.

— Нет, мы пойдем дальше. Нам необходимо найти эту цитадель засветло. Но соблюдайте осторожность, поскольку брошенное копье может причинить такой же вред, как и выстрел из бластера.

— Ну, мне это не помеха, — прогрохотал Грэг.

— Курт не подразумевал тебя, он имел ввиду нас, людей, — едко подначил Ото.

— Слушай ты, пластмассовый заяц, — начал гневно Грэг. — По сравнению с тобой я дважды человек...

— Достаточно, — прервал их Ньютон. — Вы можете продолжить этот старый спор в другое время.

Они продолжили идти, и невидимый эскорт продолжал сопровождать их. Вскоре они достигли края Пояса.

Черная сожженная почва, дымящиеся скалы, волна высокой температуры от самой земли свидетельствовали об ужасно высокой температуре Солнца, чей единственный большой луч один раз в день прожигал эту полосу внутреннего мира Вулкана.

Рядом с этим местом, Капитан Фьючер снова почувствовал ужасную власть гигантского солнечного шара, который проникал сюда через единственную лазейку, и давал выход своему пылающему опустошению везде, где оно касалось.

Они пересекли край той почерневшей полосы: Курт, ускорившийся по горячим скалам Ото, бесстрашно шагающий Грэг, и скользящий на тракционных лучах Саймон.

Перед ними возвышались сплошные папоротниковые джунгли, над которыми возвышались оливково-цветные холмы, становящиеся темными, поскольку сумрак увеличивался. Почти сразу Ньютон заметил что-то на склоне самого близкого холма — шероховатый сырой шрам, где недавно прошел оползень.

— Саймон, посмотрите на тот оползень! Вам что-нибудь видно?

Мозг воспарил на высоту и его глаза—линзы стали рассматривать темноватый склон.

— Это определенно неестественное очертание.

Ото и Грэг тоже всмотрелись.

— Я не вижу ничего неестественного в этом, — прогрохотал металлический гигант.

— Оползень скрывает здание, которое стояло на том склоне, — сообщил ему Ньютон. — Видна симметрия, даже замаскированная почвой.

Можно различить центральный купол и два крыла. Яркие глаза Ото вспыхнули:

— Цитадель, о которой упоминал Карлин?

— Возможно. Давайте посмотрим.

Они пошли дальше. За короткое время они поднялись по склону к тому большому шероховатому шраму в новой почве.

Ньютон посмотрел назад на отступающие джунгли. Никто не последовал за ними по голому склону. Гигантские папоротники протягивались вдаль, и он смог заметить в отдаленном сумраке желтовато-коричневый отсвет Желтого Озера.

Пояс протянулся через сумеречные джунгли как глубокая и черная река Стикс. Он не увидел никакого здания или каких-нибудь руин на этой стороне эбеновой полосы.

— Это должна быть цитадель Карлина. Очевидно, что землетрясение накрыло его здесь. Нам нужно выкопать проход внутрь.

В почве низины они нашли плоские камни. Используя их как ручные лопаты, Ньютон, андроид и робот начали снимать почву с высокого купола похороненного здания.

В это время что-то зашипело в сумраке. Курт Ньютон обернулся. Длинное копье вонзилось в склон на некотором расстоянии ниже них и задрожало.

— Я думал, что вулканийцы за нас! — пробормотал Ото.

Ньютон сказал спокойно:

— Давайте пока приостановим работу. Я поговорю с ними.

Он заговорил со склона в сторону папоротниковых джунглей. Капитан Фьючер использовал язык, который выучил в свое первое посещение этого потерянного мира — грубый по качеству формы сейчас, но некогда красивый язык Старой Империи, погруженной теперь в варварство, как и люди, разговаривающие на нем.

— Покажитесь нам, мои братья! Мы пришли как друзья, и наши руки пусты от смерти!

Наступила гробовая тишина. Располагающаяся на расстоянии шахта с исчезающим солнечным светом, выглядела теперь как запятнанный клинок поперек сумрака. Плотные джунгли внизу не шевелились. Даже животные застыли от этого сильного человеческого голоса.

Ньютон больше ничего не произнес. Он просто ждал. Казалось, у него есть бесконечное терпение. По прошествии некоторого времени, из джунглей вышел человек, тайно сопровождавший их.

Он носил белые кожаные предметы одежды, его кожа выглядела белой, как и спадающая грива волос, а глаза

были бледны как туман. Его единственное оружие составляли нож и копье.

В его осанке и прекрасной форме головы, Ньютон все еще мог разглядеть вялые следы наследия людей Старой Империи, владевшей двумя галактиками. И казалось грустным, что этот человек должен смотреть на него с застенчивым диким недоверием глазами дикого существа.

Саймон Райт спокойно произнес:

— Похоже, ты знаешь его, Кэртис?

— Конечно. — Ньютон заговорил на диалекте вулканийцев: — Память Каха настолько коротка, что он не помнит своих братьев?

Раньше они имели тесную связь с Кахом. Тот являлся вождем одной трети племен Вулкана, и помогал Фьючеру и его людям по многим вопросам. Но теперь подозрительные кошачьи глаза изучали их без теплоты и радушного приема.

— Ках помнит, — мягко сказал человек. — Большого зовут Грэг, а ты, рыжеволосый, являешься их предводителем.

Позади него, парами и тройками, в футе от склона тихо собрались его люди. Эти высокие беловолосые люди носили белые кожаные доспехи и острые копья. Они пристально смотрели на высокого Грэга, и Ньютон увидел, что их глаза ожили в удивлении. Он помнил, что раньше они были очень впечатлены Грэгом.

Ках резко крикнул:

— Мы были друзьями и братьями, поэтому я остановил свою руку. Это место священно и запретно. Оставьте его, пока еще живы.

Ньютон ответил твердо:

— Мы не можем уйти. Мы ищем друга, который прилетел сюда и потерялся.

Вождь вулканийцев произнес длинное и резкое: "Аххх!" и каждый его человек поднял свое копье.

— Он вошел в запретное место, — твердо сказал Ках, — и ушел.

— Ушел? Ты подразумеваешь, что он мертв?

Руки Каха сформировали старый ритуальный жест. Ньютон видел, что они дрожали. Вулканиец повернулся и указал на исчезающий Луч, который являлся для него символом божественности.

— Его увели туда, — прошептал Ках. — По дороге света. Он последовал за Яркими, которые никогда не возвращаются.

— Я не понимаю тебя, Ках! — резко произнес Ньютон. — Тело моего друга похоронено в этом месте? Что случилось? Говори яснее.

— Нет, я и так сказал слишком много запретных вещей. — Ках поднял копье. — Теперь уходите! Убирайтесь, поскольку у меня нет желания вас убивать!

— Ты не сможешь нас убить, Ках, ваши копья не долетят настолько далеко. А Грэг, которого вы называете Большой, встанет стеной против вашего наступления.

Быстро, с придыханием, Ньютон заговорил с роботом.

— Удерживай их на месте, Грэг! Они не смогут повредить тебе, и это даст нам возможность спокойно копать.

Ужасная гигантская фигура Грэга, тяжело звеня, двинулась вниз по темному склону на вулканийцев. Ньютон громко закричал Каху:

— Мы не оставим этого места, пока не найдем нашего друга!

Ках бросил свое копье. Оно потерпело неудачу, как и два следующих, но Ньютон не замечал этого. Вулканийцы медленно отодвигались перед приближающимся Грэгом, который

потрясал своими могучими руками и ревел. Земля дрожала под его ногами.

— Большой болван! — прошептал Ото. — Как он наслаждается этим.

Среди местных появились признаки паники. Короткие копья полетели на склон и часть из них, с обсидиановыми наконечниками, раскололись с острым звонким звуком на металлическом теле Грэга. Грэг рассмеялся громким смехом. Он поднял каменную плиту, сломал ее в руках и бросил части в них.

— Как он красуется, — с отвращением буркнул Ото. — Меня сейчас вырвет.

Внезапно Ках прокричал:

— Проклятие упадет на вас, как на того другого человека, который ступил сюда! Вы тоже пойдете по Лучу и навсегда потеряете человеческий вид!

Затем он повернулся и исчез в джунглях.

— Я изучил этот оползень, — монотонно сообщил Саймон Райт. — Полагаю, что его вызвали искусственно местные, чтобы запечатать это место после того, как Карлин вошел в него.

— Вполне вероятно, — ответил Капитан Фьючер. Мгновение он постоял в глубокой задумчивости. — Интересно, а что означали слова Каха:

"Яркие, которые не возвращаются"?

— Скорее всего эвфемизм для мертвых, — пессимистически предположил

Ото. — Мы узнаем об этом лучше, когда найдем путь внутрь.

Они повернулись и снова продолжили рыть. Цитадель стояла на своем роде мысе, частично заблокированная таким образом, что местные уроженцы могли подобраться к ним только со склона, но Грэг эффективно перекрывал этот путь. Время от времени копье безопасно падало в грязь, но никто не нападал.

Последняя пылающая нить Луча сузилась и ушла в небытие. Кромешная тьма опустилась на скрытый мир Вулкана. Ньютон и Ото включили поясные фонари. Они уже ударяли твердыми камнями о здание, и работа пошла быстрее. Через нескольких минут Ото закричал:

— Здесь есть отверстие!

Они побросали свои импровизированные лопаты. Рыхлая почва легко поддавалась под их руками, и они раскопали верхние арки тройного окна. Оттуда свободно можно было пробраться вниз. Курт Ньютон полез внутрь первым. Огромное количество песка просыпалось через открытые арки, но в своем большинстве этот верхний уровень был чист. Ото проворно проскользнул за ним, затем спустился Мозг.

Фонари осветили широкую галерею с высоким куполом в центре. Вниз простиралась круглая и пустая шахта. Ньютон высунулся над пропастью.

Далеко внизу в яме он увидел люминесценцию, похожую на спектральный солнечный свет, скрытый в тумане. Яркий источник прятался от его взгляда другими свисавшими к низу галереями. В этом месте сквозило тишиной вечной смерти, смешанной с запахом столетий и свежей сырой почвой. Ньютон последовал вперед по кругу галереи. Шаги его ног гулко звенели сквозь пустоту каменного хранилища.

Он нашел узкую лестницу, ведущую вниз, и они спустились на нижнюю галерею, упирающуюся в маленькую комнату. С внешней стороны комната имела массивную, металлическую дверь, просевшую от возраста. Она была заперта, но под небольшим давлением позволяла песку просеиваться через трещины.

Напротив двери на каменной стене располагалось низкое квадратное отверстие, над которым имелась надпись. Высоко подняв фонарь, Курт

Ньютон медленно прочитал:

— "Здесь находится место рождения Детей Солнца".

С любопытством они зашли через центральную комнату в цитадель. Песок просыпался сверху, покрывая толстым слоем большую часть пола. Ньютон понял, что только верхняя галерея, служит препятствием для почвы, ставя заслон от нее и спасая внутренние помещения цитадели от наполнения землей.

Он взобрался на кучу песка, и затем остановился, пристально вглядываясь в озадаченном удивлении. Теперь он увидел источники жуткого тусклого света. В глубоких нишах на противоположном изгибе стены находились два неподвижных идентичных аппарата, которых он никогда не видел прежде.

Их основания состояли из темного металла, нетронутого течением времени. Широкие и низкие центры механизмов были разделены таким образом, что формировали возвышение. Каждый аппарат имел две парящие катушки с намотанными кристаллическими трубчатыми шлангами, окруженные платиновыми пластинами. Они висели на высоте человеческого роста.

Катушки пульсировали и пылали туманным светом. Один аппарат давал самый чистый золотистый оттенок, а другой привносил более темный синевато—зеленый цвет. Напротив арки, через которую они вошли, находилась еще одна, третья ниша, намного меньшая, чем предыдущие, с какими—то сложными рычагами и инструментами. Возможно, именно здесь располагался пульт управления.

— Место рождения Детей Солнца, — мягко протянул Ото. — Посмотрите, Курт, туда, над нишами.

И снова Капитан Фьючер прочитал вслух предупреждающее сообщение, глубоко вбитое в нестареющий камень. Над золотыми катушками аппарата виднелось:

"Остерегайтесь те, кто войдет в эту дверь. Цена вечной жизни — смерть!"

Над той мрачной надписью, он прочитал еще:

— "Смерть — это дверь, ведущая на другую дорогу. Но какая сторона является истинной жизнью?".

Саймон Райт приблизился к зубцовой нише, которая создавала странный жар света солнца, и воспарил над краем просыпавшейся там почвы.

— Кэртис, я думаю, мы нашли то, что искали.

Ньютон присоединился к нему. Он нагнулся и что-то подобрал, отряхивая и высвобождая это от песка, который наполовину похоронил предмет. Безмолвно он кивнул и показал вещь Ото. Это был рабочий комбинезон из жесткой синтетической ткани, очень изношенный и запятнанный. На ярлыке воротника виднелось вытканное имя: "Филипп Карлин".

— Он был здесь, Ото.

— Но что с ним случилось? Почему он разделся? Подождите!

Острые глаза андроида заметили на почве насыпь неопределенной формы. Вместе с Ньютоном они раскопали ее, и затем беспомощно посмотрели друг на друга.

— Это его ранец и скатка, — сделал заключение Ньютон.

— И его ботинки. — Ото покачал головой. — Я вообще ничего не понимаю. На его одежде нет никаких признаков крови...

Теперь Ньютон посмотрел на золотистые кристаллические катушки, наводящие на размышления. Предметы по духу были близки ему и почти достаточно открыты для контакта.

— Здесь он разделся, — медленно рассудил Ньютон. — Он оставил одежду и вспомогательный комплект... — его глаза поднялись к надписи, и он мягко добавил: — Филипп Карлин прошел в дверь, независимо от того, что она такое и куда ведет.

— Я разделяю твои предположения, Кэртис, — согласился Саймон Райт.

— Я полагаю, что надо найти любые сведения Карлина, касающиеся этого аппарата и его использования. Очевидно,

что он провел месяцы в исследовании, и такой отчет кажется неизбежным.

Глаза-линзы Саймона повернулись к маленькой нише с загадочными средствами управления.

— Посмотри, на тех стенах есть много оконченных надписей, и, по-видимому, это инструкции для операций на машинах. Он, конечно, наверняка написал снизу свои переводы.

Капитан Фьючер уже шагнул через предметы Карлина.

— Отчет здесь! — произнес он, держа в руках толстую записную книжку. — Поднеси свет поближе, Ото.

Он быстро пролистал страницы, пока не нашел то, на что надеялся и молился — карлиновский детальный перевод формул главной секции ниши контроля.

— Примечания Карлина длинны, сложны и тяжелы для восприятия, — заметил он. — Чтобы это изучить понадобиться оставшаяся часть ночи. Но все равно это удача.

Он сел на песок и открыл на коленях записную книжку. Саймон воспарил вблизи его плеча. Эти двое сразу же углубились в изучение страниц.

— Ото, — вдруг произнес Ньютон, — ты не поможешь Грэгу спуститься сюда? Местные не посмеют последовать за нами в это запретное место.

Это была последняя фраза, которую он

сказал этой ночью, кроме обмена некоторыми краткими замечаниями с Саймоном на запутанность некоторых формул или уравнений.

Грэг и Ото ждали и молчали. Из-за высоких окон донесся отдаленный звук голосов, который походил на печальную панихиду.

Курт Ньютон внимательно читал отчет Карлина. И когда он перелистывал страницы, ужасное подозрение зародилось в его сознании, обрело форму и, наконец, кристаллизировалось в ужасающую правду.

В этом отчете освещалось несколько больше, чем просто научные данные. Здесь упоминались история, надежда, ужасная великая мечта, и в заключительной части сообщалось о трансформации сознания, которое несло само по себе ужасное наказание.

Или это, в конце концов, не наказание?

Курт Ньютон отбросил книжку и вскочил на ноги. Он обнаружил, что весь дрожит, а тело покрылось потом.

— Это ужасно, Саймон! — воскликнул он. — Почему они позволили такому эксперименту продолжаться?

Похожие на линзы глаза Саймона спокойно смотрели на него.

— Если знание только изучать, то это нельзя считать неправильным.

Как только люди Старой Империи узнали эффект этого аппарата, они запретили его использование. Карлин указывает здесь на надпись, которую обнаружил в разрушенном городе. Также он упоминает, что сломал замки на большой двери.

— Дурак, — прошептал Ньютон. — Сумасшедший дурак!

Он посмотрел на пылающие катушки-близнецы, а затем вверх на купол.

— Он изменился и ушел вперед по Лучу. А местные, испугавшись того, что он сделал, вызвали оползень, запечатав это место.

— Но Карлин не вернулся, — заметил Мозг.

— Не вернулся, — задумчиво повторил Ньютон. — Возможно, по некоторым причинам он просто не смог этого сделать.

Яркие глаза андроида наблюдали за ним.

— А что стало с измененным Карлином, Курт?

Капитан Фьючер медленно повернулся к нему:

— Это почти невероятная история. Я думаю, что Карлин сейчас находится в каждом источнике света здесь и в разрушенном городе.

Он сделал паузу, пытаясь сформулировать то, что узнал в короткий срок.

— Во времена Старой Империи ученые-вулканийцы имели преобладающий интерес к Солнцу. Фактически это появилось тогда, когда на Вулкане создали форпост для исследования солнечной физики. И в ходе тех длинных столетий исследования жизни Солнца, один из ученых обнаружил метод преобразования обычной материи человеческого тела во что-то, что напоминало солнечную энергию — связанный образец живущей силы, способный пройти в самое сердце Солнца. Это по своей сути явилось не разрушением, а преобразованием образца материи в функционирующий аналог образца энергии. Полностью изменив область переменной материи, можно было преобразовать образец в оригинальную форму. Но умственные и сенсорные центры оставались нетронутыми, чтобы функционировать в измененном образце. Думаю, что и восприятие тоже не менялось, хотя это и не факт. Никогда прежде не было такой возможности раскрыть тайны глубин солнечной жизни — провести скрупулезное исследование Солнца, которое жизненно важно для межгалактической цивилизации. Ученые-вулканийцы вошли в эту конверсионную область и стали Детьми Солнца.

Ото выдохнул резким шипящим звуком:

— Так вот что означают надписи и легенды! Вы подразумеваете, что те небольшие пучки огня, который мы видели, однажды были людьми?

Ньютон не ответил, смотря вдаль на высокие золотые катушки, которые, казалось, пульсировали собственным светом Солнца. В этот момент Мозг сухо дополнил:

— Кэртис не сказал вам всего. Странная жизнь на Солнце приманила слишком много людей, и когда их изменили, то они не вернулись назад.

Поэтому использование конвертеров запретили, а эту лабораторию заперли. С тех пор все оставалось в порядке, пока не пришел Карлин и не вскрыл ее снова.

— И теперь он там, — задумчиво произнес как бы себе Капитан

Фьючер. — Карлин изменился и отправился туда, но затем не смог вернуться. — Внезапно он повернулся к ним. Его загорелое лицо выглядело целеустремленным. — Я пойду за ним и верну его назад.

Ото выкрикнул:

— Нет, Курт, Вы безумны! Вы не можете сделать такую вещь!

— Карлин же сделал.

— Да, и, возможно, он мертв или еще хуже!

Андроид поймал руку Ньютона и стал его упрашивать:

— Даже если Вы пойдете за ним, то как Вы сможете найти его? И если, предположим, найдете, то как вы сможете выбраться назад? Эти машины стары и могут сломаться.

— На этот раз, — решительно добавил Грэг, — Ото прав.

— И я должен согласиться с ними обоими, — выразил свое мнение Саймон Райт. — Кэртис, это безумие.

Серые глаза Ньютона сделались холодными, и шагнувший к нему Ото, отступил назад. Лицо Капитана Фьючера теперь застыла как каменная фреска.

— Карлин был нашим другом, — спокойно сказал он. — Он поддержал нас, когда мы нуждались в нем, и поэтому я должен отправиться за ним.

— Очень хорошо, Кэртис, — согласился Саймон. — Но ты идешь спасать Филиппа Карлина не ради дружбы, а потому что сам этого хочешь.

Ньютон навел свой острый и пронзительный взгляд на Мозга.

— И помни, — продолжил Саймон, — если ты не вернешься, то ни один из нас не сможет отправиться за тобой.

После этого в каменном хранилище наступила тишина. Через тройные окна, располагающиеся на высоте, пришел танцующий свет — жестокий и яркий, как золотое копье. Вулкан повернул свое лицо по направлению к Солнцу, и Луч снова все осветил.

Ньютон вкрадчиво прошептал:

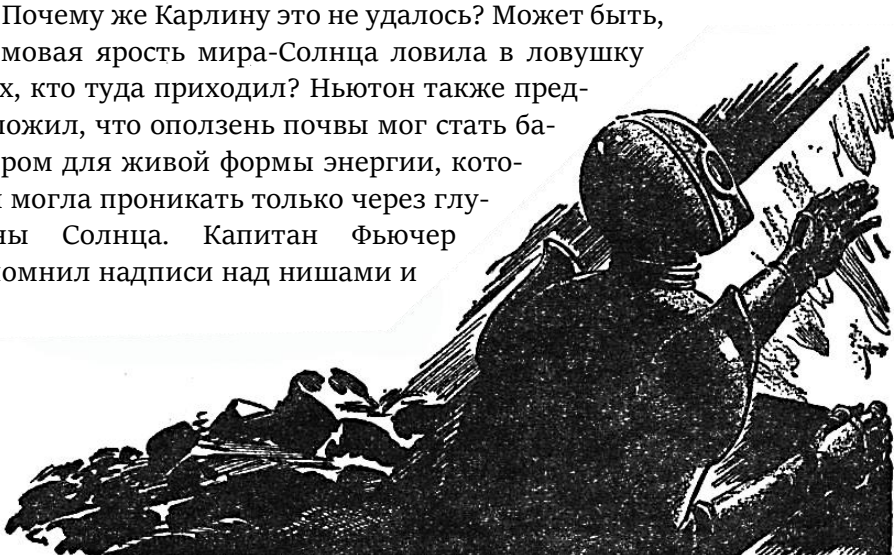
— Я обещаю вам, что вернусь. Пока будете здесь, исследуйте эти средства управления.

Мрачную тишину нарушил Саймон Райт:

— Твое рвение к неизведанному когда-нибудь принесет беду. Я думаю, что со временем это и произойдет.

Он подлетел к средствам управления, осторожный перевод надписей которых сделал их операцию весьма понятной. Выяснилось, что Карлин приспособил их к очень большой чувствительности, то есть это подтверждало, что он хотел вернуться. И все же он не возвратился.

Почему же Карлину это не удалось? Может быть, громовая ярость мира-Солнца ловила в ловушку всех, кто туда приходил? Ньютон также предположил, что оползень почвы мог стать барьером для живой формы энергии, которая могла проникать только через глубины Солнца. Капитан Фьючер вспомнил надписи над нишами и



ORBAN

мрачные слова Саймона Райта, и где-то глубоко в нем что-то задрожало.

Почти в тот же самый момент он вздрогнул. Его озарило, и теперь он не мог остановиться, даже если бы имел такое желание.

— Теперь вы понимаете? — спросил он своих товарищей. — Машины формируют свою мощь непосредственно из магнитного поля Вулкана, который делает огромное разрезание, когда движется поперек магнитного поля Солнца. Таким образом, есть надежный мощный источник, на который настроены средства управления механизмами.

Вашей задачей будет наблюдать за ними, чтобы они не сместились. Грэг и Ото тихо кивнули. Саймон Райт ничего не сказал — он смотрел на Курта с горькой сосредоточенностью.

Ньютон подошел к конвертеру. Раздевшись донага, он стал туда, где стоял Карлин. Затем он сделал паузу, посмотрев на высокие кристаллические катушки, которые полыхали золотым огнем. Мускулы его тела задрожали, и он ступил на возвышение между катушками.

Пламя золотого света окутало его. Он мог видеть остальных через эту горящую завесу — резкое полное печали и опасения лицо Ото, озадаченного огромного Грэга и парящего Саймона, наблюдающего за ним задумчиво.

Потом свет свернулся, уплотнился и они исчезли. Ньютон почувствовал ужасную тонкую силу, возникшую в пылающих катушках — запутанные мощные области, которые сосредоточили свой центр в его плоти. Он хотел закричать, но уже не имел голоса. В следующие моменты наступили вечность, головокружение, паника, ужасное изменение и растворение.

А затем он стал свободным.

Измененный и странный, он мог чувствовать интерьер цитадели, трех тихих наблюдателей—людей Фьючера, яркую устойчивую шахту света на высоте, которая притягивала его, как зовущий голос. Он захотел взлететь к шахте и

сделал это, поднявшись вверх с изумительной стремительностью. Это принесло ему радость и удивление, несмотря на такой первоначальный хаос изменений.

Он услышал, как выкрикнули его имя, и узнал это имя, но не ответил, так как не мог. Он все еще видел и слышал, хотя и несколько другим способом. Теперь, казалось, он поглощает впечатления через себя, а не через ограниченные органы человеческого тела.

И больше он не существовал как человек, а был пламенем, ядром блестящей силы, бесконечно сильной и бесконечно свободной. Свобода!

Свободный от всех неуклюжих кандалов плоти — легкий и вечный! Он взлетел вверх к тройной арке, установленной как ограничительный барьер. Ракетой он метнулся вверх. Ни место, ни время теперь не имели для него никого значения. Маленькой яркой звездочкой он помчался к Лучу напротив мрака внутреннего неба Вулкана.

Как пловец, который погружается в водный поток, Дитя Солнца Курт Ньютон нырнул в дорожку Луча. Слепящий блеск и смертельно высокая температура теперь не ужасала его. Чужой образец нового существа, казалось, собрал всю силу его энергии.

Вдали он увидел промежуток на поверхности планеты, который впускал могущественный Луч. Он понес себя к нему, гонимый странным голодом, который раньше останавливали планетарные стены, скрывающие вселенную.

Теперь он был частью всего необъятного, элементного создания. Дитя Солнца, брат звезд — он хотел оказаться свободным в открытом космосе, посмотреть на тех, кто непосредственно является его семьей.

Нетерпеливый и радостный он ускорился по Лучу, и как эхо из какого—то забытого прошлого вспомнил слова Каха:

"Он последовал за Яркими, которые не возвращаются!".

Глава 4 ЯРКИЕ

Небосвод пылал огнем. Все остальное отошло на второй план — далекие звезды, несколько человеческих миров. Здесь не присутствовало ничего, кроме красивого яростного шторма Солнца. Небольшой пучок пламени, который являлся человеком, неподвижно висел в космосе, и каждый его разумный атом проникался удивлением.

Он вышел из затененного Вулкана в свет полного разрушения и блеска горящей звезды, которая была повелителем всех планет.

Он стал подниматься к ней — сначала быстро, затем более медленно, воспринимая новое величие космоса. Внушенный страх прошел, и он остался балансировать посредине полета, борясь с искушением, не подвластному любому существу материальной формы.

Он мог чувствовать давление света. Оно вошло в него безрассудным порывом из кипящего котла атомной энергии, расположенного где-то в середине этого волшебного шара, и он, Курт Ньютон остро почувствовал эту силу.

Частицы рассеянной энергии ударили незначительными огнями по его новому телу несметным числом ярких и покалывающих ударов. Они понравились ему, и он стал питаться ими.

Он обнаружил, что может слышать Солнце, но не в человеческом понимании, поскольку здесь отсутствовала среда, чтобы нести звуковые волны, а как более тонкую вещь — через внутреннюю пульсацию его собственного нового существа. Он слышал обширный торжественный дикий рев бесконечного шума — разрушения и возрождения, шипящий крик высоких языков пламени, глубокий и быстро развивающийся гром сталкивающихся солнечных континентов и огненных морей, постоянно формирующиеся водовороты и другие различные катаклизмы.

Он наблюдал осевое вращение Солнца. С новым восприятием он детально ощущал каждый цвет спектра, видел

поднимающиеся горы, моря, равнины и облака штормового огня как спектральные формы аметиста — темно—красные, изумрудные, золотые, которые проносились с каждой мыслимой штриховкой от самого бледно—фиолетового цвета к глубокому сердито—красному.

Удивляясь новой жизни, его внушенный страх постепенно уменьшился.

Он почувствовал своего рода силу, как если бы последние из его человеческих оков спали, и он полностью освободился. Теперь ему принадлежали и космос, и Солнце. Он находился за гранью опасности или смерти, но был жив и вечен, как звезды.

Он не спеша полетел внутрь Солнца, к мерцающим завесам короны, обернувшей его туманным ореолом. Время, казалось, прекратилось для него. Тонкие алмазные огни этих верхних туманов выглядели невыразимо красиво. Ньютон поиграл среди них, как пятно живого золотого пламени, бросаясь и летая, как когда-то легендарная птица Феникс.

Плётки короны захлестали по нему плотными аметистовыми сгибами, как будто большие ветра завились по нему.

Он спустился в одну из внезапных развернувшихся пропастей со скоростью света, и погрузился в красный мрак хромосферы.

Ему показалось, что тут сконцентрировался весь гнев Солнца. Ливни неистовых алых газов вздымались здесь в искривленных кроваво—красных водоворотах размером с континент. Их края плескались горящей пеной, а когда они встречали другие потоки, то фонтанировали струей дикого пламени, столь же темного, как корица.

Новорожденное Дитя Солнца неслось вперед по темно—красным потокам, кружась в танце, высоко подскакивая на гребнях, исследуя самые темные рубиновые водовороты. Внизу в фотосфере бушевала неопределенная вращающаяся сфера огня.

Он опустился еще ниже и рассмотрел поверхность светила.

Там царили хаос, невообразимая красота и странность за гранью его понимания. Необъятное золотое пламя, более плотное, чем внешние слои, корчилось, переливалось и поднималось огромными литыми диапазонами, цеплялось за темно—красное небо и затем скользило вниз в колоссальном обрушении, которое оседало на равнине неспокойного огня.

Гребни волн, которые легко могли проглотить миры, мчались поперек лика Солнца, скатываясь вниз дикими громоподобными лавинами, рассыпаясь невероятными бриллиантами, величественными для человеческого глаза.

Он наблюдал, и чувствовал, что его новое существо дрожит. Человеческая сущность еще совсем недавно присутствовала в нем, и он не мог рассматривать этот невероятный мир Солнца без внушенного страха и ужаса.

Две больших волны на тысячи миль в высоту, пришли в ярость и помчались навстречу друг другу. Они встретились и столкнулись, вызвав оглушительный взрыв наверху той пламенной реки.

Курт Ньютон почувствовал себя пойманным в этом колоссальном потоке. Он начал бороться с ним, обнаружив, что может противостоять ему, находя силу в собственном новом теле. Своего рода выстрел экстаза пронзил его. Он отдался ему, и поток взял его и быстро закружил, пронеся мимо хромосферы, мимо короны, в пустынный космос.

Но он взволнованно подчинил его себе и, сделав большой круг, направился обратно к светилу.

Ловя мимолетный проблеск отдаленных миров, украшенный блестками света, Капитан Фьючер вспомнил о своей миссии здесь, и почему он оставил человеческую форму, чтобы осуществить паломничество на Солнце.

Теперь он более осмысленно снова погрузился через бледные туманы и темно—красные потоки, воспарив в фотосфере. Он обыскал невероятные расстояния, но никого не нашел. Ужасное одиночество овладело им.

Капитан Фьючер проник в область шторма, где крутящие вихри кружили и гремели в водовороте электронных потоков.

Он сбежал от них, оглушенный, потрясенный и отчаянно закричал:

— Карлин! Карлин! Где ты?

Ньютон произносил слова не языком или голосом, а мощью своего сознания. И когда он понял, что может разговаривать таким способом, он снова и снова стал издавать крики, бросаясь поперек горящих океанов, над которыми шумели обширные солнечные штормы.

— Карлин! Карлин!

И кто-то ответил. Он весьма ясно услышал голос в своем сознании, той частью своего нового существа, которое было чувствительно к приему мысли.

— О чем звенит маленький брат?

Напротив темно-красной хромосферы, он увидел одного из Детей Солнца. Он полетел, чтобы встретить незнакомца. Танцуя как две, невероятные пламенные бабочки, они высоко воспарили над горящей рекой, которая текла по лику Солнца.

— Ты Филипп Карлин?

— Филипп Карлин? Нет. Когда-то давно я был Тардисом, главным физиком в Фур Роге на Вулкане.

Настала тишина, нарушаемая быстро развивающимися громовыми раскатами Солнца.

— Скажи мне, маленький брат, ты новенький здесь?

— Да.

— А Яркие все еще прибывают сюда? Дверь еще открыта?

— Ее заперли и забыли на много лет. А затем ее нашел мой друг, который проник через нее. Ты знаешь его, Тардис? Его зовут Филипп Карлин.

— Мне о нем ничего неизвестно. Мои исследования держат меня в одиночестве. Ты знаешь, маленький брат, я почти достиг границ чистых мыслей. Самые великие умы Империи говорили, что это невозможно. Но я это сделал!

Два пятна живущего огня, кружась, поднимались на солнечных ветрах над пылающей рекой. Тардис спросил:

— Что с Империей? Что с Вулканом? Как получилось, что наши ученые забыли про эту дверь?

— Они просто запретили ею пользоваться, — ответил Ньютон. — А затем...

Он медленно рассказал Тардису о том, что Старая Империя потерпела крах и умерла, как ее обширные народы погрузились в варварство, как только буквально накануне человечество ступило на нижнюю часть пути лестницы знаний.

Он рассказал Тардису много вещей, большинство из которых были горькими и грустными. Ньютон поведал ему, что Дети Солнца уже стали не больше, чем легенды.

— Таким образом, все ушло, — заключил Тардис. — Звездные миры, капитаны, тронные короли. Но теперь ты изучишь здесь все, маленький брат. Ты будешь наблюдать в сердце Солнца за его рождением и циклом смерти, за повторной вечностью.

Его незначительное тело слегка закачалось, балансируя в полете.

— Прощай, маленький брат. Возможно, мы встретимся снова.

— Подожди! Подожди! — закричал Ньютон. — Ты не понимаешь. Я не могу остаться здесь, я должен найти моего друга и затем вернуться с ним.

— Вернуться? — повторил Тардис. — А, да ты же новенький! Однажды, я помню, тоже хотел обратно.

Его мысль затихла, в то время как он отлетел на значительное расстояние. Затем он снова подлетел:

— Отправляйся за мной, и я помогу найти твоего друга.

Он стал перемещаться через горы и кипящие моря Солнца. Ньютон последовал за летящим Тардисом, который издавал запросы теперь из туманов и облаков огня. К ним присоединились двое других Детей Солнца.

Тардис спросил:

— Знаете ли вы кого-нибудь по имени Карлин? Он новенький.

Один не знал, а другой ответил:

— Я знаю его. Он полетел во внутренние огни, чтобы изучить жизнь Солнца.

— Я отведу тебя к нему, — предложил Тардис Ньютону. — Полетели.

Он стремительно снизился в неистовую дикую местность пламени.

Ньютон сначала побоялся последовать за ним, но потом устыдился своих чувств. Если Карлин смог пройти этим путем, то и он сможет. Он погрузился в огонь вслед за Тардисом.

Массивные гребни волн оседали сверкающим цветом в глубинах дымного золота. Они вошли в область более плотной материи. Ньютону это напомнило плавание по неспокойным водам, с заметным давлением и ужасной суматохой, когда его собственная материя смешивалась со средой, которая удерживала его.

Он сел на хвост к Тардису. Постепенно, когда они снижались вглубь, золотые поверхности глубины становились более тихими, вспыхивая более мягкими цветами. Похороненные внутри потоки бежали отчаянно, как реки в моря. Тардис вошел в одну из них, с могучей плавной силой, как если бы человек шел против ветра.

Ньютон присоединился к нему, и почувствовал радостное удовольствие от собственной волны силы.

Золото начало исчезать, превращаясь в алмазный цвет. Ньютон узнал впереди жар, более ужасный, чем все огни, которые он видел — божественную белизну, настолько жгучую и интенсивную, что даже его новые чувства восхитились этим.

Энергия пламеподобного небесного тела исходила волнами ужасной силы. Раньше он боялся этого, но теперь ничуть не опасался. Он шел за Тардисом как ребенок,

ползущий к ногам Создания. Сам бы он остановился, но Тардис вовлек его в солнечную глубину, в живущее сердце Солнца.

И тот, кто был Филиппом Карлином, находился здесь в тихом внушенном страхе, наблюдая с ужасным мистицизмом за невероятной энергией смерти и возрождением материи.

Теперь Ньютон не думал о Карлине. Ужасные голоса, создающие солнечное вещество, забивали его чувства, сметая и ошеломляя их. Он задрожал от этого богоподобного яростного звука — пробегающих через него атомных разрывов, наполняющих сильной болью. Он наблюдал за этим со вновь нахлынувшим на него страхом.

Атомное изменение здесь непрерывно и громоподобно взрывалось, пульсировало водородом, постоянно перемещалось по циклу, преобразовываясь из углеродистого азота в гелий, а остаточная энергия взрывалась вслепую, направляя наружу бушующую мощь.

Ньютон понял опасность, грозившую ему: если находиться здесь слишком долго, то он никогда не вернется обратно. Он был ученым, и перед ним раскинулось громадное поле для исследований. Если он здесь останется, то заглотнет наживку изучения знаний о невероятной жизни, которая существует в этом суровом месте, и он навсегда останется с другими Детьми Солнца.

Искушение зашептало: "Почему надо возвращаться? Почему бы не остаться тут, чистым вечным пламенем, свободно учиться и жить?".

Внезапно он вспомнил про трёх компаньонов, которые ждали его в цитадели, и обещании, которое он им дал. И это с горьким усилием заставило его произнести:

— Карлин! Филипп Карлин!

Другое Дитя Солнца задвигалось и спросило:

— Кто зовет меня? — и когда услышал ответ, то в его сознании проснулись эмоции.

— Курт Ньютон? Ты здесь? Я почти забыл про тебя. Странная встреча двух друзей в громоподобном солнечном огне!

Ньютон вынудил себя думать только о цели своего пребывания здесь.

— Я прилетел за тобой, Карлин! Я должен привести тебя назад!

Ответ другого собеседника прозвучал жестоко:

— Нет! Я не пойду обратно! — и мысль Карлина нетерпеливо помчалась дальше: — Оглянись вокруг! Как могу я уйти? За это время я узнал здесь столько, сколько бы не узнал и за два миллиона лет... Нет, Курт. Никакой ученый не сможет просто так оставить это!

Ньютон почувствовал фатальную силу этого аргумента. Он также осознал непреодолимую привлекательность бессмертной жизни, которой пользовались пойманные здесь в ловушку люди в течение миллиона лет.

В отчаянии он подумал, что сам уступит этому фактору, если быстро не уберется отсюда. Это знание заставило его нервничать его, и Ньютон предпринял еще одну попытку переубеждения, которая могла поколебать Карлина.

— Но если ты останешься здесь, то все знания, которые ты собрал, будут утеряны навсегда! Тайны Солнца, ключи к тайнам вселенной — никогда не станут известны!

И он был прав. Этот единственный аргумент мог переубедить человека, чья жизнь проходила в постоянном сборе и обмене знаниями. Он почувствовал сомнение и суматоху в потрясенном сознании Карлина, нежелание и сильный рывок жизненных устоев в его сознании.

Громы сердца Солнца ревели среди них, когда Ньютон ждал. Наконец, Карлин неохотно буркнул:

— Да, я должен донести до человечества все, что узнал. И все же...

Он горько добавил:

— И все же я не могу оставить все этого!

— Ты должен, Карлин.

Вторая пауза. И затем:

— Если я обязан уйти, Курт, то необходимо это сделать сразу.

— Я отведу вас, — предложил Тардис, и в этот момент Ньютон осознал, что тот все еще парит возле них.

Они втроем стремительно понеслись вверх из глубин Солнца, через окрашенную золотом фотосферу, мимо угрюмых темно-красных потоков, сквозь развевающиеся туманы короны, в пустой космос.

Ошеломленный от переполняющих его чувств, Ньютон перемещался теперь к крошечному шару Вулкана. Он направлялся к нему, зная, что если начнет сомневаться, то передумает.

Тардис произнес:

— Летите быстро, маленькие братья, иначе... Я ведь тоже когда-то заколебался.

— Пойдем! — отчаянно воззвал Ньютон.

Как метеор, он быстро помчался, и сила его сознания потянула колеблющегося Карлина за ним. Слишком многое пришлось преодолеть. Сознание Ньютона омрачалось болью утраты способностей, лежащих за гранью человеческих возможностей. Как во сне они домчались до Вулкана. Вспыхнувший Луч осветил полый мир, и они нырнули по нему, неопределенно осязая только джунгли, холмы и цитадель. Вместе они прошли через тройную арку, и снизилась вниз в полумрак, где ждали люди Фьючера.

Карлин первым проследовал в место между тусклыми катушками. Ньютон увидел его влетающим в область силы незначительным клочком пламени, и выходящим из него ошеломленным и вихрящимся человеком. Ото поймал его, когда он упал.

Курт Ньютон последовал за ним в сине—зеленый свет. Внезапно сознание оставило его.

Когда он пришел в себя, то стоял вертикально, а большая рука Грэга обвивалась вокруг него. Он обнаружил, что его

тело заключено в оболочку, а приглушенные жизненные чувства затуманены.

Ото что-то закричал ему и голос Грэга быстро вырос в ухе.

— Курт, Вы добрались назад! И Вы привели его...

Металлический крик Саймона Райта нарушил их взволнованный лепет.

— Карлин!

Ньютон обернулся. Филипп Карлин пришел в себя. Он стоял, шатаясь в центре комнаты, не глядя на них. Он посмотрел вниз на свое собственное тело, медленно поднял руки и уставился на них.

На его лице выступило такое бледное страдание, какого Ньютон никогда прежде не видел на лицах людей.

— Я не могу, — прошептал Карлин, его голос походил на ржавое карканье. — Я не могу снова находиться заключенным в плоть. Нет!

С этими словами он двинулся неуклюжей вихрящейся стремительностью к высоким золотисто—ярким катушкам другого конвертера. Ньютон прыгнул, чтобы перехватить его, но ноги подогнулись, и он упал на колени.

— Карлин, подожди!

Ученый повернул лицо, исказившееся мукой решения.

— Ты не был там столько, как я, Курт. Ты не знаешь, почему я должен вернуться к той другой жизни, к той действительности. Но, по крайней мере, ты поймешь это. Вы все будете это помнить и возможно тоже в какой-нибудь день...

Он швырнул себя вперед на возвышение и потерялся во вспышке желтого света. Маленькая яркая звезда метнулась вверх к тройной арке, и живым огоньком быстро, свободно и радостно нашла Луч — тропу к Солнцу.

А на темном полу цитадели Курт Ньютон согнул голову и скрыл свое лицо между руками.

*****

"Комета" поднялась на реактивных килевых двигателях и стала набирать скорость над почерневшим Поясом, устремляясь к шахте в коре Вулкана. Курт Ньютон сидел в рубке. Тот, кто раньше взлетел свободным по Лучу, теперь вел искусственное судно по этой дороге.

Его резкое лицо было напряжено, а в глазах присутствовала какая-то странность.

Трое, кто находились с ним на мостике, тихо молчали, в то время как небольшое судно стремительно ускорилось через отверстие к голому яркому свету Солнца. Глаза Ньютона ослепились, но он не мог отвернуть их от этого могущественного шара пламени.

Он помнил.

Он навсегда запомнил, как смотрел на Солнце и замечал биение его сердца, как чувствовал рвущуюся острую боль свободы и силы. А может он однажды вернется один к той похороненной цитадели, которая прячет тайну жизни и смерти?

В жестком протесте он надавил на педаль газа, и "Комета" прыгнула вперед, оставив позади себя истощенный Вулкан, который затерялся крошечным пятнышком, поглощенный в вечных огнях Солнца.

Келлон горько подумал, что управляет не космическим кораблем, а руководит бродячим цирком. На борту собрались газетчики и тележурналисты с тоннами оборудования, маститые комментаторы, которые знали ответы на любые вопросы, красивые девушки-ведущие, помпезные бюрократы, заинтересованные в рекламе, поп-звезды, оказавшиеся здесь по той же самой причине.

У него были самый лучший корабль и команда во всем Управлении. Вот именно, были. Вместо экспедиции в один из неисследованных уголков Вселенной их послали с этим дорогостоящим людским грузом для выполнения абсолютно никому не нужной миссии.

Про себя он горько произнес: «Черт бы побрал всех этих...» Но вслух спросил:

— Позиция корабля соответствует рассчитанной вами орбите, мистер Риней?

Риней, второй помощник, серьезный молодой человек, который в данный момент возился с приборами в астронавигационной каюте, оторвался от своей работы и сказал:

— Да, идем точно по курсу. Можно готовиться к посадке?

Келлон ответил не сразу. Он стоял напротив капитанского мостика, мужчина средних лет, крепкий, широкоплечий, с загорелым, спокойным лицом, на котором не отражалось ни единой эмоции. Он не хотел отдавать подобный приказ, но был вынужден подчиняться.

— Хорошо. Идем на посадку.

Мрачно, через иллюминаторы он следил за спуском. На окраине этого витка Галактики было сравнительно мало звезд, дрейфующих через бездонные просторы Космоса. Впереди, подобно бриллианту, сияло маленькое солнце. Оно относилась к группе белых карликов вот уже около двух тысяч лет и давало так мало тепла, что планеты, вращающиеся

вокруг нее, были покрыты льдом. Все, кроме одной, ближайшей к звезде.

Келлон смотрел на рыжевато-коричневый комочек под ним. Лед, укрывавший его с тех пор, как солнце взорвалось и превратилось в белого карлика, теперь растаял. Несколько месяцев назад темная кочующая звезда прошла очень близко от этой солнечной системы. Мощная гравитация воздействовала на планетные орбиты, миры начали медленно по спирали приближаться к солнцу, и лед начал отступать.

Виресссон, один из младших офицеров, поднялся на мостик и взволнованным голосом доложил Келлону:

— Они хотят видеть вас внизу, сэр. Особенно мистер Борродайл. Он говорит, это срочно.

Келлон подумал утомленно:

«Придется спуститься и встретиться лицом к лицу со всей этой сворой, каковой они все на самом деле и являются».

Он кивнул Виресссону и пошел вниз, в кают-компанию.

Вид ее вызвал у него отвращение. Вместо членов его команды, отдыхающих или занятых делом, в ней находилась маленькая, но шумная толпа расфуфыренных людей, громогласных мужчин и женщин, которые, казалось, все одновременно пытались что-то сказать и неприятно, нервно смеялись.

— Капитан Келлон, я хочу вас спросить...

— Капитан Келлон, пожалуйста...

Он терпеливо кивнул и с улыбкой начал пробиваться к Борродайлу. Ему были даны специальные инструкции сотрудничать с Борродайлом, который слыл самым популярным телекомментатором во всей Федерации.

Борродайл был полнеющим мужчиной с круглым розовым лицом и неестественно огромными и глубокими черными глазами. Его богатый оттенками бархатный голос так часто звучал в различных программах, что был известен всем.

— Моя первая передача начнется через тридцать минут, капитан. При посадке я бы хотел получить полную картину. Если бы мои люди могли поместить камеру на мостик...

Келлон кивнул:

— Конечно. Там мистер Виресссон, он окажет им всякое содействие.

— Спасибо, капитан. Вы хотели бы увидеть передачу?

— Да, но...

Он был прерван Лорри Ли, чье сияющее красивое лицо и фигура, искусный раскат голоса сделали ее идолом женщин-телерепортеров.

— Не забудьте, что моя передача начинается сразу после приземления. Я хочу ее сделать одна на фоне безжизненного мира. Вы можете проследить за тем, чтобы никто не испортил эффекта? Пожалуйста!

— Мы сделаем все, что сможем, — пробормотал Келлон. А когда на него набросилась остальная свора, он резко огрызнулся:

— Я поговорю с вами позже. Мистер Борродайл, прошу вас.

Он пробился сквозь толпу, следуя за Борродайлом к каюте, которая была превращена в телерадиокомментаторскую. Однажды, горько подумал Келлон, она служила более благородным целям. В ней хранились пробы воды и почвы и другие образцы из далеких миров. Но это было тогда, когда они выполняли исследовательскую работу, а не тащили с собой всю эту толпу болтливых дураков, совершающих сентиментальное паломничество.

Просмотр материалов не входил в обязанности Келлона. Но здесь, по крайней мере, было тише, чем там, внизу, в кают-компании. Он наблюдал за тем, как Борродайл подал сигнал, и экран монитора ожил.

На нем возник серовато—коричневый глобус, вращающийся в Космосе, увеличивающийся в размерах по мере их приближения. Теперь на нем можно было различить даже редкие моря.

Проходили минуты, но Борродайл молчал, давая возможность приглядеться к этой картине. Затем зазвучал его глубокий, с ноткой драматической простоты голос:

— Вы смотрите на Землю, — произнес комментатор.

И вновь замолчал. Вращающийся коричневый шар теперь стал больше. Его покрывали белые облака. Затем Борродайл продолжил свою речь:

— Вы, жители многих миров Галактики, знайте, что это родная планета нашей расы. Ее имя говорит само за себя. Земля.

Келлон почувствовал всевозрастающее отвращение. Все, что говорил Борродайл, было правдой. И все же это фальшивка. Что сейчас Земля значила для него, или для Борродайла, или для миллиардов его зрителей? Это была история, сентиментальная случайность, а куча журналистов собиралась превратить ее во что-то помпезное.

Борродайл продолжал:

— Около трех с половиной тысяч лет назад наши предки впервые покинули свой мир. Это произошло тогда, когда они вышли в Космос, отправившись сначала к ближайшим планетам, а затем и к другим звездам. Вот так зародилась наша Федерация, наше человеческое сообщество на миллионах миров.

Теперь на мониторе изображение коричневого глобуса сменило лицо Борродайла крупным планом. Он сделал драматическую паузу.

— Затем две тысячи лет назад было установлено, что солнце Земли находится на грани взрыва и превращения в белого карлика. Тогда оставшиеся люди Земли покинули свой мир, солнце взорвалось, после чего стало резко остывать, а его планеты начали покрываться льдом. И вот теперь через несколько месяцев придет конец нашей старушке Земле. Она медленно приближается к солнцу и вскоре упадет на него, разделив участь Меркурия и Венеры. Когда это произойдет, то родина человечества исчезнет навсегда.

Снова пауза. И вновь Борродайл продолжил. Только теперь его голос звучал на более низких нотах:

— Мы, находящиеся на этом корабле простые репортеры, слуги огромной телерадиоаудитории из всех миров, прибыли сюда, чтобы в эти недели дать вам возможность в последний раз взглянуть на Землю. Мы думаем, мы надеемся, что вы сочтете для себя интересным вспомнить прошлое, которое уже стало легендой.

Келлон вновь подумал: «Этому ублюдку нет никакого дела до этой старой планеты, так же, как и мне. Но у него неплохо получается скрывать это».

Как только передача закончилась, Келлон вновь был атакован шумной толпой в кают-компании. В жесте протеста он поднял руку.

— Пожалуйста, прошу вас. Сначала мы должны сесть. Вы не могли бы пойти со мной, доктор Дарноу?

Представитель Исторического бюро, доктор Дарноу являлся титулованной главой всей экспедиции, хотя никто не обращал на него особого внимания. Это был пожилой мужчина, похожий на воробья, который что-то щебетал себе под нос, когда они с Келлоном шли на мостик.

Он, по крайней мере, подумал Келлон, был искренен в своем интересе. Так же, как и еще более дюжины ученых на борту. Но их значительно превосходили числом эти жирные коты, большие боссы, заинтересованные в рекламе, профессиональные хлыщи и прочая шушера. Да, ну и удружило мне работку Управление Исследований!

С мостика он смотрел на серую планету и ее спутник. Затем спросил Дарноу:

— Вы говорили что-то об определенном месте, где хотели бы приземлиться?

Историк поднял голову и начал произносить торжественную, старомодную речь:

— Вы видите там континент? На его побережье было очень много больших городов, таких, как Нью-Йорк.

Келлон вспомнил это название. Давным-давно он учил его на уроках истории в школе.

Палец Дарноу уткнулся в карту.

— Если бы вы могли приземлиться здесь, прямо на острове...

Келлон внимательно изучил рельеф, затем покачал головой.

— Слишком низко. Скоро будет прилив. Мы не можем рисковать. Но вот та точка на материке может нам подойти.

Дарноу выглядел разочарованным.

— Надеюсь, что вы правы.

Келлон приказал Ринею произвести расчеты для посадки, затем скептически спросил Дарноу:

— Вы, надеюсь, не рассчитываете найти очень много в руинах этих древних городов, после того как они простояли подо льдом две тысячи лет?

— Конечно, города были сильно повреждены, — согласился ученый, — но, возможно, сохранилось огромное количество реликтов. Я мог бы годами проводить там исследования...

— У нас не так много времени, только несколько месяцев, прежде чем эта планета подойдет слишком близко к солнцу, — сказал Келлон, а про себя добавил: «И слава Богу».

Корабль опускался по точно рассчитанной траектории. За бортом выла атмосфера, бурлили и кипели вихри, метались облака. Корабль миновал облачный слой и направился к мрачной коричневой равнине, покрытой белыми пятнами снежников. Где-то далеко впереди мерцал серый океан. Корабль совершил посадку. Зависло гробовое молчание, которое всегда следует за остановкой двигателей.

Келлон посмотрел на Ринея, который на минуту оторвался от пульта управления. На его лице было написано легкое удивление.

— Давление, кислород, влажность — все параметры благоприятные.

Затем он добавил:

— Ну конечно же, ведь когда-то на этой планете жили люди.

Келлон кивнул и сказал:

— Мы с доктором Дарноу выйдем первыми. Виресссон, постарайтесь удержать наших пассажиров внутри.

Когда Келлон и Дарноу подошли к нижнему шлюзу, они услышали недовольный шум, донесшийся из кают-компании. Келлон понял, что Виресссону приходится нелегко. Эти люди не привыкли слышать «нет», и он мог представить их негодование.

Когда они вышли из шлюза, холодный пронизывающий ветер ударил в лицо. Они ступили на влажную каменистую почву, которая расползалась у них под ногами при каждом шаге. Дрожа от холода, они замерли, осматриваясь.

Под низким, серым, покрытым облаками небом распростерся мрачный коричневый ландшафт. Ничто не нарушало его монотонной одноцветности, если не считать сугробов, все еще белевших в низинах. Тишина царила в этом мире, нарушаемая лишь порывами ветра и треском остывающей обшивки корабля позади них. Келлон подумал, что этот мрачный мир не может вызывать никаких чувств.

Но глаза Дарноу сияли.

— Мы должны использовать каждую минуту, — бормотал он, — каждую минуту.

Через два часа тяжелое телерадиооборудование было выгружено из корабля и на двух мотокарах отправлено на восток. Одним их мотокаров управляла Лорри Ли, одетая в лиловый синтетический костюм.

Келлон боялся, что тяжелые машины могут засесть в зыбучих грунтах, поэтому отправился вместе с журналистами. Но вскоре пожалел об этом.

Красотка Лорри Ли, чьи светлые волосы сияли даже в этом мрачном свете, дала волю всем своим журналистским жестам, выработанным долгими годами позирования перед камерой, когда она возбужденно указывала на руины Нью-Йорка.

— Это просто невероятно! — кричала она в микрофон своей многомиллионной аудитории на тысячах миров. — Быть здесь, на Земле, увидеть колыбель человечества. Это кое-что значит.

Это что-то значило и для Келлона. Он почувствовал спазм в желудке. Повернувшись, пошел к кораблю, ощущая в тот момент, что, если на обратном пути Лорри Ли затянут зыбучие пески, это не станет большой потерей.

Но этот первый день явился только началом. Космический корабль быстро превратился в центр бесчисленных и бесконечных телерадиопередач. Он был оснащен специальным оборудованием, с помощью которого сигнал передавался по лучу на ближайшую ретрансляционную станцию Федерации, а оттуда несся дальше к населенным планетам

Келлон обнаружил, что Дарноу, который должен был координировать все это действо, оказался совершенно бесполезным. Планета, которая была скрыта от человеческого глаза несколько тысячелетий, представляла для него, историка, рай. Поэтому большую часть времени он проводил вдали от корабля, совершая свои собственные вылазки. На плечи его помощника, серьезного беспокойного молодого человека, свалилась неприятная обязанность противостоять жалобам и требованиям неугомонных, темпераментных телезвезд.

Келлон чувствовал переполняющую его скуку, когда стоял и наблюдал за всей этой происходящей вокруг него чепухой. Эти люди работали не покладая рук, но его не интересовали ни они сами, ни их передачи. Рой Квейли, молодой модельер мужской одежды, провел полусмешной, полуностальгический показ древней земной моды, в котором приняли участие хорошенькие девушки, одетые в глупые костюмы, с которых он снял копию. Барден, известный телевизионный продюсер, возглавил постановку фильма из времен старой Земли. Джей Максон, восходящий политический деятель в Конгрессе Федерации, обсуждал с Борродайлом правительственные законодательные системы

прошлых времен, пытаясь таким образом заручиться поддержкой избирателей для своей Общегалактической партии. «Арктурус Плейере», великолепная группа исполнителей фольклора, читала старые земные стихи.

Келлон подумал с отвращением, что все это только показуха. Взрослые знаменитые люди вцепились зубами в возможность, предоставленную им внезапной гибелью забытой всеми планеты, подобно кривляющимся детям. А ведь в Галактике много настоящей работы, например, работы в Управлении Исследований, бесконечного, выматывающего, но увлекательного труда по изучению других систем и миров. И вместо того, чтобы заниматься ей, он был обречен находиться здесь несколько недель и даже месяцев вместе с этими клоунами.

Но ученых и историков он уважал. Они сделали всего лишь несколько передач, и их интерес не был фальшивым. Среди них оказался Галлер, биолог, который с восторгом показал Келлону пригоршню влажной почвы через неделю после их прибытия.

— Посмотрите на это! — гордо сказал он.

Келлон опешил.

— На что?

— На эти семена. Это обычный сорняк. Посмотрите.

Келлон посмотрел и увидел, что из каждого семени торчал маленький усик.

— Они дают ростки? — произнес он, не веря своим глазам.

Галлер радостно кивнул.

— Я на это надеялся. Понимаете, в северном полушарии уже наступила практически весна, согласно нашим заметкам, когда солнце внезапно взорвалось и превратилось в белого карлика. В течение нескольких часов температура упала, и поверхность начала покрываться снегом и льдом.

— Но это должно было убить всю растительную жизнь.

— Нет, — сказал Галлер. — Большие растения, деревья и кусты погибли. Но семена более мелких впали в спячку.

Теперь тепло, которое растопило лед, вызвало их обратно к жизни.

— Тогда здесь скоро появятся трава и цветы?

— Очень скоро, по мере поступления тепла.

И действительно становилось все теплее по мере того, как проходили первые недели пребывания на планете. В один из дней исчезла облачность, и бриллиантовое солнце начало одаривать землю бело—золотым светом. И однажды наступило утро, когда весь ландшафт перед ними оказался покрытым зеленой травой.

Трава росла. Росли сорняки и вьюнки с такой скоростью, словно знали, что это их последний сезон, который не будет длиться долго. Пробивались новые ростки и начали появляться цветы. Печеночницы, колокольчики, одуванчики, фиалки расцветали вновь.

Теперь, когда больше не приходилось пробиваться через грязь, Келлон выходил на долгие прогулки. Снующие люди вокруг корабля, постоянное столкновение темпераментов, громкие, взволнованные голоса — все это окончательно доконало его. Он чувствовал себя намного лучше вдали от них.

Трава и цветы вернулись, но все равно это был пустынный мир. Прогулки по длинным неровным склонам действовали успокаивающе. Теперь солнце стало ярким и приветливым, облака редко появлялись на небе, а теплый ветер что-то нашептывал, когда он сидел на склоне и глядел на запад, где не было никого и не будет уже никогда.

— Проклятая скука, — думал он. — Но, по крайней мере, здесь намного лучше, чем там с этими болтунами.

Долгими часами он сидел так под лучами ласкового солнца, чувствуя, как успокаиваются его нервы. Вокруг него волнами колыхалась трава, а цветы склоняли свои головки под ветром.

Ни одного другого движения, никакой другой жизни. С жалостью он подумал об отсутствии птиц в эту последнюю весну на старой планете. Не было даже ни единой бабочки.

Но теперь это не имело значения. Все равно этот мир обречен.

Когда однажды в сумерках Келлон возвращался назад, он внезапно заметил сияющий предмет в темном небе. Келлон остановился, глядя на него, а затем вспомнил. Конечно, это была луна старой планеты. Он совсем о ней забыл во время облачных ночей. Он двинулся дальше, озаряемый ее слабым светом.

Когда он вошел в кают-компанию, то в миг лишился своего недавнего спокойствия. Завязалась очередная перебранка, и все присутствующие принимали в ней участие. Лорри Ли с видом обиженного ребенка заявляла, что завтра она должна получить время для ее специальной передачи для женщин, а кто-то еще оспаривал ее требование. Молодой Веллей, помощник Дарноу, выглядел уставшим и расстроенным. Келлон незаметно прошел мимо них, закрыл дверь в своей каюте и налил себе выпить, в очередной раз проклиная Управление за это дурацкое задание.

Он позаботился о том, чтобы выбраться из корабля рано утром, прежде чем опять разразится столкновение темпераментов, привычно оставив Виресссона за главного, и пошел к зеленым склонам, прежде чем кто-либо успел его окликнуть.

Келлон думал о том, что осталось еще пять недель. Затем, слава Богу, Земля подойдет так близко к солнцу, что кораблю придется отойти в космос на безопасное расстояние. Пока не наступил этот долгожданный день, он будет держаться, насколько это возможно, вне поля зрения остальных.

Каждый день он проходил по нескольку миль. Он старался уйти подальше от восточной части и развалин Нью-Йорка, где так часто бывали остальные. Но он ходил в западном, северном и южном направлении по зеленым, цветущим склонам пустынного мира. По крайней мере, там было тихо.

Но вскоре Келлон понял, что если хорошенько присмотреться, то можно было кое-что увидеть. Например, как менялось небо. Оно никогда не было одинаковым дважды. Иногда оно казалось темно-голубым, и по нему, подобно кораблям, плыли облака. Но затем небо внезапно становилось серым и печальным, начинал капать дождь, который прекращался лишь тогда, когда лучи солнца пробивались через облака, превращая их в парящие ленты. Были моменты, когда, сидя на краю холма, он слушал раскаты грома и видел, как на западе темнело и собирались грозовые облака, которые с громом и блеском молний проходили над землей, словно армия гигантов.

Ветры и солнечный свет, сладость воздуха и вид луны, ощущение растущей травы под ногами — все это казалось Келлону странно естественным. Келлон бывал на многих планетах под многими солнцами. Некоторые из них нравились ему больше, чем эта, некоторые не нравились совсем, но нигде и никогда он не встречал такого мира, который бы так соответствовал состоянию его души, как эта пустынная планета.

Ему стало интересно, на что она была похожа, когда на ней росли деревья и жили птицы и животные. Какие города существовали на Земле. Он брал фильмы-книги в библиотеке, которые привезли с собой Дарноу и другие ученые, и просматривал их по ночам, заперевшись в своей каюте. Не то чтобы все это его сильно волновало, просто давало возможность держаться вдали от каждодневных ссор и перебранок, к тому же ему было интересно.

После, совершая свои долгие прогулки, он пытался увидеть, представить, какими были эти места в далеком прошлом. Должно быть, в этой низинке обитали дрозды и скворцы, желто-черные пчелы, опыляющие цветы, и росли огромные деревья с такими странными названиями: вязы, ивы, клены. И бегали маленькие пушистые зверьки, и в воздухе танцевал жужжащий рой насекомых, и плавали рыбы

и лягушки в озерах и ручьях — симфония давно прошедшей, давно забытой жизни.

Но были ли окончательно забыты все мужчины, женщины и дети, жившие здесь? Борродайл и остальные много говорили в своих передачах о людях старой Земли, но фразы звучали как-то безлико, словно набор терминов, который давно ничего не значил. Наверняка никто из тех миллионов не думал о себе, как о части бесчисленного множества. Каждый из них был для себя и своих близких уникальным и неповторимым созданием. Что все эти болтуны могут знать о тех индивидуумах? Что может знать хоть кто-нибудь?

Келлон время от времени находил их следы, останки цивилизации, которые пощадил даже лед. Согнутый кусочек стали, балка или брусок, сделанные кем-то. Куски бетона, который когда-то представлял из себя дороги. По ним ходили мужчины и женщины, спешащие по зову любви, амбиций, жадности или страха.

Но он обнаружил больше. Это была неожиданная находка. Он шел вдоль ручья, протекавшего по узкой долине. В одном месте он перепрыгнул его, а когда приземлился, подняв голову, увидел дом.

Сначала Келлон подумал, что он сохранился каким-то невероятным образом, хотя это казалось просто невозможным. Но, подойдя поближе, понял, что это была всего лишь иллюзия. Время—разрушитель поработало и над ним. И все же это был дом.

Это был каменный коттедж с шиферной крышей и низкими стенами, стоящий недалеко от края зеленой долины. Келлон предположил, что природная арка из льда сохранила его от той участи, которая постигла все остальные строения.

Вместо окон и дверей зияли дыры. Он вошел внутрь и взглянул на холодную тень того, что когда-то являлось комнатой. Сохранились остатки прогнившей мебели, а стены покрывала сухая грязь, под которой можно было разглядеть ржавый металл. Больше ничего не было. Атмосфера внутри

оказалась холодной и какой-то давящей. Он вышел наружу и устроился на террасе.

Келлон смотрел на дом. Он предположил, что его, должно быть, построили не позднее, чем в XX веке. Келлону показалось странным, что аэросъемка, которую производили люди Дарноу, не обнаружила этого строения. Но, с другой стороны, и неудивительно — серые стены были такими незаметными и так плотно вросли в зеленый полог долины.

Его взгляд упал на едва заметную надпись на цементной террасе. Он подошел и счистил грязь. Буквы выцвели от времени, но ему все же удалось прочитать. «Росс и Дженни — Их Дом».

Келлон улыбнулся. Теперь он по крайней мере знал, кто когда-то жил здесь, кто, возможно, построил этот дом. Он мог представить себе двух молодых людей, радостно царапающих буквы на мокром цементе. Кто были эти Росс и Дженни? И где они сейчас?

Он обошел вокруг. К своему удивлению, он обнаружил запущенный цветочный сад с другой стороны. Полдюжины различных видов цветов, не похожих на те, что росли на склоне, беспорядочно цвели здесь. Когда пришла зима Земли, семена этого старого сада надолго заснули, а когда начал таять снег, вновь с готовностью вернулись к жизни. Он не знал, что это были за цветы, но от них веяло духом смелости, и ему это понравилось.

Возвращаясь в сумерках назад, Келлон думал о том, что должен рассказать об этом месте Дарноу. Но если он скажет ему, то мгновенно вся болтливая свора устремится туда. Он представлял себе те торжественные, бесценные и просто милые передачки, которые Борродайл, Ли и другие будут ставить, используя этот дом как декорацию.

— Нет, — подумал он, — пусть убираются к чертовой матери.

Дело было не в том, что сам дом имел для него какое-то значение, а в том, что он представлялся для него убежищем, в котором он мог найти покой от всей этой шумной орды.

На следующий день Келлон был рад, что никому ничего не сказал. Дом стал тем местом, куда он мог уйти, которое он мог исследовать, чтобы заполнить время ожидания. Он проводил там часы и никому не говорил об этом.

Галлер, биолог, одолжил ему книгу о растениях Земли, и он брал ее с собой, чтобы идентифицировать цветы, растущие в заброшенном саду. Вербены, гвоздики, вьюнки и ярко—красные и желтые настурции. Он прочитал, что многие из этих видов не прижились в других мирах. Если это так, то для цветов наступила самая последняя весна, после которой эти виды исчезнут навсегда.

Он рассматривал интерьер дома, пытаясь себе представить, как люди когда-то жили здесь. Дом совсем не походил на современные металлоидные дома. Внутренние стены были слишком толстыми, а окна казались маленькими и убогими. В самой большой комнате Росс и Дженни, наверное, проводили большую часть своего времени. Ее окно выходило на маленький сад, зеленую долину и ручей.

Келлону было интересно, что представляли из себя эти Росс и Дженни, которые когда-то сидели здесь и смотрели в окно. Что было для них важно? Что доставляло им боль, а что радость? Он сам никогда не был женат. Капитаны космических кораблей редко вступают в брак. Но его интересовал этот древний обряд. Были ли у Росс и Дженни дети? Продолжает ли в ком—то на свете течь их кровь? Но даже если и так, что теперь это могло значить для этих двоих, давно ушедших? В конце книги, которую одолжил ему Галлер, было стихотворение о цветах. Он вспомнил несколько строк:

Все они теперь едины, розы и незабудки,
Они не знают ни ветров, ни полей, ни морей,
Время проходит,
В мягком воздухе пахнет летом.

Да, думал Келлон, все они сейчас едины, эти Россы и Дженни, и все, что они делали, все, о чем думали, все сейчас превратилось в пыль на этой планете, которая вскоре войдет в свое последнее лето. С физической точки зрения, все, что

было сделано, все, кто когда-то жил на Земле, оставались здесь в ее атомах, не считая той небольшой части материи, которая осела в других мирах.

Он думал об именах, которые были известны среди всех галактических миров, имена мужчин, женщин и мест. Шекспир, Платон, Бетховен, Блейк, старый блистательный Вавилон и храмы Ангкора, неуклюжие дома его собственных предков, все это было здесь.

Келлон мысленно прервал себя. Он не должен был размышлять о подобных вещах. Он уже видел все, что осталось в этом странном месте, и не было смысла возвращаться к этому.

Но он вернулся. Он говорил себе, что дело не в том, что в нем проснулся какой-то сентиментальный интерес к этому месту. Об этом он слишком много слышал от сияющих клоунов у себя на корабле. Он был человеком Управления Исследований, и все, что он хотел, так это вернуться к своей работе. Но так как он, не по своей вине, застрял здесь, он предпочел бродить по зеленеющей земле или исследовать этот старый дом, чтобы избежать необходимости слушать бесконечную болтовню и грызню остальных.

Они ругались все чаще и все больше, потому что устали от всего этого. Поначалу для них было сенсацией вещать на всю галактику о кончине Земли, но по мере того, как шло время, их энтузиазм остывал. Они не могли улететь, так как экспедиция была рассчитана на то, чтобы показать гибель Земли, а это произойдет только через несколько недель. Дарноу с его учеными, занятыми изучением реликтов, могли бы оставаться здесь бесконечно долго. Но другие уже пухли от тоски.

В старом доме Келлон находил много интересного, что не позволяло ему скучать. Он уже много прочитал о том, какой была та давняя жизнь. Часами он просиживал на старой террасе под солнцем, пытаясь представить себе, как было тогда, когда здесь жили мужчина и женщина, которых звали Росс и Дженни.

Эта старая жизнь сейчас казалась ему такой странной! Он прочитал, что в те дни многие люди передвигались на наземных машинах туда и обратно в города, где они работали. В этих машинах ездили и мужчины, и женщины или только мужчины? Может быть, женщина оставалась дома с детьми, если они были, и занималась садом, в котором все еще цвели некоторые цветы? Думала ли она когда-нибудь о том, что в далеком будущем, когда их уже не станет, дом останется пустым и безжизненным, и никто не придет в него, кроме чужака с далеких звезд? Он вспомнил одно место из старых земных пьес, которые исполняли «Арктурус Плейере»: «Пришли, как тени, такие же далекие».

Нет, думал Келлон, Росс и Дженни сейчас стали тенями, но не тогда. Это для них, для всех людей, живших тогда на этой древней Земле, он, человек из далекого будущего, был тенью. Иногда Келлону, сидящему на этой террасе и представляющему прошлое, живые образы людей, многолюдные города, движение и смех, казалось, что это они были реальностью, а он — наблюдающим призраком.

Приходило лето. Дни становились все жарче и жарче. Теперь белое солнце стало огромным и изливало на Землю столько света и тепла, сколько эта планета не видела несколько тысяч дет. И вся зеленая жизнь вокруг, казалось, ответила порывом невиданного роста, актом безумного пробуждения, который Келлон считал наиболее трогательным. Теперь даже ночи стали теплыми. Дули мягкие ветры, а на волнах огромного серого океана переливалась белая пена.

Внезапно, словно проснувшись от сна, Келлон осознал, что осталось всего несколько дней. Планета двигается все быстрее, и вскоре жара станет невыносимой.

Он говорил себе, что будет рад улететь. Они подождут в космосе, пока все не закончится, а затем он вернется к своей работе, к своей жизни и прекратит мечтать о тенях. Здесь больше нечего было делать.

Да, он будет рад.

Затем, когда осталось всего несколько дней, Келлон вернулся снова в старый дом и бродил по нему. Внезапно он услышал за спиной голос:

— Великолепный, — сказал Борродайл, — великолепный реликт.

Келлон был удивлен и в то же время почувствовал уныние. Глаза Борродайла горели, когда он осматривал дом. Затем он повернулся в сторону Келлона.

— Я гулял, когда увидел вас, и решил догнать. Так вот где вы пропадали все это время.

Келлон виновато ответил:

— Я был здесь всего несколько раз.

— Но почему, черт возьми, вы не сказали нам об этом? — воскликнул Борродайл. — Почему? У нас могла бы получиться великолепная заключительная передача из этого места. Типичное древнее жилище Земли. Наш модельер Рой мог бы одеть группу «Плейере» в старые костюмы, и мы бы показали их в качестве людей, живших здесь...

Неожиданно для себя Келлон сорвался. Он грубо произнес:

— Нет.

Борродайл поднял брови.

— Нет? Но почему?

Действительно, почему нет? Какая ему—то разница, если они будут носиться по этому дому, насмехаясь над его древностью и неадекватностью, позируя и кривляясь перед камерами, делая очередное шоу. Что ему до всего этого? Ведь ему не было никакого дела до этой забытой планеты?

Все же что-то в нем сопротивлялось тому, что они собирались здесь сделать. Он сказал:

— Мы можем стартовать очень внезапно. Если вы все будете находиться здесь, то это подвергнет опасности ваши жизни.

— Но вы же сами сказали, что старт произойдет через несколько дней, — воскликнул Борродайл. И твердо добавил:

— Я не знаю причины, по которой вы что-то скрываете от нас. Но мне придется обратиться к вашему начальству.

Он ушел, и Келлон подумал с грустью, что Борродайл сообщит в Управление, и он получит серьезный нагоняй. Почему, черт возьми, он скрыл от других свою находку? Он и сам не знал. Он должен был вместо непонятной, гложущей сердце тоски испытывать радость.

Келлон вернулся на террасу и сидел там до тех пор, пока сумерки не коснулись неба. Взошла белая бриллиантовая луна. Этой ночью начал дуть горячий сухой ветер. Сказывалось приближение планеты к солнцу. Колышущаяся от ветра трава была словно живой. Казалось, что в воздухе забился слабый пульс планеты. Солнце звало, и Земля готовилась к ответу. Дом дремал в серебряном лунном свете, а сад что-то тихо нашептывал.

В ночи возникла темная фигура. Это вернулся Борродайл. Триумфально он заявил:

— Я обратился в вашу штаб-квартиру. Они приказывают вам оказывать мне полное содействие. Наша первая передача пойдет отсюда завтра утром.

Келлон встал.

— Нет, — твердо сказал он.

— Вы не можете пренебречь приказом...

— Завтра нас здесь не будет. Я отвечаю за то, чтобы увести корабль с Земли, не подвергая опасности ваши жизни. Мы стартуем завтра утром.

Борродайл какое-то время молчал, а когда заговорил, в его голосе послышалась нотка замешательства.

— Вы продолжаете препятствовать нашей работе? Я не могу понять почему.

Келлон подумал, что и сам этого не понимает. Как он мог объяснить? Он молчал. Борродайл посмотрел на него, а затем на старый дом.

— Возможно, я понимаю, — неожиданно проговорил Борродайл задумчиво, — вы часто приходили сюда один. Здесь легко можно подружиться с привидениями.

Келлон грубо отрезал:

— Не мелите чепухи. Нам лучше сейчас вернуться на корабль. У нас еще много дел. Нужно готовиться к старту.

Борродайл молчал, когда они возвращались по залитой лунным светом долине. Один раз он оглянулся и посмотрел на дом. Келлон не оглянулся ни разу.

Они стартовали через двенадцать часов следующим утром, мрачным из-за сильной облачности. Когда они прошли атмосферу и оказались в холодном пространстве космоса, Келлон почувствовал внезапное облегчение. Здесь, в космосе, он был на своем месте. Он человек космоса. Позже ему придется ответить за свои действия, но он не сожалел.

Корабль отошел на безопасную орбиту и стал ждать. Земля, казалось, совсем близко подошла к солнцу, а ее луна изменила свою орбиту. Но все равно, пройдет еще немало времени, прежде чем они смогут показать галактике гибель их родной планеты.

Большую часть времени Келлон проводил в своей каюте. Шумиха вокруг передач, по мере того как приближался финал, заставляла его испытывать отвращение. Ему хотелось, чтобы все скорее закончилось.

— Почему вы должны получить целый час? — язвительно говорила Лорри Ли Борродайлу. — Это несправедливо.

Квейли рассерженно кивнул.

— Это будет самая большая аудитория в истории человечества, и каждый из нас должен получить свой шанс.

Борродайл отвечал им. Шум и споры продолжались. Келлон заметил, что техники выглядят взволнованными. За их спинами через иллюминаторы он мог видеть темное пятнышко планеты, которая приближалась к белой звезде. Солнце звало, а Земля медленно, но уверенно отвечала на этот призыв. И внезапно эти кричащие, ссорящиеся голоса журналистов привели Келлона в гнев.

— Послушайте, — сказал он техникам, — выключите все звуковые передатчики. Пусть останется только картинка, но без звука.

Этот выпад заставил всех замолчать. В конце концов Ли выразила протест:

— Капитан Келлон, вы не можете!

— В Космосе я командую кораблем. И я могу это сделать и сделаю.

— Но передача, комментарий...

Келлон устало произнес:

— Ради Бога, заткнитесь все и дайте Земле уйти с миром.

Он повернулся к ним спиной Он не слышал их возмущенных голосов, не слышал даже, как они замолчали, глядя через иллюминаторы на то, на что смотрел он, камера и вся Галактика.

На что он смотрел? На темную точку, которую почти притянуло к себе солнце. Он думал о том, что, наверное, камни старого дома уже начали плавиться. Теперь лучи солнца уже полностью поглотили планету. Звезда забирала себе то, что когда-то принадлежало ей.

Келлон думал, что все атомы Земли в этот момент вырвались наружу и слились с солнечной массой. Все, что было когда-то Россом и Дженни, Шекспиром и Шубертом, цветы и ручьи, океаны и горы, небо и ветер стали одним светом, который когда-то дал им жизнь.

Они смотрели в молчании. Но вот больше не на что стало смотреть. Камера отключилась.

Келлон отдал приказ, и корабль, сорвавшись с орбиты, направился домой. К этому моменту все уже покинули каюту, кроме Борродайла. Не поворачиваясь, Келлон сказал:

— Теперь можете жаловаться в штаб-квартиру.

Борродайл покачал головой.

— Молчание — самый лучший реквием. Жалоб не будет. Я рад, что все так случилось, капитан.

— Рады?

— Да, я рад, что, в конце концов, хоть один человек во Вселенной действительно оплакивает гибель Земли.

Мартинсен опустил голову так, что не видел ни иллюминатора, ни Земли. Вместо того он смотрел на огромный пульт управления, который занимал почти всю комнату. Он долго смотрел на него и лишь потом заметил, что один из параметров изменился. Крошечная красная звездочка появилась на экране дисплея. Он нажал одну из кнопок на панели, затем наклонился и сказал по селекторной связи:

— Эллам, шестнадцатая приближается. Ответа не последовало.

— Эллам?

Он знал, что его голос хорошо слышен в каждом отсеке станции: сейчас он разносился и по тусклым металлическим коридорам, и по небольшим лабораториям, и по подсобным помещениям. Он ждал, но от Ховарда Эллама так и не было ответа. Мартинсен вздохнул с видом утомленного человека — и поднялся. Усталый злой человек. Ему казалось, что он знает, что произошло, хотя он и не принял никаких мер предосторожности. Он вышел из комнаты и стал спускаться по коридору. Бесконечно утомленный человек в потрепанном, запачканном комбинезоне брел по коридору. Но удивительно, казалось, он совсем не изменился, его седая голова все так же была высоко поднята, и он лишь чуть горбился да еле отрывал ноги от пола.

Ни один звук не нарушал тишины, кроме мягкого мурлыкания кондиционеров. На станции, кроме него и Эллама, никого не было. Несколько недель назад Карелли забрал двоих из их команды и отправился на одной из двух аварийных капсул на Землю.

"Я вернусь, — сказал он Мартинсену, — как только разберусь со всеми делами. Ты и Эллам останетесь и будете командовать Чарльзами, когда они вернутся".

Карелли пока не прилетел. У Мартинсена было такое чувство, что он уже никогда не прилетит, ни он, ни кто-либо еще. У них есть вторая капсула, но у них есть и приказ.

Он шел один в тишине, вспоминая, как он проходил по этому коридору в первый раз, дрожа от восхищения, — первые десять минут на Лунной станции. Он тогда думал о работе здесь, о ее огромной важности для всех на Земле, сейчас и в будущем. В будущем? О Господи! Это просто смех.

Он шел через молчащие комнаты и проходы, пока не нашел Эллама. Тот сидел в лаборатории и, казалось, выглядел нормально, разве что не побрился, но, когда Мартинсен увидел его стеклянный остановившийся взгляд, он посмотрел по сторонам и нашел коробочки с ампулами, половина которых была разбросана по столу.

Мартинсен вздохнул. На станции не могло быть спиртных напитков, но были транквилизаторы. Ему казалось, что он нашел и спрятал все, но, видимо, у Эллама все еще оставались запасы. Это был один из вариантов, чтобы пережить катастрофу. Отключить свой мозг и не думать.

Мартинсен положил ампулы в карман. Сейчас он ничего не может сделать, лишь оставить Эллама одного, чтобы тот пришел в себя.

Он вернулся в комнату "си", присел и продолжил наблюдение за медленным изменением позиции маленькой красной звезды, шестнадцатой научно-исследовательской станции, возвращающейся на Луну. Остальные должны прибыть в течение последующих нескольких дней, пока не вернутся все Чарльзы. А что потом?

Он поймал себя на том, что снова смотрит на Землю. Сколько людей там еще живы? Много? Мало? Может быть, попробовать связаться с ними еще раз? Но там никто больше не отзывался, и сколько бы он ни вызывал, результат будет такой же.

Прошло очень много времени, пока он решился и, спустившись в комнату связи, попробовал связаться еще раз. Он нажал кнопку вызова три раза с небольшими

перерывами, но ответа не последовало. Даже не моргнула лампочка.

В Мартинсене снова проснулась злость. Ведь не могут же все на Земле быть мертвы. Не все же. Чума могла распространиться по всему земному шару, могла унести тысячи миллионов, но наверняка кто-то должен был остаться в живых на Главной базе. Почему же этот кто-то не отвечает? Хотя он может просто не уметь обращаться с комплексом коммуникационных средств. Теоретически все члены небольшой команды здесь, на станции, учились этому.

Но ведь это коснулось не всех, кто работал на Главной базе, и если выживший не знает...

Мартинсен постарался отогнать от себя эти мысли. Даже если так случилось, даже если Карелли нашел Главную базу вымершей, когда попал туда, все равно Карелли мог бы связаться с ним и сказать об этом. Если только... если только Карелли, Мьют и Дженнингс не заразились чумой прежде, чем смогли узнать об этом, добраться до центра коммуникаций и сообщить. Но если так все и произошло, то это означает лишь одно: чума одержала верх над Землей и над ее населением.

Все же это в какой-то степени забавно, подумал Мартинсен. Десятилетия люди опасались вселенской гибели от атомного взрыва. Больше всего они боялись ядерной войны, а также выпадения радиоактивных осадков и того, что они могут сделать с их телами. Но ядерной войны так никогда и не было, влияние осадков сведено до безопасного уровня. Единственной проблемой стало то, что этот уровень был рассчитан для людей, а другим, более мелким, существам хватило... Особенно таким крошечным, как, например, бактерии.

Вызванные радиацией мутации затронули штаммы до сих пор почти безобидных бактерий. Ученые в конце концов очнулись и стали заниматься этой проблемой. Но было уже слишком поздно. Появилась и распространилась самая губительная болезнь за всю историю человечества. Чума

пошла гулять по свету. Ее первая вспышка, повлекшая за собой невиданный до сих пор показатель смертности, произошла в Южной Америке. Всемирные организации здравоохранения забили тревогу. Поспешно подвергли карантину Южную Америку, сплотили силы в поисках вакцины. Но все же было уже очень поздно, и пять перепуганных мужчин на Лунной станции "получали сообщения" в виде молчания сначала от городов, потом стран, потом замолчала вся планета. И вот дошла очередь до Главной базы.

И эти пять человек на Лунной станции оказались как бы на необитаемом острове. А потом, когда Карелли, Дженнингс и Мьют вернулись на Землю, их осталось только двое, и то один из них пытается с помощью таблеток забыть про погибшую семью. Так что можно сказать — он один на один с мертвым или умирающим миром, там внизу, и...

— Прекрати! — сказал Мартинсен самому себе. — Ты сможешь попричитать и потом.

Пульт показывал много маленьких красных звездочек, много станций, возвращающихся на Луну. Это были прекрасные, небольшие металлические корабли, на которых до сих пор не летала ни одна человеческая душа. Они исследовали ближайшие звезды и их планеты. Двигаясь на полной мощности, они забирались достаточно далеко. Но поиски внезапно были прерваны, сверхпространственный сигнал принес команду "стоп", и теперь станции возвращались. Он подумал, что, возможно, все это теперь не имеет никакого смысла. Какая польза от аккуратно записанных данных, которые Чарльзы привезут с собой, если на Земле никого не осталось, кто мог бы воспользоваться этими знаниями. Но Карел ли оставил его за главного, и он не может просто махнуть рукой на первые результаты проекта

"Исследование пространства с помощью подобных людям кибернетических гуманоидов" — так назывался проект. Так уж сложилось, что в обиходе киборгов стали именовать Чарльзами и присваивать им порядковые номера. После того, как станции с Чарльзами на борту автоматически

прилунились и заняли отведенные секции в специальном ангаре Лунной станции, Мартинсен услышал в коридоре мягкие шаги Чарльза Шестнадцатого, спокойно направляющегося в лабораторию анализов.

Мартинсен поднялся и направился туда же Чарльз Шестнадцатый тихо замер у двери со своим номером. Мартинсен предварительно осмотрел киборга и, несмотря на свое разочарование в том, что это уже никому не нужно, быстро погрузился в рутинную работу.

— Сердцебиение, почки, сердечно-сосудистая система — все в норме, бормотал он себе под нос — Похоже, как мы и ожидали, пониженное содержание кальция, но для того, чтобы это точно установить, потребуется время. Давай посмотрим, как реагирует твой гипоталамус, Чарльз.

Чарльз Шестнадцатый стоял и молчал, так как не умел разговаривать Он не мог ни слышать, ни думать. Он не являлся человеком, но это механическое подобие использовалось для исследования воздействия необычной среды на псевдочеловеческое тело.

Киборг был похож на мужчину со снятой кожей, так как сквозь прозрачную пластичную ткань можно было ясно различить работу псевдосердца, четко отследить движение "крови" по трубкам его артерий и вен, металлический скелет Легкие для более тщательного изучения располагались под отверстиями в грудной клетке, которые зияли подобно ужасным ранам. Люди, впервые сталкивавшиеся с киборгами, всегда считали их страшно похожими на живых существ, но первое впечатление быстро менялось на противоположное, и после этого киборг и становились для них такими же живыми, как центрифуги или телевизоры

У команды Лунной станции сложилось такое же отношение к Чарльзам, как к одетым в одежды манекенам. Но эти манекены очень отличались от обычных твердых восковых фигур. Они могли ходить, могли быть запрограммированы на выполнение определенной работы. Их электронная нервная система была достаточно сложна. Киборгов создали не

для того, чтобы они стояли в витринах магазинов, а для изучения звезд. В научно-исследовательских станциях, ускорения которых не могла выдержать ни одна человеческая конституция, их посылали в миры чужих далеких солнц. И там они могли двигаться, дышать их воздухом и приспосабливаться к гравитации. А затем корабли приносили их обратно на Лунную станцию, и специалисты могли наблюдать за воздействием условий неземной жизни на аналоги людей.

Команде станции потребовалось много времени для подготовки и программирования действий на далеких звездах этих киборгов — человеческих скаутов. И за это время люди не без юмора назвали их Чарльзами подобно тому, как некоторые дают имя своей машине, лодке. Команда немного пошутила, сделав Чарльза Девятого шире, чем всех остальных, в плечах, а Чарльза Четырнадцатого — трусом, который не хотел отправляться к звездам. И теперь для абсолютно одинокого Мартинсена шутка стала реальностью, и он, изучая киборга, разговаривал с ним, как с живым.

Мартинсен зашел в ангар и вынул из шестнадцатого корабля кассеты с записанной на них информацией о далеком мире, который исследовала небольшая металлическая ракета. Он просмотрел пленки. Первая показала рыжевато—коричневую пустыню под двумя темными лунами, по которой прогуливался Чарльз Шестнадцатый, а на вторую сенсорные устройства записали все физические данные этого мира. Мартинсен тщательно обдумал некоторые моменты и вернулся к осмотру Чарльза Шестнадцатого, даже не услышав приглушенные металлические звуки из ангара, которые свидетельствовали об автоматическом возвращении других кораблей и входе киборгов.

— Я думаю, — говорил он Шестнадцатому, — ты немного поврежден. Можешь считать себя счастливчиком, если бы ты был человеком, то был бы уже мертв.

"Можешь считать себя счастливчиком, Чарли! Если бы ты был человеком, ты бы знал, и думал, и помнил, и..."

— Бред! — выругался Мартинсен и выкинул все эти мысли из головы, продолжив осмотр киборга. Когда он закончил с Шестнадцатым, появились Чарльзы Восьмой и Одиннадцатый. Они молча зашли в лабораторию и застыли у кабин со своими номерами, как и были запрограммированы. Мартинсен изъял их кассеты и начал просмотр, не имея никакого желания прерваться, хотя прошло уже много часов, и он устал. Но он не хотел возвращаться в свое кресло, где бы мог снова увидеть Землю.

— Ну и почему у тебя температура на шесть градусов ниже? — спросил он Восьмого Чарльза. — В первый раз ты отлично входил и выходил из тепловых точек. Но теперь ты вернулся с недостаточно нормальной температурой и...

— Ты что, сошел с ума? Разговариваешь с Чарльзами? — послышался голос Ховарда Эллама.

Мартинсен повернулся и увидел его, стоящего у двери. Глаза напарника казались красноватыми, тело покачивалось, но в принципе он выглядел вполне вменяемым.

— Просто думаю вслух, — ответил Мартинсен.

— Думаешь? — усмехнулся Эллам. — Если мы начали разговаривать с киборгами, то наши дела как нельзя хуже.

— Я так же охотно говорю с Чарльзами, как и с человеком, подсевшим на транквилизаторах, — парировал Мартинсен.

Эллам уставился на него, а затем рассмеялся.

— Хочешь услышать шутку в жанре черного юмора? Два последних оставшихся в живых человека заперты вместе, и что из этого вышло? У них развилась клаустрофобия.

Он смеялся и смеялся, но потом, словно сообразив, что это уже похоже на истерику, резко перестал, тихо вымолвив:

— Прости, Март!

— О, забудь! Но забудь и о том, что нас осталось только двое. Сможешь? Никакой чумы, даже этой, которая всех забрала. Всегда кто-то остается в живых.

— Конечно! Кто-то всегда остается в живых, — повторил Эллам. — Все могут заразиться, но через некоторое время

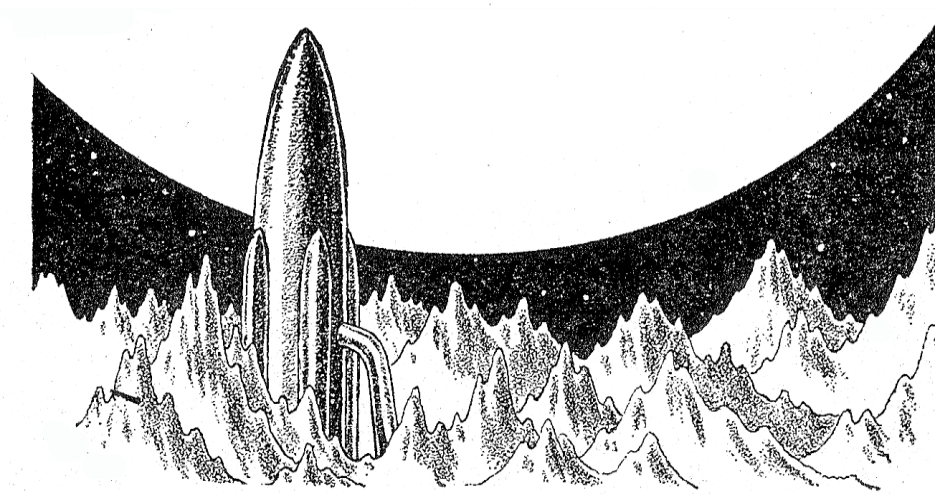
выясняется, что кто-то, да и выживает. Но люди, как и мир, погибли. И мы погибли.

— Нелепость, — неуверенно сказал Мартинсен.

Он упрямо продолжал осматривать Чарльзов, записывая их реакции на специфическую среду. Эллам, сдерживая слезы, все же стал помогать ему, он включил биоаппаратуру и замерял воздействия на пластические ткани киборгов. Эллам специализировался на функциональной неорганике. В этом он хорошо разбирался и был щепетилен. Все больше кораблей, все больше ракет возвращались домой из безбрежной бесконечности, занимая свои места. Сейчас уже все, кроме пяти из восемнадцати Чарльзов, находились в лаборатории.

— Шестому Чарли повезло, — сказал Эллам через некоторое время, просмотрев полученную информацию. — Там, у Проксимы, он обнаружил мир, приспособленный для нас. Если, конечно, найдутся живые люди, которые смогут туда отправиться.

Мартинсен не ответил, а еще больше углубился в работу. Потом со словами: "А какой в этом смысл?" — Эллам спокойно встал и вышел из лаборатории.



Virgil
Finlay

Мартинсен предположил, что Ховард снова отправился за своими ампулами. Но когда он, слишком устав, закончил свою работу, он нашел Эллама в комнате "си", задумчиво глядевшего на Землю.

— Ни одного огонька, — сказал Эллам. — Обычно при небольшом преломлении мы видели огни городов, а теперь там одна темнота.

— Огни могли выключить, но люди все равно живы, — заметил Мартинсен.

— Да, конечно. Хотя бы кто-то. Больные и умирающие или опасающиеся того, что скоро заболеют и будут умирать. А вокруг одни трупы.

— Пожалуйста, перестань! — не выдержал Мартинсен.

Эллам замолчал, а Мартинсен развернулся и вышел из комнаты. Теперь он бы не смог уснуть. Он вернулся в лабораторию. Мартинсен шел коридорами, а свет в проходе пробивался через темные комнаты и отражался от хромовых выступов. В этом свете были видны лица, огромное количество лиц Чарльзов, стоящих там, каждый у своего номера, без движения, без звука. И внезапно, несмотря на то что он так хорошо был знаком со своими подопечными киборгами, — ужас поразил Мартинсена, и его затрясло. Что он делает в этом месте с кассетами о чуждых мирах, с этими нечеловеческими фигурами, которые смотрят на него из тени? Он был человеком. А это место не для людей. Сейчас это не укладывалось в его сознании. Слишком быстро наступила катастрофа. Казалось, еще недавно он бегал мальчишкой в маленьком городке Огайо, и его тихие улочки с белыми домиками, старые вязы и клены, должно быть, сейчас все такие же. И — о Боже! Он хотел вернуться туда. Но там теперь нет ничего, кроме смерти. Человек зашел слишком далеко и слишком быстро. Он заперт здесь. С этими пародиями на людей, которые стоят и безмолвно взирают, взирают и взирают на него...

Трясущейся рукой он включил свет. И внезапно почувствовал какую—то перемену. Чарльзы по-прежнему

остались Чарльзами — самыми обычными безжизненными машинами. "Нервы!" — подумал он. Лучше бы это не происходило так часто. Иначе он начнет носиться по станции с криками. Не самый лучший конец для человека! Он мог бы принимать транквилизаторы, как Эллам, но предпочитал работу. Работа была лучшим лекарством. И он работал.

Мартинсен работал четыре дня. Он проводил обычную рутинную проверку каждого Чарльза, четко ведя записи и не спрашивая себя, чьи глаза когда-нибудь их прочитают. И когда эта часть работы оказалась закончена, и он узнал о мирах других звезд больше, чем любой другой человек, он занялся ремонтом тех Чарльзов, которые пострадали от радиации, ядовитой атмосферы или ненормальной гравитации.

Иногда ему помогал Эллам, когда не находился в трансе от своих ампул.

Они обычно работали молча. Но однажды, когда ремонт Чарльзов подходил к концу, Эллам спросил:

— Зачем мы это все делаем? Никто никогда не пошлет опять этих Чарльзов в космос.

— Я не знаю, — ответил Мартинсен. Но через минуту добавил. — Может быть, я пошлю.

— Ты? Станция и ты будут мертвы прежде, чем кто-нибудь из них вернется назад.

— А я и не думал об их возвращении назад, — ответил Мартинсен.

Поздней ночью Мартинсена разбудил какой-то странный звук. Он сел, прислушиваясь, и затем понял его происхождение. Звук доносился из ангара аварийных капсул.

Весь путь до ангара Мартинсен пробежал. Его сердце, охваченное холодным страхом, рвалось наружу, — он боялся остаться совсем один. Мартинсен успел как раз вовремя, чтобы поймать Эллама прежде, чем тот поставил маленькую капсулу в режим автоматического пуска.

— Эллам, ты не можешь улететь!

— Я улетаю, — упрямо сказал Эллам.

— На Земле тебя не ждет ничего, кроме смерти. Эллам язвительно усмехнулся:

— А что ждет здесь? Тоже — смерть. Может быть, не так быстро, но она явится и сюда.

Мартинсен вцепился в его руку. За эти последние несколько дней он стал практически ненавидеть Эллама, но сейчас Эллам стал для него единственной и последней ценностью в борьбе против абсолютного одиночества.

— Послушай, — сказал он. — Подожди еще немного, пока я отремонтирую всех Чарльзов. Тогда я полечу с тобой.

Эллам удивленно уставился на него.

— Ты?

— Ты что думаешь, что я хочу остаться здесь один? В любом случае ты прав, всего лишь вопрос времени, как скоро мы умрем. Но есть еще одна вещь, которую я хочу сделать.

Через некоторое время Эллам произнес:

— Хорошо, если ты полетишь со мной, я немного подожду.

Мартинсен не строил иллюзий о последствиях своего обещания. Шансы были таковы, что, как только они с Элламом достигнут Земли, очень скоро они умрут от чумы. Но там смерть существовала лишь с очень высокой вероятностью, в то время как здесь она была реальностью, особенно если оборудование станции прекратит свою работу. При таких обстоятельствах у них не оставалось большого выбора. Но решимость, которая внезапно зародилась в нем, приняла ясное очертание. Он знал, что Эллам не будет ждать долго, и у него оставалось мало времени, чтобы выполнить то, что он задумал.

Мартинсен яростно принялся за работу в пункте связи, подготавливая пленки. На первой содержался аудиовизуальный курс языка, где с помощью изображения вещи или действия показывался глагол, который называл Мартинсен. Объем справочника не будет таким уж большим, но он будет содержать ключевые слова. И Мартинсен считал, что с их

помощью достаточно высокий разум быстро сможет осуществить смысловой перевод.

Он был поглощен этой работой, когда в комнату вошел Эллам, который некоторое время в замешательстве наблюдал за ним. Затем он удивленно спросил:

— Что, черт возьми, ты делаешь?

Мартинсен ответил:

— Прежде чем мы покинем станцию, я собираюсь послать в космос зонды и Чарльзов.

— Послать куда?

— Куда только можно. Каждый из них возьмет с собой копию пленок, которые я готовлю. Через какое-то время Эллам произнес:

— Я понял. Послание в бутылке от потерпевшего крушение. Другими словами — последняя воля умирающего вида.

— Я все еще не считаю, что наш вид умрет, — возразил Мартинсен. — Но даже если он и выживет, он обречен оказаться отброшенным назад, на много-много веков. Не должно все потеряться...

— Хорошая идея, — сказал Эллам. — Я помогу тебе. Ну—ка дай мне сюда микрофон. Он начал кривляться:

— Это предсмертное послание расы людей, которые оказались такими дураками, что умудрились уничтожить себя. Вот наше предупреждение всем. Не нужно знать слишком много! Оставайтесь на деревьях!

Мартинсен отобрал у него микрофон. Но после того, как Эллам ушел, он некоторое время размышлял: в конце концов, доля правды присутствовала в его горьком сарказме! Человек действительно оказался виновен в своем собственном уничтожении как вида. Но была ли это вся правда?

Внезапно он осознал, что не подходил для этой задачи. Он не был ни философом, ни ученым. Не считая его познаний по специальности, он был обычным, среднестатистическим человеком. Как он мог взять на себя ответственность решать, что важно сказать, а что нет? Но ведь на станции больше никого не было. От Эллама помощи не дождешься.

Документальные, фактические знания, наука и история — стали той информацией, с чего он начал. И они не представляли для него такую уж большую проблему. На станции существовала огромная библиотека микрофильмов, и было не так сложно установить оборудование таким образом, чтобы оно выбирало и прямо переписывало фактические знания на пленки. Но ведь есть еще музыка, искусство и многое другое, чему необходимо было выжить. Пытаясь сделать выбор, он все сильнее осознавал значимость возложенной на него задачи.

Как он мог расставлять приоритеты? Были ли законы Ньютона более значимы, чем произведения Моцарта? Была ли история крестовых походов ценнее диалогов Платона? Мог ли он навсегда выбросить работы давно умерших мастеров только потому, что не хватило места для изображения Парфенона? За годы развития цивилизации на Земле оказалось создано столько красоты, было вложено столько труда и мечтаний. Как здесь можно сделать выбор?

Но Мартинсен упрямо продолжал. И вот завершена запись последней пленки. Он понимал, какую—то опорную работу он выполнил, перенеся на кассеты базовые знания о Земле и человечестве. Но у него не осталось сил выверить все еще раз.

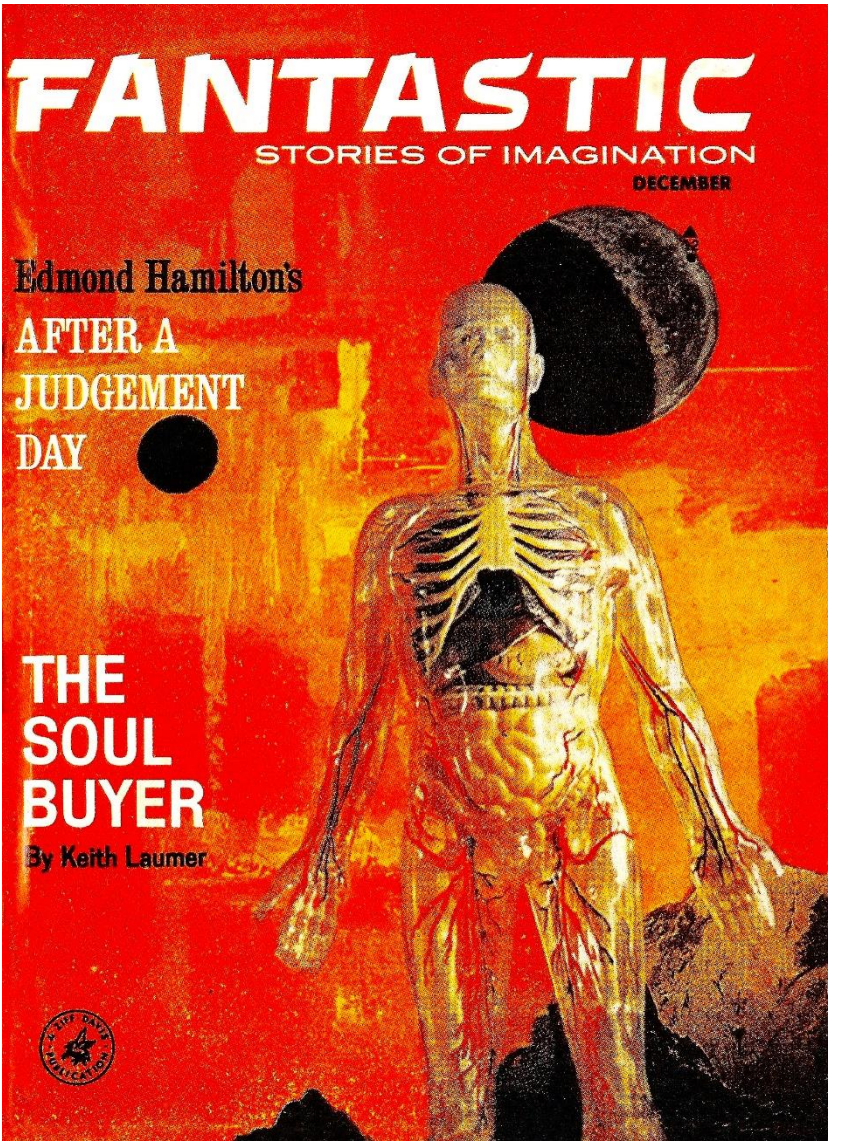
Какое-то время он сидел, глядя на последнюю пленку. И неожиданно почувствовал, что не может считать свою работу завершенной, не добавив ничего от себя.

И тогда он заговорил в микрофон:

— Мы сами виноваты в том, что случилось с нами. Но это получилось не от нашего зла, а от нашего каприза.

На мгновение он задумался, затем добавил:

— От наших предков—обезьян мы унаследовали любопытство. И оно открыло нам много дверей: дверь силы, дверь в космос И в конце концов, если все погибнут, — дверь смерти. О нас можно сказать, что мы предпочли риск катастрофы безопасности покоя. Плохо это или хорошо? Я не знаю.


FANTASTIC
STORIES OF IMAGINATION
DECEMBER
Edmond Hamilton's
AFTER A JUDGEMENT DAY
THE SOUL BUYER
By Keith Laumer
A ZIFF DAVIS PUBLICATION

Уставший, он отключил машину. Больше делать было нечего, кроме создания дубликатов пленок для восемнадцати зондов. Он прошел в лабораторию, где находились Чарльзы.

Эллам, которому не терпелось улететь, согласился запрограммировать киборгов. Когда он работал над Третьим Чарльзом, он выглядел почти радостным. Платы с электрическими "нервами" были вставлены, и специальный механизм посылал кодовые сигналы—приказы в банки памяти киборга. Эти приказы содержали в себе указания по курсу, посадке на любую обитаемую или необитаемую планету и приказ раскрыть информацию кассет только в том случае, если возникнут определенные условия, указывающие на наличие цивилизации. Если подобного не произойдет, то киборг обязан лететь дальше к другим звездам и их возможным планетам. Станции-зонды обладали огромным радиусом действия.

— Чарльз Третий полетит на Вегу, — говорил Эллам. — А оттуда, если необходимо, к Лире 431, а может быть и дальше. Он многое увидит. Вернее, они все многое увидят.

Мартинсен почувствовал боль сожаления. Всю свою историю люди считали, что у них есть время, и думали, что они многое увидят, но этого не произошло. Вместо них полетят киборги — странные, безжизненные преемники человечества.

Мартинсен вспомнил стихотворение, которое прочитал в библиотеке. Что там написал Честертон?

Конец мира был давным-давно
И сегодня мы дети второго рождения,
Подобные странным людям,
Оставшимся на Земле после Судного дня

Киборги не люди. И вместо того, чтобы быть оставленными на Земле, они полетят во Вселенную. И все же эти механические, безжизненные существа в каком—то смысле

являлись детьми человечества, несущими в самые потаенные уголки пространства историю своих создателей. Программа была завершена. Затем в определенный момент киборги один за другим вышли из лаборатории.

Из окна в комнате связи Мартинсен и Эллам наблюдали за стартом ракет—зондов. Стальные капсулы взлетали в небо и исчезали из поля зрения по мере того, как набирали скорость, рассекая безграничный пустой космос.

Каким же будет конец Чарльзов? Кто-то из них погибнет, столкнувшись с неизвестными космическими опасностями. Другие, по иронии судьбы, могут стать идолами или богами диких, невежественных народов. Возможно, через какое-то время кого—то из них занесет в другие Галактики. Но однажды, в каком—то из миров, хотя бы один из них доставит послание тем, кто сможет расшифровать его. И тогда музыку Шуберта услышат чужие уши, стихи Лукреция наполнят чужие мысли. И история человечества не пройдет, не оставив следа во Вселенной.

Ушел последний корабль. Мартинсен взглянул на Землю и затем нежно взял Эллама за руку.

— Давай, Ховард, полетели домой!

Как же чудесно смотрелся тянущийся ввысь прекрасный, сигарообразный корпус первой построенной руками человека ракеты, вызывая восторженные крики народа, вынужденного оставаться на Земле. Еще более восторженные крики вызывал бы этот космический снаряд, не поддерживай его сейчас стальные фермы.

"Почему, черт возьми, — думал Барнетт, — мне на ум приходят фантастические и к тому же дурацкие фразы, даже тогда, когда гляжу на обычные вещи?"

— У тебя не бегут мурашки по телу, когда ты смотришь на это чудо нашей космической техники? — спросил Дэн.

— Боже мой! Да! — Барнетт повел плечами, усмехаясь. — Более того, при этом он еще раз усмехнулся. — И мурашки и гордость. Ведь это я придумал ее! В августе месяце, тридцать лет назад, в своем романе "Звездная мечта" я описал звездолет, построил и запустил, благополучно посадив на Марс. Этот роман я послал в журнал "Удивительные истории", печатавший фантастику и прочие невероятные, были и небылицы, и не получил никакого ответа. И не знал, напечатали роман или нет.

— Жаль, что ты не оставил контрольный экземпляр!

— Ты должен радоваться, что не оставил, — ответил Барнетт. — Ведь ты полетишь на ней, настоящей ракете. Моя "Звездная мечта", конечно, была лучше, чем эта, но об ее устройстве у меня написано лишь два коротких абзаца. — Барнетт помолчал, потом кивнул головой и продолжил: — Это была первая проба. Хотя именно за "Звездную мечту" я получил потом чек на четыреста долларов, что придало мне смелости просить руки твоей матери.

Он посмотрел на сына, худого мальчишку с молодым серьезным лицом и спокойной улыбкой. В душе он сожалел, что сын конституцией пошел в мать. Сам Барнетт был крепкого телосложения, с крупной головой, большими руками и

широкими плечами, а сын, Дэн, всегда казался ему таким маленьким и изящно хрупким. И вот Дэн стоял здесь, сияющий, словно начищенный чайник, прошедший все тесты на перегрузки, устойчивость вестибулярного аппарата, на воздействие невесомости и испытавший множество других мучений, которые пришлось перенести членам группы подготовки космонавтов в стальных барокамерах и центрифугах. Барнетт—старший очень сомневался, смог ли бы он выдержать, перенести все эти нагрузки и испытания даже в свои лучшие дни. И эта своеобразная неузнаваемость сына, а вернее, его новое открытие одаривали его незнакомой теплотой.

— Все равно ты на ней полетишь не на Марс, — неожиданно сказал он. Дэн улыбнулся:

— Не в этот раз. Мы будем рады достичь хотя бы Луны.

Они прошли через залитую солнцем площадку перед ангаром, повернувшись спиной к ракете. Барнетт чувствовал себя странно, словно все его нервы были обнажены и реагировали на любое, даже по малейшему поводу, раздражение. Никогда солнце не казалось ему таким жарким. Никогда его не беспокоила шершавая кожа, запах чистого хлопка, пропитанного потом, гравий под ногами, близость сына, который шел рядом с ним...

Впрочем, не столь близко. Недостаточно близко. Никогда не бывает достаточно близко.

"Странно, — подумал Барнетт, — что раньше, до этого момента, я никогда не задумывался о нашей близости.

И почему? Почему не тогда? Почему сейчас?" Они шли рядом под палящим солнцем, и мозг Барнетта бешено работал. Мозг писателя, натренированный тридцатью с лишним годами работы, мозг, который никогда не мог быть полностью поглощен какой—либо семейной драмой, который всегда оставался в стороне и мыслил аналитически и холодно. Барнетт—писатель смотрел на Барнетта—человека, словно и он, и этот мальчишка были героями его рассказов. Мотивация — он человек! Эмоции — нереальны до тех пор, пока они

не мотивированы! А эта эмоция не только не мотивирована, она противоречива. Это не в его характере.

Люди часто кажутся противоречивыми, но на самом деле они не такие. У них всегда для любого поступка есть причина. Даже если они этого не знают, даже если никто не знает этого. И какова же твоя причина, Барнетт? Будь честен: если ты не будешь честным, тогда все на свете — человек или герой вылетят в трубу. Откуда это внезапное болезненное чувство неполноценности? Чувство того, что многое не сделал? Чувство неопределенности рядом с этим сравнительно счастливым, более того, очень счастливым, вполне довольным собой молодым человеком?

"Потому что, — думал Барнетт, — потому что..."

Жара накатывалась волнами. Белизна песка, блокгауза и отдаленных строений космогородка становилась невыносимо болезненной для глаз.

— Что случилось, отец? — взволнованно спросил Дэн словно издалека.

— Ничего. Прости. Просто свет...

И теперь пот. Пот, покрывавший его могучее тело, стал холодным, и Барнетт ощутил жгучую злобу внутри себя и подумал: "Ну конечно же, черт возьми! Я боюсь! Я думаю... Ну давай, Барнетт, выплесни это все наружу! Нет смысла прятаться внутри, в темноте! Я думаю о том, что мой мальчик войдет в это прекрасное, отвратительное создание, которое мы оставили у себя за спиной, и через несколько часов он и такие же, как он, застегнут ремни и приготовятся. А другие люди нажмут на кнопки и выпустят адский огонь из хвоста этого чудовища. И тогда, может быть... Ведь это не твоя "Звездная мечта". Не твоя. И потом?! Всегда есть право на отказ. Конечно, есть! В любом случае, вот перед тобой простейшая мотивация в мире — чувство противоречия не в отношении прошлого, а в отношении будущего".

— Иногда солнце здесь очень жестокое, проговорил Дэн. И Барнетт—старший услышал голос сына словно со стороны. — Может, тебе следует надеть шляпу?

Барнетт улыбнулся и, сняв солнечные очки, протер глаза, на которые градом струился пот, стекая с его высокоученого и высокоумного лба.

— Не списывай меня пока со счетов, — сказал он. — Я все еще могу разорвать тебя напополам, сынок.

Он вновь надел очки и, твердо ступая, пошел рядом с Дэном. А позади них стояла ракета, глядящая в небо.

В общей комнате штаб-квартиры астронавтов они встретили других: Шентца, который летел вместе с Дэном, Кридера, их дублера, и еще троих или четверых из группы подготовки. Другие уже отбыли в Центр управления полетами, откуда они будут следить за стартом Дэна и Шентца.

Все отобранные оказались замешаны на том же тесте, что и Дэн.

"А он, пожалуй, неплохой парень, — подумал Барнетт. — Совсем неплохой".

Большинство из устремившихся ныне в космос приходили к ним в дом, и трое, а может, и больше, даже прочли его рассказы еще до того, как встретили его и Дэна. Теперь-то, конечно, они прочли все.

Возможно, для них даже было приятно иметь в своей команде парня, чей отец писатель—фантаст. Барнетт не сомневался, что они частенько над этим подшучивали, но все равно ребята приветствовали его с удовольствием, и он был рад им, потому что ему было необходимо отвлечься и забыть холод внутри себя.

— Привет! — сказали они. — Вот и самый старый эксперт! Привет, Джим, как дела?

— Я пришел, — ответил он, стараясь попасть в нужный тон, — чтобы убедиться в том, что вы делаете все так, как я и другие это описывали.

Космолетчики усмехнулись.

— Ну и что думает старик профессионал? — спросил Кридер.

Барнетт приоткрыл рот и с видом судьи произнес:

— Довольно неплохо! Не считая одной маленькой детали.

— Какой же?

— Маркировки ракеты. Вам бы следовало раскрасить ее поярче. Добавить оттенков красных и желтых цветов, чтобы она резко контрастировала с черным цветом космоса, хотя эта фраза и звучит парадоксально.

В ответ раздался голос Шентца:

— У меня есть идея получше! Следует раскрасить ракету в черный и нарисовать звездочки, чтобы "они", там, наверху, не заметили нас. Но генералы над этим только посмеются.

— Невежды! — возразил на иронический монолог Шентца молодой человек по имени Мартин со слишком уж торжественным выражением лица. Он был одним из трех, кто читал рассказы Барнетта. — Это им не по зубам! — сказал он, заставив Барнетта почувствовать себя скорее совсем старым, нежели веселым.

— Точно! — добавил Кридер. — Сомневаюсь, что они когда-нибудь смотрели "Капитана Марвела".

— В том—то и проблема, — сказал Фишер, — особенно с людьми в Вашингтоне.

Фишер оказался круглолицым, загорелым, веселым парнем, который в свое время тоже вгрызался в фантастику Барнетта.

— Когда они были детьми, они ничего не читали, кроме "Приключений капитана Билли". И вот поэтому они продолжают задавать вопрос: "Зачем надо отправлять человека на Луну?"

— Ну, — сказал Барнетт, — это не ново. То же самое люди говорили Колумбу. К счастью, всегда найдется какой-нибудь идиот, который не прислушается к здравому смыслу.

Кридер поднял правую руку.

— Друзья—идиоты! Я приветствую вас!

Барнетт рассмеялся. Теперь он почувствовал себя лучше. Уж слишком ребята были спокойные и расслабленные; он не мог сдерживать себя.

— Не умничайте со мной! Я написал вас! Когда вы под стол пешком ходили, я создавал вас из чернил, ежедневного труда и необходимости платить по счетам. И что же вы сделали, неблагодарные маленькие мерзавцы? Вы все стали реальностью.

— А над чем вы сейчас работаете? — спросил Мартин. — Вы собираетесь писать продолжение рассказа "Дитя тысячи солнц"? Вот это была бы история!

— Посмотрим, — ответил Барнетт. И ответил скорее сам себе: — Если вы обещаете мне держаться подальше от созвездия Геркулеса до тех пор, пока я не напишу книгу...

Он начал загибать пальцы.

— Содержание, твердая обложка, мягкая обложка... Три года как минимум. Подождете?

— Для вас, Джим, — воскликнул Фишер, — мы постараемся попридержать лошадей. Все расхохотались.

— Ладно, ладно, я понял, — сказал Барнетт. — Но для меня это не смешно! Эти зонды, летающие вокруг Марса и Венеры, передающие все, что им удалось узнать, эти умники ученые, выступающие каждый день с новыми психо или криогенными теориями, новые звездные карты. Сегодня я прежде всего должен понять то, о чем говорят, вместо того чтобы разрабатывать теорию или выдумывать что-то из головы. А теперь еще и мой собственный сын летит на Луну. И он сможет вернуться и рассказать мне, какая она на самом деле. А я смогу написать дюжину новых историй.

Разговоры, всего лишь разговоры. Но эта беседа, добрые, улыбающиеся, молодые лица успокоили его, и холод в груди отступил. Отступил ли?

— Поверь, папа, — говорил Дэн, — я найду тебе что-нибудь там, в пещерах. Мертвый город или, в конце концов, покинутый форт, форпост галактической цивилизации.

— А почему бы и нет? — спросил Барнетт—старший. — Ведь все остальное уже случилось. — Он улыбнулся. — Вот что я вам скажу, парни! Научная фантастика — это нелегко! Но я рад, что все мои истории становятся реальностью и что

я дожил до сего момента и увидел, как люди, которые часто смеялись над детскими сказочками о путешествиях в космос, приняли его. Его — значит космос!

Хотел бы я видеть их лица, когда первый спутник вышел на орбиту. И тот священный ужас, охвативший их, когда они начали понимать, что там, наверху, — действительно безбрежное пространство.

Сейчас Барнетт не просто говорил, он чувствовал возбуждение и гордость за то, что его собственная плоть и кровь становились частью будущего, которое так внезапно стало настоящим.

Они еще поговорили, но затем настало время уходить. И Барнетт попрощался с Дэном так обыденно, словно тот отправлялся в поездку от Кливленда до Питтсбурга.

И он ушел.

Только один раз, когда Барнетт оглянулся на ракету, которая казалась сейчас отдаленным странным силуэтом, сигарой, направленной в небо, он вновь почувствовал страх.

В эту ночь он вернулся в Картерсбург, городок в центральной части Огайо. Он допоздна просидел в гостиной, разговаривая с женой, рассказывая ей о Дэне — как тот выглядел, что говорил и как, по мнению Джима, Дэн себя действительно чувствовал.

— Он был счастлив и спокоен, говорил Барнетт. — Тебе следовало бы поехать со мной, Салли, чтобы увидеть его.

— Нет! отвечала она. — И я, считаю, правильно поступила.

Ее лицо при этих словах казалось спокойным и расслабленным, как у Дэна, но в голосе прозвучала нотка, которая заставила Барнетта обнять и поцеловать жену.

— Успокойся, дорогая! Дэн совсем не волнуется, и он тот, кто сделает это. Я верю в него.

— Да. Я знаю, что наш сын справится.

Для того чтобы уснуть, Барнетт пропустил пару лишних стаканчиков. Но все равно он плохо спал, а с утра появились репортеры.

Барнетт начинал недолюбливать их. Среди них встречались и дружелюбные ребята, и те, кто просто делал свою работу. Но попадались и такие, кто видел интригу в том, что писатель—фантаст отец астронавта.

— Скажите, мистер Барнетт, когда вы впервые начали писать фантастику, верили ли вы в то, что все это станет реальностью?

— Скользкий вопрос, не так ли? — спросил Барнетт. — Если вы имеете в виду, думал ли я, что полеты в космос станут реальностью... Да, думал.

— Я читал некоторые из ваших ранних рассказов, — говорил один из репортеров, — мне удалось раздобыть старые журналы...

— Вам повезло! Некоторые из них продаются за такую большую сумму, которую я когда-то получил за весь тираж. Продолжайте!

— Итак, мистер Барнетт, не только в ваших рассказах, но практически у всех остальных писателей—фантастов я столкнулся с интересной вещью, точнее странной уверенностью. Скажите мне, вы действительно считаете, что научная фантастика, которую вы пишете, помогла сделать космические путешествия реальностью?

Барнетт фыркнул.

— Давайте будем реалистами. Самая главная причина того, что ракеты улетают в космос сейчас, а не через век, в том, что две великие нации боялись отстать друг от друга.

— Но вы ведь думаете, что научная фантастика действительно кое-что сделала, чтобы приблизить это. Не так ли?

— Ну—у, — протянул Барнетт, — можно сказать, что она способствовала появлению неортодоксального мышления и некоторым образом готовила ментальный климат.

Этого репортер и ожидал. С триумфом он спросил:

— Значит, можно сказать, что рассказы, которые вы написали много лет назад, частично ответственны за то, что ваш сын летит на Луну?

Холод вновь охватил Барнетта. Резко он ответил:

— Если вы хотите сказать, что причина полета на Луну — сентиментальный человеческий интерес, то это не так!

Репортер улыбнулся.

— Да ладно вам, мистер Барнетт! Ваши рассказы, конечно же, повлияли на Дэна в выборе профессии. Я имею в виду, что он всю жизнь жил среди ваших рассказов, читал их, слушал... Не это ли подтолкнуло его?

— Нет! — сказал Барнетт. Он открыл дверь. — А теперь извините меня. У меня много работы.

Барнетт захлопнул дверь и даже закрыл ее на замок. Салли куда-то ушла, чтобы избежать встречи с журналистами, и дома было тихо. Он прошел на задний дворик и стоял там, глядя на какие-то красные цветы, и курил до тех пор, пока не взял себя в руки.

— Ладно! — громко сказал он сам себе. — Забудь это!

Барнетт вернулся в дом, в свою рабочую комнату — он никогда не называл ее кабинетом — запер дверь и сел перед пишущей машинкой. В ней была заправлена наполовину исписанная страница, а шесть других лежали рядом. Это была первая незаконченная глава продолжения "Дитя тысячи солнц". Барнетт перечитал последнюю страницу, затем страницу в пишущей машинке и положил руки на клавиатуру. Прошло много времени, прежде чем со вздохом он начал почти механически печатать.

Позднее пришла Салли и застала его все так же сидящим за рабочим столом. Он вытащил ту страницу из печатной машинки, но не вставил другую. Он просто сидел.

— Проблемы? — спросила Салли.

— Не могу начать и закончить. Она нежно похлопала его по плечу.

— Пойдем! Выпьем немножко. А потом давай на время выйдем из этого чертова дома.

Она не часто так говорила. Барнетт кивнул, вставая.

— Поездка в город может пойти нам на пользу. А вечером посмотрим кино.

"Сколько угодно, только чтобы выкинуть из головы мысль, что завтра утром, если погода будет хорошей, старт".

— Это я спровоцировал его? — внезапно спросил он. — Это я, Салли?

Она посмотрела на него в изумлении. Затем решительно покачала головой.

— Нет, Джим! Это его стезя! Его предназначение! Забудь об этом!

Конечно, забудь. Увы, это легче сказать. Но кто может ответить, что послужило причиной выбора сына? Неосторожно брошенное семя — отдельное слово, написанное за два цента и давно забытое, стало решающим фактором, который привел его мальчика в стальную каюту звездного корабля?

"Но ты можешь и должен забыть об этом, так как больше сделать ты ничего не можешь".

Они поехали в город, поели, сходили в кино и затем им ничего не оставалось, как вернуться домой и лечь спать. Салли легла, но он не знал, спала ли она. А он нет! Он сидел один в своей рабочей комнате с пишущей машинкой и бутылкой. Вокруг него висели оригиналы обложек и иллюстраций его рассказов. Одна, из рассказа "Звездная мечта", написанного задолго до рождения Дэна, на которой была изображена прекрасная белая ракета в космосе над поверхностью Марса, особенно ему нравилась. Под картинами стоял ряд полок, наполненных конечными результатами более чем тридцатилетней писательской деятельности. Марширующие батальоны белой бумаги, пожелтевшей на краях, — эта комната была им самим. Она состояла из его нужд, его мечтаний, из того времени, когда его мозг выдавал идеи, как конвейер, и когда он не мог придумать и слова для определения той работы, которую любил и без которой он бы не был Джимом Барнеттом.

Он посмотрел на пустую печатную машинку и странички рядом с ней и подумал, что если он собирается сидеть всю ночь, то ему надо продолжить рассказ. Что сказал Генри

много лет назад: "Профессионал — это писатель, который может рассказывать истории, даже когда он этого не хочет". И это правда!

Барнетт не заметил, как уснул на кушетке, и ему приснилось, что он стоит у закрытого люка капсулы, стуча по ней и выкрикивая имя Дэна. Он не мог открыть ее. Барнетт в злобе обошел ее, пока не нашел окно и не смог заглянуть внутрь. Он увидел, что Дэн лежал в специальном амортизационном кресле, его голова в пластмассовом шлеме была откинута назад, а руки в перчатках автоматически нажимали на цветные рычаги.

"Дэн! — крикнул он. — Дэн, пусти меня! Ты не можешь лететь без меня!"

Через прозрачную переднюю часть пластикового шлема он увидел, как Дэн быстро повернулся, хотя его руки продолжали нажимать на рычаги. Он увидел его улыбающееся лицо. Чудесная, приятная, но какая-то далекая улыбка. И он увидел, что Дэн нетерпеливо покачивал головой. Он услышал ответ: "Извини, отец! Я не могу остановиться! Уже поздно!"

Облако окутало капсулу, и он больше не видел Дэна. И когда он вновь попытался ударить по люку, удар вышел настолько слабым, что Барнетт не услышал даже отзвука.

И вот он уже был далеко и видел, как ракета взмывает в небо. Он все еще кричал: "Дэн! Дэн! Пусти меня!"

Его голос потонул в грохоте, он начал плакать от гнева и отчаяния, и звук его слез был похож на звук падающего дождя.

Барнетт проснулся и обнаружил, что наступило утро, а за окном шумел мелкий ливень. Один из тех незначительных дождей, что ничего не меняет. Он поднялся, вспоминая свой сон, и затем взглянул на часы. Оставалось меньше двух часов до ленча. Он подавил спазм в желудке и отложил бутылку. Что бы ни случилось, сегодня он должен быть трезвым.

Этот чертов сон! Он ведь совсем не беспокоился, он просто был зол.

Салли уже встала и приготовила кофе. Под ее глазами образовались темные круги, а морщинки проглядывали на лице сильнее, чем обычно. Нет! Салли не казалась старой! Но ей уже и не двадцать. И этим утром это было особенно заметно.

— Не грусти! — сказал он, целуя ее. — Ты же знаешь, они летали и раньше! Восемь полетов, и никого еще не потеряли.

Внезапно, подсознательно, он пожалел о том, что сказал. Он начал громко смеяться.

— Ну я же знаю Дэна! Он сейчас сидит в капсуле, спокойный, как удав, единственный человек в этой стране, который...

Внезапно он прервался. Зазвонил телефон. Телефон. Они уже давным-давно отключили обычный телефон, чтобы избавиться от бесчисленного количества родственников, друзей, доброжелателей, репортеров и просто любопытных, а тот телефон, который звонил сейчас, служил прямой связью между ними и мысом Канаверал, откуда сейчас стартует ракета. Барнетт поднял трубку и, слушая, смотрел на Салли, замершую на месте с чашкой в руках, а затем сказал:

— Спасибо!

И повесил трубку.

— Это был майор Квидлей. Все хорошо, кроме погоды. Но они надеются, что облачность спадет. Дэн в порядке. Он посылает привет.

Салли кивнула.

— Мы сразу же узнаем, если они отменят полет.

— Надеюсь, этого не произойдет, — резко сказала Салли. — Я не думаю, что смогу пережить это еще раз.

Они выпили кофе, пошли в гостиную и включили телевизор. И вот она! Ракета! Одинокая и великолепная в тумане пустынного поля, блестящая под солнцем, охваченная

клубами дыма, смотрящая ввысь, с нетерпением рвущаяся в облака.

И Дэн был там, сидящий в кресле, в шлеме, отделенный от людей и матери—Земли, смотрящий в небо, ожидающий одного—единственного слова, которое позволит ему нажать на кнопку и, услышав гром заработавших дюз, уверенными руками повернуть рычаги и помчаться в черную бесконечность, где звезды...

О Боже! Словесная ерунда! Бумажная ерунда! Но нет ни слов, ни бумаги в этом чертовом маленьком гробу! Это мой сын! Мой мальчик! Мой маленький беззубый малыш с синяками и ушибами на коленках! Он совсем не предназначен, чтобы управлять громом и ехать на молнии, как и ни один другой человек! Книжные герои были сделаны из стали, и они могли это, но Дэн — человек, он мягкий и хрупкий, он не должен быть там. Ни он, ни один другой человек. И все же в этом глупом сне я был зол, потому что не мог полететь тоже. Погода все еще не наладилась. Может быть, они отменят по лет...

Кто-то из группы космонавтов что-то говорил, заполняя время, делая бесполезные заявления. Лица людей, толпы людей с детьми и собаками, с бутылками шипучки, с переносными стульями, в темных очках и безумных шляпах, которые пытается унести ветер, — все наблюдают.

— Меня от них тошнит! — фыркнул Барнетт. — Они что, думают, что это пикник?

— Они все с нами, Джим. Они болеют за него и за Шентца.

Барнетт сдался и пристыжено пробормотал:

— Ну хорошо. Но неужели им так необходимо пить лимонад?

Комментатор прижал наушник ближе к уху:

— Отсчет продолжается, дамы и господа! Время — минус 39 секунд. Все системы в норме. Облака расходятся, и вот показалось солнце.

Комментатор исчез с экрана. И на нем опять появилась ракета. Солнечные лучи разбивались и играли на ее блестящей металлической обшивке.

— Время — минус 30, и отсчет продолжается.

Барнетт подумал: "Лучше бы я описывал это, чем смотрел. Я описывал это сотню, две сотни раз. Корабль поднимается, окутанный пламенем, спокойный и уверенный, и ты знаешь, потому что ты пишешь об этом, что все будет так, как ты захочешь. И не будет никаких проблем".

— Время — минус 20. Отсчет продолжается. "Как жаль, — думал Барнетт, как жаль..." Он даже не знал, чего ему было жаль. Он сидел, уставившись в экран, и даже не заметил, как Салли поднялась и покинула комнату.

— Десять, девять — это тоже было взято из научной фантастики, обратный отсчет времени. Кто-то придумал это в фильме или рассказе несколько десятилетий назад, потому что решил, что это будет трогательно. И вот все это происходит на самом деле.

"С моим мальчиком..."

— Три, два, один — пуск!

"Из-под ракеты вырвались клубы дыма, но ничего не произошло. Совсем ничего. Но вот она начала подниматься, правда, намного медленнее, чем другие, за которыми я наблюдал. Что случилось...

Ничего. Пока ничего. Она все еще продолжает подниматься. Возможно, мне только кажется, что поднимается она медленнее, но где все эти эмоции, которые, как я был уверен, я должен бы испытать, описывая это столько раз? Почему я сижу здесь с выпученными глазами и с мокрыми от пота ладонями, ощущая легкую дрожь, всего лишь легкую..."

Сквозь непрекращающийся грохот раздался голос Дэна, быстрый и спокойный:

— Все системы в порядке. Все в норме. Как это выглядит оттуда, снизу? Красиво? Это хорошо...

Барнетт почувствовал беспричинный приступ отвращения. Как он может быть так спокоен, когда мы здесь сходим с ума? Неужели ему наплевать?

— Первая ступень отделилась... Вторая ступень... Все в порядке... продолжал спокойный голос.

И Барнетт внезапно понял. Он спокоен, потому что выполняет работу, для которой его готовили. Это Дэн — профессионал, а не он! Все мы, писатели, кто мечтает и пишет о космосе, — всего лишь любители! Но теперь пришли настоящие профессионалы — смуглые, крепкие, молодые ребята, которые не размышляют о космосе, а летят в космос и покоряют его...

Белая стрела унеслась ввысь. И голоса, говорящие в ней и о ней. И вот она пропала из виду.

Салли вернулась в комнату.

— Старт был великолепен! — сказал Барнетт. Затем добавил, сам не зная почему: — Он улетел.

Салли села в кресло, не говоря ни слова, и Барнетт подумал: "Какая беседа могла бы получиться с мужчиной, который только что видел, как его сын умчался в космос?"

Голоса продолжали звучать, но напряжение спало. Похоже, все было хорошо. Все хорошо, хорошо. Они в пути...

Барнетт дотянулся до телевизора и выключил его. Словно дожидаясь этого момента тишины, снова зазвонил телефон.

— Возьми ты, дорогая, — сказал он, поднимаясь. — Все в порядке. По крайней мере на данный момент. Я могу вернуться к работе.

Салли улыбнулась ему той всепонимающей улыбкой, которой жены одаривают своих мужей: "Все в порядке! Продолжай притворяться! Со мной тоже все в порядке!"

Барнетт вернулся в свою рабочую комнату и закрыл дверь. Он взял в руки бутылку и опустился в кресло напротив незаправленной пишущей машинки и аккуратной стопки чистых желтых листов с одной стороны и исписанных с другой. Барнетт взглянул на них, а затем повернулся

и посмотрел на полки, где мирно лежали его тридцатилетние труды в виде журналов и книг, его мечты, его любовь и пот, разочарования, которые были похожи на бумажные трупы.

Неожиданно он услышал голос:

"Ваши рассказы, конечно же, оказали определенное влияние на Дэна в выборе его профессии?"

— Нет! — громко сказал Барнетт и выпил.

"Разве не это подтолкнуло его... вашего сына полететь на Луну..."

Он вставил обратно пробку и отложил бутылку. Барнетт встал, подошел к полкам и, снимая поочередно свои сочинения, долго смотрел на их яркие обложки с космическими кораблями, мужчинами, женщинами в скафандрах и шлемах, нарисованные звезды и планеты.

Но вот он аккуратно положил их на место. Его плечи согнулись, и затем он сильно ударил кулаком по полкам с безмолвной бумагой.

— Черт бы вас всех побрал! — прошептал он. — Черт бы вас побрал...

Барджин был больше метеоритным шахтером, чем математиком, но знал достаточно хорошо, что полмиллиона земных долларов будет больше, чем четверть миллиона. И это было то, отчего убивалось его сердце, когда он задержал небольшой космический крейсер у крошечного серого астероида.

Тяжелое лицо Барджина оставалось безразличным, но хитрая усмешка заиграла в его глазах, когда он поглядел на своего партнера. Молодая фигура Стива Холта вытянулась в космическом кресле, и он косился озадаченным хмурым взглядом, когда смотрел на астероидные джунгли, что они пересекали.

— Я не понимаю, почему ты хочешь приземлиться на том небольшом астероиде, — выразил недовольство Холт. — Ничего стоящего в его залежах не будет. Зачем нам на несколько долларов больше, когда мы уже заполучили такой большой трофей?

Холт нежно оглянулся назад на тяжелые мешки платины, тантала и других редких металлов в главной каюте — недели монотонных рабочих исследований и горнодобычи на метеорах Пояса.

— Мы были сильно удачливы — этот металл принесет нам, по крайней мере, полмиллиона, — продолжил Стив Холт, его серые глаза смотрели искренне. — Я хочу вернуться к моей семье с хорошими новостями. Почему вместо того, чтобы лететь в космопорт Церы, мы останавливаемся на этом шлаке впереди?

— Потому, — ответил Барджин взвешенно, — что на том астероиде может быть больший трофей, чем все, что мы имеем теперь.

Холт посмотрел недоверчиво.

— На нем? Да я сомневаюсь, есть ли здесь унция плотного металла — он больше похож на кусок из алюминиевых составов.

— Да, — согласился Барджин, — но ты замечаешь его странную, подобно черепу форму? Есть история, что где-тона таком, имеющим форму черепа, астероиде, старый Джон Хаддон закопал награбленное!

Стив Холт открыл рот от изумления.

— Джон Хаддон — великий космический пират сотню лет назад? Да ведь все говорят, что его сокровище стоит десятки миллионов!

— Несомненно, и, возможно, в этом небольшом шлаке, он где-то спрятал его, — объявил Барджин. — Нам надо посмотреть на это — так или иначе.

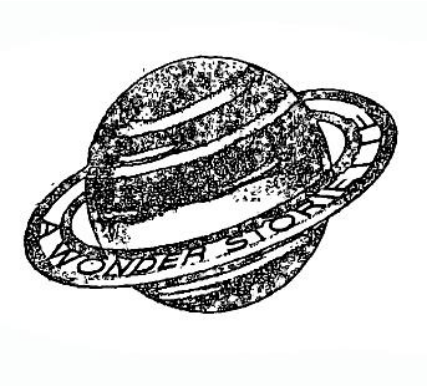
Он поглядел на своего молодого партнера. Его история прошла. Холт, он был уверен, "схавал" его ложь. "Приманка из сокровищ опутала мальчишку", — подумал Барджин со смехом.

Небольшой космический крейсер направился к крошечному серому астероиду. Тот имел любопытную, подобно черепу, форму — это было то, зачем Барджин изобрел историю, которую только что рассказал. Астероид был очень маленький, хотя в действительности — не больше, чем метеорит — несколько сотен футов в поперечине.

Выхлопы ракет крейсера затихли, когда впереди, в вакууме, якоря судна поймали астрономическое тело и за минуту подтянули.

— Этот астероид имеет массу меньше, чем даже наше судно, — усмехнулся Стив Холт. — Но если награбленное Хаддона похоронено здесь...

Да, вкус сокровища укусил его быстро и глубоко. Юноша заторопился, чтобы выйти и искать. Затем двое напялили скафандры, взяли свои стальные изыскательские кайла, и протиснулись через воздушный шлюз.



Намагниченные ботинки их скафандров были бесполезными на этом немного пепельном мире супер—легкого вещества. Под ними лежал украшенный драгоценными небесными камнями Пояс звезд; они заозирались.

— Может Хаддон оставил какую-то метку, — донесся через передатчик скафандра нетерпеливый голос Холта.

— Вон! — закричал Барджин, указывая рукой на соседний горб, лежащий на рябой серой поверхности астероида.

Холт нетерпеливо повернулся, чтобы посмотреть. Это был шанс Барджина, и он воспользовался им. Он поднял свое стальное кайло и с потрясающим размахом, ударил острой частью в заднюю часть партнера, вонзив глубоко в его тело.

Пораженный Стив Холт, пьяно обернулся вокруг, пытаясь дотянуться до спины. В этот ужасный момент он посмотрел на Барджина, его лицо исказилось в гласситовом шлеме.

— Почему... — выдохнул Холт.

Он резко упал вперед, растянувшись на изъеденной серой поверхности астероида, напротив борта небольшого космического крейсера.

— Это сделано для него, — пробормотал Барджин, трудно дыша.

Тишина крошечного астероида внезапно стала усиленной. Смущаясь мертвеца, Барджин резко осознал, что остался один с большим количеством наблюдающих глазами звезд.

— Черт, я теперь не стану перевозбужденным, — сказал он себе непосредственно. — Это было лучшим способом сделать так — на каком-то небольшом астероиде, где никто

никогда не приземлиться, чтобы найти его тело. Если я сделал бы это в космосе и выбросил его тело, то, возможно, плавая, оно могло быть найдено. Но этот путь...

Он вернулся на крейсер, захлопнул, закрывая тяжелую дверь, и снял скафандр. Пристально поглядел горящими глазами на тяжелые мешки металла.

— Скоро я получу полмиллиона долларов, когда доставлю этот материал в космопорт Церы, — возликовал он. — Я богатый человек! Я могу успокоиться, путешествовать по всей Системе в роскоши. Ликер, женщины...

Он запустил ракетные двигатели и взлетел с выхлопом огня.

Он устал после недель трудной горной добычи на метеорах и от реакции на убийство, которое он только что совершил.

Хорошо, что было недалеко до Церы — большого астероида, который был местом встреч метеоритных шахтеров и оплотом цивилизации Системы и закона. Он установил автоматический космический пилот, чтобы тот отвел его на Церу, дабы быть отдохнувшим и готовым обладать своим новым богатством, когда доберется туда.

В те часы сон Барджина не был обеспокоен полными раскаяния мечтами, которые последовали. Он лежал, растянувшись в каюте, в то время как автоматический пилот направлял крейсер на Церу. Затем острое гудение противометеоритной защиты полупробудило его, но щелчок механического пилота с наладкой курса крейсера, избегающего преграды, успокоили Барджина, и он провалился в сон.

Когда длительное гудение, наконец, пробудило его, он посмотрел в носовое окно и увидел впереди Церу.

Барджин взял управление на себя и направил крейсер вниз с планированием на раскинувшийся космопорт, который был загроможден офисами и другими зданиями. Он увидел людей, бежавших к его судну.

— Хотите узнать, какую удачу мы поимели, — захихикал он. — Подождите, пока не увидите мешки.

Когда он с усилием открыл дверь в бледно—золотой солнечный свет и тонкий воздух Церы, офицер Планетной Полиции оказался перед ним.

— Ну что ж, Вы богаты, на сей раз, Барджин? — спросил офицер, записывая в блокнот время прибытия судна.

— Мы? — вскричал Барджин. — По крайней мере — полмиллиона в металле! — затем его лицо успокоилось. — Но Стив Холт, мой партнер — он погиб в результате несчастного случая. На большом астероиде — мы рыли руду, и его сокрушила опавшая скала. Я похоронил его там — бедный Стив.

— Это точно? — спросил человек из Планетной Полиции. — Тогда, как Вы объясните это, Барджин? Это — ваше кайло, не так ли?

И он указал вниз на грунт около судна. Там лежало тело Стива Холта и кайло все еще высовывалось из его спины!

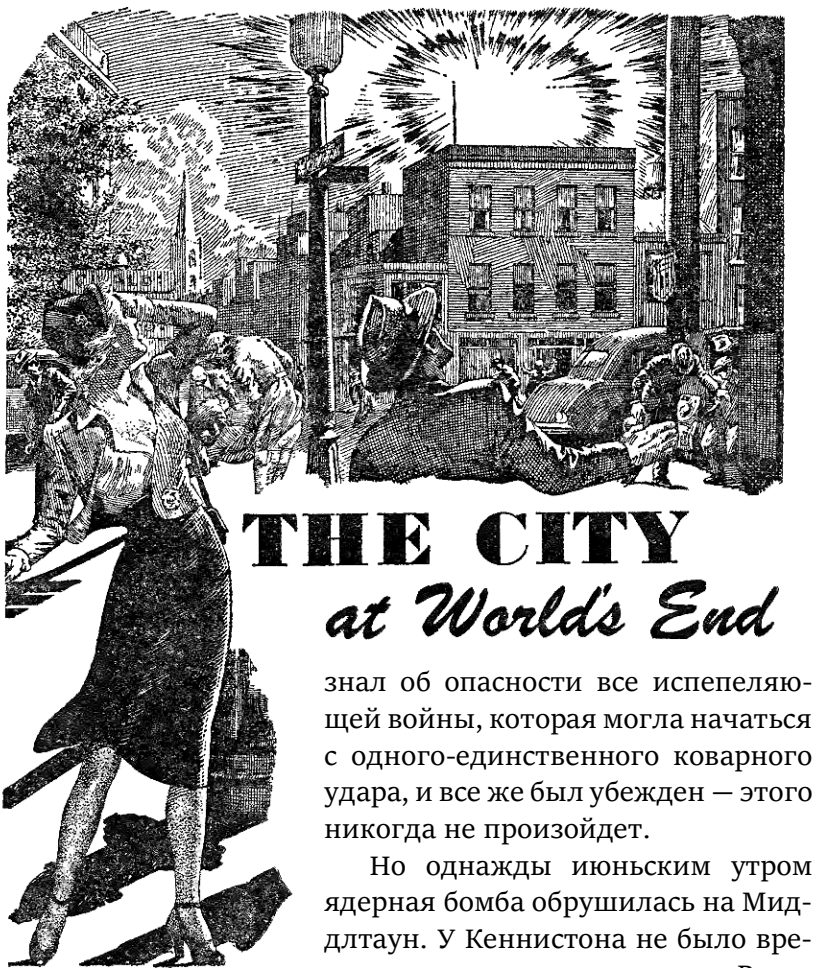
Барджин посмотрел, и услышал рев в своих ушах. Ужасная действительность его собственной глупости промчалось через него.

Да, он оставил тело Стива на астероиде. Но, поскольку, как заметил Стив, тот крошечный астероид имел массу меньше, чем крейсер, то, когда крейсер полетел прочь, тело Стива было привлечено к более тяжелой из этих двух масс — массе корабля, вместо астероида.

Согласно закону гравитационной притяженности, тело прицепилось к его крейсеру, и принеслось к Цере, в то время, когда он спал, ничего не подозревая. Оно опустилось с ним в эту область космопорта, когда он приземлился. И оно лежит теперь в бледном солнечном свете, с мертвыми глазами, глядя на Барджина со стеклянным триумфом.

Глава 1 КАТАСТРОФА

Джон Кеннистон вспоминал впоследствии, что взрыв над Миддлтауном был подобен смерти. Каждый человек понимает: когда-либо он умрет, но никто не верит в это. Джон



знал об опасности все испепеляющей войны, которая могла начаться с одного-единственного коварного удара, и все же был убежден — этого никогда не произойдет.

Но однажды июньским утром ядерная бомба обрушилась на Миддлтаун. У Кеннистона не было времени осознать случившееся. В тот

момент, когда он шагал по Милл-стрит по направлению к лаборатории, готовясь перемолвиться словечком с идущим навстречу полицейским, небо внезапно раскололось.

Из образовавшейся трещины хлынул ослепительный огненный поток — казалось, запылал сам воздух. Земля под ногами Кеннистона задрожала, и тогда он осознал, что над его головой разорвалась одна из новейших супербомб...

В шоке Джон рухнул на грязный тротуар и даже не почувствовал боли. Он лежал, ожидая гибели, а ослепительное пламя тем временем прокатилось по небосводу, и содрогнувшийся мир внезапно затих. Все кончилось так же внезапно, как и началось.

Кеннистон решил, что уже умер — это доказывала и нахлынувшая на него мгла, и зловещая тишина. Тем не менее он с трудом поднялся на дрожащие ноги, задыхаясь от бешеного сердцебиения, и лишь огромным усилием воли подавил в себе чисто животное желание немедленно броситься в бегство.

Джон ожидал увидеть размолотые б пыль здания, дымящиеся кратеры, огонь и опустошение. Но увидел нечто куда более ошеломляющее и страшное.

МИДДЛТАУН СТОЯЛ НЕТРОНУТЫМ ПОД ТУСКЛЫМИ ЛУЧАМИ СОЛНЦА.

Полицейский медленно поднялся с колен. Его фуражка валялась в стороне, рот был перекошен, широко раскрытые глаза светились испугом. Рядом с ним, прислонясь к стене дома, стояла пожилая женщина с шалью на плечах. Ее сумка валялась распахнутой на земле, рассыпавшиеся луковицы и банки с супом выкатились на мостовую.

На другом конце улицы появилось несколько автомобилей. Они медленно и хаотично попытались продолжить движение, но вскоре остановились. За исключением этих незначительных деталей вокруг не было ничего необычного.

Полицейский подошел к Кеннистону. Его моложавое лицо было покрыто пылью, глаза ошеломленно бегали. Он хрипло спросил:

— Что случилось?

Джон ответил, и его слова прозвучали странно и невероятно для него самого:

— На нас сбросили ядерную супербомбу — слыхали о такой?

Полицейский изумленно уставился на него.

— Вы сошли с ума, мистер?

— Да, может быть... Другого разумного объяснения я и сам не нахожу.

Голова Кеннистона начала проясняться. Он внезапно почувствовал, что воздух стал намного холоднее. Солнце заметно потускнело и приобрело непривычный красноватый оттенок. Его лучи уже не грели, как прежде.

Внезапно женщина запричитала и со слезами упала на колени. Казалось, она собралась молиться, но вместо этого стала лихорадочно собирать в сумку рассыпавшиеся луковицы.

— Послушайте, — сказал полицейский, растерянно глядя на Кеннистона. — Я читал об этих ваших супербомбах в газетах. Вроде бы они во много тысяч раз мощнее, чем обычные ядерные бомбы. Если бы одна из них разорвалась у нас нал головами, то здесь бы ни черта не осталось. — Его голос окреп — он словно бы убеждал самого себя. — Я думаю, мистер, в небе взорвалось что угодно, только не эта штука!

— Разве вы не видели ужасную вспышку? — спросил Джон.

— Конечно, видел, но... — лицо полицейского внезапно прояснилось. — Но слышал—то я лишь несильный хлопок! Суперядерная бомба — и обернулась детской хлопушкой!

Он с облегчением расхохотался.

— Послушайте, мистер, нам все уши прожужжали, что вот-вот на нас начнут падать жуткие бомбы — а когда дошло до дела, то все обошлось хлопком в небесах да вспышкой навроде фейерверка во время праздника Четвертого июля!

«А что, это может быть правдой, — подумал Кеннистон, испытывая прилив надежды. — Это должно быть правдой!»

И тогда он взглянул на небо и увидел Солнце — НОВОЕ СОЛНЦЕ.

— Откуда мы знаем, мистер, быть может, нас долгие годы попросту водили за нос? — продолжал оживленно болтать полицейский. — Может, никакой супербомбы вовсе и нет?

Джон, не опуская глаз, прошептал:

— Нет, она существует... И она была сброшена на наш город. Похоже, мы все уже мертвы... но только не догадываемся об этом. Быть может, мы все превратились в бесплотных призраков и переселились на другую планету...

— О чем вы толкуете, мистер? — изумленно воскликнул полицейский. — Разве вы не видите, что мы по-прежнему на Зем...

Вслед за Кеннистоном он взглянул на Солнце и замолчал.

Это было не Солнце! Вернее, не то Солнце, которое люди видели в небесах испокон веков — золотое, ослепительное светило. На это другое Солнце можно было смотреть, не щурясь. В зените висел огромный красный шар, обрамленный косматыми протуберанцами. Он почти не излучал тепла, и потому воздух стал заметно холоднее, чем должно, быть в июне.

— Что-то здесь не так, мистер, — озабоченно произнес полицейский. — Все выглядит как-то по—другому... — Он напрягся и извлек из памяти остатки полузабытых школьных знаний. — Дело, видимо, в рефракции. Пыль от взрыва этой бомбы-хлопушки поднялась в воздух и...

Кеннистон не стал спорить. Что толку? Как ученый, он мог утверждать: никакая мыслимая рефракция не способна изменить облик Солнца столь невероятным образом.

— Быть может, вы правы, — сказал он.

— Конечно, прав! — с энтузиазмом воскликнул полицейский. Он старался больше не смотреть в небо.

Попрощавшись с ним, Джон вновь зашагал по Милл-стрит. Ему хотелось поскорее добраться до своей

лаборатории и узнать, что о случившемся думают Хуббл и остальные коллеги.

Кеннистон невольно усмехнулся: «Ну и дурацкая же ситуация! — подумал он. — Один из призраков спешит поскорее потолковать с другими точно такими же свежеиспеченными духами о нашей общей скоропостижной гибели... Стоп, Джон! Ты все-таки ученый, а не потерявший голову от страха обыватель. Что хорошего в твоей науке, если она не сможет объяснить этот феномен со взрывом?»

Феномен? Конечно, это звучало недостаточно сильно. Супербомба обрушилась на тихий маленький городок Среднего Запада, насчитывающий едва пятьдесят тысяч жителей, и ровным счетом ничего в нем не изменила — если не считать нового Солнца на небосводе. И он назвал это всего лишь необъяснимым «феноменом»?

Джон ускорил шаг, поеживаясь от пронизывающего ветра. На пути к лаборатории ему встретилось множество перепуганных людей — катастрофа застала их по дороге к фабрике. Теперь они собрались на тротуаре большими группами и горячо спорили. До Кеннистона не раз доносилось слово «землетрясение». Горожане не выглядели слишком расстроенными — напротив, казались более оживленными, чем обычно. Наконец-то в заштатном Миддлтауне произошло событие, нарушившее сонное и однообразное течение жизни! Некоторые поглядывали на тусклое Солнце, но и на их лицах отражалось скорее сомнение, чем испуг. Внезапно нагрянувший холод, затхлый запах воздуха и даже мрачный солнечный свет не очень тревожили людей — нечто похожее здесь, на Среднем Западе, не раз случалось накануне сильных бурь.

Кеннистон свернул в ворота закопченного кирпичного сооружения, над которыми масляной краской было выведено: «Промышленная исследовательская лаборатория». Вахтер пропустил его, с безмятежным видом кивнув в знак приветствия.

«Любопытно, — подумал Кеннистон, — а ведь ни этот малый, ни другие горожане, за исключением нескольких официальных лиц, даже не подозревают, что за этими неказистыми стенами находится нервный узел Американской системы противоракетной обороны!.. Хотя нет, все совершенно очевидно. Неизвестный враг разгадал тщательно скрываемую тайну и далеко не случайно обрушил один из первых ядерных ударов именно на Миддлтаун. Но почему-то супербомба принесла городу не больше вреда, чем детская хлопушка! Или все обстоит далеко не так просто? Солнце стало иным, воздух резко остыл и наполнился чуждыми запахами...»

Криски встретил Джона у входа в здание. Он был самым молодым в штате лаборатории и потому пытался в любой ситуации казаться невозмутимым.

— Похоже, это все-таки началось, — произнес он с вымученной улыбкой. — Ядерный Армагеддон, праздничный фейерверк по случаю прихода Апокалипсиса... Джон, почему нас не стерли с лица земли?

Кеннистон ответил вопросом на вопрос:

— Счетчики Гейгера показывают, что-либо?

— Ничего! Абсолютно ничего!

Это, оцепенело подумал Кеннистон, делает все свершившееся еще более невероятным.

— Где Хуббл? — спросил он.

Криски сделал неопределенный жест рукой.

— Где-то здесь, в лаборатории... Он пытается связаться с Вашингтоном, но телеграф мертв, и даже радио почему-то молчит...

В здании, царила суматоха. Джон пересек густо заросший зеленью внутренний двор и поднялся в кабинет шефа. Тот стоял у окна и молча смотрел на сумрачное небо, посреди которого тускло светился красный глаз Солнца. Хуббу было всего пятьдесят, но в этот момент он выглядел почти стариком. Его седые волосы были непривычно

растрепаны, тонкое лицо с изящными чертами казалось непроницаемым.

— Хуббл, вы тоже считаете, что на нас обрушился ядерный удар? — вместо приветствия воскликнул Кеннистон.

Хуббл в ответ только рассеянно кивнул.

— Взгляните-ка на звезды, Кен.

— Звезды? Вы шутите — какие могут быть звезды в дневное время? — недоверчиво сказал Джон. Он подошел к окну — и увидел звезды! Они светились слабыми, тусклыми огоньками по всему сумеречному небосводу, даже рядом с багровым шаром Солнца.

— Этого не может быть... — тихо пробормотал Хуббл. — Что угодно — только не это...

— Вы понимаете, шеф, что произошло? — Кеннистон вновь задал мучивший его вопрос. — Похоже, на город сбросили ядерную супербомбу — но почему-то она произвела не больше эффекта, чем хлопушка...

Хуббл в упор взглянул на него.

— Нет, она сработала на славу, — горько сказал он.

— Послушайте, Хуббл, если бы бомба взорвалась, то здесь...

Шеф вместо ответа подошел к книжным полкам и достал с них несколько толстых справочников. К удивлению Джона, он отыскал в них астрономические таблицы и диаграммы и, взяв карандаш, начал быстро производить в блокноте какие-то вычисления.

Кеннистон нетерпеливо заглянул ему за плечо.

— Бога ради, Хуббл, сейчас не время для теорий! Город остался цел, но ведь что-то произошло...

— Идите к дьяволу, — ответил тот, не оборачиваясь.

Джон замолчал, потрясенный. До сих пор он не слышал из уст шефа ни единого ругательства.

Хуббл тем временем испещрял страницы блокнота все новыми и новыми формулами, часто обращаясь к разложенным на стол с справочникам. Наконец, обернулся, к Кеннистону и указал дрожащей рукой на расчеты.

— Видите, Кен? Эти выкладки — доказательство того, чего не может быть!

На его лице был написан неприкрытый страх, который передался и Джону. Тот хотел было ответить, но в этот момент в комнату робко вошел Криски.

— Мистер Хуббл, — растерянно сказал он, — мы не можем установить контакт с Вашингтоном. На наши вызовы никто не отвечает! Более того, ни одна радиостанция вне Миддлтауна попросту не работает...

— Это все чепуха, Криски, поверьте — все это уже не важно.

— Что вы хотите сказать, док? — озадаченно спросил Криски. — Вы понимаете, о чем я говорю — весь мир за пределами нашего города молчит!

Джон, холодея, ждал, когда Хуббл выскажет, наконец, мысль, которую он уже прочитал на лице шефа. Но в этот момент рядом оглушительно зазвенел телефон.

Хуббл поднял трубку и хмуро стал слушать. Вскоре он сказал:

— Да, разрешите ему пройти.

— Это звонил вахтер, — объяснил он коллегам, вешая трубку. — Меня хочет видеть Рей Джонсон. Если помните, это инженер, проводивший для нашей лаборатории монтаж электрических коммуникаций. Мне кажется, он живет где-то на окраине... Кстати, Джонсон так и сказал вахтеру: он хочет меня видеть именно потому, что живет далеко от центра города!

Через минуту Джонсон вихрем ворвался в кабинет. На его лице был написан такой ужас, какого Кеннистону до сих пор не приходилось видеть.

— Я думаю, господа, вы должны знать, что происходит в этом чертовом городе! — произнес он заплетающимся языком, забыв о приветствии. — Вы должны мне как-то это объяснить... иначе я сойду с ума!.. Сегодня утром я решил пройтись вдоль кукурузного поля, расположенного невдалеке от

моего дома. За полем находился амбар моих соседей-фермеров...

Его голос дрогнул, и Хуббл терпеливо спросил:

— И что же случилось с этим кукурузным полем, Джонсон?

— Оно исчезло — и вместе с ним и ограда, и амбар... Мистер Хуббл, там исчезло все, абсолютно все!

— Это, видимо, результат взрыва, — мягко сказал Хуббл. — Видите ли, Джонсон, над Миддлтауном недавно разорвалась супербомба.

— Ну уж нет! — горячо воскликнул Джонсон. — Я был в Лондоне во время последней войны, и Я-то уж знаю, что может натворить бомба! Я не видел ни следа разрушений, нет. Это... — он замолчал в поисках подходящего слова, но так и не смог его найти. — Я думаю, вы, ученые, должны знать, что сегодня произошло на окраинах Миддлтауна.

Джон, с трудом подавляя нарастающий ужас, решительно произнес:

— Знаете, шеф, я лучше пойду к дому Джонсона и сам взгляну на эти чудеса.

Хуббл взглянул на него и кивнул.

— Отлично, Кен, но я предлагаю другой вариант — подняться на водонапорную башню. Это — высшая точка в городе, оттуда мы сможем рассмотреть все окрестности. Господа, советую вам подождать нашего возвращения...

Они вдвоем вышли из лаборатории и направились в сторону огромной водонапорной башни, возвышающейся в центре города. Миновав Милл-стрит и железнодорожный вокзал, где царила суматоха, они подошли к решетчатым опорам башни. Воздух к тому времени стал по-зимнему студеным — красный шар Солнца почти не давал тепла. Когда Кеннистон взялся за железные поручни лестницы, они обожгли его ладони, как лед. Он последовал вслед за Хубблом, сосредоточив все внимание на подошвах его башмаков — чтобы, не дай бог, не взглянуть вниз. Подъем был долгим и трудным. Чем выше они поднимались, тем пронзительней

становился ветер. В воздухе была рассеяна мертвенная пыльная дымка — словно ветер дул из каменной могилы, наполненной прахом давно минувших веков.

Наконец им удалось подняться на платформу, узким кольцом опоясывающую огромный стальной бак. Вцепившись в поручни, Джон взглянул на город. На всех перекрестках толпились люди, автомобили намертво завязли в уличных пробках. И над всем царила непривычная хрустальная тишина.

Хаббл лишь мельком скользнул глазами по крышам нетронутых взрывом домов, по серебристому монументу бойцам Гражданской войны, по дымящимся трубам фабрик — и молча стал всматриваться вдаль. Кеннистон последовал его примеру — и замер.

Он долго рассматривал открывшуюся перед ним панораму, прежде чем начал осознавать увиденное. Нет, это невозможно, невероятно... Должно быть, вид окрестностей исказила поднятая взрывом пыль... или рефракция... или это просто иллюзия, порожденная тусклым светом Солнца — что угодно, только не правда!

Все пространство до самого горизонта неузнаваемо изменилось. Кукурузные поля, многочисленные фермы и даже река с впадающими в нее ручьями — все это исчезло без следа. Перед ними открылся совершенно иной, чужой пейзаж. Буро-желтая равнина, мрачная и пустынная, простиралась вдаль до гряды невысоких холмов, которых здесь раньше не было. Порывистый ветер мчался над бесплодным, безжизненным миром, перекатывая волны по высокой бурой траве и поднимая то там, то здесь облака пыли. Багровое Солнце вглядывалось в этот безжизненный пейзаж, словно оно было глазом циклопа, обрамленным ресницами косматых протуберанцев. Тусклые звезды мигали в сумрачном небе, и все вокруг — равнина, звезды и Солнце — выглядело мертвым и оцепеневшим.

Кеннистон судорожно сжал ребристые поручни, безуспешно пытаясь найти хоть сколько-нибудь правдоподобное объяснение происшедшей метаморфозе.

— Неужели бомба, взорвавшись над городом, могла перенести сюда эту равнину? — пробормотал он, сам не веря своим словам.

— Унесла реку — и взамен принесла неизвестно откуда эти холмы и бурую равнину? — угрюмо сказал Хуббл. — Побойтесь бога, Кен, разве взрыв в состоянии сделать такое?

— Но что тогда...

— Супербомба попала точно в цель, Кен. Она разорвалась над Миддлтауном, а затем... — Хуббл запнулся, но вскоре продолжил: — Никто не знает, на что способна эта штука. Логичных теорий и непроверенных гипотез на эту тему хватает, но нельзя забывать, что при взрыве супербомбы высвобождается самая страшная и концентрированная энергия, какую знало человечество!

Он вновь запнулся, словно не находил в себе мужества закончить мысль, и после некоторой паузы указал рукой на мглистый небосвод:

— Это наше Солнце, Кен, только старое, очень старое... И Землю там, за границами города, мы видим умирающей, разрушенной многовековой эрозией. А звезды... Вглядитесь внимательней в эти звезды, Кен, — вы никогда не видели их такими! Созвездия неузнаваемо исказились — так, как это может произойти только в результате движения светил за миллионы лет!

— Миллионы лет? — выдохнул Кеннистон. — Вы полагаете, что бомба...

— Да, это совершила супербомба, — серьезно сказал Хуббл. — В результате взрыва высвободилось столь титаническое количество энергии, что она не стала размениваться на такие мелочи, как заурядное разрушение материальных объектов. Вместо того, чтобы разрушать здания, она сокрушила ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ.

Джон сдавленным голосом попытался протестовать:

— Нет, Хуббл, это безумие! Время абсолютно...

— Вы знаете, Кен, что это не так, — прервал его Хуббл. — Из работ Эйнштейна следует, что нет такой отдельной категории, как время, — в реальности существует так называемый пространственно-временной континуум. И этот континуум подвержен искривлению под действием внешних сил. Достаточно мощный взрыв может перебросить любой материальный объект из одной его части в другую.

Он протянул слегка дрожащую руку в сторону омертвелого, чужого ландшафта, простирающегося за границами города до самого горизонта.

— Именно это и произошло при взрыве первой ядерной супербомбы, Кен. Она перенесла наш бедный Миддлтаун на миллионы лет в будущее, на древнюю, умирающую Землю!

Глава 2 НЕВЕРОЯТНО!

Когда они вернулись в лабораторию, во дворе их поджидали все остальные сотрудники ядерного Центра. С дюжину мужчин возрастом начиная от юного Криски и кончая стариком Бейтцем в волнении прохаживались около входа, поеживаясь под прохладными лучами красного Солнца. Джонсон тоже был среди них — он нетерпеливо ждал ответа на свои вопросы. При виде шефа все бросились к нему с расспросами, но Хуббл только коротко сказал:

— Думаю, нам лучше поговорить у меня в кабинете.

Все молча последовали вверх по лестнице за ним, едва сдерживая нетерпение. Последним в здание вошел Кеннистон. Некоторое время он шагал за коллегами, а затем, выйдя в коридор, свернул к своему кабинету. Поймав удивленный взгляд шефа, сказал:

— Узнаю, как дела у Кэрол, и сразу же приду.

— Не рассказывайте ей ничего, Кен, — предупредил его Хуббл. — Еще не время...

— Понимаю... Я ничего ей не скажу.

Джон вошел в свою тесную комнатушку и плотно затворил за собой дверь. Не присаживаясь, он протянул руку к телефону, стоящему на столе, — и тут же резко отдернул ее. На него нахлынула волна страха, подавляя силу воли. Некоторое время Джон, словно завороженный, смотрел на черный эбонитовый телефон. До чего же странно, подумал он, что в этом мире еще остался мой телефон и толстый абонентный справочник рядом с ним — с загородными номерами, которые не существуют уже Бог знает сколько времени. С одной стороны, правда, всего час — но с другой...

Он присел в кожаное кресло, стоящее рядом со столом. Только подумать, сколько отчетов и статей он написал за последние годы, сидя в этом кресле! Увы, все они потеряли смысл... Хотя сейчас множество вещей потеряло смысл. Скажем, его с Кэрол планы свадебного путешествия. Слова «Флорида», «Калифорния» и «Нью-Йорк» звучали сейчас столь же бессмысленно, как «вчера» и «завтра». Все это ушло навсегда из его жизни... как, возможно, и сама Кэрол! Она же собиралась сегодня утром отправиться со своей тетей в деревню! Бог мой, если ее не было в городе, когда взорвалась супербомба, то она исчезла, исчезла навсегда!

Джон схватил дрожащей рукой трубку и набрал номер телефона своей невесты. Поначалу он услышал только длинные гудки, шорох и треск — и шум пульсирующей крови в ушах. «Нет, — подумал он горько, — я не имею права желать, чтобы Кэрол оказалась здесь! Когда она узнает, что перенеслась вместе с городом на миллионы лет в будущее...»

— Кен? — зазвучал в трубке взволнованный голос невесты. — Кен, это ты? Алло!

— Кэрол... — выдохнул он. Все вокруг поплыло куда-то вдаль, растворяясь в серой дымке, и рядом осталось только одно — милый, бесконечно родной голос Кэрол.

— Целый час не могу дозвониться до тебя, Кен! Может, хоть ты знаешь, что происходит? Весь город взбудоражен словно муравейник. Я, как и все, видела ужасную вспышку в

небе — но за ней ничего не последовало, только небольшое сотрясение земли. С тобой—то все в порядке?

— Не беспокойся, милая, я прекрасно себя чувствую, — нарочито бодро произнес Джон, а сам тем временем думал — а ведь она не испугана, нет! Озабочена, расстроена — но не испугана. И, конечно, даже не задумывается о возможном конце света...

Он заставил себя твердо произнести:

— Кэрол, поверь, я понятия не имею, что сегодня стряслось.

— Жаль... Может, ты попытаешься что-нибудь разузнать? Ведь должен же кто-нибудь знать...

Кэрол и не подозревала, что ее жених был ядерным физиком. Кеннистон никому не рассказывал, о своей истинной профессии, даже собственной невесте. Для всех знакомых он был всего-навсего инженером промышленной исследовательской лаборатории. Кэрол никогда не расспрашивала его о работе, и он был благодарен ей за это — по крайней мере, не было нужды постоянно лгать. Теперь это особенно удобно — Кэрол даже не могла предположить, что ее жених может располагать какой-нибудь особой информацией... Пусть же она побудет еще некоторое время в блаженном неведении, подумал Джон.

— Я сделаю все, что могу, — сказал он. — Но пока я попрошу вас с тетей не выходить на улицу. Кто знает, на что способны насмерть перепуганные обыватели? Я приду так скоро, как только смогу. Договорились?

Он повесил трубку и обвел мутным взором свой кабинет. Полки с книгами и реферативными журналами, папки с рукописями, раскрытый посредине еженедельник, испещренный планами, которым уже не суждено сбыться... А там, за стенами, — сумрачный небосвод с тусклыми дрожащими созвездиями и косматый шар светила, которое миллионы лет назад было золотистым, животворным Солнцем... Ему захотелось немедленно убежать из своего кабинета — знать бы только куда...

Помедлив, Джон направился в кабинет шефа.

Здесь уже сидели все двенадцать штатных сотрудников лаборатории плюс Джонсон, который уселся в самый темный угол, словно не желая никому попадаться на глаза. Понятное дело, подумал Кеннистон, ведь инженер-электрик был единственным, кто видел, что творится за границами города. Лицо Джонсона было потерянным и мрачным — видимо, он еще пытался осмыслить увиденное за порогом своего дома.

Джон перевел взгляд на своих коллег. Они давно знали друг друга и все же сейчас показались ему чужими и одинокими, погруженными в собственные переживания.

Молчание прервал старый Бейтц. Он резко, почти агрессивно обратился к Хубблу, который, видимо, только что закончил рассказ о путешествии к водонапорной башне.

— Даже если это правда, шеф, вы не можете по новому расположению звезд точно рассчитать, сколько времени прошло с момента взрыва бомбы!

Хуббл успокаивающе сказал:

— Я не астроном, но каждый желающий может без труда повторить мои вычисления, используя для этого таблицы скоростей относительного перемещения звезд. Конечно, мои цифры приблизительны, но, думаю, порядок я оценил верно.

— Послушайте, но, если пространственно-временной континуум действительно был искривлен под действием взрыва, и мы вместе с городом перенеслись на миллионы лет в будущее... — лицо Бейтца исказилось от ужаса.

Хуббл пожал плечами.

— Вы все равно, не поверите, мне, пока не убедитесь во всем собственными глазами. Примите тогда мое заявление просто как рабочую гипотезу.

Морроу откашлялся и спросил:

— Шеф, вы собираетесь об этом рассказать горожанам?

— Они уже знают часть правды, — ответил Хуббл. — Все видят: на улицах сильно похолодало и Солнце стало иным.

Я уже не говорю о звездах, светящихся на небосводе даже в дневное время... Люди волей-неволей должны все это осмыслить и прийти к кое—каким выводам. Только нельзя допускать паники! Мэр Гаррис и шеф полиции Кимер направляются сейчас сюда. Наш долг в этот трудный момент сотрудничать с городскими властями.

— Они уже знают всю правду? — спросил Кеннистон.

— Нет, — сказал Хуббл.

Джонсон неожиданно вскочил со стула и, подойдя к Хуббу, почти истерично выкрикнул:

— А я плевать хочу на ваши мудреные рассуждения о пространстве и времени! Мне нужно знать одно — мой мальчик в безопасности?

Хуббл удивленно взглянул на инженера.

— Ваш мальчик?

— Он отправился сегодня утром на ферму к нашим соседям Мартинсонам, чтобы попросить у них на время культиватор, — пояснил Джонсон. — Это всего в двух милях на север от города... Что с ним произошло — он в безопасности?

Хуббл сказал мягко:

— Я думаю, вы не должны беспокоиться о нем, Джонсон.

Инженер кивнул, но взгляд его оставался встревоженным.

— Благодарю вас, мистер Хуббл, — сказал он угрюмо. Я лучше пойду домой, попытаюсь успокоить жену — она, бедняжка, совсем потеряла голову от страха за сына.

Через несколько минут после ухода инженера Кеннистон услышал вой полицейской сирены. Она звучала все ближе и ближе и вскоре затихла под окнами лаборатории.

— Должно быть, мэр, — сказал Хуббл.

Уж больно это тонкая и ненадежная соломинка, чтобы за нее хвататься в бурном потоке событий, подумал с насмешкой Кеннистон. Нет, он не мог сказать о мэре ничего особенно плохого. Гаррис был не более чванлив, глуп и продажен, чем любой другой мэр любого другого маленького городишки навроде Миддлтауна. Он любил пышные банкеты

и обожал произносить пустословные длинные речи. Больше всего на свете его беспокоило, идеально ли завязан узел на его галстуке. Гаррис был хорошим мужем и примерным отцом семейства, но совершенно не годился для того, чтобы твердой рукой обеспечивать нормальную и безопасную жизнь города сейчас, когда наступил почти конец света.

Вскоре Гаррис важной поступью вошел в кабинет. Это был пухлый розовощекий человек с заносчивым и одновременно на редкость самодовольным лицом. Правда, сегодня на его челе лежала легкая тень озабоченности.

Кимер, шеф полиции Миддлтауна, был человеком совсем иного склада. Высокий, несколько угловатый мужчина с суровыми чертами обветренного лица. Его глаза светились мудростью много повидавшего человека. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять — Кимер куда более встревожен, чем мэр.

Гаррис с улыбкой подошел к Хубблу. Было очевидно, что он испытывает большое почтение к сотрудникам лаборатории и особенно к их руководителю. На его лице была написана нескрываемая гордость от того, что он, мэр заштатного городка, поднялся сейчас на одну ступень с ведущими учеными-ядерщиками страны.

— Есть ли какие-нибудь новости, доктор Хуббл? — спросил он. — Нам, увы, не удалось ни с кем связаться, а между тем среди народа бурлят дикие слухи. Поначалу я опасался, что взрыв произошел в вашей лаборатории, но...

Кимер прервал мэра:

— Поговаривают, господа, что над Миддлтауном взорвалась ядерная бомба. Пока это только слухи, но... но если они начнут распространяться и крепнуть, то паники не избежать. Я послал своих офицеров на улицы, чтобы они как-то успокоили людей, но сам я хотел бы знать истинное положение вещей.

— Ядерная бомба? — возмущенно воскликнул Гаррис. — Это абсурд, Кимер, я утверждаю — это абсурд! Вы же видите

— мы все остались живы и городу не нанесено ни малейшего ущерба. Доктор Хуббл, подтвердите, что никакая бомба...

Хуббл резко сказал:

— Послушайте, мы имеем дело не с обыкновенной бомбой. Должен вас огорчить — слухи недалеки от истины...

Он замолчал и после паузы медленно произнес, тщательно взвешивая слова:

— Господа, ядерная супербомба впервые в истории взорвалась сегодня утром над Миддлтауном. Город остался цел, но то, что произошло, — это прямое следствие взрыва.

— Я не понимаю, — растерянно пробормотал мэр. — Какие последствия? Где?

Хуббл рассказал все, что знал. Руководители города слушали, и на их лицах все явственнее проявлялось недоверие.

— Это безумие, — угрюмо сказал Гаррис. — Наш Миддлтаун перенесен в будущее? Звучит совершенно невероятно... Что вы намереваетесь предпринять, доктор Хуббл?

Тихим, суровым голосом тот рассказал о чужом ландшафте, появившемся за окраинами города, о постоянно усиливающемся холоде, о старом багровом Солнце, о замолкших навсегда радио и телеграфе. Он коротко коснулся научной стороны дела, но гости его попросту не поняли. Они приняли его рассуждения на веру — веру, которую люди двадцатого столетия вынуждены были выработать в себе, так же как в древности их предки породили веру в Бога: то и другое помогало человечеству достаточно комфортно жить в мире, природу которого они были неспособны понять.

Мэр Гаррис медленно опустился в кресло, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники. Его лицо посерело, щеки обвисли.

— Так что же мы должны делать? — потерянно спросил он.

— Прежде всего нам надо предотвратить возможную панику, — ответил Хуббл. — Жители Миддлтауна должны узнать правду — но постепенно. Нужно любыми способами помешать им покидать границы города — иначе люди

совсем потеряют голову. Я полагаю, лучше всего объявить, что окрестности Миддлтауна заражены радиоактивными осадками — и под этим предлогом закрыть город силами полиции.

Кимер немедленно отреагировал:

— Что ж, я могу с помощью моих людей перекрыть все дороги, ведущие за город.

— А я немедленно соберу наш отряд Национальной гвардии у Арсенала, — нетвердым голосом произнес Гаррис. Глаза его оставались по-прежнему мутными и растерянными.

— Отлично, — сказал Хуббл, с легким презрением поглядев на мэра. — А как обстоят дела с городскими коммуникациями?

— Все, кажется, работает... По крайней мере в город пока подаются и электроэнергия, и газ, и вода.

Очень может быть, подумал Кеннистон. Миддлтаун был достаточно автономен — он имел свою теплоэлектростанцию, работающую на угле, большие запасы сжиженного газа и водонапорную башню, питающуюся от артезианской скважины.

— И тем не менее нужно немедленно ввести жесткое нормирование пищи и горючего, — предложил Хуббл. — Ситуация требует чрезвычайных мер.

Гаррис, казалось, стал постепенно приходить в себя.

— Вы правы, муниципалитет немедленно займется этим. — Помедлив, он робко спросил: — Но все же... быть может, у нас найдутся какие-нибудь пути установить связь с внешним миром?

Хуббл горько усмехнулся.

— Внешний мир — таким, каким мы его знали, канул в далекое прошлое. Вы должны это твердо уяснить, Гаррис.

— Да, конечно... я постараюсь... Кимер, нам пора идти — у нас масса неотложных дел!

Когда автомобиль мэра отъехал от стен лаборатории под пронзительный гудок полицейской сирены, Хуббл устало взглянул на притихших коллег.

— Конечно, они оба не выдержат и проболтаются — по крайней мере, за Гарриса я ручаюсь. Но новости при этом расползутся по городу не очень быстро, а это для нас весьма важно. У нас есть шанс первыми попробовать разобраться в создавшейся ситуации.

Криски нервно рассмеялся:

— Простите, господа, но я не могу удержаться... ха-ха... Целый город в одно мгновение перелетел к черту на кулички, считай, на самый край света, и никто кроме нас даже не заметил этого! Все пятьдесят тысяч горожан и не подозревают, что их... ха-ха... дорогая кузина Агнесс из Индианополиса умерла и превратилась в прах миллионы лет назад! До чего славная шутка... ха-ха...

— Прекратите истерику, Криски, — сурово прервал его Хуббл. — Да, никто еще ничего толком не знает — и не должен пока знать. Сначала мы должны провести разведку — кто знает, какие сюрпризы готовит нам старая, умирающая Земля? Только потом мы сможем разработать какой-то план действий...

Он посмотрел на Джона.

— Кен, вы можете сходить в гараж к Буду Мартину и попросить у него на время джип? Очень хорошо. Заодно возьмите, пожалуйста, канистры с бензином и что-нибудь из теплой одежды. Если не возражаете, мы с вами совершим загородную прогулку. И вот еще что... Захватите-ка с собой на всякий случай пару ружей.

Глава 3 УМИРАЮЩАЯ ПЛАНЕТА

Кеннистон быстро шагал по Милл-стрит, направляясь к гаражу Буда Мартина, где он оставил на мелкий ремонт свой «бьюик» — недавно, всего миллион лет назад. Он знал, что Буд держит джип, чтобы при необходимости выезжать на

помощь клиентам, застрявшим где-либо на загородных дорогах. Сейчас в этом уже не было никакого смысла — нет на Земле больше никаких дорог!.. На обратном пути Джон намеревался заскочить домой и одеться потеплее — воздух становился все холоднее, так что ночью вполне мог ударить мороз.

Ему казалось, будто он находится в сетях какого—то кошмарного сна. Солнце бросало кровавый отблеск на кирпичные стены домов, но это была единственная заметная глазу перемена. Все остальное в Миддлтауне оставалось таким же, как в старые добрые времена — и это было особенно шокирующим. Кеннистон всегда полагал, что с приходом давно ожидаемого конца света все чудесным, сверхъестественным образом преобразится, словно рядом откроются врата Дантова ада — однако вокруг все оставалось по-прежнему, не считая, конечно, чужого неба.

На Милл-стрит было полно народу. Эта улочка, на которой располагались несколько закопченных угольным дымом фабрик, была, как всегда, запружена потоками автобусов и автомобилей. Движение транспорта было, пожалуй, менее организованно, чем обычно.

На тротуарах то там, то здесь стояли группы возбужденно разговаривающих людей. Кеннистон знал многих из них и в другое время был бы не прочь перемолвиться с ними словечком — но сегодня он, опустив глаза, быстро прошел мимо, надеясь, что его не заметят. Он чувствовал себя не в своей тарелке при мысли, что он-то знает правду, а его

друзья — нет. Джона так и подмывало подойти к кому-нибудь из знакомых и поделиться своим секретом...

В одной из групп он заметил краснощекого толстяка Майка Виттера. Он работал стрелочником на городском железнодорожном узле. Майка нередко можно было видеть курящим на скамейке около его маленькой будки. У ног Виттера всегда сидел преданный тойтерьер. Собачонка и сейчас была с ним. Изогнувшись дугой, она прильнула к ноге хозяина и, дрожа от страха, слезящимися глазами глядела по сторонам. Похоже, подумал Джон, она почувствовала неладное — зато старый Майк спокоен и благодушен, как всегда.

— Что-то холодновато для июня! — приветствовал он Кеннистона. — Придется вечером разжечь дома камин. Никогда не видел такой чудной бури, как сегодня! Что скажете на это, Джон?

Кеннистон в ответ буркнул что-то неопределенное, но через несколько шагов ему дорогу преградили несколько знакомых рабочих с фабрики.

— Мистер Кеннистон, — с замешательством спросил один из них по имени Джо Ланч, — мы хотим спросить — быть может, война началась? Ваши парни из лаборатории знают что-нибудь?

Джон хотел было ответить, но Ланча перебил стоявший рядом с ним невысокий крепыш:

— Конечно, это война, Джо, тут и толковать не о чем. Разве газеты не твердили целый год, что вот-вот на наши головы обрушатся ядерные бомбы и небо заполыхает адским огнем? Ты что, не видел вспышку?

— Черт побери, но огонь сверкал только несколько секунд, и этим дело и кончилось! При чем здесь война?

— Скажешь еще! Я чуть не ослеп, а он говорит, что война здесь ни при чем. Я ведь прав, мистер?

Кеннистон уклончиво ответил:

— Извините, ребята, но я знаю не больше вашего. Слышал только, что вот-вот городские власти должны сделать важное сообщение по местному радио. Так что есть смысл

всем вам разойтись по домам, не то пропустите выступление нашего мэра...

Он решительно зашагал вперед, твердо решив ни с кем больше не заговаривать. Позади раздался удивленный возглас Джо Ланча:

— Если это война, ребята, то кто наш враг? С русскими мы вроде подружились. Может, это...

На мосту стояли многочисленные зеваки и, перегнувшись через перила, глазели на реку. Воды, как и следовало ожидать, не было, если не считать грязных луж, в которых плескалась обреченная на гибель рыба.

Перейдя на другой берег, Кеннистон свернул на узкую улочку, идущую вдоль набережной. Ему встретилась ярко освещенная пивная, в которой было куда больше народу, чем обычно в дневное время. Проходя мимо, Джон услышал из распахнутых окон резкие, крикливые голоса, то и дело схлестывающиеся в нецензурной перебранке — но и в них не звучало даже тени тревоги.

По дороге к гаражу он услышал отрывок разговора двух женщин, сидевших на скамейке в сквере:

— Только подумай, милая, сегодня я впервые пропустила свою любимую радиопередачу! Что-то случилось с моим приемником — он не ловит вообще ничего, кроме местной станции...

Кеннистон вздохнул с облегчением, когда наконец добрался до гаража Буда Мартина. Хозяин — высокий молодой человек с лицом, перепачканным смазочным маслом, копался в карбюраторе видавшего виды «роллс-ройса». Вокруг столпились его юные помощники, не без юмора комментируя работу шефа.

Увидев гостя, Буд Мартин запротестовал:

— Мистер Кеннистон, вы пришли слишком рано за своим «бьюиком». Я же сказал — машина будет готова не раньше пяти часов вечера!

— Буд, у меня другие намерения. Я хотел бы взять напрокат ваш джип, — успокоил его Джон. — У нас в лаборатории появились кое-какие проблемы...

— На здоровье! — пожал плечами Мартин. — Сегодня я все равно не намерен выезжать за город. Вызовов почему-то нет, да и здесь, в гараже, дел по горло...

Его явно не интересовало, почему Кеннистону понадобился именно джип. Машина была на ходу, в этом он мог поклясться.

В гараж заглянул мужчина в фартуке, перепачканном мукой.

— Эй, Буд, слыхал новости? Фабрики остановили работу все до одной!

— Чепуха, — пренебрежительно ответил Мартин. — Я слышу новости все утро. Парни приходят и рассказывают всякие небылицы. Я слишком занят, чтобы выслушивать дурацкие сплетни.

«Вот почему Миддлтаун относительно спокоен, — подумал Джон. — Люди слишком заняты своими повседневными делами, чтобы предаваться страхам. Это, конечно, неплохо, но...»

— Буд, боюсь, что эти невероятные истории — чистая правда. — решительно сказал он.

Мартин недовольно покосился на него.

— О Боже, и вы туда же, мистер Кеннистон... Если во всем этом есть хоть капля истины, то моему бизнесу пришел конец. Гараж и так не оправдывает затрат!

«Нет ни малейшего смысла объяснять ему, что фабрики остановлены ради экономии драгоценного топлива», — подумал Джон. Он молча наполнил бензином запасные канистры, поставил их в багажник джипа и, выехав из гаража, направился в северную часть города.

На Майн-стрит ему встретились люди в демисезонных пальто. Они собирались группами в ожидании автобусов, озабоченно поглядывая на сумрачное небо и багряное солнце. Но жизнь шла своим чередом: лавки были открыты,

хозяйки спешили домой с полными сумками, ребятня носилась на велосипедах. «Не слишком—то многое изменилось», — с удивлением подумал Джон.

Он свернул на Валтерс-авеню, где в одном из коттеджей снимал квартиру. Мимо проплывали ряды стройных кленов, до неузнаваемости перекрашенных солнечными лучами в пурпурный цвет. К счастью, хозяйка дома отсутствовала — ему не хотелось попасть под град ее вопросов.

Кеннистон погрузил в машину весь свой арсенал — винтовку и охотничий дробовик, а также коробку с патронами. Заодно захватил макинтош и кожаное пальто для Хуббла, а также две пары перчаток. Перед тем, как отправиться в путь, он быстрым шагом направился к дому Кэрол Лейн, отстоящему от его коттеджа всего на полквартала.

Миссис Адамс, тетя Кэрол, встретила его на пороге веранды. Она выглядела встревоженной и весьма решительно настроенной.

— Джон, я так рада, что вы наконец пришли! — воскликнула она. — Быть может, хотя бы вы объясните, что происходит в Миддлтауне? Нужно мне накрывать цветы в палисаднике или нет? Этот холод весьма подозрителен — на дворе—то стоит июнь! Петунии и розы так чувствительны к морозу...

— Советую укутать их как следует, — сказал Кеннистон, с жалостью глядя на пожилую леди. — Прогноз обещает еще большее похолодание...

Миссис Адамс огорченно всплеснула руками.

— Ну что за погода для начала лета! Я не помню ничего подобного... — и она поспешила в свой маленький сад, чтобы укрыть цветы, которым оставалось жить считанные часы. «Не будет скоро роз на Земле, — с грустью подумал Кеннистон. — Ни роз, ни других цветов...»

— Кен, привет! — услышал он позади звонкий голос Кэрол. — Что творится в городе?

Прежде чем обернуться, Джон решил, что не будет морочить невесте голову. Кэрол ничего не смыслила в науке, и

такие вещи, как искривление пространственно-временного континуума, звучали бы для нее китайской грамотой. Зато она отлично знала своего жениха и не дала бы ему ни малейшего шанса увильнуть от прямого ответа.

— Кен, скажи, все эти разговоры насчет ядерной бомбы — это правда?

Кэрол была темноволосой, изящной девушкой с чудесными, вишневого цвета глазами. Таких стройных ножек, по мнению Джона, не было ни у одной женщины в городе — не говоря уже о прекрасном овале свежего лица с красиво очерченным ртом и твердым, решительным подбородком. Она обожала Теннисона, детей, маленьких собачек и была рождена домашней хозяйкой.

Кеннистон с тяжелым сердцем посмотрел на невесту, стоявшую среди умирающего сада.

— Да, — сдавленным голосом произнес он. — Это правда, милая, — ну, насчет ядерной бомбы...

Он с отчаянием увидел, как лицо Кэрол потемнело от тревоги, и поспешно добавил:

— Не беспокойся, никаких жертв нет! Не выпало даже радиоактивных осадков — так же, как и отсутствуют все другие последствия взрыва, которых все так опасались.

— Кен, я по твоему лицу вижу, что дела обстоят неважно!

— Да... есть определенные сомнения, — обескураженно сказал Джон и, шагнув к невесте, ласково погладил ее руку. — Мы с Хубблом решили провести кое-какие исследования. Прости, милая, но у меня нет времени, чтобы тебе все подробно объяснить...

— Кен, — твердо сказала Кэрол, заглядывая в его глаза? — я чувствую, ты скрываешь от меня что-то ужасное. Это верно?

Джон понимал, что рано или поздно Кэрол должна будет узнать правду об его истинной профессии, но все время оттягивал разговор на эту тему. Сейчас это было бы особенно опасно. Какими глазами посмотрит невеста, узнав, что он — физик—ядерщик? Кеннистон не был уверен, что посте этого

между ними все останется по-прежнему. И потому в очередной раз решил еще немного потянуть время.

Он широко улыбнулся.

— Кэрол, я расскажу тебе обо всем, когда вернусь из этой небольшой экспедиции. Обещай, что ты останешься дома — иначе я буду тревожиться...

— Хорошо, — медленно сказала невеста, не сводя с него пытливых глаз. И тут же порывисто добавила: — Кен...

— Что, милая?

— Нет, ничего... Будь осторожен.

Кеннистон чмокнул ее в щеку и, не оборачиваясь, побежал к джипу. Слава Богу, что Кэрол не из слабонервных, подумал он.

Джон включил зажигание и направил машину к лаборатории. «Что произойдет вскоре с нами? — думал он. — Переживем ли мы следующий день? А если и переживем — то какой будет наша жизнь?» Странно вспомнить, что еще вчера он строил радужные планы... Его так радовало, что с одиночеством скоро будет покончено и ему больше не придется неприкаянно носиться с места на место. Впервые после смерти родителей он мог вновь обрести свой дом и зажить счастливой семейной жизнью. А теперь...

Хуббл нетерпеливо ждал его у ворот лаборатории. В руках он держал счетчик Гейгера и саквояж с некоторыми другими приборами. Молча поставив все это на заднее сиденье джипа, он надел привезенное Кеннистоном кожаное пальто и уселся рядом с ним.

— Давайте-ка, Кен, поедем в южном направлении — туда, где мы видели холмы. Поднявшись на них, мы сможем как следует осмотреть окрестности.

Вскоре они миновали заграждения, охраняемые нарядами полиции, и выехали на окраину города. Здесь им пришлось задержаться, прежде чем удалось по телефону добиться от мэра разрешения «на проведение инспекционной поездки в зараженные районы».

Наконец джип выехал из Миддлтауна и свернул на грунтовую дорогу между полями небольших ферм. Менее чем через милю поля и дорога внезапно кончились.

За резко очерченной границей начиналась бурая равнина, уходящая вдаль до самого горизонта. Монотонный пейзаж не оживляло ни единое деревце, ни единое пятно зелени. Только низкий кустарник, и пыль, и ветер… Впереди поднималась гряда невысоких голых холмов, а над ними нависал темный купол неба с тусклыми звездами и багряным Солнцем. Мертвую тишину нарушал лишь заунывный свист ледяного ветра да шум мотора.

Джип ехал по умирающей Земле.

Глава 4 МЕРТВЫЙ ГОРОД

Кеннистон сосредоточил внимание на управлении джипом, сжав дергающийся руль до боли в пальцах. Он смотрел на бегущую перед колесами землю, обращая внимание на каждый камень, каждую рытвину, снижая скорость перед очередным руслом высохшего ручья. Ему было приятно на время отдаться чисто механической работе — джип флегматично гудел, несясь по древней Земле… остывающей, словно покойник. Он нервно рассмеялся от этой неожиданной мысли.

Хуббл сжал ему плечо с такой силой, что Кеннистон почувствовал боль даже через плотное пальто.

— Сейчас не время веселиться, Кен.

Джон обернулся и увидел серое лицо шефа — в его глазах светилась мольба.

— Прошу прощения, — пробормотал Кеннистон. — Нервы что-то разгулялись.

Хуббл кивнул.

— Понимаю… Я и сам с трудом держу себя в руках.

Они направились через пустынную равнину в сторону холмов, поднимающихся из бурой травы, словно кости вымерших динозавров. Вскоре джип выехал на пологий склон

и мотор взревел от напряжения. Ничего, кроме этого, привычного шума, не нарушало тишины мертвого пейзажа, залитого сумрачным красным светом.

Джону хотелось, чтобы шеф сказал еще что-нибудь, но тот угрюмо молчал.

Внезапно они услышали пронзительный визг и насторожились. Руками, скользкими от холодного пота, Кеннистон резко развернул джип и увидел мохнатое животное размером с пони, несущееся вдоль гребня холмов длинными неуклюжими прыжками.

Джон затормозил. Машина, подрагивая, замерла на месте. Хуббл хрипло сказал:

— Выходит, на Земле еще осталась жизнь... Взгляните-ка сюда, Кен, — и он показал на углубление в пыльной почве, окруженное кольцом влажной грязи. — Это животное рыло яму — вероятно, в поисках воды. Почва в этих местах сухая, так что животное должно было изрядно потрудиться, чтобы утолить жажду.

Они вышли из джипа и тщательно осмотрели яму и растущий неподалеку кустарник. На некоторых ветвях были заметны следы зубов.

— Эти следы мог оставить только грызун, — сказал Хуббл. — Значительно больших размеров, чем его сородичи из двадцатого века, но тем не менее... Ладно, Кен, поедем дальше.

Джип, пыхтя, медленно стал подниматься к гребню холмов. По дороге им встретились еще две ямы, вырытые животными, но они были старыми и осыпавшимися. «Неужто на Земле остались только эти жалкие твари?» — с тоской подумал Кеннистон, взглянув на пурпурный глаз Солнца.

Вскоре они въехали на вершину одного из холмов и остановили машину. Перед ними открылась панорама унылой равнины, залитой багряными лучами холодного Солнца.

Хуббл обвел взглядом мертвенный пейзаж и внезапно воскликнул:

— Кен, посмотрите на юг! Вы видите ЭТО?

Джон проследил за направлением его дрожащей руки. В первое мгновение он ничего не понял, а затем на него нахлынула волна дикой радости. Слава Богу, они не одиноки на остывающей Земле!

Посреди бесплодной равнины стоял город. Город белых многоэтажных зданий, полностью закрытый прозрачным куполом.

Некоторое время они, не скрывая радости, разглядывали поразительное сооружение. Правда, там, под куполом, они не заметили ни огонька, ни даже признака жизни — того, что город существовал, им было вполне достаточно. Однако вскоре Хуббл пришел в себя и со своим обычным скептицизмом заметил:

— Все прекрасно, Кен, но я не вижу ни единой дороги.

— Возможно, люди больше не нуждаются в дорогах! — с жаром возразил ему Кеннистон. — Наверняка горожане пользуются для передвижения только летательными аппаратами!

Инстинктивно мужчины подняли головы, но в блеклом небе не было ничего, кроме тусклых звезд и Солнца, обрамленного огненной гривой.

— Возможно, вы правы, Кен, но обратите внимание — в зданиях не светится ни единого окна, — продолжил Хуббл.

— Сейчас день, — возразил Джон. — Горожанам должно хватать солнечного света — за долгие годы угасания светила люди должны были привыкнуть к его сумрачному свету.

Понимая, что доводы неубедительны, Кеннистон занервничал. Включив зажигание, он с силой дернул за рычаг переключения скоростей и погнал машину вниз по склону, не обращая внимания на то, что она порой начинала угрожающе раскачиваться.

— Эй, Кен, полегче! — крикнул Хуббл. — Если в городе и на самом деле остались люди, то они никуда от нас не денутся. Если же их нет... — его голос дрогнул. После паузы он закончил: — Тогда торопиться тем более бессмысленно.

Слова, только слова... Кеннистону казалось, что у него не хватит терпения. Джип словно назло еле полз по склону. Камни, ямы и небольшие расщелины то и дело попадались ему на пути, заставляя Джона снижать и без того невысокую скорость. Город никак не желал приближаться...

Прошло немало времени, прежде чем джип оказался рядом с куполом. Тот уходил круто в небо, словно стеклянная гора из сказочных историй, искрясь отраженным светом.

После немилосердной тряски по ухабам джип внезапно выехал на широкую дорогу. Она вела к открытому всем ветрам арочному порталу в основании стеклянной стены.

— Странно, — с недоумением сказал Хуббл. — Купол был возведен над городом наверняка для сохранения тепла — почему же тогда вход открыт?

Кеннистон промолчал. Его оптимизм заметно поубавился.

Они медленно въехали через портал и оказались внутри прозрачного купола. Город навис над ними кварталами исполинских небоскребов, поражающих воображение своими размерами и причудливыми очертаниями. Здесь, под куполом, казалось теплее, чем на равнине, — быть может, из-за отсутствия пронзительного ледяного ветра.

Джип вырулил на прямую как стрела улицу и робко направился к центру города. Вокруг висела хрустальная тишина, так что Джон с Хубблом слышали удары собственных сердец. Гул мотора, отражаясь и переотражаясь от стен небоскребов, звучал богохульственно громко.

Пыль толстым слоем лежала вдоль тротуаров, заметно утолщаясь на перекрестках улиц, где чувствовалось легкое дуновение ветра. Немало ее было и в подъездах, и даже на оконных рамах. Несмотря на массивность, небоскребы были по—своему красивы благодаря простоте и изяществу обводов. В качестве строительного материала был использован пластик, разнообразный по цвету и текстуре, а также сталь и натуральный камень. Вокруг царила непривычная грация

и симметрия, придававшая городу черты внутренней силы и благородства.

Миллионы окон следили с высоты своими пыльными бельмами за джипом и двумя людьми. Стекла многих из них были разбиты, рамы распахнуты... Прохладный ветер дул из открытого портала и по-разбойничьи врывался в дверные проемы, крался вдоль тротуаров, хозяйничал в многочисленных скверах и садах с давно зачахнувшими деревьями. Ветер, один только ветер...

Джон, съежившись, продолжал вести машину. Его ужасала мысль о том, что город под куполом был лишь безжизненной оболочкой, словно скорлупа разбитого яйца. Он внезапно закричал в порыве ярости и с силой нажал на клаксон, пытаясь хоть таким образом нарушить гнетущую тишину улиц. Где-тоже должны скрываться люди, некогда построившие город? Хоть один человек да отзовется на протяжный гудок автомобильной сирены!

Но никто не отозвался, никто не вышел навстречу...

Кеннистон еще больше сбавил скорость. Поняв безнадежность своих попыток разбудить давно опустевший город, он перестал нажимать на клаксон. Так же, как и Хуббл, он перестал оглядываться по сторонам, а просто вел джип, пока не выехал на огромную площадь. Здесь он выключил мотор. Тишина обрушилась на обоих ученых подобно снежному обвалу.

Некоторое время Джон сидел, опустив голову, пока не услышал тихий голос Хуббла:

— Они все давно умерли... или покинули город.

Кеннистон мрачно посмотрел на шефа.

— Да, вы правы... Но это означает одно — Земля больше не в состоянии поддерживать существование человеческой цивилизации! Даже в этом городе, закрытом куполом, люди не смогли выжить...

— Не понимаю, почему это произошло, — задумчиво сказал Хуббл. Он указал рукой вперед, где среди небоскребов были видны ряды огромных приземистых резервуаров. — Я

полагаю, там находились гидропонные плантации, Кен. Они должны были давать достаточно много пищи даже для такого крупного города, как этот.

— Согласен — но только в том случае, если у горожан были в распоряжении большие запасы воды. Возможно, именно Из-за ее отсутствия люди вынуждены были покинуть свои дома.

Хуббл в сомнении покачал головой.

— Могли же ее найти те крысоподобные существа, которых мы встретили по дороге сюда! Люди тем более сделали бы это... Впрочем, пойдемте, посмотрим...

Они вышли из джипа и направились к ближайшему, полузасыпанному пылью резервуару. Поднявшись наверх по металлической лестнице, они еще раз осмотрелись. Здания, окружающие площадь, были погружены во мглу. Лишь верхние этажи озарял призрачный свет Солнца.

— Кен, здесь еще осталось немного воды! — услышал Джон голос Хуббла. Тот стоял на коленях, приоткрыв один из массивных люков, и вглядывался в чрево резервуара. — Так что я прав — люди покинули город по иной причине...

— Что же еще могло произойти? — угрюмо спросил Кеннистон.

Хуббл встал, отряхивая колени.

— Я думаю... — начал было он, но, взглянув на темнеющее небо, решительно произнес: — Сейчас не время рассуждать об этом, Кен. Нам пора возвращаться, пока не настала ночь и не пришел настоящий холод!

Только сейчас Джон заметил, что Солнце заметно склонилось к западу. Тени от небоскребов черными стрелами вытянулись вдоль широких улиц. Мысль о том, что им придется провести ночь в чужом, опустевшем городе, заставила его вздрогнуть.

Переглянувшись, они быстро спустились вниз и пошли к джипу. И вновь грохот мотора осквернил хрустальную тишину, царившую под сиявшим в предзакатных лучах куполом. Джип медленно направился в сторону портала.

— Только подумать, что никто в Миддлтауне еще не знает правды, — пробормотал Хуббл, провожая взглядом кварталы темных зданий.

— Люди могут сойти с ума, если мы скажем: вы остались одни на Земле! — с тревогой сказал Кеннистон. — Что-то нужно придумать, надо дать им какую-то надежду...

Выехав на равнину, они увидели кровавый шар Солнца, нависший над горизонтом. Звезды стали ярче — незнакомые звезды... Холод крепчал с каждой минутой, темнота зловеще сгущалась.

Джон погнал джип в сторону волнистой гряды холмов, не обращая внимания на то, что порой машина начинала угрожающе раскачиваться, а мотор захлебывался от перегрузки. Обратный путь показался обоим ученым бесконечно долгим, но наконец машина въехала на вершину одного из холмов. Отсюда открывалась удивительная панорама залитого огнями Миддлтауна, совершенно неуместная для умирающей Земли. В ледяной ночи сверкали фонари на улицах, окна домов, неоновые вывески магазинов, баров и пивных...

— Кен, это поразительно, невероятно, фантастично! — прошептал Хуббл, с благоговением глядя на праздничный фейерверк огней среди кладбищенской пустоты бескрайней равнины.

— Может, и так, только я забыл залить антифриз в радиатор, — ворчливо ответил Кеннистон.

Становилось все холоднее. Ветер стал острым, как лезвие бритвы, и оба ученых, несмотря на теплую одежду, не смогли сдержать охватившую их дрожь.

— Пожалуй, сегодня ночью будет даже холоднее, чем я предполагал, — пробормотал Хуббл, поднимая воротник пальто.

— Пока Миддлтауну ничего не грозит — но что произойдет, когда в городе кончатся запасы пищи и горючего? — с сомнением произнес Джон. — Есть ли смысл бороться за дальнейшее существование, зная, что людям все равно не выжить?

— Если так мрачно смотреть на вещи, то, конечно, не стоит, — с иронией сказал Хуббл. — Давайте-ка выйдем из машины и уляжемся на землю — быстрая и относительно комфортабельная смерть наги обеспечена. Не хотите? Я тоже...

Джон промолчал.

— Наше положение, возможно, далеко не безнадежно, — мягко произнес Хуббл. — На Земле должны быть и другие города под куполом — кто знает, быть может, они еще обитаемы. А где люди — там и помощь. О другом надо думать — как все объяснить горожанам... Давайте-ка, Кен, поедем к зданию мэрии.

Джип вскоре подъехал к Миддлтауну со стороны Джефферсон—стрит. Здесь их встретили наспех сооруженная баррикада и отряд солдат в мундирах Национальной гвардии. Они с восторгом приветствовали джип, вынырнувший из тьмы, и, окружив машину, забросали ученых вопросами. Пар от дыхания гвардейцев серой дымкой расплывался по морозному воздуху.

Хуббл решительно отказался что-либо рассказывать о результатах поездки. «Вы скоро услышите официальное сообщение от руководства города», — ответил он возбужденным людям.

Толпа все же не желала расходиться, так что прокладывать дорогу для джипа пришлось небольшого роста капитану с массивным лицом бульдога. Когда машина наконец выехала на пустынную часть улицы, капитан сам не удержался от мучившего его вопроса:

— Господа, по городу ходят нелепые слухи, что, мол, Земля умерла. Что за история о прыжке через миллионы лет?

Хуббл вновь уклонился от ответа.

— Пока ни в чем нет полной ясности, капитан. Нужно время, чтобы толком разобраться в происшедшем.

Офицер недоверчиво посмотрел на него.

— Но что-то вы обнаружили, верно? На равнине есть признаки жизни?

— Да, жизнь здесь, есть, — помедлив, ответил Хуббл. — Людей мы пока не встретили, но животные по крайней мере на Земле еще сохранились.

«Пушистая и крадущаяся жизнь, рыщущая в поисках скудной пищи, — подумал Кеннистон. — Бедные и робкие твари, последние обитатели Земли...»

На пустынной улице гулял ледяной февральский ветер. Однако вывеска над пивным баром переливалась неоновыми огнями, а сам бар, судя по шуму возбужденных голосов, был переполнен. Вскоре джип подъехал к небольшому парку на Милл-стрит. Вокруг пруда столпились тепло одетые детишки. Они не скрывали своей радости — пруд был уже покрыт льдом.

На Майн-стрит не было прежних толп, но кое—где на перекрестках стояли небольшие группы горячо споривших людей. Они провожали джип настороженными взглядами.

— Им нужно сказать всю правду, Кен, и немедленно! — решительно произнес Хуббл. — Иначе от страха перед неведомым они могут натворить немало бед!

— Горожане не поверят нам, — с сомнением ответил Джон. — А если и поверят, то ударятся в панику.

— Возможно... Но мы должны рискнуть. Я предложу мэру выступить по радио с обращением к жителям Миддлтауна. Кстати, мы почти приехали...

Вскоре джип остановился около массивного здания мэрии. Колоннада, высокий купол — обычная провинциальная копия Белого дома. Джон намеревался было последовать за шефом, но тот жестом остановил его.

— Кен, я могу сейчас обойтись без вашей помощи. Вы наверняка тревожитесь о Кэрол — так что лучше направляйтесь к ней. Утром я найду вас.

Джон с благодарностью кивнул и, проводив взглядом Хуббла, свернул на улицу, ведущую в северную часть города. В свете фар он заметил, что листва на деревьях и кустарниках

безжизненно поникла от холода. Над крышами домов поднимались белесые струи дыма из труб и таяли в темном небе, усыпанном чужими созвездиями.

На несколько минут Кеннистон остановился у своего дома — просто так, чтобы оттянуть неизбежный разговор с Кэрол. Хозяйка встретила его в прихожей и забросала вопросами, но Джон в ответ посоветовал ей немедленно включить радио — мол, с минуты на минуту ожидается важное сообщение мэра Гарриса. Прошмыгнув в свою комнату, он уселся на диване с бутылкой виски и, согреваясь, сделал несколько солидных глотков. Почувствовав, как кровь вновь побежала по жилам, он вздохнул и, плотно затворив за собой дверь дома, не спеша направился по ярко освещенной улице в конец квартала.

Кэрол и ее тетя сидели в креслах рядом с ярко пылающим камином. Увидев жениха, Кэрол облегченно вздохнула и бросилась в его объятия.

— Слава Богу, наконец ты вернулся, — прошептала она, целуя Джона в ледяные щеки. — Я места себе не находила от волнения...

— Джон, мы решили разжечь камин, — недовольно сказала миссис Адамс, кутаясь в шаль. — Соседи сделали то же самое... Что за нелепые капризы погоды! И это в июне...

— Боюсь, одного камина будет недостаточно, — сказал Кеннистон, мягко отстраняя от себя невесту — Нам придется разжечь еще и печь. И закрыть ставни. Тепло надо беречь...

Кэрол настороженно посмотрела на него.

— Кен, ты знаешь больше, чем говоришь, — решительно сказала она, сердито блеснув вишневыми глазами. — Быть может, ты считаешь нас с тетей детьми, которых нужно оберегать от неприятных новостей? Я хочу знать, что происходит в городе, и ты мне обо всем расскажешь!

— Сначала я подготовлю дом к холодной ночи, — уклонился от ответа Джон. — Миссис Адамс, включите радио — быть может, наш славный мэр Гаррис разразится в

ближайшее время речью и на этот раз, в порядке исключения, очень важной...

Не обращая внимания на возмущенный взгляд невесты, он спустился в подвал. «Странно, — подумал он, — никогда не думал, что конец мира я встречу возней с печью, углем и золой...»

Кэрол вышла из дома, когда он закрывал ставнями последнее окно. Джон услышал ее сдавленный крик и резко обернулся, готовый к любым неожиданностям. Кэрол стояла, кутаясь в шаль, и с ужасом смотрела на восток. Оттуда, из-за горизонта, поднимался исполинский бронзовый щит. Это была Луна, но Луна, разбухшая до чудовищных размеров. Даже невооруженным взглядом на ней можно было раз—, глядеть равнины, горные цепи и наиболее крупные кратеры.

У Кеннистона на мгновение закружилась голова. Ему показалось, что громадный диск вот-вот накренится и обрушится на город. Но в этот момент Кэрол сжала ему руку с такой силой, что он и думать забыл о Луне.

— Джон, что это? — истерично воскликнула она.

Дверь в доме распахнулась, и на пороге показалась озабоченная миссис Адамс. К счастью, она не заметила громаду нависшей над миром Луны.

— Кэрол и вы, Джон, идите немедленно в гостиную! — возбужденно сказала она. — По радио объявили: мэр вскоре выступит с важным сообщением!

Кеннистон осторожно обнял невесту за плечи и почти втолкнул ее в прихожую.

Джон всегда считал, что конец света должен быть объявлен громовым голосом с неба и пением труб архангелов. Вместо этого в радиоприемнике послышался испуганный, дрожащий голос мэра. Впрочем, даже в этот исторический момент Гаррис остался опытным политиканом и попытался, насколько это было возможно, снять с себя ответственность. Он сказал то, что сказал, но почти каждую фразу начинал с

оговорок: «Доктор Хуббл и его ассоциация считают...», «ученые предполагают...».

Но все же слова правды были наконец произнесены. И тишина, повисшая в гостиной комфортабельного дома миссис Адамс, была лишь частью ошеломляющей тишины, воцарившейся в Миддлтауне.

Позднее могла последовать буря криков отчаяния, слез и жалоб — но сейчас все в городе наверняка молчали, испуганно глядя на близких. Кэрол и миссис Адамс тоже смотрели на него, Джона, с мольбой — и он не знал, как их утешить.

Глава 5 БАГРОВЫЙ ЗАКАТ

На следующее утро Кеннистона разбудил пронзительный телефонный звонок. Он очнулся, лежа на диване, и некоторое время тупо смотрел в потолок. Прошедшая ночь была крайне беспокойной. Раз десять он вставал, чтобы подбросить уголь в быстро остывающую печь, но в доме оставалось холодно, а к утру на окнах появился толстый слой инея...

Звонок дребезжал, не умолкая, и Джон, поднявшись, с подавленным чувством побрел к столу.

— Алло, Кен, как дела? — услышал он усталый голос Хуббла. — Вы можете подойти к Кейстоунскому угольному складу? Боюсь, здесь скоро будет заварушка...

— Иду немедленно! — сказал Джон.

Он повесил трубку. Сегодняшний день будет нелегким, подумал Кеннистон. В комнате было прохладно, по комнате плыл пар от его дыхания. Растерев озябшие руки, он быстро оделся и первым делом спустился в подвал. Запасы угля, как он и опасался, подходили к концу...

Когда Джон вернулся домой, он встретил в коридоре Кэрол, кутавшуюся в меховую накидку. Под ее печальными глазами лежали синие тени — похоже, она также не спала всю ночь.

— Кен, привет, — хрипло сказала она. — Меня разбудил телефонный звонок. Что это бы...

Она запнулась, не закончив. Нелепо спрашивать, принес ли телефонный звонок дурные вести.

— Хуббл просил прийти меня к угольному складу, только и всего, — успокаивающе сказал Джон и обнял невесту. — С тобой все в порядке?

— Да, Кен, я чувствую себя хорошо, — ответила Кэрол, но голос ее прозвучал вяло и безжизненно.

Джон вспомнил вчерашний вечер и воздержался от реплики. Из всего дурного, что он пережил прошедшим днем, заявление мэра произвело на него наихудшее впечатление. Миссис Адамс, как и следовало ожидать, упала в обморок, и ее пришлось приводить в чувство с помощью нашатырного спирта и рюмки бренди. С Кэрол было иначе. Она сидела в кресле и смотрела на него таким потухшим и оцепеневшим взглядом, что Кеннистону стало не по себе.

Мэр рассказал всю правду о происшедшем, не забыв раскрыть секрет «промышленной лаборатории». Он сделал так, чтобы придать мнению Хуббла необходимую весомость, но ему, Джону, это обошлось дорого. Казалось бы, сейчас, перед концом света, его истинная специальность имела так мало значения, но Кэрол была явно потрясена. Следовало рассказать ей все раньше, сразу после взрыва, но у него не хватило тогда духа... Сейчас приходилось расплачиваться за малодушие — никогда еще Джон не чувствовал себя с невестой таким скованным и неуверенным.

— Оставайся дома и поддерживай огонь в печи, — нарочито бодро произнес он, безуспешно пытаясь поймать взгляд Кэрол. — Я приду, как только освобожусь.

Он поцеловал невесту, но та стояла в его объятиях, никак не реагируя на их близость.

— Не отчаивайся, милая, — прошептал Джон. — Рано или поздно мы найдем выход из положения. Все не так безнадежно, поверь.

Она безучастно кивнула.

— Да, конечно... Будь осторожен.

Освободившись, она резко повернулась и, не оглядываясь, пошла к себе в комнату.

Кеннистон вышел на крыльцо и постоял там некоторое время, поеживаясь от утреннего холода. Солнце уже появилось над горизонтом, подобное распухшему от пищи, окровавленному монстру. Было удивительно тихо. В небытие ушли все обычные утренние звуки: гудок соседней фабрики, лязг локомотивов на проходящих неподалеку путях, шуршание автомобильных шин по мостовой. Даже детских голосов не было слышно... Все цветы в небольшом саду миссис Адамс были мертвы, листья на деревьях и кустарниках потемнели и поникли.

Наполнив баки джипа горючим (они были изрядно опустошены после вчерашней поездки), Кеннистон не спеша поехал в сторону Майн-стрит. Сейчас, на рассвете, Миддлтаун выглядел мрачно, словно кладбище. Никто не попался ему на пути — лишь иногда в окнах, белых от инея, смутно различались лица людей, разбуженных шумом мотора. Зато из распахнутых дверей церквей, мимо которых ему приходилось проезжать, доносились звуки пения и многоголосые раскаты молитв. В барах было также шумно — похоже, вопреки закону они были открыты для жаждущих всю ночь.

«А ведь город долго не протянет, — уныло подумал Джон. — Запасы горючего быстро иссякнут, а без него невозможно поддерживать жизнь людей в такой жестокий мороз...» Чувство безнадежности вновь охватило его. Это казалось иронией судьбы: Миддлтаун прошел невредимым через самую ужасную катастрофу в истории человечества — и должен был неизбежно погибнуть от самого заурядного холода.

У него внезапно промелькнула смутная, но, кажется, спасительная мысль. Прежде чем она успела ясно оформиться, он свернул на Вине—стрит и подъехал к Кейстоунскому угольному складу. Здесь, в отличие от остального оцепеневшего города, было многолюдно и более чем шумно.

Полицейские и солдаты Национальной гвардии сформировали живой кордон вокруг огромных угольных холмов. Они стояли, схватившись за руки, лицом к лицу с возбужденной толпой, готовой вот-вот удариться в самую настоящую панику. Джон увидел много знакомых лиц. Это были фабричные рабочие, торговцы, пенсионеры, домохозяйки — из числа обывателей, любивших по вечерам сидеть на открытых верандах, обмениваясь новостями с соседями. Сейчас эти солидные, добропорядочные люди оказались перед волчьим ликом холода и страхом смерти...

Хуббл встретил его у ворот склада. Рядом с ним стоял озабоченный сержант полиции и Борхард, владелец склада.

— Доброе утро, Кен, — сказал Хуббл. — Впрочем, какое уж доброе... Люди еще ночью начали штурмовать склад и успели растащить несколько тонн угля, прежде чем Борхард вызвал полицию. Дьявол, только позавчера было лето — ясно, что мало кто из горожан успел запастись нужным количеством топлива! Некоторые сожгли весь свой уголь за одну вчерашнюю ночь...

Борхард вмешался в разговор:

— Мы не хотим применять силу, мистер Кеннистон, — угрюмо сказал он. — Быть может, вас, ученых, люди выслушают с большим доверием, чем представителей властей?

Хуббл кивнул.

— Поговорите с ними, Кен. Вы знаете их куда лучше, чем я.

— И что же я им скажу? Идите, мол, домой и потихоньку замерзайте, как и положено законопослушным гражданам? И не вздумайте здесь, у склада, устраивать беспорядков? Так, что ли, прикажете их успокаивать?

— Они не замерзнут, — не очень уверенно сказал Хуббл. — Возможно, мы что-нибудь придумаем...

Джон вспомнил о своей, недавно промелькнувшей идее. Взглянув на Хуббла, он понял: шеф додумался до нее даже раньше него. Впервые после катастрофы перед Джоном промелькнул лучик надежды.

— Город под куполом! — воскликнул он.

— Верно, — кивнул Хуббл. — Мы с вами видели, как купол с приходом ночи сохраняет дневное тепло. Да и зачем еще было закрывать город? Только с одной целью — спасти людей от стужи. Мы должны уйти туда, Кен, все до одного — и как можно быстрее. Здесь, в Миддлтауне, нам долго не продержаться.

— Пожалуй, вы правы... — с сомнением произнес Джон. — Но все ли согласятся оставить родные места? И что случится, когда они поймут: Земля давно мертва?

Хуббл пожал плечами.

— Мы подумаем об этом — когда для размышлений появится время. Сейчас наша задача — зародить в душах людей хоть росток надежды. Кен, скажите толпе, чтобы она разошлась! Пообещайте, что все они скоро будут в безопасности — только пусть разойдутся!

Кеннистон кивнул и, скользя по осыпающимся кускам угля, поднялся на один из отвалов. Толпа встретила его негодующими возгласами, но он сумел их перекричать. Называя по именам знакомых, стоящих за полицейским кордоном, он заставил людей слушать — хотя его сердце сжимала та же тревога, что побудила «взбунтоваться» многих горожан.

— Нечего толковать нам о законе, когда настал конец света! — внезапно прервала его пожилая дама с разъяренным лицом.

— Конец придет, только если вы все потеряете головы, — резко возразил Джон. — Поверьте, муниципалитет даст вам все необходимое! Ваша жизнь и судьба ваших близких зависит от того, насколько мы будем действовать сообща. Убедительно прошу вас — возвращайтесь домой и ждите у радиоприемников дальнейших указаний.

— Эй, мистер, они дадут нам уголь? — выкрикнул дородный фабричный рабочий.

— Уголь, еду — все, что необходимо. Мы все сейчас в одной лодке, так что никому не выгодно ее раскачивать.

Вскоре руководство города решит — оставаться ли нам здесь, в Миддлтауне, или перебираться в более безопасное место. А теперь расходитесь, соберите ваших близких и ждите.

Внезапно он обратился и к кордону, охраняющему склад.

— К вам это также относится! Расходитесь по казармам — вскоре перед вами поставят куда более серьезные задачи, чем охрана угля!

Он спустился вниз, сомневаясь в том, сработает ли его попытка разбудить здравый смысл горожан. Внизу его встретил разъяренный Борхард. Владелец склада, не стесняясь в выражениях, протестовал против снятия охраны, но Хуббл резко прервал его:

— Поглядите-ка, Кен, — ваши слова дошли до людей! Они расходятся!

Действительно, толпа, недовольно переговариваясь, постепенно разошлась по домам. Вскоре прибыл шеф полиции Кимер. Его суровое лицо было серым от недосыпания, веки набрякли и покраснели. К жалобам Борхарда он отнесся с полным безразличием.

— Бросьте молоть чепуху насчет какого-то угля, — жестко сказал он. — Этой ночью в городе произошли дела посерьезнее...

Кимер коротко рассказал о том, что случилось после выступления мэра: несколько смертей от шока, эпидемия самоубийств, вспышка разбоя в деловой части города. Человек десять, в основном пожилые, умерли от холода.

— Но труднее всего пришлось моим ребятам, охранявшим баррикады на окраинах, — устало продолжил он. — Оказалось, что этот чертов взрыв накрыл в Миддлтауне немало окрестных жителей. Они, естественно, ударились в панику и вместе с некоторыми горожанами попытались прорваться через заграждения. К счастью, обошлось без жертв — пока без жертв... Ладно, мне пора ехать...

Перед тем, как вновь усесться в автомобиль, он обернулся и с горькой усмешкой сказал:

— Поговаривают, что прошлой ночью более двух тысяч человек приняли обряд крещения. И это только начало, поверьте моему слову...

— Кимер, пожалуй, я поеду с вами в мэрию, — после некоторого колебания сказал Хуббл. — Кен, вы также мне понадобитесь.

Джон неохотно последовал за Хубблом — ему казалось, что с добродушным толстяком мэром проблем не возникнет. До сих пор он с трогательным пиететом относился к ученым, послушно следовал их советам и указаниям. Но когда Гаррис услышал о плане эвакуации, выражение его пухлого лица стало по-ослиному упрямым.

— Послушайте, доктор Хуббл, это нелепо, — угрюмо сказал он. — Вырвать с корнем население пятидесятитысячного города, чтобы переселить его в чужое, никому неизвестное место, — да это же просто безумие!

— В Миддлтауне имеется достаточно транспорта для перевозки населения и продовольствия, — терпеливо объяснил Хуббл. — Хватит и горючего для автомашин.

— При чем здесь горючее? — взвился мэр. — Этот ваш город под куполом — что мы знаем о нем? Ровным счетом ничего. Быть может, там еще опаснее... Нет, господа, я родился в Миддлтауне, прожил здесь всю жизнь и добросовестно трудился ради его процветания. Более того, я недавно вложил пять тысяч долларов в перестройку моего дома и не намерен бросать его на произвол судьбы!

Пухлое лицо Гарриса дрожало от возмущения.

Хуббл мягко сказал:

— Нам всем страшно, мистер Гаррис. Эвакуация такого города, как Миддлтаун, — сложное, очень сложное дело. Но мы должны уйти отсюда и обрести надежное убежище, иначе гибель людей от холода неизбежна. Запасы горючего у нас ограничены, а купол чужого города как раз и предназначен для того, чтобы сберегать тепло...

Мэр покачал головой.

— Мои жена и дочь всю прошедшую ночь были в истерике... Они умоляли меня сделать что-нибудь, а лучше всего — вернуть все, как было до этого страшного взрыва. Происшедшее было ужасным шоком для них — не думаю, что они могут выдержать большее.

— Лучшее, что вы можете сделать, — это надавать им пощечин, — жестко сказал Хуббл. — Скажите: что вы собираетесь предпринять как глава Миддлтауна? Быть может, надо собрать муниципалитет и обсудить наши предложения?

— Вы имеете в виду эвакуацию? Нет, только не это! — лицо Гарриса болезненно исказилось — казалось, он расплачется, как ребенок. — Прошу прощения, господа, но я не могу пойти на такой шаг.

Кеннистон подумал — а ведь пока мы препираемся с этим ослом, Кэрол, быть может, бросила в печь последний совок угля! Он с трудом подавил желание схватить Гарриса за лацканы и встряхнуть как следует.

— Прекрасно! — раздраженно воскликнул он. — Горожане сидят у своих радиоприемников, дрожа от стужи, и ждут заявления от своего мэра — но, видно, не дождутся. Придется мне самому обратиться к жителям Миддлтауна. Я скажу им: у нас есть реальный шанс на спасение, но мэр Гаррис не желает даже слышать об этом Я скажу: нам всем придется умереть от холода, потому что наш славный мэр не желает покидать свой роскошный дом с погребами, полными угля. Как вам это понравится, Гаррис?

Джон никогда не видел, чтобы человек так быстро менялся в лице. Смертельно побледнев, Гаррис растерянно пробормотал:

— Они же разорвут меня на куски... Нет, нет, не делайте этого, умоляю вас! — Он перевел жалкий взгляд с Кеннистона на Хуббла и, собравшись с духом, добавил: — Хорошо, я соберу муниципалитет...

Члены муниципалитета отреагировали на предложение ученых приблизительно так же, как мэр. Однако и они постепенно сдались под нажимом Хуббла. В результате бурной

дискуссии мэр Гаррис согласился, сделать заявление о немедленной эвакуации.

На всякий случай ученые решили сопровождать главу города к радиостанции. По дороге Кеннистон разглядывал улицы Миддлтауна из окон лимузина: мимо проплывали солидные особняки, утопающие в садах; кварталы тесно сгрудившихся домишек; скверы, парки, бульвары... «Уйти будет трудно, очень трудно, — подумал он. — Многие люди, особенно старики, не захотят покидать родные места».

Упавшим, безжизненным голосом, лишенным обычной напыщенности, Гаррис обратился к жителям города. Коротко обрисовав создавшуюся ситуацию, он закончил:

— Итак, мы должны как можно быстрее покинуть Миддлтаун. Повторяю — как можно быстрее! Город под куполом, обнаруженный учеными, тоже не райское местечко, но все же он сохранит куда больше тепла, чем открытый всем ветрам Миддлтаун. Некоторое время мы поживем там — пока ситуация не прояснится. Оставайтесь у своих радиоприемников и ждите подробных инструкций. В этот трудный час нам нужно не поддаваться панике и действовать заодно — только это спасет наши жизни...

Глава 6 КАРАВАН В БУДУЩЕЕ

В круговороте неотложных дел Кеннистон очень быстро забыл о своих личных переживаниях. Мэрия превратилась в центр эвакуации. Офицеры полиции и Национальной гвардии были уже здесь, а вскоре во множестве прибыли и другие: оптовые торговцы, бизнесмены, владельцы складов, автобусных и грузовых автопарков...

Маклин, худощавый, высокого роста владелец крупнейшей в городе компании по грузоперевозкам, пользовался в деловых кругах Миддлтауна немалым авторитетом. Во время второй мировой войны он служил в транспортных войсках и имел опыт в организации перевозок большого количества людей и грузов.

— Если мы пустим все на самотек, то получим не эвакуацию, а сумасшедший дом, — энергично произнес он. — Нужно создать автоколонны во всех районах. Что же касается вашего купольного города, то его необходимо разделить на сектора так, чтобы жители каждого квартала Миддлтауна знали, где им размещаться.

Хуббл кивнул.

— Я думаю, есть смысл создать в каждом районе группы человек по двадцать — для проведения квартирьерских работ.

— Отлично! Я полагаю, в этом случае нам удастся перевезти население дня за три. Кроме того, нужно сформировать отряд, который займется распределением топлива среди тех, кто пока останется в Миддлтауне. Теперь о продовольствии и воде — срочно...

Хуббл, улыбнувшись, прервал его.

— Благодарю, мистер Маклин, вы сняли часть забот с моих плеч. Можете вы взять на себя организацию автоколонн? Превосходно! А вас, Кен, я попрошу возглавить первый караван переселенцев.

Маклин кивнул и, усевшись за стол, начал набрасывать тексты первых приказов о начале эвакуации. Хуббл тем временем отобрал с помощью офицеров первую двадцатку квартирьеров и направил их в город под куполом для проведения более подробной разведки.

Радиостанция теперь непрерывно передавала сообщения членов муниципалитета. Они каждый на свой лад успокаивали население и инструктировали, как готовиться к отъезду. Полицейские силы и отряды Национальной гвардии были распределены по кварталам Миддлтауна. Каждую группу возглавил человек, подчиненный непосредственно мэру. Им было поручено обойти кварталы дом за домом, настаивая на полной эвакуации. Заодно они должны были установить, сколько личных автомобилей можно использовать для перевозки людей и грузов — городских автобусов для этой цели явно не хватало.

Маклин вовремя вспомнил о тех, кто не мог принять участие в переселении самостоятельно — о больных и заключенных. В городские больницы были направлены все имеющиеся в наличии санитарные машины, а к зданию тюрьмы двинулась небольшая колонна фургонов и армейских грузовиков — увы, далеко не всех преступников можно было освободить даже в этой чрезвычайной ситуации.

Грузовики и автофургоны разъехались и по городским складам, чтобы в кратчайшие сроки вывезти из Миддлтауна запасы продовольствия и топлива, а также другие вещи первой необходимости. Джону показалось, что автомашин было выделено для этой цели крайне мало, но Маклин возразил ему:

— Главное сейчас — как можно быстрее вывезти людей. А запасы продовольствия, одежды и всего прочего несложно будет пополнить и позднее. На первое время припасов нам хватит...

Вскоре в кабинете мэра состоялось очередное совещание, на котором был утвержден план эвакуации. Переселение должны были первыми начать северные кварталы города. Ответственным за огромный район, насчитывающий почти семнадцать тысяч человек, был назначен Кеннистон. Джон не возражал — он знал многих в этой части города, не говоря уже о том, что там жили Кэрол и ее тетя.

После совещания он направился на джипе в сторону Майн-стрит — на сей раз в сопровождении эскорта полицейских машин. Отдав все необходимые распоряжения, он не удержался и на минуту забежал к невесте.

Он был огорчен тем, что увидел в гостиной. Миссис Адамс сидела в кресле у пылающего камина и рыдала, а нахмуренная Кэрол поспешно укладывала одежду и постельные принадлежности в саквояжи. Появление жениха она словно бы не заметила. Джон неуклюже пытался ей помочь, горячо убеждая женщин не отчаиваться. Миссис Адамс вскоре перестала всхлипывать, но Кэрол демонстративно не обращала на него внимания и молчала.

— Я понимаю, трудно покидать родной дом, — говорил Джон, запихивая в чемодан непослушное шерстяное одеяло, — но все мы сейчас в одинаковом положении. Миссис Адамс, кстати, я только что видел, как ваши соседи уже садились в машину... Поверьте, город под куполом вполне пригоден для жизни — там мы приобретем надежную защиту от стужи...

— Защиту? — сердито спросила Кэрол, наконец соизволив заметить его присутствие. Она обвела грустным взглядом цветастые занавески на окнах, старую полированную мебель, картины на стенах, любовно расставленную в серванте фарфоровую и хрустальную посуду и горько сказала:

— Неужели тебя не волнует, Кен, что мы разом потеряем все, называемое некогда родным домом? Сколько веков пройдет, пока люди вновь заживут спокойно и комфортабельно?

— Согласен, — успокаивающе сказал Джон. — Но сейчас не время вздыхать и лить слезы отчаяния.

— Да, сейчас не время... — потерянно произнесла Кэрол и неожиданно бросилась Джону в объятия: — О, Кен, я так любила все это!

Кеннистон понимал, что речь идет не о мебели или о фарфоровой посуде — нет, Кэрол сожалела о безмятежном образе жизни, увы, скорее всего, утерянном безвозвратно.

— Не так уж все и плохо, — рассудительно произнес он, поглаживая невесту по вздрагивающим плечам. — Завтра мы погрузим вещи в ваш автомобиль и отправимся вместе на новое место жительства. К счастью, меня назначили руководителем колонны нашего района, так что мы все время будем вместе...

— О, Кен, ты ничего не понимаешь, — резко отстранилась от него невеста и, сверкнув глазами, язвительно добавила: — У тебя ведь масса дел — правда, милый? Стоит ли тратить на нас с тетей Адамс свое драгоценное время?..

Джон растерянно ретировался. Он почувствовал, что впервые за время знакомства между ним и Кэрол пролегла

глубокая трещина — и эта трещина с каждым днем расширялась...

На следующее утро Джон получил напутствие от мэра и вместе с Маклином отправился в северную часть города. Холодный багряный рассвет на сей раз застал Миддлтаун совсем иным — бурлящим, активным. Почти все окна в домах светились — люди готовились к отъезду. Особое оживление царило на Майн-стрит — здесь почти все было готово к началу движения. Грузовики доверху были нагружены самыми необходимыми вещами. Семьи с детьми разместились в больших автобусах. Туда же проникли и возбужденно лающие собаки — с ними детишки не желали ненадолго расставаться. Морозный воздух сотрясался от рева моторов тяжелых грузовиков, воя сирен полицейских машин, грохота разогреваемых двигателей личных автомобилей.

Люди сновали с тюками и чемоданами, пытаясь нагрузить машины до предела. Они выглядели скорее возбужденными, чем испуганными. Кое—где даже раздавался смех, в котором, впрочем, звучали истерические нотки. Джон заметил лишь несколько плачущих пожилых женщин, а вот детишки выглядели очень бодро — происходящее казалось им началом увлекательного приключения.

На Джефферсон-стрит уже формировалась головная часть колонны. В несколько рядов стояли автобусы, «кадиллаки», «бьюики» и «форды», окутывая сумеречный воздух дымом выхлопов. Вдоль машин носились полицейские на мотоциклах, пытаясь выровнять ряды.

Маклин обратился к одному из офицеров:

— Отдайте приказ снабдить все мотоциклы колясками — дорога будет весьма неровной и сложной. И вот еще что: выдвиньте автобусы вперед — по их следам легче будет проехать малолитражкам.

Полицейский, отдав честь, побежал выполнять приказание, а в это время Кеннистон заметил среди деревьев... тягачи с полевыми орудиями!

Маклин рассвирепел. Выскочив из джипа, он нашел майора Национальной гвардии и устроил ему разнос:

— Какого дьявола вы делаете? Зачем нам нужны ваши пушки? Оставьте их в Арсенале! Захватите с собой лучше солдатские койки, одеяла, полевые кухни — считайте, что мы отправляемся в поход. Ясно?

Вернувшись к джипу, он сказал Кеннистону:

— Джон, я возвращаюсь в мэрию — надо заняться другими районами. Будьте готовы начать движение около девяти! Я прикажу дать гудок на ближайшей к вам фабрике в качестве сигнала. Ну что ж, с Богом!

Остановив одну из полицейских машин, он уехал. Кеннистона тут же окружили офицеры, гвардейцы, административные работники района — все они ждали распоряжений.

— Как вы собираетесь отправляться в путь? — сердито обратился к нему Джон. — Половина машин настолько перегружена, что они не смогут даже сдвинуться с места!

Действительно, стоящие в колонне автомобили были доверху набиты не только одеждой и постельными принадлежностями, но и радиоприемниками, музыкальными инструментами, семейными портретами в массивных рамах, игрушечными лошадками...

— Заставьте их выбросить этот хлам! — решительно приказал Джон полицейским. — Будет возможность — мы перевезем на новое место все, даже горшки с геранью, а пока надо думать прежде всего о людях! Колонну перестройте в два ряда — на Джефферсон-стрит есть несколько узких мест.

Кеннистон проехался вдоль теснящихся автомашин, выглядывая Кэрол. Наконец он заметил ее за рулем старенького «форда». На заднем сиденье, среди многочисленных узлов и саквояжей, разместилась притихшая тетя Адамс. После долгих уговоров Джон убедил невесту переехать в переднюю часть каравана — так, чтобы они все время были у него на виду.

Вскоре подоспели сообщения о ходе эвакуации. Ответственные за кварталы прибыли на площадь с короткими докладами:

— Адам—стрит полностью освобождена жителями!

— То же самое — на Перри-стрит!

— На Линкольн-авеню — все в норме!

— Мистер Кеннистон, у нас есть проблемы на Норт-стрит! Некоторые старики не желают покидать свои дома!

Выругавшись, Джон погнал джип по направлению к Норт-стрит. Это была узкая улочка, заставленная по обеим сторонам обветшалыми кирпичными домишками. На крыльце одного из домов он заметил пожилую женщину, закутанную в шаль. Она стояла, скрестив руки на груди, и с мрачным видом смотрела на опустевшую улицу. Остановив джип, Джон подошел к ней, подыскивая наиболее убедительные слова, но старуха его опередила:

— Я не собираюсь покидать свой дом, — безапелляционно заявила она. — Здесь я прожила всю жизнь — так же, как и моя покойная мать. Послушайте, мистер, что за идиотская мысль о путешествии во времени? И все из-за какого—то похолодания!

Внезапно Кеннистон заметил розовощекую девчушку, с любопытством разглядывавшую его из окна веранды.

— Это ваша внучка, миссис? — расстроенно спросил он. — Подумайте хотя бы о ней — ручаюсь, через несколько дней вы обе погибнете от холода! Скоро в Миддлтауне никого не останется — кто вам поможет с топливом, пищей, водой? Пока не поздно, оденьтесь, захватите с собой хотя бы одеяла и идите к автобусам!

Пожилая женщина растерянно взглянула на него:

— Вы считаете, это опасно?.. Хорошо, мы сейчас соберемся...

Она ушла, а Джон поспешил к соседнему коттеджу. Двое полицейских выкатывали из подъезда инвалидную коляску с отчаянно ругавшимся старым джентльменом.

— Оставьте меня в покое, чертовы идиоты! — кричал он и нещадно колотил полицейских тростью.

Те, не обращая внимания на ярость старика, вкатили коляску в стоявший неподалеку автобус и туда же погрузили саквояжи с наспех собранными вещами.

Джон взглянул на часы — было уже без десяти девять. Увы, до полной готовности его району далеко...

Убедившись, что в домах на Норт-стрит не осталось ни одного человека, Кеннистон вернулся на площадь. Здесь его ожидал новый сюрприз: под раскидистой смоковницей стоял высокий худощавый священник. Размахивая Библией, он кричал:

— Пришел конец света — и всех грешников ждет суд Божий!

Лаубер, один из заместителей Маклина, заведовавший транспортом в колонне Кеннистона, встретил Джона жалобным восклицанием.

— Эти люди сошли с ума! — произнес он, тяжело дыша. — Кое-кто уже готов ехать, не дожидаясь сигнала — даже не зная дороги!

Только сейчас Джон заметил, что полицейские выстроили впереди колонны заграждения из грузовиков. Перед ними в беспорядке теснились десятки автомобилей, оглашая воздух ревом моторов и надсадным гудением клаксонов.

Паника! Опасность ее возникла сразу же после выступления мэра по радио. Хуббл настаивал на том, чтобы людям сказали правду, хотя отлично понимал — риск велик. По его мнению, ничего, кроме страха, не заставит людей покинуть давно обжитые места. Так и произошло — но горожане все-таки потеряли головы...

Джон проехал вдоль месива автомобилей, крича:

— Выстройтесь в колонну! Если вы загромоздите проезд, то никто не сможет сдвинуться с места!

Его никто не слушал. Лимузины, малолитражки, грузовики, фургоны сгрудились, соударяясь крыльями, в

безуспешной попытке продвинуться хоть немного вперед. Какофонию же автомобильных клаксонов не смогла бы заглушить и иерихонская труба.

Несмотря на стужу, Кеннистон быстро вспотел от усилий хоть как-то навести порядок. Он молил Бога, чтобы паника не переросла в насилие. Внезапно впереди скопления автомобилей он увидел... лимузин мэра! По бледному, возбужденному лицу Гарриса было заметно: его сейчас заботит лишь собственная безопасность.

Заметив Кеннистона, мэр распахнул дверцу и закричал, с трудом пробиваясь через адский шум:

— Может, нам пора отправляться? Я уже готов...

— Маклин руководит движением транспорта, и мы будем придерживаться его команд! — крикнул в ответ Джон, едва слыша собственный голос.

— Но, если люди потеряют головы... — начал было мэр и замолчал. Среди гудения клаксонов и грохота моторов стал нарастать хриплый вой, перешедший в оглушительный рев. И сразу смолкли голоса людей — им показалось, будто над Миддлтауном зазвучали трубы архангелов.

— Фабричный гудок! — закричал Лаубер. — Это сигнал!

Кеннистон, маневрируя среди скоплений автомобилей, подъехал к заграждению.

— Отгоните грузовики в сторону! — приказал он офицеру полиции. — Но ваши люди пусть остаются в строю!

Многотонные дизельные самосвалы тяжело сдвинулись с места, освобождая проезд. Джон немедленно бросил джип вперед, пытаясь встать во главе колонны. Вслед за ним, теснясь, двинулись остальные автомашины.

— Поставьте впереди колонны бок о бок три грузовика! — крикнул Джон растерянному Лауберу. — Это удержит остальных от попыток вырваться вперед!

Вскоре караван наконец двинулся в путь. Миновав Джефферсон-стрит, он выехал на мост, нависавший над грязным руслом высохшей реки, и направился к окраине. Мимо проплывали старые здания с тщательно заколоченными

окнами и дверями, навсегда опустевшие игровые площадки. На пороге пивного бара на Хоме-стрит их приветствовали подвыпившие мужчины, размахивая бутылками словно флагами. Ряды однообразных коттеджей, небольшие сады, поникшие цветники под окнами…

В конце улицы Кеннистон увидел следы разобранной баррикады и несколько полицейских. Это была граница между двумя мирами: прошлой, полной жизни Землей — и нынешней, умирающей, планетой. Колонна достигла ее, миновала и…

И их поглотила волнистая бурая равнина, бесплодная и однообразная, над которой багрово светилось мрачное око Солнца. Ледяной ветер ударил в передние окна автомобилей, запорошив их пылью. Через некоторое время караван начал подъем по пологому склону, двигаясь в сторону гряды холмов. Джон ехал впереди, показывая путь. Несколько раз он оглядывался, поражаясь фантастическому зрелищу: вслед за ним из Миддлтауна тянулась бесконечная цепь автобусов, грузовиков, лимузинов, малолитражек. Люди покидали не только старый город, но и ушедшую в небытие Землю — и направлялись в непредсказуемое будущее.

Глава 7 ГОРОД ПОД КУПОЛОМ

Когда колонна автомашин поднялась на гряду холмов, перед жителями Миддлтауна открылся вид на город под куполом, мерцающий в тусклых лучах Солнца. Кеннистон взглянул на лица людей в соседних автомобилях и заметил в их глазах страх и растерянность. Да и ему самому было не по себе — чужой город, стоявший посреди безжизненной равнины, казался ему сейчас крайне ненадежным убежищем. Не без труда он подавил в себе сомнения — другого выхода все равно нет.

— Продолжайте движение! — закричал Джон, нажимая на клаксон и указывая рукой в сторону купола. Он первым

осторожно начал съезжать вниз по склону холма, окутанный облаком едкой пыли.

В соседнем автомобиле он заметил мэра, сидевшего на переднем сиденье рядом с шофером. Лицо Гарриса было бледным, губы искривились в гримасе откровенного страха, остекленевшие глаза неотрывно смотрели вперед. «А каково сейчас Кэрол? — подумал Джон. — Что почувствовала она, увидев мерцающий купол среди мертвой пустыни?»

Бесконечный караван машин миновал половину пологого склона, когда Кеннистон услышал позади резкий гудок автомобильной сирены. Оглянувшись, он увидел, как старый «седан» провалился передним колесом в узкую расщелину и перевернулся. Следовавшие за ним машины резко свернули в сторону и, съехав с наезженной колеи, забуксовали в рыхлой земле, угрожающе кренясь и царапая брюхом по песку. Позади них колонна притормозила, образуя самую настоящую дорожную пробку.

Джон приказал ехавшему рядом Лауберу возглавить движение каравана к городу, а сам, развернувшись, направил джип к месту происшествия. Около опрокинутого «седана» уже собралась небольшая толпа, так что ему пришлось плечом прокладывать себе путь среди возбужденных людей.

— Что здесь произошло, черт побери? — крикнул он. — Чья это машина?

Загорелый, средних лет мужчина обернулся к Кеннистону. Его лицо было испуганным и жалким.

— Меня зовут Джек Борзак, мистер. Ничего страшного не произошло, мои жена и ребенок, к счастью, не пострадали, если не считать небольших ссадин и царапин.

Джон облегченно вздохнул и послал за доктором, следовавшим где-то неподалеку в санитарной машине. Тем временем несколько мужчин поставили «седан» на колеса и откатили его в сторону, чтобы он не мешал движению.

Колонна вновь двинулась в путь. Но несколько минут тревожной заминки сделали свое дело. Насмотревшись на

мрачный, пугающий ландшафт, некоторые из горожан не выдержали и, развернув свои машины, помчались обратно по направлению к Миддлтауну.

Этого Джон боялся больше всего. Нужно было немедленно остановить беглецов, иначе паника разрастется подобно снежному обвалу и ее уже ничем нельзя будет остановить. Выругавшись, он бросился в погоню. Четырехколесный привод помог ему быстро обогнуть автомобили на рыхлой почве. Резко развернувшись, он преградил паникерам путь. Поднявшись с сиденья, Джон замахал руками, призывая машины остановиться. Вскоре рядом с ним затормозил потрепанный «бьюик». За его рулем сидел немного знакомый Джону пожилой плотник с бородатым перепуганным лицом.

— Мы все погибнем в этой чертовой пустыне! — распахнув дверцу, хрипло закричал он. — Надо возвращаться домой, пока не поздно!

— Послушайте, вам даже не удастся приблизиться к Миддлтауну — не пропустит полицейский кордон, — предупредил его Кеннистон. — Поймите, наш старый город превратился в смертельно опасную ловушку!

— О, Хьюго, быть может, нам следует вернуться в колонну? — робко прошептала пышная дама, сидевшая на заднем сиденье.

— Идите вы все к дьяволу! Я свободный гражданин Америки и не позволю собой командовать!

Джон, поразмыслив, нашел более веский аргумент:

— Если вы вернетесь в Миддлтаун, то вскоре обнаружите, что остались там, на краю света, практически один на один с вечной ночью и леденящим холодом!

Это была неплохая идея. Страх перед пустыней могло вытеснить только одно — еще большее чувство ужаса перед одиночеством в опустевшем городе, в котором отныне будут обитать лишь призраки.

Плотник побагровел. Взглянув на всхлипывающую супругу, он после некоторого колебания развернул свой

«бьюик» и вновь пристроился к медленно едущей колонне. За ним последовали и другие беглецы.

К Джону подъехала, пронзительно гудя сиреной, полицейская машина. В ее помощи уже не было необходимости, и Кеннистон крикнул встревоженному офицеру:

— Следите за тем, чтобы машины не покидали колонну! Никто больше не должен сворачивать назад — понимаете, никто!

Через несколько минут, задыхаясь от пыли и выхлопных газов, он вновь возглавил караван переселенцев. И в этот момент заметил далеко впереди еще один город.

Это была мерцающая точка на горизонте, еще различимая среди бурой бескрайней степи. Трудно было оценить, сколько километров разделяло два колосса — сто, двести? Одно было ясно — на пути к далекому соседу придется преодолеть немало препятствий, пересечь русла многих высохших рек. «Интересно, — подумал Джон, — а как выглядит сейчас Атлантический океан? Существуют ли еще Нью-Йорк, Париж, Лондон и другие мегаполисы XX века?»

Он встряхнул головой, отгоняя от себя праздные мысли, и стал вглядываться в контуры белых небоскребов, едва различимых в тусклых лучах Солнца. «Тысячам людей придется отныне работать не покладая рук, — подумал он, — иначе умирающий мир рано или поздно обрушится на них смертоносной лавиной и унесет с собою в небытие. Обитатели старого доброго Миддлтауна должны будут волей-неволей найти в себе силы для долгой борьбы за существование. Хотя... хотя, возможно, не везде на Земле царит запустение — кое—где могли сохраниться зеленые долины, реки, поселения людей...»

В этот момент джип, качнувшись, выехал на широкую дорогу, ведущую к порталу. Над караваном машин навис мерцающий купол — их последнее убежище. Кеннистон заметил, как у входа суетились люди, посланные еще вчера Хубблом. Они готовились закрыть огромные ворота портала

после прохождения колонны автомашин — это предотвратило бы бессмысленную потерю драгоценного горючего.

Когда джип въехал под арку, один из вооруженных людей приветственно махнул ему рукой и, подбежав к машине, ловко прыгнул на подножку.

— Следуйте прямо по бульвару, а затем сворачивайте направо на первом же перекрестке, — улыбаясь, возбужденно крикнул он Джону. — Я покажу вам сектор города, в котором разместятся ваши люди. Что? Нет, мистер, мы не заметили никаких признаков жизни. Я думаю, здесь и мыши—то давно сдохли с голодухи!.. Очень рад, что вы наконец приехали. Знаете, эта тишина чертовски действует на нервы.

Белые башни небоскребов молча следили за бесконечной процессией пыльных автомобилей, грузовиков и автобусов, робко ползущих по укутанному мглой бульвару. Грохот моторов, отражаясь от стен зданий и от купола, порождал столь впечатляющее эхо, что Кеннистону стало не по себе. И не только ему — все, за исключением водителей, высунули головы из окон машин и всматривались в необычные очертания зданий, странную цветовую гамму их стен, темные глазницы окон. Джон отлично понимал, какие сложные чувства одолевают сейчас людей. Все было слишком большим и чужим. Даже уроженец Нью-Йорка и тот застыл бы в изумлении, увидев эти исполинские небоскребы. Что же было говорить о жителях заштатного Миддлтауна, привыкших к малоэтажным зданиям из серого кирпича!

Вскоре головная часть колонны достигла квартала, условно огороженного барьером из каната, и остановилась. Первыми из машин вышли представители организационной группы и немедленно принялись за дело. Без их советов и помощи размещение более чем семнадцати тысяч человек было бы попросту невозможно. Тем не менее без неразберихи не обошлось — но обычного шума и гвалта не было и в помине. Получив указания, люди на удивление послушно расходились по подъездам, занимая первые же попавшиеся

квартиры. Их встречала мгла, толстый слой пыли на полу, распахнутые окна, высокие потолки комнат непривычной многоугольной формы... Мертвая тишина города давила на людей, и они поневоле разговаривали шепотом. Даже собаки были напуганы и не решались лаять.

Джон сообщил Хубблу о ходе дел по переносной армейской рации, а сам отправился на поиски Кэрол. Колонна уже окончательно остановилась, но довольно многие жители Миддлтауна не решались выйти из автомобилей — видимо, они боялись порвать последнюю призрачную нить, связывающую их с прежней жизнью. Ему встретилась пожилая женщина — она стояла посреди улицы с одеялами в руках и тихо причитала, с ужасом оглядываясь по сторонам. В какой-то мере общее чувство безнадежности передалось и Кеннистону. Он понял, что боится разговора с Кэрол, но все же продолжал брести вдоль колонны по щиколотку в вязкой пыли, пока наконец не увидел свою невесту с саквояжем в руках.

Оказалось, она с тетей уже разместилась в просторной комнате на первом этаже небоскреба, напоминавшего очертаниями опрокинутую параболу. Нагрузившись вещами, Джон последовал вслед за Кэрол по темному коридору. В воздухе висел горький запах пыли и давнего запустения.

В обширной комнате с высокими окнами разместились более двадцати женщин самых разных возрастов. Они суетились среди многочисленных чемоданов и узлов с одеждой и постельным бельем. Жалуясь друг другу, всхлипывая и проклиная судьбу, они тем не менее успели подмести пол и уже расстилали на походных койках матрасы.

Кэрол с тетей разместились в центре комнаты. Миссис Адамс с причитаниями прилегла на кровать, а Кэрол пыталась привести в порядок нагромождение взятых из дома вещей.

— У вас все в порядке? — озабоченно спросил Джон. — Надеюсь, не очень холодно? К вечеру мы установим во всех заселенных комнатах походные печурки, а скоро, возможно, восстановим и отопительные системы в домах...

Невеста кивнула ему с безразличным видом, а миссис Адамс, укрывшись пропыленным одеялом, простонала:

— Зачем вы привезли нас в это ужасное место, Джон? Почему не оставили дома, в тепле и уюте?

Кэрол резко оборвала ее и попросила замолчать.

Тем временем к Кеннистону подбежали две девчушки и, шмыгая носами, засыпали его вопросами. Джон ответил, как мог, наблюдая за средних лет толстушкой, которая с недоуменным видом распахивала одну за другой двери, ведущие в соседние комнаты. «А где же ванная?» — озадаченно спросила она под конец и укоризненно взглянула на Кеннистона.

Он не выдержал и попросил Кэрол выйти в коридор. Наконец-то впервые за долгое время они остались одни.

— Я знаю, милая, вам с тетей сейчас чертовски трудно, — сказал он, с тревогой вглядываясь в застывшее лицо Кэрол и безуспешно пытаясь поймать взгляд ее потускневших глаз. — Уверяю тебя, скоро все образуется. Пока мы не наладим систему отопления, вам придется пожить в общей комнате — а затем каждый сможет выбрать себе собственную квартиру! Чего—чего, а жилья в этом городе хватает... Если хочешь, я привезу тебе из дома мебель, книги — словом, любые вещи!

— Нет, — резко ответила Кэрол и неприязненно осмотрелась. — Не хочу, чтобы мои вещи оказались в этом... этом бараке! Мне приятнее было бы считать город под куполом временным лагерем — не больше. Тогда я могла бы вспоминать о своем доме без тоски и ждать вновь встречу с ним! — Она с грустью взглянула на Джона. — Кен, у нашего соседа, старого мистера Петерса, был сердечный приступ в тот момент, когда колонна въехала в этот ужасный город. Его унесли санитары на носилках, но... но я видела его посиневшее лицо. Он умер — понимаешь, Кен, умер! Умер, увидев эти жуткие здания...

Кэрол всхлипнула и закрыла лицо дрожащими руками. Джон успокаивающе погладил ее по вздрагивающим плёчам.

— Смерть всегда ужасна, когда бы она ни пришла к человеку, — мрачно сказал он. — Что ж, старикам на новом месте придется особенно нелегко... Но большинство жителей Миддлтауна молоды и энергичны, и они пришли сюда не умирать, нет! Мне рассказывали: во время перехода одна из женщин родила. Подумай, Кэрол, в этом городе уже появился на свет первый маленький человечек!

Кэрол пожала плечами. Они расстались, к огорчению Джона, довольно холодно.

Он вышел ка улицу в подавленном состоянии. Кэрол с явным безразличием отнеслась к его приходу — и вряд ли это объяснялось только ее усталостью. Несмотря на молодость, она очень глубоко была привязана к Миддлтауну, к его неспешному, провинциальному образу жизни — без особых потрясений, тревог и перемен. Все это ныне рухнуло — и ей придется приспосабливаться к совсем иной обстановке, где от каждого потребуется все, на что он способен. Кто знает, как здесь сложатся их отношения?...

Погруженный в малоприятные размышления, Джон пошел к центру города. За эти полчаса на улицах многое изменилось. Большинство людей уже покинули автомобили, остальные переносили в дома последние вещи. Но было еще что-то...

Улицы внезапно ожили.

И эту магическую перемену сотворили... дети! Поначалу у них вызывали страх чуждое окружение, мертвая тишина, скованное поведение родителей. Но постепенно они осознали, что перед ними лежит целый город: таинственные опустевшие здания, полные загадок и, возможно, сокровищ; неизведанные улицы и переулки — девственная территория для отважных исследователей. По двое и по трое они начали осваивать окрестности, пользуясь тем, что родителям было не до них. Маленькие фигурки теперь носились взад и

вперед по тротуарам, поднимая облака пыли. В самых темных и мрачных уголках можно было разглядеть крадущихся словно индейцы мальчишек, услышать девчачий смех и визг. Один пострел обнаружил: стены небоскребов дают замечательное эхо! Он немедленно начал вопить, наслаждаясь произведенным эффектом. Другой мальчишка, опьяненный необъятным пространством белых стен, уже выписывал рядом с подъездом огромные кривые буквы красным обмусоленным карандашом. Кеннистон некоторое время с улыбкой следил за его художеством. «Ну до чего непочтительный щенок!» — с одобрением подумал он.

Его настроение внезапно изменилось, шаги стали более легкими и упругими. «Нет, — подумал он, — дело с переселением далеко не безнадежно. Человеческая порода достаточно гибка — в критических ситуациях люди могут приспособиться к любым условиям».

В последующие двое суток Джон окончательно убедился — они с Хубблом не ошиблись, заставив мэра объявить об эвакуации. Волна за волной переселенцы двигались через равнину, вливаясь бесконечным потоком через портал. По-прежнему грохотали моторы, шуршали колеса, поднимались в небо тучи пыли — но лица людей, всматривающихся в небоскребы, были уже не столь мрачными и настороженными. Первые семнадцать тысяч пионеров словно сняли с города вековечное проклятие. Походные кухни распространили в воздухе домашний, ободряющий запах кофе. Здесь же готовили горячую пищу. Неутомимые хозяйки с метлами и тряпками в руках приводили комнаты в порядок, а мужьям пришлось мыть окна, одновременно приглядывая за гуляющими по улицам детьми. Стоящие вдоль тротуаров «плимуты», «форды» и «шевроле» уже не казались неуместными на улицах древнего города.

На третий день санитарные машины перевезли больных из Миддлтауна и разместили их в импровизированном госпитале. Чуть позднее в специально подготовленном здании поселились заключенные из городской тюрьмы. В одном из

небоскребов на центральной площади стали работать мэрия и различные городские службы. В Миддлтауне не осталось ни души...

На одном из заседаний городского совета мэр Гаррис предложил:

— Мы назовем это место Нью-Миддлтауном, — важно произнес он. — Нужно сделать все возможное, чтобы город под куполом напоминал наш прежний дом!

Поздним вечером Джон уговорил невесту пойти прогуляться. Они шли молча по центральному проспекту при свете ламп, развешанных над подъездами соседних домов. Навстречу им из-за угла выбежал перепачканный в саже мальчуган и деловито свернул в один из темных переулков. За ним, захлебываясь от лая, промчался лохматый пес. Из окон второго этажа доносились звуки магнитофона. Сочный баритон игриво пел: «Я не могу дать тебе ничего, кроме любви, крошка!»

На первых этажах кипела жизнь — но выше город оставался мрачным и пустынным. «Будь у небоскребов душа, они бы сейчас с изумлением взирали бы на все происходящее, — подумал Джон. — Многие века, если не тысячелетия город стоял, освещенный по ночам лишь светом звезд. Стоял — и вспоминал о временах, когда по цветущим бульварам прогуливались влюбленные парочки, а неугомонные дети играли до заката в самых его укромных уголках. Был ли город рад, что люди пришли вновь — или сожалел об утерянных тишине и спокойствии?»

Кэрол поежилась и застегнула пуговицы плаща.

— Становится холодно, — сказала она.

Джон кивнул.

— Да, вечера здесь прохладные — но не более, чем октябрьские дни в нашем, двадцатом веке...

Он запнулся, почувствовав вопрошающий взгляд невесты.

— Да, здесь довольно тепло... Но разве этого достаточно, Кен? Запасы продуктов, привезенные из Миддлтауна, скоро кончатся — как мы будем тогда жить?

— На окраинах города находятся обширные резервуары. Хуббл считает, что прежние обитатели города использовали их в качестве гидропонных плантаций. Мы можем сделать то же самое — запас семян у нас, слава Богу, богатый.

— А вода?

— Резервуары связаны системой труб с глубокими водоносными слоями. Хуббл недавно опробовал установку водоснабжения — к счастью, все работает. Не беспокойся, Кэрол, все будет нормально...

Из-за крыш небоскребов показался бронзовый край огромной луны. Тусклый свет залил дремлющие улицы.

— Кен, скажи мне правду, — неожиданно спросила Кэрол, заглядывая ему в глаза. — Мы одни на Земле, верно? Все остальные давно умерли?

— Кто знает? На Земле должно быть множество подобных городов — некоторые из них вполне могут быть обитаемыми. Рано или поздно мы установим с ними связь и...

Кэрол в сомнении покачала головой.

— Слова, одни слова... Ты и сам не веришь в то, о чем говоришь. Я уверена — мы одни в этом кладбищенском мире...

Джон обнял невесту и поцеловал ее в холодную щеку. Ему хотелось сказать что-то ободряющее, но Кэрол внезапно тихо сказала:

— Кен, прости, но иногда я начинаю ненавидеть тебя.

Джон растерялся, хотя давно ожидал нечто подобное.

— Кэрол, милая... Ну что ты говоришь, одумайся! Ты слишком близко принимаешь все к сердцу...

— Может быть... Но я не могу забыть о том, как ты обманул меня, Кен. Если бы не ваша секретная лаборатория, то, может быть, ничего бы с Миддлтауном и не случилось! Ты и твои коллеги принесли нам несчастье — это ты понимаешь?

Только теперь Джон окончательно понял, что скрывалось за недружелюбным молчанием и колкостями Кэрол в

последние дни. Все ее отчаяние и негодование сфокусировалось на нем...

— Милая, нельзя поддаваться таким разрушающим чувствам! — быстро сказал он. — Ты потеряла дом, прежний образ жизни и делаешь из меня козла отпущения за все это! Как будто я сбросил на Миддлтаун бомбу... Кэрол, мы сейчас нуждаемся друг в друге как никогда раньше — неужели ты хочешь, чтобы мы расстались здесь, на краю света?

Она внезапно разрыдалась.

— О, Кен, я совсем потеряла голову... — всхлипывая, прошептала она.

— Все наладится, вот увидишь, — растроганно произнес Джон, зарываясь губами в ее пышные волосы.

Он поднял глаза — и увидел покрытый глубокими язвами щит Луны, наполовину поднявшийся над небоскребами. «Нет, Кэрол не сможет забыть о моей вине, — подумал он горько. — Между нами выросла невидимая стена... Долгие месяцы, если не годы, мне придется бороться за свою любовь. И это будет трудная, если не безнадежная борьба — потому что в словах Кэрол немало правды...»

Глава 8 ГОЛОС НЬЮ—МИДЛТАУНА

Проснувшись, Джон лежал некоторое время, не двигаясь, и оглядывал комнату. Как всегда в последнее время, по утрам его охватывало чувство совершенной нереальности всего происходящего.

Комната была просторной, с изящно изогнутыми стенами и высоким потолком, отделанным узорным пластиком цвета слоновой кости. Через пыльные окна на пол стекал красноватый свет Солнца.

«Интересно, а для чего эта комната использовалась раньше?» — подумал Кеннистон. Так же, как и все помещения огромного небоскреба, стоявшего на Центральной площади, эта комната была поначалу совершенно пустой — если не считать нескольких массивных столов. Похоже, в здании

ранее размещались какие-то общественные учреждения... Во всяком случае, так решил мэр, осмотрев небоскреб. По его настоянию здесь разместились сотрудники «промышленной лаборатории».

Джон, чуть приподнявшись, взглянул на соседние койки. Хуббл еще спал, закутавшись в одеяло. На соседней кровати сладко похрапывал Бейтц. Но молодой Криски уже проснулся. Он лежал, заложив руки за голову, и неподвижным взглядом смотрел на укутанный мглой потолок, явно о чем-то размышляя... «Бог мой, да как же я мог забыть!» — с угрызениями совести вспомнил Кеннистон.

Он тихо встал с кровати и, подойдя к Криски, присел рядом с ним на стуле.

— Прошу прощения, Луис, — тихо сказал он. — В суете последних дней я забыл спросить — как дела у твоей невесты?

Криски долго молчал, а затем бесстрастно произнес, не поворачивая к Джону головы:

— Почему вы вспомнили об этом, Кен? Моя девушка умерла — миллион лет назад. Видите, как все просто...

Кеннистон не нашел, что сказать в ответ. Только сейчас он вспомнил — Криски намеревался жениться на девушке, жившей в небольшом поселке в пятидесяти милях от Мидлтауна... Да и что можно было сказать в утешение? Подобные трагедии произошли почти со всеми: у матери, чей сын жил в Калифорнии; у супруги, чей муж отправился в служебную командировку; у семьи, чьи дети отправились погостить на ферму к дедушке... «Какое счастье, что я сирота и единственный близкий мне человек — Кэрол — сейчас рядом! — подумал Джон. — Впрочем, нет, не рядом... Надо сделать все возможное, но удержать ее!»

В комнате стало шумно — проснулись и остальные сотрудники лаборатории. Кеннистон оставил в покое молчавшего Луиса и вернулся к своей койке. Одевшись, он достал из кармана брюк смятую пачку и с наслаждением затянулся первой за сегодняшний день сигаретой. Первой?..

Он дрожащими руками стал шарить по карманам пиджака и плаща, но, увы, ничего там не нашел.

— Черт побери, — уныло произнес он, глядя на дымящуюся сигарету, — скоро мы останемся без...

Хуббл, энергично делавший зарядку, понимающе усмехнулся.

— Что поделаешь, Кен, скоро вам, курильщикам, волей—неволей придется отучится от этой вредной привычки. А вот без зарядки здесь не обойтись — слишком много дел нам предстоит сделать за очень короткое время...

По дороге в общественную столовую Хуббл сказал ему:

— Сегодня у меня будет хлопотный день, Кен. Вчера Маклин привез из Миддлтауна бензиновые моторы и насосы. С их помощью мы попытаемся наполнить водой гидропонные резервуары, и, может быть, даже городскую систему водоснабжения. В городе есть свои, очень мощные насосы, но их приводят в движение атомные двигатели хитрой конструкции. Понадобится время, чтобы разобраться в их устройстве.

— А как обстоят дела с запасами продовольствия? — поинтересовался Джон.

— Пока неплохо... Вся провизия и медикаменты размещены в зданиях, переоборудованных под склады. В типографии сейчас печатаются продуктовые талоны — без них, увы, не обойтись.

— А как насчет автомобилей?

— Мэр Гаррис издал мудрый указ — пользоваться личным транспортом запрещено. Более того, шеф полиции Кимер настоял на принятии особых мер безопасности: с сегодняшнего дня населению запрещено покидать свои кварталы. Город—то нам почти незнаком — кто знает, какие он готовит для нас сюрпризы? Мы создали несколько отрядов из добровольцев — они будут исследовать незаселенные районы.

Кеннистон с одобрением кивнул. Он сделал последнюю затяжку и с явным сожалением отбросил в сторону окурок.

— Это все замечательно, Хуббл, — сказал он. — Боюсь, главная проблема будет в другом — в моральном климате. Если люди будут считать себя последними представителями человечества на Земле, им будет нелегко жить...

Хуббл встревоженно взглянул на него и кивнул.

— Я понимаю, Кен. Но пока нет поводов для отчаяния. Этот город оказался пуст — но, возможно, причиной тому была эпидемия. Так или иначе, но массовой гибели людей здесь явно не было — население куда-то было эвакуировано.

— Да, но радио молчит на всех диапазонах, — напомнил ему Кеннистон.

— Верно — но человечество может сейчас использовать совершенно иные принципы связи. Кстати, об этом я и хотел с вами поговорить. Прошлым вечером Бейтц обнаружил в одном из соседних небоскребов нечто вроде телестанции. Займитесь этим, Кен, вы лучше всех нас разбираетесь в радиотехнике.

В Кеннистоне проснулось неистребимое любопытство завзятого технаря.

— Отлично, я посмотрю, что там можно сделать! — радостно сказал он.

Они свернули на улицу, ведущую к столовой. Джон был приятно удивлен оживлением, царившим в этой части города. Семьи шли, весело переговариваясь — словно они отправлялись на пикник. Из соседнего переулка выскочила ватага мальчишек и помчалась наперегонки. За ними несся, звонко лая, мохнатый пес. На перекрестке стоял лысый краснощекий мужчина и, попыхивая трубкой, флегматично разглядывал небоскреб непривычной конической формы. Мимо него прошли две пышные дамы. Одна из них, ведя за руку капризного сынишку, доверительно говорила подруге:

— ... врачи сказали, что миссис Билере чувствует себя лучше. Но ее муж по-прежнему не приходит в сознание...

Хуббл, улыбнувшись, заметил:

— Вот видите, Кен, люди ведут себя почти так же, как и в нашем добром старом Миддлтауне. Слава Богу, способность человека к адаптации велика...

После завтрака Бейтц повел их в небоскреб, отстоящий на два квартала от Центральной площади. В одном из огромных залов на первом этаже располагалось множество электронных установок, внешне напоминающих оборудование телевизионной станции. В высоких, до потолка, блоках аппаратуры были размещены многочисленные экраны, микрофоны и пульты управления.

После долгих усилий Джон сумел открыть заднюю панель одного из таких «блоков». Бегло взглянув на переплетения разноцветных жгутов, он нахмурился.

— Да, это похоже на телестанцию, — наконец сказал он Хубблу. — Но принцип, на котором работает электроника, мне пока не ясен. Здесь нет ни ламп, ни транзисторов, ни микросхем...

— Могли бы вы в ближайшее время начать передачи? — неожиданно спросил Хуббл.

Джон удивленно взглянул на шефа.

— Побойтесь Бога, Хуббл...

— Я не настаиваю на передаче изображения, меня вполне устроил бы достаточно мощный радиосигнал...

Кеннистон заколебался, переглянувшись с озадаченным Бейтцем.

— Что ж, попробуем... Но нам придется действовать, что называется, методом тыка. Для начала надо разобраться, откуда на установки подается энергия.

Бейтц вмешался в разговор:

— Пожалуй, я знаю. В соседнем зале находится устройство, напоминающее атомный генератор, — сказал он. — Похожее мы видели с вами, Хуббл, в системе водоснабжения под гидропонными резервуарами.

Хуббл поморщился.

— Если это так, то нам лучше рассчитывать на собственные силы, Кен. Я попрошу Маклина привезти вам несколько

наших генераторов, работающих на жидком топливе. Думаю, их мощности хватит для любой, даже сверхдальней, передачи.

Джон вопросительно посмотрел на него.

— Да, Кен, я надеюсь, что люди — если, конечно, они еще обитают на Земле — обязательно услышат передачу собственного «телецентра». Даже если это будет всего несколько слов, скажем: «Миддлтаун просит помощи!» Вряд ли эту фразу поймут, но люди обязательно заинтересуются радиосигналом из давно покинутого города!

— Хорошо, я попробую, — после некоторого колебания сказал Джон. — Но сначала подключите генераторы к силовому кабелю...

Следующие несколько дней Кеннистон провел почти безвылазно в «телецентре». Он настолько погрузился в сложные технические проблемы, что почти не видел, как горожане продолжают адаптироваться к новому образу жизни. Лишь из окон доносился постоянный грохот грузовиков — это Маклин продолжал перевозку оборудования и запасов продовольствия.

Вместе с Кеннистоном трудился Бейтц и несколько инженеров, занятых запуском генераторов. По их словам, этой же проблемой были заняты и все остальные сотрудники «промышленной лаборатории», включая Хуббла. Городу нужен был надежный источник электроэнергии.

Через несколько дней инженерам удалось подсоединить генераторы к хитрой системе силовых кабелей «телецентра», и Джон смог начать свой эксперимент. К этому времени он понял полную безнадежность своих попыток разобраться в принципе работы блоков аппаратуры, и решил пойти более простым путем — методом проб и ошибок научиться включать «передатчик» и «микрофоны».

Между тем грузовики днем и ночью доставляли в Нью—Миддлтаун продовольствие, одежду, оборудование для больниц и мастерских и даже книги. На заседаниях муниципалитета Маклин стал поговаривать об организации

большой экспедиции. Он предложил создать автоколонну и исследовать окружающую территорию в радиусе нескольких десятков или даже сотен миль. Тем временем группы добровольцев исследовали город квартал за кварталом, дом за домом, комнату за комнатой. Вскоре были сделаны два важных открытия.

Однажды Хуббл оторвал Джона от его занятий и пригласил в путешествие… в лабиринт катакомб под городом!

— Помните, Кен, сколько мы ломали головы над проблемой — почему температура под куполом заметно выше, чем можно было бы объяснить солнечным обогревом? — сказал он, энергично шагая по бульвару, ведущему к окраине. — Недавно поисковые отряды обнаружили вентиляционные установки, подающие в город слегка подогретый воздух. Но только вчера был найден источник тепла.

— Источник тепла? — заинтересовался Кеннистон. — Выходит, вы нашли подземную тепловую станцию?

— Нет, все куда любопытнее… Впрочем, скоро вы сами все увидите.

Они вошли в туннель, ведущий под землю и напоминающий вход в метро. Среди переплетения огромных труб располагалась кабинка скоростного лифта. Спустившись метров на сто, они вскоре оказались в обширном подземном зале, освещенным небольшим прожектором. Хуббл подвел Джона к металлической решетке, за которой в тьму уходила широкая шахта. Из глубины поднимались серебристые трубопроводы и разветвлялись под сводчатым потолком зала.

— Теплый воздух приходит, как это ни странно, из глубин земли. Я понимаю, это звучит невероятно, Кен, но шахта уходит вниз на десятки миль — к самому слою магмы.

— Но магма чрезвычайно раскалена! — возразил Джон.

— Она БЫЛА раскалена — миллионы лет назад, — поправил его Хуббл. — Когда Солнце и Земля стали остывать, людям пришлось закрыть свои города куполами, а в качестве постоянного источника использовать тепло недр. Увы, его

сейчас хватает лишь на то, чтобы нагреть воздух в городе лишь на несколько градусов...

— Если дело обстоит именно так, то вряд ли на Земле остались поселения людей, — безнадежным голосом произнес Джон, заглядывая за металлический барьер.

Хуббл промолчал и, резко повернувшись, пошел к выходу из зала.

Второе открытие совершил Дженнингс, молодой торговец автомобилями. В одном из самых высоких небоскребов он обнаружил огромный полукруглый зал с несколькими сотнями рядов кресел. На следующий же день по просьбе мэра на осмотр находки пришли Кеннистон вместе с Бейтцем и Криски. Они прошлись в проходах между рядами, вышли к овальной трибуне и недоуменно переглянулись.

— И что здесь особенного? — устало произнес Бейтц. — Это зал заседания городского Совета или лекционная аудитория...

— А вы посмотрите на кресла во втором ряду, — усмехнувшись, ответил Дженнингс.

Джон посмотрел вниз и охнул. Он увидел несколько десятков кресел необычной формы и размеров. Некоторые из них были широкими и плоскими, со спинками, слегка наклоненными вперед. Другие были очень узкими, с высокими подлокотниками и без спинок. Остальные слегка напоминали обычные кресла, но углубления в сиденьях были чрезмерно глубокими.

— Что скажете? — улыбнувшись, сказал Дженнингс, довольный произведенным на ученых эффектом. — Если это и кресла, то вряд ли они предназначались для людей.

Кеннистон внезапно представил себе огромный зал, заполненный частично людьми, а частично — кем? Быть может, инопланетянами?

— Не будем спешить с выводами, — скептичный голос Бейтца развеял его фантастические видения. — Откуда мы знаем — быть может, это вовсе и не сиденья? Но... но на

всякий случай нам не стоит болтать об этом. Люди и так достаточно взбудоражены.

Через неделю по инициативе мэра на Центральной площади было объявлено собрание горожан. Этому предшествовала торжественная служба, проведенная в здании, переоборудованном под церковь. После ее завершения горожане направились к площади. К двенадцати часам здесь собралось почти все взрослое население Нью-Миддлтауна. На стенах домов были размещены громкоговорители так, чтобы все горожане могли услышать выступающих. На наспех сколоченную трибуну поднялись мэр Гаррис, несколько членов муниципалитета и Хуббл.

К микрофону первым подошел мэр. Его пухлое лицо выглядело непривычно утомленным, под глазами висели темные мешки. Зато речь Гарриса была на редкость бодрой и полной ничем не обоснованного оптимизма.

Система распределения продуктов, разработанная лично им, Гаррисом, работает безупречно, заявил мэр. Опасности голода нет, тем более что в ближайшее время заработают гидропонные плантации. Практически решен вопрос об электро — и теплоснабжении зданий. В муниципалитете обсуждаются проблемы занятости населения. Предполагается открыть в Нью-Миддлтауне ряд фабрик и заводов, ориентированных исключительно на нужды города, наладить транспортную сеть и т. д. и т. п. В заключение мэр вспомнил о Хуббле и снисходительным жестом пригласил его к микрофону.

Хуббл был краток. Вначале он обратил внимание горожан на то, что прежние обитатели города оставили свои дома неспешно, без паники.

— Они взяли с собой все личные вещи, одежду, книги, мебель. Из промышленных предприятий — если, конечно, они здесь были — вывезено все оборудование, за исключением массивных атомных генераторов. Рано или поздно их удастся привести в рабочее состояние, но спешка в этом деле чревата серьезными последствиями...

Мэр Гаррис с беспокойством слушал ученого — ему казалось, что Хуббл недостаточно оптимистичен. Извинившись, он вновь взял в руки микрофон и заявил:

— Кстати, одна из найденных установок уже готова к применению! Вы уже слышали о местном «телецентре». Мистеру Кеннистону удалось наладить передающее устройство, так что в ближайшее время мы получим возможность вступить в контакт с другими городами!

Толпа отозвалась на слова мэра восторженными восклицаниями. Стоявшего рядом с трибуной Джона немедленно окружили возбужденные люди и засыпали его градом вопросов. «Передатчик вряд ли заработает, а если и заработает, то шансов быть услышанными очень мало», — хотел сказать он, но не смог. Лица людей сияли такой неподдельной радостью, что он, пряча глаза, только пробормотал: мол, все верно, завтра мы выйдем в эфир...

После окончания митинга Джон подождал Хуббла и тихо сказал ему:

— Черт бы побрал этого Гарриса! Он не имел права так обнадеживать людей... Теперь горожане уверены: вот-вот к нам придет помощь от остального человечества!

Хуббл также выглядел озабоченно.

— Вы правы, Кен, — мэр дал маху, а я не успел ему помешать. Горожане теперь не сомневаются: на Земле есть другие люди. Это совершенно не следует из того факта, что у нас есть не вполне надежно работающий передатчик — но разве этого осла Гарриса могут остановить такие пустяки! Но теперь ничего не поделаешь — вам, Кен, остается только начать передачи и уповать на везение.

Этой же ночью Кеннистон впервые вышел в эфир. По десять минут ежечасно, экономя, энергию генераторов, он монотонно повторял одну и ту же фразу: «Миддлтаун просит помощи! Миддлтаун просит помощи...»

Приемное устройство им с Бейтцем так и не удалось наладить. Оставалось надеяться на то, что, услышав голос

давно опустевшего города, земляне (если они, конечно, существуют) захотят узнать, в чем тут дело.

Около здания «телецентра» собралась толпа и оставалась там всю ночь, хотя Бейтц несколько раз пытался убедить людей разойтись по домам. Та же картина повторилась и в последующие дни... Неделя проходила за неделей, а Кеннистон повторял монотонно одну и ту же фразу: «Миддлтаун просит помощи!» Он уже и сам не верил, что его кто-то услышит, и все же продолжал передачи — призыв о помощи горстки людей, затерянных в веках в холодном, умирающем мире.

— Миддлтаун просит помощи! Миддлтаун просит...

Глава 9 ИЗВНЕ

Неделя проходила за неделей, но ответа не было. Каждый день Кеннистон и Бейтц по очереди передавали в эфир один и тот же призыв о помощи. В коротких промежутках между передачами они пытались наладить приемное устройство, но безуспешно.

Больше всего Джон не любил момента, когда ему приходилось передавать смену Бейтцу. Волей—неволей он должен был при выходе из «телецентра» проходить через небольшую толпу горожан, полных надежд и ожиданий.

Фальшиво улыбаясь, он всегда в этих случаях произносил:

— Нет, сегодня ничего нет. Может быть, завтра...

— Завтра? А может быть, никогда? — однажды горько ответила ему Кэрол, встретив его у подъезда и провожая домой. — Если бы кто-нибудь услышал тебя, Кен, то давно бы оказался здесь — ведь ты ведешь передачи уже много дней.

— Возможно, у землян больше нет летательных аппаратов, — возразил ей Джон.

— Сомневаюсь... Если в каком-нибудь городе люди имеют в распоряжении столь сложное устройство, как приемник — то почему бы им не иметь самолеты?

Логика ее была безупречной, и Кеннистон не стал спорить.

— Может быть, ты и права, — сказал он устало. — Только не стоит никому говорить о твоих догадках. Горожан очень поддерживает надежда на то, что кто-то рано или поздно придет к ним на помощь. Они не чувствуют себя так одиноко, когда приходят к «телецентру»... Ради этого мы и будем продолжать передачи!

Кэрол скептически поджала губы и подняла воротник плаща — к вечеру становилось прохладно.

— Не знаю, не знаю, — тихо сказала она. — Я больше надеюсь на Маклина и его экспедицию. Кстати, ты не слышал, Кен, — они скоро вернутся?

Джон пожал плечами.

Кэрол говорила об экспедиции, организованной по предложению Маклина и Криски. Этому предшествовали долгие дебаты — многие руководители города, включая мэра, возражали против, как они считали, «бесполезной траты драгоценного горючего». Решил спор довод, выдвинутый Кеннистоном — он напомнил о городе, увиденном им с гребня холмов далеко на горизонте. На следующий день была собрана небольшая колонна из армейских вездеходов и джипов, а также двух автозаправщиков. После испытательного пробега вокруг города экспедиция двинулась в путь.

В то время, как колонна автомобилей пересекала пыльную равнину, направляясь на юг, а Джон с Бейтцем вели передачи из «телецентра», жители Нью-Миддлтауна вели нелегкую борьбу за существование. Гидропонные плантации привели в порядок, а резервуары наполнили водой. В ближайшее время было намечено провести первые посадки овощей. Обитаемую часть города полностью очистили от толстого слоя пыли. Все продукты питания разместили по складам. В специальных магазинах организовали раздачу предметов первой необходимости — пока, увы, по талонам.

Самой сложной оказалась проблема занятости. В каждом квартале были устроены биржи труда. Каждый человек

получил работу — и оплату в виде талонов. Начали работать десятки мелких мастерских и пекарен, завершилась подготовка к открытию первой фабрики по производству одежды. Вскоре открылись школы, библиотеки и даже кинозалы. Стали работать суд и прокуратура, хотя представители власти пока смотрели сквозь пальцы на многие нарушения порядка, исключая, разумеется, серьезные преступления.

Дети рождались в Нью-Миддлтауне почти ежедневно — но и похороны были, увы, не редкость. В основном умирали старики, не выдержавшие шока, связанного с резким изменением их образа жизни. Рядом с куполом появилось кладбище.

Но за всей активностью горожан скрывалось одно ожидание. Люди надеялись услышать ответ на свой призыв — их страшила даже мысль об одиночестве.

Кеннистон отлично понимал это по вопрошающим взглядам, преследовавшим его везде — на улице, в магазине, в кинозале. Между тем дела шли плохо. После долгих усилий они с Бейтцем оставили в покое приемник. Им удалось установить лишь одно — аппаратура не работает. Принцип действия передатчика также остался тайной за семью печатями — было ясно только то, что носителями информации не являются электромагнитные волны. Джону иногда приходили в голову безумные догадки о гравитационных волнах — но он отгонял их как явно антинаучные. В конце концов ему осталось одно: усталым голосом повторять одни и те же слова — безнадежное послание в никуда:

— Миддлтаун просит помощи! Миддлтаун просит...

Проще всего было, конечно, использовать для этой цели магнитофон, но оба ученых не желали даже на минуту покидать «телецентр» — они все еще надеялись на чудо. Пока надеялись...

После двухнедельного отсутствия вернулась экспедиция Маклина — эту новость однажды утром принесла Джону невеста. Они выбежали из «телецентра» и пошли по

наполненной людьми улице по направлению к порталу. Здесь уже собралась многотысячная толпа.

Вскоре запыленные машины одна за другой въехали под купол, встреченные приветственными криками. Было видно, что путь оказался для исследователей нелегким, — люди были усталыми и небритыми, с красными от недосыпания веками и обветренными лицами.

Маклин категорически отказался отвечать на расспросы.

— Вы узнаете все позднее, — уклончиво говорил он. — Бога ради, пропустите машины — мы все измотаны.

Сидевший рядом с ним Криски, выглядевший до предела истощенным, хрипло перебил начальника экспедиции:

— Почему не рассказать людям всю правду сейчас. Они имеют право знать, что им уготовила судьба!

Он с трудом привстал, держась руками за ветровое стекло открытого джипа, и громко крикнул:

— Мы нашли в двух сотнях миль отсюда точно такой же город под куполом, как наш! Но людей там не было. Они ушли и очень давно.

Маклин кивнул.

— Это верно. Мы не обнаружили никаких признаков жизни, если не считать нескольких мелких грызунов на равнине.

Побледневшая Кэрол повернулась к Джону:

— Значит, на Земле больше никого не осталось? Мы пропали, правда, Кен?

Тишина повисла над огромной толпой. Все оцепенело глядели друг на друга.

И в этот момент мэр Гаррис проявил себя с самой лучшей стороны. Он забрался на один из вездеходов и страстно заговорил:

— Граждане Нью-Миддлтауна, не отчаивайтесь! Экспедиция Маклина исследовала лишь небольшую часть Американского материка — каких—то несколько сотен квадратных миль! Не забудьте — на Земле есть еще Европа, Азия, Африка и другие континенты — люди могут жить, где угодно. Мы

должны надеяться прежде всего на мистера Кеннистона — он продолжает ежедневно свои передачи из «телецентра»!

Он замолчал и обвел взглядом толпу, запрудившую все окрестные улицы.

— У меня есть предложение, — после паузы продолжил мэр. — В последнее время мы изрядно потрудились, работали без выходных, понервничали — неплохо бы нам и отдохнуть! Предлагаю сегодня же вечером устроить на Центральной площади праздничное гуляние по случаю возвращения экспедиции Маклина. Приглашаются все!

Тревожная атмосфера сразу же разрядилась. Люди заулыбались и, оживленно обсуждая предложение Гарриса, стали расходиться. Все соскучились по праздникам, так что идея мэра упала на благодатную почву.

Кеннистон искренне сказал мэру:

— Гаррис, это отличная идея! Горожанам надо хоть немного отвлечься от повседневных забот.

Мэр просиял.

— Конечно! Население у нас в городе очень нетерпеливое и недоверчивое. Люди не поверят в то, что на Земле есть другие люди, пока своими ушами не услышат их голоса по радио!

Только сейчас Джон понял — бодрый голос Гарриса вовсе не был наигранным. Вопреки обескураживающим новостям он сохранил веру в существование человечества на этой холодной, пустынной Земле.

Хуббл, напротив, выглядел мрачным.

— Не стоит тешить себя пустыми надеждами, — горько сказал он. — Второй мертвый город означает одно — на Земле больше не осталось никого, кроме нас.

Кеннистон вопросительно посмотрел на шефа.

— Мне стоит продолжать передачи? Или...

— Пока стоит, — после некоторого колебания ответил Хуббл. — По крайней мере, сегодня. Не будем портить людям праздник.

К вечеру Центральная площадь неузнаваемо изменилась. Она была залита светом прожекторов, расцвечена гирляндами разноцветных ламп. В темнеющем небе, прямо под куполом, вспыхивали огненные шары фейерверка. На дощатом помосте разместился духовой оркестр, а рядом была подготовлена большая площадка для танцев. Несмотря на прохладу, женщины пришли в выходных платьях, да и мужчины выглядели нарядно. В толпе сновали ватаги возбужденных ребятишек — им празднество больше всех пришлось по душе.

Джон вместе с Кэрол пришли чуть позже, и им пришлось пробираться к танцплощадке через густую толпу. Кеннистона все узнавали и с уважением приветствовали, но никто не задавал ему обычных вопросов.

— Они не хотят испортить себе настроение, узнав, что ответа и сегодня не было, — шепнул Джон невесте.

Праздник шел хорошо, пока Гаррис не сделал очередной промах. Весь вечер он был в центре внимания. Надувшись как индюк, он важно ходил среди толпы, пожимая руки многочисленным знакомым мужчинам, улыбаясь женщинам и играя с ребятишками. Он был явно в восторге от собственной персоны. В конце концов, он поднялся на помост оркестра, остановил музыку величественным жестом и, взяв микрофон, обратился к публике:

— Граждане Нью-Миддлтауна — быть может, настало время спеть хором, а? Я готов, если пожелаете, начать — вы знаете, мой тенор недурен. Как насчет песенки «Позволь мне назвать тебя любимой»?

Раздался дружный смех. Все запели. Оркестр после некоторого замешательства поддержал мелодию, а пухлый мэр, обернувшись к музыкантам, замахал руками словно дирижер. Старая песенка, не звучавшая на Земле миллионы лет, звонким эхом отразилась от белых стен небоскребов и гулко прокатилась под мерцающим куполом.

Затем они запели «Берега Уобаша» и «Старый дом в Кентукки». Постепенно лица людей помрачнели, голоса стали

звучать нестройно. В глазах многих появилась тоска, кое-кто из женщин всплакнул.

Вскоре песня завяла. Внезапно одна из девушек с истерическим плачем упала на землю, закрыв лицо руками.

Музыка смолкла. Ничего не было слышно, кроме плача женщин и растерянных голосов мужчин, безуспешно пытавшихся утешить своих жен.

Мэр, осознав свою ошибку, дрожащим голосом сказал:

— Не падайте духом, граждане Нью-Миддлтауна! Все наладится, уверяю вас!

Но было слишком поздно. Чудесная атмосфера праздника была окончательно испорчена. Люди молча разошлись по домам. Кеннистон проводил невесту до ее дома, изо всех сил стараясь быть остроумным и бодрым, но его красноречие пропало втуне — Кэрол даже не взглянула на него.

Они расстались у подъезда, словно два совершенно чужих человека.

Расстроенный Джон не спеша пошел к центру города по пустынным улицам, окутанным мглой — нужно было сменить у передатчика старика Бейтца. Над крышами небоскребов показался край чудовищной Луны, и сразу все вокруг залил колеблющийся бронзовый свет.

Внезапно Джон услышал, как кто-то бежит вслед за ним. Он настороженно обернулся.

— Эй, мистер Кеннистон, подождите!

Джон вскоре узнал бегущего к нему мужчину — это был Буд Мартин, владелец гаража на Милл-стрит. Худощавое лицо молодого человека выглядело крайне возбужденным, глаза лихорадочно блестели. Задыхаясь, он выпалил:

— Мистер Кеннистон, недавно я видел высоко в небе летательный аппарат! Мне показалось, он больше был похож на ракету, чем на самолет — но я его ясно видел, клянусь!

«Этого можно было ожидать, — раздраженно подумал Кеннистон. — С каждым днем будет все больше и больше „видений“ — нервы-то у людей не железные. А потом

покатятся слухи, один нелепей другого, горожане окончательно потеряют головы...»

Он сказал как можно мягче:

— Простите, Буд, но я не слышал ничего об этом случае.

— Никто этого и не мог видеть! Ракета пролетела совершенно беззвучно и с большой скоростью — я только мельком успел рассмотреть ее!

Джон невольно взглянул на небо, но не увидел ничего, кроме ярких звезд и изъеденного кратерами края лунного диска.

— Должно быть, это было облако, Буд.

Мартин выругался и хмуро посмотрел на него.

— Послушайте, мистер Кеннистон, я не истеричная дамочка и знаю, что говорю. Это был летательный аппарат, хоть и необычного типа!

Джон задумался. Внезапно его сердце дрогнуло — а если?.. Он еще раз взглянул на небо, но оно оставалось пустынным.

Поразмыслив, он сказал Мартину:

— Хорошо, Буд, верю вам на слово. Пойдемте к Хубблу, посоветуемся. И вот еще что — никому не говорите об этом происшествии. Если и эта надежда не оправдается, то последствия могут быть самыми печальными!

Хуббл, к счастью, еще работал в своем кабинете, расположенном рядом с «общей спальней» сотрудников лаборатории. Рядом с ним сидели Маклин и Криски. На письменном столе, заваленном расчетами и чертежами, горела свеча.

Выслушав возбужденный рассказ Мартина, шеф озадаченно взглянул на Джона.

— Я только что вернулся с балкона, где простоял, глядя на небо, почти час — и ничего странного не заметил, — сказал он. — Впрочем, здесь, в центре города, небоскребы стоят сплошной стеной, и я наблюдал лишь кусочек неба прямо в зените... Что ж, господа, думаю есть смысл прогуляться к порталу. Выйдем на равнину, осмотримся — а там решим,

что делать. Буд, оденьте-ка мое демисезонное пальто — для такой прогулки вы одеты легковато...

Через полчаса все пятеро мужчин уже стояли рядом с куполом, ежась от ледяного ветра. Стояла глубокая ночь. Луна высоко поднялась над горизонтом и заливала равнину бронзовым светом.

Кеннистон скользил взглядом по сияющим россыпям звезд. За прошедшие тысячелетия созвездия совершенно изменились, но некоторые ему все-таки удалось узнать, например, заметно вытянувшийся ковш Большой Медведицы. Отдельные же звезды сияли с прежней роскошью: бело-голубой факел Веги, пурпурный Антарес, трепетно-золотой Альтаир.

Маклин развеял чародейство ночи скептическим замечанием:

— Простите, мистер Мартин, но, боюсь, «ракета» вам попросту причудилась. Скоро горожане будут видеть Бог знает что — в нашем, двадцатом, веке это называлось «эффектом НЛО». Нам предстоит...

— Слушайте! — прервал его Хуббл, насторожившись.

Все замерли. Джон поначалу не услышал ничего, кроме свиста ветра. Но вскоре где-то вдали возник басистый гул.

— Это доносится с севера, — внезапно сказал Криски, — Похоже, что-то приближается к городу...

Действительно, гул стал заметно нарастать — сейчас он напоминал грохот огромного барабана.

— Не похоже на самолет, — озадаченно прошептал Маклин.

«Конечно, это не самолет, — подумал Кеннистон. — И не ракета с обычным реактивным двигателем. Это что-то иное...»

Его сердце бешено забилось. Неужели люди услышали его призыв о помощи?

Вскоре чудовищный грохот заполнил все пространство до самого горизонта. Криски неожиданно вскрикнул и указал рукой на вытянутую тень, скользившую среди звезд.

— Оно летит прямо к нам! — в ужасе закричал Буд Мартин.

Вскоре тень нависла над ними огромным черным облаком и медленно стала опускаться, переливаясь лиловыми огнями. Криски первым вышел из оцепенения и с воплем помчался по направлению к порталу. За ним последовали и остальные, увязая по щиколотку в песке. Вбежав под спасительный купол, они оглянулись. Оказалось, небесный корабль вовсе не опускался на них — это была лишь иллюзия, порожденная огромными размерами пришельца. Корабль приземлился на равнине в полумиле от города. В воздух поднялось облако пыли, закрыв на несколько минут громадную мерцающую глыбу. Чудовищный грохот смолк, и над равниной повисла настороженная тишина.

Когда пыль осела, стало очевидно — пришелец был, несомненно, космическим кораблем каплевидной формы с многочисленными «крыльями» и «решетчатыми антеннами». По фюзеляжу прокатывались волны лилового света.

— Космолет! — выдохнул Кеннистон. — Но кто они — люди или...

Корабль продолжал лежать на суставчатых опорах, не подавая признаков жизни. Зато проспект, ведущий к порталу, наполнился Шумом людской толпы. Грохот двигателей над куполом разбудил всех, и тысячи людей, наскоро одевшись, выбежали на улицы.

Мэр Гаррис опередил всех, предусмотрительно воспользовавшись своим лимузином. Вскоре он уже стоял рядом с Хубблом и с благоговейным ужасом смотрел на мерцающую глыбу космического пришельца.

— Неужели люди все-таки пришли к нам на помощь? — пробормотал он. — Слава тебе, Господи, ты услышал мои молитвы...

Хуббл, заметив его, тревожно сказал:

— Гаррис, нужно остановить поток людей во что бы то ни стало! Никто не должен выходить из купола — мы ведь не

знаем, кто к нам прилетел и с какими целями... Осторожность не помешает!

Джон внезапно вспомнил о находке Дженнингса — зале заседаний с рядом специальных кресел, которые явно не предназначались для людей. Кто знает, быть может, экипаж этого космического монстра составляют... гуманоиды?

Гаррис попытался возражать:

— Но почему мы должны опасаться, Хуббл? Разве враги могли бы откликнуться на наш призыв?

Хуббл так взглянул на него, что мэр пришел в себя. Подойдя к стоящему чуть поодаль шефу полиции Кимеру, он приказал:

— Остановите людей метрах в ста от портала, Кимер! И выдвиньте вперед отряд вооруженных полицейских — на всякий случай.

Вскоре полицейские, взявшись за руки, не без труда оттеснили толпу от портала. Вход в город взяла под охрану цепочка солдат с карабинами наперевес.

Прошло пять, десять минут, но ничего не происходило. Мэр, поеживаясь от ледяного ветра, предложил:

— Быть может, нам надо выйти навстречу гостям?

— Не стоит, — покачал головой Хуббл. — Кто знает, как будут развиваться дела? Лучше подождем...

Они стояли чуть впереди портала, ежась от ледяного ветра. Каждый был занят своими мыслями. Толпа также утихла. Все, не отрываясь смотрели на мерцающую громаду корабля — и, несомненно, за горожанами также наблюдали чьи-то глаза. Но чьи?

Через час занялся блеклый рассвет. На востоке появился край косматого Солнца, осветив космолет косыми розовыми лучами.

Маклин тихо выругался, потирая замерзшие руки.

— Если они не выйдут нам навстречу, то придется...

— Кажется, они выходят! — взволнованно прервал его Хуббл.

Толпа охнула. Из фюзеляжа медленно стал выдвигаться широкий пандус. На нем стояли несколько фигур, смутно различимых в тусклых лучах Солнца. Вскоре они спустились на землю и направились в сторону Нью-Миддлтауна.

Глава 10 ПРИШЕЛЬЦЫ

Под тусклыми лучами восходящего Солнца четыре смутно различимых силуэта медленно приближались к Нью-Миддлтауну. Кеннистон ощущал бурные удары сердца, во рту его пересохло — и почему-то он испытывал чувство страха. Частично это было вызвано чудовищной, мерцающей глыбой космолета, а частично — самими пришельцами, в которых ему чудилось нечто странное.

Вскоре Джон понял — трое, идущие чуть впереди, были, несомненно, людьми, одетыми в облегающие комбинезоны. Четвертый же, глыбообразный, с заметным трудом волочил массивные ноги, поднимая облако пыли.

Гаррис с удивлением сказал:

— Господи, да они выглядят точно так же, как и мы! Я полагал, за миллионы лет люди должны сильно измениться...

Кеннистон разделял изумление мэра. И все же по его спине пробежал холодок: было нечто сверхъестественное во встрече двух миров — прошлого и будущего.

Он взглянул на своих спутников — их лица были бледными и напряженными. Всеобщее возбуждение горожан, казалось, вот-вот перейдет в истерику.

Пришельцы уже достаточно приблизились. Глыбообразный гигант оставался неразличим в окутавшей его пыли, зато остальные были видны отчетливо. Двое высокорослых мужчин и изящная девушка со светло-золотистыми волосами. Кеннистон не мог оторвать от нее глаз. Ему приходилось видеть более эффектных красавиц, но таких грациозных и вместе с тем властных созданий он не встречал. У Джона возникло ощущение ее подавляющего превосходства

— и он занервничал. И все же выражение лица златовласой девушки было дружелюбным — казалось, ее волевой, резко очерченный рот вот-вот готов расцвести в ослепительной улыбке.

Рядом с ней шагал плотно скроенный человек с каштановыми волосами и открытым, дружелюбным лицом. Осанка его была царской, в плавных движениях чувствовалась скрытая мощь.

Другой выглядел по сравнению с ним, несмотря на свой рост, худощавым подростком. В отличие от своих невозмутимых товарищей, он был заметно взбудоражен и жадно разглядывал горожан нетерпеливыми, горящими глазами. Кеннистон невольно почувствовал к нему расположение.

Приблизившись к встречающим на расстояние нескольких шагов, пришельцы остановились. Девушка, улыбнувшись, что-то сказала своим спутникам. Мужчина настороженно кивнул, а юноша горячо произнес несколько фраз — Джон не понял ни единого слова.

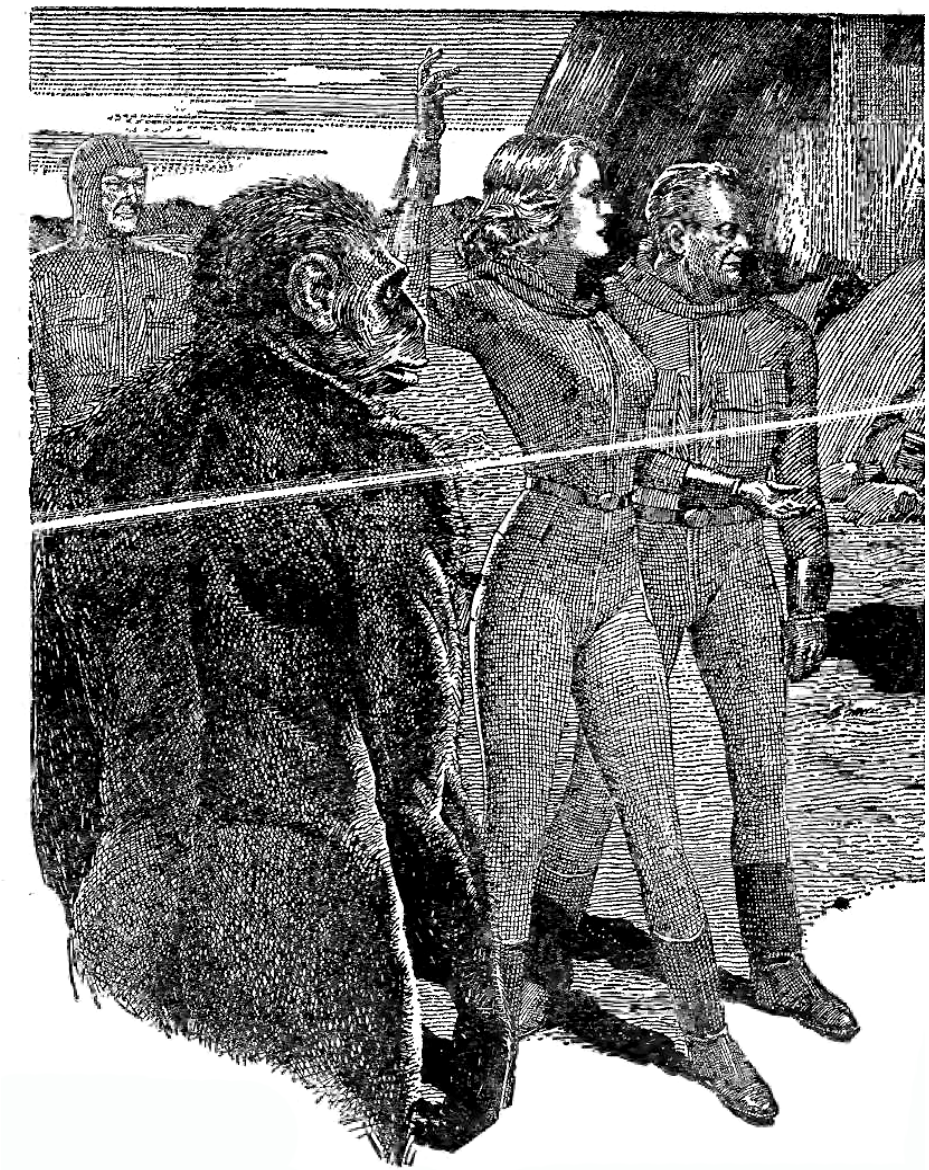
Мэр Гаррис нерешительно шагнул вперед. На его лице парадоксальным образом смешались напыщенность и смирение.

— Я приветствую... — начал он и замялся — казалось, не знал, о чем говорить дальше. Блондинка с едва заметной насмешкой взглянула на него.

Худощавый, тщательно выговаривая слова, медленно сказал: «Миддлтаун просит помощи!»

Джон был потрясен, услышав слова, которые он долгие дни произносил в «телецентре», не надеясь на ответ. Его все же услышали — но где? На соседних планетах или, быть может, в далеких звездных системах? Ясно было одно — такой могучий космолет прилетел откуда-то издалека...

Внезапно раздался вопль мэра. И сразу толпа, стоящая у портала, отозвалась криками изумления и ужаса. Бурную реакцию вызвал четвертый член экипажа, наконец, присоединившийся к своим спутникам. Не человек! Гуманоид — но не человек!



Инопланетянин был двухметрового роста, с кряжистой, медведеподобной фигурой, покрытой короткой шерстью. Вместо комбинезона его тело обтягивали широкие полосы

материи, чем-то напоминавшие упряжь. Мускулистые руки оканчивались ладонями с цепкими пальцами, плоская голова напоминала звериную морду, круглые уши настороженно торчали. Но наиболее шокирующими были глаза — огромные, с черными зрачками, в которых светился глубокий, проницательный разум.

Мэр обернулся к толпе. Его лицо было белым словно мел. Он панически крикнул:

— Вы видите? Это не человек! Не человек!!

Гуманоид явно не ожидал такой встречи. Он переглянулся со спутниками — они также были смущены резкой реакцией перепуганного мэра. Затем инопланетянин решительно вышел вперед, простер лапообразную руку и произнес несколько громыхающих фраз, обнажив в широкой улыбке два ряда крупных клыков.

Гаррис вскрикнул еще пронзительнее, и его вопль поддержали сотни испуганных голосов горожан. Солдаты, растерявшись, без команды подняли карабины наизготовку.

— Подождите! — воскликнул Джон и, оттолкнув в сторону мэра, встал перед гуманоидом, закрывая его телом от неминуемого залпа. — Бога ради, остановитесь, глупцы! Это же разумное существо!

Гуманоид растерянно взглянул на него и нерешительно улыбнулся.

— Отойдите в сторону, Кеннистон! — заорал мэр. — Дикарь выглядит опасным!

Джон не сдвинулся с места, хотя дула глядели прямо ему в грудь. И в этот момент девушка быстро подняла руку — и тотчас на корабле вспыхнул ослепительный луч света. Словно хлыст, он болезненно ударил в толпу, теснившуюся у портала.

Кеннистон тоже оказался на его пути. Он почувствовал ошеломляющий болевой шок, словно прикоснулся к оголенным электрическим проводам. Лица стоявших рядом с ним Хуббла и мэра также исказили гримасы ужасной боли. Солдаты со стонами выронили карабины из онемевших рук.

Гуманоид подошел к Кеннистону, с трудом передвигая слоноподобные ноги. Его черные бездонные глаза улыбались. Он прогромыхал что-то явно успокаивающее на незнакомом Джону языке, положил мохнатую руку ему на плечо и стал энергично массировать шею. Вскоре боль стала уходить и Кеннистон смог перевести дыхание.

Худощавый тем временем подошел к остолбеневшим солдатам и поднял с земли одну из упавших винтовок. Осмотрев ее, он обернулся к своим спутникам и что-то

сказал им гортанным голосом. Вскоре все трое изумленно разглядывали оружие, а затем перевели недоумевающие взгляды на горожан, начавших понемногу приходить в себя.

— Боже, они применили против нас смертоносный луч! — простонал мэр, обретя наконец дар речи. — Они могли нас убить!

— Заткнитесь, — прохрипел Хуббл и закашлялся. — Вы вели себя как осел. Пришельцы пустили в ход парализующие лучи, защищаясь от наших ружей!

Тем временем златовласая девушка обратилась к гуманоиду со словами: «Горр Холл!» По-видимому, это было его имя. Инопланетянин оставил в покое Джона и присоединился к своим друзьям. Он взял в свои огромные лапы карабин и также издал возглас искреннего удивления.

Кеннистон тихо сказал Хубблу:

— Похоже, пришельцы только сейчас начали догадываться, что мы появились из глубокого прошлою...

Девушка опомнилась первой. Она быстро заговорила, обращаясь к худощавому — тому, кто недавно так радостно повторял «Миддлтаун просит помощи!». Джон, затаив дыхание, вслушивался в ее речь, но понял лишь одно — юношу зовут Пирс Еглин.

Еглин не сводил с Джона немигающих жадных глаз, время от времени доброжелательно улыбаясь. «Миддлтаун», — наконец произнес он нараспев. И затем, после паузы, не без труда вымолвил: «Дру-узья-а!»

— Друзья? — радостно воскликнул Джон, не веря своим ушам. — Вы говорите по-английски?

Слово «английский» вызвало у Пирса Еглина новый приступ удивления.

— Анг-лий-ски-и-ий я-язы-ы-ык... — задыхаясь от волнения, медленно сказал он. — Вы — говорить — английский язык?

Джон кивнул.

Благоговейный ужас промелькнул в глазах Еглина. Помедлив, он спросил, с трудом подбирая слова:

— Кто — нет?

Запнувшись, он надолго задумался и начал снова, уже более уверенно:

— Где — вы — пришли — из?

— Мы появились из прошлого, — ответил Кеннистон, ощущая всю фантастичность того, что ему предстояло рассказать. — Из далекого, очень далекого прошлого.

— Как — далеко?

Джон понимал, что слова «из двадцатого века» могут прозвучать сейчас, миллионы лет спустя, совершенно бессмысленно.

— Мы пришли из очень далекого прошлого, — вновь повторил он. — В наше время впервые была открыта атомная энергия.

— Так — далеко? — пробормотал Еглин, побледнев. — Но как? Как?

Кеннистон инстинктивно решил — пожалуй, о ядерной сверхбомбе говорить сейчас не стоит. Кто знает, как пришельцы воспримут это? Может быть, потом...

— Над нашим городом произошел мощный взрыв, — медленно произнес он, стараясь тщательно выговаривать слова. — Видимо, он разрушил связь пространства и времени — и мы перенеслись сюда, на умирающую Землю.

Еглин вздрогнул и, обернувшись к своим спутникам, лихорадочно перевел его слова. Девушка, нахмурившись, с интересом взглянула на Джона и стоявших рядом с ним горожан. Горр Холл покачал головой и что-то сказал своим громыхающим, как барабан, голосом.

Пирс Еглин вновь повернулся к Кеннистону, но тот первым успел задать вопрос:

— Откуда вы прилетели?

— Из... — казалось, юноша с трудом подыскивал подходящее слово. Он указал на небо, в котором разгорался багровый рассвет.

— Из... Вега...

— Но вы же землянин! — растерявшись, воскликнул Джон. Пирс Еглин непонимающе посмотрел на него, и тогда Кеннистон, кивнув в сторону Горра Холла, задал следующий вопрос:

— А кто это?

Вновь Пирс Еглин оказался в затруднительном положении.

— Капелла, — произнес он наконец. — Горр Холл — из Капелла.

Вокруг повисла напряженная тишина. В голове Кеннистона воцарился хаос, и лишь одна мысль сумела выплыть из этого бурного водоворота: выходит, «телестанция» обеспечивала связь на межзвездных расстояниях! Призыв города был услышан на Веге и на Капелле!

— Послушайте, Пирс Еглин, но вы говорите на английском языке! — воскликнул он недоверчиво.

Юноша, запинаясь, объяснил, уже более уверенно выговаривая слова:

— Я — историк, специалист по доатомного... доатомному периоду цивилизации Земли. Я изучал языки по старым записям... нет, вернее, книгам. Потому я попросил взять меня в эти... эту — как сказать? — эту... экспедицию! Вы меня понимаете, я хорошо говорю, верно?

Девушка вновь прервала его. Низким взволнованным голосом она произнесла несколько фраз, не сводя с Кеннистона изучающих глаз. Выслушав ее, Пирс Еглин пояснил:

— Это Варна Аллан, Администратор этого... этого сектора Галактики. А это, — он кивнул в сторону высокого мужчины — это Норден Лунд, ее заместитель. Варна Аллан спросила меня — может, поговорим в городе, где не как... не так холодно?

Кеннистон заключил, что девушка возглавляла делегацию пришельцев со звезд — и это его не очень удивило. Видимо, властные нотки в ее голосе звучали далеко не случайно.

Мэр Гаррис, успевший изрядно замерзнуть на пронзительном ветру, был весьма рад предложению Варны Аллан. Он обернулся к порталу, где теснились, сгорая от любопытства, тысячи заинтригованных горожан.

— Граждане Нью-Миддлтауна, расступитесь — мы возвращаемся в город вместе с нашими гостями! — важно произнес он и сделал указующий жест полисменам, едва сдерживающим толпу у портала: — Эй, очистите немедленно проход для нас! — Гаррис вновь обратился к горожанам: — Все идет прекрасно! Пришельцы со звезд хотят увидеть наш город! Прошу вас, расступитесь!

Толпа неохотно подалась в стороны, очистив узкий проход. Полицейские, вытянувшись в две цепи, с трудом смогли расширить образовавшийся коридор. И тогда мэр Гаррис, надувшись, словно индюк, возглавил делегацию пришельцев. По его высокомерному лицу было заметно, что он упивается этими историческими минутами, — но порой по его челу пробегала тень неуверенности, и он не без страха оглядывался на массивную фигуру Горра Холла. И все же мэр изо всех сил пытался держаться бодро. Он то и дело объяснял стоявшим вдоль дороги горожанам, что, мол, все идет замечательно и никаких оснований для беспокойства нет.

Варна Аллан шла вслед за Гаррисом, настороженно вглядываясь в лица пялящихся на нее людей. Позади шагали невозмутимый Норден Лунд и улыбающийся во весь рот Пирс Еглин. Всех троих горожане встретили радостными возгласами, эхо которых густо прокатилось под сводами купола. Люди так долго ждали помощи и почти потеряли надежду на спасение — и вновь обрели ее! Полицейские с огромным трудом сдерживали напор бурлящей толпы — казалось, горожане готовы нести на руках пришельцев со звезд.

Кеннистон и капеллянин медленно шли позади, заметно отстав от мэра и остальных членов маленькой делегации.

Когда они ступили под своды портала, люди впервые смогли как следует рассмотреть гуманоида — раньше им

мешали толстые стенки купола. И сразу же восторженные голоса смолкли. С тревогой и изумлением горожане вглядывались в кряжистую фигуру Горра Холла. Женщины, стоявшие вдоль прохода, со сдавленными криками ужаса попытались тотчас скрыться в глубине толпы. Казалось, вот-вот людей охватит паника. И тогда Джон решительно положил руку на плечо мохнатого инопланетянина и широко улыбнулся — мол, это наш друг, бояться нечего! Но жители города были явно напуганы.

— Что за чудовище?

— А что за странная одежда?

— Эй, ребята, держитесь подальше от этого дьявола. Вы только посмотрите, какие у него клыки!

Джон едва не охрип, объясняя, что бояться нечего, — а сам, ощущая под пальцами теплый мех капеллянина, был почти так же напуган. Внезапно из толпы им навстречу выбежала крошечная девчушка. Ее глазенки сияли от восторга.

— Да это же Тедди-медведь! — радостно завизжала она. — Тедди-медведь, такой же, как у меня дома — только большой и живой!

Подскочив к инопланетянину, она, визжа от удовольствия, повисла на нем, обхватив ручонками его мохнатую ногу.

Горр Холл разразился громоподобным хохотом. Нагнувшись, он ласково погладил девчушку по голове. Тотчас десятки ребятишек, вырвавшись из рук своих перепуганных матерей, закружились вокруг добродушного капеллянина. Тот, казалось, был очень доволен этим. Одним движением могучих рук он усадил хохочущую девочку себе на плечо и понес ее по улице на зависть детворе. Напряжение в толпе немедленно спало, многие взрослые заулыбались.

— Посмотрите на этого парня! Как он вам нравится, а? Шикарный мужик, нечего сказать! Держу пари, он и говорить умеет.

Пирс Еглин с усмешкой оглянулся на капеллянина, но переводить этих слов не стал.

Пропустив делегацию пришельцев, толпа немедленно смыкалась и следовала за ней по улицам. Лица людей сияли — Наконец-то к ним пришла долгожданная помощь! Кеннистон внимательно следил за голубоглазой красавицей и Норден Лундом и заметил — горячий прием горожан произвел на них впечатление. Выражение недоверчивости постепенно покидало лица гостей.

Пирс Еглин немного замедлил шаг и вскоре уже шел рядом с Джоном. Его внимание привлекли дамские меховые накидки — на них историк смотрел словно на диковинки. Видимо, сейчас ни на Земле, ни на далеких планетах не встретишь таких заурядных некогда животных, как заяц или белка, подумал Джон. Но еще больше Еглин был поражен, увидев на перекрестке автомобиль. Варна Аллан и ее заместитель также остановились, с любопытством разглядывая потрепанный «форд». Капеллянин же выпучил глаза и издал гортанный звук изумления. Опустив на землю протестующую девочку, он внимательно осмотрел салон, а затем вопросительно взглянул на Кеннистона. Тот понял, что интересует инопланетянина, и поднял капот. Все четверо пришельцев, наклонившись, некоторое время изучали двигатель, обмениваясь короткими фразами. Наконец Горр Холл поднял голову и, усмехнувшись, что-то сказал историку.

— Такая красивая машина — и такая примитивная! — перевел тот Джону. — Они спрашивают — можете вы... — он запнулся, подыскивая подходящее слово, но Кеннистон уже понял его. Он сел в кабину и, заметив, что ключ на месте, включил зажигание. Мотор проработал всего несколько минут, и горючее кончилось. Пришельцы недоуменно переглянулись и последовали вслед за нетерпеливо оглядывающимся на них мэром.

Гаррис был в прекрасном настроении. Он уже не боялся Горра Холла. Шагая рядом с пришельцами, он без умолку

рассказывал им о Миддлтауне, об эвакуации в город под куполом, об открытых на новом месте школах, столовых и мастерских, о системе распределения продуктов — не забывая, конечно, упоминать о своем личном вкладе и о неусыпной заботе о благе горожан. Джон не был уверен, что Пирс Еглин успел многое перевести своим спутникам из этой болтовни, но в нем почему-то росла беспричинная досада. Гаррис, конечно, редкостный осел, но горожанам действительно есть чем гордиться. За короткое время они сумели возродить совершенно чужой и заброшенный город — и это потребовало от всех огромного и безустанного труда. Тем не менее чужаки с заметным презрением оглядывали насосы, систему водоснабжения, генераторы — словом, все хозяйство Нью-Миддлтауна, которое им по пути демонстрировал Гаррис.

Не дойдя до мэрии сотни две метров, пришельцы внезапно остановились и после недолгого совещания пришли к какому—то решению. Пирс Еглин обратился к мэру:

— Спасибо, мы видели достаточно за это время. Позднее, — тут его голос дрогнул, а глаза блеснули от восторга, — позднее мы желаем посмотреть ваш старый город — который там, за холмами. Но теперь Варна Аллан приказала — мы должны возвратиться на корабль и сообщить о нашей находке Совету Губернаторов.

— Послушайте, мы нуждаемся в срочной помощи! — настойчиво сказал Кеннистон. — Нам необходима энергия — ведь наши запасы топлива подходят к концу.

Хуббл, молчаливо следовавший за ним от самого портала, добавил:

— Если бы вы помогли нам запустить местные атомные генераторы...

Пирс Еглин посоветовался с Варной Аллан и согласно кивнул.

— Хорошо, мы поможем вам. Варна Аллан просила передать — мы постараемся сделать вашу жизнь в этом городе как можно комфортнее — пока вы еще остаетесь здесь.

Атомными генераторами займется группа техников во главе с Горром Холлом — это наш главный инженер-атомщик.

Мэр возмущенно охнул:

— Этот мохнатый дикарь — инженер?

Пирс Еглин прокашлялся, с явным смущением покосившись на невозмутимого капеллянина.

— Хочу предупредить вас — в экипаже «Таниса» есть и другие гуманоиды — их вид может быть странным для землян. Но они — тоже друзья. Объясните это вашим людям.

Гаррис судорожно сглотнул, выслушав историка.

— Я займусь этим, — дрожащим голосом пролепетал он.

— Хорошо. Я буду работать с вами как... как переводчик, — я правильно говорю? Скоро я вернусь вместе с группой Горра Холла.

Пришельцы вежливо отказались от предложения мэра посетить его резиденцию и заспешили назад к порталу. За ними чуть поодаль следовала толпа горожан, сгорая от любопытства. Проводив делегацию, мэр разразился напыщенной речью. Он сообщил жителям Нью-Миддлтауна о результатах переговоров. Скоро у нас будет много энергии, воды, света, а возможно, и тепла, — уверенно заявил он.

Крики радости были ответом на его слова. Люди обнимались, женщины не скрывали слез — казалось, все дурное для них уже позади!

Хуббл не принимал участия во всеобщем веселье — нахмурившись, он тихо спросил стоявшего рядом Кеннистона:

— Все это замечательно — но что они имели в виду, когда сказали: «пока вы еще остаетесь здесь»?

Джон недоуменно пожал плечами. У него возникло необъяснимое дурное предчувствие. Между старым добрым Миддлтауном и звездной цивилизацией лежала слишком глубокая пропасть. Человечество ныне перебралось к Веге — неудивительно, что старушка-Земля почти забыта.

«Могут ли люди, представляющие две совершенно различные культуры, понять друг друга?» — размышлял

Кеннистон, следя, как возбужденная толпа начинает расходиться. Даже приятная мысль о том, что в городе вскоре заработают атомные генераторы и они получат практически неисчерпаемый источник энергии, не могла развеять его тревоги.

Глава 11 ОТКРОВЕНИЕ

Экипаж «Таниса» пришел в Нью-Миддлтаун после полудня. Его приветствовали тысячи горожан, вновь собравшиеся у портала. Они увидели два десятка высоких, крепко скроенных людей с могучими буграми мышц под обтягивающими синими комбинезонами. Астронавты чем-то напоминали моряков — только их океанами были галактические просторы, а лица потемнели от загара под лучами иных солнц.

Рядом с ними шагали несколько гуманоидов, о которых говорил Пирс Еглин, — дети далеких звездных систем.

Джон с Кэрол также стояли невдалеке от портала, с любопытством разглядывая техников «Таниса», намеревавшихся возродить к жизни городские атомные генераторы. Утром Кэрол толком не сумела рассмотреть Горра Холла — мешала толпа, и она заметила лишь верхушки его круглых ушей. По дороге к порталу Кеннистон пытался подготовить ее к встрече с инопланетянами, но вряд ли невеста его поняла. И вот теперь расширенными от ужаса глазами Кэрол смотрела на гуманоидов.

— И они все прилетели с Веги? — дрожа, прошептала она, взглянув на небо, где даже лучи Солнца не могли погасить огоньки созвездий. — Кен, да они же совсем не похожи на нас!

— Да, люди изменились, но не слишком заметно, — согласился Джон, успокаивающе обняв испуганную невесту. — А что касается гуманоидов... они тоже наши друзья, хоть и выглядят странно!

Об этом же говорил в этот момент и мэр Гаррис с мегафоном в руке:

— Граждане Нью-Миддлтауна! Как бы пришельцы ни выглядели, мы должны радушно встретить их. Обещаю каталажку всякому, кто причинит им хоть малейшее беспокойство. Дело не в том, какова их внешность — работать-то они могут на наше благо не хуже людей!

Горожане молчаливо выслушали мэра, но то, что они видели, заметно расходилось с его бодрыми словами. Пальцы Кэрол болезненно вцепились в плечо Джона, и, в конце концов, она не выдержала и спряталась у него за спиной. Да и многие в толпе, также ошеломленные фантастическим зрелищем, испуганно отпрянули назад.

Один из гуманоидов напоминал слона — он был почти таким же большим и грузным. Шел он с явным трудом, тяжело переступая массивными столбообразными ногами. Его морщинистая серая кожа свисала с боков широкими складками. Лицо было плоским и невыразительным, с маленькими, полными старческой мудрости глазками. Он смотрел на притихшую толпу с пониманием и сочувствием.

Двое других чем-то напоминали испанских грандов — походка их была легкой и горделивой, изящество их фигуры подчеркивали темные бархатистые плащи. Узкие лица, лишенные волос, украшали длинные птичьи носы—клювы; в узких янтарных глазах светился безумный огонь отпетых сорвиголов. Кеннистон, приглядевшись, вдруг понял — пышные плащи — на самом деле... крылья, тесно сложенные по бокам туловищ!

Четвертый пришелец выделялся даже по сравнению с «испанцами» поразительной грацией, и в то же время в каждом движении его стройного тела проглядывала мощь. Высоко посаженную голову украшала грива белоснежных волос, начинавшаяся от густых бровей и спускавшаяся на плечи тугой волной. На его квадратном лице не было ни следа носа, рот казался узкой щелью, огромные голубые

глаза улыбались, хотя в их глубине затаилась тень жестокости.

Возглавлял эту пеструю компанию Горр Холл. Приветственно махая рукой, «Тедди-медведь» непринужденно шагал по улицам древнего города. Ребятишки встречали его восторженным визгом.

— Они ужасны, ужасны, — прошептала Кэрол, уткнувшись лицом в спину Джона. — Как ты можешь стоять так близко от них?

Кеннистон презрительно хмыкнул и мужественно расправил плечи, хотя тоже чувствовал нечто подобное. Горожане же были явно подавлены. Им трудно было поверить, что есть другие разумные существа, отличные от человека, и тем более принять их как равных. Земляне привыкли делить все живое на людей и зверей — нечто промежуточное не могло иметь места.

Совсем иначе приняли пришельцев ребятишки. Не обращая внимания на загорелых астронавтов, они с восторженным визгом клубились вокруг гуманоидов. У детей не было предрассудков, свойственных их родителям. Пришельцы со звезд казались им сказочными персонажами...

Рядом с капеллянином шагал Пирс Еглин. Заметив в толпе Джона, он приветственно махнул ему рукой и немедленно подошел. Кеннистон представил ему Кэрол и сказал:

— Хуббл ждет нас в главном генераторном зале города. Я провожу вашу команду, Пирс.

Юный историк кивнул — словно вспомнил о чем-то неприятном, нахмурился. Попрощавшись до вечера с невестой, Джон пошел рядом с ним.

— Что-то случилось? — сочувственно спросил он.

— О, Джон, я получил грустный для меня приказ: быть переводчиком в группе Горра Холла. Кроме того, я должен обучить кого-нибудь из вас, горожан, галактическому языку. Это займет, увы, много времени — а я так хочу побывать в вашем старом городе!..

Джон улыбнулся.

— Если не возражаете, я буду первым вашим учеником. Постараюсь учиться прилежно и, главное, быстро!

Приветливо поздоровавшись с Горром Холлом, Кеннистон повел техгруппу «Таниса» к генераторной подстанции. От гулких шагов гуманоидов ему было не по себе. Выглядели пришельцы со звезд более чем странно — кто знает, быть может, и их поведение также весьма отлично от принятого среди людей?

Не доходя два квартала до Центральной площади, Джон свернул в узкий переулок и вскоре ввел гостей в приземистое, квадратной формы здание. В огромном сумрачном зале стояли ряды башнеподобных генераторов, в которых они с Хубблом так и не смогли толком разобраться. Работавшие в зале инженеры из «промышленной лаборатории» с изумлением воззрились на вошедших инопланетян.

Джон обратился к Горру Холлу:

— Мы полагаем, здесь находятся главные генераторы системы электроснабжения города. Быть может, вам удастся запустить их...

Его голос дрогнул. Пять пар чужих, нечеловеческих глаз приветливо смотрели на него. Белая грива на затылке одного из гуманоидов вздыбилась, как у зверя... Нет, он, Джон, не в силах разговаривать с этими существами как с людьми!

Пирс Еглин пристально взглянул на него и, нахмурившись, перевел его слова своим спутникам.

Внезапно один из «испанских грандов», взмахнув крыльями, с быстротой летучей мыши прыгнул к Кеннистону и визгливо крикнул: «Бу-у-у!»

Джон в испуге отпрянул. «Испанец» захохотал, а вместе с ним и другие члены техгруппы, даже флегматичное слоноподобное существо. Джону ничего не оставалось, как рассмеяться тоже. Было очевидно, что над ним попросту подшутили. Гуманоиды, видимо, отлично ощущали его невольную неприязнь к ним, и «испанец» отплатил ему той же монетой — но с юмором и без тени злобы.

Обстановка сразу же разрядилась. Горр Холл, широко ухмыльнувшись, хлопнул Кеннистона по плечу — мол, ничего, привыкнешь. Но подойдя к покрытым пылью генераторам, капеллянин посерьезнел. Он ловко открыл переднюю панель одной из установок. Достав из кармана своей «упряжи» сияющий «фонарь», по плечи залез внутрь генератора. Некоторое время изучал многочисленные агрегаты, что-то неразборчиво громыхая себе под нос. Наконец, со вздохом выпрямился и с явным отвращением произнес несколько фраз. Пирс Еглин немедленно перевел:

— Горр Холл сказал: эта старая установка находится в бедственном состоянии. Горр добавил — он с уважением пожмет руку того парня, кто сможет починить эту... эту развалину.

Джон невольно улыбнулся. Огромный мохнатый капеллянин выразился точно так же, как это сделал бы любой техник в ремонтной мастерской на старой Земле.

В то время, когда Горр Холл со своими коллегами тщательно изучали другой генератор, Пирс Еглин забросал Джона и Хуббла вопросами о XX веке. Они в свою очередь задали давно мучивший их вопрос:

— Почему Земля безжизненна? Что случилось с человечеством?

Пирс Еглин недоуменно взглянул на них:

— Разве вы не знаете? Когда Земля начала остывать — а это произошло многие тысячелетия назад, люди решили окончательно переселиться на другие миры. Планеты Солнечной системы непригодны для жизни, поэтому земляне полетели к звездам.

— Но кто-то должен был здесь остаться? — с недоумением спросил Джон.

Еглин пожал плечами.

— Конечно, нашлись и непримиримые домоседы... Но планета остывала так быстро, что даже города под куполом типа вашего Нью-Миддлтауна не спасали от стужи. В конце

концов, последние земляне вынуждены были переселиться к иным, теплым звездам...

Так вот где теперь находится человечество, растерянно подумал Кеннистон. Другие миры, другие солнца...

Горр Холл наконец закончил изучение второго генератора и, вытирая тряпкой огромные лапы, испачканные смазочным маслом, подошел к ним. Брезгливо поморщившись, он произнес грохочущим голосом несколько фраз. Пирс Еглин перевел:

— Горр считает, что некоторые генераторы можно запустить в действие. Но для этого необходимо время и ряд материалов — медь, магний, немного платины...

Хуббл согласно кивнул.

— Все это можно будет раздобыть в старом Миддлтауне.

— Старый город? — возбужденно воскликнул Еглин. — Я отправляюсь вместе с вами!

Маленький историк горел желанием увидеть город, чудом выплывший из пучин тысячелетий. Когда через несколько часов он вместе с Джоном и Хубблом пересекал бурую равнину на джипе, его ликованию не было предела.

— Только подумать — я своими глазами увижу город начала атомной эпохи!

Оба земных ученых отнюдь не разделяли его радости. С тяжелым сердцем смотрели они на притихший и всеми покинутый Миддлтаун. Дома были заколочены, в опустевших подъездах гулял ледяной ветер. Мостовую покрыл толстый слой пыли и песка. Деревья потеряли последнюю листву, трава потемнела и поникла.

Кеннистон заметил, как в глазах шефа появился туман глубокой грусти, — да и его сердце пронзила острая боль тоски. Он уже сожалел о приезде в Миддлтаун — здесь ничто не говорило о недавних временах, когда город кипел жизнью. Джон осторожно вел джип по сумеречным улицам, и перед его глазами невольно возникали яркие картины: разгар лета, девушки в разноцветных сарафанах, цветущие кроны деревьев, перезвон птиц, шум людских голосов...

Пирс Еглин тоже молчал — но по иной причине. С благоговением он оглядывал старые дома и магазины, проплывающие мимо него по обеим сторонам улиц.

— Это все нужно сохранить, — наконец прошептал он, — это слишком драгоценно! Дома надо законсервировать, а над городом построить купол. Я позабочусь, чтобы все было сохранено для потомков — картины, мебель, книги, даже обрывки старых газет.

Хуббл неожиданно воскликнул:

— Э, да здесь кто-то есть!

В этот момент джип проезжал по Милл-стрит. Приглядевшись, Кеннистон заметил небольшой, обтекаемой формы автомобиль, стоявший рядом с воротами «промышленной лаборатории». Внезапно из здания вышли... Варна Аллан и Норден Лунд!

Увидев джип, они переглянулись. Когда машина остановилась, Варна что-то сказала Еглину, и тот перевел:

— Вас просят не волноваться — руководители экспедиции решили лично обследовать город, перед тем как связаться с Советом Губернаторов.

Администратор тем временем с заметным презрением бросила взгляд на угрюмое здание фабрики, закопченные трубы, проржавелые рельсы на подъездных путях, неряшливые дома с облупленными стенами.

Джон сказал вызывающе:

— Спросите ее, Пирс, — что она думает о нашем Миддлтауне?

Еглин задал вопрос, и Варна, усмехнувшись, что-то резко ответила. Еглин смущенно пробормотал:

— Варна сказала — ей не верится, что люди могли жить в столь жалком и презренном месте!

Лунд одобрительно расхохотался. Кеннистону кровь ударила в лицо, и в этот момент он возненавидел Администратора за ее высокомерие. Она смотрела на добрый старый городок словно на логово обезьян!

Хуббл понял его чувства и успокаивающе положил ему руку на плечо.

— Пойдемте, Кен, нас ждут дела, — напомнил он.

Холодно попрощавшись с Варной Аллан и ее заместителем, они вместе с Пирсом Еглином вошли в здание лаборатории. Джон раздраженно сказал:

— Дьявол, почему эта блондинка так высокомерна?

Хуббл покосился на него:

— Кен, держите себя в руках. Не позволяйте мужскому самолюбию закружить вам голову!

Пирс Еглин сочувственно взглянул на них.

— Не такое уж это и старомодное чувство, — усмехнулся он. — Норден Лунд тоже не очень-то рад, что ему приходится быть заместителем у молоденькой девушки...

Вскоре они вышли вновь на улицу, держа в руках ящики с необходимыми для Горра Холла материалами. Варны Аллан и Лунда не было видно — видимо, они продолжали исследовать Миддлтаун.

Вернувшись в город под куполом, они обнаружили, что капеллянин и его группа уже начали разборку генераторов. Техники работали с удивительным мастерством и ловкостью.

Последующие несколько дней Джон провел в генераторном зале, помогая пришельцам как мог. Он уже не испытывал неприязни к гуманоидам. Они вместе трудились, вместе садились за стол, хотя экипаж «Таниса» предпочитал земным консервированным продуктам свои малоаппетитные на вид пасты и концентраты. Понемногу Джон начал понимать галактический язык. Пирс Еглин постоянно помогал ему, и вскоре Кеннистон не без удивления обнаружил, что в основе языка инопланетян лежит... его родной английский! С того момента дела у него пошли споро.

Через несколько дней он внезапно осознал, что работает с пришельцами столь же слаженно, как со своими коллегами из ядерного центра! Его больше не удивляло, что белогривый Магро, житель одной из планет звезды Спика из

созвездия Девы, был прекрасным инженером-электронщиком. Магро шутя справлялся с ремонтом сложнейших блоков и электросхем Джону такое и присниться не могло.

«Испанские гранды» оказались братьями по имени Бан и Бал. Они были искусными техниками. Паря на своих широко раскрытых крыльях, они легко взмывали к вершинам многометровых генераторов и столь же легко восстанавливали самые безнадежно изношенные агрегаты.

Слоноподобный гуманоид по имени Лаллор был прекрасным теоретиком и математиком. Джон выяснил это во время экскурсии в подземную шахту под городом. Хуббл, опираясь на металлический барьер у жерла пропасти, коротко рассказал о своих догадках — и Пирс Еглин, выслушав его, согласно кивнул.

— Да, вы правильно угадали назначение шахты, — сказал он. — Подобные сооружения позволили людям долгие столетия продержаться на остывающей Земле. Кстати, этот же метод использовался почти на всех ныне опустевших мирах Федерации... Но, увы, магма быстро остывает...

Стоявший рядом с ним Лаллор ободряюще пробормотал:

— Ничего еще не потеряно, земляне. Йон Арнол предложил метод возрождения мертвых планет — с математической точки зрения его уравнения кажутся безупречными.

Он достал из нагрудного кармана блокнот и ручку, молниеносно набросал на нем несколько десятков сложнейших уравнений и что-то начал объяснять, поглядывая на Хуббла. Тот, заинтересовавшись, вопросительно взглянул на Еглина, но историк почему-то не пожелал переводить слова Лаллора.

— Йон Арнол мог ошибиться, — недовольно произнес он, укоризненно поглядывая на гуманоида. — Он фанатик своей идеи и к тому же чистый теоретик. Когда он попробовал применить свой метод на практике, дело окончилось катастрофой... Не обращайте, земляне, внимание на Лаллора — он великолепный математик, но в практической жизни мало что смыслит...

Еглин многозначительно посмотрел на Лаллора, и тот, смутившись, спрятал блокнот в карман. Джон с Хубблом озадаченно переглянулись — они толком ничего не поняли.

Через несколько дней Джон более или менее освоил язык пришельцев. Пирс Еглин с явным облегчением посчитал, что его миссия переводчика окончена, и немедленно отправился в старый Миддлтаун, предвкушая встречу с «сокровищами» давно минувших веков. Джон же продолжал работу с группой техников в генераторном зале. Чем больше он узнавал об их обычаях и культуре, тем сильнее проникался к гуманоидам уважением и даже восхищением.

Совместными усилиями им удалось-таки привести в порядок генераторы, питавшие городскую систему водоснабжения, — так что Нью-Миддлтаун приобрел практически неограниченный источник воды. Еще через несколько дней заработали и остальные установки, в том числе и входящие в систему теплоцентрали. В результате в городских квартирах стало заметно теплее и можно было наконец отказаться от переносных печек.

Однажды ночью капеллянин по рации позвал Кеннистона в генераторный зал. Магро и остальные техники с «Таниса» были уже здесь. Они были с головы до ног перепачканы в пыли и смазочном масле, но лица их сияли — чувствовалось, что они гордятся проделанной работой. Горр Холл торжественно подвел недоумевающего Джона к окну. Безлунная ночь, окутанные мглой небоскребы, и лишь кое-где тускло светятся фонари, питающиеся от бензиновых генераторов...

Капеллянин подошел к расположенному на стене распределительному щиту и включил несколько рубильников. Внезапно за окном словно вспыхнуло солнце — весь город залило ослепительным морем света!

Небоскребы переливались огнями, словно новогодние елки, по улицам струились реки голубого пожара. Иным стало и небо — купол внезапно засветился мягким светом. Создавалось впечатление, будто в зените сияла полная луна,

а рядом проплывали разноцветные облака, отбрасывая отсвет на крыши домов. Это зрелище было настолько странным и непривычным после многих недель угнетающего мрака, что Джон застыл, ошеломленный, не находя слов. Он почувствовал, как на его глаза наворачиваются слезы радости...

Спящий город немедленно проснулся. Люди хлынули на сияющие улицы, и вскоре все вокруг наполнили восторженные крики. Кеннистон взволнованно обернулся к своим новым друзьям — но так и не смог найти слов благодарности.

Горр Холл понимающе хохотнул, хлопнул его по плечу — и все вместе они вышли из зала.

На пороге генераторной их встретил Гаррис — забыв о солидности, он, словно мальчишка, прибежал от стоящего в двух кварталах отсюда здания мэрии. Чуть позднее появились Хуббл, Криски и другие сотрудники бывшего ядерного центра — а за ними повалили толпы возбужденных горожан. С восторженными криками они подняли на руки экипаж «Таниса», а заодно и Джона с Хубблом, и сделали с ними торжественный круг по Центральной площади. Свету люди радовались куда больше, чем воде и теплу — им казалось, что в небе зажглось животворное солнце! Этой ночью техников с «Таниса», и особенно гуманоидов, приветствовали как римских триумфаторов и даже больше — как братьев.

Часа два спустя Гаррис устроил в здании мэрии прием. Подняв бокал шампанского, он выразил экипажу «Таниса» огромную признательность от имени пятидесяти тысяч горожан и сделал это весьма витиевато и красноречиво. В ответ, сидевший рядом с ним Горр Холл похлопал Гарриса по плечу и обернулся к Кеннистону.

— Что он сказал?

Джон усмехнулся.

— Наш мэр жаждет знать, чем он может выразить вам свою безграничную признательность. Он готов вручить вам ключи от города, или предложить в невесты свою дочь, или даже подарить графин с пинтой собственной крови — он до

сих пор не знает, чем вы питаетесь. Ну, а если серьезно — мы все признательны вам, Горр! Ваши люди возродили Нью-Миддлтаун к жизни — вы понимаете, как это важно для нас?

Горр Холл добродушно улыбнулся, обнажив два ряда крепких клыков, — но на этот раз мэр мужественно воздержался от бегства.

Выразительно переглянувшись с товарищами, капеллянин прогрохотал своим могучим басом:

— Ну что ж, если вы хотите порадовать нас, звездных странников, то давайте кончим речи — и устроим славный пир! Только передайте вашему мэру, Джон, — его кровь нам не подойдет, мы предпочитаем напитки покрепче!

Хуббл расхохотался — он также стал немного понимать галактический язык. Кеннистон передал мэру слова капеллянина — разумеется, в смягченном виде. Гаррис немедленно отдал приказ накрывать столы — для этого он без колебаний решил использовать городские неприкосновенные запасы.

Пир горой продолжался почти всю ночь. Наутро техники с «Таниса» неохотно поднялись из-за столов — им нужно было вернуться на корабль до восхода солнца. Заплетающимся языком Джон попытался протестовать:

— Ребята, к чему эта спешка? — пробормотал он, обняв белогривого Магро за плечи. — Работа сделана, разве нельзя нам немного расслабиться? Глядишь, ваша «снежная королева» — я имею в виду эту зазнайку Варну Аллан — сдуру и назначит отлет...

Магро вздохнул:

— Увы, улетим мы не скоро, Джон. Это определяется многими вещами... — и он пристально посмотрел на Горра Холла.

Капеллянин, поглотивший за ночь великое множество крепких напитков, был, казалось, слегка пьян. Он сидел, обнявшись с мэром. Гаррис со слезами на глазах просил прощения:

— Извини, друг, я был болваном, когда испугался тебя поначалу! Ты отличный парень — ты и твои гум... гам... словом, ребята со звезд!

Джон с готовностью перевел это капеллянину. Тот громко расхохотался и так хлопнул мэра по спине, что тот едва не свалился со стула.

— Мы сделали все, что могли, земляне, — забасил Горр Холл, покосившись на Магро. — Свет и прочее сделает вашу жизнь более приятной — пока вы еще остаетесь здесь.

Кеннистон удивленно взглянул на него.

— Пока мы еще остаемся здесь? Что это значит, Горр?

— Конечно, вашу скорую эвакуацию, — простодушно ответил огромный капеллянин и опрокинул еще один бокал с бренди.

Джон механически перевел его слова — и только чуть позже осознал, что здесь что-то не то. В зале повисла напряженная тишина, земляне с тревогой переглядывались, а люди из экипажа «Таниса» недоуменно смотрели на своего начальника.

— Горр, я чего-то не понял, — медленно произнес Джон. — Что вы сказали насчет эвакуации?

На медведеподобном лице капеллянина отразилось удивление.

— Разве Пирс не сказал вам об этом?.. Странно... Видимо, командование корабля решило не волновать вас по пустякам. Вы, земляне, очень эмоциональны — вроде нас с Магро. Наши народы в Федерации даже прозвали «примитивами» в отличие от высокоинтеллектуальных людей с Веги. Ну что ж, эту забывчивость можно понять и так — чем позднее вы узнаете о своей дальнейшей судьбе, тем меньше с вами будет возни.

— Погодите, Горр, погодите, — пробормотал Кеннистон, морщась от головной боли. — Лучше объясните — что вы имеете в виду под эвакуацией?

Горр Холл сочувственно взглянул на него — теперь было ясно, что он вовсе не пьян.

— Я говорю о решении Совета Губернаторов, — пояснил он. — Все жители вашего города в ближайшее время будут эвакуированы с Земли на одну из планет Галактического содружества!

Глава 12 КРИЗИС

Кеннистон, Хуббл и руководство города во главе с мэром изумленно смотрели на капеллянина. Довольно долго никто из них не мог вымолвить ни слова — настолько все были ошеломлены. Горр Холл тем временем с мрачным видом допил вино из бокала Джона. Магро сочувственно смотрел на землян блестящими выпуклыми глазами. Зал заседаний сиял ослепительным светом ламп, искусно встроенных в потолок словно диковинные цветы, — но в душах землян царила ночь.

Первым пришел в себя Гаррис.

— Эвакуация? — прошептал он в ужасе. — К далеким звездам? — Его пухлое лицо исказила гримаса боли. Повернувшись к Горру Холлу, он яростно закричал: — Думаете, мы рехнулись?

Капеллянин вздохнул.

— Видимо, я напрасно проболтался...

Его печаль показалась Джону несколько наигранной — так же, как и недавнее удивление «забывчивостью» Еглина.

Мэр Гаррис затрясся от бешенства и метнул в пришельца испепеляющий взгляд.

— Вы знали это с самого начала! Вы пришли в наш город, притворившись друзьями, а между тем держали за пазухой такой камень... — Он внезапно взвизгнул: — Скажите им, Кеннистон, — если они надеются, что мы оставим Землю ради... ради черт знает какой дыры в их разлюбезной Галактике, — то они полные идиоты!

Хуббл знаком заставил мэра замолчать и тихо спросил:

— Кен, спросите — чем занимается этот Совет Губернаторов? Он что, вправе без согласия народов переселять их с одной планеты на другую?

Выслушав корявый перевод Джона, Горр Холл кивнул.

— Да. Такое случается, если та или иная планета становится непригодной для жизни — скажем, из-за истощения природных ресурсов. Тогда Губернаторы могут принять решение об эвакуации населения в другую звездную систему. Подходящих миров более чем достаточно… Подобная история однажды произошла и с моим народом — нас переселили на Альдебаран-3.

Кеннистон с возмущением воскликнул:

— И что же, народы целых планет должны безропотно подчиняться? Неужели никто не пытался сопротивляться?

Капеллянин хмыкнул.

— Если вы, Джон, под «народами» имеете в виду ваших потомков, чьи корни здесь, на Земле, то с ними, как правило, не бывает проблем. Люди миллионы лет назад покинули родину и с тех пор бесчисленное количество раз перемещались с одной планеты на другую. Для них давно не существует понятия «отчего дома» — есть лишь «место проживания». По отношению к таким народам Федерация Звезд использует лишь метод убеждения. Им объясняют, что на новой планете жить легче и сытнее — и этого вполне достаточно. Другое дело «примитивы» вроде нас с Магро: для Совета Губернаторов мы лишь первобытные гуманоиды. Наши народы в свое время без всякого восторга отнеслись к идее переселения. Больше того, мы так же боялись этого, как и вы сейчас!

— Эй, Гаррис, вы куда? — внезапно воскликнул Хуббл. Он едва успел схватить мэра за фалду пиджака, когда тот устремился к двери.

— Не пытайтесь меня остановить! — заорал тот. — Я сейчас выйду на балкон и все расскажу гражданам города! Они веселятся там, на площади, не подозревая, что уготовили им эти… эти чудовища! Посмотрим, что люди скажут об этом!

— Чего вы хотите добиться, Гаррис? — угрюмо спросил Хуббл. — Поднять восстание? Не будьте глупцом, у нас нет ни малейших шансов на победу. Нам нужно вступить в мирные переговоры с командованием звездолета — других путей к спасению нет! Да остановитесь же вы, идиот! Полумеры только осложнят наше положение...

Гаррис перестал сопротивляться и налитыми кровью глазами посмотрел на Хуббла и Джона.

— Хорошо, — прохрипел он и вновь уселся на стул. — Я согласен на переговоры. Только пусть они не думают, что мы бессловесные бараны, с которыми можно делать что угодно. Подумать только — кто-то там, на звездах, будет решать, на какой планете нам жить! Джон, гоните этих уродов прочь. Я был прав с самого начала, не доверяя им...

— Прекратите истерику, Гаррис, — сухо сказал Кеннистон. — Неужели вы так и не поняли, что Горр и Магро специально предупредили нас, дабы мы приняли меры, пока не поздно!

Он обратился к гуманоидам, молча наблюдавшим за происходящим.

— Вы видели, как бурно отреагировал мэр на ваши слова. Уверяю вас, точно такой же будет и реакция остальных горожан. Расскажите об этом Варне Аллан и предложите ей немедленно начать переговоры — иначе ситуация может стать неуправляемой. Передайте ей — мы не потерпим, чтобы наши судьбы решались неизвестно кем за нашей спиной! — Он замолчал, едва сдерживая охватившую его ярость. — Нет, пожалуй, последние мои слова передавать не стоит...

Горр Холл сочувственно улыбнулся.

— Как один «примитив» другого, я прекрасно понимаю вас, Джон.

— Спасибо, Горр. Но учтите — когда начнется заварушка, вам с Магро придется где-нибудь скрыться. Иначе я не смогу гарантировать вам жизнь.

— О, в корабле мы будем в полной безопасности, — усмехнулся капеллянин. — У меня есть кое-какие идеи скажем, поговорить с экипажем насчет возвращения...

Магро добавил:

— И вот еще что, Джон. Если здесь начнется то, что вы называете заварушкой, — а я чувствую, так и будет, — обратите внимание на Лунда. Варна Аллан слишком самоуверенна и горда, с ней вам не удастся договориться. Другое дело Лунд, он мечтает занять пост Администратора и ради этого способен на многое.

— Что верно, то верно, — подтвердил Горр Холл.

— Спасибо, я запомню, — поблагодарил их Кеннистон.

Гуманоиды попрощались с хозяевами и отправились на корабль — они должны были сообщить командованию о том, что жители Нью-Миддлтауна не желают повиноваться приказу об эвакуации. Толпа на площади встретила их бурными приветствиями. Люди еще ничего не знали...

— Прошу прощения за несдержанность, — сказал мэр, виновато глядя на Хуббла и Джона. — Но кто мог подумать, что эти существа куда ближе нам, чем наши же потомки с корабля!

— Ничего удивительного, — усмехнулся Хуббл, — они находятся почти на том же невысоком уровне развития, как и мы. А главное, они не потеряли своих корней. Что же касается людей с Веги... они давно уже граждане Галактики! Увы — мы чужие друг другу...

Джон шепнул шефу:

— Хуббл, попросите мэра держать язык за зубами...

Тот кивнул:

— Хорошо. А вы, Кен, идите-ка спать. Быть может, сегодня днем нам предстоит разговор с разъяренной Варной Аллан и Лундом.

Попрощавшись, Кеннистон побрел домой, не отвечая на многочисленные приветствия кипящей от радости толпы. Спалось ему плохо — из головы не выходили слова капеллянина об эвакуации. «Какое разочарование ждет сегодня

горожан! — мучился он, ворочаясь на кровати. — Они-то считают, что все тревоги позади. И Кэрол тоже...». Но больше всего он почему-то думал о прекрасной, голубоглазой Варне Аллан. Он ненавидел ее — и боялся... Но еще сильнее опасался неведомого Совета Губернаторов, управляющего настоящим и будущим Галактики. Символом его мощи был титанический звездолет «Танис»... Вряд ли земляне смогут дать серьезный отпор звездному воинству!

Джон сумел заснуть только часам к десяти утра — и тут его разбудил Хуббл.

— Вставайте, Кен. «Варна Аллан и Лунд уже в здании мэрии!» — встревоженно сказал он. — Вы лучше всех овладели их языком — придется поработать переводчиком. Дело слишком важное, нельзя допустить даже малейшей неточности...

Они молча направились к соседнему небоскребу. Никогда еще Джон не видел своего шефа таким озабоченным и мрачным.

Толпа еще не разошлась — люди веселились от всей души, не подозревая об уготованной им участи. Совсем другая атмосфера царила в зале заседаний. За массивным столом сидели с одной стороны мэр Гаррис, Борхард, Моретти и еще шесть членов муниципалитета, а с другой — Администратор и ее заместитель, жители далекой Веги.

Мэр Гаррис выглядел до предела утомленным — похоже, он так и не ложился спать. Пожав руки обоим ученым, он твердо сказал:

— Кеннистон, спросите их, соответствует ли истине слух об эвакуации к звездам?

Джон перевел.

Варна Аллан кивнула.

— Да. Я сожалею, что Горр Холл преждевременно разгласил наши планы — это, кажется, вас расстроило. — Она обвела взглядом напряженные лица землян и остановилась на Гаррисе. Джон подумал: а ведь Администратору наверняка не раз приходилось бывать в подобной ситуации на других

планетах! Конечно, она отлично знала, как вести себя в таких случаях.

— Я уверена, население города нас поймет, — продолжала Варна Аллан. — Мы действуем в ваших же интересах...

— В наших интересах? — возмущенно воскликнул Гаррис. — Почему вы сразу не сказали правду нам, руководству города, а держали камень за пазухой?

Норден Лунд с усмешкой посмотрел на побагровевшего мэра и презрительно процедил:

— Я же говорил вам, Варна, надо было...

— Мы обсудим это позднее, — резко оборвала своего заместителя девушка. Джон заметил, с каким трудом она сдерживает гнев. Варна Аллан повернулась к мэру: — Мы собирались подождать, когда план эвакуации будет полностью подготовлен...

Забыв перевести эти слова, Джон воскликнул:

— Скажите прямо — вы считаете нас примитивными аборигенами, с которыми не стоит церемониться?

— Не понимаю, почему у вас сложилось такое превратное впечатление, — раздраженно возразила Администратор. После паузы она мирно произнесла, словно уговаривала ребенка: — Скоро прибудет корабль с экспертами Совета Губернаторов. Они ознакомятся с обстановкой и подберут планету, соответствующую вашим потребностям. Думаю, она будет очень похожа на Землю вашего времени...

— Это весьма благородно с вашей стороны, — ядовито ответил Джон. Варна Аллан смерила его высокомерным взглядом, но промолчала.

Кеннистон вспомнил о своих обязанностях и перевел их небольшой диалог членам муниципалитета. Гаррис от негодования даже потерял голос. Он просипел:

— Если они думают, что мы покинем Землю ради какого—то дурацкого мира в небесах, то они глубоко заблуждаются! Объясните им это, Кеннистон!

Когда Джон перевел слова мэра, Варна Аллан слегка побледнела — похоже, она была совершенно сбита с толку.

— Неужели ваши люди хотят остаться на этой холодной, умирающей планете?

Мэр затрясся, пожирая пришельцев испепеляющим взглядом:

— Кеннистон, объясните этим чужакам: нам и так пришлось оставить наш добрый старый Миддлтаун, наши дома и привычный образ жизни. Этого достаточно, больше мы не выдержим. Оставить Землю? Нет, ни за что!

Переведя слова мэра, Джон добавил:

— Поймите — мы прожили здесь большую часть жизни, здесь...

Он замолчал, не находя подходящих слов. Да и как объяснить гражданам Галактики, что значит для них родная планета? Земля — это цветущие луга, весенний ветер, напоенный запахами цветов, грозовые дожди... это рождение и смерть... это любовь. Разве можно забыть это?

Встряхнув гривой каштановых волос, Лунд сказал своей начальнице, с пренебрежением глядя на землян:

— Я предупреждал вас, Варна, эти «примитивы» слишком эмоциональны. К ним нужен другой подход...

Девушка, игнорируя Лунда, обратилась к Кеннистону:

— Но жить на умирающей планете невозможно. Рано или поздно вам придется уйти.

— Пусть она сама скажет это горожанам, — не без угрозы произнес мэр. — Впрочем, я и сам это сделаю...

Он поднялся и не спеша направился к выходу. Его округлая приземистая фигура обрела неожиданную горделивую осанку. Борхард, Моретти и другие члены муниципалитета последовали за ним, смущенно переглядываясь, — они понимали, какое неприятное дело им предстоит. Помедлив, командование «Таниса» также вышло из здания.

Отсюда, со ступеней широкой лестницы, была отлично видна площадь, запруженная тысячами горожан — рабочих и домохозяек, банкиров и библиотекарей, стариков и ребятишек. Звучала веселая музыка, многие танцевали. Увидев мэра и рядом с ним двух пришельцев, люди

зааплодировали. Громкое эхо от восторженных криков прокатилось под сияющим куполом.

Мэр Гаррис шагнул вперед, держа в руках мегафон:

— Граждане Нью-Миддлтауна, слушайте меня внимательно, — твердо сказал он. — Пришельцы со звезд приказывают нам покинуть Землю! Они обещают найти для нас другой мир где-то на другом краю Галактики. Что вы на это скажете? Хотите вы оставить нашу родную планету?

На площади внезапно воцарилась тишина. Радость на лицах сменилась недоверием. Джон покосился на Варну Аллан — в ее голубых глазах росла тревога. «Вряд ли мы поймем друг друга, — подумал он. — Слишком уж мы разные...»

Наконец до горожан дошел смысл сказанного мэром. Ответом стал нарастающий гул возмущения:

— Улететь отсюда куда-то в небо? Эти чужаки что, спятили?

— Мало того, что мы с болью в сердце покинули Миддлтаун — теперь еще и Землю?

На лестницу вбежал краснощекий мужчина — Джон узнал в нем водителя городского автобуса. Подойдя вплотную к мэру, он закричал:

— Что это все значит, мистер Гаррис? Мы устроились в новом городе как следует, а сегодня еще получили и свет, много света! Почему же мы должны улететь на какую—то там Луну или еще куда подальше?

Гаррис с торжествующим видом обернулся к пришельцам.

— Видите? Мои люди не желают даже слушать о вашем нелепом предложении!

Варна Аллан с изумлением взглянула на него:

— Предложении? Это приказ Совета Губернаторов! Я рекомендовала провести операцию — и Совет ее одобрил.

Переведя, Джон не выдержал и сказал гостям:

— Наш народ не будет подчиняться никому, кроме своего собственного руководства. Приказ ваших Губернаторов ничего для нас не значит!

На лице Варны промелькнула тень испуга.

— Не понимаю... Никто не имеет права возражать Совету Губернаторов! Он представляет в этой части Галактики Федерацию Звезд, разве вы не понимаете это?

Джон ответил раздраженно:

— Что нам ваши звезды? Только огоньки в небе, не больше.

Норден Лунд, удовлетворенно улыбнувшись, вкрадчиво сказал Варне:

— Похоже, мы оказались в тупике, дорогая начальница. Не пора ли проконсультироваться с Вега-центром?

Администратор яростно взглянула на своего заместителя:

— О, я понимаю, что, у вас на уме, Лунд. Не надейтесь — я выполню решение руководства, чего бы это мне ни стоило. И тогда поговорим с вами... и с этим изменником Горром Холлом...

Повернувшись, она резко сказала Джону:

— Горожане должны уяснить — мы не собираемся причинять им вреда! Объясните, какая жизнь предстоит здесь: полная изоляция от остального человечества, жалкое прозябание даже без надежды на какие—либо перспективы в будущем...

— Возможно, — тихо сказал Джон, — но мы все же надеемся на лучшее. Вы совершенно не знаете наших людей — их нелегко сломить.

Был ли он так уверен в этом? Джон не хотел признаваться самому себе, но слова Варны Аллан порой казались ему справедливыми...

Варна Аллан пожала плечами:

— Вам придется скоро убедиться, что решение Совета Губернаторов — это закон, которому необходимо подчиняться. Лунд, пойдемте — нам здесь больше нечего делать.

Пришельцы спустились по лестнице и пошли в сторону портала. Бурлящая, встревоженная толпа нехотя

расступалась перед ними. Люди были озадачены, но явной враждебности к чужакам еще никто не выказывал.

Джон обернулся к Хубблу:

— Что мы должны делать, шеф? — спросил он растерянно. — У вас есть какие-либо идеи?

— Увы, нет, — покачал головой тот. — Зато я знаю, чего нельзя допустить, — я имею в виду любое насилие по отношению к звездолетчикам. Это может иметь для нас самые фатальные последствия... Кен, мы должны как-то успокоить горожан и до прибытия эвакуационной комиссии тщательно продумать план действий.

Весь остаток дня Кеннистон только и делал, что выступал на многочисленных импровизированных митингах, беседовал со знакомыми и незнакомыми людьми, спорил, успокаивал, убеждал... Он повторял доводы Варны Аллан, но чувствовал — его слова не доходят до людей. Ему возражали: жизнь в новом городе налажена, есть свет, вода и тепло, они не одиноки во Вселенной — чего еще надо? С неукротимым оптимизмом, свойственным землянам, люди верили — завтрашний день будет прекрасным! Чего же ради лететь к звездам?

Кеннистон не настаивал — он их понимал. Люди и так испытали страшный шок, перенесясь через миллионы лет в будущее, потеряв близких, привычный образ жизни и даже собственные дома. Повторный удар многие бы просто не вынесли... Кроме того, они были не одиноки в этом ледяном мире — там, за холмами, лежал старый Миддлтаун. Лучше всякого якоря он удерживал горожан от безумных попыток начать все снова на новом месте. Тем более если это место далекий мир на другом краю Галактики...

Но было и еще одно — ужас, который охватывал людей при мысли, что им придется войти в звездолет и нырнуть в бездонную пропасть космоса, расцвеченную огоньками холодных звезд, а надежная, безопасная твердь Земли останется позади, потерянная навеки! Даже закаленным мужчинам станет не по себе на борту чужого корабля, что же

говорить о женщинах и стариках? Миддлтаун был провинциальным, тихим городком, многие его жители не переносили даже автомобильных поездок — какие уж тут галактические перелеты?

До самого вечера люди тянулись к порталу и стояли там, возбужденно переговариваясь и с волнением наблюдая за громадой звездолета, который не подавал никаких признаков жизни. Выход из города охраняли теперь вооруженные гвардейцы — они не выпускали никого ни на шаг за пределы купола.

Кеннистон также некоторое время провел у портала, а затем, удрученный и встревоженный, направился к невесте.

Кэрол вместе с тетей встретили его в пустой комнате. Кэрол взглянула на него вопрошающим, полным горечи взглядом и жалобно спросила:

— Пришельцы не могут заставить нас уйти отсюда, верно, Кен? Они не сделают этого?

— Командование звездолета считает, что творит благо, — вздохнул Джон, присев на стул. — И я не знаю, как их переубедить.

Кэрол нервно рассмеялась. Ее лицо было бледно, на глазах блестели слезы.

— Этому нет конца, — в отчаянье произнесла она. — Сначала мы оставили свой век из-за взрыва бомбы, затем пришлось уйти из Миддлтауна, а сейчас надо покидать и саму Землю. Почему мы не можем остаться здесь и умереть дома, подобно нашим предкам? Это сумасшествие, сплошное сумасшествие... Кен, я не хочу уходить, понимаешь не хочу!

— Многие, если не все, чувствуют то же самое, — устало сказал Джон. — Думаю, мы еще поборемся за свои права... Кэрол, пойдем прогуляемся — на свежем воздухе будет лучше.

Они вышли на окутанную мглой улицу. Яркая иллюминация была погашена — уж очень она не соответствовала подавленному настроению горожан. Джон и Кэрол шли, почти не разговаривая, погруженные каждый в свои мысли.

«Вновь между нами появился барьер, — сокрушенно размышлял Кеннистон. — Взаимопонимание, кажется, окончательно потеряно. И непонятно, что делать».

Инстинктивно они свернули на улицу, ведущую к окраине города, и вскоре уже стояли около стены купола, через которую просвечивала мерцающая глыба звездолета. Кэрол долго смотрела туда, затем вздрогнула и отвернулась.

— Я не могу видеть ЭТО, — прошептала она. — Пойдем назад.

— Подожди, — сказал Джон, заметив мужчину, быстро приближавшегося со стороны портала.

Это был Хуббл. Кивнув Кэрол, он, задыхаясь, проговорил:

— Кен, я искал вас по всему городу. Этот чертов Гаррис совсем потерял остатки разума. Он призвал горожан к вооруженному сопротивлению! Пойдемте, прочистим ему мозги.

Джон раздраженно буркнул:

— Неудивительно, что эта зазнайка Варна Аллан считает нас стадом «примитивов» ... Хорошо, попробуем, но сначала проводим Кэрол.

По пути встречались встревоженные группы людей. Они молча смотрели вверх на купол, словно пытаясь что-то разглядеть в темнеющем небе. Вскоре оттуда уже явственно слышался знакомый громыхающий звук, нарастающий с каждой секундой.

— Второй звездолет! — воскликнул кто-то с ужасом.

Толпа ринулась к порталу. Сквозь многоголосый шум Джон едва слышал крик Хуббла:

— Эвакуационный отряд! Кен, скоро Варна Аллан даст нам жару!

Глава 13 ГОРОД ГОТОВИТСЯ К БОЮ

Они вновь стояли у стены купола вместе с тысячами встревоженных горожан. Перепуганная Кэрол дернула Джона за рукав:

— Кен, я лучше вернусь домой. Нет, не стоит меня провожать.

— Хорошо, — после некоторого колебания ответил Джон. — Хуббл прав, надо немедленно идти к мэру, пока он не наломал дров. И вот еще что — не выходи сегодня из дома, пока я не вернусь, ладно?

Он поцеловал невесту в щеку, и та, повернувшись, сразу затерялась в толпе. Джон посмотрел ей вслед — ему очень хотелось проводить ее до дому, так, на всякий случай. Конечно, в городе безопасно, пока безопасно, хотя...

Хуббл нетерпеливо сказал:

— Джон, нам тоже пора. Дорога каждая минута...

Они пошли в сторону бульвара, ведущего от портала к Центральной площади. Навстречу им двигался непрерывный поток испуганных, громко переговаривающихся людей. Когда оба ученых добрались наконец до площади, они увидели грузовики с солдатами, отъезжавшими от здания мэрии. Гвардейцы были одеты в зимнюю форму.

Хуббл охнул:

— Черт побери, да они же направляются за пределы города! Что за идиот отдал этот приказ?

Джон с Хубблом взбежали по ступенькам и вошли в здание. Оно кипело, словно муравейник, и больше напоминало прифронтовой штаб. В зале заседаний они нашли мэра и большинство членов муниципалитета. Гаррис шагал взад—вперед, заложив руки за спину. Осанка его была генеральской, но в глазах светился страх. Увидев ученых, он нарочито бодро воскликнул:

— Они хотят силой вывезти нас с Земли, но мы так просто не сдадимся! Еще посмотрим, кто кого! — Его голос сорвался внезапно на фальцет. — Вы видели грузовики там, на площади? Солдаты направились в старый Миддлтаун, чтобы привезти из арсенала полевые орудия. Вы понимаете — орудия! Это единственный путь убедительно показать, что мы не позволим собой командовать.

— Вы глупец... — Хуббл едва сдерживал ярость. — Вы просто придурок, Гаррис!

Мэр побагровел, но не нашелся сразу, чем ответить на оскорбление. За него заступился Борхард:

— Мэр действует согласно нашему общему решению. Послушайте, Хуббл, занимайтесь-ка лучше своей наукой, а уж мы поступим так, как того требует долг.

— Это верно! — воскликнул Моретти, и остальные члены муниципалитета кивнули в знак Согласия.

Хуббл взорвался:

— Господа, да вы словно разом ослепли! Пушки им, видите ли, понадобились! Неужели не ясно, что наши орудия — не больше, чем игрушки по сравнению с мощью пришельцев! Эти люди завоевали звезды, можете вы это понять?

Гаррис наконец обрел дар речи. Подойдя к Хуббу вплотную, он прошипел:

— Вы попросту боитесь их, жалкий бумагомаратель, а мы нет. Вы с Кеннистоном наложили в штанишки, а мы будем бороться. И зарубите это себе на своем высокоученом носу!

Члены муниципалитета зааплодировали.

— Отлично, — холодно ответил Хуббл, — действуйте и дальше в том же роде. Пришельцы не будут вступать в переговоры с идиотами. Последний раз повторяю — наши шансы далеко не равны. У нас есть лишь один путь — вести себя подобно цивилизованному народу, в этом случае к нашим чувствам и переживаниям еще могут отнестись с должным пониманием. Мы могли бы начать диалог...

— Диалог! — презрительно фыркнул мэр. — Много нам дал ваш диалог! Нет, мы, руководство города, отныне пойдем другим путем и в ваших советах больше не нуждаемся. Мы не забыли свои священные обязанности охранять права граждан нашего города!

Его голос поднялся почти до крика. Обменявшись безнадежными взглядами, Хуббл и Кеннистон покинули зал.

Выйдя на площадь, Джон вздохнул:

— Кажется, наши бюрократы закусили удила... Надеюсь, они все-таки встретятся с командованием звездолета. Если Варна Аллан согласится отозвать свою звездную свору, то все еще, возможно, уладится. Но если нет... Страшно подумать, на что способен этот пустоголовый Гаррис! Он словно капризный ребенок...

— Не стоит обвинять их, Кен, — прервал его Хуббл. — Мы все сейчас подобны малым детям, встретившимся с НЕИЗВЕСТНЫМ. Бежать некуда — выходит, надо драться. Но есть третий путь... — Он пристально взглянул на Джона. — Кен, вам надо пробраться на корабль! Попробуйте начать тот самый диалог, о котором так презрительно отозвался мэр, а я, как ни противно, вернусь в мэрию и попытаюсь согнать с этих деятелей спесь. Удачи вам, Кен!

Крепко пожав Джону руку, Хуббл повернулся и быстро зашагал назад. Кеннистон вздохнул и с тяжелым сердцем поплелся к порталу.

Здесь уже собрался почти весь город. Люди толпились у прозрачных стен купола и, негромко переговариваясь, с тревогой смотрели на две — уже две! — мерцающие глыбы звездолетов. Портал был перегорожен наспех сооруженными баррикадами, среди которых уже занял боевые позиции отряд вооруженных солдат. В сторону звездных пришельцев грозно смотрели дула нескольких полевых орудий.

Нарочито небрежной походкой Кеннистон подошел к солдатам. Широко улыбнувшись, он дружески потряс руки нескольким знакомым и сказал:

— Ребята, у вас, надеюсь, все в порядке? Мэр очень надеется на ваше мужество и выдержку! Кстати, он направил меня к нашим гостям для участия в важной конференции... Где тут можно пройти?

Но его тут же остановили.

— Прошу прощения, мистер Кеннистон, но мы получили распоряжение не выпускать никого из города, — вежливо сказал лейтенант.

— Меня послал сам мэр! — вновь прибегнул ко лжи Кеннистон, впрочем, не особенно надеясь на успех.

— У вас есть письменный приказ? Нет? Тогда будьте добры, принесите его, — недоверчиво произнес офицер.

Джон, улыбнувшись, развел руками — мол, придется принести, раз вы настаиваете! — а сам попытался проскользнуть через баррикаду в другом месте. Увы, на его пути вновь возник тот же лейтенант — он смотрел уже с нескрываемым подозрением. «Черт побери, да меня ведь могут принять за шпиона инопланетян! — с тоской подумал Кеннистон. — Я знаю их язык, общался с экипажем...»

— Если мистер Гаррис действительно послал вас к пришельцам, он должен дать вам письменный приказ, — повторил офицер, делая ударение на слове «если». — Убедительно прошу вас принести этот документ.

Кеннистону ничего не оставалось, как возвратиться в мэрию. Видимо, лейтенант предупредил командование о его попытке проникнуть за пределы города — во всяком случае, Джона уже поджидали солдаты с карабинами наперевес. Остаток дня и ночь Кеннистон провел вместе с Хубблом под стражей. Тем временем в соседнем зале мэр, члены муниципалитета и офицеры Национальной гвардии разрабатывали план военной кампании.

Рано утром стража была снята. Джон и Хуббл с облегчением покинули свою «тюрьму». В коридоре им встретились мэр и офицеры — они только что закончили совещание. Гаррис выглядел крайне утомленным, лицо его было бледно, веки набрякли, но глаза победно сияли. Заметив обоих ученых, он, не поздоровавшись, надменно сказал:

— Кеннистон, идемте с нами, понадобится переводчик.

На Хуббла мэр демонстративно не обратил внимания, но тот, ничуть не смутившись, присоединился к Джону. На площади они уселись в лимузины и торжественной кавалькадой направились к выходу из города. У баррикад машины затормозили, парламентеры не спеша вышли на равнину и остановились в нескольких шагах от линии обороны. К ним

приближалась группа звездолетчиков — Джон узнал только Варну Аллан и Лунда. Остальные — женщина средних лет и трое довольно пожилых мужчин — были, по-видимому, экспертами. Скорее удивленно, чем с опасением, они смотрели на вооруженных солдат и дула орудий.

Мэр выглядел суровым и непреклонным — сознание важности миссии придало ему мужества. Шагнув вперед, он хрипло заявил:

— Кеннистон, передайте чужакам: это наш мир, и мы здесь хозяева. Никто не смеет отдавать нам приказы! Пусть садятся в свои корабли и убираются подобру-поздорову. Это не пустые угрозы, а ультиматум! Если они не примут его, то мы применим силу.

Толпа у портала одобрительно загудела.

Кеннистон неохотно перевел. На лицах делегации пришельцев появилось сомнение — ропот толпы, вооруженные солдаты и агрессивный тон мэра вызвал у них обеспокоенность. И все же Варна Аллан спокойно сказала:

— Познакомьтесь — это представители департамента планетарных миграций, — она кивнула в сторону вновь прибывших звездолетчиков. — Они подготовили предварительный план эвакуации, и теперь мы должны совместно...

Джон прервал ее и уже от себя лично горячо воскликнул:

— Послушайте, вам предлагают вместе с вашими «представителями» возвратиться на космолеты!

Толпа тем временем подалась вперед, потеснив ряды солдат. Послышались громкие оскорбительные выкрики. Мэр нервно переминался с ноги на ногу.

— Вы перевели мои слова, Кеннистон? — нетерпеливо спросил он. — Что она сказала в ответ?

Не выдержав, Джон закричал:

— Немедленно идите к звездолетам, и как можно быстрее! Разве не видите, что толпа становится неуправляемой?

Варна Аллан, казалось, не восприняла его слов.

— У нас нет времени для дискуссий, — терпеливо сказала она. — Мы получили приказ Совета Губернаторов, и я должна предупредить вас...

Кеннистон, едва сдерживал негодование:

— Я попробую предотвратить насилие. Немедленно бегите к кораблям — я приду позже и все объясню!

Администратор взглянула на него с изумлением.

— Насилие? Против нас, официальных представителей Федерации Звезд?

Варна Аллан была потрясена — видимо, ни с чем подобным ей еще не приходилось сталкиваться. Между тем волнение толпы нарастало с каждой минутой.

Внезапно Норден Лунд расхохотался:

— Я предупреждал вас, Варна, — вы приняли неверный тон при общении с этими варварами. А сейчас нам действительно лучше удалиться.

— Нет!

Варна Аллан побледнела, но явно не желала отступать. Сощурившись, она ледяным тоном произнесла, смерив Джона взглядом с головы до ног:

— Я думаю, вы все-таки что-то не поняли. Мы получили приказ Совета Губернаторов, и вам остается одно — повиноваться. Информируйте об этом ваше руководство и потребуйте, чтобы оно немедленно разогнало толпу!

Кеннистон застонал от отчаяния:

— Христа ради, опомнитесь...

Но его прервал мэр. С ненавистью глядя на пришельцев, он заорал так, чтобы его услышали в передних рядах толпы:

— Пусть они убираются, да поскорее — иначе мы вытолкаем их взашей с нашей планеты!

— Убирайтесь вон, вон!! — скандировала толпа, поддерживая Гарриса. Люди внезапно двинулись вперед, и ничто — ни баррикады, ни ряды солдат — уже не могло их остановить.

Варна Аллан порозовела от гнева. Лунд, усмехнувшись, сделал шаг назад, эксперты с сомнением переглянулись...

— Если вы только прикоснетесь к нам... — начала было девушка. Людской поток, сметая со своего пути все преграды, угрожающе приближался. Кеннистон больше не медлил. Схватив Администратора за руку, он буквально потащил ее в сторону звездолетов. Осознав опасность, остальные пришельцы быстрым шагом последовали за ними.

Некоторое время Варна не сопротивлялась — была слишком ошеломлена, чтобы протестовать. Впервые в жизни она подверглась физическому насилию! Придя в себя, она гневно воскликнула:

— Оставьте меня в покое, дикарь!

Толпа преследовала их по пятам. Оглянувшись, Джон увидел разъяренные лица людей и побежал, не выпуская ладонь девушки. Вскрикнув, она вынуждена была также перейти на бег. Джон остановился лишь тогда, когда над ними нависла мерцающая громада «Таниса». И в этот момент звездолет внезапно осветил толпу ослепительным лучом. Люди закричали от боли. Остального Джон не увидел — край луча задел и его. Потеряв сознание, он рухнул на землю...

Он очнулся, лежа навзничь на койке. Рядом с ним стоял капеллянин и массировал его спину своими сильными пальцами. Джон застонал и выругался сквозь зубы.

Горр Холл вздохнул с облегчением.

— Наконец-то вы пришли в себя, Кен! Я работал над вами два часа — вы были в сильнейшем шоке...

Охнув от боли во всем теле, Джон не без труда повернулся и сел на кровати, оглядываясь вокруг мутными глазами. Он был в одной из кают космолета — без окон, с солидным столом и широким креслом, соответствующим могучим пропорциям капеллянина. «Как я здесь оказался?» — тупо подумал он, безуспешно пытаясь вспомнить все происшедшее после начала переговоров.

— Вас принесла в корабль Варна Аллан, — усмехнувшись, сказал Горр Холл, словно разгадав его немой вопрос. — Она сообразила, что вы обошлись с ней столь грубо для ее же

блага — и потому попросила привести вас в чувство как можно быстрее.

Кеннистон был слишком разбит, чтобы проявлять бурлящий в нем сарказм. Снова застонав от боли в позвоночнике, он пробормотал:

— Что произошло, Горр?

— Многое — и, увы, одно хуже другого. Взгляните—ка сюда...

Он прикоснулся к небольшой кнопке на стене — и тотчас одна из металлических панелей поднялась, открыв овальный иллюминатор.

Кеннистон с трудом встал на негнущиеся ноги и, подойдя к окну, посмотрел на равнину и далекий купол Нью-Миддлтауна. Он увидел отряды солдат, работающих в облаке пыли прямо перед порталом, — они рыли окопы, наполняли мешки песком и выкладывали ими брустверы на боевых позициях. С холмов к городу спускались военные грузовики — они везли длинноствольные орудия, закрытые чехлами. Похоже, мэр всерьез намеревался вступить в противоборство с Федерацией Звезд.

Горр Холл озадаченно прогромыхал:

— Ваше руководство отпустило нам три часа для подготовки к отлету — и за это время успело установить свои батареи на боевых позициях. По истечении этого срока начнется артобстрел наших кораблей.

— Глупцы... — простонал Кеннистон. — Боже мой, какие же они глупцы...

Срок ультиматума между тем подходил к концу. Солдаты стали оттеснять толпу внутрь портала.

— Горр, я должен пойти и попытаться их остановить! — хрипло сказал Джон.

Капеллянин бросил на него внимательный, изучающий взгляд.

— Вы хотите рискнуть, Кен? У меня есть другое предложение, но это будет трудное, очень трудное дело.

— Что вы имеете в виду? — заинтересовался Кеннистон, ощутив прилив надежды.

Горр Холл торопливо пояснил:

— Существуют и другие умирающие миры, Кен. Я уже говорил, что мы, «примитивы», так же неохотно покидаем свои родные планеты, как и вы. Однажды мы даже попытались организовать нечто вроде заговора против Совета Губернаторов. Хотели остановить массовую миграцию наших народов, а надежды возлагали на метод Арнола. Помните, Лаллор рассказывал о путях возрождения угасших миров? В этом и состоит ваш шанс, Кен!

— Иными словами, — медленно произнес Джон, — вы хотите, чтобы мы попытались применить этот способ на Земле?

— Совершенно верно! Если все пройдет успешно, то вы останетесь на Земле, а мы впоследствии тоже обретем потерянные родные планеты. Если ничего не получится — что ж, хуже, чем теперь, вам не будет.

Он положил свою мохнатую руку на плечо задумавшегося землянина.

— Кен, надо действовать быстро. Варна Аллан сейчас находится в корабельной рубке, она собирается просить у Совета Губернаторов разрешение на применение против вас силы. Если вы вмешаетесь в их разговор, то вас уже никто не остановит. Решайтесь, Кен!

Джон колебался. Он словно стоял с завязанными глазами перед лабиринтом. Броситься так, наобум, в хитросплетение звездной дипломатии, о которой он не имел ни малейшего представления? Нет, никто не давал ему права впутывать жителей города в борьбу, расстановка сил в которой еще далеко не ясна! Но... в иллюминаторе были видны солдаты, готовившиеся к бою и снимавшие чехлы со стволов орудий... Да и есть ли другие пути к спасению?

— Что я должен делать? — хрипло спросил он.

— Я объясню по дороге к рубке, — улыбнувшись, ответил капеллянин. — Помните — и «примитивам» даны кое-какие права!

Глава 14 АПЕЛЛЯЦИЯ

Горр Холл вел Кеннистона через лабиринты «Таниса». К счастью, им не встретился никто из членов экипажа — видимо, капеллянин избегал главных коридоров.

Джон во все глаза смотрел по сторонам, но мало что воспринимал из увиденного — его нервы были взведены в ожидании первого залпа. Минута проходила за минутой, и катастрофа неумолимо приближалась...

— Так вот, Кен, в соответствии с законами Федерации вы можете подать апелляцию на решение Совета Губернаторов на его же очередную Ассамблею, — торопливо пояснял капеллянин. — Никто не имеет права вам отказать!

Они внезапно вышли на узкий мостик, нависавший метрах в трех над разветвлением коридоров. Горр указал на один из них, ведущий к массивной округлой двери.

— Это рубка. Варна Аллан проводит сейчас сеанс связи с членами Совета. Вряд ли Администратор сможет вам помешать — ведь Лунд тоже находится там. Удачи вам, Кен!

Кеннистон с бьющимся от волнения сердцем спустился по винтовой лестнице. На мгновение он обернулся — но капеллянин уже исчез. Джон решительно распахнул дверь и вошел в узкое помещение с высоким потолком. Три стены были заняты панелями с аппаратурой, перемигивающимися разноцветными огоньками, а впереди светился огромный экран, перед которым сидели в креслах Варна Аллан и ее заместитель. Но Джон не обратил на них внимания — широко раскрытыми глазами он смотрел в распахнувшееся перед ним окно в далекий звездный мир...

За черным овальным столом восседало четверо. Трое из них были людьми — седой старик с морщинистым лицом и пронзительным взглядом голубых глаз, пожилой толстяк с

коротким ежиком огненно-рыжих волос и могучего телосложения атлет с длинными черными кудрями и резкими чертами лица. Четвертый же член Совета, как и Магро, представлял одну из планет звезды Спика, но был намного старше. Грива белоснежных волос пышными волнами спускалась на плечи, с удивительно красивым лицом контрастировал жесткий взгляд.

За спинами четырех Губернаторов располагалось широкое окно — Джон смог разглядеть силуэты титанических башен, над которыми ослепительно сияла бело-голубая Вега.

Черноволосый атлет первым заметил появление Кеннистона.

— Кто это? — неприязненно спросил он. — Администратор, почему в зале находятся посторонние?

Варна и Лунд обернулись и некоторое время с изумлением смотрели на Джона. Лицо девушки порозовело от гнева, а Лунд, напротив, удовлетворенно усмехнулся.

— Это один из аборигенов, сир, — сердито сказала Варна и зло добавила: — Вы не имеете права находиться здесь, Кеннистон! Немедленно уходите!

— Ну уж нет, — возразил Джон и шагнул к экрану. — Сначала я выскажу членам вашего Совета то, что хотел.

— Лунд! — крикнула Варна Аллан, вскочив с кресла. — Вызовите охрану!

Норден Лунд не спешил выполнять распоряжение своей начальницы. Задумавшись, он внезапно ехидно улыбнулся:

— Я полагаю, этот человек отныне равноправный член Федерации. Мы не можем лишать его слова!

Голубые глаза девушки вспыхнули недобрым огнем, но она пересилила раздражение.

— Прошу прощения, джентльмены, — сказала она, вновь повернувшись к экрану. — Возможно, самовольное появление этого аборигена даже к лучшему — вам теперь будет более понятна вся сложность создавшейся ситуации. Эти земляне самые настоящие дикари, не признающие никаких законов и норм приличия! А что касается моего помощника, —

Варна покосилась на ухмыляющегося Лунда, — вы сами видите, он использует любую возможность, чтобы подорвать мой авторитет!

Атлет недовольно нахмурился.

— Сейчас не время выслушивать ваши препирательства. Что хочет от нас этот человек?

Кеннистон собрал всю свою волю в кулак — судьба жителей Миддлтауна во многом теперь зависела от него. Едва сдерживая волнение, он неожиданно для себя резко спросил:

— Это вы приняли нелепое решение об эвакуации нашего города?

Седовласый старик спокойно ответил:

— К чему агрессивный тон, землянин? Да, приказ Администратору отдали мы. — Взглянув на Варну Аллан, он добавил: — Я думаю, раз наше заседание прервано, то стоит подробнее ознакомиться с деталями этого дела.

Девушка неохотно кивнула, а улыбка Лунда стала немного шире.

Джон быстро произнес:

— Я требую вашего немедленного вмешательства, господа! Через несколько минут солдаты, охраняющие город, обстреляют из орудий ваши корабли. Могут быть жертвы с обеих сторон — этого нельзя допустить!

Старик недовольно поморщился:

— Исключено! Я отдам приказ использовать парализующие лучи!

Кеннистон возразил:

— Они не помогут. Через час-другой солдаты придут в себя, и все равно начнут боевые действия. Пока останется жив хотя бы один мужчина в нашем городе, мы будем бороться за право остаться на Земле!

Казалось, горячее восклицание Кеннистона несколько смутило Губернаторов. Белогривый гуманоид задумчиво произнес:

— Что ж, я верю. Некогда мой народ, вопреки логике, также отказывался покидать свою родную планету.

Лунд заговорил почтительным тоном:

— Я считаю, в такой ситуации мы должны действовать в строгом соответствии с законами Федерации.

— Рада слышать это от вас, Лунд, — холодно заметила Варна Аллан.

— Здесь не может быть двух мнений, Варна! Нельзя разрешать землянам оставаться на остывающей, непригодной для жизни планете — в конце концов, это просто негуманно. Однако у меня есть своя точка зрения...

— К дьяволу ваше мнение! — вмешался Кеннистон. — Господа, я прошу немедленно отменить ваше решение об эвакуации, иначе я не ручаюсь за последствия.

Рыжеволосый толстяк покачал головой.

— Это даже не обсуждается, землянин.

— Тогда я от имени властей Нью-Миддлтауна подаю официальную апелляцию на ваше решение, — твердо заявил Джон. — Я хотел бы, чтобы она была рассмотрена на ближайшей Ассамблее Совета Губернаторов!

Все изумленно уставились на него. Затем Лунд расхохотался.

— Вот уж не ожидал, что этот дикарь знаком с законами Федерации! Видимо, наш дорогой Горр Холл успел его просветить...

Варна Аллан недовольно поджала губы.

— Бесполезная трата времени, Кеннистон. Совет Губернаторов не меняет своих решений.

— Совершенно верно, — подтвердил атлет. — Это всего лишь военная хитрость аборигенов — дабы выиграть время.

— Тем не менее требование землян вполне законно, — возразил ему гуманоид, внимательно разглядывая Кеннистона своими выпуклыми, словно у куклы, глазами.

Седой старик после некоторого раздумья сказал:

— Землянин — в соответствии с законами Федерации вы имеете право подать апелляцию. Мы рассмотрим ее на

ближайшей Ассамблее. Но предупреждаю — Совет ратифицирует свое прежнее решение.

— Посмотрим, — хладнокровно ответил Джон. — Но пока вопрос окончательно не решен, мы требуем, чтобы с Земли были убраны ваши корабли, — это разрядит критическую ситуацию.

Старик неохотно кивнул.

— Что ж, это также не противоречит нашим законам... Хорошо, звездолеты будут временно отозваны на Вегу. И вы, землянин, полетите вместе с ними. По традиции, все апелляции должны предъявляться Совету лично истцом.

— Лично? — У Джона перехватило дыхание. Неужели он должен оставить Землю и погрузиться в бездонную пучину космоса? Стоит ли пролетать пол-Галактики ради почти безнадежного дела? Да и что он сможет — один против мириад инопланетян... Теперь он понял, что имел в виду Горр Холл, когда предупредил: «Это будет трудное дело».

Голос Варны Аллан вернул его к действительности.

— Вы готовы лететь, Кеннистон? — нетерпеливо спросила она. — Отвечайте быстро — иначе мы не успеем предупредить ваших солдат и они начнут атаку. Учтите — мы сумеем отразить любое нападение.

«Погибнут десятки, сотни горожан, — в отчаянии подумал Кеннистон. — Ради того, чтобы предотвратить это, стоит пойти на риск!»

Он набрал воздух в легкие и выпалил:

— Хорошо, я готов!

Старик удовлетворенно кивнул.

— Администратор, вы должны взлететь с Земли не позднее, чем через два часа. — Он поднялся, давая понять, что сеанс связи закончился. Его примеру последовали остальные Губернаторы. — Я сам сообщу Совету о возникшем спорном вопросе.

Экран погас. Варна Аллан сердито взглянула на Кеннистона и сухо сказала:

— Вы должны доложить обо всем вашему руководству. А затем без промедления возвращайтесь на корабль — долго ждать мы не намерены.

Джон кивнул и вышел из рубки. На пороге он оглянулся и встретился с улыбающимися глазами Лунда. Заместитель Администратора был очень доволен.

* * *

Почти бегом Джон направился через равнину к городу. Он пытался сосредоточиться на предстоящем разговоре с «отцами. Нью-Миддлтауна», но вместо этого перед его мысленным взором то и дело возникала картина ледяного космоса, посреди которого сияла ослепительная Вега... Бог ты мой, неужели он должен скоро лететь в бездны Галактики?

Невдалеке от портала его остановили солдаты. Они все еще рыли окопы и устанавливали орудия на боевых позициях. Узнав Джона, сержант стер с лица пот, смешанный с пылью, и сипло спросил:

— Что происходит на этих чертовых кораблях, мистер? Они готовятся к атаке?

— Где мэр? — не отвечая, спросил Джон.

— В городе, в сотне метров от портала. Там собралось все начальство — они еще не решили, что делать!

Кеннистон не без труда пробрался через несколько рядов траншей и почти вбежал под своды огромного купола. Невдалеке действительно горячо спорили о чем-то члены муниципалитета. В нескольких десятках шагов от них толпились молчаливые горожане. Лица выглядели озабоченными — демонстрация парализующих лучей изрядно охладила пыл и вселила в сердца тревогу.

Заметив Кеннистона, мэр нахмурился.

— Что привело вас обратно? — подозрительно спросил он. — Я думал, вы останетесь с вашими новыми друзьями.

Джона покоробили эти несправедливые слова, но он сдержал свой гнев.

— Можете говорить что угодно, — неровным голосом произнес он, — но я сделал все возможное для спасения города. Мне удалось связаться с Советом Губернаторов, и те согласились на ближайшем заседании рассмотреть нашу апелляцию. Но для этого мне придется лететь на Вегу. Через два часа корабли стартуют с Земли!

Вокруг воцарилась недоуменная тишина.

— Вы летите к Веге? — воскликнул Хуббл. — Думаете, это даст нам что-либо?

— Надеюсь, — пожал плечами Джон. — Быть может, мне удастся убедить Губернаторов оставить нас в покое.

Мэр Гаррис начал понимать. На его измученном лице появилась извиняющаяся улыбка. Остальные руководители города подошли к Джону и поочередно пожали ему руку с прочувственными словами благодарности. Джону стало ясно — «отцы Нью-Миддлтауна» отлично понимали тщетность попыток доказать свою правоту силой оружия. Сейчас же у них появилась другая надежда.

— Отлично! — воскликнул мэр. — Путь цивилизованных переговоров вполне приемлем для нас. Я не позволил бы чужакам безнаказанно распоряжаться судьбой моего города!

Неожиданно он с жаром обнял Кеннистона.

— Вы очень много сделали для нас, Джон. Быть может, там, на Веге, не все так упрямы и агрессивны, как эта высокомерная женщина.

Обернувшись, он закричал, обращаясь к заинтригованной толпе:

— Все хорошо, граждане Нью-Миддлтауна! Войны не будет! Мистер Кеннистон объяснил этим пришельцам, что они должны убираться с Земли! Кеннистон также полетит к звездам и примет участие от имени нашего города в мирных переговорах!

Люди отозвались восторженным ревом. Мэр, обретая былую самоуверенность, приветственно помахал горожанам рукой, но вдруг посерьезнел. Повернувшись к Джону, он пробормотал:

— Погодите, но если кто-то должен представлять интересы города, то я... — мэр запнулся, однако нашел в себе силы вымолвить ужасные, невозможные для него слова: — То я должен лететь тоже?

Кеннистон с уважением посмотрел на взволнованного Гарриса.

— Нет, лететь придется мне одному, — мягко сказал он. — Я начал разговор с Губернаторами, мне его и кончать — тем более, что я неплохо знаю их язык. А вы, Гаррис... вы нужнее здесь, в городе.

Члены муниципалитета возгласами подтвердили справедливость его слов. Мэр с нескрываемым облегчением вздохнул.

— Это верно, без меня в городе не обойтись. Джон — мы вверяем вам судьбу пятидесяти тысяч жителей Миддлтауна, помните об этом! А сейчас — чем мы можем помочь? Все необходимое вам...

— Спасибо, мне ничего не нужно, — поблагодарил Кеннистон. — А сейчас простите — я должен идти. У меня очень мало времени, а я хочу взять с собой личные вещи и кое с кем попрощаться. Спасибо за доверие, мистер Гаррис! Хуббл, проводите меня...

Мэр настоял, чтобы Джона отвезли домой на его личном лимузине. Толпа расступилась, давая машине проход. Люди приветствовали Кеннистона как героя — ведь он подарил их городу мир! Звездолеты скоро улетят с Земли, а уж там, на Веге, все решится самым замечательным образом. Ура-а-а!!

Джон застонал, увидев сияющие лица сограждан.

— Хуббл, они вновь уверены, что все будет в порядке. В какой уже раз за последнее время! Почему они такие легкомысленные? Скорее всего я добился всего лишь небольшой передышки...

— Между нами, Кен, у нас есть шансы на успех? — спросил Хуббл, сочувственно глядя на него.

— Господи, откуда я знаю? Я влез в самое пекло какой-то хитрой галактической интриги, сути которой не понимаю и

наполовину! — Сдержав бурлящие в нем эмоции, он коротко поведал шефу все, что узнал на звездолете, и добавил: Горр Холл и другие гуманоиды на нашей стороне, но кто знает — вдруг они просто используют меня как таран? Тем не менее я сделаю все, что смогу.

— Не сомневаюсь, — ответил Хуббл. — Хотел бы я полететь с вами, увидеть далекие звездные миры, но... Я слишком стар для этого. Кроме того, за мэром нужен глаз да глаз! О, мы уже приехали... Кен, пока вы будете собираться, я схожу за Кэрол.

Джон быстро уложил в небольшой чемодан необходимые ему в дороге вещи и, только защелкнув замок, с изумлением подумал: черт, да я словно собрался в очередную командировку в Питтсбург или Чикаго, а не лечу к центру Галактики!

Вскоре пришла Кэрол. Ее лицо было бледно, глаза лихорадочно блестели. Не ответив на его поцелуй, она прошептала:

— Нет, Кен, только не это... Ты не должен лететь! Ты погибнешь там, среди звезд...

— Не беспокойся, все будет в порядке, — попытался успокоить ее Джон. — У меня есть шанс спасти город, и нас с тобой в том числе, от насильственной эвакуации — разве я могу упустить его?

Казалось, невеста не слушает. Она с силой сжала его ладонь, жадно вглядываясь в глаза. Внезапно убежденно сказала:

— Ты ХОЧЕШЬ лететь.

— Я? — возмущенно воскликнул Джон. — Да я боюсь до дрожи в коленях! Но я должен сделать это — понимаешь, должен!

— Нет, ты хочешь отправиться к чужим звездам, — упрямо повторила Кэрол, и ее глаза потухли. Джон почувствовал, как между ними вновь вырос непроницаемый барьер.

— В этом все различие между нами, Кен, — тихо продолжила Кэрол. — Я люблю старые вещи, все привычное и знакомое с детства. Ты же ищешь новые пути, но у меня своя дорога.

Она отступила на шаг — и Джону показалось, будто ее любимую уносит какой-то незримый поток.

— Я скоро вернусь, Кэрол, и ты будешь ждать меня! — с отчаянием воскликнул он. — Слышишь — мне нужно, чтобы ты меня ждала!

Девушка с мягкой улыбкой покачала головой, а затем с внезапной страстью бросилась к нему в объятия. Ее поцелуй был полон нежной горечи, и Джон понял — это прощальный поцелуй. Не оборачиваясь, Кэрол выбежала из комнаты. А из-за окна послышался нетерпеливый автомобильный гудок.

Джон постоял еще немного посреди опустевшей комнаты, попрощался с ней взглядом и, захватив с собой чемодан, вышел на улицу.

Глава 15 МИССИЯ К ЗВЕЗДАМ

Джон старался не выказывать страха. Звездолетчики наблюдали за ним с интересом, но он лишь сжал кулаки в карманах куртки — так, чтобы этого никто не заметил, и принял вид бывалого космического волка.

Вместе с капеллянином и Пирсом Еглином он стоял на обзорной палубе и молча смотрел на огромный экран, заполненный сиянием мириад звезд. Бархатная бесконечность Вселенной завораживала его, затягивала в свою бездонную пасть, и он с трудом подавлял желание вцепиться двумя руками в металлические поручни. Он просто не мог допустить слабость — Пирс Еглин пристально следил за ним.

Третий час «Танис» находился в полете, но об этом свидетельствовал лишь глухой рокот двигателей и легкое дрожание пола. Звезды в центре экрана оставались неподвижными — среди них выделялся голубой маяк Веги и дымчатая

полоса Млечного Пути. На периферии созвездия казались красноватыми и расплывчатыми — это было следствие огромной скорости корабля, намного превышающей световую. Капеллянин пытался объяснить Джону принцип построения двигателя, но тот понял лишь одно — специальные установки контролировали рост массы и изменение размеров корабля при нарастании скорости, что позволяло перешагнуть далеко за «световой барьер».

Мысль об этом вызвала у Кеннистона внутреннюю дрожь так же, как и воспоминания о старте. Никогда ему не забыть ужасных минут, когда он сидел в амортизационном кресле, окутанный антигравитационным коконом, и, глядя на мигающий свет сигнальной лампы, прислушивался к тревожному вою сирен. Сердце его бешено билось, лоб покрыла испарина — тем не менее он пытался убедить себя, будто находится в обычном самолете.

Момента взлета он почти не заметил — кокон настолько снизил действие чудовищного ускорения, что почудилось, будто тронулась кабина обычного скоростного лифта. Однако сознание того, что Земля с каждой минутой удаляется, и, быть может, безвозвратно, вызывало шок. Легкое шипение за обшивкой почти сразу прекратилось — корабль миновал атмосферу и вышел в космос. Вопреки желанию Джон вцепился в поручни кресла, лицо его позеленело — он не мог привыкнуть к мысли, что теперь со всех сторон его окружает лишь ледяной вакуум, а впереди путь в несколько световых лет!

Горр Холл сочувственно взглянул на него и сказал:

— Все мы когда-то прошли через это, Кен. Я думал, что не переживу свой первый старт! Пойдемте на смотровую палубу, там вам полегчает...

И вот теперь, глядя через экран на звездные миры, Джон понял — нет, легче не стало. Возможно, нынешние люди и превратились в «граждан Галактики» — но он, Кеннистон, оставался сыном Земли.

Пытаясь отвлечься, он вспомнил о цели своей миссии там, на Веге, он должен защищать права маленького Миддлтауна перед Губернаторами Звезд. Как заставить этих вечных странников понять страстную привязанность горожан к своей родной, пусть и умирающей планете?

Джон глухо сказал, опустив глаза:

— Горр, пойдемте отсюда. Я больше не могу на это смотреть...

Они оставили Пирса Еглина — историк наслаждался серебристым светом бесчисленных созвездий — и спустились в один из главных коридоров. Капеллянин вопросительно посмотрел на Джона, и тот кивнул:

— Я уже в полном порядке, Горр. Мне хотелось бы обсудить детали предстоящего дела.

Горр Холл пристально взглянул на него.

— Хорошо. Магро и Лаллор ждут нас.

Пройдя лабиринт узких коридоров, они оказались у двери каюты Магро. К облегчению Джона, жалюзи иллюминатора были опущены, и ему больше не надо было смотреть на россыпи холодных огоньков, словно говорящих ему — ты уже не на Земле, ты — галактический странник! Он стыдился своего страха, но понимал — для человека из далекого XX века его реакция была естественной.

В каюте царил мягкий полумрак. Слоноподобное тело Лаллора склонилось над столом, на котором в беспорядке валялись листы бумаги, испещренные сложнейшими математическими символами. Магро сидел рядом, на мягком кресле, и с легкой насмешкой наблюдал за увлеченно работавшим другом.

— Чем он занят? — шепотом спросил Джон, присаживаясь вместе с капеллянином на массивный диван у стены. — Быть может, он рассчитывает курс корабля?

Магро встряхнул белоснежной гривой волос и расхохотался.

— До чего же вы, земляне, наивны! На «Танисе» есть кибершурман, так что помощь экипажа в полете почти не

требуется. Вот Лаллор и развлекается, блуждая в математических дебрях. Для него это — высшее из наслаждений!

Лаллор, наконец, заметил гостей и отложил расчеты в сторону.

— Очень рад вашему приходу, Кеннистон, — приветливо сказал он. — Хотелось бы, чтобы мы стали друзьями.

— Не сомневаюсь в этом, — улыбнулся Джон. — Но пока я блуждаю как в тумане. С вашей подачи я обнадежил своих сограждан и с закрытыми глазами влез в игру, правил которой не понимаю.

— Ничего страшного — мы все объясним, — хохотнул капеллянин и похлопал его по спине своей мохнатой рукой. — У нас есть общие проблемы и надежды — а это главное. Странно, но факт: мы куда ближе друг к другу, чем вы и ваши отдаленные потомки. Люди давно покинули Землю и расселились по всей Галактике. Их дом — это Вселенная. Другое дело мы — «примитивы». Когда люди обнаружили наши миры, мы были почти дикарями — но счастливыми дикарями. Теперь мы приобщены к могучей цивилизации Федерации Звезд, приняты в ее состав как равные среди равных, но... В душе мы еще не потеряли свои корни и потому всякий раз противимся очередному переселению с одной планеты на другую — хоть это и не проявляется столь бурно, как у вас, землян. Увы, в конце концов мы всегда уступали... Но сейчас появилась надежда — я имею в виду метод Йона Арнола.

— Погодите, — прервал его Кеннистон. — Расскажите подробнее.

Лаллор покачал своей огромной головой.

— Боюсь, объяснить будет сложно... Суть идеи Арнола в том, чтобы искусственно возбудить в коре остывающей планеты процесс трансформации железа в никель подобно тому, как в недрах звезд идет постоянное преобразование водорода в гелий. Йон Арнол нашел метод, с помощью которого этот процесс можно сделать регулируемым и безопасным.

— Выходит, планеты перейдут на самообогрев по типу «солнечной печки»? — озадаченно воскликнул Джон.

— Да, Арнол предложил смелую, оригинальную идею! Она могла бы решить проблемы многих умирающих миров, входящих в состав Федерации. К несчастью, первое испытание, проведенное на небольшом астероиде, закончилось неудачей. Йон неверно рассчитал «заряд», заложенный в ядро планетоида — и процесс стал неуправляемым. Произошел ужасный взрыв... Арнол объяснил это тем, что для эксперимента нужна достаточно большая планета.

— Почему же он не повторил свой опыт? — удивился Кеннистон.

— Совет Губернаторов был против, — усмехнулся Лаллор. — Мол, слишком опасно...

— Опасно? Но разве испытание на какой-нибудь необитаемой планете может быть опасным?

— Вы ничего не понимаете, Кеннистон, — раздраженно ответил Лаллор. — Губернаторы просто НЕ ХОТЯТ, чтобы работа Арнола завершилась успехом и тем самым дала «примитивным народам» шанс возродить их родные планеты. Наш провинциальный патриотизм им глубоко чужд — ему противопоставляется «райская жизнь» в космополитической звездной коммуне.

Кеннистон задумался — все рассказанное Лаллором было похоже на правду. Но...

— Выходит, вы хотите использовать мой мир, мою Землю, как полигон? — медленно произнес он, пытливо глядя на гуманоидов. — Вы жаждете провести на моей родной планете эксперимент, который Совет Губернаторов — независимо от мотивов — признал опасным?

Лаллор холодно кивнул.

— Да, это так. Сложность здесь лишь в том, как заставить Совет дать разрешение на проведение испытания.

Горр Холл немедленно вмешался в разговор.

— Кен, вы напрасно подозреваете нас в эгоизме. Разве вы не видите, как здесь все тесно взаимосвязано? Да, мы

заинтересованы в проведении эксперимента на Земле — но ведь и у вас нет другого выхода! Совет Губернаторов наверняка отклонит вашу апелляцию — и вам придется подчиниться приказу об эвакуации.

— Другими словами, метод Йона Арнола — наш единственный шанс?

— Да, единственный, — подтвердил капеллянин. — И для вас, землян — и для множества других «примитивных» народов. Стоит рискнуть, не правда ли?

Кеннистон задумался.

— По-моему, стоит...

— Мы понимаем ваши сомнения, Кен, — мягко продолжил Горр Холл. — Конечно же, окончательное решение должны принимать все жители вашего города — риск окончательно потерять Землю существует... Конечно, ваши люди в любом случае не пострадают — они будут временно выселены с Земли.

— Решайтесь, Кеннистон, — сказал Лаллор, пытливо глядя на землянина. — Йон Арнол — мой давний друг. Когда мы приземлимся на Веге-4, я попрошу его помочь вам на заседании Совета.

Джон обвел взглядом трех гуманоидов и подумал — а ведь я им верю!

— Хорошо, — сказал он наконец. — Любая, пусть даже призрачная надежда — это лучше, чем ничего.

Лаллор одобрительно кивнул.

— Будем считать, что мы пришли к соглашению, — спокойно заключил он.

Горр Холл захохотал и хлопнул Кеннистона по плечу.

— Кен, по вашему позеленевшему лицу я вижу, в чем вы сейчас нуждаетесь!

Он вышел и вскоре вернулся с большой плоской фляжкой из серого металла.

— К счастью, на техсостав не распространяется обязательный для экипажа «сухой закон», — громыхнул он. —

Нам, «примитивам», трудно обойтись без стимуляторов... Давайте бокалы, Магро.

Белогривый гуманоид оживился и достал из шкафа пластмассовые стаканчики.

— Мы, в отличие от Лаллора, предпочитаем уравнениям некоторые житейские радости, — объявил он, сметая со стола листы с формулами. Математик с осуждением посмотрел на друга, но отказываться от угощения не стал.

Горр Холл бережно взболтнул фляжку и аккуратно разлил ее содержимое по стаканчикам.

— Попробуйте это, Кен, — предложил он.

Жидкость имела странный привкус. Кеннистон сделал несколько глотков — и вдруг в его желудке словно взорвалась бомба. Горячие волны мгновенно распространились по всему телу. Когда Джон наконец вновь обрел дыхание, он хрипло спросил:

— Что за штука?

— Это настой из грибов, растущих на одном из миров моей родной Капеллы. Ну, берет за душу, а?

Кеннистон сделал еще несколько глотков, чувствуя, как все его тревоги начинают улетучиваться. Откинувшись на огромную спинку дивана, он лениво стал прислушиваться к неспешной беседе гуманоидов.

— ... Первый полет всегда труден, — говорил Магро, смакуя огненную настойку. — Никогда не забуду свой первый вояж к Плеядам...

— ... А катастрофа в созвездии Алголя? Я потерял там лучших друзей...

Перебивая друг друга, гуманоиды долго и взахлеб вспоминали свои приключения на далеких мирах.

— Но кто может описать все это? — вопрошал Лаллор, закатывая глаза. — Разве найдется перо, способное передать одиссею корабля, впервые достигшего той звезды — вы, земляне, называете ее Полярной?

— Был такой на Земле Герман Мелвилл, — прошептал Джон. — Только он мог описать и бушующие просторы

Атлантики, и бескрайние зеркала морей, дремлющих под светом Луны и звезд...

На него внезапно нахлынула ностальгия. Вспомнился запах осеннего костра из опавших листьев, луга, заросшие темно—розовыми цветами клевера, заснеженные горы... Все это ушло, ушло навсегда! Земля, оставшаяся позади в ледяных пучинах космоса, была лишь тенью мира, который он любил... Кэрол права — все лучшее там, в прошлом... Что он, Джон Кеннистон, делает здесь, на чужом корабле, летящем к далекой Веге.

Новые друзья с сочувствием глядели на него. Джон рассердился.

— Не надо меня жалеть, — сказал он. — Лучше дайте еще выпить!

Увы, вино только усилило тоску. Вскоре Джон поднялся и, попрощавшись, поплелся к своей каюте. Войдя в темное помещение, он неожиданно для себя нажал на кнопку в стене и открыл жалюзи иллюминатора. В каюту тотчас хлынул звездный свет... Джон уселся в кресло и с ненавистью стал смотреть на серебристые россыпи далеких миров.

Внезапно в дверь постучали. Чертыхнувшись, Кеннистон неохотно поднялся и открыл дверь. В тусклом свете коридорных ламп он узнал Варну Аллан.

Глава 16 К ЗВЕЗДАМ

Девушка скользнула взглядом по полутемной комнате и, убедившись, что та пуста, тихо спросила:

— Я могу войти?

Джон шагнул в сторону, пропуская Администратора. Хотел было включить свет, но Варна остановила его жестом.

— Нет, не надо. Я тоже люблю смотреть на звезды...

Она уселась в кресло вблизи иллюминатора и некоторое время наслаждалась причудливыми россыпями созвездий. Звездный свет мягко ложился на ее лицо, делая его еще прекраснее — и холоднее.

Озадаченный Кеннистон все еще стоял у двери. Он с трудом подавил закипающее в нем чувство неприязни и молча смотрел на нежданную гостью. Варна, одетая в длинный коричневый жакет и брюки, казалась безмятежной, но Джон чувствовал в позе девушки внутреннее напряжение. «Неужто ее тревожит мое будущее выступление на Ассамблее? — не без злорадства подумал он. — Кажется, высокомерная богиня сошла со своего пьедестала и превратилась в обычную встревоженную женщину...»

После затянувшейся паузы гостья отрывисто сказала:

— Кеннистон, я хочу сообщить — Совет Губернаторов решил выделить целых два часа на рассмотрение дела Сола—3 — и сделает это на следующий же день после вашего прибытия в Вега-Центр.

— Целых два часа! — с иронией воскликнул Джон. — Не так уж и много — учитывая, что будет решаться судьба целого мира!

— Губернаторы заняты важнейшими проблемами доброй половины Галактики, — сухо возразила Варна. — Больше времени вам не уделят, и не надейтесь. Тем не менее ваша апелляция будет тщательно рассмотрена.

Джон кивнул. Он понимал, что гостья вряд ли пришла к нему только ради этого сообщения, и терпеливо ждал.

Наконец Варна Аллан вновь заговорила:

— Как заместитель Администратора здешнего сектора Галактики Норден Лунд имеет право выступить на Совете и высказать свою точку зрения.

Кеннистон пожал плечами.

— Напрасно вы так спокойны — его выступление может оказаться для вас и ваших людей очень важным, — предупредила его Варна.

— Почему?

— Лунд весьма амбициозен, — нервно сказала девушка. — Он не скрывает, что хочет занять пост Администратора, а позднее — Губернатора или даже самого Главы Совета! Его честолюбие безмерно.

— Словом, он — ваш опасный конкурент, — понимающе усмехнулся Джон.

— Да, моя должность — это шаг наверх для Лунда, и он без колебаний этот шаг сделает. И точно так же переступит через судьбы жителей вашего Миддлтауна! Ваше неслыханное появление из глубин времени вызвало огромный интерес к делу Сола—3, и к заседанию Совета будет приковано внимание многих миров. Не сомневайтесь — Лунд использует этот шанс!

В порыве она встала и горько сказала:

— Если Лунд сможет найти в моих действиях серьезные ошибки, то...

Лицо Кеннистона не дрогнуло.

— Вы опасаетесь, что Лунд преподнесет нам обоим сюрпризы?

Варна Аллан кивнула.

— Да, уверена — он что-то задумал. С тех пор, как мы стартовали с Земли, Лунд поглядывает на меня с явным превосходством. Но в чем состоит его план, не могу догадаться. — Неожиданно она в упор взглянула на Джона. — Быть может, вы попробуете? Это как-то связано с вашими, земными проблемами...

Джон изумленно взглянул на ее умоляющее лицо — и расхохотался.

— Это очень забавно, — сказал он, заметив в глазах девушки испуг и непонимание. — Вы приходите на Землю как Глашатай законов Федерации, как Высокопоставленная Особа, Могущественная и Бесстрастная и смотрите на нас, бедных «примитивов», словно на стадо бессловесных овец. А сейчас, когда ваша драгоценная должность в опасности, вы спускаетесь с пьедестала и приходите к жалкому аборигену за помощью! Ха—ха...

Лицо красавицы побледнело, ее голубые глаза внезапно полыхнули огнем, фигура гордо выпрямилась.

Джон недобро усмехнулся.

— Знаете что, мисс Администратор? Мне абсолютно наплевать, кто из вас будет носить этот спесивый титул — вы или Лунд! Вы оба не входите в число моих друзей...

Он с удовольствием наблюдал, как остатки высокомерия сползают с лица античной богини — сейчас перед ним была всего лишь разгневанная женщина.

— Вы думаете, я прошу вас помочь сохранить мое положение?

Голос Варны задрожал — впервые в нем прозвучали страстные нотки.

— Моя позиция в отношении Земли определяется моим долгом — и ничем иным! Неужели вы считаете, будто я, подобно Лунду, с радостью отдала приказ о вашей эвакуации? Что можете вы, «примитивы», знать о традициях космических служб Федерации? И что можете знать обо мне? Вовсе не ради удовольствия я провела свои лучшие годы за упорной учебой — а ведь мне очень хотелось развлекаться, как другим девушкам! Я отнюдь не мечтала с детства угробить себя в сумрачных кабинах космолетов и среди диких аборигенов на чужих мирах...

Варна с трудом сдержала негодование и, резко повернувшись, шагнула к двери. Пораженный этой неожиданной вспышкой, Джон последовал внезапному импульсу и поймал ее за руку.

— Подождите!

Варна смерила его презрительным взглядом.

— Дайте пройти — иначе вызову охрану!

Кеннистон не выпустил ее ладонь из руки.

— Не уходите... Я прошу прощения за свою резкость!

Ему было и на самом деле стыдно — он чувствовал, что неправ.

Девушка сердито взглянула на него и после минутного раздумья вернулась в кресло.

— Давайте забудем это, — прерывистым голосом произнесла она. — Я сделала ошибку, разговаривая эмоционально, словно...

— Словно «примитив», — закончил за нее Джон и невесело рассмеялся. Его неприязнь к Администратору и ее звездным соплеменникам не уменьшилась, но он окончательно избавился от комплекса неполноценности. Высокомерная представительница Совета Губернаторов исчезла — перед ним была лишь встревоженная и одинокая девушка, ищущая мужской поддержки.

— Еще раз прошу простить меня — я вовсе не собирался насмехаться над вами, — поспешно произнес он. — Не ожидал, что вы окажетесь настолько чувствительной!

После неловкой паузы Варна тихо сказала:

— Вы считаете, будто в наших с Лундом позициях нет никакой разницы, — и ошибаетесь, Кеннистон.

— Оба вы выступаете за нашу эвакуацию с Земли — в чем же различие?

— Да хотя бы в том, что я настаиваю на мирном решении проблемы, а Лунд явно хочет драматизировать ситуацию. Если у него получится, то против вас применят силу!

— Силу? Вы что, забыли о пушках перед входом в Нью-Миддлтаун?

— Я-то помню и потому дала согласие на переговоры. Но... Земля оказалась в фокусе давней, многовековой проблемы — имеют ли право «примитивы» на самостоятельный выбор судьбы? Внимание всей Федерации будет устремлено на Ассамблею Совета — и можете не сомневаться, Лунд постарается выслужиться перед Губернаторами, даже если для этого придется покарать бунтарей! Чем жестче решение примут с подачи Лунда, тем больше шансов, что никогда в Галактике не возникнет прецедента с непокорными «примитивами»!

Джон ощутил прилив тревоги — в словах Варны была логика.

— Что ж, я готов помочь, — пробормотал он растерянно. — Но поверьте — я понятия не имею, какие козыри предъявит Лунд на заседании! Наша жизнь проста и открыта — что он мог такого вынюхать?

— Посоветуйтесь с вашими друзьями—гуманоидами.

— Я немедленно поговорю с ними, — кивнул Джон.

Варна встала и пошла к выходу. Не дойдя до двери, обернулась:

— И вот еще что, Кеннистон. Не доверяйте оптимизму Горра Холла — у вас почти нет шансов. Эвакуации не удастся избежать... — Неожиданно ее взгляд стал мечтательным, и она прошептала: — Хотела бы я быть простой земной девушкой и жить в вашем Миддлтауне... И звезды стали бы для меня лишь огоньками в небе...

Джон, улыбнувшись, покачал головой.

— Не завидуйте нам, Варна, у вас тотчас появились бы другие проблемы. Почти все горожане чувствуют себя несчастными... Многие, как моя невеста Кэрол, тяжело переживают потерю своей эпохи, привычного образа жизни...

— Кэрол? Эта та красивая девушка, с которой я видела вас на площади?

— Да... Поставьте себя на ее место — Кэрол потеряла в далеком прошлом все, что любила: цветущие сады, реку, бескрайние луга, веселые пикники на лесных полянах. А теперь вы хотите лишить ее права остаться на Земле!

Варна сказала задумчиво:

— Только подумать — всю жизнь провести на маленькой планете, в крошечном городке, среди одних и тех же людей... Знаете, Кеннистон, мне ее жалко!

— Жалость, сострадание — не слишком ли много эмоций для звездной странницы? — улыбнувшись, сказал Джон и ласково погладил ее по руке. Варна вздрогнула, неуверенно улыбнулась ему в ответ и, словно опомнившись, торопливо вышла из комнаты.

— Черт побери, да она же боится мужиков! — пробормотал Джон, с изумлением глядя ей вслед.

Мысль о Нордене Лунде тревожила не только его — Горр Холл выслушал Джона с озабоченным видом.

— Только этого нам не хватало! — воскликнул капеллянин. — Лунд — весьма опасный тип. То-то я вижу, он ходит

по кораблю словно хозяин и загадочно ухмыляется... В чем дело? Постойте, Кен, — в последнее время Лунд довольно близко сошелся с нашим историком. Быть может, нам удастся вытянуть что-нибудь у Еглина?

Кеннистон одобрительно кивнул.

— Отлично — и, кстати, повод для разговора есть. Пирс давно хочет со мной основательно побеседовать о старом Миддлтауне. Слово за слово — что-либо и сболтнет...

Но встреча не состоялась ни на этот, ни на следующий день — если, конечно, считать днем регулярные изменения яркости искусственного освещения. Наконец Джон совершенно случайно встретил историка в коридоре и, не дав тому ускользнуть, прямо спросил:

— Пирс, вы должны знать, какой сюрприз ваш приятель Норден Лунд готовит для своего выступления на Совете Губернаторов. Скажите откровенно — какую пакость он приберег?

Глаза Пирса Еглина забегали. Он оглянулся с затравленным видом и пробормотал:

— Джон, почему вы спрашиваете меня об этом? Что я могу знать?

Кеннистон в упор взглянул на него.

— Вы чертовски плохой лицемер, Пирс. Итак?

Еглин воскликнул, безуспешно пытаясь улизнуть:

— Джон, послушайте, не втягивайте меня в ваши дрязги! Лично мне вы симпатичны, я искренне хотел бы вам помочь. Но я не политик, а всего лишь историк... Ваш старый Миддлтаун — это мечта моей жизни, воплотившаяся наяву, и ради его спасения я готов сделать все возможное. Все!

— О чем вы толкуете, Пирс? — сердито спросил Кеннистон. — При чем здесь Миддлтаун?

Юноша лихорадочно заговорил:

— Кен, вы ничего не понимаете... Мне жаль вас — и остальных горожан тоже. Но поймите — люди смертны, а Миддлтаун должен быть сохранен на многие тысячелетия как ценнейшая историческая реликвия! Я могу спасти его и

посвятить остаток своей жизни его изучению, но мне необходима официальная поддержка...

Джон начал кое-что понимать.

— Погодите... Какую поддержку обещал Норден Лунд? В обмен на что? Судя по всему, этот человек ничего не делает даром.

Еглин с несчастным видом покачал головой.

— Кен, я не могу вам ничего рассказать. Правда, не могу!

В его глазах заблестели слезы. Джон на мгновение растерялся и потерял бдительность — и Еглин, воспользовавшись этим, немедленно улизнул. Он почти побежал к своей каюте вдоль пустынного коридора. Джон с тревогой смотрел ему вслед.

Он немедленно направился к Горру Холлу и рассказал друзьям то немногое, что сумел узнать. Гуманоиды с хмурым видом выслушали его короткий рассказ.

— Не понимаю — чем Пирс Еглин мог оказаться полезным для Лунда? — озабоченно произнес Магро.

— Еглин неплохо знает наш язык. Быть может, он подслушал угрозы со стороны горожан и донес Лунду? — растерянно предположил Кеннистон.

Горр Холл в сомнении покачал своей огромной головой.

— Слова перепуганных обывателей — не аргумент для Совета Губернаторов! К тому же Еглин в последнее время не вылезал из вашего старого Миддлтауна... Нет, здесь кроется что-то другое.

Лаллор тихо сказал:

— Не нравится мне все это, очень не нравится... Кен, только вы сможете догадаться, что неприглядного сумел раскопать Пирс Еглин в прошлом вашего города.

Джон хмуро кивнул.

В последующие несколько дней историк явно избегал землянина. Между тем корабль стремительно приближался к Вега—Центру. Кеннистон часами просиживал на обзорной палубе «Таниса», любуясь фантастическим зрелищем. Из бархатной бездны навстречу кораблю величественно

выплывал ослепительный бело-голубой шар, занимая все большую и большую часть экрана. Внезапно рядом с Вегой появился алмазный венец планет и медленно закружился вокруг своего солнца.

«Танис» совершил плавный маневр разворота — и направился к четвертой планете. Вскоре невзрачная желтая искорка разрослась в огромный, окутанный непроницаемыми облаками шар. Джон услышал предупредительный вой сирены — и сразу перегрузка стала стремительно нарастать. Антигравитационный кокон автоматически обхватил его тело, не давая пошевелиться. Расширенными от тревоги глазами Джон смотрел, как корабль круто входит в верхние слои атмосферы. Казалось, они неизбежно врежутся в поверхность планеты, но вскоре «Танис» вырвался из плотного слоя облаков и по планирующей траектории заскользил над поверхностью. Джон жадно разглядывал мелькающий на экране ландшафт, совершенно не похожий на земной. Внизу промелькнула широкая голубая равнина, за ней лежал невысокий горный хребет с черными и пурпурными скалами, а еще дальше расстилался золотистый океан, в бесчисленных волнах которого отражался алмазный блеск Веги. А затем Кеннистон увидел материк, большую часть которого занимал титанический мегаполис. Невдалеке от него, на берегу океана, находился космопорт. «Танис» еще больше замедлил свой полет и вскоре, совершив сложный маневр разворота, плавно опустился дюзами вниз, в жерло огромного дока.

Горр Холл расстегнул свой кокон и помог Кеннистону. Могучий капеллянин явно нервничал.

— Мы предупредили Йона Арнола, и он ждет нас, — глухо сказал гуманоид. — Его лаборатория довольно далеко, в другом полушарии, но Йон обещал нас встретить...

Ион Арнол? Джон почти забыл о нем, ошеломленный величественным городом, простиравшимся на сотни километров в глубь материка. Он все еще не мог осознать, что

находится в Вега—Центре, более чем в двадцати шести световых годах от Земли!

Вместе с Горром Холлом он покинул корабль, миновал широкий туннель, преодолев встречный поток телеперсонала и бесчисленных обслуживающих роботов самой причудливой формы. Пройдя огромный холл, где экипаж ожидали встречающие, они вышли из дока. Кеннистон зажмурился от ослепительного света Веги. Воздух, напоенный чуждыми запахами, показался ему несколько разреженным и богатым озоном, словно в горах.

Администратор и ее заместитель были уже здесь. К ним подкатил роскошный обтекаемый лимузин, и робот—водитель приглашающе распахнул дверцу. Лунд скользнул взглядом по озадаченному лицу Кеннистона и, недобро усмехнувшись, направился к машине. Варна Аллан повернулась к Джону и официальным тоном произнесла:

— Кеннистон, на время пребывания на Веге-4 вам предоставляется квартира в одной из гостиниц Административного Центра. Если хотите, могу подвезти.

Голос ее звучал ровно и бесстрастно, но в глазах светились тревога и сочувствие.

Горр Холл тем временем заметил высокого темноволосого мужчину, выходившего из только что подкатившего приземистого автомобиля.

— Спасибо, Варна, мы отвезем Джона сами, — заторопился он. — Заодно покажем ему город... Привет, Йон, привет, дружище!

Йон Арнол горячо пожал руку старому другу. Джона поразило его лицо — впалые щеки, высокий лоб, грива седых волос — и огромные мечтательные глаза, в глубине которых горел огонь. Заметив Администратора, Арнол нахмурился и коротко кивнул в знак приветствия. Варна Аллан неприязненно сказала:

— Так и думала, Арнол, что увижу вас здесь. Но не рассчитывайте на успех очередной авантюры... И вы тоже, Горр Холл.

— Кто знает, Варна, быть может, на сей раз повезет? — добродушно прогудел капеллянин.

— Учтите: отныне вы с Арнолом отвечаете за все, что произойдет на заседании Совета, — холодно предупредила Администратор. — Земляне и так находятся в незавидном положении — не стоит усугублять его!

Она бросила на Кеннистона серьезный взгляд и, усевшись в автомобиль, умчалась в сторону города.

Джон долго смотрел ей вслед. Он сожалел, что Варна так сухо разговаривала с ним, не произнесла ни одного ободряющего слова. И его встревожила злая усмешка Лунда.

Йон Арнол тем временем сердечно приветствовал подошедших Лаллора и Магро. Его движения поражали быстротой и резкостью — казалось, нервы ученого напряжены до предела!

— Я думаю, у нас появился реальный шанс! — воскликнул он. — Господи, неужели ты услышал мои молитвы? Проблема Сола—3 может оказаться именно тем делом, которое мы так давно ждали. Увидите — ныне я добьюсь успеха, нравится кому—нибудь это или нет!

Горр Холл смущенно кашлянул и кивнул в сторону Джона.

— Йон, познакомьтесь — это Кеннистон, представитель Земли.

Арнол, казалось, заметил Джона только сейчас. Немного растерянно протянул руку.

— Извините, если мои слова прозвучали несколько эгоистично, — сказал он. — Я понимаю, у вас свои проблемы, но... Если бы вы знали, как долго я ждал подходящего случая!

Горр Холл прервал ученого.

— Здесь не место для таких разговоров, — тихо сказал он, подозрительно оглядываясь по сторонам — в этот момент мимо них проходила шумная толпа: экипаж «Таниса», родственники, друзья. — Поехали в гостиницу. У Кеннистона и наметим план дальнейших действий.

Они спустились по широким ступенькам и оказались на гладких, словно стекло, шестиугольных плитах, устилающих поверхность огромного космодрома. Прежде чем влезть в автомобиль Арнола, Джон еще раз с любопытством огляделся. Вокруг, до самого берега океана, тянулись в зеленую высь сотни звездолетов, прилетевших изо всех уголков Галактики. Время от времени небо сотрясалось от грохота — в доки спускался очередной космолет. Гораздо отчетливее, чем во время полета, Джон осознал, что он — первый из землян, совершивший вояж через безымянные океаны космоса к звездным островам Галактики!

Если бы не нетерпеливый Горр Холл, он еще долго любовался бы причудливыми силуэтами космических кораблей. Усевшись на мягкое сиденье, Джон вздрогнул — автомобиль Арнола рывком поднялся на несколько метров и заскользил меж стальных башен кораблей. Вылетев за пределы космопорта, он вырулил на скоростное шоссе и стремительно помчался в сторону города. Джона поразила интенсивность движения. Несколько раз над перекрестками они взмывали на парящие в воздухе арочные мосты, под которыми сверкал разноцветный поток флаеров самых разнообразных форм и размеров.

Вскоре все внимание Джона переключилось на бесчисленные башни, переливавшиеся в голубых лучах уже клонившейся к горизонту Веги. Он вновь почувствовал себя невежественным дикарем, стоящим на холме возле священного Вавилона. Через несколько минут летающий автомобиль ворвался в заполненную мглой улицу—ущелье между величественными зданиями. На парящих по обочинам тротуарах бурлили толпы людей, закутанных в пышные шелковые одежды, а также крылатых, мохнатых и хвостатых гуманоидов десятков различных рас. Через приоткрытую дверцу в салон ворвалась странная бухающая музыка, больно ударяющая по нервам, а позади все еще был слышен гул стартующих звездолетов.

Горр Холл положил ему руку на плечо и указал кивком вперед. Джон вздрогнул. В самом центре мегаполиса располагалась огромная округлая площадь, посреди которой высилась цепь титанических белых зданий, уходящих своими спиралевидными шпилями в темнеющее небо, казалось, к самим звездам. И хотя никто из спутников не произнес ни слова, Джон понял — да, это и есть Вега-Центр, резиденция всевластного Совета Губернаторов. Завтра он выступит там, защищая право Земли на свободу и независимость.

Глава 17 ПРИГОВОР ЗВЕЗД

Кеннистон сидел за круглым столом из светящегося пластика, крепко сжав кулаки и изо всех сил стараясь не потерять самообладания. Рядом с ним находились свидетели, вызванные Советом по его делу, — Варна Аллан, Норден Лунд и Йон Арнол, а напротив в роскошном кресле восседал Секретарь Ассамблеи, тщедушный старик с удивительно цепким и проницательным взглядом. А вокруг круто уходили ввысь бесчисленные ряды, заполненные Губернаторами обитаемых планет почти половины Галактики. В огромном зале царил полумрак, но Джону казалось, что он видит тысячи человеческих и нечеловеческих лиц, серьезных и внимательных.

«Только подумать — еще несколько недель назад я жил себе в Миддлтауне и знать не знал о каких—то там звездах! — с трепетом думал он, обводя взглядом укутанные мглой ряды амфитеатра. — И вот теперь я на краю света, в Вега—Центре, и должен отстаивать права всей Земли перед представителями миров, о которых почти ничего не знаю! Кто я для этих Губернаторов? Равный среди равных граждан Галактики — или чудом оживший реликт бесконечно далекого прошлого?»

Негромкий, уверенный голос Варны Аллан оторвал его от невеселых мыслей. Администратор заканчивала доклад об экспедиции на Сол—3.

— ... Итак, возникла сложная, нестандартная ситуация, — говорила девушка. — Прежде чем вы, достопочтимые Губернаторы, примете окончательное решение, прошу иметь в виду — эти несчастные люди, потерявшиеся во времени, требуют к себе особого внимания.

Я предлагаю следующее: начать процесс эвакуации лишь тогда, когда жители Сола-3 психологически будут подготовлены к мысли о переселении на другую планету. Я верю — в таком случае эвакуация пройдет без особых осложнений. Иначе, боюсь, не миновать шока и проявления агрессивности у этих «примитивов», обладающих, к сожалению, повышенной эмоциональностью.

Она взглянула на сидевшего рядом Нордена Лунда и нехотя добавила:

— Впрочем, это лишь мое личное мнение. Быть может, присутствующий здесь Суб-Администратор Лунд пожелает что-либо добавить к моему докладу.

Лунд добродушно улыбнулся и, встав, сказал:

— Если уважаемая Ассамблея не возражает, я хотел бы выступить несколько позже.

На мгновение в огромном зале повисла напряженная тишина — до Кеннистона доносился лишь легкий шорох приглушенных голосов.

— Хорошо, — сказал Секретарь после минутного раздумья. — Мы дадим вам слово, Суб-Администратор. А теперь, уважаемые Губернаторы, представляю вам Джона Кеннистона, жителя планеты Сол-3.

Джон с трудом поднялся, не чуя под собой ног. В горле его пересохло. Он ощутил на себе взгляды тысяч заинтересованных глаз обитателей множества миров Галактики — они ждали его выступления. Ждали этого и тысячи его сограждан — фабричные рабочие, домохозяйки, владельцы магазинов, водители, бизнесмены — ждали и надеялись.

Слегка повернувшись, он увидел, как Варна Аллан ободряюще улыбается ему. Набрав в грудь побольше воздуха,

Джон медленно заговорил глухим, неровным голосом, стараясь тщательнее подбирать слова:

— Уважаемые Губернаторы! Я представляю здесь небольшой народ, насчитывающий чуть больше пятидесяти тысяч человек. Волей несчастного случая мы перенеслись на миллионы лет в будущее и оказались в вашем времени. Мы лишь совсем недавно узнали о Федерации Звезд и о Совете Губернаторов, но готовы признать вашу власть и повиноваться вашим законам. Насколько я понимаю, отныне мы являемся полноправными членами сообщества обитаемых миров и можем пользоваться правами, естественными для цивилизованного общества. И потому мы выражаем решительный протест против бесцеремонного вмешательства в наши внутренние дела...

Джон попытался как можно более ярко рассказать членам Ассамблеи о жизни обитателей Миддлтауна до того ужасного дня, когда в синем июньском небе над ними разразилась катастрофа. Он отметил, что люди XX века не мечтали о звездах всерьез и своими корнями очень сильно привязаны к родной планете — пусть ныне и не очень гостеприимной.

— Я понимаю, вас может смущать необходимость постоянной помощи нашему поселению на холодной, умирающей планете, — продолжал Джон окрепшим голосом. — Но поверьте, нам не так уж много и надо — в наше время люди были не избалованы. Мы знаем, что такое лишения и страдания, и сумеем решить все наши проблемы — дайте только срок! Да, не скрою, мы надеемся на вашу поддержку, но, в конце концов, готовы обойтись и своими скромными силами. Все, что мы безусловно просим и даже требуем — оставьте нас в покое, не навязывайте нам свои, непривычные нам, стандарты жизни. Наши предки, все до единого, жили и умирали на Земле — и мы хотим того же!

Он замолчал, собираясь с силами перед заключительными словами. Он не сказал и десятой доли того, что намечал, — да разве обо всем скажешь?

— Какое бы решение вы ни приняли, уважаемые Губернаторы, не забывайте: наша планета — это не просто Сол-3, а Земля, мать для многих из вас, мать забытая и одинокая. Вы не должны дать ей окончательно умереть!

Он поклонился и сел, выжатый как лимон. Хорошо или плохо, но он сделал все, что было в его силах.

Йон Арнол наклонился к нему и ободряюще прошептал:

— Впечатляюще, очень впечатляюще, Джон!

Секретарь Ассамблеи пристально взглянул на Кеннистона.

— Быть может, вы намереваетесь возродить к жизни ваш Сол-3 с помощью метода присутствующего здесь известного ученого Йона Арнола?

Джон вновь встал, намереваясь ответить, но Йон опередил его:

— Ваша светлость, если позволите, я расскажу об этом в моем выступлении.

Секретарь кивнул.

— Хорошо. Предоставляю вам слово, Йон Арнол.

Ученый поднялся с места. Его тонкое, одухотворенное лицо было бледно, глаза возбужденно блестели. Обведя вызывающим взглядом ряды членов Совета, он резко сказал:

— Не буду кривить душой и говорить: «уважаемые Губернаторы», как это только что сделал мой коллега с далекой Земли. Не всех сидящих в этом зале я уважаю и отлично знаю — это чувство взаимно. Большую часть жизни я посвятил разработке процесса возрождения остывающих планет, которых, увы, множество в нашей дряхлеющей Галактике. Как вы отлично знаете, я добился успеха — моя теория признана большинством членов галактической Коллегии Науки! Увы, мой первый и пока единственный эксперимент окончился неудачей — и не без вашего участия. Несмотря на мои протесты, вы предоставили мне в распоряжение лишь небольшой планетоид. Ядро его слишком холодно, масса незначительна — потому мне и не удалось стабилизировать развитие ядерной реакции преобразования железа в

никель. Вы отлично знали, что в таких условиях вероятность успеха мала — потому и поставили меня в столь тяжелые условия. И исходили вы не из интересов Галактики, а из своих грязных политических расчетов! По этим же соображениям многие из вас и сегодня захотят запретить мне эксперимент на планете Земля, но верю, на этот раз здравый смысл все же восторжествует!

Поймите, Земля — идеальный мир для моего метода: и по массе, и по возрасту. Планета еще далеко не остыла, и в ее недрах можно вновь разбудить жизнь!

Я прошу — нет, требую, чтобы вы разрешили мне провести эксперимент! Поймите — я смогу разрешить не только данную проблему, но и сотни задач, которые встанут перед вами в ближайшем будущем. Пока вам удается находить для «примитивов» подходящие для заселения планеты, но это не может продолжаться бесконечно. И тогда метод Арнола спасет Федерацию от многих потрясений...

Никогда политиканам не удавалось остановить, а тем более повернуть вспять развитие науки. Народы Федерации имеют право выбора — оставаться ли практически бесконечно долго на родной планете, или становиться народом—странником. Дайте мне возможность применить мой метод на Земле — и вам за это скажут спасибо благодарные потомки!

Он сел на место, дрожа от возбуждения. В зале вновь прокатилась волна голосов — выступление Арнола произвело на Губернаторов впечатление. Кеннистон жадно вглядывался в лица, укрытые полутьмой — ему показалось, что многие звездные посланники благожелательно смотрят на них с Йоном. Или ему это только показалось?

— Мы почти победили! — шепнул ему Арнол, улыбаясь. — Вот увидите, большинство будет на нашей стороне.

Секретарь задумчиво разглядывал их — резкие черты его лица смягчились. Он вздохнул и сказал:

— Ну что ж, по-моему, все ясно. Будем приступать к голосованию.

Норден Лунд вскочил с места:

— Прошу слова, ваша светлость!

Секретарь без особой охоты кивнул. Сердце у Кеннистона сжалось от недоброго предчувствия.

Звучный голос Суб-Администратора прокатился под высокими сводами:

— Глубокоуважаемые Губернаторы, я посчитал возможным оторвать у вас драгоценные минуты по особым и, я бы сказал, чрезвычайно важным обстоятельствам. Доклад Администратора Аллан был довольно полон и обстоятелен, но она упустила из виду — более того, просто не смогла обнаружить — одно обстоятельство, касающееся жителей планеты Сол—3. Я отыскал этот факт лишь после тщательного изучения документов из старого Миддлтауна, которые мне помог расшифровать Пирс Еглин, специалист по древней истории и лингвистике из нашего экипажа.

Предыдущие выступавшие, включая и моего начальника Администратора Аллан, описывали жителей Сола—3 как дружелюбных, не способных на серьезные преступления людей. Нас убеждали здесь чуть ли не извиниться перед ними, настаивали на том, чтобы мы посмотрели сквозь пальцы на агрессивность, проявленную ими при встрече мирных посланников Федерации Звезд. Мол, обитатели Сола—3 безвинные жертвы нашего насилия, и они имеют право жить так, как они хотят, так, как они привыкли в своем бесконечно далеком от нас XX веке.

Лицо Лунда ожесточилось, глаза сузились и потемнели.

— Но они умолчали об одном — какая же катастрофа перенесла их через тысячелетия. Нам было сказано — над городом произошел взрыв, и только, но из обнаруженных мною документов я узнал: это был взрыв мощнейшей ядерной бомбы! Вы понимаете, достопочтимые Губернаторы, с чем мы столкнулись — с последствиями ужаснейшей войны, которую только знала Галактика. Эти якобы «мирные» жители Миддлтауна — на самом деле дети войны, насилия и смерти!

Лунд сделал эффектную паузу, давая членам Совета время осознать сказанное им. В огромном зале повисла мертвая тишина. Джон в отчаянии взглянул на Варну Аллан, ища у нее поддержки и сочувствия, но увидел лишь ужас в ее голубых глазах.

Суб-Администратор с легким надрывом в голосе воскликнул:

— Я понимаю, сказанное мной чудовищно, невероятно, но тем не менее это чистая правда. Пусть Кеннистон попробует опровергнуть меня, если сможет! Взгляните на лицо землянина, уважаемые Губернаторы, — и вы поймете, что я прав. Да, «счастьем» принять в нашу Федерацию жителей Сола-3 мы обязаны мощному взрыву ядерной бомбы, который возвестил начало чудовищной войны. Взрыв нарушил пространственно—временной континуум и перенес Миддлтаун через миллионы лет в будущее. Среди нас появились существа, носящие в своих душах страшное семя смерти!

Не удивительно, что толпа этих существ с такой яростью и агрессивностью встретила нашу мирную миссию. Более того, горожане готовились к серьезным военным действиям против наших двух кораблей — солдаты рыли окопы, устанавливали артиллерийские орудия!

Лунд понизил голос.

— Я предупреждаю вас, Губернаторы, — этот небольшой народец заражен самой опасной чумой — чумой войны! Долгие тысячелетия Федерация пыталась навсегда избавиться от проклятия, уносившего мириады жизней в разных концах Галактики, — и не так давно наконец преуспела в этом. В нашем огромном звездном доме воцарились мир и спокойствие, но теперь над нами вновь нависла смертельная угроза!

Неужели вы, столпы Федерации, вестники ее законов, хранители лучших традиций галактического содружества, дрогнете в час, когда на вашем пути встала бешеная, оскалившая клыки собака?

Джон в порыве ярости вскочил с места. Йон Арнол схватил его за рукав, усаживая на кресло. Варна Аллан предостерегающе сказала ему вполголоса:

— Сдержите свой темперамент, Кеннистон! Это только ухудшит ваше положение...

Секретарь сурово взглянул на Джона, и тот, дрожа от негодования, с трудом заставил себя сесть. Секретарь обратился к самодовольно улыбающемуся Лунду:

— Что бы вы рекомендовали Совету Губернаторов?

— Заставьте этих людей повиноваться законам Федерации! Переведите обитателей Сола-3 на какой-нибудь из отдаленных миров, расположенных на периферии Галактики. Только оказавшись в полной изоляции, они не смогут заразить наше содружество своей варварской психологией!

Джон, потеряв голову, вырвался из цепких рук Арнола и подскочил к Лунду.

— Кто вы такой, чтобы судить о целом народе, о котором почти ничего не знаете? — гневно воскликнул он.

Слова застряли у него в горле. Он толкнул Лунда — тот не удержался на ногах и упал.

— Да, Губернаторы, мы прожили часть своей жизни в XX веке, когда над Землей прокатились две смертоносные войны, унесшие многие миллионы жизней! — воскликнул Джон, вглядываясь в темные ряды, круто уходящие вверх. Это был период борьбы за прогресс, за то, чтобы мир и свобода могли воцариться на нашей планете. Вы должны не осуждать своих предков, а преклонить головы перед бесчисленными жертвами, благодаря мужеству и самоотверженности которых существует сейчас ваша Федерация! Да, мы изобрели ядерную бомбу и злоупотребили этой страшной силой, но на этой силе зиждется вся мощь вашей цивилизации.

Помните об этом, люди будущего! Все вы родом с Земли — даже если и принадлежите к иным галактическим расам. Вы живете в мире и благоденствии потому, что многие поколения сложили свои головы на поле брани. Неужели вам

неведомо чувство благодарности, достопочтимые Губернаторы?

Он замолчал и опустил голову. Вспышка ярости прошла, уступив место усталости и опустошенности. Варна ласково взяла его за руку и усадила на место — он беспрекословно повиновался.

Лунд тем временем с театральным стоном поднялся на ноги. На его округлом лице застыла маска страдания.

— Вы видите, уважаемые Губернаторы, насколько мало цивилизован этот обитатель Сола-3. Больше мне нечего добавить...

Он также уселся на свое место, не скрывая торжествующей усмешки.

Дискуссия была завершена. Началось голосование. Перед Секретарем из глубины стола появился дисплей, и старик вперил в него свой взгляд. Джон не мог видеть, какие цифры мелькают на экране, но предчувствия у него были самые дурные. И как он мог потерять самообладание в решающий момент?!

Наконец Секретарь встал и торжественно произнес:

— Ассамблея Губернаторов постановляет: население планеты Сол-3 должно быть эвакуировано в соответствии с ранее принятым решением.

Эксперимент, на котором настаивает Йон Арнол, не может быть проведен вследствие отсутствия необходимых гарантий безопасности.

Совет Губернаторов выражает надежду, что население Сола-3 может мирно и бесконфликтно войти в галактическое содружество. Если же этого не произойдет, и аборигены вновь проявят присущую им агрессивность, то Губернаторы оставляют за собой право применения силы ради торжества законов Федерации.

Решение Ассамблеи окончательно и обжалованию не подлежит.

Вспыхнул яркий свет. Губернаторы, шумно переговариваясь, покинули зал. Ушел и Секретарь, сочувственно

взглянув на Кеннистона, но тот ничего этого не заметил. Он сидел, низко опустив голову, и тщетно пытался собраться с мыслями. То, что произошло на заседании Совета, казалось ему кошмаром из дурного сна, но этот сон никак не проходил...

Йон Арнол ласково положил ему руку на плечо:

— Надо идти, Джон, — мягко напомнил он.

Кеннистон кивнул и, поднявшись, пошел вслед за ученым, почти ничего не воспринимая из окружающего. Он смутно расслышал лишь чей-то спор — это Варна Аллан обрушилась с гневными упреками на изрядно растерявшегося Лунда.

Джон не помнил, как вновь оказался в своем номере. Магро, Лаллор и Горр Холл с тревогой ожидали результатов Ассамблеи. Увидев грустные глаза вошедших Арнола и Варны Аллан, а также белое как мел лицо Кеннистона, они поняли все без слов.

Джон опустился в кресло и невидящими глазами уставился в окно, за которым высились титанические башни города. Варна присела рядом и сочувственно сказала:

— Джон, простите меня, я не смогла вам помочь...

— Вам не в чем винить себя, — хрипло сказал он. — Все было в моих руках, но я говорил, видимо, неубедительно, а затем еще и сорвался... Лунд специально провоцировал меня — и я попался в ловушку, как мальчишка!

— Не корите одного себя, Джон, — мягко сказала девушка, не сводя с землянина ласковых глаз. — Кроме того, Лунд по-своему прав. Почему ни вы, ни кто иной не рассказали нам раньше правду о катастрофе над Миддлтауном? Вы скрыли, что находились в тот момент в состоянии войны...

— Но мы на самом деле не участвовали в боевых действиях! Бомба обрушилась на нас, когда на Земле царило относительное спокойствие. Нет, мы не дети войны, как о нас говорил Лунд, — мы лишь ее первые жертвы.

Нахмурившись, Администратор прошлась по комнате и наконец сказала:

— Я могу помочь вам, Джон, лишь в одном — попытаюсь, насколько смогу, оттянуть начало эвакуации. Это немного смягчит психологический удар. Я пользуюсь некоторым влиянием среди Координаторов... хотя сейчас, после выступления Лунда на Совете, я в этом не уверена. И все же постараюсь...

Только сейчас до Кеннистона дошло, что прошедший день принес неприятности не для него одного.

— Прошу прощения, Варна, — с раскаянием сказал он. — Я доставил вам массу хлопот...

Девушка смущенно улыбнулась.

— Я должна идти, — тихо сказала она. — Не переживайте слишком сильно, Джон. Поверьте, никто не смог бы сделать большего на вашем месте...

Она резко повернулась и вышла из комнаты.

Горр Холл шумно вздохнул.

— Черт побери, я не узнаю Варну — до сих пор я считал, что эмоций у нее не больше, чем у мороженой рыбы! И откуда все берется? — Он с улыбкой покосился на Кеннистона. — Джон, не вешайте голову — жизнь еще не кончилась. Я предлагаю для начала пропустить по стаканчику и разрядить нервы...

Магро встряхнул своей белоснежной гривой:

— Горр, примите мои соболезнования! Ваш народ потерял сегодня последнюю надежду на возвращение в свой дом...

Капеллянин поморщился:

— Не трави душу, друг. Лучше достань-ка из шкафа...

Наполнив бокалы золотистым напитком, Горр Холл раздал их друзьям. Йон Арнол, казалось, не заметил этого — он сидел, вперив неподвижный взгляд в стену.

— Бодритесь, Йон, — сочувственно сказал Горр. — Рано или поздно ваш метод пробьет себе дорогу.

Ученый уныло ответил:

— Может быть... Но сейчас я подвел десятки гуманоидных народов со всех концов Галактики! Они поддерживали

мою работу, надеялись на меня, но я не оправдал их доверия...

Кеннистон еще раз вспомнил о жителях Миддлтауна, ожидающих его возвращения. И он подумал о Кэрол...

— Не могу лететь на Землю с пустыми руками! — с отчаянием произнес он. — Я не смогу посмотреть в глаза моим согражданам и сказать — все кончено...

— Что же поделать, Джон, они переживут и это, — сказал Горр в неуклюжей попытке как-то успокоить его. — По-моему, переселение в чужой мир и наполовину не столь ужасно, как ваш прыжок во времени! Люди поворчат, поворчат и притерпятся — как это было однажды с моим народом...

— Вы ничего не понимаете, Горр, — раздраженно ответил Кеннистон. — Мы перенеслись в будущее мгновенно, даже не подозревая об этом, — переселение же к звездам займет долгие недели, если не месяцы. Разница более чем существенная. И потом, горожане остались на Земле, рядом с родным, хоть и временно покинутым городом... Нет, Горр, они не согласятся с решением Совета и будут бороться до конца за свою независимость!

Ярость вновь охватила Джона, и он потряс кулаками:

— Этого не понять даже вам, Горр. Люди принадлежат Земле, она — словно часть их плоти и души. Горожане будут готовы рискнуть всем, даже собственной жизнью, в борьбе за право самим выбирать свою судьбу. И они добьются своего, вот увидите!

Его взгляд упал на расстроенное лицо Йона Арнола, погруженного в размышления. Внезапно Кеннистону пришла в голову дерзкая мысль. Он вскочил с кресла и подошел к ученому из Вега-Центра.

— Йон, вы как-то говорили, что имеете небольшой звездолет и преданный вам экипаж, включая группу техников?

Арнол непонимающе кивнул.

— Да... Я отдал приказ еще прошлой ночью начать подготовку к полету на Землю. Я был так уверен в успехе...

Джон тихо спросил, не сводя с Арнола пытливых глаз:

— Скажите мне, Йон, вы действительно верите в свой метод? Хватит у вас этой уверенности, чтобы рискнуть и нарушить решение Совета?

Арнол вскочил на ноги — глаза его загорелись надеждой.

— А почему бы и нет? — воскликнул он. — Земля идеальный объект для моего метода, там даже имеются подходящие по глубине тепловые шахты. Если опустить туда энергозаряд, то... — Внезапно он запнулся и со вздохом покачал головой. — Нет, Кен, это невозможно! Законы Федерации меня не останавливают, но... В случае неудачи я буду навечно исключен из галактической Коллегии Науки! Я стану изгоем среди коллег... все мои работы будут забыты...

— Йон, сейчас не время проявлять малодушие, — жестко сказал Джон. — Если сейчас вы не рискнете, то уж Совет Губернаторов постарается, чтобы о вашем методе напрочь забыли — попомните мое слово! Принесет ли такой шаг вам уважение среди коллег? Подумайте хорошенько, Йон, — судьба предоставляет вам уникальный шанс. Не упустите!

Взоры всех сидящих в комнате обратились на Арнола. Глаза Горра Холла возбужденно сияли, а Магро, напротив, с сомнением покачал головой — он явно не верил в смелость вегианского ученого.

Арнол обхватил голову и застонал:

— Я не могу — поймите, не могу сделать это! И все же вы правы — Совет никогда не даст мне «добро», я знаю. Работа всей моей жизни так и останется на бумаге...

Кеннистон смотрел на ученого с сочувствием — Арнол мучительно делал выбор между мечтой и долгом. Наконец Йон хрипло сказал, растерянно глядя на Джона:

— Кен, мы оставим право выбора за вашими людьми. В конце концов, они будут рисковать своими жизнями — ведь теперь мы не сможем их эвакуировать на орбиту.

— Арнол, я знаю их — они согласятся! — горячо воскликнул Кеннистон.

Капли пота выступили на побледневшем лице Арнола.

— Ну что ж, в таком случае я начну эксперимент — чего бы это впоследствии мне ни стоило. Хотя, впрочем, неудача будет стоить мне жизни — так что особенно беспокоиться не о чем...

У Кеннистона перехватило дыхание. Свершилось! У землян появился последний, безумный шанс спасти свою планету.

Он вопросительно взглянул на молчаливо сидящих гуманоидов.

— Друзья, а вы что скажете? Вы поддерживаете нас с Арнолом?

Горр Холл разразился громыхающим смехом:

— Кен, вы еще спрашиваете? Я ждал этого часа с детства — неужели я отступлю?

Магро молча кивнул в знак согласия. Лаллор же никак не отреагировал — он лишь не сводил с Кеннистона мудрых глаз, в которых светилось сочувствие и восхищение.

Йон Арнол облегченно вздохнул и слабо улыбнулся.

— Ну что ж, решение принято — теперь настало время действовать. Мой флайер неподалеку, в южном аэропорту. Через несколько часов мы будем в моей лаборатории в горах. Но нам необходимо здесь прикрытие, иначе за нами немедленно пошлют погоню.

Он вопросительно взглянул на Лаллора. Грузный гуманоид вскинул свою слоноподобную голову:

— Йон, я хотел бы с вами...

Горр Холл мягко прервал его:

— Старина, вам надо остаться здесь, в Центре. Рассказывайте всем, будто мы повезли Кеннистона в круиз по достопримечательным местам планеты или что-нибудь в этом роде. Вы пользуетесь у здешнего руководства большим уважением — вам поверят скорее, чем, скажем, мне или Магро.

Лаллор был явно огорчен, но спорить не стал.

— Что ж, логично... Будьте осторожны, а я уж постараюсь морочить им головы так долго, как только смогу.

Вскоре четверо друзей с беспечным видом вышли из холла гостиницы, неся в руках только что купленные яркие туристические сумки. Портье проводил их долгим взглядом и тут же заторопился к ближайшему видеотелефону. Еще через полчаса каплевидный флайер стремительно взмыл в ночное небо и направился в северное полушарие Веги-4.

Глава 18 ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

Флайер плавно сел в долине, расположенной среди цепи старых гор явно вулканического происхождения. Ночь еще не сдала свои права, восхищая Кеннистона алмазными россыпями ослепительных звезд. Они мягко освещали группу приземистых зданий лаборатории Арнола, обширный склад с мощным мостовым краном и небольшой звездолет, стоявший на решетчатых опорах посреди округлой стартовой площадки.

Его грузовой люк был распахнут, на землю спускался широкий пандус. Со стороны склада к нему неторопливо ехал роботокар с массивным черным шаром в кузове. За ним шли Арнол и его гости. Горр Холл выглядел как всегда беспечно, но Магро и особенно Кеннистон не могли скрыть своей настороженности.

Арнол покосился на их напряженные лица и усмехнулся:

— Не тревожьтесь: энергобомба действительно способна разнести вдребезги планету, но без специального взрывателя она совершенно безопасна.

Горр Холл хохотнул и почтительно поклонился черной глыбе.

— Мы, «примитивы», привыкли поклоняться силе, так что у меня на планете ваша бомба, Йон, почиталась бы верховным божеством!

Джон раздраженно взглянул на друга — его смех показался явно неуместным. Недавняя уверенность в своей правоте сменилась у него сомнениями, граничившими с отчаянием. Вся затея стала представляться каким-то

безумием. Бог мой, да разве этот двухметровый шар может изменить судьбу целой планеты? Бред, да и только...

Он попытался вернуть себе прежнее душевное равновесие. Да, сказал он себе, энергобомба выглядит не очень внушительно, но теория Йона Арнола получила полное признание среди ведущих ученых Федерации Звезд. В любом случае время для сомнений он выбрал явно неподходящее...

Джон чувствовал себя смертельно усталым. За несколько прошедших после приземления часов было сделано немало: на борт звездолета поднято несколько тонн приборов и оборудования, о назначении которого он, Кеннистон, мог только догадываться. Экипаж работал не покладая рук, понимая указания Арнола с полуслова. Ведь корабль был настоящей исследовательской лабораторией, и они, странствуя по Галактике, провели вместе долгие годы. Но знали ли техники и пилоты о цели своей новой экспедиции, догадывались ли, что нарушают решение Совета Губернаторов?

Роботокар мягко въехал по металлическому пандусу в грузовой отсек. Бомба была снята краном с ложемента и тщательно установлена в противоударный контейнер.

Первый пилот спустился по трапу и отрапортовал:

— Все готово к старту, господин Арнол.

Ученый кивнул. Он выглядел предельно утомленным.

— Как только бомба будет надежно закреплена, можно отправляться в путь, — сказал он и вдруг с тревогой взглянул в небо.

Джон последовал за ним взглядом и увидел среди звезд оранжевый факел. Чей-то флайер стремительно шел на посадку.

Кеннистон недоуменно сказал:

— Должно быть, Лаллор с какой-то важной вестью, которую нельзя передать по видеотелефону! Но что произошло?

— Хм... — пробормотал Арнол. — Надеюсь, это он. Никто иной не знает, что мы здесь, точнее, не должен знать...

Флайер сделал круг над звездолетом, словно его экипаж хотел тщательно осмотреть освещенную прожекторами

взлетную площадку, а затем круто пошел на посадку. Арнол и его друзья с нарастающей тревогой следили за машиной. Чутье подсказывало: здесь что-то неладно.

Из флайера вышли трое. В ночной мгле Джон не сразу разглядел нежданных гостей — ясно было только, что среди них нет Лаллора. Вскоре вновь прибывшие вышли в круг света. Впереди шел приземистый мужчина с коротко остриженными волосами и надменным выражением бульдожьего лица. За ним следовала хмурая Варна Аллан, а замыкал небольшую группу самодовольно улыбающийся Норден Лунд.

Коренастый незнакомец остановился и с изумлением стал наблюдать за работой экипажа звездолета, заканчивающего подготовку к старту.

— Вот уж не думал, что такие вещи возможны в нашем цивилизованном мире! — возмущенно воскликнул он наконец. — Лунд, вы оказались правы — эти четверо готовились вопреки решению Совета лететь к Земле! И, как я вижу, не с пустыми руками...

Лунд слегка поклонился, польщенный похвалой.

— Я с самого начала не доверял им, особенно этому аборигену с Сола-3 Кеннистону. На всякий случай я с помощью своих людей установил за ними слежку — и, как видите, оказался прав, Координатор Матис.

Девушка мрачно разглядывала контейнер в грузовом люке, в котором виднелся черный шар энергобомбы. Повернувшись к Кеннистону, она растерянно сказала:

— Я не поверила словам Лунда и прибыла сюда только для того, чтобы убедиться в его очередной ошибке... Но... но ошиблась я! Джон Кеннистон, вы обманули мое доверие, вы варвар, не признающий никаких законов. Я невольно начинаю думать, что ваш дикий народ действительно надо изолировать от цивилизованного сообщества...

Координатор Матис поморщился. Он не собирался снисходить до разговора с каким-то «примитивом». В упор глядя на побледневшего Арнола, он угрожающе сказал:

— Йон, вы зашли слишком далеко. Землянин может и не ведать, как сурово наказание за нарушение законов Федерации, но вы-то отлично знаете!

— Всех четверых необходимо немедленно арестовать, — дрожащим от восторга голосом произнес Лунд, с ненавистью глядя на Кеннистона. — Я надеюсь, сир, вы отметите мою скромную заслугу в разоблачении заговора против Федерации! Заметьте также, что Администратор Аллан не скрывает своей откровенной симпатии к преступникам.

— Я запомню это, Суб-Администратор, — ответил Матис с легким презрением. — Но прежде всего мне нужно известить Секретаря Совета о создавшейся ситуации. Лунд, принесите видеофон, я хочу, чтобы Секретарь мог увидеть звездолет и энергобомбу на его борту.

Лунд с готовностью почти бегом направился к флайеру, но тут Джон внезапно издал глухой вопль и рванулся за ним вслед. Схватив Лунда за плечо, Кеннистон заставил того обернуться — и тут же нанес ему сокрушительный удар в челюсть. Лунд рухнул, словно сноп.

Матис отпрянул, ошеломленный таким явным проявлением насилия. Варна Аллан бросилась к Джону, возмущенно крича:

— Вы варвар, варвар! Как вы смеете поднимать руку на свободного гражданина Федерации? Убирайтесь...

Она не успела договорить — Лунд со стоном поднялся на ноги и выхватил из-за пояса небольшой бластер.

— Я знал: здесь произойдет что-то в этом роде, — злобно сказал он, вытирая ладонью кровь с разбитых губ. — Ничего, «примитив», вам все зачтется на суде...

Но тут Горр Холл, до сих пор растерянно наблюдавший за происходящим, грозно взревел и двумя длинными прыжками настиг Суб-Администратора. Словно гризли, он обрушился на Лунда и подмял его под себя. Одной рукой выхватил у него оружие, а другой поднял за шиворот словно котенка.

ANC
STARTLING STORIES
JULY
25¢
ROBOT NEMESIS
A Hall of Fame Classic
By DR. EDWARD E. SMITH
A THRILLING PUBLICATION
FEATURING
The City at WORLD'S END
An Amazing Novel
By EDMOND HAMILTON

— Отпустите меня! — завопил возмущенно Лунд. — Я приказываю вам...

— Послушай, сынок, ты ведь мог выстрелить в кого-нибудь ненароком, — усмехнулся Горр. — Поостынь малость на ветерке...

Победоносно обернувшись к Матису, он спросил:

— Ну что, Координатор, нам можно лететь?

Матис шагнул ему навстречу, сжимая в бессильной ярости кулаки:

— Приказываю вам именем Федерации... Арнол, остановите своих бандитов!

Ученый холодно усмехнулся — былая его растерянность окончательно прошла.

— Мы уже достаточно нарушили законов, так что одним больше, одним меньше... Словом, Матис, и вы двое — вы арестованы!

Магро одобрительно улыбнулся и, шагнув к Координатору, положил ему руку на плечо. Джон подошел к застывшей на месте Варне и с раскаянием сказал:

— Простите, но вы вынудили нас прибегнуть к насилию. Мы не можем позволить вам поднять тревогу и сорвать наш замысел, от которого зависят судьбы десятков тысяч землян.

Девушка с неожиданной жалостью взглянула на него.

— Джон, вы делаете ошибку — за вами будет послана погоня, как только наше исчезновение заметят. Подумайте, вы рискуете многим и многими!

Она выразительно посмотрела на членов экипажа звездолета, столпившихся рядом с пандусом. На их лицах были написаны сомнение и растерянность.

Йон Арнол подошел к ним и устало сказал:

— Простите меня, друзья, за все, что здесь происходит. В любом случае знайте — вы не несете никакой ответственности за наши поступки. Если вы примете сейчас сторону Матиса, Совет будет вам только благодарен. Решайте сами...

Члены экипажа молча переглянулись. Навстречу Арнолу шагнул первый пилот, широкоплечий молодой человек с длинными русыми волосами. В его глазах не было и тени страха.

— Йон, мы с вами долгие годы странствовали по Галактике и доверяем друг другу. Я не знаю ваших новых друзей, но я пойду с вами до конца.

Члены экипажа одобрительно зашумели.

Глаза Арнола затуманились — он был растроган преданностью своих людей. Он крепко пожал руку каждому технику и пилоту, а затем отрывисто сказал:

— Готовьтесь к старту! Дорога каждая минута — не пройдет и нескольких часов, как за нами вышлют погоню.

Экипаж быстро, без суеты, занял свои места в звездолете. За ними по пандусу взошли Кеннистон, держа за руку покорную Варну Аллан, Горр с протестующим Лундом и Магро с растерянным Координатором. Арнол вошел в корабль последним и, обернувшись, обвел взглядом здания лаборатории — словно прощался с ними навсегда.

Люки были автоматически задраены, воздушные переборки подняты. Проходя по узкому коридору, Джон увидел предупреждающее мигание сигнальных ламп и услышал рев сирен. Где-то внизу, под его ногами, ожили двигательные установки, оглашая все вокруг нарастающим грохотом.

Арнол открыл двери, ведущие в несколько тесных кают. Указав на одну из них, он отрывисто сказал:

— Я думаю, вам будет здесь удобно, Администратор Аллан. К сожалению, на время перелета нам придется закрыть вашу дверь на замок.

Варна, не удостоив его взглядом, молча вошла в свою временную тюрьму и захлопнула за собой дверь. Лунд и Матис были размещены в противоположной каюте — они тихо бормотали угрозы и с ненавистью смотрели на Арнола. Захлопнув за ними дверь, Йон сказал друзьям:

— До вылета осталось несколько минут. Пройдемте в салон.

Вскоре они уже сидели в мягких креслах, окутанные антигравитационными коконами. Оглушительно зазвенел стартовый колокол, и Джон почувствовал, как на него обрушилась стремительно нарастающая перегрузка — даже кокон не мог полностью нейтрализовать ее. За обшивкой корабля раздался свист — он проходил плотные слои атмосферы. Собравшись с силами, Джон повернул голову и увидел в иллюминатор огромный, покрытый облаками шар Веги-4, величественно уплывающий вдаль. Вокруг зияла бездонная чернота космоса, усеянная сияющими звездами. Джон смотрел на них как завороженный — полет на Вегу казался ему теперь странным, фантастическим сном. В этот момент перегрузка стала спадать, и на плечо Джона легла могучая рука Горра Холла.

— Пойдемте, Кен, мы все измотаны, надо отдохнуть. На Земле нам вновь придется попотеть, а во время полета от нас мало толку.

Капеллянин проводил пошатывающегося от усталости Кеннистона до его каюты и помог ему улечься в постель.

Джон проснулся только через несколько часов. Сон не освежил его — он чувствовал себя совершенно разбитым после треволнений последних дней. Подойдя к иллюминатору, увидел, что Вега превратилась в сияющую бело—голубую искру — корабль преодолел уже миллионы миль пути. Не зная, куда себя деть, Кеннистон пошел на смотровую палубу звездолета и нашел там Магро и первого пилота.

— Я прощупал пространство позади нас дальним локатором и не обнаружил даже намека на погоню, — сказал пилот.

Магро усмехнулся.

— Ну, за этим дело не станет. Наше отсутствие наверняка уже не секрет, так что на Земле нас ждет цейтнот. У ваших людей, Джон, будут считанные часы на размышления.

Кеннистон кивнул — эта мысль и его очень тревожила. Жителям Миддлтауна предстоит решать не просто судьбу эксперимента — нет, они вынуждены будут выбирать между

жизнью и смертью. Только как узнать, какой путь куда ведет?..

— Где Арнол? — глухо спросил он.

— В грузовом отсеке. «Йон сидит в обнимку со своей черной крошкой и напевает ей колыбельную песенку», — с иронией сказал Магро.

Джон спустился с палубы и пошел в кормовую часть корабля через сеть узких коридоров. Несколько раз он сворачивал в боковые ответвления, заканчивающиеся тупиками, но ни разу не встретил ни одного члена экипажа, у которого можно было уточнить дорогу. Все были заняты делом — делом, которое, возможно, в конечном счете могло привести к гибели Земли...

Сомнения вновь нахлынули на него. Черный двухметровый шар выглядел весьма внушительно, но разве он мог изменить судьбу огромной планеты?

Джон нашел Арнола у одного из пультов управления энергобомбой. Ученый тщательно проверял его работу и, казалось, любовался перемигиванием десятков разноцветных огоньков на передней панели. Лицо его озаряла счастливая, умиротворенная улыбка.

Заметив Кеннистона, Арнол смущенно сказал:

— Я не могу оторваться от своего детища, Джон. Это выглядит глупо, не правда ли? Но что поделать — я вложил в энергобомбу и аппаратуру управления взрывом большую часть своей жизни. Бог мой, как же долго я ждал! И теперь, через несколько дней...

Его взгляд остановился на черном шаре, надежно укрепленном в металлическом контейнере и окутанном сетью проводов. Но Джон не ощутил никакого энтузиазма.

— Йон, возможно, я задаю неделикатный вопрос, но все-таки как этот крошечный — по сравнению с масштабами Земли — шарик сможет разбудить ее остывшие недра?

Арнол взглянул на него с замешательством.

— Даже не знаю, как объяснить вам это, Джон. Я знаю, в свое время вы были физиком—ядерщиком, но прошло так

много времени... Я попытаюсь в двух словах объяснить лишь саму идею, положенную в основу моего метода. Вы, конечно, знаете, что большинство звезд черпает свою энергию из ядерной реакции преобразования водорода в гелий, в результате которой образуются углерод и азот?

Джон кивнул.

— Да, процесс преобразования водорода в гелий был открыт в моем XX веке. Он получил название «солнечный феникс».

— Верно! Но в свое время вы не догадывались, что подобная реакция может осуществляться в широких масштабах и между тяжелыми элементами — и не только в недрах звезд. Нижние слои коры большинства планет богаты именно тяжелыми элементами, в частности, железом. В наше время удалось провести управляемую реакцию преобразования железа в никель. Я разработал метод, позволяющий осуществлять ее в планетарных масштабах. Внутри коры зажигается небольшая «солнечная печка», способная поднять температуру на поверхности умирающего мира на десять—пятнадцать градусов. Расчеты показывают, что этого вполне достаточно для возрождения планеты — даже если ее светило почти угасло.

— Но если в результате параллельно начнется процесс синтеза легких ядер... — начал было Кеннистон.

— Это исключено — нужны на порядок более высокие температуры и давления, — быстро ответил Арнол.

— Но выдержит ли кора возникающие при реакции напряжения? И не распространится ли реакция к поверхности планеты?

— Расчеты показывают, что нет. Кроме того, верхние слои коры обычно состоят из более легких веществ, таких, как кремний и алюминий. Они не дадут распространиться нашей «солнечной печке» слишком далеко. Но необходимо опустить энергобомбу достаточно глубоко в кору на Земле для этого могут послужить открытые вами «тепловые шахты».

Кеннистон кивнул. В теории все звучало достаточно убедительно. И все же...

— И все же однажды ваша теория дала осечку, — медленно произнес он, пытливо глядя на Арнола. — Планета была разорвана мощным взрывом...

— Не планета, а планетоид, — раздраженно поправил его Йон. — Сколько можно повторять, Джон? Масса коры планетоида оказалась недостаточной для поддержания нормального процесса преобразования. — Внезапно он добавил в сердцах: — И как это я, глупец, дал согласие на тот явно обреченный на провал эксперимент? Сейчас — иное дело, и я знаю, на что иду. Джон, я понимаю причину ваших сомнений, но учтите — и до, и после неудачи мою теорию тщательно анализировали ведущие ученые Федерации и не нашли ни единой ошибки. Удовлетворяет ли вас это?

— Да, — согласился Кеннистон, — удовлетворяет.

Вернувшись в свою каюту, Джон тем не менее стал нервно мерить шагами небольшое пространство. Разжечь в недрах Земли «солнечную печку»? Чудовищная, нелепая мысль... Впрочем, столь же нелепой показалась бы, скажем, зажигалка первобытному человеку, привыкшему высекать огонь кремнем.

Одно было ясно — риск землетрясений планетарного масштаба все же существовал. А это значит, что никто из жителей Миддлтауна не должен оставаться на Земле во время эксперимента. Увы, корабль вряд ли может принять более сотни человек...

Внезапно он подумал о Варне Аллан. Она, а также Лунд и Матис летят на Землю вопреки своей воле и в любом случае должны быть избавлены от всякого риска. Нужно немедленно сказать об этом Варне — как знать, быть может, девушка вся извелась от мысли о возможной близкой и нелепой смерти!

Джон торопливо зашагал по коридору. Дверь была заперта на шифрозамок. К счастью, Арнол на всякий случай передал друзьям шпаргалку с шифрами кают пленников.

Джон предварительно постучал и, выждав для приличия минуту—другую, открыл дверь.

Варна сидела в кресле у иллюминатора в той же задумчивой позе, как во время их встречи на борту «Таниса». Не отрываясь, она любовалась причудливыми россыпями звезд. Услышав шаги, она обернулась и с вызывающим видом взглянула на Кеннистона.

— Надеюсь, к вам вернулся здравый смысл — и вы пришли ко мне, полный раскаяния? — с надеждой спросила она.

Джон покачал головой, и в ответ голубые глаза девушки немедленно посуровели. Кеннистон также почувствовал прилив гнева.

— Почему вы решили, Варна, что я окажусь столь малодушным? — глухо сказал он. — Я пришел совсем с иной целью — сказать, что вам вовсе не обязательно рисковать во время эксперимента. Вместе с Лундом и Матисом вы получите возможность переждать это время на орбите на борту нашего звездолета...

— Вы думаете, я беспокоюсь сейчас о себе? — воскликнула Варна. — Нет, я думаю о судьбе тысяч ваших сограждан, которых вы своим безумным поступком поставите на грань между жизнью и смертью! Я уже не говорю о нарушенных вами законах Федерации...

— К дьяволу вашу Федерацию с ее дурацкими законами! — не выдержав, резко оборвал девушку Джон.

Глаза Администратора недобро вспыхнули.

— Напрасно вы недооцениваете нашу мощь, Джон. Корабли Патруля наверняка уже посланы за вами в погоню — они не дадут вам осуществить на Земле свой безумный замысел.

В бешенстве Кеннистон шагнул к девушке, грубо схватил ее за руку — и с изумлением увидел, как на глазах холодной и неприступной Варны выступили слезы.

Он опомнился и, присев на соседнее кресло, с раскаянием сказал:

— Простите меня, Варна — в последнее время у меня что-то разгулялись нервы... Я понимаю, вы искренне пытались помочь мне в Вега-Центре. Быть может, вы считаете меня неблагодарным, но это не так! Поймите, мы должны попытаться возродить к жизни Землю, иначе мои земляки выступят против Федерации с оружием в руках. Вы сознаете, к каким жертвам это может привести?

Девушка, всхлипнув, немного успокоилась.

— Я вела себя неразумно, — прошептала она, — словно эмоциональный при...

Опустив голову так, чтобы не встречаться взглядом с Кеннистоном, она уже более твердым голосом произнесла:

— Я верю в вашу искренность, Джон. Но вы выбрали неверный путь! Если даже случится чудо и ваш эксперимент удастся, то Совет не простит вам своей ошибки.

Джон не нашел, что возразить. Коротко попрощавшись, он с тяжелым сердцем вышел из каюты, даже не позаботившись захлопнуть за собой дверь. Слова Варны, бесспорно, были справедливы и наводили на малоприятные размышления, но... Почему-то сейчас его больше всего волновало воспоминание о том, как его рука прикоснулась к ее чудным плечам. Словно животворный ток пробежал тогда между ними...

— Это безумие, — прошептал он. — Кэрол...

Все оставшиеся дни перелета Кеннистон порывался вновь зайти к Варне Аллан, но каждый раз мысль о невесте удерживала его. К счастью, вскоре ему стало не до личных переживаний — впереди по курсу с каждым часом все отчетливее проступал красный маяк Солнца. Войдя за орбиту Плутона, корабль начал торможение.

За время полета техническая группа успела провести все работы по подготовке оборудования к эксперименту. Йон Арнол целые дни напролет пропадал в грузовом трюме, появляясь лишь к обеду — усталый, с мешками под глазами. Джон как-то посоветовал Йону отдохнуть, но тот лишь

взглянул на него покрасневшими от недосыпания глазами и усмехнулся:

— Когда мы прибудем на Землю, нам придется действовать предельно быстро, — глухо ответил он. — Как только в небе над вашим городом появятся корабли Патруля, будет уже поздно что-либо предпринимать.

Джон промолчал — его мучили те же сомнения. И все же больше всего тревожила мысль о предстоящей встрече с горожанами. Люди так ждали и надеялись на него, а что он принес? Надежду на новую жизнь или окончательную гибель?...

Глава 19 МИДЛТАУН ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Со взведенными нервами Кеннистон шел через бурую безжизненную равнину по направлению к сияющему куполу Нью-Миддлтауна. Чуть позади шагали его друзья — Йон Арнол и Горр Холл. Холодный утренний ветер бросал им в лица пригоршни пыли, косматое от протуберанцев Солнце нехотя выползало из-за горизонта. Все вокруг было таким, как и несколько недель назад, и все должно будет вскоре измениться.

— Отлично! — бодро воскликнул Арнол, с любопытством оглядываясь по сторонам. — Остывающая, массивная планета, наверняка содержащая в коре много железа! То, что нужно для моего опыта.

— Йон, спуститесь с небес, — усмехнувшись, сказал Горр Холл. — Сначала нам надо убедить в этом землян. Кстати, они уже нас поджидают...

Узнав Кеннистона и капеллянина, солдаты вышли из-за баррикад и приветствовали их, размахивая фуражками. Вслед за ними через проходы в ограждении ринулись толпы горожан. Они окружили Джона и его друзей, едва не смяв их в порыве восторга. Казалось, у них не было сомнений в успехе его миссии...

Кеннистон узнал в толпе хорошо знакомые лица — Буд Мартин, Джек Борзак, Лаубер... Вскоре к нему сквозь плотную массу людей протиснулся высокорослый Мак Лаубер и с энтузиазмом пожал ему руку.

— Джон, приветствую вас на старушке Земле! Как ваши — вернее, наши — дела?

— Эти безголовые звездожители отменили, конечно, свое дурацкое решение насчет эвакуации? — крикнул кто-то из толпы. — Нам разрешено остаться в городе?

Волнение в толпе нарастало. Джон закричал во весь голос, пытаясь перекричать всех:

— Идите на центральную площадь! Я расскажу вам там обо всем!

— К площади! Идем на площадь! — прокатилось по людскому морю.

Толпа подалась назад. Основная масса горожан быстрым шагом направилась к порталу. Наиболее любопытные роились вокруг Джона и гостей со звезд. Личность никому не известного Йона Арнола вызвала всеобщий интерес, и Кеннистона забросали вопросами, но он в ответ только качал головой. Он намеревался рассказать обо всем на площади, в присутствии десятков тысяч людей.

По дороге он постоянно выискивал в людском море Кэрол. Он жаждал хоть издалека увидеть ее лицо — и одновременно в глубине души боялся этого. Джон огорчился, не увидев невесту рядом, и в то же время испытал странное облегчение.

Мэр Гаррис нетерпеливо ждал его у портала, чуть позади него стояли несколько столь же взволнованных членов муниципалитета.

— Джон, наконец-то вы прибыли! — закричал Гаррис и снизошел до того, что шагнул навстречу Кеннистону и первым протянул ему руку. — Вы остановили этих наглецов? Надеюсь, они теперь поняли, кто хозяин на Земле?

Джон не стал делать для мэра исключение.

— Я расскажу обо всем там, на площади, где меня сможет услышать каждый горожанин.

Гаррис нахмурился, в его глазах промелькнул испуг. Тем временем Джон обменялся крепким рукопожатием со своим шефом.

— Хуббл, проводите меня, — тихо сказал он. — Я сделал очень серьезный шаг — не знаю уж, к нашему спасению или гибели...

По дороге к площади Джон торопливо рассказал старому другу о своей миссии к звездам. Как он и ожидал, Хуббл помрачнел.

— Кен, что вы наделали... Взрыв энергобомбы, «солнечная печка» в недрах Земли... да это же безумие!

Кеннистон посвятил его в немногие известные ему детали эксперимента — и Хуббл слегка успокоился.

— Это звучит логично, даже с точки зрения нашей, «первобытной» науки, — сказал он, с любопытством оглядываясь на идущего в нескольких шагах позади Йона Арнола. — Кен, мне хотелось бы обстоятельно поговорить с вашим гением с Веги.

— Напрасно потратите время, — угрюмо ответил Джон. — Наука ушла на миллионы лет вперед, так что Арнол разговаривал со мной так, как, скажем, я бы разговаривал о ядерной физике со средневековым монахом.

Хуббл подошел к Горру Холлу, с которым проработал много дней плечо к плечу при ремонте атомных генераторов, и спросил:

— Горр, скажите — вы верите в метод Арнола?

Джон перевел его слова, и капеллянин не колеблясь ответил:

— Я верю в Йона настолько, что даже готов рискнуть своей драгоценной шкурой и остаться рядом с тепловой шахтой во время эксперимента. Устраивает вас это, старина Хуббл?

Тот кивнул — он знал Горра Холла как прекрасного инженера-ядерщика и всецело доверял ему.

— Похоже, Джон, мы будем участвовать в большой игре, — усмехнулся он. — И эта игра, кажется, стоит свеч...

Через несколько минут Джон уже стоял на дощатой трибуне, оставшейся на Центральной площади со времен неудавшегося «праздника города». Он сжимал в руке микрофон и с замиранием сердца смотрел на море взволнованных, возбужденных, ожидающих глаз. Сейчас он произнесет жестокие, тяжелые, как глыбы, слова, и тогда...

И он произнес их, решительно отбросив колебания:

— Я принес вам недобрую весть, мои дорогие сограждане — Совет Губернаторов, несмотря на мой протест, утвердил решение о нашей эвакуации на другую планету.

Толпа отозвалась глухим ропотом — лица многих людей исказились от гнева и возмущения.

Мэр Гаррис, стоявший на трибуне рядом с Кеннистоном, выхватил у него из рук микрофон и закричал, багровея от ярости:

— Нет уж, дудки, мы не оставим Землю! Пусть только эти Губернаторы попробуют применить против нас силу — мы дадим им достойный отпор!

Джон недовольно посмотрел на мэра и не без труда вновь отобрал у него микрофон:

— Подождите, сначала выслушайте меня! Нам не обязательно для спасения браться за оружие — у нас есть другой путь...

И он рассказал им, насколько мог просто и доступно, о методе Йона Арнола.

— ... Итак, я уверен — Земля может быть вновь возрождена! «Солнечная печка» прогреет верхние слои планетарной коры, и климат вновь потеплеет. Не так, как это было раньше, ведь Солнце-то порядочно остыло, но вполне достаточно для сравнительно комфортабельной жизни.

На площади воцарилась глубокая тишина. Джон понимал — идея Арнола была слишком смела и неожиданна, и горожане далеко не сразу воспримут ее, если вообще

воспримут. Увы, люди XX века не были приучены принимать решения в планетарном масштабе.

Наконец на трибуну взошел Джек Борзак, проработавший большую часть своей жизни на фабрике.

— Мистер Кеннистон, правильно ли я вас понял, — спросил он, пытливо разглядывая Арнола, — если эта штука с вашей бомбой выгорит, то мы сможем вернуться в наш старый Миддлтаун?

— Совершенно верно, — подтвердил Джон. — Мы навсегда вернемся в свои дома.

Борзак обернулся к толпе и закричал:

— Слышите — мы сможем вернуться в наш старый город! Да о чем тут еще рассуждать, ребята!

Джон невольно улыбнулся. Для рядового обывателя фантастический, всепланетного масштаба эксперимент означал лишь одно — возможность вернуться к своему очагу.

Он поднял руку, призывая к тишине.

— Я хочу предупредить вас — метод Арнола никогда еще не применялся на планете типа нашей Земли. Существует, хотя и небольшая, вероятность ошибки в расчетах... Кроме того, лишившись поддержки Федерации, мы не сможем, как намеревались вначале, эвакуировать все население города на орбиту. В случае неудачи нам всем придется заплатить за свой выбор жизнями...

Он сделал паузу. Лица стоявших около трибуны людей сразу же вытянулись, они начали горячо обсуждать эту неприятную новость. Наконец чей-то сиплый голос выкрикнул:

— А что думает мистер Хуббл? Почему наши ученые помалкивают?

Кеннистон воспринял эти слова также и в свой адрес. Заколебавшись, он не очень уверенно сказал:

— Если вас интересует мое мнение — то я без сомнений согласился бы на этот опыт, будь я единственным человеком на Земле. Но нас здесь многие тысячи, в том числе

женщины и дети, и потому решение мы должны принимать сообща.

Он пригласил стоящего рядом с мэром Хуббла и со вздохом облегчения уступил ему место у микрофона.

— Я не могу ничего вам советовать, сограждане, так как и сам не пришел еще к окончательным выводам, — начал тот не слишком уверенно. — Увы, уровень науки XX века не позволяет хотя бы в общих чертах разобраться в теории Арнола. Остается верить или не верить ученым Федерации на слово. Судя по тому, что известно, наши коллеги с различных галактических миров признали правоту идей Йона Арнола. И все же, на мой взгляд, существует определенная возможность ошибки. Я не могу, к сожалению, оценить, насколько велик риск. Думаю, решение следует принимать, прежде всего исходя из того, насколько важна для нас ставка в этой игре со смертью. Мне лично не хотелось бы провести остаток жизни на другом конце Галактики, но Кеннистон прав — выбор мы должны делать вместе.

Хуббл вернул микрофон Джону, и тот сразу протянул его мэру.

— Гаррис, скажите горожанам, чтобы они тщательно обдумали все сказанное. Минут десять—пятнадцать мы им дадим на это, а затем те, кто за эксперимент Арнола, пусть перейдут, скажем, в правую от нас половину площади, а те, кто против или колеблется, — в левую.

Мэр замялся и завертел микрофон в руках — чувствовалось, что ему очень не хочется обращаться к горожанам с подобным предложением — оно могло привести к роковым последствиям. Кеннистон же горько сказал Хубблу:

— Надо было дать им месяцы на размышление, а мы можем выделить только минуты!

Хуббл устало усмехнулся:

— Может, это и к лучшему. Горожане будут меньше терзаться сомнениями и тревогами.

Мэр Гаррис наконец набрался мужества и передал народу предложение Кеннистона, но уже от своего имени.

На площади тотчас воцарилась суматоха — люди не были готовы столь быстро делать выбор между жизнью и, возможно, страшной гибелью. До Джона донеслись обрывки фраз:

— ...эти парни со звезд знают, что делают. Они смогут оживить нашу старушку Землю, вот увидите!

— ...не знаю, не знаю... А что, если начнутся землетрясения на всем материке? Пожалуй, мы и костей тогда не соберем...

— ...ну и черт с ним! По мне лучше сотня землетрясений, чем жизнь где-тона задворках Вселенной!

Площадь буквально кипела от тысяч взволнованных голосов. Наконец Гаррис, вопросительно взглянув на Кеннистона, хрипло сказал:

— Вы готовы принять решение, граждане Миддлтауна? К сожалению, мы не можем дать вам больше времени на размышление...

С бешено бьющимся сердцем Джон смотрел, как внезапно огромная толпа пришла в движение, — люди начали переходить из одной стороны в другую. С не меньшим волнением за этим следили Арнол и Горр Холл, которым Джон объяснил процедуру принятия решения.

Некоторое время на Центральной площади царил такой хаос, что нельзя было ничего понять. Однако вскоре ситуация стала проясняться.

Кто за эксперимент — в правую часть площади...

Кто против — в левую...

Между двумя противостоящими группами появился коридор, который начал непрерывно расширяться. Кеннистон с облегчением увидел — на левой половине площади осталось около двух сотен людей.

Горожане подавляющим большинством высказались за проведение эксперимента.

Колени у Кеннистона внезапно задрожали — на него словно обрушилась огромная глыба ответственности. Он взглянул на Арнола — и увидел в его глазах слезы радости.

Горр Холл улыбался во весь рот, обнажив два ряда мощных клыков. Мэр же отошел в левую часть трибуны и с сокрушенным видом разглядывал немногочисленных «отказников» — видимо, он не ожидал, что у него окажется так мало сторонников.

Джон вновь подошел к микрофону.

— Спасибо, люди, за ваше доверие! — растроганно произнес он. — Мы начинаем подготовку к эксперименту немедленно. Корабли Федерации могут появиться в небе в любой момент — и они не дадут нам что-либо предпринять без согласия Совета Губернаторов.

Мы просим вас как можно скорее оставить город. Никто не должен оставаться под куполом в момент, когда в шахту будет спущена и сдетонирована энергобомба. Это время можно будет переждать, скажем, за грядой холмов — хоть небольшая, да защита. Те же из вас, кто высказался против эксперимента, имеют право временно покинуть Землю и наблюдать за происходящим с орбиты. К сожалению, наш космолет невелик и может взять на борт лишь несколько десятков, может, сотню людей.

Он вновь обернулся к мэру.

— Гаррис, пора действовать. Возглавьте временную эвакуацию жителей города и постарайтесь, чтобы не было давки и хаоса... Хуббл, а что намереваетесь делать вы?

— Думаю, нам с вами, Джон, надо будет помочь Арнолу и его людям в шахте. Толку от нас, боюсь, будет немного, но все же...

Мэр спустился с трибуны в сопровождении членов муниципалитета и немедленно взялся за дело. Кеннистон же с Хуббломдождались, когда на опустевшую площадь приехали на роботокарах техники со всем необходимым оборудованием, и проводили гостей в шахту. В ее жерло были спущены многочисленные датчики; Арнол с Холлом получили возможность увидеть на экране дисплея химический состав земной коры — причем не только под Миддлтауном, но и на всей планете! Небольшая по габаритам вычислительная

машина стремительно провела необходимые расчеты и выдала на экран свое заключение — «солнечную печку» в недрах Земли зажечь можно. Вероятность возникновения неуправляемого процесса составляла лишь десятые доли процента, но она существовала.

— Что ж, годится, — бодро сказал Арнол. — Шахта пролегает достаточно глубоко. И все же в этом районе в коре имеется слишком много разломов... может, используем для спуска энергобомбы какую-нибудь другую шахту? Джон, вы, кажется, говорили, что на Земле есть другие заброшенные города под куполами?

Кеннистон был озадачен — эта мысль не приходила ему в голову.

— Вы правы, Арнол, — кивнул он. — Но это потребует массу времени, которого у нас нет.

— Ну, не так уж и много! Вы забываете — в нашем распоряжении космолет. К счастью, я догадался захватить с собой древнюю карту Земли... Вспомнил — в последний период перед всеобщей эвакуацией на вашей планете оставалось шесть крупных городов, и три из них располагались в другом полушарии.

Горр Холл и Хуббл дружно начали возражать — они считали, что это не скажется на безопасности людей, и Арнол нехотя согласился с ними.

— Хорошо, — кивнул он. — Тогда мы немедленно приступаем к делу. Думаю, завтра к полудню мы будем готовы... Джон, нам понадобится ваша с Хубблом помощь.

— Мы сделаем все, что в наших силах, — пообещал Джон, — Только дайте мне час... нет, хотя бы полчаса — у меня кое—какие личные дела.

Горр Холл и Хуббл понимающе улыбнулись, а Джон тем временем уже бежал к лифту. Полчаса — не так уж и много для человека, преодолевшего половину Вселенной и мечтающего о встрече со своей невестой, думал он, захлопывая за собой дверцу кабины. Он не видел Кэрол на площади среди «отказников», и это тревожило его. Кэрол могла просто

испугаться полета, и он должен переубедить ее любыми средствами. Рисковать ее жизнью... — нет, это выше его сил!

Кэрол была дома и ждала его. К удивлению, Кеннистона, на ее лице не заметно было даже тени страха — напротив, глаза девушки лучились радостью и надеждой — такой она не была уже давно.

При виде жениха Кэрол бросилась ему на шею и жарко расцеловала — так, как в их первые годы. Джон растрогался было, приняв ее ласки на свой счет, но первые же слова невесты спустили его с небес на землю.

— Джон, вы действительно сделаете это чудо? — зашептала Кэрол, прижимаясь к нему. — Земля вновь оживет, я вновь смогу собирать цветы на лугах, и ветер будет теплым и напоенным запахом трав?

— Хм... Мы попробуем разогреть Землю, но учти, милая, — Солнце останется таким же холодным и тусклым, — предупредил он невесту. — Кроме того, есть риск неуправляемого взрыва...

Кэрол сердито нахмурилась — она не желала этого слушать.

— Нет, нет, этого не случится, я знаю! Через несколько дней, ну, может, через неделю мы вернемся в наш дом в Миддлтауне, и тетя вновь высадит в палисаднике свои любимые петунии...

Он увидел в глазах девушки слезы, ласково поцеловал ее, зарылся пальцами в пышные волосы. «Конечно же, Кэрол любит меня, — подумал он, — но только как часть своей прежней, любезной ее сердцу жизни. Если все вернется в прежнее накатанное русло, то она будет счастлива со мной. А я — буду ли счастлив я?»

Против воли он вспомнил о Варне Аллан, звездной страннице, мужественно несущей на своих хрупких плечах тяжелую ношу Администратора огромного сектора Галактики.

Словно почувствовав это, Кэрол тихо спросила:

— Джон, как было там... на звездах?

— Тебе бы не понравилось, — откровенно ответил он. — Все чужое и даже чуждое... но по-своему прекрасное!

Кэрол с тревогой взглянула ему в лицо.

— Мне кажется, ты еще больше изменился, — грустно сказала она. — Глаза стали какие-то другие... глубокие, как омут... Джон, мне немного страшно...

Она вздрогнула и отстранилась, словно и на самом деле почувствовала себя в объятиях инопланетного существа.

— Нет, Кэрол, я не изменился, я остался прежним! — горячо воскликнул Джон, силой привлекая невесту к себе и осыпая ее поцелуями. — Ты слишком мнительна, милая, только и всего... Извини, я должен возвращаться в шахту — сейчас дорога каждая минута...

Девушка разочарованно взглянула на него, но протестовать не стала. Она проводила Джона до порога и, поцеловав на прощанье, долго махала ему рукой, стоя на крыльце. И все же у него сложилось малоприятное ощущение, что Кэрол провожала не любимого жениха, а ГЕРОЯ, ИДУЩЕГО НА ПОДВИГ.

Шагая к центру города, Джон оказался в людском водовороте. Люди с рюкзаками, чемоданами и просто свертками, в которых находилось самое необходимое, широким потоком двигались по направлению к порталу. При виде своего «спасителя» они окружили его плотным кольцом. Каждый мужчина старался протиснуться сквозь толпу и пожать ему руку; женщины норовили чмокнуть его в щеку, детишки засыпали градом вопросов — им хотелось узнать, когда дядя Горр собирается разжечь заодно и Солнце. Джон улыбался направо и налево, так что у него задеревенели мышцы лица, пожимал бесчисленные протянутые ему руки, но вздохнул с облегчением лишь тогда, когда спустился в туннель, ведущий к шахте.

Здесь работа кипела вовсю. Хуббл привлек на помощь техникам Арнола лучших мастеров города. Из космолета были привезены все крупногабаритное оборудование, и сама энергобомба. Над жерлом шахты была быстро и умело

сооружена решетчатая ферма. Магро руководил работами по установке на ней мощного атомного двигателя с хитроумным спускным устройством, а Горр Холл заканчивал подготовку системы дистанционного управления — она должна была обеспечивать горение «солнечной печки» по расчетному режиму. Джон присоединился к Арнолу и Хубблу — они были заняты наладкой взрывателя энергобомбы.

На долгие часы Кеннистон был полностью погружен в сложную и непривычную работу. И все же в короткие минуты отдыха перед его глазами выплывало милое, родное лицо... — нет, не Кэрол, а Варны Аллан. Что она делает сейчас там, на борту звездолета, из которого не пожелала выходить — так же, как и Лунд с Матисом?

Наконец пришло утро. Посыльные от мэра сообщили, что город в основном уже пуст, но колонны людей еще продолжают движение к холмам. Гаррис твердо гарантировал, что в полдень можно начинать эксперимент — людей в Нью-Миддлтауне больше не будет.

Круглую черную бомбу установили с помощью крана на площадке в середине фермы. Окутавшая ее металлическая сеть соединялась с тросами спускного устройства. Над бомбой разместили четыре заряда. Их должны были сбросить с некоторым запаздыванием вслед за энергобомбой. При взрыве этих зарядов в шахте образуется «пробка», которая закроет «солнечной печке» путь на поверхность. Правда, оставались незакрытыми остальные пять шахт, но Арнол посчитал это обстоятельство несущественным. «Потом разберемся, — ответил он на вопрос Кеннистона. — Жаль, конечно, остальные города — огненные факелы могут сжечь их дотла, но времени заниматься ими, увы, нет».

В этот момент к Арнолу подбежал, задыхаясь, один из пилотов — он готовил корабль к взлету на орбиту с «отказниками» на борту.

— Шеф, мы только что получили сообщение по дальней видеосвязи! Корабли Патруля уже недалеко, и

командование армады требует немедленно остановить все работы! Через несколько часов они будут здесь, на Земле...

Глава 20 СУДЬБА ЗЕМЛИ

Все находившиеся в шахте люди с тревогой переглянулись. Кеннистон невольно вспомнил слова Варны: «Вам не удастся противостоять законам Федерации!»

На Арнола было страшно смотреть — от мысли, что дело его жизни может быть окончательно погублено в самый последний момент, он пришел в ярость. Шагнув к посланнику, он схватил его трясущимися руками за воротник и воскликнул хрипло:

— Далеко корабли Патруля от Земли?

— Они только что пересекли орбиту Плутона и будут здесь через несколько часов. Если рискнут идти в Солнечной системе на маршевой скорости.

— Они идут на предельной скорости, в этом можно не сомневаться, — угрюмо пробормотал Арнол, оставляя китель пилота в покое. Лицо его побелело и напоминало сейчас восковую маску, скулы резко очертились, щеки втянулись. После некоторого раздумья он обратился к стоявшим рядом с фермой техникам:

— Ребята, много вам еще требуется времени?

— Час—полтора, не больше, — поколебавшись, ответил один из техников. — Есть трудности с подъемником, но, думаю, к этому сроку мы управимся.

Джон вновь ощутил прилив надежды.

— Йон, мы, кажется, успеваем! Я пойду прослежу, как идут дела у мэра.

Гаррис находился на площади рядом со зданием мэрии, где был создан импровизированный центр эвакуации, и беседовал о чем-то с членами муниципалитета. Вид у него был усталый и озабоченный. Узнав от Джона о приближении кораблей Федерации, он только вздохнул:

— Что ж, мы сделали все возможное. Старики, дети и больные уже перевезены в старый город. Взрослые почти все ушли пешком, но кое-кто из них в суматохе потерял своих детей. Этим мы сейчас и занимаемся... Думаю, через час город будет совершенно пуст — так и передайте вашему Арнолу.

Он помолчал и затем тихо спросил:

— Джон, как вы считаете, мы переживем сегодняшний день? Ведь мы оказались между молотом и наковальней...

Если даже ваш эксперимент удастся, корабли пришельцев могут начать против нас военные действия...

— Не тревожьтесь, хуже, чем сейчас, не будет, — ободрил его Кеннистон. — Мы полагаемся на вас, Гаррис, через полтора часа бомбу опустят в шахту!

Он почти бегом вернулся назад и сразу же включился в работу, которая велась в бешеном темпе. Жесткий цейтнот оборачивался против них — инструменты неожиданно ломались и терялись, приборы выходили из строя и даже опоры фермы лопались под тяжестью энергобомбы.

И все же настала минута, когда все было готово. Остальное сделает автоматика.

Арнол еще раз обошел свое оборудование, проверил работу приборов — и только тогда дал знак всем находящимся в шахте подниматься на поверхность. Оказавшись в тунеле, они вышли на пустынную улицу и быстрым шагом направились в сторону бульвара. Не доходя до портала, они увидели сквозь прозрачные стены купола огромный поток людей, пересекавший равнину.

Выйдя на открытое пространство, Джон вздохнул с облегчением — и тут же с тревогой взглянул на мглистое небо. Но как ни вглядывался, не заметил следов приближения кораблей Патруля.

Арнол отдал короткий приказ. Горр Холл, Магро, Хуббл и несколько техников с переносным пультом управления направились вслед за горожанами к холмам. Сам же Арнол вместе с Кеннистоном пошли в другую сторону, к стоявшему

в двух километрах от города звездолету. Около корабля собралась небольшая группа «отказников», не желавших рисковать жизнью, — за ходом эксперимента они предпочитали наблюдать с орбиты. Горожане столпились у пандуса и нерешительно поглядывали друг на друга — видимо, полет в космос их также страшил.

Арнол, улыбнувшись, пригласил людей в корабль и, взяв двоих детишек за руки, повел их в раскрытый люк. За ними, опустив головы, последовали родители. Поколебавшись, на борт поднялись еще три женщины и двое стариков. Остальные отошли от пандуса — на их лицах была написана полная растерянность.

Джон еще раз взглянул на небо и воскликнул:

— Почему вы остановились? Немедленно поднимайтесь на корабль, он не может долго ждать!

Оставшиеся — а их было не более трех десятков — не двинулись с места. Наконец один из «отказников», худощавый старик с обезображенным оспой лицом, вышел вперед и, прокашлявшись, сказал:

— Знаете, мистер Кеннистон, мы все-таки решили остаться. Нам не нравится то, что вы затеяли с этими пришельцами, — он кивнул в сторону спускавшегося с пандуса Арнола, — но мы не хотим покидать друзей в такой час. Плохо ли, хорошо ли, но мы прожили бок о бок многие годы — что ж, если надо, вместе и умрем. Пошли, чего стоим!

Он приглашающе махнул рукой — и небольшая группа последовала за ним через равнину в сторону холмов.

Арнол с восхищением посмотрел им вслед.

— Джон, вы, земляне, мне определенно нравитесь! Даже самые малодушные из вас не лишены мужества и благородства. Теперь я и сам вижу, что Лунд попросту очернил горожан в глазах Совета Губернаторов. Кстати, о Лунде...

Они вдвоем поднялись на борт корабля и, пройдя через сеть коридоров, открыли двери, в которых находились их пленники. Варна Аллан по-прежнему сидела в кресле и не

пожелала даже обернуться, а Матис с Лундом, напротив, шагнули им навстречу со сжатыми от злости кулаками.

— Арнол, вы все-таки собираетесь сделать свое черное дело? — прошипел Координатор, с ненавистью глядя на ученого.

— А вы сомневались в этом, Матис? — усмехнулся Йон. — Земляне высказались за эксперимент — что еще могло меня остановить? Кстати, хочу напомнить — лично вам ничего не угрожает. Скоро корабль стартует, и вы будете в полной безопасности.

Норден Лунд процедил сквозь зубы:

— Надеюсь, вас обоих разнесет на мелкие кусочки вместе с этим чертовым Миддлтауном. Но даже если этого и не произойдет, то вы не будете победителями, нет. Вам предстоит ответить перед судом за преступное нарушение законов Федерации! С радостью полюбуюсь, как всю вашу банду засадят куда надо!

— Посмотрим, — хладнокровно ответил Арнол. — А теперь нам пора идти. Счастливого путешествия!

Он повернулся и зашагал к выходу, но Кеннистон замешкался. Варна Аллан все-таки вышла из своей каюты и теперь выжидающе смотрела на него. Лицо девушки было бледно, но в ее голубых глазах не было ярости — только грусть и сомнение.

Джон хотел сказать этой чудной девушке о многом, но не находил слов. Наконец он пробормотал:

— Простите меня, Варна, за все те неприятности, которые я вам невольно причинил. Прощайте...

— Подождите, Джон!

Девушка шагнула к нему, пытливо вглядываясь в его лицо.

— Знаете, я хотела бы остаться с вами на Земле, — просто сказала она.

Кеннистон в изумлении воззрился на нее — как и Матис с Лундом. Наконец Координатор возмущенно воскликнул:

— Вы с ума сошли, Администратор! Что вы делаете?

Варна спокойно объяснила:

— Пока я еще Администратор этого сектора Галактики. В том, что здесь происходит, есть и моя вина, и я не собираюсь уходить от ответственности. Повторяю — я остаюсь на Земле во время эксперимента и разделю судьбу жителей этой бедной планеты.

Лунд неожиданно ревниво сказал:

— Вы думаете, Варна, не о своем долге, а об этом проклятом «примитиве» Кеннистоне!

Девушка вздрогнула, еще больше побледнела, но ничего не ответила. Джон с внезапно вспыхнувшей надеждой пытался поймать ее взгляд, но Варна опустила глаза.

Матис недовольно сказал:

— Я не могу, к сожалению, приказать вам следовать за мной, Администратор. Но учтите — вам придется держать ответ за свое безответственное поведение.

Девушка кивнула и быстрым шагом направилась по коридору к выходу. Смущенный до глубины души Кеннистон последовал за ней. Сердце его бешено колотилось, дыхание перехватило от волнения. «Неужто Лунд прав! — лихорадочно думал он. — Нет, не может быть... Но почему Варна промолчала и лишь опустила глаза?»

Они вместе сбежали по пандусу и подошли к Арнолу, ожидающему Кеннистона в нескольких шагах от корабля. Увидев Варну, он, казалось, не удивился. Не успели они пройти и несколько десятков метров, как пандус поднялся, люки корабля были автоматически задраены, и космолет плавно поднялся ввысь и быстро исчез в багряном небе.

Через полчаса они поднялись к холмам, где волновалось целое людское море. На вершине одного из холмов, за живым барьером из солдат гвардии, стояли техники с приборами контроля, а также Хуббл с обоими гуманоидами.

При виде Варны Аллан глаза у капеллянина округлились от удивления.

— Надо же, сам Администратор пожаловал! Вот уж не думал, что вы останетесь с нами, грешными.

Девушка гневно оборвала его:

— Не забывайтесь, Горр, я не намерена отчитываться перед подчиненными за свои... — она с трудом сдержалась и после паузы спросила уже более мирно: — Когда вы собираетесь начинать?

Капеллянин смущенно покосился на недовольного его словами Кеннистона и ответил:

— Мы готовы, Арнол, командуйте!

Ученый волновался так, что на него было страшно смотреть. Он подошел к пульту управления и внимательно изучил показания многочисленных приборов.

— Джон, предупредите ваших людей — мы начинаем! — глухо сказал он и положил руку на панель.

Кеннистон закричал — его голос гулко прокатился среди каменистых склонов, поддерживаемый резким ледяным ветром:

— Спускайтесь вниз, за гряду! Холмы защитят вас от ударной волны, если катастрофа все-таки произойдет!

Горожане начали торопливо спускаться по противоположному склону, скользя ногами по осыпающимся камешкам. Многие упали на колени и стали горячо молиться. Заплакали малыши, прижавшись к своим перепуганным матерям.

Сердце Кеннистона сжалось от боли. Прав ли он был, поставив на карту жизни многих тысяч людей?

Он подошел к Арнолу и вместе с ним некоторое время молча смотрел вниз, где посреди бурой равнины возвышался огромный купол, залитый пурпурными лучами предзакатного Солнца. Где-то там, в недрах города, под белыми башнями небоскребов, затаилась энергобомба, готовая вот-вот нырнуть в чрево Земли...

Неожиданно он почувствовал, как чья-то узкая прохладная ладонь скользнула ему в руку. Он повернулся и увидел Варну, завороженно смотревшую на Нью-Миддлтаун. Глаза их встретились...

Йон Арнол решительно нажал на красную кнопку. Тысячи людей, не пожелавших прятаться за холмами, тревожно смотрели на сияющий купол. Они понимали: через несколько минут оттуда, с равнины, к ним может прийти смерть — и хотели встретить ее лицом к лицу.

— Теперь я понимаю, что мы, люди будущего, немало потеряли по сравнению с вами, — прошептала Варна, крепко сжав пальцы Джона. — У вас есть отвага и безрассудство, которого мы лишены. Вы повинуетесь не только разуму, но и сердцу... Я рада, что осталась с вами, Джон!

— Началось! — воскликнул Арнол, не сводя глаз со шкал приборов.

Потекли томительные минуты. Внезапно люди ощутили под ногами сильные толчки — один, второй, третий, четвертый... Это сработали сопровождающие энергобомбу заряды. Чуть позднее из глубин на поверхность пришло землетрясение, докатилось до холмов и ушло вдаль, поднимая тучи пыли на бескрайней равнине. Затем земля вновь содрогнулась, но не в предсмертной конвульсии. Билось сердце возрождающейся к жизни планеты — ликующе, взахлеб...

Люди, многие из которых были брошены толчками на землю, закричали — кто из страха, кто от восторга. Одни прощались с жизнью, другие с надеждой прижимались лицом к каменистой почве, словно пытаясь уловить пульс недр.

Указатели на приборах, казалось, совершенно сошли с ума. Почти все стрелки зашкалило, но это продолжалось недолго. Постепенно все пришло в норму, но ни один указатель не стоял больше на нуле. «Солнечная печка» в глубинах земной коры разгоралась, и животворящее тепло медленно, но верно стало распространяться по многокилометровой толще коры.

Арнол с победной улыбкой обернулся к друзьям.

— Все идет нормально! — звенящим от радости голосом произнес он. — Не пройдет и нескольких недель, как тепло вновь придет на Землю...

Он замолчал, не находя слов, чтобы выразить бурлящие в нем чувства. Долгие и упорные годы его работы наконец принесли первые плоды... Лицо Арнола внезапно осунулось, улыбка погасла — сейчас рядом с приборами стоял смертельно усталый, пожилой человек.

Кеннистон хотел было передать слова Арнола горожанам, но те сами инстинктивно почувствовали, что все страшное уже позади. С триумфальными криками бросились они вниз по склону к городу, обнимали друг друга, целовались и плакали от радости. Мэр Гаррис не скрывал счастливых слез, обнимаясь с могучим Горром Холлом. Магро с Хубблом что-то горячо объясняли членам муниципалитета.

— Это была холодная зима Земли — зима сроком в миллионы лет, — тихо сказал Джон, привлекая к себе не сводящую с него нежных глаз Варну. — Скоро придет весна, а это всегда пора любви. И кажется, я знаю, кто станет первыми влюбленными на новой Земле...

Внезапно в небе прокатился — гром. Корабли Патруля, ощетинившиеся пушками, спустились на равнину рядом с холмами.

Глава 21 ПРОСЫПАЮЩИЙСЯ МИР

Медленно, очень медленно в течение нескольких последующих недель весна вновь приходила на Землю. Ветры с каждым днем становились мягче, на тусклом небе стали проскальзывать одиночные облака. Однажды ночью над Нью-Миддлтауном разразилась гроза — первая за многие тысячи лет, и на следующее утро на бурой равнине проклюнулись робкие лучики травинок.

Увы, Кеннистон узнавал об этих изменениях лишь от Кэрол, навещавшей его... в тюрьме. Вместе с остальными участниками запрещенного эксперимента он был заключен под стражу в одном из зданий города. Командование эскадрильи Патруля временно взяло власть в Нью-Миддлтауне в

свои руки, но до прибытия комиссии Совета Губернаторов никаких активных действий не принимало — кроме немедленного разоружения полицейских отрядов и сил Национальной Гвардии. Вскоре на Землю прилетели представители Федерации, и в здании бывшей мэрии началось долгое, изнуряющее слушание «дела Сола-3». Комиссия тщательно собрала все данные о событиях, произошедших после встречи землян с экипажем «Таниса», выслушала сотни свидетелей и не спеша приступила к выработке своего постановления.

Джону казалось, что недели тянутся бесконечно, он не находил себе места в обширном зале, охраняемом солдатами Патруля. Арнол же, напротив, был бодр, на его губах часто играла беспечная улыбка. На допросах он держался дерзко и самоуверенно, часто ставя Губернаторов в тупик своими остроумными репликами. Цель его жизни достигнута, метод возрождения планет успешно апробирован — остальное его мало занимало.

Горр Холл и Магро также не выглядели удрученными. Капеллянин время от времени громогласно восклицал, с иронией поглядывая на сокрушенного Кеннистона:

— Черт побери, да в чем они могут теперь нас обвинять? Дело сделано! Метод Арнола проверен практически, и об этом скоро узнает вся Галактика. Пусть Губернаторы попробуют отказать в подобных просьбах жителям других остывающих планет!

Магро добавил:

— Учтите, Джон: Федерация не решится эвакуировать ваших сограждан — Земля-то оживает с каждым днем! Неужели это вас не радует?

— Радует, еще как, — вздохнул Джон, — но так уж устроен человек — ему всегда всего мало. Еще несколько недель назад я о большем и не мечтал, а сейчас еще хочется самому пройтись по цветущим лугам Земли. К возможной гибели я как-то морально притерпелся, но вот к тюрьме...

Горр Холл расхохотался.

— Это вряд ли случится, Джон. Вспомните — мы с вами лишь «эмоциональные примитивы», с нас и взятки гладки.

И вот наконец настал день, когда «заговорщиков» ввели в большой зал — еще недавно здесь заседали мэр и члены муниципалитета. Солдаты Патруля отвели их в первый ряд, который превратился в своеобразную «скамью подсудимых». Члены же комиссии разместились на невысокой сцене «в президиуме». Зал был переполнен — Губернаторы решили сделать последнее заседание открытым.

Джон скользнул взглядом по членам комиссии — трем пожилым, умудренным опытом мужчинам и соплеменнику Лаллора со звезды Спика — и осмотрел зал. На соседней скамье он увидел Варну Аллан, и сердце его дрогнуло. Карьера девушки всецело зависела от результатов слушания дела, но она не казалась подавленной — напротив, встретившись взглядом с Джоном, ободряюще улыбнулась ему. Сидящий позади нее Лунд выглядел настороженным. Встретившись глазами с Кеннистоном, он зло усмехнулся, но на его лице не было заметно обычной самоуверенности.

Почтенный старик, Председатель комиссии, начал заседание. Коротко огласив обстоятельства дела и результаты слушания, он перешел к самому важному — решению четырех Губернаторов. Его лицо все время оставалось бесстрастным, но Джону показалось, что он выполняет свою работу с явным неудовольствием.

— ... итак, выездная сессия Совета Губернаторов постановляет: Йон Арнол, Горр Холл, Магро и Джон Кеннистон виновны в преступном нарушении решения Ассамблеи Совета Губернаторов, в самовольном проведении недостаточно апробированного и опасного для населения Сола-3 эксперимента. Они приговариваются к высшей мере наказания, применяемой в Федерации Звезд, а именно: к пожизненному заключению на одной из отдаленных, необитаемых планет.

Горр Холл прошептал:

— Ого! Пусть только попробуют сделать это. Нас так просто не запугать... — Однако его голос звучал далеко не столь уверенно, как раньше.

Председатель комиссии холодно взглянул на капеллянина, и тот, смутившись, опустил глаза.

— Итак, повторяю — обвиняемые безусловно заслуживают самого сурового наказания, но надо признать — рассматриваемый случай невозможно оценивать чисто на юридической основе. Мы обязаны учитывать, что ваш дерзкий, безрассудный поступок создал совершенно новую, не предусмотренную законами ситуацию. За последние дни в Совет Губернаторов поступили заявки от нескольких десятков членов Федерации с просьбой применить метод Арнола на своих планетах. После долгих дискуссий Совет дал на это разрешение.

Кеннистон не поверил своим ушам. Неужели борьба Арнола все-таки привела к победе?

— Таким образом, — продолжил Председатель комиссии, — мы зашли в тупик. Заслуженное обвиняемыми наказание пришло в явное противоречие с последним решением Совета. Исходя из этого, а также учитывая ходатайство целого ряда Губернаторов, представляющих в основном гуманоидные миры, мы решили ограничиться общественным порицанием указанной выше четверке. Предупреждаем — в случае повторного нарушения законов Федерации Совет Губернаторов оставляет за собой право ужесточить наказание виновным, учитывая дело Сола-3.

В зале стало необычайно тихо. Никто не ожидал такого благоприятного поворота событий. Председатель, однако, еще не кончил зачитывать заключение:

— Наряду с вышесказанным комиссия рассмотрела вопрос об ответственности ряда официальных лиц Федерации, участвовавших так или иначе в данном инциденте. Необходимо отметить, что Администратор Варна Аллан проявила неумение работать в сложной, нестандартной ситуации, а также плохое знание психологии населения планет с

недостаточно высокой степенью развития цивилизации. Вследствие этого Варна Аллан понижается в должности на одну ступень.

Норден Лунд торжествующе улыбнулся, но тут Председатель сурово взглянул и на него.

— Комиссия также сочла, что в действиях Суб-Администратора Нордена Лунда эгоистические мотивы порой мешали выполнению его служебного долга. Лунд также понижается в должности на одну ступень.

Зачитанное мною постановление получило одобрение секретариата Совета, является окончательным и обжалованию не подлежит.

После долгой паузы люди в зале робко заулыбались. Многие ринулись к передним рядам, чтобы пожать руку Кеннистону и его друзьям. Раздались первые восторженные возгласы, а затем зал взорвался аплодисментами. Йона Арнола и Магро подняли на руки, но вот с массивным Горром Холлом не удалось справиться даже самым сильным мужчинам. Тогда капеллянин, хохоча, сам подбросил к потолку несколько человек и под одобрительные крики ловко поймал их в воздухе.

Кеннистон не принимал участия в общем веселье. Он заметил, как сразу после окончания выступления Председателя комиссии Варна Аллан молча поднялась и с окаменевшим, серым лицом пошла к выходу, и поспешил вслед за ней. Девушка заметила это и остановилась в ожидании у самых дверей. Неожиданно перед ней вырос Норден Лунд. Лицо бывшего Суб-Администратора тряслось, глаза были налиты кровью. Сжав кулаки, он шагнул навстречу Кеннистону.

— Будь ты проклят, мерзкий «примитив»! Ты погубил мою карьеру...

Варна остановила его, презрительно усмехнувшись:

— Бросьте, Лунд, вы сами сделали эту карьеру своими амбициозными интригами.

Лунд затравленно оглянулся на свою бывшую начальницу и внезапно сник. Опустив голову, он молча вышел из зала. Девушка проводила его тревожным взглядом и тихо сказала:

— У вас появился смертельный враг, Джон. Лунд не из тех, кто остается в долгу...

Джон пожал плечами — сейчас это меньше всего волновало его.

— Варна, — сказал он горько, — вы тоже имеете основание ненавидеть меня...

Девушка серьезно взглянула на него:

— Нет, Джон, вы здесь ни при чем. Я оказалась в непривычной ситуации и наделала массу ошибок. Видимо, действительно еще не созрела для столь ответственной работы...

— Дьявол, о чем вы говорите? — взорвался Кеннистон. — Каждому ясно, что ваши Губернаторы предвзято отнеслись к вам. Вы старались найти лучшее решение...

— И все же оно оказалось не самым мудрым и прозорливым, — прервала его Варна и внезапно улыбнулась. — Джон, не переживайте за меня. Кто знает, быть может, все и к лучшему...

Кеннистон с восхищением смотрел на златовласую девушку. Ему хотелось сказать ей о многом... но как решиться на это? Между ними лежала бездна... Может ли дикарь из далекого прошлого надеяться на любовь одной из самых блистательных девушек Федерации?

— Я поздравляю вас, Джон, — ласково сказала Варна. — Скоро ваша мечта исполнится, и вы вернетесь в свой дом... к этой очаровательной Кэрол. Не сомневаюсь, вы будете очень счастливы вместе...

— Варна! — в отчаянии воскликнул Джон. — Я давно хотел...

Девушка выжидательно смотрела на него, но Кеннистон вдруг потерял дар речи. Тогда Варна грустно усмехнулась:

— Я не прощаюсь с вами сейчас, Джон. Надеюсь, вы найдете время и заглянете к нам на корабль перед отлетом. Передайте вашей Кэрол привет и скажите, что я немного завидую ей.

Она резко повернулась и вышла из зала, а Джон лишь стоял и как завороженный смотрел ей вслед. Внезапно его захлестнула волна ликующих горожан. Несмотря на его протесты, Джона подняли на руки и вынесли на площадь, где, казалось, собрался весь город. По широкому проходу среди тесно сгрудившихся людей шел оркестр Национальной гвардии, одетый по случаю торжеств в парадную форму. Гремели барабаны, звучали фанфары, сотрясались литавры, ярко наряженные девушки маршировали, искусно жонглируя жезлами. За оркестром медленно ехал открытый лимузин мэра, украшенный первыми луговыми цветами. Гаррис размахивал шляпой, приветствуя многотысячную толпу. Следом за ним тянулся караван автомобилей — это ехали горожане, возвращающиеся в старый добрый Миддлтаун.

Позади машин шла процессия из самых крепких мужчин, не выпускающих из высоко поднятых рук Йона Арнола, Магро и Хуббла, а чуть поодаль шагал громогласый Горр Холл, облепленный восторженно визжащими малышами. Кеннистон же смог вырваться из цепких рук своих обожателей и скрылся от них на соседней, сравнительно пустынной улице. Почти полчаса задворками он пробирался к дому невесты, опасаясь выходить на широкие магистрали, где бурлил праздник. Наконец ему удалось проскользнуть к хорошо знакомому подъезду, и вскоре он уже сжимал в объятиях плачущую от счастья Кэрол.

— О, Джон, ты свободен! — шептала она, прижимаясь к его груди мокрой от слез щекой. — Я побоялась прийти на заседание этой ужасной комиссии, но я ждала и надеялась...

— Да, Губернаторы признали нас невиновными, — сказал Джон и вдруг почувствовал себя очень неловко. Ему показалось, что он целует чужую невесту. Собственно говоря, так и было на самом деле...

В этот момент в комнату вошла озабоченная тетя Адамс.

— Джон, как хорошо, что вы пришли! — воскликнула она. — Я не знаю, верить ли нашим соседям? Неужто мы можем вернуться домой?

— Упаковывайте вещи, миссис Адамс, — улыбаясь, ответил Джон. — Я отвезу вас на своем джипе.

— О, я давно готова! — с энтузиазмом воскликнула старуха. — На всякий случай все последние дни я готовилась к переезду. Я так и заявила соседкам — не задержусь ни одной лишней минуты в этом ужасном, забытом богом месте! Но знаете, что мне сказали сыновья миссис Борзак? Мы останемся здесь, в Нью-Миддлтауне, вот что сказали эти сорванцы. И их поддержала почти вся молодежь! Можете вы это понять, Джон?

Через полчаса Кеннистон подогнал к дому свой джип и погрузил в него тюки и чемоданы. Выехав на бульвар, он попал в медленно движущийся к порталу поток машин. Мимо проплывали белые небоскребы, так и не ставшие для большинства горожан родным домом. Колонна выехала за пределы купола — и ее встретил теплый ветер, несущий слабый запах зелени. Но в небе по-прежнему тускло светилось багряное Солнце и перемигивались слабые звезды.

Караван проплыл мимо небольшого звездолета Йона Арнола, окруженного черными башнями кораблей Патруля. Джон долго оглядывался на них — ему было грустно при мысли, что скоро его новые друзья уйдут к далеким мирам, и, быть может, навсегда. И с ними будет Варна...

Перевалив через гряду холмов, колонна торжественно въехала на улицы Миддлтауна. Дома уже оживали — ставни были распахнуты, жалюзи на окнах подняты. Женщины в пестрых фартуках, весело переговариваясь, не спеша сметали пыль со ступенек и садовых дорожек. Деловито гудели грузовики, развозя крупные вещи; дети носились по городскому парку среди деревьев, на голых ветвях которых проклевывались первые почки.

Джон свернул на Майн-стрит и вскоре подъехал к старому коттеджу, который они оставили несколько месяцев назад. Впрочем, месяцев ли? Джону показалось, что с тех пор прошли долгие годы.

Он остановил машину у тротуара. Миссис Адамс вышла из джипа и нерешительно подошла к веранде. Открыв дверь, она вдруг растерянно оглянулась, словно опасалась войти.

— Ничего не изменилось, — сказала она недоуменно. — Неужели все было просто кошмарным сном? Но пыли, сколько пыли на крыльце! Сейчас я возьму тряпку...

Внезапно она села прямо на ступеньки и разрыдалась.

Кэрол, напротив, почему-то не спешила выходить из джипа. Чувствуя ее пристальный взгляд, Джон обернулся и, нарочито улыбаясь, спросил:

— Теперь ты счастлива, милая?

Она кивнула, не сводя с него серьезных, задумчивых глаз. Джону стало не по себе, и он торопливо сказал:

— Я помогу перенести в дом вещи, а затем, прости, должен буду отлучиться. Перед отлетом мне нужно повидаться с Горром Холлом, но я скоро вернусь.

Кэрол внезапно тихо сказала:

— Нет, Кен... не возвращайся.

Он вздрогнул и протестующе воскликнул:

— Опомнись, милая, что ты говоришь?

В глазах его невесты появилась грусть, но голос по-прежнему оставался твердым.

— Мы не сможем быть вместе, Кен, и ты это отлично понимаешь. В последнее время ты очень изменился, а я осталась прежней. Я слишком привязана к своей привычной, размеренной и спокойной жизни, а ты отныне принадлежишь звездам. А может быть, еще и...

Джон понимал, что Кэрол говорила правду — ту правду, в лицо которой он сам не решался взглянуть. И все же по инерции он еще пытался возражать:

— Кэрол, но как же наши планы...

— Наши?.. Прежнего Джона Кеннистона больше не существует, потому не может быть и планов о свадьбе, детях, собственном доме... Для меня это трагедия, но прости — это мое личное дело. Я знаю, ты будешь счастлив... с ней...

Девушка внезапно бросилась ему на шею, страстно поцеловала — и, спрыгнув на землю, побежала к дому. Когда Джон опомнился и вышел из машины с чемоданами в руках, обеих женщин уже не было видно. Дверь на веранду была заперта...

— Прости, — прошептал Джон и, не оглядываясь, пошел к джипу.

Выехав из старого города, он на предельной скорости погнал машину и вскоре выехал на вершину одного из холмов. Здесь он остановился и, выйдя на каменистую площадку, долго смотрел на Миддлтаун, словно прощаясь с ним. Затем взглянул на город под куполом — и увидел небоскребы, залитые огнями праздничной иллюминации. Большинство молодежи осталось там, в новом городе — для них день отъезда родителей и близких стал праздником начала самостоятельной жизни. Эти ребята и будут новыми членами Федерации Звезд, подумал Джон. Их не тяготит мертвый груз прошлого — и, возможно, они-то и возродят Землю по-настоящему. Построят новые города, дадут жизнь новому поколению землян... Впрочем, кто знает? Звездные корабли скоро вновь вернутся — и, быть может, эти парни и девушки предпочтут отправиться к новым мирам. Старый Миддлтаун обречен, рано или поздно он превратится в призрак, в тень далекого прошлого. История о городе, перенесшемся на край света, может со временем стать одной из легенд Галактики...

Никогда еще Кеннистон не чувствовал себя таким свободным. С прежней жизнью было покончено, а новая могла начаться только там, среди далеких миров. Он станет звездным странником, одиноким скитальцем, чужим и для землян, и для жителей Федерации...

Он вновь уселся за руль и не спеша поехал к звездолетам, возвышающимся среди бескрайней равнины. Миновав титанические башни кораблей Патруля, он выехал к серебристой игле космолета Арнола. У спущенного на землю пандуса его ждали. Горр Холл издалека приветливо помахал рукой — его примеру последовали Магро и Йон Арнол. Среди его друзей была и Варна Аллан. Не выдержав, она побежала ему навстречу, не скрывая счастливой улыбки.

И тогда Джон Кеннистон понял, что и там, среди звезд, он не будет одинок.

Глава 1 ЧУЖИЕ СНЫ

Странные голоса, как показалось Эрику Нельсону, зазвучали у него в голове, когда он спал на постоялом дворе прифронтовой китайской деревушки.

«Убить его, маленькая сестра?»

Голос был нечеловеческим, в нем ощущались настолько чуждые всему земному интонации, что даже во сне Нельсон вздрогнул.

«Нет, Тарк! Ты должен следить за ним, но не убивать! Пока не убивать!»

Второй голос был вполне человеческим, серебристым, но на редкость холодным и безжалостным.

Нельсон понимал: это всего лишь сон. Сознавал, что лежит в полуразрушенной после жестоких боев деревушке под названием Йен Ши, а накануне изрядно нагрузился рисовой водкой. Слишком уж часто в последнее время смерть смотрела ему прямо в лицо — видно, усталость, нервное перенапряжение и алкоголь сыграли злую шутку.

В то же время этот назойливый диалог был пугающе реален, хотя и звучал лишь в воспаленном воображении. Нельсон вновь услышал первый, нечеловеческий, голос.

«Они должны умереть, маленькая сестра! ОН разыскивает их, хочет нанять и сделать нашими врагами. Ей сказал мне об этом».

«Нет, Тарк! Я приказываю тебе лишь следить за ними...»

Нервы Эрика Нельсона взвелись до предела. Он открыл глаза, пытаясь прогнать остатки кошмара, и выскользнул из-под одеяла. Некоторое время Нельсон стоял посреди темной комнаты, приходя в себя. Инстинктивно подошел к распахнутому окну и увидел: рядом с хижиной промелькнула черная тень и исчезла, прежде чем удалось ее как следует разглядеть. Но это был не человек!

С проклятием Нельсон бросился к стулу, на котором висела его одежда, и, выхватив из кобуры пистолет, вновь подбежал к окну. Он успел разглядеть какую-то большую птицу, скользнувшую по звездному небу, и услышал шум крыльев.

Нельсон выругался, дрожа от пережитого ужаса. Мозг был затуманен, желудок выворачивало от вчерашней попойки. Но постепенно он начинал приходить в себя. За окном открывался привычный ночной пейзаж: звездное небо, волнистая стена джунглей, над ней — еле различимые громады тибетских гор.

Начало светать. Нельсон спрятал оружие и с силой провел ладонями по небритому лицу.

— Черт, кажется, я вчера перебрал, — пробормотал он, пошатываясь, отошел от окна и уселся на койку. — От этой дрянной водки еще и не такое может причудиться...

Он попытался забыть свои ночные страхи, но не смог. Смущал не столько сам факт, что он слышал во сне чей—то разговор, — нет, дело было в первом, лишенном интонаций, голосе. Подобного он еще никогда не слышал...

Нельсон зажег глиняную лампу и обошел свою голую грязную комнату, пытаясь найти чьи-нибудь следы. Даже в мерцающем, чадящем свете ничто не казалось подозрительным. Тогда он набросил на плечи китель и вышел в соседнюю, общую комнату. Здесь ночевали трое подчиненных, младших, офицеров — все, что осталось от некогда грозного отряда наемников.

Двое храпели на койках: огромного роста датчанин Питер Ван Восс и Лефти Вистер — кокни, уроженец Лондона, невысокий, худощавый, чем-то напоминающий паука, может быть, своей жадностью и беспощадностью. Третий офицер, Ник Слоан, человек с кряжистой фигурой и алчными глазами, сидел у стола и брился, глядясь в небольшое зеркальце из полированной стали. Заметив вошедшего Нельсона, Слоан повернул плоское загорелое лицо с ежиком рыжеватых волос и недовольно спросил:

— Чего ты так вопил, Эрик? Дурной сон приснился с перепою? Разбудил, понимаешь, человека...

Нельсон заколебался, а затем решил сказать правду.

— Хочешь верь, хочешь нет, Ник, но кто-то ночью пробрался в мою комнату. Я слышал чьи-то голоса и видел тени за окном...

— Здорово же ты вчера надрался! — неодобрительно отозвался Ник, тщательно выбривая щеки.

Нельсон внезапно осознал, насколько глупо себя ведет. Как командир, он сейчас явно проигрывал по сравнению с ухоженным и подтянутым Слоаном. Расхлябанная фигура, мятый китель, взъерошенные белесые волосы, сапоги на босу ногу...

— Да, вчера я напился от души — впервые за полгода, — с вызовом сказал он, смерив Слоана недобрым взглядом. — И собираюсь сделать это же сегодня вечером и завтра тоже. Ты что-то имеешь против, Ник?

Внезапно его перебил мягкий, сдержанный голос:

— Только не сегодня, капитан Нельсон! Ни в коем случае не сегодня!

Эрик обернулся и увидел Ли Кина, стоящего в дверном проеме. Маленький китаец выглядел нелепо в просторной не по размеру форме. Пухлое, с детскими чертами лицо было серым от усталости, из-за толстых стекол очков на Нельсона с тревогой смотрели блестящие глаза.

— Командир, я встретил в деревне группу отступающих солдат. По их словам, большой отряд китайской красной армии находится на пути сюда, выступив из Нун Йена. Они могут быть в деревне самое позднее завтра к полудню!

Ник Слоан задумчиво сощурился.

— Что ж, красные не теряют времени зря. Этого можно было ожидать...

Да, с тоской подумал Нельсон, только этого и можно было от них ждать! Похоже, ловушка захлопнулась...

Все пятеро офицеров еще недавно служили при штабе Ю Чи, бывшего главнокомандующего старого Китая. С

приходом коммунистов к власти тот был изгнан из страны. Ю Чи удалось собрать армию в необитаемом районе Тибета между Китаем и Бирмой. Старый воитель объявил себя «освободителем» и провел немало «славных боевых операций против красных», а по сути дела, обыкновенных грабительских набегов на мирные поселения крестьян.

Армия была разношерстной по составу, а офицеры лишь алчными наемниками. Из всех товарищей Нельсона только у Ли Кина был патриотический настрой. Остальные же просто зарабатывали на жизнь, участвуя в кровавых заварушках то в одном, то в другом районе Юго-Восточной Азии. Сам Эрик Нельсон вот уже десять лет со времен окончания войны в Корее болтался по джунглям. Конечно, он мог возвратиться домой, в Америку, но предпочел приключения. Его соотечественник Ник Слоан провел в Азии почти столько же времени. Ему было наплевать на все, кроме денег. Увы, Слоану не везло — он так и не сумел пока разбогатеть. Что касается Ван Восса и Лефти Вистера, то эти бывшие уголовники вовсе не жаждали ступить на родную землю. Оба были умелыми и беспощадными бойцами, так что даже товарищи поглядывали порой на них с опаской.

Судьба долгое время хранила всех пятерых офицеров, но сейчас их жизнь висела на волоске. Ю Чи переусердствовал в своих «освободительных» набегах, и в конце концов был окружен отрядами красных. Старому воину удалось выиграть тяжелую битву в окрестностях деревеньки Йен Ши, но это была пиррова победа. Ю Чи погиб, а его армия разбежалась. Через сутки оставшиеся в деревне наемники будут окружены и неминуемо погибнут...

— Нам надо немедленно убираться отсюда! — рявкнул Ник Слоан. Его лицо побагровело, губы дрожали.

— И куда же мы пойдем? — позевывая, спросил только что проснувшийся Ван Восс. Вытянув с койки длинные ноги, он почесывал грудь и живот. Лефти Вистер тоже открыл глаза и, хмыкнув, потянулся к помятой пачке сигарет на тумбочке.

— К черту на рога, вот куда, — обнажил он в усмешке кривые желтые зубы. — Здесь мы как в крысиной норе — куда ни сунешься, все равно угодишь в ловушку. Видно, Ник, не суждено тебе стать миллионером...

— Что верно, то верно, — раздраженно ответил Нельсон. — На север, юг и восток путь заказан — эти места так и кишат красными. На западе же — только горы, и без проводника мы будем кружить на одном месте, пока не сломаем шеи или нас не прикончат местные племена.

Ли Кин хлопнул себя ладонью по лбу.

— Эрик, вы напомнили мне о туземце, который пришел в деревню прошлой ночью. Он хотел бы потолковать с нами. Похоже, этот дикарь собирается нас нанять...

— К дьяволу эту образину! — буркнул Ван Восс. — Ясное дело, один дикарь хочет с помощью нашего оружия прикончить своего соседа и заплатить за это горстью сушеных кузнечиков.

— Может, и так, — задумчиво заметил Ник Слоан, добривая подбородок — никакие треволнения не могли отвлечь американца от его драгоценной внешности. — Нам-то какая разница? Если туземец знает дорогу через горы, то мы спасены. Где ждет эта обезьяна?

— Покорно сидит у крыльца, — ответил китаец, нахмурившись, — его раздражало высокомерие белых людей. — Привести, Эрик?

Нельсон кивнул, решив, что хуже от разговора не будет.

Ли Кин вышел. Через проем двери Нельсон увидел, как тот не спеша пересек пыльный двор и подошел к стене соседней хижины, у которой сидел на корточках туземец с бритой головой. Он кутался в грубое одеяло, щуря глаза от резкого раннего солнца. Когда Ли Кин заговорил, туземец тотчас вскочил на ноги. Он был почти на голову выше китайца, в ладной фигуре чувствовалась скрытая, почти тигриная сила.

Введя незнакомца в комнату, Ли Кин коротко представил его:

— Это Шен Кар.

Нельсон с любопытством стал разглядывать гостя. Оливковое лицо туземца поражало красотой и правильностью черт, темные глаза были надменны. Чем-то он даже напоминал принца древнего рода. Нельсон терялся в догадках — людей подобного типа он в Азии не встречал.

— Ты не тибетец, верно? — спросил он на местном наречии.

— Нет, — ответил с заметным акцентом Шен Кар и указал через открытое окно на серые громады гор, залитые утренним светом. — Мой народ живет там, в долине Л'лан. Но у нас есть враги, смертельные враги.

Его голос дрогнул от едва сдерживаемой ярости, глаза полыхнули огнем.

— Враги слишком сильны, чтобы одолеть их самим. Мы прослышали об отважных чужеземцах и их смертоносном оружии. Я пришел, чтобы нанять вас для нашей священной войны.

Нельсон инстинктивно почувствовал, что Шен Кар говорил вовсе не о незначительной сваре между соседними племенами. Нет, этот человек не станет воевать ради лошадей, женщин и золотых побрякушек — должны быть куда более серьезные цели.

Шен Кар изучающе оглядел офицеров, а затем продолжил более спокойным голосом:

— Я слышал о славном воителе Ю Чи и намеревался вести переговоры с ним. Но он погиб незадолго до моего прихода. От армии остались лишь вы пятеро. Но у вас много смертоносного оружия и вы умеете им пользоваться. Если пойдете в Л'лан и поможете нам одержать победу, хорошо заплачу.

— Вот как? — оживился Ник Слоан, обтирая лицо одеколоном, который у него не переводился даже в джунглях. — И чем же именно?

Вместо ответа Шен Кар достал из-за пазухи странный предмет и протянул его Нельсону.

— Слышал, этот металл очень ценится в вашем мире, — с легким презрением сказал он.

Нельсон озадаченно повертел в руках толстый обруч нескольких дюймов в диаметре из матово-серого металла. На внешней стороне располагались два небольших кварцевых диска с резьбой в виде спирали.

Лефти Вистер присвистнул от возмущения.

— Что? Этот чертов нищий хочет нанять нас за какую—то железяку?

— Железяку? Ну уж нет! — воскликнул Ван Восс, вскакивая с койки и не сводя с обруча жадных глаз. — Я видел такой металл в копях Суматры. Это платина, клянусь небом, платина!

— Платина? Дайте-ка взгляну, я знаю в этом толк! — Ник Слоан выхватил из рук Нельсона обруч и вперился в него глазами.

— Да, платина, — сказал он наконец и посмотрел на гостя. — Откуда эта штука?

— Из долины Л'лан, — спокойно ответил Шен Кар. — Там много таких вещей, очень много. Получите часть их как плату.

Ник Слоан повернулся к Нельсону — его глаза разгорелись.

— Эрик, это стоящее дело! Первое стоящее дело за все годы, которые мы провели в этой азиатской дыре!

Лефти Вистер, отбросив недокуренную сигарету, взял обруч. Руки его дрожали.

— Платина, — пробормотал он. — Можно и головой рискнуть...

— Вы говорите — Л'лан? — Ли Кин задумался. — Я слышал кое-что об этой долине. Есть одна легенда...

Шен Кар нетерпеливо прервал:

— Я жду ответа, белые люди. Вы пойдете со мной?

Нельсон почувствовал вопросительные взгляды товарищей и заколебался. Слишком многое смущало в этом

странном деле. Но другого выхода не было — они не могли долго оставаться в деревне.

— Обычно я не покупаю кота в мешке, — нахмурился он, не сводя с Шена Кара пытливого взгляда. — Но сейчас просто вынужден соглашаться. Учтите — за нашу помощь придется дать много платины.

— Согласен, — Шен Кар слегка усмехнулся. Эта улыбка туземца очень не понравилась Нельсону, но он промолчал.

Ник Слоан довольно потер руки.

— Будем считать, что договорились. А теперь пора заняться подготовкой к походу. Можем захватить из арсенала бедняги Ю Чи несколько пулеметов, не говоря уже о карабинах и гранатах. Но понадобится время, чтобы собрать и погрузить на лошадей все необходимое. Думаю, к ночи будем готовы.

Шен Кар кивнул и вышел из хижины.

— Кретин! — расхохотался вслед Лефти Вистер. — Неужто не понимает, что с нашим оружием мы отнимем у него все сокровища?

Нельсон с проклятием шагнул к низкорослому англичанину.

— Заруби себе на носу, Лефти, мы никогда не сделаем подобной подлости! Если уж согласились драться на стороне этого туземца, то...

Внезапно он замолчал, вспомнив о своем странном сне. Как это было сказано: «Они должны умереть, маленькая сестра. ОН разыскивает их, хочет нанять и сделать нашими врагами!»

Неужто этот чужой, нечеловеческий голос и впрямь звучал у него в голове? Получилось по предсказанию — Шен Кар сумел купить помощь за кусок платины. Кто же будет их противниками? В какую таинственную и опасную историю они дали себя втянуть?..

Глава 2 СТРАННЫЕ ЗВЕРИ

К вечеру утомительные сборы еще не были завершены. За день Нельсону не раз вспоминался фантастический сон. В конце концов он пришел в весьма дурное расположение духа. Чтобы развеяться, Нельсон под пустяковым предлогом вернулся на постоялый двор. Он вспомнил о ящике шотландского виски, пусть и поддельного, которым хозяин гостиницы спаивал гостей — лишь бы ему платили.

Ли Кин увязался за командиром — китаец опасался, что Нельсон может перебрать спиртного перед началом похода. Однако, оказавшись в теплой комнате, Ли Кин сам с удовольствием опрокинул пару стаканчиков.

— Капитан, надо бы пойти помочь грузить боеприпасы на лошадей, — вяло предложил он, но, не выдержав, снова потянулся к бутылке.

— Чуть позже, — буркнул Нельсон, прислонившись к стене хижины и полузакрыв глаза. — Ребята справятся сами, народ бывалый.

Он поднял к лицу бутылку и лениво взглянул через нее на соседние столики, освещенные тусклым светом масляной лампы.

Черт, почему же дурацкий сон не идет у него из головы? Холодный, неземной голос, тени, мелькнувшие за окном, шум крыльев в звездном небе — все было как-то тревожно.

— Странный парень этот Шен Кар, — пробормотал наконец Нельсон.

— Весьма странный, Эрик. Знаете, я кое-что вспомнил об этой Л'лан.

Нельсон непонимающе взглянул на собеседника.

— Л'лан? А... долина среди гор, о которой говорил Шен Кар? Я и думать забыл о ней.

— А я размышлял весь день, — китаец наклонился к Нельсону через стол. — Вы жили в Азии долгое время, Эрик. Неужто не слышали легенд об этом удивительном месте?

— Нет, хотя... — Нельсон запнулся. Он вспомнил рассказ слепого старика, которого ему довелось спасти от гибели. «Таинственная, благословенная долина Л'лан! В незапамятные времена здесь появились Янь и Инь — жизнь и смерть, добро и зло, свет и тьма! Тихо дремлет золотая Л'лан в окружении неприступных гор, и скрытно живет в ней древнее Братство, в самом сердце мира, в долине Создателя!»

— Слышал одну историю... — признался Нельсон. — Нечто вроде азиатского мифа о садах Эдема.

— Да, все считают это лишь легендой, — серьезно произнес Ли Кин. — Но Шен Кар сказал, что он пришел из долины Л'лан!

Нельсон пожал плечами.

— Туземный фольклор, ничего более. Некое племя горцев наслушалось россказней и назвало свою дурацкую долину красивым именем.

— Может быть, и так, — с сомнением сказал Ли Кин и неохотно встал из-за стола. — Ну что, пойдем, командир?

— Иди и скажи Слоану, что я скоро буду, — буркнул Нельсон, наливая себе еще.

Ли Кин с осуждением взглянул на батарею пустых бутылок.

— Не забудьте, Эрик, мы выходим завтра утром, — напомнил он.

— Не беспокойся, буду в полном порядке, — успокоил его Нельсон.

Китаец, вздохнув, вышел из хижины. Нельсон с симпатией посмотрел вслед. Ли Кин нравился ему больше других нынешних сотоварищей. Это был истинный патриот, мечтающий спасти Китай от братоубийственной войны. Остальные же штабные офицеры, включая его, Эрика Нельсона, лишь жалкие наемники, «солдаты удачи».

Солдаты удачи? Нельсон усмехнулся над таким громким прозвищем, никак не подходившим им, торговцам смертью. Ник Слоан — хладнокровный корыстолюбец, Ван Восс —

слабоумный садист, Лефти Вистер — матерый уголовник. Славная компания, нечего сказать!

Ну а он, Эрик Нельсон, чем лучше других? Ему уже за тридцать, лучшие годы провел в непрерывных боях. За что и за кого? Он сейчас и вспомнить не мог, ради чего проливал свою и чужую кровь. Теперь он словно затравленный зверь, на его шее затягивается смертоносная петля — потому—то он и решил помочь Шену Кару. Хорошенькое продолжение легенды! Пятеро грязных наемников в Эдеме...

В порыве раздражения он швырнул бутылку из-под виски в грязную стену. Брызнули осколки. Толстяк хозяин испуганно выглянул из кухни.

— Я что — собака, чтобы дожидаться, пока мне кинут кость? — грозно крикнул Нельсон. — Принеси еще бутылку. Живо!

Несколько стаканов приторного пойла сделали свое дело, и час спустя Нельсон, покачиваясь, двинулся по улице, с трудом различая путь — в деревне светились лишь редкие окна.

— Эй вы, обезьяны! — заорал он, встретив нескольких крестьян, возвращающихся домой. — Мне осточертела ваша грязная дыра! Хочу чего-нибудь новенького, хочу гор!

Ему внезапно вспомнились слова слепого старика: «Л'лан, золотая Л'лан, где древнее Братство скрытно живет...» Что еще за Братство? Если что-то важное, то почему Шен Кар ни разу не обмолвился о нем?

Нельсон внезапно остановился. Из мрака ночи на него в упор смотрели чьи-то зеленые глаза. Огромная рыже-коричневая собака вышла навстречу из темноты. Впрочем, собака ли?

«Волк! — с тупым изумлением понял Нельсон, и его рука сама потянулась к кобуре. — Настоящий живой волк, а не порождение винных паров!»

Он был пьян, это верно, но не настолько, чтобы не заметить: зверь слишком велик для собаки. Массивная голова

непривычно широка, светящиеся зеленые глаза смотрели с гипнотической силой.

Нельсон уже почти вытащил пистолет, когда из темноты раздался девичий голос с заметным тибетским акцентом:

— Он не причинит вам вреда, господин. Он — мой.

Незнакомка вышла на освещенный светом соседней хижины участок дороги и, успокаивая, погладила по спине зверя, застывшего в угрожающей позе. Нельсону не сразу удалось ее как следует разглядеть — мозг туманил алкоголь. Но он инстинктивно почувствовал, что это необычная девушка. Ее движения были легки и грациозны, словно у лани, а не у деревенской жительницы.

Незнакомка была одета в темный жакет и свободные брюки, так что Эрик поначалу принял ее за китаянку. Темные волосы спускались на плечи густыми волнами — она будто принесла с собой частицу ночи. Черты гладкого, оливкового лица были приятны, хотя и далеко не безупречны.

Нельсон где-тоуже видел похожее лицо, только грубое и заносчивое, — и то было лицо мужчины. Какого? Он не мог вспомнить...

Большие влажные глаза с вызовом смотрели на него, губы изогнулись в тонкой усмешке. И все же лицо девушки казалось почти детским, готовым вот-вот осветиться ласковой улыбкой.

— Я — Нсхарра, господин, — сказала она. — Я видела вас в деревне перед битвой.

Нельсон захохотал.

— А вот я тебя что-то не припомню, крошка. Зато эту собаку с волчьим взглядом где-то встречал...

Девушка подошла и робко улыбнулась, но темные глаза были серьезны и смотрели изучающе.

— Вы выглядите усталым и печальным, мой господин, — прошептала Нсхарра. — Вы одиноки?

Нельсон презрительно хмыкнул и потянулся в карман за монеткой. Он еще не пал столь низко, чтобы путаться с деревенской девчонкой, почти ребенком.

И все же Нсхарра была иной, не похожей на робких молодых крестьянок. Быть может, причиной было виски, но Нельсона очаровало ее лицо и особенно глубокие, манящие глаза.

— Моя хижина рядом, господин, — сказала Нсхарра со странной улыбкой, в которой тем не менее было что-то хищное и пугающее.

— А почему бы и нет? — пробормотал Нельсон по-английски. — Какая разница, что делать теперь, когда я уже сунул голову в петлю?..

Девушка, похоже, не поняла его слов, но отлично догадалась о смысле. Снова улыбнувшись, она взяла Нельсона за руку и повела в соседний темный проулок. Ее хижина располагалась на самом краю деревни. В свете звезд Нельсон увидел неясно вырисовывающийся силуэт коня, стоящего у изгороди. Он нетерпеливо переступал ногами, не сводя с чужака огненных глаз и настороженно поводя ушами.

— Это твой конь? — удивленно спросил Нельсон, с восхищением оглядывая могучий круп животного — таких породистых красавцев ему не приходилось видеть.

«Хорошо, что Слоан не нашел его! — подумал Нельсон. — Не то бы не видать этой девчонке своего скакуна...»

Он сознавал, что пьян — и тем не менее понимал, как не соответствует этой жалкой деревушке юная красавица и ее поразительный, фантастический конь. В другое время это насторожило бы его, заставило остановиться — но сейчас Нельсону было море по колено.

Войдя вслед за хозяйкой в хижину, он заинтригованно вглядывался в царящий внутри сумрак. Куда он попал? Девушка зажгла масляную лампу, и Нельсон поморщился.

Дом красавицы оказался столь же беден и грязен, как и все другие хибары в Йен Ши.

Не теряя времени, он подошел к девушке и обнял ее за плечи. Нсхарра бурно сопротивлялась, но вскоре сдалась. Американец поцеловал ее — губы девушки обожгли холодом.

— Подождите, господин, я принесу кувшин, — прошептала она, отстранившись.

Глоток рисовой водки показался огненным — Нельсон понял, что сегодня не сможет выпить больше ни капли. Усевшись на мягкую койку и прислонившись спиной к стене, он залюбовался профилем девушки. Та осторожно взяла недопитую чашку из его рук и прошептала:

— Сегодня вы очень устали, белый вождь. Но вы не откажетесь прийти ко мне следующей ночью?

— Меня зовут Эрик Нельсон, красавица, — пробормотал он, притягивая девушку к себе. — Завтра я не смогу прийти — но не потому, что ты мне не нравишься. Меня попросту не будет в Йен Ши... Так что у нас в распоряжении только одна сегодняшняя ночь, детка...

Нсхарра села рядом и настороженно взглянула на него:

— Так вы уходите завтра с Шеном Каром?

— Шен Кар? — удивился Нельсон. — Теперь я вспомнил, кого ты мне напоминаешь. Тот же оливковый цвет лица, похожие черты, тот же странный акцент...

Он оттолкнул Нсхарру.

— Что ты знаешь об этом Шен Каре?

Девушка пожала плечами.

— Все в деревне знают — вчера пришел чужак откуда-то с гор и хочет нанять вас.

Нельсон машинально кивнул. Он знал, как быстро распространяются деревенские сплетни. И все же столь очевидное сходство Шена Кара и Нсхарры… Что из этого следовало? Усталая, затуманенная алкоголем голова работала плохо. Но какое это имело значение? Главное, что рядом очаровательная, таинственная девушка, и она с готовностью глядит на него, нежно гладит его щеки тонкой рукой…

Внезапно в комнату вошел волк и уставился на Нельсона неподвижными зелеными глазами. Через дверной проем был виден и конь — он подошел к хижине и, фыркая, яростно застучал копытами. На его спине сидело какое-то существо, кажется, большая птица…

Нельсон вздрогнул — ему стало не по себе.

— Быть может, прикажешь зверям уйти? — хрипло сказал он. — Мне они не нравятся. Кажется, будто эти твари понимают каждое слово…

Девушка взглянула на волка и коня. Она ничего не сказала, но вскоре животные исчезли в темноте.

— Хатха и Тарк не причинят вам вреда, — сказала она успокаивающе. — Они мои друзья.

Что-то всколыхнулось в памяти Нельсона. Продолжая обнимать и целовать девушку, он внезапно вспомнил серебристый голосок: «Тарк, не убивай! Ты должен следить за ними, но не убивать!» Вот когда он слышал это имя. Оно звучало в кошмарном сне! Вздрогнув, Нельсон с силой схватил девушку за плечи.

— Ты сказала — Тарк? — спросил он глухо. — Теперь я вспомнил твой голос — прошлой ночью ты разговаривала с этим волком!

В Нельсоне проснулись осторожность и подозрительность — качества, которые помогли ему выжить в десятках, сотнях боев.

— Не знаю, зачем ты меня привела в эту хижину, но только не для любви! — продолжил он, вскакивая. — Ты той же расы, что и Шен Кар, и наверняка знаешь его. Почему ты шпионишь за ним? И чего хочешь от меня?

На лице Нсхарры появилась гримаса отвращения. Она резко вскочила и крикнула:

— Убей его теперь, Тарк!

Волк молнией ворвался в комнату из темноты и толчком могучих лап сбил Нельсона с ног. Тот потянулся к оружию, но понял: его горло будет перегрызено прежде, чем он дотянется до кобуры. Нельсон попытался закрыться руками, но волк тут же вонзил в них клыки. Американец закричал от боли, зверь же, напротив, не издал ни звука, глядя глазами убийцы.

Нельсон уже прощался с жизнью, когда услышал тревожное ржание лошади за порогом и выстрелы.

— Эй, командир, где вы? — долетел издалека крик Ли Кина.

Нельсон почувствовал, что волка уже нет рядом, и с трудом поднялся на ноги, дрожа и оглядываясь.

Хижина была пуста. Шатаясь, он побрел к выходу, прижимая к груди кровоточащие руки. На пороге Нельсон едва не столкнулся с Ли Кином. Китаец держал наперевес винтовку и ошеломленно смотрел на своего командира.

— Хорошо, что я следил за вами, Эрик! — воскликнул он. — Мне захотелось прогуляться по ночной деревне, и вдруг я увидел, как вы вошли в хижину с какой-то девушкой. Не знаю почему, но мне это показалось подозрительным, что-то не видел я ее раньше. Решил подойти поближе, но — не поверите! — черный, как уголь, конь внезапно атаковал меня. Я успел выстрелить, но, похоже, промахнулся.

— Куда исчезла эта чертова Нсхарра? — закричал Нельсон. Он уже пришел в себя и сейчас ощущал лишь дикую ярость.

— Нсхарра? Если вы имеете в виду девушку, то она и волк выбежали из дома, сбив меня с ног, и исчезли в темноте. Смотрите, они убегают!

Нельсон оглянулся и увидел, как в свете звезд по пыльной дороге почти летели тени, в которых можно было узнать всадницу и волка. Над ними скользила большая птица.

— Думаю, это орел, — уже спокойнее заметил Ли Кин. — Когда я подходил к хижине, он сидел на спине лошади... Странно, очень странно!

— Более чем странно, — прошептал Нельсон, морщась от боли. — Пойдем, я хочу потолковать с Шеном Каром.

Они вернулись к постоялому двору. Ли Кин вновь заговорил о странных зверях:

— И знаете, что больше всего меня удивило, Эрик? Она разговаривала с этими животными, словно с людьми! Будто колдунья вышла на охоту со своими дьявольскими подручными...

— Хватит болтать об этом! — рявкнул Нельсон.

Он был сердит на себя — и все потому, что недавно так испугался. В боях ему не раз приходилось бежать от опасности, но ни разу он не сдрейфил, как при встрече с Нсхаррой и ее тремя загадочными тварями.

На постоялом дворе заканчивалась подготовка, к походу. Невысокие мохнатые лошади негодующе ржали и били копытами, когда Слоан, Ван Восс и Вистер грузили на них последние тяжелые тюки с военным снаряжением.

Нельсон нашел Шена Кара на пороге гостиницы. Сложив руки на груди, тот спокойно следил за сборами.

— Кто такая Нсхарра? — в упор спросил Нельсон.

Шен Кар резко повернулся к нему — от его былого равнодушия не осталось и следа, сейчас он напоминал леопарда, готовившегося к прыжку.

— Откуда вы узнали о Нсхарре? — прорычал он, дрожа от ярости.

— Она — из ваших людей, не так ли? — продолжал наседать Нельсон. — Нсхарра тоже пришла из долины Л'лан?

Обычно приветливое лицо Шена Кара стало напряженным и мрачным.

— Откуда вы узнали о Нсхарре? — повторил он с угрозой.

Нельсон понял: ошарашить собеседника и напором вырвать ответ не удастся. Подошедший Ли Кин смерил туземца недоверчивым взглядом:

— Странные дела творятся в этой деревушке после вашего появления, Шен Кар! Нельсона едва не убили какая-то девушка и с нею волк, конь и орел. Никогда не слышал ни о чем подобном... Быть может, посвятите нас в эту тайну?

Шен Кар хмуро посмотрел на китайца и пробормотал:

— Выходит, Нсхарра здесь... и Тарк, и Хатха, и даже Ей! Они все-таки выследили меня...

— Выследили? Что это означает? — гневно воскликнул Нельсон. — Хватит водить нас за нос, рассказывай все как есть!

Шен Кар долго молчал, задумчиво разглядывая офицеров, а затем неохотно сказал:

— Нсхарра — это дочь Крина, Хранителя Братства, главного врага моих людей. Ее появление здесь, в деревне, означает одно — на нас нападут прежде, чем мы достигнем долины. Мы должны идти как можно быстрее, если хотим остаться в живых!

Глава 3 ПУТЬ К ТАЙНЕ

Отряд выступил с первыми лучами солнца. За две недели было пройдено полтысячи миль среди диких горных массивов. На пятнадцатый день похода начался подъем на перевал.

На середине склона Нельсон, следовавший за Шеном Каром, обернулся и окинул взглядом горную страну,

уходящую вдаль до горизонта. Не верилось, что они смогли одолеть этот трудный и опасный путь, петляя среди утесов, обходя бесчисленные трещины, поднимаясь по кручам, то и дело грозящим обвалами... Отставший караван еще находился у подножия хребта — отсюда, с высоты нескольких сотен метров, он казался маленькой мохнатой змейкой. А впереди в предзакатное небо упирался безлесый склон, покрытый белыми снежными пятнами.

Небо на западе озарилось сполохами огней — солнце собиралось спрятаться за изломанной линией гор. Шен Кар остановил лошадь, любуясь фантастическими переливами красок. Вдруг он вскрикнул, указывая рукой ввысь.

— Что случилось? — Ник Слоан подъехал к Нельсону. — Он что, увидел в зените свою чертову долину?

— Нет, здесь что-то другое, — недоуменно ответил Нельсон.

Они пришпорили лошадей и ринулись за проводником, который, безжалостно подхлестывая свою кобылу, быстро поднимался по склону.

Через несколько часов они достигли гребня. С перевала открывался захватывающий вид на гигантский горный хребет. Самые высокие пики укрывали снежные шапки. За ними смутно проглядывала еще одна гряда.

Нельсон не спеша подъехал к другому краю перевала и увидел глубокое ущелье, густо заросшее елями и лиственницами. Среди деревьев лежали густые тени, прорезанные белесыми языками тумана.

Ущелье между хребтами Куньлунь и Кукунор было одним из наименее исследованных районов Земли. В последние годы военные самолеты много раз пролетали здесь, но экспедиции появлялись крайне редко. Почти сто лет назад французские миссионеры Хук и Габет, преодолев огромные трудности, впервые посетили эти места. Вслед за ними в ущелье побывало еще несколько путешественников, в том числе и Хедин, но в целом оно оставалось «белым пятном»

на карте. Климат здесь был суров, а население тибетские и монгольские племена — не отличалось дружелюбием.

Шен Кар тем временем пристально следил за небом. Внезапно он вновь поднял руку и закричал:

— Стреляйте в них! Ваши ружья должны достать до этих тварей! Ну что же вы медлите?

Нельсон поднял голову, но увидел лишь двух орлов, широкими кругами паривших над хребтом.

— Но в кого же стре... — начал было он, но Шен Кар прервал его:

— Орлы! Убейте их, или мы окажемся в опасности!

Кровь ударила Нельсону в лицо. Он вспомнил о Нсхарре и ее жуткой компании зверей-убийц.

Шен Кар выглядел крайне встревоженным. Его темные глаза с ненавистью и страхом следили за двумя крылатыми созданиями.

— Чертовы туземные суеверия! — проворчал Ник Слоан. — Ладно, у меня тоже есть чувство юмора...

Он вытащил карабин, притороченный к седлу, и прицелился в одного из орлов. Грянул выстрел, и с неба донесся крик раненой птицы. Кувыркаясь, она с протяжным клекотом, похожим на стон, стала падать на землю. Второй орел поднялся выше и полетел на запад.

— Убейте его! — бесновался Шен Кар, потрясая руками. — Он не должен уйти!

Слоан выстрелил еще несколько раз, но промахнулся.

— Плохо, очень плохо, — сказал Шен Кар, провожая взглядом орла. — Он принесет весть о нас в Л'лан. Но, может быть...

Не договорив, он пустил лошадь вниз по склону, где среди камней виднелась упавшая птица.

— Что это с ним? — удивился Слоан, опуская винтовку. — Похоже, парень сошел с ума. Дались ему эти пернатые...

— Туземцы — народ суеверный, — с трудом сохраняя спокойствие, произнес Нельсон. Он уже не сомневался, что оба

орла следили за ними, — может быть, по приказу той же Нсхарры.

Вскоре к ним присоединилась остальная часть отряда. Ли Кин, Лефти Вистер и Ван Восс были встревожены.

— Что случилось? — закричал англичанин, потрясая пистолетом. — На нас напали туземцы?

Вместо ответа Нельсон кивнул на Шена Кара — тот спешился и бежал к птице, лежащей с распростертыми крыльями на камне.

— Пойдемте, посмотрим...

Они соскочили с коней и пошли вслед за проводником.

Орел был еще жив. Пуля перебила крыло и задела бок, так что птица почти не могла двигаться. Увидев врага, орел с клекотом попытался привстать, но его ноги тут же захлестнула петля — Шен Кар ловко использовал длинный кожаный ремень. Взъерошив черные блестящие перья, орел пытался клевать свои путы, глядя на туземца странными золотистыми глазами.

Шен Кар осторожно приблизился к птице и, схватив перебитое крыло, стал его выкручивать. Орел забился в руках туземца.

— Эй, полегче! — взорвался от негодования Нельсон. — Какого черта ты терзаешь бедную птицу?

Орел, казалось, понимал человеческую речь. Взгляд его был вполне разумным, как и у зверей Нсхарры.

— Не вздумайте мешать мне, — сквозь зубы произнес Шен Кар. — Это необходимо для вашей же пользы.

— Необходимо пытать бессловесную птицу? — возмутился Нельсон.

— Орел должен рассказать мне очень важное, — ответил, не обернувшись, Шен Кар. — Он вовсе не бессловесная птица, а один из членов Братства, наших смертельных врагов.

— Туземец явно сошел с ума, — буркнул Лефти Вистер.

Шен Кар пренебрежительно пожал плечами — мол, думайте, что хотите, и вновь устремил взгляд на орла. Нельсону вдруг опять почудилось, что в его голове проносятся

обрывки чужого разговора. Телепатического разговора! Казалось, Шен Кар задавал злые, угрожающие вопросы, а искалеченный орел отвечал упрямо и вызывающе.

Могут ли человек и животное обмениваться телепатическими мыслями? Нельсон вспомнил фантастический разговор, разбудивший его две недели назад в Йен Ши. Неужто ему все пригрезилось? Но встреча с Нсхаррой и ее зверями убеждала в обратном — они следили за ним и намеревались убить...

Ответы птицы стали короткими и резкими, словно орел не собирался больше говорить — и тогда Шен Кар вновь стал садистски выворачивать сломанное крыло. В агонии орел взглянул на Нельсона, и тот прочел в глазах мольбу о смерти.

Нельсон выхватил пистолет и, прежде чем Шен Кар успел помешать, выстрелом размозжил голову птице, прекратив страдания.

Шен Кар подскочил, словно ужаленный.

— Вы не должны были делать этого! Он бы все рассказал, если бы не ваше дурацкое милосердие!

— Рассказал? «О чем же?» — насмешливо спросил Слоан.

Шен Кар с усилием подавил гнев.

— Теперь уж неважно. Нам надо двигаться вперед как можно быстрее. Я хотел устроить здесь, на перевале, небольшой лагерь, но времени больше нет — второй орел предупредит Братство, и нас будет поджидать засада. Наверняка! Тем более что Нсхарра достигнет долины быстрее, чем мы.

— Что такое Братство? — в упор спросил Нельсон.

— Хм... объясню позже, когда прибудем в Л'лан, — уклончиво ответил Шен Кар.

Нельсон выразительно положил руку на приклад карабина.

— Нет, объясни сейчас же, — сурово приказал он. — Хватит морочить голову! В конце концов, мы рискуем жизнями и хотим знать правду.

Ник Слоан поддержал его.

— Командир прав! — рявкнул он. — Похоже, мы ввязались в нечто большее, чем обычная свара между племенами.

Говори все, как есть, иначе мы немедленно поворачиваем обратно.

Шен Кар недоверчиво усмехнулся.

— Вы хотите отказаться от моей платины и вернуться в Китай, где вас немедленно уничтожат?

— Почему же именно в Китай? — рассудительно ответил Слоан. — Теперь, когда ты довел нас до хребта, мы можем уйти на юг через Кунлум. Не думай, что мы в твоих руках. Наоборот, это тебе не обойтись без нашей помощи — ведь, оказывается, ты даже пташек боишься, Шен Кар. Так что советую развязать язык.

На оливковом лице Шена Кара застыло подобие улыбки, но глаза лихорадочно блестели. Наконец он пожал плечами.

— У меня просто нет времени подробно все рассказывать. Мы должны идти как можно быстрее в долину, и это главное. Кроме того, вы мне все равно, не поверите.

Нельсон и остальные офицеры выжидающе смотрели на него, и Шен Кар нервно продолжил:

— Хорошо, расскажу в двух словах. В долине Л'лан противоборствуют две группировки — это клан Людей, который возглавляю я, и Братство. Мой народ верит в превосходство человека над всеми видами животных и готов за свои убеждения пролить кровь. Братство же считает иначе, поскольку в него входят не только люди!

Нельсон в изумлении воззрился на туземца.

— Кого ты имеешь в виду?

— Зверей, — побелев, прошептал Шен Кар. — Зверей, которые в великой гордыне пытаются утвердить свое равенство с человеческими существами. Верите ли — какие-то грязные волки и наглые лошади желают встать рядом с нами! И не только они, а еще тигры и даже орлы! Больше того, в долине звери хотят утвердить свое превосходство над людьми. Понятно, мы пытаемся противостоять их притязаниям.

Некоторое время офицеры ошеломленно молчали. Затем Лефти Вистер разразился хохотом.

— Разве я не говорил, что этот дикарь сошел с ума! Веселенькое дельце — мы забрались в дебри, а наш проводник оказался безумцем!

Лицо Ван Восса потемнело. Изрыгая ругательства, он шагнул к Шену Кару, но Слоан преградил ему путь.

— Погоди, Питер! Может, то, о чем говорит Шен Кар, и чушь, но платиновый обруч — реальность.

Ван Восс в замешательстве остановился.

— Верно. Платина... Да ради нее я переверну вверх ногами всю эту паршивую долину! Но мы не найдем и ржавого гвоздя, если будем слушать бредни о диких зверях, якобы восставших против людей!

— Звери Братства совсем иные, чем животные в вашем мире! — негодующе воскликнул Шен Кар. — Повторяю — они разумны, как и люди... — Он безнадежно махнул рукой. — Знал, что, не поверите, мне. Потому—то и не хотел до поры до времени говорить об этом. Но вы, — и он внезапно указал на Нельсона, — вы-то должны мне верить!

Нельсон вздрогнул. Он действительно не сомневался, что туземец говорил правду. Но... невозможное не может, не должно быть правдой! Девушка-колдунья и ее зловещие любимцы, раненый орел, фантастический разговор, услышанный им ночью в гостинице, — разве это не выходило за рамки реальности?

— «Л'лан, золотая Л'лан, где древнее Братство скрытно живет...» — прошептал Ли Кин. — Так вот что означают эти слова...

Ник Слоан поморщился.

— Это все бред, хотя на досуге я не прочь потолковать о чудесах. Но сейчас меня интересует одно — что за опасности подстерегают в этой чертовой долине. Кстати, а где она находится?

Шен Кар показал на соседнюю горную цепь, поднимавшуюся за глубоким ущельем.

— Долина Л'лан лежит за этим хребтом. Нам осталось идти два дня, но теперь каждый шаг может стать последним.

Он торопливо добавил:

— Есть лишь один путь в долину. Он проходит вблизи Вроона, сердца Братства. Мы должны незаметно миновать этот город и достичь южной части долины, где находится Аншан — центр сообщества Людей. Если разведчики донесут о нашем приближении, то воины Братства блокируют дорогу. Мы должны торопиться, понимаете — торопиться, если хотим остаться живыми!

Офицеры озадаченно переглянулись. Не все поверили до конца Шену Кару, но опыт долгих военных лет подсказал: сейчас надо действовать, а не рассуждать.

Нельсон выразил общие мысли одной фразой:

— Ребята, давайте сделаем, как он сказал. А насчет разумных животных... с этим разберемся позже.

Слоан хмуро кивнул.

— Здесь и разбираться нечего. Чувствую: пахнет жареным. Без хорошей драки не обойдется...

Солнце садилось. Внезапно, как всегда, бывает в горах, путников обступила темнота. Караван начал осторожный спуск в ущелье. Вокруг стеной стоял лес, переплетенный густым кустарником. Под копытами лошадей хрустели опавшие за долгий сухой сезон ветки. Где-то неподалеку в ночной мгле шумел горный поток.

Шен Кар отлично ориентировался в почти непроходимой чащобе. Вскоре повернули на юг. На пути стали попадаться рухнувшие стволы, лошади то и дело спотыкались, грозя сбросить седоков. Лефти Вистер громко ругался всякий раз, когда его маленький конь сбивался с шага.

Холодный ветер дул со стороны гор, и деревья раскачивались с протяжным скрипом. Нельсон ощутил приступ клаустрофобии — он казался себе муравьем, затерявшимся в трюме океанского лайнера...

Внезапно из западной части ущелья раздался протяжный волчий вой.

Шен Кар повернулся в седле.

— Быстрее! — встревоженно крикнул он. — Нас выследили!

Нельсон увидел сквозь переплетение ветвей крылатые тени. Быть может, птицы просто вышли на ночную охоту? Нет, чувствовалось: за отрядом следят.

С неба донесся пронзительный крик орла — и почти сразу же из темноты ответил волчий вой.

Шен Кар резко натянул поводья и остановил коня.

— Они знают, что мы идем! — крикнул он. — Я должен выяснить, что нас ожидает при входе в долину.

Он спешился и достал из-за пазухи платиновый обруч.

— Что за дела! — взорвался Ник Слоан. — Сейчас нет времени играть в игрушки.

— Помолчите, — раздраженно ответил Шен Кар. — Я попытаюсь связаться со своими друзьями.

Он надел платиновый обруч на голову. В свете звезд странное украшение казалось короной.

Глава 4 ЗАТЕРЯННАЯ СТРАНА

Взошла луна, и сразу же восточные отроги гор загорелись призрачным светом. Он стекал в лесные чащобы бесчисленными серебристыми ручьями. Небольшую поляну, на которой остановились путники, затопило лунное сияние. Кварцевые диски на обруче заискрились. Лицо Шена Кара посуровело, он смотрел на запад, в сторону долины Л'лан.

Ван Восс смачно сплюнул, Лефти Вистер выругался. Ник Слоан и вовсе не отреагировал на поэтичность пейзажа.

— Проклятый мумбо-юмбо! — буркнул он. — Неужто нам стоять здесь всю ночь и смотреть на кривляние этого клоуна?

— Прояви хоть немного терпения, Ник, — попытался успокоить его Нельсон. — Похоже, Шен Кар знает, что делает.

Вновь раздался вой волка. Громким эхом прокатился он по ущелью, тая в себе угрозу.

Шен Кар вышел наконец из транса. Он снял обруч с головы и повернулся к офицерам. Лицо его было бледно, глаза блестели.

— Я разговаривал с моими друзьями в Аншане, — глухо произнес он. — Они предупреждают: силы Братства спешат преградить нам путь — а наши воины не успеют прийти на помощь. Мы должны попасть в долину прежде, чем блокируют ущелье, иначе нам не спастись!

Нельсон недоверчиво смотрел на туземца. Неужто простой на вид обруч, пусть и платиновый, обеспечивает телепатическую связь? И как туземцы, не имеющие даже огнестрельного оружия, смогли создать этот фантастический передатчик?

Он тряхнул головой, отгоняя праздные мысли.

— Сколько людей выставит против нас Братство?

— Возможно, людей будет как раз немного, — ответил Шен Кар. — Но нам будет противостоять очень много НЕЛЮДЕЙ.

— Опять чертовы суеверия! — проворчал Ник Слоан. — Этот туземец хочет меня убедить, что с нами будут воевать разумные звери. Ха-ха, так я ему и поверил!

Нельсон заколебался.

— В распоряжении Братства, возможно, есть дрессированные звери-убийцы, — наконец сказал он. — Такой противник доставит немало хлопот, особенно в узком проходе между гор. Так или иначе, надо мчаться во всю прыть. Лучше принять бой в долине, где у нас будет пространство для маневра.

Они продолжили путь, но бесчисленные камни и поваленные стволы мешали пуститься рысью. Шен Кар петлял

среди зарослей. Вскоре лес заметно поредел: место деревьев—гигантов заняли худосочные ели. Все чаще стали попадаться валуны и нагромождения зазубренных обломков — словно в этих местах некогда прошел сильный камнепад.

Постепенно местность стала подниматься, и через час отряд подошел к глубокой расщелине в неприступном монолите горной гряды. Это был вход в долину.

Путники осторожно ступили в разлом, ежеминутно ожидая нападения из тьмы. Нельсон тревожно оглядывался по сторонам — его поражали гладкие, километровой высоты склоны, словно вырубленные в каменной стене рукой исполина. Ничего более мрачного и величественного ему не приходилось видеть. Казалось, этот путь вел в иные миры...

Наконец караван вышел на открытое пространство. Шен Кар привстал в седле и, указывая рукой вперед, с благоговением произнес:

— Это Л'лан!

Офицеры остановились, ошеломленные открывшейся панорамой. Нельсону показалось, что он уже видел это место — быть может, в предыдущей жизни?

Грушевидной формы долина вытянулась миль на пятьдесят и сужалась к северу. Ее окружала горная цепь с многочисленными заснеженными вершинами. Расщелина в хребте, которую только что преодолел отряд, располагалась ближе к северной оконечности долины и почти в миле над нею. Полная луна висела над зубцами гор, окутывая окрестности серебристой вуалью призрачного света.

— Черт побери, недурное зрелище! — прервал общее молчание Ник Слоан. — Это же целая затерянная страна... И где же ваш город, Шен Кар?

Тот указал на юг.

— Аншан расположен там, среди леса, но отсюда он не виден. Зато вы можете полюбоваться на Вроон, столицу Братства.

Нельсон проследил взглядом за вытянутой рукой туземца и увидел на северо-западе довольно широкую реку,

берущую начало на одной из заснеженных вершин. Она прихотливо извивалась среди невысоких холмов, отражая в каждом изгибе жемчужный шар луны. На берегу, на опушке леса, висело облачко неярких огней. Нельсон долго напрягал глаза, пытаясь разглядеть очертания зданий. Если он не стал жертвой галлюцинации, то Вроон был удивительным городом, не похожим ни на что знакомое. Городом, подобного какому не было на Земле!

Он повернулся к Шену Кару, намереваясь задать тому несколько вопросов, но в этот момент снизу, из глубины долины, до них донесся жуткий вой:

— Хай – о-о-о!..

Это был охотничий клик волчьей стаи, увидевшей свою жертву.

— Хай – о-о-о! Хай – о-о-о!..

Лошади стали нервно перебирать ногами, норовя повернуть назад. Шен Кар едва сумел перекричать цокот копыт:

— Клан Тарка пытается перерезать нам путь! Мы должны мчаться к Аншану во весь опор!

— Но лошади устали и не смогут быстро скакать... — начал было Ван Восс.

— Им придется сделать это — если они не хотят окончить жизнь в пасти волков.

Отряд свернул к югу и стал в беспорядке спускаться по каменистому склону. Их встретил темный лес. Каждому из бойцов Шена Кара приходилось вести за собой вьючную лошадь, и это замедляло движение отряда.

— Мы должны успеть! — крикнул, не оборачиваясь, туземец. — Тарк и его племя бегают быстрее, но мы первыми начали забег!

Несколько минут спустя, словно подтверждая эти слова, вдали появилась стая каких—то крупных животных. Они мчались вслед за отрядом большими грациозными прыжками.

— Куорр и его клан преследуют нас! — закричал Шен Кар, оглянувшись на скаку. — И разведчики Ей следят за нами!

Нельсон уже и сам заметил темные крылатые тени, скользящие в серебристом сиянии неба. Внезапно отряд вынырнул из леса на открытое пространство. Впереди в густой тьме горели огни.

— Аншан! — закричал Шен Кар. — Мы спасены!

Но со стороны леса наперерез уже мчалась большая стая волков.

— Хай – о-о-о! — доносился протяжный вой.

Обезумевшие от страха лошади ринулись во весь опор, забыв о всадниках и тяжелом грузе. «Может, это только кошмарный сон?» — снова промелькнуло в голове у Нельсона.

Нет, это был не сон! Величественные горные пики круто уходили к лунному небу. Колючий ветер хлестал в лицо, не давая отдышаться. Скрученные стремена натирали ноги до ссадин.

Огни Аншана исчезли, когда отряд спустился в небольшую ложбину, а после подъема на очередной холм вновь маняще зажглись впереди. Город был так близко… И в этот момент позади раздался дикий вопль.

Нельсон обернулся: на спину Лефти Вистера вспрыгнул большой волк и стащил его с лошади. Тотчас все вокруг заполнилось стремительно несущимися зеленоглазыми тенями. Орлиная стая спускалась с неба — уже был слышен шум крыльев.

На полном скаку Нельсон выхватил пистолет из кобуры, но лошадь так дрожала, что он не смог толком прицелиться.

Неподалеку слышались чьи-то забористые ругательства. Нельсон заметил скачущего рядом Ван Восса. Вокруг стягивались волки, готовые броситься на всадников…

— Прыгайте с седла! — закричал Нельсон, принимая единственно возможное в создавшейся ситуации решение. — Занимайте круговую оборону!

Резко осадив лошадь, так, что она встала на дыбы, Нельсон соскользнул с седла, не выпуская поводьев. Из темноты к нему метнулся волк, оскалив белозубую пасть. Нельсон

тотчас разрядил в него пистолет. Сорвав с седла карабин, он несколькими выстрелами отогнал стаю на почтительное расстояние. Тем временем Ван Восс застрелил волка, насевшего на Лефти Вистера, и помог тому подняться. Лефти пошатывался и хрипло ругался, руки его были исполосованы волчьими клыками и кровоточили. Вскоре к ним присоединились спешившиеся Слоан и Ли Кин. Шен Кар заметно отстал, отбиваясь коротким мечом от наседавшего тигра.

— Поддержите меня пулеметным огнем! — Ник Слоан бросился было на выручку Шену Кару, как вдруг Ли Кин закричал:

— Посмотрите, всадник!

Приглядевшись, Нельсон заметил появившегося среди зверей черного коня. На всаднике была кольчуга, округлый шлем, в руке — меч. Его сопровождала знакомая ужасная троица — волк, тигр и орел.

— Это Барин вместе с Тарком! — завопил Шен Кар. — Убейте их, убейте!

Тарк! Нельсон вздрогнул — он вспомнил, как ему едва не перегрызли горло по приказанию очаровательной Нсхарры.

Офицеры вскинули карабины. Дружный залп встретил новых врагов.

— Стреляйте в человека! — заорал Нельсон. — Звери разбегутся, если мы убьем их хозяина!

Он знал, что это едва ли спасет их, но не мог избавиться от стереотипа мышления. В глубине души Нельсон понимал: у этих зверей нет хозяев в привычном смысле этого слова. Шен Кар был прав — твари разумны, что доказывало их поведение в бою. И волки, и тигры бежали зигзагами, явно пытаясь ускользнуть от винтовочного огня. В остальном же схватка была похожа на многие другие, в которых участвовал Нельсон. Действия обеих сторон были беспорядочны, приказы командиров — в данном случае его и Барина — практически не выполнялись. Исход боя могла решить любая случайность...

И действительно, ситуация внезапно изменилась. К Барину присоединился еще один всадник. Юноша, привстав в стременах, отдал какой-то приказ, и тотчас вокруг них сгруппировалась стая волков и тигров. Через минуту они начали стремительное наступление.

Но и офицеры не теряли времени даром. Слоан и Ван Восс успели снять с одной из лошадей пулемет и установили его на турели.

— В сторону! — заорал Слоан.

Свинцовый смерч обрушился на наступающий отряд. Несколько зверей упало, обливаясь кровью. Одна из лошадей, получив ранение в бок, шатнулась, сбросив седока на землю, и с пронзительным ржанием унеслась прочь. За ней последовали и многие звери.

— Они отступают! — восторженно закричал Шен Кар. Отбившись от тигра, он присоединился к Нельсону и его товарищам. — Братство не устояло против вашего оружия!

Действительно, второй всадник повернул лошадь и, издав протяжный клич, во весь опор помчался назад. С неба раздался орлиный клекот: звери словно по команде бросились к лесу. Через несколько минут топот отступающего войска Братства стих.

Шен Кар с мечом в руке пошел по усеянному телами погибших зверей полю, время от времени наклоняясь и словно кого-то выглядывая.

— Ну, Эрик, и попали мы в переделку! — гаркнул Ник Слоан, вытирая взмокшее лицо. — Что за дьявольское место эта долина... Клянусь небом, никогда не видел таких злобных и хитроумных тварей!

— Шен Кар говорил правду, — пробормотал Ли Кин, с ужасом оглядываясь по сторонам. — Звери разумны! Только разумные существа могли так вести себя в бою, словно... словно солдаты!

Они услышали призывный крик Шена Кара. Туземец осторожно приближался к могучему волку. Тот, злобно

глядя на врага, безуспешно пытался оттащить в сторону тело раненого всадника.

— Это Тарк! — воскликнул Шен Кар. — Он пытается спасти Барина!

Нельсон встретился взглядом с пылающими зелеными глазами. Волк не рычал, как обычный зверь. Он присел, напружинившись, словно выбирая жертву.

Нельсон вскинул карабин, и одновременно волк прыгнул, целясь вцепиться ему в горло.

— Не убивайте его! — закричал Шен Кар. — Он нужен живым!

Прежде чем Нельсон успел осознать это, зверь сбил его с ног и, навалившись мохнатой тушей, полоснул грудь когтями. Нельсон скорее почувствовал, чем увидел, как Слоан обрушил приклад карабина на голову Тарка. Зверь ослабил хватку и обмяк.

С помощью офицеров Нельсон с трудом выбрался из-под волка. Голова гудела от удара о землю, грудь саднило. К счастью, раны оказались неглубокими.

— Мы захватили в плен Тарка и Барина — сына Крина, Хранителя Братства! — Шен Кар не скрывал ликования. — И показали Братству мощь нашего оружия!

Нельсон хмуро кивнул и нагнулся, разглядывая лежащие тела. Волк был еще без сознания, а юноша истекал кровью, сочившейся из раны в боку, и тихо стонал.

— Нам надо спешить в Аншан, — продолжил Шен Кар. — Скоро Братство соберет все свои силы и повторит атаку...

Он снял с седла моток веревки и связал лапы Тарку. Глаза волка приоткрылись. Увидев, что Шен Кар принялся за Барина, зверь глухо зарычал. Туземец обернулся и откровенно расхохотался.

— Рычи теперь сколько хочешь, могучий Тарк! Славно ты охранял сына Хранителя, нечего сказать. Великий Крин будет очень доволен...

Волк больше не издал ни звука, но его светящиеся глаза полыхнули такой ненавистью, что даже у видавшего виды Нельсона мороз пробежал по коже.

— Всадники! — внезапно гаркнул Слоан, вскидывая карабин. — Вижу всадников на юге! Дьявол, сейчас будет славная драка!

Глава 5 НЕНАВИСТЬ ВОЛКА

Увидев многочисленный отряд всадников, офицеры приготовились к бою, но Шен Кар улыбнулся и поднял руку.

— Подождите! Это мои люди из Аншана!

В ярком лунном свете Нельсон разглядел, что воины клана Людей подобно Барину одеты в нагрудные панцири и шлемы. В руках они держали длинные мечи. Конная лавина неслась во весь опор и, казалось, должна была смести небольшой отряд Шена Кара, но резко остановилась в нескольких метрах.

Один из всадников, крепко сложенный мужчина в кожаной куртке и свободных штанах, заправленных в высокие сапоги, соскочил с коня. С любопытством поглядывая на чужеземцев, он приблизился к Шену Кару и поздоровался с ним. Они обменялись несколькими фразами на местном наречии, после чего Шен Кар обратился к Нельсону и его товарищам:

— Холк и его воины будут сопровождать нас до Аншана. Медлить нельзя, иначе войско Братства преградит путь.

Тем временем всадники молча разглядывали пришельцев и поле, усеянное трупами зверей. Заметив Барина, они разразились восторженными криками. Нельсону был неизвестен их язык, но сходство с тибетскими диалектами было очевидно. Он сумел разобрать лишь отдельные фразы: «...здесь... сын самого Крина, и... великий Тарк!.. мы раздавим Братство... победа... за нами!»

Нельсон подошел к Лефти Вистеру. Англичанин, вздрагивая, перевязывал свои раны.

— Эрик, это были не волки! — тяжело дыша, сказал он, с ужасом глядя на поверженного Тарка. — Это оборотни!

Ли Кин и Ник Слоан согласно кивнули, и только Ван Восс усмехнулся, усаживаясь на коня.

Когда двое пленников — юноша и волк — были погружены на лошадей, отряд двинулся в сторону Аншана.

— Почему ты не убьешь этих мерзавцев? — зло спросил Лефти Вистер, подъехав к задумавшемуся о чем-то Шену Кару.

— Убить? Ну нет... Эти двое — большая ценность. Они могут о многом рассказать, особенно Тарк.

Лефти Вистер промолчал, словно смирившись с тем, что здесь, в долине Л'лан, и звери могут обладать разумом.

* * *

Поднимая пыль, всадники неслись по залитой луной равнине. Нельсон скакал впереди, рядом с Шеном Каром, и размышлял. Он чувствовал, что загнан в тупик, — настолько сложно было соотнести все увиденное с привычными представлениями. Одно было очевидно: долина Л'лан не была частью мира, в котором тысячи лет развивалась человеческая цивилизация. В этой затерянной стране люди и звери эволюционировали своим путем... Или должно быть иное, рациональное объяснение происходящему. Должно!..

— Аншан! — с облегчением воскликнул Шен Кар.

Поднявшись на гребень холма, отряд стал спускаться по пологому склону к берегу реки. Там, среди невысоких деревьев, располагался город, вытянутый почти на милю. Лес вошел на его широкие улицы, словно имел на это все права. Ночной ветер раскачивал ветви раскидистых деревьев, так что Аншан издали походил на гряду скал, окруженных бушующим зеленым прибоем.

— Эрик, ты видишь? — крикнул Ник Слоан, в изумлении протягивая руку вперед. — Это же не дома, а какие-то странные купола и башни!

Нельсон и сам заметил, что стены округлых зданий переливались отблесками лунного света, словно отлитые из темного стекла. Строения Аншана возвышались над кронами деревьев подобно гигантским пузырям. Стены были усеяны многочисленными фигурными окнами и кружевными балконами. Увенчивали здания длинные шпили. В ночном сумраке город выглядел фантастически, словно перенесся с иной планеты...

Отряд въехал в лес, окружавший Аншан, и вскоре оказался на широкой улице, заросшей елями и лиственницами. Только сейчас Нельсон понял: городу никак не меньше тысячи лет. Раньше ему приходилось видеть затерянный в джунглях Ангкор и тысячи башен Пагана, сотни лет смотрящих в небо Бирмы. Но Аншан был древнее, хотя и прекрасно сохранился. Возможно, такое впечатление создавали могучие деревья, хозяйничавшие на улицах, и огромные валуны, разбросанные среди зданий. Очевидно, они скатились с отрогов гор уже после того, как неведомые строители покинули город. А может, дело было в столь явном несоответствии малочисленного, полудикого клана Людей неземной архитектуре...

Жители Аншана — а их насчитывалось едва две сотни — высыпали на улицы навстречу отряду. Мужчины и женщины были наряжены в шелковые жакеты и брюки, похожие на одеяние Шена Кара. Предводитель Людей приветственно помахал рукой.

— Я привел чужеземцев! — закричал он, привстав в стременах. — Белые люди уже дали бой войску Братства и заставили зверей бежать, поджав хвосты!

Ответом стал восторженный гул. Жители Аншана встретили гостей как освободителей.

Нельсона это отнюдь не привело в восторг — он осознал теперь, с каким опасным, противником предстояло сразиться. Подъехавший Ник Слоан тоже выглядел мрачно.

— Ничего не могу понять, Эрик, — сказал он, затравленно косясь по сторонам. — Эти люди живут в таком

фантастическом городе и восхищаются жалкими винтовками и пулеметами!

Нельсон промолчал. Да и что ответить?

Шен Кар повел отряд по направлению к кварталу высоких черных куполов, окруженных поясом густых елей. Отряд Холка с пленниками проследовал дальше, а Шен Кар решительно соскочил с коня.

— Вам надо отдохнуть перед встречей с другими вождями нашего клана, — сказал он. — В одном из этих домов вы найдете все необходимое.

Нельсон кивнул. Он почувствовал, что ноги его подгибаются — усталость от далекого перехода и битвы давала о себе знать. Но командир отряда не мог позволить себе расслабиться.

— Вы дадите своим людям распоряжение разместить в этом же здании наш груз? — спросил он. — Мы не хотели бы расставаться с ним.

Шен Кар усмехнулся.

— Конечно. Отдыхайте спокойно — мы будем охранять ваше оружие.

— Отлично, — флегматично ответил Нельсон — сейчас он мечтал лишь о мягкой постели. — Только будьте осторожны. В неопытных руках оружие опасно и для своих.

Шен Кар недоверчиво посмотрел на него, но ничего не сказал. Подозвав одного из горожан, он отдал короткое распоряжение, и вскоре десятка два мужчин занялись усталыми лошадьми и их тяжелой поклажей. Шен Кар же повел пятерых гостей внутрь одного из черных куполов. Через арочный вход они двинулись по длинным и узким коридорам, освещенным лишь редкими смоляными факелами, торчавшими из гнезд в стенах. Отсвет дрожащего пламени на гладких сводах создавал причудливый эффект. Было пыльно, будто здание долгие годы простояло заброшенным.

Офицеров разместили в обширной комнате, вся обстановка которой состояла из нескольких грубо сколоченных деревянных коек и стульев.

— Скоро принесут еду, отдыхайте. Завтра утром соберем Совет.

— Отлично, вот и потолкуем о платине, — с невинным видом заметил Слоан, уже растянувшийся на лежанке.

Шен Кар нахмурился и неохотно кивнул.

— О платине и о других, куда более важных вещах, — уточнил он. — Доброй ночи!

Он вышел, захлопнув дверь. Ник Слоан проводил его недобрым взглядом.

— Похоже, парень большой шутник, — пробормотал он. — Не знаю, как вы, но я чувствую себя как в тюрьме.

Нельсон с некоторой завистью поглядел на товарища — отсутствие воображения и сентиментальности помогали Слоану в любой передряге.

Миловидная девушка принесла еду в глиняных тарелках и кувшинах: грубые лепешки, кашу из каких-то печеных растений и золотистое, терпкое на вкус вино.

Нельсон с трудом заставил себя поесть. Усталость свалила его. Он тут же заснул и увидел свою спальню с наклонными стенами в мансарде родительского дома в Огайо...

* * *

Нельсон проснулся, когда первый солнечный луч плеснул ему в лицо пригоршню розового тепла. Вскоре поднялись и остальные. Потирая небритые лица, офицеры удивленно оглядывали черные гладкие стены комнаты, с трудом припоминая, как здесь оказались.

После завтрака к ним заглянул приземистый, медведеподобный Холк.

— Если вы готовы, белые люди, то пойдемте потолкуем, — коротко сказал он.

— Потолкуем — с кем? — спросил Нельсон. — Кто, черт возьми, правит в этих местах?

Холк пожал плечами.

— У нас в клане Людей нет единовластия. Вождей несколько — я, Шен Кар, Дирил и старый Юрнак. Все они ждут вас в зале Совета.

Пройдя через сумрачный лабиринт коридоров, офицеры вошли в овальный зал, похожий на огромную двустворчатую раковину из черного стекла. За округлым столом из золотистого камня их ожидали Дирил — молодой воин в пышном военном облачении — и бородатый старик Юрнак с грустным и мудрым взглядом больших серых глаз. Поздоровавшись, офицеры молча расселись на свободных стульях. Нельсон спросил:

— А где же Шен Кар?

— Он разговаривает с Тарком, — ответил Холк. — Разве вы не видите?

Нельсон осмотрелся. В дальнем конце зала, рядом с волком, прикованным цепью к стене, сидел на корточках Шен Кар. Вождь клана Людей пристально вглядывался в зеленые и, как всегда, злобные глаза Тарка.

— Разве они разговаривают? — нервно спросил Лефти Вистер. — Они же молчат, как на похоронах!

— Похоже, этот колдун обладает телепатическими способностями, — вполголоса заметил Ник Слоан. — Помните, как он допрашивал орла? Нет, ребята, с этими мумбо-юмбо надо держать ухо востро...

Услышав это, Шен Кар с недовольным видом повернулся.

— Вы все еще не верите мне? У вас могучее оружие, белые, но вам предстоит еще многому учиться у клана Людей. Дирил, дай им короны.

Дирил вышел из зала и вскоре вернулся с пятью платиновыми обручами — точными копиями того, что показывал офицерам Шен Кар.

— Наденьте их — и вы услышите мой разговор с Тарком, — предложил Шен Кар. — Не бойтесь, они неопасны... Жители Л'лана не нуждаются в них, чтобы здесь, в долине, свободно обмениваться мыслями. Мы используем их лишь в дальних походах. Ну что же вы медлите?

Офицеры, переглянувшись, нерешительно надели короны, но не смогли сдержать усмешек: они походили на святых с сияющими нимбами над головами.

«Теперь вы меня слышите?» — Шен Кар не разжимал губ, но все отлично поняли его.

— Дьявол, вот дела! — пробормотал Ван Восс, хлопая ресницами. — Я слышу мысли этой обез... этого туземца!

«Только тогда, когда эта мысль направлена кому—то, — объяснил Шен Кар. — С помощью короны нельзя проникнуть в тайные мысли разумного существа».

«Неужто это действительно колдовство?» — лихорадочно соображал Нельсон. Весь его рационализм протестовал, и он стал искать другие объяснения. Быть может, платиновый обруч — усилитель телепатических возможностей человека? Еще в Америке ему приходилось слышать, будто некоторые ученые объясняют передачу мыслей на расстояние биоизлучением мозга. Возможно, корона может улавливать и усиливать это излучение словно радиопередатчик. Но как могли полудикие туземцы сделать столь фантастическое устройство?

— Плевать я хотел на мысли этого колдуна! — сказал Ник Слоан по-английски. — Главное, у них есть кольца из платины и, похоже, в изрядном количестве. Эрик, постарайся выпытать у этих дикарей, где они прячут свои сокровища!

Шен Кар, словно догадавшись, что беспокоит американца, быстро ответил:

«Понимаю, вас очень интересует серый металл, но о нем поговорим позже. Сейчас я хотел бы кое о чем расспросить нашего мохнатого гостя».

Тарк не сводил с присутствующих тяжелого взгляда, в котором светилась осознанная, расчетливая ненависть одного разумного существа к другому. И все же это был настоящий волк! Его клыки хищно обнажились, розовый язык был наполовину высунут, уши настороженно торчали, реагируя на малейший шорох.

«Нельсон, расскажите нашему гостю, как много оружия вы принесли из внешнего мира. Тарк уже видел его в действии и знает его силу...»

Нельсон не сразу понял, что Шен Кар предлагает вступить в телепатический контакт со зверем. Но прежде, чем он успел собраться с мыслями, послышался уже знакомый голос, лишенный интонаций — холодный, нечеловеческий...

«Я ваш пленник, Шен Кар. Вы можете убить меня. Почему вы не делаете этого?»

«Зачем же, Тарк? Это было бы бесчеловечно».

«Жалость — у вас, людей? Не верю! Это — как лед из солнца, тепло от снега, хорошая охота во время бури!»

У Нельсона мурашки пошли по коже, а Ван Восс вообще едва не свалился со стула. Последние сомнения исчезли — волк мог разговаривать и даже иронизировать. И все это — не произнося ни звука!

«Напрасно ты так думаешь, Тарк, — продолжал Шен Кар. — Мы умеем быть милосердными. Ты и Барин в наших руках, и вы останетесь в живых, если пойдете на сделку с нами».

«Сделку? Такую же лживую, как вы заключили с этими наивными чужеземцами — предлагая плату, которую не сможете дать!»

— Это еще что? — Ник Слоан вскочил. Он был настолько ошарашен, что забыл о возможности задать вопрос волку. — Эй ты, мохнатый, что ты имеешь в виду?

«Замолчи, Тарк! — нервно распорядился Шен Кар. — Не вмешивайся в чужие дела. Холк, прикажи увести эту неблагодарную тварь!»

«Минуточку, — вмешался Нельсон. — Твое сообщение, Тарк, весьма нас заинтересовало. Поясни свою мысль — ну, насчет платы».

Зеленые глаза Тарка засветились злобным удовлетворением. Он издал тихое рычание, похожее на смех.

«Ты сделал глупость, Шен Кар, позволив белым людям надеть короны. Забыл, что я тоже услышу их мысли и узнаю, что им обещан серый металл, которого у вас нет!»

Шен Кар поднялся на ноги и шагнул к зверю, в бешенстве выхватив из-за пояса короткий меч. В последний момент он с трудом сдержался. Тарк вновь зарычал — похоже, он хохотал от души.

Нельсон с подозрением следил за этой немой, но выразительной сценой, а затем спросил волка:

«Ты уверен, что у Шена Кара нет платины — металла, из которого сделаны короны?»

Тарк моргнул — казалось, был слегка озадачен.

«Нет, серого металла в долине много, — признался он, — только находится он не у Людей, а в недоступной для всех вас пещере Создателя».

«Что еще за пещера?» — вмешался в обмен мыслями Ник Слоан.

«Пещера Создателя — святыня Братства, — пояснил Тарк. — Согласно преданию, в незапамятные времена именно там зародилась разумная жизнь, которая впоследствии распространилась по всей Земле. Пещера находится далеко отсюда, в северной части долины Л’лан».

«На севере? — спросил Нельсон. — То есть где-то за вашим Врооном?»

«Да, это так, — резко бросил волк — словно челюстями щелкнул. — И вам никогда до нее не добраться!»

Глава 6 ДЕРЗКИЙ ПЛАН

Ник Слоан, сжав кулаки, шагнул к Шену Кару.

— Это правда? — хрипло спросил он.

Вождь клана Людей пожал плечами.

— Да, запасы серого металла, который вы называете платиной, находятся в северной части долины. Ну и что?

— Но ты же говорил, что с платиной проблем не будет и вы расплатитесь с нами без промедления! — взревел, вскочив со стула, Ван Восс. Побагровевший Лефти Вистер по своему обыкновению ругался на чем свет стоит.

— Не совсем так, — сухо ответил Шен Кар, презрительно глядя на не на шутку разволновавшихся офицеров. — Я говорил, что в долине много серого металла, и это правда. Вы получите его сколько угодно — когда сокрушите Братство.

— Но это же форменное надувательство! — бушевал Слоан. — Выходит, у тебя ничего нет, жалкий туземишка, ты беден, как церковная крыса!

— Надувательство? Теперь я вижу, что это вы хотели провести меня, да только ничего не вышло! — воскликнул Шен Кар, в упор глядя на Слоана.

Нельсон все понял. Вождь клана Людей с самого начала не доверял им и держал в рукаве козырного туза. Он хотел заставить офицеров бороться против Братства и победить — только в этом случае можно было рассчитывать на поживу.

Нельсон приказал:

— Эй вы, двое, — назад! Шен Кар прав, награда будет нашей, если мы хорошо справимся со своей работой.

Внезапно он услышал мысленный голос — это вмешался Тарк, внимательно следивший за разгоревшейся перепалкой.

«Не торопитесь с решением, чужеземцы! Путь в пещеру Создателя преграждают не только кланы Братства. У входа вас встретит непреодолимый барьер холодного пламени».

«Холодное пламя? — мысленно спросил Нельсон. — Это еще что такое?»

— Не слушайте Тарка! — снова потеряв выдержку, завопил Шен Кар. Он повернулся к стоящим у входа в зал воинам и приказал: — Немедленно отведите волка в камеру!

Один из охранников набросил на шею зверя кожаную петлю, другой снял цепь со скобы на стене. Вдвоем они потащили Тарка к выходу, держа мечи наготове. Волк повиновался и лишь на пороге повернул голову и испепелил взглядом пришельцев.

Все вновь уселись за стол, хмуро косясь друг на друга.

— Пора раскрыть карты, Шен Кар, — сказал наконец Нельсон. — Мы имеем право знать все, раз уж решили биться на твоей стороне.

— Я ничего не собирался скрывать, — устало ответил Шен Кар. — Но вы оказались столь недоверчивы, что было опасно раньше времени посвящать вас в секреты долины Л'лан. Я предупреждал: некоторые виды животных в нашей долине наделены разумом. Вы же только смеялись. Теперь-то вы поверили в это?

Нельсон кивнул.

— Поверить — не значит понять, — недовольно буркнул Ник Слоан. — Как такое могло произойти здесь, в этой Богом забытой дыре?

Ему ответил старый Юрнак.

— Есть легенда о прошлом долины, — сказал он скрипучим голосом. — Уровень развития наших далеких предков был выше нашего. Скорее всего именно они вселили разум в животных — отсюда и пошло Братство. За тысячелетия опыт и знания во многом, увы, растеряны. Короны на ваших головах, чужестранцы, — лишь малая толика былого величия.

— Что ж, звучит фантастично, но другого разумного объяснения, кажется, нет, — согласился Нельсон.

— Да, это факт, — подтвердил Шен Кар. — Издревле в долине Л'лан с людьми соседствуют четыре клана разумных животных: тигры, волки, лошади и орлы. Мы, Люди, не собираемся лишать этих зверей разума. Но в последнее время они ведут себя все более нагло — желают, видите ли, быть ровней нам, Людям! Звери даже сочинили легенду, по которой все разумные существа, обитающие здесь, были порождены неведомыми творцами в один и тот же день! Эту ложь с давних пор распространяли Хранители пещеры. Мы, Люди, давно бы уличили их в обмане, но, увы, вход в пещеру охраняется таинственными силами, секрет которых знают лишь сами Хранители и их наследники. Долгие века им удавалось морочить нам головы, но со временем мы узнали, что во внешнем мире жизнь устроена иначе. Животные там — слуги Людей или объект охоты, но уж никак не ровни!

Настал час, когда многие Люди взбунтовались и потребовали от Хранителя поставить зверей Братства на место. Совет, управляющий долиной, должен состоять только из представителей клана Людей, сказали мы. Почти треть нашего клана поддержала это требование, но остальные сохранили веру в лживые мифы. В конце концов мы отделились от Братства и поселились здесь, в древнем Аншане.

Мы не хотели конфликтов с нашими бывшими братьями, но со временем поняли: Хранители — это предатели, потворствующие посягательствам зверей на власть над человеческими существами. И они могут взять верх, если им не помешать! Вот почему мы вынуждены были выступить против поработителей. Но нас, Людей, мало, очень мало. Мне пришлось нарушить древнее табу и выйти во внешний мир за помощью. Вы, Нельсон, и ваши друзья можете склонить весы удачи в нашу сторону...

Нельсон с симпатией взглянул на Шена Кара. Это действительно было неслыханно — звери, властвующие над людьми...

— Дьявол, хорошие же здесь творятся дела! — воскликнул Лефти Вистер. — Этих тварей нужно перебить, пока зараза не распространилась по всей Земле!

Шен Кар растерянно взглянул на него.

— Но... мы вовсе не собираемся уничтожать кланы зверей, — сказал он. — Напротив, хотим, как прежде, жить с ними в мире. Они лишь должны понять, что власть в долине должна принадлежать мудрейшим — то есть нам, Людям.

Практический ум Ника Слоана вернул всех к насущным проблемам.

— Все замечательно, но необходимо прежде обдумать план военных действий, — сказал американец. — Мы пока понятия не имеем о расстановке сил в долине. Какую ее часть вы удерживаете в своих руках?

— Только Аншан и окрестности, — пояснил Холк. — Но до вчерашнего дня мы не проводили активных боевых вылазок, ожидая возвращения Шена Кара с подмогой. Нынешняя схватка означает начало войны!

— Не только войны — но и полного поражения Братства, — добавил Шен Кар. — Крин опоздал, послав за мной во внешний мир Нсхарру и ее любимцев зверей. К тому же те действовали глупо и нерешительно. Вторую ошибку Братство совершило вчера, позволив захватить в плен Барина и Тарка. Мы вступили с Братством в открытый конфликт, но инициатива на нашей стороне.

Настал черед Нельсона задавать вопросы. Вскоре он понял, что поводов к оптимизму у вождей Людей было мало. Их войско едва насчитывало две тысячи воинов, в то время как Братство имело более чем двукратный перевес в людях и, кроме того, располагало почти десятитысячной армией разумных зверей.

— Черт, звучит не очень-то весело! — воскликнул Ник Слоан. — Но у нас винтовки, пулеметы и гранаты, а это кое-что значит.

— Верно — если нам будут противостоять только мечи, стрелы да когти зверей, — согласился Нельсон. — Свинцовые

орешки, как мы вчера убедились, Братству не по вкусу, так что их численный перевес может и не стать решающим. Но мы не должны терять инициативу, и потому предлагаю сразу же ударить по логову врага — по Вроону!

Вожди Людей хмуро переглянулись.

— Наши воины пока не готовы к такой атаке, — откровенно признался Холк. — Они все еще боятся Братства и особенно могущества Хранителя.

— О небеса, это еще почему? — рявкнул Ван Восс, ударив здоровенным кулаком по столу. — Храбрые же у нас союзнички!

— Вам уже говорили, что Хранитель Братства якобы обладает ужасной силой, оставленной ему Создателем. Это, конечно, всего лишь легенда, но ей уже много веков и люди к ней привыкли.

— Дурацкие суеверия... — пробормотал Лефти Вистер.

Шен Кар помрачнел.

— К сожалению, они не совсем лишены оснований... Известно, что Хранитель может страшно наказать преступников, нарушивших закон Братства. Он не делал этого уже несколько веков, но сила страха велика. Даже самые горячие головы из нашего клана не рискнут напасть на резиденцию Хранителя. Другое дело — отражать нападение его войска...

Нельсон негодующе воскликнул:

— Как же мы победим, если ваши воины больны трусостью?

— Эрик, надо уносить ноги, пока не поздно! — начал было Лефти Вистер, но Ник Слоан с силой сдавил ему плечо.

— Эй, малыш, полегче! Не хватало только, чтобы мы, боевые офицеры, испугались каких-то тварей, пусть и трижды разумных. Командир, надо действовать, и тогда воины Холка быстро избавятся от суеверий.

Шен Кар кивнул.

— Согласен, но есть лишь один быстрый путь к победе — взять в плен Крина и его дочь Нсхарру! Это поставит Братство на колени, ведь считается, что Хранитель всемогущ.

— Взять их в плен? — с интересом спросил Ван Восс. Его бесцветные глазки разгорались недобрым огнем. — А почему бы просто не убить?

— Заткнись, Пит, — негодующе сказал Нельсон. — Мы же не убийцы!

Шен Кар снова согласно кивнул.

— Смерть Хранителя нам невыгодна, — объяснил он. — Если Братство охватит жажда мести, нам придется плохо. Во всяком случае, оно никогда не капитулирует и будет драться до последнего бойца.

Слоан поддержал его:

— Кроме того, старик знает безопасный путь в пещеру Создателя. Нет, Пит, ты не прав, порой и милосердие бывает выгодным... Только как пробраться в этот чертов Вроон?

— Очень просто, — в голосе Шена Кара слышалось торжество. — Нас проведет Тарк! Уж он-то знает секретные тропы в обход охраны.

— И как же его заставить? — спросил Ли Кин. По лицу китайца заметно было, что он крайне недоволен происходящим. — Вряд ли волк испугается ваших угроз.

— Угроз? — рассмеялся Шен Кар. — Тарк не знает страха. Но он не захочет, чтобы мы убили сына Крина. Пообещаем ему отпустить Барина, если он, скажем, поможет освободить пленников из клана Людей, томящихся в тюрьме Вроона.

— Вы хотите довериться этому дьяволу? — нахмурился Слоан. — Не нравится мне такой план, больно он сложен. Тарк может перехитрить нас... Что ты думаешь об этом, Эрик?

Нельсон долго молчал, а затем неохотно сказал:

— Согласен с Шеном Каром. Это единственный путь быстро одержать победу малой кровью. Но и Ник прав: волку нельзя доверять.

Шен Кар в ответ только усмехнулся.

— Дирил, приведи Тарка, — сказал он.

Охранники с мечами наголо вновь ввели в зал огромного волка и подвели его к столу. Тарк обвел всех тяжелым

взглядом и уставился на Нельсона. Тот невольно вздрогнул, встретившись со сверкающими звериными глазами, в которых светился разум.

Шен Кар, пользуясь телепатическим методом обмена мыслями, сообщил волку о готовящемся походе по освобождению «несчастных заложников».

«Должен теперь сам выбирать, Тарк, — жить юному Барину или погибнуть из-за твоего упрямства», — заключил вождь клана Людей.

Тарк обнажил белые клыки в беззвучном рычании.

«Это обман! Вы хотите убить нас обоих!»

«Верно, хотим. Но еще больше мечтаем освободить брата Холка, Яханона, попавшего к вам в плен».

«Не могу обещать этого даже в обмен на жизнь Барина. Только Хранитель вправе решать такие вопросы».

«Но ты можешь проводить нас тайными тропами во Вроон, а уж Яханона мы освободим сами».

Тарк надолго задумался.

«Если я сделаю это, то стану изменником! Хранитель не простит...»

«Он тем более не простит смерть своего сына! Тебя послали охранять его — и как же выполнен приказ великого Крина? Подумай, Тарк, мы даем тебе шанс спасти не только свою жизнь, но и честь воина».

Волчьи глаза сузились, взгляд вновь остановился на Шене Каре.

«Хорошо, — передал он свою мысль. — Мне приходится выбирать меньшее из двух зол».

«Тогда сегодня же ночью идем во Вроон! Чужеземцы пойдут с нами, Тарк».

Волк, казалось, слегка усмехнулся.

«Очень хорошо. Обещаю провести вас во Вроон в обход сторожевых постов. Дальше уж ваше дело...»

Когда охранники увели зверя, Нельсон с довольным видом воскликнул:

— Кажется, дела не так уж плохи! У нас появился отличный шанс победить одним ударом.

Шен Кар с иронией взглянул на него:

— Вы недооцениваете Тарка. Этот хитрец, быть может, и проведет нас в город, но затем наверняка поднимет тревогу. Ведь если нас захватят в плен, то Барина можно будет попросту обменять — скажем, на меня.

— Черт побери, тогда зачем же вы соглашаетесь идти вместе с волком? — закричал Ник Слоан, побледнев.

Шен Кар посуровел, мускулы на его лице напряглись.

— Мы сами перехитрим великого хитреца. Как только войдем во Вроон, я своими руками зарублю Тарка. Тогда никто не сможет нам помешать!

Глава 7 СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ

Бархатная ночь опустилась на стеклянные купола и башни Аншана. Гладкие стены заиграли сотнями искр — отражениями далеких светил. Нельсону показалось, что он плывет среди огромных звездных островов...

С трудом оторвавшись от завораживающего зрелища, американец отошел от окна.

— Луна не взойдет еще несколько часов, — глухо сказал он товарищам, отдыхающим на койках. — Хорошо, если нам повезет, и мы покинем Вроон прежде, чем небо просветлеет.

— Лучше бы вообще никуда не ходить, — заметил Ли Кин.

Лефти Вистер, хмыкнув, передернул затвор карабина. Он вызвался сопровождать Нельсона в логово Братства и в свете факела тщательно проверял оружие — автоматические карабины и пистолеты. Пулемет решили не брать из-за его габаритов и веса.

Ван Восс дремал после ужина, а Ник Слоан задумчиво пускал к потолку сизые кольца табачного дыма.

Нельсон уселся на стул, сложив руки на груди. Как всегда перед боевой операцией, он немного волновался. Впрочем, в решающую минуту твердость всегда возвращалась.

— Не надо так говорить, Ли, — сказал Нельсон, — мы рискуем ничуть не больше, чем во времена наших славных боев под знаменем старого разбойника Ю Чи. Разница в том, что теперь мы будем драться не за тарелку дерьмовой похлебки, а за настоящую плату. Если удастся захватить этого чертовою колдуна и его ведьму-дочку, дело будет сделано.

Ник Слоан одобрительно кивнул.

— Все правильно, Эрик, только держите ухо востро. Если зазеваетесь, этот клыкастый дьявол тут же перегрызет горло — никакое оружие не поможет.

— Прежде я всажу пулю в его мохнатую башку! — злобно ощерился Лефти.

Нельсон начал догадываться, почему англичанин так рьяно вызвался сопровождать его. Похоже, Лефти намеревался прикончить Тарка прежде, чем это сделал бы Шен Кар, и тем самым избавиться от своего панического страха перед звериным разумом.

В комнату вошли Шен Кар и Дирил в полном воинском облачении. Оба были заметно возбуждены — видимо, им не так уж часто приходилось рисковать жизнью.

Шен Кар протянул Нельсону и Вистеру по платиновой короне.

— Наденьте их — во время похода будем обмениваться мыслями. Готовы? Тогда пошли...

Оба офицера коротко простились с товарищами. Шен Кар долго вел их по темным лабиринтам коридоров, пока они не подошли к овальной двери с массивным деревянным запором. Ее охраняли два воина с мечами наголо.

Повинуясь приказанию Шена Кара, они открыли дверь, ведущую, как оказалось, в длинное помещение. По обе стороны его располагались комнаты, превращенные в тюремные камеры. Шен Кар отпер засов одной из дверей и, сняв со стены чадящий факел, вошел внутрь.

Навстречу ему угрожающе зарычал Тарк.

«Пора идти», — коротко передал свою мысль Шен Кар.

«Я готов, но прежде хочу увидеть Барина», — ответил волк.

«Ни за что!»

«Тогда я не двинусь с места. Сын Крина ни разу не отозвался на мой призыв. Быть может, он уже мертв?»

«Не хитри — ты отлично знаешь, что эти стены экранируют мысленные послания. Но хорошо... Только не вздумайте попытаться провести нас».

Они вышли из камеры и направились к самой дальней двери. Нельсон заметил, что Лефти Вистер не сводит с волка настороженного взгляда, а рука его лежит на кобуре.

Увидев, что за ним пришли, Барин вскочил с койки. Его лицо покрывали синяки и кровоподтеки, но в целом юноша выглядел достаточно бодро. Нельсон отметил его сходство с Нсхаррой — овал лица, породистые четкие черты, огонь в смоляных глазах.

— Предатель! — воскликнул Барин, шагнув навстречу Шену Кару. — Отступник, нарушивший священные законы Братства!

— Законы Братства? — Шен Кар с ненавистью глядел на юношу. — Чепуха, это лишь лживые выдумки твоего отца и его предшественников. Но скоро обману придет конец, и мы, Люди, займем достойное место в долине — такое же, как наши братья во внешнем мире.

Тарк пристально взглянул на юношу, и Нельсон услышал его мысль:

«Барин, не спорь с ним — этого человека уже не переделать. Я сейчас уйду вместе с ним, и если все пойдет хорошо, то скоро ты будешь свободен. Жди и ни о чем не тревожься!»

Барин с беспокойством взглянул на Нельсона и Вистера, а затем вновь посмотрел на волка.

«Тарк, я не понимаю... План как-то связан с этими чужеземцами?»

«Жди и не тревожься!» — повторил Тарк.

«Хватит, поговорили!» — вмешался в их разговор Шен Кар. Он кивнул солдатам, и те грубо вытолкали волка из

камеры. Шен Кар вышел последним, тщательно задвинув за собой засов. Тем не менее Нельсону показалось, что Тарк и Барин успели обменяться еще какими-то непонятными сигналами. Может быть, они использовали другие, секретные, способы телепатической связи?

У выхода из здания-купола несколько воинов держали под уздцы шесть лошадей.

«Мы берем запасных на всякий случай», — пояснил Шен Кар, заметив удивление Тарка.

Волк никак не отреагировал на эти слова, но Нельсону показалось, что зверь отлично понимает, для кого они предназначены.

Поставив ногу в стремя, Нельсон внезапно услышал незнакомый мысленный голос:

«Это Тарк, глава клана Клыкастых братьев! Тарк, ты слышишь нас?»

Лефти испуганно отшатнулся от своего коня.

— Шен Кар, ваши лошади разговаривают с этим оборотнем! — завопил он.

— Что вас так удивило? — холодно ответил Шен Кар. — Вы же знаете, что в нашей долине четыре вида животных обладают разумом, лошади тоже. Этих коней мы захватили пленниками в одном из боев, только и всего.

«Пленниками? — услышал Нельсон возмущенный голос. — Скажите лучше — рабами! Вы сделали из нас, свободных членов Братства, вьючных животных. Тарк, разве об этом не знают во Врооне?»

«Мы знали: несколько наших братьев из клана Хатхи взяты в плен, но не подозревали, что теперь вы — рабы!

На такую низость способны только Шен Кар и другие отступники...»

Гнедой конь, тараща глаза и прядая ушами, захрипел и встал на дыбы, пытаясь вырвать уздечку из рук воина.

«Тарк, ты пришел освободить нас? Клянусь Создателем, скажи только слово — и мы будем бороться за свободу или вместе умрем!»

«Не вздумайте бунтовать! — быстро сказал Шен Кар, выразительно положив руку на рукоять мечта. — Мы убьем всех вас — а затем и Барина. Тарк, останови безумцев, пока не поздно!»

«Подождите, братья! — немедленно отозвался Тарк, успокаивая возбужденных лошадей. — Проявите терпение и выполните приказания этих людей — клянусь, вы сделаете доброе дело для Братства!»

Не сразу, но лошади все-таки успокоились. Шен Кар криво усмехнулся.

«Вот так-то лучше», — наставительно сказал он и потрепал своего коня по пышной гриве, оглядывая офицеров с чувством собственного превосходства.

— Садитесь на коней и ничего не бойтесь. Эти животные поняли, что надо подчиняться нам, Людям. Надеюсь, вскоре это осознают и остальные.

Выехав из города, небольшой отряд оказался под пологом ночного леса и взял путь на север. Огромный волк бесшумно бежал чуть впереди коня Шена Кара, с легкостью ориентируясь в чаще густых елей. Через четверть часа всадники попали на волнистую равнину, над которой нависли заснеженные вершины. Над головой мерцали россыпи звезд.

«Теперь веди нас, Тарк. — Шен Кар вынул из-за пояса меч. — Только учти — если заманишь нас в ловушку, то первым погибнешь сам, а чуть позже умрет и Барин!»

Волк оскалился, словно насмехаясь над угрозами, и побежал вперед. «Держитесь невдалеке от меня, — услышал Нельсон его мысль. — Повинуйтесь моим командам, иначе охрана Вроона обнаружит нас».

Отряд пошел рысью. Холодный воздух, стекавший с гор, бил в лицо. Всадники вытянулись в цепочку — впереди скакал Шен Кар, за ним следовал Нельсон, чуть позади — Лефти Вистер. Замыкал колонну Дирил с двумя запасными лошадьми.

Волк все время петлял, стараясь держаться ближе к опушке леса. Вскоре Нельсон увидел, что такая предосторожность была отнюдь не лишней. Хотя, казалось, равнина была совершенно пустынной, Тарк внезапно скомандовал:

«К деревьям! Быстро!»

Пришпорив лошадей, отряд помчался вслед за волком, круто свернувшим к небольшой березовой роще, выглядывавшей из узкой лощины. Путники едва успели спрятаться среди деревьев, как по равнине скользнули три волчьих тени, а в небе над ними — небольшая орлиная стая.

Выждав несколько минут, Тарк сказал:

«Теперь можем идти — разведчики уже далеко».

«Что они делают здесь?» — заволновался Шен Кар.

«Охраняют Вроон», — коротко бросил волк.

Они вновь двинулись в путь. Через полчаса впереди выросла темная зубчатая стена леса. Здесь их могли подстерегать стаи разумных животных, коварных и беспощадных, словно оборотни. Одна мысль об этом заставила Нельсона вздрогнуть — ему чертовски не хотелось в этот мрачный, колдовской мир...

Скакавший теперь рядом с ним Лефти Вистер, казалось, разделял эти опасения. Нельсон услышал его тревожную мысль: «Клянусь небом, этот дьявол заведет нас в ловушку! Эрик, ты слышишь меня?» Но Нельсон не стал отвечать — стоило ли гадать о том, что ждет их впереди?

Издалека лес казался сплошной черной массой, но, когда отряд углубился в чащу, Нельсон при тусклом свете звезд различил могучие лиственницы, грандиозные кедры и раскидистые пихты. Таких гигантских деревьев он еще не видел, даже в долине, и это наполнило его душу тревогой и неуверенностью. Чужой, враждебный мир... И зачем он ввязался в спор кланов Братства? Послужит ли он доброму делу своим оружием, или вновь будет сеять смерть, убивать ради презренных денег? Неужто десять лет занятий кровавым ремеслом здесь, в Юго-Восточной Азии, ничему не научили его?

В лесу было очень душно. По словам Шена Кара, в долине несколько месяцев почти не выпадало дождей. Старые ветки так высохли, что ломались под копытами лошадей с громким треском. Тарк то и дело недовольно оглядывался, но всадники не могли заставить своих коней двигаться бесшумно.

«Почему мы не следуем во Вроон вдоль берега реки? — неожиданно спросил Шен Кар. — Этот путь куда легче».

«Легче — не значит лучше, — ответил Тарк. — За рекой наблюдает клан Куорра. Ночью там лучше не показываться».

Клан Куорра? Нельсон не сразу понял, что речь идет о тиграх — возможно, предстоит встреча и с этими безжалостными убийцами.

«Больше разговаривать нельзя, даже мысленно, — передал волк, — пока я не дам команду, что опасность миновала. Сейчас нам предстоит самая трудная часть пути. Будьте предельно внимательны!»

Отряд рысью несся по лесу, временами буквально продираясь сквозь густой кустарник. Лошадь под Нельсоном дрожала. Чего она боялась? Дорога к Вроону ей была хорошо известна, внезапная встреча с отрядами Братства животному ничем не грозила... Внезапно Нельсон понял — да она же просто волнуется! Словно человек, проведший долгое время в цепях и оковах и снова почувствовавший сладкий запах свободы. Жалкие еще вчера вьючные животные мчались теперь ДОМОЙ, где могли вновь стать равными среди равных, уважаемыми в Братстве существами. На миг Нельсон даже почувствовал к ним симпатию, но тут же опомнился: ведь это всего лишь животные, пусть даже и обладающие телепатическими способностями!

Прошло не менее часа, и тут всадники различили протяжный вой, доносившийся из западной части леса. В ответ послышалось грозное рычание тигра со стороны реки. Тарк остановился.

«Вам надо спешиться, — сказал он. — Вскоре предстоит пройти мимо сторожевых постов клана Хатхи. Лошади могут предать нас».

Четвероногие негодующе забили копытами.

«Тарк, ты обещал взять нас с собой во Вроон! Разве ты не собираешься освободить нас, клыкастый брат?»

«Братья, я не могу этого сделать! Ради блага Братства вы должны оставаться пленниками — ПОКА оставаться».

Лошади постепенно успокоились, хотя было заметно, что они недовольны.

«Хорошо, Тарк, мы верим тебе...»

Всадники спешились. Шен Кар приказал юноше:

«Дирил, оставайся здесь, с лошадьми. Если они попытаются поднять тревогу, перережь им глотки».

«Они не сделают этого! — негодующе воскликнул волк. — А теперь следуйте за мной так тихо, как только сможете».

Они поднялись на невысокую лесистую гряду. Тарк пошел вдоль нее на север, часто останавливаясь и настороженно принюхиваясь. Вновь послышался вой волков, но на этот раз ответа с реки не последовало. Внезапно Тарк закрутился на месте, шерсть его вздыбилась.

«Кто-то из клана Куорра прошел здесь недавно! Подождите, я попытаюсь сбить его с толку».

Шен Кар бросился в заросли высокого папоротника и затаился там. Нельсон последовал за ним, таща за собой перепуганного Лефти, который снял с плеча карабин и трясущимися руками пытался достать из патронташа запасную обойму. Тарк будто провалился сквозь землю. Через минуту Нельсон на мгновение увидел его на прогалине между стволов пихт. С тихим рычанием волк скрылся в чаще. Прошло еще несколько минут, и на том же самом месте появился огромный тигр. Оглядываясь, он словно искал кого—то.

«Тарк! Это же Тарк! Приветствую тебя, клыкастый брат! — услышал Нельсон глухой голос, внезапно зазвучавший в его мозгу. — Все кланы думают, что ты погиб или взят в

плен. Мы оплакиваем тебя и горим жаждой мести! Но где же Барин?»

«Мне удалось бежать, Грих, но Барин остался в Аншане, в тюремной камере. Я не смог вызволить его из плена...»

«Ему недолго оставаться там, Тарк! Хранитель собирает все кланы. Он объявил священную войну клану Шена Кара!»

«Рад этому, полосатый брат! Но мне надо спешить во Вроон, возможна погоня. Прошу тебя, вернись к южной опушке леса и проследи, чтобы люди Шена Кара не напали на мой след».

«Будет сделано, Тарк! Если люди из Аншана появятся там, я пошлю весть через народ ей. Удачи тебе, клыкастый брат! Скоро у нас будет большая охота».

Тигр повернулся и растворился в сумраке леса. Лефти тихо выругался сквозь зубы, опустив карабин. Тарк подбежал к ним, скаля зубы.

«Мы должны торопиться. К Вроону идут отряды кланов, скоро здесь нельзя будет пробраться незамеченными».

«Хранитель собирает кланы и объявляет нам войну? — гневно сказал Шен Кар. — Пусть будет так. Братство узнает, кто здесь хозяин, когда встретит в бою нас, Людей!»

Волк не ответил, его глаза недобро блеснули.

Прошли еще почти милю вдоль гряды, прежде чем Тарк повернул влево и начал спускаться по склону. Вскоре отряд вышел на широкую поляну. Сквозь редкие деревья открывался вид на равнину.

«Вроон!» — взволнованно воскликнул Шен Кар.

Все остановились. Внизу, у подножия холма, протекала большая река. На берегу переливались огнями купола и башни.

Глава 8 ТАИНСТВЕННЫЙ ГОРОД

Вроон выглядел еще более древним, чем Аншан. Здания были словно отлиты из золотистого стекла и имели форму спирали. Головокружительной высоты башни венчали

массивные луковки, источавшие тусклый зеленый свет. Приземистые купола украшали витки белых гребней. Как и в Аншане, лес здесь вторгался на городские улицы, но деревья во Врооне росли в строгом порядке. Аккуратные шаровые кроны создавали впечатление ухоженного парка.

Но больше всего Нельсона поразили обитатели города. В оконных и дверных проемах, освещенных пламенем факелов, мелькали вперемешку силуэты людей и зверей! Конечно, он ожидал этого, но все же странно было видеть такое противоестественное соседство.

— Эрик, это дьявольское место, — прошептал Лефти Вистер. — Смотри, звери чувствуют себя полноправными хозяевами!

— Теперь вы понимаете, почему мы, Люди, восстали против законов Братства и ушли из этого города? — сказал Шен Кар. — Животные должны знать место и хозяина! Я предложил однажды на заседании Совета кланов, чтобы они ушли в лес — там им куда удобнее заниматься охотой, да и вообще вольготней, чем в тесных городских зданиях. Но Хранитель и вожди кланов воспротивились.

Улицы Вроона заполнялись прибывающими стаями волков и тигров. Небольшими группами чинно вышагивали лошади, оглашая воздух ржанием. Воздух буквально кипел от сотен больших птиц, слетавшихся к луковкам башен, — видимо, они и были предназначены для размещения Крылатого клана.

«Быстро же звери собрались по зову Хранителя!» — услышал Нельсон мысль Шена Кара — вождь Людей был явно озадачен.

«Братству угрожает опасность — разве наши братья станут медлить в такой момент? — ответил ему Тарк. — Но давайте перейдем к делу. Яханон содержится в одной из комнат дворца кланов. Но проникнуть туда будет нелегко, Хранитель наверняка проводит там заседание Совета».

Нельсон проследил за взглядом волка и увидел в центре города особенно высокий купол, окруженный пятью

башнями и двумя рядами вековых кедров. По-видимому, это и был дворец кланов.

«Тарк, ты обещал провести нас к пленнику, — сказал Шен Кар. — Уверяю, мы будем очень осторожны. Время не терпит, через час должна взойти луна!»

Нельсон понял: все складывается удачно — пленный Яханон находится в том же здании, что и Крин с дочерью. Тарку придется довести их до дворца, а там уж Шен Кар сделает свое дело... И все же опыт долгих военных лет подсказывал ему, что все идет слишком уж гладко. Тарк наверняка не доверяет людям, так же, как и они ему. Кто знает, какой сюрприз готовит этот оборотень?

Размышления прервал зазвучавший в его голове голос Тарка:

«У нас есть лишь один путь во дворец кланов — через городской водосток».

«Что? Водосток? — обеспокоенно воскликнул Шен Кар. — Я был там однажды — это настоящий подземный лабиринт, где легко потерять друг друга».

«Я вас буду вести, — ответил Тарк. — Мы, волки, отлично ориентируемся в древних туннелях... Но если ты боишься, Шен Кар, то, может быть, предложишь другой, безопасный, путь во дворец. Я, например, такого не знаю».

Вождь Людей задумался, недоверчиво поглядывая на спокойно сидящего рядом волка. Нельсону тоже не нравился план — на открытом месте он чувствовал бы себя куда увереннее, чем в кромешной тьме подземных коммуникаций. Но был ли у них другой путь?

— Мы должны принять план Тарка, — сказал он, обращаясь к Шену Кару. — Лефти, можешь остаться здесь, если хочешь.

— Ну вот еще! — возмутился англичанин. — Я пойду с вами.

«Хорошо, — сказал волк, обнажив клыки. — Но нам придется обойти город, чтобы пробраться в водосток с противоположной стороны. Члены Братства почти не пользуются

этим ходом, поэтому нас едва ли ждут с северного направления».

«Это еще почему?» — подозрительно спросил Нельсон.

«К северу от Вроона находится пещера Создателя, — ответил Шен Кар. — Звери побаиваются этого места, так же, впрочем, как и люди».

Нельсон оглядел окрестности города. Лесистые холмы словно волны накатывались на подножия заснеженных гор. На одном из склонов пульсировало пятно белого света.

«Да, это и есть вход в священную пещеру, — ответил Шен Кар на вопрошающий взгляд. — Завеса холодного огня закрывает его от непосвященных. Только Хранитель и его дети знают древний секрет».

Тарк поднялся и двинулся вниз по склону гряды. Люди последовали за ним, каждую минуту ожидая нападения, но все вокруг было тихо. Вскоре волк привел их в узкий овраг, по дну которого протекал ручей. Почва здесь была твердой как камень — за долгую засуху песок слежался и покрылся толстой коркой. На противоположном берегу светились городские здания. Немедля, волк подбежал к темному отверстию высотой почти в человеческий рост и проскользнул в него.

«Это один из городских водостоков, — услышал Нельсон мысль Шена Кара. — Будьте готовы ко всему, чужеземцы!»

Вождь Людей выхватил меч из-за пояса и, ободряюще взглянув на офицеров, решительно последовал за Тарком. Нельсон и Вистер сняли с плеч карабины и тоже вошли в туннель.

Темнота окутала их. Поколебавшись, Нельсон включил карманный фонарь и увидел, что волк и Шен Кар терпеливо поджидают их. Стены туннеля отсвечивали уже знакомым черным стеклом. Под ногами скрипела плотная корка песка и ила.

«По стоку из города отводится вода в сезон дождей, — пояснил Шен Кар. — Я раньше не подозревал о

существовании этого туннеля, но подобных на окраинах Вроона немало».

«Мы, волки, знаем все пути, ведущие в город, — сказал Тарк. — Я проведу вас к одной из шахт, выходящей наружу рядом с дворцом кланов».

Шен Кар кивнул, а сам незаметно коснулся руки Нельсона. Это был сигнал, о котором они договорились заранее. Тарк будет убит, как только они войдут во дворец. Дальше останется лишь захватить в плен Крина и Нсхарру и вернуться в лес этим же путем — через водосток...

Нсхарра? Нельсон почувствовал странное волнение, вспомнив о девушке-колдунье, которая однажды едва не убила его. Несмотря на это, он не испытывал к ней ненависти — напротив, за последние дни не раз видел во сне милое личико с черными, глубокими как омут глазами...

«Эй, очнись! — с иронией сказал он себе. — Пора перестать быть неисправимым романтиком. За десять лет ты увидел столько крови и грязи, что время опуститься на грешную землю. Кроме того, сейчас ты идешь не на вечеринку...»

«Показывай дорогу, Тарк, — потребовал Шен Кар. — Но учти: если побежишь слишком быстро, смерть догонит тебя».

Волк оскалился и зарычал, но отвечать на угрозу не стал. Повернувшись, он не спеша двинулся по плавно поднимающемуся туннелю. Люди шли за ним быстрым шагом, настороженно оглядываясь по сторонам. Вскоре туннель разветвился. Тарк не колеблясь повернул налево.

Напряжение постепенно нарастало. Нервы у Нельсона были взведены — стало казаться, что он слышит позади чьи-то мягкие шаги. «Что-то ты трусишь, друг», — снова с иронией сказал он — и резко обернулся. В тусклом свете фонаря блеснули два глаза. Какой-то зверь бесшумно крался за ними.

— Это ловушка! — закричал Нельсон. — За нами следят!

Но волк перехватил его мысль прежде, чем она была высказана. Тарк молниеносно развернулся — мохнатое тело словно снаряд промелькнуло рядом с Нельсоном, выбив из его рук фонарь.

— Я знал: этот оборотень обманет нас! — завопил Лефти и выстрелил несколько раз в темноту.

Визг рикошетирующих о стены туннеля пуль слился с оглушительным эхом. Сверкающие звериные глаза растворились в темноте, а чуть позднее люди услышали мысль Тарка:

«Мы блокировали путь к лесу, так что вам не скрыться! Никакое оружие не поможет!»

— Предатель! — дрожа от ярости, крикнул Шен Кар. — Все-таки ты ухитрился как-то предупредить Братство о нашем приходе!

«Да, я предал — но и вы пытались обмануть меня! Думаете, я поверил вашей наивной лжи, будто вы собираетесь проникнуть во Вроон ради освобождения Яханона? Я сразу догадался, что у вас на уме, — и ответил коварством на коварство. Глупцы, вы даже не поняли, зачем я послал Гриха охранять южную опушку леса! Он, конечно же, пересек ваши следы и догадался, в чем дело. А теперь складывайте оружие на землю. Мы не собираемся убивать вас — вы станете заложниками. Будет кого обменять на бедного Барина!»

Вместо ответа Лефти Вистер с проклятиями разрядил в темноту карабин. Вновь завизжали пули, по-видимому, не причинив противнику вреда.

— Прекратите попусту стрелять! Разве вы не поняли, что звери скрываются за развилкой туннеля? — закричал Шен Кар. — Теперь у нас нет шансов захватить Хранителя, и надо отступать.

Нельсон лег на землю и пополз, доставая гранату из кармана. Выдернув чеку, он крикнул: «Ложись!» — и швырнул гранату в темноту. Послышался предостерегающий голос Тарка: «Бегите из туннеля! Это чужеземное ору...» — все перекрыл оглушительный взрыв.

Осколки с воем пролетели над головами вовремя упавших на землю людей, но чудовищный грохот, усиленный стенами, едва не оглушил их. Некоторое время все лежали, приходя в себя, а затем с трудом поднялись на ноги, стряхивая с одежды осколки черного стекла.

— Надо спешить, — тихо сказал Нельсон и, пошатываясь, побрел к выходу из туннеля, держа наготове карабин. Никто не пытался им помешать — звери исчезли. И только в овраге люди наткнулись на огромное полосатое тело, валявшееся в бурлящем ручье. Осколки гранаты изрешетили мощную тушу хищника.

— Слава Богу, хоть одну тварь прикончили! — злобно воскликнул Лефти, пиная безжизненное тело. — Надеюсь, чертов оборотень тоже сдох...

В тот же момент со стороны города раздался протяжный вой — волк, видимо, сумел спастись.

— Тарк поднимет на ноги весь город, — прохрипел Шен Кар. — Надеюсь, мы успеем добежать до наших лошадей... Но в любом случае Барин дорого заплатит за коварство своего друга!

Они побежали по дну оврага к опушке леса. Поднявшись на склон гряды, Нельсон обернулся: со стороны Вроона за ними мчалась стая волков и тигров, а чуть позади — несколько всадников с факелами.

— Не останавливайтесь, лошади уже близко! — крикнул на бегу Шен Кар. — Дирил ждет нас!

Невдалеке раздался ужасный волчий вой — видимо, Тарк догонял их. Лефти остановился и заорал:

— Не буду бежать от этой твари словно заяц! Я убью оборотня!

Он вскинул карабин и замер, готовясь к выстрелу.

— Лефти, не теряй головы! — закричал Нельсон. Он уже отбежал на несколько метров, но вынужден был повернуться.

— Оставьте его, иначе тоже умрете! — услышал он из темноты встревоженный голос Шена Кара.

«Он прав», — подумал Нельсон, но все-таки шагнул назад. Конечно, глупо было пытаться спасти самоуверенного англичанина, но командир не имеет права бросать своего бойца. Сколько раз его самого выручали из самых безвыходных ситуаций!

Выругавшись, Нельсон подбежал к Вистеру и схватил его за руку.

— Лефти, не будь идиотом! Бежим...

Но было уже поздно. Короткого промедления оказалось достаточно, чтобы авангард преследователей настиг их. В темноте мелькнули две тени — волка и тигра. Еще мгновение — и звери прыгнут...

Внезапно Нельсон услышал Тарка:

«Стойте спокойно, чужеземцы, мы не убьем вас, если...»

Но Лефти не дослушал волка и выстрелил в приземистую тень. Тарк каким-то чудом успел увернуться от пули, одним прыжком достал англичанина и, сбив с ног, впился ему в горло.

Нельсон оцепенело наблюдал за страшной сценой. Очнувшись, он вскинул карабин, целясь в яростно рычащего зверя, но справа на него ринулось огромное полосатое тело. Последнее, что запомнил Нельсон, была оскаленная тигриная пасть в дюйме от его лица.

Потом наступила тьма.

Глава 9 СОВЕТ КЛАНОВ

«Человек очнулся, хозяйка! Я же говорил, что он всего лишь в обмороке».

Нельсон услышал этот знакомый, лишенный интонаций голос, когда его сознание начало просветляться. Болезненная темнота небытия рассеивалась, и он подумал: «Я еще жив. Жив!»

«Тарк, мне очень жаль чужеземца. Лучше бы он умер там, в лесу!»

Нельсону почудилось, будто он вновь в своей комнате на грязном постоялом дворе. Тогда ночью он слышал эти же голоса, и они тоже говорили о смерти. Но он жив, жив, жив!.. Быть может, он еще продолжает спать, и все происшедшее за последние две недели — просто кошмарный сон?

Пульсирующая боль в виске заставила Нельсона болезненно поморщиться. Он хотел было потрогать рану, но вдруг почувствовал, что не может даже пошевелиться. С трудом разлепив тяжелые веки, Нельсон понял, что сидит в кресле, обмотанный тонким тросом.

Страх заставил окончательно прийти в себя. Открыв глаза, Нельсон невольно поморщился — прямо в лицо били лучи солнца. Приглядевшись, он увидел, что находится в длинной галерее со сводчатым потолком и голубыми стеклянными стенами. Солнечный свет танцевал на изгибах причудливых колонн, идущих двумя рядами вдоль стен, бросал золотистые отблески на гладкий пол.

Нсхарра сидела напротив в высоком резном кресле и с сочувствием смотрела на непрошеного гостя. Она ничуть не походила на простую деревенскую девушку, которую он помнил по злополучной ночи в Йен Ши. Теперь в ее облике было что-то царственное: длинное белое платье с пышными рукавами облегало стройную фигуру, волосы были уложены в высокую прическу с искусно вплетенными жемчужными нитями.

У ног Нсхарры словно верный пес сидел Тарк. В зеленых глазах зверя не было обычной ненависти — скорее, светилось холодное равнодушие.

— Ты во Врооне, Эрик Нельсон, — сказала девушка. — Кажется, ты очень стремился встретиться со мной?

В голосе прозвучала горькая ирония, и Нельсон почему-то вспомнил солоноватый вкус ее губ. Даже не верилось, что он когда-то мог грубо сжимать в объятиях это удивительное создание... Но разве не эта женщина напустила на него клыкастое чудовище, сказав безжалостным тоном: «Убей его, Тарк!»

— Что с Лефти? — хрипло спросил он.

— Он погиб.

— Погиб? Скажите проще — ваш любимец Тарк перегрыз ему горло!

Нсхарра нахмурилась, ее глаза сузились.

— А что ему оставалось делать? Твой друг первым напал и поплатился за это!

Девушка надолго замолчала, бросая на пленника сердитые взгляды. Затем произнесла более мирным тоном:

— Ты поступил мужественно, Эрик Нельсон, вернувшись помочь другу. Но было бы лучше, если...

Она замолчала, недоговорив, но Нельсон догадался, что имелось в виду.

— Если бы я не возвращался? Выходит, Шену Кару все-таки удалось спастись?

Нсхарра молча поджала губы, но по ее глазам Нельсон понял, что догадка верна. Интересно, где сейчас вождь Людей и его офицеры? У него не было больших иллюзий насчет Слоана и Ван Восса — оба запросто могли бросить его в беде, но Ли Кин вряд ли оставит товарища. К тому же путь к сокровищам пещеры Создателя ведет через Вроон, и Ник Слоан не остановится перед любыми преградами для достижения вожделенной цели. Значит, у него, Нельсона, есть шанс спастись...

— Вы собираетесь меня убить? — спросил он прямо.

— А ты боишься смерти, чужеземец?

Нельсон пожал плечами.

— Я десятки раз был на краю гибели. Если мне и удавалось выбираться из жутких переделок, то только потому, что не хотелось умирать. И сейчас, признаюсь, тоже не хочется.

Нсхарра слегка улыбнулась.

— Это хороший ответ, Эрик Нельсон. Но... — ее лицо внезапно помрачнело, — но не от меня, к сожалению, зависит твоя судьба. То, что тебя ожидает, может оказаться похуже смерти...

Тарк внимательно посмотрел на девушку.

«Хозяйка, я сделаю все, что смогу, на заседании Совета, — услышал его мысль Эрик. — Но ваш отец настроен очень решительно, да и Хатха выступает за самый суровый приговор».

«А Ей?» — с надеждой спросила Нсхарра.

«Кто знает, что за мысли бродят в голове вождя Крылатого племени?»

Нельсон с нарастающим ужасом следил за этим беззвучным диалогом. Что готовят ему отец девушки—колдуньи и вожди кланов? Что может быть хуже смерти. И чем он заслужил суровое наказание? Нсхарра первой напустила на него Тарка, звери Братства набросились на его отряд, как только он вошел в долину — а расплачиваться почему-то должен только он, Эрик Нельсон. Война есть война, и пленник имеет право на милосердие. Тем более что здесь, в долине, ему пока приходилось лишь защищаться...

Нсхарра, видимо, уловила его мысли. На ее нежных щеках проступил румянец, но глаза сердито блеснули.

— Тебя здесь будут судить, а не меня, чужеземец! И не смотри на меня как на преступницу. Да, мы всегда нападали первыми — но лишь потому, что это лучший способ защиты.

Открылась дверь, и в галерею вошел высокий, немного грузный старик в просторном черном одеянии, напоминающем греческую тунику. Его длинные волосы отливали сединой, лицо было изборождено морщинами, на лбу виднелся глубокий шрам. Несмотря на солидный возраст и полноту, он поражал царственной осанкой.

Хранитель — а это, несомненно, был он — пристально взглянул на Нельсона пронзительными глазами, в которых не было ни тени тепла, но вопрос задал Нсхарре и Тарку.

— Чужеземец уже пришел в себя? Это хорошо. Вожди кланов хотят увидеть его.

Старик уселся в массивное кресло рядом с дочерью и вновь вперил в пленника ледяной взгляд, не суливший ничего хорошего. Через минуту в галерею, мягко ступая, вошел тигр. За ним, цокая копытами, проследовал черный

конь. На спине его сидел, сложив крылья, большой орел. Куорр разлегся на полу рядом с Крином, скаля ужасные белые клыки. Его желтые глаза светились злобой. Хатха встал чуть поодаль, фыркая и искоса поглядывая на пленника влажными глазами — в них Нельсон ничего не смог прочесть. Ей перелетел на спинку кресла Нсхарры и стал равнодушно чистить перышки изогнутым клювом.

Первым заговорил Тарк. Поднявшись на лапы, он повернулся к вождям Братства:

«Перед тем, как мы начнем суд, вспомните, братья, что этот человек — наш последний шанс спасти Барина!»

Крин мрачно взглянул на волка.

— Благодарю, Тарк. В тебе говорит истинная любовь к моим детям. Но мы не должны забывать, что чужеземцы пришли на нашу землю с оружием, сея смерть на каждом шагу. Они опасны и еще далеко не побеждены.

Хатха ударил копытом:

«Этот человек должен умереть! Он добровольно вызвался помочь Шену Кару сокрушить Братство. За металл, из которого сделаны короны, он и его друзья хотели сделать нас всех рабами — такими же, как наши бедные братья во внешнем мире».

Тигр Куорр поддержал вождя Скакунов:

«Кровь наших погибших братьев взывает к мести! Тот, кто готов убивать ради вещей, пусть и ценных, не должен жить на земле».

Нсхарра вскочила с кресла, пылая гневом:

— Да, этот человек грешен, но только в своем невежестве! Он пришел в Л'лан с оружием в руках, ничего не зная о Братстве и о нашей жизни. Как можно судить человека по законам, о которых он никогда не слышал? Кроме того, разве не мы первыми пытались убить его, когда Нельсон был еще там, во внешнем мире?

Настала очередь Ей. Большой орел долго молчал, наклонив в задумчивости голову, а затем вонзил свой острый взгляд в пленника.

«Нсхарра говорит правду. Этот человек убивал, но он не знал, что совершает преступление. Мы всех хотим мерить обычаями и законами Л'лана, но внешний мир куда больше нашей долины. Мы, орлы, знаем, как много людей живет там, за горами — не считать же их всех преступниками только потому, что они живут иначе?»

Нельсон был поражен. Менее всего он ожидал, что на его защиту встанет птица, наиболее далекое от него существо Братства.

«Ты не ослеп, брат мой, хвастающийся острым зрением? — раздраженно воскликнул тигр. — Разве не видишь, как опасен этот человек? Он пришел к нам в город не с миром, а чтобы захватить в плен Хранителя и Нсхарру. О какой же пощаде может идти речь?»

Тарк обеспокоенно взглянул на могучего собрата.

«Все верно, Куорр, но нельзя забывать — чужеземца можно обменять на Барина. Что толку в его смерти? Разве зла на земле станет меньше? Но если он умрет, то умрет и сын Крина, мы должны помнить об этом».

Настала тишина. Все теперь смотрели на глубоко задумавшегося Хранителя. Мнения членов Совета разделились — было ясно, что его слово будет решающим.

— Каждый из мудрых членов Совета по-своему прав, — наконец заговорил старик, и Нельсон похолодел — он понял, что надежды на спасение нет. — Но есть третий путь. Мы используем чужеземца для обмена на Барина и в то же время сурово накажем его. То, что с ним произойдет, заставит одуматься его друзей. — Хранитель взглянул на взволнованную Нсхарру и чуть улыбнулся. — Ты говоришь, дочка, что этот человек ничего не знает о Братстве и о нашей жизни? Скоро он узнает все.

Нельсон ничего не понял, но его поразил ужас, мелькнувший в глазах девушки.

— Нет, отец, только не это! Он не заслуживает ТАКОЙ участи!

«Хранитель прав! — обнажив клыки в довольной усмешке, прорычал Куорр. — У нас есть древний способ наказания преступников. Я бы предложил подобрать какое-нибудь ничтожное существо, скажем, зайца и...»

— Тарк, мне нужен доброволец из вашего клана, — не обращая внимания на тигра, сказал Крин.

«С этим не будет проблем, Крин, — немедленно отозвался волк. — Любой член Клыкастого клана будет рад послужить Братству!»

Тарк выбежал из зала, за ним неспешно последовал Крин. Нсхарра неподвижно сидела в кресле, с ее побледневшего лица не сходило выражение страха.

— Что они сделают со мной? — спросил Нельсон.

— Это... это древнее наказание, о котором в Л'лане ходят легенды, — тихо сказала Нсхарра. — Давным-давно один из прежних Хранителей принес из пещеры Создателя странный механизм. Он сумел прочитать надписи, сделанные на одной из стенок, и научился им пользоваться. С тех пор механизм применяли очень редко — для наказания тех, кто совершал серьезные проступки против Братства.

— Но что это? — встревоженно спросил Нельсон. — Прибор для пыток?

— Нет, не для пыток... Смерть тебе тоже не грозит, Эрик Нельсон. Тебе будет хуже, много хуже...

Нсхарра осеклась и замолчала. В зал вошел Крин, за ним двое воинов с сосредоточенными лицами везли на тележке странный предмет — узкий металлический ящик высотой в рост человека с гладкими серыми стенками. Он чем-то напоминал приборную стойку, но на нем не было видно ни контрольных ламп, ни пульта управления — только два рычага на передней стенке да два длинных шарнира по бокам. На их концах размещались кварцевые диски трехфутового диаметра.

Нсхарра с мольбой обратилась к Крину:

— Отец, чужеземец даже не знает, что ему предстоит пережить! Он может сойти с ума, поняв, что вы с ним сделали...

Хранитель равнодушно пожал плечами.

— Он хотел выкрасть нас с тобой, дочка, и передать в руки клана Людей. Разве его заботила участь, которая ожидала бы нас? Почему же я должен быть к нему снисходительнее?

Нельсон опустил голову — слова Хранителя были справедливы. Конечно, Шен Кар не был убийцей, но Ник Слоан и Ван Восс... Эти двое не остановились бы ни перед чем, чтобы разузнать секрет пещеры Создателя.

Тем временем в зал вошел Тарк в сопровождении молодого волка, поджарого и мускулистого. Блестящими, полными любопытства глазами он глядел на Хранителя и вождей кланов, но, заметив серый механизм, тут же опустил голову. Похоже, ему, как и Нельсону, стало не по себе.

«Это Аша, — сказал Тарк. — Он первым откликнулся на мою просьбу».

Крин внимательно посмотрел на молодого волка.

«Ты знаешь, что тебе предстоит пережить, Аша?»

«Знаю! Если это нужно Братству, то нужно и мне».

«Тогда встань рядом с креслом чужеземца».

Аша остановился там, где указал Хранитель. Волк взглянул на пленника — и Нельсона потрясла светящаяся в глазах зверя ненависть.

По команде Крина воины поместили таинственную установку между Нельсоном и Ашей. Хранитель направил кварцевые диски на их головы.

— О, Создатель, клянусь, что использую данную тобой силу для блага Братства! — нараспев произнес он.

На этом ритуальная часть закончилась. Крин положил руки на рычаги и слегка повернул их. Из кварцевых дисков брызнул белый свет. Нельсон невольно зажмурился и с ужасом почувствовал, будто его мозг раздирает на части

неведомая сила. Ему показалось, что душа покинула тело и понеслась куда-то в пустоту...

Глава 10 ПРЕВРАЩЕНИЕ

Нельсон камнем падал в бездонную пропасть. Казалось, будто он уже умер — как же иначе душа могла покинуть тело? Нельсон еще долго летел в полной темноте, прежде чем достиг дна. Затем настала абсолютная тишина...

Прошло немало времени — если по ту сторону жизни есть время — и впереди забрезжил слабый свет. Чуть позже тонкой паутиной над Нельсоном повис отдаленный шум. Он снова почувствовал, что у него есть легкие.

Он хрипло задышал. Это могло означать, что смерть еще не наступила. Нельсон лежал на дне пропасти, ожидая, когда вновь обретет свое тело и сможет видеть. Вскоре он с изумлением понял, что способен ориентироваться в этом мире, даже не видя его!

На Нельсона обрушилась волна самых разнообразных ощущений. Он услышал дыхание нескольких существ — от тяжелого и рокочущего до ритмичного и очень быстрого. Не успев осознать, что даже по этим прежде едва слышимым звукам можно опознать то или иное живое существо, он вдруг содрогнулся от волны дошедших до него запахов. Большая часть Нельсону была незнакома, тем не менее он мог с легкостью определить: вот этот густой дух (он даже видел его цвет — темный, с коричневыми полосами) принадлежал Хатхе. Запах Тарка был иным — едким и малиновым. И еще были два более сложных букета, с многоцветной палитрой — в них безошибочно угадывались Крин и Нсхарра.

Содрогнувшись, Нельсон решительно открыл глаза и увидел мир, которого прежде не знал. Черно-белый, с множеством оттенков серого цвета. Предметы, которые он видел, были ему знакомы, хотя он прежде не наблюдал их в таком ракурсе. Поле зрения было низким и непривычно

широким, лишенным перспективы. Многоцветная галерея виделась теперь как серый плоский рисунок.

Различал он и вождей Братства. И вдруг... увидел самого себя! Он, Эрик Нельсон, сидел, закрыв глаза, в нескольких футах от него в кресле, опутанный коконом тонкого троса. Казалось, он спал... Он?!

Нельсон крикнул от ужаса — но услышал лишь чей-то сдавленный вой, полный тоски. Вой волка!

Внезапно в голову пришла успокаивающая догадка — все невероятные видения вызваны сильнодействующим наркотиком. Ну конечно, Крин хочет выпытать у него сведения о планах Шена Кара! Но Хранитель ничего не узнает — он, Нельсон, не скажет Совету ни единого слова. Только нужно побыстрее вернуться в собственное тело, и тогда...

Нельсон напряг волю и попытался представить, как он летит к самому себе, входит в собственный мозг и... Но неожиданно почувствовал, что идет... идет на четырех ногах! Ритмичная игра тренированных мышц, мягкое, бесшумное касание пола... Такой легкой и гибкой походки у него раньше не было. У него?!

Он случайно взглянул на стеклянную стену и увидел в ней членов Совета, внимательно наблюдавших за молодым волком, идущим к спящему человеку. Нельсон остановился — и отражение Аши также замерло на месте. Он увидел волчью морду, пристально глядящую в зеркальную стену, и холодный страх начал закрадываться в его сердце.

Нельсон задрожал и увидел, как губы волка приподнялись, обнажая белые клыки. Уже не пытаясь сдерживаться, он вновь закричал — раздался тоскливый, протяжный волчий вой. Аша, приподняв голову, завыл, вторя ему.

Тогда Нельсон двумя прыжками достиг спящего тела и коснулся носом его безжизненной руки. Волк Аша повторил его действия и с испугом отшатнулся.

Куорр расхохотался. Его рычание прокатилось под сводами галереи. Нсхарра вздрогнула.

— Отец, поговори с ним! Объясни ему, что произошло, прежде чем его сердце вырвется из груди!

— Что ж, дочка, теперь обо всем можно рассказать. Чужеземец, твое сознание обитает теперь в теле волка Аши. Таково наказание тем, кто осмеливается нарушить законы Братства!

Куорр вновь засмеялся, приоткрыв страшную пасть.

«Тебе повезло, Эрик Нельсон! Для тебя Хранитель сделал исключение, дав тело одного из членов клана Тарка. Если бы один из нас совершил подобный грех, наши души переселили бы в тела ничтожных тварей, сотворенных Создателем только для того, чтобы ими питались мы, высшие существа».

Ей укоризненно взглянул на тигра, а затем обратился к Нельсону:

«Будь мужественным, чужеземец! Не все еще потеряно».

Постепенно страх уходил, уступив место волнам бешеного гнева. Нельсон повернулся к Крину и закричал:

«Но это невозможно! Признайтесь, вы дали мне какой-то наркотик, дабы поиздеваться надо мной! Как вы могли перенести мой мозг в тело животного?»

«Не мозг — а разум, сознание и память, — жестко ответил Хранитель. — Это — не материальные субстанции, а сложнейшие по структуре биополя. Так говорили древние, хотя, признаюсь, я не вполне понимаю смысл этих слов. Они построили инструмент, позволяющий телепортировать разум в другое тело. Я и мои предшественники—Хранители всего лишь пользуемся этим аппаратом, но делаем это редко и только для блага Братства. То, что было нематериальной частью Эрика Нельсона, теперь переместилось в мозг волка. Там же остались часть памяти Аши, его инстинкты и знания. Можешь использовать их в своей новой жизни. Так что отныне ты — Аша с сознанием Эрика Нельсона. Сознание же самого молодого волка усыплено...»

«Но почему вы попросту не убили меня?» — с яростью воскликнул Нельсон, дрожа всем телом. Из его рта — нет, пасти — снова вырвался сдавленный, тоскливый вой.

«Ты станешь заложником Братства. Когда Барин вернется к нам, получишь обратно собственное тело».

Страх, растущий в душе Нельсона, внезапно расцвел вспышкой дикого гнева, которого он никогда ранее не знал — гнева волка. Как посмели эти дикари так поступить с ним!

Он внезапно стал ощущать странную связь своего мозга с чем-то темным, первобытным и чужим. Его ярость словно открыла дверцу между двумя разумами — его и волка, и из полускрытого подсознания зверя хлынули дикие инстинкты. Он обнажил клыки и угрожающе зарычал. Его новое тело напряглось. Это состояние показалось знакомым — впрочем, давно ли сам человек был полудиким охотником?

Не медля, Нельсон-волк прыгнул, целясь в горло усмехающегося Хранителя.

Он услышал предостерегающий вскрик Нсхарры и тут же, взмыв в воздух в начале смертоносной дуги, почувствовал сильный удар сбоку. Это Тарк врезался в его плечо широкой грудью и сбил на пол. Нельсон успел повернуть голову и рвануть Тарка клыками. Катясь по стеклянному полу, он ощутил в пасти клок шерсти и лоскут кровянистой кожи, вырванной у противника.

Нельсон не успел вскочить, а матерый волк уже подмял его своей массивной тушей. Клыки Тарка сомкнулись на его шее. Вождь клана встряхнул его в воздухе словно котенка и, швырнув на пол, встал над Нельсоном, победно высунув красный язык.

«Вот что, щенок, — сказал он. — Ты должен раз и навсегда понять, что я — Тарк, вождь Клыкастых. Ты обязан беспрекословно подчиняться мне!»

«Но я не из твоего клана!» — придя в себя, ответил в бешенстве Нельсон и вновь прыгнул на Тарка.

Оказалось, он прекрасно владел звериными методами борьбы. Мощным броском с вытянутыми передними

лапами, использованием груди как тарана. Нельсон-волк знал, как надо увертываться от врага, вращаясь и пританцовывая; наносить молниеносные удары, вырывая клочья шерсти из боков противника и подбираясь к венам, а еще лучше — к горлу!

Теперь Нельсон стал Ашей — молодым, полным сил волком, уже познавшим вкус победы. Но ему противостоял сам Тарк. Опытный боец летал, словно серый призрак, и клыки Аши хватали лишь воздух. Тарк, пользуясь преимуществом в весе, мог в любой момент сбить его с ног и вцепиться в горло. Но вместо этого он лишь с легкостью уходил от яростных наскоков, откровенно издеваясь над противником.

Нельсон-волк не прекращал атак, и вскоре его тело покрыли кровоточащие раны — впрочем, неопасные. В воздухе запахло свежей кровью. Конь заржал, вскинув голову, и ударил копытами. Куорр тихо рычал, оскалив пасть и поигрывая когтями — то выпуская их, то вновь пряча в мягких подушечках лап. Только Ей сидел неподвижно на спинке кресла и укоризненно смотрел на неравную схватку.

Нсхарра тоже следила за боем, с каждой минутой все больше и больше бледнея. Глаза ее были полны жалости. Время от времени Нсхарра умоляюще смотрела на отца, который мрачно наблюдал за поединком.

— Тарк, не причини ему вреда больше, чем необходимо, — предупредил Хранитель.

«Щенок должен научиться повиноваться!» — ответил волк, тяжело дыша.

Он сделал выпад и полоснул бок Аши клыками, бросив его наземь. Рыча и содрогаясь всем телом, молодой волк с трудом поднялся и вновь бросился в атаку...

Наконец настал момент, когда Нельсон-волк попробовал прыгнуть в очередной раз — и не смог. Дрожа, он стоял на подгибающихся лапах. Его бока вздымались, голова поднималась с трудом, кровь пропитала всю шкуру.

Тарк спросил:

«Теперь ты понял, Аша, кто я и кто ты?»

«Да, понял», — бессильная ярость переполняла Нельсона.

«Смотри, не забудь!» — с угрозой произнес Тарк.

Он сел у ног Нсхарры и стал зализывать раны. Крин слегка наклонился вперед, вперив в Нельсона тяжелый взгляд.

— Слушай, Эрик Нельсон, что от тебя требуется. Ты вновь станешь самим собой, если вернешься в клан Людей и приведешь моего сына живым и невредимым.

Нельсон горько усмехнулся.

«Вы думаете, Хранитель, что Шен Кар и его люди согласятся на такую просьбу? Да они со мной и разговаривать не станут!»

— Постарайся заставить их выслушать. Как — это уже твое дело.

«Да они же застрелят меня, как только увидят!»

— Это твои товарищи, Нельсон. Тарк, отпусти волка Ашу на волю.

Вождь Клыкастых поднялся и решительно шагнул к молодому волку.

«Иди», — приказал он.

Нельсон угрюмо взглянул на него и не двинулся с места.

Куорр прорычал:

«Щенок-то оказался забывчивым. Тарк, преподай ему еще один урок».

Хатха мотнул головой, не отводя от Нельсона глаз, налитых кровью.

«Проучи его, Тарк!» — потребовал конь.

Ей шумно взмахнул крыльями:

«Помни, чужеземец, мужество хорошо, когда оно помогает выжить».

— Оставьте его в покое! — гневно сказала Нсхарра. Она вскочила с кресла и с мольбой обратилась к Нельсону: — Пожалуйста, иди, чужеземец! Спасение — в твоих руках.

Нельсон с удивлением заметил слезы на ее щеках. Вся его горделивая натура жаждала снова вступить в бой с

Тарком, но девушка так ласково смотрела на него, что он повернулся и не спеша пошел к выходу из галереи. Вслед донеслись презрительный смех Хатхи и Куорра и слова Тарка:

«Кланы Братства! Знайте, что волк Аша с сегодняшнего дня объявляется вне закона!»

Нельсон—волк бежал по пыльным коридорам, по огромным пустым залам с мерцающими стенами, по улицам города, заросшим вековыми деревьями. И везде его преследовали звери Братства, клыками, когтями, копытами и клювами заставляя следовать в Аншан.

«Волк Аша — вне закона! Вне закона!»

С клекотом кружили орлы, метались волки, били копытами лошади... Тигры провожали его, угрожающе рыча и оскаливая клыкастые пасти.

Другого пути, как оставить город и направиться на юг, в сторону Аншана, не было. Вскоре начался лес, и бежать стало легче. Влажная от росы земля мягко пружинила, мелькали темные громады деревьев. Нельсон начал успокаиваться, но чуткие уши уловили позади легкий топот — по его следам мчалась волчья стая.

Нельсон перешел на шаг. Дышать было до боли тяжело, из ран сочилась кровь. С каждой каплей силы уходили.

Спустившись в узкую ложбину, Нельсон пересек ручей и остановился напиться. Прохладная вода освежила, и неожиданно для себя он лег прямо в бегущий поток. Огонь в ранах остыл, одеревеневшие мышцы расслабились. Немного придя в себя, Нельсон двинулся дальше. Шум погони затих — видимо, его решили оставить в покое.

Природный инстинкт — не его, а Аши — подсказал Нельсону, где можно отлежаться. Покружив между поваленными стволами, он нашел среди переплетения вывороченных из земли корней просторную нору и, немедля, нырнул в нее. Лежа на сухом песке, он облизывал свои раны.

Ночь спускалась над долиной Л’лан.

Глава 11 ДОРОГА В ЛЕСУ

Некоторое время Нельсон провел в тяжелом полузабытьи. Сны были один ужаснее другого. Очнулся он внезапно, как обычно просыпаются после кошмаров — с воплем, прозвучавшим... волчьим воем! Нельсон еще раз убедился: жуткие видения не сон, а реальность.

Забившись в глубину норы, он тихо заскулил, постепенно приходя к мысли, что должен либо умереть, либо сойти с ума. Как ни странно, это вернуло некоторое спокойствие. Нельсон подолгу бывал в самых диких районах Земли, то и дело встречаясь со смертью — это выковало цепкость и стойкость духа. Когда первая, черная волна ужаса прошла, в человеке—волке внезапно взыграло чувство собственного достоинства. Нет, он не сдастся на милость победителей, не позволит Крину издеваться над собой, а этому оборотню Тарку — таскать его за холку словно щенка!

Нельсон опять ощутил связь своего мозга с дремлющим волчьим разумом. Ночной лес показался знакомым, почти родным, живущим своей сложной, однако понятной ему, Нельсону—Аше, жизнью. Чуткие волчьи уши слышали, как растет трава, шепчутся кроны деревьев, шуршит о гальку вода в далеком ручье. Где-то в зарослях пробежал крот, в вышине с писком пролетели летучие мыши, на лесную поляну осторожно вышел благородный олень.

Волк приподнял голову и втянул воздух широко раскрытыми ноздрями. Он почувствовал букет из сотен острых запахов. Дыхание леса было насыщено густыми и трепетными ароматами, которые возбудили его. Он понял, что голоден.

Выбравшись из норы и потянувшись, Нельсон ощутил острую боль от ран. Превозмогая себя, он шагнул на дорожку лунного света и постоял некоторое время, принюхиваясь. Вскоре он услышал запахи стаи волков, гнавшей оленя.

До спазма в желудке захотелось свежей оленятины, но тогда весь лес узнает о его охоте. Придется

довольствоваться кроликом. Кроликом? Воспоминание о заседании Совета кланов вернуло Нельсона к суровой действительности. Он должен спешить в Аншан и попытаться вызволить Барина из плена! Ведь именно для этого его сделали волком. Хорошо, он будет зверем.

Далекий охотничий призыв стаи волков прокатился по долине. Нельсон инстинктивно поднял голову, намереваясь ответить — но вовремя сдержался. Подобно серому призраку, он бесшумно двинулся на юг, к Аншану.

Бег рысцой давался трудно. Но вскоре движения стали размеренными, мускулы разогрелись, и Нельсон даже забыл о голоде. Его прошлое, человеческое, тело было худощавым, выносливым, гибким. Но сейчас оно казалось неуклюжим и тяжеловесным по сравнению с волчьим, поразительно пластичным — от мягких подушечек лап до кончиков ушей. Каждый мускул, каждый нерв срабатывали будто спусковой крючок. Нельсон-волк мог словно змея проскользнуть сквозь густые заросли кустарника, камнем замереть на месте, мчаться к цели смертоносной стрелой. Боги леса, как он теперь умел бегать!

Ветер, устойчиво дувший с юга, внезапно стих. Нельсон сразу же почувствовал странное притупление своих чувств. Он словно бы отчасти ослеп и оглох — и все потому, что ветер перестал доносить запахи. Пришлось идти с большой осторожностью, и тогда Нельсон вновь почувствовал голод.

Он спустился на берег широкой протоки и услышал цокот копыт о гальку. Навстречу по пологому берегу шла кобыла с жеребенком.

«Приветствую тебя, клыкастый брат!» — услышал Нельсон ее мысль. Кобыла остановилась и, зайдя в воду по колени, стала пить, искоса поглядывая на волка. Чутье подсказало: лошадь боится его — так же, как и маленький черный жеребенок, прятавшийся за материнским боком. Нельсон заметил, как дрожат тонкие, неуклюже расставленные ноги.

«Далеко ли вы направляетесь, сестра?» — спросил Нельсон.

«Мы спустились с северных склонов гор и идем во Вроон. — Кобыла нежно ткнулась влажным носом в спину жеребенка. — Я не могла прийти раньше, и все из-за малыша. Он еще не научился бегать как следует».

«Вроон? — переспросил Нельсон. — Я только что оттуда».

«Знаю, кланы собираются начать войну. Смерть пришла в лес, клыкастый брат!»

Жеребенок высунул голову из-за крупа матери и, тараща блестящие глаза, испуганно повторил: «Смерть, смерть!»

«Молчи, глупышка, — прошептала кобыла. — Что ты можешь знать о смерти?»

«Я знаю ее запах, — ответил жеребенок. — Красный и соленый. Я уже не раз чувствовал, как ветер приносит его со стороны Аншана...» Его дыхание стало прерывистым от испуга.

«Я паслась на склонах гор недалеко от Аншана, потому что мой супруг был захвачен в плен кланом Людей, — доверчиво сообщила кобыла. — Я хотела быть поближе к нему... Жеребенок родился там же, на пастбище. Недавно я видела внизу, в долине, страшный бой. Из-за гор пришли чужеземцы, и их огненное оружие убило многих из Братства».

Нельсон успокоил их:

«Теперь вы в безопасности. Братство защитит вас».

«Защитит ли?» — подумал он одновременно не без тоски. Рано или поздно огнестрельное оружие принесет смерть к воротам Вроона. Кто знает, быть может, и этот жеребенок однажды почувствует узду на шее?

Нельсон повернулся и пошел вброд через неглубокую протоку. Бессознательно он выбрал самое мелкое место — Аше не раз приходилось следовать этим путем. Вспомнились слова Крина: ему, Нельсону, достанутся в наследство память волка, инстинкты, жизненный опыт...

Память?!

Из глубин подсознания хлынул бурный поток воспоминаний Аши. Во многом они были похожи на его, Нельсона, ощущения, связанные с далеким детством...

Вот он щенком вместе с братьями барахтается в росистой траве, щурясь от солнца. Вот получает первые уроки у родителей — учится бесшумно красться среди кустарника, застывать на месте, выслеживая жертву. Первая охота, первый взгляд на мерцающие башни Вроона, обряд принятия молодого волка в стаю... Сотни и тысячи мелких деталей, запахов, мыслей, снов! Так же, как Аша, Нельсон любил нежиться летним днем в тени деревьев, мечтая о будущем, полном славных подвигов. Только было это не в долине Л'лан, а на отцовской ферме в Огайо...

Но детские воспоминания Аши были лишь легкой рябью на широкой реке, в глубине которой царствовало мощное течение, связывающее волка с его кланом, а клан Клыкастых — с Братством. Нельсон погрузился в этот поток и внезапно осознал, что Братство было не просто сообществом разумных животных. В долине Л'лан равенство было куда ощутимее, чем среди людей. Законы Братства запрещали убийство и кражу, регулировали охоту, четко устанавливали права и обязанности всех членов кланов.

Нет, они не были идеальными, эти разумные звери. Нельсон узнал о случаях трусости, предательства, воровства. И тем не менее Нельсон осознал: члены Братства были зверьми не более, чем он сам! Мало того — Нельсон часто поступал гораздо хуже: ведь ему не раз приходилось убивать за деньги, тогда как разумные обитатели Л'лана убивали, как правило, лишь для пропитания, да и то не высших существ, а несчастных кроликов. И уже не казалось странным, что приходится бежать на четырех лапах. Интимный контакт с памятью Аши разрушил барьер между двумя разумами и сблизил, насколько это возможно, два образа жизни — человеческий и волчий. Нельсон вновь ощутил себя самим собой.

Тропу внезапно пересек перепуганный кролик. Нельсон с легкостью настиг его и, разорвав на части, принялся пожирать еще теплое мясо. Трапезу прервало появление волчьей стаи. Оторвавшись от еды, Нельсон бросился было в

сторону, надеясь избежать нежелательной встречи, но выросший из-за деревьев матерый вожак преградил путь.

«Закончи еду, молодой брат, не спеши. — Вожак улегся на траву, тяжело дыша. — Мы бежим издалека, с холмов над Мреелой. Нам надо отдохнуть».

Из чащи один за другим появились худые, потрепанные волки. Это были члены отдаленных племен, живущих в отрогах гор. По призыву Хранителя они спешили во Вроон, но, конечно же, еще не знали, что волк Аша объявлен Братством вне закона.

Искоса поглядывая на стаю, Нельсон торопливо перемалывал крепкими зубами нежные кроличьи косточки. Облизнувшись, он уселся и стал ждать. «Хай-о-о-о!» — раздался далекий призыв, и вскоре со стороны реки послышался ответ: «Хай-о-о-о!»

Старый волк сказал, внимательно глядя на Нельсона:

«Мы идем к Аншану, чтобы войти в состав разведчиков».

«Я тоже», — после секундного замешательства ответил Нельсон.

«Тогда пойдем с нами», — предложил вожак. Его зеленые глаза, казалось, пронизывали Нельсона насквозь. Опытный волк чувствовал неладное и не хотел отпускать незнакомца.

Нельсону не оставалось ничего иного, как последовать за стаей, дабы не вызвать еще больших подозрений. По беззвучной команде вожака все побежали к опушке леса.

К рассвету волки продвинулись далеко на юг. Нельсон выжидал момент, чтобы незаметно скрыться. Одному ему было бы сейчас безопаснее — найти бы только подходящее убежище, отлежаться до темноты, а уж ночью пытаться пробраться в Аншан. Даже в темноте было не более одного шанса из ста на успех, днем же его ждала верная гибель.

Нельсон стал постепенно отставать от стаи, делая вид, что устал, и выбирая подходящие для бегства заросли. Именно в этот момент до волков донеслось переданное кем-

то суровое предупреждение: «Братья! С вами — чужак. Хранитель объявил его вне закона».

Горные волки замерли как вкопанные и, словно по команде, повернулись к Нельсону. Вокруг него образовалось живое кольцо.

Положение стало угрожающим. Немедля, Нельсон в один прыжок перемахнул через вожака и скрылся в густом кустарнике.

«Аша вне закона! Гоните его из леса, братья, пускай идет в Аншан!»

Нельсон несся сквозь заросли, избегая открытых мест. Вскоре он выбежал на волнистую равнину, за которой лежал город клана Людей. Несколько стай волков—разведчиков все же настигли его и погнали вперед, не давая ни на шаг отклоняться в сторону. Вскоре показалась голубая лента реки, а за ней, среди деревьев—гигантов, сверкающие купола Аншана.

Преследователи понемногу отстали, словно растворившись среди холмов, но Нельсон знал, что они рядом и внимательно наблюдают. Он тихо завыл, почувствовав себя совершенно беззащитным и беспомощным. Надежды проникнуть при свете дня в хорошо охраняемый город не было. Но и оставаться на открытом месте было нельзя. Рано или поздно его обнаружат и убьют. Если же попытаться повернуть назад, его встретят острые клыки собратьев...

Внезапно Нельсон услышал над головой шум крыльев. Подняв голову, он узнал Ей, делавшего над ним стремительные круги.

«В путь, чужеземец! — послышалось мысленное послание орла. — Я помогу тебе скрыться от разведчиков. Беги за мной!»

Ей набрал высоту, чтобы видеть стаи волков, и полетел на запад. Нельсон последовал за ним. Ему пришлось изрядно попетлять среди холмов, прежде чем он очутился на берегу небольшого озерца, заросшего жухлой осокой.

«Переплыви озеро и спрячься под крутым берегом. Не издавай ни звука — слышишь, ни единого звука!»

Вскоре Нельсон стоял по грудь в воде под обрывистым берегом, укрытый тенью осоки. Через минуту он услышал, как поверху пробежала стая разведчиков. Ветер благоприятствовал — волки не учуяли беглеца. Ей спланировал вниз и уселся на валуне, полупогруженном в воду. Нельсон выбрался на мелководье и, отряхнувшись, улегся на узкой полоске песка.

«Теперь будем жить», — сказал орел.

Нельсон озадаченно взглянул на него:

«Не понимаю, почему ты помогаешь мне?»

«Меня послала Нсхарра», — объяснил Ей.

Глава 12 СМЕРТЬ В АНШАНЕ

Весь долгий душный день они провели вместе, ожидая прихода темноты. Нельсон следил, как ручей, вытекавший из озера, исчезал в каменистом русле, уходя в недра земли. В горячем воздухе плавал терпкий запах хвои.

Они лишь изредка обменивались мыслями.

«Ты, кажется, дружески расположен ко мне, Ей, и даже помогал на заседании Совета. Почему?»

«Ты заступился за одного из моих братьев, когда его пытал Шен Кар. Орел—разведчик рассказал мне, как ты проявил милосердие, прервав его мучения».

«Да, помню... Ей, у меня просьба. Я многое узнал о Братстве, когда очутился в обличье Аши. Но мне хотелось бы узнать больше, много больше!»

Орел пристально взглянул золотистыми глазами, в которых светились мудрость и понимание.

«Это возможно, — ответил он. — Расслабься — я вступлю с тобой в прямой контакт».

Нельсон—волк положил голову на лапы и закрыл глаза. Жара так разморила его, что расслабиться было нетрудно.

Вскоре он погрузился в полудрему. И тогда между его сознанием и мозгом Ей установилась невидимая прочная связь. Ей знал о жизни Братства куда больше, чем молодой волк Аша, был старше и мудрее. Мысли птицы были остры, как кончик изогнутого клюва, взгляд на мир шире — ведь Ей долгие годы наблюдал за жизнью обитателей долины Л'лан с высоты своего полета. Теперь Нельсон на время обрел способность видеть мир его глазами.

Он увидел долину, лежащую в окружении цепи гор. Отсюда, с огромной высоты, лесные массивы казались зеленым мхом, набегающим на предгорья. В лицо бил холодный ветер с заснеженных вершин. Воздух был разреженным и пьянящим, словно вино. Нельсон почувствовал волнующую силу могучих крыльев и неведомую прежде свободу движения. Он парил на восходящих потоках, как на теплой подушке, бросался навстречу вихрям, несся среди зазубренных скалистых пиков, словно опытный пловец в бушующем прибое. Он познал наслаждение от точных движений своего тела, вкусил восторг охоты, стремительного броска с высоты и мгновенного смертоносного удара...

Память Ей раскрыла Нельсону-волку множество тайн Крылатого клана. Он пережил страх и восторг первого полета, когда неокрепшие крылья беспорядочно били о голубую твердь неба, подымая к сияющим высотам; узнал о брачных играх, радостях отцовства, медленно приходящей зрелости, когда каждый орел начинает предпочитать шумным сборищам одиночество. Мысли орла поразили его тем, что они были лишены корысти и низких, суетных помыслов, столь присущих людям.

Нельсон узнал о законах Братства, где в отличие от внешнего мира царило подлинное равенство между людьми и животными.

Внезапно он почувствовал острую неприязнь к Шену Кару, к бывшим друзьям — но особенно к самому себе. Он окинул мысленным взглядом прожитые годы — и почувствовал раскаяние.

Ей, словно прочитав тайные мысли, тихо сказал:

«Все мы не без греха, Эрик Нельсон. Жизнь еще не кончена, многое можно исправить».

«Почему Нсхарра послала тебя?» — после долгой паузы спросил Нельсон.

«Она расскажет сама. Жди».

День тянулся невыносимо долго. К вечеру Ей улетел и вернулся лишь в сумерках, но не один, а с Нсхаррой! Девушка приехала на черном скакуне, в котором Нельсон узнал Хатху. Рядом бежал Тарк, высунув от жары язык.

При виде вождя Клыкастых молодой волк вскочил, ощетинившись и оскалив пасть. Но Тарк не обратил на это внимания. Прыгнув в воду, он стал с наслаждением плескаться.

«Как же трудна дорога из Вроона до этих мест, особенно в сухой сезон!» — услышал Нельсон мысль Тарка.

Тем временем Нсхарра соскочила на землю. Даже теперь, когда Нельсон, как всякий волк, видел все в серо-белых тонах, девушка казалась ему прекрасной. Он больше не испытывал к ней неприязни, злость его прошла. Нсхарра вступилась за него, прислала на помощь Ей — разве мало? Он, возможно, не заслужил даже этого.

Нельсону пришла в голову дикая мысль: вдруг Хранитель изменил решение и Нсхарра пришла, чтобы... Но девушка, уловив его настроение, грустно покачала головой.

«Увы, отец настаивает на своем. Ты должен выполнить задание и спасти Барина. Не отчаивайся, я пришла с друзьями, чтобы помочь».

Нельсон опустил голову и внезапно почувствовал, как рука девушки стала ласково гладить его по шерсти.

«Да, мы здесь, но у нас нет мудрости Крина», — проворчал Тарк, давая понять, что явился вопреки своему желанию.

«Молния не сравнится по яркости с гневом Хранителя, когда он узнает обо всем!» — добавил Хатха, ударяя копытом о землю.

Нельсон был растерян.

«Ты не должна была делать этого для меня, Нсхарра», — проговорил он.

«Я ни о чем не жалею, чужеземец, — серьезно ответила девушка. — Если твоя миссия окончится неудачей, мой брат умрет. Отец может пожертвовать Барином, мной, да и собой тоже, если посчитает, что это пойдет на благо кланов. Но я хочу спасти брата и помочь тебе».

«Хорошо, я готов на все», — покорно сказал Нельсон.

Они дожидались наступления темноты. Когда высыпали первые звезды, Тарк поднялся на ноги и, встряхнувшись, сказал:

«Пора идти. Нсхарра должна остаться и ждать здесь».

Девушка начала возражать, но Хатха и Ей поддержали требование вождя Клыкастых. Нсхарра недовольно махнула рукой и уселась на валун.

«Хорошо, идите. Удачи вам!» — сказала она и так взглянула на Нельсона, что у того забилось сердце. Ему показалось, что слова девушки адресованы лишь ему одному.

Нельсон вновь попал на равнину, лежащую перед Аншаном, но теперь он был уже не один. Ей поднялся в воздух и взял командование небольшим отрядом на себя. Вскоре Нельсон понял, что даже с обостренным волчьим чутьем очень трудно пробраться через кордоны. Ник Слоан, знавший толк в военном деле, так расставил часовых, что все пространство вокруг Аншана находилось под наблюдением.

Хатха тревожно заметил:

«Мы должны попасть в город прежде, чем взойдет луна. Я не так мал ростом, чтобы незаметно скользить в траве рядом с клыкастым братом».

Они продолжали путь, обходя кордоны патрулей, следуя указаниям Ей и используя каждую неровность почвы, куст или дерево. Труднее всего было прятаться Хатхе, но в темноте его спасала черная шерсть. К удивлению Нельсона, конь двигался почти столь же бесшумно, как и волки, его поступь была не слышнее шороха опавших сухих листьев.

Все же дважды отряд едва не обнаружили, и пришлось подолгу отлеживаться, плотно прижавшись к земле, прежде чем опасность миновала. Первые серебристые отблески восходящей луны коснулись восточных пиков, когда Нельсон и члены Братства наконец проскользнули под полог высоких деревьев, растущих вдоль реки. Здесь было спокойнее и удалось беспрепятственно добраться до окраин города.

Ночь окутывала спящий Аншан. Улицы под кронами гигантских деревьев были тихи и пустынны. Ветер носил между зданиями сухие листья и пыль. Город казался вымершим, не слышно было даже птиц. Пузырчатые купола и башни блестели под косыми лучами луны, словно черный лед. Темные, без огней, окна угрюмо следили за приближающимся отрядом лазутчиков.

Ступив на улицу, ведущую к дворцу клана Людей, Хатха внезапно остановился и, фыркнув, повел по сторонам раздувшимися ноздрями. Конь почуял запах собратьев, находившихся в плену у людей.

«Тихо! — предупредил его Тарк. — Хочешь поднять на ноги весь город?»

«Это мои братья по клану! — воскликнул Хатха. — Клянусь Создателем, я помогу им!»

Тарк подпрыгнул и щелкнул пастью в дюйме от ноздрей потерявшего выдержку коня.

«Замолчи, иначе все испортишь! — яростно прорычал он. — Главное — освободить Барина, а там видно будет».

«Он прав, Хатха», — согласился с волком Ей.

Конь опустил голову и после некоторого колебания неохотно сказал:

«Хорошо, потерплю еще немного».

«Во дворец клана пойдем мы с чужеземцем, — сказал волк, тревожно оглядывая пустынную улицу, едва освещенную трепетным светом звезд. — Хатха и Ей должны оставаться здесь. Будьте готовы прийти на помощь, если поднимется тревога».

Орел уселся на ветке раскидистой пихты, а конь укрылся между толстыми стволами старых елей. Тарк и Нельсон серыми тенями прокрались к огромному черному куполу с гладкими стенами. Главный вход охраняли четверо стражников с мечами, поэтому волкам пришлось обойти кругом все здание, прежде чем обнаружился узкий проем в основании стены. Проскользнув внутрь, звери остановились, принюхиваясь. После секундного замешательства Тарк свернул налево и повел своего молодого собрата по пыльным, неосвещенным коридорам. Нельсону показалось, что этими путями никто не ходил долгие годы, если не десятилетия — настолько мертвым и затхлым был здесь воздух. После долгих блужданий по лабиринтам они вышли к комнате, где квартировали бывшие товарищи Нельсона.

«Странно, — с волнением подумал он, осторожно подходя к двери, — сейчас я снова войду в эту комнату, но уже на ЧЕТЫРЕХ ногах, волком. И еще не заглядывая внутрь, я знаю, что там один Ли Кин...»

Комнату освещала тусклая масляная лампа. Маленький китаец спал, ничком лежа на койке.

«Подожди, — сказал Нельсон, сочувственно глядя на Ли Кина, — я сам разбужу его».

Тарк отошел в сторону, недовольно морщась — ему не нравился запах чужеземцев. Нельсон подошел к койке и задумался — как разбудить китайца, чтобы тот не закричал от испуга и не поднял паники? С Ли Кином он мог бы поговорить начистоту — но как это сделать?

Внезапно Ли Кин зашевелился и, застонав во сне, перевернулся на спину. Его лицо заметно осунулось, под глазами набрякли мешки — видимо, последние дни дались отряду Ника Слоана нелегко.

Оглядевшись, Нельсон заметил на столике рядом с кроватью обруч из платины. Взяв его зубами, он попытался осторожно положить его на голову Ли Кина. От прикосновения холодного металла китаец вздрогнул и приоткрыл глаза. Корона не была полностью надета, но Нельсон

надеялся, что тем не менее сможет передать в расслабленный сном мозг офицера свои мысли. Он вспомнил, как некогда услышал в Йен Ши телепатический разговор Нсхарры с Тарком вообще без короны.

«Ли Кин, слышишь меня? — мысленно передал он. — Не бойся, это я, Эрик Нельсон».

Не сразу, но Ли Кин проснулся. Зевая, он окончательно открыл глаза и хрипло спросил:

— Кто это?

Увидев волка рядом с кроватью, а чуть поодаль — еще одного зверя, скалившего пасть, Ли Кин вскочил как ужаленный. Не успел он закричать, как Нельсон молниеносным прыжком подмял тщедушное тело. Китаец отчаянно сопротивлялся, но вскоре осознал бессмысленность борьбы. Нельсон подобрал упавшую корону и поднес ее к лицу лежащего на кровати офицера.

Ли Кин дрожащими руками надел обруч на голову.

«Это я, Эрик Нельсон. Слышишь меня?»

«Нельсон? — глаза Ли Кина округлились от ужаса. — Это ночной кошмар, я сплю, сплю...»

Не давая опомниться, Нельсон рассказал китайцу обо всем, что произошло. Ли Кин молчал, сокрушенно качая головой.

«Это колдовство... Сила, которой обладали те, кто жил на Земле до людей! Дьявол привел нас в эту долину, а теперь заставит умереть в страшных мучениях».

«Очень может быть, но я нуждаюсь в помощи. Надо попытаться освободить Барина — иначе я не стану вновь человеком».

«Конечно, я помогу», — кивнул Ли Кин. Некоторое время он нерешительно вертел в руках очки и только затем, вздохнув, поднялся, надел китель и вышел из комнаты. За ним последовали оба волка.

«А где Слоан и остальные?» — спросил Нельсон.

«На заседании Совета. По-моему, они что-то задумали».

«Почему же ты не с ними?»

Ли Кин пожал плечами:

«Я предпочел выспаться. Вы ведь знаете, как много значат мои слова для Слоана».

Они проследовали в тюремную часть здания. Удивительно, но стражи здесь не было.

Ли Кин озадаченно остановился перед распахнутой дверью. На полу валялся запорный брус.

«Ничего не понимаю! Шен Кар держал этого парня под постоянной охраной, опасаясь, как бы тот не сбежал».

Нельсон встрепенулся — он почуял что-то в неподвижном сухом воздухе. Шерсть на спине Тарка вздыбилась, и он тихо зарычал. Оба волка помчались к камере Барина. Они уже догадались, что случилось.

Дверь была распахнута. Юноша лежал на полу. Вокруг витал запах еще свежей крови — и смерти. По вздувшимся рубцам на обнаженной спине было понятно, что Барина пытали. Нельсон втянул воздух и отчетливо уловил запах Ван Восса.

Тарк сел рядом с телом и, закинув голову, тоскливо завыл. Нельсон услышал яростную мысль:

«Отомстить! Мстить, мстить, мстить!!!»

Глава 13 СХВАТКА ВО ДВОРЦЕ

Они еще некоторое время молча простояли над телом погибшего. Было тихо, слышалось лишь сухое потрескивание факела. Отсветы пламени плясали на темных сводах.

Нельсон искренне жалел бедного юношу, но еще больше самого себя. «Все кончено — мне никогда вновь не стать человеком!» — думал он, жалобно подвывая.

— Поверьте, Эрик, я ничего не знал об этом! — печально произнес Ли Кин. — Клянусь!

Тарк резко повернулся к офицеру и напрягся, готовясь к броску. Нельсон едва успел преградить ему дорогу.

«Подожди, Тарк! Ли Кин говорит правду. Он единственный из нас, кто не хотел идти сюда, в долину Л'лан. Барина убили Ван Восс и Слоан».

Тарк дрожал от бешенства и, казалось, не слышал.

«Тарк, не спеши! — настойчиво повторил Нельсон. — Барин был моей единственной надеждой на спасение. Я, как и ты, хочу отомстить убийцам. Но нам необходима помощь Ли Кина. Слышишь меня?»

После долгого молчания Тарк неохотно ответил:

«Хорошо. Пойдем, надо найти остальных».

Он оскалился, и пламя факелов бросило кровавый отсвет на волчьи клыки.

«Нет, только я и Ли Кин, — возразил Нельсон. — А ты жди».

Тарк угрожающе зарычал, но Нельсон оборвал волка:

«Ты уже знаком с их оружием. Прежде, чем успеешь прыгнуть на Ван Восса, Слоан тебя застрелит. Лучше отомстить за Барина, оставшись живым и борясь за Братство».

«И что же ты собираешься сказать этим людям?» — с подозрением спросил вождь Клыкастых.

«Многое... Не тревожься, Тарк, я не смогу предать тебя, даже если очень захочу. Меня ведь сделали заложником собственного тела!»

Тарк кивнул в знак согласия и, как верный пес, улегся возле тела Барина.

— Да они же не люди, Ван Восс и Слоан! Это убийцы — в них нет ничего человеческого! — гневно воскликнул Ли Кин.

Китаец вдруг ощутил безмерную усталость от прожитых лет. Вступив в армию Ю Чи добровольцем, он поначалу действовал искренне — из патриотических побуждений, замешанных на юношеском романтизме. Однако на каждом шагу его преследовали кровь, грязь, слезы, человеческие пороки. Так было и во время бессмысленной «освободительной» войны в Китае, так продолжалось и сейчас — в легендарной долине Л'лан.

«Пойдем, нам нельзя медлить», — нетерпеливо сказал Нельсон.

Своих бывших товарищей они нашли в зале Совета. Здесь царил обычный полумрак. На столе тускло горел светильник, рядом стоял кувшин с вином. Офицеры, чокнувшись глиняными чашками, в очередной раз дружно выпили и возобновили разговор. Глаза собеседников возбужденно блестели, было заметно, что все изрядно пьяны.

Когда Ли Кин вошел в зал, оба офицера даже не повернули в его сторону голов, но, заметив появившегося следом волка, вскочили и выхватили пистолеты.

Китаец шагнул вперед, заслоняя Нельсона от выстрелов, и успокаивающе поднял руку.

— Успокойтесь, друзья, и лучше наденьте свои короны. Вы узнаете кое-что о силе, с которой собрались бороться.

Переглянувшись, офицеры неохотно водрузили обручи на головы, не опуская пистолетов и не сводя настороженных глаз с волка.

Нельсон, внутренне усмехнувшись, мысленно передал им:

«Что это, ребята, вы не узнаете меня? Неужели не хотите поприветствовать своего командира Эрика Нельсона?»

Ван Восс выругался и вновь прицелился.

— Все ясно, — прошипел он, сморщив в ухмылке побагровевшее лицо. — Этот зверюга — шпион из Вроона. Ловко же он придумал — выдавать себя за Нельсона! Ну-ка, Ли, отойди в сторонку...

Слоан положил ему на плечо тяжелую руку.

— Погоди, Пит, здесь что-то не так. Пусть волк говорит...

«Вы не верите мне? Хорошо, тогда слушайте...»

Нельсон напомнил своим приятелям множество деталей их совместной службы в последние годы, о которых могли знать лишь они четверо. Постепенно лица Ван Восса и Слоана вытянулись, в глазах появилось неприкрытое изумление. Датчанин опустился на лавку, растерянно глядя на

молодого волка, Слоан же, по обыкновению выругавшись, хрипло спросил:

— Как они смогли это сделать, Эрик? И зачем?..

— Клянусь Создателем, это наказание Хранителя! — прозвучал голос Шена Кара, только что вошедшего в зал. Вид у него был сонный — похоже, шум за стеной разбудил его, и он пришел узнать, что происходит.

Лицо туземца исказилось — он посмотрел на Нельсона— волка словно на исчадие ада.

— Это Крин сделал такое с тобой?

«Да, это дело рук Хранителя», — передал мысль Нельсон и рассказал вождю клана Людей о происшедшем.

Слоан, выслушав, резко сказал:

— Все это, конечно, очень неприятно, Эрик... Но, выходит, ты собирался вместе с Тарком выкрасть Барина, чтобы обменять его на свое тело?

«Да, и я только что вернулся из камеры бедного юноши. Скажи, Ник, кому сказать спасибо — тебе или Ван Воссу?»

— Ага, ты уже видел? — зло усмехнулся Слоан.

«Видел... Черт бы вас побрал, садистов!»

Шен Кар вопросительно взглянул на Нельсона.

— Что случилось с Барином?

«А ты не знал? Его зверски пытали и замучили до смерти... сегодняшней ночью».

Нельсон в упор глядел на бывших товарищей зелеными волчьими глазами.

Ошеломленный Шен Кар обратился к Слоану:

— Это правда, да? Что ты молчишь?

Слоан угрюмо пожал плечами.

— А что, собственно, произошло? Мы с Питом решили немного поработать с парнем. Он мог рассказать немало интересного... Разве мы виноваты, что сопляк испустил дух, едва мы прикоснулись к нему? Эрик, нечего сверкать глазами! Откуда было знать о твоем превращении в волка? Мы рассуждали так: если Хранителю известен секрет входа в пещеру, то и Барин должен знать его.

«И вы знаете его теперь?»

— Конечно, Эрик! Ты же помнишь, мы с Питом умеем развязывать языки упрямцам.

Шен Кар был вне себя:

— Вы пытали юношу из-за этого проклятого серого металла, верно?

— Пошел к черту! — заорал Слоан, багровея. — Ты сам едва не зарубил парня своим мечом!

— Убить врага в честной схватке — это одно, — недобро сощурившись, сказал Шен Кар. — Но пытать беспомощного пленника, почти ребенка...

— Послушайте вы оба, — хрипло сказал Слоан, набычившись, и выразительно положил руку на кобуру. — Я пришел сюда не для того, чтобы играть в благородных рыцарей, мне нужна платина. И я сделаю все, чтобы добыть ее. А на ваши слезливые вздохи плевать хотел! Я знаю теперь секрет пещеры. Утром мы с Ван Воссом идем во Вроон. Если не пойдете с нами, то плакать не станем. Когда мы уйдем из долины с богатой добычей, Братство возьмется за ваш клан как следует. Держу пари, зверюги мигом перегрызут всем глотки, и правильно сделают. На войне как на войне, черт бы вас побрал всех! — Он зло усмехнулся и добавил: — Подумай хорошенько, Шен Кар. Видишь, что сделал Хранитель с Эриком. Не думаю, что тебе самому хотелось бы в один прекрасный день очутиться, скажем, в теле ящерицы.

Нельсону вдруг вспомнились слова Куорра: «Если мы согрешим, нас переселят в тела ничтожных существ, рожденных лишь для того, чтобы быть съеденными».

Шен Кар, похоже, также подумал об этом. После долгой паузы он сказал с гримасой отвращения:

— Что ж, от Хранителя можно ожидать чего угодно, в этом ты прав, Слоан. Однако не переоценивайте свои силы — вдвоем вам не захватить Вроон и пещеру Создателя.

«Он прав, Ник, — добавил Нельсон. — Я видел, как кланы готовятся к решительному бою. Вас разорвут в клочья, если сделаете только шаг по лесу к северу».

Слоан усмехнулся и покачал головой.

— Дудки! Звери не сделают этого — хотя бы потому, что никакого леса в долине скоро не будет.

Нельсон застыл на месте. Он знал, что Слоан не станет бросаться пустыми угрозами.

«Что ты задумал, Ник?»

— Очень простую штуку, — осклабился тот, весело подмигнув Ван Воссу. — Вот уже неделю ветер устойчиво дует на север в сторону Вроона. В этот чертов сухой сезон деревья похожи на спички. Одна лишь искра...

«Огонь!!»

Нельсон оценил жестокость и действенность плана, и его волчье тело инстинктивно содрогнулось от извечного ужаса, который испытывают животные перед все испепеляющим пожаром. От огня лишь одно спасение — бегство...

Шен Кар смотрел на Слоана, не веря собственным ушам.

— Но вы... вы не должны делать этого! — хрипло сказал он. — Вы принесете в нашу долину неслыханные страдания, обречете все живое на гибель...

Ли Кин поддержал его:

— Ник, это чудовищно! За считанные часы прекрасная Л'лан превратится в пепелище.

— О, дьявол! — воскликнул Слоан и презрительно сплюнул. — И с этими людьми я должен идти на дело... Чем мы собираемся здесь заниматься — войной или дружеским чаепитием? Да, огонь принесет страдания и разрушения. Но он также принесет победу — понимаете вы, дамочки истеричные, победу! И нам она будет стоить всего нескольких спичек. Чего ты еще хочешь, Шен Кар? Я преподнесу вам Л'лан на тарелочке — нате, ешьте!

Он с размаху ударил кулаком по столу и рявкнул:

— Хватит болтать! Шен Кар, последний раз спрашиваю — пойдешь с нами?

Вождь клана Людей выглядел крайне подавленно, но после недолгого размышления тихо ответил:

— Я с вами, Слоан. У меня нет другого выбора.

— Очень приятно, что ты это понимаешь, — язвительно заметил Ник Слоан. — Эрик, а ты что поджал хвост, старый приятель? В хорошенькую же ты историю вляпался, нечего сказать! Завяз по уши, словно муха в варенье... Ничего, не дрейфь. Когда мы возьмем Вроон, то найдем эту дьявольскую машину и пересадим тебя в старое тело.

«Спасибо, Ник, ты очень добр, — ответил Нельсон, не сводя с офицера ледяных глаз. — Настолько добр, что убил бедного Барина и готов на новые жертвы — и все из-за своей неуемной алчности. Не надейся, я не пойду с тобой».

— Ты хочешь предать нас? — негодующе воскликнул Шен Кар.

«Предать? И это говорит человек, который с самого начала морочил всем головы! Шен Кар, ты долгое время обливал грязью Братство и, как оказалось, все время лгал самым бессовестным образом. Никто не собирается захватывать власть над людьми, это я теперь точно знаю. А теперь ради своих амбиций ты готов принять предложение Слоана и сжечь долину дотла. Говорю прямо — отныне я твой враг!»

Слоан расхохотался, впрочем, не снимая руки с кобуры.

— Эрик, став волком, ты здорово поглупел. Разве забыл, что только мы можем вернуть тебе человеческое тело? Ты должен помочь нам, тогда мы поможем тебе.

«Я вернусь во Вроон», — упрямо сказал Нельсон.

— И что же ты расскажешь этому дьяволу Крину? — буркнул Ван Восс. — Что его любезный сынок приказал долго жить? Я понимаю, Эрик, волком быть несладко, но МЕРТВЫМ волком быть еще хуже.

«Пусть так, но я не желаю быть соучастником грязного дела!»

Глаза Слоана зло сузились.

— Так все-таки ты хочешь стать именно МЕРТВЫМ волком, Эрик? Хорошо, я помогу тебе по старой дружбе.

Он открыл кобуру, но Ли Кин опередил Слоана, направив на него пистолет.

— Эй, Ник, опусти—ка руки, — жестко приказал он.

Слоан медленно закрыл кобуру, с удивлением глядя на китайца. Ван Восс также замер за столом. На его грубо вытесанном лице застыло тупое недоумение.

— Это еще что? — глухо спросил Слоан. — Бунт на корабле?

— Я с Нельсоном, — коротко ответил Ли Кин.

На загорелом лице Слоана появилась насмешливая улыбка.

— Отлично, — сказал он. — Ты будешь вычесывать блох из его драной шерсти, желтая обезьяна. Надеюсь, он научит тебя выть и бегать на четвереньках...

Внезапно Ван Восс выстрелил из-под стола. Грохот прокатился под сводами зала.

Ли Кин выронил пистолет, схватился руками за живот и осел на пол.

— ... для чего ты и родился на свет, — спокойным тоном закончил Слоан. — Эй, Пит, берегись!

Нельсон был уже в прыжке, целясь датчанину в горло. Ван Восс вскрикнул от ужаса и попытался закрыться руками. Волк сбил противника с лавки, и они покатились по полу, заливая его кровью. Слоан, выругавшись, выхватил пистолет и бросился на помощь.

Внезапно, словно бы ниоткуда, в зале появилась серая тень. Это был Тарк. Мощным толчком он сбил Слоана с ног и вцепился в его плечо острыми клыками.

Шен Кар мгновенно оценил обстановку. Он выбежал из зала и громкими криками стал созывать охрану.

«У нас нет времени, чужеземец! — услышал в пылу схватки Нельсон мысль Тарка. — Шен Кар поднял тревогу. Мы можем попасть в ловушку!»

Напоследок еще раз рванув Слоана клыками, вождь Клыкастых метнулся к выходу. Нельсон неохотно последовал за ним. Ван Восс, обливаясь кровью, успел наугад выстрелить им вслед, но промахнулся.

Волки оказались в коридоре и помчались к выходу из дворца.

«Хатха, Ей, на помощь! — мысленно крикнул Тарк. — Нас обнаружили!»

«Спасибо, Тарк, — передал Нельсон, тенью следуя за стремительным зверем. — Ты спас мне жизнь. Но как ты догадался...»

«Я не доверял тебе полностью, чужеземец, и потому пошел следом, — ответил Тарк. — Стоп, путь впереди блокирован!»

Они остановились в большом зале с высоким арочным потолком. Впереди, через широко раскрытую дверь, Нельсон различил темные стволы деревьев. Спасение было близко... Но через мгновение в дверь ворвались воины с мечами и факелами в руках. Их было слишком много... Пути назад тоже не было: из коридора слышался топот множества ног — то были охранники, вызванные взбешенными офицерами.

Тарк напрягся и словно смерч рванулся вперед, сметая на пути врагов. Нельсон последовал за ним, решив дорого отдать свою жизнь.

Начался бой...

Глава 14 ВОЗВРАЩЕНИЕ

Позднее Нельсон не раз вспоминал эту битву. Он не ожидал, что люди окажутся столь медлительными и неуклюжими, а их плоть — такой податливой и незащищенной.

Человек—волк даже почувствовал презрение к своим недавним собратьям.

Нельсона захлестнула волна дикого наслаждения убийством. Вот молодой воин занес над ним меч. Еще мгновение — и он, волк, будет разрублен пополам. Но как же долго тянется это мгновение, как неповоротливы движения юноши! Нельсон прыгнул высоко к незащищенному горлу и увидел ужас в глазах парня. В последний момент он из жалости чуть повернул голову и рванул клыками по руке, оставив глубокий кровавый след. Юноша вскрикнул и выронил меч,

который со звоном покатился по полу. А Нельсон бросился на следующего противника....

И все же они с Тарком медленно, но неизбежно проигрывали. Да, люди были уязвимы и слабы, но их было слишком много. Выход из дворца заполнила плотная толпа воинов. Прорваться через этот живой заслон было невозможно.

Следуя беззвучной команде Тарка, Нельсон отпрыгнул назад, хрипло дыша и дрожа от возбуждения. Только сейчас он заметил многочисленные раны на своем теле, впрочем, неопасные. Вождь Клыкастых тоже стал сдавать — его уши опустились, бока вздымались.

Гибель казалась близкой...

В этот момент в зал ворвались Слоан и Ван Восс с винтовками наперевес. Они приготовились стрелять, но замешкались, опасаясь попасть в своих.

Нельсон слизнул кровь с разбитых губ и мысленно передал:

«Иду на прорыв».

«Я тоже, — ответил Тарк. — Прощай, чужеземец».

Волки напряглись, готовясь к последнему рывку, но тут со стороны улицы послышалось ржание и топот копыт. Нельсон услышал голос Хатхи: «Я освободил своих братьев! Держитесь, мы идем на помощь!»

Из темноты через широкий проход в зал хлынул поток разъяренных лошадей, сметающих все на своем пути. Вздыбившись, животные обрушивали на растерявшихся воинов тяжелые удары копыт.

Впереди, словно черный демон смерти, бился Хатха. Его грива развевалась, круп покрылся пеной, копыта были в крови.

В хаосе Тарк и Нельсон проскользнули между сражающихся, иначе они были бы неизбежно затоптаны. Выбежав на улицу, они затаились в тени деревьев и стали наблюдать за схваткой.

Большой зал кипел от ударов, криков, стонов, топота ног и копыт. Красные отблески факелов отражались в сотнях лезвий мечей, медных нагрудных панцирях, огромных глазах лошадей. На полу лежали горы трупов людей и коней, но ни одна из сторон не могла взять верх. Нельсон услышал крики Слоана, тот требовал, чтобы воины разошлись и дали возможность пустить в ход оружие. Но его никто не слышал, да и в зале просто не было места для каких—либо маневров.

Проклиная все на свете, офицеры тем не менее открыли огонь. Несколько лошадей упали и забились в судорогах, обливаясь кровью. Воспользовавшись этим, воины бросились в глубь зала к проходу в коридор, образовав живую стенку, ощетинившуюся мечами. Лошади тоже сплотили ряды и стеной пошли на врага, безжалостно топча замешкавшихся людей. Бой перешел в решающую стадию, но тут Хатха с пронзительным ржанием поднялся на дыбы.

«Назад, братья! На сегодня хватит крови, мы славно отомстили. Назад, во Вроон!»

Лошади круто развернулись и одна за другой устремились наружу. Нельсон и Тарк присоединились к ним, а спустившийся с неба Ей повел беглецов к выходу из Аншана. Табун стрелой промчался по улицам темного города, сметая на пути смельчаков, пытавшихся остановить животных с оружием в руках. Вскоре лошади выскочили на залитую лунным светом равнину и понеслись к опушке леса, где их поджидала Нсхарра.

Тяжело дыша, Тарк подбежал к девушке и прежде, чем она успела вымолвить слово, передал: «Барин мертв».

Нсхарра молчала, но Нельсон увидел, как ее лицо побелело.

«Сейчас не время лить слезы, — сказал Тарк, не зная, как утешить свою любимицу. — На рассвете враги подожгут лес!»

«Огонь?! — девушка вздрогнула, как от удара хлыстом. — Но... но это же гибель для всех кланов!»

«Да, гибель — если мы будем бездействовать. Ей должен лететь во Вроон и срочно сообщить обо всем Хранителю».

Нсхарра сочувственно посмотрела на Нельсона, едва державшегося на ногах от усталости.

«Тарк, что с чужеземцем?»

«Он пытался спасти Барина, но было уже поздно. Сейчас он намерен вместе с нами возвратиться во Вроон, как и приказал Хранитель», — угрюмо ответил вождь Клыкастых.

«Эрик Нельсон вместе с нами боролся против чужеземцев, когда узнал о преступлении своих бывших товарищей, — добавил Ей, делая в нетерпении круги над Нсхаррой. — Он теперь — один из нас. Рад, что не ошибся в нем».

Тарк кивнул.

«Да, чужеземец сдержал слово, данное Хранителю, и не его вина в том, что Барин погиб. Его судьба будет решена во Врооне».

«Мне некуда больше идти, — сказал Нельсон. — Даже если бы я вновь стал человеком, в Аншане мне делать нечего».

Нсхарра бросила на него долгий взгляд, а затем вскочила на Хатху. Немного отдохнувшие лошади помчались к родному городу. Вскоре они оказались под темным пологом леса, но это почти не замедлило движения отряда. Нельсон с Тарком едва поспевали за скакунами, а Ей, напротив, улетел далеко вперед, передавая беззвучный клич: «Бегите к Вроону, братья! На рассвете чужеземцы зажгут лес! Бегите к Хранителю!»

Страх воцарил в долине. Нельсон ощущал это всем телом. Звери Братства, услышав предупреждение орла, покинули свои убежища в лесу и в панике отступали к Вроону. Огонь страшил всех — лес гудел от топота тысяч ног, небо заполнили стаи птиц, оглашавших воздух тревожным клекотом.

«Огонь идет! На рассвете в лес придет огонь! Спасайтесь, братья!»

Путь к столице Братства показался Нельсону бесконечным. Лишь на рассвете они достигли гряды холмов, за которыми мерцали башни Вроона, и в этот же момент почувствовали, что с юга потянуло дымом.

Хатха остановился, втянул воздух и заржал, мотая головой:

«Пожар начался! Огонь идет за нами по пятам!»

Последние мили до Вроона Нельсон пробежал, едва не падая от усталости. Ему казалось, что прошла, целая вечность, прежде чем сквозь красный туман, застилавший глаза, он увидел городские строения. Вместе со стаями волков и табунами лошадей отряд беглецов ворвался на заросшие лесом улицы.

Хатха и Нсхарра повернули к дворцу Кланов, за ними последовали Тарк с Нельсоном. Через несколько минут они вошли в сверкающую галерею, где их поджидал встревоженный Крин и вместе с ним Куорр, нетерпеливо круживший близ трона.

Ей тоже был здесь, но Нельсон понял, что орел еще не решился передать Хранителю весть о смерти Барина. Тогда он вышел вперед и, едва держась на лапах, тихо сказал:

«Ваш сын мертв».

Крин вскочил. Его глаза померкли, лоб прорезали глубокие морщины.

— Я знал, что сыну не спастись, — глухо произнес он. — Ты принес смерть в Л'лан, чужеземец, но не думай, что она обойдет стороной тебя самого. Эй, стража, волка Ашу — в тюрьму!

Едва передвигая ноги, Нельсон побрел к выходу из галереи в окружении двух стражников с обнаженными мечами. Некоторое время они шли по темным коридорам, пока Нельсон не оказался в небольшой комнате с зелеными стенами. Дверь за ним захлопнулась, волк лег на холодный пол и мгновенно погрузился в тяжелое забытье.

Глава 15 ГНЕВ ХРАНИТЕЛЯ

Нельсону снилось, будто его подняла ввысь невидимая волна, а затем бросила в бездонную пропасть, стены которой были выложены из голов мертвых людей и зверей. Леденящими взглядами они провожали его путь в неизвестность, находившуюся за границами пространства и времени. Давясь криком и извиваясь в безуспешных попытках уцепиться за жуткие стены, он падал, падал, падал…

Тело волка содрогнулось от болезненной судороги, и это помогло вырваться из объятий кошмарного сна. И тогда он услышал чей-то мысленный вопрос:

«Как себя чувствуешь, Аша?»

«Все хорошо — и я счастлив, что наконец очнулся от долгого сна!» — ответил Аша.

Аша?!

Нельсон вздрогнул — этого не могло быть! Ведь именно он был Ашей вот уже несколько дней, которые показались ему бесконечными. Он живет в этом мохнатом, мускулистом теле…

Или уже нет?

Еще не открыв глаза, Нельсон внезапно почувствовал, что многие из его новых качеств исчезли. Вместо целой гаммы запахов он ощущал один-два, и то очень слабо. Тело его тоже стало иным — не гибким и сильным, а длинным и неуклюжим. С невольным криком он открыл глаза, уже понимая, что произошло.

Нельсон лежал в своей мятой, грязной форме на койке посреди галереи. Он попытался пошевелить рукой, и она послушалась его. Он вновь стал самим собой!

— Я стал человеком… — хрипло прошептал Нельсон, не веря себе.

— Да, — подтвердил чей—то голос. — Ты вновь стал Эриком Нельсоном.

Он узнал Нсхарру и не без труда повернул голову, пытаясь увидеть девушку. Вместо этого он встретился взглядом

с волком Ашей, лежащим на соседней койке. Его тело покрывала грязь, на боках виднелись рубцы с запекшейся кровью. Чуть позади стоял хмурый Крин, опираясь на знакомую уже Нельсону машину для «обмена разумов».

Нельсон сел. Силы быстро возвращались к нему, и он вскоре почувствовал себя свежим и отдохнувшим. Видимо, он провел в забытьи немало времени. И все же никак не мог привыкнуть к своему прежнему телу, которое казалось ему на редкость медлительным и неуклюжим.

Оглядевшись, Нельсон увидел стоявшую неподалеку Нсхарру и вождей кланов, пристально наблюдавших за ним. В их глазах не было обычной ненависти, напротив, они смотрели на него с надеждой.

— Сила древних вернула тебя, чужеземец, в прежний облик, — мрачно произнес Крин. — Огонь с каждой минутой подступает к Вроону, и все же мы решили потратить время, дабы ты предстал перед судом в своем человеческом обличии.

Перед судом? Сердце Нельсона болезненно сжалось. Выходит, он радовался напрасно...

— Я готов, — сказал он тихо.

— Тарк и Ей рассказали, что ты сделал все возможное для спасения моего сына, а затем отважно сражался с людьми, в том числе и с твоими товарищами, — продолжал Крин, пристально глядя на американца.

— Они уже не мои товарищи, — ответил Нельсон, опустив голову. — Я не подозревал, что они способны стать палачами.

— В последнее время ты узнал много нового, чужеземец. Понимаешь теперь, что произойдет с Братством, если Шен Кар и его люди захватят власть в Л’лане?

— Да, я понимаю, — ответил Нельсон. — Звери, обладающие разумом, ничем не уступающим человеческому, станут рабами. Шен Кар оказался вовсе не борцом за справедливость — попросту рвался к власти.

— Хорошо, что истина наконец открылась тебе, — спокойно сказал Крин. — Мы прощаем все зло, которое ты причинил Братству по своему неведению, и разрешаем покинуть Л'лан.

Нельсон вздрогнул от неожиданности и непонимающе взглянул на Хранителя.

— Что? Вы отпускаете меня на свободу, хотя могли бы убить?

— Эрик Нельсон, ты частично искупил свою вину прошедшей ночью. Твоя смерть не вернет Барина, и потому можешь уйти.

Некоторое время Нельсон молчал, с трудом осознавая услышанное, а затем решительно покачал головой.

— Нет, я хочу остаться и помочь вам спасти Братство от гибели! — наконец твердо сказал он.

— Отец, дайте ему шанс! — пылко сказала Нсхарра, умоляюще глядя на Крина. — Он доказал свою верность слову и, кроме того, прекрасно знает оружие пришельцев и методы их борьбы.

Крин долго молчал, а затем кивнул.

— Хорошо, Эрик Нельсон. Твоя помощь может оказаться ценной в час смертельной опасности. — Он повернулся к вождям кланов. — Братья, донесите мои слова до всех членов сообщества. Эрик Нельсон будет сражаться на нашей стороне!

Вожаки согласно кивнули, и только Куорр покосился на Нельсона, проворчав: «Посмотрим, каков из него боец...»

Нельсон почувствовал прилив сил. Словно бы упал огромный груз, который он носил долгое время — груз ощущения неправедности своих действий. Он столько лет воевал, не зная за что, убивал людей, не зная почему, служил делу, в которое ни на грош не верил. Сейчас он обретал под ногами твердую почву. Отныне он — член Братства, звери стали ему теперь близки и понятны. Сейчас предстояло вновь воевать — но Нельсон знал, что это будет борьба за правое дело.

Крин обнял его за плечи и подвел к окну.

— Сейчас не время для эмоций, Нельсон. Наша гибель приближается с каждой минутой. Что ты можешь нам посоветовать?

Нельсон взглянул на панораму, открывавшуюся из окна галереи, и невольно вздрогнул. Перемены были разительными... Восходящее солнце закрыла дымная пелена, на крышах и стенах лежал кровавый отсвет, лес пылал по обе стороны реки. Огонь быстро продвигался вперед, подгоняемый устойчивым юго-западным ветром.

— Пожар придет во Вроон через несколько часов, — пробормотал Нельсон. — Следом появятся Слоан и Ван Восс...

Крин нахмурился.

— Мы надеемся остановить их. Наши люди пытаются отсечь пламя завалами из деревьев — от реки до западных холмов.

— Никакими завалами не остановить такой пожар! — покачал головой Нельсон. — Пламя попросту перепрыгнет через заграждения, тем более что ветер довольно силен. Надо разжечь встречный огонь.

— Использовать огонь для защиты от огня же? — тревожно спросил Крин. — Неплохая мысль, но... но кланам это может не понравиться. Они ненавидят огонь и могут не поверить, что он может спасти.

— Надо убедить их, иначе пожар войдет во Вроон.

Крин долго молчал в раздумье, а затем неохотно сказал:

— Я пойду с тобой, Нельсон, и отдам все необходимые распоряжения.

Через полчаса они вернулись во дворец. Их встретила Нсхарра, молча протянувшая Нельсону два пистолета — его собственный и Лефти Вистера.

— Недурно, — сказал Нельсон, вешая оружие на пояс. — Двадцать пуль есть в запасе... А у Слоана с Ван Воссом пулемет, два карабина да плюс еще штук сорок гранат. Н-да...

Крин с тревогой прислушивался к его словам.

— Нельсон, мы полностью доверяемся твоему опыту, — сказал он. — Среди наших людей немного воинов, да и они участвовали лишь в отражении набегов диких племен из соседнего ущелья. Но драться за Вроон будут все, включая и братьев—зверей.

— Я тоже пойду с вами, отец! — воскликнула Нсхарра. — Ты знаешь, как я хорошо владею мечом!

Крин сурово покачал головой, но глаза его смотрели на дочь с теплотой.

— Нет, Нсхарра, ты должна остаться во дворце. Мы выступим навстречу врагу, а в бою всякое может случиться... Тебе предстоит тогда заменить меня и сплотить Братство в эти тяжелые дни испытаний.

Нсхарра склонила голову, понимая справедливость слов отца.

— Удачи вам, Хранитель и Эрик Нельсон, — тихо сказала она.

Выйдя из дворца кланов, Крин с Нельсоном попали в густую дымную пелену. Солнце едва пробивалось, воздух был едким, дышать было тяжело.

Из-за деревьев вынырнул запыхавшийся Тарк.

«Хранитель, я выполнил ваш приказ, — сказал он. — В лес направлен большой отряд воинов всех кланов. Двое Скакунов ждут вас!»

Крин и Нельсон поскакали на юг от Вроона. Мгла сгущалась с каждой минутой. Хотя время заката еще не наступило, с юга над лесом поднимался новый, кровавый рассвет, охвативший уже полнеба.

Всадники спустились к реке и двинулись вдоль берега. Лес кишел зверями — все бежали на юг, навстречу опасности. По опушке с шумом пронесся табун Скакунов. Некоторые несли на спинах вооруженных воинов. Над ними, в багровом зареве, Нельсон заметил стаю орлов, то взмывающих ввысь, то опускающихся к вершинам деревьев. Воздух сотрясали звериные крики.

«В бой, кланы! Хранитель ведет нас в сражение за Братство!»

Сердце Нельсона сжалось. Мощь содружества зверей и людей впечатляла. Но что эта сила значила в сравнении со стеной испепеляющего огня?

Но, казалось, члены Братства не осознавали грозящей опасности. Бегущий рядом с лошадью Нельсона Тарк прорычал:

«Чужеземец, на этот раз мы идем вместе. Хорошей охоты!»

«Хорошей охоты!» — машинально ответил Нельсон и вздрогнул от мысли, что еще недавно сам был мохнатым зверем. Он заметил неподалеку в стае волков знакомое серое тело и добавил: «Хорошей охоты, Аша!»

Вскоре они достигли широкой просеки, вырубленной людьми Крина для сооружения огромного завала. Нельсон покачал головой, увидев мощные поваленные стволы. Некоторые уже начинали дымиться от града искр, приносимых порывами ветра.

— Эта преграда не остановит пожар, — мрачно сказал он. — Нет другого выхода, как зажечь южную сторону просеки и столкнуть две стены пламени. Но ветер слишком силен, и нам придется любыми способами гасить огонь на другой стороне просеки. Надо начинать, Крин, времени у нас очень мало!

Тьма сгущалась с каждой минутой, и вскоре в лесу воцарился ад: пламя, дым, искры... Нельсон собрал несколько десятков воинов и приказал поджигать лес прямо за завалами. Сухой кустарник вспыхнул словно солома, занялись огромными факелами кедры и ели. Южный край просеки превратился в сплошную стену огня, которая начала медленно двигаться навстречу основному пожару. Но ветер путал все карты. Он поднимал высоко в воздух горящие листья и ветви и швырял их через просеку, грозя зажечь лес возле Вроона.

Нельсон в страхе обернулся, не зная, что предпринять. В этот момент он услышал Хатху: «Братья Скакуны! Гасите искры за просекой копытами, не дайте огню разгореться!»

Нельсон бросился на помощь. Задыхаясь от дыма, мокрый с головы до ног, он бегал вдоль просеки, давя башмаками очаги пламени. Но с юга неслись новые облака красных искр. Прошло немало времени, прежде чем наполовину ослепший Нельсон увидел: встречный огонь пошел на юг, оставляя за собой черную полосу выжженной земли. Но остановит ли она огненный шторм?

Внезапно с неба с хриплым клекотом спустился Ей:

«Беда идет, братья! Двое чужеземцев и отряд воинов Шена Кара спускаются по реке на плотах. Скоро они зайдут к нам в тыл!»

Только сейчас до Нельсона дошел стратегический замысел Ника Слоана. Отвлекая силы Братства на борьбу с огнем, он мог легко и безопасно спуститься по реке к Вроону и напасть сзади. Воины Братства, обессиленные битвой с лесным пожаром, скоро окажутся в ловушке.

«К реке, воины Братства! — закричал Нельсон. — Если враги окажутся у нас за спиной, мы погибли. Ей, показывай путь!»

Из пелены дыма к Нельсону подскакал Хатха. Шерсть коня обгорела во многих местах, с морды хлопьями летела пена. Нельсон не без труда вскочил ему на спину, и отряд людей и зверей бросился вниз по склону, ведущему к реке. У просеки осталось лишь несколько десятков лошадей. Нельсон надеялся, что они смогут еще некоторое время противостоять огню.

Вскоре Хатха выскочил на крутой берег, над которым висело багряное зарево. В этот же момент из-за поворота показались плоты с несколькими сотнями воинов из клана Людей. Большинство были вооружены мечами и копьями, но некоторые держали сумки с гранатами.

«Братья, атакуйте врагов прямо в воде! Сбрасывайте их с плотов и ни в коем случае не давайте пройти к Вроону!» — мысленно закричал конь.

Вслед за Хатхой в реку ринулись десятки и сотни зверей, подняв облака брызг. Нельсон выхватил пистолет и меткими выстрелами снял с ближайшего плота двух гранатометчиков. Но с других плотов полетели черные шары. Поверхность воды вздулась гигантскими столбами. Искалеченные туши зверей взлетали в воздух, многие были ранены осколками. Но это не остановило бешеного напора нападающих, и вскоре многие воины Шена Кара были сметены с плотов. На мелководье завязалась схватка. Вода окрасилась кровью, воздух звенел от криков людей, рева разъяренных животных, предсмертных воплей и стонов.

Хатха, поднявшийся на дыбы, ринулся в самую гущу битвы, калеча копытами недругов. Нельсон удержался, лишь ухватившись за конскую гриву. Он берег патроны и не спешил разряжать свои пистолеты, хладнокровно осматривая кипящую реку. Наконец его взгляд нашел Ван Восса и Слоана возле пулемета. Офицеры пока не решались пустить его в ход, поскольку борющиеся стороны перемешались.

На берегу тоже кипела битва. Часть отряда Шена Кара выбралась на каменистый склон и встретилась с тиграми и волками. Засверкали мечи, в животных полетели копья, но ничто не могло погасить ярости кланов Братства. Вскоре тела погибших усеяли мелководье. Конские копыта со звоном били по панцирям, разбросанным на песке. Воздух кипел от взмахов крыльев сотен птиц, обрушивающих на врагов удары острых клювов и когтей.

«Хай-о-о-о!» — послышался леденящий душу вой, и мохнатый демон — Тарк — огромным прыжком ринулся в самую гущу боя. За ним последовали Нельсон и Хатха. Навстречу бросился высокий воин с занесенным над головой мечом. Нельсон уложил его одним выстрелом, но сзади к нему подкрался еще один противник с копьем. Всадник был уже на

волосок от гибели, когда рядом промелькнула серая молния. В горло воина впился молодой волк.

«Аша, осторожно!» — крикнул Нельсон, увидев, как упавший на песок воин выхватил из-за пояса кинжал. Хатха бросился на помощь, но клинок уже глубоко вонзился в бок Аши. Нельсон спрыгнул с коня и, выстрелом добив врага, поднял умирающего волка на руки. Пламя в глазах зверя гасло, и Нельсон услышал лишь последнюю, еле понятную мысль:

«Хорошей охоты, брат...»

Нельсон осторожно положил волка на берег, и волна осторожно лизнула его кровоточащий бок.

«Враги бегут! — послышалось победное ржанье Хатхи. — Не дайте им уйти!»

Действительно, поняв, что схватка на берегу проиграна, люди Шен Кара, оставив раненых товарищей, кинулись к плотам, выталкивая их на глубину. Сквозь шум боя Нельсон услышал крик Слоана: «Отступайте! Бегите, иначе все погибнем!»

Бойцы Братства ринулись вслед врагам, но остановились, зайдя в воду по грудь. У них уже не осталось сил преследовать противника вплавь. В этот момент со стороны пылающего леса на берег неторопливо выехал Крин. Привстав в стременах, он поднял руку и громоподобным голосом воскликнул:

— Люди Аншана, остановитесь! Неужели вы хотите утопить всю долину в крови и испепелить ее дьявольским огнем? Вы подняли мечи против ваших братьев из-за честолюбивого безумца Шена Кара и чужеземцев, жаждущих лишь наших богатств! Если вы и дальше пойдете дорогой убийств, гнев Создателя покарает вас!

— Крин, назад, назад! — заорал Нельсон, бросившись со всех ног к Хранителю по вязкому песку.

Но он опоздал. Хлесткая пулеметная очередь выбила из груди Крина несколько кровавых фонтанчиков. Старик

покачнулся и, не выпуская из рук поводьев, медленно сполз в воду.

— Хороший выстрел, Пит! — крикнул Слоан, разразившись злобным хохотом. Плоты, увлекаемые течением, быстро удалялись. Никто не преследовал их.

«Хранитель убит! Убит!» — понеслась горестная весть над застывшими в ужасе воинами Братства.

Нельсон наконец пробрался к Крину через груды лежащих на берегу тел и перенес на берег., Опустившись на колени, он прильнул к груди Хранителя и долго вслушивался, надеясь уловить хотя бы слабое биение. Но старик был мертв.

Нельсон огляделся: ситуация стала катастрофической. Ветер сделал свое черное дело — огонь все-таки перебросился на северную часть просеки.

Вроон был обречен.

Глава 16 ПЕЩЕРА СОЗДАТЕЛЯ

Нельсон с трагической ясностью осознал хитроумный замысел Слоана. Когда против лесного пожара был поставлен застои встречного огня, Ник вылазкой на берегу отвлек воинов Братства. Такая тактика оправдала себя. Огонь перебросился через защитную полосу и неудержимо надвигался на Вроон.

«Мы не сможем сдержать пламя! — мысленно закричал Нельсон. — Огненный вал придет в город через час. Отходите!»

Однако разгоряченные битвой воины Братства не желали отступать, и только надвигающаяся стена огня заставила зверей и людей выйти на берег. В этот миг с удаляющихся плотов застучал пулемет. Один из коней завалился на бок, судорожно ударяя копытами по воде. Стоявший рядом тигр дернулся и зарычал — в его грудь угодили две пули. Воины Братства бросились вверх по склону к северной

части леса, еще не охваченной пожаром. Нельсон перебросил тело Крина через спину Хатхи и поскакал следом.

Путь сквозь чащу был опасен и страшен. Огонь рвался за отступающим войском, обсыпал тучами жгучих искр, валил вековые деревья, душил клубами серого дыма. Сотни людей и зверей гибли в пламени. Нельсон то и дело вздрагивал, слыша чей-то предсмертный крик или вой, — но что он мог сделать? Слоан оказался хитрее. Отряд Шена Кара мог теперь зайти им в тыл и встретить на окраине города.

Через полчаса показалась купола Вроона, отражающие зарево пожарища. Улицы были полны перепуганными стариками, женщинами, детьми и детенышами всех кланов. Дым вынуждал отступать к северной части города.

Остатки войска Братства ворвались во Вроон обожженные, окровавленные, разъяренные битвой, обернувшейся поражением. Их обступили горожане, засыпав вопросами. Но, увидев Хатху с безжизненным телом Хранителя на спине, толпа разразилась криками отчаяния и тоскливым воем. Затем настала тишина, нарушаемая лишь треском горящих и падающих деревьев.

У входа во дворец стояла побледневшая Нсхарра. Она уже знала о случившемся и как могла пыталась скрыть горе. Когда Хатха, опустив морду, подъехал к ней, девушка сбросила с плеч плащ и расстелила его на траве.

— Эрик, положи отца на землю, — тихо попросила она.

Нельсон осторожно опустил грузное тело старика у подножия древнего кедра. К Нсхарре подошли вожди всех кланов. Куорр прорычал:

«Настал твой час, Нсхарра. Ты стала Хранителем Братства. Действуй, мы на краю гибели».

— Что произошло? — не сразу спросила девушка, с отчаянием и надеждой глядя на Нельсона.

Американец коротко рассказал ей о бое и о создавшейся критической ситуации.

— Мы должны немедленно покинуть Вроон, — закончил он. — Огонь будет хозяйничать здесь уже через час.

Лицо Нсхарры не дрогнуло. Она обернулись к вождям Братства и приказала:

— Отводите кланы к северным холмам и дальше, к подножию гор. Огню туда не добраться.

Куорр в бешенстве хлестал свои бока полосатым хвостом.

«Пусть уходят самки и детеныши. Воины будут бороться до конца!»

— Бороться — с кем? — горько спросил Нельсон. — С пламенем?

Он повернулся и указал в сторону леса, подсвеченного малиновым отсветом пожарищ.

— Хочешь остановить огонь когтями, отважный Куорр?

«Мы не желаем бежать, поджав хвосты!» — вмешался в разговор Тарк.

— Придется уходить — чтобы в будущем вновь вступить в борьбу! — жестко возразил Нельсон. — Когда пепел остынет, кланы смогут вновь спуститься с холмов. Тогда мы дадим Шену Кару решительный бой, и на его стороне уже не будет такого могучего союзника, как пожар.

— Он прав, Тарк! — поддержала Нсхарра. — Идите и передайте мой приказ: немедленно отступать на север!

«На север! — беззвучный клич раздался над куполами Вроона. — Идите к холмам, братья, медлить нельзя! На север, на север!»

Потоки беженцев двинулись по улицам города. К счастью, паники не было, но зрелище отступления привело Нельсона в отчаяние.

— Что ж, мне пора всерьез взяться за дело, — глухо сказал он Нсхарре. — Слоан и Ван Восс — главные козыри клана Шена Кара. Если мне удастся вывести их из строя, у Братства появится шанс на спасение.

— Знаю, о чем думаешь, Эрик, — тихо сказала девушка. — Раз ты привел своих людей в Л'лан, то тебе и надо их остановить.

Нельсон промолчал.

— Но это же безумие! — воскликнула Нсхарра, заметно волнуясь. — Твои бывшие товарищи сейчас наверняка сидят где-тов засаде и не дадут незаметно приблизиться.

— Верно, — кивнул Нельсон, — но, когда огонь выгонит нас из Вроона, путь к пещере Создателя будет открыт. Я знаю Слоана — он забудет обо всем, даже о решающей схватке с Братством, пока не доберется до платины. Нсхарра, ты должна помочь! Покажи, как войти в пещеру — там я подожду своих дружков. У меня еще остались патроны, так что встреча будет теплой...

Девушка с тревогой поглядела на американца. Опустив голову, она покорно сказала:

— Хорошо, Эрик. Я покажу путь в пещеру.

Из-за деревьев выскочил Тарк. Зеленые глаза волка сверкали, бока вздымались, из пасти стекала слюна.

«Город пуст, хозяйка!» — сказал он, подбегая к Нсхарре словно верный пес.

— Время уходить и нам, — спокойно ответила девушка. Ее лицо вновь стало властным, брови сдвинулись.

Нсхарра подошла к распростертому на траве телу отца и постояла несколько минут, прощаясь.

— Мы оставим Хранителя здесь, в городе, — твердо сказала она. — Огонь станет его саркофагом.

Девушка решительно вскочила на спину стоявшего рядом Хатхи и галопом помчалась по дымным улицам на север, вслед уходящим кланам. Нельсон последовал за ней, не оглядываясь. Ветер кидал им вслед тучи искр и пепла.

На окраине города Нсхарра остановилась и, повернувшись, горестно крикнула:

— Город горит! Братья, Вроон гибнет!

Потоки огня захлестнули улицы древней столицы Братства. Вершины деревьев, охваченные пламенем, раскачивались под ветром, словно красные знамена. Пожар жадно пожирал все на своем пути, торопясь вслед за беженцами. Здания не горели и не трескались, но от нестерпимого жара раскалились и залились малиновым светом.

— Братья, бежим быстрее, иначе окажемся в ловушке! — кричала Нсхарра.

Бешеные порывы ветра забрасывали искрами пространство впереди огненного фронта и уже зажгли полосу леса вокруг города. Арьергарду Братства, с которым отступали вожди кланов, пришлось прорываться сквозь стену пламени. Нельсон, прижавшись к холке своей лошади, несся вперед, дочти ничего не видя вокруг. Несколько раз пришлось перепрыгивать через глубокие рвы, и лишь каким-то чудом Нельсону удалось удержаться на спине коня.

Наконец они вынырнули из горящего леса на равнину, простиравшуюся вперед почти на милю и плавно переходящую в подножие холмов. Еще несколько минут сумасшедшей скачки, и всадники оказались в безопасности. В этот миг пламя вырвалось на опушку леса и остановилось.

Вздохнув с облегчением, Нельсон увидел в полусотне метров над собой пульсирующий глаз пещеры Создателя. Он излучал холодный белый свет. Люди и звери кланов поднимались по склону, обходя это таинственное место стороной. Нельсон не без труда заставил коня карабкаться прямо вверх, но Нсхарра вместе с вождями кланов опередила его.

На широкой террасе, рядом с зияющим жерлом входа, Нсхарра и Нельсон спешились. Девушка обратилась к молчаливо глядящим на нее животным:

— Сейчас мы с Нельсоном войдем в пещеру. А вы как можно быстрее отведите свои кланы подальше в горы.

Нельсон протестующе воскликнул:

— Нсхарра, ты не должна оставаться со мной, это опасно! Скоро здесь будут Слоан и Ван Восс. Покажи, как преодолеть барьер света, и уходи в горы!

Девушка упрямо покачала головой.

— Теперь я — Хранительница Братства. Мне принимать решения — что делать и куда идти, — твердо сказала она.

Нельсон пожал плечами. Он понял, что девушку не удастся переубедить, к тому же на это не было времени.

«Я тоже пойду с вами», — сказал Тарк, решительно шагнув к своей хозяйке.

То же сделали и другие вожди кланов.

— Ну уж нет! — недовольно возразил Нельсон. — В схватке со Слоаном вы скорее помешаете, чем поможете. У вас своя задача — отвести кланы в безопасное место. Помните, бой с отрядом Шена Кара неизбежен, и вы в нем будете главной силой.

Вожди нерешительно переглянулись. Нсхарра, нахмурившись, повторила приказание. Только тогда звери неохотно пошли за своими кланами.

Нельсон вскрикнул и указал рукой вниз. Из-за поворота реки показался плот. Можно было различить две высокие фигуры.

— Скоро они будут здесь, — тревожно сказал Нельсон. — Нсхарра, у тебя еще есть время уйти в безопасное место.

— Я покажу путь в пещеру, — ответила девушка. — Не забывай, теперь я Хранительница Братства, и мой долг охранять пещеру Создателя.

Нсхарра решительно зашагала к пульсирующему барьеру белого пламени и исчезла в холодном сиянии. Нельсон не без внутреннего трепета заставил себя последовать за ней.

К удивлению, он легко прошел стену дрожащего света и оказался в огромной полости, уходящей в глубь холма. Высота потолка, грубо вытесанного неведомой силой в каменных недрах, достигала восьмидесяти футов. Невдалеке от входа основание пещеры прорезала широкая расщелина, из которой и истекал колеблющийся свет. На ней словно мост лежала огромная конструкция из пяти металлических труб! Нельсон различил внутри гигантские шпангоуты и другие силовые элементы, расколотые в нескольких местах словно от страшного удара.

Не веря глазам, Нельсон шагнул к краю трещины и увидел внизу озерцо голубой жидкости, испускающей нестерпимо яркий свет.

Нсхарра схватила его за рукав.

— Не подходи так близко к холодному огню — он может убить! — встревоженно сказала она.

Нельсон, завороженный зрелищем, с трудом заставил себя отступить. Он не мог похвастаться образованием, но все же в юности кое-что читал.

— Бог мой, да это же какое-то радиоактивное вещество! — пробормотал американец, изумленно глядя на Нсхарру. — Теперь я понимаю, почему холодный огонь может убить...

Нельсон вновь взглянул на трубчатые конструкции, каждая из которых была диаметром в рост человека, и покачал головой. Больше всего это напоминало рисунки межпланетных кораблей, которые не раз доводилось видеть на обложках научно-фантастических журналов. Неужели перед ним искореженные остатки двигателя космолета?! А сияющая масса в глубине расщелины — остатки топлива, вытекшего из разбитых баков?..

Нсхарра с горделивой улыбкой смотрела на американца — ей явно доставлял удовольствие его потрясенный вид.

— Большинство этих странных труб разбито, — сказала она. — Но одна уцелела, и по ней можно пройти над расщелиной холодного огня. Этот путь найден первым из Хранителей и долгие века остается известен только вождям Братства и их наследникам.

Девушка ловко поднялась на обожженный край сопла двигателя и махнула рукой, приглашая за собой. Нельсон поднялся вслед за ней и вскоре оказался почти в Полной темноте. С помощью карманного фонаря он внимательно осмотрел внутренние стенки цилиндра. Они были сделаны из какого-то голубоватого металла, покрыты толстым слоем окалины, рубцами и трещинами. Мысль о том, какой сокрушающий поток пламени некогда бушевал там, где он сейчас стоял, заставила Нельсона поежиться.

Вскоре они достигли места, где трубопровод изгибался. Следуя за девушкой, Нельсон осторожно прошел поворот и выключил фонарь.

«Тихо!» — мысленно скомандовал он, прислушиваясь.

Они замерли. Позади слышался легкий скребущий звук — кто-то догонял их.

Нельсон поднял пистолет, приготовившись стрелять, но тут же услышал мысль Тарка: «Это я, чужеземец. Не могу оставить Хранительницу в опасности!»

Нельсон выругался сквозь зубы и спрятал оружие. Волк показался из-за поворота и ощерил клыки, приветствуя Нсхарру.

«Не сердись, хозяйка, я здесь, и мне теперь поздно возвращаться. Чужеземцы и Шен Кар уже высадились на берегу и направляются сюда, в пещеру. Надеюсь, мой клан сейчас далеко и находится в безопасности».

Нсхарра сердито поглядела на Тарка, но в конце концов не удержала улыбки. Нагнувшись, она потрепала загривок могучего волка и двинулась дальше по трубе Минуту спустя фонарь Нельсона осветил округлое помещение, плотно заставленное огромных размеров механизмами. Они были полуразрушены, но Нельсон сразу же догадался об их назначении.

«Черт побери, да это же турбина реактивного двигателя! — озадаченно подумал он. — Значит, мы и в самом деле внутри инопланетного корабля...»

Нсхарра стала осторожно пробираться между лопастями турбины. Нельсон и Тарк следовали за ней, стараясь не задевать ничего головами и плечами. От сотрясения полуразрушенные части конструкции могли рухнуть.

Вскоре все трое вновь вышли под своды пещеры. Расщелина здесь была значительно уже, но заполнявшая ее жидкость давала достаточно яркий свет, так что Нельсон выключил фонарь. На расстоянии около полусотни метров от них лежало огромное сигарообразное тело, обожженное до черноты. Это могла быть передняя часть космолета, оторвавшаяся при ударе о землю. Внутри были видны приборы, сделанные из того же материала, что и таинственные

короны. Подойдя поближе, Нельсон разглядел шкалы с непривычными символами.

— Да, теперь сомнений нет, — прошептал он. — Пещера Создателя образовалась при падении космолета. Сколько же тысячелетий пролежал он, погребенный в каменном саркофаге?

Нельсон начисто забыл о Нике Слоане и опасности, которая угрожала Братству. Как завороженный, он шагнул вперед, стремясь быстрее оказаться внутри фантастического корабля, некогда прилетевшего на Землю с далеких звезд. Нельсон не сомневался, что разгадка тайны долины Л'лан находится здесь, среди чудесных машин, созданных неведомыми творцами...

В нескольких десятках метров от носовой части корабля возвышались две платиновые колонны, увенчанные кварцевыми сферами. Поначалу Нельсон не обратил на них внимания, но стоило приблизиться, как он услышал телепатический голос — незнакомый, холодный, словно выплывший из бездны времени.

«Вы, прибывшие сюда, к могилам предков, пришельцев с далеких звезд, выслушайте наш рассказ — и наше предостережение!»

Глава 17 ДЕНЬ БРАТСТВА

Нельсон остановился, пораженный. Удивил не факт телепатической передачи мысли — к этому он уже привык. Ошеломило другое — сила и благородство мысленного голоса.

Нсхарра разрушила колдовские чары. Подойдя к платиновым колоннам, она пояснила:

— Это голос одного из Создателей, пришедший к нам из далекого прошлого. Каждый раз, когда кто-нибудь проходит мимо колонн, Создатель начинает свой рассказ. Он всегда говорит одно и то же, но, честно говоря, даже Хранители мало что понимали из его слов.

Нельсон задумчиво посмотрел на хрустальные сферы, венчающие колонны, — похоже, именно они передавали послание таинственных обитателей пещеры. Неясно, как это могло быть сделано, но сумели же пришельцы создать короны и аппарат по обмену разумов!

Голос зазвучал вновь:

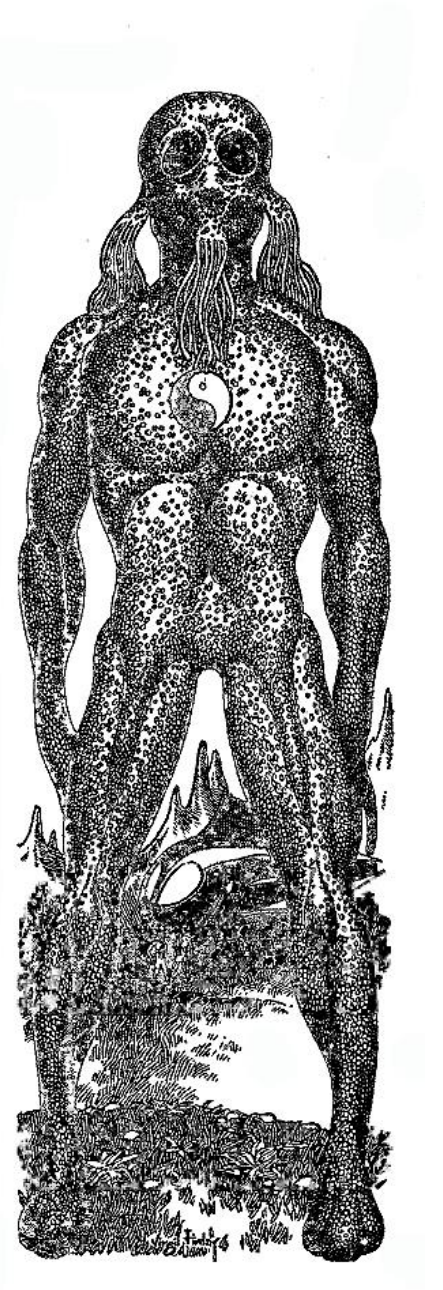
«Мы, говорящие с вами, нашими потомками, не похожи на вас телом. Мы были рождены в далекой звездной системе, на планете с богатейшей природой, воздушными городами, теплыми морями. Наша цивилизация развивалась стремительно, опираясь на завоевания науки. Гордыня заставила нас бросить все силы на покорение природы. Мы высвободили чудовищную энергию, заложенную в атоме и его ядре. И это стало началом конца нашего мира...

Через несколько столетий прекрасная планета превратилась в радиоактивную пустыню, населенную жалкими мутантами. Тогда мы построили звездный корабль. Последние представители нашей расы полетели к звездам, чтобы найти новый мир и начать там все заново. Экспедиция исследовала одну звездную систему за другой, но все планеты были непригодны для жизни. Наконец нас настигла катастрофа, были повреждены двигатели корабля. Мы были вынуждены совершить посадку на ближайшей планете системы желтой звезды. Космолет упал в долине среди молодых гор, глубоко врезавшись в каменистый склон. Нам не удалось восстановить корабль. Оставалось поселиться здесь навсегда. Но местная атмосфера оказалась ядовитой для нас, так что стало ясно: наша раса обречена.

Мы не боимся смерти, но нельзя дать погибнуть богатейшим знаниям нашей цивилизации. Странствия по галактике показали: разум — величайшая редкость, и мы решили привить его местным высшим животным. В долине, куда упал корабль, мы выбрали пять видов: обезьяну, тигра, лошадь, волка и орла. Они должны были передать эстафету разума вам, будущим хозяевам планеты.

С помощью сложных операций мы полностью перестроили структуру мозга животных и так изменили хромосомы, что новый генотип был заложен в наследственность. После этого мы трансплантировали разум оставшихся в живых членов экспедиции в мозг животных.

Так началась новая жизнь на этой планете. Мы покинули разбитый корабль и начали осваивать долину. Удалось построить два города, пригодных для обитания пяти кланов разумных существ, ставших вашими предками. Мы понимали, пройдут тысячелетия, прежде чем они смогут освоить планету, дать жизнь миллионам РАЗУМНЫХ потомков. Быть может, не все выживут вне долины, но кто-то наверняка станет хозяином планеты. Кто? Надеемся, природа сделает верный выбор. Другое беспокоит нас — за века знания могут быть растеряны, а разумные существа превратятся в дикарей...



Но мы верим — пройдет время, и наши бесконечно далекие потомки САМИ поднимутся до высот развития, построят свою цивилизацию, быть может, отличную от нашей. Верим, настанет день, когда самые отважные и любознательные войдут в эту пещеру и увидят останки нашего корабля. Увидят — и захотят постичь тайну своих далеких предков, понять устройство космолета, работу его приборов и механизмов.

Когда это время придет — будьте осторожны! Не спешите использовать силу атома. Этот могучий, практически неисчерпаемый источник энергии, необходимый всякой развитой цивилизации, может погубить ваш мир, как это некогда произошло с нашей планетой. Вспоминайте же своих звездных предков и нашу трагическую судьбу. Не повторяйте роковых ошибок!»

Голос замолк, но Нельсон еще некоторое время стоял, словно загипнотизированный.

— Великий Бог! — хрипло сказал он. — Это самая невероятная история, которую я когда-либо слышал. Выходит, легенда о пещере Создателя вовсе не выдумка Хранителей, как утверждает Шен Кар.

Нсхарра кивнула:

— Теперь ты веришь, что кланы людей и животных с самого начала были равны?

— Да, в этом нет сомнений. Выходит, мы, люди, отличаемся лишь тем, что некогда смогли покинуть долину и завоевать внешний мир! Вот в чем разгадка тайны, над которой ломали головы поколения антропологов — почему гомо сапиенс появился именно здесь, в Центральной Азии... — Нельсон еще раз окинул взглядом обломки космического корабля. — Подумать только, какие бесценные сокровища тысячелетия скрывала пещера! Конечно, это не платина, за которой охотится Ник Слоан. Это — знания. Человечество сможет теперь сделать огромный шаг вперед. Хотя... — он нахмурился, вспомнив о взрыве первых атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки. Увы, предостережение звездных

пришельцев опоздало — люди сами нашли путь к атомной энергии.

— Теперь ясно, Эрик, почему отец никого не пускал в пещеру? — спросила Нсхарра. — Создатели наложили запрет, хотя мне непонятны рассуждения о могучей силе, способной уничтожить целый мир. Может быть, ты догадываешься, что имелось в виду?

Тарк встрепенулся и резко повернул голову.

«Они здесь», — беззвучно сказал он и тихо зарычал.

Нельсон выхватил пистолет и стал настороженно вглядываться в темноту. Жерла двигателей заслоняли обзор, но он доверял безошибочному чутью волка.

«Сколько их, Тарк?» — мысленно спросил Нельсон.

«Четверо. Двое чужеземцев, Шен Кар и Холк».

«Другие члены клана Людей боятся войти в пещеру!» — торжествующе сказала Нсхарра.

«Что ж, это дает нам шансы на победу, — сказал Нельсон. — Нсхарра, оставайся здесь, а я пойду встречать. Жаль, что Слоан узнал от Барина безопасный путь через сопло...»

Нельсон побежал к двигателям, Тарк последовал за ним.

«Будем драться вместе, Эрик! — сказал волк, впервые назвав американца по имени. — Я жажду мести!»

Они пробрались к уже знакомому разлому двигательного отсека и вновь пошли среди ветхих лопаток турбины. Нельсон не рискнул зажечь фонарь, но волк легко ориентировался в темноте. Каждую секунду Нельсон ожидал нападения и был готов начать ответную стрельбу. У него оставалось в пистолете лишь пол-обоймы. Приходилось надеяться, что он первым доберется до поворота трубы и сумеет неожиданно для противника встретить его точными выстрелами.

Пройдя турбину, он услышал шорох шагов. Тарк блеснул глазами, готовясь к бою. Шаги приближались. Выдержав небольшую паузу, Нельсон разрядил пистолет в темноту. Труба грохнула эхом, и на несколько секунд все оглохли.

— Пит, держись! — послышался вдали встревоженный крик Слоана.

Нельсон чертыхнулся. Он не учел, что стенки сопла усиливают звуки. Враги оказались дальше, чем он предполагал, и еще не достигли поворота. Внезапно что-то металлическое ударилось о пол в нескольких десятках футов от места, где стояли Нельсон и Тарк.

«Граната! — мысленно заорал Нельсон, бросаясь бежать. — Тарк, спасайся!»

Едва они успели укрыться за лопастями турбины, как позади раздался оглушительный взрыв. Осколки просвистели над головами, с визгом рикошетируя о металл. Не успело утихнуть эхо, как из темноты загрохотал пулемет.

«Я не хочу отступать!» — яростно взвыл Тарк.

«У нас нет шансов! — крикнул Нельсон. — Мы бессильны против свинцового смерча. Постараемся лучше обойти их, пользуясь темнотой».

Положение действительно было серьезным. Внезапная атака не принесла успеха, и Слоан будет теперь методично теснить человека и волка в глубь пещеры, где в упор расстреляет их из пулемета. А у Нельсона не осталось ни одного патрона...

Как и предполагалось, Слоан полностью перехватил инициативу. Град пуль несся из темноты, и пришлось отступать ползком. Вскоре Нельсон и Тарк достигли края разлома двигательного отсека и спрыгнули на землю. Вслед резанула длинная очередь, и только чудо спасло их от гибели.

Пробегая мимо платиновых колонн, Нельсон и волк наткнулись на Нсхарру, стоявшую в полутьме около носовой части звездолета. Она с тревогой взглянула на Нельсона. Тот опустил глаза:

— Я промахнулся. Враги скоро будут здесь. Ты не должна была идти в пещеру, Нсхарра, я предупреждал.

Лицо девушки было белым как мел, ко голос прозвучал твердо:

— Если враги завладеют пещерой, Братству придет конец. Я не хотела бы пережить своих братьев и умру первой.

В это время Слоан и его спутники достигли края двигательного отсека. Однако они опасались выходить наружу и оставались внутри трубы.

— Эй, Эрик! — послышался голос Слоана. — Может быть, хватит дурить — пора потолковать о деле?

— Говори, Ник, только не очень высовывайся, — усмехнувшись, ответил Нельсон, выразительно поднимая разряженный пистолет. — Знаешь, я могу ведь случайно и выстрелить.

Ему ответил бас Ван Восса — датчанин был явно обеспокоен и не желал рисковать.

— Эрик, вижу, ты вновь стал человеком — мои тебе поздравления! Одно только плохо — ты и твои новые дружки крепко завязли в этой ловушке. Не хотелось бы за здорово живешь убивать старого товарища... Ладно, черт с тобой, дадим тебе уйти. Бросай пистолет на землю и иди сюда, только не вздумай шутить.

— Хм... не ожидал от тебя такого великодушия, Пит. Девушке и волку тоже можно уйти?

— Конечно, на что они нам сдались? Поднимай—ка руки повыше, дружище, и выходи на свет, а то я тебя что-то не вижу.

Нельсон лихорадочно размышлял. Он не верил ни на грош обещаниям Ван Восса. Было ясно, что Слоан застрелит его, как только сможет разглядеть. Но был один шанс, крошечный, почти фантастический...

— Спасибо, — сказал он наконец, — всегда знал, что вы отличные ребята. Только не верю я вам, вот в чем штука. А вот Шену Кару я, пожалуй, отдам оружие, если он гарантирует нашу безопасность.

После небольшой паузы раздался голос вождя клана Людей:

— Обещаю вам это, Нельсон.

— Конечно же, о чем разговор, дружище! — радостно воскликнул Ник Слоан. — Верно, Пит?

— Тогда пусть Шен Кар идет сюда. Я сдамся ему, и только ему.

— Хорошо, я иду, Эрик Нельсон.

Шен Кар спрыгнул на землю и не спеша пошел в глубь пещеры, держа меч в руке. Он держался весьма настороженно и был готов при малейшей опасности скрыться в тени. Заметив за колоннами Нельсона и Нсхарру, он направился к ним. Эрик дружески улыбнулся и протянул пистолет, держа его за дуло. Шен Кар напрягся, явно ожидая подвоха. Помедлив, он шагнул к Нельсону, оказавшись между хрустальных сфер, и услышал голос Создателя.

Лицо туземца исказилось.

— Что это? — прошептал он, забыв обо всем.

Шен Кар замер, вслушиваясь в послание звездных пришельцев, рассказывающих историю появления разумной жизни на Земле. На это и рассчитывал Нельсон. Шен Кар отнюдь не был алчным убийцей, как Слоан и Ван Восс. Он был в плену собственных заблуждений, и рассказ Создателя мог переубедить его.

Через несколько минут, когда голос замер, вождь клана Людей шагнул к Нельсону, глядя мутными, невидящими глазами.

— Слово древних! — прошептал он. — Значит, то, о чем рассказывали Хранители, — правда...

— Да, — подтвердила Нсхарра. — Вы не верили моему отцу, потому что не хотели верить. Крин не мог привести вас сюда — древние запретили появляться в священной пещере невежественным и излишне властолюбивым людям. Страшно подумать, что бы вы сделали с Братством, узнав тайну Создателей!

— Да, я верил в превосходство людей над остальными живыми существами, — пробормотал Шен Кар, потупясь. — И сумел убедить в этом многих моих собратьев. Выходит, это я, а не звери Братства, принес несчастье в долину Л'лан...

Нельсон с жалостью смотрел на него. Легко ли было осознать, что добро, которого Шен Кар хотел людям,

обернулось огнем и кровью. И он, Эрик Нельсон, тоже причастен к этому...

— О чем это вы так мило беседуете? — раздался из-за спины Шена Кара голос Слоана. — Эй, Эрик, может, отдашь свой пистолет мне? Наш любезный вождь что-то растерялся...

Оказалось, Слоан, Ван Восс и Холк спустились на землю и стояли в нескольких метрах за платиновыми колоннами. Ван Восс уже установил пулемет и направил его прямо на Нельсона.

Шен Кар вздрогнул и, оглянувшись, воскликнул дрожащим голосом:

— Друзья, мы сделали большую ошибку! Миф о Братстве оказался правдой... Мы совершаем самое настоящее преступление. Братоубийство надо немедленно остановить!

— Больше всего не люблю иметь дело с фанатиками, — со скучающим видом произнес Ник Слоан. — Никогда на них нельзя положиться...

Он поднял карабин и выстрелил. Шен Кар упал, даже не вскрикнув.

Прицелившись в грудь Нельсону, Слоан шагнул вперед.

— Извини, Эрик, с тобой придется поступить так же. В последнее время ты натворил много глупостей. Я надеялся...

Внезапно он замолчал. В глазах его отразилось удивление — Слоан услышал голос пришельцев со звезд. Немедля, Нельсон прыгнул на него. Они покатились по земле, и тут же над их головами просвистела пулеметная очередь. Ван Восс выругался, проклиная себя за промах. Он с тревогой наблюдал за схваткой, не решаясь стрелять, чтобы не попасть в Слоана. Затем, выхватив из-за пояса пистолет, бросился на помощь товарищу.

«Настал час отплатить за Барина!» — услышал Нельсон Тарка. Серой молнией волк выпрыгнул из тени и вцепился в горло датчанину. Тот захрипел, зашатался и, выпустив из руки пистолет, рухнул на камни.

Тем временем Слоану удалось ударить противника коленом в пах, а затем выстрелить из карабина. Пламя обожгло плечо Нельсона, и он со стоном выпустил Ника.

Слоан вскочил на ноги и, тяжело дыша, поднял карабин. Он оказался на самом краю расщелины, но в пылу схватки даже не заметил этого.

— На этот раз я не промахнусь, Эрик, — хрипло сказал он. — Ну что ж, прощай, дружище...

Внезапно в воздухе сверкнул какой-то металлический предмет. Это был меч. Лезвие плашмя ударило в грудь Слоану, не причинив вреда, но заставило его пошатнуться. Пытаясь сохранить равновесие, Слоан сделал шаг назад и с пронзительным криком сорвался в голубое озеро. Холодное пламя поглотило его.

Нельсон с трудом поднялся на ноги. Из плеча хлестала кровь, но он не обратил на это внимания. У подножия колонны лежал Ван Восс, остекленевшие глаза смотрели в потолок пещеры. Над телом возвышался Тарк, с его клыков капала кровь.

— Холк, выслушай меня, — услышал Нельсон слабый голос Шена Кара. Держась руками за окровавленную грудь, вождь сумел сесть, опершись спиной о колонну. Это он, собрав остатки сил, сумел метнуть меч в Ника Слоана. Лицо вождя клана Людей превратилось в серую маску, глаза потухли, но он был еще жив.

Холк, растерянно наблюдавший со стороны за разыгравшейся схваткой, вышел из тени и подошел к своему другу, не зная, что предпринять.

— Холк, встань между колонн и послушай послание древних, — еле слышно прошептал Шен Кар. — Расскажи обо всем нашим людям, и передай мои последние слова. Войне надо положить конец... Я совершил непростительную ошибку, разрушив Братство... Меня обуяла гордыня... Я... раскаиваюсь...

Захрипев, он замолчал — уже навсегда. Холк, склонившись, закрыл ему глаза и застыл над телом вождя, не скрывая горя. Затем шагнул к колоннам.

«Вы, прибывшие сюда, к могилам предков, пришельцев с далеких звезд, выслушайте наш рассказ — и наше предостережение!»

* * *

Уже светало, когда Нельсон и Нсхарра покинули пещеру. Первые лучи солнца осветили долину, черную от пепла. Облака дыма по-прежнему окутывали купола Вроона.

— Ужасно, — прошептала Хранительница, со слезами глядя на мрачный пейзаж. — Но не все потеряно! Леса на востоке не тронуты огнем. Мы будем жить там, пока дожди не смоют пепел с улиц Вроона. Деревья вырастут вновь, и Л'лан станет по-прежнему прекрасной. Только когда это настанет?

Переговорив с Холком, Нсхарра приказала людям клана Шена Кара возвращаться в Аншан. Мрачные воины были подавлены не только гибелью вождя, но и сознанием своей вины. Холк рассказал о послании Создателей, и стало очевидно, что они служили неправедному делу. Кровь погибших братьев и пепел сгоревшей Л'лан тяжелым грузом легли на их совесть.

— Мы знаем, как виноваты, — сказал на прощанье Холк Хранительнице. — Увы, убитых в этой бессмысленной войне не вернешь, но мы сделаем все, чтобы хоть как-то искупить свои преступления. Аншан вновь станет столицей Братства. Мы ждем тебя, Хранительница, и всех братьев из других кланов.

— К прошлому нет возврата, — глухо ответила Нсхарра, с болью глядя на окутанную дымом долину. — Мир должен воцариться в Л'лан, и я сделаю для этого все, что в моих силах.

Когда люди Холка ушли, склоны холма рядом с пещерой заполнили кланы Братства. Они с надеждой смотрели на хрупкую девушку, на плечи которой легла теперь ответственность за судьбу долины и ее обитателей.

К Нсхарре подошли Тарк, Куорр и Хатха. Ей сел на плечо девушки.

«Теперь ты, Нсхарра, стала вождем Братства! — сказал орел. — Готовы выполнить все приказания и служить тебе так же верно, как и твоему отцу».

— Спасибо, Ей, — ответила девушка. — Принимаю вашу помощь. Предстоит пережить нелегкие времена, но самое страшное уже позади...

Она взглянула на Нельсона.

— Эрик, настала пора расстаться. Теперь ты можешь уйти из Л'лан с чистым сердцем и спокойной совестью, искупив вину перед Братством кровью. Прощай...

Нельсон заметил боль в глазах девушки. Казалось, она думала о совсем ином...

— Не хочу уходить, Нсхарра, — сказал он. — Я нашел в долине настоящих друзей и хотел бы служить Братству до конца дней.

Нсхарра вспыхнула от радости, но все же с сомнением спросила:

— Приятно слышать это, но будешь ли ты счастлив здесь? Л'лан ничем не похожа на внешний мир, долина живет своими законами. Сможешь ли ты увидеть в нас своих новых братьев и в людях, и в зверях?

Нельсон кивнул.

— Я стал другим, Нсхарра, когда прожил несколько дней в теле Аши. От Ей я узнал очень многое о Братстве и теперь искренне хотел бы стать одним из его членов. А что касается остального... Больше не хочу жить в мире, раздираемом враждой. Надеюсь, быть полезен Братству. Рано или поздно люди вновь найдут путь в долину, и ее вновь придется защищать. Но это еще не все...

Собравшись с духом, он прямо глянул в лицо девушки и произнес:

— Очень хочу остаться с тобой, Нсхарра!

Хранительница улыбнулась и просто сказала:

— И я хочу, чтобы ты остался, Эрик.

Повернувшись, она обратилась к вождям кланов:

— Братья, принимаете Эрика Нельсона в Братство?

Тарк ответил первым:

«Он боролся со мной плечом к плечу и доказал свою доблесть. От имени клана Клыкастых провозглашаю его нашим братом!»

Другие вожди кланов поддержали волка. Только Куорр сердито зарычал, обнажив грозные клыки:

«Он убил Гриха и еще двоих моих собратьев, и я не смогу забыть этого. Но Тарк прав, он пролил кровь за Вроон и доказал верность Братству. Ладно, мой клан тоже принимает его!»

Нсхарра облегченно вздохнула и протянула Нельсону руку.

— Пора идти, Эрик. Нас ждет трудный день.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧУДОВИЩНОЕ БОЖЕСТВО МАМУРТА..... 8
МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ГИГАНТЫ 29
ОСТРОВ ЭВОЛЮЦИИ 65
ВТОРЖЕНИЕ ИЗ АТОМОВ 102
ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТОРА ПОЛЛАРДА 141
ПОКОРЕНИЕ ДВУХ МИРОВ 164
ОСТРОВ БЕЗРАССУДСТВА 202
СТРАНСТВУЮЩИЕ МИРЫ 226
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ..... 258
ПРОКЛЯТАЯ ГАЛАКТИКА.....275
ДИТЯ ВЕТРОВ..... 298
НА ЗАКАТЕ МИРА 321
ДЕВОЛЮЦИЯ 334
МИРЫ ФЕССЕНДЕНА..... 354
СЕМЕНА ИЗ КОСМОСА 373
ИМЕЮЩИЙ КРЫЛЬЯ 379
ОСТРОВ СПЯЩЕГО.....408
НОЧЬ КОНЦА СВЕТА..... 428
ИЗГНАННИК..... 438
ГОСТИНИЦА ВНЕ НАШЕГО МИРА..... 445
МЕРТВАЯ ПЛАНЕТА..... 464
СУДНЫЙ ДЕНЬ..... 478
ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ..... 497
КАК ТАМ, В НЕБЕСАХ? 529

ДЕТИ СОЛНЦА.....559
РЕКВИЕМ.....598
ПОСЛЕ СУДНОГО ДНЯ 620
ПРОФЕССИОНАЛ 637
УБИЙСТВО НА АСТЕРОИДЕ.....653
ГОРОД НА КРАЮ СВЕТА.....658
ДОЛИНА СОЗДАНИЯ.....877